Н. А. Соболева

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ЯЗЫКОМ ЗНАКОВ И СИМВОЛОВ

ЭМБЛЕМАТИКИ, ГЕРАЛЬДИКИ СФРАГИСТИКИ, ВЕКСИЛЛОЛОГИИ

STUDIA HISTORICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Н. А. Соболева

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ЯЗЫКОМ ЗНАКОВ И СИМВОЛОВ

ЭМБЛЕМАТИКИ, ГЕРАЛЬДИКИ, СФРАГИСТИКИ, ВЕКСИЛЛОЛОГИИ

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва
2018

УДК 94(47)
ББК 71
С 54

Соболева Н. А.

С 54 Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 656 с., ил. — (*Вклейка после с. 272.*) (Studia historica.)

ISBN 978-5-907117-15-0

В книге проблема российской идентичности, поднимаемая в трудах ученых разных национальностей, впервые рассматривается на материале специальных исторических дисциплин: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии. Привлечение символов и знаков (гербов, монет, печатей, флагов) для подтверждения или оспаривания идентичности, выводит как отдельные комплексы знаков и символов, так и всю систему специальных исторических дисциплин из узких «самодеятельных» рамок, повышает их исторический потенциал, включая в цивилизационный контекст развития общества. В то же время автор на многочисленных примерах демонстрирует возможности названных дисциплин в раскрытии и осмыслении ранее неизвестных исторических фактов, способствующих реальному, а не мифическому подходу к освещению как русской старины, так и истории современной России, ибо идентичность — это истина.

УДК 94(47)
ББК 71

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

© Н. А. Соболева, 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕНТИЧНОСТЬ — ВЫЯВЛЕНИЕ ИСТИНЫ

Идентичность — выявление истины 9
Мифология и практика использования средневековых эмблем в современном источниковедении 17
Российская государственная символика в контексте проблем реконструкции национальной идентичности 46
Отражение имперского мышления в атрибутах власти русских государей (XI—XVI вв.) 60

ЭМБЛЕМЫ И ЗНАКИ ВЛАСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА, МОСКОВИИ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Исторические корни украинского трезубца 73
Имперская идея и российская символика власти (XI—XVI вв.) 105
Феномен двуглавого орла: реальность и семантика 200
Образ святого Георгия в атрибутике Российского государства 214
Символика российских городских гербов XVI—XVIII вв. 232

ГЕРАЛЬДИКА И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Геральдическое художество в России 275
История московского герба 331
Феномен казанского герба: история, семантика, реальность 341

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ И СФРАГИСТИКА

К вопросу об удостоверении русских актов в контексте восточноримского права 373
Развитие отечественной сфрагистики и проблемы изучения печатей XIV—XV вв. 388
О праве печати 408
«Итальянский след» в становлении атрибутов власти Московской Руси 462
К вопросу о политике русского правительства в отношении присоединенного в XVI в. Казанского края (по материалам казанской эмблематики) 474

ВЕКСИЛЛОЛОГИЯ: ИСТОКИ ОДНОГО ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ

Русские знамена и флаг корабля «Орел» 487
Российский триколор: мифы и историческая реальность 495
Историческое прошлое российского триколора: факты и мифы 508

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

К вопросу о символике России в первой четверти XX столетия: новые подходы к исследованию 527
Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза 543
Из истории советской политической символики 573
Символика России 90-х гг. XX — начала XXI в. в государственной политике и общественном дискурсе 605

Именной указатель 631

ИДЕНТИЧНОСТЬ — ВЫЯВЛЕНИЕ ИСТИНЫ

Эту книгу я посвящаю ушедшим из жизни
большим ученым Всеволоду Михайловичу Потину
и Юрию Георгиевичу Алексееву —
моим учителям и доброжелателям

ИДЕНТИЧНОСТЬ — ВЫЯВЛЕНИЕ ИСТИНЫ

В настоящее время в отечественной исторической науке происходят значительные изменения как в плане новаций, касающихся тематики исследований, так и в плане многофакторности методов осмысления явлений и процессов, многие из которых ранее не представляли общественного и научного интереса. Можно согласиться с современными оценками направленности исторического исследования, учитывающего состояние и характер развития нашего общества[1]. В историческое знание, в частности, включаются принципы и методы изучения социума, которые до недавнего времени являлись прерогативой других гуманитарных наук — философии, социологии, политологии. В связи с этим «чистые» историки используют наработки данных наук, помогающие наилучшему выявлению исторической истины, что снимает в значительной степени вопрос о «кризисе современной российской исторической науки».

Среди подобных парадигм идея идентичности — одна из ключевых проблем XXI в. «Толковый словарь русского языка» определяет идентичность как «полное совпадение или точное соответствие чему-либо, тождественность». И все же содержание самой категории идентичности остается непроясненным. В трудах политологов подчеркивается, что идентичность имеет множество проявлений, выделяется множество разных подходов к ее определению. Формирование и изменение идентичностей связано с территорией, экологией, психологией, культурой, экономикой — отсюда и обилие понятий. В выпущенном недавно основополагающем труде отечественных политологов «Идентичность как категория политической науки» зафиксировано не менее четырех десятков определений идентичностей, и эти определения связаны с территорией, экологией, психологией, культурой, экономикой и т. д. Отмечая неоднозначность идентичностей, авторы пишут: «За многомерностью ее (идентичности. — *Н. С.*) понимания часто кроются совершенно разные смыслы и значения, которыми наделяется идентичность

[1] *Сахаров А. Н.* О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 3—20; *Сенявский А. С.* Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века: некоторые теоретико-методологические аспекты // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 558—570.

в повседневности и в научном анализе. Даже само понятие "идентичность", означающее "инаковость" ("я не такой, как другие, у меня своя/моя идентичность"), "самость" ("я такой, как я есть") и тождественность (соотнесенность "с чем-то вне меня") выглядит как противоречие по существу… Идентичность отражает "текучую современность"… и в буквальном смысле… постоянно находится в процессе переопределения… Необходимо употреблять прилагательные, каждый раз уточнять, какая идентичность имеется в виду…»[2]

В цитируемом «Словаре терминов и понятий» наиболее соотносимыми с контекстом нашего исследования являются разделы «Российская идентичность», «Этническая идентичность», «Национально-цивилизационная идентичность». Среди историков в настоящее время одно из этих направлений становится особенно популярным у этнологов, которые выпустили в издательстве «Наука» большой труд «Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова»[3]. В книге представлены новые образы идентичности России, в обосновании и разъяснении которых сыграл огромную роль юбиляр — академик В. А. Тишков, более двух десятилетий возглавляющий Институт этнологии и антропологии РАН. В. А. Тишков и сам написал много работ по вопросам национальной идентичности, дав ей на страницах одного из учебных пособий емкую характеристику: «Солидарность и повседневная лояльность, т. е. чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим, составляют основу так называемой национальной идентичности»[4]. Кстати, В. А. Тишков — один из первых отечественных историков, кто, сославшись на автора данной работы, подчеркнул значимость предметов символики для формирования национально-исторической идентичности, важность осмысления российского гимна, герба и флага (история их возникновения — это предмет научного исследования в данном проекте) в обязательном триединстве, характеризующем государство в целом и его историческую идентичность. В. А. Тишков пишет: «Гимн… составляет вместе с гербом и флагом триединство символов государственной власти. И здесь есть некоторая историческая преемственность главных эпох государства, что очень важно. Гербовой эмблемой является символическое обозначение единства страны 500-летней давности, трехполосный флаг относится к петровскому времени вступления в число морских держав, музыке гимна Советского Союза около 70 лет»[5].

Этнологи поднимают и еще один важный вопрос, имеющий отношение к заявленной в проекте теме. Примером может служить монография, в которой государственность увязывается с прошлым, с исконным, с этнонациональной идеологией,

[2] Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М., 2012. С. 9—10.

[3] Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова. М.: Наука, 2011.

[4] *Тишков В. А.* Российский народ. Книга для учителя. М., 2010. С. 17.

[5] Там же. С. 93.

которая в начале XXI в. проявила себя в отличных от общегосударственных знаках и символах — гербах, знаменах, создающихся в республиках Алтай, Тыва, Хакасия[6]. Автор показывает, насколько популярным у населения этих республик становится образ родины — сакральной земли, созданный при помощи возникших гербов, знамен с национальными рисунками, истоки которых обнаруживаются в прошлой культуре народов этих республик, но которыми они гордятся в настоящее время (например, создание национальной эмблемы и изображение ее на марке, посвященной 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства)[7].

Подчеркивая значимость новых (старых) символов в современной общественной жизни республик Южной Сибири, Е. В. Самушкина пишет: «В современных условиях процесс создания государственной символики Республики Алтай, Республики Тыва и Республики Хакасия является отражением поиска культурных и политических приоритетов для формирующихся государственных образований. Геральдическое творчество переходит из плоскости символической в плоскость политическую, и символьная элита республик с успехом выполняет свою задачу по распространению и систематизации этнонациональных символов и мифов»[8].

К чести политологов нового поколения, имеющих высшее историческое образование и прошедших научную школу ИНИОН РАН, в политологической науке поднимаются вопросы, развивающие очень перспективное направление, включающее тематику малоизученных исторических источников, в частности артефактов, вещественных источников, составляющих предмет исследования специальных исторических дисциплин. Так, А. И. Миллер по этому поводу замечает, что «современный опыт использования в политике привязанных к прошлому символов пока слабо изучен»[9]. Тем не менее он, привлекая внимание читателей к проблеме, поставленной иностранными учеными (как реальное или воображаемое прошлое используется для конструирования новых политических символов и ритуалов), попробовал проанализировать такой широко распространенный теперь символ, как Георгиевская ленточка. А. И. Миллер рассматривает сам факт появления Георгиевской ленточки «как один из примеров политического символа, изобретенного в контексте политики памяти». Георгиевская ленточка стала использоваться как символ поддержки «русского мира» в соседних с Россией странах. С годами она приобрела смысл русской идентичности, отчасти потеряв «победное» содержание. А именно этот смысл вкладывался в ее историческое прошлое, если освещать ее фалеристический харак-

[6] *Самушкина Е. В.* Символические и социально-нормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия. (Конец XX — начало XXI в.). Новосибирск, 2009.

[7] Там же. С. 265.

[8] Там же. С. 143.

[9] *Миллер А. И.* Политические символы и историческая политика // Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 164.

тер[10]. Особенно обидно в связи с этим видеть, как ее срывают с груди ветеранов, героев войны. В интерпретации этого политического символа у уважаемого автора проскальзывает мысль «об ограничении победного содержания» этого прекрасного символа (по политическим мотивам — «коммунистический символ Победы»). Между тем крупнейший специалист по фалеристике А. А Кузнецов приводит факт награждения «в смутное время 1917 г.» Георгиевскими крестами за революционную деятельность. Так, Тимофей Иванович Кирпичников, старший унтер-офицер Волынского полка, за организацию восстания среди солдат… награжден Георгиевским крестом IV степени. Он стал первым героем, «поднявшим оружие против старого строя»[11].

Незнание этого факта, однако, не вызывает сомнений в исторических и политологических познаниях уважаемого А. И. Миллера. Тем более бросается в глаза некомпетентность другого политолога, рассматривающего картину мира, используя артефакты и эмблемы, которые входят в научную систему специальных исторических дисциплин и давно уже стали предметом сорокалетнего исследования как автора настоящего проекта, так и многих научных работников (отечественных и зарубежных), сотрудников музеев и архивов. Созданный Л. О. Терновой труд «Символы мировой политики»[12] вроде бы и свидетельствует о символах российской государственности, но и расширяет их до бесконечности: герб, гимн и флаг дополняет флористика, символика цвета и звука, какие-то пасьянсы (игра) и кулинария. Весь этот сумбур должен содействовать глобализации, объединению народов: «Глобализация при том, что несет кардинальные перемены во всех областях жизни, продолжает тенденцию углубления взаимодействия стран и народов»[13]. По-видимому, глобализация, как считает г-жа Терновая, вследствие выкупа за миллион долларов авторских прав на национальный гимн, утвержденный генералом Франко, наконец-то даст возможность правительству Испании определять условия и время исполнения гимна. Далее совсем познавательно: «Испанский пример особенно интересен для России, где история создания гимна СССР обросла всевозможными легендами и апокрифами». Вывод автора так же глобален, как нелеп и весь ее труд. Она пишет: «В мире не существует единых норм для отбора того или иного музыкального произведения на роль государственного гимна. Но существуют попытки создать единую мелодию, которая воспринималась бы как своеобразный гимн мира. Так, на чешскую киностудию “Баррандов-фильм” поступил заказ составить единую музыкальную композицию из гимнов 138 стран. Заказ был выполнен. Правда, он чем-то напоминал гимн США. И ничего удивительного, ведь

[10] *Кузнецов А. А.* Награды: энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., 1999. С. 23, 48—66.

[11] Там же. С. 66.

[12] *Терновая Л. О.* Символы мировой политики. М.: Изд-во РАГС, 2006.

[13] Там же. С. 188.

американцы и выступали заказчиками этого проекта»[14]. По мнению Л. О. Терновой, приверженицы глобализации, где-то среди 138 заказов на государственный гимн должна находиться и заявка от России. Между тем ей бы стоило ознакомиться с отечественными работами по истории российских государственных гимнов, а также — по истории советской политической символики (на основании архивных материалов, прежде всего — Гознака, воспроизведен процесс создания советского государственного герба). Работы опубликованы в год издания ее «труда» в главных исторических журналах страны[15]. Но они не заинтересовали доктора исторических наук профессора Академии госслужбы, кураторами которой были доктора политологических наук. Они привлекли внимание профессора одного из американских университетов, д-ра Кэтлин Парте, которая опубликовала их в английском переводе вместе с несколькими статьями российских историков[16]. Эти статьи, по ее мнению, свидетельствуют о развитии нового направления в российском историческом знании, раскрывающем российскую идентичность.

Российская идентичность интересует ученых и других стран. Не так давно издательство РОССПЭН выпустило прекрасную книгу «Национальная идентичность в русской культуре»[17]. В ее создании принимала участие «международная команда ученых», «русистов», но душой издания, редакторами являются профессора Кембриджского университета Саймон Франклин и Эмма Уиддис. Саймон Франклин хорошо известен российским историкам по книгам «Начало Руси» с Дж. Шепардом, 2000; «Письменность, общество и культура Древней Руси. 950—1300», 2010. Он прекрасно знаком с русскими источниками — письменными и вещественными. В данной книге он обратился к филателистическим (марки) и нумизматическим (бумажные дензнаки) источникам, проиллюстрировав на их основе, как можно воспринимать идентичность в Древней Руси и современности, а в целом в значительной степени раскрывая суть понятия «русскость». Каждый из авторов книги, а их девять человек, специалистов по русской литературе, музыке, языку, истории, культуре, интерпретирует понятие «идентичность» вариативно, однако разнообразие (иногда в оценках) не затмевает безмерного уважения к русской культуре, ее значимости в мировом масштабе. И вряд ли кто-то из авторов «втиснет» свои представления о «русскости», о русской идентичности в рамки «глобализма». Хотелось бы подчеркнуть научную элегантность всех без исключения авторов, к которой добавляется прекрасный перевод.

[14] *Терновая Л. О.* Указ. соч. С. 91.

[15] *Соболева Н. А.* Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза // Вопросы истории, 2006. № 2. С. 25—41; *Она же.* Из истории советской политической символики // Отечественная (Российская) история. 2006. № 2. С. 89—109.

[16] Russian Studies in History. Fall 2008. Vol. 47. №2. P. 31—91.

[17] Национальная идентичность в русской культуре. Под редакцией Саймона Франклина и Эммы Уиддис. М., 2014.

Проблема идентичности возникла в современном обществе не случайно, во всяком случае не по желаниям политологов. Акцентируя на ней общественное внимание, политологи отдают первенство проблеме глобализма (десуверенизации), которая господствует в сегодняшнем мире. «Процессы глобализации, формирование глобального информационного общества неизбежно порождают такое явление современной мировой политики и международных отношений, как утрата национальной идентичности. В структуре последней содержится набор ценностей, определяющих архетипические черты и неотъемлемые характеристики национального сообщества и выражающих культурную преемственность в его духовной истории»[18]. Так рассуждают вдумчивые политологи. Им вторят историки: «Проблема реконструкции национальной идентичности становится актуальной в современном мире в силу процессов глобализации и интеграции, ведущих, с одной стороны, к размыванию идентичности и, с другой, — к стремлению восстановить ее исторические основы», — пишет историк А. Н. Медушевский. «Ключевой элемент национальной идентичности, — продолжает он далее, — картина исторического прошлого нации, которая находится в постоянном изменении и может становиться объектом манипулирования и направленного конструирования»[19].

Приобщиться к новым возможностям, которые открывает глобализация, но одновременно сохранить свои национальные особенности развития общества — эта проблема формирования идентичности встает перед многими странами современного мира, в частности перед теми, что обрели «широкую демократию» (Massendemokratie) в 1989—1991 гг. По мнению ученых, их страны могут легитимизироваться через традицию. Зачастую исследователи обращаются к знакам власти, широкому спектру носителей и средств визуальной репрезентации государства, которые наглядно подчеркивают легитимацию государственной традиции. В различных странах решение вопроса национальной идентичности при помощи визуального контекста происходит по-разному: особенно часто используются гербы, денежные знаки, монеты, почтовые марки, т. е. предметы изучения специальных исторических дисциплин. Наглядными символами идентичности являются также флаги. К. Гибсон, в частности, пишет: «Самыми… известными символами коллективной идентичности в наше время являются, пожалуй, национальные флаги и эмблемы, которые служат выражению патриотизма и единства граждан олицетворяемых ими стран»[20].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[18] *Федякин А. В.* О понятии «образ государства» // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 5. С. 74.

[19] *Медушевский А. Н.* Рец. на кн.: *И. де Кегель*. Реконструкция досоветской истории. Споры об идентичности новой России. Гамбург, 2006. (*Isabelle de Keghel*. Die Rekonstruktion der vorsowietisehen gesehichte. Identiteitsdiskurse in neuen Russland) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 158—161.

[20] *Гибсон К.* Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре / Пер. с англ. М., 2007. С. 49.

Вопросы национальной символики дискутируются на страницах целого ряда специальных журналов, в частности немецких. Один из них целиком посвящен новой (и старой) государственной символике ряда европейских стран[21].

В указанном издании, «Восточная Европа», часть своего большого очерка посвятил России Пол Колстё (Pål Kolstø): «Российская Федерация: постмодернистский компромисс Путина»[22]. Он утверждает, что не только в новых государствах, но и в реструктурированных может возникнуть глубокий кризис в отношении политических символов. Однако Россия может служить примером выхода из тупиковой ситуации, касающейся государственной символики. Автор считает, что преодолел кризис Путин, осуществив постмодернистский компромисс, примирив политических противников. В декабре 2000 г. В. В. Путин выступил с предложением, которое объединяло инновацию и традицию. «Он соединил символы, т. е. что предпочитали ориентированные на Запад демократы, с одной стороны, монархисты, которым покровительствовали националисты-славянофилы, с другой, с некоторыми знаками из советского времени, от которых не хотели отказаться коммунисты». Пол Колстё считает, что в этом надо признать огромную заслугу В. В. Путина в плане выстраивания государственной символики, что переносится и на саму государственность.

В. В. Путин в последнее время неоднократно демонстрировал особую заинтересованность в государственной символике. Так, 21 июня 2017 г. на встрече с учителями в Кремле он поднимал вопрос об идентичности, важности ее в жизни общества, необходимости обращать самое серьезное внимание на эту социальную категорию. Показательным является также его высокая оценка только что появившегося правительственного труда «Государственная символика современной России» (М.: Совет Федерации, 2017). Это издание Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, курируемое Председателем Совета Федерации В. И. Матвиенко, вышедшее под ее редакцией. В предисловии она пишет: «В книге представлены федеральные и региональные символы России — самой большой федерации современного мира. Они несут в себе и легенды уходящей в глубину тысячелетий седой древности, и свидетельства о непростых, но славных страницах истории, и современные демократические реалии» (с. 7).

Президент Российской Федерации В. В. Путин также написал приветствие создателям и читателям названной книги: «Вы держите в руках книгу, посвященную чрезвычайно значимой теме — истории государственной и региональной символики страны. Считаю этот издательский творческий проект, реализуемый Советом Федерации, важной и своевременной инициативой, значимым вкладом в дело общественного просвещения, патриотического воспитания молодежи» (с. 6).

Автор данного проекта гордится тем, что входил в состав авторского коллектива этого уникального труда.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[21] Osteuropa, 53. Jg-7/2003.

[22] Idem. S. 1009—1014.

Исследователи исторической идентичности, а также политологи, использующие в современной политической практике знаки и символы прежних эпох, должны досконально знать историю их появления и функционирования, опираясь на их научный потенциал. Только в этом случае историческая традиция достигнет своей агитационной значимости и патриотических ассоциаций.

Вместе с тем включение артефактов, символов, визуальных и вербальных знаков в политическую жизнь социума предъявляет к последним определенные требования. Большинство из них составляет предмет изучения специальных исторических дисциплин, не все имеют богатую историографическую традицию и «выходят за рамки» собственного предмета изучения (описаний, составления каталогов, формальных определений), т. е. действий, которые обычно производятся с предметами этих дисциплин в музейных и архивных собраниях. Привлечение символов и знаков (гербов, монет, флагов, марок и т. д.) для подтверждения или оспаривания идентичности выводит их из узких «самодеятельных» рамок, повышает их исторический потенциал, включая в цивилизационный контекст развития общества.

Упомянутые в названии данной книги специальные исторические дисциплины имеют каждая собственную методику исследования, историографию, разные области применения и т. д. Однако они «служат» одному делу — более глубокому познанию истории и культуры России, воссозданию духовных скреп российского общества.

МИФОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЭМБЛЕМ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

В настоящее время в отечественной исторической науке происходят значительные изменения как в плане новаций, касающихся тематики исследований, так и в плане многофакторности методов осмысления явлений и процессов, многие из которых ранее не представляли общественного и научного интереса. Можно согласиться с современными оценками направленности исторического исследования, учитывающего состояние и характер развития нашего общества[1]. В историческое знание, в частности, включаются принципы и методы изучения социума, которые до недавнего времени являлись прерогативой других гуманитарных наук — философии, политологии, социологии. В связи с этим «чистые» историки используют наработки данных наук, помогающих наилучшему выявлению исторической истины, что снимает в значительной степени вопрос о «кризисе современной российской исторической науки». Среди подобных парадигм идея национальной идентичности — одна из ключевых проблем XXI в. «Проблема реконструкции национальной идентичности становится актуальной в современном мире в силу процессов глобализации (десуверенизации. — *Н. С.*) и интеграции, ведущих, с одной стороны, к размыванию идентичности и, с другой, — к стремлению восстановить ее исторические основы», — пишет А. Н. Медушевский. «Ключевой элемент национальной идентичности, — продолжает он далее, — картина исторического прошлого нации, которая находится в постоянном изменении и может становиться объектом манипулирования и направленного конструирования»[2]. В сноске 2 даются

[1] Размышления о новых подходах к историческому исследованию см.: *Сахаров А. Н.* О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 3—20; *Сенявский А. С.* Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века: некоторые теоретико-методологические аспекты // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 558—570.

[2] *Медушевский А. Н.* Рец. на кн.: *И. де Кегель*. Реконструкция досоветской истории. Споры об идентичности в новой России. Гамбург, 2006. (*Isabelle de Keghel*. Die Rekonstruktion der vorsowietisehen gesehichte. Identiteitsdiskurse in neuen Russland) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 158—161. См. также: Феномен идентичности в современном гуманитарном знании (статьи по данной проблеме). М.: Наука. 2011; *Малинова О. Ю.* Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М., 2013. Гл. 4: Идентичность как категория по-

различные определения идентичности, раскрывается смысл этого современного социального явления представителями политологии, философии, культурологии, этнологии и т. д. Понятие это, как видим, довольно неопределенное, расплывчатое, однако явно, что это понятие возникает в кризисном состоянии общества, потерявшего привычную стабильность, ведущую прежде всего к размыванию исторических и культурных ценностей. «Социокультурный кризис ломает не только господствующую в обществе структуру рациональных (или представляющихся таковыми) ценностей и норм, но и сложившуюся в нем систему традиционных символов и стереотипов. Одновременно в массовом и индивидуальном сознании активизируются архаические элементы, складывающиеся впоследствии в новые исторические и политические мифы»[3].

Приобщиться к новым возможностям, которые открывает глобализация, но одновременно сохранить свои национальные особенности развития общества — эта проблема формирования идентичности встает перед многими странами современного мира, в частности перед теми, что обрели «широкую демократию» (Massendemokratie) в 1989—1991 гг. По мнению ученых этих стран, последние могут легитимизироваться через традицию. Зачастую исследователи обращаются к знакам власти, широкому спектру носителей и средств визуальной репрезентации государства, которые особенно наглядно подчеркивают легитимацию государственной традиции. В различных странах решение вопроса национальной идентичности при помощи визуального контекста происходит по-разному. Например, для изображения Польши «самой себя» используются банкноты, монеты, почтовые марки, памятники и репрезентативные здания. Интересно, что на польских банкнотах вместо «выдающихся поляков» — музыкантов, писателей, актеров — появляются князья, короли, правившие монархи. Таким образом, в сознании граждан закрепляется государственная традиция, прежде всего — преемственность государственности[4].

литической практики и научного анализа: «Понятие идентичность (от лат. identitas ‘тождественность’) имеет множество разных определений, что определяется его междисциплинарностью и наличием принципиально разных концептуальных подходов». С. 85; *Федякин А. В.* О понятии «Образ государства»: «Процессы глобализации, формирование глобального информационного общества неизбежно порождают такое явление современной мировой политики и международных отношений, как утрата национальной идентичности. В структуре последней содержится набор ценностей, определяющих архетипические черты и неотъемлемые характеристики национального сообщества и выражающих культурную преемственность в его духовной истории» // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 5. С. 74; Национальная идентичность в русской культуре / Под ред. Саймона Франклина и Эммы Уиддис; пер. с англ. М., 2014: «На самом деле идентичность — это нечто такое, что не поддается объективному описанию. Это не предмет и не объект, а сфера культурной коммуникации, культурного дискурса. Идентичностью или идентичностями являются многообразные выражения или конструкции культуры». С. 8.

[3] *Евгеньева Т. В.* Архаическая мифология в современной политической культуре // Полития. 1999. № 1. С. 33.

[4] Osteuropa. Jg. 2003/7. S. 910—920.

Специалисты по национальной символике в контексте изучения ее роли в сегодняшнем мире считают, что в «устоявшихся нациях», в которых имеется «доверие к своему собственному дальнейшему существованию», национальные символы выполняют функцию промоутера (в США — флаг, во Франции — гимн «Марсельеза»). А вот в новых, не укрепившихся государствах национальные символы зачастую не выполняют эту функцию.

В качестве примера называется Македония как молодая нация со слабой и плохо развитой национальной идентичностью. Когда в 1991 г. это государство стало независимым, то большинство говорящих на славянском языке жителей считали себя этническими македонцами. Однако Болгария настаивала на том, что славяноговорящие македонцы — болгары. Македонцы призвали на помощь геральдику, но при помощи герба не могли доказать собственную македонскую идентичность, ибо в XVI в. и Македония, и Болгария в западноевропейских гербовниках идентифицировались при помощи льва в короне. Македонцам пришлось вернуться к социалистическому гербу 1946 г. Речь тогда пошла о флаге, который был введен в 1992 г. В результате археологических раскопок, проведенных в Северной Греции (около Верджины), была обнаружена 16-лучевая звезда, по мнению археологов принадлежавшая Филиппу II Македонскому. Находка отсылала македонскую историю ко времени, когда еще не были разъединены албанцы и славяне, а знамя Македонии с этой звездой создало бы 2000-летнюю государственную традицию для Македонии. Албанцы (иллирийцы) также приветствовали этот символ в качестве традиционного знака. Однако и Греция претендовала на античную Македонию как принадлежавшую ей когда-то территорию. Возник конфликт между двумя государствами. Тогда Греция наложила эмбарго на македонские товары, идущие через Салоники. В результате молодое Македонское государство должно было уступить: в Македонии звезду сделали стилизованной 8-лучевой, отказавшись от древнего символа, и в 1995 г. утвердили новый флаг Македонии с этим символом [5].

Это лишь два примера включения визуальных знаков государственности в контекст исследования проблемы национальной идентичности.

В решении проблемы национальной идентичности особое место отводится мифологии.

Обычно, когда речь идет о мифе, на первый план выступает архаика, т. е. миф — это прежде всего античные, библейские и другие старинные «сказки» о сотворении мира, вселенной (космогонические мифы) и человека (антропогонические мифы). «В мифологии идентичности самое далекое прошлое может восприниматься так же "актуальным", как сегодняшняя утренняя газета», — пишет Саймон Франклин[6]. Изучению древних мифов посвящена огромная литература. Однако, несмотря на длительность изучения проблемы мифа, нет единого взгляда ученых на сущность и природу мифа, нет его единой дефиниции у философов, этногра-

[5] Osteuropa. Jg. 2003/7. S. 995—1014.

[6] Национальная идентичность в русской культуре. С. 24.

фов, литературоведов, историков культуры, хотя сходятся они в одном — миф это форма общественного сознания, отражающая мироощущения и миропонимание эпохи его создания, по большей части — фантастические представления[7].

Специалисты подчеркивают, что архаические мифы явились побудительным моментом появления в Новое время так называемого политического мифа. «Интерес к проблеме возникновения и формирования политической мифологии обусловлен как неопределенностью современных представлений российского общества о своей истории, традиции, культуре, так и противоречивостью общественно-политического устройства России последнего десятилетия XX века», — пишет один из современных российских политологов[8]. Множество политологических, культурологических, философских книг и статей отечественных и зарубежных авторов посвящено в настоящее время причинам появления и роли в современном рациональном обществе мифологического мышления и его действенному влиянию на социум. Например, крупнейший исследователь проблемы политического мифа Э. Кассирер в книге «Миф государства» писал: «Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими "мастерами"».

Нашему XX веку — великой эпохе технической цивилизации — суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же, в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты. Это новый момент, имеющий принципиальное значение»[9].

В современных мифах, как правило, составляющей является история. Кассирер, например, подчеркивает, что немецкий нацизм в своих интересах стремился возродить и поставить себе на службу древнегерманскую языческую мифологию, правда и сам создал своеобразные мифы, в частности расовый миф о чистоте и превосходстве немецкой расы. Немецкие идеологи использовали и систему символов, которые закрепляли это превосходство, в частности руны, приспособив их для графического выражения своих идей, символизировавших возрождение немецкой нации. Миф

---

[7] Словарь историка / Отв. ред. Н. Оффенштадт; пер. с франц. М., 2011. С. 102—103.

[8] *Фирсов Н. Н.* Миф в российском политическом дискурсе 90-х гг. XX в. М., 2005. С. 7.

[9] *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов (отдельная глава книги Э. Кассирера «Миф государства») // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 61. В отечественной политологической историографии фактически в последние годы XX в. наблюдается зарождение комплексного исследовательского направления, посвященного политической мифологии (*Кольев А.* Политическая мифология: Развитие социального опыта. М., 2003. С. 43. Он ссылается прежде всего на фундаментальный труд В. С. Полосина «Миф. Религия. Государство». М., 1999, где автор дает определение политического мифа: «Политическим мифом мы называем миф, хранящий в коллективной памяти народа и опыт, связанный с действием институтов его самоорганизации и управления и направленный на укрепление суверенитета нации». С. 169. Иными словами, он формирует идентичность нации (государства).

о превосходстве немецкой нации, таким образом, превратил прекрасный солярный древний знак — модифицированную руну — в ненавистную всему человечеству эмблему смерти[10]. Мифы с их символами стали идеологией в XX столетии.

Не все ученые согласны с определением временного возникновения политического мифа. В отечественной литературе существует точка зрения, согласно которой политическая мифология (или мифологемы) является постоянно действующим фактором политического развития. Таким образом, ее (мифологию) можно обнаружить во все периоды развития российского общества и государства, причем выявляется проблема взаимовлияния общества и власти.

Политолог Н. И. Шестов выделяет (прежде всего по летописям) на раннем этапе русской государственности мифологему «Русская земля», связанную в первую очередь с территорией Киевщины, т. е. с географическим понятием[11]. В дальнейшем, сохраняя преимущественную географическую привязку к Киевской округе, мифологема «Русская земля», по мнению автора, выполняла геополитическую функцию идентификации нового государственного образования в цивилизованном пространстве так называемой периферии античного мира. Выразителем нового политического смысла, вкладываемого в понятие «Русская земля», стало уникальное произведение XI в. «Слово о законе и благодати» первого митрополита из русских, как считается, духовника Ярослава Мудрого, Илариона. Он обозначил Русь, «Русскую землю», как «знаемую и слышимую в других странах», как единое государство, осененное «благодатью». Таким образом, стереотип «Русская земля» «отрывался» от первоначального, локально-территориального основания и происходило его сближение с другим стереотипом — «христианское дело». Точно определить, когда произошла трансформация географического понятия в политическую мифологию «Русская земля», воссоединившей представления власти и общества, трудно. Можно отметить, что со времени княжения в Киеве Владимира Всеволодовича Мономаха (XII в.), много внимания уделявшего летописной легитимации своих властных претензий, стремившегося предотвратить княжеские усобицы, мифологема особенно часто начинает фигурировать как в киевском летописании, так и в других летописных сводах. В семантическом варианте «русский, христианский» мифологема «Русская земля» перешла в Московскую Русь («Святая Русь»).

Сознание современников подготавливалось к идее объединения государственной территории, осуществленной в конце концов князьями Северо-Восточной Руси, а затем и российскими императорами. Одновременно с понятием «Русская земля» в данную мифологему вкладывался и патриотический смысл: защиты Родины, отторжения врагов, покушавшихся на русские земли (политическая наука квалифицирует эту категорию ценностей как «патриотический

[10] *Медоуз К.* Магия рун / Пер. с англ. М., 1997. С. 43.

[11] *Шестов Н. И.* Политический миф теперь и прежде. Гл. 4: Генезис мифологии государственности. М., 2005. С. 178—275.

компонент» политической культуры). В конце концов политико-географические привязки мифологемы полностью уступают место пониманию «Русской земли» как олицетворению национального достоинства. Не случайно в период Великой Отечественной войны столь часто использовалось понятие «Русская земля» в правительственных призывах защитить СССР на фоне антиславянской риторики немецких фашистов.

Аналогичной точки зрения на возникновение отечественных мифологем придерживается профессор славяноведения Кембриджского университета, специалист по истории и культуре Древней Руси Саймон Франклин. В прекрасной коллективной монографии «Национальная идентичность в русской культуре» в написанных им главах профессор Франклин показывает, как создавалась идентичность русских. Самые первые «симптомы» — это нарративы древнерусского самоопределения последовали за принятием Русью христианства в 988 г. Таковым, по мнению Франклина, является «Слово о законе и благодати» первого митрополита «из русских», духовника Ярослава Мудрого, Илариона. В этом произведении, считает английский исследователь, «русские раскопали, что они — особые, ибо, если для византийцев "история вела к триумфу Византии", для Илариона же русы занимали собственное место "въ всехъ языцехъ", отмеченных Благодатью, а не служили придатком империи "ромеев", как называли себя византийцы»[12].

В Библии и Иларион, и другие древнерусские книжники нашли подтверждения своему равному византийцам достоинству, с помощью которых демонстрировали свою этническую древность. «Эти конструкции, придуманные первыми древнерусскими сочинителями мифов о себе, иллюстрируют процесс создания на пустом месте связной нарративной идентичности, когда в результате целенаправленного перемешивания существующих идей получается особый синтез», — подчеркивает С. Франклин[13].

Далее упомянутый автор полагает, что изменения в этом нарративе об «исторической» идентичности от середины XI в. «переносятся» к концу XV — началу XVI в. из Киева в Москву: согласно созданной в это время концепции власти, Рюриковичи ведут свое происхождение от родственника римского императора Августа, что нашло отражение в новом нарративе — «Сказание о князьях владимирских»[14].

В очень интересной, неординарной работе доцента кафедры отечественной истории XIX — начала XX в. исторического факультета МГУ А. А. Левандовского находит поддержку эта точка зрения английского ученого, однако мифологема, возникшая в самом начала XVI в., интерпретируется автором прежде всего как властная, утверждавшая «вековечность московской династии, возводившая ее происхождение в незапамятные для русского человека времена — в Древний

[12] *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси 750—1200. СПб., 2009. С. 339.

[13] Национальная идентичность в русской культуре. С. 28.

[14] Там же. С. 28—29.

Рим, к императору Августу»[15]. По мнению Левандовского, существовали и другие составные мифа о власти: «самодержавие декларировало себя как источник высшей справедливости, царская власть представлялась чуть ли не извечной, уходящей корнями в незапамятные времена, она была освящена Божьей волей, в соответствии с которой царь вел своих подданных по особому, Богом избранному, единственно верному пути». Свою основную задачу — легитимацию верховной власти (и российской государственности!) — миф «отрабатывал», по мнению А. А. Левандовского, «как нельзя лучше» на протяжении нескольких столетий, и одной из самых ярких и законченных форм господствующей мифологемы стала теория «официальной народности», выраженная в постулате XIX в.: «самодержавие, православие, народность»[16].

Почти все авторы, рассуждающие о мифологемах и их роли в формировании исторической идентичности, пишут о визуальных образах и знаках, которые сопутствуют вербально оформленным «идеям», концепциям, доктринам, — это невербальные способы означивания — артефакты, графические изображения, флаги, картины, почтовые марки и т. д.[17] В формировании современных идеологических конструкций политологи используют прием обращения к реальному или воображаемому прошлому, которое, как они надеются, поможет им создать современную систему символов и ритуалов, которая в свою очередь будет способствовать консолидации общества, поможет сформировать теорию идентичности государства и в конечном итоге укрепит в обществе патриотические воззрения, историческую память и т. д. С этой целью политологи стараются использовать различные символические источники, многие из которых создатели новой идеологии с удовольствием бы взяли на вооружение, но вынуждены признать, что «современный опыт использования в политике привязанных к прошлому символов пока изучен слабо»[18]. Однако все-таки некоторые эмблемы, символизирующие власть, государственность, историческую память, политологи используют в идеологических конструкциях. Чаще всего упоминается двуглавый орел[19]. В последнее время исключительно значимым и популярным политическим символом является Георгиевская ленточка. Это один из элементов фалеристики, который был «изобретен» в качестве символа памяти к 60-летнему юбилею Победы в Великой Отечественной войне[20]. Поли-

[15] *Левандовский А. А.* Оружие мифа. Миф как средство легитимации власти в России // Свободная мысль — XXI. 2001/2. С. 103.

[16] Там же. С. 104.

[17] Национальная идентичность в русской культуре. С. 194; *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 25.

[18] *Миллер А. И.* Политические символы и историческая политика // Символическая политика. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Вып 1. М., 2012. С. 164.

[19] Образы власти в постсоветской России: политико-психологический анализ / Под ред. Е. Б. Шестопала. М., 2004. С. 161; *Кольев А.* Указ. соч. С. 317.

[20] *Миллер А. И.* Указ соч.

толог А. И. Миллер пишет, что «Георгиевская лента в дореволюционной России, восстановленная в правах как гвардейская лента во время ВОВ, была принадлежностью наград за солдатскую доблесть — Георгиевского креста и ордена Славы»[21]. Это правильно, но можно было бы расширить ее историко-военную значимость. Она связана в первую очередь со знаменитым русским военным орденом Святого Георгия — боевой, исключительно почетной для русских офицеров наградой, которая была учреждена 26 ноября 1769 г. По статусу он давался только за конкретные подвиги в военное время. Символ ордена — всадник, поражающий копьем дракона, олицетворял мужественного воина, способного отстоять свою землю от врагов. Он связывался на Руси со святым Георгием Победоносцем, образ которого помещался на первых русских монетах — сребрениках, следовательно, являлся знаком идентичности Древнерусского государства[22]. Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия разных степеней были награждены храбрейшие русские офицеры, генералы. Затем, когда в 1807 г. был учрежден знак отличия военного ордена Святого Георгия для награждения солдат и матросов (серебряный крест без эмали, который носили на Георгиевской черно-желтой ленте на груди), даже офицеры считали очень почетным для себя получить такой крест за исключительную личную храбрость. Многие советские военачальники, которые принимали участие еще в Первой мировой войне, были Георгиевскими кавалерами (Г. К. Жуков, Р. Я. Малиновский). В качестве наград Георгиевские ленты жаловались только императором воинским подразделениям армии и флота: они повязывались на знамена, укреплялись на матросских бескозырках. Ими гордились и те, кто их носил, и те, кто использовал как эмблему. Об истории Георгиевской ленточки можно прочитать в прекрасном труде исследователя российских наград — А. А. Кузнецова[23]. Знания ее истории, восприятия как сугубо русского символа еще больше создавало бы ей притягательность не только для россиян, но и для населения других стран (что и произошло, в частности, в ДНР и ЛНР), преобразуя этот героический символ в символ «русского мира»[24].

Еще один «притягательный» символ последних лет — бело-сине-красный государственный флаг Российской Федерации. Два года тому назад наш прекрасный воссоединенный Крым был буквально как «многоцелебным омофором» покрыт этими флагами, символизирующими Россию и новую жизнь Крыма. Флаги, как известно, издавна воспринимались исследователями (в основном, зарубежными) в качестве символов идентичности. Например, К. Гибсон пишет: «Самыми… известными

[21] *Миллер А. И.* Указ соч. С. 165.

[22] См. об этом: *Соболева Н. А.* Образ св. Георгия в атрибутике Российского государства // Проблема святых и святости в истории России. Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006. С. 183—199.

[23] См. несколько написанных им разделов в книге: Великая Россия. Символы и награды Российской державы. М.: Олма Медиа Групп. 2015. С. 112—252.

[24] *Миллер А. И.* Указ соч. С. 167.

символами коллективной идентичности в наше время являются, пожалуй, национальные флаги и эмблемы, которые служат выражению патриотизма и единства граждан олицетворяемых ими стран»[25]. Одновременно появлялись в СМИ высказывания известного думского деятеля и его команды, настаивающих на возвращении к имперскому черно-желто-белому флагу. Страницы патриотической прессы заполнялись и заполняются статьями о якобы «власовском» бело-сине-красном флаге. Существуют многочисленные научные публикации об историческом прошлом российских флагов[26], где приводятся доказательства (документальные и графические), что бело-сине-красный полосный флаг «подарил» России флот Петра I, публикуется гравюра современника последнего, на которой изображена 58-пушечная «Предестинация», сооруженная в 1701 г. по чертежам и под руководством Петра. Этот корабль принял участие в Северной войне 1700—1721 гг., будучи украшен бело-сине-красными российскими флагами. Жители Крыма, державшие в руках бело-сине-красные полотнища, вряд ли были знакомы с опубликованными в «украинское» время научными трудами о российских государственных флагах, а также о мифических власовских. Но думается, что политологи и пропагандисты могли бы рассказать жителям Крыма, какой исторический символ они держали в руках, тем более что в отношении гербов крымчане стояли на традиционных, связанных с историей полуострова, позициях.

Более древние материальные символы русской идентичности, конечно, существуют, но выделение их осложняется недостаточной конкретизацией как самого термина «идентичность» (как особенность), о чем писалось выше, так и конкретикой материальных символов, относящихся, например, к мифологеме «Русская земля». Одним из таких символов является «известная шапка Мономаха, ставшая при всей легендарности своей атрибуции одним из главных зримых мифов в исторической символике российской государственности»[27]. Хотя она имеется в наличии в национальной сокровищнице — Оружейной палате Московского Кремля, вопрос о ее происхождении учеными не решен окончательно. Наиболее убедительной, на наш взгляд, является точка зрения современного археолога Н. В. Жилиной, проанализировавшей все предшествующие версии ее происхождения и тщательно исследовавшей ее составные части. Покупка золотых составных частей предмета, ставшего символом российской государственности, как «византийского раритета» у генуэзских купцов в Кафе Иваном Калитой в первой половине XIV в. — эта мысль высказывалась русскими исследователями и ранее. Впоследствии золотые

[25] *Гибсон К.* Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре / Пер. с англ. М., 2007. С. 49.

[26] *Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 286—342; *Она же.* Российский триколор: мифы и историческая реальность // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 3—13; *Она же.* Историческое прошлое российского триколора: факты и мифы // Военно-исторический журнал. 2014. № 8. С. 53—60.

[27] *Шестов Н. И.* Указ соч. С. 223.

пластины соединились и обрели ряд деталей, сближающих ее с традиционной русской княжеской шапкой с меховым отворотом (которой посвятил много страниц выдающийся советский археолог, открыватель новгородских берестяных грамот А. В. Арциховский[28]), а затем — с теми царскими головными уборами XVI—XVII вв., которые хранятся в Оружейной палате до сего времени.

Следует отметить, что еще с XIX в. существовали предположения (в литературе это отмечается до сих пор), что «данный головной убор относится к XIV—XV вв., если не позднее, и по всей вероятности, татарского происхождения, судя по сканным (или филигранным) орнаментам»[29]. До сих пор в литературе можно встретить утверждение, что хан Узбек подарил шапку Ивану Калите, т. е. в данном случае о русской идентичности говорить не приходится.

Строго говоря, шапку Мономаха нельзя назвать и венцом, т. е. короной. Известный ученый, знаток византийского искусства Н. П. Кондаков утверждал, что «шапка Мономаха — не императорская стемма (венец), не королевская корона». Все исследователи отмечали, что в Древней Руси, в отличие от самой Византии и стран «византийского региона» (Болгарии, Сербии), не было венчания на царство — «увенчивания короной». Крупный европейский словарь в разделе «Церемонии» описывает «интронизацию» русских правителей согласно российской историографической традиции: имеется сообщение от конца XI в., что претендент на киевский престол встречен был у ворот города епископом со святым крестом, «по обычаю» отведен в церковь, потом в великокняжеский дом, «приняв престол отца и деда своего с миром»[30]. Ф. Кэмпфер полагает, что киевские великие князья, а позднее владимиро-суздальские, ввиду отсутствия короны, использовали как знак власти княжеские шапки[31]. В одной из последних работ, «Короны от василевса, короны с небес», профессор Д. Шепард пишет: «В Русских землях, удаленных от территорий Римской империи и отличавшихся своей “доморощенной” политической культурой, присутствие корон как знаков власти оказывается крайне иллюзорным… ни реальные короны, ни изображения властителей в коронах не заняли значимого места в политической культуре Древней Руси»[32].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[28] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 2004. С. 58—61, 164—169. А. В. Арциховский считает шапку мягкой сферической формы с меховой опушкой характерной для князей со времени «княжеско-дружинной стадии славянского язычества» (с. 58).

[29] *Анучин Д.* Археологическое значение «Мономаховой шапки» по мнению Н. П. Кондакова // Археологические известия и заметки. М., 1897. № 5. С. 163.

[30] Lexikon des Mittelalters. München-Stuttgart. 2003. Bd. 9. S. 574—575.

[31] *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild von den Anfangen bis zu Peter dem grossen. Recklinghausen, 1978. S. 58.

[32] *Shepard J.* Crowns from the Basileus, crowns from Heaven // Byzantium New Peoples, New Powers: The Byzantino-Slav Contact Zone, from the Ninth to the Fifteenth Century. Cracow, 2007. P. 156—157.

Шапка Мономаха (так она названа в начале XVI в.), следовательно, сугубо русский властный символ, лежащий, можно сказать, у истоков древнерусской идентичности.

В какой-то мере «заменителем» короны может служить для русских князей головной убор, в котором Ярослав Мудрый изображен на печати, относящейся, как установил академик В. Л. Янин, «ко времени окончательного вокняжения Ярослава в Киеве в 1019 г.»[33]. Это остроконечная шапка, заканчивающаяся шишечкой. В связи с этим обращает на себя внимание замечание Н. П. Кондакова, который писал, что византийский император Андроник I Комнин «в своих продолжительных скитаниях среди варваров усвоил себе и головной убор вроде варварского остроконечного колпака». Далее Кондаков, ссылаясь на Дюканжа, сообщает, что кроме венцов в виде обруча (символ временных полномочий) «Византия для разных чинов пользовалась весьма часто пирамидальными, остроконечными и шаро- или тиарообразными шапками как своего рода венцами, или инсигниями, что будет точнее»[34].

К символам власти в Византии и государствах «византийского региона», как, впрочем, и других европейских держав, правители которых претендовали на королевскую, императорскую власть, относятся кроме короны в обязательном порядке трон, скипетр и держава[35]. Их, считается, также можно отнести к символам идентичности. Во всяком случае, Гибсон, например, пишет: «С древних времен символика использовалась для обозначения идентичности и подтверждения принадлежности к социальным группам»[36]. В Московии о них можно говорить в XVI в. после венчания Ивана IV на царство, как, впрочем, и о короне[37].

Как видим, идентичности властной символики Древней Руси и Византийской империи не существовало. Это подчеркивает и Д. Шепард: «Концепции и символы легитимной власти в Русских землях существенно отличались от тех, что существовали в обществах, в течение долгого времени открытых влиянию римско-византийского мира»[38]. Это кажется странным, особенно нашим современникам, которые за последние годы привыкли к своеобразному «культу Византии», однако научные подходы к проблеме дают этому феномену объяснение (вспомним «Слово о законе и благодати» умнейшего Илариона). Британские ученые Д. Шепард и С. Франклин, с восхищением описавшие деяния Ярослава Мудрого по культурному преобразованию Руси, Киева, куда он «сумел перенести дух Константинополя»,

[33] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III. М., 1998. С. 18. См. там же: Печать с изображением Ярослава Мудрого. № 2а.

[34] *Кондаков Н. П.* Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. Т. I. СПб., 1896. С. 70.

[35] Подробно см.: *Равели П.* Символы власти и великие династии / Пер. с итал. М., 2008. С. 12.

[36] *Гибсон К.* Указ. соч. С. 15.

[37] Подробнее об этом см. в очерке Н. А. Соболевой «Имперская идея и российская символика власти (XI—XVI вв.) // Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 552—656.

[38] *Shepard J.* Op. cit. P. 158.

по созданию авторитета власти, где он выступил «подлинным новатором и оставил после себя глубокий след», тем не менее не могли не отметить, что «…русы существенно отличались от византийцев в ощущении исторических корней, а следовательно, в культурном самосознании. В отличие от константинопольской элиты русы не возводили себя к Римской империи. Для них мир дохристианского Рима, эллинистической культуры был чужд и далек, не имел символического значения, а потому и не занимал особого места на их шкале ценностей. Их интересовала вера, а не символы и не фетиши имперской преемственности. У них хватало забот и с тем, чтобы в новой обстановке осознать и заново оценить свое языческое прошлое, а также противостоять все еще живой и враждебной языческой культуре»[39].

Становление проблемы идентичности политологи связывают и с другими памятниками древней русской истории. В частности, большое значение в контексте мифологемы «Русская земля» автор Н. И. Шестов придает «шлему Святого Александра Невского». Это, конечно, не символ княжеской власти, но непременный предмет вооружения героических русских князей. Шлем обрел государственность, будучи включен в Большой и Средний гербы Российской империи, которые в середине XIX в. составлены по указанию императора в Гербовом отделении Департамента герольдии Правительствующего сената. Это очень помпезные гербы Российской империи, одобренные в 1857 г. российским императором Александром II и утвержденные Александром III: Большой государственный герб — его подлинный рисунок исполнен академиком А. Шарлеманем — 24 июля 1882 г., Средний и Малый — 23 февраля 1883 г.[40] В подробном описании Государственного герба — огромное количество деталей, но выделен «Главный щит (с гербом Государственным), увенчанный шлемом Святаго Великаго Князя Александра Невскаго». Как отмечает Шестов (согласно опубликованным ранее данным), в действительности этот шлем не имел отношения к Александру Невскому. «Его прототипом послужила изготовленная в 1621 г. мастером Никитой Давыдовым “Ерихонская шапка” — парадное наголовье царя Михаила Федоровича Романова из собрания Оружейной палаты Кремля. Тем не менее значимость легендарной связи шлема с именем Александра Невского для массового сознания была такова, что даже на советском ордене имени этого древнерусского полководца последний изображен, вопреки всем историческим реалиям, в этом шлеме»[41]. В подобном шлеме, как известно, изображен князь Александр Невский на известной картине П. Д. Корина. Никто не сомневается в личной принадлежности изображенного спустя тысячелетия предмета вооружения героическому Александру Невскому, а между тем княжеские шлемы в Древней Руси имели своего владельца, судя по надписи, о чем говорит, в частности, находка княжеского шлема на месте Липицкой битвы 1216 г. близ Юрьева-Польского. Кре-

[39] *Франклин С., Шепард Д.* Указ. соч. С. 380.

[40] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-3). СПб., 1886. Т. II. № 1035; Т. III. № 1402.

[41] *Шестов Н. И.* Указ. соч. С. 224.

стильное имя владельца шлема было Федор[42]. Возможно, в битве князь выделялся позолоченным шлемом. Во всяком случае, «Слово о полку Игореве» сообщает о золотом шлеме Яр-Тур Всеволода — князя Всеволода Святославича.

В историографии мало разработана проблема использования христианских символов в светской символике, в частности в атрибутах власти. Особое место в российской действительности занимает образ Георгия Победоносца. Известно, что святой Георгий, будучи покровителем наций, государств, городов, многих обществ и учреждений, изображается на их представительных знаках. Его образ, в основном в виде драконоборца, запечатлен, в частности, на средневековых монетах и печатях во многих христианских странах, его имеют в гербах сотни европейских городов, а государство Грузия даже поместило святого воина Георгия Змееборца в свой государственный герб.

Однако на протяжении тысячелетней истории только наше Отечество почти беспрерывно использует образ Георгия Победоносца в государственной атрибутике, начиная с XI в. и до настоящего времени помещая его на монетах, княжеских и общегосударственных печатях, в государственные и городские гербы.

Причины широкого распространения культа святого Георгия на Руси практически сразу же вслед за крещением многократно рассматривались в нашей историографии. Известный исследователь А. И. Кирпичников в свое время заметил, что не всякий святой в одинаковой степени способен популяризироваться, приняв «на себя черты сданных в архив богов»[43]. Для этого, как он полагал, необходим ряд внешних условий, среди которых: официально принятое широкое почитание святого, особенности легенд о его чудесах, значительную роль играет время его поминовения и т. д. Русь приняла христианство из Византии в тот период, когда этот святой там «прочно укрепился». Причем на смену Георгию-мученику, с VI в. почитавшемуся при дворе византийских императоров, пришел Георгий-воин, как считает В. Н. Лазарев, примерно в X в.[44] В таком качестве святого Георгия «передала» Византия новокрещеной Руси, когда князья, проводившие немало времени в военных походах, охотно приняли его в свои покровители. Один из первых христианских князей — Ярослав Владимирович Мудрый (имевший крестильное имя Георгий), который считался, согласно летописи, «всея Рускыя земли князем», особенно много сделал для прославления своего святого патрона: в Киеве построил в его честь придел к главной церкви, открыл монастырь, в Чуди основал город Юрьев, где также поставил Георгиевскую церковь. Лик святого Георгия украсил и выпущенные им в Новгороде монеты — сребреники (которые чеканились там очень недолго: в 1014 — начале 1015 г.), иначе «Ярославле сребро». Таким образом, русская госу-

[42] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964. С. 34—35.

[43] *Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879. С. 57.

[44] *Лазарев В. Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // *Лазарев В. Н.* Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М., 1970. С. 71—75.

дарственность зафиксировалась официальной атрибутикой с изображением лика святого Георгия.

На протяжении столетий в иконописи, малой пластике, самом распространенном виде изобразительного искусства Древней Руси (ибо вещи, исполненные литьем или резьбой, принадлежали не только Церкви, но и множеству частных лиц), в многочисленных духовных стихах, пословицах и поговорках образ Георгия Победоносца занимал прочное место в сознании русских людей. Причем не только князей, но и простого народа. Он являлся покровителем многих мирских дел — хлебосеяния, хлебопашества, выгона и пастьбы скота и прочих сельскохозяйственных работ (ведь день его памяти приходится на 23 апреля — праздник природы и расцвета весны). Однако, как считается, более всего он почитался «за совершение самого дивного из всех чудес его» — победу над Драконом. В нем видели прежде всего защитника от зла, а с XIII в., когда зло это стало реальным для всей Руси, — защитника веры христианской. Святой Георгий Победоносец вошел в герб Российского государства и в герб столицы государства — Москвы и всегда будет неразрывен с дорогими каждому жителю России понятиями.

Мифологема «Русская земля» может иметь и многие другие изобразительные подтверждения, где накоплен, как пишут политологи, «символьный капитал Православия»[45], без которого трудно представить и этническую древность русских, и изначальную русскую государственность. В недавно опубликованной книге «Национальная идентичность в русской культуре», написанной «международной командой ученых», которую можно назвать путеводителем по русской идентичности, на примере памятников филателии (серия почтовых марок) и нумизматики (бумажных денежных знаков) очень убедительно проанализирован набор вербальных и визуальных образов средневековой России. На 5 марках (изображение святого Луки из Остромирова Евангелия XI в., Ярослава Мудрого, Сергия Радонежского, иконы «Троица») — образы и символы православных корней, уходящих в Киевскую эпоху. Такой набор марок, как полагает один из авторов, «российская почта могла бы спокойно назвать “Наследие русского христианства”»[46]. Авторы считают существенным, что марки были выпущены в 1991 г., в самые последние месяцы существования СССР. Катализатором, по их мнению, стало празднование в 1988 г. крещения Руси. «Первоначально празднование предполагалось как частное событие для церкви, но в конце концов оно превратилось в крупное публичное национальное событие. На этом уровне такая серия почтовых марок была продуктом нового (с конца 1980-х годов) отношения к христианскому прошлому России»[47].

Историографически более значимым для понимания российской идентичности является властный миф времени рубежа XV—XVI вв., который возник одновременно с созданием единого Русского государства, окончательным падением

[45] *Кольев А.* Указ соч. С. 317.

[46] Национальная идентичность в русской культуре. С. 33—38.

[47] Там же. С. 37.

монголо-татарского ига и другими важными процессами, характерными для русского общества этого времени. В создаваемом Московском царстве идеологически обосновывается великодержавие при помощи широко известной легенды о происхождении русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который был родственником и Августа, и Рюрика. Эти генеалогические «изыски» зафиксировало «Сказание о князьях владимирских», которое имело конечной целью отнести происхождение правителей Руси не только к незапамятным для русского человека временам, но и приравнять их происхождение к прочим европейским монархам. Атрибуты власти также должны быть идентичны. В этом плане интерес представляет одно из замечаний Ивана Грозного, которое он высказал в письме к шведскому королю Юхану III: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся»[48]. Родство с едиными предками европейских правителей должно быть доказано атрибутами этого единства, т. е. царскими регалиями. Одновременно со «Сказанием о князьях владимирских» появляется и легенда о том, что русские князья издревле и традиционно владели регалиями царского достоинства. Эти регалии будто бы подарил византийский император Алексей Комнин Владимиру Мономаху. Рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий был помещен как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г.[49]

«Дары византийского императора» и по количеству, и «по набору» не одинаковы. В. Н. Татищев, который ввел в научный оборот легендарное свидетельство о «дарах», называл «корону, скипетр, державу и сосуд помазания, которые все, кроме короны доднесь хранятся»[50]. М. М. Щербатов, например, называет вещи «греческой работы», присланные Мономаху: «шапка, скипетр, держава, святые бармы, крест нагрудный, цепь, носящаяся через плечо»[51]. Н. М. Карамзин, ссылаясь на летописные известия, упоминает среди прочих даров «крабицу сердоликовую, из коей пивал Август Кесарь», а также «порфиру, виссон, гривну златую»[52].

Византийские инсигнии (именно так теперь называются знаки власти, номенклатура которых значительно расширена по сравнению с ранее существовавшими определениями) не были обнаружены среди предметов, упоминаемых в духовных грамотах русских князей Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Однако анализ документов свидетельствует, что некоторые из «неизменных» артефактов вошли в мифический состав «даров» («сердоликовая крабица»), а некоторые, трансформируясь, — и в инсигнии («золотая шапка» — «шапка Мономаха»).

[48] Сборник Русского исторического общества. Т. 129. С. 213.

[49] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских // Словарь книжников и книжности Древней Руси 2-я пол. XIV—XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 370—371.

[50] *Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. Т. I. М.; Л., 1962. С. 365.

[51] *Щербатов М. М.* История российская с древнейших времен. Т. II. СПб., 1805. С. 105—107.

[52] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Переизд. Т. II. М., 1989. Примеч. 220.

Проведенный в настоящее время анализ сохранившихся документов научных исследований артефактов позволяет прийти к следующему заключению. Шапка золотая, скорее первоначально золотые пластины, из которых впоследствии получилась Мономахова шапка, а также золотая «крабица» были, по-видимому, приобретены Иваном Калитой в XIV в. как драгоценности («золото») для своей казны. Бармы, возможно, и были подарком из Византии, но не относились там к инсигниям. Известный украинский археолог П. П. Толочко считает, что они могли появиться на территории Древней Руси независимо от Византии, а многочисленность их находок свидетельствует о широком использовании в княжеском быту[53]. Пояс, передаваемый по наследству, не напоминает византийский лор, скорее это часть русской княжеской одежды. Цепь с крестом («иконой»), судя по всему, — обязательный предмет благословения на Руси. Очень часто кресты содержали кусочки реликвий — Древа Креста Господня или частички Ризы Господней. Эти кресты («святость» в договорных грамотах) могут быть восприняты действительно как великое наследие Византии. Однако изготовлялись они, по-видимому, в большинстве случаев русскими мастерами — Парамшой, Семеном Золотиловым и другими. И великие князья, и царь Иван Грозный очень гордились этим наследством предков, отмечая в своих духовных, откуда у них появились передаваемые предками кресты[54].

О мифическом происхождении русских инсигний повествует замечательный памятник прикладного искусства, созданный при Иване IV в 1551 г., — Царское место в Успенском соборе Московского Кремля, иначе Мономахов трон[55]. Проиллюстрированная в виде 12 барельефов на стенках трона история о дарах Мономаха делала трон важным пропагандистским средством в контексте художественных и литературных произведений середины XVI в., в которых «разрабатывалась новая концепция русской истории в ее неразрывной преемственной связи с историей древних царств»[56].

Соотносимые с древней историей знаки, символы, мифологемы, иногда воспринимаемые в современном обществе как свидетельства идентичности, не всегда, однако, могут являться таковыми. Только после тщательного научного исследования, став объектом источниковедческих изысканий, они могут претендовать на знак идентичности государства, народа или отдельной нации.

Примером может служить трезубец — «тризуб», герб современной Украины. В статье «К истории украинского тризуба» показан процесс становления герба современной Украины, изложенный по материалам современных украинских

[53] *Толочко П. П.* Про принадлежнисть і функцюнальне призначения діадем і барм в Древній Русі // Археологія. Т. XV. Київ, 1963. С. 145—164.

[54] *Соболева Н. А.* Имперская идея и российская символика власти (XI—XVI вв.). С. 627.

[55] *Соколова И. М.* Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001.

[56] Там же. С. 19.

геральдистов, отмечена роль известного украинского историка М. Грушевского в становлении сегодняшнего украинского герба[57]. Представленный на первых монетах древнерусских князей в X—XI вв. трезубец был воспринят как знак идентичности: одними — как древнерусской, другими — украинской. Один из авторов уже упоминаемой книги «Национальная идентичность в русской культуре», используя набор украинских денежных купюр, выпущенных в 1991—1996 гг., при анализе и смене их образов подчеркивает, как «по мере развития "серии" язык символов делается все более направленным, приобретая все большую конкретность в раскрытии смысла "нарратива"»[58]. Местный колорит новой украинской валюте придавала Лыбедь, фигура одного из украинских памятников. Автор считает, что вполне закономерно в качестве эмблемы Украины использовать женский образ так же, как пользовались в других странах фигурой Британии в качестве эмблемы Великобритании, статуей Свободы как эмблемой Нью-Йорка или США, Марианной в качестве эмблемы Франции. На следующей купюре к Лыбеди, которая придвинута к надписи «Украина», присоединяются три мужские фигуры — Кий, Щек и Хорив, легендарные основатели Киева. Это — ассоциация с древним местом и основанием Киева — свидетельствует об «историческом динамизме». На третьей купюре рядом с ладьей помещен в щите «украинский трезубец» — символ украинской государственности. Он сопровождает и фигуру Владимира Святого, крестившего Русь и заменившего на купюре Лыбедь с братьями. Однако, как считает автор, последующая денежная купюра — гривна (главная денежная единица киевского периода), выпущенная в 1996 г., несет изображение совсем другого Владимира. Это уже не Владимир, креститель Руси в мантии, с бородой и крестом в руке. Это «Володимир» с обвислыми усами украинского гетмана. Он уже не духовный лидер, а полный национального достоинства глава самостоятельного государства. Интересно и то, что на оборотной стороне купюры — гривны помещены развалины Херсонеса, древнегреческого города. «Это изображение служит не только эмблемой тысячелетий традиции украинской государственности, но и, по мысли автора, «вызывает ассоциации с "Украиной", наследницей всех цивилизаций, следы которых находятся на украинской территории»[59].

Подобная визуальная пропаганда «украинизмов» не могла не влиять на общественное сознание, поэтому в печати появляются известия о «произрастании» трезубца с черноморского побережья, иногда в нем видят трезубец Посейдона. Появившиеся на страницах украинских книг высказывания о трезубце как этнонациональном украинском символе коренного народа базировались на заключениях «толкователей» происхождения знака из античных цивилизаций Северного Причерноморья. Один из них пишет (перевод): «Генетически украинский трезубец ведет свое начало из Греции — из страны, где в старые времена более всего было

[57] *Соболева Н. А.* К истории украинского «тризуба» // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 3—18.

[58] Национальная идентичность в русской культуре. С. 38.

[59] Там же. С. 42.

развито искусство, наука, всякое ремесло. И Украина быстрее, нежели другие страны не только Центральной, но даже Западной Европы, имела возможность черпать свои знания из первоисточника, наиважнейшего в европейской науке и искусстве. Еще тогда, когда ни в Польше, ни тем более в Московии не умели создавать простейшие вещи, не знали каменного строительства, на Украине процветало монументальное строительство, монетное дело и наивысшая степень государственной символики и эмблематики»[60]. И таким символом, по мнению украинских авторов, являлся «тризуб» — «символ воли и независимости украинского народа, нации и государства».

В то же время идентификация трезубца как герба Киевской Руси, «герба Рюриковичей», проходит красной нитью по многочисленным трудам русских историков (и историков советских, включая археологов, этнографов и проч.), ибо, по-видимому, трудно было представить «державу Рюриковичей» без герба. К сожалению, в подобном отношении к трезубцу сказывается недостаточное знакомство авторов с научным определением герба, нашедшим отражение в его характеристике на современном уровне развития геральдики. Так, знаменитый современный исследователь гербов, «геральдист № 1», Мишель Пастуро пишет: «Гербы — это цветные эмблемы, принадлежащие индивидууму, династии или некоему коллективу и созданные по определенным правилам, правилам геральдики. Именно эти правила (впрочем, не столь многочисленные и не столь сложные, как обычно считают), основу которых составляет правильное использование цвета, отличают европейскую геральдическую систему от всех остальных эмблематических систем, предшествующих и последующих военных и гражданских»[61].

Отрадно отметить, что, несмотря на пиетет к трезубцу как основе современного герба Украины, ряд украинских авторов с научных позиций подходят к его интерпретации. Например, в одном из учебных пособий для студентов высших учебных заведений авторы отмечают, что трезубец не был гербом в современном понимании этого слова. Если говорить о Киевской Руси, то он входил в определенную систему знаков, которую вряд ли можно считать системой гербов. Первые гербы пришли на Украину из Западной Европы в XIV в., причем вначале на западноукраинские земли, — считают авторы[62].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[60] *Січинський В.* Тризуб і прапор України. Львів, 1995. С. 48.

[61] *Pastouro M.* Heraldigue // Dictionnaire du Moyen Ages. Paris, 2002. P. 664—667. В связи с данным цитированием не могу не откликнуться на надоевшую критику некоего Е. Пчелова, который упрекает меня в цитировании иностранных авторов. Я действительно читаю на иностранных языках научную литературу по тематике, которой я занимаюсь много лет. Могу информировать Пчелова, что в ней не имеется сведений о том, что гербы в России появились в глубокой древности, о чем он, видимо, прочитал в учебном пособии по геральдике, выпущенном много лет тому назад в Историко-архивном институте, где я, к счастью, не обучалась.

[62] *Бушин М. І., Мащенко І. Ю., Юзвенко В. Ф.* Національна символша незалежної України. Черкаси, 2001. С. 8.

Назвав трезубец тамгой, российский исследователь А. А. Молчанов пришел к выводу, что «вопрос о первоначальном изобразительном прототипе и исконной семантике символа существенного значения не имеет»[63]. Вопрос, напротив, очень важен, ибо представляет собой ту призму, через которую можно рассмотреть национальную идентичность, чем так озабочены в настоящее время идеологи украинистики. Совершенно справедливо они принимают за «символьный знак» трезубец на древнерусских монетах, чекан которых осуществил впервые древнерусский князь Владимир Святославич в X в. в Киеве. Каталог этих монет с подробным описанием их выпуска составили два известных советских нумизмата[64]. Так как чеканка монеты являлась прерогативой верховной власти, выбор монетных изображений также составлял ее привилегию. Символическое мышление в полном смысле этого слова (подобное «гербовой» эпохе, начало которой в Западной Европе обычно относят к концу XII в.) вряд ли сыграло свою роль при выборе сюжетов первых русских монет[65]. О конкретном заимствовании от византийских монет (солид Василия II и Константина VIII—X в.) можно говорить лишь применительно к композиции златников и сребреников I типа Владимира Святославича[66]. В целом заимствование носит относительный характер, ибо фигура лицевой стороны монеты Владимира Святого имеет черты портретного сходства с русским правителем, тогда как образ императоров на византийских монетах — условный, не индивидуализированный, в отличие, например, от римских портретных изображений на монетах. В то же время важность и почти сакральность (значимость) царского изображения на русских монетах — несомненны. Главным выразителем этой значимости является корона, которая украшает голову правителя, сидящего на троне, свидетельствуя об идентичности власти русского и византийского правителей, хотя в действительности (Владимир не был коронован) подобная форма изображения является не более чем претензией на идентичность. Однако главное отличие образа русского правителя на златниках и сребрениках — в индивидуализации, которая усиливается присутствием трезубца. Без него, по-видимому, не мыслится образ древнерусского князя: первоначально (на златниках и сребрениках I типа он помещен у левого плеча князя на лицевой стороне монет, затем — на всех сребрениках на обороте, вместо Иисуса Христа византийских монет). Вряд ли речь может идти о художе-

[63] *Молчанов А. А.* Знаки Рюриковичей: проблема изучения // Нумизматика на рубеже веков. М., 2001. С. 88—89.

[64] *Сотникова М. П., Спасский И. П.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1983.

[65] Некоторые исследователи корней Древней Руси с пиететом относятся к мнению, высказанному советским историком О. М. Раповым, увидевшим в «загадочном знаке» первых русских монет пикирующего сокола. Автор считал, что тот факт, что князья из дома Рюриковичей называются былинами и «Словом о полку Игореве» «соколами», говорит о том, что «сокол был эмблемой, гербом рода, возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси». — *Рапов О. М.* Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3. С. 69.

[66] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 6, 60—61.

ственном приеме или при помощи изменения типа монеты — противопоставлении себя византийцам. Главную роль сыграл скорее мировоззренческий выбор, ассоциация этого знака с глубоко укоренившимися в сознании иными представлениями о мироздании и о своем месте в нем, отличающимися от еще малознакомых христианских идей.

В литературе имеется крайне разнообразная идентификация формы этого знака, связанной с культурными, идеологическими, территориальными заимствованиями — ведь идентичные по форме знаки распространены на огромном европейском и азиатском пространстве[67].

Хотя в последнее время, согласно концепции «северного» образования Древнерусского государства, выдвигается версия прихода двузубца, а затем и трезубца с севера[68], современная исследовательница Е. А. Мельникова со знанием дела показала, что ненаучно говорить о североевропейском происхождении знака Рюриковичей, ибо «скандинавской культуре довикингского и викингского времени несвойственен сам принцип владельческих знаков, которые появляются в форме руноподобных тамг не ранее XII в. В ней также отсутствуют символические изображения, которые можно было бы связать с репрезентацией властных функций. Не прослеживается в скандинавской традиции и изобразительный мотив в виде двузубца или трезубца»[69].

Данный мотив прослеживается с «восточного направления». И название двузубца и трезубца — «тамга» — также обосновывается графическим тождеством аналогичным знакам (и властным в том числе) — в Монголии, Южной Сибири, Поволжье, средневековой Болгарии, на Северном Кавказе, прежде всего в соседнем с приднепровскими славянами Хазарском каганате. Эта идея в настоящее время фигурирует не только на страницах отечественных научных трудов (см. ссылки, приведенные в публикациях Н. А. Соболевой), но и в зарубежных работах по истории Руси: «…на монетах, отчеканенных… Владимиром, присутствуют эмблемы — что-то напоминающее вилы или трезубцы, которые похожи на те, что найдены в поселениях хазар, имевших какое-то отношение к кагану. Эти эмблемы вполне могли быть заимствованы у хазар князьями руссов в более раннее время. Используя их, днепровские русы могли демонстрировать законность своей власти, которую прежде придавал их верховному князю титул chaganus, или хагана. Символизируют ли эти эмблемы власть хагана или функция их более примитивна — вопрос остается открытым»[70].

По всем внешним показателям знак Рюриковичей — это тамга, пришедшая в Приднепровье с хазарами, а затем ушедшая на Дунай с болгарами. Однако неслу-

[67] *Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики. С. 20 и далее; *Она же.* К истории украинского тризуба // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 8—9.

[68] См. статью А. А. Молчанова в кн.: Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 302.

[69] *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 241.

[70] *Франклин С., Шепард Д.* Указ соч. С. 197.

чайно В. Е. Флерова, посвятившая свои исследования верованиям смешанного населения Хазарии, ее историческим перипетиям, уделила столь большое внимание «иранскому субстрату» в объяснении и толковании двузубцев и трезубцев, находя в их семантике следы иранизма[71]. Черты индоевропейской культуры, в которой обнаруживаются и следы иранских языческих культов, прослеживаются у праславян еще до знакомства с хазарскими тамгами. «Иранское влияние на праславянские племена происходило в контексте влияния общего индоевропейского субстрата», — пишет А. Гейштор. Особенно он отмечает иранский вклад в славянскую лексику, а также передачу «некоторых ритуальных и мифологических элементов в сфере высокоразвитых религиозных культов»[72]. В то же время он пишет, что «имена иранских и в особенности сарматских богов остались практически незамеченными праславянами». Другого мнения придерживаются российские лингвисты (В. В. Иванов, В. Н. Топоров, В. В. Мартынов, историк Б. А. Рыбаков).

«Религиозно-мифологическая общность между иранцами и славянами», которую отмечает знаменитый лингвист В. Н. Топоров[73] и другие ученые, заключается в «выборе» ими верховного божества — Громовержца. Обычно все знакомы в этом качестве с греческим богом Зевсом. Однако этот бог грома и молний известен очень хорошо в индоевропейском мире под разными именами. У славян этот бог-громовержец назывался Перун. Гейштор пишет, что «как верховное божество Перун занимает такое же положение, как Митра, Ахура-Мазда, Зевс, Юпитер, Один или Таранис; все они наделены чертами патриархов. Он является как будто бы образом отца, перенесенного в сферу сакрального, архетипом вождя, предводителя большой семьи, племени, который обеспечивает благополучие общины, формирует ее отношение к окружающему миру и признание соответственных норм. Это отец и вместе с тем громовержец, который способен защитить общину, а также расширить ее территорию»[74].

Б. А. Рыбаков считает, что у славян этот бог-громовержец был «выдвинут на место “славянского Зевса” очень поздно, одновременно с развитием русской государственности»[75]. Именно Перуна «превозносили» правители Русского государства, и прежде всего Владимир, когда начал «княжити в Киеве». Известно, что он определил Перуна на первое место среди «кумиров», поставленных «на холму». Возможно, к этому времени произошли некоторые изменения в культе Перуна, он «получил» и военные функции, подобно другим аналогичным богам индоевропейского региона. Среди них наиболее известным является хеттский Тешуб, «бог

[71] *Флёрова В. Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М., 2001. С. 10, 63.

[72] *Гейштор А.* Мифология славян. М., 2014. С. 63.

[73] *Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 26, 39, 42.

[74] *Гейштор А.* Указ. соч. С. 103.

[75] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 356.

грозы и войны в хуррито-урартском пантеоне»[76]. Кстати, на хеттских рельефах и других памятниках он изображается с пучком молний обязательно в виде трезубца, а позднее — с боевым топором. Аналогичным ему, но, кажется, более древним являлся Адад, божество шумеро-аккадского пантеона, почитавшийся во многих городах Месопотамии (Вавилоне, Ашшуре). Его символами также были двузубец или трезубец[77].

О символике этих индоевропейских богов в поисках аналогий для знаков Рюриковичей опубликовал две небольшие статьи украинский исследователь Валерий Бушаков[78]. Кажутся абсолютно правильными его наблюдения, однако в статьях отражен лишь поиск аналогий знаков Рюриковичей без надлежащих исторических версий этих аналогий, что, возможно, связано с крайне ограниченным объемом статей.

Знак, помещенный вместо Иисуса Христа на важнейший властный атрибут, вряд ли можно увязать исключительно с княжеским хозяйством (эта версия широко бытует во многих отечественных работах, повествующих о княжеском хозяйстве Киевской Руси). Предполагается, что в качестве знака Рюриковичей были приняты языческие и культовые символы, магическая природа которых несомненна[79]. Подобные заключения базируются на результатах изучения идеологии древних обществ, которые позволили реконструировать трехчастность социальных явлений, осознаваемую людьми в эпоху складывания государств[80]. В частности, индоевропейские

[76] *Герни О. Р.* Хетты. М., 1987. С. 121—124. Фото 20; История и культура Древнего Востока: энциклопедический словарь. М., 2008. С. 335. Рис. 171.

[77] История и культура Древнего Востока. С. 17. Рис. 3.

[78] *Бушаков В.* Генезис і семантика тамг іраномовних народів євразійских степів // Четверта наукова геральдична конференція. Львів, 1994. С. 17—20; *Его же.* Типологія родового знака Рюриковичів // Шоста наукова геральдична конференція. Львів, 1997. С. 8—10.

[79] *Ставиский В. И.* У истоков древнерусской государственной символики // Философская и социологическая мысль. 1991. № 5. С. 99. Сам по себе факт использования в монетном чекане знаков, связанных с более ранними верованиями или изобразительными сюжетами предшествующего периода, не является чем-то особенным. В ранних чеканах германских народов (например, у вандалов) монетные типы, обычно подражающие Риму (погрудное изображение правителя в венке, Виктория, держащая корону, и т. д.), на оборотной стороне могут нести изображение головы лошади. На ранних англосаксонских монетах помещен дракон или змея, что объясняется влиянием местных древних верований, в которых германский бог, чудовищный Вотан (Водан — Один), носитель магической силы, играл важную роль. — *Engel A., Serrure R.* Traité de Numismatique du Moyen Age. T. 1. Paris, 1891. P. XII, 164, 183.

[80] См. об этом: *Березкин Ю. Е.* Двуглавый ягуар и жезлы начальников // Вестник Древней истории. 1983. № 1. С. 163—164. В недавно опубликованной (впервые на русском языке) книге выдающегося польского историка-медиевиста Александра Гейштора «Мифология славян» приводятся сведения о существующей концепции «индоевропейского мира». Он пишет: «Народы, говорящие на индоевропейских языках, видели свою социальную структуру как организационную модель, основанную на выполнении трех основных функций. Первая из них — это осуществление верховной власти в двойном значении, а именно в правовом и религиозно-магическом. Другую функцию составляют разного рода проявления силы, в первую очередь военной, оборонительной

народы различали феномены, относящиеся к господству и управлению, физической силе, к плодородию и богатству. Соответственно, деятельность правителя могла выражаться в осуществлении трех функций: магико-юридической, военной, экономической. Первая функция могла разделяться на собственно магическую и юридическую (судебную). Как свидетельствуют, в частности, раннеболгарские источники, у протоболгар хан сюбиги являлся верховным правителем государства, высшим военачальником, верховным законодателем и судьей, а также главным жрецом[81].

Насколько глубоко уходила мысль создателей первого русского чекана, когда вопрос встал о помещаемых на монетах знаках? Русь приняла православие из Византии, новая культура входила в жизнь государства. Что касается первых публичных знаков власти — монет, то византийские монеты служили образцом для правителей, однако не так просто было вытеснить из сознания не только простых людей, но и самого Владимира прежние верования. А. П. Новосельцев, подробно рассмотрев вопросы принятия Русью христианства и сетуя на немногочисленность и противоречивость источников, освещающих факт христианизации Руси, акцентирует внимание на трудностях, связанных с этим процессом: «Происходило это трудно и при большом сопротивлении народных масс и, очевидно, части верхов». Видя во Владимире не «скороспелого реформатора», а «осторожного политика», автор считает, что «Владимир, став христианином, сохранил многие привычки и черты князя языческой поры. Он любил дружину, устраивал для нее знаменитые пиры… Проводя нововведения в главном, в более частных вопросах оставался верен старине»[82].

Вероятно, в этом контексте следует рассматривать и возврат при чеканке первых русских монет (начиная со второго типа сребреников) от образа Иисуса Христа к языческому знаку — трезубцу. Сакральность трезубца соответствовала и сакральности правителя Руси, что соотносится с функцией правителей на ранних этапах развития государственности. Кроме протоболгар, исследователи пишут об Олеге, выступающем «князем-жрецом, соединившим сакральную и политическую функции»[83], о жреческих функциях Владимира Святославича[84].

и захватнической. Третью функцию выполняет широко понимаемая идея плодородия и ее производных… сохранение мира и использование его, пропитание, добывание для всей общности при помощи занятий скотоводством и земледелием. Исследования в этом направлении дали целый ряд наблюдений, которые указывали на устойчивость идеи трехчастной структуры в социальном мышлении людей прошлого. Эта идея оставила свой след в легендах о происхождении племен, о древнейшей истории народов, об их раннем средневековье». — *Гейштор А.* Указ. соч. С. 41—42.

[81] *Литаврин Г. Г.* Византийская система власти и болгарская государственность (VII—XI вв.) // Раннефеодальные государства и народности (проблемы идеологии и культуры). София, 1991. С. 23.

[82] *Новосельцев А. П.* Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4. С. 108.

[83] *Орлов Р. С.* Язычество в княжеской идеологии Руси // Обряды и верования населения древней Украины. Киев, 1990. С. 108.

[84] *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916. С. 6; *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних киевлян. Киев, 1982. С. 34.

Думается, что «загадочный знак» первых монет Древнерусского государства может быть объясним как сакральный магический символ, реликт прежних верований. Подобный символ, отличающийся от знака собственности, родового знака, мог иметь в виду Н. П. Лихачев, когда писал о том, что «знаки родовые, а в особенности знаки собственности, совсем не то, что "символы", которые благодаря священному, культовому, почему-либо им приданному значению мигрируют, сохраняя свою форму»[85].

Возможно, раскрытие смыслового содержания знака, неразрывно связанного с таким властным действием, как выпуск монеты, расширит наши представления о ментальности древнерусского социума, а также будет способствовать углубленному изучению идентичности народов, населявших подвластную Владимиру Святому территорию.

Ведь не секрет, что тема «украинистики» относится в настоящее время к насущным проблемам современного политического, культурного и исторического дискурса, поэтому считаем важным осмысление содержания и формы символа, который находится у истоков государственности этого региона.

Поистине бессмертной для России является, пожалуй, самая известная мифологема средневековья идея «Третьего Рима», точнее, «Москвы — Третьего Рима». Несмотря на всю свою конкретику и религиозную узость (идея богоизбранности Руси — русского народа, как единственного хранящего чистоту православия, Руси, которая пребудет истинным центром христианства до скончания веков), она универсальна в своей исторической значимости. Эту историческую значимость показала в своем фундаментальном труде Н. В. Синицына[86]. Универсальность не зависит от научных изысков[87] и кажущихся бесспорными фундаментальных доказательств. Напротив, она будет и впредь варьироваться и в научном осознании, и в публицистических толкованиях, особенно в эпоху переосмысления общественных ценностей.

Большинство авторов в настоящее время придерживаются той точки зрения, что вышеназванная теория никогда не была государственной в официальном смысле этого слова[88]. Однако и российские монархи, и общественные деятели обращались к ней, модифицируя в нужном, чаще всего политическом, ракурсе на протяжении не одного века и вплоть до сегодняшнего дня. В настоящее время эта теория «пущена в обиход» радетелями возвеличения русского патриотического духа: «…Россия может — и должна — вспомнить свой истинный уклад, вглядевшись в собствен-

[85] *Лихачев Н. П.* Избранные труды. Т. 1: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М., 2014. «Труды музея палеографии» — II. С. 266.

[86] *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.

[87] *Усачев А. С.* Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник ПСТГУ II: История. История русской Православной церкви. 2015. Вып. 3 (64). С. 9—17.

[88] Об историографии этой мифологемы: *Синицына Н. В.* Указ соч.; *Соболева Н. А.* Имперская идея и российская символика власти (XI—XVI вв.). С. 560—579; *Усачев А. С.* Указ. соч.

ный незамутненный лик. И твердо понять, что только ей под силу вновь сделаться Третьим Римом и что четвертому Риму не бывать!»[89]

Как известно, концепция «Третьего Рима» приобретает права гражданства в науке и публицистике лишь во второй половине XIX в. после публикации сочинения Филофея в журнале Казанской духовной академии[90]. Этот случайный или неслучайный факт оказался очень кстати в российском обществе. Как ответ на ослабление идей абсолютистской власти под влиянием Французской революции русское правительство предприняло ряд мер идеологического характера, направленных на ее укрепление в собственном государстве, в частности с помощью монархической атрибутики[91]. В значительной степени этому помогли труды историков XIX в., и прежде всего труд Н. М. Карамзина, духовное воздействие которого на российское общество и на утверждение «охранительских» воззрений было велико. Его слушали, внимали его историко-патриотическим идеям при чтении «Истории государства Российского» такие же, как и он, умные, тонкие, образованные люди — С. С. Уваров, В. А. Жуковский, Д. Н. Блудов. Через несколько лет один из них станет родоначальником идеологизированной «теории официальной народности» (Православие, Самодержавие, Народность), другой создаст слова гимна, прославляющего самодержца, третий будет разрабатывать «Уложение о наказаниях». Апологетика самодержавия Карамзина, подкрепленная «научным и художественным талантом», явилась первоосновой многих последующих охранительско-патриотических концепций в русском обществе, многое из того, что «художественно» описал Карамзин, принималось за неоспоримые факты. В частности, карамзинская интерпретация версии В. Н. Татищева о происхождении русского государственного герба оказалась безоговорочно принятой русским обществом. Это объясняется не только исключительным влиянием Карамзина на читающую элиту, но и идеями, присутствующими в трудах и иных историков XIX в. и соответствующими официальной доктрине. В их числе было не только возвеличение самобытности и исконности существовавших в России государственных институтов — прежде всего самодержавия, великодержавности, но и абсолютизирование исключительного влияния Византии на русское общественное развитие, в частности на идеологию и формы русской государственности. В этой доктрине нашлось место и идее заимствования двуглавого орла из Византии. Нашлось место и всаднику, поражающему дракона, теперь уже признаваемому официально за Георгия Победоносца. В значительной степени «истолкованию» фигуры, помещаемой вместе с двуглавым орлом на печати Ивана III (на оборотной ее стороне), способствовали изыскания профессора древних языков Московского университета, известного москвоведа И. М. Снегирева. Его внимание привлек каменный барельеф Успенского собора Московского Кремля,

[89] *Иванов А. Б.* Третий Рим. М., 1996. С. 126.

[90] *Синицына Н. В.* Указ соч. С. 13.

[91] *Соболева Н. А.* Концепция «Москва — Третий Рим» и официальная российская символика второй половины XVIII—XIX в. // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 195—210.

так называемый Устюжский рельеф[92]. Барельеф представлял собой плиту пористого известняка, имеющую вид усеченного эллипса (0,91 м высоты, 0,6 м ширины).

На плите вырезана композиция, состоящая из всадника в шлеме и воинском снаряжении, колющего копьем крылатого змея — дракона в пасть, стоящей рядом с ним девы и разбросанных под копытами коня цветов, листьев и человеческих костей. Над головою всадника возвышается лавровое дерево, над которым помещена доска с латинской надписью. Снегирев, знаток латыни, перевел ее исключительно точно: «Императору Цезарю Флавию Константину Великому, Отцу Отечества, Августу, Сенат и народ Римский посвятили сии врата, ознаменованные триумфами за то, что, по внушению свыше (божества) и по своему веледушию, он праведным оружием защитил государство от тирана и его скопища»[93]. Эта надпись, которую Снегирев соотнес с письменами Триумфальных ворот в Риме, прославляющими императора Константина Великого после его победы над язычником Максенцием, а также внешний вид всадника, одетого в иностранный доспех, побудили любителя истории высказать предположение, что барельеф — римский, «что витязь на барельефе не кто иной, как Константин Великий, дракон — попранное язычество (по другой версии — враг христианства и тиран Рима — Максенций. — *Н. С.*), а дева — освобожденная Церковь или Рим (urbs aetema), который, как известно, олицетворен был в образе богини (Roma dea)»[94].

Как же появился барельеф в Успенском соборе Московского Кремля и когда? Ведь Снегирев увидел его на южной стене Петропавловского придела названного храма над гробницей митрополита Феогноста лишь в XIX в. Хотя, безусловно, ему были известны высказывания ряда предшественников, которые, основываясь якобы «на старинных описях и преданиях», писали, что «барельеф привезен из Рима в Москву»[95]. Снегирев присоединился к этому мнению, датировав памятник IV в., но появление его в Москве связал с приездом в Россию Софьи Палеолог. Правда, он допускал, что итальянцы, прибывшие с Софьей, могли вытесать барельеф по римскому типу и в Москве. И задавал себе вопрос: не был ли Аристотель Фьораванти, который, как и художники того времени, владел многими искусствами, «творцом

[92] *Снегирев И. М.* Объяснение латинской надписи на древнем барельефе в московском Успенском соборе // Ученые записки Императорского Московского Университета. 1883. Ч. 2; *Он же.* Римский барельеф, известный под именем св. Георгия, в московском Успенском соборе // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. II. Одесса, 1850. Отд. 2; *Он же.* Барельеф, изображающий св. великомученика и Победоносца Георгия // *Тромонин К. Я.* Очерки с лучших произведений живописи, гравирования, ваяния и зодчества с кратким описанием и биографиями художников. Т. I. М., 1839. *Он же*. Описание Успенского собора Московского Кремля в книгах: Памятники московской древности, М., 1842—1845; Москва. Полное историческое и археологическое описание города. Т. II. М., 1873. С. 151—153.

[93] *Снегирев И. М.* Римский барельеф. С. 471—472.

[94] *Снегирев И. М.* Барельеф, известный под именем образа св. Георгия // Древности Российского государства. М., 1849. Отд. 1. С. 38.

[95] *Снегирев И. М.* Объяснение латинской надписи. С. 281—282.

сего барельефа, или, по крайней мере, не снял ли противень с древнего какого барельефа в своем отечестве»[96].

Отразив свою концепцию во многих статьях, посвященных барельефу, в котором, по мнению Снегирева, многие «ревнители Христианской веры» ошибочно видели Чудо св. Георгия, избавившего царевну от дракона, автор не сомневался в особом пристрастии к данному памятнику великого московского князя Ивана III, ибо ему, «освободившему Россию от ига татарского, этот образ напоминал собственный его подвиг: в победоносце он видел себя, в драконе — низложенное владычество поганых, а в спасенной деве — спасенную Россию»[97].

Ничто не могло изменить направление мыслей Снегирева: ни отсутствие упоминаний о барельефе в описях Успенского собора ранее второй половины XVII в., ни изображение на деревянной раме, окружающей барельеф устюжских святых Прокопия и Иоанна, ни опубликованное в 1840-х гг. сообщение о переносе в XVII в. барельефа из Великого Устюга в Москву.

Какими бы абсурдными ни казались нам сегодня умозаключения Снегирева, многие современники тем не менее поддержали его теорию, о которой существовали самые положительные отзывы, например, митрополита Евгения (Болховитинова), Ю. П. Бартенева, других авторов литературных и исторических трудов XIX в., у которых не вызывали никаких возражений эти сомнительные с точки зрения истории догадки, переходящие из одной работы в другую. Постепенно к «подаркам» Софьи Палеолог, таким образом, относили уже не только двуглавого орла, но и всадника, поражающего копьем дракона: «Итак, Софья привезла из Рима снятый с врат Константиновых барельеф времени христианских… София этим барельефом дала св. Георгия нашему гербу»[98].

Одним из первых, кто в начале XX в. предложил научно обоснованную альтернативу общепринятому «византийскому следу» в трактовке российской государственной символики, был Н. П. Лихачев, крупный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, впоследствии известный советский ученый, академик. Ему казалось неприемлемым существующее в литературе мнение о заимствовании великим московским князем Иваном III государственной печати, а вместе с ней и двуглавого орла из Византии. Лихачев считал, что таковой в Византийской империи не существовало, поэтому «московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та не имела»[99].

Не менее значимым оказался вышедший в то же время труд известного искусствоведа Я. И. Смирнова, начисто опровергнувшего мнение И. М. Снегирева

[96] *Снегирев И. М.* Объяснение латинской надписи. С. 290—291.

[97] *Снегирев И. М.* Римский барельеф. С. 478.

[98] Цит. по: *Смирнов Я. И.* Устюжское изваяние святого Георгия московского большого Успенского собора. М., 1915. С. 27.

[99] *Лихачев Н. П.* Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров. М., 1911. С. 1, 43.

об Устюжском рельефе[100]. Смирнов доказал, что барельеф изображает не Константина Великого, а св. Георгия Победоносца, сделан великоустюжскими мастерами и служил в качестве иконы в XVI—XVII вв. на Русском Севере, однако прототипом для него являлась западная гравюра, попавшая туда в конце XV в. Автор отмечал, что использование западноевропейской гравюры для изображения Чуда св. Георгия о змие не представляет собой ничего удивительного: «известно немало примеров точного воспроизведения иконописцами западноевропейских оригиналов, преимущественно, конечно, по гравюрам как наиболее удобопереносимым и дешевым образцам их»[101].

Смирнов проследил весь путь перемещения барельефа из места его «рождения» до главного всероссийского храма.

Подчеркнув значимость вывода исследователей об особом почитании св. Георгия на Русском Севере (в таких «областях, как Новгородская, Двинская, Вятская»), отметив, что для этих мест характерны деревянные резные изображения Чуда св. Георгия о змие[102], он особое внимание сосредоточил на таких доказательных фактах, как постройка в Великом Устюге церкви св. Георгия в конце XV в., и на «Повести о святей и честней иконе», в которой изложено повествование о том, как «местный образ… великомученика Георгия», вырезанный «на трех каменях драгим мастерством», по указу царя Алексея Михайловича и благословению Святейшего патриарха был передан в Москву в 1678 г. «во святую и апостольскую церковь Успения Пресвятые Богородицы». Свидетельством того, что речь идет о вышеназванном барельефе, является упоминание о греческой надписи наверху иконы. Далее Я. И. Смирнов в качестве самого весомого аргумента приводит сведения об опубликованной в одном иностранном издании итальянской гравюре, хранящейся в Британском музее в Лондоне (предполагается, что гравюра имеет прообразом итальянский рельеф 1490 г.). Ей идентичен Устюжский рельеф, однако здесь Змееборец в отличие от гравюры повернут в традиционную для византийской и русской иконописи правую от зрителя сторону. Щиток же с латинской надписью «является единственным остатком полного изображения триумфальной арки Константина, которая на гравюре занимает весь второй план композиции»[103].

Далее автор в подробностях разбирает дальнейшую судьбу барельефа в Москве, его раскраску, изъятие из храма, затем водворение на прежнее место и т. д., что само по себе интересно, но имеет косвенное отношение к нашему сюжету.

Сторонники версии Снегирева связывали Устюжский барельеф и печать 1497 г. Так, известный специалист по русским древностям И. П. Сахаров предполагал, что барельеф мог служить образцом для государственной печати Ивана III[104].

[100] *Смирнов Я. И.* Указ. соч.

[101] Там же. С. 114.

[102] Там же. С. 39—40.

[103] Там же. С. 87.

[104] *Сахаров И. П.* Записки о русских гербах. I. Московский герб. СПб., 1856. С. 19.

В статье предпринята попытка продемонстрировать взаимосвязь исторических мифологем, задействованных при решении проблем идентичности — нового направления в изучении социума и артефактов (визуальных образов и вещественных памятников), которые сопутствуют вербально оформленным «идеям», концепциям, доктринам. Иногда обнаружить артефакты довольно сложно; они могут отсутствовать «в наличии», иногда артефакты не соответствуют мифу и могут дать искаженный посыл в определении идентичности.

Исследователи «исторической идентичности, а также политологи, использующие в современной политической практике знаки и символы прежних эпох, должны досконально знать историю их появления и функционирования, опираясь на их научный потенциал. Только в этом случае историческая традиция достигнет своей агитационной значимости и патриотических ассоциаций.

Вместе с тем включение артефактов, символов, визуальных и вербальных знаков в политическую жизнь социума предъявляет к последним определенные требования. Большинство из них составляет предмет изучения специальных (вспомогательных) исторических дисциплин, не все имеют богатую историографическую традицию и «выходят за рамки» собственного предмета изучения (описания, составления каталогов, формальных определений), т. е. действий, которые обычно производятся с предметами этих дисциплин в музейных и архивных собраниях. Привлечение символов и знаков (гербов, монет, флагов, родословных, марок и т. д.) для подтверждения или оспаривания идентичности выводит их из узких, «самодеятельных» рамок, повышает их источниковедческий потенциал, включая в цивилизационный контекст развития общества.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РЕКОНСТРУКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

До недавнего времени в историографии существовали самые общие сведения о государственной символике России, начиная с зарождения отечественной государственности. Этот феномен, возможно, объясняется прерывистым характером русской истории, не дающим возможности нарисовать реальную картину эволюции и использования носителями власти атрибутов этой власти, проанализировать их символику, определить степень традиционности, исконности и заимствований. Письменные источники отчасти по этой причине скупо освещают историю российской властной атрибутики. Недостаток достоверных данных, с одной стороны, обусловил отсутствие каких-либо серьезных сведений о возникновении государственных эмблем в трудах крупных историков (С. М. Соловьева, В. О. Ключевского), с другой — способствовал рождению различных мифов, субъективных трактовок непроверенных источниковедческих фактов. К последним относится, например, осторожное высказывание русского историка В. Н. Татищева о заимствовании великим князем Московским Иваном III Васильевичем государственного герба у Византии в результате его женитьбы на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI Палеолога, в 1472 г. В XIX в. существовала также версия, что Софья Палеолог привезла в Россию и другой символ — Драконоборца. Прошло 200—250 лет со времени появления подобных версий. Исследователями последующих поколений, казалось бы, опровергнуты многие суждения, высказанные на заре становления исторической науки; к российским историкам присоединились и зарубежные исследователи. Однако «традиция» оказалась живучей; до сих пор в русской и зарубежной литературе бытует версия, что «Софья привезла в Россию герб Византии — двуглавого орла».

Непрофессиональные суждения высказываются и о советских государственных эмблемах, насчет происхождения которых в настоящее время существует много экзотических версий. Одна из наиболее «заманчивых» — масонский след, отраженный в эмблемах герба и флага СССР. О том, что этот факт не подтверждается ни исторически, ни источниковедчески, можно прочитать в немногочисленных, правда, трудах специалистов[1].

[1] *Корнаков П. К.* Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; *Колоницкий Б. И.* Символы власти

В настоящее время, а точнее — в последнее 20-летие, в отечественной исторической науке происходят значительные изменения как в плане новаций относительно тематики исследований, так и в плане многофакторности методов осмысления явлений и процессов, многие из которых ранее не представляли общественного и научного интереса. В числе подобных проблем — символы власти в России на разных этапах ее истории.

Чисто фактографическая сторона изучения символов власти, кажущаяся такой важной, как правило, не выходила за рамки вспомогательных исторических дисциплин — геральдики, сфрагистики, вексиллологии и т. д. Однако на данном этапе развития мирового гуманитарного знания знаки власти как составная часть входят в самостоятельную дисциплину — потестарную имагологию. «У нее нет пока ясных дефиниций, ее границы со смежными дисциплинами не намечены, пределы ее возможностей не выявлены, характер методологических самоограничений не определен»[2], — пишет один из отечественных разработчиков теории потестарной имагологии М. А. Бойцов. Тем не менее, признавая отсутствие определенных постулатов, адепты потестарной имагологии вполне квалифицированно, на основании анализа опубликованных зарубежных и отечественных работ, определяют потестарную имагологию как дисциплину, ориентированную на изучение образов власти, способов и форм ее репрезентации во внешнем мире. Систему образов власти составляют не только визуальные знаки (гербы, флаги, знамена, ордена, печати и т. д.), но и другие символические знаковые категории — вербальные, поведенческие, обрядовые (ритуалы, праздники, церемонии, обычаи, девизы, жесты, возгласы, лозунги) — словом, все, что дает представление о государственной идеологии в действиях, отражающих сущность власти. Бойцов полагает, что «давно уже пора отказаться от априорной убежденности в том, что символическая сторона власти второстепенна, дополнительна, малозначима по сравнению с иными более “солидными”, а потому и более заслуживающими внимания историков ее основаниями, например институциональными»[3].

В рамках исследовательских компонентов «образности» власти одно из важных мест занимают инсигнии — национально-государственные символы. Они — «составная часть процесса формирования и воспроизводства политической общности любого народа и государства. С одной стороны, национально-государственная символика определяет лицо народа, подчеркивает его самобытность, сплачивает во времена тяжких общественных потрясений, с другой — используется

и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001; *Похлебкин В. В.* Из истории советской эмблематики // Вопросы истории. 1978. № 3; *Соболева Н. А.* Из истории советской политической символики // Отечественная история. 2006. № 2. Данная работа опубликована также: Russian Studies in History. Fall 2008. Vol. 47. № 2.

[2] *Бойцов М. А.* Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 8—9.

[3] *Бойцов М. А.* В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. СПб., 2007. С. 46.

правящей элитой для идентификации проводимого политического курса с общими национально-государственными интересами. Это позволяет власть имущим объединить граждан вокруг своей политики, мобилизовать их внимание, стимулировать действия, необходимые для достижения поставленных целей», — определяет роль инсигний в функционировании власти современный политолог О. А. Кажанов[4].

Возведение знаков суверенитета государства в ранг политических символов определило их социальную значимость и предопределило применительно к ним методы изучения социума, которые в настоящее время характерны для социологической науки, но все шире применяются и в исторических исследованиях. Речь идет не только об опросах респондентов, но и о следовании неким парадигмам. Одной из них является идея национальной идентичности, основополагающий момент которой — воссоздание картины исторического прошлого нации. Воссоздание этой картины во всей полноте — требование времени, находящее воплощение в отечественных исследованиях социологов, политологов, филологов, различных направлений исторической науки[5]. Значимость проблемы подчеркивается на страницах журнала «Отечественная история» (ныне «Российская история»): «Проблема реконструкции национальной идентичности становится актуальной в современном мире в силу процессов глобализации и интеграции, ведущих, с одной стороны, к размыванию идентичности и, с другой стороны, — к стремлению восстановить ее исторические основы»[6].

Знаки власти в контексте исследования проблемы идентичности заинтересовали многих европейских ученых, поставивших перед собой задачу показать, как страны, обретшие «широкую демократию» (*Massendemokratie*) в 1989—1991 гг., могут легитимизироваться через традицию. Немецкое научное общество (*Deutsche Forschungsgemeinschaft*) в Гуманитарном центре истории и культуры в Лейпциге с 2001 г. в рамках исследовательского проекта, касающегося истории и культуры Центральной и Восточной Европы, развития ее визуальных аспектов в процессе государственной и общественной модернизации с 1918 г., публикует статьи авторов из разных европейских стран по данной проблематике в ряде журналов, прежде всего в издании «Восточная Европа» («Osteuropa»). Один из его выпусков[7] посвящен символике как бывших стран народной демократии, так и новых суверенных государств. Авторы освещают широкий спектр носителей и средств визуальной репрезентации государства, подчеркивающих легитимацию государственной тра-

[4] *Кажанов О. А.* Национально-государственная символика современной России как средство политической коммуникации. Смоленск, 1995. С. 3.

[5] Новые тенденции особенно заметны в современной этнологии, где ставятся и решаются проблемы России «как состоявшегося государства-нации» и проблемы россиян как гражданской нации. См. об этом: *Тишков В. А.* Российский народ. М., 2010.

[6] Отечественная история. 2008. № 6. С. 158.

[7] Osteuropa, 53. Jg., 7/2003.

диции. Выделяются молодые нации со слабой и плохо развитой национальной идентичностью, а также государства, имеющие многовековую историю, но акцентирующие внимание на новых процессах идентификации, модифицирующих политическую символику.

В указанном издании помещено исследование и о государственной символике Российской Федерации — России. Пол Колстё (Pål Kolstø) в очерке «Российская Федерация: постмодернистский компромисс Путина»[8] утверждает, что не только в новых, но и в реструктурированных государствах может возникнуть глубокий кризис в отношении политических символов. В качестве примера он указывает на Российскую Федерацию, которая может служить образцом выхода из тупиковой ситуации, касающейся государственной символики. По его мнению, В. В. Путин осуществил постмодернистский компромисс, примирив политических противников, объединив инновацию и традицию. В 2000 г. он соединил те символы, что предпочитали ориентированные на Запад демократы, с одной стороны, и монархисты, которым покровительствовали националисты-славянофилы, — с другой (герб — двуглавый орел, флаг — трехполосный бело-сине-красный), с некоторыми знаками из советского времени, от которых не хотели отказаться коммунисты (музыка гимна).

Подобным же образом осмысляется «новая» — «старая» российская символика еще одной западной исследовательницей — И. де Кегель (она — автор двух книг, посвященных истории флага, герба и гимна России с эпохи средних веков до современности)[9]. Предысторию современной российской государственной символики автор излагает в основном на материале популярных работ, научные труды по данной тематике ею практически не привлекаются. Главной ее задачей было показать, что для символики ельцинского времени был характерен сильно выраженный антикоммунизм, который не смог служить идентификационной основой «для широкого населения». В отличие от этого путинская политика была направлена на то, чтобы создать синтез дореволюционной и советской символики.

Работа П. Колстё и книги де Кегель, хоть и различаются по качеству и объему, в целом похожи. Это бесстрастное изложение сообщений Интернета, официальных документов «организующего» характера (постановлений, подзаконных актов, опросов случайных людей — постфактум). В них не использованы архивные данные, свидетельства очевидцев трагедии становления сегодняшних государственных символов, которая длилась почти 10 лет и оказала отрицательное воздействие на наше общество.

Вопрос о символах новой демократической России при всей кажущейся простоте — возвращение к старине, к традициям — остается сложным, даже, можно сказать, не совсем понятным. Он «завязан» на российской событийности

[8] Osteuropa, 53, Jg.7/2003. S. 1009—1014.

[9] *Keghel I. de*. Die Staatssymbolik des neuen Russland im Wandel. Vom antisowjetischen Impetus zur russländisch — sowjetischen Mischidentität. Bremen, 2003; Die Staatssymbolik des neuen Russland. Traditionen-Integrationsstrategien-Indentitätsdiskurse. Hamburg, 2008.

1990-х гг. и «нулевых» годов века нынешнего, на личностях, возглавлявших Российское государство в это время, на их «командах», последователях, преемниках и противниках[10].

Особое внимание общества уделялось двуглавому орлу. Как только не называли его в прессе: «цыпленок табака», «чернобыльский мутант». Даже среди специалистов не было единства взглядов на данную эмблему. Одни видели в двуглавом орле «птичку с опущенными крыльями», тогда как другие считали ее «великолепной», «свободной, гордой и мощной птицей». Идея исторической преемственности, патриотизма, восхищения деяниями предков нашла отражение в новой (по сравнению с орлом Временного правительства, лишенным монархических атрибутов) форме двуглавого орла, которому «вручили» в лапы скипетр и державу, голову увенчали тремя коронами, а на грудь поместили Драконоборца.

Однако эта форма герба вызывала недоуменные вопросы: «зачем орлу три короны, что они означают?», «почему у орла две головы?», «почему в республиканском гербе присутствуют символы монархической власти — скипетр и держава?» и т. д. К сожалению, ответы должностных лиц, дававших интервью, были не слишком вразумительны: например, три короны «символизируют единство трех властей — судебной, законодательной и исполнительной»; о двух головах орла можно было прочитать, что орел одновременно смотрит в Европу и Азию, а скипетр и держава символизируют просто власть. Однако какие бы фантастические ответы на вопросы граждан относительно новых символов Отечества, пришедших на замену «прозрачным» серпу, перекрещенному с молотом, ни придумывали чиновники, только ученые могли объяснить историю «новых» — «старых» эмблем, растолковать их символику. Развитие вспомогательных исторических дисциплин, в частности — геральдики, сфрагистики и нумизматики, отмеченное еще в начале XX в., позволило внести коррективы в историю происхождения эмблем, «принятых на вооружение» Б. Н. Ельциным и В. В. Путиным.

Прежде всего это касается гербовых эмблем — двуглавого орла и Драконоборца. Обе эти эмблемы объединены (лицевая и оборотная стороны) на печати 1497 г., принадлежавшей великому князю Московскому Ивану III Васильевичу. Печать, а вместе с нею и эмблемы, вошедшие позднее в герб Российской империи, неоднократно в последние годы становились объектом изучения, прежде всего автора данной статьи[11].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[10] На эту тему по предложению редакции журнала «Historical Yearbook» («Nicolaelorga» History Institute — Romanian Academy) мною написана статья «Символика России 90-х гг. XX — начала XXI в. в государственной политике и общественном дискурсе».

[11] *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // Вопросы истории. 1979. № 6. С. 47—59; *Она же.* Происхождение печати 1497 г.: новые подходы к исследованию // Отечественная история. 2000. № 4. С. 25—43; *Она же.* Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института российской истории РАН. 1999—2000. Вып. 3. М., 2002; *Она же.* Об авторе первой русской государственной печати // Культурное наследие Российского государства. Вып. V. Ч. I. СПб., 2010. С. 150—160, и др.

Фигура лицевой стороны печати трактуется нами как изображение Георгия Победоносца, воплощенного в образе светского воина эпохи Возрождения, что является свидетельством участия в изготовлении печати итальянских мастеров, приглашенных Иваном III в Москву в последней четверти XV в. для работы. Лик святого Георгия в качестве символа русской государственности утвердился на Руси еще в XI в., ибо изображался на первых русских монетах — сребрениках Ярослава Мудрого, который считался согласно прологам «всея Рускыя земли князем»[12].

Исследование изображения оборотной стороны печати великого князя Московского Ивана III — двуглавого орла — связано с рассмотрением нескольких аспектов, из которых можно выделить наиболее спорные: являлся ли двуглавый орел гербом Византии; из Византии ли Московия заимствовала эмблему двуглавого орла, поместив его на государственной печати, а затем сделав основной фигурой герба; какова история возникновения двуглавого монстра, его семантика и функции.

Российский ученый Н. П. Кондаков еще в начале XX в. заметил, что «двуглавый орел имеет свою иконографию религиозного происхождения, идущую из глубокой древности переднеазиатских государств»[13].

Другой российский исследователь, знаток сфрагистики Византии и Руси Н. П. Лихачев, исключал заимствование великим князем Московским государственной печати, а вместе с нею и двуглавого орла из Византии. Он считал, что «московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та не имела»[14]. Такой печати в Византийской империи действительно не существовало. Основную причину появления печати с двуглавым орлом в Московии Лихачев видел в установлении контактов Ивана III с императорами Священной Римской империи, которые к тому времени обладали подобной печатью. Великий князь Московский «хотел во всем равняться — в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл — цесарю и королю римскому»[15].

Через несколько лет аналогичная мысль была высказана американским ученым Г. Алефом, который включил вопрос о появлении на Руси двуглавого орла в контекст своего труда, посвященного происхождению московского самодержавия[16]. Печать 1497 г. в его интерпретации явилась существенным компонентом

[12] См. об этом: *Соболева Н. А.* Образ св. Георгия в атрибутике Российского государства // Проблема святых и святости в истории России: Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006. С. 183—199.

[13] *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 116.

[14] *Лихачев Н. П.* Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. 43.

[15] *Лихачев Н. П.* История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 15 мая 1915 г.

[16] *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 39. Berlin, 1986.

общей схемы претензий Ивана III на титул императора. По его мнению, ни женитьба на Софье Палеолог (1472), ни осторожные попытки принять императорский титул не вызвали использования в качестве государственного атрибута двуглавого орла. Только в результате контактов с правителями из дома Габсбургов (конец 1480-х — начало 1490-х гг.), которые посылали ему грамоты, скрепленные императорской печатью, Иван III принял аналогичный императорский знак в качестве своей отличительной эмблемы.

Имеются многочисленные свидетельства о стремлении Ивана III поставить себя на один уровень с первым монархом Европы — императором Священной Римской империи. Алеф выстраивает убедительную систему доказательств борьбы Ивана III за признание его императором как внутри страны, так и за ее пределами, причем эти действия начались еще до женитьбы на византийской принцессе. Сама женитьба, таким образом, вплетается в контекст притязаний на императорский титул, не являясь отправной точкой. В этот период складывается и концепция власти великого князя Московского. Русские послы должны были постоянно подчеркивать равенство по рождению Ивана III с императором Священной Римской империи: «И цесарь и сын его Максимиан государева великие, а наш государь великий ж государь»[17].

Императорским знаком первого европейского монарха являлся двуглавый орел. Мог ли уступить ему в этом «равный с ним по рождению» великий князь Московский?! В результате на государственной печати Ивана III возникла аналогичная эмблема — своеобразный «герб претензий».

Неизменный интерес вызывает не только появление российского герба в виде двуглавого орла, но и сама история этой эмблемы. Ряд европейских ученых начиная с середины XX в. (А. В. Соловьев, Дж. Герола, Э. Корнеманн, основывающийся на трудах крупнейшего исследователя византийских документов Ф. Дэльгера, категорически отрицавшего роль Византии как посредника между Западом и Востоком в передаче в Европу двуглавого орла, М. Хеллманн, П. Е. Шрамм, Г. Штёкль и многие другие[18]) тщательно анализировали истоки ее появления, семантику, функции. В результате сложилась следующая схема существования данной эмблемы в контексте мировой истории. Появление и использование двуглавой «расплющенной» птицы характерно для культур ранних обществ, о чем свидетельствуют изображения двуглавых птиц (не только орла, но и уток, петухов — в культурах сибирских народов) в разных регионах мира (двуглавые хищные птицы известны у древних народов Центральной Америки).

Изображение в клювах орла солнечных дисков свидетельствует об отнесении двуглавого (как и одноглавого) орла к солнечному культу. Этим объясняется

[17] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 18.

[18] Обзор этих работ см.: *Соболева Н. А.* Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси. С. 34—38, 50.

утверждение данной фигуры прежде всего в странах, связанных с древнейшими цивилизациями, как традиционного элемента их культуры, переданного народам иных культур и сопредельных территорий. Переход от сакральности к декоративности подобных изображений отмечают многие исследователи. Однако представления о соотношении орла с вершиной мирового дерева, с «высшим началом», по-видимому, выводят его из чисто декоративных рамок, делая своеобразным властным атрибутом: одноглавый римский орел может восприниматься как символ империи, когда увенчивает скипетр Карла Великого; двуглавый орел как властный символ изображался на месопотамских печатях, на монетах мусульманских правителей XII—XIII вв. В Византии двуглавый орел известен с эпохи Комнинов прежде всего в виде рисунка на тканях, воспринимавшегося как элемент восточного орнамента. А. В. Соловьев[19] особо подчеркивал, что эта двуглавая птица не несет геральдического смысла. Однако он допускал, что Палеологи, которым удалось объединить всю Морею, ставшую накануне падения Византии ее оплотом, продлившим на какое-то время существование государства, действительно использовали в качестве герба двуглавого орла. Этот факт, по мнению исследователя, и служит отправным пунктом мифа о гербе Византийской империи в виде двуглавого орла, объясняет превращение его в некий символ национальной греческой идеи, ее бессмертия и надежды на возрождение.

Со времени широкого распространения в Западной Европе гербов (XIII—XIV вв.), в Балканских странах и Византии двуглавый орел известен как «неофициальная эмблема». Он помещается на мелких болгарских и византийских монетах; в 1970 г. найдена болгарская бронзовая матрица печати с двуглавым орлом, двуглавый орел украшает надгробие болгарского царя Ивана Александра и капитель из дворца Великого Тырнова и т. д.[20] Известен он и на Руси: на мелких монетах князей Тверского и Московских, как декоративный элемент дверей Рождественского собора XIII в. в Суздале. Двуглавого орла встречаем также на монетах Артукидов (XIII в.), на мелких золотоордынских монетах (XIV в.), на мелких же серебряных западноевропейских монетах (XIII—XIV вв.) и т. д.

Установление турецкого владычества на Балканах сделало двуглавого орла своеобразным символом борьбы, придав эмблеме значение хоть и неофициально-геральдического, но объединительного знака (в Болгарии, Сербии, Румынии, Албании). В эпоху Возрождения создается миф о двуглавом орле как гербе Византийской империи (система гербов в Западной Европе к этому времени утвердилась, и создать этот миф как противовес турецким притязаниям обстоятельства позволяли).

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[19] *Solovjev A. V.* Les emblemes héraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. VII. Praha, 1935. P. 132.

[20] *Миятев Кр.* Една надгробна скулптура от двореца в Търнове // Сборник в чест на Г. Кацаров. Т. П., 1955. С. 345 и далее; *Попов А.* Царски монограми и хералдически изображения от Търновград (XIII—XIV век) // България 1300. Институции и държавна традиция. Т. П., 1982. С. 334—351.

Развитие герботворчества в Западной Европе способствовало упрочению и узаконению государственных гербов во многих странах. Как предполагают исследователи, личным знаком императора Священной Римской империи Фридриха I с XII в. становится одноглавый орел, в XIII в. источники упоминают о гербе империи — также одноглавом орле. Вместе с тем уже в XIII—XIV вв. как гербовая фигура в дворянских и городских гербах получает широкое распространение двуглавый орел, который в начале XV в. известен как герб императора Священной Римской империи, а в начале XVI в. он становится гербом этого государства[21]. Черный двуглавый орел в конце XV в. как лично-государственная эмблема привлек внимание великого князя Московского Ивана III.

Более полную и фундированную картину феномена космической эмблемы, каковой является двуглавый орел, можно воссоздать, исследуя ее семантику и функции в территориальных (от Северного Китая, Индии, Ирана, Ирака, Турции, Южной Сибири, Закавказья до Балкан и Западной Европы) и хронологических (от III тыс. до н. э. до XX в. н. э.) параметрах, что и предстоит еще сделать.

Не менее важным в контексте воссоздания исторических основ Руси является вопрос об инсигниях «первого ряда» — короне, скипетре, державе, других предметах, используемых при венчании на царство и в иных придворных церемониях. Данной теме посвящена наша большая статья, только что опубликованная в книге «Российская империя от истоков до начала XIX века»[22]. В ней приводятся данные, ранее неизвестные или не принимавшиеся во внимание исследователями. Они свидетельствуют, что факт значительного влияния Византии на русскую политическую идеологию и те внешние формы, в которых она воплощалась, не следует абсолютизировать. В частности, источники не позволяют воспроизвести картину коронации (возведения на престол) князей Древней Руси, подобную другим регионам византийского культурного круга. Ф. Кэмпфер, исследователь изображений правителей этих стран, отмечает, что «русское изображение властителя характеризуется отсутствием изображений коронации и инвеституры»[23]; другие считают, что ни коронование, ни помазание на царство не являлись составной частью церемониала вступления на престол русских князей[24].

Замечательный знаток русского и византийского искусства Н. П. Кондаков в одной из своих работ замечал: «Обзор сведений о том, как князья возводились на княжение, показывает с достаточной убедительностью, что особо вручаемых знаков власти при возведении на великокняжеский престол или вовсе не было,

[21] *Hye F.-H.* Der Doppeladler Als Symbol für Kaiser und Reich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 81. H. 1. Wien; Graz, 1973.

[22] *Соболева Н. А.* Имперская идея и российская символика власти (XI—XVI вв.) // Российская империя от истоков до начала XXI века. М., 2011. С. 552—656.

[23] *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978. S. 58.

[24] Lexikon des Mittelalters. München; Stuttgart. Bd. 9. S. 574.

и церемония ограничивалась церковною службою, благословением, многолетием, посажением на стол в церкви и всенародным объявлением, или же эти знаки придумывались на каждый раз, смотря по тому, что было под рукой…»[25]. «Посажение на стол» могло осуществляться и в княжеском доме: имеется сообщение конца XI в., что претендент на киевский престол встречен был у ворот города епископом со святым крестом, «по обычаю» отведен в церковь, потом в великокняжеский дом, приняв «престол отца и деда своего с миром»[26]. О короне — главном символе власти правителя — ничего не говорится. Кэмпфер полагает, что великие князья Киевские, а позднее Владимиро-Суздальские ввиду отсутствия короны использовали как высший знак власти княжеские шапки[27].

Хотя титул «царь» в Древней Руси широко известен по письменным источникам (его применяют чуть ли не для любого главы княжества), он отсутствует в легендах монет и печатей (в отличие, например, от Болгарии). При изображении правителей отсутствуют скипетр и держава, а также характерная для многих соседей Руси тронная печать (*Majestatssiegel*) с изображением сидящего на троне короля или императора со скипетром и державой в руках.

Русская специфика применительно к символам власти, по-видимому, является следствием своеобразной доктрины власти: занимать княжеские столы на Руси могли только представители княжеского дома Рюриковичей (все они «одного деда внуки»). Способы же «усвоения» княжеской власти — «старшинство» и «отчина» — исключали (по крайней мере, на ранних этапах государственности) какие-либо церемонии в оформлении принятия этой власти, кроме известного по летописи: «сел на столе», «занял стол отца своего» и т. п. «На столе посадити» означало «дать власть». Самодостаточность подобного «посажения» исключала для русских князей «поставление на власть» со стороны патриарха или императора Священной Римской империи. Даже великий князь Московский Иван III Васильевич, создатель единого Русского государства, с его прагматизмом, умом, стремлением возвысить свою державу и войти в «европейскую семью» после освобождения от иноземного ига, не смог преступить законы своего рода. На предложение о коронации, которую якобы мог совершить только «царь римский» (император Священной Римской империи), он передал послу императора Фридриха III: «А что еси нам говорил о королевстве, если нам любо от Цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле, и мы Божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы,

[25] *Кондаков Н. П., Толстой И. И.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1897. С. 41—42.

[26] *Успенский Г.* Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818. С. 221. Ряд авторов описывают вступление на княжество русских князей как «посажение на стол» (см. *Пятницкий П. П.* Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М., 1896. С. 2—4, и др.).

[27] *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild. S. 58.

а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим дегем и до века в том быти, как есмя ныне Государи на своей земле, а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»[28].

В качестве доказательства своей самостоятельности и самобытности Иван III в 1498 г. венчал на великое княжение Дмитрия-внука, которое в историографии обозначается как «венчание по византийскому обряду». В источниках отмечается, что на внука Иван III возложил «бармы и золотую шапку», названную вскоре Мономаховой. Как писал А. А. Спицин, один из исследователей этой золотой шапки: «Иван III не удовольствовался церковным венчанием: он вне церкви обратился в торжественной речи к братаничам князьям Федору и Ивану Борисовичам с объявлением о правах на великое княжение Дмитрия, а часть обряда отнес на пир, на котором передал Дмитрию крест на золотой цепи, пояс и "крабийцу сердоликовую Августа Кесаря". Так интересно церковный обряд венчания, примененный впервые, переплелся с обрядом гражданского благословения и посажения на стол»[29].

Возникает вопрос: существовали ли все эти вещи в качестве инсигний? Из комплекса духовных грамот (завещаний)[30] известно, что Иван Калита (XIV в.) начал собирать сокровища «со смыслом» для передачи их наследникам: пластины золотой шапки, относящиеся к произведениям византийского искусства, он купил у купцов Каффы (затем они переделывались на манер старинной княжеской шапки, увенчивались крестом), тогда же была куплена и крабийца (чаша), «из которой пивал Август Кесарь»; бармы — медальоны, может быть, византийские, но они не относились там к инсигниям; богатый пояс — часть княжеской одежды (аналогию поясам составляют сербские пояса, обязательный предмет одежды правителя), цепь с крестом («иконой»), как следует из завещаний не только великих, но и удельных князей и княгинь, — обязательный предмет благословления на Руси.

Все эти вещи представляются вынутыми из великокняжеской казны (сокровищницы) как составная часть княжеского имущества. Прежние исследователи недаром их называли предметами княжеского быта, княжеского убора, а отнюдь не инсигниями, которые, согласно легенде, введенной в научный оборот В. Н. Татищевым, византийский император Алексей Комнин послал Владимиру Мономаху.

Это были: «корона, скипетр, держава и сосуд помазания»[31]. Впоследствии у других авторов «дары» многократно варьировались. В XVI в. к некоторым из упомянутых «предметов княжеского быта» добавляются скипетр, держава, а также корона. Эти вещи Иван IV перекупал у иностранных купцов или заказывал иностранным мастерам, но использовались они при коронации его наследников. При Петре I к прежним «царским» атрибутам власти добавились: императорская мантия, меч,

[28] Памятники дипломатических сношений. С. 12.

[29] *Спицин А. А.* К вопросу о Мономаховой шапке // Записки Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I. СПб., 1906. С. 1—21.

[30] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

[31] *Татищев. В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.; Л., 1962. С. 365.

государственная печать с вырезанным на ней гербом и титулом, государственное знамя, государственный щит, золотая цепь ордена Андрея Первозванного.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что использование на Руси византийских инсигний (или их копий) проблематично. В наиболее полном современном описании византийских инсигний в разделе «Заимствование византийских императорских инсигний правителями других государств» к последним относятся Болгария, которая «переняла» у Византии государственную символику исключительно «системно», и в меньшей степени Сербия, а также Румыния[32].

Относительно Руси можно привести высказывание известнейшего византиниста А. Грабара. Он отметил, что, поскольку императорские знаки власти начали формироваться здесь лишь в XVI в., т. е. спустя определенное время после падения Византии, «непосредственного и признанного образца власти» для русских правителей, формирование инсигний в XVI в. было достаточно неоднородным и их комплекс «включал и объединял древнерусские, византийские, восточные и латинские составные части»[33]. Под латинскими «составными частями» Грабар понимает заимствования некоторых знаков власти у германских императоров, польских и других европейских королей. Имеется в виду не только герб, но и печати Ивана III (1497), Ивана IV Грозного (1577). Следует заметить, однако, что хоть эти печати по виду и значимости сугубо западноевропейские, они несут присущие многим русским памятникам черты «святости».

На печати 1497 г. изображен Георгий Драконоборец (в образе святого эпохи Возрождения, как создал его итальянский мастер), а на печати Ивана Грозного 1577 г. среди «гербов» на лицевой и оборотной сторонах помещен голгофский крест, который сопровождают надписи: «Древо дарует древнее достояние» (здесь, по-видимому, «древнее достояние» — жизнь райская) и «Христова хоругвь (вероятно, крест Христов. — *Н. С.*) — христианом похвала».

Подобные действия российских правителей некоторые исследователи нашей истории назовут «прагматизмом», однако скорее можно говорить о специфической самодостаточности Руси, о которой еще во времена Ярослава Мудрого (XI в.) заявил в «Слове о Законе и Благодати» митрополит Иларион, в понимании которого «русы» занимали собственное место «въ всехъ языцехъ»[34]. Иларион нашел бы поддержку в современном аналитическом труде британских историков С. Франклина и Д. Шепарда, которые полагают, что «русы существенно отличались от византийцев в ощущении исторических корней, а следовательно, в культурном самосознании. В отличие от константинопольской элиты русы не возводили себя к Римской империи. Для них мир дохристианского Рима, эллинистической культуры

[32] Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd. 3. Stuttgart, 1978. S. 487—494.

[33] *Grabar A.* Zur Geschichte von Sphaira, Globus und Reichsapfel // Historische Zeitschrift. Bd. 191. München, 1960.

[34] *Иларион*. Слово о Законе и Благодати. М., 1994. См. также: *Сахаров А. Н.* Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006. С. 38, 42—46, 78—79.

был чужд и далек, не имел символического значения, а потому и не занимал особого места на шкале ценностей. *Их интересовала вера, а не символы и не фетиши имперской преемственности* (курсив мой. — *Н. С.*). У них хватало забот и с тем, чтобы в новой обстановке осознать и заново оценить свое языческое прошлое, а также противостоять все еще живой и враждебной языческой культуре»[35].

По-видимому, следует признать, что Древняя Русь, особенно Киев, куда киевские князья, прежде всего Ярослав Мудрый, стремились «перенести дух Константинополя», не восприняла византийские государственные идеи настолько, чтобы отказаться от собственных взглядов на власть и ее атрибуты, что показали и последующие столетия российской истории.

Литература

Бойцов М. А. В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. СПб., 2007.

Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010.

Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994.

Кажанов О. А. Национально-государственная символика современной России как средство политической коммуникации. Смоленск, 1995.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.

Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911.

Лихачев Н. П. История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 15 мая 1915 г.

Похлебкин В. В. Из истории советской эмблематики // Вопросы истории. 1978. № 3.

Пятницкий П. П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М., 1896.

Сахаров А. Н. Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006.

Соболева Н. А. Символы русской государственности // Вопросы истории. 1979. № 6.

Соболева Н. А. Происхождение печати 1497 г.: новые подходы к исследованию // Отечественная история. 2000. № 4.

Соболева Н. А. Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института российской истории РАН. 1999—2000. Вып. 3. М., 2002.

Соболева Н. А. Образ св. Георгия в атрибутике Российского государства // Проблема святых и святости в истории России: Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006.

[35] *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. СПб., 2009. С. 380.

Соболева Н. А. Из истории советской политической символики // Отечественная история. 2006. № 2, а также: Russian Studies in History. Fall 2008. Vol 47. № 2.

Соболева Н. А. Об авторе первой русской государственной печати // Культурное наследие Российского государства. Вып. V. Ч. I. СПб., 2010.

Соболева Н. А. Имперская идея и российская символика власти (XI—XVI вв.) // Российская империя от истоков до начала XIX века. М., 2011.

Спицин А. А. К вопросу о Мономаховой шапке // Записки Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I. СПб., 1906.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.; Л., 1962.

Тишков В. А. Российский народ. М., 2010.

Успенский Гавриил. Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. СПб., 2009.

Миятев Кр. Една надгробна скулптура от двореца в Търнове // Сборник в чест на Г. Кадаров. Т. П., 1955.

Попов А. Царски монограми и хералдически изображения от Търновград (XIII—XIV век) // България 1300. Институции и държавна традиция. Т. П., 1982.

Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1986.

Die Staatssymbolik des neuen Russland. Traditionen-Integrationsstrategien-Identitätsdiskurse. Hamburg, 2008.

Grabar A. Zur Geschichte von Sphaira, Globus und Reichsapfel // Historische Zeitschrift. München, 1960.

Hye F.-H. Der Doppeladler als Symbol für Kaiser und Reich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. H. 1. Wien; Graz, 1973.

Kämpfer F. Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978.

Keghel L. de. Die Staatssymbolik des neuen Russland im Wandel. Vom antisowjetischen Impetus zur russländisch — sowjetischen Mischidentität. Bremen, 2003.

Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1978.

Solovjev A. V. Les emblemes heraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. VII. Praha, 1935.

ОТРАЖЕНИЕ ИМПЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ В АТРИБУТАХ ВЛАСТИ РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ (XI—XVI ВВ.)

В данной проблеме вычленяются две составляющие: символы власти и проблемы империи. В настоящее время империи привлекают к себе внимание не только историков, но и политологов, социологов, правоведов, философов, экономистов, даже филологов. «Имперская» проблематика находится, по словам академика А. О. Чубарьяна, директора Института всеобщей истории РАН, в русле повышенного внимания к так называемой глобальной истории, обуславливающей изучение особенностей мирового развития в сопоставительном плане, причем в этом сопоставлении существенное место занимает понимание синхронности и асимметрии в историческом развитии разных стран[1].

Как пишут современные политологи, до эпохи перестройки Советский Союз редко рассматривался советологами в имперском контексте[2]. Однако распад СССР оживил интерес к имперской проблематике. Особое внимание сфокусировалось на «советской империи», особенно после заявления американского президента Рейгана, назвавшего Советский Союз «империей зла». Как пишет политолог А. Мотыль, «момент для этого был в высшей степени подходящий: в центре драматических событий оказалось образование, которое теперь можно было назвать империей, не опасаясь нарушить общепринятые академические нормы словоупотребления»[3]. В настоящее время именовать СССР «империей зла» считается практически обязательным для западноевропейских, да и некоторых отечественных публицистов и специалистов. Причем, памятуя о научной составляющей понятия «империя», вспоминают и о *translatio imperii*, «передаче» империи от Византийской к Российской, Советской и даже — к Российской Федерации[4]. Все эти современные построения выглядят достаточно политизированными и не обретшими научной формы.

---

[1] *Чубарьян А. О.* Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. М., 2004. С. 10—11.

[2] *Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004. С. 11.

[3] Там же. С. 12.

[4] Об этом: *Солдатов А.* Круглый стол «Пространство в России» // Отечественное записки. М., 2002. № 5. С. 15, 32—33, 114 и др.

Однако прецедент «передачи империи» существовал в российской общественной мысли задолго до новейших воззрений на российскую и советскую государственность. Имеется в виду концепция «Москва — Третий Рим», историческая составляющая которой достаточно хорошо изучена[5], но продолжает привлекать внимание отечественного и иностранного научного сообщества[6].

Заметим, что идеологема «Москва — Третий Рим» так же, как и имперская идея, в настоящее время «пущена в публицистический обиход», причем с вычленением богоизбранности Руси и мессианства. Один из «радетелей русского патриотического духа», например, пишет: «…Россия может и должна вспомнить свой исконный уклад, вглядевшись в собственный незамутненный лик. И твердо понять, что только ей под силу вновь сделаться Третьим Римом и что четвертому Риму не бывать»[7].

Часть авторов включают идею «Третьего Рима» в религиозно-философский контекст (в таком варианте она приобрела «права гражданства» в науке и публицистике во второй половине XIX в. после публикации в журнале Казанской духовной академии сочинения монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея). Часть — рассматривают ее в культурно-социальном аспекте; многие, причем не только отечественные, но и иностранные авторы, отождествляют данную доктрину с имперской идеей.

В подобном понимании эта теория сближается с такой имперской составляющей, как *translatio imperii*. Современная историография отражает противоречивые взгляды на соотношение двух вышеназванных средневековых теорий. *Translatio imperii*, основывающаяся, разумеется, на существовании империи, предполагает передачу власти (в мире) от одного государства (империи) к другому, или, по иной версии, речь идет о перенесении господствующего начала с одного народа на другой[8].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[5] *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.

[6] См. Труды семинара «От Рима к Третьему Риму», который ежегодно проводится в Риме и Москве: Popoli e spazio romano tra diritto e profezia. Napoli, 1986. Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995; Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997; *Успенский Б. А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // Избранные труды. Т. I. М., 1996; *Kämpfer F.* Die Lehre vom Dritten Rom-pivotal moment historiographische Folklore? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 49. H. 3. 2001. S. 430—441; *Poe M.* Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment» // *Idem*. S. 412—429; *Мыльников А. С.* Мифологемы «Кесарь Август» и «Москва — Третий Рим», или Московская страница в истории европейского измерения славянского мира // Славянский мир между Римом и Константинополем // Славяне и их соседи. Вып. II. М., 2004. С. 184—208; *Сахаров А. Н.* Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006.

[7] *Иванов А. Б.* Третий Рим. М., 1996. С. 126.

[8] *Nitsche* P. Translatio imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverständnis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 35. H. 3. 1987. S. 327.

Доктрина «Москва — Третий Рим» длительное время рассматривалась в литературе как воплощение идеи о византийском наследии, причем доминантой являлась чисто духовная идея спасения, а не торжества и превосходства, свойственная в общем-то всем империям, не говоря уже об идее всемирности. Николай Иванович Ульянов, русский эмигрант, профессор Йельского университета, писал в статье «Комплекс Филофея» о том, что пророчества Даниила о смене всемирных империй существенно разнятся в толковании преемства: западноевропейские средневековые идеологи имели в виду не одну духовную миссию, но и политическое возрождение новой империи (реновацио империи), а в доктрине, приписываемой «псковскому старцу» (Филофею), нет и намека на присвоение русским государем «прав исчезнувших басилевсов»[9].

Один из отечественных исследователей доктрины «Москва — Третий Рим» в 60-е гг. XX в. А. Л. Гольдберг соотносил ее с идеей связи русской государственности с мировыми державами[10]. Последняя воплотилась в легендарно-политических сказаниях о римском происхождении династии Рюриковичей от императора Августа. И новая династия Романовых не отказалась от происхождения от римского кесаря.

А. Л. Гольдберг и многие другие отечественные историки (Сахаров, Мыльников, Синицына и т. д.) убеждены, что Русское государство подобно многим другим странам Европы явилось наследником римской цивилизации (практически все названные авторы подчеркивают, что наряду с религиозным аспектом идея «Москва — Третий Рим» имела и политический аспект), т. е. идея империи, трансформируясь, «передавалась» на территорию Руси так же, как и в другие европейские страны. Один из отечественных исследователей так и заявляет: «В конечном счете у истоков идеи “Москва — Третий Рим” лежала политическая прагматика, заявленная задолго до Филофея, уходя в XI в., к эпохе Ярослава Мудрого»[11]. Несомненно, он имеет в виду блестящий памятник идеологии и культуры XI в. «Слово о Законе и Благодати», принадлежавший первому митрополиту из русских и, как считают, духовнику Ярослава Мудрого Илариону, чрезвычайно образованному и умному человеку.

А. Н. Сахаров в своей книге «Древняя Русь на путях к “Третьему Риму”» отметил, что в «Слове» Илариона две концепции — о связи Руси с мировыми державами и трактовке Руси, как наследнице римского величия, Римского царства — прозвучали совершенно слитно. Иларион отождествляет действия Владимира с действиями первых первокрестителей-апостолов, сравнивает Владимира с римским императором Константином, а Ольгу — с его матерью Еленой, настаивает на абсолютной самостоятельности Владимира в крещении Руси, подчеркивая его независимость в этом действии от Константинополя. Эта тенденция самодостаточ-

[9] *Ульянов Н. И.* Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 155.

[10] *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII веков // История СССР. 1975. № 4. С. 67.

[11] *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 199.

ности Руси заметна и у последователей Илариона, даже в «Повести временных лет», которая рассматривает историю Руси как «ответвление общего потока мировой истории»[12].

По мнению Н. В. Синицыной, понятие *translatio imperii* содержится в послании Филофея. Она подчеркивает, что Филофей отрицает тот вектор *translatio imperii*, который ведет от «греков к германцам», направляет его в сторону «царства нашего государя», которое провозглашается и именуется Ромейским царством, «Третьим Римом». Таким образом, создается православный вариант теории[13].

Полное отрицание идеи *translatio imperii* наблюдается практически у всех зарубежных авторов «нового поколения», которые обращались к «pivotal moment» русской истории, как охарактеризовал доктрину «Москва — Третий Рим» американский исследователь Маршалл По[14]. Это такие специалисты по русской средневековой истории, как Хеллманн, Ниче, Хеш, Кэмпфер, Каппелер и др., считающие вопрос о трансляции империи «топосом» западной медиевистики. Ф. Кэмпфер, например, писал, что поскольку Римская империя, согласно древнерусским текстам, явилась лишь эсхатологической метафорой (и ничем иным) так же, как Иерусалим и Вавилон, ни о какой *translatio imperii* в политико-имперском смысле не могло быть и речи[15]. Профессор П. Ниче неоднократно подчеркивал, что основная идеологема Византийской империи — претензия на универсализм — отсутствует в политике Руси XV—XVI вв. и т. д.[16]

Однако в одной из последних работ отечественной исследовательницы С. В. Лурье, которая так и назвала свою статью — «Традиции Рима: трансляция империи. Римская, Византийская, Российская империи», автор объединяет эти империи общими характеристиками.

По ее мнению, для Римской империи был характерен универсализм, т. е. представление, что она единственная в мире и предопределена к мировому господству. В Византии наряду с представлениями о собственном универсализме развивались более чем в Риме идеи замкнутости, охраняющие истинное православие и противо-

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[12] *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 43, 46.

[13] *Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 327. Вслед за цитированным текстом Синицына раскрывает существо «православного варианта» *translatio imperii*. Ее трактовка, кроме исчерпывающего анализа провозглашенного автором постулата, касается также сравнения идеи «Третьего Рима» с внешнеполитической концепцией императоров Священной Римской империи, вынашивающих почти в то же время планы на создание универсальной христианской монархии и антитурецких походов. Синицына подчеркивает, что в отличие от имперских претензий западных императоров никаких внешнеполитических программ в посланиях Филофея не содержалось (*Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 327—328).

[14] *Poe M.* Op. cit.

[15] *Kämpfer F.* Op. cit. S. 435—437.

[16] *Ниче П.* «Москва — Третий Рим»? // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. 13—18 мая 1990. Т. 2. М., 1990. С. 25.

стояние «неправедным» учениям. Россия вела активную политику как на Востоке, так и на Западе, но состояние замкнутости не религиозной, но по факту сохранения границ, как бы в преддверии обращения подданных в православие сохранялись. С. В. Лурье считает: все три империи реализовали культурный универсализм и политический изоляционизм, подчеркивая, что сознание единственности — характерное состояние имперского сознания[17].

Сколь давно это имперское сознание существовало в России? Очевидно, оно связано с характером власти. В вышедшей несколько лет тому назад книге американского ученого Ричарда С. Уортмана «Сценарии власти» сказано: «…в России представление о верховной власти с самого начала было отождествлено с понятием империи; это отождествление сохранилось и в дальнейшем: единственным настоящим государем был император, который обладал полной и всесторонней властью. С X до XVIII в. империя ассоциировалась с двумя соперничающими образами — Рима и Византии»[18]. Далее, впрочем, автор заявляет, что когда в октябре 1721 г. Петр I принял титул императора от Сената и его назвали «Отцом Отечества, Петром Великим, Всероссийским императором», он воссоздал образ монарха, «ничем не обязанного прошлому». Во многих работах, как отечественных, так и зарубежных, именно с Петра I «началась» Российская империя. Обычно отмечается, что к прежним «царским» атрибутам власти с этого времени прибавились: императорская мантия, меч, государственная печать с вырезанным на ней гербом и титулом, государственное знамя, государственный щит, золотая цепь ордена Андрея Первозванного. Первая императорская корона — для Екатерины I; государственное знамя было сделано в 1742 г. при Елизавете Петровне, мечом не опоясывались, а только выносили его вместе со щитом и т. д.

Австрийский ученый профессор А. Каппелер написал много работ на тему русской империи. Для него теория «Москва — Третий Рим» и заключенные в этой доктрине идеи, могущие рассматриваться как идеи многовековой *translatio imperii*, являются анахронизмом. По его мнению, «для создания Российской империи в XVI в. борьба за наследство Золотой Орды явилась более важной, чем так называемая *translatio imperii* Второго на "Третий Рим". Престиж царей Чингисидов, подданными которых русские были в течение более двух столетий, стал существенным элементом ранней имперской идеологии России. Это отражается и во всеобщем уважении к Чингисидам и другим татарским аристократам России, и в принятии Иваном IV титула царя в 1547 г. в контексте завоевания Казанского ханства»[19]. В осмыслении становления Российской империи в XVI в. Каппелер задействовал

[17] *Лурье С. В.* Традиции Рима: трансляция империи. Римская, Византийская, Российская империи // Империи нового времени: типологии и эволюция (XV—XX вв.). СПб., 1999. С. 26—28.

[18] *Уортман Ричард С.* Сценарии власти. Т. I. М., 2002. С. 31.

[19] *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 20 и дал.; *Он же.* Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 96.

момент правового подхода к проблеме, а именно: в завоевании Казанского ханства просматривается аннексия «суверенного государства, которое никогда не принадлежало Руси, а было составной частью империи Чингисидов, основанной в недрах Монгольской империи и исламского сообщества…»[20]. Таким образом, экспансия, по мнению австрийского ученого лежащая еще у истоков «собирания русских земель», начавшаяся в Новгородской земле в XII—XV вв., проходящая разные ступени присоединения, достигала «полной социальной и культурно-конфессиональной интеграции». При подобном подходе вся символика царской власти, складывающаяся к XVI в., кажется каким-то флером, прикрывающим экспансионистские устремления Ивана IV, осознавшего «собственный исторический путь развития» Руси, утвердившегося в имперской миссии Рюриковичей, и т. д. Кстати, набор предметов, символизирующих власть Ивана IV, якобы присланных византийским императором еще его предку — Владимиру Мономаху, варьировался, будучи описанным в разных источниках и разными авторами. М. М. Щербатов, например, называет вещи «греческой работы, присланные Мономаху: шапка, скипетр, держава, крест нагрудный, цепь, носящаяся через плечо». Н. М. Карамзин, ссылаясь на летописные известия, говорит о следующих наборах вещей, поступивших к русскому князю в XII в.: «диадима Константина Мономаха и другая царская утварь», «венец царский еще Константина Мономаха, скипетр и диадима и крест с животворящим древом златы, гривна и прочая царская знамения», «животворящий крест, венец, крабийца сердоликовая (из коей пивал Август Кесарь), цепь золотая и многие другие драгоценности», «венец, крест животворящий, порфира, виссон, гривна златая».

«Дары византийского императора» и по количеству, и по «набору» не одинаковы. Уже один этот факт мог бы навести на размышления самого феномена «дарения», являясь по сути хоть и легендарным, но политически необходимым в борьбе за признание за великим московским князем Иваном III Васильевичем, дедом Ивана IV, титула императора. Иван III в 1498 г., как известно, венчал внука Дмитрия на великое княжение, возложив на него «бармы и манамахову шапку». А за пиршеским столом он подарил юному Дмитрию «крест с золотой цепью, пояс, осыпанный драгоценными камнями, и сердоликовую крабию Августа Цесаря». Многие исследователи считают, что, венчая внука великим князем, он тем самым обосновывал свое право на императорский титул, во всяком случае, американский ученый Г. Алеф, посвятивший книгу становлению русского самодержавия, подчеркнул, что Иван III «позаботился», чтобы факт венчания узнали в Европе[21]. Согласно завещанию Ивана Калиты, старшему сыну Семену, в отличие от двух младших братьев, достался «кожухъ черненый женчужьныи, шапка золотая». В духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича старшему сыну Дмитрию завещаны, кроме драгоценностей, однотипных с другими наследниками: «шапка золота, бармы,

[20] *Каппелер А.* Формирование Российской империи. С. 98—101.

[21] *Alef G.* The Origins of Muscoviles Autocracy the Age of Ivan III // Osteuropa. Bd. 39. Institut an der Freien Universität Berlin. Historische Veröffentlichungen, 1986.

пояс велики золотъ (с камень) емъ с жемчуги, что мя благословилъ отець мои, князь велики…» Дмитрий Иванович Донской, в свою очередь, оставляет старшему сыну Василию «пояс золот велики с каменьем, бармы, золотую шапку». В завещаниях последующих великих московских князей старшим сыновьям передаются золотая шапка, бармы, пояс (золотой большой), цепь, крест да сердоличная коробка[22].

Таким образом, к концу XV в. окончательно складываются «мономаховы атрибуты». Основой их является «золотая шапка» или «шапка Мономаха». Эта своеобразная русская корона, так называемый венец, долгое время считающийся подарком хана Узбека Ивану Калите, — «золотая тюбетейка бухарской работы». В настоящее время доктор исторических наук Института археологии РАН Наталья Викторовна Жилина выпустила книгу «Шапка Мономаха», где доказывает, что шапку можно рассматривать «внутри византийского комплекса филигранных произведений» (как когда-то писал Н. П. Кондаков). Он датировал изготовление шапки XII в., Жилина — началом — серединой XIII в. согласно технологическим показателям. Предположительно ее купил в Каффе у генуэзских купцов Иван Калита. Шапка несколько раз переделывалась. Верхняя часть — яблоко — надета на шапку при Иване Грозном, но позже его венчания на царство[23].

Следует заметить, что меховая опушка «русской короны» выглядит традиционно: шапки с такой опушкой носили русские князья, о чем свидетельствуют их изображения в различных рукописях. Чужеземные правители, как правило, изображались в зубчатых коронах, так же как и татарские ханы. Исключение составляют предметы шитья XV в.: саккос митрополита Фотия показывает Василия Дмитриевича и его супругу Софью Витовтовну в коронах. Рядом фигуры византийского императора Иоанна Палеолога с супругой — дочерью Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны, также коронованные. Что касается общепринятых регалий — скипетра и державы, то они в русском искусстве известны с конца XV — начала XVI в. В Чине венчания на царство сына Ивана Грозного Федора Ивановича записано, что митрополит подал в руки нового царя скипетр, а при венчании на царство Бориса Годунова в 1598 г. митрополит подал ему державу. Первый Романов — Михаил Федорович получил от митрополита или патриарха вместе с крестом, бармами, царским венцом в правую руку скипетр, в левую — державу[24].

Трон, корона, скипетр, держава — основные регалии императорской (и королевской) власти, которые получали, в частности, возводимые в императорский сан Карл Великий, Оттон I, и это их качество незамедлительно находило отражение на монетах или на печатях, которые являются атрибутами власти любого

[22] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л, 1950. С. 8, 16, 35, 57, 59, 61, 197.

[23] *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. М., 2001. С. 203—205.

[24] Сказание о венчании на царство русских царей и императоров / Сост. П. П. Пятницкий. М., 1896. С. 10—11; Российский царственный Дом Романовых / Сост. Г. К. Фридебург. СПб., 1852. С. 4.

правителя. На Руси и в России нет столь характерных для Запада, так называемых *Majestatssiegel* с сидящим на троне королем или императором. Однако все большее число исследователей считают, что киевские князья имели «имперские притязания» после принятия христианства. Например, польский историк Василевский считает, что эти притязания отразились в изображениях Христа на монетах и печатях, что свойственно императорским выпускам; он приводит сведения о греческих миниатюрах, на которых русский правитель в конце XI в. (Хроника Иоанна Скилицы) изображен сидящим на троне в короне и т. д.[25]

Исключительно любопытные наблюдения о становлении «империи Рюриковичей», как в некоторых работах называется Древнерусское государство, имеются в статье румынского историка Дмитрия Настасе «Заметки об имперской идее на Руси до 1453 г.»[26]. Он считает, что зарождение имперской идеи относится ко времени Киевской Руси — ко времени князя Святослава, которому досталась «суверенная власть» от болгар, где она носила имперский характер, и от хазарских каганов. И тех, и других Святослав победил.

Дополняет данные указанных авторов широкоформатное исследование титулатуры русских правителей, произведенное, прежде всего, французским профессором В. Видовым, польским профессором А. Поппе (термина «царь») и А. П. Новосельцевым, И. Г. Коноваловой (титула «каган»)[27].

В силу специфики моих научных занятий в поле моего зрения попали первые русские монеты — златники и сребреники, на которых помещен «трезубец», получивший в основном в археологической литературе название «герба Рюриковичей»[28]. На златниках и сребрениках Владимира Святого, которые являются подражанием византийским монетам, однако с портретным сходством русского правителя, на оборотной стороне — изображение Иисуса Христа. Однако вскоре вместо него появляется трезубец. Ранний чекан некоторых народов дает совмещение вполне «цивилизованного» изображения с предметом древних верований (на англосаксон-

[25] *Wasilewski T.* La place de l»État russe dans le monde byzantin pendant le haut moyen age // Acta Poloniae Historica. 1970. T. 22. P. 47.

[26] *Настасе Д.* Заметки об имперской идее на Руси до 1453 г. // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997. С. 252—265.

[27] Обобщающие отечественные работы о термине «царь»: *Щапов Я. Н.* Достоинство и титул царя на Руси до XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 7—16; *Горский А. А.* Представление о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство… С. 17—37; о термине «каган»: *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159; *Он же.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 8—9 и след.; *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 108—135.

[28] Исследования далее излагаемого сюжета опубликованы в статье: *Соболева Н. А.* Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евразийская идея» // Хранитель. Исследователь. Учитель: К 85-летию В. М. Потина: Сб. научных статей. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 33—68.

ских монетах — змея или дракон — олицетворение чудовищного божества Вотана (Водан — Один). На монетах Михаила Шишмана оборотная сторона занята лигатурой, известной в более раннее время как тамгообразный знак).

Думается, что помещение на древнерусских монетах, на этом главном показателе престижности власти, древних символов — напоминание о более древних представлениях о ней.

Знак, помещенный вместо Иисуса Христа на важнейший властный атрибут, вряд ли можно увязать исключительно с княжеским хозяйством (знак собственности), чем он мог впоследствии оказаться. Есть предположение, что в качестве знака Рюриковичей были приняты языческие и культовые символы, магическая природа которых несомненна. Раскрыть семантику этого знака помогли работы болгарских ученых, где существовали двузубцы и трезубцы, после принятия Болгарией христианства, но в основном работы археолога Флеровой, посвященные аналогичным хазарским знакам, которые отражают систему языческих верований хазар. В этой системе приоритетным является иранский субстрат, сложившийся в двуединстве тюркского и иранского субстратов. Ученые выделяют среди последних знаки, соответствующие определенным титулам и рангам, и *сакральные знаки, к которым относится трилистник.* Флерова и другие археологи отмечают сохранение в Хазарии следов язычества и отсутствие следов влияния иудаизма на памятники материальной культуры. М. И. Артамонов считал крупное степное государство Хазарский каганат «почти равным по силе и могуществу Византийской империи и Арабскому халифату, во всяком случае, в VIII—IX вв. Хазарскому каганату принадлежало ведущее место в истории южных земель Восточной Европы, и именно Хазария была первым государством, с которым вступила в контакт Русь при формировании своей государственности»[29]. О взаимовлиянии салтово-маяцкой хазарской культуры и славянской волынцевской культуры в Днепровско-Донском междуречье свидетельствуют археологические находки. Знаки-тамги из Киева и Саркела исключительно схожи. Нет ничего удивительного, что при таком культурном общении мог появиться среди русов термин «каган». Именно каганов Владимира и Ярослава прославляет в «Слове о Законе и Благодати» их современник Иларион. На стене Софии Киевской имеется надпись: «Спаси Господи, кагана нашего» — так назван сын Ярослава Мудрого Святослав Ярославич, правивший в Киеве в 1073—1076 гг., рядом — рисунок трезубца.

Как показали новейшие филологические и исторические исследования, круг источников, упоминавших о кагане русов, очень велик: от восточных авторов до западных. С полным основанием ученые полагают, что с половины IX в. правитель русов в международном общении носил самый значимый в регионе титул «каган», «дававший его обладателю международное признание. Поэтому в принятии правителями русов этого восточного титула следует видеть не столько следствие

[29] *Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2002. С. 64.

хазарского влияния, сколько формальную самоидентификацию, предопределенную внешними обстоятельствами»[30].

Этот титул был хорошо знаком Византии. Подобный титул в качестве *«царя»* носил не только хазарский правитель, но и аварский.

Почти одновременно с титулом «каган» исчезают и знаки Рюриковичей: одни считают, что это произошло в сер. XII в, другие — в нач. XIII в.

Следующий сюжет касается печати, принадлежащей изначально московскому великому князю Ивану III Васильевичу; она сохранилась при рядовой обменной грамоте 1497 г.[31] Печать согласно титулу, помещенному на ней, не могла появиться ранее начала 90-х гг. XV в. В отличие от ранее употреблявшихся печатей московских великих князей, она — новая по форме и по изображению на ней: на одной стороне — всадник, поражающий копьем дракона, который в литературе назывался князем. На самом деле — это изображение святого Георгия Победоносца, но в форме, принятой в эпоху Возрождения в Европе, а именно в Италии (Северная Италия, откуда приехали «архитектоны» — архитекторы, возводившие новый Кремль при Иване III). Каждый из них обязательно по образованию был еще и гравером, во всяком случае, можно обнаружить аналогии изображению всадника на московской печати подобным же монетным изображениям именно Северной Италии. Характеризует печать не только качество исполнения, но и подбор эмблем. Георгий Победоносец — своеобразный символ объединения русских земель. Этот сюжет появился на монетах и печатях после Куликовской битвы 1380 г. Его использовали князья «московского круга» и сам Иван III.

На обороте — двуглавый орел — символ императорской власти, за которую так ратовал Иван III. Этот символ он увидел на печатях императоров Священной Римской империи, с которыми установил контакты. Это не был герб Византии, который будто бы привезла Софья Палеолог, на которой московский князь женился в 1472 г. Если бы это было так, то Ивану III не надо было ждать 25 лет, чтобы использовать данный знак. Эти эмблемы появились на государственной печати объединителя русских земель и создателя единого Русского государства в связи со складывающейся новой концепцией власти. Печать по технике исполнения и эмблематике стала соответствовать западноевропейским образцам. Она оставалась в российском делопроизводстве весь XVI и XVII вв. Эмблемы вошли в российский государственный герб.

Наконец, еще один сюжет, связанный с имперскими претензиями Ивана IV Васильевича Грозного. Речь идет об уникальной печати, на которую обращали

[30] *Коновалова И. Г.* Указ. соч. 117—118.

[31] Уникальная красновосковая вислая печать, созданная, скорее всего, итальянскими мастерами в правление великого московского князя Ивана III Васильевича («печать 1497 г.»), неоднократно изучалась прежде всего Н. А. Соболевой. См. ее работы: Происхождение печати 1497 года: новые подходы к исследованию // Отечественная история. 2000. № 4. С. 25—43; Печать 1497 года — историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института Российской истории РАН. 1999—2000. Вып. 3. М., 2002.

внимание многие исследователи эпохи Ивана Грозного[32]. Это печать, на которой, кроме эмблем двуглавого орла и всадника — драконоборца, помещены 24 эмблемы, по 12 с каждой стороны, представляющие собой знаки земель, княжеств, царств, входящих в Российскую державу. При детальном анализе оказалось, что подписи вокруг каждой эмблемы — «печать такая-то» — не соответствуют действительности. Большинства печатей просто не существовало.

Использование печати для скрепления международных актов натолкнуло на мысль, что Иван Грозный заимствовал принцип построения печати у тех стран, с кем имелись контакты и переписка. В Польше, Дании, Священной Римской империи имелись подобные печати, но эмблемы, использованные в их композиции, действительно являлись печатями (гербами) земель, входящих в состав государства. Печать датирована мной 1577 г. по печати Полоцкой и других прибалтийских земель, чьи гербы были воспроизведены произвольно. К рисункам печати обращались позднее при составлении Гербовника (Титулярника 1672 г.), как правило, эмблемы менялись. Кроме одной — Печати царства Казанского. Символ этого царства — дракон в короне — в течение 450 лет оставался неизменным, и в настоящее время является гербом города Казани. Хотелось бы отметить еще одну деталь. Поскольку в глазах европейцев венчание Ивана IV на царство могло выглядеть как самозванчество, а в легенды о получении царского достоинства от «греческих царей» предками Ивана IV, по-видимому, зарубежное высшее общество также не особенно верило, «приобщиться к царственной силе» предстояло Ивану IV другим путем. Этот другой путь нашел отражение в ряде русских и зарубежных, переведенных на Руси произведений. Воплощался он в завоевании «царства», которое давало завоевателю право называться «царем». В дипломатических документах Иван IV подчеркивал значение этих мест, где «изстари цари велись». Например, послу, отправлявшемуся в Литву, надо было передать королю: «царство Казанское взято, и поэтому Иоанн сделался царем». Отныне Казань приобретает символический статус, как «источник русского царения».

[32] Данная печать неоднократно находилась в поле зрения ученых разных стран: *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 93. История. Кн. I; *Stökl* G. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972; *Соболева Н. А.* О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. Сб. статей. М., 1982. С. 179—186; *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времени Ливонской войны // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 201—226; *Соболева Н. А.* Церковно-историческая традиция в оформлении большой государственной печати Иоанна IV // Православная церковь и государство в исторической судьбе России. Нижний Новгород, 2008. С. 359—370.

ЭМБЛЕМЫ И ЗНАКИ ВЛАСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА, МОСКОВИИ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ УКРАИНСКОГО ТРЕЗУБЦА

Данная статья посвящена вопросу об исторических корнях современного герба Украины — так называемого трезубца («тризуба»).

Поводом к ее написанию явились два историографических феномена последнего времени: статья научного сотрудника Гуманитарного центра истории и культуры Центральной и Восточной Европы в Лейпциге Вильфрида Йильге «Эксклюзия или инклюзия? Политика в области историографии и государственная символика в Украине» и только что вышедшая энциклопедия «Древняя Русь в средневековом мире». На первый взгляд эти издания, конечно, разные по целям и задачам. Статья д-ра Йильге помещена в отдельном выпуске журнала «Восточная Европа», посвященного 70-летию немецкого историка и автора большого библиографического труда «Государственная идея и государственная символика в Восточной Европе в XX в.» Ганса Лемберга[1]. Ряд авторов из разных стран проявили интерес к исследованию знаков власти европейских государств, обретших «широкую демократию» (Massendemokratie) в 1989—1991 гг. По их мнению, вновь созданные самостоятельные государства могут легитимизироваться через традицию, которая находит отражение в державной символике. К подобным странам относится Украина, как считает д-р Йильге, основываясь на фактах, излагаемых в современной украинской историографии.

В энциклопедическом издании «Древняя Русь в средневековом мире»[2], огромном, прекрасно оформленном труде, в написании статей которого принимали участие многие ученые России, Украины и Беларуси, среди трех тысяч статей, посвященных социально-политической, экономической, культурной, религиозной жизни Древнерусского государства с IX до середины XIII в., имеются и несколько статей, в которых фигурирует трезубец (Знак Рюриковичей, Знак собственности, Пломбы свинцовые, Меты, Перстни и др.).

Трезубец в статьях энциклопедического издания и в статье д-ра Йильге предстает перед читателем как знак идентичности — в одном случае древнерусской, в другом — украинской, т. е. на первый план выступает его социальная значимость. Ключевым элементом парадигмы идентичности, получившей широкое распростра-

[1] Osteuropa. 53. Jg. 7/2003. S. 984—994.

[2] Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014.

нение в сегодняшнем научном знании, является картина национального прошлого. Она в силу процессов глобализации и интеграции в современном мире находится в постоянном изменении и может становиться объектом манипулирования и направленного конструирования[3].

Как статья д-ра Йильге, так и статьи, тематически связанные с трезубцем, основываются на историографическом принципе, т. е. их авторы используют опубликованные работы, дающие информационную картину применения трезубца в древности и современной Украине (естественно, в статье д-ра Йильге). Но и последний, отмечая значение трезубца в контексте выработки современного понятия «украинская нация», не может не подчеркивать его значимость как «образа истории». Раскрывая историю принятия в Украине в 1991—1992 гг. новых государственных символов, д-р Йильге ссылается на труды, к сожалению в основном недоступные мне, однако ряд работ украинских исследователей, обращавшихся к истории трезубца, мне удалось прочитать. Автор чрезвычайно высоко оценивает роль Андрея Гречило, создателя и председателя основанного в 1990 г. украинского геральдического общества во Львове. Он разработал концепцию Малого Государственного герба Украины, которую приняла специальная Комиссия украинского парламента 19.02.1992 г. Композиция Гречило состоит из золотого трезубца, помещенного на голубом поле (щита). При создании данной эмблемы Гречило ориентировался на утвержденный в 1918 г. Центральной радой герб Украинской Народной Республики (УНР), позиционирующей себя как «“Украина” — особое национально-культурное и политическое сообщество»[4], для которого общегосударственная символика являлась необходимым компонентом идентичности. Скрупулезное исследование А. Гречило, посвященное становлению украинских государственных символов в 1917—1920 гг.[5], раскрывает противоречивую картину выбора и интерпретации цветовой и графической символики герба и флага в период существования УНР.

В литературе отмечается большая роль в создании в указанное время герба Украины патриарха украинской исторической науки М. Грушевского. Он обратил внимание на трезубец, изображенный на монетах Владимира Святого, отметив, что значение этой геральдической (! — *Н. С.*) фигуры не отгадано, но она повторяется и на других предметах того времени, в частности на кирпичах Десятинной церкви[6]. Как доказательство древности трезубца, вошедшего в герб современной Украины, ссылаются также на данные, содержащиеся в работах К. Болсуновского, опубликованных в конце XIX — начале XX в. Болсуновский увидел в трезубце знак,

[3] *Медушевский А. Н.* Рец. на кн.: *И. де Кегель*. Реконструкция досоветской истории. Споры об идентичности в новой России. Гамбург, 2006. (*Isabelle de Keghel*. Die Rekonstruktion der vorsowietischen Geschichte. Identitätsdiskurse in neuen Russland.) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 158—161.

[4] *Марчуков А. В.* Украинское национальное движение. М., 2015. С. 34.

[5] *Гречило А.* Становлення українських національно-державних символів у 1917—1920 роках // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 2006. Т. CCLII. С. 114—141.

[6] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. I. Київ, 1994. С. 526—527.

перешедший позднее в «герб Рюриковичей». Таким образом, трезубец следует считать прототипом последнего. По его мнению, этот знак — монограмма греческого слова «басилевс», обозначающего титул правителя. Данным титулом обладали все восточные монархи, в том числе и Византия, а также цари Боспора. Знак трезубец, полученный, по мнению К. Болсуновского, из Византии, состоял из букв греческого алфавита, составляющих написание титула монарха. Титул перешел к наследникам князя Владимира (Святополку, Ярославу), чеканившим монеты, а после добавления к фигуре «тризуба» креста и полумесяца он и стал «гербом Рюриковичей»[7].

С начала 90-х гг. прошлого века, когда Украина была поставлена перед выбором государственных символов согласно ее новому статусу самостоятельного государства, значительно увеличилось количество работ, посвященных «тризубу», его историческому прошлому. Украинские историки, по сути дела, обратились к работам предшественников, прежде всего М. Грушевского, который уже в начале 1917 г. опубликовал в прессе несколько статей по поводу герба Украины. Он позитивно оценил «знак неясного значіння, шось вроді тризубца», помещенный на монетах периода Киевской Руси. Однако через некоторое время он написал в другой статье, что новая Украина должна иметь и новый отличительный знак, и предложил в качестве такового золотой плуг на синем поле как символ «мирного труда в новой Украине» с тем, чтобы этот знак занял место на щите с историческими гербами страны[8]. В качестве щитодержателей Грушевский предлагал использовать женщину с серпом и мужчину с молотом — «символы трудового народа».

Споры относительно главной эмблемы украинского герба не завершились в результате утверждения его Советом Министров 25 февраля (12 по ст. ст.) 1918 г., записавшего постановление: «Внести в Раду закон об установлении для Украинского государства принятого морским флотом герба Владимира Великого без креста» (в некоторых проектах крест увенчивал трезубец. — *Н. С.*). В этот же день на заседании Малой рады постановлено: «Гербом Украньскої Народної Республїки принимается знак Київської Держави часів (времени. — *Н. С.*) Владимира Святого»[9].

Буквально через год его сменил герб Советской Украины с серпом и молотом, однако он продолжал привлекать к себе внимание историков, прежде всего украинских, ибо, по мнению многих, только трезубец символизировал государственность их земель. Неслучайно «Тризубом» назывался политический журнал украинской эмиграции, издававшийся в 20-е гг. XX в. в Париже, на страницах которого была изложена одна из последних версий исторической значимости загадочной

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[7] *Болсуновский К.* Родовий знак Рюриковичів, великих князівкиївськи. Геральдичне дослідження, призначене для прочитання на XIV Археологіному з'їзді в м. Чернігові (1904 р.) // Бібліотека журналу «Пам'ятки України». Кн. 1: Національна символіка. Київ, 1991. С. 27—31.

[8] Об этом: *Гречило А.* Указ. соч. С. 121—122; а также другие украинские историки: *Бондаренко Г.* Спеціальні історичні дисципліни // Волинський державний університет ім. Лесі Українки. Луцьк, 1997. С. 126.

[9] Цит. по: *Гречило А.* Указ. соч. С. 126.

фигуры, обозначенной еще в начале XIX в. Н. М. Карамзиным как «знак, подобный трезубцу»[10]. В 20—30-е гг. XX в. в научной литературе окончательно утверждается взгляд на трезубец как на «родовое знамя Владимира». Выдающийся российский ученый академик Н. П. Лихачев, делая обзор отечественной и зарубежной литературы о «загадочной фигуре» первых русских монет, написал в конце 20-х гг.: «Мы видим, что теория родового знака совершенно упрочилась, разнообразны только толкования его происхождения»[11]. С ним соглашался барон М. А. Таубе, бывший профессор Санкт-Петербургского университета, к этому времени находившийся в эмиграции и занимавший должность сотрудника Института международного права в Гааге, который полагал, что к концу 30-х гг. окончательно прояснилось значение (*in genere*) «загадочного знака» — трезубца как родового знака Рюриковичей, однако его изображение (*in specie*) все еще оставалось для исследователей неясным. Таубе насчитал не менее 40 ученых, которые давали весьма различные толкования трезубца, и в результате выделил 6 тематических разделов, в каждый из которых включал перечень предлагаемых определений (с указанием авторства). Приводим их здесь в сокращенном виде:

А. Знак как символ государственной власти (трезубец, верхушка византийского скипетра, скифский скипетр, корона).

Б. Знак как церковно-христианская эмблема (трикирий, лабарум, хоругвь, голубь Святого Духа, акакия).

В. Знак как светско-воинская эмблема (якорь, наконечник «франциски», лук со стрелой, норманнский шлем, секира).

Г. Знак как геральдически-нумизматическое изображение
(норманнский ворон, генуэзско-литовский «портал»).

Д. Знак как монограмма (руническая, византийская, «украинская»).

Е. Знак как геометрический орнамент (византийского происхождения, восточного типа, славянский, варяжский).

Сам Таубе считал, что знак *in specie* не представляет собой никакого предмета реального мира, однако склонялся к мысли о его скандинавских корнях[12]. С ним не

[10] Що означає собою знак «Тризуба» і звідки вин походить (лист з Берліна) // Тризуб. Тижневик. Paris, 1928. № 6. С. 15—16.

[11] *Лихачев Н. П.* Избранные труды. Т. I: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М., 2014. Труды музея палеографии — II. С. 56. (Ссылки в статье на страницы: «Труды музея палеографии — II».)

[12] *Таубе М. А.* Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для Древней Руси // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси (988—1938). Белград, 1939. С. 91—92, 109—110. Современная исследовательница Е. А. Мельникова со знанием дела показала, что ненаучно говорить о североевропейском происхождении знака Рюриковичей, ибо «скандинавской культуре довикингского и викингского времени несвойственен сам принцип владельческих знаков, которые появляются в форме руноподобных тамг не ранее XII в. В ней также отсутствуют символические изображения, которые можно было бы связать с репрезентацией властных функций. Не прослеживается в скандинавской

соглашался киевский историк Пастернак, который, ознакомившись с ранними публикациями Таубе, в 1934 г. издал брошюру «Пояснения тризуба»[13], где он на основании собственного анализа контактов Украины с греками, римлянами, кельтами «раскрыл загадку» происхождения и значения «тризуба на Украине как государственного герба, национального знака и религиозного символа». В результате Пастернаком был сделан вывод, что, по свидетельству источников, киевский трезубец происходит с юга, а не с севера, как считал Таубе. На юге он появился еще до н. э., а в Киеве — в X в., куда пришел князь и принес с собой свой родовой герб. С юга этот герб «дорогой цивилизации» попал в Киев, а затем дальше на север до Швеции[14].

Выдающийся нумизмат А. В. Орешников, хотя и не акцентировал внимание на «предметности» знака Рюриковичей, неоднократно высказывался в пользу его местного, т. е. автохтонного происхождения[15]. Некоторые исследователи исторических корней Древней Руси, а также просто любители этой тематики с пиететом относятся к мнению, высказанному советским историком О. М. Раповым, увидевшим в «загадочном знаке», помещенном на первых русских монетах (златниках и сребрениках), пикирующего сокола. Автор считал, что тот факт, что князья из дома Рюриковичей называются былинами и «Словом о полку Игореве» «соколами», говорит за то, что «сокол был эмблемой, гербом рода, возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси»[16]. Однако кажется странным, что сокол, в отличие от других деталей композиции монетного изображения, вполне реальных (фигура усатого князя, нимб над его головой, крест в правой руке, трон, например, на сребрениках Владимира Святославича и т. д.), изображен в стиле, скажем так, «поп-арт». Почему? Ведь известны в Древней Руси вполне реальные изображения сокола и формы для его отливки. Такая форма середины X в. найдена при раскопках городища Старой Ладоги в 2008 г.[17]

Думается, что для автора, как и для многих исследователей этой тематики, важным являлся посыл исконно русского принципа формирования эмблемы, на долгие годы вошедшей в русскую художественно-правовую практику (изображение на вислых печатях, на ювелирных, керамических изделиях и т. д.).

Основоположниками изучения знака Рюриковичей явились археологи, нумизматы, специалисты по сфрагистике; предметом их исследования явились прежде всего вещественные памятники, а основным методом их изучения — сравнительный анализ, что, конечно, справедливо. Через четыре года после публикации книги

традиции и изобразительный мотив в виде двузубца или трезубца». — *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 241.

[13] *Пастернак О.* Пояснення тризуба, герба Великого Київського князя Володимира Святого. Ужгород, 1934. Работа переиздана в Киеве. 1991.

[14] *Пастернак О.* Указ. соч. С. 45—46.

[15] *Орешников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 49.

[16] *Рапов О. М.* Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3. С. 69.

[17] *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога, древняя столица Руси. СПб., 2013. С. 79.

А. В. Орешникова «Денежные знаки домонгольской Руси» появилась большая статья будущего академика Б. А. Рыбакова, посвященная княжеским знакам собственности[18]. Она стала настольной книгой для многих поколений археологов и историков, занимающихся изучением ранней истории Русского государства. Б. А. Рыбаков привлек огромный (прежде всего археологический) материал, несущий не только знаки идентификации отдельных мастеров, но и княжеские знаки собственности. В результате их исследования Рыбаков предложил новую классификацию (по сравнению с нумизматами) княжеских знаков, обозначив их территориальные и хронологические рамки существования. В результате была восстановлена картина широкого применения княжеских знаков в политической и хозяйственной деятельности князей с X до первой половины XIII в.

Исследование знаков Рюриковичей было продолжено рядом российских археологов, прежде всего В. Л. Яниным[19], однако практически все они (А. В. Куза, А. А. Молчанов, Т. Н. Макарова и др.) или вносили поправки в первоначальную классификацию знаков, прослеживая изменение их структуры (изучение «отпятнышей»), или досконально анализировали сферу их применения в Древней Руси, т. е. разрабатывали предложенное Рыбаковым и Яниным направление.

Большинство современных украинских ученых соглашаются с российскими коллегами в оценках трезубца как знака лично-родового, знака собственности князя и его рода, династии[20] (вариант: первоначально возникли как родовые знаки, а затем превратились в знаки власти). Однако явно прослеживается и тенденция представить трезубец изначально «державным» символом. Например, в большой работе В. Сичинского о символах Украины подчеркивается, что старейшим гербом на территории Украины, который исполнял роль государственного («знака национальной державы») с древнейших времен (с X в.), являлся «тризуб». Автор упрекает «совїтських» исследователей, которые стараются сузить значение трезубца, представить его как «личный» знак князей или княжеских родов. Они стараются «нейтрализовать», ослабить либо исключить значение трезубца как знака Украинского национального государства.

Сичинский приводит и доказательство широкого распространения двузубца и трезубца (преимущественно на кирпичах и строительном материале зда-

[18] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // Советская археология. 1940. VI. С. 227—257.

[19] Итоги многолетней работы В. Л. Янина по исследованию знаков Рюриковичей применительно к сфрагистике и нумизматике отражены в его фундаментальном труде «Актовые печати Древней Руси. X—XV вв.». Т. I. М., 1970, а также: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III. М., 1998; *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

[20] *Гломозда К. Ю., Яневський Д. Б.* Історичні гербовід знаки та прапорові барви України // Український історичний журнал. 1990. № 4. С. 47—48; *Якимович Б.* До питання про українську національну символику // Пам'ятки України. Кн. 1. С. 5; *Бондаренко Г.* Спеціальні історичні дисципліни. Волинський державний університет ім. Лесі Українки. Луцьк, 1997. С. 125.

ний, керамике, металлических предметах, где он может переходить практически в орнамент) на всей территории Украины (в современном понимании) в различные хронологические периоды. Сичинский, как и многие его предшественники, относит происхождение трезубца к античности, считая его элементом образа древнегреческого бога Посейдона, изображенного на понтийских монетах, известных в греческих колониях Северного Причерноморья[21].

Целый ряд ученых допускали возможность заимствования начертаний, аналогичных трезубцу, от знаков Северного Причерноморья (сарматских, царских боспорских знаков). Б. А. Рыбаков, например, отметил близость как по форме, так и по существу знаков Приднепровья и боспорских царских знаков, охарактеризовав этот феномен как «два параллельные по смыслу явления, разделенные семью столетиями». «Генетической связи, за отсутствием промежуточных элементов, наметить нельзя, — пишет далее ученый, — а семантическая налицо. И там и здесь эти знаки являются принадлежностью правящего рода, династии, и там и здесь они видоизменяются, сохраняя общую схему…»[22]

Знания и интуиция большого ученого заставили автора все-таки очень осторожно делать заключение о происхождении «начертаний этих знаков». Тем не менее ведущая роль символов «украинского Причерноморья» в формировании генезиса «тризуба» прочно отложилась в умах украинских исследователей, особенно после опубликования работ украинского же автора В. С. Драчука «Системы знаков Северного Причерноморья» (Киев, 1975) и «Рассказывает геральдика» (М., 1977). Последняя вносит особую лепту в «формирование истоков» тризуба. Причем даже известные ученые не могли отключиться от магии таблиц, схем, начертаний античных знаков, помещенных в работах В. С. Драчука, и делали «не совсем научные» выводы, утверждая, что «древнейшим гербом Киева являлся геральдический знак князей Древней Руси, которым был трезубец или двузубец»[23].

Ориентация на начальную отправную точку «произрастания» трезубца с черноморского побережья и утверждения его в качестве герба Киева «переориентировала» сознание самостийных украинцев на переосмысление этого знака в символ специфически украинской средневековой государственности. Йильге полагает, что еще факт выпуска в 1988 г. советской памятной монеты с изображением трезубца в честь празднования тысячелетия крещения Руси воспринимался на Украине как напоминание о советской интерпретации Киевской Руси как государства всех восточных славян на основе «единой древнерусской народности» и вызвал его отторжение в этом качестве в украинском обществе[24]. Появившиеся на страницах книг высказывания о трезубце как этнонациональном украинском символе коренного народа базировались на заключениях «толкователей» происхождения знака

[21] *Січинський В.* Тризуб і прапор України. Львів, 1995. С. 5—8, 15—24, 30—35.

[22] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 233—234.

[23] *Драчук В. С.* Рассказывает геральдика. М., 1977. Предисловие. С. 5.

[24] *Jilge W.* Op. cit. S. 987.

из античных цивилизаций Северного Причерноморья. Один из них пишет (перевод): «Генетически украинский трезубец ведет свое начало из Греции — из страны, где в старые времена более всего было развито искусство, наука, всякое ремесло. И Украина быстрее, нежели другие страны не только Центральной, но даже Западной Европы, имела возможность черпать свои знания из первоисточника наибольшего в европейской науке и искусстве. Еще тогда, когда ни в Польше, ни тем более в Московии не умели создавать простейшие вещи, не знали каменного строительства, на Украине процветало монументальное строительство, монетное дело и наивысшая степень государственной символики и эмблематики»[25]. И таким символом, по мнению украинских авторов, являлся «тризуб» — «символ воли и независимости украинского народа, нации и государства».

Идентификация трезубца как герба Киевской Руси, «герба Рюриковичей», проходит красной нитью по многочисленным трудам русских историков (и историков советских, включая археологов, этнографов и проч.). Как может быть «держава Рюриковичей» без герба? Эта идея была подхвачена в свое время и украинскими исследователями: «Специфика отечественной геральдики заключается в том, что ее корни уходят в глубокую древность. А гербообразные эмблемы встречаются уже в последних веках до нашей эры. Впоследствии эмблемы эти становились той основой, на которой складывались геральдические символы Древнерусского государства», — писал в основополагающем геральдическом труде в свое время В. С. Драчук[26].

Отрадно читать, что, несмотря на пиетет к трезубцу как основе современного герба Украины, ряд украинских авторов с научных позиций подходят к его интерпретации, доводя современную точку зрения на геральдику до студентов, молодого поколения жителей Украины. Например, в учебном пособии для студентов высших учебных заведений[27] авторы четко расставляют акценты на определение понятий «тризуб» (знак) и герб, отмечая, что трезубец не был гербом в современном понимании этого слова. Если говорить о Киевской Руси, он входил в определенную систему знаков, которую вряд ли можно считать за систему гербов (особая система знаков, составленная по определенным правилам, сохраняющая определенные смысловые параметры и т. д., появившаяся в Западной Европе в эпоху крестовых походов и дальнейшего развития феодального строя). Первые гербы пришли на Украину из Западной Европы в XIV в., причем вначале на западноукраинские земли, — считают авторы[28]. Они знакомы с научным определением герба, нашедшим отражение в его характеристике на современном уровне развития геральдики. Так, знаменитый современный исследователь гербов, «геральдист № 1» Мишель Пастуро пишет: «Гербы — это цветные эмблемы, принадлежащие

[25] *Січинський В.* Указ. соч. С. 48.

[26] *Драчук В. С.* Рассказывает геральдика. С. 10.

[27] *Бушин М. І., Мащенко І. Ю., Юзвенко В. Ф.* Національна символіка незалежної України. Черкаси, 2001.

[28] Там же. С. 8.

индивидууму, династии или некоему коллективу и созданные по определенным правилам, правилам геральдики.

Именно эти правила (впрочем, не столь многочисленные и не столь сложные, как обычно считают), основу которых составляет правильное использование цвета, отличают европейскую геральдическую систему от всех остальных эмблематических систем, предшествующих и последующих, военных и гражданских»[29].

Следует отметить, что определение знака собственности как герба приводит в своей известной книге Н. П. Лихачев: «В старом русском языке термин "знамя" содержал в себе понятие и тамги и герба»[30]. Вряд ли это замечание знаменитого ученого можно понимать буквально, ибо в настоящее время, когда геральдика превратилась в научную дисциплину, сообщение «Повести временных лет» об установлении княгиней Ольгой таможен и сбора там налогов («Иде Вольга Новугороду, и оустави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловищ ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты…»[31]) относить к гербам как-то странно, тем более что слово «герб» появляется в русских источниках лишь в XVI в. В энциклопедическом издании «Древняя Русь» термин «знамение» справедливо трактуется как «знак, которым помечена борть, межевой знак»[32]. В статье «Знаки Рюриковичей» последние также уже не называются гербами, хотя автор статьи, к сожалению ушедший из жизни, в своих многочисленных работах по данной тематике, как и другие авторы, в основном археологи, называл их гербами, что отражено в списке литературы к этой энциклопедической статье[33]. Вряд ли бы стоило акцентировать внимание на подобной «геральдической» позиции автора, тем более он уже признал знаки Рюриковичей тамгами, если бы А. А. Молчанов в одной из своих обобщающих работ не высказал мысль, что «вопрос о первоначальном изобразительном прототипе и исконной семантике символа существенного значения не имеет»[34]. «Элементарная логика» ему подсказала, что исходным пунктом для эволюции тамги Рюриковичей послужил простой двузубец. Ранее в работах Молчанова в соответствии с изысканиями его научного руководителя В. Л. Янина, который в свою очередь опирался на данные Н. П. Лихачева[35], красной нитью проходит мысль о том, что исходным пунктом для эволюции тамги Рюриковичей послужил простой двузубец, который мог быть общим предком и двузубцев и трезубцев Рюриковичей. Двузубец же этот, как пишет Молчанов, окончательно определен — это знак князя Святослава Игоревича (945—972). От него-то и развилась «система отпятнышей»,

[29] *Pastouro M.* Heraldique // Dictionnaire du Moyen Ages. Paris, 2002. P. 664—667.

[30] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 92 (сн. 1).

[31] Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 74.

[32] Древняя Русь в средневековом мире. С. 306.

[33] Там же. С. 302—304.

[34] *Молчанов А. А.* Знаки Рюриковичей: проблема изучения // Нумизматика на рубеже веков. М., 2001. С. 88—89.

[35] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 173.

которые изменили и первоначальный знак «дома Рюриковичей». Следует, однако, отметить, что в энциклопедическом издании помещена таблица, в которой на самой высокой точке развития знака Рюриковичей находится двузубец Рюрика, от которого вниз идут (происходят) двузубцы Игоря, Ольги и т. д. — к трезубцу Святого Владимира[36]. И все-таки, если данные знаки не пришли с севера, как об этом писалось выше (см. сн. 12), они производят впечатление «саморожденных» (с боспорскими царскими знаками, как отмечал Рыбаков, разрыв в семь столетий).

Нам кажется более правдоподобной иная версия расшифровки происхождения «загадочного знака», каким исторически предстает трезубец, знаменитый ныне как никогда. Изначально среди попыток поисков первоосновы трезубца были те, кто обнаруживал восточное влияние на его становление. Еще в конце XIX в. Н. П. Кондаков, издавший вместе с И. И. Толстым «Русские древности в памятниках искусства»[37], затем известный нумизмат А. А. Ильин предполагали, что на «образе» первых русских монет «заметно влияние Востока»[38]. Выдающийся специалист в области вспомогательных исторических дисциплин Н. П. Лихачев, тщательно проанализировав попытки трактовки трезубца нумизматами и не поддержав ни одну из версий, ограничился риторическим замечанием: «Вопрос этот — не происходит ли так называемое “знамя Рюриковичей” (а вместе с ним и однотипные знаки на печатях) с Востока; он уместен потому, что по начертаниям своим знак Рюриковичей однотипен с некоторыми, например, тамгами Золотой Орды, а в основе своей, представляющей как бы вилы о двух зубьях, совершенно схож с поздней золотоордынской тамгой XV в.»[39].

Для того чтобы поставить этот вопрос, ученый предпринял сравнительный анализ огромного количества печатей, пломб, монет, на которых изображены знаки, идентичные по конфигурации знакам Рюриковичей. Масса аналогий в разнообразном по времени и территории материале заставила его не только заключать: «Все это показывает… как в разное время и в разных местах могут образовываться знаки одинакового рисунка»[40], но и предупреждать: «Обзор и исследование знаков собственности и так называемых символов, особенно же в данном случае тамг тюркских племен, представляет большую важность, но самое прикосновение к родовым знакам способно увлечь к скифам и индоскифским царям и еще дальше, а рядом с этим в вопросе о происхождении, о заимствованиях и влияниях необходима крайняя осторожность, иначе в клеймах финской деревни, нам современной, можно найти знаки, видимые на наших древних пломбах и печатях»[41].

[36] Древняя Русь в средневековом мире. С. 302.

[37] Русские древности в памятниках искусства. Вып. IV. 1891. С. 172.

[38] *Ильин А. А.* Топографии кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924. С. 6.

[39] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 266.

[40] Там же. С. 108 (сн. 2).

[41] Там же. С. 57.

Изображение «загадочного знака» на монетах Владимира Святославича: 1 — златник; 2 — сребреник I типа; 3 — сребреник II типа

Сам Н. П. Лихачев, как бы очерчивая время и территорию бытования заинтересовавших его знаков-тамг, отмечавших «родопроисхождение, собственность, производство», которые в Древней Руси были в употреблении, попадая и на памятники «общественного значения», «обращает свой взор» к высказанной тогда проблеме русского каганата. Однако не будучи уверенным, что этот вопрос разрешит его собственную проблему в отношении русского знака-тамги, он осторожно замечает: «Соседство "Русов" с народностями тюркского происхождения (хазар, авар. — *Н. С.*), с кочевниками, среди которых в таком распространении родовые тамги, несомненно — и помимо вопроса о каганате»[42].

Очень существенным для исследователей всевозможных знаков, в том числе и тамгообразных, представляется замечание Н. П. Лихачева о том, что «знаки родовые, а в особенности знаки собственности, совсем не то, что "символы", которые благодаря священному, культовому, почему-либо им приданному значению, мигрируют, сохраняя свою форму»[43].

Многие исследователи, в основном археологи последних лет, изучая тамги (тюркский термин), прослеживают распространение двузубца и трезубца на обширной территории — от Монголии, Средней Азии, Поволжья, и тамги, которым присущ определенный символический смысл. Исследователь знаков собственности Монголии выделяет особую тамгу, которая обозначает трон, алтарь. В письменных текстах (с включением названия данной тамги) отмечается, что речь идет «о ханах на троне, правителях, которые занимают престол». Графически словесному выражению, включающему обозначение данной тамги, соответствует трезубец в разных вариантах[44].

Огромная работа по выявлению тамгообразных знаков на золотоордынской керамике была предпринята М. Д. Полубояриновой[45]. Среди них две группы интересующих нас знаков — двузубцы и трезубцы. Автор отмечает факт использования аналогичных по форме знаков на золотоордынских монетах XIII—XV вв., подчеркивая, что у татаро-монголов, как и у некоторых других народов Евразии, двузубец и трезубец являлись тамгами царствующего рода: «…принадлежность двузубца и трезубца правящему роду подтверждается для Золотой Орды данными этнографии по тюркским народам, входившим некогда в состав этого государства».

Как аналог (по значимости) трезубцам джучидских монет, принадлежащим правителям этого рода, Полубояринова упоминает ногайский трезубец, который назывался ханской тамгой. Киргизы Северо-Западной Монголии султанской или дворянской тамгой называли трезубец, аналогичный тем, которые известны по монетам болгарских царей Шишманов[46].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[42] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 266 (сн. 2).

[43] Там же. С. 266.

[44] *Rintchen B.* Les signes de propriété chez les Mongols // Archiv orientalni. T. XXII. Praha, 1954. № 2—3. P. 467—473.

[45] *Полубояринова М. Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 165—212.

[46] Там же.

Комплекс тамгообразных знаков, среди которых выделяются группы двузубцев и трезубцев, введен в научный оборот в результате раскопок Хумаринского городища в Карачаево-Черкесии[47]. Знаки нанесены на крепостные стены и относятся, по мнению исследователей, к болгаро-хазарскому периоду существования городища (VIII—IX вв.). По начертанию они типичны для тюркоязычных народов, населявших в этот период земли Северного Кавказа и степи Восточной Европы. Однако наиболее близкие аналогии двузубцам и трезубцам прослеживаются в Хазарии, Волжской и Дунайской Болгарии. Х. Х. Биджиев, автор работы о Хумаринском городище, предполагает, что смысл знака-тамги менялся в зависимости от назначения предмета, на который он наносился. На стену Хумаринского городища после завершения строительства могли нанести тамги господствующих родов. Автор выделяет и религиозно-магическую функцию знаков, которую выполняли те из них, что были обнаружены в могильниках или погребальных камерах, на камнях святилища[48].

Чрезвычайно важными для нашей проблематики являются исследования тамгообразных знаков в Хазарском каганате, ближайшем соседе приднепровских славян. На подобные знаки обратил внимание еще М. И. Артамонов, раскапывая в 30-е гг. XX в. поселения на Нижнем Дону. Он сравнил знаки, обнаруженные на саркельских кирпичах, со знаками, начертанными на камнях и кирпичах крепости Плиски — средневековой столицы дунайских болгар[49], которые изучал еще К. В. Шкорпил[50].

В последние годы предпринимаются попытки новых методик анализа, в основе которых лежит исследование комплекса знаков, обусловленного однотипностью их носителя (по назначению, по материалу, по хронологии и т. д.), что выявляет закономерности использования группы знаков той или иной формы или даже одного знака и позволяет более конкретно ставить вопрос о семантике последних[51].

Феноменальную работу в этом направлении провела В. Е. Флерова. Исследуя граффити на хазарских артефактах — первоначально на амулетах, а затем на изделиях торевтики, на костяных изделиях, на кирпичах, каменных блоках, керамике, — она систематизировала тамгообразные знаки, выделив прежде всего знаки в виде двузубца и трезубца, «являющиеся характерным признаком знаковой системы Хазарии»[52]. Систематизация хазарских граффити использована ею при реконструкции религиозных представлений и мировоззрения народов, населяю-

[47] *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

[48] Там же. С. 92.

[49] *Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2002. С. 308.

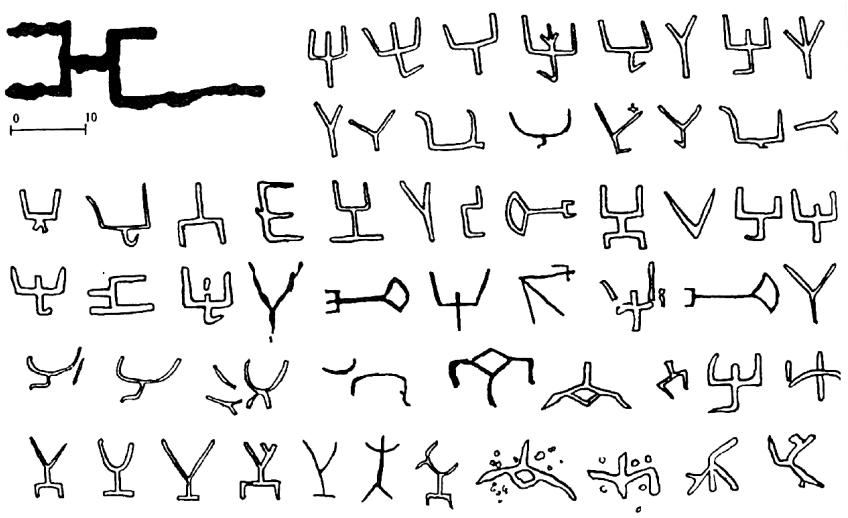
[50] *Шкорпил К. В.* Знаки на строительном материале // Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. X. София, 1905.

[51] *Аладжов Ж.* Проучвания върху старобългарските знаци (В търсене на закономерности) // Разкопки и проучвания. Кн. 22. София, 1991. В результате исследования комплекса знаков из могильников протоболгар и славян в языческий и христианский периоды в разных регионах Болгарии автор выявляет их разность, взаимовлияния, генетическое родство — по периодам, замечая сохранение в христианском периоде устойчивых типов языческих знаков и т. д.

[52] *Флерова В. Е.* Граффити Хазарии. М., 1997.

щих Хазарию[53]. Картина символического мышления выражена, по мнению автора, в образах и знаках, причем абсолютно вероятным для Флеровой представляется переход образа в знак, по природе конвенциональный (условный), но не теряющий от этого символического значения.

Подчеркивая, что двузубцы и трезубцы имеют самое широкое распространение на различных предметах салтово-маяцкой культуры (Хазария), В. Е. Флерова не исключает, что они могли служить «в качестве тамги, особенно племенной или "должностной", связанной с определенным статусом владельца, часто сопряженной и с его родовой принадлежностью…»[54]. Однако, не оставляя в стороне семантическую природу этих знаков, автор задается вопросом: не обусловлена ли их популярность, например, семантической нагрузкой, не олицетворяют ли они верховное божество, с которым могли соотноситься?



Двузубцы и трезубцы, изображенные на стенах Хумаринской крепости (по Х. Х. Биджиеву)

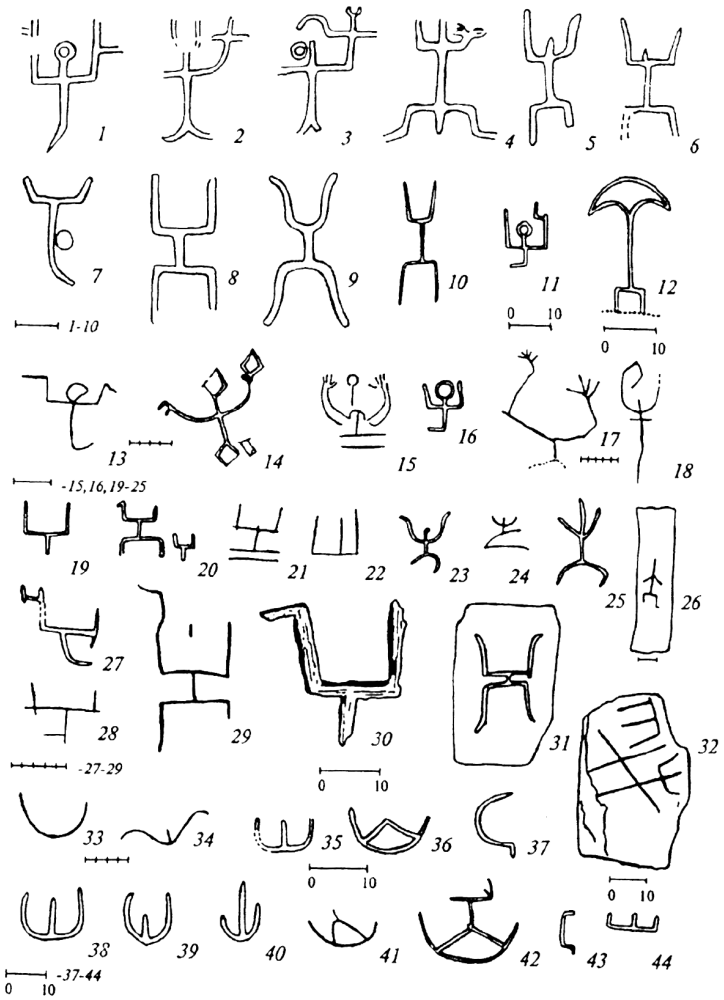
Отсылая читателя для более детального ознакомления с прекрасными новаторскими работами В. Е. Флеровой или к их общему обзору, предпринятому автором настоящей статьи[55], остановлюсь лишь на двух важных моментах.

В основе исследовательского метода Флеровой лежит цивилизационный подход, которым руководствуются многие современные ученые и археологи в том

[53] *Флерова В. Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М., 2001.

[54] Там же. С. 54.

[55] *Соболева Н. А.* Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евразийская идея» // Хранитель, исследователь, учитель. Сб. статей к 85-летию В. М. Потина. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 33—68.



Двузубцы и трезубцы с предметов салтово-маяцкой культуры (по В. Е. Флеровой)

числе[56]. В контексте основополагающих принципов подобного подхода Флерова обращается прежде всего к аналогам, которыми ей служат работы болгарских ученых над знаками Первого Болгарского царства (681—1018). В многочисленных трудах болгарских ученых (В. Бешевлиева, П. Петровой, Л. Дончевой-Петковой, Д. Овчарова и др.) представлены тамгообразные знаки, значительная часть кото-

[56] См.: *Даркевич В. П.* Цивилизация Древней Руси XI—XVII веков. М.: Белый город, 2014. С. 11 и дал.

рых идентична хазарским тамгам[57]. Как доказали ученые, в результате сложного и длительного пути переселения болгар из Приазовья-Подонья на Нижний Дунай «тюрко-болгары» превратились в славяно-болгар, однако не утратили многие особенности кочевнической культуры, к которым относится использование тамги в граффити в Первом Болгарском царстве, а также намного позднее во Втором Болгарском царстве (1187—1396).

Причем наблюдается явное совмещение тамгообразных знаков и христианской символики (болгары приняли христианство в 865 г.). П. Петрова приводит примеры совмещения языческой тамги (модифицированного трезубца и двузубца) с чрезвычайно распространенным христианским символом — крестом (причем крест с окончаниями в виде двузубца и трезубца), делая вывод, что тамгообразные знаки использовались и после принятия христианства, во всяком случае на стенах христианских церквей они известны еще в XIV в. Она истолковывает данный факт как графическое обозначение божественной власти, какой бы она ни была — небесной или ханской (царской)[58].

С П. Петровой согласны и другие болгарские исследователи, например Д. Овчаров. Он пишет, что различные памятники, в которых соединяются магические дохристианские знаки с христианским крестом, отражают сложные противоречивые изменения мировоззрения средневековой Болгарии на границе двух эпох: христианская религия медленно входила в сознание болгарского населения, сосуществуя с остатками языческих верований[59].

Как показали наблюдения П. Петровой (и других болгарских ученых), на мировоззрение болгар-язычников оказали влияние не только раннетюркские культы, но и иные, в частности индоевропейские. Причем подчеркивается, что иранская культура могла воздействовать на праболгарские верования не только в результате соседских контактов болгар с иранокультурными аланами в причерноморских степях, но и значительно ранее — еще в Азии, где праболгары ощущали влияние таких центров иранской культуры, как Хорезм, Согдиана, Бактрия. Отсюда наблюдающееся в Дунайской Болгарии сочетание тюркских культов и изобразительных традиций с иранской мифологией и иконографией уже на первых этапах существования государства.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[57] Болгары, булгары, праболгары — тюркоязычный народ, известный в Приазовье, Северо-Восточном Причерноморье с VI—VII вв. Создали в Северном и Восточном Приазовье и в Нижнем Прикубанье государство под названием Великая Болгария, распавшееся в середине VII в. Большинство болгар после этого подчинилось хазарам, составив один из основных этнических компонентов населения Хазарского каганата. После разгрома хазарами Великой Болгарии часть его населения переселилась на Дунай.

[58] *Петрова П.* За произхода и значението на знака «ипсилон» и неговите дофонетични варианти // Старобългаристика. Vol. 14. 1990. № 2. С. 42.

[59] *Овчаров Д.* За прабългарските амулети // Музеи и паметници на културата. 1977. № 1. С. 12; *Он же.* Прабългарската религия. Произход и същност. София, 1977. С. 117 и сл.

Отсылая читателя для ознакомления с системой знакового оформления верований населения Хазарского каганата к книгам В. Е. Флеровой, отмечу лишь общие положения, имеющие отношение к семантике двузубцев и трезубцев. Применяя методику сравнения и выявляя однотипность и различие тамгообразных знаков Болгарии и Хазарии, Флерова отмечает, что в Первом Болгарском царстве среди изображений, начертанных на крепостных стенах, на черепице и т. д., присутствуют в реалистическом или схематическом исполнении антропоморфные изображения с характерно поднятыми вверх руками. Применительно к своему исследованию В. Е. Флерова раскрывает их как образ архаического божества — Великой богини, что в схематической интерпретации выглядит как двузубец. Автор приводит также сведения о том, что эмблемой Великой богини в контексте индоевропейских традиций мог являться и знак трезубца. В значительной степени на данный вывод повлияла «коллекция» Хумаринского городища (см. выше) на Кубани (форпоста Хазарского каганата), состоящая почти сплошь из двузубцев и трезубцев, смысловая однородность которых, по мнению Флеровой, несомненна[60]. В двузубце, как считает автор, сконцентрирована символика священности центральной власти, а также с ним связаны мифы архаических индоевропейских верований — мифы о близнецах («близнечные мифы»), образ Великой богини. Комплекс графических изображений вкупе с археологическим материалом «определенного назначения» — амулетами — позволил В. Е. Флеровой воссоздать систему мировоззрения многоэтносового населения Хазарии. Исследованная ею языческая система верований — основополагающая для всего государства.

Иранский субстрат является приоритетным в этой системе, сложившейся в двуединстве тюркского и иранского субстратов[61]. Наверное, корни этого феномена кроются в самой глубокой древности, уходя в эпоху, когда южнорусские степи служили одной из областей обитания носителей индоевропейской культуры[62]. Позднее этот факт обусловил преобладание иранизмов в образах мышления хазар. Поскольку в построениях Флеровой «тема иранизма в верованиях населения каганата предстает шире и разнообразнее, чем простое продолжение аланских традиций в раннесредневековой культуре»[63], нет ничего удивительного в том, что автор напрямую обращается к культуре Ирана, стремясь обнаружить в ней аналогии хазарским знакам и символам.

Отечественные исследователи сасанидского искусства полагают, что «ни смысловое значение этих знаков, ни их прототипы не выяснены окончательно»[64]. Большинство ученых не считают их тамгами по происхождению, однако выделяют

[60] *Флерова В. Е.* Образы и сюжеты… С. 60.

[61] Там же. С. 10.

[62] Мифы народов мира. Т. I. М., 1987. С. 527.

[63] *Флерова В. Е.* Образы и сюжеты… С. 9—10.

[64] *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 38.

три группы знаков, среди которых могут быть и родовые тамги, и знаки, соответствующие определенным титулам и рангам, и знаки («нешаны») храмов[65].

К храмовым знакам относится, в частности, трилистник (трезубец). Подобный трезубец можно видеть на печати одного из магов[66].

Можно ли говорить о каких-либо аналогиях подобного «загадочного трезубца» и знака первых русских монет? Хотя в отечественной литературе уже утвердилась его характеристика как тамги, тем не менее исследователи подчеркивают, что не только сам выпуск монет может являться политической декларацией, но и изображения отвечают потребностям идеологического характера, причем признается «выдающаяся идейная роль княжеского знака»[67]. Так как чеканка монеты являлась прерогативой верховной власти, выбор монетных изображений также составлял ее привилегию. Символическое мышление в полном смысле этого слова (подобное «гербовой» эпохе, начало которой в Западной Европе обычно относят к концу XII в.) вряд ли сыграло свою роль при выборе сюжетов. Хотя первые русские монеты относятся к произведениям средневекового искусства, которое «вплоть до XIII в. обогащалось заимствованиями, комбинируя элементы различного происхождения»[68], о конкретном заимствовании можно говорить лишь применительно к композиции златников (золотых монет) и сребреников (серебряных монет) I типа Владимира Святославича[69]. Образцом для златников и сребреников I типа Владимира Святого послужили золотые монеты византийских императоров Василия II и Константина VIII (976—1025) (современников русского князя), которые наиболее часто встречаются в русских кладах X и первой половины XI в. (На лицевой стороне византийского солида X в. помещен Иисус Христос, на оборотной — поясное изображение императоров, один из которых держит крест.)

В целом заимствование носит относительный характер, ибо фигура лицевой стороны монеты Владимира Святого имеет черты портретного сходства с русским правителем, тогда как образ императора на византийских монетах не индивидуализирован в отличие, например, от римских портретных изображений на монетах. В то же время сакральность царского изображения на монетах подчеркивается диадемой или короной. Корона украшает и голову правителя на первых русских монетах, свидетельствуя об идентичности власти русского и византийского правителей, хотя в действительности (Владимир не был коронован) подобная форма изображения является не более чем претензией на идентичность.

[65] *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Указ. соч. С. 45.

[66] Там же. С. 43—44.

[67] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1983. С. 7.

[68] *Даркевич В. П.* Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка // Советская археология. 1968. № 3. С. 71.

[69] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 6, 60—61.

Однако главное отличие русского правителя на златниках и сребрениках — в индивидуализации образа, которая усиливается присутствием «загадочного знака». Без него, по-видимому, не мыслится этот образ, причем вряд ли здесь можно уповать исключительно на замысел резчика.

Современные исследователи первых русских монет, сравнивая их с византийскими того же времени, пишут, что последние «передали в неизменном виде создававшемуся типу монеты канонический образ старшего из богов новой веры, чьему покровительству вверял себя крестившийся князь»[70]. Однако почти сразу этот образ уступил свое место иному изображению, равному ему по значимости в глазах «хозяина» чекана — князя Владимира Святославича (первоначально знак сопровождал фигуру в короне на лицевой стороне монеты, разместившись над ее плечом). Вряд ли речь идет о художественном приеме или о стремлении при помощи изменения типа монеты противопоставить себя византийцам. Главную роль сыграл, скорее, мировоззренческий выбор, ассоциация этого знака с глубоко укоренившимися в сознании иными представлениями о мироздании и о своем месте в нем, отличающимися от еще малознакомых христианских идей.

Знак, помещенный вместо Иисуса Христа на важнейший властный атрибут, вряд ли можно увязать исключительно с княжеским хозяйством (знак собственности). Предполагают, что в качестве знака Рюриковичей были приняты языческие и культовые символы, магическая природа которых несомненна[71]. Подобные заключения базируются на результатах изучения идеологии древних обществ, которые позволили реконструировать трехчастность социальных явлений, осознаваемую людьми в эпоху складывания государств[72]. В частности, индо-

[70] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Указ. соч. С. 6.

[71] *Стависский В. И.* У истоков древнерусской государственной символики // Философская и социологическая мысль. 1991. № 5.С. 99.

[72] См. об этом: *Березкин Ю. Е.* Двуглавый ягуар и жезлы начальников // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 163—164. В недавно опубликованной (впервые на русском языке) книге выдающегося польского историка-медиевиста Александра Гейштора «Мифология славян» приводятся сведения о существующей концепции «индоевропейского объяснения мира». Он пишет: «Народы, говорящие на индоевропейских языках, видели свою социальную структуру как организационную модель, основанную на выполнении трех основных функций. Первая из них — это осуществление верховной власти в двойном значении, а именно в правовом и религиозно-магическом. Другую функцию составляют разного рода проявления силы, в первую очередь военной, оборонительной и захватнической. Третью функцию выполняет широко понимаемая идея плодородия и ее производных: …сохранение мира и использование его, пропитание, добывание для всей общности при помощи занятий скотоводством и земледелием. Исследования в этом направлении дали целый ряд наблюдений, которые указывали на устойчивость идеи трехчастной структуры в социальном мышлении людей прошлого. Эта идея оставила свой след в легендах о происхождении племен, о древнейшей истории народов, об их раннем средневековье». В начале XI в. один из европейских проповедников писал: «Божий дом тройственен, веруют же во Единого. Поэтому одни молятся, другие воюют, третьи работают». — *Гейштор А.* Мифология славян. М., 2014. С. 41—42.

европейские народы различали феномены, относящиеся к господству и управлению, физической силе, к плодородию и богатству. Соответственно, деятельность правителя могла выражаться в осуществлении трех функций: магико-юридической, военной, экономической. Первая функция могла разделяться на собственно магическую и юридическую.

Как свидетельствуют раннеболгарские источники, у протоболгар хан (хан сюбиги) являлся верховным правителем государства, высшим военачальником, верховным законодателем и судьей, а также главным жрецом[73].

Вряд ли мысль создателей первого русского чекана уходила столь глубоко, когда вопрос встал о помещаемых на монетах знаках. Русь приняла православие из Византии, новая культура входила в жизнь государства. Что касается первых публичных знаков власти — монет, то византийские монеты служили образцом для правителей, однако не так просто было вытеснить из сознания не только простых людей, но и самого Владимира прежние верования. А. П. Новосельцев, подробно рассмотрев вопросы принятия Русью христианства и сетуя на немногочисленность и противоречивость источников, освещающих факт христианизации Руси, акцентирует внимание на трудностях, связанных с этим процессом: «Происходило это трудно и при большом сопротивлении народных масс и, очевидно, части верхов». Видя во Владимире не «скороспелого реформатора», а «осторожного политика», автор считает, что «Владимир, став христианином, сохранил многие привычки и черты князя языческой поры. Он любил дружину, устраивал для нее знаменитые пиры… Проводя нововведения в главном, в более частных вопросах оставался верен старине»[74].

Вероятно, в этом контексте следует рассматривать и возврат при чеканке первых русских монет (начиная со второго типа сребреников) от образа Иисуса Христа к языческому знаку — трезубцу. Как отмечалось выше, по семантике, по-видимому, он адекватен двузубцу — знаковому выразителю хазарских (иранских) верований. Сакральность трезубца соответствовала и сакральности правителя Руси, что соотносится с функцией правителей на ранних этапах развития государственности. Кроме протоболгар, исследователи пишут об Олеге, выступающем «князем-жрецом, соединившим сакральную и политическую функции»[75], о жреческих функциях Владимира Святославича[76]. Думается, что «загадочный знак» первых монет

[73] *Литаврин Г. Г.* Византийская система власти и болгарская государственность (VII—XI вв.) // Раннефеодальные славянские государства и народности (проблемы идеологии и культуры). София, 1991. С. 23.

[74] *Новосельцев А. П.* Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4. С. 108.

[75] *Орлов Р. С.* Язычество в княжеской идеологии Руси // Обряды и верования населения древней Украины. Киев, 1990. С. 108.

[76] *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I. Харьков, 1916. С. 6; *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних киевлян. Киев, 1982. С. 34.

Древнерусского государства может быть объясним как сакральный, магический символ, реликт прежних верований[77].

Подобный символ, отличающийся от знака собственности, родового знака, мог иметь в виду Н. П. Лихачев (см. сн. 43).

История Хазарии в настоящее время привлекает к себе все большее и большее внимание[78], хотя не все аспекты существования этого «первого раннефеодального государства в Восточной Европе», «почти равного по силе и могуществу Византийской империи и Арабскому халифату»[79], изучены в достаточной степени. В частности, очень существенным и не полностью раскрытым остается вопрос о контактах со славянами. А ведь именно Хазария, как пишет знаменитый археолог М. И. Артамонов, «была первым государством, с которым пришлось столкнуться Руси при ее выходе на историческую арену. Это исторический факт, который невозможно опровергнуть и который необходимо учитывать в полной мере для того, чтобы правильно понять ход исторического развития не только Руси, но и всей Восточной Европы»[80].

Известный исследователь хазарской истории А. П. Новосельцев, называя начальную дату основания Хазарского государства — первую четверть VII в., подчеркивает, что за этой датой последовал длительный период становления Хазарского государства — каганата, ставшего главной политической силой Восточной Европы[81]. Хазары пришли в Восточную Европу вместе с тюркскими племенами, застав здесь преимущественно иранское (сарматское) население, а далее на всем протяжении существования Хазарского государства (три столетия) в этой части Европы шло смешение (и даже перемешивание прежде всего из-за многочисленных торговых контактов Хазарии) различных этносов — тюркских, угорских, иранских. В этом смешении не пропадают и контакты со славянами, о которых свидетельствуют археологические данные. Речь прежде всего идет о взаимодействии надэтничной «государственной» культуры Хазарии — салтово-маяцкой — с культурой славян-

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[77] Современные лингвисты, изучающие проблемы праславянских языков, подчеркивают, что «к моменту возникновения письменности славяне успели дважды сменить свои сакральные представления. Сначала древнее язычество подверглось сильному влиянию дуализма иранского типа, затем последний, не одержав полной победы, был вытеснен христианством. Двойная система сакральных представлений оставила глубокие следы в праславянском языке» (*Мартынов В. В.* Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 61).

[78] Например, только что опубликована оригинальная книга московских ученых, комплексно решающая хазарские проблемы: *Калинина Т. М., Флеров В. С., Петрухин В. Я.* Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М., 2014.

[79] *Плетнева С. А.* Хазарские проблемы в археологии // Советская археология. 1990. № 2. С. 89.

[80] *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 64.

[81] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 89.

ских племен, носителей волынцевской культуры и эволюционизировавших на ее основе — роменской, боршевской и окской.

Действительно, в археологических работах последних десятилетий особо подчеркивается факт смешения культур, которые приняли участие в становлении культуры ранней Киевской Руси. Подчеркивается, что, например, в Среднем Поднепровье в последней четверти I тысячелетия существовали «различные по культурной принадлежности группы памятников»[82]; особое внимание акцентируется на «тесных связях славянской и салтовской культур»[83] в VIII в. в Среднем Поднепровье; С. А. Плетнева сообщает, что в верховьях Северного Донца имеются «следы сожительства и вероятного смешения в этом регионе двух народов, двух культур»[84]. А. З. Винников указывает на связь донских славян и представителей салтово-маяцкой культуры, отмечая, что на славянском Титчихинском городище, расположенном всего в 25 километрах от хазарских укреплений, обнаружены украшения, характерные для салтово-маяцкой культуры (перстни, амулеты)[85] В. В. Седов отмечал, что в регионе Киева волынцевская культура переходит и на правый берег[86] и т. д. Ответить на вопрос о том, в каких территориальных рамках существовало Хазарское государство, сложно, как считают исследователи, ибо его границы не были неизменными в разные хронологические периоды, а может быть, и вообще недостаточно четкими. А. П. Новосельцев пишет, что «хазары в своем государстве не имели компактной территории, составляли как бы островки в пестром этническом мире юго-востока Европы»[87]. Археологи на основании изучаемых ими памятников салтово-маяцкой культуры детализируют высказывания историков: Д. Т. Березовец, например, полагает, что в глубине славянской территории существовали своеобразные административные центры Хазарского каганата[88]; А. И. Айбабин пишет, что об утверждении Хазарского государства в поднепровской степи свидетельствует сам факт появления здесь в конце VII — первой половине VIII в. подобных тюркским поминальных комплексов в честь умерших каганов[89].

Археологи делают вывод, что данные, полученные в результате археологических исследований в Днепровско-Донском регионе, т. е. территории так называемого

◇◇

[82] *Петрашенко В. А.* Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 50.

[83] *Щеглова О. А.* Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи раннего железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 83.

[84] *Плетнева С. А.* Средневековые поселения верховьев Северного Донца // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1960. № 79. С. 124.

[85] *Винников А. З.* Контакты донских славян с алано-болгарским миром // Советская археология. 1990. № 3. С. 126.

[86] *Седов В. В.* Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 6.

[87] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 112.

[88] *Березовецъ Д. Т.* Слов'яни и племена салтівської культури // Археологія. 1965. Т. XIX.

[89] *Айбабин А. И.* Погребение хазарского воина // Советская археология. 1985. № 3. С. 202.

Русского каганата, свидетельствуют: «Все археолого-этнические типы или локальные группы в той или иной степени приняли участие в становлении культуры ранней Киевской Руси, а в конечном счете — древнерусской культуры»[90].

Однако нас интересует прежде всего Киев, где начали чеканиться первые русские монеты с трезубцем. Факт проживания хазар в Киеве широко известен. Еще «Повесть временных лет» сообщает о торговой колонии хазар в Киеве и об урочище «Козары». Об этом напоминает в своей статье знаменитый украинский археолог академик П. П. Толочко[91]. Археологические данные свидетельствуют об этом проживании: могильник салтовского типа, обнаруженный еще М. К. Каргером при раскопках древнего Киева[92]; многочисленные предметы (керамика, кирпичи, изделия прикладного искусства, на которых изображены двузубцы и трезубцы). На кирпичах древнейших зданий Киева — Десятинной церкви и дворца Владимира близ нее — обнаружены трезубцы[93] (как на аналогичных зданиях Дунайской Болгарии), на металлической печати, приписываемой Святославу Игоревичу (из Киева, не сохранилась) и на костяной печати из Белой Вежи изображены идентичные двузубцы[94].

Мысль о хазарском основании Киева, а точнее — о хазарско-иудейском, дискутируется в современной, прежде всего зарубежной, литературе[95]. Причем в некоторых исследованиях зарубежные авторы прямо-таки сводят до минимума участие славян в создании Киева, отводя ему роль эмпория или транзитного пункта, игнорируя его значение как «племенного или религиозного центра». Вызывает у них насмешку празднование в 1982 г. «1500-летия» этого города. Чтобы подчеркнуть зависимую роль «обитателей» замечательных киевских холмов от хазар — «власти хазар над Киевом», говорится о землянках на Старокиевском холме, где жили

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[90] *Петрашенко В. А.* Указ. соч. С. 50.

[91] *Толочко П. П.* Миф о хазарско-иудейском основании Киева // Советская археология. 2001. № 2. С. 38—39.

[92] *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.; Л., 1958. С. 135—137; *Толочко П. П.* В поисках загадочного Русского каганата // *Толочко П. П.* Київ и Русь. Київ, 2008. С. 32.

[93] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности… С. 247; *Каргер М. К.* Указ. соч. Т. I. Рис. 123—124; Т. II. С. 379; *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1959. № 75. С. 362—367. Табл. I—XXV.

[94] *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 431 — изображены оба предмета.

[95] См. об этом: *Флеров В. С.* Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим, 1999) и «Краткая еврейская энциклопедия» о хазарах // Советская археология. 2000. № 3. С. 229—234. Своеобразным катализатором явилась книга Норманна Голба и Омельяна Прицака «Хазарско-еврейские документы X века», опубликованная в Лондоне в 1982 г.; М.; Иерусалим, 1997. Она, как кажется, повлияла на точку зрения иностранных авторов, посвятивших свои исследования истории Древней Руси. См., например, *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950—1300 гг.). СПб., 2010. С. 210: «…Славяне, жившие в среднем течении Днепра, на протяжении долгого времени имели возможность вступать в разнообразные отношения с евреями. Евреи входили в число постоянных жителей, причем не только Киева и в других городах на юге, к XII в. они добрались даже до таких интенсивно развивающихся центров на северо-востоке, как Владимир на Клязьме».

обитатели лагеря «полукочевых сборщиков дани в пользу хазар и находился склад, где хранилось то, что было собрано»[96].

В основе подобной позиции автора лежит его явно выраженная ориентация на антикиевоцентристскую точку зрения в отношении проблемы «откуда есть пошла Русская земля». По его мнению, «русы» или «русь» — это шведы, первые ростки русской государственности зародились в северном регионе, где возник Русский каганат, а каган «сидел» в Старой Ладоге или Новгороде, даже шведский король мог называться каганом[97]. Причем игнорируется замечание явного сторонника подобной конструкции, который считает, что каган — «титул степных владык».

Каким бы просвещенным ни был император Людовик Благочестивый, обладавший способностью распознать среди людей прибывшего к нему в 839 г. посольства, называвших себя «рос», шведов (ссылка на «Анналы святого Бертина» сейчас известна каждому исследователю Древней Руси), вряд ли на этом основании стоит утверждать, как это делает один из авторов книги «Начало Руси», что Русский каганат — «некая политическая структура», уже существующая у славян примерно в 838 г. с резиденцией кагана, находящейся в центральной Швеции, или в Старой Ладоге, или на Рюриковом городище. Эта структура якобы располагалась близ того места, где Волхов вытекает из озера Ильмень, и в районе Верхней Волги[98], и подчеркивается: ни Киев, ни район среднего течения Днепра не заслуживают серьезного внимания в этом плане. Крупнейший исследователь истории Киева академик П. П. Толочко категорически не соглашается с мнением как иностранных историков, так и своих коллег, ведущих раскопки в прекрасной Старой Ладоге. Он приводит ряд доказательств, в том числе лингвистических, что попытки «представить Ладогу столицей Русского каганата совершенно некорректны». И далее: «К какому бы выводу ни пришли исследователи о первоначальном административном центре ильменских словен, он никогда не сможет обрести доказательной силы относительно существования здесь Русского каганата»[99].

Не менее известный и уважаемый ученый академик В. В. Седов настаивал на существовании в первой половине IX в. политического объединения на территории волынцевской культуры, полагая, что «в землях Восточной Европы другого мощного политического образования славян тогда не было», а если «в каганате русов все же был административный центр, то это мог быть только Киев»[100].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[96] *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750—1200. СПб., 2009. С. 156—159.

[97] Современные российские креативные историки-лингвисты считают идентичными термины «каган» и «конунг» и, конечно, с большим удовольствием поддерживают точку зрения о «вторичности» Киева в процессе создания Древнерусского государства.

[98] *Франклин С., Шепард Д.* Указ. соч. С. 59.

[99] *Толочко П. П.* В поисках загадочного Русского каганата. С. 36—37.

[100] *Седов В. В.* Русский каганат IX века. Более подробно свои взгляды на образование и существование Русского каганата он изложил в книге «У истоков восточнославянской государственности», где проанализировал все существующие версии о местоположении Русского каганата, привел много аргументов (письменные источники, нумизматические данные) в пользу

По всей вероятности, в Киеве находился и глава славянского государственного объединения — каган. Этот титул, который носил не только хазарский правитель, но и аварский, был хорошо знаком в Западной Европе и Византии с VI в. в связи с вторжением аваров в Центральную Европу и их действиями там. Титул «каган» зафиксирован византийскими и латинскими источниками. В то же время известно, что в середине IX в. Русь представляла значительную силу, пользующуюся международным признанием[101], и принятие самого известного в регионе титула ее правителем вводило каганат русов в международное политическое поле. Этим титулом русский правитель обозначался в западноевропейских и восточных источниках IX—X вв.[102] Считается, что принятие титула «каган» произошло в 20—30-х гг. IX в., когда носитель этого титула в Хазарии еще не был лишь символическим главой государства. «В противном случае русскому князю не было бы смысла именоваться каганом»; «в это время хакан хазар был реальным властителем, которого и считали царем»[103].

Влияние соседей — хазар оказалось заметным на разные стороны жизни славян. Специалисты считают, что «ощутимым» было влияние Хазарии на формирование такой политической структуры, как двуумвират («есть основания утверждать, что раннерусская система двуумвирата на киевском столе была позаимствована от хазар»)[104].

Очень интересно замечание одного из авторов книги «Начало Руси» о символах власти в Среднем Поднепровье: «…показательны символы власти — tamgas, которыми стали пользоваться князья русов. Некоторое время до 940-х гг. в ходу были печати. Нам неизвестны образцы этих ранних печатей, но на печатях, которые обычно приписывают Святославу Игоревичу, и на монетах, несомненно отчеканенных его сыном Владимиром, присутствуют эмблемы — что-то напоминающее

дислокации раннегосударственного образования — каганата русов — в Днепровско-Донском регионе. В этой же книге В. В. Седов излагает материал и об «определенной политической структуре», существовавшей в то же время на севере Восточно-Европейской равнины, — Конфедерации словен, кривичей и мери, которую возглавил Рюрик, не именующийся каганом. По этому поводу М. И. Артамонов замечал: «Титул главы Руси — каган, который невероятен для северных славян, но вполне понятен для славян среднеднепровских…» (*Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 369).

[101] *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 369; *Новосельцев А. П.* Образование Древнерусского государства. С. 10; *Седов В. В.* Русский каганат IX века. С. 9.

[102] *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159; *Он же.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 8—9 и след.; *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 108—135. Автор приводит всю существующую литературу о титуле «каган», его происхождении, дает разные варианты его чтения у разных народов.

[103] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 138—139.

[104] *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 41.

вилы или трезубцы, которые похожи на те, что найдены в поселениях хазар, имевших какое-то отношение к кагану. Эти эмблемы вполне могли быть заимствованы у хазар князьями русов в более раннее время. Используя их, днепровские русы могли демонстрировать законность своей власти, которую прежде придавал их верховному князю титул chaganus, или хагана»[105]. Далее автор продолжает размышлять на тему княжеской символики русов и ее возможного заимствования у хазар: «Символизируют ли эти эмблемы власть хагана или функция их более примитивна — вопрос остается открытым. Изображения трезубца находят в хазарских землях повсеместно. Его могли заимствовать князья русов, желавшие воспользоваться для своей печати связанными с этой эмблемой ассоциациями»[106].

Из подобных рассуждений можно сделать вывод, что «ассоциации» созвучны с трезубцем (двузубцем) — символом власти кагана[107].

Авторы книги «Начало Руси» прямо пишут по этому поводу, давая оценку первым русским монетам: «Место Христа занимает эмблема, напоминающая трезубец, которая использовалась Владимиром как символ власти. Подобные знаки были в ходу у хазар, у которых, по-видимому, и заимствовали эмблему предшественники Владимира»[108]. Имеется в виду, вероятно, прежде всего Святослав, чья печать с двузубцем изображена на известном рисунке из книги М. И. Артамонова «История хазар»[109] рядом с костяной печатью из Саркела (Белой Вежи), несущей подобный знак.

По всем внешним показателям знак Рюриковичей — это тамга, пришедшая в Приднепровье с хазарами, а затем ушедшая на Дунай с болгарами. Однако не случайно В. Е. Флерова, посвятившая свои исследования верованиям смешанного населения Хазарии, ее историческим перипетиям, уделила столь большое внимание «иранскому субстрату» в объяснении и толковании двузубцев и трезубцев, находя в их семантике следы иранизма. Черты индоевропейской культуры, в которой обнаруживаются и следы иранских языческих культов, прослеживаются у праславян еще до знакомства с хазарскими тамгами. «Иранское влияние на праславянские племена происходило в контексте влияния общего индоевропейского субстрата», — пишет А. Гейштор. Особенно он отмечает иранский вклад в славянскую лексику, а также передачу «некоторых ритуальных и мифологических элементов в сфере высокоразвитых религиозных культов»[110]. В то же время он пишет, что «имена иранских

[105] *Франклин С., Шепард Д.* Указ. соч. С. 197.

[106] Там же.

[107] В. Е. Флеровой (как она сама считает) не удалось выделить верховный знак кагана, считавшегося царем, в отличие от болгарских ученых (*Петрова П.* Указ. соч. С. 49—50), которые признают подобным знаком («царским знаком») знак «ипсилон» в различных его вариантах.

[108] *Франклин С., Шепард Д.* Указ. соч. С. 270.

[109] *Артамонов М. А.* Указ. соч. С. 431 (подразумевалось, что именно Святослав занес туда этот знак во время своего разгромного похода на хазар).

[110] *Гейштор А.* Указ. соч. С. 63.

и в особенности сарматских богов остались практически незамеченными праславянами». Другого мнения придерживаются российские лингвисты (В. В. Иванов, В. Н. Топоров, В. В. Мартынов, историк Б. А. Рыбаков), отмечая, что «древнее славянское язычество подверглось сильному влиянию дуализма иранского типа». В современном толковании имен шести языческих славянских богов, названных в «Повести временных лет», в их подборе прослеживается восходящая к иранским корням система «бинарных оппозиций»[111].

Знаки на костяных изделиях из Белой Вежи (*Саркела*)

«Религиозно-мифологическая общность между иранцами и славянами», которую отмечает знаменитый лингвист В. Н. Топоров[112] и другие ученые, заключается в «выборе» ими верховного божества — Громовержца. Обычно все знакомы в этом качестве с греческим богом Зевсом. Однако этот бог грома и молний известен очень хорошо в индоевропейском мире под разными именами. У славян этот бог-громовержец назывался Перун. Гейштор пишет, что «как верховное божество Перун занимает такое же положение, как Митра, Ахура-Мазда, Зевс, Юпитер, Один или Таранис; все они наделены чертами патриархов. Он является как будто бы образом отца, перенесенного в сферу сакрального, архетипом вождя, предводителя большой семьи, племени, который обеспечивает благополучие общины, формирует ее отношение к окружающему миру и признание соответственных норм. Это отец и вместе с тем громовержец, который способен защитить общину, а также расширить ее территорию»[113].

Б. А. Рыбаков считает, что у славян этот бог-громовержец был «выдвинут на место "славянского Зевса" очень поздно, одновременно с развитием русской государственности»[114]. Именно Перуна «превозносили» правители Русского государства, и прежде всего Владимир, когда начал «княжити в Киеве». Известно, что он определил Перуна на первое место среди «кумиров», поставленных «на холму». Возможно, к этому времени произошли некоторые изменения в культе Перуна, он «получил» и военные функции подобно другим аналогичным богам индоевро-

[111] Несколько подробнее см. об этом в работах В. В. Мартынова, В. Н. Топорова. Последний замечает по этому поводу: «Специфика двух теофорных имен Дажьбогъ и Стрибогъ состоит в том, что они, будучи вполне славянскими по своему составу, вместе с тем могут пониматься как такие кальки с индоиранского, в которых оба члена в каждом из этих двух названий оказываются и генетически идентичными соответствующим индоиранским элементам» (Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 42).

[112] *Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 23.

[113] *Гейштор А.* Указ. соч. С. 103.

[114] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 356.

пейского региона. Среди них наиболее известным является хеттский Тешуб, «бог грозы и войны в хуррито-урартском пантеоне»[115]. Кстати, на хеттских рельефах и других памятниках он изображается с пучком молний обязательно в виде трезубца, а позднее — с боевым топором. Аналогичным ему, но, кажется, более древним является Адад, божество шумеро-аккадского пантеона, почитавшийся во многих городах Месопотамии (Вавилоне, Ашшуре). Его символами также были двузубец или трезубец[116].

О символике этих индоевропейских богов в поисках аналогий для знаков Рюриковичей опубликовал две небольшие статьи украинский исследователь Валерий Бушаков[117]. Кажутся абсолютно правильными его наблюдения, однако в статьях отражен лишь поиск аналогий знаков Рюриковичей без надлежащих исторических версий этих аналогий, что, возможно, связано с крайне ограниченным объемом статей.

Как уже отмечалось, исследователям, и прежде всего В. Е. Флеровой, не удалось выделить знак кагана. В то же время известно, что этим титулом пользовались русские князья с IX в. Предполагают, что титул «каган» мог долго «оставаться на слуху» у славян и жителей Киева даже после того, как в 882 г. Олег пришел в Киев и образовалось единое Древнерусское государство[118], предполагают — даже после крещения Руси (X—XI вв.)[119]. За основу подобной информации берется прежде всего первое оригинальное произведение на русском языке «Слово о Законе и Благодати». Оно создано между 1037 и 1050 гг. тогда еще священником Берестовской церкви под Киевом, будущим митрополитом Иларионом. В «Слове» содержится «похвала кагаиоу нашемоу влодимероу. От него же крщени быхомъ»[120]. После создания «Слова» (в данном тексте не дается его общая оценка, например: «своего рода гимн российской государственности»), в 1051 г., Ярослав Мудрый, собрав епископов в Софии Киевской, возвел своего духовника Илариона на митрополичий стол, после чего тот сделал особую запись: «Быша же си в лето 6559 владычествующу блговерьному кагану Ярославу сну Владимирю»[121]. Иларион, судя по тексту «Слова», вполне есте-

[115] *Герни О. Р.* Хетты. М., 1987. С. 121—124. Фото 20; История и культура Древнего Востока: Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 335. Рис. 171.

[116] История и культура Древнего Востока. С. 17. Рис. 3.

[117] *Бушаков В.* Генезис і семантика тамг іраномовних народів евразійских степів // Четверта наукова геральдична конференція. Львів, 1994. С. 17—20; *Его же*. Типологія родового знака Рюриковичів // Шоста наукова геральдична конференція. Львів, 1997. С. 8—10.

[118] *Новосельцев А. П.* Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4. С. 101—102; *Он же*. Образование Древнерусского государства. С. 12—14; *Седов В. В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 69—70.

[119] *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов… С. 159; *Седов В. В.* Русский каганат IX века. С. 9.

[120] *Молдован А. М.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 78.

[121] Там же. С. 4, 7. Рис. 2. См. также: *Жданов И. Н.* Сочинения. СПб., 1904. С. 23, 33.

ственно совмещает языческие и христианские имена князей (события происходили после крещения) Владимира (Василия) и Ярослава (Георгия), называя их все-таки каганами «применительно к прошлому» и, по-видимому, не сомневаясь в «каганьей» сакральности последних[122]. Однако, и можно согласиться в этом с В. Я. Петрухиным[123], вряд ли стоит напрямую увязывать функции, которые приписываются хазарскому кагану с «реалиями бытия» правителей русов, принявших этот титул, хотя магическую функцию, выполнявшуюся русским правителем (см. выше), исключить нельзя.

Можно привести и другие примеры «неформального» использования титула «каган». В надписи на стене Софии Киевской — «Спаси, Господи, кагана нашего» — подобным образом назван сын Ярослава Владимировича Святослав Ярославич, правивший в Киеве в 1073—1076 гг. На стене Софии Киевской имеется и рисунок трезубца, кстати более всего похожий на современный украинский герб[124]. Думается, что надпись на стене того же храма: «В (лето) 6562 месяца февраля 20-го кончина царя нашего…», которую связывают с Ярославом Мудрым, также имеет в виду «каганство» последнего, ибо известно, что правитель хазар, носивший титул кагана, именовался царем[125].

А. П. Новосельцев отмечает, что русские правители во второй половине XI в. утрачивают титул «каган», а «в начале XII века русский летописец не называет киевского князя хаканом даже применительно к прошлому»[126].

Как воспоминание о былом «каганьем времени» в «Слове о полку Игореве» (80-е гг. XII в.) титул «каган» используется по отношению к князю Олегу Святославичу («Гориславичу»). Он был не только черниговским князем, но и управлял Тмутараканским княжеством на Тамани, где жили потомки хазар. Он как бы уподоблялся хазарам, к которым в письменных памятниках этого времени проявляется явно негативное отношение. В конце концов «цивилизованный мир» и вовсе пренебрежительно начал воспринимать термин «каган». Известно изречение, сохранившееся в рукописи XIV в.: «Каган зверообразный скифский»[127].

В литературе существует наблюдение, у многих вызывающее недоумение: вместе с титулом «каган» исчезают и знаки Рюриковичей — примерно в середине

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[122] Один из исследователей княжеской идеологии X—XII вв. отмечал: «Очень точно восприятие князей как духовных владык подчеркивает хазарский титул “каган”, прилагаемый к верховному сакральному царю. Этот титул употреблен Иларионом в “Слове о Законе и Благодати” применительно к Владимиру, Ярославу». — *Орлов Р. С.* Указ. соч. С. 108.

[123] *Петрухин В. Я.* К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Вып. 10. С. 73—78.

[124] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. I. С. 49. Табл. XVII—XVIII; С. 110—111. Табл. LXIX, I; LXX, I.

[125] *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов. С. 154; *Коновалова И. Г.* Указ. соч. С. 119. Автор приводит слова Ибн Русте: «У русов есть царь (малик), именуемый хакан-рус».

[126] *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов. С. 159.

[127] *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958. С. 1171.

XII в. или начале XIII в. Археологи его разрешают просто: наступил кризис русской княжеской геральдики — тамга «упростилась настолько, что утратила способность создавать варианты с достаточно ярко выраженными признаками индивидуальной принадлежности»[128].

В данной статье использован разноплановый материал, приведены мнения многих специалистов — археологов, историков, лингвистов, пытающихся объяснить феномен «загадочного знака» первых русских монет. Автор настоящей статьи, предметом научных изысканий которого является исследование «Эмблемы власти и власть эмблем», конечно, также неравнодушен к этой проблеме. Но, кроме того, исключительно важным для автора является следование современным научным парадигмам, одной из которых является идея национальной идентичности, о которой писалось выше. В рамках изучения национальной идентичности должна находиться государственная символика любых стран, в том числе и Украины.

Свою статью я начала с осмысления двух недавно опубликованных работ. Д-ра Йильге интересует современная символика Украины, включая ее западные регионы. Его статья интересна, но в определенном контексте: «старина» его мало интересует, далее выяснения позиций знаменитого украинского историка М. Грушевского он не идет.

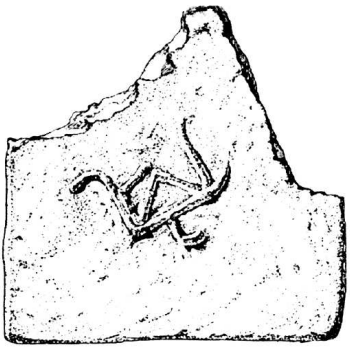
В статьях издания «Древняя Русь в средневековом мире», посвященных «гербам» (знакам) Рюриковичей, излагаются известные, иногда довольно спорные факты и, к сожалению, в определенном ключе трактуются вопросы появления этих знаков (типа «самопроизводства»).

Авторы зарубежных обобщающих книг по истории Древней Руси считают, что знаки, изображенные на древнерусских печатях и монетах, «могли быть заимствованы у хазар князьями русов». С этим мнением солидарны многие отечественные исследователи тамг. В первую очередь это те, кто видит в тамге не только знак власти, но и сакральный, магический символ, совместимый с титулом «каган», обозначавшим в Хазарии сакрального царя. Именно духовно-сакральную ипостась подчеркивал Иларион, называя «каганом» князя Владимира, утверждает И. Г. Добродомов[129]. Светской ипостаси князя, по его мнению, Иларион не касается.

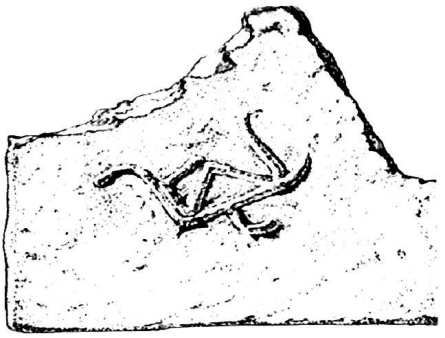
Следует заметить, что сам по себе факт использования, например, в монетном чекане знаков, связанных с более ранними верованиями или изобразительными сюжетами предшествующего периода, не является чем-то особенным. В ранних чеканах германских народов, в частности у вандалов, монетные типы, обычно подражающие Риму (погрудное изображение правителя в венке, Виктории, держащей корону, и т. д.), на оборотной стороне могут нести изображение головы лошади.

[128] *Янин В. Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 62. М., 1956. С. 16.

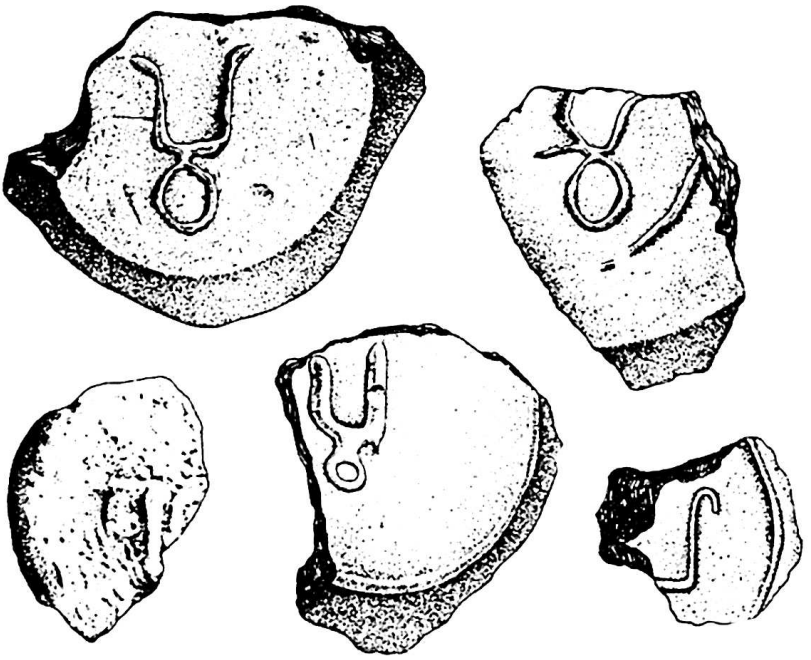
[129] *Добродомов И. Г.* Каган: титул или сравнение? // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1995. С. 16—17.



1



2



3

Знаки-тамги из Киева: 1 — знак на майоликовой плитке X—XI вв.;
2 — знак на стене Софийского собора;
3 — знаки на донцах сосудов (*по М. К. Каргеру, С. А. Высоцкому*)

На ранних англосаксонских монетах помещен дракон или змея, что объясняется влиянием местных древних верований, в которых германский бог, чудовищный Вотан (Водан — Один), носитель магической силы, играл важную роль[130].

Но хазарская ли тамга явилась наиболее важным объектом для подражания Владимиру Святославичу при осуществлении им выдающегося идеологического действа, каким, безусловно, являлся выпуск монеты, важнейшей регалии, олицетворяющей самодержавную власть? Претензия на равенство с Византийской империей, откуда Русь приняла крещение, была, как говорится, налицо (см. ниже описание первых монет). Однако знак — трезубец, помещенный над левым плечом князя на первых монетах, отсылающий к символу главного языческого божества индоевропейцев — богу-громовержцу (в данном случае Перуну), свидетельствует о суверенности и значимости правителя нового государства. Надписи на монетах Владимира подтверждают его значимость как государя во всех трех названных выше ипостасях.

Возможно, раскрытие смыслового содержания знака, неразрывно связанного с таким властным действием, как выпуск монеты, расширит наши представления о ментальности древнерусского социума на ранних этапах его существования.

Этот знак («иранский вклад в древнерусскую духовную культуру») соответствовал представлениям русского правителя о его функциях, в результате чего и происходит совмещение знака с государственным атрибутом — монетой, обретение им прежде всего роли символа, отличающегося по своей изначальной трактовке от знака собственности, родового знака, что и имел в виду Н. П. Лихачев (см. выше).

Впоследствии произошла его трансформация в знак княжеской собственности, знак Рюриковичей, как он и квалифицируется в историографии.

[130] *Engel A., Serrure R.* Traité de Numismatique du Moyen Age. T. I. Paris, 1891. P. XL.

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ И РОССИЙСКАЯ СИМВОЛИКА ВЛАСТИ (XI—XVI ВВ.)

В современной историографии понятие «империя» нестабильно. Утверждается даже, что это слово еще «не приобрело статус научного термина»[1]. В различных аспектах — дефинитивном[2], структурном[3], территориально-управленческом[4] и т. д. — рассматривается феномен империи современными исследователями.

В то же время отмечается, что империя как специфический тип монархического государства, базирующийся на сочетании представлений об особой властной компетенции правителя (императора) и определенной этнически неоднородной территории, в пределах которой должны реализовываться властные полномочия императора, возникла в глубокой древности (IX—VII вв. до н. э.) в Ассирии[5].

Имперская доктрина, развиваясь на протяжении веков и многократно трансформируясь, коррелировалась с возникшей в результате всепобеждающего учения

◇◇

[1] Об этом: *Алаев Л. Б.* Империя: феномен или этап развития // ВИ. 2000. № 4—5. С. 148; *Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004. С. 8.

Следует отметить, что в некоторых словарях, тем не менее, содержится определение термина «империя». Например: «империя — …государство, состоящее из территорий, лишенных экономической и политической самостоятельности и управляемых из единого центра». — *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 245. Это глобальное определение детализируется в контексте изучения «современных» империй: «Империями принято называть государства 1) крупные, 2) полиэтнические, 3) нацеленные на внешнюю экспансию». — *Алаев Л. Б.* Указ. соч. С. 149. Автор полагает, что положение о единой административной системе как признаке империи, зафиксированное, в частности, в Словаре Ожегова и Шведовой, не является обязательным критерием для империи. Между тем он выдвигает такую составляющую империи, как имперское сознание и имперская идеология — «комплекс идейных концепций, выдвигаемых правящим слоем государства для обоснования своей политики — удержания или расширения собственной власти». Сюда включаются идеи «избранности, мессианства, света цивилизации», порядка и права, единственности, стремления к мировому господству и т. д.

[2] *Успенский Б. А.* Царь и император. Царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 34 и дал.

[3] *Полосин В. С.* Миф. Религия. Государство. М., 1999.

[4] *Иванов С. А.* Восприятие пределов империи: от Рима к Византии // Славяне и их соседи. Вып. 8. М., 1998. С. 4—11; *Якобсон В. А., Дандамаев М. А.* От государства к империи // История человечества. М., 2003. С. 47; *Каппелер А.* Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 94—110.

[5] *Якобсон В. А., Дандамаев М. А.* Указ. соч. С. 50—51.

о Христе идеей власти единого Бога над властью земной, однако при этом сохранялись ее основополагающие конструктивные позиции. В частности, идея преемственности, «переноса», империй — *translatio imperii* — существующая в различных вариантах схема толкования мировой истории[6]. Согласно воззрениям теоретиков развития общества в средние века и раннее Новое время, воспринимающих историю как линейный процесс, в мире власть передается от одного государства (империи) к другому или, по иной версии, речь идет о перенесении господствующего начала с одного народа на другой[7].

Теория *translatio imperii* базировалась на высказываниях пророка Даниила о четырех царствах, следующих одно за другим, пятое же царство должно быть царством Божиим, «которое не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»[8].

Относительно времени написания Книги пророка Даниила и его жизни существуют два мнения. Согласно традиционному богословию, автор книги жил в VII в. до н. э. и тогда же ее написал. Часть же просвещенных исследователей относили написание книги (или ее частей) ко II в. до н. э.[9] Во всяком случае, первоначально выделялась цепь из четырех империй: за Ассирийской империей следовала Нововавилонская, затем — империя персов и мидийцев, греческая Александра Македонского и его наследников.

Пророчество Даниила откорректировал один из великих учителей Западной церкви, первый переводчик Библии на латинский язык, Иероним Стридонский (сер. IV в. — 420 г.). В его представлении, число мировых государств всегда определялось цифрой «четыре», однако набор их был несколько иным: вавилонское, мидийско-персидское, греческое и римское. Последователи Иеронима поддерживали его схему, связав ее со схемой трансляции империи. Вавилон ставился в начало, а Римская империя — в конец мировой истории[10].

Пророчествам Даниила и коррекции их блаженным Иеронимом посвящена огромная литература[11], ибо учение последнего, перенесенное на европейскую почву, оказало исключительное влияние на историческую и политическую мысль

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[6] *Thomas H.* Translatio Imperii // Lexikon des Mittelalters. Bd. 8. München; Stuttgart, 2003. S. 944—946; *Бойцов М. А.* Империя // Словарь средневековой культуры. М., 2007. С. 179—187.

[7] Meyers enzyklopädisches Lexikon. Bd. 23. Manncheim; Wien; Zürich, 1978. S. 654; *Goez W.* Translatio imperii. Ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Tübingen, 1958. S. 15 (по данным П. Ниче — см. ниже).

[8] Книга пророка Даниила 2:45, 7:18—19.

[9] Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 461—462.

[10] *Thomas H.* Op. cit. S. 945.

[11] В частности, несколько работ по данной проблеме с использованием обширной многоязычной библиографии помещены в одном из выпусков, содержащих доклады и сообщения семинара «Москва — Третий Рим»: Popoli e spazio romano tra diritto e profezia. Atti del III Seminario internazionale di studi storici «Da Roma alla terza Roma» 21—23 aprile 1983. Napoli, 1986. P. 291—320; 573—613 et cet.

Европы. Причем именно Римская империя принималась за образец государственности, являя собой совокупность политических и культурно-этических принципов, на которых зиждилось цивилизованное государство, претендующее на исключительную роль в истории человечества[12].

Совершенство Римской империи способствовало жизнеспособности идеи о конце света, который должен был завершить ее существование.

Однако, как пишет Х. Томас, этот эсхатологический вариант уже потерял свою актуальность примерно к VIII в., когда появился миф «дарения Константина», согласно которому Константин Великий перевел империю на восток, где основал город своего имени и свою империю, а все, что составляло западную часть Римской империи (в том числе Италию с Римом), передал папе и его преемникам. Таким образом, власть над Римом (власть папы) исходила, с одной стороны, от Иисуса Христа, которую передал папе апостол Петр, с другой — она как бы передавалась от римских цезарей, так что была вполне легитимна с точки зрения передачи светской власти[13].

Возникновению этого мифа способствовало изменение политических реалий в Западной Европе: усиление государства франков, укрепление их контактов с папой, помощь последнему франков, отражение наступления на Италию лангобардов, создание папского государства и Каролингского королевства. Майордом Пипин Короткий получил по распоряжению папы королевскую корону, а также «помазание» священным елеем[14]. С этого момента принцип «взаимодействия» Святого престола с франкскими королями постепенно укреплялся, вылившись в конце концов в провозглашение Карла Великого императором, которое было осуществлено в Риме 25 декабря 800 г. папой Львом III. Оценки этого события до сих пор неоднозначны, однако на первый план выступает все-таки заинтересованность папы в воссоздании империи на западе Европы в противовес Византии. Карл Великий выглядел достойным соперником византийских императоров (в этот момент константинопольский престол занимала женщина — императрица Ирина), ибо необыкновенно расширил свое королевство, укрепил его, проводил христианизацию соседних земель. Его намерения по восстановлению империи на Западе поддерживали церковники, и больше всех папа Лев III, нуждавшийся в его помощи.

Свои намерения и претензии Карл Великий выразил в надписи на печати — металлической булле, изготовленной после 800 г.: *Renovado Romani imperii* (обновление Римской империи). Эта надпись окружала изображение городских ворот, над которыми возвышался крест, а под ним надпись *Roma* (Рим)[15].

Пьер Рише приводит очень выразительный текст одной из средневековых рукописей, где описывается это событие: «Поскольку в земле греков более не было

[12] *Бойцов М. Л.* Указ. соч. С. 179.

[13] Там же. С. 181; *Thomas H.* Op. cit. S. 945.

[14] *Рише П.* Каролингская Европа // История человечества. Т. IV. М., 2003. С. 202—203.

[15] *Kittel E.* Siegel. Braunschweig, 1970. S. 210.

императора и поскольку все они пребывали под властью женщины, папе Льву и всем Отцам Церкви, заседавшим в собрании, и всему христианскому народу представлялось разумным дать имя императора Карлу Великому, королю франков, которому принадлежал Рим (где обычно находились цезари), а также Италия, Галлия и Германия… Если Бог всемогущий дал согласие на то, чтобы страны собрались под его властью, то будет разумно подчиниться требованию всего христианского народа, что он должен также носить и императорский титул»[16].

Несмотря на введение властных атрибутов с указанием на претензии Карла Великого, к числу которых относились и возможные задумки новоиспеченного императора об объединении Западной и Восточной империй и создании универсального государства, приоритет в этих действиях принадлежал папе, ибо императорский титул практически все Каролинги получали в Риме, из рук папы.

В XII в. (ок. 1160/65 гг.) сторонниками папы Александра III или им самим была сформулирована концепция, истолковывающая императорское коронование Карла Великого 800 г. как перенесение власти греков и римлян на франков исключительно благодаря воле Святого престола, который осуществлял право распоряжаться императорской властью. Возникла теория, как уже отмечалось, имеющая древние корни, теория переноса империи — *translatio imperii*[17]. Она появилась в условиях новых преобразований в Европе.

После смерти Карла Великого, «отца Европы», который объединил под своей единоличной властью различные области последней, «Европейская империя» распалась, однако продолжила существование идея Западной империи. Нашелся и новый император, но не франк, а сакс — Оттон I, который считал себя наследником Каролингов, продолжателем имперских деяний Карла Великого, особенно его военных успехов. Позиции Оттона I укрепила коронация в 962 г. в Риме, и из германского короля он превратился в императора, получившего императорскую власть из рук папы, таким образом освятившего передачу императорской власти от франков к германцам.

На печати Оттона I после коронации вместо его изображения в профиль с копьем и щитом появляется другое — анфас, со скипетром и державой[18], подобно римским цезарям.

Формирующееся при Оттоне II представление о том, что его империя — это продолжающая свое существование *Imperium Romanorum*, а он сам — *Romanorum imperator augustus* — «император римлян», одновременно подняло вопрос о том, как следует называть народ, который теперь обладает этой империей… Немецкий теоретик Адам Бременский около 1075 г. впервые заявил, что «Summa imperii

[16] *Рише П.* Указ. соч. С. 204.

[17] *Бойцов М. Л.* Указ. соч. С. 182; Meyers enzyklopädisches Lexikon. Bd. 23. S. 654; *Thomas H.* Op. cit. S. 946.

[18] *Kittel E.* Op. cit. S. 208—209.

Romani» отныне находится у «populi Teutonum». При Оттоне III его государство именовалось Римской империей.

Исследователи отмечают, что помимо стремления консолидировать власть внутри страны, стремления к единству Германии, Оттон III, который в конце X — начале XI в. вел упорную борьбу с Византией за господство над Италией, при поддержке зависимого от него папы намеревался уподобиться в титулатуре своему врагу, ибо до этого времени лишь Византия называлась Римской империей[19]. Использование этой формулы Оттоном III соотносится с его реальным стремлением воссоздать классическую империю, о чем свидетельствует надпись на его печати, повторяющая легенду печати Карла Великого «Renovatio Romanorum imperii». Его претензия на «господство над миром» базировалась на расширении границ принадлежащих ему земель: кроме Германии под его властью находилась Лотарингия, Бургундия, Италия с центром в Риме, который Оттон III превратил в свою столицу. Впрочем, постепенно пограничные территории одна за другой выходили из-под власти германского императора, однако территория империи прирастала на востоке, расширяясь в сторону Польши и прибалтийских стран. Оттона, однако, привлекало не только античное наследие. Целью его явилось создание всемирного христианского государства с центром в Риме. Как глава «христианской империи» Оттон III считал свою особу «священной». Он подобно Господу восседал на троне в короне и со скипетром и державой в руках, что запечатлела его печать[20]. Со времени Оттона III оформляется так называемая *Majestätssiegel* — «печать Величества», с изображением сидящего на троне короля (например, во Франции — с 1035 г.) и императора, которая на протяжении столетий, вплоть до Карла V, остается в качестве самой представительной печатью императора. Ее форма в принципе не изменяется, знаки власти также остаются неизменными — это корона, скипетр и держава. Причем, если на печатях с изображением правителей их голову в подражание античной традиции украшала повязка, лавровый венок или обруч, со времени коронации Оттона I в 962 г. это была только корона, преимущественно зубчатая[21].

Дальнейшее развитие данного типа печати приводит к разграничению королевской и императорской печати: в 1313 г. при императоре Священной Римской империи Генрихе VII императорская печать изменила свой вид. Ее обычную к этому времени композицию — сидящего на троне императора в короне, со скипетром и державой — дополняет группа львов. Два из них располагаются по бокам сидящей фигуры, а третий используется в качестве подножия. Так как лев являлся геральдической фигурой люксембургской правящей династии, первым представителем которой на немецком королевском троне был Генрих VII, появление львов на его печати оправдано так же, как и появление вместо львов двух орлов на император-

[19] *Беркович М. Е.* Из истории формулы средневековой Германской империи // Средние века. Вып. 30. М., 1967. С. 232—233.

[20] *Kittel* E. Op. cit. S. 210—211.

[21] Ibid. S. 210.

ской печати Людвига Баварского (коронован императором в 1328 г.). На тронной печати Сигизмунда (коронован императором в 1433 г.) трон поддерживают двуглавые орлы. Далее эта фигура занимает постоянное место на печатях императоров Священной Римской империи.

Складывающиеся атрибуты власти немецких императоров соответствовали претенциозности названия их государства. «Римский король», «римская империя» — эти упрочивающиеся определения немецких правителей и немецкого государства, по мнению немецких государей, давали им право и на наследственность сана и на право руководить всеми народами и даже церковью. С этим папская курия не могла согласиться. Папа Григорий VII, используя учение о двух мечах Божьих — духовном и светском, — толкует «Римскую империю» как светский меч в руках церкви и ее главы папы римского, который и должен распоряжаться императорской короной[22]. С подобной зависимостью от папы не могли уже согласиться немецкие правители. Средневековые немецкие хроники сообщают, например, что Фридрих I Штауфен в ответе послам из Рима, которые предлагали ему корону от имени «римского народа», надменно отказался от подобного предложения, заявив, что «римская империя» не перешла к его предшественникам по милости римлян, а была завоевана ими в упорной борьбе с другими народами. Таким образом, подчеркивалось, что право на «римскую империю» не является результатом коронования императора папой[23]. Такое духовное превосходство немецких императоров над римским престолом выразилось в появлении при Фридрихе I в 1157 г. нового титула в названии империи Штауфенов — «Священная». Это определение немецкой империи вынуждены были признать и в Риме, где Фридрих I Барбаросса еще в 1152 г. лишь «уведомил» папу о своем избрании императором, тем самым разграничивая прерогативы императора и папы.

Некоторые исследователи полагают, что понятие «священная империя» соответствовало воззрениям императоров из рода Штауфенов на их особую роль в «космической драме», т. е. не только в утверждении идеи божественного происхождения императорской власти, но и особого предназначения их личности как «последних императоров» — носителей земной власти, которая уступит свое место «вечному царству Божию» (в соответствии с эсхатологическими теориями, распространенными в Западной Европе XII—XIII вв.)[24].

Как бы там ни было, со второй половины XIII в. название «Священная Римская империя» приобретает официальный статус и укореняется по отношению к этому средневековому государству среди других стран Европы. «Sacrum imperium» — эта формула давала не только преимущество немецким императорам в их действиях против папства, но и приоритет во взаимоотношениях с другими европейскими государствами. Однако, как отмечают ряд исследователей, этот при-

[22] *Беркович М. Е.* Указ. соч. С. 233—234.

[23] Там же. С. 235.

[24] *Бойцов М. Л.* Указ. соч. С. 185—186.

оритет даже на уровне деклараций в течение столетий был неодинаков, а иногда выражался слабо. Окрепшая королевская власть во Франции, например, в начале XIV в. даже угрожала германскому императорскому престолу, чем вызвала недовольство папы, несмотря на постоянные вспышки борьбы между папой и немецкими императорами за верховенство власти, в частности за право распоряжаться императорской короной. Французские правители использовали в своей политике правовую теорию, сложившуюся еще в XIII в.: «Король является императором в своем королевстве»[25].

В течение XIV—XV вв. немецкие императоры предприняли ряд попыток выразить «имперские амбиции» путем некоторых актов, повышающих престиж немецких императоров в Европе и как бы подчеркивающих их главенство над папой. Одной из них явилась булла (Золотая булла) 1356 г. императора Священной Римской империи и короля Чехии Карла IV, которая сохранила вместе с некоторыми присущими империи атрибутами — «авторитетом, достоинством, почетом и свободой» — формулу «Священная Римская империя», ставшую общепризнанным титулом немецкой королевской власти. Она утвердила существовавший ранее неофициальный институт выборщиков, состоящий из семи князей — курфюрстов немецкоязычных земель плюс Богемия.

Булла Карла IV утвердила место выборов императора (Франкфурт), процедуру и место его коронации (Ахен), роль прелата, совершающего помазание. Карл IV, по сути, составил «библию» империи и императорской власти, и на протяжении столетий эти каноны формально не менялись[26].

Второй значительный момент восприятия немецкого императора как главы христианского мира относится к началу XV в., ко времени великих соборов, которые должны были собираться для упорядочения церковных дел. Сигизмунд I в 1414—1418 гг. явился инициатором созыва Констанцского собора, тем самым доказав приоритетность императорской власти над папством. Во 2-й половине XV в. немецкие императоры «разыгрывали карту» крестового похода против турок, что также служило возрастанию их престижа. Тогда же к формуле «Священная Римская империя» добавились слова «германской нации», которые определяли фактическое территориальное ограничение земель, составляющих империю.

В начале XVI в. Габсбурги предприняли ряд завоевательных походов, в частности в Италию, как бы восстанавливая права немецкого императора на эти земли, однако Максимилиан I потерпел поражение. Ему пришлось принять сан избранного курфюрстами императора без коронации в Риме. Универсальные права императора отныне окончательно переходят в область иллюзий, «единая всемирная держава» — эта формула исключается из понимания доктрины «Свя-

[25] *Беркович М. Е.* Указ. соч. С. 237; *Бойцов М. Л.* Указ. соч. С. 184; *Парис М.* Империя (*Parisse M.* Empire) // Dictionnaire du Moyen Age. Paris, 2002. P. 475.

[26] Dictionnaire du Moyen Age. P. 438.

щенная Римская империя германской нации», а «император» становится почетным титулом германских королей[27].

Современная оценка сущности европейской империи, казалось бы, определяет ее виртуальность, незначительность в контексте развития европейского мира в целом: «Западнохристианский мир дважды пытался создать свое собственное политическое объединение в форме империи, независимо от империи византийских греков: сначала при Карле Великом, коронованном папой в Риме в 800 г., а затем при Оттоне I, подобным же образом коронованном в Риме папой в 962 г. Такого рода имперское возрождение породило институт в большей степени теоретический, нежели реальный — Священную Римскую империю германской нации, с Римом, который наивно рассматривался в качестве столицы. Почти все время существования средневековой Европы эта империя была всего лишь пустой оболочкой. Папа же и император, эти два символических главы средневекового христианства, совершенно истощили свои силы в спорах о превосходстве духовной власти над светской и наоборот». Подобная характеристика исходит от одного из крупнейших знатоков средневековья Жака Ле Гоффа[28].

Имперская идея, однако, не «оставляла» умы средневековых авторов длительное время, причем каждый из них считал именно свою страну замыкающим звеном в цепи ее «передачи», т. е. ими разрабатывались альтернативные версии *translatio imperii*. Так, если немецкий епископ-хронист XII в. Оттон Фрайзингский предлагал вариант «передачи»: Рим — Византия — Франция (лангобарды) — Священная Римская империя, то французский писатель XII в. Кретьен де Труа — Греция — Рим — Франция, английский епископ XIV в. Ричард де Бери полагал, что империя начинается в Греции, затем идет Рим, от Рима — «Париж» (Франция) и далее Великобритания.

В раннее Новое время считали себя звеньями цепи в системе передачи империи такие развивающиеся великие державы, как Испания (XVI в.), Франция и Англия (XVII в.), отчасти возлагая на себя миссию последней пятой империи с Божьего соизволения, отчасти — не признавая апокалиптичности в своем существовании.

Позднее появились новые версии «передачи империи», связанные с концепциями перемещения цивилизации на запад. Они связаны с восприятием географи-

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[27] *Беркович М. Е.* Указ. соч. С. 240; *Бойцов М. Л.* Указ. соч. С. 187.

[28] *Ле Гофф Жак.* Средневековая Западная Европа // История человечества. Т. IV. С. 216. В историографии имеются и другие оценки значимости Священной Римской империи в европейском политическом сообществе: «Замечательное политическое учреждение, сохранившее в продолжение десяти веков (800—1806) одну и ту же форму, одни и те же притязания», — высказывается автор статьи о Священной Римской империи, помещенной в знаменитом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Т. XXIX. СПб., 1900. С. 278—281). О «высшей политической номинации» Священной Римской империи в Западной Европе пишет также современная исследовательница О. Г. Агеева (Имперский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 117).

ческих параметров, влияющих, по мнению теоретиков, на общественное развитие. В частности, по их мнению, согласно солнечному движению центр цивилизации перемещался на запад. В результате в Новое время выстраивалась следующая цепочка развития империй: Персия — Греция — Рим — Испания или Персия — Греция — Рим — Англия. Соединенные Штаты Америки также включили свое государство в цепь империй, выводя свою, по их мнению прогрессивнейшую по сравнению со старым миром, пятую империю из английской. Для построения империи, сравнимой с предшествующими, необходимым явилось дальнейшее заселение американского континента и распространение «света цивилизации» далее на запад через Тихий океан (например, на Филиппины). Представителем сторонников идеи о пятой империи в Соединенных Штатах Америки являлся, в частности, философ Дж. Беркли.

Как пишут современные политологи, до эпохи перестройки Советский Союз редко рассматривался советологами в имперском контексте[29]. Однако распад СССР оживил интерес к имперской проблематике.

На фоне проблем деколонизации и исчезновения после Второй мировой войны таких самобытных империй, как британская, голландская, французская, португальская, особое внимание сфокусировалось на «советской империи», особенно после заявления американского президента Рейгана, назвавшего Советский Союз «империей зла». Как пишет А. Мотыль, «момент для этого был в высшей степени подходящий: в центре драматических событий оказалось образование, которое теперь можно было назвать империей, не опасаясь нарушить общепринятые академические нормы словоупотребления»[30]. В настоящее время именовать СССР империей считается практически обязательным для западноевропейских да и некоторых отечественных публицистов и специалистов. Причем, памятуя о научной составляющей понятия «империя», вспоминают и о *translatio*, «передаче», империи — от Российской к Советской. Иные авторы, впадая в политический популизм, выстраивают, подобно средневековым схоластам, схему передачи империи от Византийской к Российской и далее — от Российской к Советской[31]. Все эти современные построения выглядят достаточно политизированными и не обретшими научной формы.

Однако прецедент «передачи» империи существовал в российской общественной мысли задолго до новейших воззрений на советскую государственность. Имеется в виду концепция «Москва — Третий Рим», историческая составляющая

[29] *Мотыль А.* Указ. соч. С. 11. Исключение составляют высказывания на эту тему в эмигрантской прессе. Об этом: *Ульянов Н. И.* Комплекс Филофея // ВИ. 94/4. С. 150—162.

[30] *Мотыль А.* Указ. соч. С. 12.

[31] Об этом: *Солдатов А.* Круглый стол «Пространство в России» // Отечественные записки. М., 2002. № 6. С. 33. Ряд авторов данного выпуска «Отечественных записок», посвященного проблемам российского пространства, развивают идею заимствования империи как Советским государством, так и Российской Федерацией (С. 15, 32, 114 и др.).

которой довольно хорошо изучена[32], но продолжает привлекать внимание отечественного и иностранного научного сообщества[33].

Данная доктрина включает историческое развитие российской державы в контекст общеевропейского развития. В научном плане это очевидно. Однако внешне она выглядит как идея, «развивающаяся в русле православной религиозной мысли». В таком варианте идея «Третьего Рима» приобрела права гражданства в науке и публицистике во второй половине XIX в. (после публикации сочинения Филофея в журнале Казанской духовной академии). Современная исследовательница этой средневековой доктрины Н. В. Синицына дает исключительно сбалансированную, на наш взгляд, оценку столь эмфатической теории: «Идея "Третьего Рима" с самого начала была открытой, побуждающей к размышлениям, обладала сильным творческим полем, воздействие которого деформировало и саму идею. Актуализация ее потенциала, раскрытие новых смыслов делались другими авторами в другие эпохи, при этом не обязательно происходило "дальнейшее развитие" первоначального содержания»[34]. Автор приводит многочисленные примеры трактовки этой идеи учеными, литераторами, общественными деятелями разных стран, уровней и эпох, объединенных своим неравнодушием к судьбе России.

В настоящее время теория «Третьего Рима» «пущена в обиход» радетелями возвеличения русского патриотического духа: «…Россия может — и должна — вспомнить свой исконный уклад, вглядевшись в собственный незамутненный лик. И твердо понять, что только ей под силу вновь сделаться Третьим Римом и что четвертому Риму не бывать!»[35]. Задействована она и в новом национал-большевизме, названа в числе его глобальных «утверждений» («древняя традиция, национальная культура, возврат к идеалам и ценностям древней русской доктрины "Москва — Третий Рим"»[36]).

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[32] *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.

[33] См. Труды семинара «От Рима к Третьему Риму», который ежегодно проводится в Риме и Москве: Popoli e spazio romano tra diritto e profezia. Napoli, 1986; Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995; Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997; *Успенский Б. А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1. М., 1996.; *Сахаров А. Н.* Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006; *Kämpfer F.* Die Lehre vom Dritten Rom-pivotal moment, historiographische Folklore? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 49. H. 3. 2001. S. 430—441; *Poe M.* Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment» // Ibid. S. 412—429; *Мыльников А. С.* Мифологемы «Кесарь Август» и «Москва — Третий Рим», или Московская страница в истории европейского измерения славянского мира // Славянский мир между Римом и Константинополем. Славяне и их соседи. Вып. II. М., 2004. С. 184—208.

[34] *Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 329.

[35] *Иванов А. Б.* Третий Рим. М., 1996. С. 126.

[36] *Дугин А.* Альтернатива. О новом национал-большевистском порядке // Завтра. 1998, февраль, № 8.

Как составная часть, о чем можно судить по новейшим публикациям в прессе, она входит в трактовку заявленной сегодня властями «Русской национальной идеи», ставшей одной из центральных тем отечественной публицистики. Многие отождествляют ее с имперской идеей, другие рассматривают в культурно-социальном аспекте[37], третьи включают в религиозно-философский контекст[38].

Корона Оттона I (герм. кор. с 936 г., имп. Св. Римской империи с 962 г.)

Думается, что идея «Третьего Рима» или, в историографической интерпретации, «Москвы — Третьего Рима» поистине бессмертна для России. Ибо несмотря на всю свою конкретику и кажущуюся религиозную узость, она универсальна в своей исторической значимости. Ее судьба — и впредь варьироваться в научном сознании и в публицистических толкованиях, особенно в эпоху переосмысления общественных ценностей.

Печать Оттона I

В подобном понимании эта теория сближается с другой средневековой идеей — *translatio imperii*, о которой писалось выше. Рассмотрение их в соотношении друг с другом «работает» на научную проблему изучения одной из форм государственности — империи, что позволяет в итоге сформировать объективное представление о «нашей национальной идентичности» в целом и самопонимании, самоидентификации в частности.

Современная литература отражает противоречивые взгляды на соотношение двух вышеназванных средневековых теорий. Тонкость состоит в том, что, интерпретируя теорию «Третьего Рима», многие исследователи вводят в цепочку «задействованных» центров, обусловивших становление значимости Москвы в мировом историческом процессе, Иерусалим.

В их представлении Константинополь — столица мировой империи — не только «новый Рим», но прежде всего — «новый Иерусалим», святой, теократический город», что для Москвы являлось, по их мнению, приоритетным и концептуально отличало теорию передачи империи из Константинополя в Москву от западноевропейской теории *translatio imperii*[39].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[37] Русская идея. Тезисы к VI Ежегодной конференции кафедры философии РАН. М., 1992. С. 9.

[38] *Аксючиц В.* Бог и Отечество — формула Русской идеи // Москва. 1993. № 1. С. 126.

[39] *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 87.

Печать императора Священной Римской империи Сигизмунда I (1433—1437)

Б. А. Успенский не видит в *translatio imperii* космологической составляющей, которая присутствует в теории «Москва — Третий Рим» наряду с историческим восприятием происходящих событий[40]. В этом случае неясно, почему он не замечает пророчеств Даниила, дававших представление о мироздании и воплотившихся затем в конструкции Иеронима Стридонского о сменявших друг друга мировых империях, демонстрирующих вполне исторический процесс. Не замечает автор и эсхатологических моментов, усиление которых в понимании империи и императорской власти характерно, в частности, для времени Штауфенов, а в целом широко распространившихся в средневековой Европе XII—XIII вв. и нашедших отражение в «Хронике» Оттона Фрайзингского[41]. Б. А. Успенский полагает, однако, что только «Москве» второй половины XV в. свойственны эсхатологические переживания, в контексте которых и появляется концепция «Москва — Третий Рим»[42].

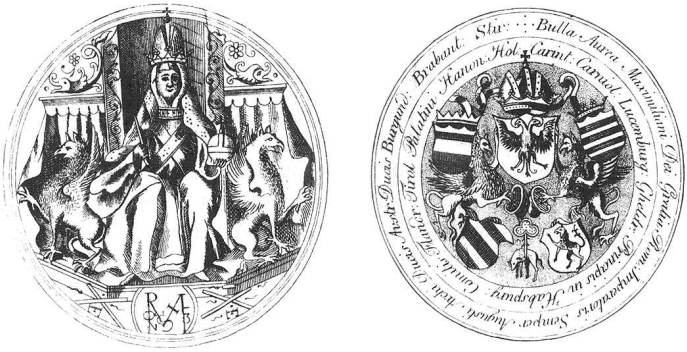
Науке известно, что боязнь конца света возникает в разных странах и в разные эпохи. «Плач блаженного Иеронима — лучший памятник тогдашнего смятения душ», — писал Н. И. Ульянов в статье «Комплекс Филофея» об охватившем в начале V столетия ужасе именно верующих христиан, когда языческая Римская империя подверглась нападению вестготов. С существованием Рима связывали продолжительность существования мира, а с падением — пришествие конца Вселенной. «Понадобилось все напряжение богословской мысли, чтобы рассеять ужас и внушить людям надежду на продление жизни»[43]. Ульянов отмечает, что для западного христианства спасительные идеи появились в виде книги блаженного Августина «Civitas Dei», в которой он обещал верующим неизбежность грядущего царства Божия, где сольется земное царство Божие с небесным, ему же не будет конца. На Востоке появился ряд толкователей видений Даниила (см. выше): Андрей Кесарийский, Козьма Индикоплов, Мефодий Патарский, которые связали продолжительность мира с существованием Византии — второго Рима. Так же, как Иероним Стридонский, они отталкивались от пророчества Даниила. Однако Ульянов четко разграничивает «восточные» и «западные» идеи, возникшие на основе толкований Даниилових пророчеств: «Первый Рим (которому подражали западноевропейские империи. — *Н. С.*), включающий в свои границы все тогдашнее человечество, был не только в церковном, но и в светском сознании государством всемирным. У византийских авторов геополитический мотив едва слышен, он заглу-

[40] *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 102—103.

[41] *Бойцов М. А.* Указ. соч. С. 185—186.

[42] *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 86.

[43] *Ульянов Н. И.* Указ. соч. С. 153.



Печать императора Священной Римской империи Максимилиана I. 1514 г.

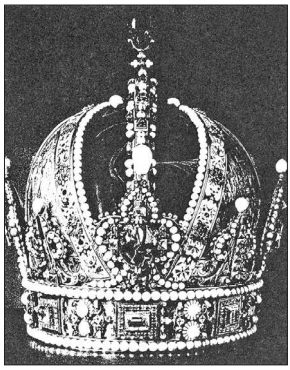
шен темой богоизбранности и духовной миссии второго Рима»[44]. Автор приходит к выводу и настаивает на том, что «лозунг "Третий Рим" надо рассматривать как чисто церковную идеологию, причем учение это… иностранного происхождения и занесено к нам извне» — от болгар и сербов, бежавших с Балкан от турок в Россию. Те же «югославы» подсказали, по его мнению, русским правителям идею преемственности от Византии, что обусловливала доктрина «Москва — Третий Рим». Историк считает, что Русь взяла из Византии чисто духовную идею спасения, а не торжества и превосходства, свойственную в общем-то всем империям, не говоря уже об идее всемирности. В интерпретации Ульянова пророчества Даниила о смене всемирных империй существенно разнятся в толковании преемства: западноевропейские средневековые идеологи имели в виду не одну духовную миссию, но и политическое возрождение новой империи, а в доктрине, приписываемой старцу Елеазарова монастыря Филофею, нет и намека на присвоение русским государем «прав исчезнувших басилевсов». Таким образом, вопрос о *translatio imperii* в принципе автором не ставился.

Один из известных советских исследователей доктрины «Москва — Третий Рим» А. Л. Гольдберг в контексте изучаемых им историко-политических идей средневековой Руси изящно расширяет узкие рамки ее национального востребования, выводя ее из пределов «византиноцентристской сферы православных стран» и рассматривая в параметрах «всего христианского мира и общемирового исторического процесса». «Будучи генетически связанной со многими предшествовавшими явлениями русской историко-политической мысли, идея "Москва — Третий Рим" объединила распространенные в России (как и в других странах) представления об особом предназначении своего народа и государства с общехристианской идеей "вечного Рима"», — пишет он[45].

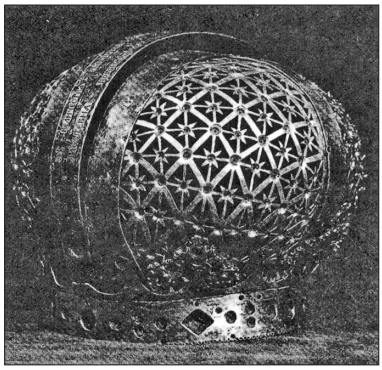
◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[44] *Ульянов Н. И.* Указ. соч. С. 155.

[45] *Гольдберг А. Л.* К предыстории идеи «Москва — Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 116.



Корона императора Священной Римской империи Рудольфа II. 1602 г.



Корона императрицы Екатерины I

В последующих своих исследованиях А. Л. Гольдберг соотносит идею «Москва — Третий Рим» и идею связи русской государственности с мировыми державами, которая воплотилась в легендарно-политических сказаниях о римском происхождении русской династии и передаче «даров Мономаха». Автор пишет: «Использовали они "мономахову легенду", поскольку царские регалии продолжали переходить от одного правителя к другому, являя собою как бы символ непрерывной преемственности связи русской государственности с мировыми державами»[46].

Оба эти направления мысли русских книжников объединились, по мнению Гольдберга, в одну основополагающую с точки зрения осмысления эволюции Русского государства в контексте общероссийского исторического развития идею. Оценивая в глобальном масштабе идею «Москва — Третий Рим», автор отмечал, что появление ее обусловлено стремлением «рассматривать судьбу русского государства и русской церкви в более широких пределах, охватывающих весь христианский мир и общемировой исторический процесс»[47]. Подчеркивая значимость для Руси идеи «вечного Рима», которая выводилась из слов пророка Даниила, предвещавшего, как указывалось выше, появление великой державы, чье предназначение — «превзойти все царства», ученый писал: «После падения древней Римской империи понятие "римской монархии" стало прилагаться к различным странам, занимавшим в то или иное время видное место в христианском мире, и идея "вечного Рима" стала истолковываться применительно к интересам соответствующих стран. Представление о том, что государство, отмеченное жребием "богоизбранности", является единственным носителем "римского имени", отразилось в литературе многих народов, прежде чем оно обернулось на Руси идеей "Москва — Третий Рим"»[48].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[46] *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII веков // История СССР. 1975. № 4. С. 67.

[47] Там же. С. 68.

[48] Там же. С. 69.

Из приведенных высказываний А. Л. Гольдберга можно сделать вывод о его убеждении, что Русское государство, подобно многим другим странам Европы, явилось наследником римской цивилизации (автор подчеркивает, что наряду с религиозным аспектом идея «Москва — Третий Рим» имела и политический аспект), т. е. идея империи, трансформируясь, транслировалась, «передавалась» на территорию Руси так же, как и в другие европейские страны.

Проблема «Москвы — Третьего Рима» в разных аспектах освещалась многими зарубежными исследователями[49], в том числе немецкими специалистами по истории России. В некоторых работах, где рассматривается вопрос об интерпретации данной средневековой доктрины, существует напоминание и о традиционной в западноевропейской историографии *translatio imperii*[50]. В таких фундированных исследованиях, как работы М. Хеллманна, П. Ниче, имеются неоднозначные высказывания относительно «имперской идеологии» Руси и принятия центральной идеи византийского понимания государственности — претензии на универсализм.

Хеллманн скептически относится к позиции одного из крупных византинистов Г. Острогорского, который неоднократно подчеркивал, что «византийское учение об императорской власти было усвоено Россией… как ни одним другим народом. После захвата Византийской империи… преимущественные права имперского города Константинополя перешли к Москве, которая отныне как единственное православное государство на земле с согласия всего православного Востока взяла на себя мировую миссию в качестве Третьего Рима»[51]. Он считает, подобно Ульянову, что идея «Третьего Рима» была навязана Москве беженцами из Византии и Сербии, которые после турецкого завоевания в единственной православной стране, свободной от господства неверных, видели оплот правоверия, надежду на освобождение их Родины.

Ссылаясь на некоторые работы своих соотечественников, в частности В. Филиппа, Хеллманн отмечает, что первоначально не было даже установлено, какое из православных восточнославянских княжеств станет «Третьим Римом», на которое изгнанники предполагали возлагать свои надежды. Это могли быть Тверь или Рязань, где находят следы подобного рода идей. То, что именно Москва была провозглашена «Третьим Римом», явилось следствием политического превосходства ее великих князей[52].

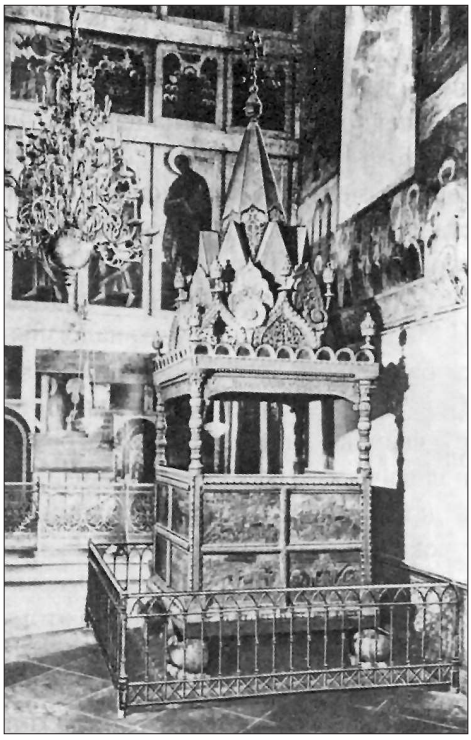
«Насколько при этом сыграла роль идея *translatio imperii*, остается неясным», — заключает немецкий историк. «Великими князьями она не была подхвачена, в том

[49] См: *Шаховской Д. М.* Идея «Москва — Третий Рим». Основная тематика // Римско-константинопольское наследие на Руси… С. 140—146.

[50] См. об этом в работах: *Hellmann M.* Moskau und Byzanz // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. Bd. 17. H. 3. Wiesbaden, 1969; *Nitsche P.* Translatio imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverständnis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 35. H. 3. Wiesbaden, 1987.

[51] *Ostrogorsky G. A.* Die byzantinische Staatenhierarchie // SK. 1936. Bd. 8. S. 48.

[52] *Hellmann M.* Op. cit. S. 342.



Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. 1551 г.

числе и Иваном III. Даже Иван IV, который пытался подкрепить свои политические притязания теорией о своем происхождении, не называл себя наследником Византии. Империя (Византийская. — *Н. С.*), павшая в грехе и позоре жертвой неверных, безусловно, не могла быть примером. Преследовалась цель добиться равенства с единственным европейским императором, который существовал в то время, Габсбургом в Вене…»[53]. Хеллманн подчеркивает, что аналогичный его мнению взгляд на незначительность византийской политической идеи для Русского государства имеется также в работе Е. Хёш «Византия и византийская идея в русской истории»[54].

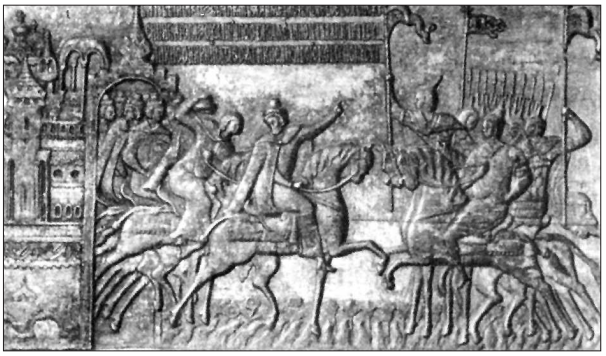
П. Ниче, один из крупных исследователей российской государственной доктрины, в ряде своих работ обращается к идее *translatio imperii*, рассматривая передачу власти («скипетродержание») как от одного русского князя другому, так и от одного русского центра к другому — от Киева через Владимир к Москве. Оценивая подобную передачу, он неоднократно задается вопросом, можно ли говорить в этом случае о *translatio imperii*.

В отдельных случаях автор как бы признает передачу «скипетродержания» от киевских князей через владимирских к московским, в частности, в словах, относящихся к Юрию Долгорукому: «он возобновил господство (власть)», П. Ниче увидел подобие западноевропейского понятия *Renovatio imperii*[55]. Признает он и перемещение политического влияния из Киева во Владимир, а позднее в Москву, показателем чего может служить перенесение Владимирской иконы Богородицы. Ниче пишет: «К существенным признакам историко-политического самопонимания молодого Московского царства принадлежит восприятие Москвы как непосредственной преемницы Киева. Такое знакомое понятие — *translatio imperii*, взятое из западноевропейской истории империи, здесь выглядит вполне применимым. Но применимо ли оно на самом деле? В средневековой Западной Европе под *translatio imperii* пони-

[53] *Hellmann M.* Op. cit. S. 343.

[54] *Hösch E.* Byzanz und Byzanzidee in der russischen Geschichte // Spaeculum. 20. 1969. S. 6—17.

[55] *Nitsche P.* Translatio imperii? S. 325.



Один из барельефов Мономахова трона

Барельеф Мономахова трона. Константин Великий изображен в шапке Мономаха

мали перенесение господствующего положения от "мировой империи" к "мировой империи" или "от народа к народу". Но в этом смысле в Московском царстве ни в коем случае речь не идет о "трансформированной" империи. Это скорее гораздо более непосредственная, чем в западном средневековом имперском мифе, та же самая империя, которой управляют сначала из Киева, а затем из Москвы, и одним из весьма существенно гарантирующих эту целостность преемственности моментов была преемственность избранной и благословляемой Богом династии»[56]. По мнению автора, «имперский народ» Руси ко времени правления Ивана Грозного являлся потомком того народа, который существовал и во времена Владимира Святого. В результате профессор Ниче заключает: «Итак, для соотношения между Киевом и Москвой понятие *translatio imperii*, пожалуй, можно использовать в том ограниченном смысле, в каком оно иногда встречается в литературе: как "местная трансляция внутри существующего государства… за счет перенесения столицы"»[57].

«Но, — продолжает Ниче, — существует представление о *translatio imperii* совсем другого рода, а именно представление о том, что после заката византийской империи ее преемником (по собственному представлению) стала Москва. Речь идет о том комплексе, который известен как теория о Москве — Третьем Риме»[58].

Анализируя «Степенную книгу» как памятник, по существу служащий «фиксированию и пропаганде историко-политических взглядов молодого имперского государства», доктор Ниче при оценке содержащегося в этой книге материала не может согласиться с глобальной идеей, высказанной многими его коллегами, — идеей преемства из Византии формы автократии, имперской идеи притязания на мировое господство, универсализма, имперской миссии и т. д. Он пишет: «…следы

[56] *Nitsche P.* Translatio imperii? S. 327.

[57] Ibid. S. 328.

[58] Ibid.

представления о "византийском наследстве" в смысле теории о Москве — как третьем Риме в Степенной книге не устанавливаются. Есть представление о признании Византией через присылку короны Мономаха равнозначности государей; существует также представление о параллельной ответственности за правоверие их государств (как оно встречается в письме Филофея). Но это не категории "наследства" в вышеозначенном смысле, так что и здесь понятие *translatio*, если использовать его в западноевропейской интерпретации, кажется неприменимым»[59].

В других своих работах П. Ниче также неоднократно подчеркивает, что основная идеологема Византийской империи — претензия на универсализм — отсутствует в политике Руси XV—XVI вв. Он пишет: «Не удается доказать, что в Московском государстве конца XV — начала XVI в. существует самосознание наследника Византийской империи в политическом смысле слова. Однако на Западе пытались внушить русскому государю эту идею»[60].

Как отмечает А. С. Мыльников, обобщил высказывания предшественников по поводу методов вовлечения русского государя Ивана III в антитурецкие действия Р. Г. Скрынников, который в книге «Третий Рим» пишет: «В Италии надеялись, что брак Софьи Палеолог обеспечит заключение союза с Россией для войны с турками, грозившими Европе новыми завоеваниями. Стремясь склонить Ивана III к участию в антитурецкой лиге, итальянские дипломаты сформировали идею о том, что Москва должна стать преемницей Константинополя. В 1473 г. сенат Венеции обратился к великому князю Московскому со словами: "Восточная империя, захваченная оттоманом, должна, за прекращением императорского рода в мужском колене, принадлежать Вашей сиятельной власти в силу Вашего благополучного брака". Идея, выраженная в послании сенаторов, пала на подготовленную почву»[61].

Скрынников подчеркивает, что идея «преемства» могущественной Восточной Римской империи нашла сочувственное восприятие в Московском государстве. Однако известный источниковед Ю. Г. Алексеев, посвятивший одно из своих исследований детальному анализу деяний великого князя Московского, «государя всея Руси» Ивана III Васильевича, напротив, считает, что в официальной политической доктрине — объединении Русской земли, которую он воплощал в своей деятельности, не было места «мифическим теориям» вроде «зарождавшейся в это время в церковных кругах теории "Москвы — Третьего Рима"». Как пишет Алексеев, Иван III не проявлял к ней никакого интереса, «не обращая внимания на так называемое византийское наследство»[62]. Гордо отказавшись от королевской короны, которую от имени императора Священной Римской империи предло-

[59] *Nitsche P.* Translatio imperii? S. 335.

[60] *Ниче П.* «Москва — Третий Рим»? // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. 13—18 мая 1990 г. М., 1990. С. 25.

[61] Цит. по: *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 200.

[62] *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 227.

жил ему приехавший в Москву в 1489 г. представитель императора Фридриха III Николай Поппель, Иван III отметил, что не нуждается ни в чьем покровительстве и поставлении[63]. «Русское государство, выходя на широкую международную арену, — пишет Ю. Г. Алексеев, — подчеркивало свою полную независимость и равноправие с Империей»[64], а отказ Ивана Васильевича от предлагаемой ему королевской короны, которой обладали крупнейшие монархи Европы, означал его отказ признать приоритет императора Священной Римской империи. Исследователи неоднократно приводили свидетельства о стремлении Ивана III поставить себя наравне с первым монархом Европы. Вряд ли можно говорить о подражании какому-то конкретному императору или европейскому государю: новый титул Ивана III начала 90-х гг. XV в., который сначала приравнивал его к великому князю Литовскому, а затем к императорам Священной Римской империи, в принципе отражал западноевропейскую практику, церемониал приема послов проводился московским великим князем на западноевропейский манер, по тому же образцу чеканились им золотые монеты — дукаты (по типу венгерских), в русском обществе распространялась «светская литература» — книги, аналогичные западноевропейским, и т. д.[65]

В контексте подобных действий, сугубо светских, Ивана III, может быть, можно оценить и изменение очень важного церковного документа — «Изложения пасхалии» 1492 г. Кроме задачи счисления лет, пасхалия во введении, подписанном митрополитом Зосимой Брадатым, «выстраивала политическую цепочку»: Иерусалим — Рим — Москва[66], т. е. точкой отсчета здесь являлся Иерусалим, что в корне отличает размышления Зосимы от идеологемы «Москва — Третий Рим». Между тем именно в «Изложении пасхалии» традиционно обнаруживались истоки последней. По мнению И. А. Тихонюка, который провел анализ текста «Изложения пасхалии», по прошествии 3—4 лет в тексте произошли изменения: Москва — «новый град Константина» — уподобляется не Иерусалиму, а Риму, что расценивается Тихонюком как попытка исправить идейную составляющую текста «Изложения». «Это исправление, — пишет он, — было продиктовано важными мотивами, за которыми угадываются споры о путях развития идеологии Русского государства, позднее приведшие к возникновению цикла Сказаний о князьях владимирских и официозной теории "Москвы — Третьего Рима"»[67]. Исправление приписывается авторству нового всероссийского митрополита Симона (Чижа), пользовавшегося большим

[63] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. СПб., 1851. С. 12.

[64] *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч. С. 188.

[65] Подробнее об этих «деяниях» Ивана III см.: *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // ВИ. 1979. № 6; *Она же.* Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 148—150. В указанных работах имеются отсылки на литературу.

[66] *Тихонюк И. А.* «Изложение пасхалии» Московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. Сб. статей. М., 1986. С. 48, 54—55.

[67] Там же. С. 55.

Коронация Иисусом Христом византийского императора Романа I Лакапина и его супруги Евдокии. X в.

уважением Ивана III[68]. Исследователи сообщают, что введение в сан митрополита Симона в 1495 г. обставлено было очень торжественно. Сам Иван III обратился к нему с приветственной речью и вручил пасторский жезл. В последующие несколько лет митрополит Симон «безропотно», как пишет один из авторов, благословил

[68] Христианство. М., 1995. Т. 2. С. 568.

на великое княжение внука Ивана III Дмитрия, солидаризируясь, по-видимому, с великим князем в оценке венчания 1498 г. как важного политического события, способствовавшего укреплению российского самодержавия, санкционировал секуляризационные мероприятия в Новгороде в 1499 г., так же, как и великий князь, говорил о «праведном суде», имея в виду, по предположению Л. В. Черепнина, утверждение общегосударственного Судебника 1497 г.[69] Впоследствии, правда, он не всегда обнаруживал единодушие с великим князем Иваном Васильевичем.

Митрополит Симон, бывший игумен Троице-Сергиева монастыря, был «весьма начитанным» человеком, оставившим значительное письменное наследие, часть которого, согласно Л. В. Черепнину, возможно, не сохранилась. Предположительно, объясняя корректировку митрополитом текста Зосимы, можно увидеть в этом «новом прочтении» отражение все четче проявляющейся ориентации русского великого князя (и сопричастного в то время к его деяниям митрополита Симона) на легендарно-политические сказания, вещающие, что корни русской государственности восходят не только к Византии, но и к Риму, и связывающие «историю Московского государства двойным узлом с давним величием Римской империи»[70]. Этого не замечают, однако, многие исследователи.

Американский историк Маршалл По, не отрицая идеи *translatio imperii*, выраженной, по его мнению, в идеологеме «Москва — Третий Рим», окончательно сформированной Филофеем, прослеживает четкие намеки на существование в русских письменных памятниках этой идеи. Это памятники: «Повесть о взятии Царьграда» и «Изложение пасхалии», написанные во второй половине XV в., т. е. ранее известного послания Филофея. Автор пишет по этому поводу: «Хотя они намекают на *translatio imperii*, ни "Плач" ("Повесть о взятии Царьграда". — *Н. С.*), ни письмо Зосимы не содержат четкого изложения теории преемственности империй, что, между прочим, было доступно любому церковнослужителю, хорошо знавшему книгу Даниила. Более того, ни один из этих источников не отождествляет Москву с "Третьим Римом" или просто с "Римом". Поэтому трудно согласиться с традиционной точкой зрения, что у Филофея были предшественники, которые верили, как, возможно, верил он, что Москва является преемницей Римской империи. Если они и верили в это, они этого не говорили. Более разумной интерпретацией римских аналогий до Филофея является следующая: до падения Константинополя русские священнослужители использовали хорошо известное риторическое выражение, чтобы восхвалять своих светских правителей, называя их "Константином", а их

[69] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 25, 303—305; Словарь книжников и книжности Древней Руси (вторая половина XIV—XVI в). Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 336—338.

[70] *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 205. Споры о датировке легендарно-политических сказаний и текстологической зависимости разных их видов ведутся до настоящего времени. См. об этом: Полемика (А. Л. Гольдберг, Р. П. Дмитриева) // ТОДРЛ. Т. XXX. С. 204—218.

Печать болгарского царя Ивана Асеня II (*1218—1241*)

Печать болгарского царя Симеона (*893—927*)

столицы “Константинополем”; после падения империи они продолжали прибегать к этому литературному обороту…»[71]

Тщательно проанализировав послания Филофея, По пришел к категорическому выводу, что Филофей был первым, кто обнаружил «Третий Рим» в Московии. По его мнению, Филофей изложил в написанном им тексте теорию *translatio imperii*, имея в виду, что объектом «перемещения» служит Рим — это название, даваемое любому политическому объекту, на который возложена миссия защищать Всемирную церковь, и именно в этом смысле, может быть, и фактически была череда «Римов»[72]. Филофей отмечает, что переходящий Рим, хотя он все еще стоял, не мог быть хранителем Церкви, потому что латиняне были еретиками. Однако этот Рим не пал и не мог пасть, потому что, как бы ни были еретичны католики, «Господь избрал римскую землю» («инако же ромейское царство неразрушимо, яко Господь в римскую власть написася»). «Присутствие Бога освобождало переходящий Рим (но не римлян) от моральной ответственности, что решало участь империй. Именно поэтому “Первый Рим” был заменен, но не разрушен окончательно. Иначе было со “Вторым Римом”, который пал, когда греки перешли в католичество». Отсюда, по мнению Филофея, как толкует его М. По, следует вывод, что судьба «Третьего Рима» также находилась в опасности: если московские власти допустят, чтобы православие отклонилось от истинной

[71] *Poe M.* Op. cit. P. 415.

[72] Ibid. P. 416.

веры, то русских ожидает та же судьба, что и греков. На самом деле перспектива была более ужасной. Исчезновение Греческой империи означало только перемещение «Рима» на Русь, но кончина Русской церкви привела бы к концу света, так как «Четвертому Риму» не бывать[73].

Филофей воспевает Василия III как императора «Рима», но воплощает это восхваление в тонко выраженном предупреждении: московские власти должны искоренить ересь и защитить Церковь.

Чтобы сделать предупреждение более доходчивым, Филофей сравнивает Москву с «Римской» империей. Однако он выходит за рамки простой аналогии, помещая Российскую / «Римскую» империю в контекст теории религиозно-политической преемственности, хотя, по мнению М. По, Филофей не дает подробного комментария доктрины «Москва — Третий Рим».

М. По считает, что московские власти игнорировали имперскую подоплеку идеи «Третьего Рима»: «С точки зрения политической элиты окончание междоусобной войны в Московской Руси, аннексия Новгорода или провозглашение Ивана IV царем было намного важнее, чем "Третий Рим"»[74]. Идея «Третьего Рима» встречается в некоторых письменных памятниках XVI—XVII вв., вплетаясь в контекст их исторического сюжета. В 1667 г. Церковный собор запретил одно из таких произведений («Белый клобук») и, как пишет По, соответственно идею *translatio imperii*, содержащуюся в доктрине «Третьего Рима». Таким образом, американский ученый, в отличие от многих западноевропейских исследователей, не отвергает безоговорочно идею *translatio imperii*, интерпретируя ее в рамках теории религиозно-политической преемственности. Причем «Риму» он отводит главное историко-символическое место в «картине земного властвования».

Во второй части своего труда Маршалл По исследует судьбу доктрины «Москва — Третий Рим» в XIX—XX вв., во многом ссылаясь на суждения по этому поводу Н. В. Синицыной. И в своих наблюдениях автор постоянно «перемежает» рассуждения о самобытности идеи «Москва — Третий Рим» с помещением ее в контекст развития всемирной империи. Например, давая оценку высказываниям В. Иконникова на этот счет, По пишет: «Для Иконникова доктрина Филофея казалась подтверждением того, что в 1500 г. возникла фактически новая московская идеология, основанная на идее *translatio imperii*: Византийская империя пала, Московская Русь заняла ее место, и Филофей отразил новое понимание царским двором ее роли в мире как третьей великой исторической империи»[75].

По считает, что интерпретация Иконникова: «Третий Рим» как мировая империя и спасительница мира — стала основой стандартного академического истолкования Филофея в конце XIX и начале XX в. Он выделяет также опубликованную в 1914 г. работу И. Кириллова о «Третьем Риме», для которого, как пишет

[73] *Poe M.* Op. cit. P. 417.

[74] Ibid. P. 419.

[75] Ibid. P. 422.

Болгарский царь Иван Александр (1331—1371)

американский исследователь, «Третий Рим» означал «фундаментальный сдвиг в менталитете русских людей, который ознаменовал новую эру в русской истории. Он отражал тот факт, что русская нация пришла к самосознанию и признала свою всемирно-историческую миссию в качестве Богом избранной защитницы православного христианства»[76].

«Рациональное зерно» содержится в заключительном высказывании М. По о том, что «попытки найти истоки настоящего в отдаленном "pivotal moment" (поворотном пункте) являются очень опасным делом, потому что это почти неизбежно приводит к "открытию" аналогий, которые уводят разум все дальше в прошлое и погружают все глубже и глубже в анахронистическую ошибку»[77]. Таким образом, по его мнению, поиск корней «русской идеи», «русской миссии» в средневековой концепции «Москва — Третий Рим» — явная ошибка, являющаяся результатом проекции современных идей на внешне аналогичную древнюю концепцию.

Несколько отличается от рассуждений Маршалла По позиция крупного немецкого историка, посвятившего многочисленные исследования истории нашего государства, Ф. Кэмпфера. Никакой политической составляющей в теории «Москва — Третий Рим» он не видит. В этом плане он критически высказывается по поводу книги Н. В. Синицыной о Третьем Риме[78], прежде всего по поводу ее концепции церковно-политического «преемства-противостояния Москвы по отношению к Константинополю и Риму». Считая, что учение о Третьем Риме возникло в Северо-Западной Руси в период между 1453 и 1492 гг. и явилось, по сути, историософской доктриной с эсхатологическим контекстом, Кэмпфер пишет, что после 1492 г. идея о всемирно-исторической исключительности Руси была преобразована москвитянами митрополитом Зосимой и Филофеем (Федором Курицыным, по мнению Кэмпфера) в теорию «Москва — Третий Рим»[79]. Проанализировав «филофеевские писания» с позиций церковных догм, Ф. Кэмпфер обозначил

[76] *Poe M.* Op. cit. P. 425.

[77] Ibid. P. 429.

[78] *Kämpfer F.* N. V. Sinicyna. Drittes Rom. Herkunft u. Evolution einer mittelalterlichen russischen Konzeption (15—16 Jahrhundert). Moskva, 1998 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. H. 3. 48. 2000. S. 435—438.

[79] *Kämpfer F.* Die Lehre vom Dritten Rom. S. 432.

свою принципиальную позицию в отношении толкования идеи о Третьем Риме: подобно таким известным исследователям доктрины, как В. Малинин, Х. Шедер, он склоняется к «традиционному, духовно-историческому решению проблемы». В связи с этим Кэмпфер своеобразно трактует и вопрос о *translatio imperii*, который, как он пишет, является топосом западной медиевистики. Поскольку, по его мнению, Римская империя, согласно древнерусским текстам, явилась лишь эсхатологической метафорой (и ничем иным) так же, как Иерусалим и Вавилон, ни о какой *translatio* в политико-имперском смысле не могло быть и речи. Толкование апокалиптических текстов позволило автору ввести в изложение концепции Третьего Рима сюжет о бегстве в пустыню апокалиптической женщины (она трактуется как Экклесия — Церковь), преследуемой потоком воды из пасти дракона. «Водой называют неверие», и от него спасается Экклесия (Церковь), «бегущая из города в город, прячась в пустынях и горах». Это образное апокалиптическое видение Кэмпфер соотносит с мистической теорией движущегося Рима — чередованием Римов: Рим 1, Рим 2, Рим 3… что, по его мнению, свидетельствует об апокалиптическом характере идеи, заложенной в посланиях Филофея[80]. Отвергая любую другую идею, содержащуюся в филофеевских посланиях, Кэмпфер подчеркивает в заголовке одного из разделов названной выше работы: Nicht translatio imperii, sondern Ecclesia fugans (Не translatio imperii, но бегущая Экклесия). Ф. Кэмпфер, признавая и свою теорию спорной, подчеркивает, что по данному вопросу существует (в оценочном плане) огромная литература — от серьезной аналитической до банальной публицистической. «В современном исследовании, — пишет он, — это учение оценивается диаметрально противоположно. В то время как Г. Вернадский (*Vernadsky G.* Russia at the Dawn of the Modem Age. New Haven, 1959) приписывает труду Филофея эсхатологически-назидательный характер, Б. Норретрандерс (*Bjame Norretranders.* The Shaping of Tsardom under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964) говорит "об имперском манифесте Филофея"»[81]. Истина, как он считает, лежит где-то посредине, и заключает, что «использование формулы о Третьем Риме в обосновании патриархата 1589 г. вполне свидетельствует о ее значении как идеологемы Московского государства»[82].

[80] *Kämpfer F.* Die Lehre vom Dritten Rom. P. 435—437. Отечественные исследователи неоднократно объясняли суть теории «движущегося Рима». Например, Д. С. Лихачев излагал ее следующим образом: «…в мире существует только одно христианское, богоизбранное государство, которое не может пасть до скончания века, вечный Рим. Но Рим, по этой теории, — не неподвижный Рим, связанный с определенной территорией. Первый Рим пал, уклонившись в нечестие… Второй Рим — Византия, — примкнув в Флорентийской унии к первому, был завоеван турками. Отсюда родилась мысль, что вечный Рим живет в каком-то новом государстве, оставшемся верным православию. И его искали то в Твери, то в Новгороде и наконец нашли в Москве…» — *Лихачев Д. С.* К вопросу о теории русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал. Кн. 7—8. М., 1944. С. 32.

[81] *Kämpfer F.* Die Lehre vom Dritten Rom. P. 430.

[82] Ibid. P. 439.

Миниатюра из Кодекса Гертруды

Подводя итог своим рассуждениям о «pivotal moment» русской истории, Ф. Кэмпфер подчеркивает, что он «обозначил бы доктрину монаха Филофея как историософию, причем это не относится к упоминаемой здесь формуле о Трех Римах, но к комплексу идей, из которого путем препарирования возникла идея о Третьем Риме, используемая как политический лозунг»[83].

Можно согласиться с Ф. Кэмпфером в том, что историография о «pivotal moment» русской истории — теории «Москва — Третий Рим» — чрезвычайно разнородна. Это, на мой взгляд, является отражением концептуально различных взглядов на русскую историю и русскую государственность[84].

Западные исследователи фактически поголовно при объяснении сути доктрины исходят из религиозной концепции эсхатологического кризиса, важным последствием которого в политическом плане, как считают, явилась идея последней христианской империи. На Западе эта идея реализовалась в возникновении империи Оттонов — Священной Римской империи (об этом писалось выше в данной статье). Защитники имперской идеи еще в XIII в. утверждали, что с падением Священной Римской империи (Гогенштауфенов) закончит свое существование весь христианский мир[85]. К ним присоединяются и некоторые отечественные историки. Как пишет А. И. Алексеев, эсхатологические ожидания в православном мире переживают свой пик в XIV—XV вв. Процесс эсхатологического кризиса в Византии совпадает с процессом падения империи. Падение Константинополя (в светском и религиозном понимании) «высветило» Москву как наследницу великой православной империи. Понимание власти великого князя Московского, как унаследованной от византийских императоров, способствовало установлению автокефалии Русской церкви и обосновало право на политическую гегемонию в православных землях. При этом Москва понимается как «новый Рим», знаменующий собой новый этап всемирной истории. В то же самое время довольно противоречиво звучит заявле-

[83] *Kämpfer F.* Die Lehre vom Dritten Rom. P. 441.

[84] См. об обострении дискуссий в 1990-е гг. по вопросу о месте России в мировой истории, в частности о формах российской государственности в конце XV — первой половине XVI в.: *Михайлова И. Б.* Вопрос о форме великорусской государственности рубежа XV—XVI вв. в новейшей отечественной историографии // Империи нового времени: типология и эволюция (XV—XX вв.). СПб., 1999. С. 110—115.

[85] Об этом: *Алексеев А. И.* Эсхатологический фактор в истории России и Западной Европы (к вопросу о типологических параллелях) // Империи нового времени. С. 24.

ние автора о том, что доктрина «Москва — Третий Рим» имела в первую очередь эсхатологическое происхождение и обосновывала не претензию на политическое господство в христианском мире, а попытку утвердить идеал последнего православного царства[86].

Печать князя Червоной Руси Владислава Опольчика

Однако как бы вышеназванные западноевропейские, а также некоторые отечественные авторы ни старались подчеркнуть приоритетность эсхатологического, т. е. сугубо церковного, происхождения доктрины «Москва — Третий Рим» и исключить претензию Москвы на «руководство» в православном мире, утверждение Руси, пусть «как идеала последнего православного царства», со времени Ивана III позволило ей в глазах европейского сообщества приблизиться к позиции «первой среди равных». Неоспоримые достижения Ивана III в укреплении российской государственности, его активная международная деятельность в плане соискательства императорского титула[87] (эти претензии явственно обозначились при его преемниках — сыне и внуке) явились одной из причин новых осмыслений доктрины «Москва — Третий Рим», осмыслений не только теократического характера (в связи с новым текстологическим анализом Филофеевых посланий), но и политического.

Здесь не случайно называется имя предшественника Василия III, фигуранта посланий Филофеевых. Ведь не только практические «прозападные» действия Ивана III (чеканка золотых монет по типу венгерских дукатов, «корабельников» — по типу английских ноблей, которым подражала чеканка императора Священной Римской империи Максимилиана I, создание нового типа печати с двуглавым орлом, уникальная коронация Дмитрия-внука, совпавшая с наибольшей активностью Ивана III в борьбе за императорский титул, причем, как считает Г. Алеф, устраивая этот «спектакль» с коронацией, великий князь Московский хотел сделать данное событие «известным в мире»[88], и т. д.) определяют вектор его устремлений к упрочению равенства с западноевропейскими монархами. Не случайно 1506 годом, первым годом после смерти Ивана III Васильевича (подготовка, вероятно, велась ранее), датируется, согласно Н. А. Казаковой, статья, включавшаяся в сборники и летописные своды, — «Европейской страны короли». Статья перечисляет госуда-

[86] Об этом: *Алексеев А. И.* Эсхатологический фактор в истории России и Западной Европы (к вопросу о типологических параллелях) // Империи нового времени. С. 25.

[87] *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч.; *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Osteuropa. Bd. 39. Institut an der Freien Universität Berlin. Historische Veröffentlichungen. Berlin, 1986.

[88] *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy. P. 90.

рей ряда стран, начиная с «цесаря — царя римского» и отводя «римскому царству» особую роль[89]. «Послание Спиридона-Саввы», письменный источник которого, по мнению Р. П. Дмитриевой, «остается неизвестным»[90], также «было оформлено около 1505 г.»[91].

Идеи о народе — «носителе римского имени» — и о его правителях, которые происходят от «Августа, кесаря римского», через несколько лет трансформируются в формуле «церковно-религозного характера» «Москва — Третий Рим», как считает А. Л. Гольдберг[92]. По-иному интерпретируют эту взаимосвязь Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, считая, что в идее «Москва — Третий Рим» «слились две тенденции — религиозная и политическая». Причем, как полагают авторы, «при выделении второго момента подчеркивалась связь с первым Римом, что влекло затушевание религиозного аспекта и подчеркивание аспекта государственного, "императорского". Исходной фигурой здесь делался не Константин, а "Август-кесарь". Выступая на первый план, государственность могла не освящаться религией, а сама освящать религию»[93].

А. С. Мыльников близок к вышеназванным авторам в оценке взаимосвязи «религиозного и светского» в самом существе проблемы, обозначенной формулой «Москва — Третий Рим». По его мнению, «идеологемы "Кесарь Август" и "Москва — Третий Рим" имели внутреннее сопряжение»[94]. Автор, разбирая творения Филофея, выделяет, по его мнению, существенную деталь, на которую обратили внимание и другие авторы, в частности М. Б. Плюханова, — это приверженность Филофея идеям цезарепапизма (совмещение в руках царя светской и духовной власти). В некоторых западноевропейских учебниках по русской истории отмечалось, что его носителями были византийский император и русский царь. Этот факт, по мнению Плюхановой, являл собой худшее, что могло быть заимствовано из византийского наследия. К счастью, по ее мнению, "греческая модель" царя с крестом в правой руке… вызвала сопротивление в России и не была по-настоящему усвоена». Это толкование М. Б. Плюхановой принимается Мыльниковым, однако он не отказывается от оценки «псковского старца» как приверженца российского цезарепапизма, мечта которого о Москве как новом центре воинственного

[89] Об этом: *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи. С. 64.

[90] *Дмитриева Р. П.* О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. XXX. С. 218 (сн. 6). Судя по данному замечанию крупнейшей исследовательницы цикла произведений, фигурирующего под названием «Сказание о князьях владимирских», ставящего русских правителей в один ряд с западноевропейскими династиями, такое произведение реально существовало.

[91] *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 192.

[92] *Гольдберг А. Л.* Историко-политические идеи. С. 68.

[93] *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 237.

[94] *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 185.

хри стианства воплотилась в учреждении в 1589 г. русского патриархата[95]. Сам по себе цезарепапизм, как пишет Мыльников, не противоречит идеям Филофея: Рим — Царьград — Москва. Лишь в качестве символов исторической преемственности выступают не города, а «царства»: Римское, Греческое и Русское (другими словами — речь может идти о *translatio imperii*).

Изображение русского князя XII в. Новгородский князь Ярослав Владимирович подносит Иисусу Христу модель храма

Данная идеологема в концепции Мыльникова неразрывно связывается с легендой о происхождении правящей в Российском государстве династии Рюриковичей якобы от римского кесаря Августа[96]. В официальном труде, «Степенной книге», созданном по благословению митрополита Макария, зафиксирован строгий генеалогический ряд этого происхождения: римский кесарь Август (образ которого при противостоянии западного и восточного христианства как язычника был конфессионально нейтральным) — его брат Прус — их потомок в сороковом колене новгородский Рюрик — его потомки — великие киевские князья вплоть до князей московских и царя Ивана Грозного. Кроме сущностного единства, идеологемы «Москва — Третий Рим» и «Август Кесарь», по мнению Мыльникова, имели композиционное сходство — троичность[97].

Основная же мысль Мыльникова — неразрывность связи идеологем «Кесарь Август» и «Третий Рим» в том, что они обе «прямо или косвенно отразили "западную", т. е. европейскую, ориентированность московских книжников, трудившихся во благо царствующей династии»[98]. Политическая составляющая, по мнению Мыльникова, содержится не только в труде Спиридона-Саввы, которому «было поручено составить по запросу из правительственных кругов родословие русских великих князей», но «политическая прагматика» лежала и у истоков идеи «Москва — Третий Рим».

Обобщения А. С. Мыльникова могли бы служить подтверждением ироничных слов Ф. Кэмпфера, высказанных им в адрес Н. В. Синицыной по пово-

[95] *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 188—191.

[96] Там же. С. 194—196.

[97] Там же. С. 197—198.

[98] Там же. С. 199.

Византийский император Андроник II Палеолог (*1282—1328*)

ду ее оценки Филофеевых посланий. Он писал: «В произведении Синицыной Филофей оказывается… государственным теоретиком, и он работает в качестве Ghostwriter Московского правительства, т. е. является фактическим автором, тайно пишущим для правительства Москвы»[99]. Впрочем, судя по последним его работам (см. выше), профессор Кэмпфер категорически отрицает политическую составляющую теории «Москва — Третий Рим», как и многие его коллеги настаивая на религиозной концепции этой идеологемы, тем самым не признавая, что эта идея была «причастна» и к проблеме становления государственности России.

Между тем работы отечественных историков, серьезно занимающихся проблемами Древней Руси и Московского государства, комплекс научных изысканий в этой области, представленных в виде докладов ученых из разных стран на многолетнем семинаре «От Рима к Третьему Риму», неоднозначно свидетельствуют о содержащихся в официальных памятниках XV—XVI вв. идей не только «киевского наследия», но и «римского наследия», уравнивающих Русь с державами Европы. Об этом писали Д. С. Лихачев, А. Л. Гольдберг, в недавнем времени А. Н. Сахаров, Н. В. Синицына, А. С. Мыльников и др. Мыльников, например, подчеркивал: «В конечном счете и у истоков идеи “Москва — Третий Рим” лежала политическая прагматика, заявленная задолго до Филофея, уходя в XI в. к эпохе Ярослава Мудрого»[100].

По мнению А. Н. Сахарова, эти истоки можно обнаружить в трудах первого русского митрополита Илариона в 40—50-е гг. XI в. В его основном труде «Слове о Законе и Благодати», излагающем по существу государственно-идеологическую концепцию Древней Руси, обнаруживаются, как считает А. Н. Сахаров, идеи, которые, постепенно приобретая все более четкие формулировки на протяжении XIII—XV вв., к XVI в. сложились во взаимозависимые концепции о связи Руси с мировыми державами и трактовке Руси как наследнице римского величия, Рим-

[99] *Kämpfer F.* N. V. Sinicyna. Drittes Rom. S. 436.

[100] *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 199.

ского царства[101]. Концептуально важными являются наблюдения А. Н. Сахарова по проблеме «римского наследия» на Руси. Он пишет: «…все первые известные русские авторы едины в своей концепции преемственности Руси с "великими державами" и прежде всего с Римом, сопоставлении Владимира и Ольги с римскими первокрестителями — апостолами, императором Константином, императрицей Еленой. Создается впечатление, что, разделенные немногими годами, они черпали свое идейное оружие либо последовательно друг у друга вплоть до фразеологии… либо… пользовались Древнейшим сводом, восходящим… к концу 30-х годов XI в. Как бы там ни было, но задолго до Повести временных лет в Киеве уже существовала концепция о месте Руси в мировой истории и о связи русской церкви и русской государственности с "первым", но не со "вторым" Римом»[102].

Прослеживая связь идей первых русских книжников с «pivotal moment» русской истории и замечая, что «акценты в трактовке концепции "Москва — Третий Рим"… должны быть смещены в сторону политическую», А. Н. Сахаров заключает, что «…в посланиях Филофея проведена прямая линия от римского императора Константина через Владимира I и Ярослава Мудрого к Василию III и Ивану IV: древняя Русь оставила нам в действительности такое идеологическое наследие, которое непосредственно связано с формированием и идеи о преемственности царств, и идеи "Москвы — Третьего Рима"»[103].

«Идея о преемственности царств» является не чем иным, как идеей *translatio imperii*, о чем автор не пишет прямо. Однако Н. В. Синицына считает, что введение этого термина в контексте толкования идеи «Третьего Рима» вполне правомерно. Она отмечает в заключение своей книги о «Третьем Риме»: «"Третий Рим"… становится последним воплощением христианского царства, принимающим на себя функцию Ромейского царства (заключительный этап translatio imperii). Отрицая право на римско-ромейское имя современных латинян, т. е. Священной Римской империи, "латинской" державы, Филофей отрицает тот вектор *translatio*, который ведет империю "от греков к германцам", и направляет его в сторону "царства нашего государя", которое провозглашается и именуется Ромейским царством, "Третьим Римом". Тем самым создается православный вариант теории *translatio imperii*»[104].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[101] *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 43.

[102] Там же. С. 46.

[103] Там же. С. 36—37.

[104] *Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 327. Вслед за цитированным текстом Синицына раскрывает существо «православного варианта translatio imperii». Ее трактовка кроме исчерпывающего анализа провозглашенного автором постулата касается также сравнения идеи «Третьего Рима» с внешнеполитической концепцией императоров Священной Римской империи Максимилиана I и Карла V, вынашивающих почти в то же время планы на создание универсальной христианской монархии и антитурецких походов. Синицына подчеркивает, что в отличие от имперских претензий западных императоров никаких внешнеполитических программ в посланиях Филофея не содержалось. Хотя «Москва определяла себя не менее, чем Вена и Вальядолид, достойной универсалистской функции» (*Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 327—328).

Государственная печать Majestätssiegel чешского короля XII в. Король сидит на троне со знаками своей власти, со скипетром и державой

Не сомневается в существовании такой имперской категории, как *translatio imperii*, применительно к России С. В. Лурье, которая так и назвала свою статью — «Традиции Рима: трансляция империи. Римская, Византийская, Российская империи»[105]. По ее мнению, имперская идеологема России характеризуется теми же чертами, которые отличают такие империи, как Римская и Византийская. Как для Римской, так и для Византийской империи был характерен универсализм, т. е. представление о государстве, «совпадающем по масштабам со всем цивилизованным миром». «Будучи многоэтнической, т. е. охватывающей весь мир, все языки, Римская империя превратилась в формацию, где этнические различия не имели никакого политического значения. Весь цивилизованный мир как бы встраивался в единые имперские рамки и отгораживался от всего внешнего»[106].

Многонациональная и подчиненная единым законам языческая Римская империя, в которой существовал единый принцип жизни различных народов и неприятие любого национализма, послужила моделью для Византийской империи. Последняя мыслила себя не только как единственное в мире единое государство для всех православных народов, но и как «замкнутое пространство» для истинных православных, «противостоящее агрессии неправедных учений». Лурье считает, что «Россия заимствовала у Византии (а через нее — у Рима) практически все, наиболее важные компоненты империи, хотя в процессе русской истории некоторые из них значительно трансформировались, получив внешнее выражение, более соответствующее эпохе и географическому положению новой империи»[107].

В частности, Россия изначально была «государством среди государств, ведя активную политику как на Востоке, так и на Западе», хотя состояние самодостаточности также существовало в ней изначально.

Работа С. В. Лурье позитивно оценена рецензентами с точки зрения акцентации внимания на общих и наиболее существенных параметрах имперского сознания в целом.

Несколько ранее вопросы закономерности во взаимоотношениях средневековых государств в контексте основополагающих имперских понятий (универсальной империи, теории ее примата и трансляции) рассматривались И. П. Медведе-

[105] *Лурье С. В.* Традиции Рима: трансляция империи. Римская, Византийская, Российская империи // Империи нового времени. С. 26.

[106] Там же.

[107] Там же. С. 28.

вым[108]. Автор подчеркивает, что, несмотря на общность многих имперских параметров, на Западе существовал ряд факторов (среди них — разделение международной компетенции между императором и папой, оспаривание прав императора другими (сильными!) государями Европы, осознание суверенитета королевской власти, например, во Франции, Англии и т. д.), которые не могли способствовать «упрочению доктрины империи». В Византии же, как пишет И. П. Медведев, существовала строгая теократическо-политическая доктрина, позволяющая укрепиться теории о вселенской империи и вселенском императоре, наместнике и служителе Бога на земле. Согласно этой доктрине, император являлся «отцом семьи государей и народов», которые по отношению к нему находились в разной степени родства, определяемого соответствующим титулом. Осознавая себя властителем Ойкумены, византийский император, по мнению Медведева, «в принципе… не посягал на территориальные пределы суверенитета местных властителей, на осуществление государственной власти внутри определенной территории»[109]. Однако это не касалось императорского титула «василеус Ромайон» и других атрибутов власти, на которые накладывалось табу (вспомним советы Константина Багрянородного юному наследнику престола о запрещении посылать правителям «варварских» северных стран одеяния и инсигнии императорской власти[110]) вплоть до актов военной экзекуции, как это было с Болгарией[111]. Сам императорский титул и соответствующая этому титулу специфическая символика делали византийского императора исключительной фигурой в Ойкумене (символические знаки были подчинены пропаганде политической идеи о вселенской империи и вселенском патриархе[112]), что и создавало определенное ограничение суверенности входящих в область византийского влияния государств, как считает Медведев. Однако ряд правителей государств —

Великий князь Василий I Дмитриевич с супругой Софьей Витовтовной. Большой саккос митрополита Фотия (1414—1417)

[108] *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века. (На примере истории Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 412—424.

[109] Там же. С. 419.

[110] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 54—55.

[111] *Бакалов Г.* Средновековният български владетел (титулатура и инсигнии). София, 1985. С. 116—117.

[112] *Медведев И. П.* Указ. соч. С. 415—416.

Болгарии, Сербии — пытались «узурпировать» титул византийского императора и некоторые властные атрибуты.

Принципиальным является вопрос о взаимоотношениях Византии и Руси. И здесь так же, как и в вопросе о *translatio imperii*, мы не найдем в огромной по объему литературе однозначного ответа.

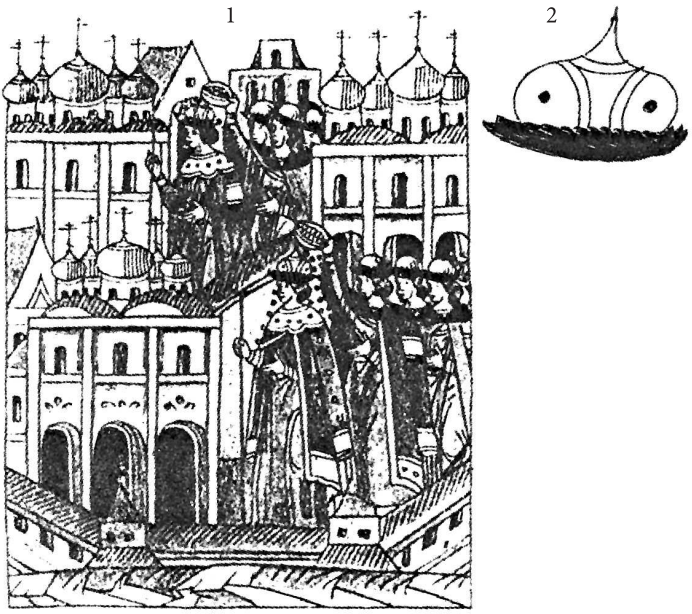
Для многих иностранных исследователей российской истории рассуждения о *translatio imperii*, о политической составляющей доктрины «Москва — Третий Рим», об идее большого идеологического наследия, которое оставила Древняя Русь ко времени появления посланий Филофея и венчания на царство в 1547 г. Ивана IV, кажутся анахронизмом по сравнению с обретением политического сознания, ядром которого явилась экспансионистская имперская миссия, выразившаяся прежде всего в присоединении Казани и Астрахани. «Для создания Российской империи в XVI в. борьба за наследие Золотой Орды явилась более важной, чем так называемая translatio imperii Второго на "Третий Рим"»[113]. Далее, по мысли А. Каппелера, российский экспансионизм распространяется на Прибалтийские страны, Украину и т. д. И в этой экспансионистской политике автор видит «имперскость» России, «имперскость», которая появилась в XVI в., оформилась в эпоху Петра Великого и наращивала темпы экспансионизма вплоть до XX в. Хотя в концепции формирования Российской империи, предлагаемой А. Каппелером, много ценных наблюдений и правильных оценок действий российского правительства, в частности в «постзаоевательный» период Казанского и Астраханского царств, вызывает возражения его категорическая внеисторичность толкования начала «имперскости» России, а также систематизация становления Российской империи, этапы которой названы автором «этапами экспансии»[114]. Автор конечно же и не вспоминает о моделях мировых империй, которым могла следовать Россия на более ранних этапах своего исторического развития, о духовных и политических ценностях, заимствованных Русью от Рима и Византии, о чем писали и пишут отечественные историки и многие западные ученые. Автор замечает, что московские великие князья не считали себя наследниками византийских императоров и не имели претензий на их наследство, о чем нет упоминаний в источниках. Это не отрицают и российские исследователи.

Однако Каппелер делает при этом ссылку на вышецитированные работы Ф. Кэмпфера, М. По, где авторы отрицают какой-либо государственный «позитив» в идеологемах XVI в., категорически не признавая содержащихся в них установлений о корнях русской государственности, которые «восходят не только к Византии, но и к Риму».

Характер государственности Киевской Руси неоднократно обсуждался учеными разных стран. В последние десятилетия получают признание факты, свиде-

[113] Сторонником этого взгляда на российскую имперскую доктрину является, в частности, *Андреас Каппелер*: см. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997 С. 20 и дал.; *Он же.* Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в. С. 96.

[114] *Каппелер А.* Формирование Российской империи. С. 98—101.



Венчание на великое княжение Дмитрия-внука. Осыпание его монетами после венчания. 1498 г.: 1 — Дмитрий в шапке выходит из собора; 2 — прорисовка шапки Дмитрия

тельствующие о наличии «имперских притязаний» киевских князей после принятия Русью христианства[115]. В одной из новейших работ американского ученого Ричарда С. Уортмана, посвященной Российской империи, «отсчет» которой в России автор начинает даже не с Ивана IV, а с Петра I, тем не менее записано: «В России представление о верховной власти с самого начала было отождествлено с понятием империи; это отождествление сохранялось и в дальнейшем: единственным настоящим государем был император, который обладал полной и всесторонней властью. С X по XVIII в. империя ассоциировалась с двумя соперничающими образами — Рима и Византии»[116].

Далее, впрочем, автор заявляет, что, когда в октябре 1721 г. Петр I принял титул императора от Сената и его назвали «Отцом Отечества, Петром Великим, Всероссийским императором», он воссоздал образ монарха, «ничем не обязанного прошлому». Это не совсем так. Известно, что идея принятия императорского титула являлась вполне естественной для русского царя, о чем свидетельствует его реакция на обнаруженную в архиве в 1717 г. Михаилом Шафировым грамоту 1514 г., в которой император Священной Римской империи Максимилиан обращал-

[115] Об этом: *Медведев И П.* Указ. соч. С. 422.

[116] *Уортман Ричард С.* Сценарии власти. Т. I. М., 2002. С. 31.

ся к Василию III, называя его императором. Петр I приказал перевести это письмо на разные языки и раздать копии всем иностранным послам в Санкт-Петербурге, а кроме того, опубликовать в газетах в Западной Европе с припиской: «Это письмо послужит неопровержимым доказательством принадлежности названного титула всероссийским монархам, каковой высокий титул был дан много лет назад и должен уважаться тем более, что написан он рукою императора, по рангу стоящего на одном из первых мест мира»[117].

В многочисленных работах, как отечественных, так и зарубежных, утверждается, что именно с Петра I началась Российская империя («превращение из царства в империю»). Обычно отмечается, что к прежним «царским» атрибутам власти добавились при этом: императорская мантия, меч, государственная печать с вырезанным на ней гербом и титулом, государственное знамя, государственный щит, золотая цепь ордена Андрея Первозванного[118]. Эти атрибуты власти, по мнению авторов, существуют во многих государствах, однако «у нас все эти регалии только носят в торжественных процессиях, но они остаются без всякого употребления, а щита даже и не носят при коронациях, а носят его только при погребении государя». Далее подчеркивалось, что ношение при коронации печати, вынос знамени или так называемого панира, а также и меча были введены в России лишь при третьей императорской коронации — при коронации Елизаветы Петровны[119].

При описании коронации первой императрицы — супруги Петра I Екатерины Алексеевны — отмечается, что на венчание из Казенной палаты были принесены скипетр и держава как традиционные регалии, а именно принадлежащие царю Михаилу Федоровичу[120]. Неизвестными до сих пор в России заявлялись такие атрибуты, как мантия и корона. «Мантия, — как пишет И. Бобровницкая, — заменила собой бармы — древнейший на Руси символ княжеской, а затем царской власти, корона — древний царский венец — шапку Мономаха»[121]. Автор пришла к убеждению, что первая русская императорская корона сделана по образцу митрообразной короны императора Священной Римской империи Рудольфа II, и доказательно обосновала выбор Петром I императорской короны «новейшего образца», хотя русский царь, путешествуя по Западной Европе, имел возможность увидеть и более старые императорские головные уборы.

По мнению Бобровницкой, митрообразная форма екатерининской короны обусловливает складывающуюся новую концепцию власти и амбициозные поли-

[117] Цит. по: *Масси Роберт К.* Петр Великий. Т. III. Смоленск, 1966. С. 243; см. об этом также: *Успенский Б. А.* Царь и император. С. 44—45, 90.

[118] *Карпович Е. П.* Коронование государей // Исторические рассказы и бытовые очерки. СПб., 1884 (Перепеч.: Отечество. Краеведческий альманах. М., 1994. С. 3); *Белозерская Н.* Царское венчание в России // Русская мысль. Кн. V. М., 1883. С. I.

[119] *Карпович Е. П.* Указ. соч. С. 38.

[120] *Бобровницкая И. А.* Первая императорская корона России // Мир музея. М., № 4 (162). С. 44.

[121] Там же.

тические устремления Петра, отражающиеся в его титулатуре начиная с 1710 г. — после Полтавской победы.

Примерно с этого времени императорская корона изображается на монетах и, что особенно важно, — на печатях[122].

Петр в иностранных посланиях именуется «императором», а за несколько месяцев до пожалования ему императорского титула он объявляет себя архиереем, что до него не делал ни один российский государь. Идеолог петровских начинаний Феофан Прокопович объяснил, что так европейские монархи «не ради некоего в церкви действия иерейского, но ради изъятия своего от всякого суда человеческого получили столь высокое имя, яко несудимые, невредимые и весьма неприкосновенные»[123].

Российская императорская корона, изготовленная к коронации Екатерины I (следует отметить, что в европейском мире за императрицами еще в средневековье признается право использования императорских знаков власти), в дальнейшем не меняет своей формы, оставаясь главным коронационным атрибутом. Однако «царский венец» — шапка Мономаха, употреблявшаяся изначально новой династией — Романовыми, использовалась не только при венчании на царство, но и в других торжественных случаях[124]. Императорская корона, выполнявшая свою роль в коронационных церемониях, таким образом, не исключила «представительскую функцию» прежней «короны» русских государей: «Шапка Мономаха как главная достопримечательность царского достоинства с прочими регалиями при коронациях и погребениях императорских выносилась на подушке»[125]. Подобное использование древнего «венца русских правителей» в XVIII—XIX вв. свидетельствует об исконной традиционности национального атрибута власти, возвращая нас к истокам этого атрибута.

В настоящее время в историографии принята версия о неразрывной связи теории «Москва — Третий Рим» с легендами о венчании русских князей при помощи византийских регалий («легенды о венчании на царство Владимира Святого и его правнука Владимира Мономаха не имеют исторических оснований: они создаются в XVI в. в контексте доктрины “Москва — Третий Рим”»[126]), т. е., в сущности, о реальном существовании «царских» атрибутов власти речь идет с конца XV—XVI в. Сохранившиеся до настоящего времени атрибуты власти русских правителей находятся в национальной сокровищнице — Оружейной палате Московского Кремля. К самым древним принадлежит драгоценный головной убор — «венец»

[122] *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 39—45.

[123] Цит. по: *Бобровницкая И. А.* Первая императорская корона. С. 49.

[124] *Мартынова М. В.* Царские венцы первых Романовых // Искусство средневековой Руси. Материалы и исследования. Вып. XII. М., 1999. С. 297—298.

[125] Цит по: *Мартынова М. В.* Указ. соч. С. 306; *Бобровницкая И. А.* Регалии российских государей. М., 2004. С. 9.

[126] *Успенский Б. А.* Царь и император. С. 78. См. также: *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 198—200.

или «шапка Мономаха», которая датируется некоторыми исследователями первой третью XIV в.[127] Однако фундаментальное исследование Н. В. Жилиной, посвященное самой знаменитой, пожалуй, русской регалии, позволяет, несмотря на кажущуюся убедительность ранее существовавших объяснений происхождения «золотой шапки» и датировки ее изготовления, принять версию современного российского археолога, которая решительно опровергает теорию о ее восточном происхождении, в частности о золотоордынском. Как когда-то предполагал и Н. П. Кондаков, крупнейший знаток византийского искусства, Жилина утверждает, что «золотая шапка» имеет византийское происхождение, но изготовлена не в XII в., как считал Кондаков, а ближе к середине XIII в.[128] Жилина, на наш взгляд, правильно полагает, что, хотя замечательный головной убор впоследствии «прошел» ряд «конструктивных стадий», первоначально он имел форму митры — головного убора византийских императоров, распространенного после 20—30-х гг. XIII в.[129] Вполне вероятно, что Иван Калита, при котором «золотая шапка» уже реально существовала, ибо с него началась передача «регалий» по наследству великими князьями Северо-Восточной Руси[130], действительно купил «византийский раритет» в Кафе у генуэзских купцов[131]. Впоследствии купленная им «золотая шапка» — митра — обрела ряд деталей, сближающих ее с традиционной русской княжеской шапкой с меховым отворотом, которой посвятил много страниц А. В. Арциховский[132], а затем — с теми царскими головными уборами XVI—XVII вв., которые хранятся в Оружейной палате до сего времени.

О каких же атрибутах власти можно говорить более или менее уверенно? Историки XVIII—XIX вв. называют целый ряд регалий, составляющих, правда, «дары Мономаха».

В. Н. Татищев вводит в научный оборот легендарное свидетельство, ставшее хрестоматийным: византийский император Алексей Комнин послал Владимиру Мономаху «корону, скипетр, державу и сосуд помазания, которые все, кроме короны, доднесь хранятся»[133].

Выпустивший вслед за Татищевым свою «Историю Российскую» князь М. М. Щербатов усомнился в подлинности самого факта присылки царских инсигний Владимиру Мономаху из-за отсутствия подобных сведений у византийских

[127] *Бобровницкая И. А.* Регалии российских государей. С. 6.

[128] *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001. С. 60.

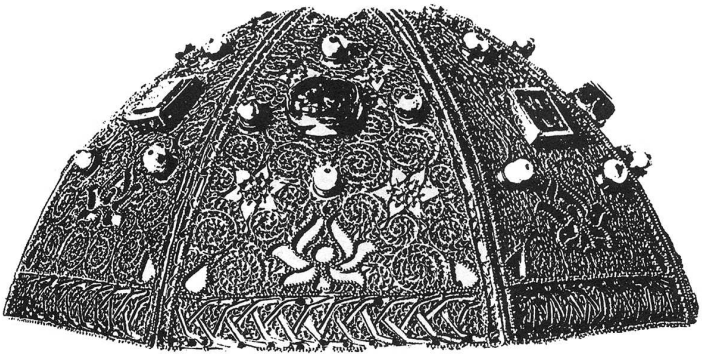
[129] Там же. С. 204.

[130] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

[131] *Жилина Н. В.* Указ. соч. С. 172—173.

[132] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 2004. С. 58—61; 164—169. А. В. Арциховский считает шапку мягкой сферической формы с меховой опушкой характерной для князей со времени «княжеско-дружинной стадии славянского язычества» (с. 58).

[133] *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.; Л., 1962. Т. I. С. 365.



Золотые пластины «шапки Мономаха», приобретенной Иваном Калитой в XVI в.

авторов, описывавших правление Алексея Комнина. Однако, включив в текст I главы 5-й книги специальное «Изыскание о присланию регалий к великому князю Владимиру Мономаху из Константинополя»[134], он все-таки посчитал, что подобное подношение русскому князю XII в. вполне могло быть. Основной довод в пользу «даров» для Щербатова звучал довольно убедительно — использование русскими государями при восшествии на престол «Мономахова венца» и других атрибутов, якобы присланных «из Греции».

Действительно, в это время хорошо известны описания венчаний русских государей. Иван III возложил на внука Дмитрия «бармы и манамахову шапку». За пиршеским столом он, «лаская юного Димитрия», подарил ему «крест с золотою цепию, пояс, осыпанный драгоценными каменьями, и сердоликовую крабию Августа Цесаря»[135]. Чин венчания на царство Ивана IV включал легенду о приобретении венца Владимиром Мономахом и венчания его этим венцом, заимствованную из «Сказания о князьях владимирских», идеологического памятника XVI в., вошедшего и в официальную летопись[136]. «Принадлежавшие Мономаху» предметы упоминались «в различном наборе» — то в сокращенном варианте, то в расширенном. Щербатов, например, называет вещи «греческой работы», присланные Мономаху: шапка, скипетр, держава, святые бармы, крест нагрудный, цепь, носящаяся через плечо[137]. Н. М. Карамзин, ссылаясь на летописные известия, говорит о следующих наборах вещей, поступивших к русскому князю в XII в.: «Диадима Константина Мономаха и другая царская утварь», «венец царский еще Константина Мономаха, скипетр и диадима, и крест с животворящим древом златы, гривна и прочая царская знамения», «животворящий крест, венец, крабийца сердоликовая (из коей

[134] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1805. С. 98—114.

[135] ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 234—236; Т. XII. СПб., 1901. С. 246—248; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842 (переизд.: М., 1969. Т. VI. С. 172—173).

[136] Об этом: *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 116—118.

[137] *Щербатов М. М.* Указ. соч. С. 105—107.

пивал Август Кесарь), цепь золотая и многие другие драгоценности», «венец, крест животворящий, порфира, виссон, гривна златая»[138].

Как видим, «дары византийского императора» и по количеству, и по «набору» неодинаковы. Уже один этот факт мог навести на размышления относительно самого факта «дарения». Отечественные историки XVIII — нач. XIX в., однако, по-видимому, в этом не сомневались[139]. Для В. О. Ключевского данный факт не представлял какого-либо аналитического интереса.

Между тем имеется ряд фактов, свидетельствующих, что и ранее легенда об императорских регалиях использовалась в Северо-Восточной Руси, и «дары» в специфической форме передавались великими князьями по наследству, начиная с Ивана Даниловича Калиты. Согласно завещанию Ивана Калиты, старшему сыну Семену «из порт» (из одежды) передавались «кожух черленый женчужный, шапка золотая». Второму сыну, Ивану, достался «коц (плащ) великий с бармами», а также кожух, но не «черленый». Третьему же сыну Андрею — верхняя одежда с бармами. Одежда, серебряные пояса, золотые цепи передавались и другим членам семьи Ивана Калиты. Особо следует отметить, что сыну Андрею передавался «пояс золот фрязьский» (итальянской работы?) и «пояс золот царевьский» (царьградской работы?). В завещании же упомянута и «коробочка золотая» («а что есмь придобыл золота, что ми дал бог, и коробочку золотую»), доставшаяся его княгине с меньшими детьми (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). С. 9—10). Докончание великого князя Семена Ивановича с братьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем содержит фразу, которая утверждает разделение наследства между ними, произведенное их отцом: «А чим ны благословил отец наш, волостми ли, порты ли, или иным чим, а тьтм ся есмы поделили, того ны не поминати» (ДДГ. С. 13). Согласно завещанию великого князя Ивана Ивановича, его сыновьям Дмитрию (впоследствии — Донскому) и Ивану достались почти одинаковые «ценности»: иконы, золотые цепи с крестом, золотые сосуды, золотое оружие, богатая одежда. Однако именно к старшему сыну Дмитрию перешли: шапка золотая, бармы, «пояс великий золот с каменьем с "женчуги", что мя благословил отец мой князь великии». К нему же перешла и «коропка сердонична золотом кована» (ДДГ. С. 16, 18). Подобный, но не идентичный «набор» вещей достался второму сыну, Ивану.

В духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича предпочтение отдается старшему сыну Василию, который получил не только старинную икону и, по-видимому, особую золотую цепь («что ми дала княгини Василиса»), «пояс золот велики» и т. д., но в основном «бармы, шапку золотую» (ДДГ С. 36). Младшим братьям Василия Дмитриевича достались дорогостоящая одежда (здесь — «вото-

[138] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. II. Примеч. 220.

[139] Там же. С. 90—91. С. М. Соловьев, например, принимал сообщение Воскресенской летописи о дарах византийского императора как известие, «не заключающее в себе ничего невероятного». — *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. I. М., 1988. С. 395.

ла сажена», «снасть золота»), а также в обязательном порядке — золотые пояса с «каменьями» (ДДГ. С. 36).

В первой духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича записано, что его старший сын Иван получает традиционную икону («Парамшина дела»), две традиционные же вещи, которыми Василия Дмитриевича «благословил» его отец — «чепь с каменьем да пояс золот с каменьем», «да другий пояс золот с каменьем же, что есть сам сковал», но главное — «шапка золота, да бармы. А ис судов (сосудов, посуды) ему коропка сердонична» (ДДГ. С. 57).

После смерти старшего сына Ивана Василий Дмитриевич пишет новые завещания уже на сына Василия. В двух его духовных говорится: «А благословляю сына своего, князя Василья, страстьми болшими, да крест честный животворящий патреарш Филофеевскии[140]. А сына же своего благословляю, даю ему икону Парамшина

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[140] «Страсти большие», «реликвии Страстей», предметы, свидетельствующие о страданиях Иисуса Христа (обычно фрагмент деревянного креста, гвоздь, губка, трость, копье, одежда Христа). Они составляют часть христианских реликвий — «чудотворных предметов», «которые с точки зрения Церкви содержали в себе особую благодать Святого Духа и, соответственно, обладали способностью к чудотворению». — *Лидов А. М.* Священное пространство реликвий // Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 4. К «чудотворящим предметам» Лидов относит мощи, «контактные реликвии» (Крестное древо, одеяния Христа и Богоматери, других святых), чудотворные иконы. Обладание ими рассматривалось «как залог спасения и знак высшего покровительства», причем в этом качестве они осмыслялись не только паломниками, посещавшими Святую землю или Константинополь, но и правителями европейских государств, в том числе и русскими князьями, к которым они привозились из Византии и греческого Востока. Набор Страстных реликвий не был однотипным. Например, в одном из западноевропейских монастырей в начале IX в. настоятель перечисляет следующие хранящиеся в нем реликвии: «пояс Господень, одежда Его, Его сандалии, ясли Его, губка, из которой Он был напоен, вода Иордана, камень, на котором сидел Иисус Христос, когда насытил пятью хлебами 5 тыс. людей, свечка, светившая при Его рождении, реликвии с горы Фавор, млеко Божией Матери, Ее волоса, Ее одежда и паллий, волос из бороды ап. Петра, его сандалии и рубашка, его стол, стол св. Павла, его орарь». — Христианство. Т. II. М., 1995. С. 467). Антоний Новгородский, посетивший Константинополь в 1200 г., подробно описал реликвии, хранящиеся в «царских Златых палатах»: «крест честный, венец, губа, гвозди, кровь же лежаще иная, багряница, копие, трость, повой святыя Богородицы и пояс и срачица Господня, глава Павлова и апостола Филиппа тело, Епимахова глава и Феодора Тирона мощи, рука Иоана Крестителя правая, и тою царя поставляют на царство и посох железен, а на нем крест Иоана Крестителя, и благословляют на царство, и убрус, на нем же образ Христов, и керамиде две, и лоханя Господня мороморана и другая лоханя меньшая, мраморяна же, в пей Христос умыл нозе ученикам, и креста два велика честная» (цит. по: *Стерлигова И. Л.* Новозаветные реликвии в Древней Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 32). Примерно в это же время рыцарь Робер де Клари, описывая, по одним сведениям, часовню Спасителя, по другим — церковь Богородицы Фаросской, называет хранящиеся в них святыни: «там нашли два куска Креста Господня толщиной с человеческую ногу, а длиной около полутуазы, и потом там нашли железный наконечник от копья, которым прободен был наш Господь в бок, и два гвоздя, которыми были прибиты его руки и ноги; а потом в одном хрустальном сосуде нашли большую часть пролитой им крови; и там нашли также тунику, в которую он был одет и которую с него сняли, когда его вели на гору Голгофу; и потом там нашли благословенный венец, которым он был коронован и который имел такие острые колючки из морского тростника, как кончик железного шила. А потом

дела, да чепь хрестьчатую, што мя благословил отец мой, да шапку золотую, да бармы, да пояс золот с каменьем, што ми дал отец мой… А ис судов даю сыну своему, князю Василью, коропку сердоничную…» (ДДГ. С. 59, 61).

От матери, великой княгини Софьи Витовтовны, Василий II получил «ящик с мощми, а в нем крест…». Иконами (среди них — Святая Богородица, Козьма и Дамиан, Федор Стратилат) благословила Софья Витовтовна невестку и внуков, среди которых — будущий великий князь Иван III Васильевич (ДДГ. С. 175—176).

Василий II передал своему сыну Ивану чудотворный Петров крест «да крест золот Парамшиньской, да шапку, да бармы, да сердоличную коробку, да пояс золот

нашли там часть одеяния пресвятой девы, и голову монсеньора св. Иоанна Крестителя…» — *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. М., 1986. С. 59.

См. также: «Описание святынь Константинополя» в латинской рукописи XII в., где содержится перечисление реликвий, хранящихся «в Большом дворце святого и великого Константина»: «Таз, где омыл Христос ноги учеников своих. Линтеон, которым был подпоясан Христос. Терновый венец, плащ, бич, трость, губка, древо Креста Господня, гвозди, копие, кровь, ризы, пояс, обувь, плащаница и плат погребения его. Камень, который положили на голову Господа. Одежда Святой Марии Богородицы, ее мафорий, часть ее пояса, обувь ее и другие разные и священные предметы Христа и матери его». В рукописи перечисляются также мощи святых, хранящиеся в церквях и монастырях, кроме того, приводятся сведения о чудотворных иконах Константинополя (Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 438—454).

Как орудие спасения мира Иисусом Христом почитался во всех христианских странах Истинный или Животворящий крест, иначе Древо Господне, частицы которого, как считается, сразу же по обнаружении матерью Константина Великого Еленой распространились по всему христианскому миру. О культе Крестного древа на Руси, как считают специалисты, можно говорить уже с XI в. (*Стерлигова И. Л.* Указ. соч. С. 23). Кусочки Истинного креста помещались в реликварии — большие ставротеки, которые напоминали иконы (см. Филофеевская ставротека, привезенная от Константинопольского патриарха Филофея великому князю (*Стерлигова И. Л.* Указ. соч. С. 41), возможно, вместе с мощами святых и частицей Древа Господня, присланного в 1376 г. патриархом Филофеем Сергию Радонежскому. — *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский и «Филофеевский крест» // Древнерусское искусство: Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 18), и наперсные реликварии в виде крестов или ковчежцев (Христианство. Т. I. М., 1993. С. 836—837; *Стерлигова И. Л.* Указ. соч. С. 30—31, 43—45, 57—58). Подобную реликвию носил великий князь Дмитрий Иванович Донской, о чем сообщается в «Сказании о Мамаевом побоище»: «И по семь ста князь великый на мъсти своем, вложи руку свою в надра своя, вынемъ живоносный крестъ, на нем бе въображены страсти Христовы, в нем же бе живоносное древо, въсплакався горко и рече: "Тебе уже конечному надеюся живоносному кресту, иже симъ образомъ явися православному царю Костянтину, егда ему на брани сущу с нечестивыми и чюдным именем твоимъ, образом сим победи их"» (Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 174—175). Реликвии паломники и крестоносцы развозили по всей Европе, причем появились и фальсификации — в разных местах обнаруживалось копье, гвоздей от креста появилось множество, так же как и останков святых (Христианство. Т. II. С. 467). Тем не менее каждый владелец считал, что именно он обладает подлинником, отдельные предметы, например Святое копье, превращались в государственные символы, сохраняясь в качестве таковых вплоть до Нового времени (*Schieder Th.* Das Deutsche Kaiserreich von 1871 als Nationalstaat — Exkurs 111. Die Reichskleinodien und das Kaisertum von 1871. S. 154).

болшой с каменьем». Патриарший Филофеевский крест (здесь он обозначен как икона), который получил от своего отца Василий II, достался брату Ивана III Юрию (ДДГ. С. 197).

В дошедшей до нас духовной грамоте великого князя «всея Руси» Ивана Васильевича, написанной за год до смерти, отмечается, что сыновья, в том числе и Василий, «благословляются» исключительно святыми реликвиями (как известно, регалии он передал при венчании на княжение внуку Дмитрию — см. выше): Василию был передан «крест животворящее древо в раце цареградцкой да крест Петров чудотворцев». Третьего сына, Дмитрия, Иван Васильевич благословил «крест золот Парамшина дела», другие сыновья также получили священные реликвии в виде золотых крестов и иконы (ДДГ. С. 362).

В духовной записи от 1523 г. Василия III сообщается о его духовной грамоте, которую великий князь составил ранее. Он благословляет трехлетнего Ивана «благословением нашего же прародителя, великого князя Владимира, Манамашим честным Крестом», передает сыну «венец царский Манамашь и диядиму и жезл и прочую утварь царскую Манамашу…» (ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1913. Вторая половина. С. 613). В духовной же записи он отдает распоряжения относительно продолжения возведения Новодевичьего монастыря в Москве и храмов внутри монастыря (ДДГ. С. 415).

Символическое обобщение регалий и реликвий представлено в духовной грамоте 1572 г. Ивана Васильевича Грозного: «Благословляю сына моего Ивана крест, животворящее древо, большей цареградской. Да сына же своего Ивана благословляю крест Петра чудотворца, которым чудотворец благословил прародителя нашего, великого князя Ивана Даниловича, и весь род наш. Да сына же своего Ивана благословляю *царством Русским, шапкою мономаховскою* и всем чином царским, что прислал прародителю нашему, царю и великому князю Владимиру Мономаху, царь Константин Мономах из Царяграда. Да сына же своего Ивана благословляю всеми шапками царскими, что аз промыслил, и посохи, и скатерть, а по-немецки центур» (ДДГ. С. 433).

Содержание духовных грамот свидетельствует о настойчивом стремлении великих князей Северо-Восточной Руси создать комплекс государственных регалий и инсигний.

Неслучайно формирование комплекса началось с Ивана Калиты, которому воздавалась хвала при жизни, а по делам он сравнивался с царем Константином, также и с Юстинианом: в XIV в. в Северо-Восточной Руси особенно заметно возрастает интерес к византийским переводным памятникам, в том числе правовым[141]. По-видимому, формирование соответствующих знаков власти вписывалось

[141] «Книги законныя», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные / Издал А. Павлов. СПб., 1885; «Запись в книге Евангельских чтений Антониева Сийского монастыря» // *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1897. Гл. LXXXI—XC.

в контекст правопонимания, которое в последующих поколениях великих князей Северо-Восточной Руси трансформировалось в новые реальные представления о верховной власти и о символических знаках этой власти.

Бармы из древней Рязани. Клад 1822 г.

Комплекс властных атрибутов, передаваемых по наследству князьями Северо-Восточной Руси, хотя является историографическим феноменом, в целом не соотнесен с принципом формирования символики власти правителей в разные периоды существования Русского государства. Возможно, здесь сказалось влияние правоведов, отрицавших в русском праве символику[142]. Применительно к символам власти их отсутствие, по-видимому, рассматривалось как следствие своеобразной доктрины власти, а именно: занимать княжеские столы на Руси могли только представители княжеского дома Рюриковичей[143] (все они «одного деда внуки»). Способы же усвоения княжеской власти — «старшинство» и «отчина» — исключали (по крайней мере, на ранних этапах государственности) какие-либо церемонии в оформлении принятия этой власти, кроме известного по летописи «сел на столе», «занял стол отца своего» и т. д.

Существует и более широкий контекст в объяснении причин не слишком большой заинтересованности в изучении «обрамления» власти, ее инсигний, касающийся отнюдь не только Древней Руси и России. В историографии этот факт привлек внимание ученых сравнительно недавно[144]. Между тем, как пишет в одной из своих статей современный исследователь западноевропейской средневековой символики М. А. Бойцов, «давно уже пора отказаться от априорной убежденности в

[142] См. об этом: *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 485—486. Сам он посвятил специальный очерк древним символам: *Павлов-Сильванский Н. П.* Символизм в древнем русском праве // Там же. Приложение I.

[143] *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. Т. I. М., 1949. С. 339; *Пашуто В. Т.* Место Древней Руси в истории Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 190; *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская…». М., 2001. С. 135.

[144] *Попов В. А.* Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996.

«Крабийца» (чаша), из которой «пивал Август Кесарь»

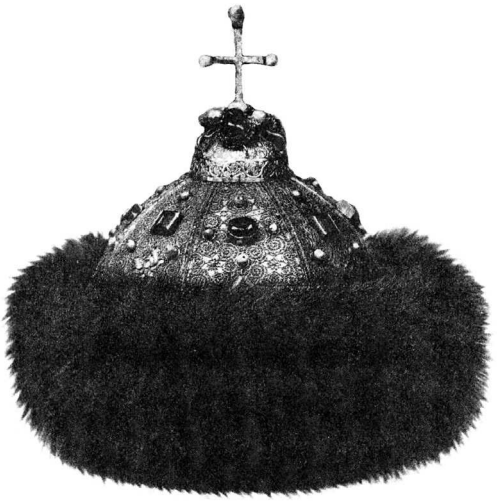
том, что символическая сторона власти второстепенна, дополнительна, малозначима по сравнению с иными, более "солидными", а потому и более заслуживающими внимания историков ее основаниями, например институциональными». И далее: «Получая представление о символических системах, в которых власть предъявляет (а значит, и реализует) себя в том или ином обществе, мы постигаем и самые существенные характеристики этой власти, и механизм ее функционирования. Процесс возникновения символических систем идентичен процессу становления власти, и, разбираясь в первом, мы лучше понимаем второе»[145].

Политическая символика, составными частями которой являются определение политической и культурной идентичности, ритуал, знаки власти — регалии и инсигнии, в настоящее время привлекает все большее внимание отечественных исследователей. Отдельные статьи[146], а также целые сборники статей по данной проблематике[147] попадают в «main stream» современного направления европей-

[145] *Бойцов М. А.* В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. СПб., 2007. С. 46—47. Автор весьма успешно реализует выдвинутые аксиомы в отношении средневекового политического символизма, недавно опубликовав посвященную этим проблемам книгу «Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе» (М., 2009).

[146] *Соловьева О. Л.* К вопросу о символах власти (на среднеазиатском материале) // Лавровские среднеазиатско-кавказские чтения 1996—1997 гг. Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 44—46; *Она же*. Политическая социализация и ритуал (К постановке проблемы) // Там же. С. 46—48; *Михайлова Р. Ф.* Государственная символика в русской культуре конца XV века // Теория, история, художественная практика. Россия, XI—XX вв. СПб., 1997. С. 20—27; *Парамонова М. Ю.* Символические и ритуальные аспекты в международной политической деятельности правителей Центральной Европы в X в. // Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Вып. 8. М., 1998. С. 33.

[147] Символы и атрибуты власти. СПб., 1996; Другие средние века. Сб. статей к 75-летию А. Я. Гуревича. М.; СПб., 2000; Славяне и их соседи. Репрезентация верховной власти средневе-



Современный вид «шапки Мономаха»

ской историографии — потестарной имагологии, «ориентированной на изучение образов власти, способов и форм ее репрезентации во внешнем мире».

Основоположником широкого и комплексного исследования символов власти в середине прошлого века выступил немецкий ученый П. Э. Шрамм, достигший в их изучении признанных во всем научном мире высочайших результатов. Главную роль в собирании материала и написании работ сыграл сам П. Э. Шрамм, однако ему удалось объединить целую группу ученых из разных европейских стран, не только историков, но и правоведов, археологов, лингвистов, искусствоведов, в разных ракурсах разрабатывавших проблемы потестарной имагологии, создав, таким образом, «школу Шрамма». С результатами деятельности «школы» можно ознакомиться в многотомных трудах[148], не все из которых оказались мне доступны. Величайшей заслугой Шрамма явился принцип «международности». Он и его единомышленники сосредоточили свое внимание не только на проблемах исключительно знаков власти *Herrschaftszeichen*, их истории, их архетипах, художественном воплощении, идейном смысле, но и на развитии церемоний, ритуалов, в которых были задействованы инсигнии, особенно коронаций, в различных государствах средневековья.

В процессе изучения знаков власти Шрамм значительно расширил первоначальный замысел: кроме реально сохранившихся знаков власти (это короны, скипетры, державы, предметы одежды, хранящиеся в музеях, государственных сокровищницах), их художественных изображений, описаний он включил в понятие *Herrschaftszeichen* другие группы знаков. На первое место он поставил жесты, которыми приветствовали подданные правителя (и правитель — их). Вторая группа — это предметы, которые могли представлять власть. Здесь автор упоминает знамена, монеты, печати, гербы правителя и государства. Следующая группа —

кового общества. Тезисы докладов. М., 2004; Славяне и их соседи. Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века. Сб. статей к 70-летию Б. Н. Флори. М., 2008. Вып. 12.

[148] *Schramm P. E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert. Bd. 1—3. Stuttgart, 1956; Idem. Kaiser, Könige und Päpste. Bd. 1—4. Stuttgart, 1968—1971; Idem. Sphaira, Globus, Reichsapfel. Wanderung und Wandlung eines Herrschaftszeichens von Caesar bis zu Elisabeth II. Ein Beitrag zum «Nachleben» der Antike. Stuttgart, 1958.

изображения правителя (и его семьи). Затем идут титулы и ритуалы. На последнее место Шрамм поставил символы (знаки власти) с пометой, что они занимают центральное место в средневековой символике власти. Далее автор отождествил понятие *Herrschaftszeichen* с понятием *Insignien*, что отразилось в новейших дефинициях данных обозначений[149].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[149] Понятие «инсигнии» теперь используется в словарях различных стран для определения знаков власти (см.: Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. С. 189—195; Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd. 3. Stuttgart, 1978. S. 369—497; Lexikon des Mittelalters. Bd. 5. S. 449—450; Bd. 7. S. 623—626 et cet.

Однако проблемы терминологии и дефиниций знаков власти существуют до настоящего времени. Один из последователей Шрамма Юрген Петерсон (*Petersohn J.* Über monarchische insignien und ihre Funktion im mittelalterlichen Reich // Historische Zeitschrift. Bd. 266. 1998. S. 47—96) считает, что сегодняшнее понимание знаков власти средневекового правителя и восприятие их современниками не всегда адекватны, о чем свидетельствуют средневековые немецкие письменные источники, где понятие «знак власти» не имеет прямого эквивалента. В немецких текстах середины XIV в. обычно сообщается о «клейнодах, драгоценностях империи» («des Reichs Kteinodien»).

Состав инсигний германских императоров в позднесредневековых немецких источниках определяется 5—6 предметами: крест, копье с гвоздями от креста, корона, скипетр, держава, меч. Этот набор знаков соответствует той группе символов монархической власти, которые с момента императорского коронования Оттона Великого показаны на большинстве печатей государей — важном коммуникативном средстве косвенной пропаганды инсигний в средневековье: на них сначала изображался бюст монарха в венке, затем он — сидящий на троне с короной на голове, в руках — скипетр и держава. Интересно замечание Петерсона относительно трона. Инсигнии — это группа предметов, которые можно взять в руки, передать и т. д. Трон как неподвижный предмет не относился в средневековье к инсигниям. С другой стороны, в современной интерпретации трон примыкает к инсигниям так же, как и не упоминающиеся в средневековых источниках штандарты, гербы и проч. Автор подчеркивает, что в средневековье не выделялись королевские и императорские инсигнии, т. е. между ними источники не делали разницы. Тем не менее он приводит очень яркую цитату из письма папы Григория IX императору Фридриху II (1227 г.), в котором была сделана акцентация на императорских инсигниях, а также на различии инсигний и реликвий: «Крест с Древом Господним и копье с его гвоздем будут выносить перед тобой во время торжественных процессий. Золотая корона с драгоценным камнем у тебя на голове, скипетр в правой, золотое яблоко в левой руке». (К последним предметам следует добавить меч, которым владетель был «опоясан»). Автор подчеркивает и легитимный принцип функционирования королевских и императорских инсигний — передача их знаменовала передачу власти. В письменных европейских источниках едва ли не с IX в. содержатся сведения о такой «политико-символической форме» передачи власти, как передача инсигний будущему правителю, о чем договариваются между собой властители, так сказать, «в светском контексте». Передача инсигний в «сакральном пространстве» — другой вопрос. В заключение автор обращает внимание на церемониал, в котором были задействованы инсигнии: их публичное представление осуществлялось при помощи демонстрации знаков достоинства правителя в праздничных шествиях, различных торжествах, когда при скоплении народа монарх восседал на троне, в короне, со скипетром, державой и мечом. Юрген Петерсон — один из ярких последователей П. Э. Шрамма в изучении инсигний. Во многом соглашаясь с последним, он на основании широко используемых письменных источников, дополняет сведения, приводимые Шраммом, и кроме того интерпретирует проблему инсигний, церемониал — «иерархические представления» в контексте политической жизни средневекового общества. Обнаружение и введение в научный

оборот «реестров и рукописей», которые содержали описи сокровищ Сен-Дени, публикация их, начатая в 1973 г., позволили дать новый импульс освещению вопроса о знаках власти королей Франции. В современной французской историографии встал вопрос об их названии. Ранее они назывались «королевскими украшениями», в современной литературе — «регалиями», против чего имеются существенные возражения (*Pïnoteau H.* Les insignes du pouvoir en France // Le sacre des rois. Actes du colloque international d'histoire sur les sacre et couronnements royaux. Paris, 1985. P. 75—83). Автор считает, что термин «регалия» пришел во Францию из Англии и вряд ли стоит здесь им пользоваться, ибо он означает «королевские права», а не «знаки власти», «знаки отличия». Автор отдает предпочтение термину «инсигнии» и очень сожалеет, что до недавнего времени эти знаки королевской власти, их история и вещественное воплощение не интересовали французское общество. Возникновение интереса, как полагает автор, связано с воссозданием средневековых корон и других предметов многими ювелирами как в самой Франции, так и в Германии. Возможно, это и так. Однако работы французских исследователей последних лет, и прежде всего Жака Ле Гоффа (*Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; *Он же.* Людовик IX Святой. М., 2001), дают прекрасную возможность познакомиться с комплексом инсигний, их функционированием, в частности с участием в ритуале коронации (*Ле Гофф Ж.* Людовик IX. С. 623—627), с деятельностью Людовика Святого по созданию коллекции реликвий (*Ле Гофф Ж.* Людовик IX. С. 111, 112, 114).

Считается, что при коронации французских королей использовали десятки предметов: короны, скипетры, мечи, шпоры, пряжки, перстни, особую одежду — мантии, плащи, штаны, перчатки, короткие рубашки (*Pinoteau H.* Op. cit. P. 77; *Ле Гофф Ж.* Людовик IX. С. 623—624). Среди них выделился комплекс под названием инсигний Карла Великого — корона, скипетр, меч, орифламма (боевой штандарт), щит, лилии, крылатый олень (*Цатурова С. К.* Карл Великий и «королевская религия» во Франции XIV—XV вв. // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 202). В целом инсигнии французских королей идентичны императорским (что не случайно: Карл Великий определил особое место королевства Франция, считая его империей. Хотя французские короли не претендовали на корону империи, но заявляли, что «в своем королевстве король Франции — император», т. е. не признает суверена на земле кроме Бога (*Ле Гофф Ж.* Людовик IX. С. 740; *Цатурова С. К.* Карл Великий. С. 202—203). Однако имеется существенное отличие: короли Франции никогда не использовали в числе инсигний державу, которую заменял сначала короткий скипетр с лилией, а затем длань правосудия — «символ судебного величия монарха». Она соперничала с другим аналогичным символом — Королевским мечом, относящимся к инсигниям Карла Великого (*Цатурова С. К.* Длань правосудия в инсигниях королевской власти во Франции XIII—XV вв. // Анфологион. С. 228—232). Вершить правосудие король мог благодаря божественному сакральному характеру власти, обусловленному не только коронованием и миропомазанием, но и обладанием священными реликвиями — действенному сокровищу, от которого «исходят защита и блага». Людовик IX Святой был особенно активен в «создании коллекции» святынь, купив у латинского императора в Константинополе реликвии Страстей Христовых: самую драгоценную реликвию из хранившихся в Константинополе — символ смирения Христа — терновый венец, а также большой кусок Истинного Креста, святую губку, на которой палачи подносили распятому Христу уксус вместо воды, наконечник Святого Копья, которым Лонгин пронзил тело Христа (*Ле Гофф Ж.* Людовик IX. С. 116). Людовик IX создал прекрасное хранилище для приобретенных Страстей Господних — дворцовую часовню Сент-Шапель (Святая Капелла) — «священный щит Французского королевства».

В последующие столетия инсигнии не сохранялись в полном объеме (в Лувре — корона, скипетр, длань правосудия, меч и шпоры Карла Великого, перстень Людовика Святого), часто их заменяли новоделы. Революция 1789 г., повторяя деяния Кромвеля в Лондоне, отправила на переплавку множество инсигний. Людовик XVIII подобным образом уничтожил инсигнии,

Шрамм ввел также другое очень важное понятие — репрезентация (*Staatspräsentation*), которая была обусловлена символами власти, представлявшими в знаковой форме эту власть и государство на разных этапах их деятельности и поведенческой модели[150].

Публикация работ П. Э. Шрамма явилась образцом для подражаний в разных странах и послужила толчком к разработке вышеозначенной тематики в тех странах Европы, где ощущалось историографическое невнимание к ней.

Однако даже там, где традиционно изучение символики, гербов и печатей, коронаций и прочих ритуалов казалось вполне стабильным, наступил своеобразный поворот «от статистики к динамике» в изучении знаков власти, введение последних

принадлежавшие Наполеону I, который для своей коронации повелел реставрировать то, что еще оставалось в королевской сокровищнице Сен-Дени. Но более всего последних разрушений произвела Третья республика, разломав и переплавив предметы времен Реставрации и корону Наполеона III (*Pinoteau H.* Op. cit. P. 78—79). (Автор подчеркивает «вандализм французской истории».)

В современных обобщающих статьях, посвященных инсигниям (многие из них опубликованы в словарях по средневековой истории и культуре в разных странах и написаны с разным уровнем научности), несмотря на определенную «разноликость исходного материала», разность воззрений на его дефиниции, номенклатуру, классификацию, даже на символическое толкование и т. д., все-таки можно выделить основные направления в подходе к изучению «знаков власти», параметры, объединяющие их в одну культурно-правовую и историческую категорию, неразрывно связанную с легитимацией власти, отражающую ее суть в символической форме. «Формальная систематизация» инсигний предполагает разделение по их происхождению, формам, функциям (Словарь средневековой культуры. С. 189). Другой подход — «предметный» — 3 категории «регалий»: священная одежда, королевские инсигнии и литургические предметы, участвующие в коронации (Dictionnaire du Moyen Age. Paris, 2002. P. 1189). Какой бы условный характер ни носила классификация инсигний (более научным нам представляется первый вариант), в ней в том и другом случае выявляются достаточно общие черты: стремление обратиться к историческим корням (выявить наиболее ранние местные знаки власти), проследить традиции (заимствования) в оформлении отдельных инсигний (римские, византийские, библейско-христианские), определить номенклатуру и функции («конституирующие» и «репрезентативные». — Словарь средневековой культуры. С. 191) отдельных предметов, входящих в группу инсигний, соотнести инсигнии и реликвии (исторически и функционально), выявить роль различных инсигний во властных церемониях, в частности во введении правителя на престол (см.: *Ле Гоффф Ж.* Людовик IX. С. 623—627; Zeremoniell. In: Lexikon des Mittelalters. Bd. 9. S. 546—578). Конечно, выявленные общности представляют собой лишь условный канон в восприятии и изучении инсигний, многие европейские страны имели определенные отклонения от этого канона (*Bak J. M.* Insignia of Rulership in Medieval East Central Europe // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). «Славяне и их соседи». Тезисы XXII конференции. М., 2004. С. 7—10). Однако даже условная систематизация и воссозданные в результате подходы к изучению инсигний могут явиться неким стереотипом для исследования этой категории знаков в различных странах.

[150] См. об этом: *Piech Z.* Monety, pieczęcie i herby w systemie symboli władzy Jagiellonów. Warszawa, 2003. S. 9. Этот термин коррелируется с понятием «национальная идентичность», реконструкция которой актуальна для многих стран Европы, в том числе и для России, реформирующей свое историческое прошлое.

в контекст не только истории, но и политики, т. е. произошло изменение направления в их осмыслении, чему в немалой степени способствовало не только введение в научный оборот новых источников, но и их новая (комплексная) источниковедческая интерпретация. Это можно сказать, например, о Польше[151], Венгрии[152].

Несмотря на огромный охват материала, опубликованного Шраммом, властная символика отдельных европейских регионов осталась вне его анализа. Причем он сам отмечал, что особого внимания заслуживает разработка проблемы, связанной с символикой власти у народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Европы[153].

Наряду с добавлением материала, относящегося к Чехии, Польше, Венгрии, Шрамм буквально несколько страниц посвящает истории знаков власти России[154]. Русская библиография у Шрамма очень незначительна. Из инсигний он называет «Корону Мономаха» (шапку Мономаха), причем считает, что это некий «парадный шлем» арабской работы с собольей опушкой, названный так по имени «великого

[151] Среди множества исследований, посвященных коронации в Польше, необходимо назвать глубокую работу А. Гейштора (*Gieysztor A.* Spektakl i Liturgia — Polska koronacja królewska) // Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza. Wroclaw, 1978). Необычайно интересной была проведенная в Институте истории ПАН в Варшаве в 1992 г. конференция о средневековых ритуалах и символах королевской власти; многие доклады опубликованы: Imagines Potestatis. Rytualy, Symbole i Konteksty fabularne władzy zwierchniej. Polska X—XV w. Warszawa, 1994. Новому исследованию «подверглись» такие знаки власти, как меч (*Kuczyński S. K.* O polskim mieczu koronacyjnym // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1961. T. LII. Z. 3), держава, о которой, вопреки утверждениям Шрамма, говорится, что она была известна польским правителям с XII в., однако в числе коронационных инсигний появилась с XIV в. (*Suchodolski St.* Czy wladcy polscy we wczesnym średniowieczu poslugiwali się jabłkiem panowania? // Kultura średniowieczna i staropolska. Warszawa, 1991). Фундаментальностью отличаются работы о знаках власти краковского историка З. Пеха. Восприняв как своеобразный «путеводный лист» работы Шрамма и его коллег, Пех провел исследование знаков власти польских князей и королей Пястов (X—XIV вв., с перерывами), обнаружил некоторое «перетекание» от княжеских знаков к королевским инсигниям, становление королевских знаков власти, акцентируя внимание на сфрагистическом материале, что Шрамм практически упустил: *Piech Z.* Mitra książęca w świetle przekazów ikonograficznych od czasów rozbicia dzielnicowego do końca epoki jagiellońskiej; Strój, insignia i atrybuty książą tiastowskich do końca XIV w. // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. XXXV. 1987/1; R. XXXVIII, 1990/1—2; Idem. Ikonografia piaczący Piastów. Kraków, 1993. Необычайно интересна его работа о символах власти Ягеллонов, где сосредоточены и проанализированы самые разнообразные источники, раскрывающие тему (монеты, печати, гербы, экслибрисы, медали, надгробия, королевские одежды, книжные и рукописные иллюстрации и т. д.). Здесь автор демонстрирует расширение номинаций инсигний, о которых Шраммом было только заявлено (*Piech Z.* Monety, pieczęcie i herby w systemie symboli władzy Jagiellonów. Warszawa, 2003).

[152] Среди венгерских работ последних лет, касающихся инсигний, надо в первую очередь упомянуть статьи Я. Бака: Инсигнии // Словарь средневековой культуры. С. 189—195; Магическая и династическая легитимация // Другие средние века. С. 43—50; Insignia of Rulership in Medieval East Central Europe; Holy Lance, Holy Crown, Holy Dexter: Sanctity of Insignia in Medieval East Central Europe // Анфологион. С. 58—63.

[153] *Schramm P. E.* Kaiser, Könige und Päpste. Bd. 4. H. 2. S. 603.

[154] Ibid. S. 606—615.

киевского князя Владимира Мономаха», прибывший в Россию как подарок. Кроме «шлема» ко времени Ивана Калиты Шрамм отнес также «наплечные украшения в виде медальонов с эмалями — бармы». В целом же Шрамм ссылается на работы М. Хеллманна, посвященные русской средневековой тематике[155]. Гораздо большее внимание Шрамм уделил такому знаку власти русских правителей, как двуглавый орел[156]. Опять-таки ссылаясь на труды немецких исследователей (Хеллманна, Корна и др.), он категорически отвергает факт какого-либо заимствования русским государем (Иваном III) титула и герба в Византии.

С большей вероятностью, как он пишет, можно «предположить, что установленные лишь в 1488 г. отношения с западным императором повлекли за собой тот факт, что двуглавый орел был перенят для русской печати; образцу печатей Габсбургов также соответствует печать Ивана IV, по соответствию расположенных вокруг центрального изображения гербов». Шрамм делает вывод на основании этих фактов, что «русские великие князья следовали не византийскому образцу, как предполагалось до сих пор и часто (в том числе и мною) повторялось, но (в той мере, как делались заимствования в чужих краях) — западноевропейскому. При этом их (заимствования) определяло желание занять положение, равное по значению императору»[157].

Наибольшее внимание Шрамм уделяет державе — «яблоку государственному», одной из инсигний. Держава не всегда являлась коронационным предметом, в отличие от короны, скипетра (ее отсутствие отмечается во Франции, при коронации в Болгарии и т. д.).

Шрамму известны три державы русских царей — Михаила Федоровича 1627 г., Алексея Михайловича 1661 г. и держава, изготовленная при Петре I Алексеевиче. По крайней мере, первая держава была сделана немецкими ювелирами, ибо, как считает Шрамм, она была украшена подобно императорской державе (императора Священной Римской империи) 1570—1590 гг.[158], в частности, среди изображений на ней существовала сцена помазания Давида.

Шрамм внес некоторые исправления в свой текст, касающийся российских держав (XVI—XVII вв.), под влиянием замечаний, сделанных ему А. Грабаром[159]. В рецензии на книгу П. Э. Шрамма, посвященной одному из знаков власти средневекового правителя, державе или державному яблоку, Грабар прослеживает

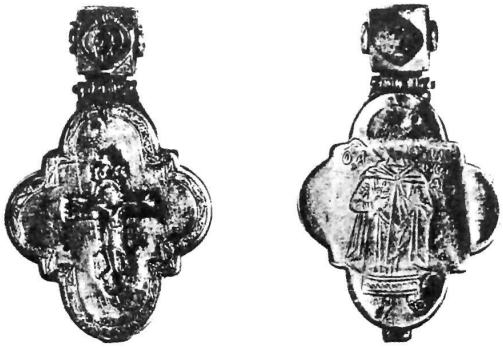
[155] *Schramm P. E.* Op. cit. S. 607—608.

[156] Ibid. S. 608—609.

[157] Ibid. S. 609.

[158] Ibid. S. 610—611. Наличие на русской державе украшений, аналогичных немецким, ее форма и проч., по мнению Шрамма, является доказательством подражания не только королям Западной Европы, но также императору Священной Римской империи. Особенно это подражание заметно в короне, изготовленной при Петре I по типу «династической короны», сделанной для императора Рудольфа II в 1602 г.

[159] *Grabar A.* Zur Geschichte von Sphaira, Globus und Reichsapfel // Historische Zeitschrift. Bd. 191. H. 2. München, 1960. S. 336—348.



Крест-мощевик («икона») с изображением св. Александра. XVI в.

использование шара с крестом римскими императорами, затем — византийскими, а от них как знак господства эта инсигния перешла к германским императорам и при Оттоне III олицетворяла символический земной шар, используясь в церемониях. Эту же роль исполняла держава, оказавшись в руках королей соседних стран (за исключением Франции, Шотландии и небольшого числа других стран) — от Испании до Польши, которые, как предполагает автор, все подражали главе Священной Римской империи[160].

Обращаясь к вопросу воссоздания «в Москве» инсигний, Грабар утверждает, что, поскольку императорские знаки власти начали формироваться здесь лишь в XVI в., т. е. спустя определенное время после падения Византии, «непосредственного и признанного образца власти» для русских правителей, формирование инсигний в XVI в. было достаточно неоднородным и их комплекс «включал и объединял древнерусские, византийские, восточные и латинские составные части»[161]. Под латинскими «составными частями» Грабар понимает заимствования некоторых знаков власти у германских императоров.

К ним принадлежит, в частности, держава, появление которой «в Москве» Шрамм относил первоначально к 1580 г. Замечания А. Грабара заставили Шрамма более тщательно проанализировать эту дату. Он приводит данные из рецензии на его книгу директора нумизматического кабинета из Стокгольма Нильса Людвига Расмуссона, который, в свою очередь, ссылается на издание 1627 г., где помещены заметки датчанина Якоба Ульфельда о приеме при дворе Ивана IV в 1578 г., на котором он присутствовал. Ульфельд говорит о царе: заняв место на троне, он «взял в свою руку золотое яблоко величиной с детскую голову, которое со всех сторон было украшено драгоценными камнями… В стороне была помещена позолоченная подставка, которая была предназначена для того, чтобы вкладывать в нее яблоко; в нее он клал яблоко после того, как подолгу держал в правой руке и неоднократно поднимал вверх». Далее Шрамм предполагает, что, поскольку нигде не сообщается о подобной подставке, ее можно считать «изобретением Ивана Грозного», тем более

[160] *Grabar A.* Op. cit. S. 338.

[161] Ibid. S. 344.

что Ульфельд упоминает о стоящей рядом с троном царя *vasculum aureum*, куда время от времени он помещал свою корону[162]. Как известно, держава использовалась в церемонии венчания на царство Бориса Годунова 1 сентября 1598 г., патриарх Иов подал ее Борису со словами: «Яко убо сие яблоко приим в руце свои держаши, тако держи и вся царствия, данный тебе от Бога, соблюда их от врагов внешних»[163].

О скипетре, который в значении обязательной регалии власти использовался при коронации государей во всей Европе, у Шрамма относительно России, по-видимому, не было достаточных данных. Однако известно, что в Пространной редакции чина венчания Ивана Грозного, относящейся к 1550-м гг., скипетр вместе с шапкой Мономаха и бармами был включен в состав предметов, обязательных при короновании[164]. Известен также рассказ англичанина Горсея, присутствовавшего на коронации сына Ивана Грозного — Федора Ивановича: «На голове царя был драгоценный венец, а в правой руке царский жезл, сделанный из кости однорога, трех футов с половиною длиною, обсаженный дорогими каменьями, который был куплен прежним царем у аугсбургских купцов в 1581 г. за семь тысяч фунтов стерлингов»[165].

Эти данные дополняются сведениями о том, что скипетр и держава могли входить также в состав даров, привезенных в 1604 г. царю Борису Годунову Великим посольством императора Священной Римской империи Рудольфа II. Возможно, они и использовались при венчании на царство первого Романова — царя Михаила Федоровича[166].

О мифическом происхождении русских инсигний повествует замечательный памятник прикладного искусства, созданный при Иване IV в 1551 г., — Царское место в Успенском соборе Московского Кремля, иначе Мономахов трон[167]. Как отмечалось выше, многие исследователи в принципе не относили трон к инсигниям, однако он присутствовал на печатях и других воссозданиях изображений

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[162] *Schramm P. E.* Kaiser, Könige und Päpste. S. 614. См. об этом также: *Бобровницкая И. Л.* Регалии российских государей. С. 12—13. Поскольку записку Я. Ульфельда сопровождают гравюры, то можно определить, каковы были и держава и подставка. Шрамм считает, что наиболее ранняя сохранившаяся держава 1627 г. была идентична той, которую держал в руках Иван Грозный. По мнению Шрамма, и форма державы (с высоким крестом над шаром) и орнаментика демонстрируют русский стиль — «странный для западного наблюдателя». Но это «чудо искусства» оказалось работой немецких мастеров, имя одного из них Онуфре Ромсдер (рядом написано «немец»). В своих кратких записях о русских инсигниях Шрамм подчеркивает, что «на исходе средневековья русский царь носил остроконечный шлем, отороченный соболем, золотую цепь на шее, и при коронации — нагрудный крест». Относительно принятия в число инсигний державы Иваном Грозным Шрамм заметил, что этот вопрос из официальных документов не вытекает.

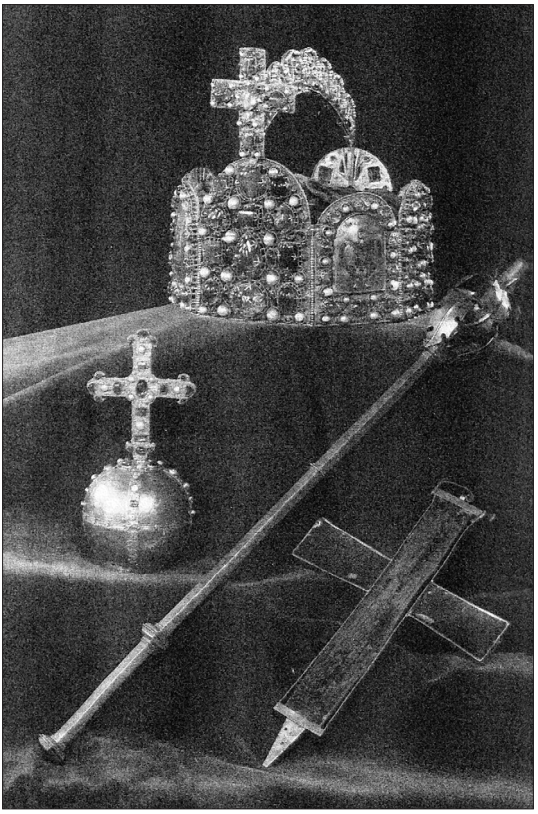
[163] Сказание о венчании на царство русских царей и императоров / Сост. П. П. Пятницкий. М., 1896. С. 11.

[164] См. об этом: *Бобровницкая И. А.* Регалии российских государей. С. 12.

[165] Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. СПб., 1909. С. 111.

[166] *Бобровницкая И. Л.* Регалии российских государей. С. 15.

[167] *Соколова И. М.* Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001.



Инсигнии династии Неманичей (*Сербия*)

императоров, королей, иногда даже князей, которые со скипетром и державой, в короне восседали на троне, таким образом являясь носителем властных знаков. Проиллюстрированная в виде двенадцати барельефов на стенках трона история о дарах Мономаха делала трон важным пропагандистским средством в контексте художественных и литературных произведений середины XVI в., в которых «разрабатывалась новая концепция русской истории в ее неразрывной преемственной связи с историей древних царств»[168]. «Выставленный на обозрение» соплеменников и иностранцев трон в надписях и изображениях отражал многие темы (священного венчания на царство, богоданности и наследственности власти русского государя и т. д.), однако лейтмотивом его создания является, как верно замечает И. М. Соколова, доказательство законности венчания на царство и легитимности царского титула Ивана IV. С полным нравом Мономахов трон можно отнести к инсигниям XVI в.

Анализируя уникальное произведение искусства — Мономахов трон, И. М. Соколова ищет в нем аналогии и с троном византийских императоров, и с вре-

[168] *Соколова И. М.* Указ. соч. С. 19.

менными коронационными постройками в византийском храме Св. Софии[169]. Это вполне естественно при общей историографической традиции, подчеркивающей безусловное и безоговорочное влияние Византии на идейно-политическую и культурную жизнь Руси на протяжении столетий. В ареал абсолютных византийских влияний кроме Руси входили Болгария, Сербия, а также некоторые кавказские и балканские государства, атрибутика которых, как указывалось выше, оказалась практически вне поля исследований Шрамма.

Откликом на сетования по этому поводу знаменитого ученого явились несколько замечательных трудов, вышедших из-под пера его последователей. В первую очередь хотелось бы назвать работу Франка Кэмпфера «Портреты русских государей. От истоков до Петра Великого»[170], посвященную «политической иконографии в византийском культурном регионе». Этот большой, фундированный труд прекрасного специалиста по русской истории содержит огромное количество художественных изображений (фрески, монеты, миниатюры и т. д.) не только русских правителей, но и болгарских, сербских князей и королей, что дает возможность сопоставить и знаки власти этих трех государств. Однако огромный иллюстративный материал и некоторая «провизантийская заданность» увели автора от объективного анализа русских средневековых реалий (феодальный этикет, иерархия княжеских отношений, своеобразие вступления на престол русских правителей и проч.), которые нашли отражение, в частности, в миниатюрах (Радзивилловская летопись, Лицевой свод). Замечания в адрес маститого немецкого ученого неоднократно высказывал специалист по изучению древнерусского художественного наследия А. В. Чернецов, который опубликовал рецензию на книгу Ф. Кэмпфера[171]. Он отмечает, в частности, что византийская и древнерусская традиции изображений государя не были связаны устойчивой и непрерывной преемственностью, древнерусские художники не переносили на своих властителей хорошо им известные характерные черты облачения византийских василевсов, что даже в эпоху Ивана Грозного, «когда были мобилизованы все средства для возвеличивания самодержавной власти, на Руси не получила распространения популярная в Византии композиция — коронование императора Христом»[172] и т. д.

Досконально изучив изобразительные варианты «даров» Мономаха по нескольким их сериям (Лицевой свод, Царское место, росписи Золотой палаты) в контексте подлинных регалий византийских императоров, А. В. Чернецов в статье, написанной совместно с В. В. Морозовым, утверждает, что факт значительного влияния Византии на русскую политическую идеологию и те внешние формы,

[169] *Соколова И. М.* Указ. соч. С. 31, 35—36.

[170] *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978.

[171] *Чернецов А. В.* Рец. на: *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978 // ВИ. 1980. № 6. С. 158—161.

[172] Там же. С. 160.

в которых она воплощалась, не следует абсолютизировать. Ибо «конкретные черты власти московских государей, а вслед за ними придворный ритуал и державная символика во многом определились своеобразием исторической реальности и потребностями текущего политического момента»[173].

В работах последнего времени, впрочем, возникают вопросы о «неполной» византинизации даже по отношению к Болгарии, региону, где влияние византийской культуры никогда не ставилось под сомнение[174]. В трудах болгарских историков подчеркивается идентичность византийских и болгарских властных символов[175], проводятся параллели в возведении на престол[176] и в титулатуре византийских и бол-

[173] *Морозов В. В., Чернецов А. В.* Легенда о Мономаховых регалиях в искусстве Москвы XVI в. // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование. С. 371.

[174] *Schreiner P.* Die Byzantinisierung der bulgarischen kultur // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Goettingen. Philologische — Historische Klasse [1989] 3. F. 177. S. 48, 60.

[175] Например, см.: *Аганасов Г.* Инсигниите на средновековните български владетели. Корони, скипетри, сфери, оръжия, костюми, накити. Плевен, 1999.

[176] *Goschew I.* Zur Frage der Krönungszeremonien und die zeremonielle Gewandung der byzantinischen und der bulgarischen Herrscher im Mittelalter // Byzantino-Bulgarica. II. Sofia, 1966. S. 145—168. Автор считает, что болгары использовали византийские принципы возведения на престол своих правителей в соответствии с эволюцией византийского обряда коронования. Специально последнюю тему разработал, в частности, Г. А. Острогорский. См.: *Острогорский Г. А.* Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 33—42. Он приводит данные о коронации и провозглашении византийских императоров в разные периоды существования империи. До середины V в., следуя римской традиции, господствовал исключительно светский, военный характер избрания императора, когда его поднимали на щите, а командир гвардейского отряда возлагал ему на голову свой шейный обруч. С V в. к коронованию подключился константинопольский патриарх. Постепенно светская военная коронация полностью уступила место церковному венчанию на царство, которое приобрело культовый характер с переодеванием императора и возложением ему на голову короны (стеммы), что делал патриарх. С VII в. коронация императора венцом становится постоянной, и осуществляет ее патриарх в храме Св. Софии. Далее Острогорский отмечает, что после завоевания Константинополя в 1204 г. крестоносцами при венчании на царство происходит миропомазание императора, а также возобновляется обычай поднятия императора на щите. Миропомазание, таким образом, расценивается как заимствование западных обычаев. Описание обряда коронации в поздней Византии (в середине XIV в.) дополняется новыми деталями (император передает патриарху текст Символа веры, дает обещания быть верным сыном и рабом церкви и т. д.), которые вели «ко все большему оцерковлению византийского чина коронования», причем в этот обряд включается и сам коронуемый император (использует кадило, принимает причастие из чаши, как духовные лица), что, как подчеркивает Острогорский, окончательно утверждает представление о том, что «венчание на царство является своего рода священным рукоположением и наделяет императора особыми духовными качествами».

Стройная система Острогорского удовлетворяла не всех исследователей. Как пишет сам автор, особенно дискутировались вопросы о времени возникновения помазания и непрерывности существования процедуры поднятия императора на щит. Почти столетие со времени опубликования книги М. Блока «Короли-чудотворцы» отдалило отечественного читателя от его изысканий о возникновении места и времени миропомазания как процедуры, включаемой в обряд королевской коронации (помазание головы миром по образцу поставления в епископы)

(см. *Блок М.* Короли-чудотворцы. М., 1998. С. 299). Блок считает, что в Европе помазание известно с VII в. у королей вестготов в Испании, а затем — у франков VIII в. (помазание Пипина в 751 г.). Причем вестготам, например, был знаком обряд помазания короля, но у них не осуществлялась церемония коронации. В то же время М. Блок приводит сведения о том, что короли вестготов хоть и не получали корону при восшествии на престол, но могли носить ее как знак высшего достоинства (Там же. С. 618). Королевская корона была возложена папой Львом III на Карла Великого, имеются сведения, что он был помазан святым елеем. И до Карла Великого у франков правители использовали диадему как знак высшей власти, но не получали этот знак политической власти в ходе религиозной церемонии возведения их на престол. Карла Великого короновали по примеру восточных императоров, которые получали этот знак власти от константинопольского патриарха, так что, собственно, обряд коронации на Западе заимствовали из Византии (Там же. С. 626). А первым императором, который получил помазание в этом качестве и одновременно коронацию как император, был Людовик Благочестивый. В 816 г. в Реймсе его увенчал короной и помазал елеем папа Стефан IV. «Соединение» помазания и коронования придало короне, как пишет Блок, мистический смысл, «уподобив ее тому "венцу славы", которым Священное Писание увенчивает, порой в конкретном, а порой в метафорическом смысле, избранников Господних» (Там же. С. 627). Сыну Людовика Благочестивого Карлу Лысому вместе с короной архиепископ вручил «очевидное новшество» — скипетр и совершил помазание. Блок подчеркивает: когда увенчание короной и вручение королевских инсигний соединилось с помазанием, был создан обряд коронования. Так было примерно с середины IX в. во Франции и Англии, несколько позднее в Германии — Оттон I был помазан и коронован в 936 г. «Все его преемники поступали точно так же» (Там же. С. 931).

Блок предполагает существование заимствования в развитии процесса коронования в разных европейских странах. В становлении этого процесса участвовала и Византия, «страна, где были особенно прочно укоренены традиции монархического культа». Как уже отмечалось, церковный обряд коронования (прежде всего — возложение короны на голову императора патриархом и сопутствующие действия (см. выше)) складывается здесь в VII в. О помазании, как сообщают М. Блок, Г. Острогорский и другие авторы, речь не идет. Введение помазания в Византии относят к XIII в. после того, как оно наблюдалось при коронации Бодуэна IX, графа Фландрского, в 1204 г. («коронация происходила отчасти по византийскому обряду, который крестоносцы могли наблюдать за год до этого: использовались пурпурные штаны и сапожки, драгоценный камень, перекинутый с шеи на грудь, скипетр, но в остальном крестоносцы следовали французскому "регламенту": вручение государю меча, участие пэров и епископов в возложении короны, вынос знамени, меча и короны знатнейшими рыцарями, помазание, не принятое в Византии, усаживание на трон, послекоронационная трапеза». *Робер де Клари.* Указ. соч. С. 155).

Отмечая, что обряд помазания не использовался при коронации в Византии ни в X, ни в начале XII в., хотя в конце XII в. при коронации Алексея III Ангела вместе с вручением ему символов высшей власти совершилось и его помазание, М. Блок заключает: «помазание и вручение инсигний — это, бесспорно, два основополагающих элемента церемонии, по сути своей подобной западным коронованиям» (*Блок М.* Указ. соч. С. 634). При объяснении сравнительно позднего возникновения в Византии обряда помазания елеем автор принимает версию других исследователей, указывавших, что восточный обряд коронования, долгое время нс использовавший помазания, соответствовал обычаям Восточной церкви, где даже рукоположение в священники совершалось без помазания. К тому же, как замечает М. Блок, «византийская монархия, ведшая свое происхождение от монархии римской, где был чрезвычайно силен культ императоров, и потому изначально имевшая сакральный характер, довольно долго, в отличие от варварских королевств Запада, не испытывала нужды освящать себя обрядом, заимствованным из Библии» (Там же. С. 636).

гарских правителей. Тщательному анализу титулатуры, существующей в Первом и Втором Болгарских царствах, посвящена монография известного болгарского ученого Георгия Бакалова[177]. Отмечая, что титулатура является в принципе отражением определенной политической доктрины, автор, однако, допускает возможность использования правителем титула, не отражающего его реального положения в государстве, содержащего политические устремления, территориальные претензии и т. д. Однако в Болгарии эта проблема вряд ли существовала, ибо основной постулат формулы власти, отраженный в титуле правителя, это его соответствие понятию «правитель-народ» (например: «царь всех болгар и греков»), почти буквально повторяющий титул византийского императора («василевс ромеев»). В этом состоит отличие болгарского титула от сербского, хорватского, валашского, в котором доминирует географический принцип в обозначении государственной территории, называются земли, которые, по мнению правителей этих стран, принадлежат им[178].

Титул императора, понимаемый в его конфессионально-политическом значении как принадлежность главе всех христиан, выражающий доктрину власти, мало изменился па протяжении столетий и отражал тот факт, что в течение десяти веков исторического развития Византия существовала единственно как империя. Более чем другие народы «византийского региона», болгары стремились во всем подражать Византии уже на ранних этапах своей государственности, хотя генезис болгарского государства принципиально отличался от истории возникновения византийского государства. Как считают исследователи, близость с Византией наиболее заметна в такой сфере жизни болгарского общества, как государственная идеология[179].

Среди многочисленных трудов болгарских и ученых других стран, написанных на указанную тему, а именно данная проблематика выводит на освещение становления и деятельности власти, включая ее атрибутику, наряду со скепсисом в отношении к империи средневековой Болгарии[180], обосновывается историческая подоплека принятия болгарскими правителями титула «василевс». Расширение границ территорий, входивших в Болгарию с начала IX в., успешное военное противостояние Византии, утверждение престолонаследия за одной династией, преодоление внутриполитического сепаратизма и укрепление центральной власти — все эти обстоятельства постепенно превратили Болгарию «в значительную силу на европейском юго-востоке»[181]. Петер Шрайнер пишет, что «постоянное военное противостояние с Византией укрепляло положение хана (главы государства) и вовне позволяло ему выглядеть как правитель, который по компетенции власти

[177] *Бакалов Георги.* Средновековният български владетел.

[178] Там же. С. 11. Например, в Сербии: «Стефань Неманаа самодрьжацъ срьбские земле и поморские».

[179] *Schreiner P.* Die Byzantinisierung der bulgarischen Kultur. S. 52.

[180] Об этом: *Тъпкова-Заимова В.* Идея власти в средневековой Болгарии между двумя Римами // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование. С. 191.

[181] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 112.

был сравним с византийским императором»[182]. Болгарские ученые подчеркивают историзм подобного понимания власти болгарскими правителями — идентичность присущего им титула «великий хан (каган) императорскому титулу»[183]. С принятием христианства Борисом-Михаилом в 865 г., который, по словам крупнейшего исследователя Ф. Дэльгера, с величайшей целеустремленностью включил свой народ в мировое христианское сообщество и тем самым в культурный мир средневековой Европы, была подготовлена почва для деяний великого Симеона[184].

В результате его военных успехов в первых десятилетиях X в. болгарское государство господствовало на большей части Балканского полуострова. Это породило у Симеона амбиции и претензии на императорский титул. Причем, как считают некоторые исследователи, и прежде всего Дэльгер, Симеон не только претендовал на титул василевса болгар («царя всех болгар»), но полагал, что для него подходит и титул «василевса ромеев». Вместе с претензией на титул византийского императора он стремился к притязаниям на мировое господство. («Если мы поставим вопрос, хотел ли Симеон создать национальное царство или он хотел занять место Македонской династии в Константинополе, то последнее априори весьма вероятно»[185]).

Если титул «царь болгар» не вызывал у Византии противодействия, то присоединение к нему «и греков», на что покушался Симеон, понималось как посягательство на узурпацию титула, который воспринимался византийцами как неприкосновенный символ власти всемирного императора. В нескольких письмах Симеону патриарх Николай Мистик предостерегал его от стремления претендовать на титул мирового императора в Константинополе, подчеркивая, что тот, кто силой пытается присвоить себе императорскую власть, не является после этого христианином[186].

События 913 г., по поводу которых идут споры в болгарской и иностранной литературе (выражаясь словами Г. Атанасова, это: был ли Симеон Великий коронован, нскоронован (обманут) или символически коронован, подлинной короной или предметом «вместо короны»), нашли отражение в многочисленных работах[187]. Г. Бакалов считает, что проблема получила разрешение в исследовании академика Ив. Снегарова, который признавал, что вероятной является коронация Симеона в 913 г. патриархом Николаем Мистиком. Однако спустя год византийское правительство объявило коронацию недействительной[188]. Отказ Византии подтолкнул Симеона на новый шаг — к императорскому самопровозглашению. Следует отме-

[182] *Schreiner P.* Die Byzantinisierung der bulgarischen Kultur. S. 49.

[183] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 113—131.

[184] *Dölger F.* Bulgarisches Zartum und byzantinisches Kaisertum // Byzanz und der europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 145.

[185] Ibid. S. 146.

[186] Ibid.; *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 150—152.

[187] См. об этом: *Атанасов Г.* Указ. соч. С. 8—12; *Георгиев П.* Коронацията на Симеон през 913 г. // Исторически преглед. 2001. Кн. 1—2. С. 3—19; *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 151 и др.

[188] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 151.

тить, что, несмотря на неоднократный отказ Византии признать за Симеоном титул императора и прежде всего — императора ромеев, в староболгарских письменных памятниках X—XI вв. использовалось слово *цесарь* в значении «василевс» — император с производными — «царский», «царица», «царство». Причем, как замечает Г. Бакалов, с уверенностью можно утверждать, что слово *цесарь* имеет народное происхождение, откуда оно перешло и в книжный язык[189].

Принципы византийского самодержавства, которым следовал Симеон, требовали создания патриархии, глава которой единственно мог освятить самодержавную власть государя — сделать его царем. Собор в Преславе в 918 г. впервые в государственной практике возвел болгарского правителя в высшее достоинство. Царская коронация Симеона для страны была вполне легитимна. Благодаря освящению титула Симеона («цьсарь въсьмъ блъгарѡмъ и гръкѡм») высшей духовной инстанцией, он сравнялся по значению с византийским (βαϛιλεύς καίαὐτοκράτωρ ’Ρωμαίου — «басилеус и автократор Ромайон»)[190].

Наследник Симеона Петр получил признание Византии как басилевс, однако без указания в титуле, что он является «басилевсом римлян».

В некоторых работах отмечается, что в Первом Болгарском царстве византийские титулы в придворном церемониале были почти не переняты. В большинстве случаев для обозначения должностей использовались протоболгарские названия. Считается, что нет сведений и о символике власти, о знаках, которые ей соответствовали[191].

Между тем дошедшие до нашего времени и изученные болгарскими нумизматами металлические печати первых болгарских царей свидетельствуют, что, например, Симеон титулован так же, как византийский император[192]. Металлические печати первых болгарских царей Бориса-Михаила, Симеона, Петра свидетельствуют об использовании ими символов власти — короны (стеммы), державы, скипетра, а также одежд, подобных византийским[193]. В «Шестодневе» Иоанна Экзарха

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[189] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 156—158.

[190] Там же. С. 160—161. Четыре века спустя так же поступил и сербский король Стефан Душан (1331—1355). Воспользовавшись слабостью Византийской империи в период гражданской войны, Стефан Душан значительно расширил свою территорию не только за счет сербских земель, но и за счет болгарских и греческих. Под его управлением Сербия достигла военно-политической мощи. Все это позволило Стефану Душану объявить себя царем. Копируя византийский обычай, он провозгласил себя в 1346 г. «басилевсом и автократором сербов и римлян». На коронации присутствовали тырновский и новопровозглашенный сербский патриарх, которые освятили власть царя согласно церемониальным правилам и церковным канонам. И все же Византия не признала законности этой интронизации (*Бакалов Г.* Указ. соч. С. 161—162).

[191] *Schreiner P.* Die Byzantinisierung der bulgarischen Kultur. S. 54.

[192] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 162.

[193] *Мушмов Н.* Монетите и печатите на българските царе. София, 1924; *Герасимов Т.* Български и византийски печати от Преслав. Т. 2. Преслав, 1976.; *Юрукова Й.* Владетелски печати в средновековна България // България 1300. Институции и държавиа традиция. Т. II. София, 1982.

Симеон представлен как самодержец, который в своем дворце восседает на троне в шитом золотом, унизанном жемчугом по плечам хитоне, с золотым ожерельем на шее, перепоясан пурпурным поясом, украшенным бисером, с золотым мечом[194].

«Единоверцы и крестники» Византийской империи (болгары) могли, по-видимому, пользоваться атрибутами, характеризующими их царское достоинство, заимствованными у Византии. И это вопреки традиционным критериям и нормам, освященным церковью на протяжении веков. Как пишет Г. Г. Литаврин, «символика, инсигнии, регалии и ритуал репрезентации являлись одним из наиболее консервативных проявлений политического бытия империи»[195]. Этот же момент в политике Византии подчеркивал и Ф. Дэльгер, замечая, что византийцы ревниво охраняли символы единства и единственности византийской мировой императорской власти вплоть до XIII в. и «в императорской привилегии одежд, знаков отличия и титула защищали наивысшие политические притязания»[196].

Квинтэссенцией охранения и сохранения византийской императорской символики являются наставления императора Константина VII Багрянородного сыну, запрещающие передавать какие-либо атрибуты императорской власти соседям — хазарам, туркам, росам либо «иным народам из северных и скифских», которые частенько «требуют послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов, или из мантий». Эти просьбы, как считает император X в., необходимо пресекать «правдоподобными и разумными речами, мудрыми оправданиями»[197].

Насколько эти рекомендации могли быть отнесены к болгарам (Г. Г. Литаврин считает, что «скифскими» народами византийские авторы в X в. называли болгар, русских, венгров)? Возможно, постоянное военное соперничество в это время с болгарами и частые военные успехи последних служили стойким раздражителем и в дипломатических делах. Во всяком случае, известен факт явно издевательского отношения Византии к наследнику болгарского царя Петра Борису II (970—971). Византийский император Иоанн Цимисхий (969—976) в 971 г. штурмом взял Великий Преслав и пленил болгарского царя Бориса вместе с семьей, отведя его в Константинополь. Причем сам византийский император ехал на белом коне вслед за золотой колесницей, на которой везли захваченную в Преславе икону, а болгарский царь в полном царском облачении следовал за конным императором пешком. На глазах многочисленной толпы Борис II был развенчан — у него были отняты знаки царского достоинства: «золотая корона, багрица и красные

[194] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 162; *Schreiner P.* Die Byzantinisierung der bulgarischen Kultur. S. 55. Последний автор считал, что описание символики болгарского правителя напоминает Византию, однако сомневался в византийском «аналоге меча».

[195] *Литаврин Г. Г.* Этапы эволюции верховной власти и ее репрезентации в Византии VII—XII вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе. С. 46.

[196] *Dölger F.* Op. cit. S. 144.

[197] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 55.

сапоги»[198]. Униженный болгарский царь получил придворный титул «магистр» и несколько лет скромно жил в Константинополе. Высокий царский титул для Болгарии, однако, сохранили на какое-то время его потомки[199] до периода «насильственной византинизации» (1018—1186), периода, когда государственная власть в Болгарии обретала различные формы легитимации[200]. Однако образ собственного царя не покидал болгар никогда, «оставаясь святым достижением их национальной истории. Когда в 1185 г. они поднялись против Византии, то провозгласили своих вождей Петра и Асеня василевсами, и те надели на себя святые символы императорского достоинства»[201]. Хотя, как пишет Дэльгер, царство Асеней было национальным государством, однако прослеживается стремление царей нового Болгарского государства занять константинопольский престол, применяя военную силу, как в свое время это делал Симеон. Причем имперские идеи выражаются не только в соответствующем титуле — стремлении использовать титул «василевс» (иногда — «болгар», претенциозно — «и греков») такими царями, как Симеон, Иван Асень II, попытках подчинения Константинополя, но и в «духовной составляющей». Великий Симеон опирался на идею богоизбранности своей страны, которую он представлял как наследницу древних цивилизаций. В период его блистательного правления Болгария претендовала на роль не только наследницы Византии, но и наследницы Иудеи, а столица Великий Преслав — на роль павшего Иерусалима[202].

Правители Второго Болгарского царства, превратив новую столицу Тырново в крупный хозяйственный, политический и религиозный центр, предрекали ему роль центра средоточия восточноправославного мира среди независимых христианских государств, когда Константинополь пал под натиском крестоносцев (латинян). Как пишет Г. Бакалов, «болгарская столица становится “промежуточным этапом” на пути окончательной консолидации “Третьего Рима”… Собирание мощей почитаемых святых, возвеличение в официальной литературе как

[198] *Андреев Йордан.* Българските ханове и царе VII—XIV век. Историко-хронологичен справочник. — София, 1988. С. 80—81.

[199] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 173.

[200] Об этом: *Иванов С. А.* Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI—XIII вв. // Анфологион. С. 66—75. Освещая провозглашение в 1040 г. Петра Деляна царем болгар, автор указывает на миниатюру Иоанна Скилицы, где Деляна поднимают на перекрещенных руках несколько человек. Он замечает, что прямых аналогий с Византией в данной церемонии не прослеживается, ибо в Византии поднимали претендента на императорский трон на щите. Однако ряд других исследователей видят в подобном действии черты византийского коронационного церемониала (*Schreiner P.* Die Byzantinisierung der bulgarischen Kultur. S. 54; *Андреев Й.* Указ. соч. С. 94). О традициях государственности и легитимности Второго Болгарского царства см. также: *Андреев Й.* Приемственост и държавна традиция през XII—XIV век // България 1300. С. 293—300.

[201] *Dölger F.* Op. cit. S. 155.

[202] *Горина Л. В.* Имперская идея болгарского царя Симеона // Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Тезисы XIV конференции. М., 1995. С. 5—6.

"первенствующего", "царственного" и "богохранимого" города, расцвет церковных книг и книжного дела… — все это содействовало его (Тырнова) выдвижению как нового "Третьего Рима"»[203].

Болгарское царство находится в перечне избранных царств в западной пророческой литературе, где Болгария включена в ряд сменяющих друг друга царств, начинающийся с Рима[204], папа Иннокентий III называл царя Калояна королем, прислав ему инсигнии верховной власти: королевский скипетр и королевскую корону, но генуэзцы, венецианцы и даже иногда венгры признавали императорский титул болгарского царя[205]. Сам же болгарский царь Иван Асень II особенно после славной победы над византийцами при Клокотнице считал себя истинным «самодержцем», при подписании грамот используя титул «цар българомъ и грькомъ»[206].

Внешнеполитические успехи подняли престиж царской власти Асеней, которая все более заимствовала внешние атрибуты у византийских василевсов. Властный болгарский институт приобрел черты и формы, исключительное право пользования которыми принадлежало византийским самодержцам. К ним относится титулатурная формула, оформление царских грамот, царские инсигнии, облачение, изображение на монетах и печатях и т. д. Иван Асень II по образцу византийских императоров издал свои привилегии в форме *Chrysobullos Logos* (грамота с золотой печатью)[207], некоторые болгарские цари в XIII—XIV вв. носили титул «багрянородный», т. е. рожденный от царей — «рожден в пурпуре», символе царской власти[208], титулы и должности при болгарском царском дворе были точной копией византийских: логофет, стратор, деспот, севастократор, протосеваст[209] и т. д. При таких обстоятельствах нет ничего удивительного, что внешний вид болгарских царей соответствовал византийскому образцу. Об этом свидетельствуют изображения правителей на монетах, печатях, фресках и миниатюрах[210].

П. Шрайнер, а также ряд цитированных выше исследователей (Г. Бакалов, И. Гошев, Г. Атанасов, Ф. Дэльгер) сходятся во мнении, что царские одежды и знаки высшего достоинства царей Второго Болгарского царства соответствуют модели византийских императорских инсигний. Это — золотая корона (болгарские цари, как сообщает Г. Бакалов, имели несколько видов корон — полусферическая, зубчатая, которая была широко распространена в Западной Европе, корона-шлем и др.),

[203] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 195. См. также его статью: Универсалистские аспекты идеи о «Третьем Риме» // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование. С. 210—222.

[204] *Тъпкова-Заимова В.* Указ. соч. С. 197.

[205] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 204—205, 207.

[206] Там же. С. 213; *Андреев Й.* Българските ханове и царе. С. 134.

[207] *Dölger F.* Op. cit. S. 155; *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 212.

[208] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 226—227.

[209] Там же. С. 241.

[210] *Schreiner P.* Probleme der Gräzisierung des bulgarischen Reiches im 13. und 14. Jahrhundert // Etudes balkaniques. Sofia, 1978. № 4. S. 111.

лор из плотной ткани, перекрещивающийся на шее и груди, расшитый бисером (в XIV в. перекрещивающийся лор исчезает, а вместо него появляется широкий, украшенный бисером пояс, конец которого перекинут через левую руку императора), красная обувь, пурпурная мантия, скипетр с крестом в правой руке[211]. Хотя в целом царская символика Болгарии и Византии может показаться абсолютно идентичной[212], современные исследователи отмечают существенные несовпадения, ощутимые при детальном изучении печатей и монет. П. Шрайнер отмечает, что исключительно существенным фактором, повлиявшим на самоощущение болгар, явилось латинское завоевание Константинополя в 1204 г., после чего на пятьдесят лет границы Болгарии и Византии отдалились друг от друга. Однако более важным явилось уменьшение влияния Византии на внутренние государственные процессы Болгарии, что выразилось в самостоятельной монетной чеканке, причем многие монетные изображения исключительно самостоятельны, в корне отличаются от византийских[213], в частности с началом выпуска монет при Иване Асене II монограмма принадлежит к главным их характеристикам, а с 60-х гг. XIV в. часто она заменяет образ Христа. Имеют отличия от византийских болгарские царские печати как в легендах, так и в иконографических типах: например, на печати Ивана Асеня II на оборотной стороне изображен сидящий святой Дмитрий в воинской одежде и держащий на коленях меч. На некоторых печатях болгарских царей изображен стоящий архангел Михаил. Исследователи болгарских сфрагистических памятников отмечают: средневековая болгарская сфрагистика выходит за рамки византийских типов, проявляя самостоятельность и оригинальную самобытность[214].

Заслуживает внимания факт своеобразного «подражания» Византии, когда император Михаил VIII Палеолог, взяв Константинополь в 1261 г. и восстановив таким образом Византийскую империю, отчеканил монету, на которой был помещен Константинополь, окруженный кольцом стен. В первой половине XIV в. Иван Александр выпустил монеты с аналогичным сюжетом: город изображен не обнесенным стенами, но в виде ворот с многоэтажным сооружением и монограммой «Тырново». Эта некая конкуренция Константинополю была вполне обоснована. Символ

[211] *Бакалов Г.* Указ. соч. С. 242.

[212] В Болгарии, например, подобно Византии, существовал семейный репрезентативный портрет, цель которого — воплотить равным образом императорскую и династическую идеи — императорскую через инсигнии, а династическую через совместное изображение родителей и преемников. Выразительным памятником имперского сознания царя Второго Болгарского царства Ивана Александра является прекрасная миниатюра, на которой он изображен вместе со своей семьей. Его сын Иван Шишман (ребенок) стоит справа от него в полусферической короне, со скипетром, лором и акакией, на суппедионе, как и отец. Подобно византийским изображениям из облака протянута благословляющая рука, которая символизирует царствование Божьей милостию императоров мира. — *Dölger Fr.* Op. cit. S. 157; *Schreiner P.* Probleme der Gräzisierung. S. 113. Изображение см.: *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. Tabl. 30.

[213] *Schreiner P.* Probleme der Gräzisierung. S. 105—107.

[214] *Юрукова Й.* Указ. соч. С. 328.

Византии (значительно ослабленной) был подхвачен Болгарией, укрепившей свои позиции как внутри страны, так и за ее пределами, установившей хорошие отношения с сильной в то время Сербией. Царь Иван Александр, меценат, поощрявший процветание книжности и искусства, стремился воплотить идею «Третьего Рима», превратив в «Новый Царьград» столицу Болгарии Тырново, надеясь объединить таким образом православные народы, которые имели в качестве «официального и богослужебного языка славянский»[215].

Анализ атрибутов власти болгарских правителей показывает безусловное воздействие византийской государственной традиции как на болгарскую концепцию власти, так и на титулатуру и инсигнии болгарских правителей. Подражание сильнее всего проявлялось там, где дольше всего могла действовать вековая традиция: в культе правителя. Однако, как считает П. Шрайнер, рядом с проблемами «византинизации», приверженности притягательной имперской идее, находятся проблемы «не-византинизации», отражающиеся в специфических компонентах других знаков власти, в частности в легендах и изображениях монет и печатей[216].

Болгария из всех балканских стран более всего «переняла» у Византии государственную символику, сделав это «системно». В определенной степени это сделала и Сербия, а также Румыния[217].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[215] *Андреев Й.* Българските ханове и царе. С. 200.

[216] *Schreiner P.* Probleme der Gräzisierung. S. 113.

[217] Наиболее полным современным описанием византийских инсигний является многостраничная статья: Insignien // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. S. 369—487. Авторы собрали огромный материал от истоков появления инсигний у римских императоров (в основе изображения на монетах), трансформации их, начиная с Константина Великого, на протяжении столетий вплоть до XV в. Монеты, печати, миниатюры, фрески, скульптура и проч. — все изображения византийских императоров, выявленные авторами в музеях и книгохранилищах различных западноевропейских стран, тщательно проанализированные сообщения византийских писателей, отмеченные предшественниками и выявленные вновь, получили подробнейшее изложение в XVI разделах — от короны до суппедиона. В конце очерка авторы поместили небольшой раздел под названием «Заимствование византийских императорских инсигний правителями других государств». К последним относятся прежде всего Болгария и Сербия (s. 487—494).

Болгария, по мнению авторов, заимствовала византийское императорское облачение исключительно полно, о чем сообщалось выше. В Сербии можно говорить об определенном заимствовании византийского императорского облачения со времени коронации Стефана Первовенчанного из рода Неманичей. В 1217 г. он получил королевский титул от римского папы, а в 1219 г. коронован по православному обряду. Известны отдельные императорские инсигнии у его преемников: у Стефана Уроша I и его сына Стефана Драгутина (XIII в.). Стефан Душан, король Сербии с 1331 г. и царь — с 1346 г. (после провозглашения сербской архиепископии патриархией), представлен на фреске одной из сербских церквей вместе со своей супругой Еленой, сестрой болгарского царя Ивана Александра, в полном императорском облачении. К сожалению, мне не довелось детально ознакомиться ко времени написания статьи с многочисленными трудами о сербских знаках власти. В последний момент удалось просмотреть очень содержательную работу: *Марјановиъ-Душаниъ С.* Владарски инсигније и државна симболика у Србији од XIII

Древней Руси в очерке о влиянии византийских инсигний на славянский

до XV века. — Београд, 1994. Автор выделяет такие инсигнии, как престол («област српског престола» — это земли, находящиеся под самодержавной властью Неманичей); корона, которая в сербских письменных источниках называется «венец». Известно и использование наименования для короны греческого слова «стемма» в период царствования Стефана Душана. От Византии же в Сербию перешло и слово «диадема», что в сербских средневековых источниках обычно означает не корону, а другую инсигнию — лорос (лор). Автор приводит сведения из трактата Псевдо-Кодина, который сообщает, что в Византии времени Палеологов слово «диадема» означало другую инсигнию — лор. Византийский автор поясняет, что некогда «диадема» означала то, что сейчас зовется «стеммой». (Подобные сведения об изменении в поздневизантийское время имперских символов мы находим также в вышеупомянутой работе И. Гошева, который пишет, что эпохе XII—XIII вв. «уже почти не знаком старый лор, прежняя стемма и хламида. Теперь греки не используют свободный лор. Его заменяет пришитая к хитону (теперь называемому саккос) отделка, состоящая из полос дорогой материи, унизанных жемчугом и драгоценными камнями. Эта отделка пришита спереди саккоса и наверху покрывает плечи (маниакион). …И корона императора выглядит по-другому: теперь корона, которая имеет уже форму полусферы, не только охватывает, но и покрывает голову императора. От старого лора остался только тот свободный конец полосы материи, который еще с древнейших времен императоры носят на левой руке, так что эта полоса выглядит, как пояс, и называется диадема». Изображения византийских императоров, по мнению Гошева, после XII в. и далее вплоть до последнего года существования Византийской империи свидетельствуют о новшествах в их облачении. «Акакия нарисована в особом виде: вместо мешочка из пурпурной материи… в левой руке императора можно видеть удлиненную коробку округлой формы, завернутую в материю пурпурного цвета, которая снаружи имеет форму небольшого пергаментного свитка» (*Goschew I.* Op. cit. S. 160—161). Кроме трона и короны упоминаются такие знаки власти, как скипетр, держава, акакия, но особенно выделяется крест. Причем не тот крест, который представляет собой навершие скипетра, но особый нагрудный крест, который, как подчеркивает автор, имеет характер властного знака, входит в число инсигний. Он обычно заключает в себе частицу Животворящего Креста Господня. Особо выделяет автор среди инсигний военные, принадлежавшие средневековым сербским правителям: шлем, щит и особенно копье, которому сербские летописцы придавали характер главной военной инсигнии христианского правителя.

Сербские средневековые фрески дают возможность представить облачение правителя. Общее название этого облачения — «царские ризы» (свиты). Для пурпурной хламиды использован термин «багряница» (чрьвлюница). Вверху она была украшена широким воротником (ожерельем), который Псевдо-Кодин называет *маниакион*, а сербы — *коларинъ*. Среди инсигний называется также и лор, который сербскими источниками обозначается как пояс, а от XIV в. — как диадема. Особо выделяется обувь правителя (ципеле? сапог). Интересно, что Марьянович-Душанич на основании работ предшественников и письменных источников особенно выделяет среди царских одежд именно пояс. В сцене инвеституры король Драгутин передает новому правителю знаки наивысшей власти: золото, хламиду (златотканую) и золотой пояс. В средневековых сообщениях имеются сведения, что багреница и пояс, украшенный бисером, принадлежали к властным знакам и вместе с короной и престолом были наследственными (Там же. С. 35). Пояс воспринимается в письменных источниках как символ мужества и зрелости, символ передачи высшей власти. Причем — и божественной власти. Речь идет о действии (легендарном), когда Бог или архангел Михаил «опоясывают» сербского правителя силой, т. е. оружием (чаще всего мечом). Марьянович-Душанич сопровождает свою работу описанием и каталогом монет и печатей сербских правителей, роль которых в развитии отечественной сфрагистики в свое время анализировалась автором данного очерка (*Соболева Н. А.* О становлении восковой печати в Северо-Восточной Руси //

мир отведено незначительное место. Так же, как когда-то отмечал Шрамм, современные западноевропейские исследователи мало знают об атрибутах власти русских государей (пожалуй, за исключением шапки Мономаха), возможно, из-за незнания русского языка.

Относительно влияния или какого-либо заимствования атрибутов власти у Византии в известном словаре (*Reallexikon zur byzantinischen Kunst*) сообщается, что киевские великие князья и удельные князья Руси «в общем не переняли византийское императорское облачение». Приводятся лишь два примера византийского влияния на княжескую одежду русских князей из так называемого Кодекса Гертруды (XI в.). Миниатюры, изображающие владимиро-волынского князя Ярополка (Петра) и его супругу Ирину, которых подводят для коронации к Христу апостол Петр и св. Ирина, выполнены «наполовину в немецком, наполовину в византийском стиле»: князь изображен в роскошной хламиде и диветисии, княгиня — в роскошной мантии. Однако короны с дугами носят, скорее, немецкий характер, да и сам сюжет

Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 128—129).

Вопрос о влиянии Византии на формирование атрибутов власти не только в странах «византийского региона», но и о значимости этих влияний на общеевропейскую символику власти, неоднократно поднимался в литературе еще представителями школы Шрамма. Например, в статье одного из известных соавторов П. Э. Шрамма Й. Деера (*Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 50. H. 2. 1957. S. 405—436) присутствует не только критика Шрамма в отношении его приверженности к ранненемецким истокам ряда инсигний, игнорировании общеимперских, прежде всего, античных традиций их появления, о чем говорят прежде всего изображения правителей на римских и ранневизантийских монетах, но и приводятся вполне конкретные данные об использовании лора как части консульского костюма римских и византийских императоров в Европе еще во времена Меровингов, Оттона II. Деер опровергает утверждения Шрамма о «северном» происхождении копья как инсигнии, указывая, что копье играло важную роль в византийском триумфе и в V—VI вв. является уже знаком власти. Интересные аргументы приводятся автором в пользу византийских аналогов дуговой короне Западной Европы, тем более что в источниках существует известие о том, что корона с дугами Вильгельма Завоевателя была изготовлена византийским золотых дел мастером.

В отечественной литературе также имеются неоднократные упоминания об использовании византийских инсигний, в частности императорских одеяний, западноевропейскими монархами, подражательством в скреплении документов вислыми металлическими печатями — буллами по византийскому образцу. Германские императоры даже стали рассылать грамоты по типу византийских хрисовулов — с золотыми печатями и т. д. (*Уколова В. И., Бородин О. Р.* Византия и Запад: культурные отношения в VII—XII вв. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 110—139. Авторы, на наш взгляд, справедливо не абсолютизируют мысль о «двух христианских мирах», подчеркивая, что исследуемый ими разнообразный источниковый материал «подводит и к некоторым иным дефинициям. При всей сложности культурных, конфессиональных и в особенности политических взаимоотношений византийского Востока и латинского Запада они существовали, обогащая друг друга, как две подсистемы одной структуры христианской средневековой цивилизации» (Там же. С. 139). О влиянии византийских инсигний на облачение западноевропейских правителей см. также: *Муртузалиев С. И.* Инсигнии и облачение европейских королей Средневековья // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе. С. 65—69.

Печать польского короля Сигизмунда I с размещенными на ней гербами подвластных земель. 1546 г.

коронования, как считают авторы, не является в данном варианте византийским, поэтому «на русской почве» он выглядит случайным. Авторы заключают, что немногочисленные и искаженные примеры передачи в русских фресках и миниатюрах византийского императорского облачения показывают, что оно не было перенято в России. «И развитие теории о Третьем Риме не приводит к принятию императорского облачения Палеологов, несмотря на то что был перенят их герб — двуглавый орел»[218].

Еще один крупный европейский словарь (*Lexikon des Mittelalters*) в разделе «Церемонии» описывает «интронизацию» русских правителей согласно отечественной российской историографической традиции[219]. Имеется сообщение от конца XI в., что претендент на киевский престол встречен был у ворот города епископом со святым крестом, «по обычаю» отведен в церковь, потом в великокняжеский дом, приняв «престол отца и деда своего с миром»[220].

Замечательный знаток русского и византийского искусства Н. П. Кондаков в одной из своих работ замечал: «…Обзор сведений о том, как князья возводились на княжение, показывает с достаточной убедительностью, что особо вручаемых знаков власти при возведении на великокняжеский престол или вовсе не было, и церемония ограничивалась церковною службою, благословением, многолетием, посажением на стол в церкви и всенародным объявлением, или же эти знаки придумывались на каждый раз, смотря по тому, что было под рукой, какой, например, даже византийский сан уже имел великий князь, хотя последний случай был,

[218] Reallexikon zur byzantinischen Kunst. S. 491. Сведения, приводимые западноевропейскими специалистами, как видим, весьма куцые. См. *Кондаков Н. П.* Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906. С. 27—35.

[219] Lexikon des Mittelalters. Bd. 9. S. 574—575.

[220] *Успенский Гавриил.* Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818. С. 221. Ряд авторов описывают вступление на княжество русских князей как «посажение на стол» (напр.: *Белозерская Н.* Указ. соч. С. 3—4; *Пятницкий П. П.* Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М., 1896. С. 2—4); *Барсов Е. В.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами // ЧОИДР. М., 1883, январь — март. С. I—XXXV.

по-видимому, в эпоху уделов крайней редкостью»[221]. Далее автор подчеркивает, что все свидетельства о царском венчании Владимира Мономаха относятся к XVI в. и «признаны ныне историческою критикою неправдоподобными… Напротив того, занесенная в письменность того же времени легенда о венчании Владимира Святого признается ныне преданием, уцелевшим, быть может, от исторического факта, который остался неотмеченным»[222].

В целом же за неимением сведений в источниках о подробных церемониальных действиях, характеризующих вступление на престол русских князей, большинство исследователей сходятся во мнении, что ни коронование, ни помазание на царство не являлись составной частью этого церемониала[223]. Кэмпфер замечает: «…русское изображение властителя характеризуется отсутствием изображений коронации и инвеституры, которые довольно часты в других регионах византийского культурного круга»[224] (см. выше).

Если в русских землях совершался церемониал возведения на престол с коронацией, то наличие короны и возлагающего ее высшего духовного лица (епископа) также известно, о чем сообщает Галицко-Волынская летопись[225].

Кондаков, пожалуй более других отечественных историков изучавший церемониал интронизации в Византии и на Руси, писал, что «для русского великого князя церемониальным облачением в X столетии могли быть мантия и клобук»[226]. Далее он заключал, что клобуку соответствует византийское понятие *скиадия*, головного убора одного из чинов византийского императорского двора. Принципиально отличается подход в оценке клобука у П. Савваитова. По его мнению, термин *клобук* скорее тюркский, а сам *клобук* — колпак с меховым околышем — это древнейший вид шапок у русских, у князей известен с XI в.[227] Кэмпфер полагает, что киевские великие князья, а позднее владимиро-суздальские ввиду отсутствия

◇◇

[221] *Кондаков Н. П., Толстой И. И.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1897. С. 41—42.

[222] Там же. С. 42.

[223] Lexikon des Mittelalters. Bd. 9. S. 574.

[224] *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. S. 58.

[225] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 330. Галицко-Волынская летопись XIII в. донесла до нас известие о принятии от римского папы Иннокентия IV Даниилом Романовичем, внуком киевского князя Мстислава Изяславича, королевского сана: «В лето 6763 (1255). Присла папа послы честны, носяще венецъ и скыпетръ и коруну, еже наречеться королевьскый сапъ, рекый: "Сыну, приими от насъ венечь королевьства". Древле бо того прислалъ к нему пискупа Береньского и Каменецького, река ему: "И приими венець королевьства"». Однако сначала галицко-волынский князь не принял предложение папы. Затем под давлением обстоятельств он все-таки принял «дары» Иннокентия IV: «Онъ же венецъ от бога прия, от церкве святыхъ апостолъ, от стола святаго Петра, и от отца своего папы Некентия, и от всих епископовъ своихъ». «Данило же прия от бога венець в городе Дорогычине».

[226] *Кондаков Н. П.* Изображения русской княжеской семьи. С. 89.

[227] *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 57.

короны использовали как знак власти княжеские шапки[228]. В связи с этим любопытным представляется изображение опольского князя Владислава Опольчика (?—1401), правителя Червонной Руси (1372—1378 и 1386—1387), который изображен на своей печати сидящим на троне, но не в короне, а в русской (!) княжеской шапке на голове[229].

Как было показано выше, короне отдается преимущество как главной инсигнии в государствах с королевским, императорским правлением, коронация — это, как правило, легитимация правления. Однако были и исключения. Голову князей, если они были не коронованы, украшала княжеская митра, например в Польше. Как считает польский исследователь З. Пех, в средневековой Польше, а также и Литве вплоть до XVI в. князья использовали головной убор — княжескую митру, причем, по мнению автора, — исключительно некоронованные правители.

Наиболее важным знаком власти в Древней Руси Кэмпфер считает трон[230]. Действительно, главный знак господства в Древней Руси — трон — «стол», «престол». Формула, столь типичная для самого раннего текста «Повести временных лет» — «сел», «посадил» (на княжение), уже предполагает некоторое овеществленное сидение («стол» — лавка, по И. И. Срезневскому), которое очень скоро проявляется в летописях как «стол» — символ верховной власти — престол — «Ярославъ же седе Кыеве на столе отьни и дедни»[231]. «Стол» и «княжение» идентифицируются. Сидеть на столе мог только князь: «на столе Святослава» 1073 г.[232] Первые русские монеты, дошедший до нас вещественный атрибут власти первых русских князей, декларируют власть князя формулой: «Владимир на столе». Они же демонстрируют и форму этого «стола»: скамья без высокой спинки на сребрениках IV типа князей Владимира Святославича, Святополка Владимировича, престол с высокой спинкой на сребрениках III типа Владимира Святославича[233]. Миниатюры лицевых рукописей XIV—XV вв. (прежде всего Сильвестровский сборник XIV в., Радзивилловская летопись XV в.) дают образцы довольно разнообразных в художественном выражении «столов» со спинкой и без нее[234].

[228] *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. S. 58.

[229] *Piekosiński F.* Pieczęcie polskie wieków średnich. Kraków, 1899. P. 261. Благодарю г-на З. Пеха за присланную иллюстрацию.

[230] *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. S. 58.

[231] Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 156.

[232] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880. Л. 61 об.

[233] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1983. С. 161, 174, 180.

[234] Выше отмечалась роль трона как инсигнии в Сербии. Аналогичные примеры можно найти и в некоторых других странах. С установлением власти было связано восшествие на каменный (!) престол чешского князя в Пражском Граде. Этот обычай, символизирующий установление власти, поддерживали все Пржемысловичи, независимо от того, каким путем они достигли власти: путем выборов или насилия. Обряд вступления на престол Пржемысловичей имел свои традиции. В частности, ему сопутствовало разбрасывание монет (известно, что похожее

Кроме трона, княжеской шапки, к инсигниям древнерусских князей можно отнести также длинный плащ. Как пишет Н. П. Кондаков, «подобно византийским мантиям и хламидам корзно было первоначально общеевропейским верхним плащом, но стало великокняжескою инсигниею, вероятно, уже в X столетии. Равно и шапка, или клобук, надетый на великого князя, посаженного на престоле, являлся также княжескою священною утварью, подобно его мантии или мятлю»[235]. Кондаков, следовательно, называет мантию или плащ типа мантии *корзно*. Однако у Савваитова приведены сведения о названии княжеского плаща также коцем (кочем)[236].

Можно привести в доказательство последнего факта один из эпизодов «Сказания о благоверном князе Михаиле Черниговском и боярине его Федоре», созданного в XIII в. В наиболее ранних дошедших до нас списках XIV—XV вв. рассказывается о княжеском жесте, который сделал князь Михаил в ответ на уговоры приближенных покориться татарскому хану: «Тогда Михаил сойма коцъ свой, и верже к ним

действо сопровождало «посвящение» в государи Дмитрия-внука в Москве), которое сопровождало князя на пути к престолу и после восшествия на него (*Гаскова Ярмила.* Монеты в древнейших чешских коронациях // Нумизматический сборник. 1998. Государственный Эрмитаж. СПб., 1998. С. 45—50). Значимость трона, как видим, для власти была высока, особенно в княжествах, чьи правители не были коронованы. Государство Пржемысловичей было одним из сильных в средневековой Европе, однако до начала XIII в. оно являлось всего лишь наследственным княжеством. Вступление на чешский престол не зависело от коронации и получения особых знаков. В X и XI вв. чешский князь просто должен был быть из рода Пржемысловичей (*Skybová Anna.* České královské korunovačni klenoty. Praha, 1982. S. 6). Однако с развитием общества в государстве Пржемысловцев изменились и обряды, связанные со вступлением на престол. Князья боролись за королевский титул, а следовательно, и за знаки власти. В западноевропейском средневековом обществе примерно с X в. право наделять королевским титулом имели два представителя этого общества: духовный глава христианского мира — папа и светский глава — король либо император Священной Римской империи. Два чешских князя в XI в. получили княжеские митры (личные), затем в 1085 г. Вратислав I был «повышен» — помазан королем, на голову ему была надета королевская корона. Но это было личное коронование, которое не предполагало передачу короны наследникам. Наконец, в 1212 г. при короле Пржемысле Отакаре I чешское княжество стало наследственным королевством: каждый вступающий на трон правитель должен был короноваться чешскою короною как чешский король, а его жена — как королева. Архиепископ совершал помазание, а затем надевал правителю корону. Чешские инсигнии времени Пржемысловцев не сохранились. Самой древней сохранившейся инсигнией является королевская корона, впервые использованная при коронации 1347 г. Карла IV в Праге. Карл IV был представителем уже новой династии, но он стремился сохранить связь с династией Пржемысловичей, к которой он принадлежал по матери, поэтому, несколько видоизменив прежнюю корону, сохранил ее при помощи особой охранной буллы папы Климента VI. В документе предписывалось хранить корону вечно на голове одного из Пржемысловичей — князя Вацлава (святого), убитого еще в X в., который таким образом стал символическим хранителем чешской королевской короны (*Skybová Anna.* Op. cit). Чешские королевские коронационные регалии: корона, скипетр, держава, а также накидка, мантия, шапочки, пояс и меч — хранятся как самые дорогие реликвии государства Чехии в Пражском Граде.

[235] *Кондаков Н. П.* Изображение русской княжеской семьи. С. 95.

[236] *Савваитов П.* Указ. соч. С. 62.

гля, приимите славоу света сего, ея же вы хощете»[237]. Савваитов приводит пример упоминания корзна уже в XII в.

В источниках сообщаются сведения о княжеской одежде и обуви (сапоги) — в них изображаются князья на фресках и миниатюрах. Однако четко отделить княжеское одеяние от одежд других богатых и знатных людей вряд ли возможно, ибо не только князья в Древней Руси носили золотые гривны, «багьру», «очерьвлену и багряну оденью» — красную одежду и обувь[238]. Запрета па пурпур и красную обувь, что принадлежали в Византии исключительно императорам, на Руси не существовало.

Княжеским знакам власти Древней Руси посвящен ряд работ. Властные символы вполне укладываются в схему подобных знаков соседних с нею государств, где существовало княжеское правление, хотя, несомненно, их комплекс имеет специфику, обусловленную отчасти недостаточной полнотой источников, отчасти недостаточностью представлений о власти, а следовательно, и о ее символах[239].

Специфика древнерусской государственности нашла отражение в особой символике первых монет (право чеканки монеты со времен Рима — наивысшая прерогатива верховной власти, и выбор изображений на ней — также ее привилегия) и печатей. Речь идет об изображении на первых русских монетах — златниках и сребрениках (конец X — начало XI в.) — фигуры трезубца, получившей в литературе название «знака Рюриковичей», «герба Рюриковичей»[240]. Златники являются подражанием одновременным византийским монетам (номисмам Василия II и Константина VIII) с изображением правителя и Иисуса Христа. У левого плеча правителя расположен знак (трезубец), который в последующих (вслед за первым типом) выпусках серебряных монет заменил образ Христа. Ранний чекан некоторых народов дает совмещение вполне цивилизованного изображения с предметом древних верований (на англосаксонских монетах, например, — изображение змеи или дракона, олицетворяющего чудовищное божество Вотана (Вотан — Один))[241].

Знак, помещенный вместо Иисуса Христа на важнейший властный атрибут, вряд ли можно увязать исключительно с княжеским хозяйством (знак собственности), чем он мог впоследствии оказаться. Думается, что помещение на древнерус-

[237] *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 58.

[238] Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 9.

[239] См. об этом: *Соболева Н. А.* К вопросу о символике власти в контексте развития русской государственности // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 299—310; *Sobolewa Nadieżda A.* Znaki władzy książęcej na Rusi Kijowskiej // Imagines Potestatis. S. 170—184.

[240] Детальное изложение материала о трезубце содержится в статье: *Соболева Н. А.* Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евразийская идея» // Хранитель, исследователь, учитель. Сб. статей к 85-летию В. М. Потина. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2005. С. 33—68. Статья перепечатана в книге: *Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики. С. 15—66.

[241] *Engel A., Serrure R.* Traité de Numismatique du Moyen Age. Vol. I. Paris, 1891. P. XL, 164—183.

ских монетах, на этом главном показателе престижности власти, древних символов является напоминанием о более ранних представлениях о ней.

Есть предположение, что в качестве знака Рюриковичей были приняты языческие и культовые символы, магическая природа которых несомненна.

Раскрыть семантику «загадочного» знака помогли работы ученых Болгарии, где существовали двузубцы и трезубцы даже после принятия этой страной христианства, а также исследования археолога В. Е. Флеровой, посвященные аналогичным хазарским знакам, отражающим систему верований хазар. В них можно выделить не столько тюркские, сколько иранские традиции сакральной образности (трезубец помещается па печатях как храмовый знак, трилистник изображен на печати одного из магов), транслировавшиеся в славянские общности через хазарское посредничество. Скорее всего, это сакральный магический символ, реликт языческих верований, соответствовавший архаическим представлениям о трехчастности миропорядка: правитель мыслится как воплощение трех богов — небесного, земного и подземной сферы. Наверное, корни этого феномена кроются в самой глубокой древности, уходя в эпоху, когда южнорусские степи служили одной из областей обитания носителей индоевропейской культуры[242]. Позднее данный факт обусловил преобладание иранизмов в образах мышления хазар. В VIII—IX вв. Хазарскому каганату, почти равному по силе и могуществу Византийской империи и Арабскому халифату, принадлежало ведущее место в истории южных земель Восточной Европы, и именно Хазария была первым государством, с которым вступила в контакт Русь на начальных этапах своей государственности[243]. О взаимоотношении салтово-маяцкой хазарской культуры и славянской волынцевской культуры в Днепровско-Донском междуречье свидетельствуют археологические находки. Знаки-тамги на керамике и других предметах, обнаруженные в Киеве и Саркеле, исключительно схожи.

Этнокультурные контакты между славянами Левобережья и Правобережья Днепра (Киев) и жителями Хазарии могут являться причиной некоторых чисто внешних, в том числе графических, заимствований, однако вряд ли к таковым относится принятие славянскими правителями титула «каган». Этим титулом русский правитель обозначался в западноевропейских и восточных источниках IX—X вв.[244] Считается, что принятие титула «каган» произошло в 20—30-е гг. IX в. «В это время хакан хазар был реальным властителем, которого считали царем»[245]. Известно, что в середине IX в. Русь представляла значительную силу, и принятие самого известного

[242] Мифы народов мира. Т. I. М., 1987. С. 527.

[243] *Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2002. С. 64.

[244] *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159; *Он же.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. 1991. № 2—3. С. 8—9 и след.; *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 108—135; и другие авторы.

[245] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 138—139.

в регионе титула ее правителем вводило Русь (политическое объединение во главе с Киевом) в международную общественную жизнь. Поэтому в принятии правителями русов этого восточного титула следует видеть не столько следствие культурного и политического общения с хазарами, сколько своеобразную самоидентификацию, обусловленную прежде всего внешнеполитическими обстоятельствами[246].

Как показано выше, болгарский хан в IX в. вовне выглядел как правитель, который по компетенции власти был сравним с византийским императором. Болгарские правители и понимали свой титул «великий хан» (каган) как императорский, силой оружия доказывая равенство с Византией.

В староболгарских источниках X—XI вв. правителя болгар («великого хана») называли «цесарь» в значении василевс — император с производными «царский», «царство», идентифицируя, таким образом, понятия и термины «каган» и «царь».

Первый русский митрополит, церковно-политический деятель XI в. Иларион, в «Слове о Законе и Благодати» воздает хвалу «каганоу нашемоу влодимероу. От него лее крщени быхомъ»[247]. Вряд ли именование Владимира Святославича «каганом нашим» (в «Слове о Законе и Благодати» — несколько раз) можно охарактеризовать только как риторический прием. Ведь позднее, когда Ярослав Мудрый (предположительно между 1037 и 1050 гг.), собрав епископов в Софии Киевской, возвел Илариона на метрополичий стол, Иларион сделал особую запись[248] («Быша же си в лето 6559 владычествующу благоверьному кагану Ярославу сну Владимирю»), где «каган Ярослав» звучит как констатация. Иларион, судя по тексту «Слова», вполне естественно совмещает христианские и языческие имена Владимира (Василий) и Ярослава (Георгий), называя их все-таки каганами.

Во вполне «прозаичной» надписи на стене Софии Киевской — «Спаси, Господи, кагана нашего» — подобным образом назван сын Ярослава Владимировича Святослав Ярославич, правивший в Киеве в 1073—1076 гг. Рядом — рисунок трезубца[249].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[246] Об этом подробнее: *Коновалова И. Г.* Указ. соч. См. также: *Калинина Т. М.* Восточноевропейские правители по данным арабо-персидских географов X в. // Анфологион. С. 76—89. Автор исследует письменный памятник IX в. — «Анонимную записку» о народах Восточной Европы, где приводятся сведения о русах и, в частности, о том, что их малик (правитель) «прозывался хакан-рус». Т. М. Калинина приводит также различные мнения ученых о причинах заимствования хазарского титула «каган» царем русов: стремление возвысить статус государства, титул «каган» употреблялся у русов как сакральный, титул был воспринят от авар, с которыми славяне имели долгие исторические контакты (Указ. соч. С. 84).

[247] *Молдован А. М.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 78.

[248] Там же. С. 4, 7. Рис. 2. См. также: *Жданов И. Н.* Сочинения. СПб., 1904. С. 23, 33.

[249] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966. С. 49. Табл. XVII—XVIII; С. 110—111. Табл. XIX, I; XX, I. В монографии двух британских историков, перевод которой недавно был опубликован в России, особо отмечается, что символом власти, которым пользовались русские правители, была *tamga*. Далее они пишут: «…на монетах, несомненно отчеканенных его (Святослава Игоревича. — *Н. С.*) сыном Владимиром, присутствуют эмблемы — что-то напоминающее вилы или трезубцы, которые похожи на те, что найдены в поселениях хазар, имевших какое-то отношение к хагану. Эти эмблемы вполне могли быть

Думается, что надпись на стене того же Софийского храма: «В лето 6562 (1054 г.) месяца феврари 20 усъпене (кончина) царя нашего…», которую связывают с Ярославом Мудрым, свидетельствует, что «каганство» последнего позволяет называть его «царем».

Следует отметить синхронное существование властного символа «тризуба» и титула «каган». Почти одновременно с ним исчезают и знаки Рюриковичей: в середине XII или начале XIII в.[250]

Летописи и другие древнерусские источники именовали русского правителя «единодержцем земли своей», «самовластием Русской земли». «Единодержец» и «самовластец», т. е. монократор и автократор, ассоциировались в Византии, Болгарии, Сербии с императорским титулом[251], что позволяло некоторым исследователям (отечественным и зарубежным) считать правителя Руси в XI в. императором, а Русское государство — империей («империей Рюриковичей»)[252].

Термин «царь» (и производные — «царство», «царский», «царствовати» и т. д.) в русских письменных источниках до XVI в., когда титул «царь» официально принял в 1547 г. Иван Васильевич (Грозный), встречается многократно. Его применение на протяжении столетий исследовали зарубежные ученые В. Водов и А. Поппе. Данной проблеме посвятили статьи и отечественные исследователи — Я. Н. Щапов, А. А. Горский. Проф. Водов считает, что отдельные появления титула «цесарь» (царь),

заимствованы у хазар князьями русов в более раннее время. Используя их, днепровские русы могли демонстрировать законность своей власти, которую прежде придавал их верховному князю титул chaganus, или хагана» (*Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 720—1200. СПб., 2009. С. 197).

[250] *Орешников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 35, 37; *Янин В. Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 62. 1956. С. 16; Б. А. Рыбаков считает, что «знаки Рюриковичей» исчезают в середине XII в. (*Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА. 1940. Кн. VI. С. 223—257. Справедливо, на наш взгляд, замечание В. Я. Петрухина: «Титул каган в летописи не применялся к русским князьям… но оставался престижным в русской княжеской традиции до тех пор, пока актуальным оставалось хазарское наследие» (*Петрухин В. Я.* О власти русского князя в древнейший период // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе. С. 72).

[251] *Соловьев А. В.* О печати и титуле Владимира Святого // Byzantinoslavica. 1947. Т. 9. № 1. С. 35—39; *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 329—330.

[252] Возражая против подобного определения, Г. Г. Литаврин писал: «Равноценный византийскому титулу смысл этот термин ("самодержец") приобрел лишь в соединении с титулом "император" (василевс), поскольку определение "самодержец" указывало только на власть над независимой страной, но не было непременно связано с царским достоинством» (*Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 329).

Об «отрыве» понятия «самодержец» от царского сана писал также А. В. Соловьев, приводя пример Сербии, где титул «самодержец» применяется для обозначения государя, хотя он вовсе не имеет еще царского сана. «Так, сербские короли XIII века не успели еще стать царями, но постоянно называют себя "краль и самодрьжьць", подчеркивая этим свое международно-правовое положение» (*Соловьев А. В.* Указ. соч. С. 39).

если даже допускаются некоторые выводы о понимании сущности княжеской власти в придворной и церковной среде, в Древней Руси царь (император) никогда не стал бы титулом, связанным с институтом власти, пока этот титул не принял Иван IV[253]. Подобное же заключение делает А. Поппе: «Пусть даже у Киевской Руси устанавливаются некоторые характерные черты империи, в целом это понятие плохо подходит к русской истории»[254]. Я. Н. Щапов на основе различных источников проследил варианты использования термина «царь» и производных от него[255]. Он отмечает, что применение царской титулатуры в Древней Руси не ограничивается только киевским столом и великим княжением, а с XIV в. «быть царем в своей земле» становится формулой чуть ли не для любого главы княжества. Кроме того, с этого времени все более подчеркивается принадлежность царской титулатуры предкам — князьям Киевской Руси. В XV в. наблюдаются попытки, в частности, у московских великих князей сопоставить русский царский титул с подобным титулом ордынского владыки[256].

К сожалению, в реальном воплощении «царский титул» не нашел применения в «империи Рюриковичей», т. е. он отсутствует в легендах монет и печатей, до определенного времени термины «князь» и «великий князь» фигурируют в дипломатической переписке. На Руси отсутствует характерная для ее соседей *Majestätssiegel* с сидящим на троне королем или императором с инсигниями в руках.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[253] *Vodoff W.* Remarques sur la valeur du terme «tsar» appliqué aux princes russes avant le milieu du XV siècle // Oxford Slavonic Papers. N. S. 1978. V. XI. P. 40—41.

[254] Das Reich der Rus im 10. und 11. Jahrhundert: Wandel der Ideenwelt // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F. Bd. 28 (1980). H. 3. S. 338.

[255] *Щапов Я. Н.* Достоинство и титул царя на Руси до XVI века // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 7—16.

[256] *Горский А. А.* Представление о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство. С. 17—37.

Современные построения, касающиеся термина «царь», правильным было бы соотнести с высказываниями отечественных филологов и историков конца XIX — начала XX в. По мнению проф. Соболевского, например, слово «цесарь» — «царь» известно с IX в. как народное у болгар, означало вообще государя. «Переводчики Евангелия и других церковных книг постоянно употребляли это слово, когда речь шла о государе, применяя его к государям византийским, еврейским, персидским и т. д. Вместе с книгами слово "царь" в значении государя перешло от болгар к сербам и русским, и у тех и у других быстро вошло в живое употребление». Проф. Соболевский указывал, что русские, по меньшей мере, с XIII в. кроме византийского императора называли царями почти всех тех государей, для которых у них не было исстари установившихся названий (король, князь): ханов золотоордынских, крымских, казанских, астраханских, шемахинских, сибирских, турецких султанов, персидских шахов, владетелей Грузии и т. д. Царями же называли русские поселенных в России (служилых) татарских ханов» (цит. по работе: *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 273). Думается, что проф. Соболевский не видел (по крайней мере с XIII в.) какого-либо отношения термина «царь» к реальной титулатуре именно русских правителей, о «самодержавстве» и «единовластии» которых в этот период вряд ли можно говорить. Чисто литературные традиции вполне могли сохраняться.

Тем не менее все чаще в русских источниках после Куликовской битвы к определению «великий князь» добавляется «царь», «всея Руси царь», «осподарь всей земли Русьской» и т. д. Этот факт фиксирует, в частности, «Слово о житии Дмитрия Ивановича Донского», созданного через несколько лет после кончины великого князя[257]. Сына Дмитрия Ивановича, Василия Дмитриевича, зарубежные корреспонденты называли «кайзер» (император)[258]. Есть сведения, что сам Дмитрий, его отец Иван Иванович и дядя Симеон Гордый именовались в письмах византийского императора и патриарха как «Мегас рекс пасэс Росиас» — «Великий король всей России»[259].

Самостоятельность Василия I как «самодержца всея Руси» проявилась в «некорректном» отношении к византийскому императору, имя которого по распоряжению великого князя приказали не поминать в молитвах, что вызвало неудовольствие константинопольского патриарха. В ответ на его письмо Василий Дмитриевич как будто бы ответил, что «у нас есть церковь, но не император»[260]. Однако вскоре взаимоотношения с византийским правящим домом наладились, в 1411 г. состоялась помолвка, а в 1414 г. свадьба дочери Василия Дмитриевича Анны с Иоанном VIII Палеологом, сыном императора Мануила II Палеолога. Предполагается, что по этому поводу было изготовлено роскошное одеяние «большой саккос Фотия»[261]. Он знаменит не только тем, что представляет собой выдающееся произведение искусства, но и тем, что является отражением некоей иконографической программы, подчеркивающей своеобразное «равенство по рангу» византийского императора (будущего) и русского правителя, ибо несет изображения стоящих рядом двух пар: Иоанна VIII и Анны — Василия Дмитриевича и его супруги Софьи Витовтовны. Разница в одеяниях не может затмить наличие корон на головах Василия I и Софьи, скипетра в руках Василия Дмитриевича.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[257] Об этом: *Салмина М. А.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. Вып. XXV. М.; Л., 1970. С. 81—104.

[258] Так, в договоре между Псковом и Ливонским орденом 1417 г. Василий Дмитриевич назван в немецком тексте «unse here de Rusche keiser» // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 334. См. также: *Vodoff W.* Op. cit. P. 7.

[259] *Соловьев А. В.* Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. Вып. XVII. 1961. С. 103.

[260] Цит. но работе: *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild. S. 150.

[261] Ibid. S. 150—155. Цветное изображение саккоса см.: Medieval pictorial embroidery. Byzantium. Balkans. Rissia. M., 1991. P. 44—49.

В одном из исследований Большого саккоса Фотия отмечается, что он представляет собой политический документ, теологическая программная основа которого могла быть разработана самим Фотием, митрополитом Киевским и всея Руси. Престиж Византии поддерживается тем, что Иоанн VIII и его супруга Анна изображены с нимбами, чем подчеркивается, что император занимал более высокую ступень иерархической лестницы, чем русский правитель, и последний был с этим согласен. — *Théocharis Maria S.* Le sakkos de Photios Métroupolite de Kiev — un document confessionnel et diplomatique // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 418—427.

На протяжении XV в. в титулатуре великих московских князей усиливается «имперскость»: Иван III называл себя царем в грамотах, посылаемых в некоторые государства (например, в балтийские города и государства), но, отправляя грамоты в такие государства, как Польша, Литва, императору Священной Римской империи Максимилиану, крымскому хану, герцогам Мекленбургскому и Саксонскому, он именовал себя великим князем. В ответ они таким же образом титуловали его[262]. Однако от ряда государей он получал договорные грамоты, в которых его называли *kejser*, т. е. император[263]. В конце концов, и император Священной Римской империи назвал Ивана III, а затем Василия III царями (в грамоте 1514 г. Максимилиан назвал Василия III цезарем). Особенно упорно Иван III добивался признания его нового титула литовским князем, обосновав это тем, что «вся Русская земля, Божьей волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина». В результате подобных заявлений русского великого князя по Европе стали распространяться слухи, что Иван III просил у папы королевский или императорский титул, отправив к нему специальных послов. Особенно беспокоилась по этому поводу Польша. Этот слух, по-видимому, не подтвердился. Реальными являются заявления послов, отправляемых Иваном III в соседние страны, которым московский великий князь давал наказы говорить о себе следующее: «…мы Божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детем и до века в том быти, как есмя ныне Государи на своей земле, а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»[264].

Нельзя не согласиться с выдающимся знатоком источников и лучшим специалистом по эпохе Ивана III Ю. Г. Алексеевым, который дает следующую оценку вышеприведенным словам: «Так в терминах средневекового миропонимания была впервые сформулирована доктрина полной суверенности Русского государства и исторической преемственности его традиций. Это имело и практическое, и теоретическое принципиальное значение. Русское государство, выходя на широкую международную арену, подчеркивало свою полную независимость и равноправие с Империей»[265].

Действительно, в 1489 г. Иван III отказался от предложения императора Фридриха III, обещавшего через своего представителя королевскую корону. Русские послы постоянно должны были подчеркивать «самодержавство», силу, своего рода идентичность русского великого князя императору Священной Римской империи, говоря: «И цесарь и сын его Максимиан государи великие, а наш государь

[262] *Савва В. И.* Указ. соч. С. 276.

[263] *Успенский Б. А.* Царь и император. С. 44.

[264] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. СПб., 1851. С. 12.

[265] *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч. С. 188.

великий ж государь»[266]. Однако, как пишет доктор исторических паук Ю. Г. Алексеев, Иван III был прежде всего «разумный самодержец», дальновидный прагматик, с широким кругозором и стратегической масштабностью мышления[267]. Поэтому типовые заявления русских послов на общеевропейском поле не были случайными. Они вкупе с действиями Ивана III (чеканкой престижных золотых монет по западноевропейскому образцу, стремлением породниться с правящими европейскими домами, претензией на новый титул, коронацией внука Дмитрия на великое княжение, при которой, возможно, сам Иван III мог считаться императором — по типу Священной Римской империи, где существовали титулы короля и императора и т. д.) недвусмысленно свидетельствуют о желании великого московского князя занять высокое императорское место в ряду европейских монархов.

В подобном контексте требует объяснений торжественная церемония, состоявшаяся 4 февраля 1498 г. в Успенском соборе, когда в присутствии митрополита и всего освященного собора великий князь Иван Васильевич благословил своего внука Дмитрия великим княжением Владимирским и Московским, и Новгородским и возложил на него золотую шапку, названную вскоре Мономаховой. Митрополит Симон назвал Ивана Васильевича «православным царем и самодержцем».

Это венчание подробно описано летописцем, упоминающим инсигнии, которые возлагал на внука Иван III — мономахов венец и бармы, а на пиру он «подарил» внуку «крест с золотою цепью, пояс, осыпанный драгоценными каменьями, и сердоликовую крабицу Августа Цесаря»[268]. Буквально через 3 года Дмитрий вместе с матерью Еленой Стефановной попал в опалу, и сын Софьи Палеолог Василий был объявлен наследником великого московского князя.

Как пишет Ю. Г. Алексеев, конкретные причины «отставки» Дмитрия и замены его Василием «остаются тайной», но все-таки характеризуют действия Ивана III как внутригосударственный «династический кризис». Однако американский ученый Г. Эйлиф, также уверенный в прагматике действий великого московского князя, считает, что «тема коронации преемника» стала известна на Западе. Г. Эйлиф выстраивает убедительную систему доказательств борьбы Ивана III за признание его императором. Он показывает действия Ивана III в этом направлении внутри страны и за ее пределами, причем эти действия начались еще до женитьбы на византийской принцессе. Сама женитьба, таким образом, вплетается в контекст притязаний на императорский титул, не являясь отправной точкой[269].

О Василии III австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, дважды в его правление побывавший в Московии, пишет, что поскольку его племянник Дмитрий еще при жизни его отца Ивана III был «избран… законным монархом», то он «ни при жизни племянника, ни впоследствии по его смерти… не желал подвергнуть

[266] Памятники дипломатических сношений. С. 18.

[267] *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч. С. 226—227.

[268] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. II. Т. VI. М., 1989. Гл. VI. С. 173.

[269] *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy.

себя торжественному избранию в монархи. Он во многом подражал отцу и сохранил в целости то, что тот ему оставил…»[270].

Василий III, как и его отец, называет себя «царем», а в ответных грамотах его «пишут императором» в ряде стран (Швеция, Дания, Ливонский орден, Тевтонский орден и др.). Б. А. Успенский приводит ссылку на один из хронографов, в котором говорится, что Василий III «титлу великия державы себе состави и тако в посольских грамотах и в летописных историях писати себе повеле, им же званьем в руской земле даже и от великаго князя Рюрика никто от рода их таковым самодержательством не писашеся и не нарицашеся, якоже сице сей: Божиею милостию царь и великий князь… и всея Русии государь и обладатель»[271].

По Европе снова распространялись слухи, что «московский государь домогался царского титула от папы или от императора»[272]. На деле, как пишет В. И. Савва, «ни дед, ни отец Иоанна IV не требовали признания за ними царского титула со стороны тех государей, с которыми имели сношения. Первый потребовал такого признания Иоанн IV»[273].

С. Герберштейн заметил в адрес Василия III, что тот «сам сделал себя царем и императором»[274]. В более пространном изложении вопроса он подчеркивает, что ни император Священной Римской империи, ни его внуки, а также папа «не даровали русскому правителю имени царя»: «Да и зачем московиту просить у императора Максимилиана этот титул, если он еще прежде каких-либо сношений между ними хотел показать себя не только равным ему, но даже и высшим, ставя всегда и в речах, и на письме свое имя и титул впереди императорского…»[275]

В процессе явных дипломатических притязаний русских государей на императорский титул, что было обусловлено меняющейся политической ситуацией, связанной с освобождением от чужеземного ига, образованием единого Русского государства с сильной княжеской властью и центром — Москвой, в процессе завоевания новых позиций на международной арене и осознания значимости собственной государственности в контексте европейской цивилизации Московия в начале XVI в. обрела две внутренне сопряженные идеологемы — «Кесарь Август» и «Москва — Третий Рим». Они не имели «общественной равнозначности», как пишет А. С. Мыльников (версия о римском происхождении московских государей в статусе династической идеологемы неоднократно воспроизводилась в офи-

[270] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 68.

[271] *Успенский Б. А.* Царь и император. С. 89.

[272] *Савва В. И.* Указ. соч. С. 284. Опять-таки особенно волновались поляки. Польский посол должен был передать папе от имени короля следующее: «наш специальный и народа нашего интерес, чтобы Московит никогда не получил королевского титула». О. Пирлинг, исследовавший ватиканские архивы, отмечает, что «нет никаких данных, которые свидетельствовали бы, что Василий III просил в Риме королевской короны» (*Савва В. И.* Указ. соч. С. 326).

[273] Там же. С. 285.

[274] *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 74.

[275] Там же. С. 77.

циальных источниках, а теория «Третьего Рима» «не прижилась» в них), однако глубинную «имперскость» можно проследить и в той и в другой идеологической конструкции. Неслучайно они появились практически одновременно (подробно см. в работе: *Мыльников А. С.* Указ. соч.).

В одну из этих идеологем («Кесарь Август») включен сюжет об инсигниях. На практике они демонстрировались в 1498 г. при венчании Дмитрия-внука. Наипервейшую роль они сыграли в дальнейшем при обосновании законности власти и царского титула Ивана IV, который приложил немало усилий к систематизации и «инновациям» атрибутов власти[276].

Выше показывалось, что проблемы состава, номенклатуры и дефиниций знаков власти, их роли в легитимации последней и выявлении характерных параметров ее развития в ряде стран остаются. К ним относится и Россия, прежде всего из-за прерывистости своей истории и, как следствие этого, недостаточного количества источников, относящихся, в частности, к потестарной имагологии. Это, пожалуй, самое простое объяснение, с которым соотносятся и другие, воссозданные на основе определенных стереотипов складывания инсигний в разных европейских странах (см. сн. 149). Ф. Кэмпфер, например, обращает внимание на тот факт, что русское изображение правителя характеризуется отсутствием его коронации, а также инвеституры, которые довольно часто встречаются в других регионах византийского культурного круга и которые предполагают наличие короны: «Напрашивается предположение, что короны не было… Отсутствие короны и коронационного ритуала во время расцвета Киевской Руси, постоянная "девальвация" роли киевских князей в последующее время и, наконец, господство татар, очевидно, не позволили появиться самостоятельной традиции государственных символов в Древней Руси»[277].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[276] Так, Иван IV неоднократно возражал польскому королю Стефану Баторию, послы которого в 1577 г. не хотели называть русского государя царем, передавая грамоту от короля с возражением по поводу происхождения Ивана IV от Августа. В этом происхождении, по мнению польского короля, ничего не заключалось «крунтовного и правдивого». Далее Стефан Баторий опровергает происхождение Ивана IV от Августа: «чтеши правдивых летописцов, а не тверди басен бахоров твоих; або собе того несмышляй, чого в речы не было николи, яко еси змыслил о Прусе, брате Августовом», утверждая, что у Августа никогда не было брата Пруса, от которого выводят свой род русские цари. Иван IV приводил свои аргументы, утверждая, что он — отчича и дедича, «наследник по Божью изволенью, а не по многомятежному человечества хотению», намекая на выборность польского короля (*Савва В. И.* Указ. соч. С. 313). Не последнее место занимал вопрос о гербе и печати в русско-шведских взаимоотношениях в период Ливонской войны. Иван IV требовал в 1572 г. не только именовать его в титуле «Свейским», по «и прислати образец герб свейской, чтоб тот герб в царьского величества печати был». В ответ он получил от Юхана III, по-видимому, какие-то замечания, что заставило Ивана IV возразить шведскому королю: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа кесаря родством ведемся» (Сборник Имп. Русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910. С. 213, 238).

[277] *Kämpfer B.* Das russische Herrscherbild. S. 58. Примерно то же писал в свое время Н. П. Кондаков (*Кондаков Н. П., Толстой И. И.* Указ. соч. С. 41—42. См. сн. 221 наст. раб.).

Здесь же Кэмпфер добавляет, что в изобразительной сфере отсутствует небесная коронация властителя (столь характерная для Византии) — «маловероятно, что в этом повинна недостаточная сохранность» (см. сн. 172—173).

Заслуживает внимания мнение британских ученых С. Франклина и Д. Шепарда, упоминавшихся выше (см. сн. 249), с восхищением описавших деяния Ярослава Владимировича по культурному преобразованию Руси, Киева, куда он «сумел перенести дух Константинополя», по созданию авторитета власти, где «он выступил подлинным новатором и оставил после себя глубокий след». И тем не менее в главе VI «Трещины на фасаде» они пишут: «…русы существенно отличались от византийцев в ощущении исторических корней, а следовательно, в культурном самосознании. В отличие от константинопольской элиты русы не возводили себя к Римской империи. Для них мир дохристианского Рима, эллинистической культуры был чужд и далек, не имел символического значения, а потому и не занимал особого места на их шкале ценностей. *Их интересовала вера, а не символы и не фетиши имперской преемственности* (курсив мой. — *Я. С.*). У них хватало забот и с тем, чтобы в новой обстановке осознать и заново оценить свое языческое прошлое, а также противостоять все еще живой и враждебной языческой культуре»[278]. Давая оценку сущности знаменитого «Слова о Законе и Благодати», произведению, которое эти же авторы считают словесным памятником эпохи Владимира и Ярослава, они подчеркивают: «Для византийцев история вела к триумфу Византии, для Илариона же русы занимали собственное место "въ всехъ языцехъ", отмеченных Благодатью, а не служили придатком империи "ромеев", как называли себя византийцы»[279].

Как атрибуты власти инсигнии по своему прямому назначению «проявились» при венчании на великое княжение Дмитрия-внука в 1498 г., которое, как принято определять его в историографии, «было совершено по византийскому обряду». Основными инсигниями «императора» издревле были пурпурная мантия и диадема[280]. И как бы ни менялись их типы (в Византии X в., например, это хламида и стемма, где-то — порфира и венец), именно эти два предмета «оставались всегда священною принадлежностью императорского сана». По-видимому, они требовались для церковного венчания и Дмитрия-внука. Как считал А. А. Спицын, один из исследователей Мономаховой шапки, в великокняжеской казне нашлись подходящие для такого случая предметы: золотая шапка (позднее — Мономахова) и бармы (оплечье с бармами)[281]. Кроме церковного обряда Иван III совершил традиционное благословение своего наследника.

Спицын пишет: «Иван III не удовольствовался церковным венчанием: он вне церкви обратился в торжественной речи к братаничам князьям Федору и Ивану

[278] *Франклин С., Шепард Д.* Указ. соч. С. 380.

[279] Там же. С. 339.

[280] *Кондаков Н. П.* Изображение русской княжеской семьи. С. 91.

[281] *Спицын А. А.* К вопросу о Мономаховой шапке // Записки отделения русской и славянской археологии. Вып. 1. Т. VIII. СПб., 1906. С. 1—21.

Борисовичам с объявлением о правах на великое княжение Дмитрия, а часть обряда отнес на пир, на котором передал Дмитрию крест на золотой цепи, пояс и крабийцу. Так интересно церковный обряд венчания, примененный впервые, переплелся с обрядом гражданского благословения и посажения на стол».

Все вещи были «вынуты» из казны московских великих князей. Предполагают, что они использовались при поставлениях на великое княжение, в других торжественных случаях. Трудно сказать, насколько они выполняли роль инсигний до церемонии 1498 г. Создается впечатление, что они рассматривались современниками, владельцами, не как символы власти, а как составные части княжеского имущества, передаваемого по наследству. В работах отдельных исследователей они и называются «предметами княжеского быта», «предметами княжеского убора»[282].

Выше отмечалось, что комплекс предметов, часть которых позднее выступает в качестве инсигний Русского государства, фиксируется в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв. Фиксирование начинается с Ивана Калиты, в духовной грамоте которого упоминается золотая шапка. Именно она в обязательном порядке передавалась старшему сыну, официальному наследнику, выступая в качестве фамильной драгоценности московских князей. В новейшем исследовании, посвященном золотой шапке (напомню, что Мономаховой она начала называться в начале XVI в.), мне кажется, убедительно доказано, что она относится к произведениям византийского искусства, как когда-то предполагал Н. П. Кондаков, и составляет приобретение Ивана Калиты. Спицын, исследовав пластины шапки, признал, что это очень неудобный головной убор «и нельзя положительно утверждать, что Мономахова шапка изготовлена мастером в качестве головного убора и не могла иметь первоначально иного назначения»[283]. Однако первоначальная «покупка» переделывалась с таким расчетом, чтобы походила на старинную княжескую шапку[284]. В ходе реконструкции ее увенчали крестом[285].

Интересно, что в духовной грамоте Ивана Калиты золотая шапка относится к одежде: «А ис портъ из моихъ сыну моему Семену: кожухъ черленыи женчужьныи, шапка золотая» (ДДГ. С. 8, 10). Словари древнерусского языка толкуют кожух как шубу, верхнюю одежду на меху. Однако существует и иное толкование: «От кожь устроеныя ризы же и мантие, яже кожюхы весть нарицяти обычаи» (которые по обычаю называются кожухами)[286]. Таким образом, можно прочитать, что Семену досталась мантия (плащ?) красный (багряница?). Ивану же досталась такая же

[282] *Базилевич К. В.* Имущество Московских князей в XIV—XVI вв. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 3. М., 1926. С. 1, 51; *Николаева Т. В.* Предметы княжеского убора // Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 138—159.

[283] *Спицын А. А.* Указ. соч. С. 8, 18.

[284] *Рабинович М. Г.* Одежда русских XIII—XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 84.

[285] *Жилина Н. В.* Указ. соч. С. 168. Рис. 84. См. также изображение шапки на голове князя Святослава в «Изборнике 1073 г.» Там же. С. 138.

[286] Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 222.

одежда, но другого цвета (Кондаков сообщает, что у византийских императоров, не говоря уже о придворных чинах, существовали мантии разных цветов: белые, золотые, темные, черные (*Кондаков Н. П.* Изображение русской княжеской семьи. С. 900; он же приводит сообщение летописи о Ярославе, сидящем на «отни месте в черни мятли (мантии) и в клобуце, тако же и вси мужи его». С. 96)). Второму сыну Ивану достался «коцъ велики с бармами». Савваитов приводит мнение Карамзина относительно коца-кочa-корзно: мантия или плащ, который накидывается сверху и застегивается на плече запоною. Но как совместить его с бармами? Кондаков считает, что корзно, подобно византийским мантиям и хламидам, было первоначально общеевропейским верхним плащом, а с X в. стало великокняжескою инсигниею. Кочъ же, или коцъ, скорее всего, представлял из себя кафтан, который надевали под плащ. К кафтану на плечи и грудь прикрепляли бармы — медальоны с изображением ликов деисусного чина или крестов[287]. Однако П. П. Толочко справедливо замечает, что при венчании в 1498 г. в Успенском соборе был поставлен налой, на который положили «*шапку* и *бармы*, прикрыв все ширинкою». Таким образом, бармы лежали без всякой одежды, являясь самостоятельным церемониальным предметом. В Византии при коронации бармы не были задействованы, не являясь частью императорского одеяния[288].

На Русь эти медальоны могли попасть из Византии как подарки князьям, где они обрели вторую жизнь, как показывают многочисленные археологические находки в разных русских княжествах[289]. Они действительно превратились в знак княжеской власти, получив еще название в источниках «диадема». П. П. Толочко считает диадемы княжескими венцами, широко распространенными в Киевской Руси. Они также несли изображение деисуса, но кроме того — мифологические сюжеты, орнаментальные мотивы, в силу чего могут быть восприняты как украшения. Сакральные изображения роднят их с бармами, особенно деисус, символизирующий идею заступничества за человеческие грехи перед Богом[290]. По-видимому, «скорлатное портище с бармами», которое получил третий сын Ивана Даниловича Андрей, должно было выполнить аналогичную задачу.

Впервые в завещании Ивана Калиты появляется «золотая коробочка» (позднее — крабийца), которая затем передается как наследственная вещь и «участвует» в венчании Дмитрия-внука как «сердоликовая крабица Августа Кесаря». Возможно, она была куплена вместе с золотой шапкой, являясь определенной ценностью из-за металла, но почему была выделена из остального золота — неясно. Кондаков предположил, исходя из позднейшего названия «коропки сердоничной» сосудом,

[287] *Толочко П. П.* Про принадлежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі // Археология. Київ, 1963. Т. XV. С. 145—164.

[288] *Мартынова М. В.* Бармы царя Алексея Михайловича // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. II—III. С. 363—376.

[289] *Толочко П. П.* Указ. соч. С. 154 —159.

[290] Там же. С. 151.

что это была чаша и, судя по надписи, царская[291], так что для Ивана Калиты она была своеобразным «памятным знаком».

Дмитрию Ивановичу (внуку) дед вручил пояс, о котором в духовной Ивана Ивановича, сына Ивана Калиты, говорится, что отец, т. е. Иван Калита, благословил его «поясом великим золотым с каменьями и жемчугами». Впоследствии драгоценные пояса фигурировали во многих духовных грамотах великих и удельных князей. Роль пояса как знака власти особенно подчеркивается при передачи власти сербскими правителями (см. сн. 217). В Сербии золотой пояс, украшенный драгоценными камнями, вместе с короной и троном (также знаком власти) был наследственным. В сербских источниках отмечается, что пояс воспринимался как символ мужества и зрелости, символ передачи высшей власти, причем — божественной.

Среди сербских инсигний особое место занимает крест, причем именно наперсный крест. Он становится обязательным элементом царского убора, заменяя в Сербии обычные для князя военные атрибуты. Роли наперсного креста в истории создания государственных знаков власти посвящена прекрасная статья, автором которой является С. Марьянович-Душанич[292].

Начиная с духовной великого князя Ивана Ивановича, нельзя представить княжеский убор без наперсного креста. Иногда упоминается, что передается наследникам «икона». Т. В. Николаева отсылает читателя, считающего, что речь идет о написанном образе, к описным книгам Троице-Сергиевой лавры, а также надписям на самих вещах. «“Иконой”, — пишет Т. В. Николаева, — называлась икона нагрудная, или “воротная”, носившаяся на вороте, т. е. небольшая вещь, висевшая на цепи. Живописное же произведение чаще всего называлось “образом”. А в тех редких случаях, когда живописное произведение в тех же духовных грамотах называлось “иконой”, то обычно пояснялось: “святую икону богородицю, болшюю; икону стенную съ пеленою и съ оубрусцы”»[293]. В упомянутых описях кресты-мощевики в форме квадрифолия также названы «иконами». Но иногда они все-таки имели название «креста». «Иконами» назывались небольшие складни или ковчеги-мощевики, носившиеся на груди. Эта нестабильность старых названий вызывает у исследователей путаницу (как, например, понятие «диадема»). «Икона Парамшина дела» в одном случае названа «иконой», а в другом — «крестом»: в духовной Василия Дмитриевича сказано, что он благословляет своего сына «иконою Парамшина дела», а в духовной Василия Васильевича тот же предмет назван «крест золот Парамшиньский». Великий князь Иван Иванович дает сыну Дмитрию (Донскому) «икону святый Олександръ». На иконе-кресте, сохранившемся в ризнице Благовещенского собора Московского Кремля, изображен не патрональный святой Александра Невского, предка московских князей (как воин с мечом и ножнами), а мученик в княжеской

[291] *Кондаков Н. П., Толстой И. И.* Указ. соч. С. 41.

[292] *Марјановић-Душанић С.* Неманьин напрсни крст. Из наше старе инсигнологие // Зборник филозофског факултета. Сер. А. Ист. науке. Београд, 1991. Т. XVII. С. 203—214.

[293] *Николаева Т. В.* Указ. соч. С. 140—142.

одежде (князь, умерший без наследников, «предоставил» свои земли в свое время Ивану Калите, потомки которого почитали Александра Васильевича Суздальского)[294]. Т. В. Николаева не без основания считает, что сохранение подобных икон-крестов в великокняжеской казне свидетельствует об обращении к заступничеству предков.

Наперсные княжеские кресты носились на определенного типа цепях, сделанных из золота и серебра, каждый из них принадлежал определенному князю, что было хорошо известно околокняжескому кругу[295].

В великокняжеских духовных грамотах можно заметить, что именно крест («икона») ставится на первое место среди прочих предметов, символизирующих передачу власти. М. Б. Плюханова, разбирая символику креста в «русской традиции», полагает, что в истории формирования русских царских инсигний «заметна тенденция к вытеснению креста — орудия власти из системы символов власти и царства». Она приводит пример, когда византийский император, венчаясь на царство, получал из рук патриарха крест в правую руку (в левой — скипетр). Второй крест — наперсный — символизировал не власть, а защиту, даруемую христианством. При русском обряде венчания митрополит благословлял крестом царя, но не вручал его царю, поэтому крест не становится орудием власти. На русского властителя возлагался наперсный крест — охранение[295]. Иногда подобный крест назывался Крест Животворящего древа, и действительно он нес в себе частички Ризы Господней, Древа Креста Господня и т. д., как, например, наперсный крест Дмитрия Донского[296].

Как и сербский крест Стефана Немани, те наперсные кресты, которые упомянуты в духовных грамотах великих князей Московской Руси, являются инсигниями, подобно поясам, может быть, даже бармам, сохраняющим и защищающим не только правителя, но в его лице — державу. Однако в то же время они являются часто носителями реликвий, Страстей Господних, которые собирали, покупали, может быть, даже воровали многочисленные паломники, посещавшие Святую землю и Константинополь, завоеватели-крестоносцы (см. сн. 140). Конечно, Страсти Господни привозили участники «хожений» и московским князьям: неслучайно же Василий Дмитриевич благословляет «страстьми большими» своего сына Василия Васильевича. По-видимому, они хранились вместе с другими ценностями в великокняжеской казне[297] (по крайней мере, нет известий о постройке специального хранилища для Страстей Господних, как это сделал французский король Людовик IX —

[294] Там же. С. 145. Иконография святого Александра близка изображениям князей-мучеников Бориса и Глеба. Во всяком случае, изображение предоставляет нам возможность познакомиться с княжеской, типично русской одеждой — длинный кафтан, орнаментированный по подолу, на плечи накинут плащ — корзно.

[295] *Плюханова М. Б.* Средневековая символика власти: крест Константинов в русской традиции // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 781. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1987. С. 157—158.

[296] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 174—175.

[297] *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 18.

см. сн. 149), но ни один из этих предметов не стал инсигнией, как это произошло, например, в Германии со Святым копьем (см. сн. 140).

Выше отмечалось, что современное понятие инсигний толкуется большинством исследователей расширительно (см. сн. 149, 151), относя к ним, в частности, монеты, печати и прочие знаки власти. В контексте нашего изложения есть возможность остановиться на сфрагистических памятниках. Для Руси в течение почти пяти столетий характерно использование вислой металлической печати — буллы по византийскому образцу. В XIV—XV вв. в дипломатической практике русских княжеств, а затем и общерусского государства удостоверительную функцию начинает выполнять восковая печать[298]. Здесь большую роль сыграло использование в делопроизводственной практике бумаги, но не только. В отечественную сфрагистику проникают новые традиции, что обусловлено восстановлением связей Руси с Балканскими странами, прерванных монголо-татарским нашествием. Эти связи нашли отражение в языке, литературе, искусстве[299]. Интеллектуальное движение, которое с XIV в. охватило христианский мир юго-востока и востока Европы (ранее в литературе оно обозначалось как второе южнославянское влияние), сказалось и на делопроизводстве Руси, где, по мнению акад. Тихомирова, можно заметить черты сходства, в частности, с Сербией. Например, наблюдается определенная идентичность золотой буллы Стефана Душана 1349/1350 г. и аналогичной печати Симеона Гордого, привешенной к его духовной 1353 г. Вместо греческого «агиос» здесь рядом с фигурой святого имеется надпись — «семен с(вя)ты». На печати царя Стефана Душана — «стефане првомучени(к)». Хотя лицевые стороны печатей различны (на печати Стефана Душана — изображение стоящего царя в короне и царском одеянии, а на печати Симеона Гордого — строчная надпись), их сближает легенда, упоминающая в титуле «все земли српске» и «всея Руси». Наблюдаются аналогии

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[298] Восковые печати представляют собой следующий по времени этап развития русской сфрагистики после металлических печатей, однако не исключается сосуществование тех и других. Находки перстней-печатей, особенно на юге России, могут свидетельствовать об употреблении наряду с буллами прикладных восковых печатей. Переход от металлических печатей к восковым предполагает не только перемену материала печати, но также утверждение нового по сравнению с прежним изображения, как правило светского, за исключением печатей лиц духовного звания, круговой легенды определенного содержания, варьирования способа опечатывания документа, скрепляемого вислой или прикладной печатью, и т. д. По мнению Н. П. Лихачева, византийская традиция с ее преобладанием металлических булл удерживает свое влияние на Руси до конца XIV в. Далее в отечественной сфрагистике преобладали различные виды восковых печатей — вислых и прикладных. С конца XV в. в изображениях и стиле печатей господствует западноевропейский характер, однако начало западноевропейского влияния на сфрагистическое изображение наблюдается уже с конца XIII — начала XIV в. (*Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928. С. 1, 22—23, 30—31, 48, 51, 68—69; Вып. 2. Л., 1930. С. 31).

[299] См. об этом: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947; *Он же.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.

в становлении тех или иных светских эмблем, использовании определенных видов печатей, например перстневых, и т. д.

Одним из основных центров культурного и идейного общения Руси и Балканских стран был Афон. Известны грамоты сербских королей и деспотов русскому монастырю на Афоне. Вполне вероятно, что в результате подобного общения взаимно усваивались государственные идеи, олицетворяющие их символы и эмблемы, дипломатическая практика, трансформируясь в зависимости от собственных уже существующих особенностей. Выше отмечалась идентичность русских и сербских знаков власти. Подробно рассмотрены сербско-русские взаимовлияния и в сфрагистике[300], причем подчеркивается, что в данной области к этому времени Сербия испытала сильное западноевропейское влияние. Таким образом, на Русь пришла хоть и трансформированная в сербской дипломатической практике, но западноевропейская традиция скрепления документа при помощи восковой печати.

Западноевропейские характеристики лежат в основе двух уникальных сфрагистических памятников, отражающих государственную деятельность и имперские устремления двух русских монархов — великого князя Ивана III Васильевича и царя Ивана IV Васильевича. Они изучались автором настоящего очерка и опубликованы, поэтому здесь приводятся о них самые общие сведения.

Вислая красновосковая печать Ивана III сохранилась при обменной грамоте 1497 г.[301] Печать согласно титулу, помещенному на ней, не могла появиться ранее начала 90-х гг. XV в. В отличие от употреблявшихся до этого времени печатей московских великих князей, она новая по форме и изображению: на одной стороне — всадник, поражающий копьем дракона, который в литературе назывался князем. На самом деле — это изображение святого Георгия Победоносца, но в форме, принятой в эпоху Возрождения в Европе, а именно в Италии (это Северная Италия, откуда приехали «архитектоны» — архитекторы, возводившие новый Кремль Ивана III. Каждый из них по образованию обязательно был еще и граверо́м). Можно обнаружить аналогии изображению всадника на печати подобным же монетным изображениям именно Северной Италии. Характеризуют печать не только качество исполнения, но и подбор эмблем. Георгий Победоносец — своеобразный символ объединения русских земель. Этот сюжет появился на монетах и печатях после Куликовской битвы 1380 г. Его использовали князья «московского круга» и сам Иван III. На обороте печати — двуглавый орел — символ императорской власти, за которую так ратовал Иван III. Данный символ он увидел на печатях императоров Священной Римской империи, с которыми установил контакты. Это

[300] *Соболева Н. А.* О становлении восковой печати в Северо-Восточной Руси.

[301] Уникальная красновосковая вислая печать, созданная, по-видимому, итальянскими мастерами в правление великого князя Ивана III, неоднократно изучалась в последние годы. См.: *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // ВИ. 1979. № 6. С. 47—59; *Она же.* Происхождение печати 1497 г.: новые подходы к исследованию // ОИ. 2000. № 4. С. 25—43; *Она же.* Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института российской истории РАН. 1999—2000. М., 2002. Вып. 3; и др.

не был герб Византии, якобы привезенный Софьей Палеолог, на которой великий московский князь женился в 1472 г. Если бы это было так, то Ивану III не надо было бы ждать 25 лет, чтобы использовать столь специфический знак на печатях и монетах. Эти эмблемы появились на государственной печати объединителя русских земель и создателя единого Русского государства в связи со складывающейся новой концепцией власти. Как отмечалось выше, в конце XV в. Иван III попытался обосновать свое право на императорский титул, венчав внука Дмитрия великим князем. Печать по технике исполнения и эмблематике стала соответствовать западноевропейским образцам. Она оставалась в российском делопроизводстве весь XVI и XVII вв. Эмблемы вошли в российский государственный герб.

Печать Ивана Грозного 1577 г. также уникальна. Она привлекала внимание многих исследователей (русских и зарубежных) эпохи XVI, да и XVII в. в связи с исследованием российской городской геральдики[302]. Это печать, на которой кроме эмблем двуглавого орла и всадника, поражающего дракона, помещены 24 эмблемы, по 12 с каждой стороны, представляющие собой знаки земель, княжеств, царств, входящих в Российскую державу. При детальном исследовании оказалось, что подписи вокруг каждой эмблемы — «печать такая-то» — не соответствуют действительности. Большинства печатей просто не существовало. Использование данной печати исключительно для скрепления международных актов натолкнуло на мысль, что Иван Грозный заимствовал принцип построения печати у тех стран, с кем имелись контакты и переписка. В Польше, Дании, Священной Римской империи существовали подобные печати, но эмблемы, использованные в их композиции, действительно являлись печатями (гербами) земель, входящих в состав государства. К рисункам обращались позднее при составлении первого русского Гербовника (Титулярника 1672 г.). Эмблемы, как правило, менялись. Кроме одной — Печати царства Казанского. Символ этого царства — дракон в короне — в течение 450 лет оставался неизменным и в настоящее время является гербом города Казани. Подобная «неизменяемость» символа Казани заслуживает исторического объяснения. Поскольку в глазах европейцев венчание Ивана IV на царство могло выглядеть как самозванчество, а в легенды о получении царского достоинства от «греческих царей» предками Ивана IV зарубежное сообщество не особенно верило, «приобщиться к царственной силе» предстояло русскому царю другим путем. Этот другой путь нашел отражение в ряде русских и зарубежных (переведенных на Руси)

[302] Данная печать неоднократно находилась в поле зрения ученых разных стран: *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 93. История. Кн. 1; *Stökl G.* Testament und Siegel Ivan IV. Opladen, 1972; *Соболева Н. А.* О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. Сб. статей. М., 1982. С. 179—186; *Она же.* Церковно-историческая традиция в оформлении большой государственной печати Ивана IV // Православная церковь и государство в исторической судьбе России. Нижний Новгород, 2008. С. 359 370; *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времени Ливонской войны // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 201—226.

произведений. Воплощался он в завоевании «царства», которое давало завоевателю право называться «царем»[303]. В дипломатической документации Иван IV подчеркивал значение мест, где «изстари цари велись»[304]. А послу, отправлявшемуся в Литву, надо было передать королю: «Царство Казанское взято, и потому Иоанн сделался царем»[305].

Ряд современных исследователей не подвергают сомнению тот факт, что «возникновение московской русской империи около середины XVI столетия… было отмечено захватом Казани в 1552 г.»[306]. А. Каппелер, считающий, что успешные действия Ивана IV в Казани и Астрахани могли значительно увеличить славу и усилить притязания московского царя, замечает: «Престиж царей — чингизидов, подданными которых русские были более двух столетий, стал существенным элементом ранней имперской идеологии России»[307].

М. Б. Плюханова, проанализировав и осмыслив в вышеобозначенном контексте изначальную «Казанскую историю», роль казанского похода в воцарении Ивана IV, приходит к выводу, что в этом памятнике очень четко изложен смысл действий московского царя: «…ревнуя подвигам старых князей, Иван, достигший царского венца и титула, совершит высший подвиг — окончательно возьмет то, что уже брали и не удержали князья — царство Казань — царственный град». По ее мнению, отныне Казань приобретает символический статус как «источник русского дарения». Причем в подобном качестве ее воспринимают не только в официальных (прежде всего в дипломатических) кругах, но и в народной среде, о чем свидетельствует фольклор, где поход на Казань ассоциируется с началом Московского царства[308].

Можно согласиться с мнением уважаемых авторов по поводу значимости «славных деяний» русского царя на Востоке, нашедших отражение, как полагают, и в атрибутике[309]. Однако реальный атрибут власти в виде большой государственной печати 1577 г. имел своей «исходной точкой другое направление». Дата ее создания включает сфрагистический памятник в круг символики, появившейся в связи с Ливонской войной, которую вел Иван IV за обладание прибалтийскими землями. Успехи, одержанные в 1577—1578 гг., стали побудительным мотивом для создания государственной печати, в эмблемах которой нашли отражение подлинные

[303] *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская…». С. 147, 158; *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 26.

[304] *Савва В. И.* Указ. соч. С. 285, 304.

[305] *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 499.

[306] *Stökl G.* Imperium und imperiale Ideologie. Erfahrungen am Beispiel des vorpetrinischen Russland // Vom Staat des Ancien Regime zum modernen Parteien Staat. Festschrift für Th. Schieder. München; Wien, 1978. S. 29.

[307] *Каппелер А.* Формирование Российской империи. С. 96.

[308] *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 188—189.

[309] *Бобровницкая И. А.* Регалии российских государей. С. 34; *Лаврентьев А. В.* Казанская шапка и казанские цари // Анфологион. С. 99—118.

завоевания (Полоцк) и оптимистические ожидания Ивана IV, казавшиеся на фоне замечательных военных побед также вполне реальными. Речь идет о печатях Риги и Ревеля: эти государства в ходе войны не были завоеваны русским царем. Хотя образцом для подражания могли быть печати императора Священной Римской империи, государственные печати Польши и Великого княжества Литовского, отсутствие в большинстве случаев в Московии подлинных территориальных печатей заставляет интерпретировать их образы не как символы территорий, а как символы идей, которые находят толкование в наиболее популярной из читаемых книг русского средневековья — Псалтири[310]. Внешне, однако, композиция печати в целом символизирует единство земель, объединенных под властью московского государя. Эта мистификация важна была Ивану IV для того, «чтобы произвести впечатление на получателя» как элемент его последующей «игры» с рядом государей прибалтийских стран, в частности со Швецией[311].

Сочинение эмблем и композиция печати, типичная для государственных печатей многих европейских стран той эпохи, на которых в гербовых щитах изображались эмблемы подвластных земель, имели свой смысл, ибо включали русскую печать, скреплявшую международные акты, в круг обычных для Западной Европы атрибутов королевской или императорской власти.

Известно, что Иван IV покупал на Западе вместе с драгоценными камнями, украшениями атрибуты власти, сделанные иностранными мастерами: скипетр, державу (о них сообщалось выше), а также короны — «шапки царские», о которых царь говорил, что он их «промыслил» (ДДГ. С. 433), как когда-то «придобыл» коробочку золотую, из которой пивал Август Кесарь, его далекий предок Иван Калита, одновременно с «золотой шапкой». Однако точка отсчета «покупок» изменилась: по всей видимости, Иван Данилович Калита реализовал свои замыслы, обращая взор на Юг, а Иван Васильевич Грозный приобретает «нужные вещи» в Западной Европе. Таков был политический момент, перемена приоритетов.

Представленный в настоящем очерке материал является попыткой осмыслить бытующие в современной историографии оценки развития России «с глубокой

[310] В общей идее композиции печати может звучать следующий мотив: вступление нехристиан под эгиду верховного, главенствующего Божиего закона (вероятно, с присутствием момента «перевоспитания», христианизации «неправедных» народов). Все они собраны под сенью крыл Господа Бога, которого избрали прибежищем и защитой. Эта идея неоднократно повторяется в Псалтири, например: «Живущий под кровом Всевышнего, под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: "Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю!" Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен… Ибо ты сказал: "Господь — упование мое"»; «Всевышнего избрал ты прибежищем твоим…» Речь идет о крыльях и перьях, что соотносится с образом мощного орла. Орел, как известно, символ веры и силы духа. Эта птица олицетворяет новую жизнь, открывающуюся тем, кто прошел очищающий обряд крещения (*Апостолос-Каппадона Д.* Словарь христианского искусства. Челябинск, 2000. С. 160). См. подробно о символике клейм: *Соболева Н. А.* Церковно-историческая традиция в оформлении большой государственной печати…

[311] *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV. С. 213 и дал.

древности» в имперском контексте. В основу положен анализ опубликованных в последние годы работ, касающихся прежде всего «pivotal moment» русской истории — теории «Москва — Третий Рим». Некоторые авторы, в основном зарубежные, до сих пор видят в ней «имперский манифест», связывая (в определенной степени и через нее) крепкой нитью историю государственности Руси и Византии. Разнобой в трактовке средневекового опуса Филофея отмечали многие отечественные и иностранные ученые; несмотря на кажущуюся изученность содержащихся в послании постулатов, воспринимаемых некоторыми современными историками как анахронизм, напрочь отрицающими якобы содержащуюся в основе рассуждений монаха Елеазарова монастыря концепцию *translatio imperii*, интерес к «pivotal moment» русской истории не пропадает. В некоторые периоды он обостряется. В настоящий момент идея «Москва — Третий Рим» приобрела значимость в связи с разрабатываемой во многих странах научной темой — «история империй». Имперская проблематика находится в русле повышенного внимания к так называемой глобальной истории, обуславливающей изучение особенностей мирового развития в сопоставительном плане, причем в этом сопоставлении существенное место занимает понимание синхронности и асимметрии в историческом развитии разных стран[312]. Подобный подход соотносится с развивающимся в современной историографии изучением потестарной имагологии — символов, знаков власти, — «ориентированной на изучение образов власти, способов и форм ее репрезентации во внешнем мире».

В данном очерке произведен анализ (насколько это позволила имеющаяся в распоряжении автора литература) инсигний (именно так теперь называются знаки власти, номенклатура которых значительно расширена по сравнению с ранее существовавшими определениями) некоторых европейских стран. Это позволило, во-первых, выделить общие критерии формирования комплекса атрибутов власти, во-вторых, отметить их особенности в отдельных странах, акцентировав внимание на Византии как ретрансляторе античных символов и образце для подражания для всей Европы, в-третьих, сопоставить очень ограниченный отечественный материал с атрибутами власти соседних стран. Можно отметить практически отсутствие различий между императорскими и королевскими знаками власти (корона, скипетр, держава — инсигнии «первого ряда»), стремление использовать в качестве инсигний традиционные знаки (не одинаковые в разных странах), использование реликвий («страстей»), привезенных с Востока, часть которых попадала в число инсигний, и т. д. Естественно, в каждой стране существовала доктрина власти, согласно которой осуществлялось использование знаков власти (во Франции, например, короли не претендовали на корону империи, а также державу, но заявляли: в своем королевстве король Франции — император).

[312] *Чубарьян А. О.* Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. С. 10—11.

Строгая теократически-политическая доктрина, существовавшая в Византии, позволила укрепиться теории о вселенской империи и вселенском императоре, наместнике и служителе Бога на земле. Эта исключительность византийского правителя способствовала и исключительности его знаков власти, таких как особая одежда, ее неизменные атрибуты и т. д. Византийцы тщательно оберегали как свой титул, так и знаки власти, и тем не менее именно ряд правителей «византийского региона» пытались «узурпировать» и титул византийского императора, и некоторые властные атрибуты.

Древняя Русь, особенно Киев, куда киевские князья, прежде всего Ярослав Мудрый, стремились «перенести дух Константинополя», однако не восприняла византийские государственные идеи настолько, чтобы отказаться от собственных взглядов на власть и ее атрибуты.

Программным документом в этом плане явилось «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в понимании которого «русы занимали собственное место «въ всехъ языцехъ». Справедливой, на наш взгляд, является оценка концепции Илариона, высказанная одним из исследователей его творчества: «Эта концепция ни в коем случае не является антивизантийской. Основные принципы византийской доктрины: признание вселенской византийской идеи и причастности Руси к византийской церковной и культурной сфере — не ставятся у Илариона под сомнение. Но это признание не помешало, однако, тому, чтобы на фоне указанных основных положений Иларион заложил основы собственной древнерусской политической теории, учитывающей историческое развитие…»[313]

Византийские инсигнии не были обнаружены среди предметов, упоминаемых в духовных грамотах русских князей Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Однако анализ упоминаемых в них предметов показывает, что большая часть «неизменных» артефактов вошла впоследствии в состав инсигний и в мифический состав «даров».

Это — шапка золотая, скорее первоначально золотые пластины, из которых впоследствии получилась Мономахова шапка, а также золотая коробка (крабица или бокал, из которого «пивал Август Кесарь»). По-видимому, Иван Калита приобрел их как драгоценности («золото») для своей казны. Бармы, возможно, и были подарком из Византии, но не относились там к инсигниям. П. П. Толочко считает, что они могли появиться на территории Древней Руси независимо от Византии, а многочисленность их находок в земле свидетельствует о широком использовании в княжеском быту. Пояс, передаваемый по наследству, не напоминает византийский лор, скорее, это также часть княжеской одежды. Цепь с крестом («иконой»), судя по всему, — обязательный предмет благословения на Руси. Им благословляли своих сыновей и внуков не только великие, но и удельные князья и княгини. Очень часто они содержали кусочки реликвий — Древа Креста Господня или частички Ризы Господней. Эти кресты («святость» — в договорных грамотах) — действительно

[313] *Авенариус Александр.* Митрополит Иларион и начало трансформации византийского влияния на Руси // Studia Balcánica. 20. Sofía, 1991. S. 117.

великое наследие Византии. Однако изготовлялись они, по-видимому, в большинстве случаев русскими мастерами — Парамшой, Семеном Золотиловым и др. И великие князья, и царь Иван Грозный очень гордились этим наследством предков, указывая в своих духовных, откуда у них появились передаваемые кресты.

Даже сфрагистические памятники — печати Ивана III 1497 г. и Ивана IV 1577 г., по виду и значимости сугубо западноевропейские, однако несут символы неизменной «святости»: на печати 1497 г. изображен Георгий Драконоборец (в образе святого эпохи Возрождения, как создал его итальянский мастер), а на печати Ивана Грозного 1577 г. среди «гербов» на лицевой и оборотной сторонах помещен голгофский крест, который сопровождают надписи: «Древо дарует древнее достояние» (здесь, по-видимому, «древнее достояние» — это жизнь райская) и «Христова хоругвь (вероятно, крест Христов) — христианом похвала».

«Старина» и «святость» — эти два момента не уходят из атрибутов власти великих князей и царей, по-видимому, вплоть до Петра Великого. Даже Иван III, с его прагматизмом, умом, стремлением возвысить свою державу и войти в «европейскую семью» после освобождения от иноземного ига, не смог преступить законы своего рода. На предложение о коронации, которую якобы мог совершить только «царь римский» (император Священной Римской империи), передал послу Фридриха III Николаю Поппелю: «А что еси нам говорил о королевстве, если нам любо от Цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле, и мы Божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а доставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детем и до века в том быти, как есмя ныне Государи на своей земле, а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»[314]. (Хочется добавить, как это видно из вышеизложенного текста, что все европейские правители, в том числе и славянских держав, подобную процедуру считали для себя обязательной.)

Идея о богоизбранности Руси, существовавшая в древнерусской литературе, несомненно, при таком осмыслении власти была известна и Ивану III, и его сыну и внуку, и вряд ли они относились отрицательно к тому факту, что Россия пребудет истинным центром христианства до скончания веков согласно филофеевской идее, однако не спешили Москву сделать Третьим Римом, т. е. перенять имперскую идеологию. Да, они воевали на Востоке и Западе, но, как им казалось, за «свою отчину», за принадлежавшие им «исстари» земли, а не за то, чтобы создать «многонациональное сверхгосударство, государство над государствами». Как пишет известный немецкий историк Г. Штёкль, этого не пытались достичь ни коронованный царской короной в 1547 г. Иван IV, ни принявший в 1721 г. титул императора Петр Великий. «В обоих случаях в первую очередь речь шла о росте значения (России), уравнивания ее значимости по отношению к Западу… не слишком — о приспособлении титула к империи, которую следует создать или к давно в действительности суще-

[314] Памятники дипломатических сношений. Ч. 1. С. 12.

ствующей империи»[315]. Штёкль признает, что Россия в эпоху Ивана IV, несомненно, носила черты империи. Однако задается вопросом: была ли у нее имперская идеология? Если признать верным мнение защитников государственно-политической значимости теории «Москва — Третий Рим» для Московии XVI в., то последняя как восприемница Византии восприняла и ее идеологию (имперскую). Г. Штёкль приводит, как нам кажется, убедительные аргументы обратного. Он пишет: «…у новой московской империи должно было быть все византийское наследство; на самом деле эта империя брала символы своей власти, внешние знаки возрастания значимости и степени тождества, откуда только можно: корону, по крайней мере согласно легенде, из Византии, скипетр и державу — с Запада; представительные постройки царской резиденции создавали итальянские архитекторы Возрождения; большая государственная печать Ивана IV имеет польский образец, а двуглавый орел, хотя и императорский, но не греческого, а латинского происхождения». Во всем этом, по мнению проф. Штёкля, проявляется совершенно очевидный прагматизм именно в той стадии, когда развитие должно завершиться складыванием имперской идеологии[316].

[315] *Stókl G.* Imperium und imperiale Ideologie. S. 29.

[316] Ibid. S. 37.

ФЕНОМЕН ДВУГЛАВОГО ОРЛА: РЕАЛЬНОСТЬ И СЕМАНТИКА

Государственность России не мыслится без ее символов. Главными символами России, как и любого другого государства, являются герб, флаг и гимн. Еще тридцать лет назад они были объектом изучения специальных (вспомогательных) исторических дисциплин — геральдики, сфрагистики, вексиллологии и т. д. — с соответствующими историческими выводами и заключениями. В современных же исследованиях наблюдается интегрированность проблем символики, прежде всего государственной, в иные области научного знания — в политологию, философию, социологию, психологию. Политологи, например, считают, что государственные символы «выполняют важные политические и социальные функции, воплощая фундаментальные идеи, нормы и ценности… и, таким образом, являясь неотъемлемой частью политической культуры, удовлетворяя потребности в социальной ориентации граждан, в формировании гражданской идентичности. Благодаря их мобилизационному, легитимирующему и сплачивающему сообщество потенциалу, эти символы имеют значительное политическое влияние»[1].

Некоторые западные политологи применяют по отношению к образным (визуальным) политическим символам такие дефиниции, которые определяют их исключительно как категорию власти: «Политические (государственные) символы — это те, которые имеют значение для функционирования власти»[2]. С данным определением можно согласиться, если учитывать адекватность восприятия государственных символов властью и обществом, что обусловливается, прежде всего, своеобразной «прозрачностью» знаков власти. И значимость государственных символов для общества в целом в большой степени зависит от того, насколько граждане идентифицируют себя с ними. Символика Страны Советов, принятая большевистским руководством, утверждаясь в формах, соответствующих идеологическим конструкциям нового государства, была визуально доступна трудовому народу, а ее «прозрачность» «апеллировала к архетипам и ожиданиям масс»[3].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[1] *Зверев А. Л.* Государственный символизм в образе современной России // Образы государств, наций и лидеров. М., 2008. С. 87.

[2] *Морис-Георгица Г.* Политические символы // Элементы теории политики. Ростов н/Д, 1991. С. 346.

[3] *Соболева Н. А.* Из истории советской политической символики // Отечественная история. 2006. № 2. С. 109.

Рисунок герба Московского из «Славянской Библии». 1663 г.

Как показывает мировой опыт, хотя уже давно нет советского государства и символа его суверенитета — герба, перекрещенные серп и молот в качестве знака всевозможных левых движений, в том числе молодежных, участвуют в демонстрациях, маршах протеста — типа антиглобалистских — во всех странах света. Следует отметить, правда, что форма знака — это не изобретение большевиков. Они заимствовали его (в силу соответствия провозглашенных ими идей графическому изображению советского герба) у европейского социал-демократического движения[4]. В мирное протестное движение этот знак и вернулся.

В конце XX в. перед нашим обществом возникла дилемма выбора новых знаков государственного суверенитета, дважды в течение одного столетия подвергшихся изменениям в соответствии со сменой политических реалий. Герб, флаг и гимн новой России, несмотря на то что в декабре 2000 г. они утверждены законодательным путем, все еще неоднозначно оцениваются обществом, являясь предметом дискуссий, а иногда и более серьезных противостояний.

В настоящей статье речь пойдет о главном символе «триединства» — гербе, основу которого составляет двуглавый орел.

Введение новых государственных символов происходит почти одновременно в ряде европейских стран (бывшие, так называемые страны народной демократии). Легитимность новой символики обусловливается упрочением национальной идентичности, становящейся в 1989—1991 гг. актуальной в современном мире в силу процессов глобализации и интеграции. Последние способствуют «размыванию» идентичности, с одной стороны; с другой — подталкивают к восстановлению исторических корней. В результате бывшие, так называемые страны народной демократии или вернулись к прежним, «досоветским» символам, или создали новые политические знаки, в том числе и символы суверенитета своих стран на основе традиционности, сконструированных заново представлений о государственности и т. д.[5] Иностранные ученые, анализирующие символику этих стран, отмечают, что не только в новых государствах, но и в реструктурированных может возникнуть глубокий кризис в отношении политических символов[6]. К последним они относят Россию.

Вопрос о символах новой демократической России при всей кажущейся простоте — возвращение к старине, к традициям — остается сложным, даже можно сказать, не совсем понятным для общества. Он «завязан» на российской событийности 90-х гг. прошлого века, «нулевых» годах века нынешнего, на личностях, возглавлявших наше государство в это время, на их «командах», последователях, преемниках и противниках[7].

---

[4] См. об этом: *Соболева Н. А.* Из истории советской политической символики.

[5] Osteuropa. 53 Jg., 7/2003. S. 909—1014.

[6] Ibid. S. 1010.

[7] Подробнее об этом см.: *Соболева Н. А.* Символика России 90-х гг. XX — начала XXI в. в государственной политике и общественном дискурсе // HistoricalYearbook. Vol. VIII. Bucharest, 2011. P. 1—30.

Первый президент России Б. Н. Ельцин 30 ноября 1993 г. подписал Указ «О Государственном гербе Российской Федерации». В политизированном обществе начала 90-х гг. XX в. всякое нововведение объяснялось прежде всего политикой. Этой точки зрения придерживались депутаты Государственной думы, которые должны были принять закон о государственных символах, в том числе и о гербе — двуглавом орле. Так, депутат В. В. Семаго на одном из заседаний, посвященных государственным символам, в частности, заявил: «Речь идет об обыкновенной политике. Была волна антикоммунизма, нужно было заменить те символы, которые были ненавистны людям, сегодня приведшим (страну. — *Н. С.*) к ее нынешнему положению, и они сделали самое оптимальное из того, что могли»[8].Что же касается простых избирателей, то новый герб на заре возрождаемой суверенной России воспринимался многими по двуглавому орлу не иначе как символ Российской империи. На страницах газет и журналов читатели выражали к «царскому символу» в основном негативное отношение. Первоначально выбор демократов пал на двуглавого орла без монархических атрибутов. Эта «модель» пропагандировалась в СМИ в качестве проекта отличительного знака Российской Федерации. К сожалению, до телезрителей и читателей не доводились какие-либо сведения об этой эмблеме. А ведь она была одобрена Временным правительством менее чем через месяц после отречения от власти последнего российского императора, когда остро встал вопрос о создании печати нового правительства, исходящие от которого документы требовали легитимности. К решению вопроса о новом символе для печати были привлечены специалисты по геральдике и сфрагистике, художники. Один из них — Иван Яковлевич Билибин, член художественного объединения «Мир искусства», оформивший множество детских книг и сказок, прекрасный график, вместе со своим учеником Г. И. Нарбутом сотрудничавший в отечественных геральдических изданиях, нарисовал двуглавого орла для печати Временного правительства. Этого орла до сих пор называют «билибинским».

Изданные недавно «Журналы заседаний Временного правительства» свидетельствуют о дискуссии по поводу нового герба России, о намерении отложить окончательное решение вопроса о гербе до созыва Учредительного собрания. Сами геральдисты не были едины в выборе главной фигуры герба новой, свободной России, однако настоятельная необходимость изготовления печати заставила их временно остановиться на двуглавом орле без каких-либо атрибутов ушедшей в небытие царской власти.

Высокохудожественно выполненный, как и все рисунки И. Билибина, в условиях современной действительности орел приобрел гротескный характер. На страницах газет и журналов его называли «цыпленком табака», «чернобыльским мутантом» и т. д. Даже среди специалистов не было единства взглядов на данную эмблему. Одни видели в двуглавом орле «птичку с опущенными крыльями», тогда

[8] Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 69. 1994. 7 декабря. С. 43.

как другие считали ее великолепной «свободной, гордой и мощной птицей»[9]. Идея исторической преемственности, патриотизма, восхищения деяниями предков нашла отражение в новой форме двуглавого орла, которому «вручили» скипетр и державу, головы увенчали тремя коронами, а на грудь поместили Драконоборца. Однако эта форма герба, как, впрочем, и все другие варианты, вызвала недоуменные вопросы: «А зачем орлу три короны? Что они означают?», «Почему у орла две головы?», «Почему в республиканском гербе присутствуют символы монархической власти — скипетр и держава?» И так далее… К сожалению, ответы должностных лиц, дававших интервью в период, когда вводился новый герб, были достаточно невразумительны и даже фантастичны. Например: «Три короны символизируют единство трех властей — законодательной, исполнительной и судебной»[10]. На что следовал новый вопрос: «А какая власть выше? Короны же расположены не на одном уровне?» О двух головах орла можно было прочитать, что орел смотрит в Европу и Азию, а скипетр и держава символизируют просто власть.

Постепенно, несмотря на все дискуссионные баталии, российское общество «смирилось» с новым государственным гербом, который становится неотделимым от его жизни. Все меньше насмешек над ним, столь характерных для 90-х гг. XX в. Все больше он воспринимается как символ новой России. Его славят графоманы: «Россияне просто обязаны гордиться гербовым двуглавым орлом. И любить его не только за боевую славу, но и за то, что он — свой, исконный для всех — неславян и славян — общий. Настоящий символ Великой Державы»[11]. Он украшает многие реконструируемые здания, например здание Большого театра в Москве, и даже здание КГБ-ФСБ в Кирове как имперский символ[12]. С ним каждодневно встречаются все жители России, ибо он изображен на монетах и бумажных купюрах[13].

Хотя любой новодел не вызывает слишком сильных ностальгических чувств, однако визуальная пропаганда золотого двуглавого орла на красном поле — герба современной России — достигает позитивного отклика в обществе. Вспомним хотя бы реакцию на поднятие из воды подлодки «Курск» с изображением на носовой части золотого двуглавого орла на красном поле, который воспринимался как символ поднимающейся «со дна» России. «Пришлись по душе» воинские знаки различия, знамена частей и соединений российской армии, несущие изображение двуглавого орла, а также использование золотого двуглавого орла в системе государственных наград.

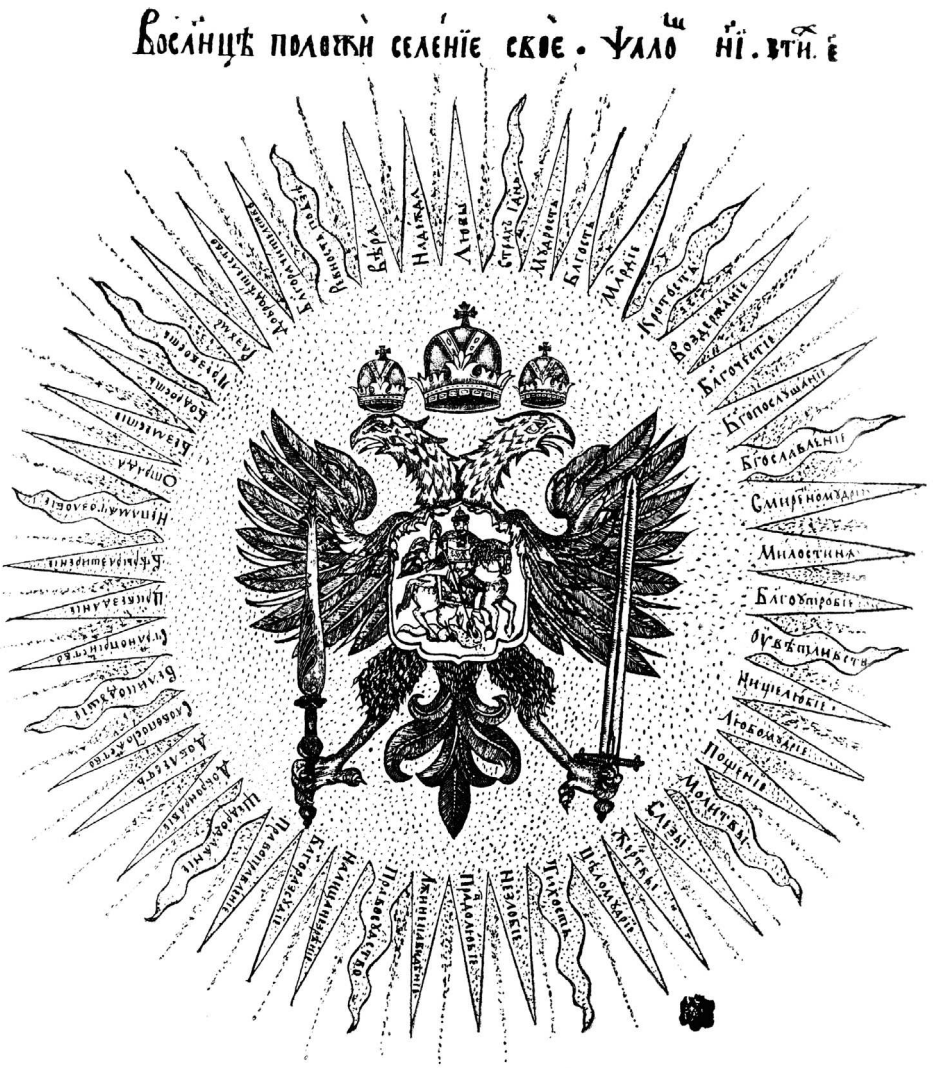
[9] Народный депутат. 1991. № 5. С. 78.

[10] Их ответы публиковались на страницах центральных и местных газет. См., например: Тысячелетие двуглавого орла (без подписи) // Российская газета. 3.12.1993.

[11] *Рассадин С. Е.* Гнездо двуглавого орла. Минск, 2008. С. 94.

[12] Вятский культурный журнал «Бинокль». 13.06.2004. С. 1—2.

[13] В настоящее время двуглавый орел без корон, скипетра, державы, других атрибутов трактуется как эмблема Банка России.



Изображение двуглавого орла из книги Симеона Полоцкого «Орел Российский», поднесенной автором в день Нового года, 1 сентября 1667 г., по случаю объявления великого князя Алексея Алексеевича (1654—1670) наследником

«Войти в смысл» средневековых символов, к числу которых относится двуглавый орел, современному человеку нелегко. Если бы с введением герба новой России в средствах массовой информации было обосновано появление двуглавой птицы возрождением традиций, о которых российский народ попросту забыл за семьдесят лет, следовало бы объяснить и некоторые геральдические особенности российского герба. Например, указать, что двуглавый орел Российской Федерации, строго говоря, выполнен по мотивам Малого герба Российской империи, а не повторяет его. Ибо прежний двуглавый орел был черным на золотом поле, а теперь — золотой на красном поле. По правилам геральдики перемена цветов свидетельствует о разных гербах. Три короны над головами орла появились в XVII в., и означали они «три великих царства» — Казанское, Астраханское и Сибирское (так повелевал их трактовать послам, отправляемым в зарубежные страны, царь Алексей Михайлович). В это же время в лапах орла появляются скипетр и держава. Что касается формы крыльев двуглавого орла, их изменений на протяжении веков («число перьев в хвосте орла», по насмешливому замечанию знаменитого нумизмата А. В. Орешникова), степени раскрытости клювов, то эти детали связаны с манерой работы художников, резчиков матриц для печатей, монетных штемпелей. Заметные же отличия — количество корон над головами орла, наличие в его лапах «заменителей» скипетра и державы — венка, лент, стрел-молний, встречающихся в XVIII—XIX вв. на монетах[14] и печатях, — вызваны отсутствием (до середины XIX в.) государственного канона, регламентирующего как форму крыльев двуглавого орла, так и единство в компоновке всех атрибутов государственного герба.

Подробно вопрос об изменении конфигурации главной гербовой эмблемы Российской империи, времени и причинах появления отдельных компонентов герба на протяжении столетий рассмотрен в специальных работах[15]. Следует подчеркнуть, что существенное значение для развития российского государственного герба имеют два момента. Один — указ царя Алексея Михайловича 1667 г., в котором определяется двуглавый орел как «герб державный»[16], в отличие от свидетельств ряда иностранцев, побывавших в «Московии» и приписывающих ей в качестве герба всадника, колющего копьем дракона. Второй основополагающий момент — высочайше утвержденные в XIX в. гербы Российской империи — Большой, Средний и Малый, с подробнейшим описанием гербов и соответствующих им печатей[17]. Помпезность этих гербов и несколько устрашающий, если говорить о хищно раскрытых клювах двуглавого монстра, вид орла вызывал скептическую оценку россиян.

[14] *Узденников В. В.* Геральдическое оформление российских монет. 1700—1917. М., 1998. С. 19—28.

[15] *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993; *Соболева Н. А.* и др. Гербы городов России. М., 1998. С. 83—136.

[16] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. I. № 421.

[17] ПСЗ-2. СПб., 1858. Т. XXXII. Отд. I. № 31 720; ПСЗ-3. СПб., 1886. Т. II. № 1035, 1159; Т. III. № 1402.

Но все же современники, как правило, с большим пиететом относились к имперскому гербу; особенно патриотический экстаз усилился после реформ середины XIX в. в преддверии 400-летия его существования (официально — по печати великого московского князя Ивана III Васильевича 1497 г.). Один из авторов, например, прославляя российский государственный символ, писал, что герб в своей «пространной» форме «является эмблемой не только основных идей несокрушимого в своих устоях отечества нашего, а еще эмблематично изображает собою также и всю обширную государственную территорию, все земли, нераздельно составляющие государство Русское»[18].

В официальных изданиях первых лет советской власти герб царской России, напротив, оценивался исключительно негативно: «Прежний государственный герб стал не только эмблемой русского империализма, но и наглядным доказательством порабощения отдельных народностей и земель (территориальные эмблемы вокруг и на крыльях двуглавого орла. — *Н. С.*) и свидетельством их позора и унижения»[19].

Вторая половина XX в. характеризуется возрастанием интереса к вспомогательным историческим дисциплинам в целом, а в частности — к геральдике. Среди различных направлений изучения отечественной геральдики высвечивается тема государственного герба Российской империи. Одной из первых работ этого времени, посвященных российскому двуглавому орлу, которая привлекла к себе внимание пафосом и необычным подходом, является эссе В. С. Новикова «Русский государственный орел. Мистерия 445-летней исторической эволюции».

Владимир Саввич Новиков, капитан российской императорской армии, награжденный Георгиевским оружием и орденом Святого Владимира IV степени, был тяжело ранен в Первую мировую войну и эмигрировал после 1917 г. сначала в Германию, а затем в Америку, где занялся художественной и писательской деятельностью. О российском гербе — двуглавом орле он начал писать еще в Германии, закончив работу в Америке. Рукопись привезли в Европу, и она была издана в Париже в 1966 г. В 1991 г. работа опубликована в России. Автор увидел мистические трансформации двуглавого орла, с его точки зрения необъяснимые. Тем не менее он интерпретировал судьбу России в том же мистическом ключе, что и изменение формы (клюва, крыльев, корон, хвоста и т. д.) двуглавой птицы. Безусловно, интересны, пусть и бессистемные, рисунки двуглавого орла, отсчет которого в русской жизни автор начинает с Ивана III.

Вопросы, связанные с происхождением герба, Новикова не слишком интересовали. Его труд не производит впечатления научной работы, хотя пафос патриотизма в отношении российского герба превалирует по сравнению с другими моментами и выглядит вполне искренне.

◇◇

[18] *Воронец Е. Н.* Четырехсотлетие российского государственного герба. Харьков, 1898. С. 38.

[19] *Дунин-Борковский К.* Герб // Энциклопедия государства и права. М., 1925. Т. I. Вып. 2. С. 576.

Этот «пафос патриотизма» сохраняется в работах, скажем так, ненаучного плана, посвященных двуглавому орлу, в особенности после 1993 г., когда указом Б. Н. Ельцина двуглавый орел в модифицированном варианте занял место герба Советского Союза. К таким произведениям можно отнести книгу художника В. А. Лебедева, книги типа брошюр Н. Н. Лысенко, Ю. Л. Кучера и др.[20] Материал в них вторичен, достаточно подражателен, например, в работе Лебедева даны рисунки, изображающие двуглавого орла в разных вариантах (подобно книге Новикова), которые к сути проблемы значимости двуглавой птицы в российской истории имеют мало отношения, хотя, как следует из патриотического кредо автора, изучать историю необходимо «с национальной точки зрения»[21], а всякие источниковедческие экскурсы (типа: сравнение государственных печатей, идеологических концепций, властной атрибутики Российского и соседних государств), по-видимому, по мнению автора, антинациональны и непатриотичны.

В этом плане сугубо «патриотичной» выглядит концепция С. Е. Рассадина («Гнездо двуглавого орла»). Рассадин считает: «Образ двуглавого орла на территории России присутствовал на протяжении, по крайней мере, нескольких тысяч лет. Ее коренное население, как славянское, так и неславянское, издавна этот образ знало и почитало. И как раз с территории России, этой подлинной Страны Орлов, они разлетелись по всему миру»[22]. Вторым феноменальным «открытием» Рассадина (здесь у него имеются предшественники из числа авторов журнала «Гербовед») является теория о заимствовании двуглавого орла Византией «от народов Балтийского субрегиона». Он без должной критики цитирует не совсем разумные высказывания одного из них: «Этот факт, видимо, связан с появлением в 988 г. в Константинополе варяжской дружины. Ее воины могли нести на своих щитах раннегеральдические изображения, среди которых находилась и эмблема жертвенной птицы»[23] (рассеченная тушка сокола, ворона и т. д. — *Н. С.*).

Между тем проблема реконструкции национальной идентичности, ключевым моментом которой является воссоздание объективной картины исторического прошлого нации, занимает все более прочные позиции в современном гуманитарном знании. Некоторые авторы отмечают значительную роль государственной символики в процессе поисков истоков национальной идентичности, подчеркивая наличие и особую значимость у символов древней истории[24].

Проблема двуглавого орла является одной из важнейших, когда речь идет о научном исследовании символов власти России. Как главный элемент россий-

[20] *Лебедев В. А.* Двуглавый орел России. М., 1995; *Лысенко Н. Н.* Русская государственная символика. Л., 1990; *Кучер Ю. Л.* Государственные символы и награды Российской Федерации. М., 1999.

[21] *Лебедев В. А.* Указ. соч. С. 24.

[22] *Рассадин С. Е.* Указ. соч. С. 35.

[23] Цит. по: *Рассадин С. Е.* Указ. соч. С. 82.

[24] *Зверев А. Л.* Указ. соч. С. 89.

ского герба он впервые появляется на печати 1497 г. великого московского князя Ивана III Васильевича. Эта своеобразная точка отсчета его значимости для нашего государства позволяет подчеркнуть несколько аспектов, из которых можно выделить наиболее спорные: является ли двуглавый орел гербом Византии; из Византии ли Московия заимствовала эмблему двуглавого орла, поместив его на государственной печати, а затем сделав основной фигурой герба; какова история возникновения эмблемы в виде двуглавого орла, время превращения ее в гербовую фигуру в разных странах света[25].

Российский ученый Н. П. Кондаков еще в начале XX в. заметил, что «двуглавый орел имеет свою иконографию религиозного происхождения, идущую из глубокой древности переднеазиатских государств»[26]. Его высказывание относится к эмблеме — двуглавому монстру. Другой известнейший российский ученый Н. П. Лихачев анализировал высказывания соотечественников относительно заимствования великим князем Московским Иваном III государственной печати, а вместе с тем и двуглавого орла из Византии. Он считал, что «московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та не имела»[27]. Основную причину появления печати с двуглавым орлом в Московии Лихачев видел в установлении контактов Ивана III с императорами Священной Римской империи, которые к тому времени обладали подобной печатью. В Византии же, согласно исследованиям крупнейших ученых (Ф. Дэльгер, Й. Карайяннопулос), актов печатей с двуглавым орлом обнаружено не было.

Аналогичная мысль была высказана американским ученым Г. Эйлифом, который включил вопрос о появлении на Руси двуглавого орла в контекст своего труда, посвященного происхождению московского самодержавия[28]. По его мнению, ни женитьба на Софье Палеолог (1472 г.), ни осторожные попытки принять императорский титул не вызвали использование в качестве государственного атрибута двуглавого орла.

Только в результате контактов с правителями из дома Габсбургов (конец 1480 — начало 1490-х гг.), которые посылали ему грамоты, скрепленные императорской печатью с двуглавым орлом, Иван III, отчаянно боровшийся, по свидетельству

[25] Самый известный геральдист современности Мишель Пастуро (Франция), связывающий возникновение гербов и формирование их облика исключительно с западноевропейской историей, подчеркивает, что «орел — единственная звериная фигура, которую позволительно изображать двуглавой. Наиболее известен двуглавый орел в гербе Священной Римской империи германской нации, окончательно утвердившемся в царствование императора Сигизмунда» (*Пастуро М.* Геральдика. М., 2003. С. 58).

[26] *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 116.

[27] *Лихачев Н. П.* Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. 43.

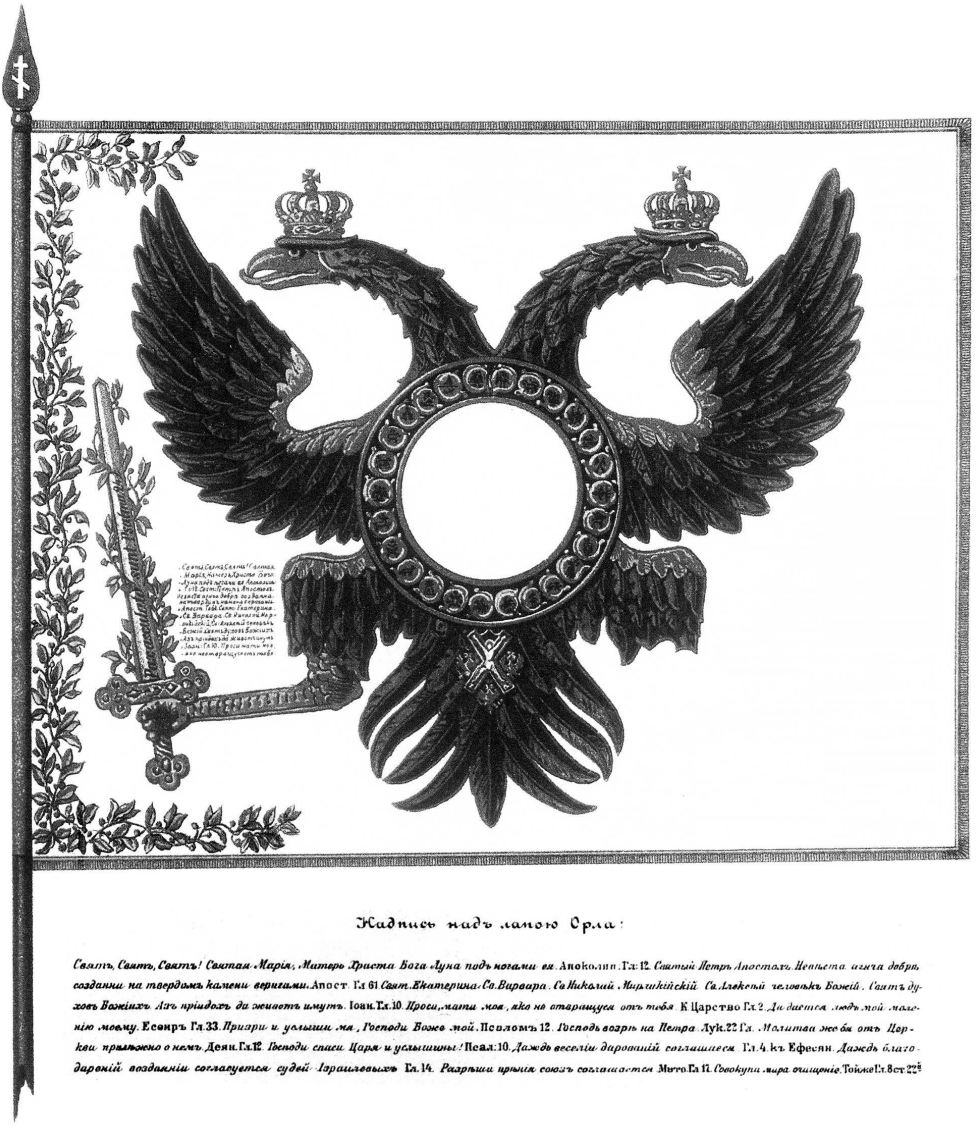
[28] *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B. 39. Berlin, 1986

Эйлифа, за императорский титул как внутри страны, так и за ее пределами, причем еще до женитьбы на византийской принцессе, начал употреблять печать с двуглавым орлом — императорским знаком первого европейского монарха.

В 40—80-е гг. XX в. историки разных стран включают вопрос о двуглавом орле в контекст исследований по российской истории XV—XVI вв. (П. Э. Шрамм, М. Хеллманн, Ф. Кэмпфер, Г. Штёкль, П. Ниче — ФРГ, Г. Эйлиф, Н. И. Ульянов — США и др.). Практически все они отрицательно относились к версии получения Иваном III (через брак с Софьей) государственного герба — двуглавого орла из Византии. Многие подчеркивали, что «византийская культура не знала геральдики и гербов и, следовательно, двуглавый орел никогда не был гербом византийского императора». К тому же многие сомневались в якобы большом влиянии Софьи Палеолог на ее мужа — Ивана III. Подобные сомнения высказывались и отечественными историками (Н. П. Лихачев, В. Савва, К. В. Базилевич) еще в начале и первой половине XX в.

Неизменный интерес вызывает не только возникновение российского герба в виде двуглавого орла, но и сама история эмблемы. Начиная с середины XX в. ряд европейских ученых (А. В. Соловьев, Дж. Герола, Э. Корнемани, М. Хеллманн, П. Э. Шрамм, Г. Штёкль и многие другие[29]) тщательно анализировали истоки ее появления, семантику, функции. В результате сложилась следующая схема существования данной эмблемы в контексте мировой истории. Появление и использование двуглавой «расплющенной» птицы характерно для культур ранних обществ, о чем свидетельствуют изображения двуглавых птиц (не только орла, но и уток, петухов — в культурах сибирских народов) в разных регионах мира (двуглавые хищные птицы известны даже у древних народов Центральной Америки). Изображение в клювах орла солнечных дисков свидетельствует об отнесении двуглавого орла (как и одноглавого) к солнечному культу. Этим объясняется утверждение двуглавой птицы прежде всего в странах, связанных с древнейшими цивилизациями, как традиционного элемента их культуры, переданного народам иных культур и сопредельных территорий. Переход от сакральности к декоративности подобных изображений отмечают многие исследователи. Однако представления о соотношении орла с вершиной Мирового дерева («древа жизни», «космического древа», представляющего собой образ мифопоэтического сознания, воплощающий универсальную концепцию мира), с «высшим началом», по-видимому, выводит его из чисто декоративных рамок, делая своеобразным властным атрибутом: одноглавый римский орел может восприниматься как символ империи, когда увенчивает скипетр Карла Великого; двуглавый орел как властный символ изображался на месопотамских печатях, на монетах мусульманских правителей XII—XIII вв. В Византии двуглавый орел известен с эпохи Комнинов прежде всего в виде рисунка на тканях,

[29] Обзор этих работ см.: *Соболева Н. А.* Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института российской истории РАН. 1999—2000. Вып. 3. М., 2002. С. 34—38, 50.



Надпись надъ главою Орла:

Свять, Свять, Свять! Святая Марія, Матерь Христа Бога Луна подъ ногами ея. Апоколип. Гл. 12. *Святый Петръ Апостолъ Іисусъ Христосъ избра добрь, созданни на твердомъ камени вѣрными.* Апост. Гл. 61 *Свят. Екатерина. Св. Варвара. Св. Николай. Мирликійскій. Св. Алексѣй человѣкъ Божій. Святъ духовъ Божіихъ Ахъ пріидохъ да живнетъ имутъ.* Іоан. Гл. 10. *Проси, матіи моя, яко не отвращуся отъ тебя.* К Царство Гл. 2. *Да дастся людь мой малолѣнію моему. Есенръ Гл. 33. Призри и услыши мя, Господи Боже мой.* Псаломъ 12. *Господь возрѣ на Петра.* Лук. 22 Гл. *Молитва же бѣ отъ Церкви прилѣжно о немъ* Дѣян. Гл. 12. *Господи спаси Царя и услышины!* Псал. 10. *Дождь веселія даровній соглашаетъся* Гл. 4. къ Ефесян. *Дождь благодаренія воздаяніи согласуется судей Іерашилевыхъ* Гл. 14. *Разрѣши врныхъ союзъ соглашаетъся* Митро. Гл. 17. *Совокупи мира очищеніе.* Тойже Гл. 8 ст. 27[в]

Рисунок полкового знамени лейб-гвардии Преображенского полка. 1700 г.

воспринимавшегося как элемент восточного орнамента. А. В. Соловьев[30] особо подчеркивал, что эта двуглавая птица не несет геральдического смысла. Однако он допускал, что Палеологи, которым удалось объединить всю Морею, ставшую накануне падения Византии ее оплотом, продлившим на какое-то время существование государства, действительно использовали в качестве герба двуглавого орла. Этот факт, по мнению исследователя, и служит отправным пунктом мифа о гербе Византийской империи в виде двуглавого орла, объясняет превращение его в некий символ национальной греческой идеи, ее бессмертия и надежды на возрождение.

Со времени широкого распространения в Западной Европе гербов (XIII—XIV вв.) в Балканских странах и Византии двуглавый орел известен как неофициальная эмблема. Он помещается на мелких болгарских и византийских монетах, в 1970 г. найдена болгарская бронзовая матрица печати с двуглавым орлом, двуглавый орел украшает надгробие болгарского царя Ивана Александра, капитель из дворца Великого Тырнова и т. д.[31] Известен он и на Руси: на мелких монетах тверского и московских князей, как декоративный элемент дверей Суздальского Рождественского собора XIII в. Двуглавого орла встречаем также на монетах Артукидов XIII в., на мелких золотоордынских монетах и на мелких же серебряных западноевропейских монетах XIII—XIV вв. и т. д.

Установление турецкого владычества на Балканах сделало двуглавого орла своеобразным символом борьбы, придав эмблеме хоть и неофициально-геральдическое, но значение объединительного знака в Болгарии, Сербии, Румынии, Албании. В эпоху Возрождения создается миф о двуглавом орле как гербе Византийской империи (система гербов в Западной Европе к этому времени утвердилась, и создать этот миф как противовес турецким притязаниям обстоятельства позволяли).

Развитие герботворчества в Западной Европе способствовало упрочению и узаконению государственных гербов во многих странах. Как предполагают исследователи, личным знаком императора Священной Римской империи Фридриха I с XII в. становится одноглавый орел, в XIII в. источники упоминают о гербе империи — также одноглавом орле. Вместе с тем уже в XIII—XIV вв. широкое распространение как гербовая фигура в дворянских и городских гербах получает двуглавый орел, который в начале XV в. известен как герб императора Священной Римской империи, а в начале XVI в. становится гербом этого государства[32]. Черный двуглавый орел в конце XV в. как лично-государственная эмблема привлек внимание великого московского князя Ивана III.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[30] *Solovjev A. V.* Les emblème héraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1935. VII. P. 132.

[31] *Миятев Кр.* Една надгробна скулптура от двореца в Търнове // Сборник в чест на Г. Кацаров. Т. II. 1955. С. 345 и далее; *Попов А.* Царски монограми и хералдически изображения от Търновград (XIII—XIV век) // България 1300. Институции и държавна традиция. Т. II 1982. С. 334—351.

[32] *Hye F.-H.* Der Doppeladler als Symbol für Kaiser und Reich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 81. H. 1. Wien; Graz, 1973.

Семантические метаморфозы поистине космической эмблемы, каковой является двуглавый орел, требуют более тщательного анализа, чем те исследования, в которых двуглавый орел выступает в гербовой «ипостаси». «Догербовая» семантическая сущность двуглавого монстра может быть раскрыта при помощи специфической методики, которую продемонстрировала известный археолог М. А. Дэвлет в ряде недавно опубликованных статей[33]. Исследуя наскальные изображения (на оленных камнях), она выделила изображения знамен с драконом или в форме дракона (так называемые драконовы знамена), проследив форму подобного знака, его происхождение и функции у различных народов в разные времена — от Китая до Германии и Великобритании.

В подобном ракурсе эмблема двуглавого орла изучалась, например, болгарскими учеными Б. Филовым и особенно В. Ангеловым[34]. Воссоздать целостную картину феномена до конца неразгаданной эмблемы представляется возможным, исследуя ее в двух параметрах: территориальном — от Северного Китая, Индии, Ирана, Ирака, Турции, Южной Сибири, Закавказья до Балкан и Западной Европы[35], и хронологическом — от III тысячелетия до н. э. до XX в.[36], что и предстоит еще сделать.

[33] *Дэвлет М. А.* Щит и знамя // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск, 2007; *Она же*. Щиты и их изображения на оленных камнях // Проблемы современной археологии. М., 2008. С. 108—111

[34] *Филов Б.* Старобългарското искусство. София, 1924. С. 10—11; *Ангелов В.* Семантичните метаморфози на двуглавия орел // Български фолклор. 1991. № 4. С. 23—36; *Он же*. Мит и фолклор. София, 1999. С. 178-193.

[35] С образом двуглавого орла исследователи встречаются в современном государстве Шри Ланка: *Краснодембская Н. Г.* Птица в обыденном и сакральном пространстве в культуре сингалов (Шри Ланка) // Азиатский бестиарий. СПб., 2009. С. 137. Масоны знакомы с ним в Шотландии («Двуглавый орел служит эмблемой древнего и принятого шотландского ритуала»). — *Соловьев О. Ф.* Масонство. М., 2001. С. 281.

[36] Известны изображения двуглавого орла в Хеттском царстве и городах Шумера от III тыс. до н. э., а как художественный элемент — в церквях Болгарии (резьба, рельефы) даже в XIX в. См.: *Ангелов В.* Указ. соч.

ОБРАЗ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ В АТРИБУТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Я слышу святые восторги
Победы — и чудится мне
Святой полководец Георгий
На белом крылатом коне.

С веселою песней солдаты
Без страха идут умирать,
Ведь он, полководец крылатый,
Ведет нашу грозную рать.

И клонятся вражьи знамена,
И славится имя Твое,
И черное сердце дракона
Разит золотое копье.

Г. Иванов

В конце XIX в. архиепископ Владимирский и Суздальский Сергий (Спасский) писал: «Наша литература небогата исследованиями о святых Божьих; западная литература, напротив, имеет по сему предмету немало капитальных изданий»[1]. В первую очередь к подобным капитальным изданиям он относил «Деяния святых» — «Acta Sanctorum», трехсотлетнее «исполинское предприятие» ученых-иезуитов (доктора Иоанна Болланда и его коллег). В «Деяниях», где изложены подробные исследования сказаний о различных святых, приводятся сведения и о мучениях св. Георгия, о перенесении его мощей, о чудесах, толкования его подвигов. Из разных вариантов «Жития Георгия Победоносца» признается достоверным то, которое содержится и в славянских минеях.

В большинстве отечественных изданий житие великомученика Георгия воспроизведено по интерпретации его в Четьих-Минеях митрополита Ростовского

[1] *Архиепископ Сергий* (*Спасский*). Полный месяцеслов Востока. Предисловие. Переизд. М., 1997. Аналогичную мысль позднее высказывал Г. Г. Федотов, акцентируя внимание на «бедности русских житий» (*Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 29—32). Имея в виду в основном «небогатое историческое содержание жития», философ подчеркивал, что «сдержанность русской агиографии особенно бросается в глаза в сравнении с средневековыми житиями латинского Запада» (*Федотов Г.* Указ. соч. С. 222).

ЛУКОМОРЬЕ

№ 48 26 ноября 1916 г.

Димитрия[2], «любимого чтения русских людей». Современные исследователи считают св. Димитрия Ростовского истинным историком, который «старался избежать ошибок, сопоставлял и критически оценивал писания своих предшественников, объяснял читателям те или иные исторические реалии»[3].

Доподлинно известно, что третью книгу житий святых (за март — май), в которой содержится «Житие Георгия Победоносца», он написал после того, как получил из Гданьска в 1693 г. давно заказанное им издание «Деяний святых» на латинском языке[4]. О влиянии труда болландистов на жития ростовского митрополита писалось неоднократно (наряду с признанием соединения в них трех агиографических традиций: греческой, русской и латинской). В частности, Георгиевская легенда, по мнению ряда ученых, особенно близка к изложению ее итальянским агиографом XIII в. Иаковом Ворагинским, автором «Золотой легенды»[5].

Мифическая биография великомученика Георгия хорошо известна. Он происходил из Каппадокии — восточной части Малой Азии, которую в 17 г. н. э. император Тиберий сделал римской провинцией. Предполагается, что родители его были христианами, по крайней мере мать, чьей родиной была Палестина, где

[2] Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Кн. 8. Месяц апрель. М., 1906. (Репринт 1992).

[3] *Карпов А. Ю., Юрьев А. А.* Самые знаменитые святые чудотворцы России. М., 2000. С. 334.

[4] Там же. С. 339.

[5] *Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879. С. 57; *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса, 1909. С. 249; *Лопарев Хр.* Новейшая литература о св. Георгии Победоносце // Византийский Временник. Т. XX. Вып. I. СПб., 1913. С. 36.

впоследствии после смерти отца жил Георгий. Георгий происходил из знатного рода и сам получил высокий военный чин уже в юном возрасте. «Персидский царь Дадиан», впоследствии переделанный в римского императора Диоклетиана (284—305), прославившегося жестокими гонениями на христиан, принуждал юного Георгия отречься от христианской веры, суля ему новые должности и богатства. Однако несмотря на восьмидневные жестокие мучения, которым подвергся стойкий благочестивый юноша после отказа от предложений Диоклетиана, Георгий не отрекся от веры в Иисуса Христа, за что и был обезглавлен в 303 г. Церковь поминает его 23 апреля[6].

Св. Георгий известен своими посмертными чудесами, одно из них — победа над драконом и спасение дочери царя. Оставшись великомучеником, он превратился в Драконоборца и Победоносца, совершив свой самый знаменитый подвиг, по локализации Димитрия Ростовского, «близ своего палестинского отечества, в Сирофиникийской стране, при граде Вирите» (современный Бейрут). В «Житии Георгия Победоносца», написанном ростовским митрополитом, «чудо о убиении змия» помещено после описания мучений св. Георгия, в конце всех других чудес, чем подчеркивается его «особность». А. И. Кирпичников, один из первых светских исследователей литературной истории христианской легенды о жизни и деяниях св. Георгия, подчеркивал, что Чудо Георгия о змие и девице способствовало популярности этого святого более самого жития, описания его мучений[7].

Практически все светские авторы, писавшие о чудесах св. Георгия, посвящали свои работы именно истории его борьбы с драконом. Со второй половины XIX в. количество подобных публикаций заметно возрастает, причиной чего могло служить приближающееся, а затем широко отмечаемое во всем христианском мире 1600-летие со времени предполагаемой кончины святого воина (1903).

Из многочисленных работ западноевропейских авторов, посвященных «раскрытию исторической, литературной и бытовой стороны мученичества» св. Георгия, заметно выделяются, по мнению ряда исследователей[8], труды К. Крумбахера и И. Ауфхаузера.

К. Крумбахер[9] с присущей ему энциклопедичностью и хрестоматийностью на основе изучения византийских рукописей (в его распоряжении имелись списки

[6] *Верховец Я. Д.* Подробное описание жизни, страдания, чудес святого великомученика Победоносца Георгия и чествований его имени. 2-е изд. СПб., 1893; *Аверинцев С. С.* Георгий Победоносец // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. I. М., 1987. С. 273—275. См. также: Георгий Победоносец. Сказания. Житие святого великомученика Георгия и благоверной царицы Александры. М., 1990

[7] *Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. С. 50.

[8] *Лопарев Хр.* Новейшая литература… С. 25—33, 42—46; *Пропп В. Я.* Змееборство Георгия в свете фольклора // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 192; *Привалова Е. Л.* Павниси. Тбилиси, 1977. С. 68.

[9] *Krumbacher K.* Der heilige Georg in der griechischen Überlieferung. Aus dem Nachlasse des Verfassers herausg. von Albert Ehrhard. München, 1911.

более ста греческих текстов с VII по XVII в.) рассмотрел вопрос о мучениях св. Георгия, а Ауфхаузер[10], столь же тщательно изучив греческие и латинские тексты, посвятил свое исследование почти исключительно легенде о борьбе св. Георгия с драконом. По его мнению, Чудо о драконе было позднейшим «продолжением» сказаний о чудесах святого воина, однако распространившийся в Европе рассказ о нем имел в основе греческую версию.

Обложка журнала «Лукоморье», времен Первой мировой войны. 1914 г.

Существенным дополнением к изучению письменных памятников, посвященных жизнедеятельности св. Георгия, служат исследования западноевропейских авторов, воссоздающие его образ в искусстве. Среди них наиболее существенными по охвату материала являются труды О. Таубе[11] и Й. Мысливца[12].

Российская светская историография о Георгии Победоносце по многообразию сюжетов не уступает западноевропейской. Однако заметен уклон в изучение Георгиевской легенды: ее прототипов, символики, использования в народных традициях, художественной интерпретации.

Выделяются работы Х. Лопарева, А. И. Кирпичникова, А. В. Рыстенко[13], в основе которых лежит изучение рукописных текстов о чудесах, совершенных святым, прежде всего история его борьбы со змеем. В этих источниковедческих трудах решаются вопросы о времени появления Чуда о змие, датировке его редакций, взаимозависимости этой легенды и мучений (первичность — вторичность), временного соотношения визуального воплощения Чуда и легенды (что первично, а что вторично), о трактовке сюжета змееборства: имеет ли сюжет символический смысл (Кирпичников) или в основе легенды о змееборстве св. Георгия не лежит «благочестивая мысль» (Рыстенко).

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[10] *Aufhauser Joh. B.* Das Drachenwunder des heiligen Georg in der griechichen und lateinischen Ueberlieferung. Leipzig, 1911.

[11] *Taube O. F. von.* Die Darstellung des heiligen Georg in der italienische Kunst. Halle a. s. 1910.

[12] *Myslivec J.* Svatý Jiři ve vychodokřestianském uměni // Byzantinoslavika. T. V. Praha, 1933—1934.

[13] *Лопарев Х. М.* Чудо святого Георгия о болгарине. Памятник византийской переводной литературы. СПб., 1894; *Он же.* Новейшая литература о св. Георгии Победоносце; *Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый; *Он же.* Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной. М., 1895; *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе.

ЗА ЕДИНУЮ РОССІЮ

Плотнымъ змѣинымъ кольцомъ охватилъ БОЛЬШЕВИЗМЪ сердце Россіи.
Казалось-ничто не въ силахъ вырвать жертвъ.
Но вотъ въ лучахъ восходящаго солнца показался всадникъ, добровольно взявшій на себя подвигъ спасенія Россіи.
Мощно занесена рука всадника и въ безсильной ярости чувствуетъ змій, что тверда эта рука, вѣренъ ея ударъ и не избѣжать ему карающей десницы.

Целый блок отечественных работ посвящен изучению народных праздников в честь святого воина-драконоборца, пословиц, поговорок, сказаний и духовных стихов (И. П. Сахаров[14], А. Н. Веселовский[15]). Собиратели русского фольклора (XIX в.) И. В. Киреевский, П. И. Якушкин, составитель самого обширного собрания русских духовных стихов П. Бессонов отмечали многовариантность народной поэзии, посвященной великомученику Георгию[16]. Большинство исследователей полагают, что стихи «Егорий Храбрый» и «Егорий, царевна и змей» появились еще до монголо-татарского нашествия[17], хотя кто-то не исключает добавления к древнейшей части «Егория Храброго», основанной на «Житии Георгия», на сказании о его мучениях позднейшей части, возникшей в результате борьбы с вражеским игом. В этой позднейшей части (XIII—начало XV в.) Егорий «предстает духовным богатырем, учредителем христианского порядка, устроителем и просветителем русской земли, а также освободителем Родины от врага»[18].

Наконец, с начала XX в. появляются прекрасные искусствоведческие работы, касающиеся художественного облика св. Георгия. Староладожской фреске, изображающей Георгия-воина, змея и царевну, посвятил несколько страниц своего объемного искусствоведческого труда Н. В. Покровский[19]. О каменном цветном барельефе из Успенского собора Московского Кремля написал большой труд известный искусствовед Я. И. Смирнов[20]. Он доказал, что барельеф изображает св. Георгия Победоносца, вырезан мастерами в Великом Устюге и использовался в качестве иконы в XVI—XVII вв. на Русском Севере. Прототипом для него послужила, по мысли Смирнова, западноевропейская гравюра, попавшая туда в конце XV в. и явившаяся образцом для воспроизведения Чуда о змие. Георгий не похож на его православные иконописные изображения, однако барельеф долгое время располагался в великоустюжской церкви Великомученика Георгия до тех пор, пока в 1678 г. по распоряжению патриарха его не отправили «в Богоспасаемый град Москву во святую соборную и апостольскую церковь Успения Пресвятыя Богородицы»[21]. С этого времени барельеф «обосновался» в Москве, получив название Устюжского.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[14] *Сахаров И. П.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. III. М., 1838; *Он же*. Сказания русского народа. Т. II. Кн. 5—8. СПб., 1849.

[15] *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. II, IV, V. СПб., 1880.

[16] Об этом: *Пропп В. Я.* Указ. соч. С. 197

[17] См.: Примечания к названным стихам, опубликованным: Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI—XIX веков. М., 1991. С. 49—60, 61—65, 308—310.

[18] Голубиная книга. С. 308.

[19] *Покровский Н. В.* Очерки памятников христианской иконографии и искусства. 2-е изд. СПб., 1900. С. 306 и дал..

[20] *Смирнов Я. И.* Устюжское изваяние святого Георгия московского большого Успенского собора. М., 1915

[21] *Смирнов Я. И.* Указ. соч. С. 50.

Иконографии св. Георгия в русской живописи посвящены исследования выдающихся советских искусствоведов В. Н. Лазарева[22] и М. В. Алпатова[23]. В предпринятом недавно обзоре их работ[24] подчеркивается, что данные основополагающие труды дополняются современными воззрениями на отдельные детали изобразительного образа Георгия Победоносца как в иконописи, так и в других формах изобразительного искусства[25].

Особняком стоят работы, относящиеся к изучению литературной традиции, культа и особенно художественного воплощения образа св. Георгия в Грузии. Еще в XIX в. отмечалось своеобразие грузинских версий в интерпретации жития и чудес великомученика Георгия[26]. Наряду с изучением литературных памятников в XX в. характерным для Грузии становится самое глубокое исследование трактовки образа св. Георгия в изобразительном искусстве, прежде всего в монументальной живописи, чеканке, иконописи[27]. Соотнесение дохристианских и христианских верований народов, населяющих территорию современной Грузии, изучение культа св. Георгия на фоне многовековой традиции поклонения этих народов божествам или героям-всадникам дали возможность грузинским ученым прийти к выводу, что сформировавшийся в течение длительного времени в быту народа облик самого популярного в Грузии святого воина отличается от церковного прототипа[28].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[22] *Лазарев В. П.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // *Лазарев В. Н.* Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М., 1970.

[23] *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // *Алпатов М. В.* Этюды по истории русского искусства. Т. I. М., 1967.

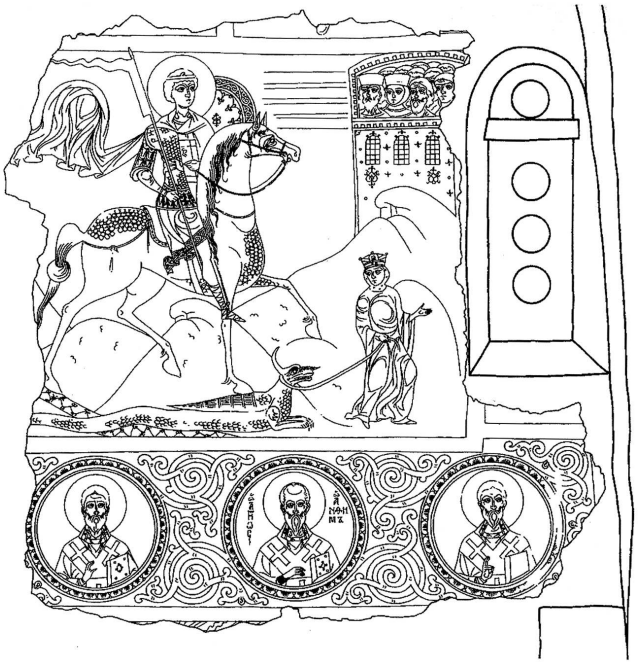
[24] *Соболева Н. А.* Происхождение печати 1497 года: новые подходы к исследованию // Отечественная история. 2000. № 4. С. 25—43.

[25] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М., 1976. С. 188—195; *Порфиридов Н. Г.* Георгий в древнерусской мелкой каменной пластике // Собрания Государственного Русского музея. VIII. Л., 1954. С. 120—125; *Рындина А. В.* Историко-художественное значение изразцов Успенского собора в городе Дмитрове // Древнерусское искусство. (5). М., 1970. С. 462—472; *Вагнер Г. К.* От символа к реальности: Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV вв. Гл. V. М., 1980; *Выголов В. П.* Скульптура Георгия на башне Московского Кремля // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города. Ансамбли. Зодчие. М., 1985. С. 5—38; *Он же*. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 133—169; *Сидоренко Г. В.* Деревянная скульптура «Святой Георгий на коне» в собрании Государственной Третьяковской галереи // Древнерусская скульптура: Проблемы и атрибуции. М., 1991. С. 35—65; *Яхонт О. В.* Основные результаты научных исследований и реставрации скульптурной иконы святого Георгия Змееборца 1464 года из Московского Кремля // Государственный музей-заповедник «Московский Кремль»: материалы и исследования. XII. М., 1999. С. 104—119.

[26] *Хаханов А.* Грузинский извод сказания о святом Георгии. М., 1892; *Привалова Е. Л.* Указ. соч. С. 64.

[27] Об этом в книгах: *Чубинашвили Г. Н.* Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959; *Привалова Е. Л.* Указ. соч. Включает обширную библиографию.

[28] *Сургуладзе И.* Святой Георгий в грузинских религиозных верованиях // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983. С. 4.



Изображение Георгия Победоносца
на фреске «Чудо святого Георгия о змии» в Старой Ладоге

Значимость и разнообразие тематики, касающейся изучения образа Георгия Победоносца в Грузии, находит отражение в обязательности включения докладов и сообщений по данной проблеме в программы почти всех регулярно проводимых международных симпозиумов по грузинскому искусству. В 1983 г. на подобном симпозиуме было заслушано выступление ученого из Афин Кристофера Вальтера «Жития, культ и иконография св. Георгия»[29]. Насколько можно судить по тезисной публикации, ученый (или группа ученых) намеревается осуществить разработку обширной программы, посвященной св. Георгию в восточной традиции. К. Вальтер подвел итоги историографических наработок, выделив три существующие в настоящее время «сферы изучения»: 1. Жития и легенды, основу которых составляют греческие версии, зафиксированные в «Bibliotheca hagiographica»[30]. 2. Культ, свидетельства о котором предоставляют эпиграфические источники, перечни храмов, составленные для некоторых стран (например, для Сербии и Македонии), иконы, религиозная практика, литургические тексты и др. 3. Иконография, где огромное значение имеют портретные типы св. Георгия, наиболее полно, по мнению автора,

[29] *Вальтер К.* Жития, культ и иконография св. Георгия // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. С. 1—2.

[30] Bibliotheca hagiographica graeca. 3-me ed. T. 1. Bruxelles, 1957. P. 212—223.

изученные В. Н. Лазаревым, и биографические циклы, анализ художественного воплощения которых нашел отражение в трудах Т. Марк-Вайнер (неопубликованная докторская диссертация, Нью-Йорк, 1977) и Е. Л. Приваловой («Павниси»). Особо выделен Вальтером сюжет борьбы с драконом (в Грузии — также с царем), который, как он полагает, заслуживает отдельного рассмотрения.

Для предстоящих исследований, где сохраняются указанные выше направления, существенными представляются методологические принципы, сформулированные К. Вальтером: при анализе житий и легенд основополагающим является установление архетипа, а после определения его исторической достоверности должна быть установлена структура жития, прослежена его модификация и проведено сравнение со структурой житий других святых воинов; при изучении культа, по мнению афинского ученого, могут «оказаться полезными структурные методы, применяемые в социальной антропологии»; наконец, в иконографических исследованиях предпочтительно сравнение нарративных сцен с аналогичными им в других биографических циклах, а портретные изображения — с образами героического культа, причем поражение дракона (или человека) стоит рассматривать в контексте триумфа добра над злом.

К сожалению, в настоящее время не представляется возможным более подробно ознакомиться с названным проектом и его конкретным воплощением. Однако сам факт его появления свидетельствует, что, несмотря на многочисленность и разнообразие трудов, посвященных святому воину Георгию, «нельзя считать собранный материал достаточным для составления полного обзора культа Георгия во всех христианских странах». Так написал в конце XIX в. А. И. Кирпичников[31].

Предпринятый историографический экскурс свидетельствует, что к его словам можно присоединиться и спустя более чем столетие.

Несмотря на открытие и интерпретацию неизвестных ранее произведений и списков с изложением чудес Георгия-воина[32], на наличие новых тематических разработок, разнообразие подходов в исследовании литературных и художественных памятников, относящихся к культу св. Георгия, остается много вопросов, ответы на которые пока не найдены (что способствует появлению современных мифов об «истинном» регионе деятельности и «подлинном» месте захоронения Георгия-всадника[33]), и проблем, требующих самого пристального внимания отечественных ученых.

К ним относится, например, вопрос о соотношении змееборства различных святых как западного, так и восточного христианского мира. В свое время А. Н. Весе-

[31] *Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. С. 127.

[32] *Ангелов Боню Ст.* «Сказание за железния кърст» // Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. III. София, 1978. С. 79—98; *Турилов А. А.* Византийский и славянский пласты в «Сказании инока Христодула» (к вопросу о происхождении памятника) // Славяне и их соседи. Вып. 6. М., 1996. С. 81—99.

[33] Об этом см.: *Аджи Мурад*. Тайна святого Георгия. М., 1997.

ловский писал, что змееборство Федора Тирона, Федора Стратилата возникло под влиянием Георгиевской легенды[34]. Отечественные же фольклористы, в частности В. Я. Пропп, сам сюжет змееборства Георгия рассматривают как частный случай всемирно распространенного сюжета борьбы героя со змеем, изначально появившегося в волшебных сказках доисторической давности, относящихся к догосударственному эпосу[35].

В русских рукописях имеется описание змееборческого подвига Михаила-воина. Он мало известен отечественным агиографам, ибо является болгарским святым (ум. IX в.). В изложении Филарета, архиепископа Черниговского[36], использовавшего сведения из болгарского синаксаря, история жизни св. Михаила-воина очень схожа с житием св. Георгия. Он происходил из знатного рода, родители его были христианами. С юности он вел праведную жизнь, был кроток и смирен. Между тем был Михаил и храбрым воином, в 25 лет «избран в начальники над дружиной». Болгарин по рождению, Михаил-воин сражался вместе с греками против «эфиоплян и агарян». По окончании войны остановился «в одном месте пустыни раифской», где около озера его слуга увидел девушку и позвал Михаила. Девушка поведала, что чудовищный змей берет дань с ее города, поедая детей. Святой воин приказал слуге отойти вместе с конем от озера, сам же помолился Богу. Появившийся из озера змей был страшен: шея возвышалась над водой саженей на 20, хвостом бил по воде локтей на 40. Святой, со щитом в руке, мечом отсек ему голову, а змей хвостом ударил его по правой руке и левой ноге так, что воин упал без чувств, потом встал. Слуга известил горожан о победе Михаила над змеем, те торжественно встретили воина, вернувшего девицу родителям. Спустя немного дней герой (видимо, получивший серьезные ранения. — *Н. С.*) «предал дух свой Господу, которого возлюбил с юности, и перешел в вечное царство».

Как видим, рассказ о змееборстве Михаила-воина почти идентичен подвигу Георгия Победоносца, причем детали битвы со змеем описаны даже более красочно. Память его отмечается 22 ноября — близко к осеннему поминанию великомученика Георгия (26 ноября).

Св. Михаил-воин был родом из Потука (Потака, Потока), предположительно — сегодняшнего Батака. В отличие от агиографии, русский богатырский эпос принял Михаила в «свои ряды». Рыстенко и Веселовский, хотя и соотносили легенду о Михаиле с Георгиевской легендой, всё же видели в нем заезжего богатыря, таким образом не идентифицируя змееборство того и другого святого[37].

[34] *Веселовский А. Н.* Указ. соч. С. 51.

[35] *Пропп В. Я.* Указ. соч. С. 190—191.

[36] *Филарет* (*Гумилевский*), *архиеп. Черниговский.* Святые южных славян. Описание жизни их. СПб., 1894. С. 291—293. См. также: *Голубинский Е. Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской. М., 1871. С. 665.

[37] *Рыстенко А. В.* Указ. соч. С. 365—368.

Печать великого князя Московского с изображением святого Георгия Победоносца, поражающего копьем змия. 1497 г.

Проблемным остается соотношение христианского и мусульманского культов св. Георгия. В мусульманских легендах, отличающихся от его христианских житий[38], Георгий Победоносец назван Джирджисом. В мифологии ряда мусульманских народов имеется и сказание, напоминающее Чудо св. Георгия о змие[39]. Однако своеобразным «камнем преткновения» является крылатый змей-дракон, которого поражает святой воин. Как писал Рыстенко, «символизм некоторых изображений дракона и змея в древнехристианском искусстве был причиной приложения в толковании Георгиевской легенды рамок символики»[40]. Согласно этой символической трактовке Чуда, дракон в нем — символ дьявола, а дьявол — символ язычества. Болландисты и из царевны в Чуде сделали символ: это церковь Христова, которую защищает святой Драконоборец. Об этом же несколько ранее писал и Кирпичников. Основываясь на труде иезуита Кайе[41], который собрал все известные ему случаи, где святые Западной церкви (по легенде или по изображению) входят в столкновение с драконами, он подчеркнул, что в толковании символики дракона может быть выделено несколько позиций: дракон — язычество, побеждаемое проповедниками Христова учения, дракон — ересь, дракон — бедствие, посылаемое на христиан, и т. д.[42]

Современные специалисты по христианской иконографии, как правило, идентифицируют дракона подобным же образом[43]. Однако все чаще исследователи мирового фольклора, культов и верований в контексте сравнительно-исторического изучения мифов указывают на полярность данного символа. Дракон осмысляется как воплощение положительного начала, как помогающий в поиске сокровищ, дающий людям воду, оберегающий жилище[44]. Подобный подход особенно важен при трактовке символов и эмблем, применяемых в качестве современных знаков многими народами Поволжья, Урала, Кавказа.

Мало разработана проблема использования христианских символов в светской символике, в частности в атрибутах власти. Известно, что св. Георгий, будучи покровителем целых наций, государств, городов, многих обществ и учреж-

[38] *Аверинцев С. С.* Указ. соч. С. 274

[39] *Аджи Мурад*. Указ. соч. С. 99—100.

[40] *Рыстенко А. В.* Указ. соч. С. 460.

[41] Caye. Caractéristique des saints dans l'art populaire. T. I. Paris, 1867

[42] *Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. С. 110—111.

[43] *Réau L.* Iconographie de l'art chrétien. T. III. Paris, 1959. P. 1511.

[44] *Иванов В. В.* Дракон // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. I. С. 394

дений, изображается на их представительных знаках. Его образ в основном в виде Драконоборца запечатлен, в частности, на средневековых монетах и печатях во многих христианских странах, его имеют в гербах сотни европейских городов, а государство Грузия даже поместило святого воина Георгия Змееборца в свой государственный герб.

Однако на протяжении тысячелетней истории только наше Отечество почти беспрерывно использует образ Георгия Победоносца в государственной атрибутике, помещая его на монетах, княжеских и общегосударственных печатях, в государственные и городские гербы начиная с XI в. и до настоящего времени.

Печать с изображением Георгия Победоносца 1375 г., принадлежащая литовскому князю Александру (*Владимиро-Волынское княжество*)

Причины широкого распространения культа св. Георгия на Руси практически сразу же вслед за крещением рассматривались в литературе. Уже Кирпичников заметил, что не всякий святой в одинаковой степени способен популяризоваться, приняв «на себя черты сданных в архив богов»[45]. Для этого, как он полагал, необходим ряд внешних условий, среди которых: официально принятое широкое почитание святого, особенности легенд о его чудесах; значительную роль играет время его поминовения и т. д. Русь приняла христианство в тот период, когда этот святой «прочно укрепился» в Византии. Причем на смену Георгию-мученику, с VI в. почитавшемуся при дворе византийских императоров, пришел Георгий-воин. «Потребность иметь как можно больше патронов для военного сословия, чьи позиции особенно окрепли к X веку, логически привела к тому, что некогда скромный мученик Георгий превратился в победоносного воина» — так объясняет В. Н. Лазарев резкий перелом в византийской иконографии Георгия, наступивший в X в.[46] Причем ученый подчеркивает, что тип пешего Георгия очень скоро стал сосуществовать с конным. «Перевоплощение» св. Георгия совпадает с периодом победы в Византии феодальных отношений и эпохой энергичной военной экспансии. Военное же служилое сословие, поддерживавшее «солдатских» императоров, как и последние, нуждалось в специфических покровителях. Ими стали святые воины, среди которых Георгий скоро занял одно из ведущих мест. Особенно его выбирали покровителем те императоры, которые сами прославились военными победами.

В таком качестве св. Георгия Византия «передала» новокрещенной Руси, где князья, проводившие также немало времени в ратных походах, охотно приняли

[45] *Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. С. 126—127.

[46] *Лазарев В. Н.* Указ. соч. С. 71—75.

его в свои покровители. Один из первых христианских князей — Ярослав Владимирович Мудрый, имевший крестильное имя Георгий, особенно много сделал для прославления своего святого патрона: в Киеве построил в его честь придел к главной церкви, открыл монастырь, в Чуди основал город Юрьев, где также поставил Георгиевскую церковь. Лик св. Георгия украсил и выпущенные им в Новгороде серебряные монеты — сребреники («Ярославле сребро»). Привлекшие внимание ученых еще в XIX в.[47], а затем многих нумизматов XX в., к настоящему времени они досконально изучены[48]. В контексте древнейшего русского монетного чекана, представлявшего собой спорадические выпуски монет, на протяжении 25—30 лет несколько раз существенно изменявшихся по виду и по весу, и являвшегося по своей сути мероприятием политическим, новгородские монеты Ярослава Мудрого — это своеобразный феномен. Прежде всего из-за несравненного совершенства исполнения, из-за каноничности изображения св. Георгия. Исследователи считают, что они являются монетным шедевром, выгодно отличаясь от аналогичных монет, выпущенных в Киеве, но в то же время вместе с последними символизируют государственную независимость Руси, ее равенство с другими европейскими христианскими государствами[49].

Ярослав Владимирович выпускал в Новгороде сребреники очень недолго — в 1014 — начале 1015 г. — и не возобновлял их выпуск во время длительного киевского княжения. Однако найденная недавно в Новгороде уникальная металлическая булла Ярослава Мудрого с его портретом и надписью «ЯРОСЛАВ КНЯЗЬ РОУССКИЙ» подобно сребренику несет (с другой стороны) изображение св. Георгия-воина[50]. По мнению В. Л. Янина, она относится ко времени окончательного вокняжения в Киеве (1019—1054) Ярослава Мудрого[51], который считался, согласно прологам, «всея Рускыя земли князем».

Таким образом, начало русской государственности зафиксировано официальной атрибутикой с изображением лика св. Георгия.

Как известно, на Руси в течение длительного периода (со времен крещения и до XV в.) использовалась византийская сфрагистическая традиция, что выражалось в употреблении металлических булл, изобразительный тип которых составляли христианские эмблемы и фигуры святых[52]. В памятниках византийской сфра-

[47] Напр.: *Куник А. А.* О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца. СПб., 1860. Прилож. I. О византийских и древнерусских изображениях св. Георгия Победоносца. С. 121—136; *Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты X—XI вв. СПб., 1893; и др. Исчерпывающая библиография вопроса о древнейших русских монетах представлена в кн.: *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Л., 1983.

[48] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Указ. соч.

[49] Там же. С. 9.

[50] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III. М., 1998. Табл. I, № 2а; табл. 49, № 2а.

[51] Там же. С. 18.

[52] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М., 1970. С. 14.

гистики св. Георгий занимает второе место после св. Николая, причем, как пишет исследовательница византийских печатей В. Шандровская[53], бесспорно преобладающим является тип пешего Георгия-воина (конный Георгий на византийских печатях редок). На Руси при общем следовании византийской традиции складываются специфические типы булл, что особенно заметно с начала XII в. В частности, характерным для печатей князей становится изображение на каждой из сторон святых, соответствующих христианскому имени и отчеству ее владельца[54]. Если учесть, что имя Георгий принадлежало к излюбленным крестильным именам русских князей[55], то можно представить, насколько часто св. Георгий-воин «украшал» их знаки власти. Так, изображения Георгия имеются на печатях Юрия Долгорукого и великого князя Георгия Всеволодовича, погибшего на р. Сити в 1238 г.[56], многих других князей, чье собственное имя не было Юрий или Георгий.

Георгий — конный воин в XIII—XIV вв. на печатях встречается редко, а сюжет змееборчества Георгия на русских княжеских буллах вообще отсутствует. Исключение составляют буллы новгородского цикла Ивана Васильевича (1462—1478)[57], изобразительная тема которых близка георгиевскому Чуду о змие.

В иконописи, малой пластике, самом распространенном виде изобразительного искусства Древней Руси (ибо вещи, исполненные литьем или резьбой, принадлежали не только Церкви, но и множеству частных лиц), сюжет с Георгием и драконом в указанное время был необыкновенно популярным[58]. Вместе с духовными стихами, о которых шла речь выше, произведения изобразительного искусства, распространенные в народной среде, являются убедительным свидетельством приверженности к культу Георгия-воина не только князей, но и простого народа. По-видимому, в этом образе для русских людей, как и для других славян, не связанных с его приоритетным «рыцарским» восприятием, воплотился покровитель всех их мирских дел — хлебосеяния и хлебопашества, выгона и пастьбы скота, других сельскохозяйственных работ (вспомним, что его день памяти приходится на 23 апреля — праздник природы, победы весны, а среди чудес имеются и такие, которые относятся к обыденным ежедневным делам). Однако в нем видели прежде всего защитника от зла, а с XIII в., когда зло это стало реальным для всей Руси, — защитника веры христианской.

Змееборческий сюжет на русских монетах и печатях заметно совпадает со временем, последовавшим за победой Дмитрия Донского на Куликовом поле.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[53] *Шандровская В.* Образ святого Георгия на византийских печатях // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977. С. 1—8.

[54] *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 156—157.

[55] Там же. С. 30.

[56] *Лазарев В. Н.* Указ. соч. С. 62.

[57] *Янин В. Л.* Указ. соч. Т. II. М., 1970. Табл. 7, 58; № 434; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Указ. соч. Табл. 24, 149—150, № 434а, 435, 436а.

[58] *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М., 1968. С. 15—16.

Зарисовка из альбома немецкого путешественника А. Мейерберга: герб Московии. XVII в.

В конце XIV — начале XV в. среди монет московских уделов появляются экземпляры, на которых всадник, держащий в руке копье, поражает им какой-то предмет под ногами коня, затем голову чудовища, наконец, змея. Интересен вариант, фиксирующий, вероятно, становление данного изображения: на монетах Василия Дмитриевича (1389—1425) помещен всадник с направленным вниз копьем, под ногами коня — татарский знак «плетенка»[59]. На печатях этого же князя 1390, 1401—1402 гг. можно увидеть под копытами коня едва различимого змея[60]. Сыновья Дмитрия Ивановича, племянники, внук, правнук, князья, придерживавшиеся «московской ориентации», например Василий Михайлович Кашинский, считали этот сюжет «своим», помещая его на монетах и печатях.

Следует отметить, что на русских монетах, чеканка которых началась с конца XIV в., изображения святых вообще не допускались: с драконом борется всадник без нимба. Возможно, поэтому змееборца, как и прочих вооруженных всадников или сокольников, принято считать светским воином — князем. Однако подобное толкование кажется слишком односторонним. Дело в том, что отечественные литературные памятники не знают рассказов о князьях, уничтожающих змеев-драконов. А. В. Чернецов, исследовавший изображения на русских удельных монетах, предположил, что подобный образ был своеобразным символом борьбы против основного врага того времени — монголо-татар, отражением злободневной политической ситуации[61].

Как бы ни казался всадник светским, вряд ли в восприятии современников он был таковым. Его иконография исключительно близка Чуду св. Георгия о змие. Не случайно многие исследователи, изучавшие образ св. Георгия, отмечали, что, встречая композицию с драконом, необходимо прежде всего иметь в виду Георгиевскую легенду. Не случайно также иностранцы, посещавшие Россию в XVI—XVII вв., воспринимали московского Драконоборца как св. Георгия (Р. Барберини, Д. Принц фон Бухау, С. Коллинз и др.).

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[59] *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1996 (репринт). № 466—467. Табл. VIII, № 332.

[60] *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. Табл., № 16; *Снегирев И. М.* Еще несколько слов о московском гербе // Московские ведомости. 1853. № 69

[61] *Chernetsov A. V.* Types of Russian Coins of the XIV and XV Centuries: An Iconographie Study. Oxford, 1983. P. 50, 102—104.

Имеется ряд фактов, свидетельствующих о повышенном интересе Ивана III к этому святому[62]. Московский великий князь, борясь за объединение русских земель в единое государство, а также за право называться царем, придавал большое значение формированию своего имиджа. При этом ему отводилась роль защитника чистоты веры, он противопоставлялся иноверцам и отступникам. Иван III находил поддержку Церкви, предписывающей ему «крепко стояти за православное христьянство», «обороните свое отечьство от бессерменьства» подобно тому, как прадед его Дмитрий Иванович «мужьство и храбьство показа за Доном»[63].

Образ защитника православия как нельзя лучше увязывался с образом Георгия Змееборца, который к тому же столь широко был известен и почитался в народе прежде всего за совершение «самого дивного из всех чудес его». Так писалось в древней повести, переведенной с греческого языка уже в XI в., а в русской интерпретации известной с XIII в.[64] Данные обстоятельства, по нашему мнению, и заставили великого московского князя при формировании своей властной политики взять в покровители Георгия Змееборца, поместив этот образ на первую общегосударственную печать 1497 г.[65]

Печать резал, по-видимому, итальянец, ибо фигура св. Георгия Драконоборца имеет явные черты, присущие его изображению в эпоху Кватроченто в Италии (в Ломбардии). То, что матрица для печати сделана иностранцем, не вызывает сомнения, ибо для русских мастеров этого времени отступление от византийского канона в изображении святого было невозможным. Показательно, что много лет спустя именно резчики монетных штампов (матриц) — граверы названы «фряжских резных дел мастерами», в отличие от серебряников[66].

Еще одно доказательство. По наблюдениям отечественных исследователей западноевропейского прикладного искусства, из-за отрицательного отношения на Руси к западному христианству «Москва не хотела узнавать священные изображения в произведениях Запада»[67]. Св. Георгий Змееборец никогда не назывался при описании русскими иностранных вещей своим именем: в украшении драгоценных золотых запон плаща царя Ивана Васильевича он (Георгий) обозначен следующим образом: «плащ золот репьеват с пупышем <…> на нем человек на коне колет змея в главу»; св. Георгий, изображенный на карабине и пистолетах, поднесенных царю в 1630 г. голландским купцом, был описан как «человек на коне белом, на чело-

[62] Подробнее см.: *Соболева Н. А.* Происхождение печати 1497 г. С. 29.

[63] Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 522—537.

[64] Чудо Георгия о змие // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 520—527, 616.

[65] Подробнее см.: *Соболева Н. А.* Происхождение печати 1497 г.

[66] *Орешников А. В.* Василий Андреев, резчик монетных штампов. Сб. ст. в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 291—292

[67] *Иванов Д. Д.* Германское искусство эпохи Возрождения в быте Древней Руси. Сб. Оружейной палаты. М., 1925. С. 90.

веке одежда лазорева, колет змею копьем»[68]. Не потому ли св. Георгий, чей образ вырезан на русской печати иностранцем, по традиции не именовался св. Георгием в русских источниках, а считался «человеком на коне», «ездецом» и т. д.?

Печать из красного воска с Драконоборцем использовалась русскими государями в XVI и XVII вв. Иван Васильевич (Грозный) поместил его на грудь двуглавого орла. В таком виде Георгий Змееборец вошел в государственный герб. Правда, в указе царя Алексея Михайловича 1667 г., где впервые описан «державный герб», сказано: «на персех (на груди орла. — *Н. С.*) изображение наследника»[69].

Монетная реформа 1535—1538 гг. создала в России копейку. Так назывались серебряные монеты, на которых изображался «князь велики на коне, а имея копье в руце, и оттоле прозвашеся денги копейные»[70]. На обороте в строчной легенде сообщалось, что это князь великий, затем — царь и государь всея Руси. Композиция, представленная на копейке, очень напоминает изображение Чуда Георгия о змие, однако под копытами коня нет дракона. И все же на поддельных копейках, выпущенных англичанами в конце XVI в., всадник, сжимающий руками копье и несущийся вперед, почти идентичен святому воину Драконоборцу в «западном» варианте[71].

Корона на всаднике с копейки свидетельствовала, что изображен государь. Ту же корону можно видеть и на всаднике, который украшает грудь двуглавого орла в XVI в. Поэтому-то «государственные чиновники», когда их спрашивали о всаднике, отвечали, что это «государь на аргамаке», «сам царь с копьем» и т. д. В XVII в. фигура на груди двуглавого орла все чаще именуется «человеком на коне», «ездецом» (всадник, воин), ибо головной убор не всегда представляет собой корону; в начале XVII в. на государственных печатях всадник бывает повернут в левую от зрителя, нетрадиционную сторону. С точки зрения сведущих в геральдике людей, если бы таковые имелись в России, человеческая фигура на коне должна была изображаться подобным образом. Но таковых знатоков еще не было в России, поэтому можно предположить, что матрицу печати резал иностранец.

В начале XVIII в. в России Георгий Победоносец в государственной атрибутике утверждается под своим именем. Петр одним из первых назвал всадника на груди двуглавого орла «святым Егорием»[72]. В этом качестве он выступает и в государственном гербе, который по распоряжению царя создал согласно геральдическим канонам иноземец-геральдист граф Ф. Санти, и на новых петровских монетах.

---

[68] *Иванов Д. Д.* Указ. соч. С. 91; *Маркова Г. А.* Об употреблении европейского художественного серебра в Московской Руси XVI века // Государственный музей-заповедник «Московский Кремль»: Материалы и исследования. Вып. XI. М., 1998. С. 262—263.

[69] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. I. № 421.

[70] *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 20. См. также таблицы в конце книги.

[71] Там же. Табл. 9

[72] *Белавенец П. И.* Изменение российского государственного герба в императорский период // Вестник имп. общества ревнителей истории. Вып. II. Пг., 1915. С. 69.

На медных монетах, а затем и на серебряных копейках, выпускавшихся во втором десятилетии XVIII в., Георгий Победоносец изображен «в одиночку»[73]. При последующих чеканах он украшает монеты других номиналов. Характерная деталь в облике святого Драконоборца, который изображается и в гербе государства, и на монетах в петровское и послепетровское время, — шлем с плюмажем. В подобном головном уборе св. Георгий представлен уже с XVI в. на монетах многих западноевропейских государств, в частности Италии, Германии. Типичен образ Георгия Драконоборца на монетах графства Мансфельд[74], которые служили эталоном для многих европейских правителей[75].

Для Петра I вырезали матрицы печатей и монет многие иностранные мастера, которые принесли западноевропейский канон в Россию.

В подобном «художественном облике» Георгий Победоносец в 1781 г. попал в герб Москвы, где мы его видим и сейчас.

[73] *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л., 1970. С. 146—149, 194—195.

[74] *Tornau O.* Münzwesen und Münzen der Grafschaft Mansfeld von der Mitte des fünfzehnten Jahrhunderts bis zum Erlöschen des Gräflichen und Fürstlichen Hauses. Praga, 1937. Tabl. II, XIV, XXX etc.

[75] Wörterbuch der Münzkunde / Hrsg. F. E. von Schrötter. Berlin; Leipzig, 1930. S. 219.

СИМВОЛИКА РОССИЙСКИХ ГОРОДСКИХ ГЕРБОВ XVI—XVIII ВВ.

Для любого современно государства его символы существуют в триединстве: герб, флаг и гимн. Подобное триединство в мировой практике начало складываться сравнительно поздно, с XIX в. С этого времени символы государственного суверенитета постепенно закрепляются в триединстве законодательно. Во многих странах, в том числе и в России, к названным трем символам добавляются и территориальные гербы. В России они возникли под эгидой верховной власти в XVIII–XIV вв. и подобно прочей государственной символике оформлялись законодательно. Их описание вносилось в Полное собрание законов Российской империи. Бесспорна близость художественного оформления многих городских гербов и других символов государственной власти: в обоих случаях заметна идеологизированность символики. Однако в городской символике среди явных атрибутов самодержавия присутствуют и индивидуальные черты города, местности. Их особенности, составляющие заметную ценность, красоту этих сторон жизни России. Последнее, бесспорно, пробуждало патриотические чувства.

Традиция существования в России городских гербов была прервана в начале 20х гг. Почему не фигурирует здесь 1917? Большевики, создав на протяжении 20-х гг. пролетарскую символику, предполагали использовать и городские гербы, построив их при помощи новых социалистических эмблем. В качестве опыта появился герб советской Москвы («герб Москвы и Московской губернии») в 1924 г. (См. об этом текст ниже.) Опыт оказался неудачным, герб «не привился», и о нем, как кажется на первый взгляд, забыли. Однако само понятие «герб» не ушло из «исторического обихода». Статья «Герб», написанная «сведущим» в геральдике К. И. Дуниным-Борковским, появилась в справочном издании[1]. Конечно же, к гербу как к историческому источнику не однократно обращался известнейший в России специалист по научной геральдике В. К. Лукомский[2]. В. К. Лукомский констатировал, что научной истории происхождения и развития гербовых знаков как социального явления, порожденного условиями общего исторического процесса, в России не создано[3]. В этой связи Лукомский ставил вопрос об изучении генезиса и установлении этапов развития

[1] *Дунин-Борковский К. И.* Герб // Энциклопедия государства и права. Т. I. М., 1925. С. 413.

[2] *Лукомский В. К.* Геральдика // Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 15. М., 1929. С. 423.

[3] *Лукомский В. К.* Гербовая экспертиза: (случаи и способы применения) // Архивное дело. 1939. № 1/49. С. 46.

самых различных знаков, принятых на отдельных ступенях развития человеческого общества. На этом фоне четко должен был выделяться особый знак — герб, определение которого встречается в ряде его работ. Лукомский без тени сомнения рассматривал герб как продукт средневековой эпохи, по эго мнении, в Русском государстве о гербах можно говорить не ранее XVII века[4].

Несмотря на более или менее четкие представления о понятии «герб», а вследствие этого вывод о довольно позднем появлении гербов в России, утвердившийся в отечественной историографии, в литературе бытует концепция о наличии русских городских гербов с глубокой древности. Эту точку зрения в свое время высказал А. А. Ураносов. По его мнению, говорить о городских гербах на Руси можно начиная с XII в. Автор называет гербы древнейшими знаками собственности: гербами называются знаки собственности, т. е. особые эмблемы, имеющие наследственный характер и являющиеся постоянными отличительными знаками государства, города. Учреждения, дворянского рода и т. д.»[5]. Ураносов смешал два вопроса: исторические корни городских гербов и время реального появления последних. Трактовка герба, предложенная Ураносовым, по-видимому, предполагает для городского герба (старых удельных городов) его аналогию с княжеским знаком собственности — с княжеской печатью, которую в литературе нередко называют гербом. Им не принимается во внимание функциональная однозначность городского герба, отражающая определенное положение города в обществе и определенное городское устройство, исключающие возможность рассматривать проблему возникновения и эволюции городского герба в Российском государстве изолированно, в отрыве от общеевропейского процесса возникновения герба как особого знака, в том числе и городского герба.

В период «хрущевской оттепели» (в начале 60-х гг. XX в.) в Советском Союзе возник своеобразный «геральдический бум»: сотни граждан нашей страны встали на стезю геральдического творчества, создавая местные отличительные знаки: гербы городов, поселков и даже деревень. Было выпущено огромное количество значков с Герами городов Российской империи, необычно развилось коллекционирование последних, создавались гербы городам, появившимся в советское время. Так как геральдические традиции составления городских символов к этому времени были основательно забыты, возрождение местной геральдики проходило стихийно, однако, на фоне общенародных лозунгов: «Каждому городу его знак — герб», «Герб города — его визитная карточка», чаще: «Герб города — это его символ» и т. д.[6]

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[4] *Лукомский В. К.* Гербовая экспертиза. С. 47; *Лукомский В. К.* Герб как исторический источник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 17. М., 1947. С. 49.

[5] *Ураносов А. А.* Русские областные и городские печати и гербы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1953. С. 25.

[6] Соотношение между терминами «знак» и «символ» неоднократно рассматривалось в научной философской литературе. Всестороннему анализу понятия «знак» и «символ» подвергнуты, в частности, филологом и философом А. Ф. Лосевым. Выстраивая стройную

Нередко по отношению к гербу города наряду с терминами «знак», «символ» употребляется понятие «эмблема». Исходя из существующего определения этого понятия[7], при условии уточнения, касающегося правил составления эмблемы-герба, формирующегося согласно геральдическим канонам, а также имея в виду социально обусловленную сущность герба, применение термина «эмблема» для герба кажется вполне оправданным. Однако эмблемой обычно называют также изображение или фигуру, помещенную в гербовом щите[8], являющуюся основополагающей в гербе. В данной главе термин «эмблема» употребляется в этом втором значении.

Исследуя весь комплекс эмблем, зафиксированных в городских гербах Российской империи, мы придерживались прежде всего двух основных положений: 1) эмблемы необходимо «поставить» в определенную историческую эпоху, 2) помнить, что эпоха влияла на создание, трактовку, форму эмблемы[9].

Символика эмблем XVI в.

Впервые российские городские эмблемы были классифицированы П. П. Винклером, который пытался положить в основу своей классификации хронологический принцип: «Городские гербы по своему происхождению делятся на две существенно различающиеся одна от другой группы. Первую составляют гербы городов *старых* (курсив мой. — *Н. С.*)… а вторую — гербы городов, учрежденных в последующее время»[10]. Он считал, что гербы первой группы образовались из областных печатей, которым были приданы геральдические атрибуты.

При анализе рисунков и описаний гербов, помещенных в книге Винклера, однако, выясняется, что термин «старый» не только применен им к городам, чьи печати нам известны, но и охватывает более широкий круг городов. Что же входит

научную систему доказательств неоднозначности этих терминов, подчеркивая, что между знаком и символом существует масса промежуточных звеньев, Лосев между тем в качестве одного из отправных моментов выдвигает положение, что «в науке эти термины, безусловно, являются прямыми конкурентами», «среди разного рода значений термина "знак", встречается также и символическое значение, так что "знак" уже ничем не отличается от "символа"…» (*Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 68—69).

[7] Наиболее удачное, по нашему мнению, определение понятия эмблемы дано Лосевым: «Эмблема есть точно фиксированный, конвенциональный, но, несмотря на свою условность, вполне общепризнанный знак как самого широкого, так и самого узкого значения». В соотношении с символом — «всякая эмблема есть символ, но отнюдь не всякий символ есть эмблема» (*Лосев А. Ф.* Указ. соч. С. 148—149).

[8] *Лукомский В. К., Типольт Н. А.* Русская геральдика. Пг., 1915. С. 3.

[9] Этот аспект подчеркивается Лосевым: «Едва ли требует доказательства, что все реальные символы существуют только в истории, все несут на себе отпечаток эпохи, классового или сословного происхождения… История символа… ясно обнаруживает всю невозможность чистой символики в ее отвлеченном виде…» (*Лосев А. Ф.* Указ. соч. С. 226).

[10] *Винклер П. П. фон.* Гербы городов, губерний, областей и посадов, внесенные в «Полное собрание законов Российской империи за 1649—1900 гг.». СПб., 1900. С. I.

в понятие «старый» герб? Насколько стары «старые» гербы? Анализ происхождения и время появления эмблем «старых» гербов помогут ответить на эти вопросы. Термин «старый» герб возник в начале работы по массовому составлению гербов. Все города, рисунки гербов которых были в какой-либо форме учтены к этому времени в Герольдмейстерской конторе, получили «старый» герб. Как правило, для «старых» гербов характерно отсутствие в щите наместнического герба.

Наиболее старыми можно назвать городские эмблемы, возникшие до XVIII в., т. е. до создания петровской символики. Впрочем, городскими их можно назвать только условно. Эмблемы, о которых пойдет речь ниже, ассоциировались в XVI—XVII вв. не с городами, а с землями и областями, составлявшими царский титул. 33 эмблемы зафиксированы в самом конце XVII в.— они изображены на рисунке, помещенном в дневнике И. Г. Корба. Из них 20 соответствуют реально существовавшим к тому времени в составе Русского государства городам. Из этих 33 эмблем в XVI в. существовали 22 эмблемы, причем городских (впоследствии ставших городскими) — 16.

Изначальным моментом появления 16 эмблем, впоследствии вошедших в состав городских гербов, явилось изображение последних на государственной печати Ивана IV. Время ее создания — 70-е гг. XVI в. К этому моменту из 27 эмблем, изображенных на лицевой и оборотной ее сторонах, с уверенностью можно говорить о существовании следующих: двуглавого орла[11], всадника, поражающего копьем дракона (в щитке на груди орла на лицевой стороне печати), единорога (на груди орла на оборотной стороне печати), а также трех прибалтийских эмблем и одной литовской. Основные эмблемы печати исследованы в упомянутой нами работе Штёкля, а также в ряде других работ[12]. Исследователи отмечают многовековое (ко времени Ивана IV) существование эмблемы двуглавого орла и всадника, поражающего копьем дракона. Единорог в качестве государственной эмблемы известен при Иване III[13], но еще в XIV в. он использовался в качестве сюжета изобразительного искусства[14]. Б. Кёне отмечал, что три прибалтийских герба не соответствуют надписям, их окружающим[15]. Штёкль определил, что внутри кру-

[11] Двуглавый орел обычно изображался на печатях русских государей с короной на каждой из двух голов (при Михаиле Федоровиче появилась над головами орла третья корона); в данном случае одна корона венчает обе головы. В этом факте Г. Штёкль видит западноевропейское влияние (*Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV // Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 48. Opladen, 1972. S. 46).

[12] *Alef G.*The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: a Discordant View // Speculum. 1966. V. 41. № 1; *Соболева Н. А.* О методике изучения сфрагистического материала XV—XVIII вв.: (Историографические заметки) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII Л., 1976; *Спасский И. Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Там же.

[13] *Спасский И. Г.* Монетное и монетовидное золото. С. 115—118.

[14] *Воронин Н. Н., Лазарев В. Н.* Искусство среднерусских княжеств XIII—XV вв. // История русского искусства. Т. III. М., 1955. С. 17.

[15] *Koehne B. de.* Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. Berlin, 1861. P. 12—14.

говой надписи «Печать магистра Лифлянския земли» находится фамильный герб Фюрстенберга, предпоследнего магистра ордена, «печать арфибископа рижскаго» не является его печатью, а представляет собой изображение, существовавшее на рижских шиллингах XVI в., наконец, «печать города Ревале» — это изображение печати города Вендена[16].

Внутри круговой надписи «Печать полотцкая» изображены «колюмны», «Гедиминовы столбы» — эмблема, встречающаяся на монетах Литовского великого княжества еще в XIV в. Полоцк, завоеванный Иваном IV, ко времени изготовления нашей печати воспринимался русскими как «литовский город», о чем сообщается и в летописи[17]. Таким образом, применение сугубо литовской эмблемы в данном случае не должно удивлять. Неточность в употреблении эмблем присоединенных земель или земель, которые Иван IV намеревался присоединить, в частности городов Ревеля и Риги (известно, что существовали подлинные их эмблемы), свидетельствует о том, что в данном случае эта подлинность не имела для создателей печати особого значения, важен был сам замысел — показать единство (и количество) земель, объединенных под эгидой московского государя. Общая оценка символики данной печати уже фигурировала в литературе: областные печати сориентированы на центр (даже головы животных повернуты в одну сторону — к центру, к символу вышестоящей власти). Отмечалось, что сам принцип данного построения печати типичен для государственных печатей многих западноевропейских стран: медальоны с изображением гербов земель, входивших в состав государства, помещались вокруг общегосударственной эмблемы[18]. Однако символика большинства эмблем все еще остается неразгаданной. Существенное значение имеет хронологический момент: когда появились печати с подобными эмблемами? В литературе высказывалось мнение, что такие печати, как новгородская, псковская, казанская, существовали до возникновения государственной печати Ивана IV. Особенно это подчеркивалось в отношении Пскова и Новгорода.

Эмблемы новгородской печати — вечевая степень с лежащим на ней жезлом (посохом), представленные на печати Ивана IV, рассматривались в дореволюционной и советской литературе как символы новгородской аристократической республики, известные уже в XV в. Н. Г. Порфиридов убедительно показал, что печати с данными эмблемами принадлежали не Новгороду периода независимости, а новгородским воеводам, московским наместникам конца XVI—XVII в. Это были «государевы» печати. Относительно якобы «республиканских» эмблем Новгорода Порфиридов заключает, что степень и жезл (посох) не являются узкоместными новгородскими эмблемами. «В древнерусской символике,— пишет автор,— они искони были символами и эмблемами власти вообще, в первую

[16] *Stökl G.* Op. cit. S. 59—60.

[17] ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 302.

[18] *Stökl G.* Op. cit. S. 52; *Соболева Н. А.* Российская городская геральдика // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 53.

очередь княжеской и царской»[19]. Выводы Порфиридова заключают в себе очень важный для нашего разбора эмблем момент: действия центральной власти в отношении создания новгородской эмблемы были исходными. Появившаяся в 1565 г.[20], зафиксированная несколько позднее в большой государственной печати, данная эмблема затем могла продолжать существование в качестве изображения на печатях новгородских воевод.

Псковская печать с изображением «барса» и с надписью: «Печать господарьства Псковского», по утверждению А. Б. Лакиера, «рано образовалась»[21]. Н. П. Лихачев показал, что псковские печати данного вида относятся к XVI в.[22] Он идентифицировал псковского «барса» с новгородским «лютым зверем», как теперь принято считать, львом[23]. Лихачев, подмечая условность названия зверя, изображенного на псковских печатях, барсом, пишет, что «ни в Новгороде, ни в Пскове не было знатоков геральдики, которые соображались бы с правилами западноевропейской геральдики, составляя рисунок для монеты или печати. Изображение "лютого зверя" имеет некоторую историю, а печать с "барсом" сама по себе — явление позднее»[24]. Если это явление XVI в., то не следует ли его приблизить к моменту создания государственной печати и считать, что на псковскую печать эмблема попала оттуда, а не наоборот? Изображение зверя — эмблемы Пскова на печати Ивана IV — не имеет особых признаков, которые позволили бы видеть в нем барса. Хищный зверь в окружении надписи «Печать псковская» в XVII в. назван рысью. Возможно, на печати Пскова, известной в XVI в., также должна была быть рысь. Надо отметить, что звери, рыбы, птица, изображенные на оттиске печати Ивана IV, трудно поддаются идентификации. До сих пор в литературе употреблялся даже не оттиск печати, а рисунок, сделанный с этого оттиска, где по воле художника зверям, рыбам и птице были приданы более определенные черты, иногда не соответствующие подлинному изображению, и исследователи, имевшие перед глазами этот рисунок, а не фотографию оттиска печати, интерпретировали животных по своему усмотрению.

Наряду с новгородской и псковской печатями к числу известных в XVI в. относится казанская. Однако еще Лакиер писал, что она была получена Казанью от русского правительства[25]. Известно, что в употреблении у казанских воевод печать

◇◇

[19] *Порфиридов Н. Г.* Новгородская «вечевая» печать // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. II. Л., 1969, С. 194. В этой статье приводится литература, посвященная изучению вопроса о новгородской печати.

[20] ПСРЛ. Т. 13. С. 398.

[21] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 157—158.

[22] *Лихачев Н. П.* Печати Пскова // Советская археология. 1960. № 3. С. 231. См. также: *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова // Там же. Вклейка, рис. 1.

[23] *Клейненберг И. Э.* «Лютый зверь» на печатях Великого Новгорода XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. II. С. 176—190.

[24] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 230

[25] *Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 160.

с изображением коронованного дракона зафиксирована в 1596, 1637 и 1693 гг.[26] Таким образом, имеются основания начальным моментом возникновения эмблемы, утвердившейся в качестве казанской, считать появление последней на государственной печати Ивана IV.

Возникновение эмблем (по крайней мере, их абсолютного большинства), за исключением перечисленных мной прибалтийских, литовской, общегосударственных, синхронно с созданием государственной печати Ивана IV — эта мысль подчеркивается рядом исследователей[27]. В литературе существует также тенденция к усматриванию древности корней некоторых гербов, стремление вывести происхождение эмблем из местных традиций[28]. Сразу оговорюсь, что данную версию происхождения эмблем или, точнее, некоторых эмблем, изображенных на печати Ивана IV, отрицать не буду, например казанской, дракон которой, несомненно, связан с татарской легендой об основании Казани, вошедшей в русское сочинение «Казанский летописец». В этом памятнике, созданном, как предполагают, в 1564—1565 гг.[29], т. е. близко по времени с предполагаемой датой создания государственной печати Ивана IV, содержатся сведения о том, что с Казанью связано представление о чудовище — змее, об изгнании его по приказанию царя Саина Болгарского, о сожжении бывшего змеиного жилища. Эта легенда как бы проецируется на дальнейшие действия реальных казанских ханов: «яко же преже сего на том месте вогнездися змий лют и токовище их, и воцарися во граде скверный царь…»; «быти от того (от сожжения змеиного логова. — *Н. С.*) велику смраду змиину по всей земли той, и проливающе впредь хотяще быти от окаяннаго царя злое содеяние проклятый его веры срацынския»[30].

Если принять во внимание, что в русских литературных памятниках и изобразительном искусстве фигурировал с давних пор образ чудовищного змея (аспида, василиска — в буквальном переводе «царек», дракона) в качестве врага, а в данном случае это был конкретный враг — царь казанский, то идейно-образное выражение присоединенного Казанского ханства в виде дракона с короной на голове (корона — всегда олицетворение царя, царства, словом, высшей власти) — прекрасный символ, ассоциирующийся с Казанью, символ, в котором воплотилось представление создателей данной эмблемы о конкретном понятии, о Казанском царстве. В основе структуры этого символа — знание подлинных (или легендарных) фак-

[26] Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Вып. 1. М., 1882. Табл. 64. (Далее: Снимки); Сборник снимков древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции / Сост. П. Ивановым. М., 1858. Табл. XIII, 135; Табл. XIX, 301. (Далее: Сб. снимков).

[27] *Тройницкий С. Н.* О гербе смоленском // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. 1. Пг., 1921. С. 349; *Stökl G.* Op. cit. S. 54.

[28] *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы // Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 93. История. Кн. 1.

[29] Казанская история. М.; Л., 1954. С. 3.

[30] Там же. С. 47—48.

тов, зафиксированных к моменту создания символа в письменном памятнике или устной традицией.

Возможно, что подобные ассоциации могли возникнуть у создателей государственной печати Ивана IV в отношении псковской эмблемы, которая могла быть «состроена» в соответствии с изображением, встречающимся на более ранних, чем печать, псковских монетах. С уверенностью это можно было бы утверждать только в том случае, если бы удалось идентифицировать зверя псковских монет и «Печати господарьства Псковского».

У исследовавшего печать Ивана IV Штёкля вызывает недоумение присутствие среди эмблем булгарской, ибо Булгария еще в XV в. вошла в состав Казанского ханства, растворилась в нем и как самостоятельная область в середине XVI в. не существовала. Не зафиксирована памятниками и ее печать (эмблема), изображающая идущего хищного зверя. Однако в том же «Казанском летописце» читаем о Булгарин: «и наведе (царь казанский. — *Н. С.*) из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь со князи их и со старейшинами и многу ему сущу, ибо подобну суровством и обычаем злым, песьим главам, самоедом»[31]. Исходя из существующей литературной характеристики булгар, можно допустить и возникновение ассоциации их с хищным зверем.

Аналогичные литературные свидетельства, на которые можно было бы опереться при расшифровке других эмблем печати Ивана IV, найти пока не удалось. Так, трудно объяснить рязанскую эмблему (конь), тверскую (медведь), астраханскую (волк, пес), ростовскую (птица). До настоящего времени не было высказано более или менее аргументированного мнения по поводу того, почему на государственной печати Ивана IV изображены «Печать велікаго княжества Смоленского» в виде трона с царской шапкой на сиденье, «Печать ярославская» — в виде рыбы, а «Печать великаго княжества Тверского» — в виде медведя. Объяснение — «перепутанность эмблем» может относиться к последующему времени, когда, скажем, тверскую печать «перепутали» со смоленской (тверская эмблема в XVII в. представляла собой трон, на котором лежала корона) или пермскую — с тверской. Но только что созданные эмблемы, естественно, ни с чем перепутаны быть не могли, и исследование самых старых эмблем, по-видимому, должно исходить из первоначального их состояния.

Возникновение вятской эмблемы в виде лука со стрелой, нижегородской — в виде оленя (лося) обосновывалось существовавшими некогда в этих местах соответствующими культами. В принципе подобное соотношение возможно при сохранении преемственности символики на протяжении ряда столетий, зафиксированной материальными или письменными памятниками, а может быть, и фольклором, однако в данном случае ничего конкретного о преемственности символов сказать нельзя.

В целом, несмотря на исключительную заманчивость, теория местных традиций как исходного момента в формировании комплекса эмблем, сгруппированных

[31] Казанская история. М.; Л., 1954. С. 48.

на лицевой и оборотной сторонах русской государственной печати XVI в., кажется довольно гипотетичной. Последнее позволяет, на наш взгляд, искать и другие возможные подходы к восприятию соотношения и объяснению символики фигур уникальной печати.

Один из возможных подходов — квалификация печати как памятника изобразительного искусства (процесс изготовления печати предполагает первоначальное создание рисунка, по которому резалась матрица), созданного в определенный исторический момент. Изобразительная сторона не только ставит печать в ряд произведений изобразительного искусства XVI в., но и позволяет выявить в ней присущие этому искусству черты: церковный символизм, сильное звучание догматической и морализующей темы[32], которые соответствовали идейной направленности искусства 40—70-х гг. XVI в., призванного «подкрепить, обосновать, прославить правление и деяния первого "венчанного самодержца", вступившего на престол централизованного государства Русского»[33], взаимосвязь различных форм изобразительного искусства (например, миниатюры и монументальной живописи)[34], единство сюжетов изобразительного искусства и литературных и пр.

Характерная черта композиции рисунка, если абстрагироваться от последующего пластического его выражения, — расположение отдельных эмблем вокруг одной, центральной. Уже Штёкль, рассматривая печать Ивана IV в этом аспекте, подчеркивал, что русским был знаком принцип отдельных изображений вокруг центральной фигуры — это принцип «клейм» на «житийных» иконах[35]. При кажущейся общности структуры взаимозависимость «клейм» и центрального изображения «житийных» икон и печати Ивана IV различна по своей сути. В «житийных» иконах идейное содержание клейм — рассказ о жизни святого, иллюстрация, в которой отсутствует подчиненность господствующему началу, воплощенному в центральном образе композиции. Принцип же, ясно уловимый в композиции печати, — соотношение господствующего начала центрального изображения и подчиненности «клейм», окружающих его. Этот принцип известен русской иконописи. С подобной композицией нас знакомит икона середины XV в. новгородской школы «Страшный суд»[36], где в круге поясное изображение Саваофа сопровождается восемью меньшими кругами с изображением серафимов и символов евангелистов[37]. На знаменитой иконе новгородской школы середины XVI в. «Премудрость созда

[32] *Мнева Н. Е.* Московская живопись XVI в. // История русского искусства. Т. II. М., 1955. С. 542; *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 184

[33] *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 5.

[34] Там же. С. 167.

[35] *Stökl G.* Op. cit. S. 54.

[36] *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. Т. I. М., 1963. № 64. С. 121, табл. 72.

[37] Подобную композицию встречаем на другой иконе новгородской школы второй половины XVI в. (Там же. Т. II. М., 1963. № 381. С. 36, табл. 10).

себе храм» также изображен радужный круг, внутри которого заключена символико-аллегорическая фигура «Софин» — «Премудрости божьей», вокруг в круглых клеймах — чины ангельские и символы евангелистов[38].

В светском монументальном искусстве подобная композиция находит себе место в росписи Золотой палаты Кремлевского дворца[39]. Принцип концентрических кругов с заключенными в них фигурами, олицетворяющими главенствующее и единодержавное начало (например, Иисуса Христа в образе Эммануила), которые находятся в окружении других фигур, воплощающих зависимость, подчинение этому центральному образу, и композиция государственной печати Ивана IV исключительно близки по стилю[40]. На печати Ивана IV (как на лицевой, так и на оборотной стороне) мы наблюдаем в центральном образе то же олицетворение всесилия, главенства и единодержавия. Фигуры, окружающие его, не самостоятельны, а подчинены этому главенствующему началу.

Исследователи неоднократно отмечали, что в композиции росписи Золотой палаты все было подчинено сложному иносказательному языку, разнообразные религиозно-догматические представления и морализующие сюжеты были воплощены в фигурах людей и зверей[41]. Символические изображения нередко сопровождались пояснительно-назидательными надписями. Аллегорические женские фигуры представляли добродетели и пороки, атрибуты их являлись образным дополнением к сопутствующим надписям: правда — женская фигура с весами, безумие, бешенство представлено в виде кентавра, разум — фигура с книгой. В целом живопись Золотой палаты декларировала «уверенность в необходимости некоей общей религиозно-догматической и политической системы»[42]. Пронизывающая композицию идея государственности переплеталась с идеями назидательно-морализующего плана. Эти идеи доводились до зрителя при помощи комплекса образов, символов, известных и понятных зрителю, ибо они были воплощены в формах, выбор которых был продиктован заботой о читаемости. Восприятие данных форм зрителем обуславливалось его мировоззрением, по преимуществу теологическим, сформированным под влиянием господствующих в средневековом обществе идей, находящих выражение в литературе и изобразительном искусстве. Изобразительное искусство использовало в основном библейские образы, хотя имелись и существенные дополнения в виде действующих лиц физиологической саги, а так-

[38] *Мнева Н. Е.* Местные школы живописи XVI в. // История русского искусства. Т. III. С. 588—589; *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Указ. соч. Т. II. № 365. С. 25, табл. 3.

[39] Изображение реконструкции росписи, сделанной согласно сохранившемуся описанию, имеется в книге О. И. Подобедовой «Московская школа живописи при Иване IV».

[40] Употребляю это слово, исходя из определения понятия «стиль», данного Д. С. Лихачевым: «Стиль не только форма языка, но это объединяющий эстетический принцип структуры всего содержания и всей формы произведения» (*Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. С. 36).

[41] *Мнева Н. Е.*Московская живопись XVI в. С. 570; *Подобедова О. И.* Московская школа живописи. С. 64.

[42] *Подобедова О. И.* Московская школа живописи. С. 60.

же аллегорических фигур, заимствованных, по всей вероятности, из специальных эмблемников западноевропейского происхождения[43].

Стилевая близость государственной печати Ивана IV памятникам изобразительного искусства XVI в., в частности росписи Золотой палаты, с их символизмом, библейскими образами, с их ярко проявляющейся тенденцией вкладывать в изображение самых простых явлений скрытое значение, наталкивает на мысль интерпретировать эмблемы, которые выступают в виде печатей областей, земель, входящих в состав Русского государства, как определенные символы. Эти символы на фоне общей тенденции «огосударствления» художественной культуры должны были, по-видимому, заключать в себе, выражать наиболее злободневные темы, волновавшие круг людей, причастных к созданию данного памятника, и прежде всего самого царя.

Хотелось бы подчеркнуть, что русская средневековая символика, отражающая мировоззрение человека прошлого, раскрывающая закономерности его мышления и смысл его поступков, до сих пор является областью недостаточно изученной. Ученые различных специальностей отмечают этот факт и подчеркивают важность раскрытия, расшифровки символизированного мышления наших предков[44]. В данном аспекте печать Ивана IV необычайно интересна, так как представляет собой буквально сгусток символов. Она, несомненно, заслуживает специального, более детального рассмотрения, чем это сделано в последующем предварительном варианте, хотя надо отметить, что при самом тщательном анализе элемент вероятностности расшифровки сохранится, во-первых, из-за невозможности абсолютной идентификации изображений, во-вторых, из-за многозначности каждого символа, в которой обязательна полярность трактовки, и, наконец, в силу невозможности

◇◇

[43] На эту мысль наводит, в частности, использование в росписи Золотой палаты аллегорических изображений человеческих пороков и добродетелей, составляющих так называемое зеркало морали — одну из частей «Всеобъемлющего зеркала», изобретенного французскими средневековыми схоластами, перенесшими в мир сознания и разграничившими в определенном порядке все явления жизни. Подобная трактовка пороков и добродетелей в виде женских фигур с соответствующими атрибутами встречается в западноевропейском изобразительном искусстве (*Mâle E.* Art et artistes du moyen âge. Paris, 1968. P. 16—19). Средневековая Европа была наводнена всевозможными сборниками эмблем с их расшифровками, толкованиями, объяснениями. Наиболее популярные из них были известны в XVI—XVII вв. русским художникам и использовались ими. См. об этом: *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951; а также ниже в настоящей работе.

[44] *Вагнер Г. К.* К вопросу о владимиро-суздальской эмблематике // Историко-археологический сборник. К 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962; *Амброз А. К.* О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // Советская археология. 1966. № 1; *Даркевич В. П.* Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка // Там же. 1968. № 3; *Лихачев Д. С.* Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси и пути его преодоления. Сб. статей к 60-летию академика В. В. Виноградова. М., 1956. С. 165—169; *Он же.* Поэтика древнерусской литературы. С. 175—184; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 37; *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963. С. 160—210; *Подобедова О. И.* Московская школа живописи. С. 142; *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 106.

абсолютного осознания современным человеком всех деталей, аспектов, моментов логики средневекового мышления.

В качестве примера возьмем хотя бы новгородскую эмблему. Как уже отмечалось, исследователи принимали ее за республиканский символ. Порфиридов привел аргументы в пользу ее интерпретации как знака царской власти. Однако речь шла в основном о двух компонентах эмблемы: месте (троне) и посохе (жезле). Такие фигуры, как медведи (по летописному свидетельству, это были медведь и рысь), рыбы, плывущие навстречу друг другу, остались вне объяснения. О рыси написано, что она «убо есть пестра и своею пестротою прообразует пестротное житие и учение; сицевый нрав земных человек приличен есть еретиком и злым учителем». В том же произведении дается следующая характеристика медведя: «медведь убо многообъядлив (есть); сице и человек, аще объядается, несть убо человек таковый, но медведь. И паки, медведь лют ногти (нохты) драти; сице и человек, аще подобных себе такую же братию дерет, неси человек, но медведь»[45]. В приведенных примерах дается резко отрицательная характеристика животных, стоящих по обеим сторонам царского трона. Понятно, что речь идет о людях, наделенных подобными отрицательными качествами. Однако в других произведениях традиционной письменности описание медведя не соответствует вышеприведенному[46]. Рысь же ассоциируется с человеком, который обладает способностью зорко видеть, предвидеть, ясно представлять то, что не видят остальные. Символика рыбы или рыб известна. Обычно это монограмма Иисуса Христа, а также символ христианской или беззащитной души, уловленной апостолами или «врагами» в «пагубную сеть»[47]. В русских сочинениях о животных отмечаются такие привычки рыб, которым надо подражать, — верность естественным законам и уважение к чужой собственности[48].

Даже если будет объяснена символика каждого компонента композиции, в силу полярности характеристики этих компонентов трактовка эмблемы в целом все-таки всегда будет содержать отпечаток двойственности, а следовательно, вероятностности.

Основную группу эмблем печати Ивана IV составляют изображения животного мира (различные звери, а также рыбы и птица). В древнерусском изобразительном искусстве, в частности в стенописи и иконописи XVI в., встречается много изображений животных. Специалисты считают, что большинство их заимствовано художниками из средневековых Физиологов[49].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[45] Слово о разсечении человеческого естества (*Дурново Н. Н.* К истории сказаний о животных в старинной русской литературе // Древности: Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. Т. 3. М., 1898. С. 66).

[46] Там же. С. 82.

[47] *Буслаев Ф. И.* Сочинения. Т. II. СПб., 1910. С. 331; *Лихачева О. П.* Некоторые замечания об образах животных в древнерусской литературе // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 103.

[48] *Дурново Н. Н.* Указ. соч. С. 45.

[49] *Мнева Н. Е.* Московская живопись XVI в. С. 560.

Физиологическая сага, в которой все животные наделены особыми чудесными свойствами, представляла собой кладезь символики, из которого средневековые моралисты черпали образные понятия и сравнения, распространяя их на религиозно-этическое поведение человека[50]. В изобразительном искусстве эти образы представали в «картинном» выражении. В то же время это «картинное» выражение являло собой не только зримый образ, в данном случае фигуру животного, наделенного характерными физическими признаками, но и своеобразную идеограмму, сутью которой мог быть или определенный христианский догмат, или ассоциация с определенными нравственными качествами человека, а возможно, то и другое одновременно.

Кроме литературных произведений типа Физиолога, Шестоднева и других, содержащих легендарные сведения о животных и символическое их толкование, средневекового человека вводили в мир символов различные специальные словари. К их числу принадлежат приточники (в основном посвященные толкованию символов), азбуковники. Ученые считают, что одним из основных литературных источников этих словарей является книга Псалтырь, наиболее популярная из читаемых книг древности[51]. Таким образом, Псалтырью определяется круг символов, получавших толкование, и в этот круг входили не только животные, но и ряд других «пучков» символов, заключавших в себе названия различных предметов материального мира, в частности предметов вооружения. «Картинное» выражение этих символов, так сказать, зрительное растолковывание существовало в иллюстрированных памятниках подобного типа.

Фигуры зверей, составляющих композицию печати, казалось бы наводящие нас на мысль о Физиологе как главном источнике, из которого можно почерпнуть сведения о смысле эмблем, сопровождаются изображениями лука, стрелы, меча (сабли), которым соответствуют понятия, зафиксированные в Псалтыри[52]. В Псалтыри же зафиксированы понятия «престол» и «жезл»[53]. Большинство животных [лиса, олень, конь, пес?, лев?, рысь, рыба, птица (голубь?), дракон (василиск)] —это образы Псалтыри[54]. Сочетание в композиции печати определенных существ животного мира и определенных предметов материального мира, фигурирующих в качестве образов в одном и том же письменном памятнике, позволяет этот памятник, а именно Псалтырь, взять за основу при попытке расшифровки как композиции печати в целом, так и отдельных ее «клейм».

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[50] *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М.; Л., 1945. С. 42; *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. С. 177.

[51] *Ковтун Л. С.* Указ. соч. С. 162—164.

[52] Пс. 7, 10, 34, 36, 43, 63, 75, 126; *Ковтун Л. С.* Указ. соч. С. 202—204; *Гильтебрандт П.* Справочный и объяснительный словарь к Псалтыри. СПб., 1898.

[53] Пс. 44, 22.

[54] В других книгах Священного Писания эти образы также фигурируют и дополняются барсом, волком, медведем, орлом (см.: Симфония на Ветхий и Новый Завет. Подробный указатель слов и текстов на все канонические книги Священного Писания. СПб., 1911), однако ни одна из книг не содержит все эти образы в комплексе.

Было бы неправильным ожидать, что по поводу каждой эмблемы в Псалтыри можно найти соответствующую фразу. Естественно, что трактовку символов можно осуществить только в общих чертах, предполагая вероятный смысл каждого символа.

Согласно Священному Писанию, люди и скоты противопоставляются друг другу: первые— познавшие «Закон», вторые — не знающие его, язычники. В Псалтыри в том же значении, что и слово «скоты», употребляется слово «звери»[55]. Отсюда напрашивается вывод: «клейма» с фигурами зверей — нехристианские, «нечестивые» народы, варвары[56]. Общепринятая трактовка отдельных эмблем: волк — символ еретиков[57], лиса — дьявол, «неверная душа»[58], пес, лев, змей, конь — дьявол, враг[59] и пр.— находится в соответствии с этим определением.

В том же символическом значении, по-видимому, существуют здесь изображения лука, стрелы, меча[60]: «нечестивые натянули лук, стрелу свою приложили к тетиве, чтобы во тьме стрелять в правых сердцем»[61]; «нечестивые обнажают меч и натягивают лук свой… чтобы пронзить идущих прямым путем»[62].

Христианское начало (человек) олицетворяет на печати всадник, поражающий копьем дракона. Этот всадник воспринимался современниками как их царь[63]. Иконография единорога — центрального изображения оборотной стороны печати, чрезвычайно разнообразна. Основные качества и свойства этого мифического животного раскрываются в Физиологах. Единорог — также один из наиболее ранних образов, проникших в область христианских идей. От раннехристианского

[55] *Ковтун Л. С.* Указ. соч. С. 171.

[56] Уподобление различных народов определенным животным известно с глубокой древности: «фряг есть лев, аламанин — орел, саракинин — вепрь, турчанин — змея…» (*Шепинг Д. О.* Обозрение звериного эпоса Западной Европы: Материалы для сравнительного изучения русской символики животных // Филологические записки. Вып. 1. Воронеж, 1868. С. 2). Однако применительно к печати Ивана IV о подобной конкретизации вряд ли можно говорить. В данном случае перед нами не народы (ибо татары, например, обозначаются различными эмблемами — волк, дракон, лев?), а территориальные единицы, населенные нехристианскими народами.

[57] *Лихачева О. П.* Указ. соч. С. 100.

[58] Там же. С. 103.

[59] *Ковтун Л. С.* Указ. соч. С. 173.

[60] Изображения меча как такового на печати нет. Есть изображение сабли. В символике Священного Писания нет сабли. Однако не будем забывать, что сабля появилась значительно позднее меча, символика которого к моменту ее утверждения в качестве оружия давно определилась. В XVI в. в русском вооружении сабля полностью вытеснила меч. Характерно, что и в иллюстрациях к этому времени сабля заменяет меч (*Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 45). По-видимому, этим можно объяснить, что изображение меча на печати Ивана IV заменено изображением сабли.

[61] Пс. 10.

[62] Пс. 36.

[63] Послание царя Ивана Васильевича к Александрийскому патриарху Иоакиму (Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. 1884. С. 3).

времени сохранилась традиция, которая дает отличную от Физиолога трактовку этого образа. Единорог выступает как символ Христа[64]. В Псалтыри наблюдается ассоциация понятий «рог» и «единорог», а рог не только служит для выражения темы «сила», но и получает толкование «крест», «спасительное царство»[65].

Таким образом, в общей идее композиции печати может звучать следующий мотив: вступление нехристиан под эгиду верховного, главенствующего, божьего закона (вероятно, с присутствием момента «перевоспитания» христианизация «неправедных» народов). Возможен вариант некоторого разграничения: эмблемами могут быть представлены не только неверные, но и христиане-еретики (волк), а могут быть и подлинные христиане (голубь)[66]. Все они собраны под сенью крыл господа бога, которого избрали прибежищем и защитой. Эта идея неоднократно повторяется в Псалтыри[67].

Предлагаемое толкование символики эмблем печати позволяет видеть в ней своеобразное вещественное воплощение «теоцентрической модели мира», где бог — центр мира, расположенного вокруг него и в зависимости от него[68]. Подобная модель является порождением религиозной концепции средневекового пространства и неразрывно связана с другим аспектом средневекового понимания данной категории: в центре — главная земля, вокруг нее — все прочие[69] (о символике печати в этом аспекте см. выше).

При разборе символики взаимосвязи эмблем печати Ивана IV нельзя не обратить внимания еще на один возможный вариант ее толкования, если рассмотреть композицию печати сквозь призму личностных взаимоотношений царя и его окружения. Центральные фигуры в этом случае олицетворяют индивид, в определенном взаимодействии с которым находятся соотносимые с ним личности.

Единорог как личная эмблема Ивана IV получил в литературе трактовку еще со времен В. Н. Татищева[70]. Вместе с идентичным понятием «рог» в Псалтыри единорог фигурирует как выражение силы, одоления каких-то враждебных сил[71]. Оба

[64] *Künstle K.* Ikonographie der christlichen Kunst. Freiburg im Breisgau. Bd. I. 1928. S. 124.

[65] *Ковтун Л. С.* Указ. соч. С. 205; *Гильтебрандт П.* Указ. соч. С. 334.

[66] *Künstle K.* Op. cit Bd. I. S. 122.

[67] Например, Пс. 90: «Живущий под кровом Всевышнего, под сеныо Всемогущего покоится, говорит Господу: "Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю!" Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен… Ибо ты сказал: "Господь — упование мое". Всевышнего избрал ты прибежищем твоим…»; Пс. 46: «Бог — Царь всей земли; пойте все разумно. Бог воцарился над народами, Бог воссел на святом престоле Своем; князья народов собрались к народу Бога Авраамова, ибо щиты земли — Божии; Он превознесен над ними».

[68] *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 78.

[69] Там же. С. 66.

[70] См. об этом: *Спасский И.* Монетное и монетовидное золото. С. 118.

[71] *Ковтун Л. С.* Указ. соч. С. 202.

нагрудных изображения (всадник и единорог) контактируют с эмблемой двуглавого орла, распростершего крылья, который обозначает царство, власть[72].

В соответствии с подобной трактовкой центральных эмблем окружающие символы должны отражать различное отношение к государю, к его верховной власти, к нему как к личности, а также и отношение к ним государя. В Псалтыри данная идея выражена следующим образом: «…враги твои гибнут, и рассыпаются все делающие беззаконие; а мой рог Ты возносишь, как рог единорога, и я умащен свежим елеем; и око мое смотрит на врагов моих, и уши мои слышат о восстающих на меня злодеях»[73]. Данная формула как возможная предлагается нами в силу того, что содержание большинства эмблем находит в Псалтыри отражение в отрицательном варианте: почти все звери, лук, стрела, меч (сабля?) — это враги. Естественно, нельзя исключать и положительности отдельных образов, например оленя, голубя, которые могут служить олицетворением добра, доброжелательности в отношении царя.

Отдельные эмблемы, вернее образы, воплощенные в них, не фиксируются Псалтырью. Однако как звери, так и понятия «престол», «жезл» — все это образы Священного Писания, «эмблемы», «принятые на вооружение» не только на Руси, но и в Западной Европе. Не случайно все фигуры печати Ивана IV включены в перечень эмблем с исчерпывающей расшифровкой, используемых в качестве символов в искусстве Западной Европы середины XV — начала XVII в.[74]

Подводя итог всему вышесказанному об эмблемах печати Ивана IV и в первую очередь о «клеймах» с содержащимися в них фигурами, можно констатировать следующее. Истоки их появления следует искать в средневековой символике, в тех образах и ассоциациях, которые были неразрывно связаны с понятиями и представлениями средневекового человека, служили ему «средством интеллектуального освоения действительности»[75]. Эти символы растолковывались и интерпретировались в литературных памятниках, в образном, «картинном» выражении фигурировали в изобразительном искусстве того времени.

Политическая направленность и усиленная религиозная окраска произведений литературы и искусства эпохи Ивана Грозного — это те отправные моменты, которые позволяют видеть в самом факте создания своеобразной композиции

[72] *Tervarent G. de.* Attributs et symboles dans l'art profane. 1450—1600: Dictionnaire d'un langage perdu. Genève, 1958. T. I. P. 4—5.

[73] Пс. 91.

[74] Словарь этих символов составил Ги де Терваран — Guy de Tervarent. Все предметы, звери, рыбы, птица, поддающиеся идентификации, помещенные на печати Ивана IV, включены в словарь Терварана. Этот факт прекрасно иллюстрирует замечание Д. С. Лихачева: «На Западе и на Руси сущность средневекового символизма была в основном одинакова; одинаковы же были в огромном большинстве и самые символы, традиционно сохранявшиеся в течение веков и питавшие собой художественную образность литературы» (*Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. С. 177).

[75] *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 266.

печати (несущей изображения; эмблем, связываемых с этого времени с определенными территориями) обязательность использования средневековой символики. Те символы, образное выражение которых имеется на печати в виде изображения представителей животного мира, отдельных предметов вооружения, атрибутов царской власти, — это скорее символы идей, а не символы территорий, которыми отдельные эмблемы становятся впоследствии. Данный вывод не исключает возможности использования местных традиций при их создании, что было выше проиллюстрировано по отношению к казанской эмблеме.

Символика эмблем XVII в.

Полного тождества между 16 эмблемами XVI в. и эмблемами, соответствующими тем же территориальным единицам в XVII в., нет. На протяжении столетия эмблемы изменялись, находили «нового хозяина», а иногда просто исчезали. По сути дела, эмблемы, фигурирующие на печати Ивана IV в качестве «печатей» определенных территорий, в том комплексе, который предстает перед нами в XVI в., в следующем столетии не существовали. Исключение составляют изображения: дракона в короне, который ассоциируется с Казанским царством на протяжении всего столетия и, как видим, позднее становится городским гербом Казани, идущего оленя — нижегородской эмблемы, московского всадника, поражающего копьем дракона[76], а также удорской и обдорской эмблем. Эмблема Астраханского царства вместо волка (пса?) в короне представлена короной с лежащей под ней саблей, по-видимому, с конца в., а совершенно определенно с начала XVII в. Изменяются вятская эмблема (вместо лука — рука, выходящая из облака, держит лук), пермская (вместо лисы — медведь), ростовская (вместо птицы — олень), рязанская (вместо коня — стоящий человек), тверская (вместо медведя— стул без спинки с лежащей короной), сибирская (вместо стрелы — два соболя перед кедром). Новгородская эмблема в течение XVII в. также претерпевала изменения, теряла и приобретала вновь отдельные компоненты[77]. В росписи печатей царя Алексея Михайловича дается отличное от 1565 г. описание новгородской эмблемы: «В Великом Новегороде место, а на месте посох, под местом озеро да три рыбки»[78]. Ни о медведе, ни о рыси, как видим, не упоминается.

Казанская, астраханская, псковская, новгородская эмблемы, ввиду того что они находят воплощение на печатях конкретных территориальных единиц, причем, судя по оттискам, неоднократно вырезались новые матрицы взамен устаревших, но с более или менее устойчивым вариантом одной и той же эмблемы, в первой половине XVII в. закрепляются в качестве знаков этих территорий. В отношении

[76] Как и в XVI в., современники воспринимали это изображение в качестве «царя на коне» (*Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 125).

[77] *Порфиридов Н. Г.* Указ. соч. С. 195.

[78] РГАДА. Госархив. Разряд XXVII. Д. 359. Л. 2.

таких эмблем, как вятская, нижегородская, пермская, ростовская, рязанская, тверская, можно сказать, что в первой половине XVII в. их тип, впоследствии становящийся устойчивым, только формируется. Белозерская, полоцкая, смоленская, черниговская, ярославская эмблемы в тех вариантах, которые зафиксированы на печати Ивана IV, в XVII в. не встречаются. Русские изобразительные материалы не предоставляют нам пока сведений о каких-либо эмблемах этих территорий вплоть до второй половины XVII в.

В первой половине XVII в. создается целый комплекс эмблем сибирских городов и острогов. В композиции сибирских эмблем обязательно присутствуют звери, иногда в сочетании с такими атрибутами, как стрела, лук, дерево — кедр, звезда. Кстати, хотелось бы подчеркнуть, что ни один из сибирских городов впоследствии не получил в герб своей наиболее ранней эмблемы, хотя в гербах Верхотурья, Иркутска, Якутска фигурируют изображения, помещаемые на печатях этих мест в XVII в.

Ко времени правления Алексея Михайловича относятся также еще две печати с изображением животных: «На Терке сайгак, а около подпись гдрева печать Терского города»; «На Уфе куница, а около подпись гдрева печать Уфимского города»[79].

Итак, снова звери и птицы, среди которых встречаются «библейские» олень, единорог, волк, лиса, орел вместе с фигурирующими там же предметами — луком, стрелой, звездой. Что это? Образы христианской символики, аналогичные по своему смысловому содержанию иносказаниям XVI в., или свободные от догматического толкования предметы реальной действительности, соответствующие местному быту, составу и распределению животного мира? Обычно безоговорочно утверждается второе. Между тем наряду с изображением соболя, песца, белки, горностая, росомахи — животных, составляющих специфику Сибири, среди эмблем сибирских городов и острогов встречаем единорога (красноярская), животного под названием бабр[80] (якутская, затем иркутская эмблемы), корону (томская). Наличие этих символов наряду с изображением лука, стрелы, оленя, волка, лисы, орла как бы продолжает традицию символики предшествующего периода. В то же время совершенно очевидно, что сибирские эмблемы, а также уфимская, терская отражают реально существующий в этих местах животный мир, представляют собой изображения подлинных промысловых зверей.

Существование такой двойственности в выборе эмблем, по-видимому, обусловлено общими тенденциями, которые имели место в искусстве XVII в.: с одной стороны, при создании художественной картины использовались традиционные

[79] РГАДА. Госархив. Разряд XXVII. Д. 359. Л. 2 об.; *Демидова Н. Ф.* Старинный герб города Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 214—215.

[80] Этот образ, вероятно, заимствован из «Христианской топографии» Космы Индикоплова, где помещен рисунок хищного зверя, в которого стреляет из лука человек. Надпись около рисунка гласит: «Тамошний земец стреляет зверь зовомый бобр». Иногда — «бабр» [ГИМ, Увар. 566 (1). Л. 125; Барс., 263 (4). Л. 256 об.; *Свирин А. Н.* Древнерусская миниатюра. М., 1950. С. 91].

богословские символы[81], с другой — в литературе и искусстве все сильнее развиваются реалистические элементы, так что постепенно утрачивалось, забывалось символическое значение многих образов, перевес оказывался на материальной части образа[82]. Однако резкая грань между светским и догматико-религиозным в начале XVII в. еще не проявилась. Вот почему нам кажется, что было бы преувеличением утверждать, что сибирские эмблемы — это иллюстрация пушных богатств края, разнообразия животного мира Сибири и т. д. Создателей этого комплекса эмблем могли в их творчестве питать не только известия о разновидностях существующих в Сибири животных, но и традиционные, широко известные книжные образы, которые предлагала читателю отечественная и переводная литература XVII в.[83] Отсюда и изображение «бабра», единорога — символических животных наряду с реальными зверями — соболем, песцом, куницей, сайгаком.

Отдельные моменты в воспроизводстве ряда эмблем XVII в., к числу которых относятся и интересующие нас территориальные эмблемы, позволяют ставить вопрос об использовании в качестве изобразительного образца специальных книг — эмблемников западноевропейского происхождения, что также является отражением процесса, происходящего в XVII в. в русском искусстве в целом — разрушение его обособленности и слияние с общеевропейской художественной культурой[84]. Показателем этого явления служат примеры использования русскими мастерами ряда художественных справочников общеевропейской значимости. К ним относится так называемая Библия Пискатора, отдельные гравюры которой были положены в основу композиции фресок ряда русских памятников[85], широко распространенная в Западной Европе книга аллегорий «Иконология» Ч. Рипа, одного из самых известных теоретиков поздней гуманистической эмблематики, влияние которых заметно в работах русских миниатюристов XVII в.[86] Художники Оружейной палаты в своей работе обращались к западноевропейским гравюрам[87], например изображения иностранных государей в Титулярнике 1672 г. заимствованы из западных гравюр[88],

[81] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. С. 181.

[82] *Лихачев Д. С.* Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси. С. 169; *Дмитриев Ю. Н., Данилова И. Е.* Семнадцатый век и его культура // История русского искусства. Т. IV. М., 1959. С. 8, 37.

[83] *Лихачева О. П.* Указ. соч. С. 101.

[84] *Дмитриев Ю. Н., Данилова И. Е.* Указ. соч. С. 8.

[85] *Данилова И. Е., Мнева Н. Е.* Живопись XVII в. // История русского искусства. Т. IV. С. 425; *Сидоров А. А.* Графика XVII в. Там же. С. 503.

[86] *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 265—266.

[87] *Мнева Н. Е.* Изографы Оружейной палаты и их искусство украшения книги // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 230; *Редин Е. К.* Христианская Топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. XIV—XV; *Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в. Т. I. М., 1913. С. 23.

[88] *Мнева Н. Е., Постникова-Лосева М. М.* Миниатюра и орнаментальные украшения рукописей // История русского искусства. Т. IV. С. 470.

гравюра на меди С. Ушакова представляет собой переработку иллюстраций из «Экзерциций» И. Лойолы[89], гравюры этого же автора «Мир» и «Брань» находят прообраз в известном сборнике «Иероглифика» Д. Валериано (Пиерио), также одной из европейских основополагающих книг эмблематического характера[90].

Творчески переработанные русскими мастерами композиции и образы западноевропейских художественных справочников присутствовали в произведениях изобразительного искусства, как правило, не в виде точной копии, а интерпретировались соответствующим образом, зачастую переиначивался их смысл[91], сохранялись традиционные черты.

Моменты, которые характерны для изобразительного искусства Русского государства XVII в. в целом, нашли отражение и в художественной интерпретации территориальных эмблем, зафиксированных в Титулярнике Алексея Михайловича. Титулярник 1672 г. — образец искусства царского двора, который являлся проводником многих западных новшеств в русскую жизнь[92]. К подобным новшествам относится «геральдический вкус»[93], выразившийся не только в обязательности личных печатей с гербами, но и в украшении этими гербами бытовых предметов, в частности посуды[94] и других вещей[95]. Тот же характер имеет и факт создания Титулярника 1672 г., где впервые титул государя сопровождался миниатюрами, оформленными в виде гербов территорий (рис. 31—33).

О работе над Титулярником (над его художественной стороной) целой группы мастеров Посольского и Оружейного приказов в литературе приводились сведения неоднократно. Основное внимание обращалось на портреты, отмечалась, в частности, специфика исполнения портретов: условная, строго соблюдаемая манера в написании портретов русских государей и патриархов и реалистическая живая изобразительная манера при исполнении изображений иностранных госу-

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[89] *Сидоров А. А.* Графика XVII в. С. 498.

[90] *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 267.

[91] Например, русская гравюра, изображающая операцию гангрены (помещена в книге: *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., I960. С. 283), представляет собой воспроизведение одной из страниц собрания эмблем: *Saubert J.* Dyodekas emblematum sacrorum. Nürnberg, 1625. Однако русская подпись под данным рисунком иная, чем в книге немецкого издания. Русский текст является своеобразной пропагандой хирургии, так как содержит рекомендацию удалять сустав, пораженный гангреной. Подпись в книге J. Saubert'a: «Страдания и борьба, которые вечно жизнь поддерживают». Религиозно-морализующий смысл в русском воспроизведении гравюры совершенно исчезает. См. об этом: *Čyževskyj D.* Neue Lesefrüchte. III // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XXX. H. 1. Heidelberg, 1962. S. 58—59.

[92] *Дмитриев Ю. Н., Данилова И. Е.* Указ. соч. С. 20.

[93] *Арсеньев Ю. В.* О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах древней России. СПб., 1911. С. 21.

[94] *Постникова-Лосева М. М.* Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты XVI—XVIII вв. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. С. 184.

[95] *Трутовский В.* Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и Московская Оружейная Палата // Старые годы. 1909, июль — сентябрь. С. 375, 378, 380

дарей. Образцы этих изображений были заимствованы из иностранных гравюр. О рисовании гербов, встречающихся в книге, и прежде всего о рисовании территориальных эмблем, известно меньше. Знаем только, что создавала их целая группа мастеров во главе с Г. А. Благушиным, руководителем художественной мастерской Посольского приказа[96]. Он делал «образцы» — чертежи, рисунки работы — и сам участвовал в ее исполнении[97].

Подобно тому как портреты иностранных государей переписывались с иностранных миниатюр и, следовательно, носят черты, характерные для западноевропейского изобразительного искусства, эмблемы территориальные содержат ряд черт, характерных для европейского геральдического творчества. Какие конкретно западноевропейские справочники-эмблемники находились в руках составителей композиций, сказать трудно. Известно, что в Посольском приказе для справок имелся гербовник Ш. Окольского «Orbis Polonus»[98]. Обследование состава библиотек видных русских и украинских деятелей XVII — начала XVIII в.[99] выявило наличие в них популярных заграничных эмблематических изданий, которые в тот период стали поистине всеевропейскими. К таким эмблемникам можно отнести упоминавшуюся уже «Иконологию» Ч. Рипа, а также «Эмблемата» А. Альчиати, «Эмблемы» англичанина Кварлея, «Иероглифику» Валериано, книги Косино, Камерария, Сааведры Факсардо, Петрасанкты и др.[100]

[96] *Калишевич З. Е.* Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 398—399; *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во 2-й половине XVII в.) // Книга: Исследования и материалы. Вып. VIII. М., 1963. С. 186.

[97] Известно, что золотописец Благушин «писал фряской обрасцовой лист» в 1647 г.; в Серебряном приказе он расписывал золотом две книги «символ» для царицы Марии Ильиничны (*Калишевич З. Е.* Указ. соч. С. 397; *Кудрявцев И. М.* Указ. соч. С. 228).

[98] *Лукомский В. К., Типольт Н. А.* Указ. соч. С. 3.

[99] Анализ ряда личных русских и украинских библиотек с точки зрения содержащихся в них книг по эмблемам и символам осуществлен Д. Чижевским (*Tschizeivskij D.* Emblematische Literatur bei den Slaven // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. Bd. 201. H. 3. Heidelberg, 1965. См. также о книгах по эмблемам в библиотеках Симеона Полоцкого и его ученика Сильвестра Медведева: *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 268).

[100] Основополагающим трудом этого рода литературы считают вышедшую в 1531 г. в Аугсбурге на латинском языке книгу итальянца Андреа Альчиати «Эмблемата», выдержавшую 150 изданий на многих европейских языках. Книга включала в себя, в частности, «Иероглифику» Horapollo — рукопись, содержащую толкование египетской и античной греко-римской символики, обнаруженную в начале XVI в. и сразу же привлекшую к себе внимание просвещенного европейского общества (см. об этом: *Mâle E.* L'art religieux de la fin du XVI siècle, du XVII siècle et du XVIII siècle. Paris, 1951. P. 387—388). Книга Альчиати вызвала многочисленные подражания у авторов XVI—XVII вв. почти во всех европейских странах: из книг, уже имевшихся, известные эмблемы заимствовались или варьировались, истолковывались по-иному, так что создавалось новое произведение.

Сборники символов и эмблем находились в тесной связи с геральдическими сочинениями, ибо обогащали друг друга, заимствуя образы и сюжеты и трактуя их в нужном свете. Как результат переплетения собственно геральдических сочинений и эмблемников различного плана (этико-политического, нравственного, эротического и т. д.) появились работы компилятивно-собирательные, в которых фиксировались и повторялись изображения эмблем без всякого тематического предназначения, нередко сопровождавшиеся надписями, по смыслу не имеющими ничего общего с первоначальным толкованием этих символов. К числу таких компилятивных книг относится изготовленная по поручению Петра I «Символы и емблемата». Прототипом ее является ряд эмблематических сборников[101], содержащих эмблемы, заимствованные из еще более ранних изданий. Поэтому в книге «Символы и емблемата» можно найти эмблемы, известные и в более ранний период, зафиксированные в изданиях начала и середины XVII в. Последние, как показывает нижеследующий анализ, повлияли на художественную форму эмблем Титулярника 1672 г.

В оформлении эмблем Титулярника проявилась тенденция сочетания традиционного русского с западноевропейским. Здесь мы встречаемся со своеобразным подгоном старых известных форм к новомодным потребностям и веяниям. Так, вятская эмблема — лук со стрелой — приняла форму выходящей из облака руки (в раннем варианте — на покровце Михаила Федоровича — рука в военном доспехе), держащей лук со стрелой. Этот сюжет— рука из облака, держащая оружие (меч, стрелу, кинжал, дротик, щит), нередок в европейской символике[102]. Как считает Ю. В. Арсеньев, из европейской символики этот сюжет, в частности, попал на солдатские знамена иноземных полков русской армии[103]. Рука, выходящая из облака, может держать не только оружие, но и другие предметы: кольцо, цветы, скипетр, лавровую ветвь, наконец, изображение может принимать форму благословляющей руки. Данный атрибут появляется в Титулярнике у псковской эмблемы. Это

В настоящее время учтено около 600 авторов, чьи работы посвящались эмблемам. К этому необходимо добавить многочисленные анонимные работы на ту же тему. Эмблемы XVI—XVII вв., их влияние на искусство рассматриваются в целом ряде работ современных авторов. Приведу лишь некоторые: *Schöne A.* Henkel Arthur und Schöne Albrecht. Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst der XVI—XVII Jahrh. Stuttgart, 1967; *Lesky G.* Barocke Embleme in Vorau und anderen Stiften Österreichs. Graz, 1963; *Freeman R.* English Emblem Books. New York, 1966; *Schöne A.* Emblematik und Drama im Zeitalter des Barock. München, 1964. Во всех этих работах имеется обширная библиография вопроса. В русской историографии следует указать на статью Ф. И. Буслаева, в которой ряд страниц посвящен обзору западноевропейской и русской эмблематической литературы (*Буслаев Ф. И.* Иллюстрация стихотворений Державина // *Буслаев Ф. И.* Мои досуги. Ч. 2. М., 1886. С. 79—105).

[101] *Маркушевич А. И.* Об источниках амстердамского издания «Символы и емблемата» (1705) // Книга: Исследования и материалы. Вып. VIII. С. 279—290.

[102] *Okolski Sz.* Orbis Polonus. Cracoviae, [1643]. T. II. S. 448; *Saavedra Fajardo D.* Idea principis christiano-politici 100 symbolis expressa. Coloniae, 1650. P. 427. № LV; P. 560. № XLIX; P. 759—760. № XCVIII; Символы и емблемата. Amstelaedami, 1705. № 15, 16, 350, 352, 501.

[103] *Арсеньев Ю. В.* Геральдика М., 1908. С. 277.

древнейший знак христианского искусства: рука Бога Отца, означающая, что вознаградится страдание сына. В искусстве Ренессанса и барокко благословляющая рука как носитель идеи божественного покровительства широко распространена[104]. Изображения двух рук, выходящих из облаков навстречу одна другой (держат два перекрещивающихся копья — югорская эмблема Титулярника), с различными предметами[105], животного с хоругвью на плече [106] (хищный зверь — в Титулярнике, агнец в дневнике И. Г. Корба), короны на престоле[107], оленя[108], скачущего всадника с поднятой саблей[109], дикого человека с палицей на плече[110] (кондинская эмблема), извергающегося вулкана[111] (иверская), скачущего коня[112] (северных земель), подобные нарисованным в Титулярнике или довольно близкие к ним, помещены в различных западноевропейских эмблемниках и гербовниках, собраны позднее в книге «Символы и емблемата». Такие атрибуты, как стрела, звезды, крест на полумесяце, полумесяц, также составляют характерные детали при изображении европейских гербов, в частности Польши[113].

Обращает на себя внимание необычный вид райской птицы, сидящей на пушке, в смоленской эмблеме Титулярника. Однако именно в таком виде запечатлена она в сопровождении девизов «Semper Sublimis»[114], «Terrae commercia nescit»[115] в ряде эмблемников, в том числе в «Символах и емблематах»[116]. Пушка в профиль, часто стреляющая, также занимает постоянное место среди эмблем[117].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[104] *Lesky G.* Op. cit. S. 33.

[105] *Saavedra Fajardo D.* Op. cit. P. 136. № XIX; P. 395. № LI; Символы и емблемата. № 31, 181, 277, 289, 371, 375, 538.

[106] *Буслаев Ф. И.* Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI по XIX в. М., 1884. С. 150—151. Агнец с хоругвью — один из самых распространенных сюжетов в городских западноевропейских гербах. См., например: *Gumowsky M.* Herby miastpolskich. Warszawa, 1960.

[107] Символы и емблемата. № 237 — подпись под эмблемой: «прелестная вещь»; *Saavedra Fajardo D.* Op. cit. P. 141. № XX.

[108] Олень, так же как и агнец, относится к широко распространенным эмблемам городских гербов. В любом западноевропейском гербовнике, где собраны городские и земельные гербы, можно встретить агнца с хоругвью и оленя. См., например: *Schrot M.* Wappenbuch des Heiligen Römischen Reichs und allgemeiner Christenheit in Europa. München, 1581.

[109] *Okolski Sz.* Op. cit. Cracoviae, 1641. T. I. S. 539, 543; T. II. S. 344, 442, 446, 447, 535.

[110] Символы и емблемата. № 786.

[111] Там же. № 529.

[112] Там же. № 599.

[113] *Okolski Sz.* Op. cit.; Символы и емблемата. № 18, 118, 144, 217, 233, 614, 618, 623, 645 и т. д.

[114] *Lesky G.* Op. cit. S. 215.

[115] *Camerarius J.* Symbolorum et emblematum… Francofurti, 16… Centuria III. № XLIII.

[116] Символы и емблемата. № 223, 265 (девиз «Ничто земное»).

[117] Там же. № 43 (на стреляющей пушке — орел), 572; *Petrasancta S.* Symbola Heroica. Antverpiae, 1634. P. 187.

В подобной комбинации — райская птица на пушке — эмблема известна на печати смоленского воеводы князя Ф. И. Куракина в 1664 г.[118], где изображение сопровождается надписью: «Смоленского печать» и «Птица Гамаюн». К Смоленску относятся также два герба польского происхождения[119]. Что же касается знаменитого смоленского медного пула XV в., на котором якобы изображалась смоленская пушка с сидящей на ней райской птицей, то в настоящее время И. Г. Спасским объяснен, наконец, этот курьез[120], вводивший в заблуждение исследователей не одного поколения, и таким образом ликвидирован миф о «древнем» смоленском гербе.

Эмблема, изображающая св. Георгия, который копьем поражает дракона, фигурирует в Титулярнике как олицетворение Грузии. Георгий Победоносец помещается во всех западноевропейских гербах городов, в названии которых он фиксировался[121]. Вероятное латинское написание и звучание слова «Грузия» повлекло подобную же ассоциацию ее с вышеупомянутой эмблемой. Интересно, что в Титулярнике в качестве московской эмблемы фигурирует двуглавый орел без нагрудного щитка с всадником, поражающим дракона.

Титулярник знакомит нас с новой ярославской эмблемой (на печати Ивана IV это была рыба) — медведь стоит на задних лапах, держа на плече протазан (алебарду)[122]. В археологической литературе неоднократно сообщалось о существовании медвежьего культа на Верхней Волге, с которым связывалась эмблема Титулярника. Можно допустить, что следствием существования культа явилась знаменитая легенда об основании Ярославля, на месте которого когда-то князь Ярослав убил секирой медведя. Эта легенда упоминается в Топографическом описании последней четверти XVIII в., присланном из Ярославля. Легенда отражена в Сказании о построении града Ярославля, литературном памятнике, по поводу датировки которого нет единого мнения[123]. Однако, исходя из анализа языка Сказания, ученые определенно высказываются за то, что его нельзя отодвинуть «дальше XVII

[118] *Тройницкий С. Н.* Указ. соч. С. 347.

[119] *Лукомский В. К.* К вопросу о происхождении смоленского герба // Труды Московского гос. историко-архивного института. Т. 2. М., 1946. С. 72—74; *Тройницкий С. Н.* Указ. соч. С. 351. Изображение смоленского герба в виде знамени, на котором помещен жезл, находится в государственном польско-литовском гербе времени Сигизмунда III (*Spener Ph. J.* Historia insignium illustrium seu Operis heraldicis pars specialis. Francofurti ad Moenum, 1680. Tabl. XXXI).

[120] *Спасский И. Г.* Пуло смоленское // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXIX. Л., 1974. С. 59—63.

[121] *Gumowski M.* Op. cit; *Novák J.* Slovenské mestslké a obecné erby. Bratislava, 1972; *Ruda V.* A kolektiv. Znaky severočeských měst. Most, 1970.

[122] И. А. Тихомиров отмечал, что «первые гербы для Ярославля и Ростова устанавливаются около 1672 г. (очевидно, имеется в виду появление эмблем в Титулярнике. — *Н. С.*), но народу они едва ли были известны как нечто обязательное и как именно "гербы"» (*Тихомиров И. А.* О некоторых ярославских гербах // Труды третьего историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 2).

[123] *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 33—35.

столетия». Этот момент чрезвычайно важен для нашего разбора территориальных эмблем, так как объясняет причину отсутствия на печати Ивана IV ярославской эмблемы в том виде, в каком она зафиксирована Титулярником 1672 г.

К числу знаменитых эмблем Титулярника относится также владимирская эмблема — идущий коронованный лев держит в передних лапах длинный крест. Стало уже традицией связывать владимирского льва с ростово-суздальской княжеской эмблемой конца XIII в. Зверя, которого называли леопардом, барсом, львом (он действительно трудно поддается идентификации), ряд исследователей склонны были считать родовым знаком суздальско-ростовских князей и даже больше — их гербом[124], по поводу чего Н. П. Лихачев высказывал аргументированные возражения[125]. А. В. Арциховский, подчеркивая, что «нет пока оснований утверждать, что Владимирская Русь знала гербы в полном смысле этого слова, установленные и узаконенные»[126], тем не менее считал, отталкиваясь от статьи А. И. Некрасова, но интерпретируя леопарда как льва, что геральдический лев остался в гербе Владимира.

Во владимирско-суздальской пластике изображение льва занимает особое место[127]. Характер изображения, однако, отличен от эмблемы, зафиксированной в Титулярнике: лев в резьбе владимирских соборов, как правило, имеет специфическое «улыбающееся лицо» в фас, отсутствуют какие-либо атрибуты, характерные для последующей эмблемы. Изображение стоящего льва встречается в XVI в. в московской придворной орнаментике наряду с единорогом, грифоном, орлом. Характерные для узаконенной владимирской эмблемы признаки (корона, длинный крест в передних лапах) присущи льву — компоненту белокаменной резьбы XVII в. Теремного дворца в Москве[128]. Аналогичное изображение льва (с ветвью вместо креста) встречается в орнаментике жалованной грамоты боярина Б. М. Хитрово, датированной 1676 г.[129] Эти примеры свидетельствуют о бытовании эмблемы, которая в Титулярнике представлена как владимирская, в русском изобразительном искусстве XVII в. независимо от владимирского наследия. Однако могут быть обнаружены факты, соединяющие сюжеты орнаментики владимирских соборов с эмблемой, ставшей впоследствии (в отличной от первоначального изображения форме) символом Владимирской земли и города Владимира. Это позволит с уверенностью говорить о закреплении во владимирской эмблеме Титулярника давности, традиционности определенного сюжета, связанного с Владимирской землей.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[124] *Соболевский А. И.* Медные врата // Русская икона. Сб. 1. СПб., 1914. С. 60; *Некрасов А. И.* О гербе суздальских князей // Сборник Отдела русского языка и словесности АН СССР. Т. I. Вып. 3. Л., 1928. С. 406—409.

[125] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1930. С. 269.

[126] *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы. С. 55.

[127] *Вагнер Г. К.* Указ. соч. С. 255.

[128] *Соболев Н. Н.* Русский орнамент. М., 1948. Табл. 28.

[129] *Мнева И. Е., Постникова-Лосева М. М.* Миниатюра и орнаментальные украшения рукописей. С. 487.

В настоящее же время, сравнивая изображения льва в Титулярнике с многочисленными аналогичными фигурами европейских городских гербов, мы имеем такие же шансы предположить, что данное изображение пришло в Титулярник извне, а впоследствии обрело твердую почву на основании похожей давней сюжетики орнамента владимирских храмов. Постепенно и лев, сохраняя такие атрибуты, как крест и корона, приобрел «улыбающееся лицо» в фас (в гербовнике 1729 г., а впоследствии в утвержденном в 1781 г. городском гербе), что, несомненно, сблизило его с характерной фигурой белокаменной владимирской резьбы.

Наконец, еще об одной значительной эмблеме Титулярника — киевской. Она представляет собой изображение архангела Михаила с поднятым мечом и щитом. Лакиер высказал предположение о традиционности данной эмблемы, связывая ее происхождение с печатью, относящейся к грамоте киевского князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю. Тщательное изучение печати позволило дать ей другое определение, исключающее связь печати с Киевом[130]. Некоторые исследователи считали, что данная киевская эмблема имеет польское происхождение[131]. Этот вариант, на наш взгляд, возможен: в XVI—XVII вв. изображение архангела Михаила помещалось на печатях некоторых польских городов[132]. Однако в упомянутой выше работе Шпенера 1680 г. в качестве киевского герба фигурирует совсем другая эмблема[133]. Киевская и черниговская эмблемы[134]могут быть зафиксированы в польских гербовниках, познакомиться с которыми мне не удалось.

Итак, XVII в. дает нам следующую серию «старых» территориальных эмблем. Вернее, отдельные художественные образы, которые фиксируются в XVI в. для обозначения определенных территорий, не являясь ими по сути дела, в этот период выступают как территориальные, создаются в этом качестве, стабилизируются, приобретают законченность в своем художественном выражении, значительно вырастает их количество. Далеко не все территориальные эмблемы, появившиеся в XVII в., удерживаются в этом качестве в последующее время, упрочиваются и утверждаются как гербы городов.

Городскими символами впоследствии становится лишь часть эмблем, помещенных в знаменитом труде, созданном при дворе Алексея Михайловича, — Титулярнике 1672 г. Оставляя в стороне такие характеризующие этот труд моменты, как престижность, практическое значение как справочника, отметим, что наряду с ними Титулярник имеет художественное значение. Рисунки Титулярника — про-

[130] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. II. С. 16—21.

[131] О киевском гербе // Киевские губернские ведомости. 1845. № 4. Прибавление.

[132] *Gumowski M.* Op. cit. P. 128, 162.

[133] *Spener Ph. J.* Op. cit. Tabl. XXXI.

[134] Черниговский магистрат имел в XVII в. Печать, пожалованную с прочими привилегиями этому городу в 1623 г. польским королем Сигизмундом III, на которой изображался св. Владислав со знаменем в правой руке. Как видим, она не имела ничего общего с изображенной в Титулярнике черниговской эмблемой.

изведения изобразительного искусства, в котором нашли отражение общие идеи русского придворного искусства XVII в. В соответствии с этим неправильно было бы рассматривать эмблемы Титулярника под тем же углом зрения, что и эмблемы печати Ивана IV, ища в них скрытый богословский или морально-этический смысл. Возникшие как элемент украшательства, помпезности в соответствии с требованиями моды, эти эмблемы вряд ли могли нести глубокую смысловую нагрузку, отражать процессы и явления, словом, служить в полном смысле слова символами территорий, хотя нельзя отрицать в них традиционности, которая доказывается соответствием ряда эмблем изображениям на существующих печатях этих территорий. В целом в художественном смысле эмблемы Титулярника — это комбинация элементов различного происхождения: традиционных русских и заимствованных из общеупотребительных западноевропейских гербовников и эмблемников. Эти сюжеты могут сочетаться в одной эмблеме, иногда эмблемы того и другого происхождения сосуществуют, не переплетаясь.

Символика эмблем XVIII—XIX вв.

Если для территориальных эмблем XVII в. наблюдается употребление в основном лишь отдельных элементов, иногда сюжетных композиций, аналогичных изображенным в западноевропейских гербовниках и эмблемниках, то в начале XVIII в. эмблемы из этих изданий непосредственно перекочевывают в русскую практику. Роль основополагающего справочного издания, безусловно, сыграли прежде всего неоднократно уже упоминавшиеся «Символы и емблемата», хотя не исключено влияние и других изданий, среди которых следует назвать «Героические символы» Петрасанкты, «Христиано-политические символы» Сааведры Факсардо, которые переводил Ф. Прокопович по желанию Петра I, а также переведенный по указанию царя в 1709 г. труд Алярда[135]. В нем имеется перечень знамен важнейших европейских государств, в том числе и Русского, с описанием гербов, помещенных на данных знаменах, изложением происхождения этих гербов и отдельных гербовых фигур.

Как уже отмечалось, в России в 1712 г. были введены знамена с территориальными гербами, созданные в Оружейной палате. Наряду с эмблемами, заимствованными из Титулярника, т. е. «старыми», известными в течение нескольких десятилетий, а то и столетия, такими, как московская (в отличие от Титулярника, где московская эмблема представляла собой двуглавого орла, здесь на груди двуглавого орла, в щитке, всадник, поражающий копьем дракона), киевская, владимирская (лев изображен без короны), астраханская, новгородская (в эмблеме отсутствуют рыбы), псковская, вятская, пермская, нижегородская, рязанская, казанская, сибирская,

[135] *Алярд К.* Новое галанское карабельное строение глашающее совершенно чинение корабля, со всеми его внешними частми…; тут же всякие карабельные флаги со своими гербами, цветами и с началами… М., 1709.

ростовская, тверская (в отличие от Титулярника — в виде колокола, увенчанного короной), ярославская, черниговская, смоленская, целый ряд эмблем был создан заново. Источником для них служила книга «Символы и емблемата». Из этой книги взяты следующие эмблемы: новотроицкая (№ 512), троицкая (№ 165), ингерманландская (№ 137), вологодская (№ 350), белгородская (№ 336, 410, но орел вместо петуха), воронежская (№ 43), симбирская (№ 65), каргопольская (№ 9), тобольская (№ 530), шлиссельбургская (№ 579), невская (№ 543), нарвская (№ 206, 701), санкт-петербургская (№ 474), луцкая (№ 16), галицкая (№ 175, 504, 505), ямбургская (№ 260, 518), копорская (№ 462), лейб-регимента (№ 12), выборгская (№ 1, 19, 378, 605), олонецкая (№ 352). Таким образом, половина эмблем, помещенных на петровских знаменах, «новые», не имеющие связи с традиционными.

Те из эмблем, которые обозначают определенный город, впоследствии утверждаются в качестве городских гербов. Чем обусловлен выбор именно этих эмблем из более чем 800 номеров, помещенных в книге «Символы и емблемата»? Возможно, какую-то роль сыграли здесь девизы, сопровождающие каждую из эмблем книги[136]. К примеру, белгородскую эмблему (лев, над ним петух), в которой петух заменен орлом, сопровождают фразы: «Приключаю и сильнейшему трясение», «Приехал, видел и победил» (в таком варианте дается перевод латинской фразы «Veni, vidi, vici»). В последующих аллегорических изображениях (фейерверки, украшения Триумфальных ворот) лев — всегда Швеция, над которым берет верх русский орел. К эмблеме, помещенной на знаменах Тобольского полка, относится изречение: «Труды мои превозвысят мя»; к эмблеме, выбранной для воронежских полков (орел, сидящий на пушке, вокруг которого стрелы молний): «Ни того, ни другого не боится»; для санкт-петербургских полков: «Тебе дан ключ»; для Симбирского (колонна под короной): «Подперта честию».

Хотя на знаменах, несущих данные эмблемы, отсутствуют разъясняющие их надписи, в силу активной деятельности, которую развернул Петр I по растолковыванию и пропаганде эмблем, смысл их был ясен не только создателям, но и тем, кому приходилось воевать под знаменами. Обращает на себя внимание факт подмены подлинных городских гербов эмблемами из «Символов и емблемат». Города Выборг и Нарва имели старые гербы, о которых неоднократно сообщали в ответ на запросы, рассылаемые спустя несколько лет Герольдмейстерской конторой. И тем не менее на знаменах Выборгского и Нарвских полков изображены: на первом — слон[137], на вторых — крокодил. И та и другая эмблемы имеют своим прототипом аналогичные изображения «Символов и емблемат». Вероятно, выбор их обусловлен тем, что девизы соответствовали общему тону пропагандируемых Петром идей:

[136] В русском переводе, правда, зачастую теряется смысл, афористичность первоначальной латинской фразы.

[137] Герб Выборга изображен на золотом стакане, который был поднесен Петру I выборгскими жителями в знак благодарности за милости, оказанные им русским царем по взятии города (*Беляев О.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. С. 195).

«Ничего не уповаю, кроме от мене самого», «Не мала [я] сила», «Сила моя равна благодеянию моему».

Таким образом, появление еще одной группы «старых» городских эмблем, возникших в начале XVIII в., при всей кажущейся их надуманности, абстрактности, несвязанности с традициями и действительностью вряд ли можно квалифицировать как простое заимствование, слепое следование западноевропейской моде. В соответствии с общим направлением пропаганды петровских военных действий, прославления побед русского оружия, растущей мощи русской армии и флота, а также личных качеств великого победителя выбранные для военных знамен эмблемы, зафиксированные впоследствии в качестве городских, обретают глубокий смысл как орудие идеологической политики правительства Петра I.

Книга «Символы и емблемата» служила в России в качестве справочного пособия долгие годы. Из нее брались эмблемы при создании украшений Триумфальных ворот[138], причем интерпретация эмблем нередко носила совсем иной характер, чем в книге. Часть эмблем использована в духовных эмблемниках[139]. Эмблемы «Символов и емблемат» можно видеть на воротах Ростовского кремля, расписанных по приказанию митрополита Арсения Мациевича[140]. Эмблемы сопровождаются подписями отнюдь не нравоучительного характера, каковые сопутствуют тем же эмблемам, изображенным на предметах бытового плана, например на печных изразцах[141]. Эмблемам ростовских ворот сопутствуют девизы из книги «Символы и емблемата». Так, орел на пушке (воронежская эмблема) имеет подпись: «Ни того, ни другого не боюсь», под изображением снопа надпись: «В мелких статьях великий состав» («Символы и емблемата», № 412), изображению поющего петуха на ветке, а под ним — льва соответствует подпись: «Чиню сильнейшему трясение» («Символы и емблемата», № 336). Здесь же мы видим медведя с протазаном (ярославская эмблема) в сопровождении изречения: «Кто у меня отнимет?»

При составлении гербов в последующие годы «Символы и емблемата» также нередко принимались за образец. В знаменном гербовнике 1729—1730 гг. использованы следующие эмблемы книги: № 817 — лежащий на берегу Нептун в лавровом венке держит в обеих руках кувшины, из которых льется вода; эта эмблема помещалась на великоустюжских знаменах и впоследствии утверждена как герб Великого Устюга; № 409 — основной компонент эмблемы (выходящая из облака рука держит висящий на цепи круглый предмет) использован для герба знамен Муромского

[138] Врата Триумфальные в царствующем граде Москве. М., 1721. Здесь Атлас, держащий глобус, олицетворяет трудолюбие, две руки в пожатии — «дружба бессмертная», два сердца под короной — «любовь венчается», орел и лев — «после вражды любовь» и т. д.

[139] Ифіка іерополітіка или філософіа нравоучителная символами и пріуподобленіи изъясненна… СПб., 1718; Эмблемат духовный ко обучению христіанскія веры со утешителными фигурами и полезными словами. М., 1743.

[140] *Шамурин Ю.* Ростов Великий. М., 1913. С. 32.

[141] Там же. С. 31; *Артлебен Н. А.* Кафельная печь в архиерейском доме в Суздале // Известия имп. Археологического общества. Т. IV. СПб., 1863. С. 334—337.

полка (впоследствии герб города Мурома изменился); № 412 — ржаной сноп (севский герб); № 308, 346 — улей, над ним пчелы (тамбовский герб); № 599 — бегущая белая лошадь (помещен на знаменах Уфимского полка) (рис. 39).

По-видимому, книга «Символы и емблемата» входила в состав первой библиотеки В. Н. Татищева (известно, что она включала книги по геральдике, как и вторая). В литературе высказывалось вполне обоснованное мнение о заимствовании Татищевым ряда сюжетов для составленных им гербов из книги «Символы и емблемата»[142]. Гербы, составленные Татищевым (см. их описание в главе I настоящей работы), включают в качестве составных частей компоненты следующих эмблем «Символов и емблемат»: № 65, 133, 423, 430, 582. Однако они не являются точной копией помещенных в книге эмблем. Татищев изменил эмблемы, взятые за основу, в соответствии с собственным замыслом и идеями, которые он вкладывал в создание отличительного знака вверенных ему территорий. Изобразительные средства помогли Татищеву, во-первых, отразить возвеличивание царской власти, незыблемость последней в присоединенных землях [колонна (столп) с императорской короной наверху; стена, к которой прикован пес], показать направленность действий царизма в данном крае (изображение каменной стены «в знак утверждения сей страны новопостроеннымы крепостми», прикованный пес, привязанный к приколу верблюд, лошадь, привязанная к столбу, — знак полного подчинения местного населения русскому самодержавию). Конечно, не случаен выбор пса и верблюда[143] в качестве образов, олицетворяющих коренных жителей этого края. Как верно отмечает Н. Ф. Демидова, «ненависть к непокорному народу здесь выступает особенно ярко»[144]. Наконец, при составлении эмблем Татищевым учитывались и местные природные и национальные особенности (изображение дикой лошади типичной для этих мест окраски, характерных татарских стягов, учитывалось единое происхождение обитающих здесь народов). Ярко выраженная в созданных Татищевым эмблемах тенденция политической направленности, с одной стороны, и отражения местных обычаев, природных условий — с другой, проявилась впоследствии в более широких масштабах при формировании всего комплекса городских гербов.

Ряд эмблем, созданных М. М. Щербатовым и утвержденных спустя несколько лет после их появления в качестве городских гербов, также имели своим прототипом рисунки «Символов и емблемат». Это острогожская эмблема — сноп («Символы и емблемата», № 79), один из компонентов харьковской эмблемы — рог изобилия («Символы и емблемата», № 625).

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[142] *Демидова Н. Ф.* Из истории разработки печати и герба Зауральской Башкирии // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Сб. 1. С. 34.

[143] Символическая характеристика пса рассматривалась в главе I настоящей работы. Отрицательная нагрузка была присуща и образу верблюда. Как главное качество верблюда отмечался его скверный характер, считалось, что верблюд — животное нечистое (*Лихачева О. П.* Указ. соч. С. 104—105).

[144] *Демидова Н. Ф.* Из истории разработки печати и герба Зауральской Башкирии. С. 34.

Принцип создания городской эмблемы как знака определенного реального города, несущего в себе конкретную информацию о городе, впервые провозгласил Ф. Санти. Рассмотрим эмблемы, приписываемые его творчеству[145]. Санти изменил три ранее существовавшие городские эмблемы. Архангельская эмблема, представленная на знаменах 1710—1712 гг. в виде всадника на крылатом коне, поражающего копьем змея, получила несколько иной вид (видимо, чтобы не повторять московскую, а также известную Санти эмблему грузинских и карталинских царей) — архангел в синем одеянии с огненным мечом и щитом поражает черного дьявола, поле желтое[146]. Эмблема составлена согласно названию города и относится к числу «говорящих». Вторая эмблема, которую создал Санти взамен существующей, также относится к числу «говорящих» — это Шлиссельбургская. На знаменах Шлиссельбургского полка в 1712 г. была изображена колонна, украшенная якорями. Санти переделал эмблему в соответствии с названием города: «ключ золотой под короною императорскою золотою… внизу крепость белая, поле синее»[147]. Эта эмблема превратилась в городской герб Шлиссельбурга. Наконец, эмблема — золотое пылающее сердце под золотой короной и серебряной княжеской мантией, выбранная в свое время для знамен санкт-петербургских полков, уступила место другой, более приличествующей Санкт-Петербургу — морскому и речному порту, столице Русского государства. Санти изобразил в санкт-петербургском гербе «скипетр жолтой, над ним герб государственный, около него два якоря серебряные, поле красное, сверху корона императорская…»[148]. Этот герб сохранился за Санкт-Петербургом.

Ведомости, присылаемые из городов, послужили основой для созданных Санти гербов. К таким гербам можно отнести следующие. Герб города Белева: в голубом поле стоящий ячменный сноп, из которого выходит пламя. Эмблема соответствует сведениям, присланным о Белеве из провинциальной канцелярии. В доношении сообщается о большом пожаре, случившемся незадолго до отсылки сведений о городе; пожар уничтожил «посацких людей многие дворы», а также «замок рубленой весь сгорел»[149]. В описании города Серпухова, присланном в Герольдмейстерскую контору, указывается, что «в монастыре одном родятся павлины» в отличие от других близко лежащих мест. На полях этого сообщения имеется помета «Переведено» (вероятно, секретарь Санти И. Ардабьев перевел сообщение для Санти), и фраза

[145] Так как рисунки гербов, созданных Санти, не сохранились и мы вынуждены исходить лишь из списка этих гербов, то разбору будут подвергаться только те гербы, которые указаны в списке и не вошли ни в Гербовник 1729—1730 гг., ни в Гербовник Щербатова, ни в какой-либо другой, но фиксируются как «старые».

[146] В реестре гербов, составленном под руководством Миниха, дано приведенное описание, причем подчеркнуто, что сей герб составлен «против того, что учинил Сантий» (РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.).

[147] РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

[148] Там же. Л. 2.

[149] Там же. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 39.

о павлинах в тексте сообщения подчеркнута. Исходя из этой местной достопримечательности, Санти и поместил в гербе города Серпухова павлина[150].

В гербе города Старицы видим идущую с костылем женщину. Звучание названия, происходящего, вероятно, или от имени реки, или от местоположения города (в доношении сообщается: «город Старица построен изстари между реки Волги да речки Верхней Старицы…»)[151], вызвало ассоциацию с образом, весьма далеким от истинного фактора, лежащего в основе названия города, но более удобным в качестве эмблемы, — со старой женщиной, старицей. Однако, на наш взгляд, здесь дело не только в подмене одного образа другим, имеющим аналогичное звуковое выражение. Поскольку в описании города наличествует слово «изстари», то фигура женщины с костылем является как бы картинным выражением понятия старости, символизирует длительность существования города, т. е. вполне соответствует его «состоянию».

В гербе города Торопца центральную фигуру составляет деревянная башня, на которой лежит золотой лук. В момент построения герба город принадлежал к Великолуцкой провинции — отсюда, по-видимому, появился лук. Из описания города явствует, что достопримечательностью его была построенная «в прошлых годех стена деревянная з башнями…» [152]. Изображение деревянной башни Торопца фиксируется в гербе города.

В описании, присланном из Тулы, сообщается о том, что на берегу реки Упы построен завод, где изготовляются «фузейные и пистолетные стволы и штыковые трубки» [153]. В рисунке тульского герба отражены эти сведения: «В червленом поле горизонтально положенный на двух серебряных шпажных клинках, лежащих наподобие Андреевскаго креста, концами вниз, серебряный ружейный ствол; вверху же и внизу по одному молоту золотому. Все сие показывает примечания достойный и полезный оружейный завод, находящийся в сем городе»[154].

В ведомостях о городе Черни, как и о других городах Орловской провинции, отмечается, что он назван по имени реки, на которой стоит[155]. В гербе города Санти поместил черно-синюю реку. Это река Черная, «сей цвет доказывает ея глубину»[156].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[150] РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 21. Формальный подход к изучению эмблем городских гербов России приводит иногда к курьезным безосновательным их толкованиям. Так, Н. Н. Сперансов поместил эту эмблему в разделе «Величие России» и сообщил: «Павлин знаменует гордость, тщеславие, иногда обожание, любовь. Но фигура павлина в гербе означает согласно правилам геральдики (? — *Н. С.*) славное воспоминание о победе над тщеславным и гордым врагом. Серпуховский павлин и напоминает об одном из поражений врагов России под стенами города» (*Сперансов Н. Н.* Земельные гербы России XII—XIX вв. М., 1972. С. 46).

[151] РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 179.

[152] Там же. Л. 51 об.

[153] Там же. Л. 18 об.

[154] *Винклер П. П. фон.* Указ. соч. С. 155

[155] РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 179.

[156] *Винклер П. П. фон.* Указ. соч. С. 166.

По-видимому, в тех случаях, когда ведомости о городе отличались особой скудостью, из них было трудно выбрать данные, подчеркивающие специфику города, и воплотить их в городской герб. Санти пользовался при создании эмблемы приемом, широко распространенным в герботворчестве, о котором речь уже шла выше, — название города выражалось в его гербе (так называемые говорящие гербы). По этому принципу созданы гербы Великих Лук[157] (в красном поле три золотых больших лука), Зубцова (в красном поле золотая стена с зубцами). В распоряжении Санти, как известно, была «книга регулов геральдических», которыми он руководствовался при составлении гербов. Вероятно, из этой книги пришли геральдические фигуры в гербы городов Алексина («в червленом поле две златые палицы Геркулесовы, накрест положенные толстыми концами вверх»), Арзамаса («в золотом поле два стропила, одно из которых красное, а другое зеленое»), Торжка («в голубом поле 3 серебряные и 3 золотые голубя, имеющие красные ошейники»), Юрьевца [«в лазуревом щите с золотою оконечностью (геральдическая фигура. — *Н. С.*) серебряная башня с отверстыми вратами»].

Целая группа «старых» гербов берет свое начало в знаменном гербовнике 1729—1730 гг. В первой главе настоящей работы изложена история его создания, приведен перечень подготовительных материалов. Общие принципы отбора эмблем для него: использование уже составленных ранее (из Титулярника, знаменного гербовника 1712 г.), помещение на знаменах таких полков, как Выборгский, Нарвский, Перновский, Рижский, Ревельский и т. д., гербов, пожалованных им до присоединения к России, включают также заимствование эмблем из книги «Символы и емблемата» и составление новых гербов согласно «состояния города». В эту последнюю группу включены, во-первых, «говорящие» гербы городов: Ельца («на белом поле олень красный, над ним ель зеленая»), Козлова («козел белый, поле красное, земля зеленая»), Коломны (колонна), Кроншлота («на море кроншлот (замок) белый…»), Курска («белое поле, наискось идущая синяя полоса и на ней три белые летящие куропатки»), Павловска («св. апостол Павел в красной одежде, поле белое»), Рыльска («на желтом поле черная кабанья голова»), Стародуба («дуб старый, стоящий на зеленой земле»), Орла (белый город, на воротах сидит орел); во-вторых, те гербы, которые составлены в соответствии с характерными для города признаками (традициями, промыслами, строениями, местоположением и пр.): Кронштадта (в гербе города — башня с маяком), Новой Ладоги (изображение шлюза), Путивля (изображение двух челноков с цевками)[158], Свияжска (деревянный город на судах

[157] В знаменных гербовниках 1712 и 1729—1730 гг. луцкая (великолуцкая) эмблема имеет другой вид: выходящая из облака рука с мечом, который перерубает змея. Как отмечалось выше, она скопирована с изображения, помещенного в книге «Символы и емблемата».

[158] В Реестре гербов, представляющем собой предположительно один из вариантов проекта гербовника 1729—1730 гг., герб города Путивля описан следующим образом: «Покром или перевес черная и в том две цевки золотые, дирки красные, поле золотое. Причина — понеже в том граде фабрика суконная» (ЛО Архива АН. Разряд II. Оп. 1. № 207. Л. 121).

на реке Волге, и в этой реке рыбы), Углича («образ убиенного царевича Димитрия Иоанновича»), Полтавы, Глухова, Царицына и др.[159]

Принцип составления городских гербов с учетом характерных особенностей города, местности, населения, традиций и т. д. с этого времени прочно внедряется в практику российского герботворчества. По этому принципу создан рисунок магистратской печати города Оренбурга (щит разделен трижды, что должно обозначать три разных народа, «прибежищем и защитою» которых является город; наверху, по бокам щита, в центре изображено оружие, которым пользуются эти народы). Исходя из местных особенностей, составлял гербы на знамена слободских полков И. С. Бекенштейи. Герольдмейстерская контора в 40—50-е гг. XVIII в., как отмечалось во второй главе, прежде чем составить герб на знамена полков, требовала сведения о городе, именем которого назывался полк. Щербатов в период руководства Герольдмейстерской конторой при составлении городских гербов также следовал этому правилу. Название города (Изюм, Черноярск, Семипалатинск и др.), его природные особенности, промыслы, развитые в городе, исторические события, традиции — вот что послужило для Щербатова основой при выборе эмблем. Щербатов предложил новый вариант герба для города Олонца (вспомним, что в качестве герба на знаменах Олонецкого полка использовались эмблемы из «Символов и емблемат»), фигурами которого являлись: серебряный фрегат «в напамятование учрежденного карабельного строения Петром Великим в 1703 году на Ладейном поле», два молота «под рудоискательною зеленою лозою, изъявляющее обретенные руды золотые и серебряные в сем уезде и заведенные заводы»[160].

Изменились при его участии гербы городов, составленные в свое время Бекенштейном для помещения на знамена слободских полков. Ахтырка получила герб, представляющий собой золотой крест с сиянием, «изображающий знаменитость сего города по великому числу приезжающих богомольцев»; Изюм — три виноградные кисти, «показующие самое именование сего града, и что плод сей круг сего града рождается»; Острогожск—«в зеленом поле златый орженый сноп, показующий богатые жатвы областей сего города»; Сумы — три черные сумы, «показующие именование сего города»; Харьков — рог изобилия, перекрещенный с кадуцеем, «изъясняя 1-е изобилие окружных стран сего града и 2-е самую его торговлю по бывающей тут знатной ярмонке». Все эти изображения гербов, вне-

[159] Интересно, что в упоминавшемся варианте проекта гербовника 1729—1730 гг. предлагался следующий герб Самары: «Могила зеленая, знак золотой, поле лазорево, а знак как видится (изображение знака. — *Н. С.*) в толковании доктурском или аптекорском, которое значит серу горячую, понеже что в Самаре много могил и в земле множество родится серы» (ЛО Архива АН. Разряд II. Оп. 1. № 207. Л. 122). Хотя изображение было выбрано согласно «состояния города», оно по вполне понятным причинам было отклонено и заменено другим, вероятно взятым из эмблемника (стоящая коза).

[160] РГАДА. Госархив. Разр. XVI. Оп. 1. Д. 803. Л. 3.

сенные в гербовник Щербатова[161], утверждены законодательным актом как «старые» гербы этих городов.

В городском герботворчестве Щербатова ярко проявилась еще одна характерная черта — в герб он часто вводит фигуру, являющуюся символом милости верховной власти. Собственно, этот символ был характерен уже для первых городских знаков, созданных с ведома правительства. Так, на рисунке магистратской печати новозаложенного города Оренбурга в качестве знака царской милости фигурируют государственные цвета — золотой и черный; в гербе города Костромы 1767 г. — плывущая по реке галера со штандартом, на котором изображен двуглавый орел. Щербатов впервые выразил в художественной форме эту идею при составлении герба города Вытегры. Основной фигурой герба является «златый императорский скиптр прямостоящий с оком провидения». Данная эмблема должна была символизировать «надежду, каковую пользу от учреждения сего города может империя российская приобрести и купно милость и провидение монаршее»[162]. В гербовнике, составленном Щербатовым по заказу Военной коллегии, большинство гербов в качестве составной части содержит изображение возникающего («возникающая» фигура соприкасается с одной из сторон щита, но видна лишь наполовину) двуглавого российского орла, символизирующего включение областей, по имени которых назывались полки, под власть царского самодержавия или покровительство Российской империи народам, составляющим полк (Иллирический, Сербский, Далмацкий), т. е. фактически олицетворяющего ту же царскую милость. Возникающего двуглавого орла под тремя коронами видим также в оренбургском гербе. Составленный Щербатовым герб города Оренбурга — «златое поле, разрезанное наполы голубою извилистою полосою, показующую тут реку Урал; в верхней части — выходящий двуглавый орел, в нижней части — голубой Андреевский крест в знак верности сего града»[163]. Этот герб утвержден в качестве городского, однако без отметки «старый».

Итак, рассмотрев около 100 различных эмблем, большая часть которых в последней четверти XVIII в. фигурирует в качестве «старых» городских гербов, мы можем констатировать следующее. Во-первых, понятие «старый» герб не однозначно с точки зрения хронологии: с одной стороны, это гербы, вернее эмблемы, появившиеся в XVI или XVII в., с другой — художественные композиции, созданные накануне становления всего комплекса городских гербов. Во-вторых, источник появления основных фигур «старых» гербов различен: в одном случае им дали жизнь печати, в другом — знамена (таких эмблем большинство), в третьем — гербы возникли как таковые в результате целенаправленного городского герботворчества. В-третьих, в категорию «старых» городских гербов зачисляются эмблемы разнохарактерные с точки зрения идейной основы их графического изображения. В это число включаются эмблемы, возникшие независимо от «состояния» конкретного города, выра-

[161] РГАДА. Госархив. Разр. XX. Оп. 1. Д. 269.

[162] Там же. Разр. XVI. Оп. 1. Д. 803. Л. 3.

[163] Там же. Разр. XX. Оп. 1. Д.269. Л. 43.

жающие идеи, не связанные с обозначаемым объектом, каким являлся конкретный город, но в то же время часть эмблем создана с учетом особенностей конкретных городов, смысловая нагрузка эмблемы имеет под собой реальную основу — сам город. Отмечая эти моменты, приходим к выводу, что термин *«старый» городской герб* очень условен. Думается, что выяснение этого факта поможет отказаться от искусственного «удревнения» российских городских гербов, в значительной степени отказаться от той предпочтительности, которая наблюдалась по отношению к гербам, имеющим помету «старый».

С 20-х гг. XVIII столетия в практику российского городского герботворчества включается с последующим утверждением принцип обязательного отражения в гербе характерных признаков города, которому составляется герб. К началу массового составления городских гербов этот принцип был узаконен и принят на вооружение Герольдмейстерской конторой (см. об этом в главе I настоящей работы). В какой степени этот принцип реализовывался? Об этом позволяют судить гербы, созданные в 1775—1785 гг. К сожалению, мы не располагаем данными о предварительном анкетировании (не знаем, существовало ли оно вообще), материалы которого могли способствовать созданию наиболее репрезентативного знака города в период массового герботворчества. Приходится довольствоваться официальным указанием, что герб составлен на основании тех или других обстоятельств. И тем не менее, взятые в комплексе, гербы, точнее гербовые фигуры, могут в известной степени отразить определенный аспект (или аспекты) действительности, в высшей степени влияющей на выбор предмета, помещаемого в городском гербе[164].

Из более чем 500 гербов, утвержденных в последней четверти XVIII в., исключая рассмотренные выше «старые» гербы, а также гербы, которые имелись у ряда городов до присоединения их к Русскому государству, в общей сложности классификации подлежат примерно 350 эмблем. П. П. Винклер перечислил гербовые фигуры, которые встречаются в российских городских гербах, подразделяя их на геральдические (фигуры, имеющие условное значение) и негеральдические (включают в себя предметы, взятые из действительного мира или фантазии). Геральдических фигур меньшинство, около двух десятков. Абсолютное большинство составляют негеральдические фигуры, которые в свою очередь подразделяются на следующие группы:

А. Естественные (предметы, созданные самой природой) [1) бесплотные силы и святые, 2) человек, 3) животные, 4) растения, 5) планеты, звезды, стихии] — примерно 215 названий.

◇◇

[164] Польский ученый С. Кучиньский, отмечая, что герботворчество всегда находилось в зависимости от окружающей человека действительности со всем ее богатством флоры, фауны и материальных предметов, пишет: «В зависимости от ряда факторов — топографических, культурных, хозяйственных и общественных — в разных странах разные аспекты этой действительности были чаще принимаемы во внимание при установлении гербов» (*Kuczyński S. K.* Niektóre zagadnienia symboliki heraldycznej na tle funkcjonowania herbu jako znaku // Problemy nauk pomocniczych historii. Katowice, 1973. II. S. 34).

Б. Искусственные (предметы, созданные рукой человека) [1) изображения, являющиеся доказательством милости верховной власти, 2) духовный быт, 3) общественный и домашний быт, 4) сельский быт, 5) военный быт, 6) фабрично-заводская деятельность, 7) строительное искусство, 8) морской быт] — около 202 названий.

В. Фантастические.

Перечень и подсчет применявшихся фигур показывают, во-первых, разнообразие сюжетов российской геральдики, в которой, без преувеличения можно сказать, отражается все богатство материального мира и мира образов; во-вторых, исключительную малочисленность среди гербовых фигур геральдических, в частности так называемых почетных (фигуры, составленные из линий, полос, имеющие специфические названия — столб, стропило, крест, перевязь и др.). Гербы, включающие подобные фигуры, выросшие из первых простейших опознавательных знаков, обычно относятся к числу наиболее ранних. Таким образом, если бы даже в предыдущих разделах не были выяснены время и принципы составления российских гербов на общем фоне самых разнообразных и многочисленных гербовых изображений, такая микроскопическая доза самых ранних по времени возникновения гербовых фигур настораживала бы при вынесении общей оценки российского герботворчества.

Несмотря на то что разбор эмблем, проделанный Винклером, позволяет отметить два вышеназванных момента, в целом он не может удовлетворить нас, так как нивелирует эмблемы, различные по времени возникновения и принципам, положенным в основу их создания, не позволяет воссоздать специфику российского городского герботворчества в плане отбора и выявления преобладания среди фигур тех или иных предметов реального мира.

Исходя из объяснений, сопровождающих описание каждого городского знака, сюжетика городских гербов, составленных в последней четверти XVIII в., может быть представлена девятью группами.

I. В 114 гербах — 32,5 % — представлены сведения о развитии в городах хозяйства и торговли (44 — промыслы, производство; 39 — земледелие, скотоводство, садоводство, пчеловодство; 31 — торговля).

II. В 92 гербах — 25,5 % — зафиксированы природные условия (53 — животный мир; 26 — растительный мир; 13 — местоположение города).

III. 56 гербов — 16,5 % — «говорящие» гербы.

IV. 18 гербов — 5,5 % — архитектонические сюжеты.

V. 18 гербов — 5,5 % — этнографические сюжеты.

VI. 16 гербов — ок. 4,5 % — исторические сюжеты.

VII. 12 гербов — ок. 3,5 % — знаки верховной власти.

VIII. 10 гербов — ок. 2,5 % — церковные сюжеты.

IX. 10 гербов — ок. 2,5 % — вариант герба более древнего города.

Предметы, служащие для обозначения вышеназванных понятий, очень разнообразны. Наблюдается использование одних и тех же предметов для символизации различных понятий; например, изображение коня в гербах городов Починки, Брон-

ница, Томск означает наличие здесь конных заводов, а в гербе города Данков — лошадиные ярмарки; пушные звери в гербах городов могут показывать представителей животного мира, обитающих в округе, но в это же время символизируют пушной торг.

Однако в использовании обозначений можно проследить и некоторые закономерности. Так, никогда изображение пристани не свидетельствует об обширной пашне вокруг города или высоких урожаях, но лишь о торговле, а хлебный колос, снопы или, положим, корона, посох не выступают как символы торговли, и тюки товара, кули с мукой, кадка с дегтем не символизируют высокого уровня земледелия.

При всей условности гербовых изображений взятые в комплексе гербы как знаки, репрезентирующие город, при помощи сюжетики и изображаемых предметов могут отразить характерные черты городской жизни, в определенной степени свидетельствовать о состоянии облика русского города в конце XVIII в. В связи с этим на первый план выдвигается вопрос соотношения российских городских знаков по их эмблематической основе с общеупотребительным городским символом, т. е. выявление соответствия первых какой-то модели городского знака как такового.

Несмотря на недостаточную разработку в существующей отечественной и западноевропейской литературе вопросов городской символики в общем плане, ряд авторов на примере отдельных стран более или менее конкретно выделили основные сюжеты городских гербовых изображений[165]. К числу основных и, как правило, наиболее ранних относятся эмблемы, представляющие как бы изображение самого города (башни, стены, ворота, замок, укрепления — архитектоническая группа). Следующий распространенный сюжет городских гербов — святой, покровитель города (возможны варианты — изображение атрибутов святого), а также господин города, владелец, основатель (может быть представлен элементом его личного герба). Еще одну группу составляют «говорящие» гербы (эмблемой является предмет, название которого созвучно названию города). Определенные комплексы образуют городские гербы, свидетельствующие о занятиях жителей города, прежде всего торговле, ремесле, о других видах хозяйственной деятельности горожан, например рыболовстве, садоводстве. В гербе находят отражение вымышленные или происходившие в действительности городские события, природные, географические особенности местности, где расположен город, животный и растительный мир, явления природы, фантастическая символика и пр.

В целом, как видим, сюжетика российских городских гербов не отличается от западноевропейской городской символики. Она имеет несколько другое соотношение групп гербов. Среди отечественных городских эмблем незначительна доля архитектонических мотивов, изображений святых — покровителей города, владельцев, основателей города, что вытекает из разностности моментов возникновения и правовых основ русских и западноевропейских городов. На первый взгляд доволь-

[165] Основываюсь на работах: *Gumowski M.* Op. cit.; *Novák J.* Op. cit.

но малочисленна группа эмблем, символизирующих царскую милость и духовный быт. Однако принцип построения основной массы российских городских гербов, функционировавших в последней четверти XVIII в. (соединение в одном гербовом щите фактически двух самостоятельных гербов, из которых верхний представлял собой наместнический герб), давал возможность вводить почти в каждый герб города символ верховной власти в виде двуглавого орла (в гербах Брацлавского, Минского, Воронежского, Волынского, Могилевского, Полоцкого, Подольского, Санкт-Петербургского, Оренбургского наместничеств), державы (Вологодское), скипетра (жезла) (Новгородское, Харьковское, Санкт-Петербургское), императорского штандарта (Костромское), знамен (Тобольское), короны (Астраханское, Казанское, Орловское, Тверское, Владимирское, Калужское, Сибирское), княжеской шапки (Рязанское). Знаки верховной власти дополнялись церковными символами: благословляющая рука (Псковское), рука из облака (Олонецкое), крест (Владимирское, Пермское, Вятское), святой (Московское).

Таким образом, при создании городских эмблем был сделан сильный акцент на символику, отражающую официальную идеологию Российской империи. С этой точки зрения российские городские гербы можно рассматривать как средство пропаганды правительственной политики и своеобразное «картинное» воплощение этой политики по отношению к городам. Правовой момент, ярко выраженный в символах российских городов, составляет специфику отечественного герботворчества. Второй отличительной чертой городских гербов Российской империи является содержащееся в них указание на административную значимость города. Во внешней форме герба нашли отражение действия правительства по урегулированию административно-территориального состояния России. Как уже отмечалось, городские гербы последней четверти XVIII в. имеют характерную особенность: в гербовом щите располагаются фактически два герба, причем верхний (следовательно, основной) — наместнического (губернского) города, а нижний (второстепенный) — самого города. По геральдическим правилам центральное место в поле щита отводится фигуре, репрезентирующей владельца герба, т. е. в данном случае — городу. Эта форма, выработанная в процессе массового городского герботворчества, соответствовала реальной структуре административного деления в масштабе империи. Почти через сто лет делались попытки найти более «геральдический» вариант выражения данной структуры. По предложению возглавлявшего Гербовое отделение Департамента геральдии Кёне губернский герб помещался в так называемой вольной части щита (в правом или левом углу поля), т. е. центральной фигурой герба становилась эмблема, знаменующая город. Показательно, что по прошествии столетия не отказались от знакового выражения, напротив, нашли еще одну дополнительную деталь для обозначения административного положения города: корона различного вида, а также обрамление щита должны были показывать административную значимость города, количество населения в нем, характер экономического состояния. Принципы, лежащие в основе городского герботворчества XVIII в., сохранялись и в XIX столетии. Однако характерной чертой гербов

XIX в. является усиление в их символике процаристских тенденций, что выражалось почти в обязательности для каждого создаваемого городского герба наличия в нем таких эмблем, как корона или двуглавый орел.

Исследуя символику российских городских гербов, мы можем констатировать следующее. Реконструкции существовавшей в прошлом системы городских гербов способствует источниковедческий анализ эмблем, составляющих гербы. На основе их изучения в литературе делались попытки поставить вопрос о гербе как историческом источнике. Причем обычно графическое изображение эмблемы воспринималось как некий фотографический снимок, отображающий флору, фауну, занятия населения, развитие промыслов и пр. Среди российских городских гербов исследователи, однако, отмечают существование так называемых старых гербов, по отношению к которым попытка аналогичным образом расшифровать их эмблемы выглядит недостаточно научно в силу специфики последних. Очевидно, что эти старые гербы наиболее интересны, так как могут дать представление о времени возникновения первых гербовых эмблем, об их истоках, символике и др. Поэтому необходимо было выделить эти «старые» гербы, установить, какие гербы входят в понятие «старые», насколько они «стары». Определение времени появления «старых» гербов, вернее эмблем, их составляющих, ставит последние в соответствующую историческую эпоху. Это дает возможность и основания для расшифровки смысла, содержания эмблем, если, конечно, принять ту точку зрения, что эпоха влияла на создание, форму и смысловое содержание эмблемы как знака, и общественные условия рассматривать как основополагающий фактор при трактовке сюжетики того или иного комплекса эмблем. Изучение гербовых эмблем с точки зрения символов определенной эпохи включает гербы, в частности городские гербы, в круг источников, освещающих интересные и мало изученные стороны жизни русского общества. Подобного исследования геральдических эмблем отечественная историография не знает. Этот анализ впервые проведен в настоящей работе. Он показал, что в качестве российских городских гербов использовались символы различных эпох. Не все они возникли в связи с понятием «город», часть появилась в связи с другими явлениями, происходившими в русском обществе. Лишь с XVIII в. о них можно говорить как о городском символе, который сложился из эмблем и видовых образов отвлеченного характера. Эта категория гербов составляет основную часть группы так называемых старых гербов. Большую часть группы «старых» городских гербов составляют эмблемы, обозначающие конкретный город: отражают его внешний вид, занятия населения, связанные с городом исторические события и т. д. Создание символов подобного типа, символов, репрезентирующих город как таковой, началось во второй четверти XVIII в. и превратилось в закономерность к последней четверти XVIII в., когда каждый город Российской империи должен был иметь собственный герб.

Присутствие в большинстве городских гербов знаков царской милости свидетельствует, что в самой значительной степени создание городских гербов было инспирировано государством. Правовой момент, отраженный в гербах российских

городов при помощи символов, олицетворяющих царскую милость, составляет характерную особенность русских городских гербов. Вкупе с религиозными символами символы царской милости, присутствующие с середины XIX в. фактически во всех городских гербах, свидетельствуют, что идеологический момент в формировании института городского герба в России играл существенную роль. Особая форма, выработанная в процессе массового городского герботворчества, явилась отражением действий правительства по урегулированию территориального деления государства. В целом рассмотренные городские гербы России отражают отдельные моменты развития русского городского общества. В этом аспекте они выступают как исторический источник.

а *б*

Печать великого князя Московского Ивана III Васильевича с изображением святого Георгия Победоносца, поражающего копьем змия. 1504 г. а — лицевая сторона, б — оборотная сторона

а *б*

Большая государственная печать Ивана IV Васильевича. 1577 г. а — лицевая сторона, б — оборотная сторона

Изображение стяга русского князя Святослава, совершающего поход на Болгарию (967—972), на миниатюре Летописи Константина Манассии (XII в.). В верхней части рисунка — князь Святослав с мечом, а также красный стяг с «хоботом» и «чолкой стяговой»

Изображение стягов русского воинства в битве новгородцев с суздальцами (XII в.) на иконе «Чудо от иконы “Знамение”». XV в.

Святой Георгий. Икона XII в.

«Чудо Георгия о змие».
Фреска Георгиевского собора
в Старой Ладоге. XII в.

«Чудо Георгия о змие» с житием. Икона, первая половина XIV в.

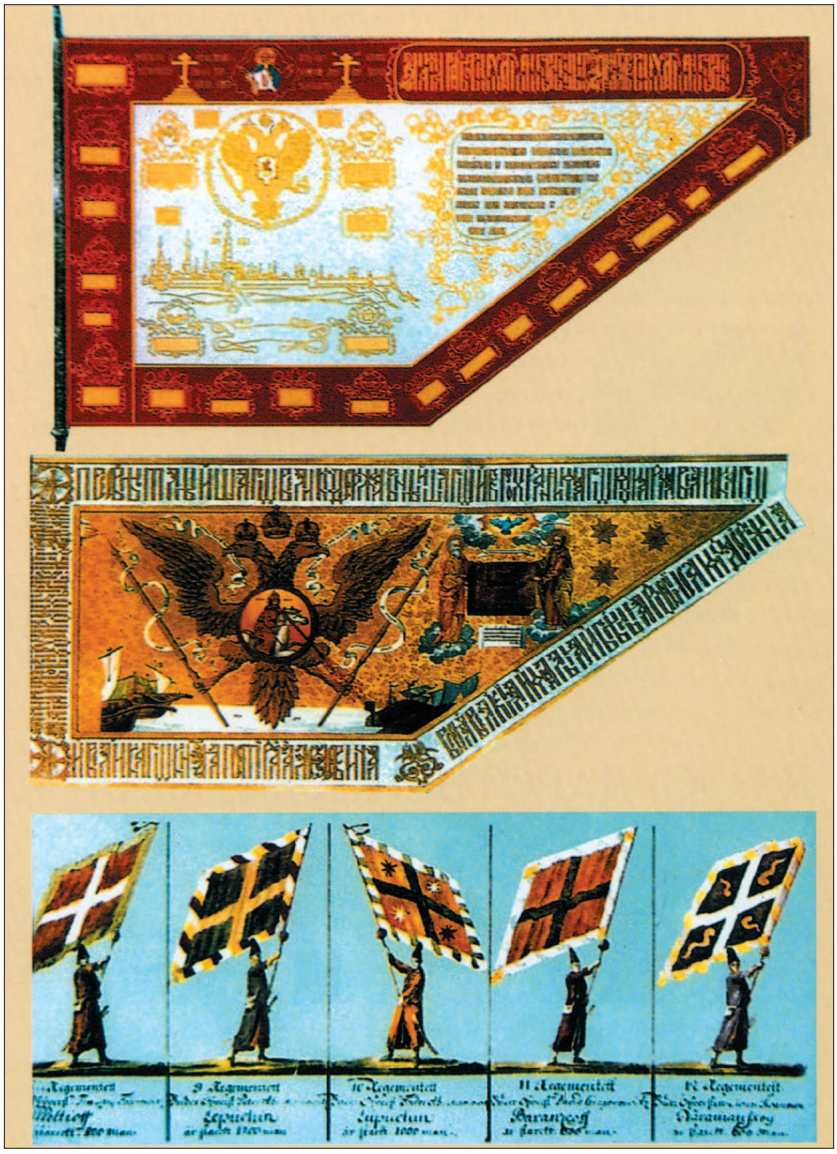
«Чудо Георгия о змие». Икона XV в.

Знамя русского воинства с навершием в виде креста; явление дружине князя Всеволода Юрьевича Владимирского иконы Владимирской Богородицы. 1177 г. (л. 222)

Сказание о Борисе и Глебе. Борис идет на печенегов. Миниатюра. Сильвестровский сборник. XIV в.

Устюжский рельеф из Успенского собора Московского Кремля. Конец XV в.

Святой Георгий Драконоборец. Деревянная скульптура. XV в.



Русские стяги. XVII в. Вверху — государевы, внизу — стрелецкие

Обложка папки с художественными листами (кон. XIX — нач. XX в.), которая «повторяет цвета российского флага»

Знамя царя Петра Алексеевича. 1700 г.

Плакат с изображением гербов и флагов первых лет советской власти (1917—1919 гг.): «Что дала Октябрьская революция трудящимся»

Плакат, выпущенный к 1-му Мая 1920 г.: «Через обломки капитализма к всемирному братству трудящихся». Н. Кочергин.

Знамя с изображением государственного герба СССР. Не позднее 1936 г.
Бархат, шелковая нить, металлическая нить, вышивка, плетение

Панно с текстом первого куплета Гимна СССР. Подарок И. В. Сталину к 70-летию от Вехтер Нелли, воспитанницы Молотовабадского детдома. Таджикская ССР. 1949 г.
Ткань х/б, нити х/б, шелк, вышивка гладью

Русские денежные знаки, отпечатанные в 1917—1920 гг. в США. Билет в 50 копеек. 1917 г. Лицевая и оборотная стороны

5 % краткосрочное обязательство Государственного казначейства. 5000 рублей. 1 января 1920 г. Лицевая сторона. Образец

ГЕРАЛЬДИКА И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ ХУДОЖЕСТВО В РОССИИ

«О геральдическом художестве в России» — так называлась статья известнейшего исследователя отечественных гербов В. К. Лукомского, которую он опубликовал в начале нашего века в журнале «Старые годы»[1]. Лукомский предполагал в специальном труде более детально осветить значение геральдики в отечественном искусстве и особенно в прикладном, однако его замысел остался неосуществленным.

Art héraldique (*франц.*), Wappenkunst (*нем.*), геральдическое искусство — это умение по определенным правилам изображать (составлять, рисовать) гербы. Искусство создания герба начало складываться в особую систему почти одновременно с появлением самих гербов. Этапы геральдического искусства, таким образом, совпадают с этапами развития геральдики. В первый период — XII—XIII вв. — геральдика имела своим объектом исключительно гербовый щит с фигурой в поле щита (обычно простейшей). Второй период — XIII—XV вв. — принес новые элементы в рисунок герба, прежде всего шлем, а также нашлемник, намет, т. е. элементы практического рыцарского убора того времени, которые являлись также и украшением владельца военного снаряжения. Это был период расцвета реальной геральдики, и художественное изображение не отступало от своего прототипа. Наконец, примерно с XVI в. начинается третий период геральдического искусства, явившийся результатом упадка «живой» геральдики, в основе которого лежало изменение не только военного дела — техники боя и вооружения, но и прежних ценностных параметров в европейском обществе. Оно отказалось (за ненадобностью) не только от рыцарских турниров, но и от прежнего пиетета по отношению к рыцарской культуре вообще. И тем не менее один из компонентов этой культуры на века остался в жизни европейского общества. Речь идет о гербе, который пережил период своего практического военного использования, утвердившись в культурно-правовой жизни средневековой Европы. Этому способствовал целый ряд факторов: гербы получили широкое распространение благодаря участию в крестовых походах рыцарей практически из всех стран Европы; гербы в их графической форме были понятны в обществе, где основная часть населения не могла ни читать, ни писать; герб изначально был знаком свободного (по рождению) человека (рыцаря), что делало

[1] *Лукомский В. К.* О геральдическом художестве в России // Старые годы. СПб., 1911, февраль.

его привлекательным не только для воинского сословия, но и для представителей других слоев населения; герб в силу сложившихся правил его составления очень точно идентифицировал личность, общину (город) или любой другой субъект, получивший право владеть гербом, а гербовая графика позволяла применить этот знак в каком угодно масштабе и на каком угодно предмете, показать место гербовладельца на иерархической лестнице, определить его матримониальные связи и т. д. Словом, феодальное общество нашло гербу прекрасное применение вне военного обихода, «впустив» его в жизнь дворянина и горожанина, ремесленника (цеховые гербы) и лица духовного звания.

Гербы и их художественная форма начали интересовать не только герольдов, но и многих образованных особ из разных сословий: врачей, юристов, теологов… В XVI—XVII вв. в различных странах Европы в большом количестве появляются геральдические трактаты. В них разрабатываются правила общей композиции герба, определяются его обязательные и дополнительные компоненты (корона, щитодержатели, мантия и т. д.), систематизируются фигуры (геральдические, негеральдические), цвета, меха. Геральдику этого времени называют «бумажной» в отличие от предшествующей «живой». Европу захлестывает настоящая гербовая лихорадка; во многих странах создаются специальные учреждения для упорядочения пользования гербами, в учебных заведениях основываются кафедры геральдики, в Германии, Англии, Франции возникают ученые школы геральдисгов, а результатом деятельности подобных школ явились и научные трактаты, и учебные пособия.

Правила рисования гербов, таким образом, получили научную основу, они несколько варьировались в различных государствах, но в конечном итоге составили определенный кодекс, которому следовали сотрудники геральдических учреждений во всех странах.

Конечно, геральдическое художество испытывало влияние общеевропейских художественных стилей (готического, барокко, рококо и проч.), однако в течение XVI—XVII вв. в изображении гербов господствовал собственный геральдический стиль, который был поставлен в условные рамки геральдических правил, сформировавшихся «на бумаге» ко второй половине XVII в., можно сказать, окончательно. Во всяком случае, об этом свидетельствуют труды Петрасанкты (1634), К. Ф. Менетрие (1658), Ф. Л. Шпенера (1690)[2], закрепившие правила, выработанные в прежние века. В доступной форме, в виде учебников геральдический кодекс в XVIII в. распространился по многим странам Европы, причем наиболее четкие и систематизированные пособия служили для создателей гербов своеобразными эталонами. Таковым являлось геральдическое руководство профессора Геттингенского университета И. Х. Гаттерера «Очерки геральдики»[3], которое было издано во второй половине

[2] *Petrasancta S.* Symbola Heroica. Antverpiae, 1634; *Menestrier C. F.* Le Veritable art du blason et la pratique des amioiries depuis leur institution. Lyon, 1671; *Spener Ph. J.* Insignium theoria seu Operis heraldici pars generalis… [Frankfurt a. M.], 1690.

[3] *Gatterer I.* Abriss der Heraldik. Göttingen, 1792.

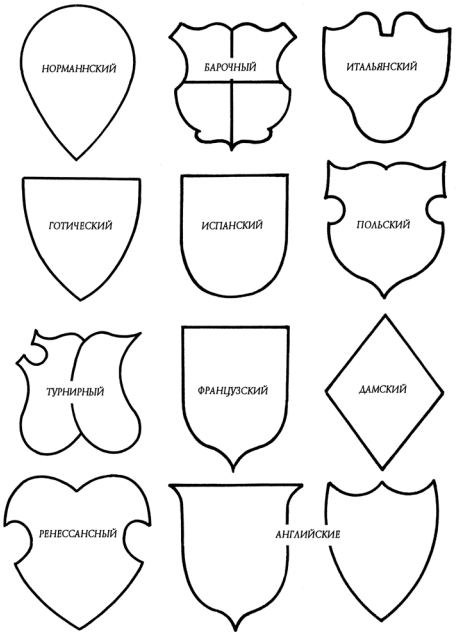
XVIII в. в Германии и получило признание в европейском геральдическом мире. Это действительно очень четкое и емкое пособие под названием «Начертание гербоведения» было переведено в самом начале XIX в. Г. Мальгиным на русский язык.

Геральдическое изображение рыцарского убора

Каковы же эти каноны, по крайней мере самые общие, вошедшие в геральдику любой европейской страны? Прежде всего, речь идет о компонентах герба — обязательных и необязательных. К обязательным относится щит, который представляет собой центральную и главную часть рыцарского снаряжения, а в геральдике является основным носителем индивидуального знака — гербовой фигуры. Формы щитов различались по временному признаку. До XIII в. употреблялся норманнский щит: вверху полукруглый, внизу заостренный; в XIII—XIV вв. известен готический щит — вверху ровный, заостренный книзу, с закругленными боками; в XIV—XVI вв. преобладал так называемый турнирный щит (он мог быть различной конфигурации), характерным признаком которого являлась круглая выемка для копья, справа, в верхней части. Форма гербового щита зависела и от художественного стиля эпохи. Так, известны в XVI—XVII вв. ренессансный гербовый щит с выемками по краям, имеющими в отличие от турнирного щита только художественное значение, а также барокковый щит (XVII в.), формы которого были исключительно разнообразными. Последние два щита появились в период «бумажной» геральдики и не имели отношения к рыцарским боевым щитам.

В геральдике существуют названия щитов также и по странам. Известен испанский щит — вверху ровный, внизу закругленный, особенно удобный для размещения многочисленных и сложных гербовых фигур; подобен ему французский — в закругленной нижней части он имеет острый выступ; излюбленный в XIX в. английский щит несколько отличается от французского своими плавными очертаниями и необычной верхней линией; форма польского щита напоминает турнирный; итальянский — декоративный, близок к ренессансному. В «бумажной» геральдике был изобретен специальный ромбовидный щит для дамских гербов. В настоящее время щит может быть выбран любой, его форма не играет какой-либо роли, пользуются наиболее удобными очертаниями гербового щита. Таковой признана в российской геральдике французская рамка, так что щит обычно называют французским.

Кроме щита, наиболее старым элементом герба является шлем. Его форма в качестве части рыцарского снаряжения претерпела ряд изменений подобно щиту. В геральдическом изображении шлем помещался над щитом, примыкая вплотную к нему. Так как шлем являлся принадлежностью рыцаря, то в женских гербах он, как



Формы гербовых щитов

правило, отсутствовал. Шлем не употребляется также в государственных и городских гербах, хотя иногда суверен за особые (военные) заслуги жаловал в герб подвластного ему города рыцарский шлем. При изображении дворянских гербов шлем обычно рисовался стальным (железным) и закрытым, у графов и высшей шляхты — серебряным, с девятью решетками, в княжеских, королевских гербах — золотым, открытым.

Обязательной принадлежностью герба является нашлемник. Это фигура, помещаемая над шлемом. Обычно нашлемник повторял фигуру, изображенную на рыцарском щите. В эпоху рыцарства он существовал как украшение, в то же время повторяя изображение на щите, как бы усиливал образ владельца этого знака. Нашлемник по своему значению, таким образом, приравнивался к гербовому щиту и составлял с ним единое целое. В качестве нашлемника использовалась иногда лишь часть гербовой фигуры — обычно крылья птиц, особенно часто орлиные, рога зубра или оленя. Если гербовый щит представлял собой соединение нескольких гербов (двух родов, гербов мужа и жены), над ним могли помещаться несколько шлемов с нашлемниками. Однако встречаются личные гербы, где нашлемник отсутствует. Последнего обычно нет в городских и государственных гербах.

Намет, шлемовый покров — это украшение по бокам щита и шлема. Высказывалось предположение, что он развился из ламбрекена — бывших турнирных лент («шарф прекрасной дамы»), которыми рыцарь украшал шлем во время состязания. Однако по поводу появления в гербовом рисунке намета существуют и другие версии. В частности, его рассматривали как кусок ткани, который рыцари, участвующие в походах на жаркий Восток, использовали для прикрытия своего шлема от солнца, а глаза — от песка. Они переняли этот обычай от арабов, у которых изрезанная сабельными ударами ткань к тому же свидетельствовала о геройстве ее владельца. Изрезанную в клочья ткань геральдическое художество стилизовало в фантастической форме — в виде листа сельдерея. Намет изображался всегда в цветовой гамме поля щита и главной его фигуры. Он не являлся главной фигурой герба, в некоторых странах дворянские гербы его практически не имеют, например в Польше. В городских гербах, как правило, намет отсутствует, однако как

Западноевропейские и русские шлемы. XIII—XVI вв.

элемент «бумажной» геральдики встречается иногда в позднем городском герботворчестве различных европейских стран, особенно когда речь идет о заимствованиях, а не о традиционном изображении.

Короны в геральдическом творчестве применяются очень широко. По достоинству они делятся на императорские, королевские, герцогские, княжеские, графские, баронские и обычные дворянские. Короны отличаются по форме, по количеству зубцов и жемчужин, которыми заканчиваются зубцы. При помощи этих корон определяется достоинство владельца герба. Обычно они помещались над щитом, между щитом и шлемом, так что нижний край шлема опирался на центральный зубец с жемчужиной. От этих корон отличается так называемая геральдическая корона, располагающаяся над шлемом и закрывающая нижний край нашлемника. Как элемент герба она выполняла функцию соединения двух основных частей — нашлемника и шлема. Изображалась в виде диадемы с тремя либо пятью листообразными зубцами. Короны помещались над щитами городских гербов. Обычно это были башенные короны, представляющие собой как бы часть городской стены.

Кроме корон, в гербах использовались заменяющие их всевозможные головные уборы: папские тиары, кардинальские и епископские шляпы, княжеские шапки, тюрбаны, береты, каски и т. д.

Сравнительно поздно (не ранее XIV—XV вв.) в элементы герба включили щитодержатели. Это фигуры людей или зверей, часто фантастические, которые с двух сторон поддерживают гербовый щит. Они либо парные и одинаковые, например два архангела, либо неодинаковые, например лев и единорог. Считается, что

щитодержатели — художественное отражение реально существовавших прислужников, которые во время турниров должны были носить за рыцарем его щит и шлем. Обычно щитодержатели изображаются стоящими на стилизованной земле, почве. В качестве подобной основы часто использовались концы ленты с девизом. Щитодержатели являются украшением герба, а не обязательной его частью. Особенно они любимы лицами, чьи гербы создавались в период «бумажной» геральдики, — с щитодержателями герб выглядел более помпезным и претенциозным. В городских гербах ряда западноевропейских государств можно увидеть щитодержателей, например, в гербе города Праги. Встречаются они и в государственных гербах.

В XVI в. (по другим сведениям, лишь в XVII в.) в геральдике появляется мантия и ее разновидность — сень. Предполагают, хотя это предположение довольно легендарно, что прообразом их были ковры и дорогие ткани, на которых перед турниром вывешивались щиты участников. Как бы там ни было, мантия служит фоном всего герба, помещаясь позади него. Мантия окрашена красным (алым) цветом сверху и подбита горностаевым мехом. Ее обычно венчает корона. Иногда мантия, перехваченная шнуром, образует над гербом что-то вроде балдахина, подобно балдахину над королевским троном. Тогда она называется гербовым шатром или сенью. Сень часто присутствует в государственных гербах, а мантия, как правило, украшает гербы княжеских родов. Однако геральдическое искусство не всегда выглядит логичным — на фоне мантии размещается гербовый щит и в некоторых городских гербах, причем не всегда подобный казус исторически объясним.

Замыкает набор компонентов герба девиз. Так называется краткое выразительное изречение, прообразом которого был легендарный рыцарский клич, военный возглас. В период «бумажной» геральдики он сменился на назидание, прокламацию, обязательство перед сеньором и проч., словом, характеристику владельца герба, его рода. В государственных гербах, где девизы встречаются довольно часто, они отражают взгляды на власть верховного правителя, его идеологическое кредо либо дополняют программу государственности, зачастую отраженную и в символике. Сопровождают девизы также городской гербовый щит, правда нечасто. Примером может служить девиз, начертанный на ленте, которую удерживают лапами щитодержатели — чешские львы в гербе Праги: «Прага — мать городов».

Перечисленные компоненты отнюдь не всегда можно встретить даже в дворянском, личном или родовом, гербе, а городской герб почти никогда не имеет их в совокупности. Однако всегда, если речь идет о гербе города (а не о памятном знаке, эмблеме и проч.), в нем присутствует основной компонент — гербовый щит, без которого нет герба. В гербовом щите или, иначе, поле размещаются геральдические фигуры, симметрично, по особым правилам. Гербовый щит может представлять собой одно поле с одной фигурой (очень редко фигура вообще отсутствует). Однако гораздо чаще в гербовом щите изображается несколько фигур. В том случае, если имеется одна фигура, она помещается в середине поля, или щита, две фигуры размещаются в середине поля рядом, три — две вверху, одна внизу, четыре — по углам щита, пять — кроме четырех по углам, рисуется пятая в центре и т. д.

Нашлемники

Фигуры могут размещаться рядом в горизонтальном положении — тогда считается, что они изображены «в пояс» (особая терминология), одна над другой вертикально размещенные фигуры — «в столб», диагонально расположенные фигуры обозначаются «скошенными». Если одно изображение наложено на другое или покрывает его, то считается, что оно последнее «обременяет», а если находится рядом с ним — «сопровождает». Короны, мантии «украшают» щит.

Щит, разделенный вертикально пополам, называется рассеченным, горизонтальной чертой — пересеченным, по диагонали — скошенным вправо или влево. Верхняя часть щита называется главою ($^1/_3$ поля), нижняя — оконечностью, существуют также углы — вольная часть. Очень распространено деление щита на несколько частей (полей, щитков), в каждом из которых помещены одна или несколько фигур. Подобную форму имеют, в основном, личные или родовые гербы, а также государственные. Городским гербам в большинстве случаев она несвойственна.

Используемые в качестве гербовых эмблем изображения подразделяются на несколько групп. Наиболее простыми и старыми являются геральдические фигуры, образованные геометрическим делением поверхности щита. Среди них упоминаемые выше оконечность и глава; столб, расположенный вертикально в центре щита и занимающий его третью часть; пояс, помещаемый горизонтально в центре щита, также занимающий третью часть последнего, и др. К геральдическим фигурам относят кресты: простейший, так называемый геральдический, — соединение столба с поясом; две диагонали (крестообразное скошенное положение) — андреевский или бургундский крест; буква Т дает антониев крест; существуют еще несколько десятков названий.

К негеральдическим фигурам относятся звери и птицы, деревья и цветы, рыбы, насекомые, земноводные, облака, реки, звезды и т. д. — вся материя, окру-

жающая человека, да и сам человек и его духовные покровители — святые. Это так называемые естественные фигуры. К искусственным относятся творения рук человека, однако отнюдь не все, а те, что могут служить символами различных понятий, например башни и стены как символ города. Наконец, в геральдике существуют и фантастические фигуры: дракон, козерог, птица Гамаюн и проч.

Все это огромное множество эмблем, фигур и символов размещается в щите гармонично и выразительно во многом благодаря специфическому подбору цветов. При рисовании гербов используются только строго установленные краски, получившие в геральдике название финифтей, а также металлы и меха. Все вместе в европейской геральдике они называются тинктурами. Первоначально геральдика знала два металла — серебро и золото (в рисунке изображались серебряной и желтой краской), и четыре цвета: красный, голубой, черный и зеленый. Позднее появились пурпур (лиловый), известный главным образом в церковной геральдике, а также натуральный, которым пользовались при изображении человеческого тела и некоторых предметов (например, шлем — железный). Четыре меха, известные старой геральдике, — горностаевый, соболий, беличий и куний, в «бумажной» геральдике использовались ровно наполовину — ограничивались горностаевым и беличьим.

Цвета и металлы примерно до XVII в. обозначались начальными слогами или буквами их названий. Однако после изобретения в 1638 г. Сильвестра Петрасанкты в геральдику вошла штриховка — каждый цвет, металл и мех изображался соответствующими линиями и значками.

Использование этих значков позволило расширить публикацию гербов и геральдических работ, т. к. заменило дорогостоящие цветные рисунки более легкими в исполнении черно-белыми. Естественно, публикаторы хорошо ориентировались в штриховке, ибо неверное расположение полос меняло цвет той или иной фигуры и делало неверным сам герб.

Красный цвет изображается при помощи вертикальных штриховых линий, голубой (синий) — горизонтальных, зеленый — наклонных справа налево, черный — сплошной черной краски или пересекающихся вертикальных и горизонтальных, пурпуровый — наклонных слева направо. Золото (желтый цвет) изображается черными точками на белом поле, серебро — поле остается белым. Мелкими зигзагообразными линиями в некоторых странах изображается натуральный цвет. Горностаевый мех, как правило, при помощи штриховки выглядит белым с покрывающими все поле черными хвостиками (иногда в виде крестообразных фигурок), а беличий мех представлен чередующимися белыми и черными (голубыми) фигурками в виде язычков, концы которых обращены вверх или вниз.

Намет

Гербы выстраиваются в стройную систему благодаря не только выбору условных цветов, знаков, особых сочетаний элементов и т. д., но и выполнению ряда правил, которые являются обязательными при составлении герба и отличают последний от простого рисунка. Правило правой и левой стороны предусматривает расшифровку фигур и прочтение герба с позиций человека, несущего щит. Правой стороной герба, таким образом, считается та, что находится слева от зрителя, и наоборот. Поэтому описание поля, фигур начинается с левой (от зрителя) стороны — геральдически правой. Правило финифти и металла требует изображения на «металлическом» поле геральдически окрашенной фигуры, и наоборот. По геральдическим законам нельзя накладывать цвет на цвет и металл на металл. Часто, правда, встречаются несоответствия этому закону, и цветные фигуры рисуются на цветном же поле. Меха обычно употребляются как поле, на котором могут быть помещены и металлические и цветные (финифтяные) фигуры.

При изображении цветами и металлами геральдических фигур существует ряд норм. Среди них можно указать следующие: если фигура красная, то ее второстепенные части (у животных и птиц — это когти, клюв, язык, копыта, рога и проч.) — голубые; у голубых и черных фигур второстепенные части красные; у золотых фигур серебряные, и наоборот. Если золотая фигура расположена на красном щите, то для второстепенных частей используется серебро, у золотых фигур на голубом либо черном поле — красные и т. д.

Существует правило, согласно которому гербовые фигуры не могут изображаться реалистическими, с деталями, присущими живописному творчеству. Они должны быть стилизованы и представлены по специфическим нормам, например шагающие звери поднимают правую переднюю лапу, простые геральдические фигуры не могут касаться края щита и т. д.

Описывается герб также по особым правилам: если в поле имеется одна фигура, то сначала указывается цвет поля, затем цвет фигуры. В случае многочастного (многопольного) герба описание начинается с геральдически правого верхнего поля, а если герб имеет центральный щиток (сердце щита), то описание следует начинать с него, а лишь затем описывать главный щит. После описания гербового щита и шлема наступает очередь нашлемника и намета.

По правилам блазонирования (описания герба) последнее должно быть кратким, лаконичным, точным и в духе геральдического языка.

Не каждый язык удовлетворяет данным требованиям. Классическим для геральдистов является французский, который дает возможность описать герб буквально одним предложением. Многовековая история геральдики тесно связана с историей этой европейской страны, однако сам строй французского языка (точность терминов, сжатость выражений) является подходящим для профессионального описания гербов. Другие европейские страны, например Германия, также на протяжении столетий вырабатывали собственную геральдическую терминологию. Немецкая геральдическая терминология явилась результатом чрезвычайно развитой в Германии книжной, «бумажной» геральдики.

Вкратце перечисленные выше правила и нормы теоретической геральдики вырабатывались длительное время и, безусловно, не сразу стали общепризнанными и неизменными во всех странах. Наряду с главными принципами составления герба, появлялись и особенности национальной геральдики, выражавшиеся, в частности, в добавлении к основным цветам промежуточных. Так, в старой английской геральдике использовались оранжевый, темно-красный, ярко-красный цвета, которые возрождаются в настоящее время[4], в польской указаны штриховкой коричневый, серый, стальной, телесный, натуральный цвета[5].

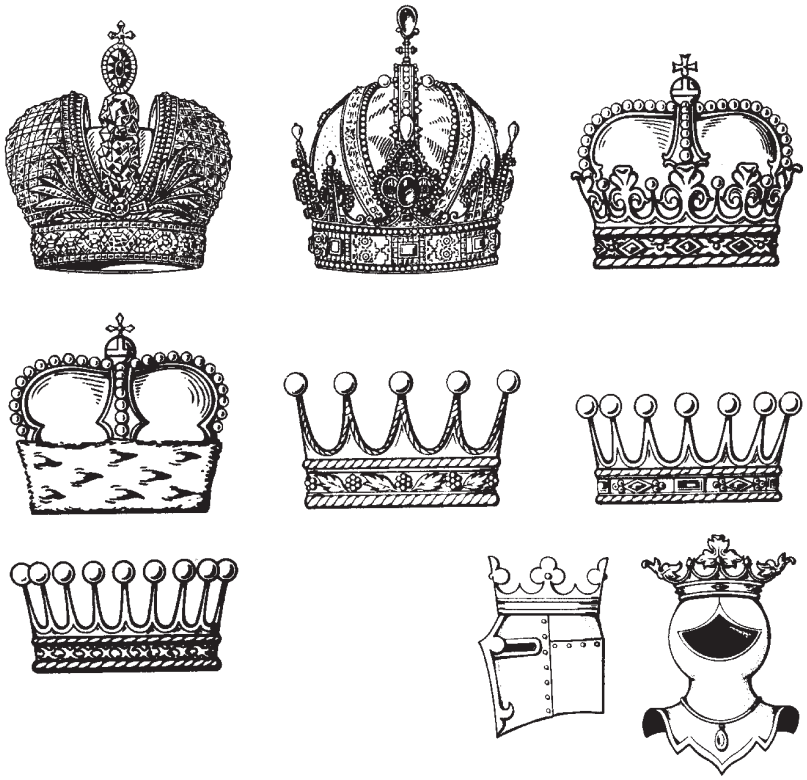
Городская геральдика особенно подвержена неким «каноническим несоответствиям» как в использовании оттеночных цветов, так и в нарушении одного из главных постулатов: металл на металл и цвет на цвет не накладывается.

Насколько хорошо знали геральдическую азбуку российские герботворцы? Пособия по геральдическому искусству появились в России лишь в XIX в. В начале XX в., когда геральдика сформировалась как предмет преподавания в некоторых учебных заведениях России, были предприняты шаги к более широкой публикации геральдических норм и правил составления гербов. О них рассказывал в своих лекциях студентам Московского Археологического института Ю. В. Арсеньев — лекции в 1908 г. изданы отдельной книгой под названием «Геральдика». Справочное руководство «к уяснению состава гербов и их описанию» было напечатано по предложению Императорского общества поощрения художеств. Под заголовком «Основы геральдики» Н. А. Типольт поместил его в книге «Русская геральдика» вместе с известной статьей В. К. Лукомского об источниках отечественного гербоведения. В очерке Типольта приводятся сведения о делениях щита и геральдических фигурах в соответствии с законами западноевропейской геральдической науки. Из 300 делений и фигур, используемых последней, Типольт изображает и описывает примерно 150 самых употребляемых. Они, как считает автор, отчасти использованы отечественными составителями гербов, вошедших в самое крупное российское геральдическое издание — «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Устанавливаемая им русская терминология для наиболее популярных геральдических фигур и делений гербового щита предполагает широкое употребление пособия в практике составления и описания гербов в России. Однако барон Типольт не ограничился введением в отечественное герботворчество общетеоретических геральдических норм. В отношении негеральдических фигур и украшений щита в книге впервые продемонстрирован «опыт воспроизведения их в новой трактовке по образцам русского искусства XVII столетия»[6]. Действительно, прилагаемые таблицы содержат несколько десятков черно-белых рисунков геральдических эмблем, которые, по мнению автора, могут служить образцом при воссоздании гербов в русском стиле XVII в.

[4] Bouttell's Heraldry. Publ. by F. Warne. London, 1978. P. 27.

[5] *Lojko J.* Średniowieczne herby polskie. Poznań, 1985. S. 15.

[6] *Лукомский В. К., Типольт Н. А.* Русская геральдика. Пг., 1915. Предисловие.



Короны, используемые в государственных и личных гербах.
Западноевропейские шлемовые короны XIV—XVII вв.

Впрочем, автор не настаивает на исключительности предлагаемой им художественной трактовки гербовых эмблем, не считает данный стиль обязательным, справедливо полагая, что подобная трактовка может быть употреблена с пользою, «для тех или иных прикладных целей».

Что касается геральдического искусства в XVII в., то по дошедшим до нас памятникам изобразительного и прикладного характера трудно говорить о каком-либо российском геральдическом стиле, а скорее о геральдическом стиле вообще. Вплоть до 1740—1750-х гг., когда из Герольдмейстерской конторы хлынул все расширяющийся поток дворянских, а затем и городских гербов, часть которых рисовалась соратниками первого российского специалиста по геральдике графа Ф. Санти и действительно ни в чем не уступала прекрасным образцам западноевропейского геральдического творчества, о соблюдении существовавших строгих правил науки геральдики никто особенно не заботился.

Впрочем, волновался современник становления российского герботворчества, сам ему не чуждый, человек обширных и разносторонних знаний, первый отече-

ственный историк В. Н. Татищев. Прекрасно осведомленный относительно рисования российских гербов и знакомый с работами по западноевропейской геральдике, он весьма критически разбирал известные ему гербы прежде всего с точки зрения правильности их построения и цветовой гаммы. Считая, что на русских деньгах изображался герб, Татищев замечает не свойственную гербу разность трактовки одной и той же фигуры: «у нас на деньгах не токмо при разных государех, но и при одном многие разные изображения находятся, яко всадник оный, прямо сидящ или вперед наклонившися, иногда скачущ, на иных стоящий, сабли пред собою концем вверх и вперед, на иных над главою, инде над плечем…»[7]

Знакомый по иностранным геральдическим изданиям, хранящимся в его личной библиотеке, со специфическими гербовыми цветами — финифтями, Татищев неоднократно отмечал несоответствие канонам при оформлении ряда гербов различных областей Российской империи, которые «разно и противными геральдике красками изобразуют»; рукописный гербовник, виденный им у Артемия Волынского, где были помещены «областей гербы», по мнению Татищева, «весьма неискусным как в знаменовании, так и в разности красок иконником делан, ибо хотя он много золота и серебра употребил, но некстате разпестрил»; по поводу гербов для полковых знамен историк высказывался совсем уничижительно, заявив, что «в полки (гербы. — *Н. С.*) делали как токмо в голову пришло… а вырезанные на камнях у постельного крыльца (гербы. — *Н. С.*) разности красок не показуют»[8].

Почти через сто лет после сетований Татищева на несовершенство отечественного геральдического творчества в том же ключе высказывался А. Б. Лакиер, признанный в России «геральдический авторитет». Выявив суть западноевропейского рыцарского герба (его наследование, неизменяемость и т. д.), Лакиер вполне справедливо замечает, что у этого знака были и «другие геральдические приметы, внешние атрибуты. Хотя они прямо и без всякого изменения перешли в русский герб, но существенною всегда считалась твердость изображения в гербе, внешние же его атрибуты — шлем, наличник (нашлемник. — *Н. С.*), мантия, намет и т. п.— стали помещаться вокруг щита позднее, и на них не было обращено внимания»[9]. Далее автор «Русской геральдики» в своих рассуждениях и вовсе исключает отечественные гербы из общепринятой системы герботворчества: «Вообще, нам кажется, что если может быть русская геральдика (момент сомнения. — *Н. С.*), то это только наука о тех изображениях, которые видим на щите, — изображениях, имеющих свою историю, свой смысл и свое значение»[10]. Таким образом, Лакиер вольно или невольно отступает от научных канонов построения герба, которые лежали в основе подобной деятельности практически во всех европейских странах, и заменяет геральдику некоей эмблематикой, якобы единственно приемлемой для России.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

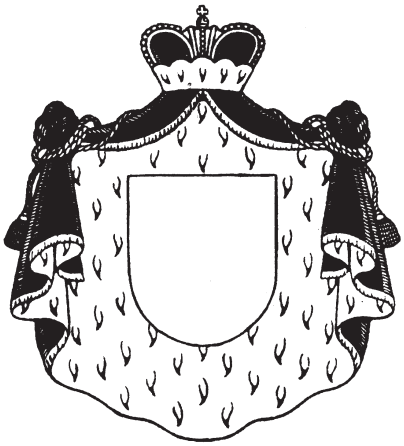
[7] *Татищев* В. *Н.* История Российская. Ч. 1. М.; Л., 1962. С. 369.

[8] Там же. С. 370.

[9] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. Переизд. М., 1990. С. 132.

[10] Там же.

Щитодержатели



Мантия

Далее он вообще открещивается от «начал западной, нам чуждой геральдики», показывая на примере государственного герба якобы какую-то своеобразную линию развития российского геральдического художества: «С XIV в. всадник в московском гербе, как и в литовских печатях, был обращен влево (вправо от зрителя. — *Н. С.*) и остается в этом положении в течение шести столетий. Если оно и не соответствует правилам рыцарской геральдики, то давность стоит за твердость и неприкосновенность эмблемы, на которой так ярко отразились убеждения московских великих князей и государей всея России. Замечание это направлено против мнения тех иностранных писателей, которые укоряют русских в незнании геральдики и в доказательство того ссылаются на положение всадника в государственном гербе»[11].

Подобные упреки, кстати, продолжаются до сих пор. Автор одного из последних справочников по геральдическому искусству В. Леонард[12], характеризуя российское герботворчесгво, пишет, что в нем отсутствуют черты ранней геральдики (соответствующие раннему этапу эмблемы, простейший щит, изображения герольдов и проч.) и, напротив, печати и гербы содержат почти исключительно фигуры зверей, которые не стилизованы, как принято в геральдике, а изображаются натуралистически на фоне ландшафта с травой, кустами и деревьями, причем почти все «своеобразно» повернуты — в правую от зрителя, негеральдическую, сторону. Использование цветов и металлов также не всегда соответствует геральдическим канонам.

Замечания, высказанные в литературе в разное время и разными людьми по поводу художественной формы российских гербов, возникли не на пустом месте. К тому же как бы ни старался Лакиер внедрить мысль в голову русского читателя

[11] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. Переизд. М., 1990. С. 146.

[12] *Leonhard W.* Das Große Buch der Wappenkunst. 3 Aufl. München, 1984. S. 371.

о какой-то особой, выросшей на местной почве геральдике, она не поддерживается весомыми аргументами: нет правил русской геральдики, есть несоблюдение норм геральдического искусства. Однако вряд ли верно применять этот тезис к огромной массе дворянских и городских гербов России: ведь отечественное геральдическое художество мало изучалось. Практически отсутствуют публикации дворянских гербов и дипломов на дворянство, которые, судя по немногочисленным примерам, приведенным в статье Лукомского[13], являлись уникальными произведениями графического искусства. Черно-белые штриховые рисунки Общего гербовника дворянских родов, к сожалению, не дают полного представления о манере их исполнения, да и о живописцах мы знаем немного. Отсутствие цветных альбомов вообще очень затрудняет оценку отечественного геральдического художества, ибо, как было показано выше, цвета составляют существенную часть герба, его неповторимую прелесть и своеобразный колорит.

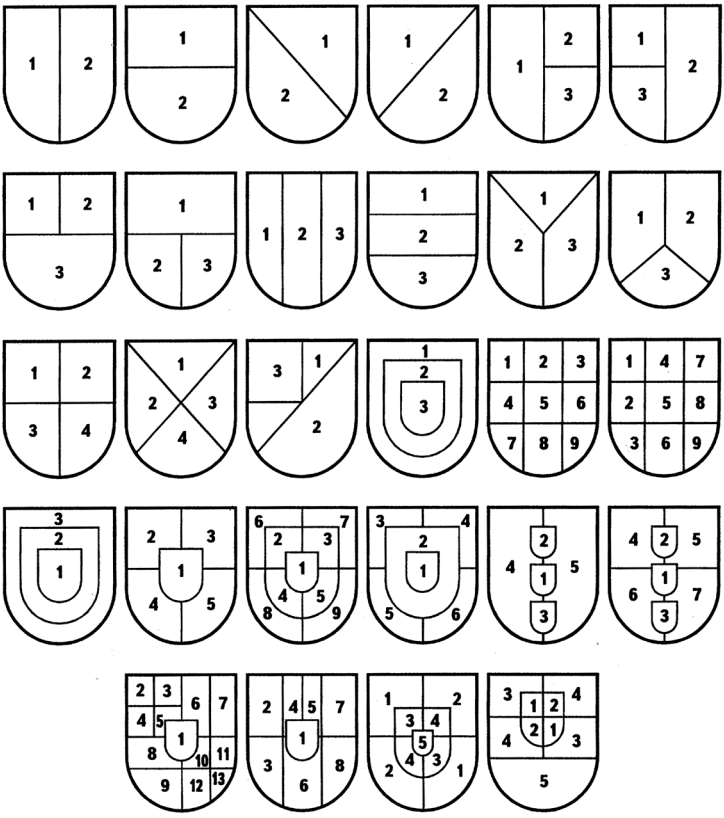
В данном очерке мы лишь в общих чертах затронем историю и практику художественной деятельности отечественных геральдистов, главным образом применительно к созданию ими территориальных эмблем и городских гербов.

Первые гербовые эмблемы — это фигуры, составляющие российский государственный герб: двуглавый орел и всадник («ездец»), поражающий дракона. И та и другая эмблемы начиная с XVIII в. входили в некоторые городские гербы. О символике этих эмблем писалось неоднократно[14], меньше внимания уделялось иконографии. Печать конца XV в., на которой вырезаны обе эмблемы, оттиснутая на красном воске, прекрасно сохранилась при грамотах конца XV — начала XVI в., а также и при более поздних документах. Она резко отличается по многим компонентам от прежних печатей русских князей. Новая форма титула и его написание в виде круговой легенды, изображение двуглавого орла, оттиск на красном воске приближают печать к западноевропейским образцам.

Кто был автором композиции первой общегосударственной российской печати, кто и где резал матрицу — сказать трудно. Лицевая сторона представляет нам прекрасную фигуру скачущего на галопирующем коне русского князя в развевающемся плаще, длинным копьем разящего в шею извивающегося под копытами коня крылатого змия-чудовища. На всаднике хорошо просматривается княжеская шапка, характерен поворот в правую от зрителя (негеральдическую) сторону. Вся композиция динамична, прекрасно детализирована и в целом сугубо светская. Более тонкой художественной работы резчика не встречается, пожалуй, до XVIII в., когда резались варианты печатей Петра I и создал русскую государственную печать известный европейский гравер — швейцарец Иоганн Гендлингер. Он прибыл по приглашению Анны Иоанновны в Санкт-Петербург и, взяв за образцы

[13] *Лукомский В. К.* Указ. соч. С. 9—20.

[14] *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // Вопросы истории. 1979. № 6; *Она же.* Русские печати. М., 1991. С. 195 — 215; *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 8—63.



Деления щита

петровские печати, гравировал большую государственную печать, которая больше ста лет служила русским монархам. На ней-то и появляется по-настоящему могучий русский орел, который по своему величию вполне соответствовал мощи и незыблемости огромной Российской империи.

Двуглавый орел на оборотной стороне печати великого князя Ивана III Васильевича очень тонок и изящен, с распахнутыми, но опущенными крыльями, на головах зубчатые декоративного типа короны. Рисунок сделан очень профессионально, но как-то отстраненно, нереально. Трудно найти точные аналогии подобному изображению. Он не похож на габсбургского орла с поднятыми вверх крыльями, но не представляет точной копии известного мозаичного изображения двуглавого орла из Морейской церкви. Среди миниатюр греческого Евангелия, принадлежавшего, как считают, деспоту Димитрию Палеологу (вторая половина XV в.), имеется рисунок — в красном поле золотой двуглавый орел, головы которого украшают едва заметные короны, а над головами орла имеется еще одна большая корона. Рисунок не напоминает герб, скорее это фрагмент декора палеологовского времени, о чем

свидетельствует монограмма Палеологов на груди орла[15]. Возможно, подобный декор украшал какие-либо изделия, принадлежавшие Палеологам, не являясь их официальным символом, и вещи эти могли быть известны в XV в. на Руси. Кстати, миниатюра, представляющая двуглавого орла, относится к числу поздних, добавленных в Евангелие Димитрия Палеолога во вторую половину XV в. к более ранним, бесспорно, греческого происхождения. Данную миниатюру наряду с целой группой подобного же стиля многие специалисты считают по происхождению западноевропейской, итальянской[16].

Иван III «в герб приял» двуглавого орла в 1480—1490-е гг. Именно в это время создаются московские художественные мастерские. Сведения об их деятельности собрала крупный знаток прикладного искусства Московской Руси Т. В. Николаева[17]. Она сообщает, что по приглашению Ивана III в Москву в последнюю четверть XV в. прибывают один за другим немецкие, итальянские и греческие мастера-серебряники: Трифон, катарский уроженец, делал для великого князя серебряные сосуды; в 1491 г. в Москву выехал из Рима серебряник Христофор с двумя учениками; затем приехал грек Петр Раик из Венеции; в 1494 г. в Москву прибыли несколько мастеров-иностранцев[18].

Возможно, кто-то из них резал первую общегосударственную печать Руси, возможно, они обучили своему искусству русских мастеров… Т. В. Николаева говорит о прекрасном стиле гравированных изображений на серебре, свободе и легкости фигур. Тот же прекрасный стиль отличает резчика печати. Но князь-воин скачет вправо, а не влево, как было положено по геральдическим правилам, двуглавый орел изображен с опущенными, а не поднятыми, подобно орлам печатей императоров Священной Римской империи, крыльями. Почему? Возможно потому, что, как пишет Николаева, в этот период «мастера прикладного искусства должны были знать иконографию русско-византийского стиля, а не западноевропейского».

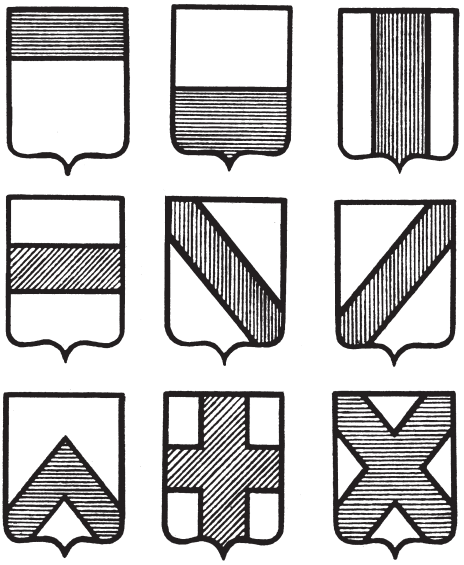
При внуке Ивана III Васильевича Иване Грозном, судя по печатям последнего, резчики трудились не покладая рук. Кроме красновосковой печати, которую употребляли его дед и отец, Иван IV пользовался и новыми, только при нем возникшими печатями. Иконография орла меняется, он становится менее изящным, а на груди его в щитках различной конфигурации помещается всадник, колющий дракона, однако голову «ездеца» украшает царская корона. Иногда на груди орла изображается мифический зверь — единорог. В отличие от всадника, повернутого

[15] См. изображение: *Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры в собраниях Советского Союза. М., 1977. С. 58.

[16] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. 1. М., 1947. С. 363; *Иранстрем Е. Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ // Византийский Временник. Т. XXIII. М., 1963. С. 187.

[17] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.

[18] Там же. С. 197—199.



Геральдические фигуры

Графическое изображение меха в гербах

Обозначение в геральдике левой и правой стороны щита

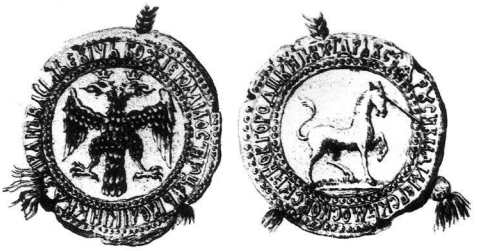
вправо от зрителя, единорог может идти влево, как предусмотрено геральдическими правилами.

Единорога многие исследователи принимали за личный герб Ивана Грозного. Хотя достоверных сведений, раскрывающих причины появления этой фигуры в государственной атрибутике русского царя, не имеется, можно все же сделать некоторые предположения. Вряд ли стоит искать ее «английские корни», как это делали некоторые авторы, вспоминая о брачных интересах Ивана Грозного (единорог изображался в шотландском, затем в британском гербе).

Русский историк Татищев, как нам кажется, наиболее правильно интерпретировал эту эмблему применительно к грозному царю. Вспоминая, что на Монетном дворе сам видел царский серебряный ковш с эмблемой, заставившей его задуматься над ее смыслом, Татищев писал: «В средине на дне вместо обыкновенного орла единорог и кругом его была подпись, токмо стерлась, однакож по оставшим буквам видно взятой стих из псалма: яко единорога святилище твое на земли. Посему видно,

что сей емблемат, а не сущий герб, равно как король французский употребляет солнце, король прусский орла, летящего к солнцу, и пр.»[19] Таким образом, Татищев рассматривает единорога как христианский символ, а не как герб.

По-видимому, специфическое отношение к различного рода эмблемам имелось и у современников Ивана Грозного. Они реально представляли себе, что во многих соседних с Московским государством странах существуют гербы, однако сами имели дело в лучшем случае с печатями. В очерке «Геральдика и гербы старинных русских городов» рассказывалось о создании в 1564 г. в связи с перемирием со Швецией печати Ливонской земли. В качестве гербов здесь использовались изображения, помещенные на печатях, попавших в результате Ливонской войны в русский архив: «печать юрьевская да маистра Велима Ферштенберхова (Вильгельм Фюрстенберг. — *Н. С.*) печать вельянская» хранились в ящике 202 с другими архивными документами, относящимися к Ливонским делам[20]. В этом же ящике хранились и монеты — «ефимки и полуефимки, и пенези, каковыми торговали в Юрьеве (Дертп, Тарту. — *Н. С.*) немцы», которые также могли служить образцом иностранных гербов и действительно использовались в подобном качестве при изготовлении самой знаменитой печати времени Ивана Грозного.



Печать Ивана IV. 1569 г.

Печать, о которой пойдет речь, — одна из загадок русской истории. Наиболее вероятная дата ее создания — 1577 г.[21] Печать привешивали к документам международного характера: договорам, официальным письмам иностранным государям, грамотам, подтверждающим полномочия русских послов. Она отличается от всех аналогичных существовавших до нее памятников сложностью композиции и необычностью изображения: 24 эмблемы (по 12 с каждой стороны), окружают двуглавого орла с всадником, поражающим дракона (на обратной стороне — единорог), на груди орла. Во главе 12 клейм с фигурами и на лицевой и на оборотной сторонах помещен крест, который сопровождает надпись «Древо дарует древнее достояние». Окружающие орла эмблемы в литературе принято называть гербами городов, таким образом, речь идет как бы о первом отечественном памятнике городского геральдического художества (процесс изготовления печати предполагает первоначальное создание рисунка, по которому резалась матрица). Современники не называли эти эмблемы гербами, о чем свидетельствуют надписи вокруг

[19] *Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. I. С. 370.

[20] Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина. М., 1978. С. 452.

[21] *Соболева Н. А.* О датировке Большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. Сб. статей. М., 1982. С. 179—186.

Саадачный покровец с вышитыми на нем геральдическими эмблемами. XVII в.

них, — «печати» земель, областей, княжеств, царств. Для герба, как уже указывалось, была характерна неизменность его рисунка, стабильность фигур и цветов (красок). Между тем анализ изображений, помещенных вокруг двуглавого орла на государственной печати Ивана IV, сравнение их с аналогичными изображениями XVII в. показывают отсутствие стабильности и несоответствие подписей действительной печати или эмблеме, впоследствии считавшейся гербом.

Например, эмблема Новгорода на печати Ивана IV изображена в виде вечевых ступеней, на которых лежит посох, около них — медведь, по другую сторону — зверь, внизу — две рыбы. На прекрасном шитом изделии — саадачном покровце времени Михаила Федоровича — та же эмблема представлена в виде двух медведей, поддерживающих трон, внизу — две рыбы. Золотая тарелка конца XVII в. украшена также новгородской эмблемой в виде двух медведей, поддерживающих трон

Форма царской короны Ивана IV. Царственная книга XVI в.

с положенным на него жезлом. А в дневнике австрийского дипломата И. Г. Корба изображена российская государственная печать, где рисунок новгородской печати снова дан в несколько измененном виде: на трон положены два перекрещенных посоха, около трона — медведи.

Еще один пример. Надпись «печать великого княжества Смоленского» идет вокруг изображения княжьего места с лежащей на нем шапкой — позднейшего тверского герба; на тверской печати вместо указанной эмблемы помещен медведь, а на ярославской вместо медведя с протазаном — рыба и т. д. Подобная «перепутанность» вряд ли была бы возможна, тем более на государственной печати, если бы в XVI в. в Русском государстве областные гербы уже существовали. Однако сочетание общегосударственной эмблемы и эмблем, не являющихся в своей основной массе реальными печатями и тем более гербами, отнюдь не случайно. Вся композиция в целом символизирует единство земель, объединенных под эгидой московского государя, иллюстрируя царский титул.

Подобная иллюстрация типична для государственной атрибутики многих европейских стран, в частности Польши, однако там вокруг центральной фигуры, как правило, располагались в гербовых щитах реально существующие земельные эмблемы, земельные печати.

Идет ли речь о простом подражании? И сочинение эмблем и композиции печати Ивана IV имели свой смысл и включали русскую печать, обычно скреплявшую документы международного характера, в круг типичных для Западной Европы атрибутов королевской или императорской власти, так что подражание им представляется вполне допустимым. Сложнее обстоит дело с гербами. Конечно, эмблемы, окружавшие двуглавого орла, должны были играть роль таковых за пределами Русского государства. Однако чем же они являлись в действительности? По виду

Монеты времен Ивана IV с изображением всадника в короне, поражающего копьем змея. XVI в.

изображения, безусловно, светские: рыбы, птица, звери, предметы вооружения и власти, гербы, олицетворяющие прибалтийские земли. За исключением последних, неточно воспроизводящих подлинные знаки, все представители животного мира ориентированы на центр, т. е. поворот фигур с точки зрения геральдики неправильный. По-видимому, в основе подбора и воспроизведения фигур лежали отнюдь не геральдические начала.

Государственная печать Ивана IV близка по стилю памятникам изобразительного искусства XVI в., в частности росписи Золотой палаты Кремлевского дворца[22]. Исследователи неоднократно отмечали, что для русского искусства этой поры были характерны символизм, сильное звучание догматической и морализующей темы, гипертрофированное увлечение библейскими образами и стремление вкладывать в изображение самых простых явлений скрытое значение, единство литературных и изобразительных сюжетов и т. д.

Исходя из этих представлений, памятуя о символизированном мышлении средневекового человека, нами сделано следующее предположение: символы, чье образное выражение видим на печати, — это символы идей, а не символы территорий, которыми отдельные эмблемы становятся впоследствии. Сочетание в композиции печати определенных существ животного мира и определенных предметов материального мира дает основание предполагать, что они вместе могут присутствовать в одном письменном памятнике. Таким памятником является Псалтирь — наиболее популярная из читаемых книг средневековья. Согласно Священному Писанию, люди и скоты противопоставляются друг другу: первые — познавшие закон, вторые — не знающие его, язычники. В Псалтири в том же значении, что и слово «скоты», употребляется слово «звери». Отсюда напрашивается вывод: клейма с фигурами зверей — нехристианские «нечестивые» народы, варвары. В том же символическом значении существует здесь изображение лука, стрелы, меча: «нечестивые натянули лук», «нечести-

Печать царя Михаила Федоровича с изображением государственного герба. 1625 г.

[22] Подробнее см. в кн.: *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981.

Стрелец. Книга Космы Индикоплова. 1535 г.

вые обнажают меч». Христианское начало (человек) олицетворяет на печати всадник, поражающий копьем дракона, царь в восприятии современников. В Псалтири ассоциируются понятия «единорог» и «рог», толкуемый как крест, спасительное царство. Таким образом, в общей идее композиции печати может звучать следующая мысль: вступление нехристиан под эгиду Божьего закона, под сень крыл господа Бога, которого избрали прибежищем и защитой.

Подтверждение нашему толкованию имеется в сочинениях отцов церкви[23]. Средоточием лицевой стороны печати является человек, сидящий на коне и поражающий «драконта, змия лукаваго». Он же, согласно воззрению св. Иоанна Златоуста, является царем всех тварей. Он, как писал св. Василий Великий, — «ратник, оградившийся бронею веры, возложивший на себя шлем спасения, укрепивший ноги свои во уготование благовествования»; который вообще, «яко добр воин Христов, злострадал за Евангелие, не обязавшись куплями житейскими». Его окружают твари — скоты бессловесные, которые, по мысли св. Афанасия Александрийского, преклонились долу, к земле, и питаются земными мудрованиями. Тварь враждебна человеку после изгнания его из рая, тварь как символ язычества безусловно враждебна человеку-христианину и царству Христову.

Однако недаром в вершине печати помещается крест. Он, по словам св. Иоанна Златоуста, отверзает рай, возвращает нам древнее отечество, приводит людей в благочестивый город и дарует обитель всему человеческому естеству. Всякая тварь, по мысли Афанасия Великого, услышав глас Господень на кресте, приходит в колебание, подвигнувшись от порока к добродетели, от неведения к богопознанию. И потому отнюдь не случайна надпись, которой обводится крест на печати: «Древо дарует древнее достояние».

Идеалом для христианина, и в особенности для православного, является Святой город и Святая земля — Иерусалим и Израиль, обновленные и открытые для всего мира Царем царствующих. Поэтому не случайно составитель печати поместил на ней двенадцать символов земель, памятуя о двенадцати коленах Израилевых и двенадцати вратах Иерусалима — Ветхого и Нового. Иерусалимский же храм сравнивается с единорогом (помещен на оборотной стороне печати) — «и созда яко единорога святилище свое». Афанасий Великий писал о единороге так: он «есть зверь неодолимый, потому что имеет на лбу острый рог, и им убивает всякого

[23] Автор благодарит А. Н. Казакевича за помощь в подборе текстов из сочинений отцов церкви.

зверя». «Когда, — продолжает великий учитель церкви, — был построен божественный храм, все народы (т. е. языки) оказались уступающими силе, в нем пребывающей». Народы, в том числе и те, символы которых окружают единорога на печати.

Печать царя Алексея Михайловича. 1667 г.

Политическая направленность и усиленная религиозная окраска произведений литературы и искусства эпохи Ивана Васильевича Грозного — это те отправные моменты, которые позволяют видеть в самом факте создания своеобразной композиции печати обязательность использования средневековой символики. Естественно, что ее создателями были люди сведущие, которые в иносказательной форме выражали идеи определенного официального миросозерцания. Большая государева печать создавалась в то время, когда завершалось длящееся столетиями преобразование Руси в единое государство. Очевидно, что русское общество середины XVI в. стремилось осознать итоги этого длительного процесса, а в государственном и народном миросозерцании отражался смысл происшедших изменений. Все это не могло происходить, на наш взгляд, без участия просвещенных деятелей Русской православной церкви, предстоятелем которой на протяжении многих лет был митрополит Макарий. Он вместе со своими сотрудниками собирал все книги, «чтомые на Руси», создав на их основе грандиозный книжный свод — Великие Минеи Четьи. Несомненно, соратники Макария хорошо знали сочинения отцов церкви. Весьма вероятно, что идея символики большой государевой печати принадлежала им. Разрабатывая государственную символику, они прибегали к многовековому церковному наследию, которое и старались, по мере своих сил, положить в основу устроения Российского государства.

Предлагаемое толкование символики изображений не только выводит нас на идейных создателей большой государственной печати, но и помогает приблизиться к определению ее художественных исполнителей. Митрополит Макарий — инициатор, составитель и редактор «энциклопедических» книжных сводов — являлся также организатором особой «макарьевской» художественной школы. Специалисты отмечают, что круг работ макарьевских мастеров широк, разнохарактерен (иконопись, миниатюры), в миниатюрах преобладает графическое начало и прослеживается знакомство с западноевропейским искусством[24]. Под непосредственным руководством митрополита Макария возникает школа «царских живописцев» — предшественница Оружейной палаты XVII в.

[24] *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 135—136.

Земельные эмблемы: киевская, владимирская, новгородская.
Титулярник 1672 г.

Кто-то из художников макарьевского круга был наслышан о геральдических принципах, что нашло отражение в специфике передачи украшенных «гербами» щитов, которые держат некоторые воины на иконе «Церковь воинствующая». Икона (историческая, гражданственная) написана мастерами макарьевской школы в 1550-е гг.[25] Исследователи единодушно связывают ее создание с победой русского царя в Казанском походе, видя в ней прославление Москвы и царя Ивана IV, которому служат вместе с потомками царей, владетельных князей также представители знатных иностранных родов. Они-то и держат щиты с фигурами, геральдичность которых весьма приблизительна.

Высказывалось мнение, что мастера, призванные Макарием для выполнения «государевых заказов», участвовали в создании миниатюр Лицевого свода[26] —

[25] *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. Т. II. М., 1963. С. 128—134.
[26] *Подобедова О. И.* Указ. соч. С. 136.

самого крупного летописно-хронографического произведения средневековой Руси, украшенного иллюстрациями (их более 16 000).

Ко времени составления Лицевого летописного свода, а согласно последним по времени исследованиям он создавался в 1568—1576 гг. в царской книгописной мастерской, расположенной в Александровской слободе[27], митрополита Макария уже не было в живых. Однако ни его властная теократическая доктрина, ни идеи прославления величия и силы русского государя не исчезли из политики Ивана IV. По-видимому, сохранился и штат прекрасных писцов и живописцев в «государевой палате», основы которой заложил митрополит. Тот же самый знакомый с западным геральдическим искусством художник мог отобразить царское представление о власти в символах знакомого ему мира (кстати, Псалтирь создавалась в Александровской слободе в то же время — с июня 1576 г. по январь 1577 г.[28], что и печать), удивив иностранную дипломатию формой известной Европе, но нехарактерной для России печати.

Каждая эмблема печати детально разобрана нами в специальном издании[29], отметим только, что для более поздних памятников подобного геральдического содержания печать 1577 г. оставалась своеобразным эталоном, хотя эмблемы находили нового владельца и меняли художественную форму. Примечательна форма короны между головами орла. Это уже не княжеская шапка, надетая на голову всадника, украшавшего печать деда Ивана IV, а пятизубчатая царская корона. Русская иконопись XV—XVI вв., произведения миниатюристов этого времени предоставляют нам многочисленные образцы зубчатых корон, надетых на головы библейских царей, противопоставляя таким образом их русским князьям, изображаемым, как правило, в княжеских шапках. Впрочем, Иван IV «надел» на голову царскую корону уже в монетных изображениях, где всадник, поражающий копьем дракона, явно отождествляется с образом царя-самодержца, который в начале 1560-х гг. на копейках предстает в пятизубчатой короне[30].

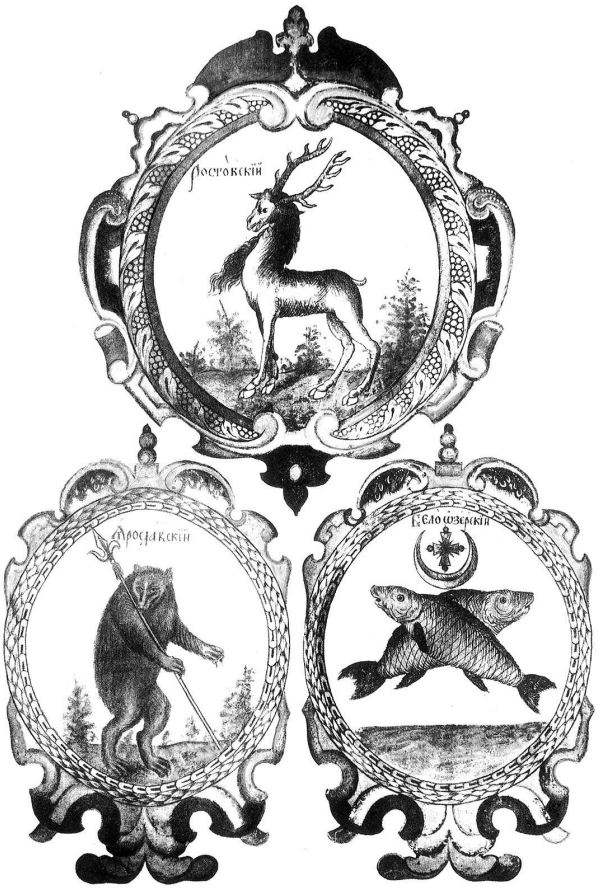
Начало XVII в. оставило нам памятники, свидетельствующие о расширяющемся знакомстве русского общества с геральдическими изображениями. Прежде всего это касается распространения эмблем светского характера, которые можно встретить на знаменах иноземных полков, входивших в состав русского войска, и их командиров, на личных печатях. Различные светские эмблемы, правда геральдически не оформленные, занимают место на печатях центральных правительственных учреждений — приказов, а также сибирских городов и острогов. В композиции сибирских эмблем обязательно присутствуют звери, иногда в сочетании с такими атрибутами, как стрела, лук, дерево-кедр, звезда. Хотелось бы подчеркнуть, что ни один из сибирских городов впоследствии не получил в герб своей наиболее ранней

[27] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 249.

[28] Там же. С. 246.

[29] *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 195—222.

[30] *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 41.



Земельные эмблемы: ростовская, ярославская, белозерская.
Титулярник 1672 г.

эмблемы, хотя в гербах Верхотурья, Иркутска, Якутска можно увидеть предметы, помещаемые на печатях этих мест в XVII в.

Итак, снова звери и птицы, среди которых встречаются «библейские» олень, единорог, волк, лиса, орел, вместе с луком, стрелой, звездой. Что это? Образы христианской символики, аналогичные по своему смысловому содержанию иносказаниям XVI столетия, или свободные от догматического толкования предметы реальной действительности, соответствующие местному быту, составу и распределению животного мира? Обычно в литературе принято второе мнение. Между тем наряду с изображением соболя, песца, белки, горностая, росомахи — животных, составляющих специфику Сибири, среди эмблем сибирских городов и острогов встречаем единорога (красноярская), животного под названием «бабр» (якутская, затем иркутская эмблемы), корону (томская). Наличие этих символов наряду с изображением

лука, стрелы, оленя, волка, лисы, орла как бы продолжает традицию символики предшествующего периода.

В то же время совершенно очевидно, что сибирские эмблемы, а также уфимская, тарская отражают реально существующий в этих местах животный мир. И все же создателей этого комплекса эмблем могли в их творчестве питать не только известия о разновидностях существующих в Сибири животных, но и традиционные широко известные книжные образы, которые предлагала читателю отечественная и переводная литература XVII в. Отсюда и изображение наряду с реальными зверями — соболем, песцом, куницей, сайгаком, символических животных — единорога, «бабра». Кстати, последний, вероятно, заимствован из «Христианской топографии» Космы Индикоплова, где помещен рисунок хищного зверя, в которого стреляет из лука человек. Надпись около рисунка гласит: «Тамошний земец стреляет зверь зовомой бобр»[31]. Иногда «бабр».

Различные эмблемы украшают предметы царского обихода. Интересно, что Лжедмитрий I, готовясь занять русский престол, подготавливал себе соответствующие атрибуты. Известен выполненный для него замечательный доспех западноевропейской работы, состоящий из налокотников, наручей и набедренников, покрытых сплошною гравировкою. В клеймах выгравированы двуглавые орлы под королевскою короною, а на плечах — двуглавый российский орел окружен новгородской, казанской, астраханской, псковской, смоленской, тверской, пермской, вятской, нижегородской, черниговской эмблемами[32], очевидно заимствованными с вышеописанной печати Ивана IV, которую Лжедмитрий I использовал в 1605—1606 гг. Заранее была приготовлена и новая государственная печать. Она сделана в Польше в соответствии с западноевропейскими художественными канонами. Крылья двуглавого орла, увенчанного третьей короной, на печати подняты вверх, корона королевская западноевропейского типа, всадник на груди орла повернут влево от зрителя. Подобная композиция имеется на серебряных коронационных медалях, которые прибыли в Москву вместе с Лжедмитрием I и в России были хорошо известны.

Послужили ли они примером для новой российской государственной печати, где коронованные головы двуглавых орлов увенчивает третья корона? «Прибавление» произошло в 1625 г. при царе Михаиле Федоровиче. Третья корона, расположенная между головами орла, отличается от двух зубчатых венцов, украшавших традиционно его головы. Впоследствии на государственных печатях короны приобретают одинаковую форму, далекую и от княжеской шапки, и от зубчатого царского венца XVI столетия. По-видимому, первый Романов пользовался услугами западноевропейских мастеров, которые резали его печати. На несомненное их участие в создании атрибутики власти русского князя указывает необычная для русского

[31] *Свирин А. Н.* Древнерусская миниатюра. М., 1950. С. 91.

[32] *Кондаков Н. П.* Императорский Эрмитаж: Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891. С. 299.

GENEALOGIA
Serenißimorum ac Potentißimorum
MAGNORVM MOSCOVIÆ DVCVM &
totiusque Russiæ Invictissimorum
MONARCHARVM.
Singulari studio
ac
Diligentia
ex diuersis cum impressis, tum manuscriptis
Authoribus,
aliisque fide dignissimis monumentis
Collecta
à
LAVRENTIO
DE
CHVRELICHZ
Sacræ Cæsareæ Regiaque Majestatis
LEOPOLDI I.
Consiliario et Sacri Romani Imperij
Heroaldo.
16 73

1

2

1—2. *Изображение всадника, поражающего копьем дракона, в русском и латинском экземплярах рукописи Л. Хурелича «Родословие пресветлейших и вельможных великих московских князей…» 1673 г. РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. II. № 26, 27.*

Российская государственная печать.
Зарисовка из дневника австрийского дипломата И. Г. Корба. Конец XVII в.

На рисунке изображены гербовые эмблемы следующих земель, княжеств и царств, входящих в состав Российского государства (цифры поставлены издательством):
1. Moscau (Москва), 2. Kiovia (Киев), 3. Volodimiria (Владимир), 4. Novogradia (Новгород), 5. Casan (Казань), 6. Astraban (Астрахань), 7. Siberia (Сибирь), 8. Plesco (Псков), 9. Tweria (Тверь), 10. Podolia (Подолия), 11. Permia (Пермь), 12. Bologaria (Булгария), 13. Crernichow (Чернигов), 14. Polotsky (Полоцкий), 15. Jaroslafsky (Ярославский), 16. Oudoria (Удория), 17. Condinia (Кондиния), 18. Mstislafsky (Мстиславский), 19. Jweria (Иверия), 20. Cabardinia (Кабардиния), 21. Czer Kaskije j Gors (Черкесские и горские), 22. Cartalinensium (Карталинские), 23. Serveia (Северные страны), 24. Vitepsky (Витебский), 25. Obdoria (Обдория), 26. Bielosersky (Белозерский), 27. Rostofsky (Ростовский), 28. Resansky (Рязанский), 29. Novagradia tholovorcountroy (Нижний Новгород), 30. Viatsky (Вятский), 31. Ugoria (Югория), 32. Volinia (Волынь), 33. Smolensco (Смоленск)

взгляда «постановка» всадника, который на груди двуглавого орла изображался повернутым влево от зрителя. Таким мы видим всадника на печати Михаила Федорович 1625 г. на принадлежавшем ему саадачном покровце.

Кроме третьей короны, появившейся над (между) головами орла, в XVII в. орел держит в лапах скипетр и державу — атрибуты, в обязательном порядке упоминающиеся в Чине венчания русских государей на царство. Впоследствии они вошли и в государственный герб, а вместе с ним и в те гербы, где представлен главный символ России.

Печать императрицы Елизаветы Петровны. XVIII в.

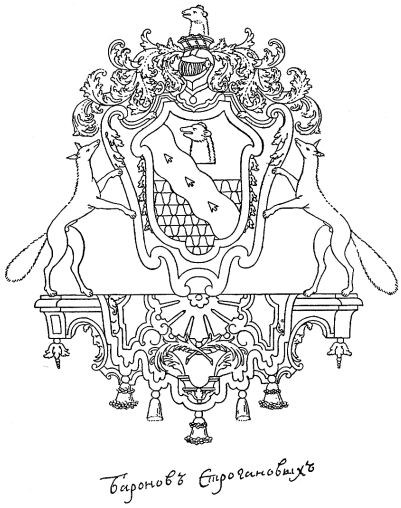
Различные гербовые эмблемы в XVII в. наносятся на многочисленные предметы царского обихода как орнамент, украшение. Геральдический вкус прививался русскому обществу особенно интенсивно в правление царя Алексея Михайловича. Он пользовался услугами иностранных художников, граверов. В архиве сохранился документ, свидетельствующий, что Алексей Михайлович привлекал иностранных мастеров и для изготовления государственных печатей. Это челобитная «серебряника иноземца Богдана Исакова о даче ему за сделанные государственные две печати государева денежного жалованья»[33]. На челобитной имеется помета, согласно которой за то, что резчик сделал «царственные две печати», ему полагалось выдать «пять рублей и сукна английского». Какие конкретно печати резал этот иноземец — не совсем ясно, ибо Алексею Михайловичу принадлежит десяток печатей с различным написанием титула. Но, возможно, речь идет о новом типе печати, где орел поднимает крылья вверх, а над головами орла три одинаковые короны с крестами. Форма корон — ближе к западноевропейской, королевской.

По приказу Алексея Михайловича в Оружейной палате «состроили» знамя, где живописец Станислав Лопуцкий (тоже иноземец) «написал… разных государств четырнадцать печатей в гербах» (вероятно, в гербовых щитах. — *Н. С.*). Станислав Лопуцкий вместе с Иваном Мировским писал по повелению царя в 1669 г. для Коломенского дворца «клейма (гербы. — *И. С.*) государево и всех вселенских сего света государств». В том же году Лопуцкий на холсте изобразил герб Московского государства и «иных окрестных государств и подо всяким гербом планиты, под которым каковыя»[34].

«Геральдизация» не была изолирована от процесса, происходившего в XVII в. в русском искусстве в целом: разрушение его обособленности, слияние с общеевропейской художественной культурой. Имеется много примеров использования

[33] Российский Государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 136. Оп. 1. Д. 16.

[34] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях. М., 1895. С. 215.



Герб баронов Строгановых.
Рис. графа Ф. Санти. 20-е гг. XVIII в.

русскими живописцами художественных справочников общеевропейской значимости. К ним относятся так называемая Библия Пискатора, отдельные гравюры которой, как установили наши искусствоведы, положены в основу композиции фресок ряда русских памятников, известные европейские книги эмблем «Иконология» Ч. Рипа, «Иероглифика» Д. Валериано, чье влияние на русскую миниатюру этого времени широко известно[35].

Однако русские мастера, используя западноевропейские образцы, воспринимали их по-своему, творчески перерабатывая, зачастую привносили в рисунки традиционно русские черты.

В качестве примера можно указать на печать Алексея Михайловича 1667 г. Центральную фигуру двуглавого орла, увенчанную тремя коронами, которые вполне символично «знаменуют» три царства: Казанское, Астраханское, Сибирское, сопровождают отнюдь не символические, но вполне реалистичные изображения крепостей, охраняющих земли Российского государства, а не эмблемы этих земель.

Однако в другом художественном памятнике времени Алексея Михайловича — Титулярнике 1672 г., встречаемся уже с «эмблемным» изображением областей, царств и княжеств, которые назывались в титуле русского государя. Этот титулярник считают первым русским гербовником. Представленные в Титулярнике 1672 г. земельные эмблемы не выражали автономию областей и не свидетельствовали о самоуправлении. С этой точки зрения и по форме они не соответствуют гербам. Однако создатели гербовника, по-видимому, считали их таковыми. Само возникновение подобного титулярника было обусловлено расширением контактов России с иностранными государствами и стремлением в связи с этим максимально приблизить русскую дипломатическую атрибутику к западноевропейской. В то же время нельзя не учесть возрастающий интерес к обычаям и культуре Западной Европы, где чрезвычайно широко распространилась «бумажная» геральдика и создаются общегосударственные гербовники — во Франции «Armorialde France», в Германии — Гербовник Зибмахера, в Польше — «Orbis Polonus».

Текст Титулярника 1672 г. сопровождается миниатюрами двоякого рода — портретами российских и иностранных владетельных особ и территориальными эмблемами, которые почти без изменений используются в создаваемых затем городских гербах.

[35] *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 265—267.

О работе над Титулярником 1672 г. (над его художественной стороной) целой группы мастеров — иконописцев и золотописцев — в литературе имеется много данных[36]. Основное внимание, однако, обращалось на портреты, отмечалась, в частности, специфика их изображения: условная, строго соблюдаемая манера в написании портретов русских государей и патриархов и реалистическая живая манера при воссоздании образов, заимствованных с иностранных гравюр, правителей других стран.

Над изображением эмблем Титулярника 1672 г. трудились золотописцы мастерской Посольского приказа во главе с Григорием Благушиным. Он делал «образцы» — чертежи, рисунки, и сам участвовал в их исполнении. Сейчас установлено, что над рисунками Титулярника 1672 г. вместе с ним работали Матвей Андреев и Федор Лопов — «свейский полоняник»[37]. Для работы над титулярником к ним был прикомандирован и «человек боярина князя Одоевского Дмитрий Кваčевский». Это были золотописцы со стажем, которые не только исполняли работы в Посольском приказе — готовили в «окрестные государства на грамотах в лист каймы с фигуры и всякие золотописные дела», но и выполняли царские заказы, поступавшие через Приказ тайных дел (личную канцелярию царя). М. П. Лукичев разыскал документы о работе этих мастеров в Посольском приказе: они рисовали эмблемы и орнаменты Титулярника 1672 г., художественно оформляли многие другие рукописные книги. Так, Андреев и Лопов изготовили в 1670-е гг. три рукописные книги Титулярника (две — «на верх», одна в Приказ), три книги родословных (о них — ниже), два лицевых Евангелия, два экземпляра «Чина венчания на царство Федора Алексеевича» «з гербы и персоны, с клеймами и з засгавицы, с чернью и со цветами»[38] и т. д.

Детально эмблемы Титулярника 1672 г. рассматриваются нами в книге «Российская городская и областная геральдика»[39]. Здесь же отметим, что в оформлении эмблем наблюдается сочетание стилей — традиционного русского и западноевропейского. Форма старых известных эмблем подгоняется к новомодным потребностям и веяниям. Например, вятская эмблема — лук со стрелой — приняла форму выходящей из облака руки, держащей лук со стрелой. Этот сюжет — рука из облака, держащая оружие (меч, стрелу, кинжал, дротик, щит), нередок в европей-

[36] *Калишевич З. Е.* Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961; *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. Вып. VIII. М., 1963; *Лукичев М. П.* Новые данные о золотописцах Посольского приказа второй половины XVII века // Отечественные архивы. 1993. № 5.

[37] *Лукичев М. П.* Указ. соч. С. 56.

[38] Там же. С. 57.

[39] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981. С. 171—178.

ской символике. Рука, выходящая из облака, может держать не только оружие, но и другие предметы: кольцо, цветы, скипетр, лавровую ветвь, наконец, принимать форму благословляющей руки. Данный атрибут появляется в Титулярнике 1672 г. у псковской эмблемы. Это древнейший знак христианского искусства: рука Бога Отца, означающая, что вознаградится страдание сына. В искусстве Ренессанса и барокко благословляющая рука как носитель идеи божественного покровительства широко распространена.

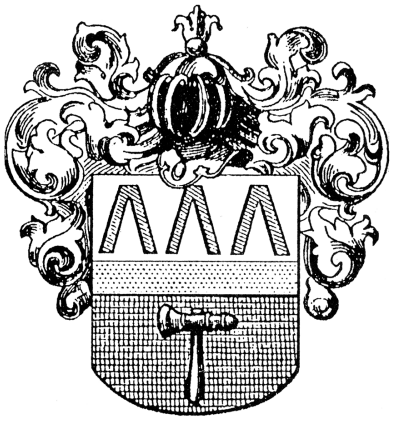
Изображения двух рук, выходящих из облаков навстречу друг другу с копьями (югорская эмблема), с другими предметами, животного с хоругвью на плече (хищный зверь — в Титулярнике или агнец позднее), короны на престоле, оленя, скачущего всадника с саблей, дикого человека с палицей на плече (кондинская эмблема), извергающегося вулкана (иверская), скачущего коня (северных земель), подобные нарисованным в Титулярнике 1672 г. или довольно близкие к ним, помещены в различных западноевропейских эмблемниках и гербовниках. Такие атрибуты, как стрела, звезды, крест на полумесяце, полумесяц, также составляют характерные детали при изображении европейских гербов, в частности Польши. Все они не случайны и в Титулярнике, ибо известно, что для справок в Посольском приказе имелся польский гербовник Ш. Окольского, сравнительно незадолго перед этим выпущенный в Кракове. Кстати, этот гербовник входил в состав библиотек почти всех просвещенных русских деятелей, например В. Н. Татищева.

Эмблемы Титулярника 1672 г. лишь условно можно отнести к гербам, скорее это рисунки эмблем, ибо в них отсутствует стилизация, присущая гербу, определенная геральдическая ориентация фигур, и самое главное — цветовая гамма рисунков далека от установленной геральдической. Но если золотописцы пользовались польскими пособиями, то это неудивительно. Современные польские исследователи гербов отмечают, что в польской средневековой геральдике «недооценивалось значение цветов»[40]. В ней доминировали два цвета — красный и белый (серебро). Цветовая гамма эмблем Титулярника Алексея Михайловича не выходит за рамки пастельных тонов: неяркий красный, неяркий зеленый, светло-коричневый и золото, золото… Выписаны фигуры, трава, кустики, деревья, так и видится за ними мастер Федор Лопов, которому дал прекрасную характеристику в свое время Благушин, подчеркнув его «прибыльность» в государственных делах: «для того, что он, Федор, золотописного и всякого травного писма написать умеет»[41].

Чрезвычайно интересен в плане гербовых изображений еще один памятник времени Алексея Михайловича — «Родословие пресветлейших и вельможнейших великих московских князей и прочая и всея России непобедимейших монархов…». Его прислал из Вены русскому царю в 1673 г. герольдмейстер и советник австрийского императора Леопольда I Лаврентий Хурелич (или Курелич). Подлинник написан на латинском языке. 1 августа 1675 г. появился указ в Посольский при-

[40] *Lojko J.* Op. cit. S. 15.

[41] *Лукичев М. П.* Указ. соч. С. 57.



Герб дворян Демидовых. XVIII в.

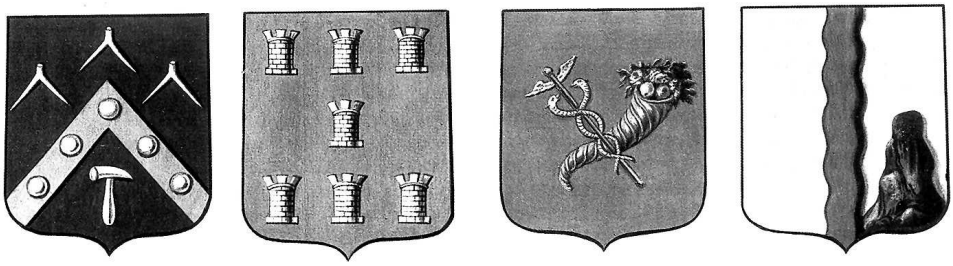
Герб дворян Булатовых. XVIII в.

каз о переводе «Родословия» на русский язык, причем «написав тое книгу добрым уставным письмом с золотом и с его великого государя персоною и з засгавницы и короны во всем против той латинской книги»[42]. Перевод сделали толмач (переводчик) Посольского приказа Николай Спафарий с помощником, а орнамент и рисунки, как говорилось выше, — золотописцы Посольского приказа М. Андреев и Ф. Лопов. Весьма показательно, что художество русских золотописцев не повторяет механически оригинал; они привносят в изображения детали, характерные для отечественного рисунка. Так, на титульном листе русского перевода двуглавый орел изображен по типу печати 1667 г., с тремя одинаковыми королевскими коронами, а всадник — в короне (по-видимому, с портретными царскими чертами), повернут в традиционно русскую правую от зрителя сторону. Подобен рисунку русского титула и скачущий коронованный всадник, поражающий копьем дракона на листе 14 об. с изображением св. Владимира в центре. В латинском оригинале и на титуле и на л. 14 об. всадник западноевропейского облика повернут геральдически верно.

Имеются и другие примеры особой заботы Алексея Михайловича о геральдическом художестве, однако время подлинного рисования гербов еще не наступило. Прежде всего золотописцы еще не усвоили стилизованную манеру изображения эмблем, а главное — творчеству чужды геральдические цвета. Даже цвета государственного герба еще не «устоялись»: орел изображался черным или золотым на фоне белом, золотом.

Распространение гербов в России историки относят ко времени Петра I, впрочем, почти всегда с оговоркой, что Петр застал уже в России гербы и лишь санкционировал их. Как говорится, и да и нет. После возвращения молодого царя из первого путешествия за границу он осуществил в России много новых дел: провел

[42] *Мыльников А. С.* «Родословие» Лаврентия Хурелича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 28.



Изображение гербов для знамен полков. Слева направо: Екатеринбургского, Семипалатинского, Харьковского и Черноярского. Гербовник М. М. Щербатова. Конец XVIII в.

монетную реформу, наладил выпуск памятных медалей, положил начало созданию коллекций и проч. Популярность в Западной Европе эмблем, символов и аллегорий не прошла мимо внимания царя, напротив, они заслужили его особое расположение, и царь использовал их в пропагандистских целях[43]. Он постарался довести до рисовальщиков публикации эмблем. В 1699 г. переведен Нюрнбергский гербовник, содержащий описания эмблем и гербов различных государств, в том числе русского. По приказанию Петра I Феофан Прокопович сделал перевод с латинского языка книги Д. Сааведры Факсардо (Diego de Saavedra Fajardo) «Изображение христианополитического властелина, символами объясненное от Дидака Саведры Факсадра». В начале XVIII в. вместе с упоминавшимися уже «Символами и емблематами» появились и многие другие переводные книги о флагах («всякие карабелные флаги со своими гербами, цветами и с началами») К. Алярда, орденах А. Шхонебека и проч.

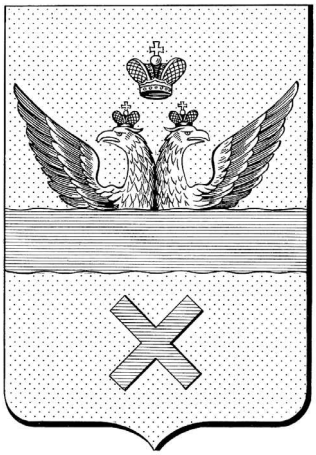
А как же обстоит дело с гербами? Сведений о создании дворянских гербов в правление Петра I чрезвычайно мало. В. К. Лукомский называет шесть человек, которым при Петре I были выданы дипломы с гербами на почетные титулы из Коллегии иностранных дел — это сподвижники царя графы Головкин, Апраксин, Брюс и др.[44] Говорит сам за себя и тот факт, что в официальном документе Петр I упоминает о дворянских гербах и утверждает принципы их создания только через два десятилетия после своего детального ознакомления с западноевропейским образом жизни, в том числе и с дворянскими гербами. «Идея, что у всех дворян должны быть родовые гербы, утвердилась именно перед Петром Великим, и дворяне кинулись было их сочинять, но были остановлены как раз Петром, которому в этот период было не до гербов», — писал в свое время Н. П. Лихачев[45].

Если дворянские гербы как институт не вводились Петром, то от использования земельных, территориальных эмблем царь не отказывался, причем, как

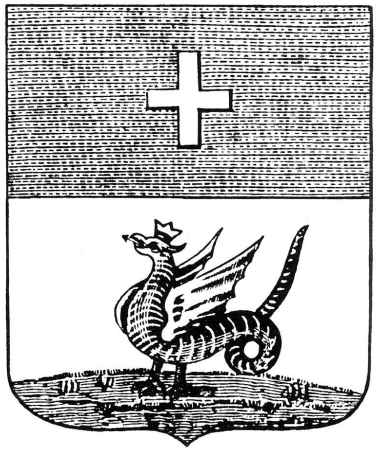
[43] См. об этом подробнее в кн.: *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика. С. 22—27.

[44] *Лукомский В. К.* Указ. соч. С. 30.

[45] *Лихачев Н. П.* Рецензия на книгу Ю. В. Арсеньева «Геральдика» // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 367.



Герб города Оренбурга. Утвержден в конце XVIII в.



Герб города Каширы Тульской губернии. Утвержден 8 марта 1778 г.

упоминалось, ярославскую эмблему назвал гербом еще в 1692 г. Территориальные эмблемы украшают жалованные грамоты, которые великий реформатор раздавал как русским сподвижникам, так и иностранным. Образцом украшения земельными гербами может служить грамота, посланная шведским королем Карлом XII Петру в 1699 г. Эта грамота не только богато орнаментирована, но и в рисунках гербов строго соблюдены правила их изображения. В отличие от нее сохранившиеся до наших дней экземпляры отечественных жалованных грамот позволяют воочию убедиться в негеральдичности украшающих их эмблем. К тому же раскраска или вовсе отсутствует, или же произвольна в духе Титулярника 1672 г. Словом, изображения типа геральдических. Цветовая геральдическая гамма в орнаментировке подобных грамот складывается позднее, о чем можно судить по образцу жалованной грамоты Екатерины I с вполне геральдической раскраской.

Петр I интересовался символикой, эмблемами, знаменами. В его бумагах находится много заметок по поводу изготовления флагов и знамен, встречаются рисунки флагов с гербами провинций, сделанные царем. Он записывал историю государственного российского герба и пробовал установить цвета государственных флагов, требуя их делать «по российскому гербу». Так, в 1693 г. должны были сделать флаг для частных русских коммерческих судов «по гербу Российского Царствия из белой тафты с изображением на средине черною материею герба его царского величества двоеглавого орла с тремя над ним венцами, а в его ногах скипетра и яблока с крестом золоченых»[46].

Возможно, какие-то проекты имелись у царя и в отношении государственной печати. Во всяком случае, австрийский дипломат И. Г. Корб, побывавший в России в 1698—1699 гг., приводит в своем дневнике рисунок российской государственной

[46] *Воронец Е. Н.* Четырехсотлетие российского государственного герба. Харьков., 1898. С. 42.

печати, отличающейся от существующих[47]. Рисунок Корба изображает коронованного двуглавого орла, на груди и крыльях которого располагалось 7 территориальных эмблем. По окружности около орла в овальных щитах были изображены еще 26 эмблем такого же характера. Эмблемы в общих чертах напоминают рисунки Титулярника 1672 г., но все-таки не повторяют их. Например, в последнем согласно титулу Алексея Михайловича имеется изображение погони, вокруг которой надпись: «великий князь литовский». Подобного изображения нет у Корба. Еще пример: в Титулярнике 1672 г. отсутствует изображение всадника, поражающего дракона (около эмблемы двуглавого орла там написано слово «московский»), на рисунке же Корба — всадник в короне, имеющий явные черты сходства с Петром, расположен в щитке с надписью на орлиной груди. На рисунке, помещенном в дневнике Корба, впервые встречается изображение эмблем на крыльях российского орла. Известный отечественный историк и археолог А. В. Арциховский предполагал, что выбор этих эмблем был сделан самим царем.

По-настоящему городские гербы начинали входить в русские города вместе с армейскими полками. В 1708 г. Россия была разделена на восемь губерний с приписанными к ним городами. Каждая губерния содержала свои полки. Внутри губерний полки размещались по городам и почти все получили названия городов, некоторые — губерний. Вместе с названиями полки получили и эмблемы городов, которые размещались на полковых знаменах. К сожалению, цветных изображений не сохранилось. Царь одобрил городские эмблемы. А спустя несколько лет он приказал изображать гербы городов на печатях судебных органов. Тогда-то и началась настоящая работа по выявлению прежних и созданию новых городских гербов. Как уже отмечалось, проводил эту работу человек, сведущий в геральдическом искусстве; им являлся граф Ф. Санти. Что же до эмблем на знаменах, которые начали в организованном порядке с 1712 г. изготовляться в Оружейной палате, то они еще не достигли строгой геральдической формы. Многие из них напоминают рисунки, в аллегорической форме изображающие известные события. В качестве эмблемы на знамена Владимирских полков, например, помещается не просто стоящий лев с крестом, но под ногами у него располагалась шкура убитого «свейского» льва.

Некоторые эмблемы явно перерисованы с многократно упоминаемого здесь Титулярника 1672 г., однако столь произвольно, что фигуру бывает трудно узнать. Например, тверская эмблема вместо престола с короной изображена в виде колокола под короной. «Символы и емблемата», поступившие к этому времени в Россию, положили начало очертаниям многих эмблем, а иногда заимствованные из той книги образцы подменяли подлинные городские гербы. Так, города Выборг и Нарва имели гербы, пожалованные им шведскими королями (позднее эти гербы были восстановлены). И тем не менее на знаменах Выборгского и Нарвского полков видим на первом — слона, на втором — крокодила, заимствованных из «Символов и емблемат». На знаменах, судя по их черно-белым изображениям, помещенным

[47] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию, 1698 и 1699 гг. СПб., 1906. С. I.

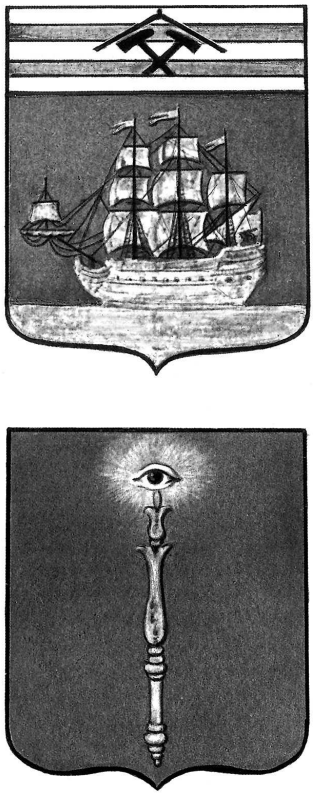
в книге А. Висковатова, эмблемы выполнены без гербовых щитов — основной детали каждого герба. Думается, что не соблюдена здесь и геральдическая цветовая гамма.

Хотя в настоящее время мы не могли обнаружить цветные изображения знаменных эмблем 1712 г., но, по-видимому, они были объединены в одну тетрадь (книгу), которою пользовались преемники первых рисовальщиков гербов. Вторая серия аналогичных эмблем для полковых знамен исполнена ближе к геральдическим канонам, эмблемы располагаются в гербовых щитах, к тому же они цветные. 85 рисунков для знамен полков вошли в гербовник, составленный по заказу Военной коллегии в Конторе инженерного правления, где участие в их создании принимал взятый из дома А. Д. Меншикова живописец Андрей Баранов. Работой над гербовником руководил обер-директор над фортификациями всей России, затем президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал Б. К. Миних. Миниху были переданы не только предшествующий гербовник, Титулярник, но и какой-то экземпляр, «который рисовал Сантий с красками». По этим рисункам Санти сделаны многие гербы, о чем имеются в описании пометы: «против того, что учинил Санти», «по-старому» и проч.

Гербовник неоднократно перерисовывался. Например, известен скопированный в правление Анны Иоанновны (под номером вторым в реестре гербов имеется рисунок знамени с ее вензелевым именем) экземпляр гербовника — «Гербовник знамен Российской империи, содержащий рисунки гербов городов, провинций, княжеств»[48]. В. К. Лукомский по поводу оригинала знаменного гербовника 1729—1730 гг. высказывался следующим образом: «…мы имеем первый в России чисто геральдический труд, небезынтересный и в художественном отношении». По-видимому, визуальное знакомство с рисунками давало ему право на подобное утверждение. В начале нашего века этот красочный гербовник хранился в Московском отделении Архива Главного штаба, где его использовал для иллюстрирования своей упоминаемой выше книги А. В. Висковатов (черно-белые иллюстрации). Однако несколько лет тому назад на устроенной в здании Правительства Российской Федерации выставке «Символы России» вдруг всплыли несколько листов с цветными рисунками гербов, по виду напоминавшими описанные Висковатовым. Так что при тщательной проверке фондов Российского военно-исторического архива этот ранний для России геральдический труд, возможно, и будет обнаружен.

Как отмечалось выше, значительным подспорьем для создания знаменных военных гербовников 1730-х гг. и последующих их копий служили рисунки Ф. Санти. Роль его в становлении российской геральдики очень велика. Можно сказать, что геральдическое искусство в России и появилось при нем, чему в немалой степени способствовала личная заинтересованность Петра I в высоком качестве «дела нового основания» (составления гербов). Конечно, нельзя не учитывать того обстоятельства, что в окружении царя находились европейски образованные сановники, которые обращали внимание Петра на правильность претворения в жизнь его идей.

[48] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1411. Оп. I. Д. 1. А. 2.



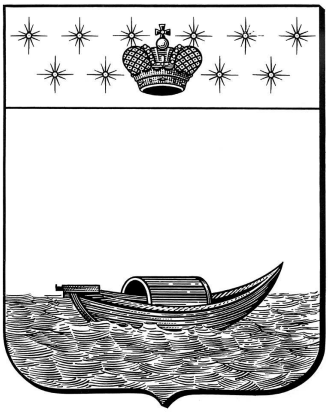
Гербы городов Вытегры и Олонца. XVIII в.

Одним из знатоков геральдического искусства был, например, сподвижник Петра I Яков Вилимович Брюс. Известно, что царь обращался к нему по поводу правильности с точки зрения геральдики рисунка герба адмирала Ф. М. Апраксина. В 1707 г. Петр I писал Брюсу: «При сем же посылаю печать господина адмирала, чтоб вы посмотрели: буде что не так, чтоб, поправя и написав на бумаге, ко мне прислали немедленно». В сохранившемся ответе Брюса на письмо государя подробно объясняются сделанные им изменения фигур и цветов согласно геральдическим правилам. Впоследствии именно Я. В. Брюс рекомендовал на должность составителя гербов Ф. Санти.

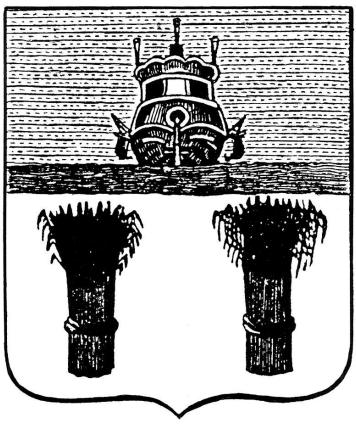
Что же привнес пьемонтский дворянин в российскую геральдику? Прежде всего, геральдизировал государственный герб, т. е. придал составляющим его эмблемам соответствующие цвета и металлы, приведя их в строгое соответствие с геральдическими нормами. В делах Санти имеется описание: «Герб его императорского величества с колорами или цветами своими». Описание составлено на французском языке и не очень удачно переведено на русский язык переводчиком Б. Волковым, который не знал геральдических терминов.

Вот как изложено в переводе описание центральной фигуры герба: «Поле золотое, или желтое, на котором изображен императорский орел песочной, т. е. черной, двоеглавой… На Орловых грудях изображен герб великого княжества Московского, который окружен гривною или цепью Ордена Святого Андрея. И есть сей герб таков, как следует. Поле красное, на котором изображен Святой Георгий с золотою короною, обращен он налево, он же одет, вооружен и сидит на коне, который убран своею сбруею с седловою приправою с покрышкою и подтянут подпругами, а все то колера серебряного или белого; оной Святой Георгий держит свое копье в пасти, или во рту змия черного»[49]. С этого времени утверждается «раскраска» государственного российского герба, о чем можно судить по сенатскому указу 1726 г., регламентировавшему печать преемницы Петра I — Екатерины I: «Для печатания ея императорского величества указов и прочего, сделать при Сенате в Печатной конторе государственную печать… золо-

[49] РГАДА. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 и об. В настоящее время документы этого фонда объединены с фондом 171.



Герб города Вышний Волочек Тверской губернии. Утвержден в конце XVIII в.



Герб города Кадый Костромской губернии. Утвержден 29 марта 1779 г.

тую, на которой вырезать орел черный с распростертыми крыльями в желтом поле, в нем ездца в красном поле…»[50]

Санти писал по-французски, и его описания гербов профессиональны. Вот составленное им описание владимирского герба (перевод Волкова): «Поле красное со львом, идущим на задних лапах, который коронован златою, или желтою, короной, и держит двумя передними лапами длинной белой крест, который не притыкается к щитовым краям».

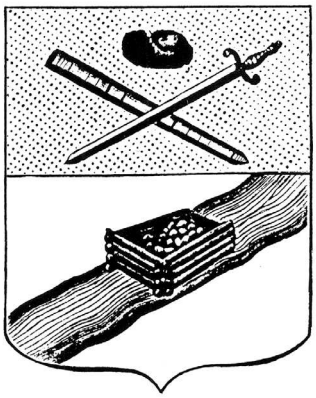
Еще более детальным выглядит перевод описания новгородского герба: «Поле серебряное, или белое, с волнистою шампаниею, или с рекою, лазоревою, в которой плавают четыре рыбы белые, сшедшие носами две против двух рядом; поверх шампании, или реки, стоят на задних лапах два медведя черные один насупротив другова, и держат передними лапами престол колора златого по древнему маниру, на котором положена красная подушка, а на сей подушке поставлены наперекрест скипетр да длинной крест желтого колера к заду или спиннику престола, поверх которого видится канделябр с тремя ветьми того же колора желтого, а в том канделябре свечи серебряные, т. е. по-гербовному белые, с огнем красным»[51].

Первоначально Санти сделал описание в красках только государственного герба и шести гербов (киевского, владимирского, новгородского, казанского, астраханского, сибирского), располагающихся на крыльях орла, т. е. изобразил геральдически государственную печать. Затем ему было поручено нарисовать «генеральный герб», используя для него «гербы всех царств, королевств и провинций Российской империи», которые должны составлять большой картуш государственного герба.

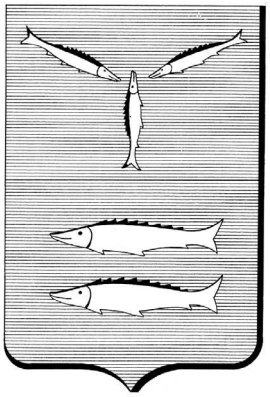
◇◇

[50] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. № 4850.

[51] РГАДА. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об; Д. 11 Л. 2 и об.

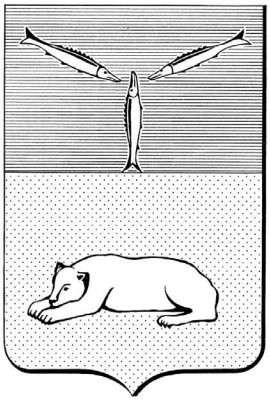


Герб города Ряжска Рязанской губернии. Утвержден 29 марта 1779 г.



Герб города Хвалынска Саратовской губернии. Утвержден в конце XVIII в.

В бумагах графа имеется описание остальных гербов — эмблем Титулярника 1672 г., составлявших когда-то царский, а теперь императорский титул — «Описание гербов Российской империи сочиненное герольдмейстерским советником гр. Сантием»[52]. Текст на французском языке. В нем согласно геральдическим правилам отмечены все цветовые детали эмблем. В дальнейшем, к сожалению, и в знаменных гербовниках, и в Полном собрании законов Российской империи при описании гербов городов отсутствуют указания на цвет тех или иных элементов гербовой фигуры, поэтому современные художники, воспроизводящие старые гербы, часто находятся в затруднении: каким же цветом изобразить ту или иную деталь герба.



Герб города Вольска Саратовской губернии. Утвержден в конце XVIII в.

Вот несколько примеров. Псковский герб: лазурь (поле. — *Н. С.*), тигр натурального цвета, из серебряного облака в верхней части щита выходит перпендикулярно рука телесного цвета с ладонью; тверской герб: красное поле, золотой табурет, обложенный по четырем сторонам зеленой каймой с четырьмя золотыми кистями, на котором лежит княжеская корона (также золотая); белозерский герб: лазурное поле, золотой месяц с крестиком внутри, щит разрезан (пересечен) — внизу серебряное поле с двумя голубыми рыбами. К последнему гербу имеется примечание Санти: он должен блазонировать (составлять) герб, не зная, о каких рыбах идет речь (впоследствии их назвали стерлядями).

Приведя российскую государственную эмблематику в соответствие с геральдическими нормами, Санти принялся за огромную по объему работу — создание

[52] РГАДА. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 11. Л. 4—9 и об.

российских городских гербов. Подробный рассказ об этой стороне деятельности графа Санти можно найти в книгах «Российская городская и областная геральдика», «Старинные гербы российских городов» и др.[53] С сожалением должна констатировать, что мне неизвестны подлинные рисунки, сделанные графом или под его руководством. Однако проведя тщательную источниковедческую работу по изучению различных списков городских гербов, которые «учинил» российским городам Санти, можно познакомиться с прямым отголоском его работы в рисунках тех гербов, которые в конце XVIII в. при массовом городском герботворчестве обозначены как старые. К тому же в знаменных гербовниках при описании некоторых городских гербов отмечается, что Санти «приложил к ним руку». Так, на знаменах санктпетербургских полков в начале XVIII в. красовалась эмблема — золотое пылающее сердце под золотой короной и княжеской мантией. Санти посчитал, что столице Российской империи, морскому и речному порту, более «приличен» другой герб: «Скипетр жолтой, над ним герб государственной, около него два якоря серебряные, поле красное, сверху корона императорская». Архангельская эмблема изображалась на знаменах 1712 г. в виде всадника на крылатом коне, поражающего копьем змея. В таком виде она очень напоминала московскую эмблему, а также знакомую Санти по Титулярнику 1672 г. эмблему грузинских и карталинских царей. Он заменил эмблему, и архангелогородский герб в 1729—1730 гг. описывался следующим образом: «Архангел в синем одеянии, с крыльями и с огненным мечом, побеждающий диавола черного, в другой руке щит красный, поле желтое». Судя по гербовнику 1729—1730 гг., Санти изменил и эмблему Шлиссельбурга. На петровских знаменах она выглядела как колонна с якорями. У Санти же: «Ключ золотой под короною императорскою золотою… внизу крепость белая, поле синее».

Все эти описания гербов взяты из гербовника, сделанного под руководством Миниха (или скопированного). Нетрудно заметить, что описания гербов отличаются от вышеприведенных сантиевых, которые по геральдическим правилам блазонирования начинаются всегда с описания поля, затем идет описание фигуры, а не наоборот, как в гербовнике.

Новые городские гербы товарищ герольдмейстера, кем по должности являлся пьемонтский дворянин, создавал исключительно исходя из тех описаний городов, которые он получал «с мест». Вот несколько примеров. В присланном из города Тулы описании сообщается, что на берегу реки Упа построен завод, где изготавливаются «фузейные и пистолетные стволы и штыковые трубки». Санти отразил эти сведения в рисунке тульского герба: «В червленом поле горизонтально положенный на двух серебряных шпажных клинках, лежащих наподобие Андреевского креста, концами вниз, серебряный ружейный ствол; вверху же и внизу по одному молоту золотому». Известно, что из белёвской провинциальной канцелярии пришло известие о большом пожаре, который случился в Белёве незадолго до запроса

[53] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика; *Она же.* Старинные гербы российских городов. М., 1985.

о гербе города «из центра». В ответе сообщалось о том, что город герба не имеет, но вот недавно был пожар, который уничтожил «посацких людей многие дворы». В результате этого сообщения Белёву был присвоен вполне геральдический символ: «В голубом поле стоящий сноп ячменный, из которого выходит пламя».

В списке российских городов, которым гербы сочинил Санти[54], мы обнаружим Саранск («в серебряном поле красная лисица и три стрелы»), Саратов («в голубом поле 3 стерляди»), Арзамас («в золотом поле два стропила, одно из которых красное, а другое зеленое»), Великие Луки («в красном поле три больших золотых лука»), Торопец («в зеленом поле башня, а на ней положен золотой лук») и многие другие, всего более сотни. Все эти гербы в период массового герботворчества в последней четверти XVIII в. были признаны «старыми». И как же они отличаются по своей форме от вновь вводимых! Четкая фигура в гербовом щите, сочетание цветов и металлов, принятых в геральдическом творчестве, — они по-настоящему оригинальны, профессионально составлены и красивы.

Среди бумаг арестованного в 1727 г. графа Санти, кроме описаний и, по-видимому, рисунков территориальных гербов, «копии с гербов, которые поданы были в прошлых годах при родословных росписях, в том числе вновь сочиненные барона Строганова и Демидова»[55].

Кто рисовал все эти сотни гербов? Естественно, организатор российского герботворчесгва должен был иметь штат рисовальщиков нового типа, способных в специфической художественной манере изложить замыслы профессионала. Санти самолично подбирал живописцев, которые могли бы, по его мнению, быстро освоить сложное «геральдическое художество». Он нашел себе преданного помощника в лице переводчика Ивана Васильевича Ардабьева. Ардабьев окончил Славяно-греко-латинскую академию, знал латынь, прекрасно владел французским, немецким, может быть, и другими иностранными языками. Он начал давать Санти уроки русского языка и сам в то же время «несколько геральдике приучился». В документах встречаются две фамилии живописцев, с которыми работал Санти, — Иван Васильевич Чернавский и Петр Александрович Гусятников. Подмастерье Гусятников был прислан из Синода «сверх штата для воспоможения». На требование графа «для обучения герольдике прислать из шляхетства недоросля» в Герольдмейсгерскую контору был прислан офицерский сын Иван Милюков. Его в 1723 г. отправили для обучения к «первому придворному живописцу» Л. Караваку.

Основные графические работы исполнял мастер Чернавский. Подробные сведения о себе он изложил в прошении об отставке в 1742 г. Его опубликовал в свое время В. К. Лукомский[56]. Происходил Чернавский из шляхетства. С 1712 по 1718 г. обучался живописи в Москве, затем был определен «в учение архитектурное по иконостасному отправлению». К 1722 г., когда после освидетельствования мастер-

[54] РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 39. Л. 87—90.

[55] Там же. Л. 87.

[56] *Лукомский В. К.* Указ. соч. С. 13—14.

Дворянские гербы XVIII в. из гербовника А. Т. Князева. 1785 г.

Слева направо: герб Прокофия Акинфовича Демидова («1. Поле серебряное, фигуры желтые. 2. Поле красное, молоток серебряный с желтой рукоятью, пояс золотой»). Герб Николая Борисовича Самойлова («Поле золотое, орел черный, малый щиток красный с золотыми фигурами»). Герб Александра Петровича Сумарокова («Поле красное, шпаги серебряные, звезды золотые»). Герб Андрея Максимовича Яблонского («Поле синее, ключ золотой»). Герб Петра Григорьевича Языкова («1. Поле черное, стропило и звезды серебряные, гранаты черные. 2. Поле серебряное, дракон желтый с красными крыльями, лук желтый. Девиз: "за верность и ревность"»). Герб Александра Андреевича Языкова («Поле серебряное, человек в желтом, лук желтый, дракон черный»)

ства он был определен по резолюции Сената в Герольдмейстерскую контору, у него уже имелся значительный опыт в исполнении различных художественных работ. В архивных делах Герольдмейстерской конторы сохранились рисунки гербов с подписью: «Рисовал Иван Чернавский». Это поистине ювелирная, искуснейшая работа!

После ареста Франциска Санти рисовальщики гербов были «отпущены в дом». Чернавский, например, отсутствовал в Герольдмейстерской конторе с 1731 по январь 1737 г. С 1737 г., как он сообщает, им «написано 98 гербов, на которые золото, серебро и краски употреблял из своего кошта, и вновь нарисовал городовых же и шляхетских 65 гербов». Таким образом, герботворчество продолжалось и без Санти, хотя со значительными трудностями — из опустевшей Герольдмейстерской конторы оно переместилось в Военную коллегию и Академию наук. Занявший должность герольдмейстера в 1731 г. П. А. Квашнин-Самарин вынужден был обратиться к бывшему секретарю Герольдмейстерской конторы Степану Исакову: «Отыскалась опись за твоею закрепою, как ты в 727 (1727. — *Н. С.*) году описывал в квартире графа Сантия после его оставшиеся книги, гербы и рисунки по показанию живописцев. А по той описи кому оное в хранение было отдано, того в той описи

Русские дворянские гербы.
Вверху — гербы Любистокова и Полыгалова,
внизу — гербы Ивинского и Гурьянова

не показано. И ныне, где обретается, о том же не известно»[57].

Поскольку гербы (городские) требовались то одному ведомству, то другому, а Герольдмейстерская контора не могла ответить на многочисленные запросы, вопросом о гербах по поручению Сената начала заниматься Академия наук. Интересна работа И. С. Бекенштейна на геральдическом поприще. В его книге, представлены штриховые рисунки, выполненные им. Они вполне геральдичны и при соответствующей раскраске могли быть использованы в качестве городских символов. Ведь, по словам Бекенштейна, он старался составить эмблемы «по состоянию тамошних мест». Например, «о городе Суме (так!) написано, что он сделан земляной на гористом месте, чего ради можно башню на горе представить, за которою две сабли накрест положеныя видны, или несколько на холмиках поставленных знамен, или такожде орла на горе сидящего»[58]. Для города Сумы Бекенштейн предлагал 14 вариантов герба! И ни один не был принят, как, впрочем, и другие предлагаемые им проекты гербов на знамена полков, расположенных в Харькове, Изюме, Ахтырке, Острогожске. А ведь предлагаемые гербы должны были отражать «свойства народа», живущего в данных городах: «верхом сидящего казака», «человека по пояс, который копье на плече держит и лошадь за узду ведет»; вооружение жителей — две накрест положенные сабли; «храбрость сего народа» — львиная лапа, держащая сердце, и т. д.

Академия наук не выполнила указание Сената о переводе на русский язык «книги регулов геральдических» , по утверждению живописцев принадлежавшей графу Санти. Ответ из академии гласил: «А понеже французская Гербовная книга весьма пространно писана, и человеку начинающему в сие дело вступить весьма трудна, то Правительствующий Сенат не соизволит ли приказать, чтоб вышепомянутое при академии печатное сокращение Геролдики (книги И. С. Бекенштейна. — *Н. С.*) вместо сея обширныя французския книги на российский язык перевесть…»[59] Хотя и книга Бекенштейна не стала доступной для тех, кто в России интересовался

[57] РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 39. Л. 76 об.

[58] Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. II. СПб., 1886. С. 543.

[59] Санкт-петербургское отделение Архива РАН. Ф. 3. Оп. I. Кн. 10. Л. 50 об. — 51.

геральдикой, Академия наук внесла все-таки большой вклад в развитие последней. Ибо из Академии наук вышел человек, чья организаторская работа, талант и разносторонние знания способствовали созданию подлинного художественного геральдического центра, каковым на долгие годы становится Герольдмейстерская контора. Этим человеком был Василий Евдокимович Адодуров, первый русский адъюнкт Академии наук.

Разносторонняя одаренность Адодурова резко выделяла его из всех других учеников академии, обучавшихся в ней в 1730-е гг. На него возлагали большие надежды профессора точных наук, а это были европейские величины: Бернулли — физик, Эйлер — математик, Лейтман — механик. Современные филологи считают его автором первой русской грамматики на родном языке. Он знал несколько иностранных языков, и преподаватели гуманитарных дисциплин считали, «что должен он элоквенции и истории сего государства обучаться, дабы со временем в сей науке быть достойным профессором»[60].

Знания и способности Адодурова снискали ему славу человека, который мог разобраться в любом сложном деле, освоить новые науки. Вероятно, этот факт сыграл не последнюю роль в выдвижении его кандидатуры в 1741 г. «к сочинению гербов». С первых дней пребывания в новой должности товарища герольдмейстера Адодуров начал работать в двух направлениях: во-первых, собирал книги по геральдике, генеалогии, истории, т. е. создавал в Герольдмейстерской конторе специальную тематическую библиотеку; во-вторых, сосредоточивал здесь все рисунки гербов из разных ведомств. В Москве, по его просьбе, отыскали подмастерья П. А. Гусятникова, работавшего в свое время у Санти, часть художественного наследия которого Адодуров разыскал.

Словом, как бы мы сейчас сказали, Адодуров решил сначала подготовить базу для своей герботворческой деятельности. И, как оказалось, не напрасно. Елизавета Петровна, в 1741 г. придя к власти, едва ли не первым делом издала указ «об учреждении Лейб-кампании», согласно которому Герольдмейстерской конторе надлежало нарисовать, во-первых, генеральный герб лейб-кампанцев, во-вторых, составить и нарисовать более 300 индивидуальных гербов и дипломов личному составу гренадерской роты Преображенского полка. Гвардейцы, как известно, возвели ее на престол.

Организатором процесса создания всего комплекса гербов лейб-кампанцев являлся Адодуров. Он же на первых порах был и непосредственным создателем проектов гербов. Так, на утверждение в Сенат им было представлено три варианта генерального лейб-кампанского герба. Елизавета Петровна самолично выбрала один из вариантов герба, который отныне помещался в правой части гербового щита любого лейб-кампанца, а в левой — его собственный дворянский герб, если таковой имелся. Если же не имелся, то таковой повелено было сочинить.

[60] Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. IV. СПб., 1886. С. 409.

Генеральный лейб-кампанский герб выглядел так: черное поле, на котором изображено золотое стропило (геральдическая фигура. — *Н. С.*) с тремя «лопнувшими» гранатами. Над стропилом — две серебряные пятилучевые звезды, под стропилом — одна. Лейб-кампанская гренадерская шапка с двумя страусовыми красным и белым перьями возвышается над дворянским шлемом. По сторонам шапки — два черных орлиных крыла, на каждом — три серебряные звезды, по сторонам намет. Девиз герба внизу на ленте: «За верность и ревность».

В связи с таким большим заказом Адодуров потребовал от Сената увеличить штат художников в Герольдмейстерской конторе до десяти человек. Постепенно он достиг этого числа и даже превысил его, а в 1748 г. была организована специальная Рисовальная палата, где от зари до зари трудились два десятка мастеров, подмастерьев и учеников над рисунками гербов ювелирной работы. Надо сказать, что Адодуров старался показать себя с лучшей стороны, выполняя императорский заказ, прямотаки эксплуатируя живописцев. Художники должны были приходить в мастерскую в седьмом часу утра и выходили в восьмом часу вечера. Просчеты в работе наказывались строго: вычетом из жалованья, арестом. В одной из записей Герольдмейстерской конторы читаем: «Копииста Суслова и ученика Ивана Токарева за нехождение их в Рисовальную палату высечь батожьем и о том к экзекуторским делам дать известие».

Однако к чести Адодурова надо сказать, что он собрал и воспитал замечательных художников. Вместо ушедшего в отставку И. Чернавского главным живописным мастером Герольдмейстерской конторы назначается Яков Юрьевич Петрулев, известный миниатюрист. Яков Нечаев — «лучший рисовальщик в рисовальном департаменте Академии наук» — также трудился в конторе. Из Академии наук на рисование гербов были откомандированы художники И. Иконников и И. Шерешперов, обучавшиеся рисованию масляными красками у мастера И. Гриммеля, который им дал прекрасную характеристику как рисовальщикам. Можно назвать и других — И. Токарева и М. Мусикийского, которые, работая в Герольдмейстерской конторе, стали мастерами живописного дела высокого класса. Они не только рисовали дворянские гербы, но и копировали знаменные гербовники, создавали новые гербы на знамена полков для военного ведомства, иногда даже составляли сами рисунки гербов.

Адодуров считался ответственным за качество созданных гербов, которые должен был «рассмотреть, в силу ль геральдических регулов на знамена сочинены, и по рассмотрению доложить Сенату». К сочиненному гербу теперь, как правило, прикладывалось «изъяснение». Например, в «Изъяснении на герб Кюменегорскому полку» отмечалось, что рисунок герба сочинен в трех вариантах «для разного употребления» на предметах амуниции, на полковой печати, на знаменах полка. В основе же он содержал одну и ту же фигуру: «в золотом поле красный натянутый лук со стрелою того же цвету, к правой стороне поперек щита обращенною, у которой копейцо и перья, також и тетива у лука черные, с красною вершиною щита и изображенною в ней золотою императорскою короною»[61]. Подчеркивалось,

[61] РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 41. Л. 211—213.

что для герба характерны определенные цвета в строгом сочетании: «вышепоказанным фигурам приложены здесь и определенные приличные им цвета, посредством которых сие изображение надлежащий вид герба получает». Особо ставился в «изъяснении» вопрос о надписях, ибо Военная коллегия требовала «подпись» около герба: «надписей же герб при себе не имеет»; если же герб помещался на полковой печати, то вокруг него могла быть и надпись: «Печать Кюменегорского полку». Подобное разъяснение всех этих моментов означало, что сочинение гербов велось на научной основе, профессионально, в соответствии с возложенными на данное учреждение обязанностями.

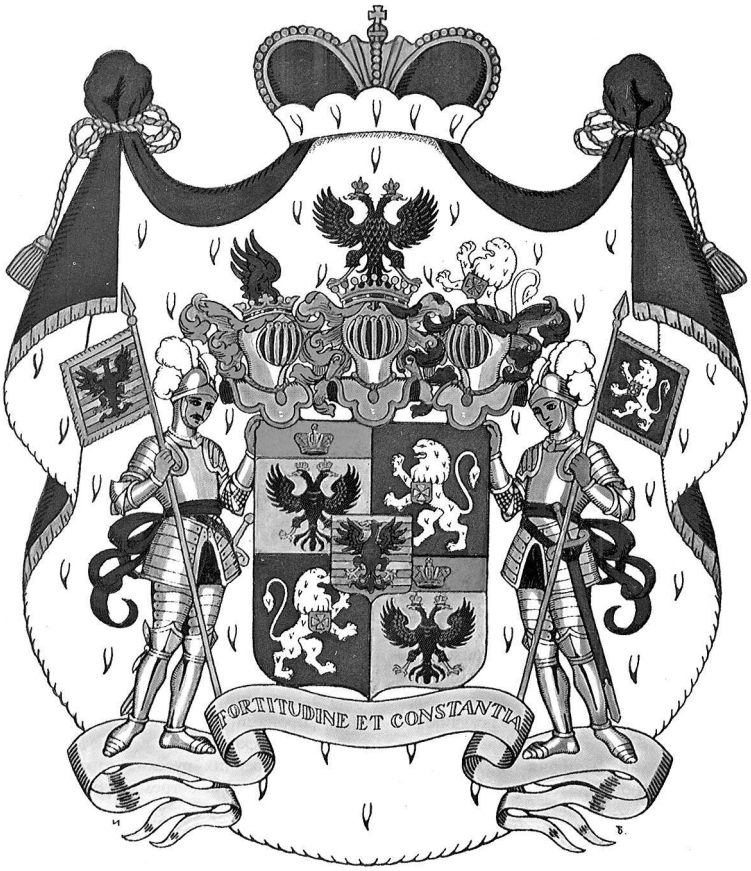
В конце 1750-х гг. В. Е. Адодуров, к тому времени уже герольдмейстер, попадает в опалу и отправляется из Петербурга товарищем губернатора в Оренбург. Правда, через три года с воцарением на императорском престоле Екатерины II, его бывшей ученицы, Адодуров снова в чести, он — президент Мануфактур-коллегии, сенатор. Ему уже не до гербов. Их создание, особенно городских, приостанавливается на время с тем, чтобы спустя два десятилетия принять поистине массовый характер. Это произошло в последнюю четверть XVIII в., когда Екатерина II в рамках реформы местного управления жаловала гербы российским городам.

В Герольдмейстерской конторе было изготовлено несколько сотен рисунков городских гербов. У нас мало сведений о ее работе в самый бурный период этой деятельности. Штат художников, по-видимому, был невелик. После смерти в 1768 г. живописного мастера И. Токарева, начинавшего свой путь в качестве ученика И. Чернявского, его место занял Артемий Бутковский. Он в течение долгих лет был основным исполнителем художественных работ в Герольдмейстерской конторе и снискал себе славу человека «добропорядочного, прилежного и искусного в живописном деле».

С 1771 г. Герольдмейстерскую контору возглавлял Михаил Михайлович Щербатов, русский историк, автор «Истории России с древнейших времен». Он не только был сведущ в генеалогии и геральдике, но и сам сочинял гербы. По указанию Военной коллегии Щербатов подготовил очередной знаменной гербовник[62], в который вошли 35 рисунков и описаний полковых гербов и под каждым — подпись Щербатова. Здесь имеются гербы городов Олонца, Ахтырки, «говорящие» гербы Сум, Изюма. Харьковский герб получил эмблему: рог изобилия, перекрещенный с кадуцеем.

С точки зрения правил геральдики рисунки в гербовнике выполнены грамотно: верно использованы геральдические фигуры, нет наложения цвета на цвет. Композиция рисунка проста и вполне соответствует заложенной в гербе идее. Много гербов в составленном Щербатовым сборнике включают изображение возникающего (так называемая возникающая фигура соприкасается с одной из сторон щита, но видна лишь наполовину) двуглавого орла. Это символ царской власти над теми областями, по имени которых назывались полки, и над народами, составлявши-

[62] РГАДА. Ф. 286. Госархив. Разряд XX. Оп. 1. Д. 269.



Княжеский герб Орловых-Давыдовых

ми полки, вступившими под покровительство России (например, Иллирический, Сербский, Далмацкий).

Возникающего двуглавого орла видим в гербе города Оренбурга. Князь Щербатов изобразил герб в следующем виде: «златое поле, разрезанное наполы голубою извилистою полосою, показующую тут реку Урал; в верхней части — выходящий двуглавый орел, в нижней части — голубой андреевский крест в знак верности сего града». Этот рисунок князя Щербатова утвержден в качестве герба Оренбурга.

Герольдмейстер Щербатов чрезвычайно ответственно относился к своей должности и к отечественной геральдике. Он официально заявлял, что «должно по состоянию России сочинить Герольдику, где бы не чужестранные, но российские гербы в пример были поставлены, однако, не отбиваясь от общих правил сей науки»[63].

[63] РГАДА. Ф. 286. Госархив. Разряд X. Оп. 3. Д. 236. Л. 3.

Сам он старался выразить в геральдических эмблемах пристрастие к российской истории, знание специфики российских городов.

Приведем два примера. 19 сентября 1777 г. было учреждено Тульское наместничество, состоящее из 12 уездов. Как отмечается в сенатском указе, «князем Щербатовым для оных (уездных городов. — *Н. С.*) гербы сочинены и представлены». Одним из уездных центров объявлялась Кашира — старинный русский город, известный от XIV в. (в настоящее время относится к Московской области). «Сюжет» герба Каширы явно исторический. Щербатов, известный историк, отразил в нем сложные вопросы политики великих московских князей по отношению к Казани и Крыму. Татарские царевичи за службу великим князьям не раз получали от последних в кормление русские города. Так, Абдыл-Летиф, о котором говорится в описании каширского герба, от Ивана III получил «в кормление Звенигород со всеми пошлинами». А его старшему брату Магмет-Амину предоставлялись Кашира, Серпухов и другие города тем же Иваном III. Великий князь Василий III Иванович также «наделил городом» Абдыл-Летифа по настоянию его отчима — крымского хана Менгли-Гирея. Это был, правда, город Юрьев, а не Кашира, пограничный «со степью» город, которого добивался посол Менгли-Гирея. Однако через несколько лет, за год до своей смерти, Абдыл-Летиф получил вследствие соглашения с Казанью в удел Каширу.

Этот факт и обыграл Щербатов в гербе города, описание которого звучит так: «Щит, разрезанный надвое горизонтальною чертою: в верхней части щита в лазоревом поле златой крест, а в нижней части, в серебряном поле, черный с червленными крыльями и увенчанный златым венцом дракон, представляющий герб Казанский, в напамятование, что сей град при великом князе Василии Иоанновиче был дан в удел Абдыл-Летифу, снизверженному царю казанскому; а верхняя часть щита показует, что он и тогда не выходил из-под Российской державы».

Князь Щербатов самолично составил гербы северным русским городам — Олонцу и Вытегре. Из описания герба Олонца явствует, что за основу брались признаки, характеризующие развитие данного города, и в этом он следует традициям графа Санти. Герб имеет следующее описание: в голубом щите изображен серебряный фрегат «в напамятование учрежденного карабельного строения Петром Великим в 1703 г. на Ладейном поле; верьх щита, пятью поперешными золотыми и серебряными полосами испещренный, на которых накрест положены два молота черного цвета под рудоискательною зеленою лозою, изъявляющее обретенные руды золотые и серебряные в сем уезде и заведенные заводы»[64]. Этот вариант олонецкого герба утвержден не был — предпочтение отдали «старому», из знаменного гербовника, но основные его фигуры были использованы в гербах других городов Олонецкого края — Лодейного Поля и Петрозаводска[65].

[64] РГАДА. Ф. 286. Госархив. Разряд XX. Оп. 1. Д. 269.

[65] *Пашков А. М.* Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 106.

Создаваемые городские гербы в бытность Щербатова герольдмейстером по форме представляли собой гербовый щит, на котором размещалась та или иная эмблема. Это обычная для России гербовая традиция. Таким манером составлены гербы городов Калужского, Тульского наместничесгв.

Во внешнем виде гербов произошли некоторые перемены, когда к их составлению стали иметь отношение люди мало смыслившие и в истории, и в геральдике. В результате наместнический герб по сути дела объединяется с городским. Размещаясь в верхней части щита городского герба, наместнический герб становится составной частью эмблемы, символизирующей город. На первых порах использовалась лишь часть наместнического герба: в городах, принадлежавших к Костромскому наместничеству — «корма галерная с тремя фонарями и с опущенными лестницами», к Рязанскому наместничеству — «серебряный меч и ножны, положенные накрест, над ними зеленая шапка, какова на князе в наместническом гербе». Однако спустя какое-то время в верхней (1-й) части щита наместнический герб помещался целиком и обязательно.

Эта форма русского городского герба вызвала критику знатоков геральдической науки в XIX в., ибо, по их мнению, при подобной композиции главной являлась эмблема наместнического герба, а символ самого города играл подчиненную роль, занимая в гербовом щите второстепенное место. Однако подобная конструкция не являлась только образцом геральдического незнания. Она соответствовала реальной структуре административного деления, состоявшегося в России. Позднее, в XIX в., форму герба еще более усовершенствовали. При помощи таких элементов, как короны различного вида, украшения гербового щита, можно по городскому гербу судить о значимости города в государстве, количестве населения, характере экономики.

Известия о пожаловании отдельным российским городам гербов нашли своеобразный отклик в обществе: на имя Екатерины II, а затем и императора Павла I поступило несколько рисованных гербовников от частных лиц. Один из подобных гербовников, датированный 1774 г., именуется: «Прожект неимеющим российским городам гербов к разсмотрению заготовленных для начальнейшей апробации»[66]. За основу при его составлении автором взято «описание городоф, которые можно найти в словаре, изданном от советника Герарда Фридриха Мильлера (Г. Ф. Миллер — известный историк. — *Н. С.*), с которого обстоятельствы и примечание взяты по состоянию городов изображены и нарисованы». В некоторых гербах, а они составлены десяти подмосковным городам, которым официальные знаки еще не утверждались, характерные признаки города отражены очень четко. В гербе города Дмитрова, например, это чашки с чайником, означающие работающую там фарфоровую фабрику; в гербе Волоколамска — три рыбы, знаменующие три реки: Ламу, Шошу, Волгу, и треугольник из трех рек, посреди — городская корона; в гербе Звенигорода — «от имени звона» придается ему один или три колокола и т. д. Ни один из этих проектов не был учтен Герольдмейстерской конторой.

[66] Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Эрм. 494. Л. 1—7.

В Герольдмейстерской конторе (Герольдии) постепенно накапливался изобразительный материал и для дворянских гербов. Однако первый Гербовник дворянских родов был составлен не здесь, а частным, так сказать, образом. Дворянин А. Т. Князев в 1785 г. преподнес Екатерине II прекрасный труд — «Собрание фамильных гербов, означающих отличия благородных родов обширныя Российския империи: частно-снятое с печатей и приведенное в алфабетной порядок». В нем было помещено «рисованных очень искусно красками 527 гербов, принадлежащих 377 родам». Надо отметить, что в изданном через несколько лет официальном Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи отнюдь не всегда тому или иному владельцу герба соответствовала эмблема из собрания Князева, но были и совпадения. Прекрасный рисованный труд попал в коллекцию книг фельдмаршала Потемкина, а потом в результате различных передач после его смерти рукопись оказалась в библиотеке Казанского университета. В 1912 г. в черно-белом варианте гербовник Князева издал Тройницкий[67].

Деятельность рисовальщиков и сотрудников главного российского геральдического ведомства в конце XVIII в. на основе сохранившихся там дипломов и заготовок дворянских гербов освещается более или менее подробно в статье В. К. Лукомского «О геральдическом художестве в России». Отмечу только, что начатое Павлом I грандиозное мероприятие по созданию единого для всей России дворянского гербовника практически отвлекло внимание от городских гербов, а Герольдии было предписано «заниматься преимущественно дворянскими делами». Руководил работой по дворянскому гербовнику один из самых образованных людей тогдашнего общества обер-прокурор О. П. Козодавлев, назначенный директором Герольдии. В помощь ему по вопросам герботворчесгва назначается ваппенрихтер — буквально «гербовый судья». Эту должность более двадцати лет занимал Матвей Ваганов, который составил девять частей Общего Гербовника. Официальные правила, выработанные перед выпуском первой части, предписывали при рисовании гербов придерживаться определенных канонов. Гербовый щит должен быть французского типа, прямоугольный, книзу слегка заостренный. Щиты княжеских родов покрывались бархатною малиновою мантиею на горностаевом меху и шапкою того же цвета с горностаевою опушкою, тремя золотыми с жемчужинами дугами и над ними державою с крестом. Те же украшения сопровождали гербы нетитулованных родов, но происшедших от удельных князей. Шлем над гербовым щитом должен быть западноевропейским, решетчатым, увенчанным коронами: графскою с девятью жемчужинами, баронскою — золотой обруч, обвитый жемчужною нитью, дворянскою — с тремя листовидными зубцами и двумя жемчужинами между ними; в гербах лейб-кампанцев сохраняется их традиционная шапка. Над коронами — нашлемники, с различными геральдическими фигурами, со страусовыми перьями. Со шлема спускается намет в виде листьев сельдерея. Гербовые щиты древних родов поддерживают различные фигуры (щитодержатели). Внизу, на ленте, как правило,— девиз.

[67] Гербовник Анисима Титовича Князева / Изд. С. Н. Тройницкий. СПб., 1912.

Эти правила соблюдались в дальнейшем не всегда, однако стиль всех изданных томов Общего гербовника (а их опубликовано 10, 11 томов не издано до сих пор) выдержан, цвета в опубликованных томах обозначены штриховкой, которая, к сожалению, не передает «живописную прелесть» подлинных томов[68].

Департамент Герольдии в 1848 г. получил все права департамента Сената. При канцелярии Департамента Герольдии 10 июня 1857 г. было учреждено специальное отделение по изготовлению гербов — Гербовое отделение. Его обязанности формулировались очень четко: правильное и согласное с требованиями геральдики составление проектов всех гербов, грамот, дипломов. Представление их через министра юстиции на утверждение царю; по утверждении проекты снова возвращались в Гербовое отделение для перерисовки копии и выдачи последней просителю.

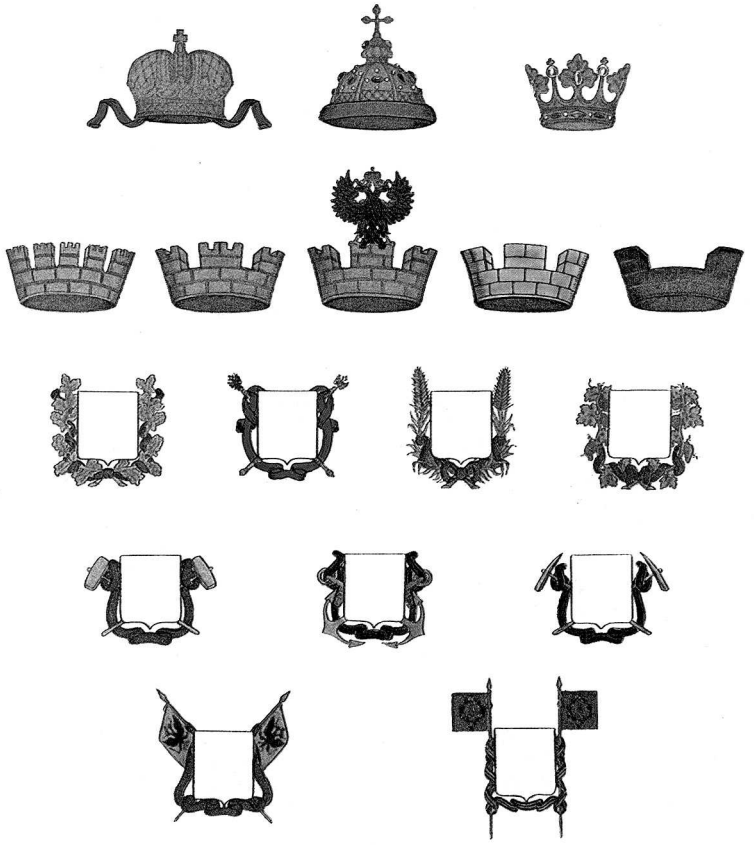
Во главе Гербового отделения на долгие годы стал Бернгард (Борис Васильевич) Кёне, к этому времени в придворных кругах человек известный, ибо являлся автором одобренных царем проектов нового государственного герба и гербов членов императорской фамилии.

Одним из существенных препятствий для исполнения рисунков гербов в Герольдии являлось отсутствие в ней квалифицированных живописцев. В 1846 г. вакантные должности художников здесь не были заполнены. Ввиду крайне затруднительного «отыскания опытных по этой части художников» было сделано отступление от закона и приняты на службу два иностранца: живописцы А. Беземан (ганноверский подданный) и уроженец Финляндии О. Альтдорф. Они в течение долгих лет работали над гербами и «приобрели навык, необходимый для сего рода живописи». Оба ослепшие, они, как писали в своих прошениях на имя государя, остались в конце жизни без средств к существованию.

Кроме этих двух художников, хотелось бы отметить еще одного живописца, который в середине XIX в. преданно служил делу создания гербов. Губернский секретарь А. Фадеев в 1857 г. выдержал конкурс на место живописца Герольдии. Спустя несколько лет он уже получал оклад 600 рублей в год (вышеназванные иностранцы — по 280). Современники отмечали, что трудно было в Европе найти живописца, который бы имел такой хороший геральдический вкус и так тонко и искусно исполнял рисунки гербов.

Кёне оставил по себе память, преобразуя не только российский государственный герб, но и городские гербы. Прежде всего он разработал целую систему использования различных корон, венчающих щит городского герба: императорская корона применялась в гербах губерний и столиц, царская шапка в виде Мономаховой — в гербах древних русских городов, серебряная башенная корона с тремя зубцами — в гербах уездных городов и т. д. Украшения гербового щита должны были, по замыслу Кёне, указывать на значимость города и занятия его жителей. Гербовый щит мог быть окружен дубовыми листами с Андреевской лентой — герб губернии, александровская лента с двумя золотыми молотками использовалась для

[68] *Лукомский В. К.* Указ. соч. С. 34.



Украшения городских гербовых щитов, предложенные бароном Кёне. Середина XIX в.

промышленных городов, александровская лента с двумя золотыми колосьями для городов, отличающихся земледелием и хлебной торговлей, александровская лента с двумя золотыми якорями — для приморских городов и проч.[69]

Специфическая структура городского герба вызвала особое недовольство главного геральдиста России. Он предложил согласно геральдическим правилам губернский герб (бывший наместнический) располагать в вольной части гцита вправо (в правом углу) или влево. Кёне выступал против изображения в гербах паровых машин, пистолетов, прядильных станков, квадрантов и других подобных предметов индустриального прогресса, а также считал необходимым повернуть все живые существа в гербах в геральдическую сторону, т. е. влево от зрителя.

Особую активность в плане изменения существующих гербов Кёне проявил в отношении Царства Польского и Великого княжества Финляндского. В 1869 г.

[69] ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1858. Т. XXXII. 1857. Отд. 1. № 32037.

Александр II утвердил гербы десяти губерний Царства Польского, щиты которых украшались императорской короной и дубовыми листьями, перевитыми голубой Андреевской лентой подобно гербам других губерний Российской империи. Впоследствии эти украшения оказались «лишними». Во всяком случае, в начале XX в. они не являлись обязательными, о чем свидетельствуют изображения губернских гербов этого времени[70], сохранившиеся в Польше. В Великом княжестве Финляндском геральдическим устремлениям Кёне местные органы власти оказали стойкое сопротивление. В Государственном архиве Финляндии сохранились документы, которые свидетельствуют о настоятельном желании Кёне изменить территориальные, а также дворянские гербы. Он увидел в них нарушения геральдических канонов: «…в составлении своем обнаруживают собою погрешности противу общепринятых геральдических правил. А посему нужно начертить вновь рисунки гербов финляндских дворян с согласованием их с геральдическими правилами»[71]. Финляндский Сенат применил тактику затягивания решения по предложениям Кёне, в результате чего гербы остались неизмененными, без навязываемых атрибутов.

Описание гербов примерно с 1870-х гг. становится строго геральдически-научным. Опубликованный в 1880 г. сборник «Гербы губерний и областей Российской империи», в котором помещены рисунки и описания губернских и областных знаков, утвержденных в разные годы — с 1856 по 1878, дает наглядное представление о геральдической терминологии, использованной при описании наиболее поздних по времени утверждения гербов[72].

Если сравнить городские гербы, созданные в конце XIX — начале XX в. и более ранние, то в глаза бросаются обязательные украшения вокруг щита и изображение губернского герба в вольной части, характерные для новейших гербов. Незадолго до начала Первой мировой войны российское правительство приняло постановление об обязательности новой формы для всех городских гербов — в вольной части щита должен помещаться губернский или областной герб. Гербовое отделение не имело права выдавать копии гербов, рисунки которых отступали от этого правила, однако полностью выполнить распоряжение Гербовое отделение не сумело и не успело.

[70] *Kuczyński S. K.* Polskie herby ziemskie. Warszawa, 1993. S. 245—249.

[71] ГА 634. 1860. № 47.

[72] См. описание гербов губерний и областей Российской империи, Великого княжества Финляндского в кн.: *Винклер П. П. фон.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. СПб., 1899. Переизд. М., 1991. С. 177—203.

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ГЕРБА

Герб города Москвы существует с 20 декабря 1781 г. (по старому стилю). В этот день он был «высочайше утвержден» вместе с гербами других городов Московской губернии. В Полном собрании законов Российской империи наш столичный герб описан так: «Святый Георгий на коне против того ж, как в средине государственного герба, в красном поле, поражающий копием чернаго змия»[1]. Отмечалось, что герб «старый». Это означало, что эмблема была известна ранее. Действительно, всадник, поражающий копьем дракона, использовался в течение нескольких столетий как составная часть державного российского герба.

Как и почему «ездец» (так называют всадника некоторые документы) утвердился в официальной символике Российского государства?

В источниках имеется мало сведений о российских символах. Чтобы восстановить их происхождение и историческое развитие, приходится по крупицам собирать скудные и нечеткие свидетельства письменных памятников, а также привлекать вещественные — монеты, печати, скульптурные изображения.

Одно из первых сообщений о московском всаднике, поражающем дракона, приносит Ермолинская летопись.

Здесь помещена запись о том, что в 1464 г. в Москве «…месяца июля 15 поставлен бысть святыи великии мученик Георгии на воротех на Фроловьских, резан на камени, а нарядом Васильевым Дмитреева сына Ермолина»[2]. С легкой руки историков XIX в. скульптура святого Георгия на коне, поражающего змия — дракона, изваянного знаменитым русским зодчим В. Д. Ермолиным, принималась за великокняжеский или даже московский герб.

Между тем имеется и другая запись. Через два года, в 1466 г., Ермолин там же поставил еще одну скульптуру, но только «изнутри города», — святого Дмитрия Солунского, по-видимому опять конного. О чем это свидетельствует? О том, что два святых воина, помещенные на Фроловской (Спасской) башне Московского Кремля, защищали въезд в Кремль. Конечно, здесь была своя символика, однако фигуры святых вряд ли имели гербовое значение. По существу, им отводилась роль святого образа, иконы, которая помогла бы отогнать от города нападавших врагов. Не случайно скульптуры разместили их на Фроловских воротах. Они считались «святыми воротами Кремля» — светского и духовного центра России. Даже князья снимали шапку, проходя через них.

---

[1] ПСЗ. Собрание первое. Т. XXI. № 15304.

[2] ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 158.

Герб Москвы, утвержденный 20 декабря (по старому стилю) 1781 г. Екатериной II; помещен в Приложении к Полному собранию законов Российской империи

Таким образом, одно из первых московских скульптурных изображений святого Георгия вряд ли стоит воспринимать как светский символ. Доказательством может служить и дальнейшая судьба кремлевской статуи Георгия Победоносца. В 1491 г., когда итальянцы Пьетро Солари и Марко Руффо разобрали старую Фроловскую башню, чтобы построить на ее месте новую, сообразно с последним словом тогдашней военной техники, с нее сняли и скульптуры святых. Одна из статуй Ермолина — святой Дмитрий Солунский — погибла. А статую Георгия-воина перенесли в находившийся рядом с воротами Вознесенский монастырь. В XVII в. на его территории построили каменную церковь во имя святого Михаила Малеина, статую святого Георгия переместили туда и, раскрасив «невозможно яркой и пестрой краской», превратили в киотную икону. В 1930-х гг. монастырь разобрали, статуя разбилась. В настоящее время ее фрагменты хранятся в фондах кремлевских музеев.

В конце XV в. всадник, поражающий копьем дракона, утверждается в российской государственной символике. Об этом свидетельствует первая общегосударственная печать Ивана III Васильевича, сохранившаяся до наших дней при некоторых его грамотах. Первой по времени является жалованная меновная и отводная грамота великого московского князя его племянникам князьям волоцким, датируемая 1497 г. На лицевой стороне печати изображен ездец (воин) в княжеской шапке и плаще, поражающий копьем змея. Круговая легенда (надпись) гласит: «Иоан б(о)жиею милостию господарь всея Руси и великий кн(я)зь». На оборотной стороне этой прекрасной работы вислой печати из красного воска помещен двуглавый орел с распростертыми крыльями и коронами на двух головах, а также — продолжение надписи, титулующей великого князя Московского: «И велик кня. вла. и мос. и нов. и пск. и тве. и уго. и вят. и пер. и бол.»[3].

Знаменитый русский историк Н. М. Карамзин одним из первых обратил внимание на печать 1497 г., отметив, что от нее ведет начало символика русского государственного герба. Действительно, более четырех столетий всадник, поражающий копьем дракона, и двуглавый орел, соединившись в единой гербовой фигуре (всадник на груди двуглавого орла), служили отличительным знаком Российской империи.

[3] РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубрика II. № 78. Публикация: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л. 1950. № 85.

Георгий Змеборец. Белокаменная скульптура с Фроловской (Спасской) башни Московского Кремля. 1464 г. Фото 1910-х гг.

Обе эмблемы до их воссоединения прошли свой исторический путь. В отличие от двуглавого орла, мало знакомого жителю Руси, изображение воина-всадника характерно для многочисленных печатей и монет удельного периода нашей истории. Тенденция изображения всадника на русских княжеских печатях прослеживается еще с XIII в. Символизированный портрет самого князя, изображаемого в виде всадника, можно встретить на некоторых великокняжеских буллах (свинцовых печатях) Александра Невского; сокольника (всадник держит на руке сокола) — на печатях князя Андрея Александровича; всадника в короне, с мечом — на свинцовой печати одного из первых московских князей Юрия Даниловича. В дальнейшем, с конца XIV в., московские князья регулярно помещали на своих печатях всадников, вооруженных копьями (Василий Дмитриевич — сын Дмитрия Донского, Василий Васильевич, Иван Васильевич). Копья, а также мечи, дротики были в руках всадников, изображенных на печатях и тверских великих князей, многих князей московских уделов[4].

В начале XV в. среди монет с изображениями всадника в Московском великом княжестве появляются экземпляры, на которых всадник, держащий в руках копье, поражает им какой-то предмет, затем предмет превращается в голову дракона и, наконец, в целого дракона (змея). Интересен вариант, показывающий, вероятно, становление данного типа изображения: всадник держит острием вниз копье, под ногами коня — татарская тамга (плетенка). Постепенно всадник на московских монетах обретает детали, максимально приближающие его к фигуре, изображенной на лицевой стороне печати 1497 г.: развевающийся плащ у всадника, копье, разящее дракона, извивающегося под копытами несущегося вскачь коня. К концу княжения Василия Дмитриевича число монет с изображением воина-змееборца возрастает, а в правление Ивана III Васильевича ему отдается предпочтение.

Своеобразным переходом к созданию новой печати можно считать серебряную позолоченную буллу Ивана III со всадником, колющим дракона, на одной стороне, и надписью, титулующей великого князя, — на другой. Она скрепляла жалованную грамоту, данную «на Москве» Соловецкому монастырю. Произошло это в 1479 г. И еще не раз, по-видимому, сопровождала она вышедшие из канцелярии великого московского князя документы.

Хотя всадник, поражающий копьем дракона, изначально трактовался как князь, нельзя не заметить, что его иконографический тип близок образу популярного святого Георгия-змееборца. Почему?

[4] О княжеских печатях см.: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1—11. М., 1970; *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991.

Изображение Георгия Драконоборца (московского герба) из Знаменного гербовника 1729/30 г.

Культ святого Георгия проник из Византии в Киевскую Русь уже в X в. и получил здесь широкое признание[5].

Первоначально святой, выступающий как покровитель князей, особенно в их военных предприятиях, изображался в виде стоящего воина с копьем и щитом или с копьем и мечом. Постепенно складывается новый литературный образ святого воина. Считается, что на его воссоздание оказало влияние устное народное творчество. Во всяком случае, в былинах о богатырях, защитниках Русской земли Егорий Храбрый — один из любимых героев. Меняется иконография Георгия-воина. Художественный образ всадника, борющегося со змеем, вытесняет с XIII в. в изобразительном искусстве предшествующий тип пешего Георгия-воина. Популярность святого Георгия как заступника и защитника, своеобразного народного героя, безусловно, не осталась без внимания московских князей, которые использовали этот образ в качестве союзника и покровителя — для поднятия своего авторитета. Вероятно, именно в этом качестве Георгий-змееборец был близок московским князьям, тем более что традиция прочно связывала образ Георгия-воина с основателем города Москвы князем Юрием Долгоруким. Князь необычайно чтил своего патрона — святого Георгия. Он построил много церквей в его честь и даже основал город его имени. Такое почитание могло основываться также на идее преемственности власти московскими князьями — через владимирских от киевских, покровителем которых выступал Георгий-воин. Эта теория, обосновывающая происхождение московских великих князей, формируется в конце XIV в. и на протяжении всего XV в. остается одной из основных политических теорий Русского государства. Ее утверждение сопровождалось ростом интереса к истории Киевской Руси, ее архитектуре, живописи, литературе. Естественно, особое внимание уделялось и тем святым, которые покровительствовали овеянным славою военных подвигов русским князьям.

[5] Вопросы распространения культа Георгия на Руси, развития иконографии этого святого, идейного содержания образа, а также историография темы обстоятельнейшим образом разработаны в исследованиях В. Н. Лазарева и М. В. Алпатова: *Лазарев В. Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970; *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Иконографический ряд святого Георгия см. в кн.: *Вилинбахов Г. В., Вилинбахова Т. Б.* Святой Георгий Победоносец. СПб., 1995

Надо отметить, что в литературе XV в. все явственнее проступает тенденция утверждения исключительности Москвы, которая, вероятно, должна была обусловить и исключительность патронирования московских князей теми святыми, которые покровительствовали князьям-воинам Киева и Владимира. Этим объясняется и особое пристрастие к Георгию-воину московских князей, которые переносили на себя не только деяния популярного святого, но и его внешний вид.

Итак, появление на общегосударственной печати Ивана III одной из эмблем, условно обозначавших Русское государство (но не город Москву) на протяжении более чем четырех последующих столетий, вызвано потребностью в символике, соответствующей концепции официального характера, в частности выражающей древность происхождения власти московского великого князя.

В XVI—XVII вв. в русских источниках всадник, поражающий копьем дракона, «ездец», не именуется святым Георгием, или Георгием Победоносцем. Жители Российского государства оценивали символическое изображение на государственной печати довольно прагматически. Так, новгородский архидьякон Геннадий на вопрос патриарха Александрийского об изображении на печати верительной грамоты: «На кони… благоверный царь на сей печати?» — без тени сомнения ответил: «Государь на кони»[6]. Г. К. Котошихин, подьячий Посольского приказа, сообщает, что самая истинная Московского княжения печать эта та, где «царь на коне победил змия». «Великий государь наш на аргамаке», «Сам царь с копьем», «Человек на коне с копьем колет змея» — такие объяснения и названия эмблемы дают официальные лица, посланники, деловые дьяки различных русских ведомств[7].

Однако в сочинениях иностранцев, посетивших Россию в XVI—XVII вв., всадник, поражающий копьем дракона, принимается за герб «Московии», именуется святым Георгием. В «Записках о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, приезжавшего в Москву в 1517 и 1526 гг. и рассказавшего европейскому читателю о жизни, нравах, быте простых людей и великокняжеского двора, помещено описание великокняжеской печати. «На передней стороне этой печати, — сообщал Герберштейн, — было изображение нагого человека, сидящего на коне без седла и поражающего копьем дракона, на задней же стороне был виден двуглавый орел, обе главы которые были в венцах»[8]. Иллюстраторы книги австрийского дипломата, изданной во многих странах Европы, представляли читателям этого всадника как герб Московского государства. Обычно он рисовался в гербовом щитке рядом с изображением великого князя Василия III, сидящего на троне. Всадник показан раздетым, иногда в виде Геркулеса в развевающемся плаще, он мог

[6] См. об этом: *Снегирев И. М.* Еще несколько слов о московском гербе // Московские ведомости. 1853. № 69.

[7] *Снегирев И. М.* Еще несколько слов о московском гербе; *Лакиер А. Б.* Русская геральдика СПб., 1855; Переизд. М., 1990. С. 85.

[8] *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. Переизд. М., 1988. С. 225.

Изображение московского герба. Вторая половина XIX в.

Герб Москвы, утвержденный в 1883 г.

Российский государственный герб времени царствования Александра III (1881—1894)

быть повернут и вправо и влево от зрителя, в отличие от государственной печати, на которой всадник скачет вправо.

Таким образом, всадник, колющий копьем дракона, за рубежом ассоциировался с Московским государством и трактовался как его отличительный знак.

С XVI в. на русских государственных печатях соединяются двуглавый орел и всадник, который располагается на груди орла. Подобная композиция остается неизменной в течение ряда столетий, составив главную фигуру герба Российской империи. Художественная форма всадника менялась: то в нем проявлялись портретные черты государя, то скакал всадник не в традиционную правую, а в левую от зрителя сторону (геральдическую). Например, на печати царя Михаила Федоровича 1625 г. всадник, поражающий копьем дракона, помещен на щитке на груди двуглавого орла повернутым влево от зрителя. Такое же отступление от традиционного поворота всадника мы наблюдаем еще на одном памятнике XVII в. Это знамя времени Алексея Михайловича. Имеется сообщение о том, что в 1666 г. царь приказал сделать в Оружейной палате знамя, на котором «написать живописцу Станиславу Лопуцкому разных государств четырнадцать печатей в гербах» (вероятно, в гербовых щитах). Очевидно, сведущему в геральдике иностранцу Станиславу Лопуцкому пришлось видоизменить ориентацию гербовой фигуры согласно существующим в этой науке канонам, повернуть всадника в «правильную», геральдическую сторону, т. е. влево от зрителя.

Идейная трактовка всадника, повергающего дракона, имела ряд нюансов, но вплоть до XVIII в. «московский рыцарь» не воспринимался никем из современников как городской герб. Даже в царском Титулярнике 1672 г., где в художественной форме изображались так называемые гербы земель (согласно царскому титулу), на груди двуглавого орла вместо обычного изображения всадника написано «московский». Святой же Георгий олицетворяет в Титулярнике земли «Карталинских и Грузинских царей».

В XVIII в. всадника именуют не только «ездецом», но и святым Георгием, рисуют его в цвете, ассоциируют с городом Москвой.

«Святым Егорием» называет всадника из государственного герба царь Петр I. В бумагах великого реформатора хранится описание личного штандарта и русских морских флагов с пометой относительно государственного герба: «Сие имеет начало свое оттуду, когда Владимир монарх расииски свою империю разделил 12 сынам своим, из которых владимирския князи возимели себе сей герб с. Егория, но потом ц. Иван Ва., когда монархию от деда его собранную паки утвердил и короновался, тогда орла за герб империи росиской принял, а княжеской герб в груди оного поставих»[9]. Несмотря на явную легендарность сведений, используемых в этой записи, и их неточность (речь идет об Иване IV, именно при нем была создана композиция — всадник на груди двуглавого орла, между тем «орла за герб принял» Иван III), в ней проводится мысль об исконности существования русской эмблемы — всадника, поражающего копьем дракона. Всадник здесь назван святым Георгием.

Окончательное ее «величание» Георгием Победоносцем и утверждение нового названия этой фигуры произошло в связи с развитием в России геральдики, созданием городских гербов. Городская символика в петровское время появилась вместе с созданием системы формирования и размещения полков русской армии. Полки распределялись по городам и получали название по имени города, редко — губернии. Вместе с названием полк получал на свое знамя и эмблему города и области. Московские полки, как о том свидетельствует знаменной гербовник 1712 г., помещали на своих знаменах двуглавого орла под тремя коронами, а на груди орла, в щитке, располагался всадник, колющий копьем дракона. Однако в следующем знаменном гербовнике, датируемом 1729/30 гг., на знаменах московских полков изображался уже только всадник в короне, колющий копьем змея.

Этот московский герб сделан был по «образу и подобию» фигуры, размещенной на груди орла в государственном гербе. Цвета государственного герба и фигур, составляющих его, уже разрабатывались в созданной Петром I Герольдмейстерской конторе, куда «особливо для составления гербов» пригласили специалиста — пьемонтского дворянина Франциска Санти. Не без его участия святой Георгий приобрел вид геральдической фигуры. Он изображался «на коне белом, епанча и копие желтые (золотые. — *Н. С.*), венец (корона) желтой же, змей черный, поле кругом белое, а в середине красное»[10].

С утверждением статуса городского знака святой Георгий, будучи частью государственного герба, именовался гербом Москвы — исторического центра Российской империи. Изменение государственного герба, его атрибутики, цветов, положения фигур в щите отныне влекло за собой изменение художественного облика московского герба.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[9] Цит. по: *Белавенец П. И.* Изменение российского государственного герба в императорский период // Вестник имп. Общества ревнителей истории. Вып. II. Пг., 1915. С. 69.

[10] *Лакиер А. Б.* Указ соч. С. 184.

Изображение Георгия Драконоборца на монетах конца XV — начала XVI в. Италия, Ломбардия

Монеты XVIII в. (лицевые и оборотные стороны) с изображением святого Георгия

Герб Москвы

В 1857 г. при Департаменте Герольдии Правительствующего сената открылось специальное отделение по изготовлению гербов — Гербовое отделение. Управляющим назначили барона Б. В. Кёне, по предложению которого была изменена художественная форма многих существовавших до этого в России гербов, «согласно с требованиями геральдики». Естественно, имелась в виду западноевропейская геральдика, где разрабатывались эти правила. Кёне отличился при создании нового государственного герба Российской империи, государственной печати, личных гербов императора и членов императорского дома Романовых. Гербы были одобрены монархом и 11 апреля 1857 г. их описания опубликованы. Кроме новой атрибутики, нового расположения титульных гербов, изменения коснулись и центральной гербовой фигуры. Многовекового всадника, поражающего копьем дракона, теперь описывали так: «На груди орла герб Московский: в червленом с золотыми краями щите Святый Великомученик и Победоносец Георгий в серебряном вооружении и лазуревой приволоке (мантии), на серебряном, покрытом багряною тканью с золотою бахромою, коне, поражающий золотого с зелеными крыльми дракона золотым, с осьмиконечным крестом наверху, копьем»[11].

Цвета были непривычны, но особенно непривычным был вид самого всадника — в западноевропейском шлеме, повернутого влево от зрителя, в непривычную для русского глаза сторону, нисколько не напоминающего русского святого воина. В Полном собрании законов публиковался и рисунок, воспроизводящий герб Москвы. Подобный же вид имеет «герб столичного города Москвы», который высочайше утвержден несколько позднее — 16 марта 1883 г.[12]. Гербовый щит венчает императорская корона, за щитом два накрест положенные золотых скипетра, соединенные Андреевскою лентою. По предложению Кёне герб Москвы с этого времени помещался в вольной части (в верхнем углу гербового щита) щита всех городских гербов Московской губернии.

Как официальный знак города Москвы, в подобном виде он просуществовал до 1917 г. Разнобой, как и в изображении всякого герба, не допускался.

В советское время Москва стала первым городом, получившим герб, составленный по законам революционной или, как часто ее называют, пролетарской символики. Герб Москвы (и Московской губернии) утвердил 22 сентября 1924 г.[13] Президиум Московского совета. Отличительный знак столицы вобрал в себя множество эмблем. Он состоял из пятилучевой звезды, на фоне которой изображался памятник Свободы (поставлен в 1918 г. в честь Октябрьской революции на Советской площади), увенчанный перекрещенными серпом и молотом. По обе стороны звезды — пучки колосьев, внизу — предметы труда: наковальня, ткацкий челнок, электромотор; перевитые лентой с надписью «Московский Совет Раб., Кр. и Кр. Деп.». Над колосьями и звездой видна часть шестерни, на дугах которой помещены буквы

[11] ПСЗ. Собрание второе. СПб., 1858. Т. XXXII. № 31720.

[12] ПСЗ. Собрание третье. СПб., 1888. Т. V1. Дополнение к т. III. № 1439а.

[13] Об этом: *Николаев Р.* Герб Красной столицы // Наука и жизнь. 1966. № 8. С. 108

Герб Москвы, утвержденный Президиумом Моссовета в 1924 г.

Р.С.Ф.С.Р. Описание герба (расшифровка символики), его цвета нигде не приведено.

Композиционная сложность, отсутствие стилизации и других черт герба, делающих его запоминаемым, определили недолгий срок этого первого и единственного в то время городского символа. И хотя предполагалось, что он послужит примером для других городов и губерний, где должны были «создать свои пролетарские гербы, в которых будут отражены те или иные местные особенности», надежды эти не оправдались. Вновь созданный герб Москвы не привился, хотя использовался, как и прежние городские гербы, в качестве архитектурного украшения при градостроительстве. Например, его можно видеть в решетке, обрамляющей Большой Каменный мост на Москве-реке.

В настоящее время герб города Москвы существует согласно Закону «О гербе города Москвы», принятому Московской городской думой 11 июня 2003 года, № 39. В законе подчеркивается, что официальный государственный символ города Москвы — герб города — устанавливается исходя из традиций, о чем свидетельствует его описание и изображение, а именно: «Герб города Москвы представляет собой четырехугольный с закругленными нижними углами и заостренный в оконечности темно-красный геральдический щит с изображением развернутого вправо от зрителя всадника — Святого Георгия Победоносца в серебряных доспехах и голубой мантии (плаще), на серебряном коне с серебряной сбруей, поражающего золотым копьем черного Змия»[14].

[14] См.: Символика Москвы. Город. Административные округа. Районы. М.: Профиздат, 2003. С. 17—19.

ФЕНОМЕН КАЗАНСКОГО ГЕРБА: ИСТОРИЯ, СЕМАНТИКА, РЕАЛЬНОСТЬ

Древний город Казань отпраздновал свое тысячелетие. В 2007 г. исполнилось едва ли не пять столетий и его гербу. Речь идет о 430-летии сфрагистического памятника 1577 г. В нем впервые официально (на государственной печати — атрибуте власти) помещена «печать царства Казанского». Об этом гласит легенда — надпись, окружающая изображение коронованного дракона, впоследствии превратившегося в герб Казани.

Казанский герб привлекал к себе внимание практически всех авторов, писавших об истории Казани. Известный советский археолог А. В. Арциховский, посвятивший одним из первых большую работу эмблемам вышеупомянутой печати, писал в этой связи: «Казанскому гербу повезло. Местные краеведы им интересовались в отличие от краеведов других городов, равнодушных к истории своих геральдических эмблем. Этой темой успешно занимались П. Заринский, Н. П. Загоскин, П. М. Дульский…»[1]. А. В. Арциховский считал, что подобное внимание исследователей к гербу Казани объясняется, во-первых, тем, что «герб этот не менялся вовсе». Действительно, на протяжении XVI—XX вв. казанская эмблема сохраняла неизменность двух основных компонентов — дракона и короны. Прежде всего, это показательно для официальных знаков — гербов, печатей, знамен, но и чисто художественные изображения казанской эмблемы (например, на покровце, тарелке XVII в., на рисунках в военных гербовниках XVIII в. и т. д.) отличаются стабильностью. В словесном выражении эмблема практически также не претерпела изменений. Одно из наиболее ранних ее описаний содержит указ об изготовлении гербового знамени царя Алексея Михайловича 1666—1676 гг.[2] Указ предписывал сделать в Оружейной палате знамя, на котором «написать живописцу Станиславу Лопуцкому разных государств четырнадцать печатей в гербах (гербовых щитах. — *Н. С.*)». По поводу казанской эмблемы записано: «Печать Казанская, на ней в карунe Василиск, крылье золото, конец хвоста золот». Автор рисунка знамени известен. Это — смоленский шляхтич Станислав Лопуцкий. Он «расписывал» знамя вместе со своими учениками Иваном Безминым и Дорофеем Ермолаевым. С. Лопуцкий подготовил много учеников, являясь ведущим мастером-«знаменщиком» в Оружейной палате. Здесь он был неоднократно «жалуем за многую работу», «за доброе

[1] *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ 1946. Вып. 93. История. Кн. 1. С. 58—59.

[2] Опись московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 1. С. 44—49.

Печать 1577 г. — лицевая сторона с изображением казанской эмблемы

Печать 1577 г. — лицевая сторона с изображением казанской эмблемы. Прорисовка

мастерство». Косвенным свидетельством иностранного авторства композиции знамени может служить поворот всадника на груди орла не в традиционную правую от зрителя сторону, а в левую, как принято в геральдической науке. С ней в силу своего происхождения С. Лопуцкий был знаком. В описании казанской «печати» также использовано характерное для польского контекста слово «василиск» вместо более привычного отечественного «дракон».

Наиболее поздней точкой отсчета в официальном описании казанского герба можно считать указ императрицы Екатерины II «Об утверждении гербов городов Казанского наместничества» от 18 октября 1781 г. В этом акте отмечается, что герб Казани «старый». Документ фиксирует его геральдические цвета: «Змий черный под короною золотою, казанскою, крылья красные, поле белое»[3]. Данный казанский герб отныне вносился в верхнюю часть щита «вновь сочиненных гербов» городов Казанского наместничества, которых, не считая Казани, было 12. Среди них, правда, выделялся «старый» герб города Свияжска, но он не требовал, как все «старые» гербы, дополнения в виде гербового знака вышестоящего административного центра.

Вторая причина, которую А. В. Арциховский считал крайне существенной при объяснении историографического внимания к казанскому гербу, это сохранившиеся татарские предания об основании Казани. Они составляют большой комплекс, объединяющий, как известно, три цикла. Среди них легенды о перенесении города и о змеях представляют наибольший интерес[4]. Считается, что легенда о «местном угодье и о змиином жилище» — территории возникновения Казани — впервые появилась в Казанском летописце, историко-публицистическом сочинении 1564—1565 гг. Как бы скептически исследователи ни относились к «Казанской истории», видя в ней «мутный источник», изобилующий «разными домыслами и прикрасами», многие «частности», приводимые автором, долгие годы жившим в Казани, можно

[3] ПСЗ. Собр. 1. Т. 21. № 15260.

[4] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 2004. С. 214.

Изображение дракона с надписью «Царь Казанский» (по титулу Ивана IV) из Титулярника 1672 г.

воспринять как достоверные. Например, описание прекрасной природы, красот флоры и фауны того места, где возникла Казань: «Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и звериcто, и рыбно, и всякого угодья много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли нигде же таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человечским, не вем же, аще есть будет в чюжих землях»[5]. По-видимому, довольно точно автор определяет топографические параметры расположения древнего города: «…и обрете место на Волге, на самой украине руской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме»[6]. Данное сообщение позволило А. Х. Халикову высказать предположение, что город Казань был основан на окраине Волжской Булгарин, на северо-западном пограничье (р. Казанка), а само слово *казан* «означало в прошлом начало границы, края, предела»[7], т. е. в домонгольское время Казань могла быть своеобразным пограничным пунктом.

[5] Казанская история. М.; Л., 1954. С. 47; О «свойствах местности» см. также: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. 236.

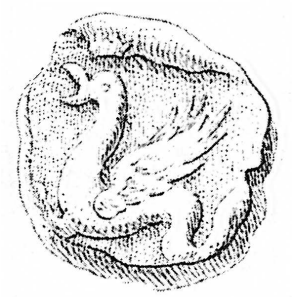
[6] Казанская история. С. 47.

[7] *Халиков А. Х.* О времени, месте возникновения и названии города Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 14—15.

Печать Царства Казанского под грамотой воеводы князя И. М. Воротынского 1596 г., данной архимандриту Казанского Преображенского монастыря Арсению с братиею

Как бы составляя для читателя единое представление о городе Казани, автор «Казанской истории» вслед за географическим описанием помещает исторический текст, связанный с закладкой города.

Текст носит легендарный характер, как и большинство рассказов о возникновении знаменитых городов в разных концах света. Легенда о закладке Казани в своей основе содержит сюжет о борьбе человека с чудовищем — страшным двуглавым змеем («змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядяше»). Его истребил волхв, который обложил его жилище сеном и тростником, полил все это серой и смолой и поджег. Царь же «возгради на месте том Казань»[8].



Печать Царства Казанского под оброчной грамотой 1637 г. архимандриту Свияжского Богородицкого монастыря Герасиму с братиею

Печать Царства Казанского под ввозной грамотой 1693 г., данной игумену Казанского Кизического монастыря Ипатию с братиею

А. В. Арциховский, ссылаясь на упомянутых выше трех авторов, продолжает легенду, замечая, что крылатому змею удалось улететь на соседнюю гору Джилан-Тау («змеиная гора»), где впоследствии был основан Илантовский или Зилантов монастырь. От этого названия, как пишет А. В. Арциховский, образовано слово «Зилант» — главный змей легенды и казанского герба.

«Казанская история» явилась для А. В. Арциховского существенным подспорьем в его концепции об исторических корнях древнерусских областных гербов. Однако подобных исторических обоснований возникновения других эмблем он обнаружить не смог так же, как и произвести абсолютную идентификацию эмблем

[8] Казанская история. С. 48.

упоминаемых им шести серий рисунков[9]. Несмотря на методическую значимость и приоритетность тематики, обусловленной историческими коллизиями, новаторская для своего времени работа А. В. Арциховского в свете позднейших геральдических, сфрагистических, археологических исследований вряд ли может соответствовать современным воззрениям на государственную печать царя Ивана IV Васильевича и на толкование ее изобразительных сюжетов.

Государственная печать царя Ивана IV Васильевича, о которой идет речь, уникальна не только как памятник российской средневековой сфрагистики, но и как источник, отражающий концепцию его государственной власти. Немецкий историк Г. Штёкль, посвятивший завещанию и печати русского государя специальное исследование[10], отмечал, что в плане выяснения взглядов Ивана Грозного на власть и государство печать не уступает по своему значению знаменитой полемической переписке царя с князем А. М. Курбским.

Наиболее важными моментами для раскрытия этой ее значимости Г. Штёкль, как, впрочем, и авторы последующих работ, посвященных печати[11], считал ее датировку и смысловую интерпретацию.

При исследовании вопроса о времени создания печати отмечалось, что дата изготовления очень важна, ибо позволяет связать печать с конкретными историческими событиями, а также поставить вопрос о литературной основе сюжета композиции,

Флаг «Цесаря от Татарии» с изображением дракона. XVII в.

Изображение дракона на знаменах казанских полков из Знаменного гербовника 1729/30 г.

[9] См. таблицу № 1 в кн.: *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981. С. 194—203.

[10] *Stôkl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972. Автор публикует описание и фотографию печати, где видны несоответствия некоторых клейм их прорисовкам на печати, помещенным в издании «Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц» (Вып. 1. М., 1882. Табл. 18—19).

[11] *Соболева Н. А.* 1) Российская городская и областная геральдика. С. 154—167; 2) О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 179—186; 3) Гербы городов России. М., 1998. С. 99—105 (Здесь имеются фотографии печати); 4) Церковно-историческая традиция в оформлении большой государственной печати Ивана IV // Православная церковь и государство в исторической судьбе России. Н.-Новгород, 2008. С. 359—370; *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времени Ливонской войны // АРИ. Вып. 5. М., 1994. С. 201—226. В статье содержится описание печати.

Рисунок герба Казани, утвержденного Екатериной II 18 октября 1781 г.

обнаружив близкие по хронологии письменные свидетельства. На них можно опереться в расшифровке эмблем и объяснении иносказательного языка печати.

В результате корректировки титула царя Ивана IV Васильевича и анализа «западных печатей», в частности наличия «печати Полотцкой», где в качестве символа города изображены «колюмны» — знак литовских князей, дающей самую раннюю (1563) дату создания печати и самую позднюю (1579) — год захвата Полоцка польским королем Стефаном Баторием, вероятным временем ее появления признается 1577 г., ибо в 1578 г. она уже скрепляла договор с Данией[12]. С этой датировкой согласен и Дж. Линд[13].

Дата создания печати включает российский сфрагистический памятник в круг символики, появившейся в связи с Ливонской войной, которую вел царь Иван IV Васильевич за овладение прибалтийскими землями. Успехи, одержанные в 1577—1578 гг., явились побудительным мотивом для создания государственной печати. В ее эмблемах нашли отражение подлинные завоевания и оптимистические ожидания царя, казавшиеся на фоне замечательных военных побед также вполне реальными. Речь идет о печатях Риги и Ревеля, которые так и не были завоеваны Иваном Грозным, но их эмблемы, не соответствующие подлинным гербам этих городов, изображены вместе с другими клеймами вокруг двуглавого орла.

Печатью 1577 г., как об этом свидетельствует и более позднее ее использование (в 1583—1584 гг.), скреплялись документы международного характера: договоры, официальные письма иностранным государям, грамоты, подтверждающие полномочия русских послов. Подобной по статусу и по форме печати ранее не было в отечественном делопроизводстве. Г. Штёкль писал, что «формальный принцип расположения отдельных изображений вокруг центрального предмета русским был известен, но из совсем другого источника, из икон». Подобного сфрагистического прецедента не существовало. Однако исследователь не сомневался, что создание государственной печати, представляющей собой сочетание общегосударственной эмблемы и территориальных «печатей», не являющихся в своей основной массе реальными печатями и тем более гербами, не выглядит случайностью. Ее композиция в целом символизирует единство земель, объединенных под эгидой московского государя. Как отмечалось выше, в комплекс клейм входили и территории, еще не принадлежавшие Русскому государству. Однако царю Ивану IV Васильевичу важна была подобная мистификация для того, «чтобы произвести впечатление

[12] *Соболева Н. А.* О датировке большой государственной печати Ивана IV. С. 180.

[13] *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV… С. 209.

на получателя», и как элемент его последующей «игры» с рядом государей прибалтийских стран, в частности со Швецией[14].

Изображение казанского герба в издании 1817 г. «Казанские известия»

Сочинение эмблем и композиция печати, типичная для государственных печатей многих европейских стран той эпохи, на которых в гербовых щитах изображались эмблемы земель, имели свой смысл. Они включали русскую печать, скреплявшую международные акты, в круг обычных для Западной Европы атрибутов королевской или императорской власти. В свете большого интереса к иерархии европейских государств, который характерен для русского правительства того времени, знакомство с институтами внешнего оформления верховной власти западноевропейских государей и подражание им выглядят вполне правдоподобными.

Если говорить об «образце» для подражания, то Г. Штёкль и другие исследователи приводят в качестве примера печати императора Священной Римской империи, где «от Сигизмунда до Карла V двуглавого орла окружает кольцо из гербов земель»[15]. Упоминаются также и государственные печати Польши и Великого княжества Литовского. Здесь в период правления Ягеллонов существовали печати с гербами земель, окружавшие центральную фигуру. Печати польских королей, как считают исследователи, в Москве были хорошо известны.

Относительно гербов, окружающих центральную фигуру (сидящего на троне короля или гербового одноглавого орла), польские историки поясняют, что такие символы, как *pars pro toto* — часть от целого, — определяют размер находящихся во владении суверена территорий и одновременно — структуру государства и образующих его областей. Отдельные гербы провинций «символизируют не только конкретную область, но и ее самоуправление, судопроизводство, организацию обороны, представительство в сейме, а также различные исторические традиции»[16].

Однако русская печать имела специфику: подавляющее большинство эмблем, окружавших центральную фигуру как на лицевой, так и на оборотной стороне, не существовали в качестве изображений на реальных печатях, тем более не являлись гербами городов и областей (как неоднократно доказывалось в отечественной историографии, в рассматриваемую эпоху в Русском государстве гербов не существовало, что обусловлено особенностями его исторического развития).

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[14] *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV… С. 213 (и далее).

[15] *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. S. 53.

[16] *Piech* Z. Herrscher und Staat in den ikonographischen Quellen im Zeitalter der Jagiellonen // Die Jagiellonen. Kunst und Kultur einer europäischen Dynastie an der Wende zur Neuzeit. Nürnberg, 2002. S. 38.

Вместе с тем трудно согласиться с утверждением Г. Штёкля, что «все без исключения многочисленные звери на эмблемах… не имели отношения к символике Московской власти… Просто в большую государственную печать включали то, что случайно оказывалось под рукой»[17].

Стилевая близость печати 1577 г. памятникам отечественного изобразительного искусства XVI в., с их символизмом, библейскими образами, с их ярко проявляющейся тенденцией вкладывать в изображение самых простых явлений скрытое значение, с сильным звучанием догматической и морализующей темы, единством сюжетов изобразительного искусства и литературных и проч., дает возможность интерпретировать эмблемы печати как определенные символы. Общий смысл композиции печати и детальный разбор клейм произведен нами в ряде работ[18]. Отметим только, что в основе подбора и воспроизведения фигур печати лежали отнюдь не геральдические начала, о которых можно говорить, имея в виду ее «образцы». Те символы, образное выражение которых имеется на печати в виде изображения представителей животного мира, отдельных предметов оружия, атрибутов царской власти, — это, по-видимому, символы идей, а не символы территорий, которыми отдельные эмблемы становятся впоследствии. Эти символы растолковывались и интерпретировались в литературных памятниках, в образном, «картинном» выражении фигурировали в произведениях изобразительного искусства того времени.

Предлагаемое толкование символики изображений может навести на след идейных создателей подобного идеологического памятника. Несомненно, это были люди сведущие, образованные, начитанные, сторонники властной теократической доктрины. К ним принадлежал, прежде всего, предстоятель Русской православной церкви митрополит Макарий, один из активных сторонников Ивана IV, прославлявший деяния русского самодержца. Известно, что митрополит Макарий — инициатор, составитель и редактор «энциклопедических» книжных сводов (Великих Миней Четьих), являлся также организатором особой «макариевской» художественной школы. Специалисты отмечают, что круг работ макариевских мастеров широк, разнохарактерен (иконопись, миниатюра), в миниатюрах преобладает графическое начало и прослеживается знакомство с западноевропейским искусством[19]. Под непосредственным руководством митрополита Макария возникает школа «царских живописцев» — предшественница Оружейной палаты XVII в. Первоиерарх Русской церкви был «иконному писанию навычен», хорошо разбирался в живописной символике[20]. Кто-то из художников макариевского круга был наслышан о геральдических прин-

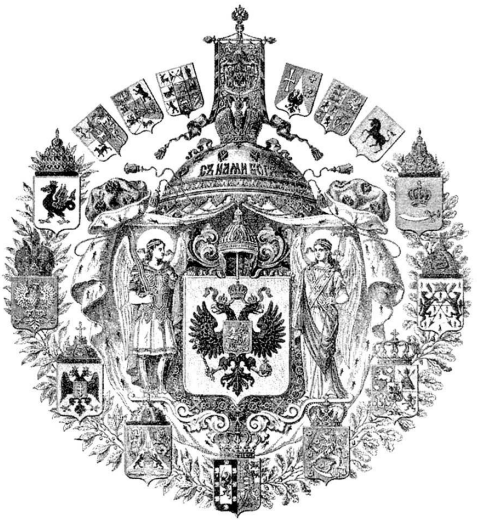
[17] *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. S. 58—59.

[18] *Соболева Н. А.* 1) Российская городская и областная геральдика. С. 153—167; 2) О датировке большой государственной печати Ивана IV. С. 179—186; 3) Геральдическое художество в России // Гербы городов России. М., 1998. С. 99—104.

[19] *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 135—136.

[20] *Дробленкова Н. Ф.* Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI вв. Ч. 2. Л., 1989. С. 85.

ципах. Это нашло отражение в специфике передачи украшенных «гербами» щитов, которые держат некоторые воины на иконе «Церковь воинствующая». Необычная икона (историческая, гражданственная живопись) написана мастерами «макариевской школы» во второй половине 1550-х гг.[21] По поводу ее трактовки нет единого мнения. Щиты со светскими фигурами (двуглавого орла, змеи и др.) предположительно держат представители знатных иностранных родов, которые могли употреблять подобные щиты с изображением различных зверей и птиц. Для русского воинства такие щиты не были характерны. Геральдичность фигур на щитах весьма приблизительна и количество светских фигур ограничено — «Церковь воинствующая» создана задолго до печати 1577 г. с подобными эмблемами.



Изображение герба Казани в Большом гербе Российской империи. 1882 г.

Высказывалось мнение, что мастера, призванные Макарием для выполнения «государевых заказов», участвовали в создании миниатюр Лицевого свода (1568—1576 гг.). Ко времени его изготовления в царской книгописной мастерской в Александровской слободе митрополита Макария уже не было в живых. Однако не изменились принципы воззрения на царскую власть, связанные с ее возвеличением и необходимостью единения подданных под властью самодержца для победы над врагами — «неверными».

По-видимому, сохранился и штат прекрасных писцов и живописцев в «государевой палате», основы которой заложил митрополит. Тот же самый знакомый с западным геральдическим искусством художник мог отобразить царское представление о власти в символах, знакомых ему, в частности, по наиболее популярной из читаемых книг средневековья — Псалтири. Учитывая личное участие Ивана Грозного во многих мероприятиях по оформлению истории его деяний и даже в выборе сюжетов изобразительного искусства[22], можно утверждать, что и в симво-

[21] *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII века. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. М., 1963. С. 128—134; *Морозов В. В.* Геральдика на иконе «Благословенно воинство» // СА. 1983. № 2. С. 247—253.

[22] *Подобедова О. И.* 1) Миниатюры русских исторических рукописей. С. 140; 2) Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 5 (и след.).

лике печатей, особенно связанных со скреплением грамот, отправляемых за рубеж, нашли отражение образ мыслей и воззрения самого царя.

Кстати, Псалтирь создавалась в Александровской слободе в то же время, с июня 1576 г. по январь 1577 г.[23], что и описываемая печать, удивившая иностранную дипломатию формой известной Европе, но не характерной для России.

Вероятно, символика русских печатей, используемых в дипломатической практике, становилась в какой-то мере известной западному миру. Этому способствовала и публикация в Европе иностранных трудов о России, к примеру «Записок о Московии» барона С. Герберштейна, который описывал русские печати, монеты, знамена, А. Олеария и др.

Во всяком случае, «Книга о флагах» К. Алярда, представляющая собой компилятивный труд, в котором использованы различные эмблемники и гербовники и имеются изображения флагов многих (больших и маленьких) стран, содержит, кроме трех флагов «его царского величества Московского» конца XVII или даже начала XVIII в. («Книга о флагах» переведена на русский язык в начале XVIII в.), «флаг Цесаря от Тартарии»: на золотом поле (желтом) изображен черный дракон, вправо от зрителя, «с василисковым хвостом»[24]. Дракон изображен без короны, рисунок отступает от отечественного типажа подобной эмблемы. Рядом помещен «другой татарский флаг» (такова подпись) — на золотом поле черная сова с желтой грудкой.

Можно было бы предположить, что флаг татарского цесаря появился как заимствование из Титулярника 1672 г. — рисованной золотописцами Посольского приказа книги, предназначенной, в основном, для нужд этого приказа. Однако детали того и другого рисунка не совпадают. К тому же Титулярник существовал в трех экземплярах. Два из них были сделаны по заказу царских особ, один — для нужд Посольского приказа.

Титулярник — наиболее полное собрание титульных территориальных эмблем, известных в XVI—XVII вв. Полного тождества между эмблемами печати 1577 г. и Титулярника нет; в «первом русском гербовнике» появились совершенно другие, чем на печатях, символы Перми, Ярославля, Рязани и т. д., практически именно Титулярник 1672 г. лег в основу материалов, использованных при составлении российских городских гербов в XVIII в. Изобразительная сторона эмблем печати 1577 г. (не следует забывать, что первоначально был сделан рисунок, по которому вырезалась матрица печати) и Титулярника разнятся. В оформлении Титулярника проявилась тенденция сочетания традиционного русского стиля с западноевропейским, наблюдается «подгонка» помещенных на печати известных старых форм к новомодным потребностям и веяниям. В художественной мастерской Посольского приказа в XVII в. трудились прекрасные русские мастера, однако им нередко приходилось прибегать к западноевропейским справочникам — эмблемникам,

[23] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 246.

[24] *Алярд К.* Книга о флагах. Ч. 2. СПб., 1911. № 80—81. С. 87.

чтобы «не отставать» в своем творчестве от привозных художественных изданий эмблематического или орнаментального характера. Миниатюра, представляющая казанский герб, выполнена исключительно изящно, дракон в царской короне повернут влево от зрителя, что соответствует западноевропейским геральдическим правилам, с которыми все более со времени Алексея Михайловича начинает знакомиться Россия.

Со времени Титулярника история герба Казани по основным параметрам развития вписывается в контекст эволюции городской геральдики Российской империи.

Потребность в особых отличительных знаках для знамен полков, размещенных в результате военных реформ Петра I по городам, обусловила создание в 1712 г. в Оружейной палате знаменного гербовника. В нем были собраны эмблемы городов и областей, которые отныне все считались городскими и наносились на полотнища военных знамен. В качестве образцов использовались рисунки Титулярника, а также рисунки, взятые из только что переведенной по приказу царя книги «Символы и емблемата». Здесь помещалась и казанская эмблема, заимствованная, судя по всему, из Титулярника.

По своему художественному исполнению изображения на знаменах не достигли строгой геральдической формы и напоминают простые рисунки: эмблемы изображены без гербовых щитов — основной детали каждого герба, не соблюдено и такое геральдическое правило, как неналожение металла на металл и цвета на цвет. Негеральдичность в воплощении городских гербов с точки зрения определенных канонов геральдического искусства, выработанных в Европе, применение которых превращало рисунок в герб, свидетельствует, что в начале XVIII в. существовала лишь тенденция превращения известных территориальных эмблем в городские гербы. Поэтому не случайно, что царь-реформатор в инструкции герольдмейстеру подчеркивал, что в России составление гербов — «дело нового основания». Приглашенный из Европы специально для составления гербов, пьемонтский дворянин граф Франциск Санти ранее служил в аналогичной должности при дворах многих европейских государей. Он замечал, что его работа «не токмо трудна и мало заобычайна и в других государствах, в здешнем же государстве и весьма до сего часу, как известно, и не во употреблении была».

Одной из первых работ Ф. Санти в России становится геральдическое оформление государственного герба и печати. В его бумагах сохранился документ на французском языке и в переводе: «Герб его императорского величества с колорами или цветами своими». Кроме двуглавого орла со святым Георгием на груди, в нем описаны и прочие титульные эмблемы. Их уже можно назвать гербами, ибо, положив в основу рисунки Титулярника, Ф. Санти придал им геральдическую форму. Он стабилизировал положение фигур в щите, по существовавшим в Европе геральдическим правилам использовал определенные цвета и металлы, приведя их в строгое соответствие. Казанский герб Ф. Санти описал следующим образом: «Поле серебряное с драконом или змием черным, у которого крылья красные,

а коронован златой или желтой короною; тот же дракон сидит на зеленом дерне»[25]. Это описание датировано 6 сентября 1722 г.

Существенную роль в становлении в России городских гербов сыграл царский указ 1724 г. Он предписывал «во всех судебных местах сделать печати, а именно: в губерниях и провинциях и в городах, которые имеют гербы, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской конторе, и с оных отослать те рисунки для рассылки во все судебные места в Юстиц-коллегию»[26]. Предшествующим указом «О форме суда» печать с гербом города вводилась в судебное делопроизводство. В результате этих указов город получал официальный символ, а создание герба города становилось делом государственной важности. Осуществить это мероприятие должно было государственное учреждение — Герольдмейстерская контора, а Сенат рассылал в различные ведомства предписания об оказании ей помощи в работе.

Герольдмейстерская контора, чтобы определить, какой герб имеется у города, разослала в губернские и провинциальные канцелярии анкету с вопросами о хозяйственном развитии подведомственных городов, их внешнем виде и отличительном знаке. Судя по сохранившимся в архиве документам, ответов на запрос Герольдмейстерской конторы пришло довольно много. Однако поразительное единообразие наблюдается в ответах на последний вопрос анкеты: ни о каких прежних городских гербах большинство провинциальных канцелярий не знало, причем отрицательно на этот вопрос ответили канцеляристы многих учреждений тех территорий, чьи эмблемы имелись в Титулярнике, изображались к этому времени на знаменах полков, размещенных в городах.

Собственно о гербах имеются сведения не более чем в десяти откликах с мест. Это, прежде всего, гербы прибалтийских городов, появившиеся у них во времена шведского владычества; некоторые украинские города предъявили гербы, пожалованные им ранее польскими королями. Пришли положительные сведения из Ярославля, Симбирска, Уфы и Казани. 9 января 1725 г. Ф. Санти получил донесение из Казанской губернской канцелярии. В нем содержался четкий ответ на последний вопрос анкеты: «А герб в городе имеетца татарских званей, на котором изображен змей, а около змея слова “печать великого государя”».[27]

Нет ничего удивительного в том, что казанцы быстро и четко ответили на вопрос центрального учреждения о гербе своего города. Если им не были знакомы печать 1577 г., Титулярник 1672 г., где изображался символ Казани, то с печатями, скреплявшими документы, выходящие из канцелярии воеводского правления, они, без сомнения, сталкивались. Как показали недавние исследования российских архивистов, казанские воеводы использовали «печать царства Казанского»

[25] РГАДА. Ф. 1363. Гр. Санти. Оп. 1. № 11. Л. 3.

[26] ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. № 4552.

[27] РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. № 377. Л. 26.

с 1591 по 1707 г.[28] Она прикладывалась к подорожным, проезжим грамотам и к наказам. Только в одном фонде «Грамот Коллегии экономии», хранящемся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), выявлено 29 оттисков однотипной казанской печати. Подобная печать обнаружена при документах из других архивных и музейных собраний. В казанских архивах, например, начиная с 1597 г. по 1650 г. к публично-правовым актам — документам договорно-распорядительного (грамоты ввозные, послушные[29]) вида — приложена однотипная черновосковая печать. Она обозначена как «государева царева и великого князя Феодора Ивановича (Алексея Михайловича) всеа Руси печать царства Казанского». На подлинниках сохранился черновосковой оттиск печати «с изображением крылатого змея». При одном документе имеется уточнение: «К грамоте приложена средней величины черновосковая печать с изображением Зилантова змея (с поднятою правой лапою)»[30]. Последнее уточнение подсказывает нам, что и на прочих казанских печатях этого времени крылатый дракон в короне изображался идентичным образом: влево от зрителя, с поднятой правой лапой. Во всяком случае, публикация казанских печатей 1596, 1637 и 1693 гг.[31] в XIX в. демонстрирует подобную композицию и детали эмблемы, хотя заметно, что рисунки, по которым изготовлялись матрицы печати в разное время, делала не одна рука.

Стабильность эмблемы «печати царства Казанского» соответствует упорядочению правил ее использования. Ее прикладывали к определенного вида документам (см. выше) исключительно казанские воеводы. Свияжские воеводы к различного вида актам, в том числе и к ввозным грамотам, прикладывали собственные печати, имеющие совсем другие изображения: скачущий вправо единорог, перекрещенный ружьем, единорог или грифон[32].

Подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин, бежавший в 1665 г. в Швецию, где описал «состояние Московского государства» в период правления царя Алексея Михайловича, в своем труде привел много сведений о российском делопроизводстве, в частности об оформлении документов, о гербах и печатях. Он писал: «А грамот и гербов на дворянства… (царь. — *Н. С.*) никому не дает, потому что гербов никакому человеку изложити не могут… Так же и у старых родов князей и бояр, и у новых истинных своих печатей нет. Да не токмо у князей и бояр, и иных

[28] Подробнее об этом см.: *Лукичев М. П., Станиславский А. Л.* Печать Казанского царства начала XVII в. // История и палеография. Сб. статей. М., 1993. С. 237. Авторы статьи ссылаются на текст: *Ураносов А. А.* Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления Русского централизованного государства: Дис. … канд. ист. наук. М., 1952.

[29] Документы по истории Казанского края. Казань, 1990. № 17—18, 28, 30, 32—33, 36, 40, 43, 45—47, 49, 67, 76.

[30] Документы по истории Казанского края. № 45.

[31] *Иванов* [*П. И.*] Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858. Табл. VIII, № 148; Табл. XIII, № 135; Табл. XIX, № 301.

[32] Документы по истории Казанского края. № 31, 56.

чинов, но и у всякого чину людей Московского государства гербов не бывает. А когда лучитца кому к каким писмам или послом к посолским делам прикладывать печати, и они прикладывают, у кого какая печать прилучилась, а не породная»[33].

Подобное сообщение не только информирует об отсутствии в Российском государстве в 60-е гг. XVII в. личных гербов, которые могли бы помещаться на дворянских печатях, что видел Г. К. Котошихин в это время за рубежом, но и о том, что у должностных лиц имелись печати, пусть не родовые, которыми они скрепляли служебные документы. У казанских воевод, как и у свияжских, скорее всего, они также существовали. Однако казанские воеводы использовали на службе «печать царства Казанского» с однотипным изображением — дракона в короне. Этот сюжет соотносится впоследствии с вербальным определением казанской печати: «прежних татарских званий». Значимость «печати царства Казанского», как следует из документов, связанных с ее хранением и функционированием, несомненно, выходит за рамки делопроизводственного компонента. Об этом свидетельствуют три акта, опубликованные М. П. Лукичевым и А. Л. Станиславским в 1995 г.[34] Первый документ — грамота казанскому воеводе князю Ю. П. Ушатому и дьяку Ф. Ф. Лихачеву о порядке хранения и использования печати Казанского царства. Она была послана царем Михаилом Федоровичем через четыре месяца после избрания его на царство. В тексте несколько раз используется слово «по-прежнему», по-видимому, чтобы подчеркнуть, что статус «печати царства Казанского» (а следовательно, и комплекс дел, решаемых с ее помощью) не должен быть подвергнут переменам несмотря ни на какие катаклизмы. Печать по-прежнему должна храниться в Казанской Разрядной избе (иначе — Съезжей палате) в особом ящике, запечатанном личными печатями двух воевод. Оформлены соответствующие документы (см. выше) должны быть от имени только первого воеводы. Его привилегией являлось право пользования «печатью царства Казанского».

Появление второго акта было вызвано нарушением принципов хранения и использования «печати Казанского царства». Вопреки правилам, которые запрещали выносить ящик с печатью из Разрядной избы, где первый воевода в присутствии второго воеводы и дьяков скреплял документы «печатью царства Казанского», по указанию казанского воеводы В. П. Морозова ящик с печатью «печатати отписки для государевых скорых отпусков» приносили к нему домой. Это считалось, по-видимому, серьезным нарушением. Во всяком случае, оно явилось причиной претензий В. П. Морозову со стороны другого казанского воеводы, В. В. Волынского, и обратило на себя внимание царя Михаила Федоровича и его отца, святейшего патриарха Филарета Никитича. Последние поручили расследовать инцидент специальным людям, подключив к расследованию даже казанского митрополита Матвея.

Наконец, третий документ, датированный 1627 г., представляет собой отписку боярина, казанского воеводы В. П. Морозова. В нем боярин признает, что ста-

[33] *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 49.

[34] *Лукичев М. П., Станиславский А. Л.* Печать Казанского царства начала XVII в. С. 241—245.

Миниматюра из «Казанского Летописца». XVI в.

рый подьячий и сторож из Разрядной избы приносили ему ящик с печатью «на его двор», но он запечатывал только начисто переписанные документы, предварительно обсудив их в «съезжей палате при товарище своем и при дьяках». Вслед за прикладыванием печати она немедленно, как писал В. П. Морозов, отправлялась в ящике в Съезжую палату.

Подобные меры предосторожности и охраны «печати царства Казанского» были предприняты после того, как она в период Смутного времени сыграла определенную роль в борьбе за власть различных политических группировок. В 1612 г. после смерти и бегства из Казани воевод власть в городе перешла к казанским дьякам, один из которых, Н. М. Шульгин, не без помощи такого удостоверительного средства, как печать, насаждал свою власть в Казанском крае, раздавая земли, жалованье и прочие льготы своим сторонникам. Фактически он претендовал на роль главы Казанского региона[35]. Поэтому не случайно сразу же после выборов царя Михаила Федоровича и немедленного ареста дьяка прежний порядок функционирования «печати царства Казанского» как символа стабильности региона был восстановлен.

Значение «печати царства Казанского» неоднократно подчеркивалось исследователями и в более позднем периоде — во второй половине XVII в. Она как символ местной власти передавалась при смене воеводского правления в первую очередь — одновременно с ключами от «каменного» и деревянного» города[36]. Система пользования печатью оставалась незыблемой. Однако, памятуя о конфликтах 1627 г., в наказах специально отмечалось, что «всякие дела печатать» можно было только в приказной палате, где вместе с первым воеводой, прикладывавшим печать, обязательным признавалось присутствие второго воеводы и дьяков («А на дворе у себя никаких дел не печатать»).

Столь бросающаяся в глаза регламентация «печати царства Казанского», особая значимость ее в делопроизводстве Казанского региона, неизменность символики вряд ли являлись случайностью. «Дела казанские» представляли для центра особый интерес и важность. Устойчивость казанской символики в эмблематическом поле Российского государства, кажущаяся, на первый взгляд, малозначимой, на самом деле является дополнительным показателем особой «заинтересованности и важности». Подобные детали, вплетаясь в контекст взаимоотношений «центра и региона», расширяют рамки этого контекста до проблемы политики русского правительства по отношению к Казанскому краю.

По наблюдениям С. М. Каштанова, «специфика казанской политики Ивана IV еще не была предметом специального изучения в исторической литературе»[37].

---

[35] *Лукичев М. П., Станиславский А. Л.* Печать Казанского царства начала XVII в. С. 239.

[36] *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. Казань, 1982. С. 109—110.

[37] *Каштанов С. М.* Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х гг. XVI в.: (по актовому материалу) // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 80: Из истории Татарии. Казань, 1970. С. 164.

В значительной мере этот пробел восполняют последующие работы, прежде всего исследование И. П. Ермолаева, где рассматривается система создания и эволюции государственных и местных органов управления Казанским краем, взаимодействия первых (прежде всего, Приказа Казанского дворца) и вторых; очень тщательно на основе актовых и делопроизводственных материалов выстраивается структура органов местного управления, определяются принципы их функционирования на протяжении второй половины XVI—XVII в. Автор, используя находящиеся в его распоряжении традиционные источники, пытается обозначить и политическую стратегию царя Ивана IV Васильевича в отношении Казани. И. П. Ермолаев пишет: «Нужно было решить такие задачи, которые еще не вставали перед российским царским престолом, — ведь Казань была не просто новым приобретением царя, она была центром экономически и политически развитого края с большим культурным наследием, края, долгое время игравшего ведущую роль на востоке и юго-востоке Восточной Европы, края с нерусским населением, к тому же исповедующим совершенно иную, чем христианство, религию — мусульманство»[38]. Определяя общую линию политической стратегии русского царя, исследователь, как и другие авторы, расставляет акценты на использовании несовпадения интересов различных групп местного населения, на насаждении православия, заигрывании с верхами татарского общества и т. д. В принципе подобная традиционная постановка вопроса основывается на концептуальной доктрине, обосновывающей причины присоединения Казанского ханства к Русскому государству, которая в отечественной и зарубежной историографии до сих пор остается спорной.

В настоящее время оформились два основополагающих воззрения на сущность процесса действий правительства царя Ивана IV Грозного в отношении Казанского ханства. Представитель российских историков считает, что угроза образования антирусского мусульманского союза была для царя настолько очевидной, что Россия, исходя из своих стратегических интересов, вынуждена была прибегнуть к завоевательному походу, чтобы решить вопрос о государственной безопасности[39]. Западноевропейские ученые делают акцент на экспансионистском характере политики Московского государства в отношении Среднего Поволжья, а затем Сибири[40]. В какой-то мере в контекст и тех и других воззрений входят традиционные доводы и аргументы, формирующие причины завоевания Казани (экономические — увеличение земельного фонда, овладение торговыми путями; военно-стратегические — защита от набегов, охрана восточных границ; религиозные и т. д.). Однако вторая концепция включает в себя очень существенный момент правового подхода к проблеме: в завоевании Казанского ханства просматривается

[38] *Ермолаев К. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. С. 11.

[39] *Бахтин А. Г.* Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // ВИ. 2001. № 5. С. 67—68.

[40] *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997. С. 22—35.

аннексия «суверенного государства, которое никогда не принадлежало Руси, а было составной частью империи Чингизидов, основанной в недрах Монгольской империи и исламского сообщества…»[41]

В подобной интерпретации проблемы существует много недостаточно исследованных вопросов, и вряд ли их можно столь же просто разрешить, как поставить. Однако уже сейчас нельзя не признать, что политические факторы, властная доктрина, забота о формировании определенного имиджа на европейском уровне явились очень существенным побудительным мотивом притязаний московского государя на владения Чингисидов.

Известно, какое огромное значение придавал царь Иван IV Грозный своему титулу, что особенно проявилось в период Ливонской войны, в спорах о прибалтийских землях между Россией, Польшей, Швецией. В этих спорах самое серьезное внимание уделялось вопросам титула, государственной печати и герба[42]. Так, воспользовавшись в 1572 г. шведско-датскими неурядицами, Иван IV Грозный потребовал «прислать образец герб свейской, чтобы тот герб в царьского величества печати был», а также — именовать его в титуле «Свейским». В ответ он получил от шведского короля Юхана III Вазы возражения, на что уверенно ответил: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся»[43].

Действительно, к середине XVI в. окончательно оформилась властная концепция, основанная на легенде происхождения русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который состоял в родстве не только с Августом, но и с Рюриком. Сосуществовала с ней и легенда о принятии Владимиром Мономахом от византийского императора Константина Мономаха царских регалий. Сколь бы ни были легендарными подобные факты, они обосновывали венчание на царство Ивана Грозного в 1547 г.

Наряду с панегирическими употреблениями термина «царь» применительно к русским князьям, начиная с XI в. наблюдаются вполне конкретные действия князей Северо-Восточной Руси в XV в. за право называться «царем». Это относится прежде всего к московскому великому князю Ивану III Васильевичу. Вступая в борьбу за объединение русских земель в единое государство, он придавал большое значение формированию своего имиджа и политического престижа как правителя суверенного государства. Имеются многочисленные свидетельства о стремлении этого великого князя поставить себя на один уровень с первым монархом Европы — императором Священной Римской империи[44]. Немецкий ученый Г. Алеф выстраивает убедительную систему доказательств борьбы Ивана III Васильевича за

[41] *Каппелер А.* Указ. соч. С. 22.

[42] Подробнее об этом см.: *Соболева Н. А.* О датировке большой государственной печати Ивана IV. С. 185.

[43] Сборник РИО. Т. 129. СПб., 1910. С. 213.

[44] *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // ВИ. 1979. № 6. С. 51—52.

императорский титул. Исследователь показывает действия великого князя в этом направлении внутри страны и главное — за рубежом, причем эти действия начались еще до женитьбы на Зое Палеолог (например, выпуск золотых монет в подражание известной европейской монете — венгерскому дукату). Сама женитьба, таким образом, вплетаясь в контекст притязаний на императорский титул, не являлась отправной точкой. Анализируя политику Ивана III Васильевича, Г. Алеф отмечает, что великий князь стремился к признанию его императором с момента вступления на престол, но «предпринял более решительные шаги после контакта с Габсбургами»[45]. Как известно, в результате этих контактов, а также в связи со складывающейся теорией знатного происхождения Ивана III Васильевича появилась его печать с двуглавым орлом — символом императорской власти. Ивана III Васильевича титуловали в дипломатических документах императором главы государств Швеции, Дании, магистр Ливонского ордена и др. Так же они называли и его сына, великого князя Василия III Ивановича, причем последнего называли императором в грамотах 1514 и 1519 гг. императоры Священной Римской империи Максимилиан I и Карл V, исходя из титулования его в русских грамотах царем[46].

В то же время и император Священной Римской империи, и папа римский неоднократно задавались вопросом о предложении русскому государю титула короля, соотнося наименования «царь» и «рекс»[47]. Причем подобные планы вынашивались и после коронации Ивана IV в 1547 г.

Для подкрепления своего права называться царем Иван IV Васильевич предпринял комплекс действий — от дипломатических (наказы послам требовать в различных странах, прежде всего в Польше, «писать» его в грамотах «царем») до атрибуционных (создание «трона Мономаха» — царского места в Успенском соборе Московского Кремля).

Думается, что в ряд этих действий можно поставить и завоевательные походы в «царства» Чингисидов. Здесь мы сталкиваемся с проблемой «московской царственности», новые подходы к которой демонстрируют в настоящее время некоторые отечественные (М. Б. Плюханова, А. А. Горский) и зарубежные (А. Каппелер) исследователи. Коснемся лишь моментов, имеющих отношение к тематике статьи.

М. Б. Плюханова отмечает, что понятие «царство» было основополагающим для русских книжников, «если нужно было осмыслить судьбу страны во вселенских масштабах»[48]. Термин же «царь», как известно, имел непомерную притягательность для русских правителей начиная с Владимира Святого, который не случайно титуловался каганом (царем, императором). Славянское понятие «князь» на многие столетия вошло в русскую государственность, и в правовом плане русские князья (даже великие) не воспринимали себя как цари, сколько бы ни

[45] *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III. Berlin, 1986. P. 82—89.

[46] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 75—77.

[47] Подробнее об этом см.: *Успенский Б. А.* Царь и император. М., 2000. С. 45—48.

[48] *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 7.

титуловали их подобным образом публицисты. До определенного времени царями для Руси являлись византийские императоры, а затем легитимные правители Золотой Орды[49], которые и воспринимались как цари, ибо обладали верховным сюзеренитетом. А. А. Горский, утверждая, что с «правящим царем» у московских князей было практически одно открытое столкновение, объясняет это следующим образом: «"Комплекс царя", психологический барьер, из-за которого было сложно заставить себя вести активные военные действия против "главного" татарского хана, в течение более чем двух столетий считавшегося правителем более высокого ранга, чем кто-либо из русских князей, продолжал существовать»[50] (имеется в виду время Ивана III Васильевича). «Комплексом царя» можно объяснить и присутствие на знаках власти, каковыми являлись монеты русских князей, то татарского знака «плетенки», то совместно со специфическим монетным изображением арабской надписи и имени хана[51].

По наблюдениям А. А. Горского, на Руси и после развала Золотой Орды правителей образовавшихся ханств продолжали называть царями[52]. Поскольку в глазах европейцев венчание Ивана IV Васильевича на царство могло выглядеть как самозванчество, а в легенды о получении царского достоинства от «греческих царей» его предками, по-видимому, зарубежное высшее общество также не особенно верило, Ивану IV Васильевичу «приобщиться к царственной силе» предстояло другим путем. Этот путь нашел отражение в ряде русских и зарубежных, переведенных на Руси, произведений. Воплощался он в завоевании «царства», которое давало завоевателю легитимное право называться «царем»[53].

Отмечая факт завоевания «царств» Казани и Астрахани в дипломатических документах, Иван IV Васильевич особо подчеркивал значение этих мест, где «изстари цари велись», для «оправдания» принятого им царского титула. Так, московским послам надлежало передать королю в Литву, что «царство Казанское взято и потому Иоанн сделался царем»[54].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[49] *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская…» М., 2001. С. 136—137.

[50] Там же. С. 146.

[51] Подробнее об этом см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 276—278.

[52] *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская…». С. 157.

[53] *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 171—190; *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская…» С. 147, 158; *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 51; *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя… С. 26. Автор пишет: «Казань и Астрахань как резиденции легитимных наследников Чингисхана, которых в России называли царями, могли значительно увеличить славу и усилить притязания московского царя». См. также: *Каппелер А.* Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 96: «Престиж царей-чингизидов, подданными которых русские были более двух столетий, стал существенным элементом ранней имперской идеологии России».

[54] *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 3. М., 1989. С. 499.

М. Б. Плюханова, проанализировав и осмыслив в указанном выше контексте изначальную «Казанскую историю», роль казанского похода в воцарении Ивана IV Грозного, приходит к выводу, что в этом памятнике очень четко изложен смысл действий московского царя: «ревнуя подвигам старых князей, Иван, достигший царского венца и титула, совершит высший подвиг — окончательно возьмет то, что уже брали и не удержали князья — царство Казань — царственный град». По ее мнению, отныне Казань приобретает символический статус как «источник русского царения». В подобном качестве город воспринимается как в официальных (прежде всего в дипломатических) кругах, так и в народной среде. Об этом свидетельствует фольклор, в котором поход на Казань ассоциируется с началом Московского царства[55].

Фольклор, связавший возникновение Московского царства с Казанью, оставил также сюжет адекватности возникновения Казани и Московского царства. М. Б. Плюханова объясняет сюжет идеей «строительной» жертвы — пролитие царской крови на месте «царства». Эта идея не была свойственна русской мифологии. Автор находит аналоги «Песни о гневе Грозного на сына» в фольклоре казанских татар, у которых существовало предание о неминуемой смерти ханского сына на месте, выбранном для строительства Казани. Однако слуги убили вместо царевича собаку, которую закопали на территории будущего города[56].

Символично «неучастие» Казани в «политическом маскараде», который устроил Иван IV Грозный, короновав в 1575 г. в Успенском соборе Кремля «великим князем всея Руси» крещеного татарского хана Симеона Бекбулатовича. Сам же царь именовался Иваном Васильевичем Московским. Поделенное на две части государство принадлежало: «великому князю Симеону Бекбулатовичу — одна часть, вторая — ("удел") Ивану Московскому. Однако на землях бывшего Казанского ханства власть осуществлялась от имени "царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси"»[57]. По-видимому, это была запретная для подобных «экспериментов» территория.

Большинство исследователей эпохи Ивана Грозного пишут о последовавшем за взятием Казани строительстве православных церквей на территории бывшего Казанского царства. Для их сооружения привлекали лучших русских мастеров. В частности, работы на территории Казанского кремля проводил пскович Барма.

Однако почему же в архитектурных формах этого зодчего нет характерных для псковских храмов особенностей? Напротив, многие исследователи отмечали, что

[55] *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 188—189.

[56] Там же. С. 162—163. П. Заринский упоминает предание, записанное в XVII в., в котором содержатся сведения о «чудных животных», обитающих на месте Казани — змей Зилант, и Москвы — «змей превеликий и троеглавый, видом прекрасный». Грек Василий, бывший в свите князя, объявил ему, что на этом месте «будет град велик и распространится царство треугольное» (*Заринский П.* Старинные сказания об основании Казани. Казань, 1880. С. 72).

[57] *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. С. 127—128.

Полиморфное существо, вырезанное на золотом перстне царя Калояна. Начало XIII в. Болгария

московский памятник является венцом татарского влияния на русскую архитектуру, напоминая разрушенную мечеть Кул-Шериф с ее восемью минаретами, о которых с восторгом писал Марджани[58].

Идея постройки русского храма в честь победоносного похода царя Ивана IV Грозного не может вызвать удивления, однако его необычная форма и изысканная полихромия заставляет многих специалистов увидеть в этом архитектурном памятнике аналог мусульманского зодчества. Является ли храм Василия Блаженного только эмблемой подчинения мусульманской Казани христианской Руси? Как пишет М. Г. Худяков, историки русского искусства, в частности И. Э. Грабарь, увидели в подобной постройке около Московского Кремля идею, возможно внушенную царю митрополитом Макарием, «глубоким духовным ученым, художником, мыслившим образами и сопоставлениями», идею неразрывной связи Москвы и Казани.

Символичность политики русских в отношении Казани, высвечивающаяся наряду с реальными действиями в завоеванном Казанском крае, выходит за рамки этих действий. Символику «приверженности к Казани» можно, по-видимому, объяснить ментальностью русских, базирующейся на прежнем почитании правителя «царства», которое уступило пальму первенства Московскому царству.

Одним из следов «комплекса царя» остается на много десятилетий «печать царства Казанского» с неизменным коронованным драконом.

При императоре Петре I Российское государство «взяло курс на форсированную интеграцию этносов бывшего Казанского ханства»[59], в результате которого нерусское население Казанского края лишилось многих прав и традиций, с которыми до сих пор правительство еще считалось. Показательно в этом плане изменение надписи на казанской печати: вместо «печать царства Казанского» в легенде появились слова «печать великого государя».

Идеи просвещенного абсолютизма, которыми руководствовалась императрица Екатерина II, повлияли на признание русским правительством права народов Поволжья на культурную и конфессиональную самостоятельность, так что для Казанского края наступил период социального возрождения.

Почти во всех работах этого времени, а особенно — в XIX в., посвященных истории Казани, появляются сюжеты о гербе города.

А. Х. Халиков помещает в одной из своих работ таблицу, в которой указаны авторы, использующие татарские легенды. Первыми названы путешествующие в XVIII в. по Казанскому краю П. И. Рычков, а также И. Г. Георги, который в начале 1770-х гг. был в России, посетил Казань. В 1774 г. он записал одну из легенд о воз-

[58] Подробнее об этом см.: *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 252—253.

[59] *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя… С. 29—30.

никновении города. Вплоть до начала XX в. (легенда, записанная С. Г. Вахидовым) у различных путешественников, фольклористов и историков повторяются сведения о змеях, двуглавом змее, крылатом змее-драконе, улетевшем, погибшем, сожженном и т. д. Почти в каждой легенде подчеркивается, что «хан избрал в качестве герба Казани дракона»[60].

Следует отметить, что никого из авторов не интересовала форма дракона в гербе, видоизменение крылатого змея на протяжении столетий, изображение его на различных предметах, в том числе на печатях и знаменах.

Форма дракона различна в XVII и XVIII вв. Дракон воеводских печатей XVI—XVII вв. отличается от ползущего дракона из Титулярника 1672 г. Отличен дракон, помещенный на знаменах пехотного и драгунского казанских полков, которые начали изготовлять по приказу Петра I в 1712 г., и — помещенный на знаменах казанских полков (пехотном, драгунском, гарнизонном) 1730 г. В первом случае полотнище знамен было красным «с изображением в верхнем углу, у древка, золотого дракона»[61]. Во втором случае речь идет о гербах, составленных в ведомстве генерала графа Миниха для военных знамен: «В золотом щите, на белом поле, черный змей, с красными крыльями под золотою короною Казанского Царства»[62]. Впервые здесь упоминается казанская корона. Однако по форме она отличается от тех, которые ранее увенчивали дракона на казанских печатях, а также — от короны на голове дракона в официально утвержденном в 1781 г. казанском гербе. Этот дракон не только короной, но и другими деталями (например, стреловидным языком) отличается от изображений на полковых знаменах.

Можно заметить, что в XVIII в. (или в самом конце XVII в.) казанский дракон принимает постоянную форму — он стоит на двух передних лапах, опираясь на свернутый кольцом хвост. Подобным образом дракон выглядит не только на знаменах, но и на клеймах, в обязательном порядке ставящихся на изделиях из драгоценных металлов. Казанские пробирные клейма известны с 1742 г.[63]

Некоторые цветовые детали были внесены в изображение казанского дракона при создании герба Казанской губернии во второй половине XIX в. Согласно указу от 5 июля 1878 г.[64] вводимый герб Казанской губернии имел следующий вид: «В серебряном щите черный коронованный дракон, крылья и хвост червленые (красные. — *Н. С.*), клюв и когти золотые; язык червленый. Щит увенчан императорскою короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою». Некоторые элементы герба Казанской губернии введены в сегодняшний городской герб Казани.

◇◇

[60] *Халиков А. Х.* О времени, месте возникновения и названии города Казани. С. 10—11.

[61] Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб., 1899. С. 59.

[62] Там же. С. 106.

[63] *Постникова-Лосева М. М.* Русское ювелирное искусство: его центры и мастера. XVI—XIX вв. М., 1974. С. 238.

[64] ПСЗ. Собр. 2. Т. 53. № 58684.

Воссоздание по рисункам казанской эмблемы показывает, что ее графическое воплощение зависело от навыков и мастерства художника. Этот художественный ракурс не являлся приоритетным при исследовании казанского герба. Однако именно на художественной форме герба акцентировали внимание некоторые современные авторы, посвящавшие свои работы казанской символике в годы, предшествующие тысячелетнему юбилею Казани. Дракон казанского герба казался им исключительно карикатурным, «сочиненным» мифическими «московскими геральдистами XVI в.», попранным святым Георгием Победоносцем[65]. Не принималась почему-то во внимание «царственность» казанского дракона, обозначенная, как отмечалось выше, короной. В результате этого казанский дракон выпадает из контекста Чуда Георгия о змие и змееборчества русского царя.

«У наших предков не было "своего дракона"», «в фольклоре и литературе татарского народа дракон (аждаха) всегда олицетворяет злую силу», «образ дракона Казанскому ханству "подарен" с целью унижения» — подобные заявления лишены научности и странно звучат в дискурсе истории.

В историографии не существует однозначного ответа на вопрос о возникновении символа. Исследователи не исключают зависимости художественного образа от реальности. Так, А. В. Рыстенко, изучавший легенду о змееборстве Георгия Победоносца, писал о «фигуранте» этой легенды — драконе следующее: «Было бы преувеличением утверждать, что драконы принадлежат к области сказок. Как бы ни был фантастичен народный рассказ, всегда он основывается на чем-нибудь реальном, на фактах. Сходные условия местности могут быть причиной независимого создания похожих рассказов о змееборстве»[66]. Реальная фауна, таким образом, может повлиять на создание мифа; последний может устно передаваться потомкам на протяжении столетий, в результате — записан, чтобы затем воплотиться в изображение, символ и проч.

В Казанском крае мифы о чудовищных змеях приурочены не только к территории Казани, но и к другим регионам: устье р. Зая, где было древнее поселение болгар; село Рождественское-Ямаши (Змеиный ключ); село Чурилино (около города Арска?); Чертово городище около города Елабуги. Этот список мест, где существуют легенды о чудовищных и летающих змеях, приводит М. Г. Худяков на основании различных источников, в том числе и собственных записей рассказов местных жителей[67].

Дракон не всегда предстает в сказаниях только в отрицательном образе. В легенде, связанной с Чертовым городищем, в которой сказано, что здесь живет бес-змей, а место это является «старых болгар молбище жертвенное». Приходят сюда люди со всей Казанской земли и исцеляются от недугов, получают предска-

[65] См., например: *Ханзафаров Н. Г.* Символы Татарстана: (мифы и реальность). Казань, 2001. С. 84—86.

[66] *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса, 1909. С. 452.

[67] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 214.

зания о своей судьбе, особенно отправляющиеся на битву[68]. Неоднократно персонажи эпоса отмечали, что огромные змеи-драконы не приносят вреда людям[69].

Археолог А. А. Формозов, рассматривая вопросы изобразительного искусства в эпоху бронзы, обращает внимание на сосуд из села Полянки Казанской губернии. Он был обнаружен в 1881 г. при раскопках курганов срубной культуры. Одной из составных частей орнамента сосуда является змея с разинутой пастью, ползущая навстречу коню. В I тыс. н. э. в районах, близких к могильникам у с. Полянки, найдены еще предметы, относящиеся к культовым представлениям, связанным со змеями. Это бляхи, на которых изображен конь, а затем всадник, топчущий змею[70]. А. А. Формозов был склонен видеть в подобных древних сюжетах прообразы верований народов, обитавших здесь в позднейшее время, отраженных затем в легендах и мифах. «Вообще у татар Поволжья, — пишет А. А. Формозов, — легенды и поверья о змеях многочисленны. Из них интересны поверья, где отмечается связь змей с водой».

Древность «змеиных» сюжетов, которая подтверждается археологическими находками в данном регионе, не исключает и других составляющих феномена устойчивого образа дракона в Среднем Поволжье, в частности последствий контактов этого региона со средне- и малоазиатскими государствами. Еще П. Заринский отмечал влияние древнеазиатских сказаний на татарские мифы о двухголовых змеях-драконах. Находки произведений искусства иранского и среднеазиатского производства, в том числе на территории Волжской Булгарин, служат материальным подтверждением этих контактов[71].

Подобные изделия несут изображение дракона, встречающееся, например, на бляшке поясного набора из Больше-Тиганского могильника, который Е. А. Халикова датирует концом VIII — первой половиной IX в.[72] В трактовке дракона, как пишет автор, «ощущается влияние восточного, и в частности иранского, сасанидского искусства».

Внимание археологов и историков искусства давно привлекает бронзовая бляха, датируемая VIII—IX вв., с изображением полиморфного существа с головой собаки, туловищем льва, лапами орла и хвостом змеи. По-видимому, эта бляха носилась на одежде в качестве охранительного амулета. Исследователи с уверенностью

[68] Подробнее об этом см.: *Заринский П.* Старинные сказания об основании Казани. С. 69; *Давлетшин Г. М.* Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период, X — начало XIII в. Казань, 1990. С. 100.

[69] *Давлетшин Г. М.* Волжская Булгария: духовная культура. С. 100.

[70] *Формозов А. А.* Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // СА. 1958. № 2. С. 139—142. См. также: *Спицын А. А.* Шаманские изображения // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. 8. Вып. 1. СПб., 1906. Серебряное изображение всадницы из деревни Загорье (рис. 228) А. А. Спицын датировал X в., а изображение всадницы на рис. 231 — VIII—IX вв.

[71] *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909; *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. VIII—XIII вв. М., 1976. С. 31 (и далее).

[72] *Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 170—171.

относят бляху к произведениям местного раннебулгарского искусства. О местном происхождении говорит и форма, типичная для многих изделий булгарских мастеров, и художественное решение — голова собаки со свисающим в сторону языком (культ собаки хорошо известен булгарам), орлиной формой лап и т. д. «Изображения собаки и орла (сокола), степного сайгака и змеи отражали среду и вкусы степняка в течение многих веков его кочевой жизни. Будучи тотемами, эти существа в последующем развитии языческих представлений вошли в образ полиморфного чудовища», — справедливо отмечает Ф. Х. Валеев[73]. Так же справедливо и то, что в интерпретируемом местными мастерами образе отразились черты восточноазиатского дракона, привнесенные «гунно-болгарами из мест их прежнего обитания до появления в районах Восточной Европы»[74].

Самобытная трактовка полиморфного драконообразного существа на казанской бляхе очевидна, однако с точки зрения концептуального (сущностного) понимания этого образа, который характеризуется феноменологически выраженным фантастическим сочетанием разнородных черт, ясно, что он избран для символического обозначения важнейших понятий в жизни человека, общих и специфических для различных пространств, жизненных условий и т. д.[75] В зависимости от этих параметров художественная интерпретация дракона может быть разнородной или обладать идентичными чертами.

В качестве аналога булгарскому чудовищу можно назвать «фантастическое существо», изображенное на золотом перстне-печати, обнаруженном в погребении в Болгарии в 1972 г.[76] Круговая легенда КАЛОЯНОВ ПРЪСТЕН определяет его владельца. По предварительным данным болгарских исследователей, перстень принадлежал царю Калояну, умершему в XIII в. В определении фантастического зверя единства среди болгарских ученых не наблюдается: одни видят в нем хищного зверя с головой дракона, другие — просто дракона. Скорее всего, правы последние, и чудовище представляет собой «реплику» отдаленных языческих верований дунайских болгар, отголосок их прошлой кочевой жизни.

Магическая, «защитная» роль дракона, нашедшая отражение в персонифицированном украшении, коррелируется с символикой змей и драконов в изобразительном искусстве Болгарии. В исследованиях болгарских ученых отмечается двойственность восприятия этого существа в обыденной жизни и в церковном искусстве. Оценочная характеристика змеи в обыденной жизни противоречива: с одной стороны, змеи нагоняют страх, являются предвестниками беды, с другой —

[73] *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство народов Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. С. 101.

[74] *Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань, 1984. С. 80.

[75] Подробнее об этом см.: *Чеснов Я. В.* Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культы, обряды зарубежной Азии. М., 1986. С. 59.

[76] *Дерменджиев Х. П.* По някои въпроси относно интерпретацията на материалите, установени в погребение № 39, и неговата датировка // Изкуство Софии. 1976. № 9. С. 38—45.

как объект мифопоэтического творчества змея воспринимается исключительно позитивно. Известны фольклорные «празднества в честь змеи»: ее изображение встречается в украшениях жилищ (в солнечном круге), в верхней части домашних иконостасов, на перстнях, свадебных подарках, воплощая пожелания счастья, здоровья, спокойного домашнего очага[77].

Широко распространен в Болгарии обычай изображения фигур грифона, сирены, но прежде всего змей и драконов в качестве резных украшений ворот и порталов церковных и монастырских зданий, верхней части иконостасов — как стражей храмового пространства. Исследователи подчеркивают, что в фольклоре, а именно народные представления отражены в рельефах храмовых и монастырских построек, чаще всего деревенских, нет естественного изображения змеи, напротив, нередко она изображается с двумя, даже семью головами, т. е. используется ее фантастический образ как «заклинательный знак и магический символ»[78].

Наряду с чудовищными и фантастическими персонажами, выступающими в качестве «охранителей» сакрального пространства, последнее защищается и антропоморфными фигурами — архангелами с копьями и мечами, конными святыми, среди которых имеется и Георгий Победоносец, поражающий дракона[79].

Таким образом, дракон предстает в разных ипостасях. Их количество значительно увеличивают и другие примеры, как то: в деревянной резьбе одного из иконостасов представлены две змеи, поддерживающие своими зубастыми пастями концы христианского креста (намек на сопричастность к небесам), с хвостами, переходящими в цветы и растения, заполняющими всю поверхность иконостаса, что рассматривается как символическая связь змееобразных существ с растительным миром, с живой природой[80].

При осмыслении символики дракона, который может считаться дальнейшим развитием образа змеи, подчеркивается его устойчивая связь с растительной орнаментикой, указывающей на то, что «драконов представляли дарителями жизни, хранителями вод, а это значит, что они обеспечивали плодородие»[81].

Иной смысл вкладывается в образ дракона, изображенного на ранних англосаксонских монетах. Использование его в качестве монетного изображения объясняется влиянием местных древних верований, в которых германский бог, чудовищный Вотан (Водан — Один), носитель магической силы, играл важную роль[82].

Все этапы генезиса образа дракона, этой универсальной символической фигуры, считающейся в настоящее время наиболее популярной из всех других

[77] *Ангелов В.* Мит и фолклор. София, 1999. С. 69—71.

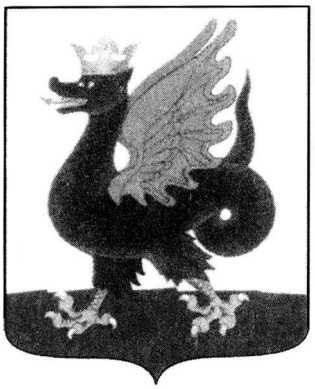
[78] Там же. С. 130—131, 217.

[79] Там же. С. 131.

[80] Там же. С. 74.

[81] *Чеснов Я. В.* Дракон… С. 68.

[82] Подробнее об этом см.: *Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 28—29.



Современный герб Казани

синкретических существ, ибо является распространенной в мифологии разных стран мира[83], проследить вряд ли удастся. Корни его уходят в праисторические времена, и в мифологии многих стран он существует изначально как космический образ, наделенный магической сверхъестественной силой. В мифах о сотворении мира дракон предстает в виде врага, с которым сражаются сначала боги, а затем герои. В легендах победитель дракона добывает клад или освобождает похищенную богиню или царскую дочь. Истоки подобного восприятия дракона (драконоборчество), как предполагают исследователи, восходит к шумерским источникам IV—III тыс. до н. э. Отсюда многие детали легенд проникли в греческую и раннехристианскую мифологию[84]. В библейской символике дракон — один из самых распространенных образов зла, с которым расправляются святые воины, в том числе Георгий Победоносец. В средневековой агиографии победа над драконом знаменует победу над язычеством, защиту христианства. Сюжет чрезвычайно широко распространен в западноевропейском искусстве, а также на Руси, принесенный сюда византийским иконописным и литературным искусством.

Этот сюжет фиксируют русские средневековые печати и монеты, он включен в современный российский герб. На печати 1577 г. всадник, поражающий дракона, изображен в короне, и некоторые исследователи считали, что он имел портретное сходство с Иваном IV Грозным[85].

Данное изображение продолжает христианскую традицию воплощения «змееборчества», оно имеет отношение к общей композиции печати, но не к изображению на «печати царства Казанского». Хотя, как отмечалось выше, в Казанском крае существовали предания, в которых рассказывалось об «укрощении» змеев-драконов, ханом направлялся герой для борьбы с чудовищем, упоминались и археологические находки, которые фиксировали попрание змеи конем, возможно представляя местную интерпретацию среднеазиатских мифов.

Наряду с шумеро-аккадской традицией змееборчества, основанной на характеристике дракона как символа зла, существует восточная, прежде всего китайская, традиция восприятия дракона. В противоположность западноевропейскому дракон в Восточной Азии в большинстве случаев считается символом счастья. «Восточный дракон не является ужасным монстром, плодом средневекового воображения. На Востоке он является гением и символом силы и доброты». Дракон — «это дух

[83] *Чеснов Я. В.* Дракон… С. 59.

[84] *Крамер Сэмюэл Н.* История начинается в Шумере. М., 1969. С. 205.

[85] *Спасский И. Г.* К прижизненной иконографии Ивана Грозного // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 41. Л., 1976. С. 49—53.

изменения, а потому дух самой жизни» — это только одно из многих определений восточного дракона, которое ему дают исследователи на основании китайских легенд и словарей[86].

Огромное количество работ написано о китайском драконе, причем в каждой из них отмечаются различные его положительные качества, проявляющиеся во взаимодействии с людьми. Особенно ценилась его причастность к воде, которую дракон дарил людям. Издавна дракон вызывал поклонение китайцев, как они считали, с момента существования древнего рода «лун» — «дракон». Он наделялся сверхъестественной силой перевоплощения и передвижения, мог быть видимым и невидимым, крылатым и бескрылым, однако всегда обладал способностью подняться ввысь, взлететь. Дракон, по верованиям китайцев, мог опускаться на дно морское. Народная легенда утверждала, что на дне моря хранятся бесчисленные сокровища, принадлежащие царю-дракону. Отсюда выражение: «Богат, как царь-дракон»[87].

Итак, восточный дракон обладал значительно большим количеством функций, чем дракон, утвердившийся в Западной Европе. Поэтому восточный дракон в своем изобразительном варианте объединяет атрибуты минимум девяти существ[88], чего не было у западного дракона, претворившего ближневосточную форму. Выше отмечалось, что на бляхе, обнаруженной в Казанском крае, дракон также объединяет атрибуты четырех или пяти существ.

К самым положительным качествам китайского дракона относится тот факт, что со времени династии Хань (III в. до н. э.) дракон был символом императора. Словом, исследователи китайской мифологии и культуры сходятся на том, что дракон в китайской традиции, в отличие от европейской, всегда трактовался как символ добра, мира и процветания. Дракон воспринимался на Востоке как помощник, дающий людям воду и богатство, т. е. благополучие[89].

Могла ли трактовка китайского дракона каким-либо образом включиться в верования народов Среднего Поволжья, воплотившись в притягательный символ защитника, покровителя, хранителя всех водоемов, спутника благоденствия людей? Кажется, положительный ответ на этот вопрос можно обнаружить в находках предметов с изображением дракона «китайского типа» в районе Уфы, Великих Болгар, о чем писал еще Н. П. Кондаков[90]. В могильнике близ Уфы обнаружена бронзовая бляха с двумя драконами, поднявшимися на своих узловых сплетениях по сторонам священного дерева. Н. П. Кондаков пишет: «Основной смысл изображения эмблематической пары драконов заключается, конечно, в зна-

[86] *Вильямс К. А.* Энциклопедия восточного символизма. М., 1996. С. 99—108.

[87] *Сидихменов В.* Дракон — древний символ Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1990. С. 148—149.

[88] *Васильев Л.* С. Культы, религии, традиции Китая. М., 2001. С. 407—408.

[89] *Иванов В. В.* Дракон // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 394.

[90] *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 141—148.

чении общего амулета или талисмана, но помимо того, тип эмблемы относится к геральдике крайнего Востока».

Исследователь сообщает о специфических амулетах с изображением свившегося дракона, с хвостом в виде птичьей головы и шеи, найденных в Сибири, и заключает: «К этим фактическим указаниям мы должны прибавить, что большие сережные лунницы из Великих Болгар… представляют явно маску того же дракона».

Наконец, очень важным представляется замечание Н. П. Кондакова об использовании монголами сходного с китайским дракона: «Китай, приняв дракона как эмблему, сближавшую его с древнею отчизною былого кочевья, находил у монгольских владык ту же эмблему пары священных драконов, гармонию суши и воды на их тронах». Описание кресла Чингисхана и других монгольских правителей, украшенных фигурами свернувшихся драконов[91], подтверждает слова Н. П. Кондакова так же, как и использование драконов в качестве архитектурных украшений в древнемонгольских городах[92].

Изложенный выше материал, не претендующий на «истину в последней инстанции», тем не менее, на основании корректировки различных источников, на наш взгляд, позволяет по-новому осмыслить историю «казанского дракона». Эта эмблема, несомненно, генетически связана с полиморфным мифологическим существом, обладающим разноплановой символикой, знакомой населению Волжской Булгарии. Трансформируясь в народном сознании, дракон остался на века в местной мифологии как «аждаха», входя в этом качестве в герб Казани.

[91] *Мэн-да бэй-лу.* Полное описание монголо-татар. М., 1975. С. 76.

[92] Древнемонгольские города. Ч. 3. М., 1965.

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ И СФРАГИСТИКА

К ВОПРОСУ ОБ УДОСТОВЕРЕНИИ РУССКИХ АКТОВ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОРИМСКОГО ПРАВА

Малоизученной в русском средневековом праве остается проблема эволюции и развития юридической значимости печатей. Впервые вопрос о «праве печати» поставили глоссаторы канонического права, основываясь на папской доктрине развития документов, по которой печати отводилась роль критерия подлинности и достоверности последних. Особая значимость придавалась декреталию папы Александра III (1167—1169)[1]. В нем определялось, что только документы, составленные нотариусами или скрепленные аутентичной (подлинной, достоверной) печатью, следует считать веродостойными. Точное определение аутентичной печати нельзя найти ни у одного толкователя канонического права. Между ними существовали разногласия: как определить понятие *sigillum authenticum*, каков круг сановных лиц, чьи печати можно было принять за аутентичные[2].

На этот факт указывают ряд западноевропейских исследователей, занимающихся изучением вопроса о роли документа в судебном доказательстве в эпоху феодализма. Однако у них не вызывает сомнения, что именно под влиянием канонического права утверждается статус печати как критерия достоверности документа, заменяющей в этом плане показания свидетелей и собственноручную подпись на документе, существующую в качестве удостоверения со времен античности. П. Еханек пишет: «С уверенностью можно сказать одно: эти указы (папские. — *Н. С.*) утвердили повсеместно раз и навсегда печать как средство удостоверения, а для территории к северу от Альп на долгое время и как единственное средство удостоверения. В них были сформулированы твердые критерии гарантий документальных записей. Эти указы освобождали документ, заверенный печатью, от бремени остатков архаического способа удостоверения, которые еще существовали вначале. Эти указы превратили документ, заверенный печатью, в рациональный

[1] *Johanek P.* Zur rechtlichen Funktion von Traditionsnotiz, Traditionsbuch und früher Siegelurkunde // Recht und Schrift im Mittelalter / Hrsg. von P. Classen. Sigmaringen, 1977. S. 159—160; *Trusen W.* Zur Urkundenlehre der mittelalterlichen Jurisprudenz // Ibid. S. 206—207.

[2] *Redlich O.* Die Privaturkunden des Mittelalters // Urkunden lehre. München; Berlin, 1911. T. III. S. 112; *Ewald W.* Siegelkunde. München; Berlin, 1914. S. 42.

процессуальный инструмент доказывания, которого требовало вновь создаваемое церковное право и который соответствовал сложным общественным отношениям позднего Средневековья»[3].

С течением времени аутентичными печатями каноническим правом стали признаваться печати всех духовных корпораций и сановников, включая приходских священников. Право аутентичности почти одновременно распространялось также на печати светских князей[4].

По-видимому, под влиянием норм канонического права[5] понятие «право печати» находит отражение уже с XIII в. в светских законодательных памятниках ряда европейских стран. Так, в Швабском зерцале, известнейшем немецком юридическом памятнике, делается различие между печатями, обладающими силой доказательства в широком смысле (для документов, посылаемых за пределы собственных владений) — эго печати пап, королей, церковных и светских князей, а также прелатов, капитулов, конвентов, — и печатями, предназначенными для внутреннего употребления. Печати прочих «господ» имели силу только в делах их собственных и подчиненных им лиц[6].

Статьи о печатях данного законодательного памятника являются отражением существовавшей в то время в Европе юридической практики, которая сталкивалась со все возрастающим количеством и разнообразием скрепляющих документы печатей. Средневековый юрист, имея в руках грамоту с печатью, рассматривал ее как свидетельство и доказательство того, что грамотой скреплено обязательное юридическое действие, о котором объявлено в соответствующей компетентной инстанции, зафиксированное письменно на вечные времена. В этом плане доказательная сила запечатанной грамоты была гораздо значимее доказательной силы свидетельских показаний. Подлинность документа с печатью могла подвергнуться проверке только в том случае, если форма текста или печать давали повод для сомнения. Большое значение придавалось сохранности печати: в транссумптах (копиях) XIII—XIV вв. постоянно встречаются формулы, свидетельствующие, что печать оригинала находится в полной сохранности. Перед списком с текста грамоты давалось точное описание печати — изображения и легенды (надписи). Грамоты с поврежденной либо утраченной печатью нуждались в подтверждении их правовой силы иными средствами. Если права, предоставляемые грамотой, отменялись, то символически это выражалось в отрезании висящих на нитях печатей.

Помимо Швабского зерцала правовое значение печати отражалось и в других законодательных памятниках XIII—XIV вв. В Золотой булле 1222 г. короля Эндре, утверждавшей привилегии венгерского дворянства, королевская печать

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[3] *Johanek P.* Zur rechtlichen Funktion… S. 162.

[4] *Ilgen Th.* Sphragistik // Grundriss der Geschichtswissenschaft. Leipzig, 1906. Bd. 1. L. 2. S. 360; *Kuczyński S. K.* Pieczęcie książąt Mazowieckich. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. S. 27.

[5] *Trusen W.* Zur Urkundcnlehre… S. 206.

[6] *Ilgen Th.* Sphragistik. S. 360; *Kittel E.* Siegel. Braunschweig, 1970. S. 128.

употребляется в качестве утверждающего средства[7]. Статут адриатического острова Корчулы XIII в., древнейший после Русской Правды памятник славянского права[8], фиксирует использование в судопроизводстве так называемой *sigillum citationis* (Ladungssiegel — «печать вызова»). В правовом памятнике средневековой Чехии XIII — начала XIV в. — Рожмбергской книге, которая представляет собой и юридический сборник, и руководство по практическому применению правовых норм, зафиксировано обязательное использование земской печати в качестве символа судебной власти, при помощи которой осуществлялся вызов ответчика по иску жалобщика[9]. Чешские исследователи отмечают, что функция этой печати была вполне определенной: она служила только знаком вызова на суд и не выступала в качестве утвердительного знака грамот[10] (грамоты скреплялись королевской печатью). Указание на «знак судьи» встречается также и в первом писаном своде норм польского обычного права — Польской Правде XIII в.[11] Этот факт позволил польским ученым заявить о существовании в раннефеодальном польском государстве специальной печати для вызова на суд[12]. Законодательный памятник Польши XIV в. — Статут короля Казимира III 1347 г. — содержит специальную статью «О печати отцевской детям», устанавливавшую порядок оформления (скрепления печатью) документа, касавшегося одной семьи[13].

Можно привести и другие примеры, подтверждающие упрочение правового статуса печати путем включения соответствующих статей в различные европейские средневековые законодательства. К этим памятникам не могут не обращаться современные исследователи, разрабатывающие проблему «Право и письменность Средних веков», акцентируя внимание и на анализе места печати в средневековой юриспруденции[14].

Русские правоведы XIX в. практически никогда не рассматривали функционирование печати как проявление общественно-правовой жизни. Большинство

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[7] Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 711.

[8] *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. Корчульскнй статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула XIII в. М., 1976.

[9] Хрестоматия… С. 837; *Ясинский А. Н.* Основные черты развития права в Чехии XIII—XV вв. Юрьев, 1902. С. 7; *Jireček H.* Právnický život v Čechách a na Moravě. Praha; Brno, 1903. № 71. Kniha Rožmberská. S. 73—76.

[10] *Fíala Z.*Panovnicke listiny. Kaneclář zemský soud za Přemysla II (1247—1253—1278) // Sbornik archivnich práci. Praha, 1951. T. 1. Č. 1. S. 279.

[11] Starodawne prawa polskiego pomniki / Wyd. A. Z. Helcel. Kraków, 1870. T. 2. S. 15. См. также: *Винавер М.* Исследование памятника польского обычного права XIII века, написанного на немецком языке. Варшава, 1888. С. 122.

[12] *Gumowski M., Haisig M., Mikucki S.* Sfragistyka. Warszawa, 1960. S. 70.

[13] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. № 2.

[14] *Trusen W.* Zur Urkundenlehre… S. 208; *Battenberg F.* Das Hofgerichtssiegel der deutschen Kaiser und Könige 1235—1451. Köln; Wien, 1979. S. XI—XII.

ограничивались констатацией факта, что печать в средневековье заменяла подпись лица, выдавшего грамоту, противопоставляя «прежнее» правовое значение печати «современному». «В современности, — писал А. Лохвицкий, — она (печать. — *Н. С.*) не имеет прежнего значения, ибо печать без подписи не дает акту никакого значения, тогда как подпись без приложения печати не лишает акта характера законности»[15].

Юридическое значение средневековых печатей попытался осмыслить Д. М. Мейчик[16]. По его мнению, печать как критерий подлинности делит свою функцию с подписью, становясь существеннейшим показателем юридической силы и знаком достоверности документа. Далее этого теоретического вывода о функции печати и соотношении последней с подписью в документах особого вида (жалованных, указных грамотах) Мейчик не пошел. Он, правда, отмечал, что на рассматриваемых им документах печать не всегда выступает как исключительное средство, укрепляющее правовую силу акта. Конкурируют с ней доказательства свидетелей (послухов). Однако о взаимозависимости всех этих средств скрепления документа автор высказывается весьма туманно, отдавая пальму первенства в случае определения основного критерия подлинности и юридической силы средневекового документа показаниям послухов, а не наличию у документа печати. Таким образом, оставалось неизвестным, кто занимался запечатыванием акта, чья печать обладала достаточной степенью права, чтобы скреплять тот или иной документ, какая роль отводилась послухам и их печатям (или печати) с точки зрения удостоверения и т. д.

Одной из причин, объясняющих отсутствие интереса отечественных правоведов XIX в. к печатям, являлась недостаточная источниковая база — малая изученность самого сфрагистического материала. Так, К. А. Неволин, например, использовал известные к его времени данные о вислых новгородских печатях[17], однако они еще ждали научного обобщения, поэтому имеющиеся в его распоряжении сведения не могли кардинально повлиять на оценку правоведом их юридической значимости.

Однако более существенной причиной игнорирования в юридической литературе вопроса о печатях следует признать отсутствие в древнерусском законодательстве (прежде всего в Русской Правде, важнейшем правовом памятнике Древнерусского государства, нормы которой нашли отражение и в законодательстве XV—XVI вв.[18]) каких-либо нормативных положений, касающихся печатей, в частности квалификации их доказательной силы. По-видимому, иначе и быть не могло: ведь, по мнению почти всех без исключения исследователей-юристов, Русская Правда не давала основания говорить о письменном процессе[19].

---

[15] *Лохвицкий А.* Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 379.

[16] *Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.

[17] *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. С. 54.

[18] Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 18.

[19] Лишь Н. Дювернуа отмечал, что в одной статье Русской Правды встречается «самое название писца». См.: *Дювернуа Н.* Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 51. Дей-

Соответствовал устному процессу способ вызова в суд. Согласно Русской Правде, истец сам заботился, чтобы ответчик являлся на суд, однако не исключается, что вызовом (доставкой?) туда занимались особые лица, исполнявшие судебные функции. Форма вызова многим исследователям русского права кажется не определенной[20]. Особенности древнерусского судопроизводства, насколько его отражают статьи Русской Правды, как будто отрицают саму возможность использования «печати вызова». В то же время нельзя исключить предположения, что судебным служащим, предъявляющим печать вызова (*sigillum citationis*), был упоминаемый в памятнике метельник, метник (он же метальник, митник). Как известно, этот термин происходит от слова «мета», «метить».[21] Аналогию можно найти в раннем венгерском судопроизводстве XI—XII вв., где упомянуты судебные чиновники (первоначальная судебная компетенция их мало известна), которых по имеющейся у них печати (так называемому клейму) называли «клеймщиками»[22].

Современные историки права, так же как и их отечественные предшественники, не включают печати в качестве предмета исследования в изучение ни судебного процесса, ни системы доказательных средств, ибо они в целом не вносят существенных корректив в общую сумму знаний и представлений о средневековом русском праве. Подвергнув более тщательному изучению различные правовые памятники — Русскую Правду, княжеские уставы, Судебники XV—XVI вв., — отечественные исследователи (это прежде всего историки) лишь детализировали общую концепцию древнерусского права, подчеркивая, что оно создавалось на русской почве, отражало те общественные отношения, которые сложились на Руси, и закрепляло порядки, обусловленные природой древнерусского феодального общества[23].

При подобном, постулированном, подходе без внимания остаются «мелочи», способные высветить многие ракурсы широкой панорамы развития русского права, например возникновение и эволюция института печати.

Нормы, относящиеся к печатям, наличествуют в таких русских правовых памятниках, как Псковская Судная грамота, Новгородская Судная грамота, Двинская уставная грамота, Судебники 1497 и 1550 гг., и в более поздних. Известно, что, несмотря на существование в Древней Руси довольно развитой системы гражданско-правовых норм, включающих отношения собственности, обязательственного,

ствительно, на этот факт (ст. 74 Пространной Правды) мало кто обращал внимание. В отличие, например, от комментариев «Памятников русского права», в современных комментариях этой статьи ничего не говорится о «писце». См.: Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 69, 108—109.

[20] *Беляев И.* О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 г. // Журнал министерства юстиции. 1860. Т. 3. Кн. 1—3. С. 98—99.

[21] Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 121. Метельник упоминается в ст. 9, 107 Пространной Русской Правды.

[22] *Чизмадиа А., Ковач К., Асталош Л. М.* История венгерского государства и нрава. М., 1986. С. 40.

[23] Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 24.

наследственного и семейного права[24], вышеназванные памятники регламентируют, в основном, уголовное и уголовно-процессуальное право[25]. И хотя, например, в Судебнике 1497 г. конкретизированы некоторые нормы гражданского права, в частности установлена общая и четкая норма о наследовании, в целом все они мало отражают гражданское право и о печатях как средстве доказательства не сообщают. Однако, хотя в большинстве случаев сведения о них «вплетены» в судопроизводство в пошлинных статьях, при анализе последних в контексте развития судопроизводства можно получить ряд свидетельств и о становлении института печати на Руси[26].

Регламентация того или иного института в законодательных памятниках служит своеобразной вехой, отмечающей этапы развития этого института, однако само развитие предполагает отражение его в иных социальных явлениях, в данном случае не только в кодексах, но и в повседневной юридической практике, в актовом, делопроизводственном материале, да и просто в быту (находки перстней-печатей). Изучение начальных этапов становления института печати связано с анализом древнерусских металлических печатей — булл, атрибуция и датировка которых осуществлена в отечественной литературе (труды Н. П. Лихачева, В. Л. Янина). С XI в. буллы получили широкое распространение на юге, западе и севере Руси, однако в XII в. их функционирование на юге затухает (по времени этот феномен совпадает с сужением сферы применения буллы в Византии, где в XIII в. она уже используется редко[27]), а на севере — в Новгороде и Пскове — наблюдается расцвет буллы, продолжавшийся несколько столетий.

Широкое распространение в Древней Руси буллы, по-видимому, не может являться чисто внешним отражением ее ориентации на византийскую традицию. Однако внешне развитый институт печати предстает перед нами юридически не оформленным в контексте современных представлений о его функциональной трансформации.

В западноевропейской научной сфрагистической литературе[28] в настоящее время превалирующим является мнение о несинхронности развития двух функций печати: охранная функция (применительно к письменности — запечатывание писем, посланий, распоряжений и пр.) предшествует функции заверения (скреплению печатью акта). Подобное разделение функций находится в связи с двуединым процессом — с развитием средневекового акта, составным элементом которого

[24] История государства и права СССР. М., 1985. Ч. 1. С. 31—33; Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 21—23.

[25] История государства и права… С. 62, 91.

[26] Подробнее см.: *Соболева Н. А.* Печать как атрибут права и Судебник 1497 г. // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI—XIX вв. М., 2000. С. 158—171.

[27] *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin // Akten des XI Internationalen byzantinisten Kongresses. München, 1960. S. 307.

[28] Обобщил мнения ученых Э. Киттель в своей знаменитой книге «Печать». См. выше: примеч. 6.

становится печать, и с развитием права как такового. Если запечатывание (*нем.* Versiegelung) было вызвано необходимостью охранять документ от незаконного вскрытия (изображение на печати «портрета» правителя символизировало карательные санкции за вскрытие опечатанного документа), то заверение печатью (*нем.* Untersiegelung) служило доказательством его подлинности — вероподстойности.

Данное обстоятельство позволяет поставить вопрос о правовой значимости ранней русской металлической буллы. Как известно, появление первых «актовых» печатей в нашей исторической литературе соотносится с русско-византийскими договорами X в. Ряд исследователей полагают, что, по крайней мере, договор 971 г. был скреплен печатью Святослава, его буллой. Как будто бы этот факт подтверждает фраза: «не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями»[29]. Однако анализ формы скрепления всех договоров[30] показывает, что со стороны русских они утверждались при помощи клятвы князя и близких ему людей. Если же принять точку зрения отечественных историков о приложении к договорам печатей послов, то, скорее всего, по аналогии с договором Византии и Персии 562 г., который считается классическим при оформлении международных договоров Византии, печати послов выполняли охранительную роль свернутого трубочкой договора, но отнюдь не утвердительную[31].

Правовой характер русско-византийских договоров не может вызвать никаких сомнений. Однако это право имеет определенный уровень, и использование русскими печатей в качестве утвердительного средства в этот период кажется очень проблематичным. Подобная постановка вопроса ни в коем случае не подчеркивает «примитивность» правосознания русских. Речь идет об определенной ступени развития и оформления правовых отношений (в данном случае — о скреплении договоров с обеих сторон при помощи клятвы). Думается, что русско-византийские договоры X в. не могут свидетельствовать, что печать в правовой жизни русского общества в этот период функционировала уже как утвердительное средство. В определенной степени она могла служить в качестве удостоверения личности. В торговле, в фискальных мероприятиях в Древней Руси в X в. могли использоваться печати, осуществляя функцию запечатывания, закрытия, т. е. играя роль особого знака, пломбы, «пятна» (метки). Эти функции характерны для начальной стадии развития института печати, когда она еще не выделилась окончательно из знаков собственности[32].

◇◇◇

По-видимому, близкое к подобному пониманию печати известие содержится в ст. 28 Краткой Русской Правды, упоминающей «пятно». Отражением подобного восприятия печати является древнерусский перевод Эклоги, который был осуществлен в XI в.: слово «σφραγίζω» переведено «назнаменати»[33] вместо «приложить печати»[34], что соответствует правовому представлению переводчика о печати как знаке-метке — «знамени». (На временные особенности древнерусского перевода, выражающиеся в специфике интерпретации греческого текста русским переводчиком Эклоги, обратил внимание Л. В. Милов[35].) Термин «σφραγιζόμενος» переведен как «знаменаный» также в «Земледельческом уставе»[36] — составной части «Книг законных», перевод которых на Руси относят к XII в. Издавший их А. Павлов считал, что «переводчик <…> делал все, чтобы приблизить византийские законы к русскому быту и понятиям»[37].

Однако в нормах Прохирона, полностью переведенного на русский язык, как полагают, во второй половине XIII в., σφράγις (σφραγίδεξ) переводится только как «печать» («печати»). В Прохироне «знаменати», «знаменовати» заменяется на «запечатлети»[38].

Печать на Руси в XII в. приобретает уже утвердительную функцию, о чем свидетельствует публичный акт XII в. — Жалованная грамота киевского князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю[39]. Правда, утвердительной формулы в грамоте нет, печать же (позолоченный аргировул) «моложе грамоты на сто лет и является подложной»[40].

В начале XIII в. в грамотах смоленских князей печать как утвердительное средство упоминается в корроборационной формуле внешнеполитических актов[41]. Здесь удостоверительная функция печати, как говорится, налицо.

В контексте современных представлений о формировании правого статуса печати должен быть поставлен вопрос о становлении удостоверительного «инструментария» частного акта на Руси, к которому она относится. С. Н. Валк справедли-

родопроисхождение, собственность, производство». См.: *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды музея палеографии. Л., 1930. Т. 2. С. 193.

[33] «Мерило Праведное» по рукописи XIV в. / Изд. под набл. и со вступ. ст. М. Н. Тихомирова. М., 1961. Л. 176 об.

[34] Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 52.

[35] *Милов Л. В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 158 и след.

[36] «Книги законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы, земледельческие, уголовные, брачные и судебные / Изд. А. Павлов. СПб., 1885. С. 55—56.

[37] Там же. С. 17, 28.

[38] «Мерило Праведное…» Л. 281 об.

[39] ГВНП. М.; Л., 1949. № 81.

[40] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. X—XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 16—21.

[41] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963. С. 25, 54.

во полагал[42], что рассмотрение удостоверительного аппарата, так же как и самого частного акта, следует начинать с новгородских и псковских частных актов (XIV—XV вв.), ибо они сохранили в формуляре архаизмы устной традиции (обычное право) — слова «одерень», «водерень», «свободная воля», «навечно» — и наличие послухов. В удостоверительной статье наблюдается идентичность понятия «послух» и «печать». Это целый комплекс обонежских грамот XV в.: «А на то послух печать святаго Спаса»; «А на то послух печать дому божий Софии и архиепископа владыки Феофила» и т. д.[43]

По аналогии с возникновением института печати в западноевропейских странах можно предположить, что и на Руси утверждение ее правового значения соотносится не только с обычным правом, но и с каноническим. О влиянии церковного права, основанного в большей степени на византийском законодательстве, на некоторые сферы древнерусской действительности писали ряд историков[44]. Подчеркивалось, что византийское право уже с XI в. могло участвовать в формировании норм церковного права. Однако и в светском праве очень рано могли быть использованы византийские юридические нормы. Перевод Эклоги, согласно недавним изысканиям, относится к XI в. Автор установил, что тогда уже осуществлялось и редактирование: «Редакторские вмешательства в текст являются важным свидетельством того, что перевод Эклоги имел в Древней Руси практическое значение»[45]. Титул XI Эклоги, по мнению исследователей, влиял на ст. 16—17 Псковской Судной грамоты[46]. Прослеживается влияние норм Эклоги и Прохирона на форму завещаний XIV—XV вв. Северо-Восточной Руси[47].

Применительно к нашей тематике наибольший интерес могут представлять именно Эклога и Прохирон, ибо в них содержатся статьи об использовании печатей в качестве удостоверяющего средства.

Большинство исследователей, изучавших «право печати», считали, что нельзя говорить о «закономерном переходе от печати древности к печати средневековой», основываясь на факте заверения документа в греко-римском мире при помощи подписи, нотариального удостоверения, но не печати. Однако все же можно обнаружить точку соприкосновения в развитии утвердительной функции печати на рубеже двух социально-экономических формаций. В *Corpus juris civilis* (VI в.) приведено высказывание римского юриста Венулея: «Магистраты каждой местности

[42] *Валк С. Н.* Грамоты полные // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 123—124, 129.

[43] ГВНП. № 308, 318. См. также: № 309, 311, 341.

[44] *Ščapov J. N.* Le droit romain oriental en Russie jusqu'au XVIe s.: Nouveaux aspects du problème // Atti del III seminario internazionale di studi storici «Da Roma alla terza Roma». 21—23 aprile 1983. Napoli, 1986.

[45] *Милов Л. В.* О древнерусском переводе… С. 163.

[46] *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 75—76.

[47] *Семенченко Г. В.* Византийское право и оформление русских завещаний XIV—XV вв. // ВВ. 1986. Т. 46. С. 164—173.

должны заботиться о том, чтобы желающим совершить сделку при свидетелях были предоставлены свидетели из числа их самих (магистратов) и другие свидетели либо лица, прилагающие печати, дабы таким путем сделки совершались быстрее и дабы было обеспечено доказательство совершенных дел»[48]. В комментариях отмечается, что употребление в тексте слова *testari* свидетельствует об особой сделке, а именно о совершении завещания (testor, atus sum, ari — «делать завещание, завещать»).

Все основные черты законодательства Юстиниана по вопросу о свидетелях, как считает Е. Э. Липшиц, сохранены в Эклоге[49] византийском законодательном памятнике VIII в., одном из важных источников славянского права. В титуле V Эклоги «О (лицах), не имеющих права завещания» (имеется вариант с добавлением: «и о завещаниях письменных и устных») говорится, что письменное завещание делается в присутствии семи свидетелей, призванных для этой цели и совместно подписывающих завещание и прилагающих печати. Устное завещание также делается в присутствии семи свидетелей. Если не найдется столько человек, то устное и письменное завещания совершаются при наличии пяти или даже трех свидетелей. «Если же не найдется и трех свидетелей, то воля завещателя будет считаться недействительной»[50].

Таким образом, в византийском праве, как и в римском, «заверительная» функция печати существует «на законном основании», однако, во-первых, не доказана ее первичность, во-вторых, она абсолютно фиксируется только в завещании. В позднеримское и ранневизантийское время имелись документы с печатями, сосуществовавшие с многочисленными документами, не содержащими их, для которых заверительным средством и доказательством подлинности служила собственноручная подпись того лица, от имени которого этот документ написан, либо подписи свидетелей.

Так же как в Эклоге, в Прохироне печати упоминаются в титулах (гранях), относящихся к составлению завещания. Согласно ст. 4 грани 21 «О заветех» за приложением печатей по числу свидетелей обязано наблюдать должностное лицо (πραίτορος — в греческом тексте, «судья» — в славянском[51]). В ст. 5 грани 25 «О превращении завета» отмечается, что завещание считается недействительным, когда все свидетели его подписали, однако «не вси запечатлеша»[52]. В грани 21 содержатся и другие нормы, по которым должно быть оформлено завещание и которые, как доказал Г. В. Семенченко[53], применялись при составлении завещаний в Северо-Восточной Руси. Ряд статей (4, 5, 6-я) уточняют использование печатей.

[48] Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 367. См. также: Эклога… С. 150.

[49] Эклога… С. 113.

[50] Там же. С. 52.

[51] «Мерило Праведное…» Л. 275; Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron / Ed. C. E. Zacharie. Heidelbergus, 1837. P. 123.

[52] «Мерило Праведное…» Л. 281 об.

[53] *Семенченко Г. В.* Византийское право… С. 164—173

В грани 27 Прохирона «О свидетелех» ст. 36 («аще кто единого чл҃вка положения в печати принесеть, не приятно сведетельство его»[54]) дает новую интерпретацию ст. 16 титула XIV Эклоги: «единственное свидетельство должно быть отвергнуто, даже если его дает булевт»[55]. Эта норма зафиксирована еще в кодексе Юстиниана и среди некоторых других норм переведена в отрывке под названием: «Отъ различны(х) тите(л) рекше грании Іоустиньяна ц҃р҃я новы(х) запове(де) и гла(в) по Ізбранью различны(х)»: «Яко единъ токмо непослушан есть, аще и великъ будеть сановникъ…»[56]

Итак, в Эклоге и Прохироне упоминание о печатях содержится в статьях, нормирующих составление завещания. Печать выступает в качестве удостоверительного средства наряду с подписью.

В древнерусских правовых памятниках данная норма не зафиксирована, хотя в церковном праве могла стать известной очень рано. При устном характере завещаний существенным является указание на количество послухов. Если послухов-судей было 12[57] (а именно столько мужей заменял поп по русскому правовому памятнику — «Закону Судному людем» пространной редакции[58], становясь единственным свидетелем при совершении завещаний согласно новгородско-псковским завещаниям, в которых наиболее явственно сохранилась архаическая традиция), то это число не соответствует нормам вышеназванных византийских памятников.

И все же нельзя не обратить внимания на грань 27 Прохирона, где речь идет о свидетелях и в особой статье оговаривается запрет привлекать только одного свидетеля (его печать). Это правило, как отмечалось выше, было установлено Юстиниановым правом, а на Руси стало известно в XI в. благодаря Кормчей книге. Помимо того что в главе 17 второй части «Мерила Праведного» «Отъ различны(х) тите(л) рекше грании Іоустиньяна цесаря» запрещается свидетельствовать одному человеку, хоть он и будет «сановник» (это приравнивается к свидетельству еретика, а «еретикъ же по всему не сведительствуеть на правовернаго»), в главе 3-й «Мерила Праведного» имеется аналогичная статья. В эту главу под названием «О послоусехъ и о числе іхъ» включено 75-е апостольское правило, которое гласит: «В послушьство еретика не приимати, ни вернаединого, въ оустехъ. В҃. (2) е или трии станеть всякъ г҃лъ т҃лкъ: не тькмо на оклеветанье еретикъ не приятенъ, ни на послушьство не приемли, аще же единъ послушествуеть, аще же и ве- ренъ есть, не приятенъ. И к Тимофееви бо великий Павелъ пиша ре(че): на презвитера послушьства не приемли, аще не пре(д) двемя ими треми послухи…»[59]

[54] «Мерило Праведное…» Л. 287 об.

[55] Эклога… С. 64.

[56] «Мерило Праведное…» Л. 136а.

[57] *Милов Л. В.* О древнерусском переводе… С. 162—163.

[58] Закон Судный людем пространной и сводной редакции. М., 1961. С. 145.

[59] «Мерило Праведное…» Л. 71.

«Правила стыихъ Апстлъ», помещенные в Древнеславянской Кормчей, трактуют 75-е правило иначе: «Въ послушьство на епспа еретика не приимати, нъ ни верьна единого тькмо въ оустехъ бо дъвою или Г. (3) послоухъ станеть всякъ глаголь»[60].

Подобный текст сохранился и в других списках Кормчей книги[61]. В ней содержалась также норма Юстинианова права о неприятии послушества одного человека, ибо упомянутый выше отрывок «Отъ различны(х) тите(л) рекше грании Іоустиньяна цесаря…», куда входит статья об одном послухе и еретике, включен в ее состав[62].

Таким образом, свидетельство одного послуха отрицалось в различных переводных памятниках так же, как и в подлинных греческих. Одно лицо, по всем церковным правилам (а так как при составлении завещания находился священник, то канонический способ утверждения отрицать нельзя), не могло послушествовать, хоть это лицо и заменило 12 человек. Вероятно, поэтому в псковских завещаниях, которые, как отмечалось выше, несут следы архаики, в удостоверительной формуле упоминаются два лица: «А на то послух Бог и отец мой духовной…»[63]

Понятие Бога-послуха встречается на Руси уже в XI в.[64] Феодосий Печерский в одном из своих поучений подчеркивал: «Ответ деяхом <…> пред видимыми послухы и пред невидимыми». В «Повести временных лет» записано: «Аще право глеши, Бъ ти буди послу(х)»[65]. Те же два лица фигурируют и в новгородских духовных, однако в них далее перечисляются свидетели, присутствующие при составлении завещания,[66] так что об одном послухе речь здесь идти не могла. Подобная формула присутствует практически во всех псковских завещаниях.

Минимальное число послухов — три — называет и Закон Судный людем[67], но уже не по отношению к духовным грамотам, а в любом случае, когда возникает «пря». Предложение Краткой Русской Правды в спорном случае идти «на извод пред 12 человека» не противоречит зафиксированному в ранних памятниках права постулату — «не менее трех свидетелей».

Русская Правда, отражающая существование на Руси института послушества как составной части обычного права, не называет какое-то определенное число

[60] *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Вып. 1—3. СПб., 1906. С. 78.

[61] Кормчая: Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. Первая половина. М., 1912. Л. 20—21.

[62] *Ундольский В. М.* Описание славянских рукописей Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки // Чтения Общества истории и древностей российских. 1867. Кн. 2. С. 49.

[63] *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 38.

[64] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1858. Т 2. С. 12—38.

[65] ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 257.

[66] *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты… С. 39.

[67] Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 104; Закон Судный людем пространной и сводной редакции. С. 140.

послухов, необходимое для удостоверения, но иногда требует минимум — два[68]. В Пространной Русской Правде в ст. 37, 39 для доказательства того, что вещь куплена на торгу, предписывается «вывести» «свободна мужа два или мытника, пред кимъ же купивше»[69]. Таким образом, свидетельство должностного лица по своим правовым функциям может быть приравнено к свидетельству послухов, сколько бы их ни было (кроме одного). Отсюда уже недалеко и до смены свидетельства должностного лица на знак этого лица. А он особенно удобен тем, что, применяя его (естественно, речь идет о письменной форме), скрепляя договор, заинтересованное лицо платит «мзду» — пошлину или мыто. Так печать и пошлина становятся неразрывны, и в этой «неразрывности» нормы применения печати зафиксированы в русских законодательных памятниках.

В настоящее время можно считать не вызывающим сомнения факт влияния византийских правовых установлений на текст и удостоверительную часть завещаний Северо-Восточной Руси[70]. В последней оно сказывается не только в определенном Эклогой и Прохироном числе послухов, но и в требовании приложения последними печатей. Особенно явственно ощущается влияние именно Прохирона, статьи которого о писце, писавшем «завет», и о применении всеми послухами одной печати, удостоверяющей завещание, составлявшие специфику Прохирона, зафиксированы в комплексе актов только Северо-Восточной Руси (в новгородско-псковских завещаниях, где сильны еще архаические традиции, влияние византийских правовых памятников не является таким четким). Некоторые черты, присущие удостоверению завещаний, содержатся и в других видах частных актов этого региона (роль писца как свидетеля сделки, приложение всеми присутствующими одной печати, скажем, к меновной грамоте).

Сам по себе факт сходства формуляра разных видов частных актов не составляет специфику только Северо-Восточной Руси. Например, на начальном этапе существования новгородских купчих их формуляр имел ряд черт, характерных для новгородских духовных и данных грамот[71]. Интерес представляет другое: в Северо-Восточной Руси удостоверительная часть не только завещаний в определенной степени соответствовала нормам византийского права, но следы этих норм заметны при оформлении и других частных актов.

В связи с этим привлекает внимание грань 14 Прохирона «О проданье и о купленьи». Отмечая, что купля-продажа бывает и «без написания», Прохирон устанавливает четкие правила «о бывающим с написанием»: «не иного свершену преже быти глемъ проданию и куплению, аще и образи продания не напишють, или

[68] *Демченко В.* Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательстве по делам судебным по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859. С. 50.

[69] Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 66.

[70] Довольно доказательно это сделал Г. В. Семенченко (см.: *Семенченко Г. В.* Византийское право…).

[71] *Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 96.

самого продающаго рукою или от иного напишет, по(д)пишет же продаю(щий)»[72]. Таким образом, письменно заключенная сделка о купле-продаже считалась действительной только тогда, когда договор написал сам продавец своею рукою или при написании другим лицом он был подписан продавцом.

На Руси собственноручная подпись не использовалась примерно до XVI в. даже в практике оформления завещаний Северо-Восточной Руси[73], где согласно соответствующим нормам Эклоги и Прохирона, казалось бы, могла найти применение. А печать продавца обязательно прилагалась к купчим Северо-Восточной Руси, о чем особо сообщалось в корроборационной формуле: «А запечатал Иван Семенович своею печатью»; «А запечатал есмь печатью отца своего господина игумена Трифона»; «А запечатал есмь своею печатью» и т. д.[74] Подобное персонифицированное использование печати придавало документу, который она скрепляла, то же значение достоверности, как если бы он был подписан собственной рукой дарителя или продавца. Степень доказательности подобного документа с печатью, т. е. роль его в судебном процессе в XIV—XV вв., не представляется еще до конца выясненной, однако приложение печати продавца или дарителя к определенным частным актам Северо-Восточной Руси, на наш взгляд, может явиться отражением вышеуказанной грани 14 Прохирона.

Все вышеизложенное позволяет поставить вопрос о пересмотре существующей в научной литературе точки зрения на роль и значение византийского права в средневековой Руси. Наблюдения над становлением удостоверительного «инструментария» частных актов свидетельствуют, что соотнесение последнего с византийскими правовыми памятниками особенно заметно в Северо-Восточной Руси. Наши наблюдения увязываются с возрастанием интереса к византийским переводным памятникам в этом регионе[75], с распространением списков Эклоги в XIV—XV вв. в Московском великом княжестве, с предположениями, имеющими место в отечественной историографии по поводу «деятельного приложения к практике <…> Номоканона в тех его частях, которые имели для этого времени особенную важность», начиная с Ивана Калиты. А. Павлов в доказательство своего предположения[76] ссылается на приводимую И. И. Срезневским запись в Сийском евангелии, сделанную в 1339 г.[77] В ней содержится следующая похвала Ивану Даниловичу Калите: «Сему бл҃городному҃ князю великому Ивану сѣ҃творшему҃ дела подобна

[72] «Мерило Праведное…» Л. 260.

[73] *Семенченко Г. В.* Византийское право… С. 170.

[74] См.: АСЭИ. М.; Л., 1952—1964. Т. 1—3.

[75] *Ščapov J. N.* Le droit… S. 494.

[76] «Книги законные…» С. 35—36.

[77] Б. М. Клосс датирует «Похвалу Ивану Калите» 1340 г., сосредотачивая внимание исключительно на христианских добродетелях князя (*Клосс М. Б.* Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. М., 2001. С. 148). Датировка записи является предметом дискуссий, см. обзор точек зрения по данному вопросу в кн.: *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 332—337.

в Русской земли правоверному цсрю Костянтину». И далее: «…бо князь великой Iωа имевше правый су(д) па(че) меры, поминая бжествена(е) писания исправльния стхъ и прдбны(хъ) ωц о правиломъ моноканунным, ревнуя правоверному цсрю Оустияну…»[78]

Схема развития на Руси правового статуса печати, рассмотренная лишь «в первом приближении» в настоящей статье, гипотетична. Однако при всем том нельзя не отметить соразмерность эволюции отечественного института печати с теми параметрами, которые просматриваются в большинстве западноевропейских трудов, посвященных эволюции средневекового документа, средствам его удостоверения, а также изложенными во многих обобщающих сфрагистических трудах. Какова бы ни была специфика источников, находящихся в распоряжении исследователей проблем права и правовых институтов Руси X—XV вв., вряд ли стоит отечественным правоведам игнорировать институт печати, являвшийся элементом общественно-правовой жизни, с которой координируется ее функциональное развитие.

[78] *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1897. Гл. 81—90. С. 145—146.

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СФРАГИСТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЧАТЕЙ XIV—XV ВВ.

Сфрагистика — в традиционном представлении вспомогательная историческая дисциплина, предметом изучения которой являются печати (матрицы и оттиски). Печать, приложенная или привешенная к документу, — это знак, удостоверяющий его юридическую силу, указывающий на происхождение и подтверждающий его подлинность. Рассматривая значение печати в данном аспекте, историки использовали ее для внешней критики источника. В результате сфрагистика выступала в роли вспомогательной дисциплины дипломатики, вспомогательной же дисциплиной истории она являлась в этом случае не непосредственно, а опосредованно — через дипломатику.

В настоящее время в отечественной и зарубежной исторической науке все более утверждается мнение, что сфрагистический материал способен оказать действенную помощь в исследовании ряда проблем, прежде всего истории государственных институтов, формирования централизованного управления и канцелярии, эволюции государственной власти, вопросов складывания государственной символики, что, в свою очередь, являлось следствием политической ориентации государства. Постановка этих и подобных вопросов находится в связи с изменением задач сфрагистики: на современном этапе исследования печати, не теряя своего значения в источниковедческой критике документов, все чаще выступают в качестве самостоятельного источника. (Не случайно сфрагистику часто называют не вспомогательной, а специальной исторической дисциплиной.) Подобное направление отечественного сфрагистического исследования, когда печати являются источником при изучении ряда важных проблем, разрабатывается в основном на материале, обнаруженном при археологических раскопках, — древнерусских буллах[1].

Печати — восковые (воскомастичные) оттиски — в настоящее время еще не столь активно введены в научный оборот, как металлические буллы, однако в последние два десятилетия наблюдается тенденция подвергнуть более или менее систематическому анализу отдельные тематические или территориальные груп-

[1] См.: *Янин В. Л.* Изучение древнерусских печатей // ВИД. Вып. I. Л., 968; *Соболева Н. А.* О методике изучения сфрагистического материала XV—XVIII вв.: Историографические заметки // Там же. Вып. VIII. Л., 1976; *Она же.* О тенденциях развития специальных исторических дисциплин: Историографический обзор за 1964—1978 гг. // Источниковедение отечественной истории, 1979 г. М., 1980.

пы восковых печатей[2], что можно рассматривать как залог успешного исследования и этих сфрагистических памятников феодального периода. Сфрагистический материал Нового времени, а также печати Советского государства, которые представляют собой ценнейший источник по истории советского государственного строительства, государственных учреждений, формирования социалистической символики, еще не вошли в должной мере в научный оборот, хотя и здесь можно отметить определенные сдвиги[3].

Состояние изученности отечественных печатей разных эпох неодинаково. Пониманию и объяснению этого факта может способствовать анализ процесса становления сфрагистического исследования.

С какого времени сфрагистика оформилась в «систему знаний», т. е. научную дисциплину? В середине и конце прошлого столетия неоднократно констатировалось, что в России сфрагистики как науки не существует[4]. Н. П. Лихачев отмечал, что русская сфрагистика представляет собой «ниву, мало возделанную»; с ним соглашался А. В. Орешников[5].

С упоминанием печатей мы встречаемся еще в летописных источниках. В XVII — начале XVIII в. описание государственной печати и печатей различных ведомств фиксируют законодательные документы. XVIII в. дал основную форму публикации отечественных печатей — это описание печати при документе. Начало подобной публикации положено изданием в 1718 г. грамоты, обнаруженной в архиве Посольской канцелярии[6]. Грамота, присланная Максимилианом I великому князю Василию III в 1514 г., в которой последний именовался императором, была

[2] Об этих работах см.: *Соболева Н. А.* О методике изучения сфрагистического материала; *Она же.* Пугачевские печати // Вопросы истории. 1977. № 8; *Она же.* Символы русской государственности // Там же. 1979. № 6; *Она же.* О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982; *Титов А. К.* Изучение сфрагистических памятников Белоруссии // Сов. архивы. 1980. № 2.

[3] См. прежде всего: *Киселев Г. Ф., Любишева В. А.* В. И. Ленин и создание государственной печати и герба РСФСР // История СССР. 1966. № 5. Публикаторская деятельность украинских историков в области сфрагистики (см.: *Гавриленко В. О.* Українська сфрагістика. Питання предмета та історіографії. Київ, 1977. С. 132—138) позволяет надеяться на появление в ближайшем будущем обобщающего труда, посвященного печатям Украины.

[4] *Гаврилов С.* Несколько слов по поводу Сборника снимков с печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции, сост. П. И. Ивановым // ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Смесь. С. 58—59; *Родзевич Ф. И.* О русской сфрагистике // Вести археологии и истории. Вып. VI. СПб., 1886. С. 207.

[5] *Лихачев Н. П.* Хрисовулы тверских князей // Изв. Рус. генеал. о-ва. СПб., 1900. Вып. I. С. 160. См. также: *Он же.* Лекции по дипломатике, читанные в 1896—1897 гг. в Санкт-Петербургском Археологическом институте. СПб., 1897. С. 17; *Он же.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. I. С. 1; *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. Т. III. Вып. I. 1903. С. 108.

[6] Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. М., 1981. С. 145—146.

снабжена двусторонней золотой печатью — буллой немецкого императора. При издании грамоту сопровождала гравюра, изображавшая буллу, объяснялось также слово «булла». Петр I, приказывая напечатать грамоту не только на русском, но и на некоторых иностранных языках и «для ведома всюду разослать», имел в виду чисто утилитарные цели: доказать свое право на императорский титул. Вряд ли в самой публикации грамоты с печатью был заложен какой-то научный смысл, тем более не сто́ит здесь искать начал сфрагистики как самостоятельной дисциплины, однако можно констатировать, что в сознание издателей старых документов прочно вошло представление о неразделимости документа и печати.

В дальнейших публикациях источников, осуществленных в XVIII в., прежде всего в «Древней российской вивлиофике»[7], утверждается правило описания печати, сопровождающей документ. Наиболее ярко оно проявилось в крупнейшем издании документов начала XIX в. — «Собрании государственных грамот и договоров» (СГТД). Это издание, задуманное еще при Екатерине II, должно было соответствовать «мировым стандартам», в частности «Дюмонову дипломатическому корпусу». Издание СГГД, действительно, в целом аналогично собранию документов Ж. Дюмона[8], оно даже более иллюстрировано (в плане изображения печатей, скрепляющих документ). Однако по поводу рисунков печатей из СГГД еще в XIX в. неоднократно высказывались отрицательные суждения. В последующих изданиях документов, в частности в изданиях Археографической комиссии, сведений о печатях и того меньше.

Этот факт, по-видимому, связан не столько с игнорированием печатей, сколько с формированием представления о необходимости специального их изучения, что предполагало прежде всего выделение объекта изучения. Имеется в виду издание альбомов или каталогов печатей, которые должны были составить материальную базу для сфрагистического исследования. В подобных публикациях печати абстрагировались от документа, который, как правило, оказывался для исследователя на первом плане, а печать служила неким добавлением к нему (отсюда и традиционное восприятие печатей в контексте дипломатического исследования). В конце XVIII — начале XIX в. примеры подобного выделения печатей на фоне общего оживления публикации источников наблюдались в ряде стран Европы, особенно во Франции, Германии, Австрии. В отечественной историографии этого периода также возникал вопрос о составлении «полного собрания снимков с печатей» древних грамот[9].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[7] Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев, издаваемая помесячно Николаем Новиковым. СПб., 1773. Ч. II; 2-е изд. М., 1788. Ч. I—III; М., 1791. Ч. XVI, XVIII.

[8] *Dumont J., Rousset de Missy J.* Corps universel diplomatique du droit des gens… Amsterdam, 1726—1731. P. 1—8.

[9] Сборник Муханова. М., 1836; 2-е изд. СПб., 1866. С. XVI.

Анализируя работы XIX в., как правило относимые к сфрагистическим, исследователи начинают отсчет от статьи митрополита Евгения (Болховитинова)[10]. Однако сам автор, избрав в качестве образца для себя работы западноевропейских дипломатистов И. Х. Гаттерера и Ж. Мабильона, по его словам, «предлагает дипломатико-палеографический анализ грамоты». Печати рассматривались им как «признак удостоверения в дипломатике», т. е. в дипломатическом контексте. Не случайно Н. П. Лихачев ставил статью Болховитинова «во главе начинающей литературы русской, дипломатики»[11].

Творческий подход к сфрагистическому материалу демонстрирует Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского». Описание русских печатей вплетается у него в канву исторического повествования, составляя с последним единое целое. Наряду с описанными в СГГД печатями он приводит сведения о печатях малоизвестных, например золотой Батыевой печати, о печати, по его мнению, ханского чиновника, скрепляющей вместе с великокняжеской печатью духовную грамоту Ивана Калиты, описывает печати галицко-владимирских князей из Кенигсбергского архива[12]. Показательно, что Карамзин привлек сфрагистический материал для установления подложности грамот. Он высказал убеждение в подложности грамоты Олега Рязанского, выданной якобы в 1257 г. на имя ханского свойственника Ивана Шаи, который выехал к Олегу из Орды и крестился. Среди признаков, указывающих на подложность грамоты, печать занимает важное место; по способу своего прикрепления, как считал автор, она ни в коем случае не соответствовала старому обычаю опечатывания документов[13].

Труд Карамзина широко ознакомил русскую читающую публику с отечественными печатями. Существенным дополнением к нему послужило изданное в 1840 г. Археографической комиссией сочинение Г. К. Котошихина, подьячего Посольского приказа, который описал и показал применение на практике группы печатей, используемых в делопроизводстве России XVII в.[14]

Работы Карамзина и Котошихина внесли определенный вклад в сфрагистическую тему в русской историографии, однако не повлияли кардинально на ее выделение. До середины XIX в. печать оставалась все еще в «зависимости» от документа, описывалась при нем. Подобный «описательный» способ анализа печатей подвергался критике в научных кругах. Ставилась под сомнение правильность восприятия печатей только как средства удостоверения документа, отмечалась

[10] *Евгений* [*Болховитинов*]. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю // Вести Европы. М., 1818. Ч. 100. № 15—16.

[11] *Лихачев Н. П.* Из истории дипломатики (XIX в.). СПб., 1905—1906. С. 20.

[12] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 2-е изд. Т. III. СПб., 1818. Примеч. 360; Т. IV. СПб., 1819. Примеч. 326, 204, 268, 276.

[13] Там же. Т. IV. Примеч. 90.

[14] *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 29, 38, 114.

небрежность издателей документов по отношению к печатям, неточность описания, вопиющие ошибки при передаче легенд, что способствовало ошибкам в их определении. В качестве положительного примера приводились сфрагистические издания, появившиеся к этому времени в других европейских странах[15]. Словом, вопрос о выделении из дипломатики печатей как предмета самостоятельного исследования к середине XIX в. определился вполне четко. Результат не заставил себя ждать.

Первым трудом о печатях можно считать монографию А. Б. Лакиера «Русская геральдика». Работа Лакиера, познакомившая русского читателя с историей возникновения и создания национальных гербов, включила в себя и богатый сфрагистический материал. Общая историческая система взглядов автора вполне соответствовала уровню развития исторической науки середины XIX в. В частности, подчеркивание самобытности исторического пути России, исконности существования прежде всего такого института, как самодержавная власть, а также многих других, нашло у него отражение в виде концепции древнего происхождения русских гербов, неразрывной связи древних печатей и появившихся впоследствии гербов. Это положение подверглось критике сразу же по выходе книги[16]. Однако стремление Лакиера доказать древность происхождения русских гербов повело за собой привлечение такого действительно древнего исторического материала, как печать. В поле зрения автора оказался практически весь известный к середине XIX в. сфрагистический материал. В значительной своей части он размещен в таблицах. Лакиер описал в общем все княжеские печати, опубликованные в СГГД и известные к тому времени, со значительными поправками, уточнениями и объяснениями, предприняв попытку их классификации. Он выделил княжеские печати (великих и удельных князей), печати городов, духовенства, должностных и частных лиц.

Некоторые методические приемы, примененные Лакиером при исследовании древнерусских печатей, а именно соотнесение изображений на печатях и одновременных им древнерусских монетах, сравнительный анализ изображений на русских печатях — сопоставление их с аналогичными литовскими, польскими, сербскими и другими европейскими образцами, привлечение письменных источников, необходимых при выработке правильной трактовки той или иной эмблемы, которую несет печать, позволили ему сделать наблюдения, которые затем не оспаривались исследователями. Несмотря на наличие у Лакиера ряда противоречий, неясностей при осмыслении им теоретических вопросов сфрагистики, заслуживают внимания его попытки выявить суть самого процесса опечатывания документа. Он не только рассматривает печать как одно «из главных средств проверять подлинность актов

[15] *Kämmerer G. von.* Ueber einige merkwürdige Siegel des Mittelalters. St.-Petersburg, 1852. S. 1—2.

[16] Об этом см.: *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981. С. 8, сн. 9.

и определять время их составления»[17], но видит в ней также внешнее выражение правовых отношений.

Лакиер, по его словам, был далек от «изложения полной науки о печатях». Однако опыт в изучении такого мало исследованного в России и сложного исторического материала, каким являются гербы и печати, позволил Лакиеру заявить скептикам и предполагаемым оппонентам: «…мысль, что будто у нас… не может быть самостоятельной науки о наших гербах и печатях… ложная в основании и последствиях»[18]. Хотя работа Лакиера получила большой резонанс в научных кругах, нельзя сказать, что сфрагистика в России после этого вступила в новую фазу своего развития, т. е. превратилась в научную дисциплину. В частности, остался в стороне и не был выяснен один из кардинальных вопросов — о сущности печати, ее функциях. Дипломатическая литература давала самые общие сведения о печатях как знаках удостоверения актов. Русские правоведы практически не рассматривали печать как проявление общественно-правовой жизни[19].

Попытку осмысления юридического значения печатей предпринял Д. М. Мейчик[20]. Однако он ограничился констатацией факта скрепления того или иного вида акта тем или иным способом, не делая каких-либо выводов о его юридической природе и значимости.

С середины XIX в. русские печати становятся объектом все большего внимания. Появляются, наконец, альбомы отечественных печатей[21] наряду с отдельными публикациями[22]. Тщательное описание печатей при издаваемых документах становится правилом[23], некоторые сфрагистические сюжеты привлекают внимание

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[17] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 87.

[18] Там же. С. 2.

[19] Некоторые наблюдения над формой скрепления документа имеются у К. А. Неволина (*Неволин К. А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т 2. С. 51—52, 54) и у А. Б. Лакиера (*Лакиер А. Б.* Общие основания системы договоров и обязательств по началам русского законодательства // Сын Отечества. Кн. 5. СПб., 1852. С. 72—76).

[20] *Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.

[21] *Иванов П. И.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858; Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Вып. 1. М., 1880; *Прозоровский Д.* Собрание польских и других печатей, принадлежащее имп. Академии художеств. СПб., 1881; *Болсуновский К. В.* Сфрагистические и геральдические памятники Юго-Западного края. Вып. I. Киев, 1899.

[22] См., напр.: *Бередников Я. И.* Записка об открытых в Московском Кремле древностях. СПб., 1844.

[23] См., напр.: *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков): Общее повременное обозрение. СПб., 1863; 2-е изд. СПб., 1882. Здесь автор в известной мере выполнил свое обещание относительно подробного описания древних русских печатей, данное ранее (*Срезневский И. И.* Рядная запись с печатью XIII в. // Зап. Археол. общества. Т. III. СПб., 1851. С. 222). «Факты по части русской сфрагистики» собраны и представлены Срезневским в хронологическом порядке с X по XIV в. наряду с описанием документов, несущих их. А. А. Шахматов,

историков и любителей старины. В частности, княжеские и царские печати составили предмет работы Б. Кёне, изданной в Берлине[24]. Начиная свое изложение с древнерусских памятников сфрагистики — булл, автор доводит его до печатей, ему современных. Кёне сделал ряд вполне справедливых замечаний, касающихся изображений на княжеских печатях, попытался изменить существующую датировку некоторых из них, привел ряд неизвестных данных о русских эмблемах, почерпнутых в иностранных источниках.

В целом можно констатировать, что к концу XIX в. отечественные печати лишь получили право стать объектом исследования. Вряд ли правомерно говорить о складывании к тому времени сфрагистики как системы знаний.

В литературе высказывалось мнение, что направление развития и теоретические положения, на которых базировались с самого начала своего формирования отечественные вспомогательные исторические дисциплины, «определяются общими концепциями исторического процесса дворянского и буржуазного периодов историографии»[25]. Вместе с тем эти дисциплины эволюционируют в связи с определенными, каждой из них присущими закономерностями. Последнее обстоятельство заставляет обратить внимание на процессы, происходящие в каждой из вспомогательных исторических дисциплин независимо от территориальной принадлежности. Другими словами, правильным будет рассматривать развитие той или иной вспомогательной дисциплины на фоне общих закономерностей исторического развития. А это дает возможность соотносить, в частности, развитие сфрагистики в различных странах.

В западноевропейской историографии трансформация печатей в особый вид исторического источника происходит в первой трети XIX в. после выхода в свет труда Х. А. Эрхарда[26], который вывел печати из «зависимого» положения, показав возможности печатей как предмета самостоятельного исследования[27], выделив их, отчуждая от документа, в компетенцию сфрагистики. Предложенная им система изучения печатей нашла последователей в разных странах, и уже через несколько лет появился труд, посвященный актовым печатям[28].

перечисляя ошибки и неудачи при издании грамот в СГТД, отмечал плохое изображение печатей. Переиздавая новгородские грамоты, он заново описывал и их печати, обращая особое внимание на надписи (*Шахматов А. А.* О языке новгородских грамот // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885.).

[24] *Koehne B. de.* Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. B., 1861.

[25] *Каменцева Е. И.* История вспомогательных исторических дисциплин. М., 1979. С. 16.

[26] *Erhard H. A.* Kritische Übersicht der Diplomatik in ihren bisherigen Bearbeitungen und Entwurf eines Systems der Geschichtsquellenkunde // Zeitschrift für Archivkunde, Diplomatik und Geschichte. Bd. II. Hamburg, 1836.

[27] Об этом см.: *Ilgen Th.* Sphragistik // Grundriss der Geschichtswissenschaft. Bd. 1. 2 Lief. Leipzig, 1906. S. 322.

[28] *Melly E.* Beiträge zur Siegelkunde des Mittelalters. Bd. 1. Wien, 1846.

К концу XIX в. во многих государствах Западной Европы вышли обобщающие труды по сфрагистике[29], в основе которых лежали большие комплексы сфрагистических памятников; в европейской исторической науке встал вопрос о систематизации сфрагистического знания[30]. Это стало возможным в результате накопления сфрагистического материала, что было связано в первую очередь с обширной публикацией письменных источников. Издательская деятельность, интенсивность которой в XIX в. была особенно значительной во Франции, Германии и Австрии, охватывала не только документы в целом, но и как отдельную область сфрагистические памятники. Атласы и альбомы печатей со второй половины XIX в. становятся обычными в западноевропейской историографии. Четко выработанные принципы публикации документов (хронологический, региональный и т. п.) сделали возможным выделение в специальные выпуски скрепляющих их печатей, обобщение и анализ последних.

И в России XIX в. дал многочисленные публикации древних документов. Однако, как отмечал еще Лихачев, пользование опубликованными источниками, и в частности применительно к сфрагистическому исследованию, было чрезвычайно затруднено «из-за отсутствия справочных книг для актовых изданий, систематических реестров изданных и неизданных документов, разбросанности издаваемых документов в весьма значительном числе журналов и в еще гораздо большем числе разных серий непериодических и отдельных книг и брошюр»[31].

Думается, что причина подобного состояния сфрагистики, как, впрочем, и геральдики, в отечественной исторической науке XIX в. имеет также объективное логическое объяснение. Русская общественность XIX в. познакомилась с историческими трудами, содержащими сведения о гербах и печатях. Складывалось и представление о них как об источнике. Однако в силу преобладания в исторической науке дворянско-охранительного направления эти источники трактовались прежде всего как памятники истории господствующего феодального класса.

Историческое значение гербов, печатей (если рассматривать их в отрыве от документа, в качестве самостоятельного памятника), эмблем, символов и др., определяющееся прежде всего тем, что они представляют собой внешнее выражение правовых взаимоотношений, социальной структуры, политической иконографии и т. д., не было подчеркнуто в трудах исследователей. Поэтому естественным являлось отношение к вышеназванным памятникам как к атрибутам феодального общества. Последние, как известно, вызывали значительный скепсис в русской общественной среде, особенно когда волна их отрицания после Французской буржуазной революю-

[29] В качестве классического труда подобного рода можно назвать, например: *Seyler G. A.* Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894.

[30] Свои системы классификации печатей предложили, в частности, немецкие ученые Ф. К. Гогенлоэ-Вальденбург и Х. Гротефенд. Об этом см.: *Лихачев Н. П.* Из лекций по сфрагистике. СПб., 1905/1906 уч. год. С. 15—21.

[31] *Лихачев Н. П.* О составлении перечня изданных русских актов. Пг., 1923. С. 1—3.

ции конца XVIII в. докатилась до России. Эти атрибуты отживающего строя, в первую очередь гербы, монархические символы и эмблемы, но также и древнерусские печати, которые в силу их специфической феодальной символики вполне могли быть причислены к подобным знакам, не интересовали (в том ракурсе, в котором они были представлены) общественную мысль настолько, чтобы по-настоящему привлечь к себе внимание. Другие, более насущные идеи волновали русского читателя. Поэтому, вероятно, и появилось некоторое «невосприятие» указанной выше проблематики.

XX в. изменил взгляд научной общественности России на печати. В начале века теоретически осмысляется и вполне четко выделяется предмет изучения, формулируются цели и задачи сфрагистики — научной дисциплины, намечается методика, определяются основные направления исследования. Этот позитивный процесс связан с успехами археологии, в первую очередь с массовыми находками свинцовых печатей, особенно на новгородском городище. Одним из первых, кто сумел по достоинству оценить новые сфрагистические памятники с точки зрения их исторической значимости, был Н. П. Лихачев, крупный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, впоследствии известный советский ученый. Накопленный к началу XX в. сфрагистический материал в виде древнерусских металлических печатей, найденных в земле, его систематизация, а также анализ появившихся в западноевропейской литературе сфрагистических трудов, в основе которых лежали большие комплексы сфрагистических памятников, привели Лихачева к осмыслению теоретических основ сфрагистики. Он определил место и значение печатей в историческом исследовании.

Рассматривая печати как материал для историко-дипломатического знания, Лихачев писал: «Печати являются не только памятниками дипломатическими (скрепа документа), но и чисто историческими (выразители политических тенденций, общественных веяний и взглядов — в изображениях, форме, величине, материале) и памятниками истории искусства, так же как и ценными документами в области истории быта (изображения зданий, одежд, разных предметов утвари и оружия)»[32]. Таким образом, Лихачев, не отрицая значения печати для внешней критики документа, выдвигал на первое место понятие печати как самостоятельного источника. Он же сформулировал основной принцип исследования сфрагистических памятников. Выступая с критикой существующих в западноевропейской литературе различных систем и классификаций сфрагистического материала, он писал, что в основе изучения печатей не могут лежать чисто внешние признаки — форма, рисунок, материал, способ прикрепления печатей. «Мы должны изучать материал (сфрагистический. — *Н. С.*) по государствам и их учреждениям или в хронологическом порядке, подмечая при этом явления преемства, влияния и взаимодействия. Факты сфрагистические должны быть поставлены в тесную зависимость от фактов

[32] *Лихачев Н. П.* Из лекций по сфрагистике. С. 14.

дипломатических»[33]. Кроме этой программной с точки зрения методики сфрагистического исследования установки, Лихачев наметил и опорные пункты конкретного сфрагистического исследования. Это относится к недатированным и неатрибутированным печатям, которые привлекли его пристальное внимание в конце XIX в. и остались самым важным объектом его исследовательской деятельности до конца жизни, — буллам, найденным в земле.

Намеченные в первые годы научных опытов над металлическими печатями теоретические положения были развиты Лихачевым в процессе его дальнейшей работы с памятниками данного вида, количество которых с каждым годом возрастало. Эти положения изложены в его труде по истории византийской и русской сфрагистики[34] и обобщают наблюдения автора прежде всего в области древнерусских булл. Металлические печати, по словам Лихачева, представляют собой «особую главу» русской сфрагистики. История их изучения достаточно полно освещена самим Лихачевым. Особенно же тщательно она проанализирована В. Л. Яниным[35].

Лихачев, хотя и неравномерно распределил свое внимание между различными направлениями сфрагистического исследования, выделив древнерусские металлические буллы, в самых общих чертах все-таки нарисовал картину эволюции печатей средневековой Руси. Первый этап вплоть до XV в. рассматривается им как период византийской ориентации русской сфрагистики. С конца XV в., по его мнению, господствует западноевропейский характер в изображениях и стиле печатей[36]. При характеристике этапов Лихачев исходил из общеизвестного положения, что западноевропейская сфрагистика, не отвергая металлических булл, в основе своей имела воско-мастичные печати. Лихачев также, лишь в принципе принимая подобную характеристику этапов, подчеркивал, что русскую сфрагистику ни в коем случае нельзя представлять только как подражательную. «Могучая, молодая народность, — писал он, — значительно претворяла образцы и их русифицировала»[37].

Предвосхищая один из главных сегодняшних постулатов в подходе к сфрагистическому исследованию, а именно разработку сфрагистики региона, Лихачев писал о необходимости распределения русских сфрагистических памятников по «общепризнанным центрам политической, общественной и экономической жизни»[38]. Им высказывались и другие конструктивные замечания и положения по

[33] *Лихачев Н. П.* Из лекций по сфрагистике. С. 32.

[34] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1; Л., 1930. Вып. 2.

[35] *Янин В. Л.* К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева // Сов. археология. 1962. № 2; *Он же.* Изучение древнерусских вислых печатей; *Он же*. Актовые печати Древней Руси X— XV вв. Т. 1: Введение. М., 1970.

[36] *Лихачев Н. П.* Материалы. Вып. 1. С. 1. Однако он допускает, что начало западноевропейского влияния на сфрагистическое изображение наблюдается уже с конца XIII — начала XIV в. (Там же. Вып. 1. С. 22—23, 30—31, 48, 51, 68—69; Вып. 2. С. 31).

[37] Там же. Вып. 1. С. 13.

[38] Там же. С. 10.

ряду важных общесфрагистических проблем, например по вопросам об аналогиях в сфрагистике различных стран и народов, соотношения знаковой символики с официально признанными эмблемами власти, зафиксированными в памятниках сфрагистики, нумизматики и геральдики, наконец, по чрезвычайно важной проблеме — эволюции функций печати.

В лице Лихачева отечественная сфрагистика обрела не только теоретика, но и популяризатора. Сфрагистика стала преподаваться слушателям Археологического института. Она включалась в курс лекций по дипломатике, а также составляла предмет специальных лекций[39].

Лихачеву принадлежит заслуга и в выделении такой сфрагистической проблемы, как становление русской государственной печати. Еще в 1900 г. он отмечал, что «разновидности государственной печати московских великих князей и царей изучены далеко не вполне». Через несколько лет он попытался заполнить вакуум в историографии этого вопроса, написав сфрагистический очерк, включивший наблюдения над русскими официальными печатями[40]. В поле его зрения находились восковые печати, выявленные при актах XVI—XVII вв., различного характера, царские, а также принадлежащие некоторым должностным лицам: казначею, таможенникам и пр. Приводя множество сведений о печатях, Лихачев тем не менее высказал предположение, что русские печати не поддаются систематизации. Этот тезис был опровергнут его последующими построениями в области древнерусских булл. Что же касается печатей — восковых оттисков, то он понимал, почему не смог реконструировать картину их эволюции: сфрагистическое исследование он ставил непосредственно в зависимость от обозрения, описания и издания документов, особо подчеркивая важность публикации целостных групп актов Московской Руси.

Справедливость научного предвидения Лихачева о решающем значении издания всего комплекса русских актов в деле разработки многих проблем русской истории, в том числе сфрагистики, подтвердилась на практике. На основании большого количества собранных им документов, относящихся к 1611—1612 гг., прежде всего жалованных грамот на поместья, он создал стройную схему использования и употребления земской печати[41]. «Устроение» земской печати (на черном воске оттискивался одноглавый орел с ветвью в когтях) произошло в Первом ополчении 30 июня 1611 г. Не имея в своих руках достаточного количества материала о действии управленческой системы Второго, Нижегородского ополчения, Лихачев между тем утверждал, что правительство К. Минина и Д. Пожарского использовало в приказных делах с весны 1612 г. ту же самую печать, что и правительство Ляпунова — Трубецкого — Заруцкого. Собранные Лихачевым сфрагистические материалы в рамках

[39] *Лихачев Н. П.* Из лекций по сфрагистике; *Он же.* Древнейшая сфрагистика. Из лекций по дипломатике, читанных в Археологическом институте за 1904/1905 уч. год. СПб., 1906.

[40] *Лихачев Н. П.* Хрисовулы тверских князей. С. 160; *Он же.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. Разд. II. СПб., 1903.

[41] *Лихачев Н. П.* Земская печать Московского государства в Смутное время. М., 1914.

известных ему документов Первого и Второго ополчений, анализ статей, в которых говорилось о печатях, позволили ему составить схему политических представлений Первого ополчения, его прав и полномочий, взаимодействий со Вторым ополчением, притязательных воззрений Земского правительства в целом. Так, утверждая, что Нижегородское ополчение приняло с самого начала ту же самую печать, что и Первое, Лихачев как бы подчеркивал, что Второе ополчение тем самым принимало, так сказать, и «ляпуновскую идеологию».

Обнаружение новых документов с печатями изменило схему, выстроенную Лихачевым. Изучивший приказные материалы Нижегородского ополчения П. А. Садиков[42] обратил внимание на несоответствие вывода Лихачева подлинному оформлению приказных документов Нижегородского ополчения. Все акты были скреплены личной перстневой печатью кн. Пожарского. С нее резалась печать привесная, используемая для международной корреспонденции. Таким образом, официальной печатью Второго ополчения была, по-видимому, личная печать кн. Пожарского. Только с момента воссоединения двух ополчений единственная государственная регалия Земского правительства начала функционировать в соответствии со своим прямым назначением в качестве государственной печати. Этот сам по себе замечательный сфрагистический сюжет, где печати очень искусно демонстрируются в качестве источников, свидетельствующих о политических устремлениях их создателей (по-видимому, Лихачев и преследовал прежде всего эту цель), служит доказательством, что сфрагистическое построение, на основе которого делаются исторические выводы, не может базироваться на отдельных авторских находках, в его основе должен лежать «исчерпывающий сбор материала».

Лихачев неоднократно обращался к вопросу о происхождении государственной печати. Намеченный им аспект исследования государственных печатей включает последние в круг незаменимых источников при разработке вопросов «политической символики». При помощи ее выражаются основные идеи государственной политики, отражаются моменты суверенитета и подданства, внутригосударственные устремления, внешнеполитические замыслы и пр.

Таким образом, Н. П. Лихачев — основоположник научного сфрагистического знания. Благодаря его трудам сфрагистика из узкого раздела дипломатики превратилась в самостоятельную дисциплину, обретя свое содержание. И речь идет не только об изучении древнерусских металлических печатей. Указанные здесь работы Лихачева, посвященные феодальным восковым печатям, кстати малоизвестные, свидетельствуют, что и этот сфрагистический материал обладал в глазах ученого качеством ценнейшего источника. Сложный период русской истории, личная судьба замечательного ученого, а главное — переключение научного интереса, вплотную заставившего его обратиться к металлическим печатям, количество находок которых все возрастало, создавая обширный комплекс в отличие от единичных, порой случайно обнаруженных в архивах, не образующих целостных групп сфрагистиче-

[42] *Садиков П. А.* «Земская» печать и Нижегородское ополчение // ЛЗАК. Вып. 35. Л., 1929.

ских памятников (последние и не могли возникнуть из-за специфики публикаций источников, о чем говорилось выше), — все эти причины, думается, повлияли на последующий отказ Лихачева от разработки сфрагистических проблем, связанных с восковыми печатями.

Примеру Лихачева, задававшего тон в начале века в освоении сфрагистики, последовали А. В. Орешников и А. С. Лаппо-Данилевский. Известные специалисты, один — в области нумизматики, другой — дипломатики, внесли свой вклад в развивающуюся науку о печатях.

Работа Орешникова[43] представляет собой очерк русской сфрагистики, который явился одним из этапов обобщения отечественного материала по печатям и, не разрабатывая детально сфрагистических проблем, тем не менее содержал в себе ценные сведения и наблюдения в данной области. Для нас особенную важность представляют общие установки работы Орешникова. Он подчеркивал общность нумизматики и сфрагистики XIV—XV вв., которая, по его мнению, состояла прежде всего в произвольном выборе изображений на тех и других памятниках, что он объяснял полным отсутствием на Руси в XIV—XV вв. понятий об эмблеме или гербе, во взаимозависимости сюжетов на удельных монетах и печатях частных лиц. Орешников, пожалуй, впервые высказал мысль о существовании разветвленной системы печатей на Руси, в качестве обязательного компонента сопровождающих не только княжеский, но и любой официальный документ. Это признание существования института печати в Древней Руси (в отличие от прежних констатаций в отношении печатей — княжеских регалий) являлось весьма существенным и в дальнейшем было доказано на соответствующем материале Лихачевым.

Несомненной заслугой Орешникова была чисто практическая публикаторская деятельность в области сфрагистики. В этом же очерке он поместил изображение металлических булл, скрепляющих ряд великокняжеских грамот московских, тверских и др., соответственным образом прокомментировав их. Впоследствии Орешников еще не раз возвращался к сфрагистическим сюжетам[44].

Работа Лаппо-Данилевского[45] посвящена изучению печатей, скрепляющих грамоты галицко-владимирских князей 1315—1341 гг. Это типично сфрагистическое исследование, предусматривающее подробное описание материала, шнуров, изображений на печатях, поисков аналогий этим изображениям, установление типов печатей, заканчивается выводами о перекрещивании культурных влияний и традиций в оформлении сфрагистического типа княжеских печатей XIV в.: византийских и западноевропейских.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[43] *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике.

[44] *Орешников А. В.* Прикладная печать князя Мосальского-Рубца // Нумизматический сборник. Т. 1. М., 1911.; *Он же.* Перстень св. Алексея митрополита // Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. II. Прага, 1928.

[45] *Лаппо-Данилевский А. С.* Печати последних галицко-владимирских князей и их советников // Болеслав Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907.

На основании анализа наиболее значительных работ, способствовавших формированию отечественной сфрагистики как системы знания, можно констатировать, что в дооктябрьский период определилось ее содержание, она выделилась из дипломатики. Более того, сфрагистика сложилась в самостоятельную дисциплину, о чем свидетельствовали труды прежде всего Лихачева, широко рассмотревшего сфрагистические памятники с точки зрения их исторической значимости.

Однако социальное качество сфрагистика обрела лишь на новом этапе своего развития — в советской исторической науке. Вспомогательная функция ее оттесняется на второй план, и сами сфрагистические памятники служат теперь основой для важных исторических построений. Это качество отечественное сфрагистическое исследование приобрело далеко не сразу. После 1917 г. сфрагистика развивалась в русле общеисторического исследования. Например, когда в исторической науке утверждался метод всесторонней разработки источников, печати стали предметом особого внимания историков, анализирующих комплексы документов[46]. Авторы подчеркивали роль печатей как исторических памятников, способствующих осмыслению содержания документа. В то же время сфрагистика, сохраняя утвердившиеся в начале века позиции самостоятельной научной дисциплины, продолжала эволюционировать в уже наметившихся направлениях. Основу сфрагистического исследования в тот период составили свинцовые печати из археологических раскопок, результаты изучения которых в виде отдельных очерков нашли отражение в упоминавшемся выше труде Лихачева «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики».

Однако и в курсах лекций по вспомогательным историческим дисциплинам, и в обобщающих трудах по методологии истории сфрагистика все еще рассматривалась в традициях буржуазного исторического знания: ей отводилась роль раздела дипломатики. При формулировании ее задач подчеркивалось, что печать должна изучаться в качестве одного из средств, доказывающих подлинность, достоверность документа[47].

Когда упрочились позиции научного понимания исторического процесса, наблюдается уже более творческий подход к осмыслению проблем, связанных с изучением печатей. Наряду с отведением им роли инструментов для внешней критики источника подчеркивается, что «печати представляют чрезвычайно ценную категорию в общем комплексе материалов для историко-археологического познания эпохи»[48]. Предпринимаются попытки собрать воедино библиографические сведения о древнерусских печатях (металлических и восковых), чтобы

[46] *Андреев А. И.* Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XII // ЛЗАК. Вып. 33. Л., 1926.; *Садиков П. А.* Указ. соч.

[47] *Большаков А. М.* Вспомогательные исторические дисциплины. 4-е изд. Л., 1924. С. 130; *Саар Г. Л.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930. С. 51—55; *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931. С. 81—82.

[48] *Коробков Н., Иванов Б.* Русские печати // Архивное дело. 1939. № 3 (51). С. 31.

сделать эти памятники древности более доступными для исследования[49]. Показательно также, что в работах, затрагивающих в той или иной степени проблемы отечественной сфрагистики, встречаются важные наблюдения теоретического порядка, способствующие пониманию социальной значимости печатей. Здесь прежде всего имеются в виду работы М. Максимовой[50] и Б. А. Рыбакова о княжеских знаках собственности[51].

Таким образом, в советской исторической науке сфрагистика как научная дисциплина обрела социальное лицо, проявившееся наиболее ярко в последующих трудах.

Практическим воплощением переосмысления целей и задач сфрагистики явилась монография В. Л. Янина о новгородских посадниках[52]. Свинцовые печати, обнаруженные в Новгороде, послужили для автора основным источником при реконструкции института посадников, т. е. при воссоздании картины политического устройства Новгорода. В другом капитальном сфрагистическом труде[53] Янин на более широком материале восстанавливает историю древних русских государственных институтов, прослеживает основные моменты их развития, фиксирует не отраженные в иных источниках административные реформы, показывающие становление аппарата государственной власти в Древней Руси. Формированию и решению в обеих книгах ряда исторических проблем предшествовали исчерпывающий сбор материала и составление его свода, разработка и применение совершенной методики исследования, анализ письменных и вещественных источников.

Обстоятельный разбор труда Янина уже предпринят в советской историографии[54]. Янину отечественная сфрагистика обязана определением ее первоистоков, выделением архаического «довизантийского» типа печати. Он четко разграничил этапы бытования в Древней Руси того или иного типа буллы, определил и рубеж в истории древнерусских печатей — начало XII в.; с этого времени, по мысли ученого, в Новгороде наблюдается тенденция к упрочению княжеской буллы и использованию вислой свинцовой печати другими институтами власти, а на юге она угасает. Янин сформулировал тезис о функциональной сущности русской буллы, считая основным назначением вислых печатей их употребление при официальных документах, скрепление актов, а также высказал ряд других конструктивных положений.

[49] *Орлов А. С.* Материалы для библиографии русских печатей (XI—XV вв., до 1425 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 245.

[50] *Максимова М.* Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. Л. 1.

[51] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // Сов. археология. Кн. VI. М.; Л., 1940.

[52] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.

[53] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I—II. М., 1970.

[54] *Каштанов С. М.* Древнерусские печати: Размышления по поводу книги В. Л. Янина // История СССР. 1974. № 3.

Осуществленное в нашей стране исследование металлических печатей, разработка методических приемов их анализа и сделанные на основе изучения сфрагистических памятников историко-социологические выводы не имеют аналога в европейской сфрагистике. На фоне столь блестящих научных достижений в разработке одного вида сфрагистических памятников особенно значительным кажется отставание в изучении печатей, отличающихся от вышеназванных по материалу и хронологически. Речь идет о печатях при документах.

Итак, с одной стороны, своеобразный путь развития отечественной сфрагистики (в силу специфики превалирующего в научном обороте материала); с другой — общие (характерные не только для отечественной науки) принципы развития дипломатического исследования, отвергающего печати как предмет, входящий в его сферу[55], и относящего актовые печати к сфрагистике. В итоге актовые печати остаются в настоящее время в стороне и от сфрагистики, и от дипломатики. Их научная разработка пребывает на уровне фиксирования печати (с большей или меньшей точностью описания) при публикации актов и других документов. Как правило, это делается после издания текста[56], но встречается и табличный метод публикации актовых печатей в конце тома[57], что, впрочем, кардинально не влияет на состояние их изученности.

Как показывают выработанные в настоящее время международные правила издания средневековых грамот[58], дипломатисту вменяется в обязанность уделять вполне конкретное внимание печати: при издании акта сообщать о присутствии печатей или их следов, указывать цвет, размер и способ прикрепления печати. Дебатируется вопрос о месте, где помещать полное описание печати: в примечании после издания текста, в таблице в конце тома или в предисловии к тому[59]. С позиций сфрагистического исследования это научная обработка печатей, так сказать, в первом приближении. Подобный подход предполагает достаточную разработанность сфрагистических моментов, а именно наличие каталогов печатей, их научную систематизацию в архивных или музейных собраниях (в местах хранения издаваемых актов), предполагает вполне квалифицированные отсылки, обусловленные существовавшей традицией исследования актовых печатей. Действия в указанном направлении специалистов по отечественной дипломатике имеют на своем пути преграду в виде отсутствия подобной традиции. Отсутствие целостности, комплексности, определенной системы в издании документов (по какому

[55] *Каштанов С. М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 39; *Он же.* Дипломатический состав древнерусского акта // ВИД. Л., 1969. Вып. II. С. 144.

[56] Например, в изданиях: АСЭИ. Т. I—III. М.; Л., 1952—1964; Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Вып. 1—5. М., 1977—1985.

[57] ДДГ. М.; Л., 1950.

[58] *Каштанов С. М.* Современные принципы издания латинских грамот // АЕ за 1983 г. М., 1985.

[59] Там же. С. 43.

бы принципу — по фондам, по разновидностям документов, по территориально-политическому признаку — они ни публиковались) мешало созданию сводов печатей и, таким образом, явилось своеобразным тормозом развития в России актовой сфрагистики, не позволяло, в частности, появиться научным каталогам актовых печатей XIV—XV вв.

Осуществленные в послевоенные десятилетия издания русских актов XIV — начала XVI в., охватывающие практически все известные к настоящему времени акты данного хронологического периода, предопределяют изучение и сфрагистического материала этого времени. Целостность комплекса документов имеется для такого важного региона, как Северо-Восточная Русь, ставшего ядром централизованного Русского государства. Эта целостность обусловливает разработку сфрагистики данного региона[60], научный анализ печатей, скреплявших акты. Речь идет о решении таких вопросов, которые и не могли быть поставлены в результате анализа находящегося до сих пор в научном обороте сфрагистического материала, ибо практически этот материал был отчужден от документа.

По Эрхарду, сфрагистическое исследование должно содержать определенные компоненты и в первую очередь сообщать сведения:

1) о происхождении, истории и использовании печатей в целом;

2) о материале, из которого изготовлялись печати;

3) о различной форме печатей;

4) о способах скрепления печатями грамот и писем;

5) об изображениях (с выделением подгрупп), имеющихся на печатях;

6) о надписях, помещаемых на печатях (легенде);

7) о существующих различиях между печатями (пример: секретная печать и контрпечать) и т. п.[61]

Как видим, подход Эрхарда предполагал активное участие в подобном исследовании документа (грамоты, акта).

В трудах западноевропейских исследователей как прошлого столетия[62], так и XX в.[63] читатель находит, как правило, ответы на поставленные Эрхардом вопросы. Однако уровень сфрагистического исследования за полтора столетия возрос, и не случайно освещение подобных моментов многими исследователями печа-

[60] Под сфрагистикой региона понимается комплекс памятников сфрагистики, принадлежащих к определенной территории, которая представляет собой особую историческую область и вместе с тем самостоятельную единицу территориальной организации, главным образом политико-административную, которую отличают особенности экономические, социальные, культурные и этнические. Сфрагистику региона составляют печати лиц и институтов, связанных общей территориальной принадлежностью в определенный хронологический период. Об этом см.: *Kuczyński S. K.* Pieczęcie książąt Mazowieckich. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1978. S. 7—8.

[61] *Erhard H. A.* Op. cit. S. 420.

[62] См., напр.: *Lecoy de la Marche A.* Les sceaux. P., 1889; *Roman J.* Manuel de sigillographie française. P., 1912; *Seyler G. A.* Op. cit.; *Ewald W.* Siegelkunde. München, 1914; etc.

[63] *Kittel E.* Siegel. Braunschweig, 1970.

тей оценивается лишь как отправная точка на пути к более глубокому проникновению в сущность института печати[64]. Конкретно сфрагистические данные все более используются применительно к вопросам дипломатики[65], а также в связи с разработкой некоторых более общих историко-культурных проблем европейского средневековья[66]. Ибо печать, исполняя функцию знака, удостоверяющего юридическую силу документа, указывающего на происхождение последнего и подтверждающего его подлинность, так же как и структура документа в целом, эволюционирует и трансформируется в контексте с общим направлением государственной политики, культурного развития страны, с традиционностью контактов и разнообразием рецепций. Институт печати, следовательно, — одно из звеньев в цепи явлений, характеризующих эпоху, прежде всего такие ее особенности, как юрисдикция, политическая ориентация верховной власти, идеологические представления, художественная культура.

Как формировался институт печати в средневековой Руси, какое место занимал он в практике становления системы органов власти и управления в русских княжествах в XIV—XV вв., какая роль отводилась ему в русле общих тенденций, влияющих на становление единого Русского государства? Ответы на эти и подобные вопросы, в которых можно было бы почерпнуть важные факты, раскрывающие внутренние закономерности процесса возникновения и развития феодального права и судоустройства, зависят от разработки целого комплекса источниковедческих задач, в том числе задач, возникающих перед исследователем русских печатей XIV—XV вв. Важнейшие из них следующие: определение юридической природы и значимости печати как таковой (в силу неразработанности этого вопроса в отечественной историографии), анализ соразмерности эволюции отечественных печатей с параметрами развития данного правового института в Европе, в частности исследование начального этапа возникновения печатей в Древней Руси, становление на Руси нового типа печатей, сменивших традиционную металлическую буллу, переход к вислым и прикладным печатям — оттискам, возникновение общегосударственной печати, иконографические характеристики русских печатей XIV—XV вв. как продукта культурного и политического развития своей эпохи.

Решение проблем изучения восковых печатей Руси сопряжено со значительными трудностями, ибо наталкивается на ряд препятствий. Во-первых, это качественная и количественная специфика сохранившихся источников. Имеется в виду не только плохая сохранность (в силу хрупкости материала — вос-

[64] *Gumowski M., Haisig M., Mikucki S.* Sfragistyka. W-wa, 1960. S. 14; *Hlaváček 1., Kašpar J., Nový R.* Základy pomocných věd historických. Praha, 1974. S. 104; *Battenberg F.* Das Hofgerichtssiegel der deutschen Kaiser und Könige 1235—1451. Köln; Wien, 1979. S. 8.

[65] *Каштанов С. М.* Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 26—41.

[66] *Kuczyński S. K.* Op. cit.; *Battenberg F.* Op. cit.

ка, а также неудачного хранения) оттисков печатей. Комплекс дошедших до нас источников — носителей знаков удостоверения, чем являются печати, чрезвычайно неравномерен как в хронологическом, так и в видовом плане, что объясняется характером и условиями их подбора и хранения[67]. Во-вторых, научная неразработанность (отсутствие монографических исследований) таких основополагающих тем дипломатики, как история удельных княжеских канцелярий и канцелярии московских великих князей[68], история русского акта, прежде всего частного[69]. В-третьих, отсутствие в трудах отечественных историков права (особенно в большом количестве дореволюционных работ) четких правовых характеристик ряда институтов, существовавших в Русском государстве, таких, напри-

[67] АСЭИ. Т. I. С. 4.

[68] Отдельные вопросы делопроизводственной практики удельных князей и великих князей московских рассматривались как в трудах дореволюционных ученых, изучавших дипломатический материал (*Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920), так и в обобщающих трудах советских историков: С. Н. Валка, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина, С. М. Каштанова, а также в работах исследователей, посвященных отдельным разновидностям актов (см., напр.: *Колычева Е. И.* Полные и докладные грамоты XV—XVI вв. // АЕ за 1961 г. М., 1962; *Семенченко Г. В.* О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // Там же за 1983 г. М., 1985). Вплотную подошел к исследованию канцелярии московских великих князей лишь В. А. Водов (*Водов В. А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. — 1425 г.) // Исторические записки. Вып. 103. М., 1979).

[69] Изучение отечественного акта получило широкое развитие в работах советских ученых (об этом см.: *Копанев А. И.* Советская дипломатика // ВИД. Вып. I. С. 56—73). Однако в актовом источниковедении имеется проблема, разрешить которую историкам не удалось до сих пор, несмотря на специальную разработку вопроса в последние десятилетия (*Алексеев Ю. Г.* Частный земельный акт средневековой Руси: От Русской Правды до Псковской судной грамоты // ВИД. Вып. VI. Л., 1974; *Свердлов М. Б.* Древнерусский акт X—XIV вв. // Там же. Вып. VIII. Л., 1976; *Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986; *Семенченко Г. В.* Духовные грамоты XIV—XV вв. как исторический источник: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1983). Это проблема происхождения и развития частного акта, в которой центральное место занимает пункт о хронологии его возникновения на Руси. В последнее время исследователи, изучающие эволюцию феодальной земельной собственности, все более склоняются к мысли о становлении частного акта начиная с середины XIV в. (*Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 246; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 32—34).

Вопрос о времени возникновения частного акта имеет непосредственное отношение к сфрагистическому исследованию, ибо удостоверительная часть, являясь неотъемлемой частью акта, развивается вместе с ним. С печати, по мнению С. Н. Валка, акт начал историю удостоверительной своей части. Именно достигнутый в процессе развития акта состав (уровень) удостоверительной части, доказывающей действительность совершившегося правоотношения, свидетельствовал об окончательном формировании акта как гаранта сделки (*Валк С. М.* Рецензия на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов» // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 250—251; *Он же.* Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 122—123, 129).

мер, как институт знаков собственности, включая княжеские[70], институт герба и др., в том числе и институт печати.

Однако вопросы всестороннего изучения явлений русского феодализма, решенные в оптимальном варианте, требуют исчерпывающего по глубине и широте охвата комплекса используемых источников, поэтому разрешение, казалось бы, сугубо сфрагистических проблем приобретает характер научной необходимости.

[70] Об этом см.: *Ефименко П.* Юридические знаки // ЖМНП. 1874. № 10. С. 56; *Соловьев Е. Т.* Знаки собственности в России: Историко-арехеологический очерк. Казань, 1885. С. 1. Значение знаков собственности как юридических феноменов неоднократно подчеркивалось. См.: *Болсуновский К. В.* Дрогичинские пломбы. Киев, 1892. 4.1. С. XIV—XXI; *Орешников А. В.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия Академии наук. Отделение гуманит. наук. Сер. 7. 1930. № 2. С. 111; *Он же.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 37; *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. С. 234—235.

О ПРАВЕ ПЕЧАТИ

Вопрос о праве печати впервые поставили глоссаторы канонического права. Один из них — Конрад фон Муре сформулировал очень образно функцию печати при документе, назвав печать телом документа, текст которого является его душой[1]. В значительной степени толкователи церковного права основывались на папской доктрине о развитии документов, по которой печати отводилась роль критерия подлинности и достоверности документа. Основополагающим здесь признается декреталий папы Александра III, датируемый 1167—1169 гг.[2] В нем определялось, что только документы, составленные нотариусами или скрепленные аутентичной (подлинной, достоверной) печатью, следует считать вероподстойными. Однако точное определение аутентичной печати нельзя найти ни у одного толкователя канонического права. Бросаются в глаза их разногласия: как определить понятие *sigillum authenticum*, круг сановных лиц, чьи печати можно было принять за аутентичные[3].

Можно указать еще на целый ряд рекомендаций и постановлений, вышедших из папской канцелярии, касающихся правового значения печати[4]. Именно под влиянием канонического права утверждается статус печати как критерия

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[1] «Sicut enim hominem duo perficiunt: corpus et anima, sic ut litteram duo perficiunt: virtus verborum, que se habet ad modum anime, et sigillum quod se habet ad modum corporis» («Как человека поистине две (вещи) делают; тело и душа, так и документ делают два (обстоятельства); сила слов, которая (соответствует) образу души, и печать, которая (соответствует) телу»). В своем трактате «Summa de arte prosandi» (1275) цюрихский каноник, формулируя правила выдачи документа, подчеркивал, что одним из средств его заверения является печать. Он тщательно разбирает ряд сфрагистических сюжетов, излагает конкретные факты, касающиеся материала, формы печатей, изображений, легенд, отмечает соответствие лиц, упоминаемых в тексте, с теми, кто прикладывал печать, выявляет отметки и свидетельства нотариуса. Однако в трактате отсутствует четкое обоснование законности использования той или иной печати в качестве знака, свидетельствующего о юридической силе документа. По мнению автора, жизненная практика определяет, какая из печатей (чья) обладает силой гаранта (опубликован в кн.: Quellen und Erörterungen zur bayerischen und deutschen Geschichte. München, 1863. Abt. 1. Bd. 9. S. 405—482. Об этом см. также: *Gumowski M., Haisig M., Mikucki S.* Sfragistyka. W-wa, 1960 (далее: Sfragistyka). S. 17).

[2] *Johanek P.* Zur rechtlichen Funktion von Traditionsnotiz, Traditionsbuch und früher Siegelurkunde // Recht und Schrift im Mittelalter / Hrsg. von P. Classen. Sigmaringen, 1977. S. 159—160; *Trusen W.* Zur Urkundenlehre der mittelalterlichen Jurisprudenz // Ibid. S. 206—207.

[3] *Redlich O.* Die Privaturkunden des Mittelalters // Urkundenlehre. München; B., 1911. III. Teil. S. 112; *Ewald W.* Siegelkunde. München; B., 1914. S. 42.

[4] Sfragistyka. S. 16.

достоверности документа, заменяющей в этом плане показания свидетелей и собственноручную подпись на документе, существующую в качестве удостоверения со времен античности.

П. Еханек пишет: «С уверенностью можно сказать одно: эти указы (папские. — *Н. С.*) утвердили повсеместно раз и навсегда печать как средство удостоверения, а для территории к северу от Альп на долгое время и как единственное средство удостоверения. В них были сформулированы твердые критерии гарантий документальных записей. Эти указы освобождали документ, заверенный печатью, от бремени остатков архаического способа удостоверения, которые еще существовали вначале. Эти указы превратили документ, заверенный печатью, в рациональный процессуальный инструмент доказывания, которого требовало вновь создаваемое церковное право и который соответствовал сложным общественным отношениям позднего средневековья»[5].

С течением времени аутентичными печатями каноническим правом начали признаваться печати всех духовных корпораций и сановников, включая приходских священников. Право аутентичности распространялось на печати и светских князей[6]. Подобное толкование правомочности печати привело к признанию безусловной доказательности документа, снабженного печатями духовных и светских феодалов. О городских печатях ничего не говорилось, но на практике городские советы и суды шеффенов в немецких городах, в частности, выдавали удостоверенные печатями документы.

Понятие «право печати» находит отражение и в светских правовых памятниках средневековой Европы (как считают ученые, здесь не обошлось без влияния норм канонического права[7]). Например, в Швабском зерцале, известнейшем немецком законодательном памятнике XIII в., делается различие между печатями, обладающими силой доказательства в широком смысле (для документов, посылаемых за пределы собственных владений), — это печати пап, королей, церковных и светских князей, а также прелатов, капитулов, конвентов, и печатями, предназначенными для внутреннего употребления; печати прочих «господ» имеют силу только в их собственных делах и делах подчиненных им лиц. Здесь же ставится вопрос и о правомочности городской печати[8].

Статьи о печатях упомянутого законодательного памятника являются отражением существовавшей во время его составления юридической практики, которая сталкивалась со всевозрастающим количеством и разнообразием скрепляющих грамоты печатей. Средневековый юрист, имея в своих руках грамоту с печатью, рассматривал ее как свидетельство и доказательство того, что грамотой скрепле-

---

[5] *Johanek P.* Op. cit. S. 162. См. также: *Trusen W.* Op. cit. S. 198—199.

[6] *Ilgen Th.* Sphragistik // Grundriss der Geschichtswissenschaft. Leipzig, 1906. Bd. 1. 2 Lief. S. 360; *Kuczyński S. K.* Pieczęcie książąt Mazowieckich. Wroclaw; W-wa; Kraków, Gdańsk, 1978. S. 27.

[7] *Trusen W*. Op. cit. S. 206.

[8] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 360; *Kittel E.* Siegel. Braunschweig, 1970. S. 128.

но обязательное юридическое действие, о котором объявлено в соответствующей компетентной инстанции, зафиксированное письменно на вечные времена. В этом плане доказательная сила запечатанной грамоты была гораздо значимее доказательной силы свидетельских показаний. Подлинность грамоты с печатью могла вызвать сомнения только в том случае, если форма текста или печать давали повод для такого сомнения. В подобном случае большое значение придавалось сохранности печати. В транссумптах (копиях) XII—XIV вв. постоянно встречаются формулы, свидетельствующие, что печать оригинала находится в полной сохранности. Перед списком с текста грамоты давалось точное описание печати — изображения и легенды (надписи). Грамоты с поврежденной либо утраченной печатью нуждались в подтверждении их правовой силы иными средствами. Показательно, что отмена предоставляемых грамотой прав символически выражалась в отрезании висящих на нитях печатей[9].

Правовое значение печати зафиксировано, кроме Швабского зерцала, многими другими законодательными памятниками Европы XIII—XIV вв. Так, статут адриатического острова Корчулы XIII в., древнейший после Русской Правды памятник славянского права[10], фиксирует использование в судопроизводстве печати для вызова в суд — *sigillum citationis*[11] (Ladungssiegel — «печать вызова»). Подобная печать (формального вызова) упоминается в законах о судопроизводстве венгерских королей уже в XI в. Отражением древнего обычая является упоминание *sigillum citationis* в письменных требованиях о явке в суд, которое сохранилось в Венгрии вплоть до XIX в.[12] В Золотой булле 1222 г. короля Эндре, утверждающей привилегии венгерского дворянства, королевская печать упоминается в качестве утверждающего средства[13]. В одном из самых ранних правовых памятников средневековой Чехии XIII — начала XIV в., Праве земли Чешской — Рожмбергской книге, который представляет собой и юридический сборник, и руководство по применению правовых норм, и в какой-то мере теоретическую разработку права, в статьях, регламентирующих судопроизводство, в частности порядок вызова в суд, зафикси-

[9] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 361.

[10] *Пашуто В. Т.*, *Шталь И. В.* Корчула. Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула XIII в. М., 1976.

[11] «Итак, постановляем, если кто-либо будет зван к ответу о поручении господина князя через его посланца, или по слову глашатая, или через иного человека с печатью, и не придет, отпадет от права своего по данной на него жалобе, если не имеет справедливой помехи, за которую поручится в оправдание себе перед господином князем, и князь с большей частью судей возымеет попечение об этой помехе, каковая, если будет справедлива, даст ему изрядный срок по попечению господина князя» (*Пашуто В. Т.*, *Шталь И. В.* Корчула. С. 147, ст. XXIII).

[12] *Ewald W.* Op. cit. S. 30; *Kittel E.* Op. cit. S. 126.

[13] «Для того чтобы в соответствии с этим установлением и порядком все осталось в силе и нерушимо как в наше время, так и при наших преемниках, я приказываю, чтобы этот акт был написан в семи экземплярах, которые будут скреплены вашей золотой печатью» (Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 711).

ровано обязательное использование земской печати в качестве символа земского суда, при помощи которой осуществлялся вызов ответчика по иску жалобщика[14]. Существует описание сохранившейся печати земского суда с соответствующей правовой надписью, которая удостоверяла, что ее предъявитель является судебным чиновником, осуществлявшим вызов в суд[15]. Чешские исследователи отмечают, что функция этой печати была вполне определенной: она служила только знаком вызова в суд и не выступала в качестве утвердительного знака грамот[16] (грамоты скреплялись королевской печатью).

Указание на «знак судьи» встречается также в первом писаном своде норм польского обычного права — Польской Правде XIII в.[17] Этот факт позволил польским ученым заявить о существовании в раннефеодальном польском государстве специальной печати для вызова в суд[18].

Законодательный памятник Польши XIV в. — Статут короля Казимира III 1347 г. — содержит специальную статью «О печати отцевской детем», устанавливающую порядок оформления (скрепления печатью) документа, касающегося одной семьи[19].

Можно привести и другие примеры, подтверждающие упрочение правового статуса печати путем включения соответствующих статей в различные европейские средневековые законодательства[20].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[14] «Кто возьмет коморника пражского для вызова в суд, должен за это уплатить тому, кому приказано коморников назначать, три геллера; и за печать тому, кто давал коморникам земскую печать, то есть писарю, который досками ведает, либо тому, кому приказано печати раздавать, должен дать два геллера» (Хрестоматия памятников феодального государства… С. 837). Вопросы о печати рассмотрены и в других параграфах раздела, касающегося вызова в суд, — первого этапа судебного разбирательства. Эти правовые обычаи сложились гораздо раньше, чем были записаны в Рожмбергской книге (*Jireček H.* Právnický život v Čechách a na Moravě. Praha; Brno, 1903. № 71 — Kniha Rožmberská. S. 73—76; *Ясинский А. Н.* Основные черты развития права в Чехии XIII—XV вв. Юрьев, 1902. С. 7).

[15] *Jireček H.* Slovanské právo v Čechách a na Moravě. Praha, 1864. T. II. S. 223—226.

[16] *Fiala Z.* Panovnické listiny, kancelář a zemský soud za Přemysla II (1247—1253—1278) // Sbornik archivních práci. T. 1, Č. 1. Praha, 1951. S. 279.

[17] «Если ответчик не явится в суд по первому и по второму вызову коморника или по знаку (распоряжению) судьи, то за каждый раз он подлежит штрафу в 6 гривен, а истец должен вызвать его указанным образом в третий раз» (Хрестоматия памятников феодального государства и права. С. 739). Слово «распоряжение» в переводе не точно. В подлиннике употреблено выражение *mit des richters zeychen* — со «знаком судьи» (Starodawne prawa polskiego pomniki / *Wyd. A. Z.* Helcel. T. 2. Krakow, 1870. S. 15. См. также: *Винавер М.* Исследование памятника польского обычного права XIII века, написанного на немецком языке. Варшава, 1888. С. 122).

[18] Sfragistyka. S. 70.

[19] «О печати отцевской детем. Иже сынове со отцы суть, а одного права, про то уставление чиним: где есть им потребизна, абы отцевой печатью печатали, а иньшие своее не имели, а ни смели имети» (Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1. СПб., 1846. № 2).

[20] *Ewald W.* Op. cit. S. 31 (ссылка на Т. Ильгена).

Включение статей, так или иначе фиксирующих функциональные свойства печати, в законодательные памятники — это свидетельство повсеместного признания за ней силы правового атрибута. Осмысление печати как юридического атрибута повлекло за собой формирование понятия «право печати», с которым мы встречаемся практически во всех сфрагистических и во многих дипломатических трудах западноевропейских исследователей вплоть до сегодняшнего дня (например: известная книга Э. Киттеля «Siegel» содержит специальный раздел «Право печати»)[21]. Под «правом печати» понимается комплекс ее функций, становление которых осуществлялось на протяжении многовековой ее истории.

В большей или меньшей степени история печати изложена в обобщающих сфрагистических работах западноевропейских ученых (Г. Зейлера, В. Эвальда, Т. Ильгена, Э. Киттеля, А. Лекой де ля Марша, И. Метмана, в коллективном труде польских ученых «Sfragistyka» и др.), в мировой исторической литературе библиография работ, в которых исследуются печати, насчитывающая тысячи названий, занимает значительное место[22].

И все же приходится констатировать, что многие моменты эволюции печати как элементы общественно-правовой жизни, утвердившейся в качестве института в глубокой древности и сохранившей этот статус до сегодняшнего дня во всех государствах мира, остаются гипотетическими. Начать с того, что классическое определение печати, данное в труде Ильгена[23], постоянно модифицируется[24]. Причина не в том, что первая дефиниция неверна, скорее, она стала неабсолютной в связи с «расширением» или углублением сфрагистического исследования. «Расширение» предполагает выход за рамки «латинского» культурного региона, которыми ограничивалось сфрагистическое исследование во времена Ильгена, т. е. в начале нашего столетия.

Экстенсивность в изучении института печати выражается в расширении анализа сфрагистических памятников, принадлежащих к другим культурным регионам: византийскому, османскому, арабскому, что, впрочем, касается и дипломатики этих регионов[25].

В плане интенсификации исследования печатей перспективным считается их научное осмысление в рамках изучения места печати в средневековой юрис-

[21] *Kittel E.* Op. cit. II. Siegelkunde. Allgemeiner Teil. 1. Siegel und Urkunde. Siegelrecht.

[22] Ibid. S. 466—509.

[23] Под печатью понимается «знак, оттиснутый при помощи твердого штемпеля на металле, воске или другой легко размягчающейся и затвердевающей массе. В новое время он оттискивался краской. С учетом традиционной формы и способа приложения, изображения, в художественной (картинной) или знаковой форме указывающих на определенное лицо или сообщество, и, как правило, легенды (надписи), указывающей на владельца печати, печать при документе используется как доказательство подлинности и приведения в исполнение, или, иначе, служит его заверением, а также служит предохранением от неправомочного вскрытия» (*Ilgen Th.* Op. cit. S. 325).

[24] Ср.: *Kittel E.* Op. cit. S. 1—2; *Tessier G.* La diplomatique. P., 1962. P. 35—36.

[25] *Hlaváček I., Kašpar J., Nový R.* Základy pomocných věd historických. Praha, 1974. S. 55.

пруденции, в частности вопроса о роли документа в судебном доказательстве в эпоху феодализма[26].

Ранее разрабатываемые аспекты традиционного сфрагистического исследования, включающие анализ печати как произведения искусства или необходимой составной части акта, вплетаются в комплекс проблем, поднимаемых в настоящее время историками права. Последние при решении таких, например, тем, как «Право и письменность средних веков»[27], обращаются к необоснованно забываемым ранее в исторической юриспруденции «прикладным», как их называют историки права, дисциплинам — дипломатике, палеографии, геральдике, сфрагистике и нумизматике. (Специалисты в области названных дисциплин также не проявляли, как известно, в большинстве случаев какого-либо интереса к результатам историко-правовых исследований.)

Этот интерес правоведов к институтам, история которых может быть выяснена лишь при всестороннем научном анализе, вбирающем в себя и результаты развития ряда вспомогательных исторических дисциплин, предопределяет новый подход к разработке самих названных дисциплин, формированию определенных аспектов разработки.

В то же время интенсифицируется локальное сфрагистическое исследование (пример тому в советской историографии — изучение древнерусских вислых печатей, печатей Золотой Орды[28]), в результате которого не только модифицируются постулаты, но и формируются новые взгляды на значение печати в различных социальных условиях, фиксируются неизвестные ранее закономерности эволюции печатей, детализируются обстоятельства развития института печати с теми или иными хронологическими, территориальными, личностными лимитациями и пр.

В кругу этих проблем приобретает особое значение четкость исходных позиций, с которых рассматриваются становление и эволюция правовых функций печати, в частности соотношение печати и знака собственности. Можно ли между ними поставить знак равенства?

Вопрос о знаках собственности (signum, Marke, Zeichen, Haus- und Hofmarken etc.), прикладывавшихся к различным вещам: сосудам, орудиям производства, скоту, к другим предметам движимой и недвижимой собственности, — давно уже упрочился в литературе[29]. Развились они, по-видимому, из первобытных амулетов,

[26] Об этом см.: *Battenberg F.* Das Hofgerichtssiegel der deutschen Kaiser und Könige 1235—1451. Köln; Wien, 1979. S. XI—XII. Vorwort; *Trusen W.* Op. cit. S. 208.

[27] О материалах семинара по теме «Recht und Schrift im Mittelalter» (опубликовано в кн.: Vorträge und Forschungen / Hrsg. vom Konstanzer Arbeitskreis für mittelalterliche Geschichte. Sigmaringen, 1977. Bd. XXIII) известно из упомянутой книги Ф. Баттенберга. См. также: *Johanek P.* Op. cit. S. 131—162; *Trusen W*. Op. cit. S. 197—219.

[28] *Усманов М. А*. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Гл. III. Казань, 1979. С. 139—169.

[29] См. обзор западноевропейской литературы: *Лучицкий И. В.* По поводу дрогичинских древностей: Заметки к истории торговых сношений Ганзы с Северо-Западной и Южной Русью //

защищавших владельца от злых сил, и по своему художественному воплощению навсегда сохранили следы примитивных амулетов — в большинстве случаев знаки имеют геометрический характер рисунка. Эти знаки были в употреблении, а применялись они у всех народов, являясь фактом повседневной жизни, до XVIII—XIX вв.

Как одна из форм, выражавших и доказывавших права собственности, они зафиксированы на сосудах, обнаруженных в Египте еще в V тысячелетии до н. э.[30] Как о юридических знаках, определяющих права собственности, говорится о них в самых ранних варварских законах.

Г. Г. Хомайер приводит сведения[31] из восьми различных варварских правд, относящихся к V—IX вв., в которых фигурируют знаки (*signum*): 1) на деревьях — иногда как пограничные, иногда как знаки собственности (автор отмечает, что они имеют форму так называемого андреевского креста или подковы; по его мнению, в этом проявляется безусловное влияние римлян, которые использовали эту форму креста в качестве *Grenzenzeichen* — пограничного знака); 2) на животных — как знак собственности (с невнятным указанием на способ помещения); 3) на свободном конце жезла (посоха, палки); 4) как знак судьи (без детального разъяснения). В последующие столетия использование подобных знаков как одного из средств, определяющих права собственности, в Европе получило повсеместное распространение[32]. Подчеркиваю — одно из средств, ибо в трактатах, памятниках обычного права, официальных законодательствах они не идентичны другим опознавательным знакам (служившим и знакам собственности) — печатям, гербам. В средневековой Европе *Hofmarken*, превратившись в *Hausmarken*, использовались преимущественно в промышленной и торговой деятельности купечества. Постепенно они видоизменились: вместо примитивной изобразительной формы начали употребляться буквы, затем инициалы владельца.

Несомненно, что печати в своих истоках близки к этого рода знакам[33], хотя впоследствии становится очевидным их функциональное различие. (По-видимому, в изобразительной форме различие выразилось в замене простейшего геометрического рисунка знаков сложной художественной композицией, характерной уже для печатей Древнего Египта и Вавилона.)

Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Т. IV. Киев, 1892. С. 82—93. В отечественной историографии вопрос о знаках собственности освещался широко, но в самых общих чертах. Можно назвать работы дореволюционных юристов: *Ефименко И.* Юридические знаки // ЖМНП. 1874. № 10; *Соловьев Е. Т.* Знаки собственности в России: Историко-археологический очерк. Казань, 1885; *Шифнер А. А.* Об этнографической важности знаков собственности // Учен. зап. имп. Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. III. СПб., 1855. С. 601—608.

[30] *Черниловский З. М.* Всеобщая история государства и права. М., 1983. С. 14.

[31] *Homeyer G. G.* Die Haus- und Hofmarken. B., 1870. S. 8—12.

[32] *Лучицкий И. В.* Указ. соч. С. 84 и след.

[33] Киттель, например, усматривает и этимологическую близость терминов «печать» и «знак», подчеркивая возможность их происхождения от одного производного (*Kittel E.* Op. cit. S. 2. См. также: *Redlich O.* Op. cit. S. 107—108).

Первичная функция печати, что признается всеми исследователями печатей, — охранная, «закрывательная». У древних египтян слово «печать» было идентично понятию «запирать», «закрывать» какую-либо емкость[34]. На какой ступени социально-экономического развития общества впервые появилась потребность в печатях, которые уже не только отмечали, что вещь, снабженная ими, является личной собственностью владельца, но и ставили ее под определенную охрану? Случилось ли это еще при родовом строе, в процессе расслоения родовой общины, когда у отдельных представителей начали скапливаться богатства, или же печать вошла в употребление лишь с образованием государства, учреждения, «которое, — как утверждал Ф. Энгельс, — не только ограждало… вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало… прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило… высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило… печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств»?[35]

В трудах буржуазных ученых имеются довольно неопределенные высказывания по этому вопросу. Э. Киттель, например, заявляет, что «как средство охраны собственности печать символизировала победу права над силой, когда легко поддающаяся удалению печать становится сильнее крепких замков…»[36].

Советская исследовательница М. Максимова высказалась более компетентно. Она сформулировала свою точку зрения еще полвека назад, но, к сожалению, последняя осталась малозамеченной в специальной литературе. Сравнительный анализ памятников сфрагистики греческих полисов Северного Причерноморья и аналогичного археологического материала, относящегося к скифскому родовому обществу, позволили автору связать возникновение института печати с определенной ступенью развития человеческого общества. Максимова увязывает эволюцию печати со становлением систем знаков собственности. Она считает, что с точки зрения юридической природы печать «выросла» из метки, клейма — «предпечати». Из последней развилась печать во всех разновидностях форм и функций, присущих ей впоследствии. Знак-метку мог иметь любой член общества. Родовое общество, по наблюдениям Максимовой, даже в последней стадии своего развития не имеет еще надобности в печатях. Максимова определяет рубеж превращения метки в печать: это появление института частной собственности, существование которой явилось предпосылкой для развития определенной функции печати — охраны собственности. Печати становятся принадлежностью уже не каждого члена общества, а лишь представителей господствующего класса.

[34] *Kittel E.* Op. cit. S. 1.

[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 108.

[36] *Kittel E.* Op. cit. S. 1.

Таким образом, печать, по мнению Максимовой, институт классового общества; широкое распространение обычая пользоваться печатями должно связываться с образованием классового общества и с основанием государства как выразителя экономических и политических интересов господствующего класса[37].

Вопросы о функциях печати, об эволюции функций печати в древности, о рецепции определенных функций в средние века и модификации правового статуса печати в средневековье и в Новое время являются вторым узлом, который пока не удалось развязать в, казалось бы, упорядоченной схеме развития этого института. До недавнего времени считалось, что одновременно с развитием охранной функции печати (применительно к письменности — запечатывание писем, распоряжений и др.) развивалась и ее функция заверения (скрепление печатью документа)[38]. Если запечатывание было вызвано необходимостью охранять документ от незаконного вскрытия, то заверение печатью могло служить только доказательством подлинности (вероподстойности) документа В данном случае большое значение придавалось изображению на печати. Изображение в символической форме не обязательно имело отношение к владельцу печати; это могло быть изображение того, кто запрещал вскрытие, карал за незаконное вскрытие. Не случайно поэтому на печатях древности очень часто встречаются изображение божества, общеупотребительные символы божества или символы государственных, правовых органов. Таким образом, если закрытое печатью письмо содержало распоряжение, то печать, кроме того что скрывала содержание, узаконивала одновременно власть того, кто обладал правом прикладывать печать. Печать в этом случае получала значение символа господствующей и административной власти.

Однако Киттель, который в своем обобщающем труде проанализировал результаты работы специалистов и исследователей печатей различных цивилизаций и регионов, пришел к выводу, что заверительная функция печати для эпохи древнейших рабовладельческих государств реконструируется лишь умозрительно. В Египте, Вавилоне и других государствах найдены матрицы печатей, часто в виде перстней. Однако, как отмечают исследователи, отсутствие реальных скрепленных печатью документов придает гипотетический характер всем научным построениям о заверительной функции печати. Пока не установлено, какое распространение нашел скрепленный печатью документ, как долго и в какой мере он утверждался у различных народов древности.

Итак, наряду с предположениями об одновременности развития обеих функций печати — запечатывания и скрепления с момента ее возникновения — существует мнение о несинхронности развития функций. Во всяком случае, функция скрепления документа печатью бесспорно устанавливается с того времени, как обнаруживаются документы, использующие печать как средство не только, скры-

[37] *Максимова М.* Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1937.

[38] *Ewald W.* Op. cit. S. 27—28. Киттель также приводит высказывания по этому поводу ряда ученых, например П. Е. Ньюберри (*Kittel E.* Op. cit. S. 2).

вающее содержание, но и заверяющее текст. Несмотря на огромное количество находок матриц печатей, особенно в виде перстней, относящихся к античному времени, которые, казалось бы, давали в руки исследователей доказательства широкого правового диапазона печати, за достоверные принимаются лишь бесспорные факты. Например, находки печатей-матриц свидетельствуют об использовании в Греции печатей как средства закрытия (сокрытия) писем, завещаний, документов договорного характера при помощи оттисков на воске и глине и др. Но служили ли печати средством заверения и прикладывали ли, например, свидетели свои печати с целью заверения сделки? Положительного ответа на этот вопрос исследователи античности, как констатирует Киттель, с уверенностью дать не могут. Во всяком случае, исследователи древнегреческого частного права считают, что опечатывание как обязательный момент при оформлении завещаний, которые не имели установленного формуляра, как в римское время, в греческом праве отсутствует. Только для эллинистического Египта (с IV в. до н. э.) зафиксированы написанные на папирусе в присутствии особого чиновника завещания, заверенные завещателем и шестью свидетелями, которые ставили подписи и прикладывали печати. Последние обычно описывались.

Греческая традиция в оформлении печатей (гемм) была заимствована в Италии. Это чисто внешняя сторона явления. Что касается функций печати, то здесь, хотя римское время дает больше оснований для признания за печатью заверительной функции, неизученность античной дипломатики, малочисленность сохранившихся документов с оттисками печатей опять-таки заставляют ученых с известной долей осторожности фиксировать данную функцию. Заверительная функция печати прослеживается прежде всего в актах частноправового содержания — долговых обязательствах, написанных на восковых табличках и скрепленных восковыми печатями. Таблички обнаружены в доме банкира погребенной под пеплом Помпеи. На основании этих и подобных находок частных договорных документов, в которых указаны свидетели и где имеются следы восковых печатей, делается вывод о правовой роли печати. Правда, с оговоркой, ибо печать была не единственным и, возможно, не самым веским доказательством подлинности документа. В. Эвальд и другие исследователи утверждают, что печать являлась дополнительным средством заверения, основным же служили подписи выдавшего обязательство и свидетелей (если они указаны в тексте)[39]. Были ли публичные документы в римское время заверены печатью? Государственной печати не было[40]. Письма и дипломы императоров опечатывались личными печатями, но опять-таки с целью сокрытия содержания. И лишь древнеримские почтовые грамоты (проезжие), которые следовало держать открытыми, имели скрепляющую их печать, которая может быть воспринята как удостоверительное средство[41].

[39] *Ewald W.* Op. cit. S. 28; Stragistyka. S. 64; *Redlich O.* Op. cit. S. 105.

[40] *Kittel E.* Op. cit. S. 91.

[41] Ibid. S. 92; Sfragistyka. S. 64.

Итак, резюмируя многочисленные высказывания и предположения относительно эволюции печати как правового института, возникшего с глубокой древности, которые проанализированы в трудах В. Эвальда, Т. Ильгена, Э. Киттеля, польских ученых и в других работах, следует отметить, что большинство авторов склоняются к правовому ограничению печати в качестве заверяющего средства на определенном этапе развития общества — в древнем мире. Не печать, но собственноручно написанное отправителем письмо или официальный документ, а также подпись были лучшим критерием подлинности и достоверности. По мнению О. Редлиха, частный позднеримский документ вообще не обладал печатью, замененной институтом нотариата[42].

Большинство исследователей печатей средневековья не улавливают прямого и «закономерного перехода от печати древности к печати феодальной»[43], хотя не отрицают, что в средние века печать была известна в двух охарактеризованных выше значениях. По всей видимости, употребление печати в качестве средства закрытия от прочтения посторонним лицом, например, письма, послания и пр. явилось продолжением античной традиции, на что может указывать и форма наиболее употребляемого в раннем средневековье инструмента, с помощью которого получали оттиск, — античного перстня с печаткой. Труднее ответить на вопрос, в какой степени заверение документов античности адекватно этому же явлению в следующий период — в средневековье. Ведь основной формой заверения в греко-римском мире являлась подпись, нотариальное удостоверение и пр., но не печать, как в средние века. И все-таки, пожалуй, можно обнаружить точку соприкосновения в развитии и этой, второй функции печати на рубеже двух социально-экономических формаций. В кодексе частного римского права, оформленном в Восточной Римской империи при императоре Юстиниане (VI в.) в виде «Свода гражданского права» (Corpus juris civilis), встречается следующее высказывание римского юриста Венулея: «Магистраты каждой местности должны заботиться о том, чтобы желающим совершить сделку при свидетелях были предоставлены свидетели из числа их самих (магистратов) и другие свидетели либо лица, прилагающие печати, дабы таким путем сделки совершались быстрее и дабы было обеспечено доказательство совершенных дел»[44]. В комментариях отмечается, что употребление в тексте слова

[42] *Redlich O.* Op. cit. S. 6.

[43] *Ewald W.* Op. cit. S. 28; Sfragistyka. S. 65.

[44] Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 367. — Кн. 22. Титул V. О свидетелях. В других частях «Свода» имеются статьи, подтверждающие использование печатей свидетелей при составлении завещания. Е. Э. Липшиц, автор комментария к Эклоге, отмечает, что в кодексе Юстиниана при характеристике способов составления завещания говорится: «Свидетели и их одновременное присутствие при торжественном акте составления завещания исходят из законов цивильного права, подписи завещателя и свидетелей прилагаются во исполнение священных (императорских) конституций, печати же и число свидетелей определяются согласно преторскому эдикту» (Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Вступит. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 150).

«testari» свидетельствует об особой сделке, а именно о совершении завещания (testor, ātus sum, ārī — «делать завещание», «завещать»[45]).

Все основные черты законодательства Юстиниана по вопросу о свидетелях, как считает Е. Э. Липшиц[46], сохранены, правда с некоторыми изменениями, и в Эклоге, византийском законодательном памятнике VIII в., одном из важных источников славянского права. В Титуле V Эклоги, который носит название «О (лицах), не имеющих права завещания» (имеется вариант с добавлением: «и о завещаниях письменных и устных»), говорится: «Письменное завещание делается в одно и то же время в присутствии семи достойных доверия свидетелей, призванных для этой цели и совместно подписывающих завещание и прилагающих печати. Завещатель обязан своей собственноручной подписью или знаком креста заверить имя наследника. Но если он пожелает, то он может не показывать свидетелям содержания своего распоряжения»[47].

Таким образом, в византийском праве, как и в римском, заверительная функция печати существует на «законном основании», однако, во-первых, не доказана ее первичность как удостоверительного средства, во-вторых, она абсолютно фиксируется только в завещании. В позднеримское и ранневизантийское время имеются документы с печатями, сосуществующие с многочисленными документами, не имеющими печати, для которых заверительным средством и доказательством подлинности служит собственноручное написание тем лицом, от имени которого этот документ написан, его подпись либо подписи свидетелей. Подобная неопределенность обусловила существующий в современной литературе вывод о том, что на пороге средневековья печать, скрепляющая документ, не обладает еще теми правовыми чертами, которые свойственны печатям средневековья[48].

Некоторые авторы этот факт возводят в абсолют, считая, что печать древности и печать средневековья по сути своей не адекватны, игнорируя факты, аналогичные вышеприведенным свидетельствам о внесении статей, фиксирующих правовой статус печати, в римские и византийские законодательные памятники. Но возможно, и существует известная преемственность заверительной функции печати, пусть еще в недостаточной степени сформировавшейся и утвердившейся в античном мире, но уже фиксируемой, от древнего мира к средневековью. Средневековье не только способствовало ее дальнейшему развитию, но и внесло существенные коррективы, превратив печать на определенном отрезке развития феодального общества в единственный знак, свидетельствующий о правовой силе документа.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[45] *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 1009. «Лица, прикладывающие печати», обозначены как «signatores». Согласно словарю Дворецкого, signātor, ōris — это «прикладывающий печать (к завещанию) как свидетель» (Там же. С. 929).

[46] Эклога. С. 52.

[47] Там же. С. 151. См. также: История государства и права зарубежных стран: Рабовладельческое и феодальное государство и право. М., 1980. С. 404.

[48] Sfragistyka. S. 66.

В раннем средневековье фиксируется новая функция печати, не известная античному миру, печать выступает в роли самостоятельного средства, независимого от документа, по смыслу идентичного последнему. Собственно, в символической форме она и представляет собой документ — удостоверение личности ее владельца. Это так называемая свободная печать, родоначальник, а возможно, и аналог *sigillum citationis*, существовавшей у славян и венгров в более позднее время.

С V в. свободная печать известна у варварских народов Западной Европы: алеманнов, вестготов, лангобардов. О ней имеются упоминания в записях обычного права этих народов[49]. Считается, что в качестве свободной печати мог употребляться оттиск штемпеля (перстня)[50]. (Но, может быть, и сам перстень-печать?) Вспомним, что у чехов в качестве печати для вызова в суд использовалась (сохранившаяся от начала XIV в.) металлическая печать с литой рукоятью в виде льва[51], а в Венгрии аналогичная печать прикреплялась к посоху гонца[52].

Свободная печать в виде воскового оттиска (эта печать не носит никаких следов прикрепления к документу) не только использовалась для вызова в суд, но имела и другие назначения, еще недостаточно, на наш взгляд, подтвержденные фактическим материалом[53].

Как появилась у варварских народов подобная свободная печать? Эвальд предполагает, что родоначальником ее (в частности, у германских варварских народов) явились знаки собственности или личные опознавательные знаки. К тому времени, как существование свободной печати подтверждается законодательствами этих народов[54], печать, по мнению Эвальда, являлась официальным опознавательным знаком судьи, служила заменой письменного судебного распоряжения, а также являлась «документом», удостоверяющим личность передающего распоряжение[55].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[49] *Kittel E.* Op. cit. S. 126; *Ewald W.* Op. cit. S. 29.

[50] *Redlich O.* Op. cit. S. 105; *Ilgen Th.* Op. cit. S. 325.

[51] *Jireček H.* Slovanské právo. T. II. S. 224.

[52] *Ewald W.* Op. cit. S. 30.

[53] Ibid. S. 29—31; *Kittel E.* Op. cit. S. 126.

[54] В законодательствах варварских народов Западной Европы имеется также упоминание о печати как средстве для запечатывания различного рода предметов. В Салической правде (запись обычаев салических франков V—IX вв.) в качестве ордалии упоминается испытание кипящей водой, в которую испытуемый опускал руку. Затем рука завязывалась и к повязке прилагалась печать, чтобы никто, кроме лиц, проводящих испытание, не мог снять повязку (История государства и права зарубежных стран. С. 251). В Алеманнской правде (начала VIII в.) в Титуле 81, где говорится о символическом обряде, сопровождающем спор о земле, отмечается, что печать судьи (графа) прикладывалась к завернутому в ткань дерну, символизирующему предмет спора, который вручался «в верные руки до установленного срока» (*Соколова А. М.* Варварские правды. Чита, 1969. С. 83).

[55] *Ewald W.* Op. cit. S. 30; см. об этом также: *Redlich O.* Op. cit. S. 107—108. По Редлиху, «печать в данном случае — опознавательный и удостоверительный знак, подобный другим знакам личности или собственности, как это было принято издавна». И еще: «печать — это символ сам по

Возможно, эта свободная печать, получившая распространение уже на ранних этапах средневековья у многих народов Европы, является тем недостающим, по мнению ученых[56], звеном, которое связало эволюционные процессы античной печати с отправным моментом становления средневековой печати. Подобная связь обнаруживается и в статьях правовых памятников античности и средневековья, включающих правила оформления завещаний. Во всяком случае, так называемая свободная печать, являясь знаком удостоверения личности судьи или посыльного, в силу заложенного в ней правового смысла могла внести лепту в формирование той печати, которая стала известна со времени средневековья, — печати при документе, неразрывно связанной с ним, служившей доказательством подлинности и законности, т. е. утверждающей его правовую силу[57].

Подобное качество печать приобретает не столько в результате собственной функциональной трансформации, сколько в связи с развитием средневекового письменного документа, составным элементом которого она становится. Ильген, один из общепризнанных авторитетов в области сфрагистических знаний, определяя юридическое значение феодальной печати, писал: «В средневековье печать играет роль подписи выдавшего грамоту, роль гарантии. Она служит не только средством, придающим юридическую силу содержанию грамоты, но одновременно является формальным свидетельством правильности изготовления грамоты»[58].

К данному этапу развитие печати у народов, государственные образования которых возникли в пределах древней Римской империи, подошло в результате соприкосновения с культурой, нравом, делопроизводством римлян. Синтез норм, существовавших в отношении печати в античном мире, с традициями опознавательного знака варварского общества нашел выражение в постепенном отказе правителей раннесредневековых государственных образований от оформления документов с помощью подписи и печати, где в качестве знака узаконения выступала

себе равнозначный — письменному мандату, равноценный другим символам, таким, как посох судьи или посыльного, на которых может быть вырезан, выгравирован или выжжен личный знак или знак собственности (Hausmarke, jarteikn, jartegn в Норвегии). Эти знаки были древними первоначальными знаками отличия у германских, славянских и других народов».

[56] Sfragistyka. S. 65.

[57] Высказанные здесь соображения по поводу соединительного звена между институтом печати, существующим в античном мире, а затем занявшим прочное место среди правовых институтов средневековья, носят гипотетический характер. Они касаются лишь проблемы формирования нового функционального свойства, которое характерно для средневековой печати. Говорить же конкретно о преемственности использования печати как необходимого правового компонента при оформлении частноправовых документов, даже если речь идет о завещаниях, ученые не решаются из-за неимения в наличии подлинных документов подобного характера. С большим основанием о единой линии плавного перехода печати во всем ее функциональном многообразии из античности в средневековье можно судить, если речь идет о печати, скрепляющей грамоты публично-правового характера.

[58] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 359.

прежде всего подпись правителя[59], и переходе к заверению его при помощи печати, на которой изображался, как правило, глава государства.

В качестве печатной матрицы на раннем этапе использования печати в средневековом обществе употреблялись кольца по типу античных, а иногда и подлинные античные перстни-печатки. Инталия подобного кольца окружена была металлическим ободом с вырезанной легендой. Античные перстни-печати использовались при Меровингах и Каролингах, причем не только в качестве личных королевских печатей, но и печатей должностных лиц[60]. Наряду с античными геммами применялись печати-перстни местного производства с именем суверена в виде монограммы или его портретного изображения. Известно, что уже при Меровингах перстни-печати использовали духовные и светские феодалы (епископы, герцоги). Перстни-печати служили последним для запечатывания писем[61]. Необходимо подчеркнуть, что в этот период никто, кроме короля, не пользовался печатью с целью узаконения документа и что за исключением королевских грамоты раннего средневековья не скреплялись печатью[62].

Франкские короли, по мнению исследователей, знали печати уже в V в. Об этом свидетельствуют находки перстней-печаток, начиная с Хильдериха; портрет последнего можно видеть на оттиске его перстня[63], который, возможно, скреплял грамоту. Предполагают, что к грамотам правителей лангобардов, вестготов, вандалов также прикладывалась печать[64]. Подлинный королевский диплом, снабженный печатью, относится ко времени Теодориха III — к 679 г. В настоящее время сохранилось семь подлинных оттисков печатей Меровингов с 679 по 716 г.[65] На каждом из них — портретное изображение короля в фас.

По поводу печатей Меровингов в литературе существует мнение, что, несмотря на их фактическое наличие при дипломе, отсутствие указаний на печать в корроборационных формулах свидетельствует об их вторичности в качестве утвердительного средства. Гарантией доказательности в судопроизводстве являлась подпись короля

[59] Современные исследователи полагают, что «подпись» в античности носила форму субскрипции — приписки, надписи. В письмах это могло быть слово «vale» или более развернутая фраза, в документе с правовым содержанием соответствующая формула, содержащая имя правоносителя и глагол *subscribere* в личной форме с другими глаголами или без них, выражающими правовую суть документа. В этой форме субскрипция существует и в актах раннего средневековья (*Tessier G.* La diplomatique. P. 48—49).

[60] *Kittel E.* Op. cit. S. 101—110; *Tessier G.* Diplomatique royale française. P., 1962. P. 78.

[61] *Kittel E.* Op. cit. S. 101.

[62] *Redlich O.* Op. cit. S. 108; *Tessier G.* La diplomatique. P. 36. Печати должностных лиц, осуществляющих юрисдикцию от имени короля, в этот ранний период, по-видимому, еще не сформировали самостоятельного изобразительного типа, а использовали, так же как королевские печати, античные геммы либо портретное изображение короля (*Kittel E.* Op. cit. S. 106,109).

[63] *Ewald W.* Op. cit. S. 32; *Kittel E.* Op. cit. S. 106, 109; *Tessier G.* Diplomatique royale française. P. 19.

[64] *Ewald W.* Op. cit. S. 33.

[65] *Kittel E.* Op. cit. S. 115.

и референдария[66], как это было характерно для позднеримских публичных актов. Подписи узаконивали документ, заверяли его. Таким образом, печать с портретным изображением служила всего лишь «опознавательным знаком» выдавшего грамоту[67]. Однако постепенно именно этот опознавательный знак превратился в главное заверяющее средство королевской грамоты, тем более что изображение короля, так сказать с первого взгляда говорящее о лице, выдавшем грамоту, уже само по себе свидетельствовало о ее законности. В то время как значение королевской подписи все время падало[68] (Каролинги не умели ни читать, ни писать, поэтому подпись постепенно выродилась всего лишь в черту или точку, добавляемую к кресту или монограмме референдария), печать превращалась, и в каролингское время превратилась, в единственное средство скрепления королевских грамот. Забвение понятия автографии — один из характернейших феноменов утраты письменным документом своего значения, когда (с VIII в.) все чаще субскрипция пишется, а личная подпись (знак) рисуется пишущим текст, так что в X, XI, XII вв. автограф становится чрезвычайно редким фактом. Именно в этот момент печать и возвращает документу его правовую силу, из вторичного заверяющего средства превращаясь в основное.

Королевский документ, по мнению ряда исследователей, послужил образцом воссоединения документа и печати, явился своего рода переходной вехой от печати античного мира к печати средневековья, подготовил общественное сознание к восприятию печати как действительно важнейшего, даже единственного способа заверения документа[69]. К выявлению причин своеобразного баналитета печати в качестве заверяющего средства королевских дипломов исследователи постоянно возвращаются, находя все новые и новые аспекты в трактовке этой традиции.

Тот факт, что печать смогла полностью вытеснить собственноручную подпись выдавшего грамоту, отчасти объясняется тем, и, на наш взгляд, это вполне правдоподобно, что изначально она была оттиском перстня, который в раннее средневековье был неотъемлемой принадлежностью короля, королевской руки, хотя уже при Меровингах его хранил референдарий (печатник?).

Немаловажную роль сыграл фактор «портретности» печати. Существующая с франкского времени традиция заключала в себе правовую функцию: в наглядной форме закреплялось в сознании подданных право короля (императора) на законодательную, судебную власть над ними, над их жизнью и имуществом, т. е. печать воплощала в себе овеществленную карающую силу своего владельца[70].

◇◇

[66] Референдарий — личный секретарь и докладчик императора согласно кодексу Юстиниана. У франков в VI в. референдарий упоминается как хранитель королевского перстня-печати (*Tessier G.* Diplomatique royale française. P. 20).

[67] *Ewald W.* Op. cit. S. 33; *Redlich O.* Op. cit. S. 106.

[68] *Tesssier G.* La diplomatique. P. 48.

[69] *Ewald W.* Op. cit. S. 32—34; *Redlich O.* Op. cit. S. 108.

[70] В плане «портретности» особый интерес представляет изменение изображения на королевской (императорской) печати, вернее, изменение аксессуаров, сопровождающих королевский портрет, начиная с лаврового венца в подражание римским императорам, затем

Считается, что при Пипине Коротком (VIII в.) печать признается в качестве средства заверения диплома, ибо в практику входит обычай упоминать в корроборации не только о собственноручной подписи выдавшего грамоту, но и о наличии его печати — средствах удостоверения грамоты. «Anuli nostri impressio» («приложение нашего перстня») — так первоначально отмечалось в корроборации удостоверение грамоты печатью. У германских императоров, например, вплоть до Оттона II (X в.) печать фигурировала как «anulus» — перстень, и лишь с этого времени появляется термин «sigillum»[71]. Примерно к этому же периоду относится окончательный отказ от античной традиции изображения короля в профиль. Его заменяет погрудное изображение в фас, постепенно добавляются королевские регалии — корона, скипетр и держава, круговая легенда с соответствующей титулатурой, затем в начале XI в.

изображений с различного вида воинским снаряжением (копье, меч, флаг, щит) (время Меровингов и Каролингов), наконец, с атрибутами императорской власти и доведение этой атрибутики до своеобразного апогея величия и власти (тронная печать). Известно, что печать суверена в средние века приобретает почти священный характер, выступая в качестве материализованной королевской воли, которая действенно проявляется посредством печати, отражаясь при помощи символической атрибутики в сознании средневекового человека. Однако иконографическая программа средневековых печатей как особого символа, связанного с реальной властью, несмотря на наличие в зарубежной историографии многочисленных работ, посвященных символике власти, и опубликование в сравнительно недавнее время фундаментальных исследований, подобных трудам П. Э. Шрамма и Ф. Кэмпфера (*Schramm P. E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Stuttgart, 1954—1957. Bd. 1—3; *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild von den Anfängen bis zum Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis. Recklinghausen, 1978. Рецензию А. В. Чернецова на последнюю работу см. в журнале «Вопросы истории» (1980. № 6. С. 158—161)), еще не исчерпана полностью и всесторонне. Наряду с установлением довольно четкой типологии, как это сделал, например, Киттель (в упоминающейся здесь книге) относительно печатей немецких королей и императоров, в литературе отсутствуют более или менее обобщающие разработки символики таких средневековых памятников, какими являются печати. Хотя ясно, что в них так же, а может быть и в большей степени, во всяком случае, в более своеобразной форме, чем в других памятниках средневекового искусства, отражена эволюция идеологических представлений, в частности аккумулируются воззрения, восприятия и оценки императорской, королевской, княжеской власти, воссоздаются существующие в тот период правовые нормы, прослеживается формирование политических и юридических институтов и т. д.

В этом плане особенно существенным является момент замены портретного изображения соответствующими знаками, в подборе которых, несомненно, должно было существовать определенное единообразие, позволявшее без прочтения документа определить его предназначение. Доступная средневековому человеку символика определенных предметов и знаков должна была явиться для него ориентиром в правовой жизни, в понимании и оценке административно-судебной деятельности правительства и правительственных учреждений.

Подобные аспекты в настоящее время начинают все более интересовать исследователей печатей средневековья, и хотя наблюдения носят локальный характер, применительный к тому материалу, которым оперируют исследователи, они предопределяют одно из существенных направлений в иконографическом анализе средневековых печатей. См., напр.: *Kucyński S. K.* Op. cit. S. 117—175; *Battenberg F.* Op. cit. S. 76—141; *Johanek P.* Op. cit. S. 160—161.

[71] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 360; *Kittel E.* Op. cit. S. 209.

у германских императоров и французских королей появляется «тронная» печать *Thronsiegel* или *Majestätssiegel* (на ней изображался правитель со всеми регалиями, сидящий на троне).

Развитие королевских и императорских печатей в европейских странах прошло несколько этапов: имеется в виду их тип и форма. Это развитие шло рука об руку с эволюцией средневекового документа, выходящего из правительственной канцелярии публичного акта.

В период своего апогея печать на королевской (императорской) грамоте становится в большинстве западноевропейских стран единственным доказательством подлинности и правовой силы, чему способствовал целый ряд факторов, еще не до конца выявленных. Однако уже и сейчас можно утверждать, что это был не столько результат общественного регресса (неумение поставить собственноручную подпись), сколько отражение иных явлений, характерных для раннегосударственных феодальных процессов, в частности связанных с оформлением государственной власти, статуса верховного правителя (короля, императора), формированием новых мировоззренческих представлений на соответствующих стадиях эволюции феодальных государств, развивающихся на руинах Римской империи. Дипломы с «визитной карточкой» короля (как бы мы сейчас сказали), не нуждающиеся ни в каком другом заверении, выражали идею безусловности королевского слова; упоминание о свидетелях, правовой статус которых определялся обычным правом у многих народов, таким образом, в королевских дипломах исключалось. Однако начиная с XI в.[72] в королевских грамотах ряда европейских государств корроборационные формулы отмечают имена свидетелей наряду с указанием на печать. Речь идет не о собственноручной подписи свидетелей, а о написании их имен как участников составления (в королевской канцелярии) документа. В XIII в. в Польше и Чехии в королевских грамотах упоминаются свидетели — участники правового действия, однако в качестве средства, утверждающего правовую силу грамоты, выступает только печать короля[73]. Постепенно, начиная с XIV в., дополнительно к печати на королевских документах снова появляется собственноручная подпись[74]. Сначала она выступает спорадически, дополняя печать лишь на отдельных документах (во Франции, Германии), затем, например в Германии при императоре Максимилиане и его преемниках, в Польше в XV в., собственноручная подпись ставится регулярно.

В последующие столетия скрепление печатью сохраняется, но значение подписи на королевских документах возрастает, пока наконец в Новое время при доказательстве правовой силы и подлинности документа первенство окончательно не закрепилось за подписью.

[72] *Redlich O.* Op. cit. S. 31.

[73] Sfragistyka. S. 74; *Fiala Z.* Op. cit. S. 211.

[74] *Ewald W.* Op. cit. S. 35.

Вышеизложенное представляет собой лишь общую схему становления печати в большинстве стран Европы (имеется в виду печать правителя) как средства, свидетельствующего о правовой силе документа или подлинности[75]. В становлении печати в этом качестве наблюдаются три ступени: 1) печать используется вместе с личной подписью для удостоверения правовой силы документа, причем роль ее вторична; 2) печать является важнейшим показателем правовой силы документа, но наряду с ней критерием подлинности служит сама форма документа; 3) печать является единственным доказательством правовой силы документа и формальным доказательством его подлинности[76].

Подобная дифференциация роли печати в качестве знака правового характера не соотносится между собой хронологически. Это, скорее, стадиальная дифференциация, обусловленная региональными и локальными особенностями оформления правительственных документов.

Так, можно отметить, что англосаксонские документы, выданные королями в XI в., не имеют печатей, как, впрочем, и других заверительных признаков: собственноручной подписи, указания свидетелей, не называют писца[77]. Собственноручная подпись одновременно с печатью скрепляет королевские документы некоторых правителей Южной Италии еще в XII в. (например, Рожера Сицилийского). Как известно, византийские императоры также ставили свою подпись под документами внешнеполитического и внутриполитического характера[78]. В подавляющем большинстве случаев императорские документы скреплялись также печатью — металлической (золотой, свинцовой) или восковой (например, простагмы).

Развитие института печати в Византии представляет для нас особый интерес, ибо, как писал Н. П. Лихачев, и начало русской сфрагистики «было сделано по образцу византийской» и последующее существование свинцовой буллы — основного вида русской печати раннего средневековья[79], введенной в настоящее

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[75] В данном случае не имеется возможности останавливаться на вопросах, связанных с самим актом опечатывания (действиях доверенных лиц, референдариев, канцлеров, работе канцелярий и пр.).

[76] *Ewald W.* Op. cit. S. 35.

[77] Ibid. S. 33.

[78] *Dölger F., Karayannopulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: die Kaiserurkunden. München, 1968. S. 111—114; *Dölger F.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei // Actes du XII Congrès International d'Etudes Byzantines. Beograd, 1963. P. 86—87. См. также: *Каштанов С. М.* Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 28. Как отмечают исследователи, подписи были двух типов: 1) подпись императора; 2) минологий (название месяца выдачи документа). Иногда они сосуществовали, иногда употреблялись порознь. Вопреки традиционному представлению подпись византийского императора отнюдь не была собственноручной, а воспроизводилась чиновниками. И тем не менее в том или ином виде подпись вместе со словом *λογος* являлась главным компонентом удостоверения.

[79] Находки перстней-печатей, особенно на юге России, могут свидетельствовать об употреблении наряду с буллами прикладных восковых печатей. Об этом же говорят находки металлических, деревянных, костяных печатей-матриц в древнерусских городах.

время в научный оборот, следовало, по крайней мере в типологическом отношении, византийской традиции[80].

Существующая литература дает самые общие представления о применении печати в Византии. Изучение металлических византийских печатей началось еще в XIX в. Обобщающие труды по византийской сфрагистике ученых различных стран широко известны[81]. Однако в этих трудах упор делается на типологизации металлических, а точнее, свинцовых булл, кардинальные же проблемы, связанные с правовым статусом различного вида печатей, вопросы соотношения той или иной печати и документа, скрепления печатью частного акта и пр. остаются в полной мере неразрешенными.

В начале нашего столетия некоторые русские ученые, прежде всего П. А. Яковенко, проводя дипломатическое исследование византийских грамот, рассматривали и скреплявшие эти грамоты печати[82]. Многие наблюдения Яковенко, хотя и сделанные на количественно ограниченном материале, были подтверждены полвека спустя Ф. Дэльгером, крупнейшим исследователем в области византийской дипломатики.

В настоящее время у исследователей почти не вызывает сомнения факт преемственности свинцовой печати византийцами из Рима, вернее, происхождения этой печати от римской свинцовой пломбы[83].

Первоначально металлические пломбы, известные римлянам еще до н. э., скрепляли лишь товары. Материалом для письма служил в то время папирус, соответствовали ему и печати — оттиски на глине. Пломбы, скрепляющие товары, были односторонними, на разогретом металлическом диске обычно при помощи кольца делался оттиск. С изменением материала для письма — появлением пергамента —

[80] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928. С. 6; *Янин В. Н.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 14 и след.

[81] В первую очередь можно назвать труды Г. Шлюмберже, В. Лорана, А. В. Соловьева, опубликованные в последние десятилетия работы (*Grierson Ph.* Byzantine Gold Bullae // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1966. № XX. S. 239—253; *Zacos G., Veglery A.* Byzantine lead seals. Basel, 1972. Vol. 1. P. 1, 2, 3), а также ряд исследований нашего соотечественника Н. П. Лихачева, о которых очень высоко отзывался такой специалист, как Лоран (*Laurent V.* Bulletin de sigillographie byzantine // Byzantion. P.; Bruxelles, 1930. Vol. V. P. 576; *Idem*. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin // Akten des XI Internationalen Byzantinisten — Kongresses. München, 1960. P. 303).

[82] *Яковенко П. А.* Исследования в области византийских грамот: Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе. Юрьев, 1917. С. 107—140.

[83] *Kittel E.* Op. cit. S. 106; *Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. 1. Teil. S. 33. Об этом писал еще Н. П. Лихачев, ссылаясь на заключение крупнейшего исследователя античных памятников М. И. Ростовцева. Он подчеркивал, что у римлян «даже дипломы honesta missio скреплялись нежными восковыми печатями и римское право молчит о металлических печатях» (*Лихачев Н. П.* Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. 3). И тем не менее Лихачев допускает исключение из правила, считая, что в позднеримское время существуют личные свинцовые буллы некоторых римских императоров и императриц — прототипы тех булл, которые в византийский период получили распространение «как сфрагистические знаки укрепления на актах» (Там же. С. 5).

изменились и печати: место глиняных оттисков заняли свинцовые, которые по виду сначала соответствовали уже известным пломбам. С изобретением в IV в. особых щипцов для оттискивания изображения на свинце — буллотирия — печати приобретают вид двусторонней металлической печати-буллы. От IV в. количество подобных печатей невелико, но в V в. они начинают вытеснять печать-пломбу. Исследователи считают, что до VII в. круг владельцев буллотириев сравнительно узок, а от VII в. число лиц, использующих свинцовые буллы, все возрастает и достигает в XI в. высшей точки. В XII в. владельцев буллотириев в Византии уже значительно меньше, и постепенно этот обычай сходит на нет.

Считается, что начало использованию свинцовых печатей положила папская канцелярия. Самая древняя папская печать (VI в.) дошла, однако, только в виде рисунка, а подлинное послание папы, скрепленное печатью, — от IX в.[84] Известно, что византийские императоры со времени Юстиниана (VI в.), а может быть и раньше, также скрепляли акты свинцовой буллой[85]. Эта печать на ранних этапах своего бытования, по-видимому, сосуществовала с восковой печатью, сделанной оттиском императорского перстня. При явной преемственности Византии от Рима самого процесса скрепления печатью императорских документов и широком использовании всем раннесредневековым миром пришедшего из древнего мира обычая употреблять в качестве охранительного средства оттиск перстня-печатки в этом вряд ли можно сомневаться. В то же время приоритет свинцовой буллы в жизни византийского общества VI—XII вв. ученые считают несомненным[86]. Не случайно этим печатям, число которых в результате новых находок с каждым годом увеличивается, и уделяется основное внимание исследователями византийской сфрагистики.

В отличие от свинцовых печатей, которыми пользовались императоры, деспоты, патриархи[87] и другие архонты, а также все должностные лица Византии, имевшие какой-либо чин, как пишет Лоран, все интеллектуалы, ученые монахи, клерки, принадлежавшие к разным слоям населения и занимавшие различное общественное положение, печати из других металлов (золотые, серебряные), а также восковые сохранились в небольшом количестве, восковых же, кажется, вообще не осталось. Однако сохранились перстни-печатки для их оттискивания, причем ранние по времени (V—VI вв.). Металл перстней (бронза) свидетельствует об определенном соци-

[84] *Ewald W.* Op. cit. S. 32.

[85] Ibid.; *Kittel E.* Op. cit. S. 105; *Лихачев Н. П.* Некоторые старейшие типы печати. С. 5 и след.

[86] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. S. 316, 319 etc.; *Laurent V.* Le corpus. P. 307.

[87] Самая старая из сохранившихся печатей константинопольских патриархов относится к 1087 г. (*Kittel E.* Op. cit. S. 166). На ее лицевой стороне изображена Богоматерь с младенцем Иисусом Христом, на оборотной стороне — титул патриарха. Этот тип печатей сохранялся до XIX в., и на протяжении столетий печати патриархов были свинцовыми (*Dölger F.* Aus den Schatzkammern. S. 316, 321). В коллекции Н. П. Лихачева хранилась булла константинопольского патриарха IX в. (*Лихачев Н. П.* Печати патриархов константинопольских. М., 1899. С. 18—19).

альном статусе владельца. Иконография близка аналогичному по времени монетному типу[88], а также изображению на императорских буллах этого же времени[89].

Подобно тому как различные виды императорской подписи, исполняемые согласно указу императора исключительно красными чернилами, сопровождали различные по важности и торжественности вышедшие из императорской канцелярии документы, императорские печати также отличались друг от друга и по материалу (золото, очень редко серебро, свинец, воск), а золотые по весу (1; 1,5; 2; 3; 4 солида), и по правомочности. Если булла вообще и золотая булла в частности употреблялась в Византии для удостоверения правомочности и подлинности документа, то о восковой печати простагмы (императорское постановление, распоряжение внутригосударственного характера) высказываются не столь определенные суждения. На первое место, по крайней мере в начальный период существования этого рода документов, выдвигается использование печати в качестве средства сокрытия содержания, запечатывания[90]. Документ свертывался в трубку или складывался особым образом, обматывался шнуром, на который и накладывался восковой оттиск печати-перстня (впоследствии восковая двусторонняя печать привешивалась).

Привилегией императора, помимо подписи красными чернилами, являлось скрепление особо важных внутригосударственных и международных актов золотой печатью (хрюсэ булла — золотая булла), отсюда название определенных актов — *хрисовулы*. Дэльгер относит появление этих актов к IX в., первая же золотая булла, скреплявшая императорский хрисовул, сохранилась от середины XI в.[91] Предшествовали золотым буллам, удостоверявшим императорские грамоты, буллы-медальоны, буллы-подарки, которые сопровождали, в частности, международные послания, письма (Auslangsschreiben, rotulus — они свертывались в трубочку, колесом). Дэльгер высказал мысль[92], поддержанную рядом исследователей западноевропейских булл[93], о том, что добавление к посланию, в котором нет никакого упоминания о скреплении его печатью (немногочисленные сохранившиеся подлинники подобных посланий, как показал Онзорге, не несут следов опечатывания), проистекает из обычая ранневизантийского времени, а тот, в свою очередь, из римского обычая, награждать вождей варварских народов золотыми медальонами разного веса. Еще в X в. буллы-медальоны различались по весу и известны в этом качестве, т. е. в качестве дара, а не как утвердительный знак, и в XI в.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[88] *Андреева М. А.* Древний перстень из Варны // Byzantinoslavica. T. 1. Praha, 1929. S. 151—155.

[89] *Лихачев Н. П.* Некоторые старейшие типы печати. С. 7—8.

[90] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 40.

[91] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. S. 317; *Idem.* Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. S. 136; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 27.

[92] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. S. 317; *Idem.* Byzantinische Diplomatik. S. 42; *Idem.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 96; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 40—41.

[93] См., напр.: *Ohnsorge W.* Der Beitrag der abendländischen Überlieferung zur byzantinischen Sphragistik // Akten des XI Internationalen Byzantinisten — Kongresses. S. 423.

Применение золотых медальонов в качестве знаков императорской милости при международных посланиях византийских императоров постепенно все-таки прекращается. Международные договоры в обязательном порядке начинают скрепляться золотой императорской буллой, а к письмам прикладывается восковая печать, последняя прежде всего сохраняла в тайне содержание письма, ибо его нельзя было открыть, не сломав печать, поэтому восковые печати и не сохранились до настоящего времени. Но об их существовании, по мнению Дэльгера, свидетельствовал тот факт, что на внешней стороне сложенного текстом внутрь письма при написании адреса между словом «басилевс» и именем получателя имеется свободное место. Здесь-то и была приложена печать с изображением, именем и титулом византийского императора[94], как считает исследователь. Об изображении на подобной печати Дэльгер высказывается не вполне категорично. Так как ни одной восковой императорской печати не сохранилось, из копий известно только, что они представляли собой оттиск императорского перстня, исследователь в качестве возможной аналогии указывает на восковую печать под бумажной кустодией, имеющуюся при международном письме последнего византийского императора от 1451 г. На ней действительно просматриваются контуры императорской фигуры и круговой (по западноевропейскому образцу) легенды с титулом[95].

Подобную же роль играли золотая булла и восковая печать во внутригосударственном делопроизводстве. Упорядочение их применения, как считает Дэльгер, относится к рубежу IX—X вв. и является результатом реформы византийской канцелярии, осуществленной императором Львом VI. Ко времени его правления относится официальное упоминание об императорском документе (привилегии), скрепленном золотой печатью[96]. Таким образом фиксируется создание особой формы императорского акта (пожалования), который по своему содержанию и форме отличается от также широко известного императорского документа — простагмы. Не акцентируя внимания на этих отличиях, отметим только среди прочих наличие у простагмы восковой печати. О печати простагмы, которая, как и хрисовул, с этого времени приобретает свою определенную дипломатическую форму, Дэльгеру

[94] *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 293; *Idem.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 96, 99; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 45.

[95] *Dölger F.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 99; *Dworschak F.* Byzantinische Goldbullen // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 36. H. 1. Leipzig, 1936. S. 45.

[96] *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 85; *Idem.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 97—98; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 42—45. Некоторые исследователи византийских булл выделяют среди них золотую буллу Василия I, предшественника Льва VI, однако она не связана с каким-либо актом (*Grierson Ph.* Op. cit. S. 240—241, 248). Следует отметить, что ко времени правления Льва VI относится практическое осуществление законодательного проекта его отца Василия I (известен примерно от 890 г. в виде сборника законодательных постановлений в 60 книгах (Василики), который стал основой византийской правовой практики). Ср. рукопись доклада д-ра Й. Ирмшера (J. Irmscher) «Юридическая традиция: римское, византийское, послевизантийское право» (перевод) на Международном симпозиуме «Москва — Третий Рим», проходившем в Москве в мае 1986 г.

известно мало. Он указывает, что очень немногочисленные сохранившиеся оригиналы простагм не имеют ни следов от прикладной печати, ни дырок, которые бы свидетельствовали, что простагма скреплялась вислой печатью. Из этого, по мнению Дэльгера, следует, что восковая печать простагмы служила для закрытия и сохранения в тайне содержания документа и прикреплялась к шнуру, обвязывающему (обматывающему) документ. Подобный способ закрытия, кроме прикладывания восковой печати («обычной», «общеупотребительной» — прочитал исследователь в копиях), не исключает и использования вислой восковой печати, двусторонней — «диптихос», как отмечалось в копиях[97]. Вопрос об изображениях на лицевой и оборотной сторонах восковой двусторонней печати остается открытым. Золотая же булла византийских императоров, по крайней мере с середины XI в., сохраняла устойчивый иконографический тип: на лицевой стороне (по словам Дэльгера, сами византийцы считали эту сторону лицевой) изображался басилей басилеев Иисус Христос (погрудно, стоящий, сидящий на троне), правой рукой делает жест благословения, в левой руке держит книгу Нового Завета; на оборотной стороне — земной наместник Иисуса Христа, византийский император (погрудно, стоя) в императорской одежде, со знаками императорской власти. Претерпевали изменение (исчезали, появлялись вновь) лишь отдельные иконографические элементы (например, при Михаиле VIII Палеологе появляется выходящая из облака рука, коронующая императора), элементы легенды[98].

Повторяли тип золотой императорской буллы свинцовые печати, которые как заменитель золотых булл оставались при официальных копиях в императорской канцелярии. Император использовал свинцовые буллы в личной переписке[99]. Дэльгер не исключает применения свинцовых булл не только в делопроизводстве Византии, но и для опечатывания облагаемых пошлиной товаров[100].

При Палеологах Византия заимствовала некоторые западноевропейские правила оформления документов. Что касается императорских печатей, то после завоевания крестоносцами Константинополя и основания Латинской империи они приобрели сугубо западноевропейский вид: скачущий на коне рыцарь, сидящий на троне император, круговая легенда[101]. Реставрация империи (1261 г.) повлекла за собой возврат к обычному византийскому типу печати, однако наблюдается постепенный отказ от употребления свинцовой печати[102]. В конце существования империи

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[97] *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 47.

[98] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. S. 316; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 42—43.

[99] *Verpeaux J.* Pseudo-Kodinos. Traité des Offices. P., 1966. P. 175. В источнике сообщается, что восковым оттиском скреплялись послания императора к матери, жене, сыну. К посланиям императора деспотам, патриархам и другим архонтам высокого ранга привешивалась свинцовая печать.

[100] *Döger F.* Aus den Schatzkammern. S. 319.

[101] *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. S. 102.

[102] *Яковенко П. А.* Указ. соч. С. 140; *Каштанов С. М.* Современные проблемы европейской дипломатики. С. 29. Здесь приведены сведения из доклада исследователя византийской канцелярии второй половины XIII — середины XV в. Н. Икономидиса.

в Византии появляются красновосковые, а также оттиснутые через бумагу печати, что можно рассматривать как подражание делопроизводству Западной Европы[103].

Вышенаписанное представляет собой сжатое изложение самых общих сведений о византийской сфрагистике. Проанализированные в комплексе, эти факты интересны не столько сами по себе, сколько в плане осмысления этапов развития института печати, формирования функциональных признаков печатей на фоне и в зависимости от внутригосударственного развития, международного статуса Византии, общеевропейских коллизий.

Если в ранний период с определенной долей уверенности именно в свинцовой булле можно видеть основное средство скрепления внутригосударственных актов, а также констатировать ее использование во внутригосударственной переписке (не исключая, конечно, применения в этом качестве и восковых печатей-оттисков, сделанных перстнем), то с конца IX — начала X в. как основное средство скрепления внутригосударственных публичных актов выступает золотая булла, впоследствии скрепляющая и международные договоры. В ранневизантийский период международные послания византийских императоров, написанные на пурпурном пергамене золотым шрифтом, не нуждались, по мнению Дэльгера[104], в золотой печати как скрепляющем средстве. Она существовала лишь в качестве медальона-подарка. Наконец, при Палеологах наблюдается постепенный отказ от свинцовых булл, переход к самому широкому использованию восковых печатей и печатей под бумажной кустодией, что типично для западноевропейского делопроизводства этого времени. Характерной чертой является отсутствие в Византии общегосударственной печати[105].

Проблема византийской сфрагистики не может не возникнуть и в плане исследования взаимовлияний особенно на ранних этапах развития этого института в средневековых государствах. В настоящее время наука ушла вперед по сравнению с тем, как решался данный вопрос во времена Эвальда и Ильгена, когда проводилась резкая грань между функционированием восковых печатей к северу от Альп и металлических к югу от Альп[106]. Общепринятое деление на регионы по материалу печати сейчас уступило место иной, более сложной градации как в связи с углублением представлений об институте печати в целом, так и благодаря накоплению сфрагистического материала и его тщательному научному анализу в отдельных странах.

В частности, исследователи западноевропейской буллы уже отказались от взгляда на нее как на явление в Западной Европе случайное. Черту под спором по поводу времени появления металлической буллы в канцеляриях западноевропей-

[103] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. S. 316; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 45.

[104] *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 36—37.

[105] Об этом см.: *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // Вопросы истории. 1979. № 6. С. 47—59.

[106] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 327.

ских правителей подвела публикация Шраммом свинцовых булл Карла Великого[107]. Они были в употреблении, как считают исследователи, еще до коронации Карла Великого императором в 800 г. Иконография королевских свинцовых булл Карла Великого, как, впрочем, и его императорской свинцовой буллы, отличается от византийских[108]. Изображение, помещенное на оборотной стороне буллы, и круговая легенда RENOVATIO ROMAN. IMP. (интерпретация библейского текста) внизу под рисунком городских ворот — ROMA, по мнению исследователей, символизирует адекватность прав императоров Византии и империи франков[109].

Хотя подлинных золотых булл Каролингов не сохранилось, ряд ученых все-таки связывают их появление именно с этой династией[110]. Дискуссионным остается вопрос об изобразительном типе ранних западноевропейских золотых булл (первая дошедшая до нашего времени западноевропейская булла датируется XI в.[111]), вернее, о том, в какой мере византийская золотая булла могла оказать влияние на ее формирование. В свете дипломатических построений Дэльгера на формирование ее типа могли оказать влияние не столько византийские золотые буллы, сколько буллы-медальоны, приложенные к посланиям византийских императоров в Западную Европу. Здесь речь встает о реконструкции их типа (учитывается также возможность влияния византийских монет даже более известных в Западной Европе, чем печати), что и предпринимает Онзорге[112].

О византийском влиянии на формирование типа императорской печати Западной Европы пишут многие исследователи. Так, В. Мессерер усматривает воздействие Византии на создание императорского портрета в фас со скипетром и державой, который появился на печати Оттона I после коронации его императором в 962 г.[113] По мнению автора, это изображение императора в фас, сменившее профильное изображение (по аналогии с римскими императорами), надо рассматривать как политический акт, равноценный принятию нового титула. Еще дальше пошел Онзорге, анализируя печати Оттона III, который уже на первых императорских

[107] См. об этом: *Tessier G.* Diplomatique royale française. P. 80—81. Основным противником использования металлических булл для скрепления дипломов первых Каролннгов выступал известный западноевропейский дипломатист Т. Зиккель (*Sickel Th.* Lehre von den. Urkunden der ersten Karolinger (751—840). Wien, 1867. S. 196—198).

[108] *Kittel E.* Op. cit. S. 226—228.

[109] Ibid. S. 228. Не останавливаясь подробно на объяснении данной формулы, сошлюсь на ряд работ В. Онзорге, собранных в труде под названием «Запад и Византия» (*Ohnsorge W.* Abendland und Byzanz. Weimar, 1958), где он фундаментально исследует политические устремления и притязания Каролингов на фоне их взаимоотношений с Византией и папством. См., напр.: S. 15—33, 50—63, 94—110 etc.

[110] Ibid. S. 223—224; *Tessier G.* Diplomatique royale française. P. 80—82; *Grierson Ph.* Op. cit. S. 240.

[111] *Dölger F.* Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 31.

[112] *Ohnsorge W.* Der Beitrag. S. 423—426.

[113] *Messerer W.* Zur byzantinischen Frage in der ottonischen Kunst // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 52. H. 1. München, 1959. S. 41—42.

печатях, что показательно — восковых, изображался в полный рост, как византийский император, демонстрируя таким образом отказ от двухсотлетней западноевропейской традиции поясного портрета. Онзорге доказывал, что известная от 997 г. печать Оттона III, где он предстает сидящим на троне, подобно фигуре Иисуса Христа на византийских золотых буллах, предопределяет появление последующей типичной для западноевропейской сфрагистики тронной печати[114].

Естественно, что вопрос о булле в западноевропейской сфрагистике, о формировании ее типа лишь на первый взгляд носит фактологический характер. В действительности этот вопрос трактуется, правда в предположительном ключе, гораздо глубже, предполагая, в частности, как взаимообусловленность идеологических и культурных влияний, так и их контрарность[115]. В подобном же контексте делаются попытки рассмотреть и первые печати болгарских, сербских и других суверенов этого региона[116]. Однако в целом подобные наблюдения мало соотносятся как с новыми находками в Южной и Западной Европе металлических булл, так и с фактом скрупулезного изучения института буллы в Древней Руси, что не может не влиять на целостность и научную обоснованность выводов в отношении начального этапа, эволюции, причин отхода от использования буллы в дипломатической практике (включая Византию), ее правового статуса, особенно при рассмотрении одного из кардинальных вопросов средневековой сфрагистики — становления печати как средства скрепления частного акта.

Неоднократно упоминаемый здесь автор обобщающего сфрагистического труда Киттель, подводя итог проделанной работе по исследованию печатей древности, анализируя наблюдения своих многочисленных предшественников, пришел к выводу относительно функциональной целостности печатей разных эпох, усматривая дисгармонию в развитии этого института при переходе от древности к средневековью. Новые археологические находки дали в руки ученых неоспоримое, с точки зрения Киттеля, доказательство существования развитого института печати с глубокой древности. Речь идет о находке не только матриц для оттискивания печатей, которые не одно столетие находились в поле зрения исследователей, но и оттисков в виде обожженных комочков глины с изображениями, иногда с отверстиями для шнура, что даже позволило называть их «буллами». Оборотная сторона глиняных комочков иногда несет следы «объекта», на котором они оттискивались: канавки от шнура, следы ткани или волокон папируса. Большие скопления подобных глиняных оттисков появились в результате пожаров, уничтоживших предметы, с которыми были соединены печати. Скопления их наблюдаются в ряде бывших храмовых и дворцовых комплексов на территории Египта,

[114] *Ohnsorge W.* Der Beitrag. S. 425; *Tessier G.* Diplomatique royale française. P. 194.

[115] См. об этом, напр.: *Ohnsorge W.* Abendland und Byzanz. S. 305—306, 331.

[116] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. S. 319, 322, 334; *Idem.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 101—102; *Соловјев А. В.* Печати на Душановим повељьяма // Гласник скопског научног друштва. Кн. II, св. 1—2. Скопље, 1927. С. 37—46.

Сирии, Турции, о-ва Крита и локализуют древние архивы, относящиеся ко времени II тысячелетия — II в. до н. э. Доказательством связи этого рода печатей с документом служат находки глиняных клинописных табличек, на которых сделаны оттиски не только хорошо известных цилиндрических печатей, но и вышеназванных круглых и овальных печатей. Прочтение клинописных памятников позволило определить, что государственные архивы содержали как внутриэкономическую документацию, так и внешнеполитическую корреспонденцию; обширная хозяйственная документация хранилась и в известных частных месопотамских архивах II тысячелетия до н. э.

Образцы документов частноправового характера (например, завещаний), написанных на папирусе, предоставили в руки исследователей находки из Элефантины (Египет, IV—III вв. до н. э.). При них сохранились и печати-оттиски. Однако последние лишь скрепляют свернутые трубкой папирусы, скрывая текст от прочтения, но не утверждая, не заверяя его.

Оценку древнегреческих сфрагистических памятников Киттель предпринимает, исходя из анализа не только данных археологии, оперирующей тысячами найденных в земле гемм, но и из сообщений разного рода письменных источников. Это позволяет ему следующим образом высказаться о правовой функции печати на данном этапе: печать в древнегреческом мире использовалась не только для закрытия всевозможного рода хранилищ или хранений, но также письма, завещания, договоры и документы прочего рода были закрыты при помощи воскового или глиняного оттиска. Были ли документы не только закрыты, но и заверены, прикладывали ли свидетели свои печати к завещаниям (что наблюдается в отношении вышеназванных египетских папирусов)? Хотя абсолютно четкого ответа на эти вопросы в книге Киттеля мы не найдем, однако по его апелляции к специальным трудам по греческому частному праву, где утверждается, что скрепление печатью как необходимое действие при создании документов сделочного характера в греческом праве не имеет места и что греческие завещания в отличие от более поздних римских не были написаны по установленной форме, можно судить и о его собственной оценке места печати в древнегреческом делопроизводстве. Тем более что на территории собственно Греции в отличие от ее колоний, например Селины на о-ве Сицилия, глиняные оттиски-печати не обнаружены. И вообще, по замечанию Киттеля, неожиданным, недостоверным является факт, что, за исключением помпейских восковых табличек со следами печатей, ни в Греции, ни в Италии классической эпохи практически не было найдено оригинальных документов с печатью, что, конечно, не может не влиять на степень абсолютности выводов о функциональной эволюции печати. Тем не менее Киттель довольно четко формулирует свою точку зрения. По его мнению, древневосточное, греческое и римское право может признать печать в качестве отличительного знака собственности и средства, при помощи которого осуществляется сокрытие содержимого (в том числе запечатывание письма); в определенной степени печать служила удостоверением личности; использовалась она также и как средство заверения документа, однако

никогда не играла основополагающую роль в утверждении правовой силы документов сделочного характера.

В римском праве, пишет Киттель, наблюдается использование печатей свидетелей для сокрытия содержания завещания, но одновременно имелись их подписи, и причем это делалось только в завещаниях. Однако, по мнению Киттеля, из этого факта все-таки не следует исходить при реконструкции модели средневековой печати, скрепляющей частный акт. Элемент преемственности, особенно заметный, когда речь идет о лицах духовного звания, можно усмотреть только в использовании печатей при частной переписке.

Другое дело печать суверенов (печати публичных актов в традиционном понимании этого термина). Здесь Киттель усматривает единую линию развития ее правового статуса прежде всего как знака власти со всеми вытекающими, свойственными как древности, так и средневековью ритуальными аспектами (например, упорядочение хранения кольца-печати суверена, передача печати, символизирующая передачу власти, и т. д.)[117].

Киттель не оригинален в попытке, во-первых, выделить сам вопрос о становлении печати частного акта, во-вторых, оценить ее существо с точки зрения судебного доказательства. Его предшественники — исследователи печатей, специалисты по дипломатике — на разных уровнях доказательности анализировали ту же проблему. Небезынтересна она оказалась и для юристов, изучающих средневековое право, которые трактуют ее как проблему, затрагивающую вопросы юрисдикции, и прежде всего вопрос доказательства в судебном процессе, ибо документ из-за изменения доказательного права в средневековье получил совершенно иную функцию, чем в классическом римском праве[118]. Следует, правда, подчеркнуть, что «подключение» юристов внесло и дополнительные диссоциации во взгляды на сам термин «частный акт», что проистекает из принципиально отличного от дипломатистов подхода к письменному тексту — рассмотрению последнего исключительно с точки зрения его доказательного значения (в судебном процессе)[119].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[117] *Kittel E.* Op. cit. S. 114—115.

[118] *Battenberg F.* Op. cit. S. 2. Трузен пишет по этому поводу: «Если судья, согласно классическому римскому праву, был абсолютно свободен в оценке приводимых обеими сторонами доводов, в том числе и в оценке грамот (здесь речь идет о теории свободной оценки доказательств), то в более позднее время уже появляется зависимость судьи от определенных, юридически закрепленных правил доказывания. В средние века глоссаторы разрабатывали и далее эту теорию, согласно которой судья больше не был свободен в оценке доказательств. Он не мог уже руководствоваться только истинностью содержания грамоты, а должен был обязательно придерживаться определенных внешних форм. Форма грамоты, т. е. ее чувственно воспринимаемый внешний вид, являлась для средневековой теории законности действительным аргументом. Другими словами, решающей являлась сумма внешних признаков, начиная с invocatio, даты и вплоть до знака нотариуса, подписи свидетелей, печати и многого другого. Каждая грамота должна быть составлена по определенной форме для того, чтобы она могла служить средством доказательства» (*Trusen W.* Op. cit. S. 205—206).

[119] *Tessier G.* La diplomatique. P. 99.

В рамках настоящего изложения, цель которого состоит в выявлении общей линии развития института печати как такового (разумеется, опираясь на предшествующий исследовательский опыт), не имеет смысла вдаваться в суть споров юристов и дипломатистов по поводу терминологии, споров дипломатистов разных школ (французской и немецкой), утверждающих или отрицающих влияние римских правовых традиций в сфере частного акта, и пр. Интересным на фоне этих споров является для нас один момент: проследить, каким способом осуществлялась доказательность и роль печати в процессе роста (скажем так) доказательности частного акта.

Итак, в государственных образованиях раннего средневековья, возникших на территории бывшей Римской империи, для утверждения королевских и императорских грамот использовались подпись и печать. Подпись, однако, служила основным утверждающим средством. Печать смогла ее заменить, так как сначала ассоциировалась с перстнем, с королевской рукой, именно перстень фигурировал в качестве печати в корроборационных формулах первых королевских дипломов. Затем, когда вместо «перстня» (anulus) в корроборационных формулах появляется «печать» (sigillum) или оба эти слова начали употребляться как идентичные понятия в канцелярской практике[120], то для демонстрации факта, что все, что написано, также исходит от короля, от его лица, на печатях действительно появляется «лицо», портрет короля заменил его руку. Упоминание о печати, если рассматривать королевскую грамоту в дипломатическом аспекте, вошло в утвердительную формулу, сама печать стала неотъемлемой частью акта, по существу она и венчала становление публичного акта средневековья. Нетрудно, таким образом, заметить, что печать средневекового публичного акта свойство основного его утверждающего средства обрела не сразу, она прошла какой-то этап «неполной» юридической силы.

Большинство западноевропейских исследователей, даже те из них, кто усматривает в раннесредневековом частном акте преемственность античных традиций[121], пишут о том, что позднеримские частноправовые документы не несут печати. Их доказательность подтверждается заверением нотариального характер[122]. Какое-то время подобный порядок существовал и в государстве франков, прослеживаются черты упорядочения оформления частного акта в ранневизантийских законодательных предписаниях[123]. Однако возникает ряд трудностей, когда речь заходит о частном акте раннего средневековья.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[120] Зиккель отмечает, что, по его мнению, самый старый подлинный диплом с «sigillum» в корроборационной формуле относится ко времени Людовика Немецкого (к 857 г.). С этого времени «anulus» и «sigillum» в канцелярском языке употребляются без различия. Например, в контексте одного диплома можно прочесть: «nostro sigillo roborare» («нашей печатью скрепить»), а в корроборационной формуле значится: «et anuli nostri impressione assignari iussimus» («и приказали снабдить печатью, приложив наш перстень») (*Sickel Th.* Op. cit. S. 199. См. также: *Seyler G.* Op. cit. S. 111).

[121] *Tessier G.* La diplomatique. P. 101.

[122] *Ewald W.* Op. cit. S. 36; *Redlich O.* Op. cit. S. 105; *Tessier G.* La diplomatique. P. 102—103.

[123] *Tessier G.* La diplomatique. P. 104, 108.

Одни исследователи, к ним, например, принадлежат многие современные французские ученые, категорически заявляют, что частные акты раннего средневековья никогда не скреплялись печатью. «С того дня, когда к частному акту будет привешиваться или прикладываться печать, — пишет, например, Тесье, — этот документ будет относиться к другому дипломатическому течению»[124].

В данном высказывании явно прослеживается позиция отнесения всех документов (письменных текстов), в которых зафиксированы юридические действия частных лиц, изготовленных «со времени варварских нашествий до введения нотариального режима или режима печати», к той категории, что носит «условное наименование частных актов раннего средневековья». По поводу доказательности этой категории документов Тесье высказывается также недвусмысленно: «В огромном большинстве частные акты раннего средневековья низведены до уровня опосредованно доказательных документов, т. е. они лишь способствуют облегчению доказательства, основанного на свидетельском показании, предоставляя список свидетелей, которые могут быть вызваны в суд, чтобы подтвердить факт совершения юридического акта. Во всяком случае, именно такое впечатление они производят на наши требовательные умы, но это не означает, что в неразвитом социальном комплексе первых веков феодализма текст, имеющий чисто свидетельское значение в глазах нашего современника, не мог составлять как таковой в глазах судей серьезную презумпцию в пользу того, кто мог его предъявлять»[125].

Сторонники другой точки зрения, среди которых приоритет принадлежит немецким дипломатистам, считают, что документы, которые получили условное наименование частных актов раннего средневековья, так как они не несут никаких следов заверения, не могут поэтому служить доказательством (в суде)[126]. Это относится к странам обычного права, которые не знали вовсе или не усвоили традиции письменного права и где отсутствует система нотариата. Речь ведется прежде всего о варварских народах, проникших на земли Римской империи и обосновавшихся здесь. Понятие письменного документа было им чуждо. Им было известно лишь доказательство, основанное на свидетельском показании (не исключая, конечно, присягу, поединок). Для заключительных договоров об обязательствах и передаче собственности они пользовались иными, чем текст, формальными, способами. Соприкоснувшись с техникой составления письменного документа в том виде, в котором он был принят у романизированных народов и римлян, они усвоили ее (как усвоили в конечном итоге оформление публичных актов), но существенно изменив (не усвоив нотариальный способ заверения) и введя присущие им юридические понятия. Согласно обычному праву, сделку сопровождал соответствующий обряд, при котором присутствовали свидетели, ее гаранты. Исследователи признают, что не исключалось и письменное оформление сделки, вернее, запись самого

[124] *Tessier G.* La diplomatique. P. 109—110.

[125] Ibid. P. 113.

[126] *Ewald W.* Op. cit. S. 36; *Redlich O.* Op. cit. S. 63.

действия, однако эта запись (то или иное письменное волеизъявление) не имела безусловной юридической силы, а приобретала последнюю для определенного круга лиц, которых эта сделка касалась, ограничиваясь актом вручения упомянутой записи заинтересованным сторонам[127].

Двуединый процесс развития права и документа привел к тому, что со временем по своему правовому значению (для суда) частный акт становится адекватным публично-правовому акту; внешние признаки последнего также «переходят» на частный акт. К числу этих признаков принадлежит и печать. В скреплении печатью усматривается формальное подтверждение передачи грамоты, так что скрепление становится, по сути дела, суррогатом церемонии вручения грамоты. Здесь можно зафиксировать и рудименты предшествующего этапа, например обязательное присутствие в момент скрепления печатью свидетелей (или свидетеля) сделки. Можно рассматривать этот этап как определенную ступень не вполне еще «созревшего» удостоверения акта, в которой усматривается еще удостоверение сделки. О подлинном удостоверении (когда акт — письменный документ определенной формы, куда включается и удостоверительная часть с обязательным упоминанием скрепления печатью определенным официальным лицом) можно говорить после того, как эти предварительные стадии пройдены, а наличие печати является единственным средством доказательности. На этом этапе в той или иной форме правовой статус печати фиксируется письменными памятниками права. К подобному «состоянию» частный акт в разных странах приходит в разное время, но в рамках их исторического развития прослеживается относительная хронологическая последовательность действий по приданию письменному тексту все большего и большего доказательного значения.

Институт табеллионов (профессиональных писцов, нотариусов) проник в римскую Галлию V в. Правда, он не оставил здесь никаких следов ни в варварских законах, ни в практических документах[128]. Правда, во Франкском государстве, например, существовавшие еще какое-то время профессиональные писцы при графских судах, своего рода судебные секретари, вели записи юридических решений по спорным вопросам, а также кратко записывали содержание решений судов обычного права, проходивших в различных населенных пунктах графств. Однако государственная власть не облекала их деятельность в подведомственный ей институт нотариусов, подобно существовавшему в Римской империи, и, как пишет Тесье, на территории современной Франции (б. Галлия) даже следы деятельности писцов, могущих быть наделенными государственными полномочиями, в IX в. исчезают. С этого времени для составления текста обращались просто к тем, кто умел писать. Практически духовенство, монахи, личные секретари крупных феодалов владели пером. Но это были частные лица, написанный ими документ не имел доказательной силы, если по его предъявлении не оказывалось в живых

[127] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 359.

[128] *Tessier G.* La diplomatique. P. 108.

упомянутых в нем свидетелей. Западноевропейская литература не дает удовлетворительного ответа на вопрос о дипломатической форме подобных записей. Более того, Тесье называет «химерной попытку систематизации характерных признаков частных актов раннего средневековья»[129], а Редлих говорит о «деградации частной дипломатики»[130].

С достаточной определенностью Зиккель отрицает удостоверение частных документов Каролингами с помощью подписи и печати[131]. Но наряду с королями печатями обладали светские и духовные лица высокого ранга. Для заверения собственных грамот (пожалований, договоров и т. п.) крупные светские феодалы, архиепископы, епископы начали использовать печать с того времени, как она утвердилась в качестве единственного заверяющего средства в королевских дипломах, т. е. примерно с начала X в.[132]

Хотя исследователи западноевропейской сфрагистики называют различные конкретные даты появления в Западной Европе первого некоролевского документа, где в качестве основного удостоверяющего средства фигурирует печать, и затрудняются в выборе владельца этой печати — одни называют светское лицо, другие — духовное[133], — в целом они рисуют одинаковую картину постепенно расширяющегося использования печати разными слоями средневекового общества. В X в. печатью скрепляли грамоты герцоги, архиепископы, епископы. Начиная с XI в. почти все документы епископов Германии и Франции были с печатями, в XII в. к ним присоединились английские. В то же время значительно расширяется круг духовных лиц, обладающих печатями: это аббаты, учредители и настоятели монастырей, каноники и др. — как отдельные лица духовного звания, так и различные духовные коллегии, соборные капитулы и пр., а также светских. В XII в. ряд немецких городов имел собственную печать, с XIII в. применение печати в кругах европейского рыцарства становится почти повсеместным, от этого времени известны печати бюргеров и даже крестьян[134].

Элементы моды, несомненно, присутствуют при рождении столь «массированного» явления европейской жизни. Налицо и явные «удобства» — применение штемпеля, оттискивающего на воске «визитную карточку» владельца, даже для неграмотного человека было просто и надежно. Памятуя о том, что широкое распространение печати включает в себя использование ее в различных сферах жизни, и прежде всего в традиционной — для закрытия, сокрытия, обозначения собственности и удостоверения личности владельца (например, в виде пломб, печатей торговых домов и пр.), все же подчеркнем, что нас интересует ее утвердительная функ-

[129] *Tessier G.* La diplomatique. P. 109.

[130] *Redlich O.* Op. cit. S. 109.

[131] *Sickel Th.* Op. cit. S. 190. См. то же о Меровингах: *Seyler G.* Op. cit. S. 55.

[132] *Sickel Th.* Op. cit. S. 199; *Redlich O.* Op. cit. S. 108; *Ewald W.* Op. cit. S. 39.

[133] *Redlich O.* Op. cit. S. 109; *Ewald W.* Op. cit. S. 37, 39; *Kittel E.* Op. cit. S. 111.

[134] *Redlich O.* Op. cit. S. 111; *Ewald W.* Op. cit. S. 39.

ция в акте. Авторы ряда дипломатических работ констатируют, что с XII—XIII вв. можно говорить о становлении средневековой грамоты в качестве законного документа в форме грамоты, скрепленной печатью[135]. Подобная печать имела значение подписи. Печать удостоверяла реальность изъявления воли, зафиксированной в акте, и придавала документу достоверность. Любое лицо, владеющее печатью, могло составить дарственную, завещание и др., скрепив документ своей печатью. Однако был ли он доказательным (в суде)? В указанный период распространения личных печатей лишь определенные печати придавали тексту исключительное доказательное значение. Это так называемые аутентичные печати, о которых уже шла речь и о сущности которых еще раз напомню здесь, приведя слова французского исследователя Тесье: «Аутентичной будет достаточно распространенная для легкого распознавания печать bene cognitum et famosum (хорошо распознаваемая и известная), разумеется, если она принадлежит физическому или юридическому лицу, имеющему определенный общественный вес в рамках экклезиастического или сеньориального мира (общества). Таким образом, определенная достоверность будет иметь относительный характер, т. е. будет восприниматься в большей или меньшей степени, в зависимости от юрисдикции, оценивающей аутентичность печати, и от обычного права, ведь именно обычай в последней инстанции будет решать, должна ли та или иная печать считаться аутентичной»[136].

Папская доктрина о развитии документов, которая и ввела понятие аутентичной печати, не определяя конкретно ее принадлежности, все-таки имела в виду судей определенного ранга по делам в каноническом процессе: это были лица духовного звания, именно их печати, естественно при соблюдении соответствующей иерархии, являлись доказательными в клерикальном судопроизводстве. Однако на ранних этапах, несмотря на папские декреты, доказательство свидетелей здесь ни в коей мере не упраздняется, в спорных случаях доказательство ведется с помощью свидетелей и документов. И тем не менее, как пишет Редлих, есть основания считать, что в церковных кругах и церковном судопроизводстве уже в середине XII в. прослеживается тенденция в грамоте с печатью видеть доказательную силу независимо от наличия свидетелей, так что последние не имеют уже прежнего веса, затем свидетели или грамоты с печатью начинают выступать как равноправные компоненты и, наконец, доказательная сила признается каноническим судопроизводством только за грамотой с печатью (аутентичной)[137].

Поскольку правовая действенность грамоты с печатью становилась известной все более широкому кругу лиц и эта известность, конечно, выходила за рамки церковного судопроизводства, в частности, хотя бы и потому, что нередко и светские лица, их действия оказывались объектами споров и решений, например, в случае,

[135] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 360; *Redlich O.* Op. cit. S. 115; *Tessier G.* La diplomatique. P. 37; *Trusen W.* Op. cit. S. 198.

[136] *Tessier G.* La diplomatique. P. 37. См. также: *Trusen W.* Op. cit. S. 207—208.

[137] *Redlich O.* Op. cit. S. 116—117.

когда имелись завещания светских лиц церкви, о правомерности которых и шла речь, неизбежными вытекающими из этого факта явлениями можно считать, на наш взгляд, следующие.

Видя, что сама по себе печать дает документу «силу», а именно такую силу, что подлинный документ с печатью становится неоспоримым свидетельством (даже после смерти свидетелей сделки), к сеньорам духовного звания, как правило епископам[138], стали обращаться с просьбой скрепить документ, фиксирующий сделку. Епископ, таким образом, выступал в качестве привилегированного свидетеля волеизъявления, сделанного в его присутствии, а само его свидетельство материализовалось печатью. Вначале, считают исследователи, в Западной Европе о подобных фактах можно говорить примерно с XII в., владелец печати прикладывал ее к письменному тексту без упоминания об этом. Затем, когда такое явление становится более регулярным, в тексте появляется подтвердительная статья, расширяющая роль свидетеля и преобразующая ее в роль действующего лица[139].

Вторым моментом было проникновение традиций канонического права в обычное право, в памятниках которого уже в XIII в. нашли отражение многие положения относительно оформления частноправовых сделок при помощи документа с печатью. Так, Швабское зерцало фиксирует важный момент светского судопроизводства средневековой Германии, подчеркивая, что предпочтение отдается не свидетелям, а письменному документу с печатью: «Мы утверждаем, что письменные доказательства лучше свидетелей, так как если свидетели умирают, то письменные доказательства остаются навсегда; они означают “хандфесте” (удар по рукам при заключении сделки), по ним умерший свидетель оказывает такую же помощь, как и живой»[140]. Как видно из приведенной цитаты, показания свидетелей еще не теряют своей доказательной силы в сравнении с письменным подтверждением, свидетель мог быть, вероятно, назван в тексте. В другом месте Швабское зерцало упоминает о необходимости присутствия при сделке семи свидетелей, однако для доказательства решающим является не их присутствие, а документ, содержащий печати. В одной из ранних записей обычного права, какой является Швабское зерцало, очень наглядно прослеживается переход от действий, сопутствующих сделке, существовавших в дописьменном праве, к оформлению письменной гарантии этой сделки. В другом памятнике обычного права XIII в., французском трактате Бомануара «Обычай Бовези», можно найти целую доктрину иерархии печатей, из которой следует, что лишь печати папы и короля являются абсолютно аутентичными: «…письмо папы… должно являться полноценным свидетельством на любом хри-

[138] Многие исследователи считают, что по целому ряду причин частные лица на первых порах для «обеспечения аутентичного доказательства своих распоряжений» предпочтение отдавали своему епископу (*Ilgen Th.* Op. cit. S. 361; *Ewald W*. Op. cit. S. 40; *Tessier G.* La diplomatique. P. 115, 120—121; *Jireček H.* Slovanské právo. S. 230; *Trusen W.* Op. cit. S. 198).

[139] *Redlich O.* Op. cit. S. 119; *Tessier G.* La diplomatique. P. 115.

[140] Цит. по кн.: *Redlich O.* Op. cit. S. 116.

стианском и светском суде, так как никто на земле не является сувереном папы», также все то, что король «свидетельствует своей печатью, должно приниматься на веру, будь то за или против…»[141]. Автор трактата подчеркивает далее, что лишь относительной аутентичностью обладают печати феодальных судей, «баронов» и печати обычных духовных судебных учреждений. Дворянство, во всяком случае, не дает владельцу титула привилегии иметь аутентичную печать[142].

Выше цитированные и другие подобные памятники обычного права (например, Верхнебаварское земельное право XIII — начала XIV в.)[143] отражают практику скрепления частноправового документа представителями светских кругов, которые в своей деятельности руководствовались в общем теми же правилами, которые выработало к этому времени каноническое право. Как церковные, так и светские суды из-за существования нечетких установлений и дифференциации ценности печати как доказательного средства на практике могли признавать, но могли и не признавать за той или иной печатью право на подтверждение законности сделки. Таким образом, использование печати в частноправовой практике еще не достигло той полной доказательной силы и неоспариваемости, которую имели, например, королевские грамоты.

Развитие правовых отношений, практики судопроизводства и делопроизводства в целом способствовало совершенствованию утвердительного аппарата в оформлении как публичного, так и частного акта. Что касается частноправовых документов, о которых здесь ведется речь, то процесс усиления действенности печати находит выражение в самых различных проявлениях и формах. Например, в немецком праве устанавливается степень достоверности печати «в своем и чужом деле»[144]. Если, предположим, лицо, участвующее в сделке, не имело собственной печати или его печать обладала недостаточной доказательной силой перед судом, то оно вынуждено было использовать печать другого владельца. Скрепление печатью чужих документов могло принимать различные формы: например, соответствующий владелец печати составляет от своего имени текст о совершении посторонним лицом правовой сделки, в которой сам не заинтересован. В тексте это условие отмечается (кто прикладывал печать). Существуют также документы, в которых не засвидетельствовано ограничительное условие, однако факт скрепления печатью упомянут в тексте. Наконец, еще одну форму представляют документы, к которым прилагается печать постороннего лица, однако об этом не упоминается в тексте[145].

Отсутствие четкого принципа и как следствие четкой формулы, раскрывающей сущность утвердительного средства, несомненно отражает персистентный характер становления юридической силы утвердительного «инструментария».

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[141] Цит. по кн.: *Tessier G.* La diplomatique. P. 37.

[142] Ibid. P. 38.

[143] *Redlich O.* Op. cit. S. 116—117.

[144] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 360; *Redlich O.* Op. cit. S. 117—118; *Ewald W.* Op. cit. S. 40.

[145] *Ewald W.* Op. cit. S. 40.

Частое использование печати в чужих делах повлекло за собой появление нового предписания — прошения о печати (оно предполагает удовлетворение этого прошения и определенные обязательства владельца печати). Прикладывающий печать к чужому документу, взяв на себя функцию его заверителя, нес ответственность за содержание документа, за правомерность совершенного скрепления печатью и за правовые последствия, которые могли возникнуть из-за невыполнения обязательств, записанных в документе:

С печатью на чужих документах связано еще одно явление, а именно привлечение свидетелей прошения о печати и скрепления печатью. Это уже не прежний свидетель сделки (хотя не исключено, что обе функции могли исполнять то же самое лицо или лица), это качественно новый этап утверждения правового значения печати, однако далеко не полный ее триумф: живой свидетель присутствовал для несомненной гарантии печати и скрепления печатью, и наличие подобных свидетелей выступает как правовое требование[146].

Можно указать и на другие моменты, связанные с процессом становления аппарата, предельно обеспечивающего безопасность деловых отношений частных лиц и правовые гарантии фиксирующих сделки письменных документов[147]. Естественно, что этот аппарат возникал не сразу в определенных формах, зачастую спонтанно, эмпирически, исходя из нужд места и времени, затем закрепляясь в законодательствах.

Например, специальную форму гарантий частноправовых сделок демонстрируют некоторые западноевропейские городские организации, как пишет Тесье, «оригинально среагировавшие на нужды буржуа (горожан)». Прирейнские города средневековой Франции, Германии применяли принцип использования ковчега, ларя, ларца, кофра, в котором официально хранились под ответственностью муниципальных служащих экземпляры подтвержденных свидетелями письменных актов, призванных выступать в качестве доказательства в спорных случаях. Один экземпляр подобного акта выдавался заинтересованной стороне. В некоторых городах этот принцип существовал очень долго, в других местах он был полностью и просто сменен режимом грамоты, скрепленной печатью, с введением института муниципальной печати[148]. С последним фактом соотносится возникно-

[146] *Redlich O.* Op. cit. S. 120; *Fiala* Z. Op. cit. S. 211—214.

[147] К ним можно отнести, например, присоединение к печати лица, выдавшего грамоту, еще одной или нескольких печатей, владельцы которых были заинтересованы в действиях, изложенных в грамоте и гарантированных при помощи ее. Иногда в тексте определенно указывалось, как далеко этот интерес простирался и в какой степени владелец или владельцы дополнительных печатей имели отношение к действиям, зафиксированным в тексте. Кроме того, существовал обычай скреплять текст дополнительной печатью, которая как бы усугубляла аутентичность (вередостойность) грамоты. Это своеобразный рудимент существовавшего ранее обычая придавать значение не только личной представительности свидетелей, но и их количеству; На особо важных грамотах насчитывалось иногда десяток или более печатей (*Ilgen Th.* Op. cit. S. 361; *Ewald W.* Op. cit. S. 50).

[148] *Tessier G.* La diplomatique. P. 122.

вение института городских книг, в частности, во многих немецких городах. Их разновидность в Чехии появилась в конце XIII — начале XIV в. Это так называемые доски земские[149] — краткие записи правовых действий частных лиц и решений по ним земского суда, начавшего свою деятельность задолго до возникновения этих записей и применявшего печать для вызова в суд. Разновидности подобных книг имелась и в Польше[150].

Даже на территории одной страны существовали региональные особенности «инструментария» гарантий частного акта, и развитие этого «инструментария» обусловливает целый ряд тенденций, которые, в свою очередь, обусловливаются развитием экономической жизни, обменных отношений, юридической практики и пр. Сюда относится становление формуляра частного акта, который независимо от утверждающего «инструментария» проходит определенный период неустойчивости, полиморфизма[151]; тенденция постоянной и последовательной унификации «инструментария» как в пределах региона, так и в государстве в целом; тенденция к выработке нормативности, предельно систематизирующей процесс правового гарантирования сделки.

Нельзя не упомянуть и о некоторых сопутствующих процессу утверждения заверяющего средства частного акта моментах. Так, общему проникновению печати в светские документы и развитию присущих этому правовому институту черт во многом способствовало, по утверждению О. Редлиха, родственное явление, которое также одновременно с печатью становится в определенной степени традицией, — появление гербов. XII—XIII века — время возникновения рыцарской геральдики. Если ранее на печатях феодалов изображение должно было сопровождаться обязательной надписью, легендой, которая содержала имя и титул, то теперь герб сам по себе четко обозначал и позволял определить владельца печати. Печать с помощью герба, несмотря на, казалось бы, ее усилившуюся персонификацию, тем не менее выходила за рамки этой персонификации, ибо вместе с изображенным на ней гербом становилась знаком рода, целого сообщества личностей, передавалась по наследству, завещалась отцом сыну.

Словом, печать, воплощающая в себе индивидуальность, личностное начало, несомненно все более утверждаясь как правовой институт, на фоне общих процессов социально-экономического развития средневековой Европы данное качество как бы теряла, оставаясь незаменимым компонентом заверительного «инструментария». Это позволило ей, в свою очередь, вступить как бы в новую стадию развития. Вот как характеризует эту стадию Ильген: «Оживленное развитие юридической практики с середины XIII в. привело к изменениям в грамотах и печатях. Различные

[149] *Jireček H.* Právnický život S. 45, 54; *Fiala Z.* Op. cit. S. 280—281; *Vojtišek V.* K počatkům mětských knih pražských a desk zemskich // Výbor rozprav a studii. Praha, 1953. S. 229—239.

[150] *Bardach J.* Historia państwa i prawa polskiego. Cz. 1. W-wa, 1955. S. 61.

[151] *Tessier G.* La diplomatique. P. 112—113; *Johanek P.* Op. cit. См. также: *Зигель Ф. Ф.* История славянских законодательств. Ростов н/Д, 1916. С. 112.

стороны общественной деятельности все больше изымались из сферы непосредственной личной компетенции императора, церковных князей и светских сеньоров и оказывались в руках организаций, у которых тем самым теперь появлялось право издавать грамоты с юридически полномочными печатями. Огромное количество грамот выходило теперь из многочисленных судебных инстанций: имперского придворного суда (в Германии), епископских курий, сеньоральных судов (вплоть до местных судов присяжных и пр., какие бы названия в разных местах они ни носили), городских судов, которые иногда достигали большой степени самостоятельности, наконец, всевозможных общинных инстанций: все они снабжались либо безличной печатью суда, либо личной печатью судьи или в зависимости от местных обычаев печатями двух (или более) присяжных (шеффенов), способными противостоять всякому сомнению в их подлинности»[152].

Подобный феномен предполагал обязательную запись о сделке в соответствующей компетентной инстанции, где она (сделка) письменно фиксировалась «на вечные времена». Запись в судебные книги договоров и сделок частных лиц представляла собой, по мнению современников, надежнейшее средство обеспечения правовых отношений, более надежное даже, чем грамота с печатью, «…грамоты ведь можно потерять, — говорит Викторин из Вшегрд (Viktorin ze Všehrd, Чехия, XV в. — *Н. С.*), — моль, огонь и злодей могут их уничтожить, но земские книги от времени ничего не теряют, моль и огонь им не опасны, вода и железо для них не существуют, а злоумышленникам они недоступны; будучи верными стражами всего в них записанного и внесенного, они нерушимо охраняют вверенные им права не только для нас и детей наших, но и для их детей и тех, которые от них произойдут»[153].

Итак, новый этап существования утвердительного «инструментария» исключает свидетелей. Но когда больше не нужны свидетели сделки, когда документ с печатью заменяет свидетелей, то тогда, наконец, и сделка переносится в скрепление печатью; следовательно, исчезновение свидетелей — признак перехода не только к полному, самому по себе доказательному документу, но и к самому по себе доказательному документу сделки. Сначала место свидетелей заняли их печати, затем печати прикладывали уже и не свидетели, а официальные лица (первоначально это были их личные печати[154]), о чем сообщалось в тексте документа, затем сообщение сокращалось до упоминания о печати (как свидетеле и свидетельстве)[155].

Естественно, в данном случае изменялся формуляр скрепленного печатью частноправового документа[156].

---

[152] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 361. См. также: *Redlich O.* Op. cit. S. 119; *Tessier G.* La diplomatique. P. 121—123.

[153] Цит. по кн.: *Ясинский А. Н.* Указ. соч. С. 28.

[154] *Tessier G.* La diplomatique. P. 122.

[155] *Redlich O.* Op. cit. S. 121—122.

[156] Ibid. S. 122—123.

Фиксирование в официальном учреждении, придание частноправовому документу исключительного доказательного значения при помощи подписи должностного лица[157] «отодвигает» печать на второй план после подписи[158].

Развитие утвердительного «инструментария» имело, кроме всего прочего, фискальную сторону. Дэльгер приводит косвенные факты, свидетельствующие о взимании пошлины в византийской императорской канцелярии за выдачу императорских пожалований, снабженных в обязательном порядке печатью, а также рескриптов, документов, называвшихся λνσις, σημειωμα, из которых не все снабжались печатью[159].

Исследователи предполагают, что на ранних этапах использования печати в качестве удостоверительного средства церковные и светские феодалы, которые в тот период владели печатями, легко соглашались выполнить просьбу о приложении ее к документам частных лиц за определенную плату[160].

В папской, королевской, княжеских, городских канцеляриях, в различных судебных учреждениях за приложение печати взималась пошлина, сумма которой была твердо нормирована в зависимости от характера печати и документа, к которому она прикладывалась[161].

В средневековой Чехии вызов в суд, который производился при помощи предъявления «печати вызова», оплачивался теми, кого вызывали. В раннем памятнике чешского права — Рожмбергской книге понятия «погонные» (pohon — вызов в суд) — плата за вызов в суд при помощи печати — и «мыто» идентичны[162].

Начиная примерно с XIII в. положения о пошлинах за печать встречаются в правовых памятниках Европы[163]. Также от XIII в. сохранились сведения из

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[157] В конце концов подобная деятельность оформляется рано или поздно в институт нотариусов, одна из основных характеристик которого заключается в том, что нотариус является должностным лицом судопроизводства, выполняющим свои обязанности без вмешательства судьи. Естественно, что для вступления в должность официального лица (нотариуса) необходимо распоряжение властей, обладающих соответствующими полномочиями (*Tessier G.* La diplomatique. P. 118; *Trusen W.* Op. cit. S. 209—212).

[158] О. Редлих пишет: «…сверхсила печати — результат того времени, когда не умели читать и писать. Когда с XIV в. королевские, земельно-княжеские и городские канцелярии полностью обеспечили себя всеми вспомогательными книгами и регистрами, когда грамотность стала признаком общего образования, тогда в документ снова проникла собственноручная подпись и поколебала господство печати как заверительного средства. В королевских и земельно-княжеских документах в отдельных случаях в XIV в., чаще в XV в. и регулярно в XVI в. важной отличительной чертой становится подпись, которая отодвигает на второй план печать или вообще ее заменяет. Этому принципу следует заверение всех актов» (*Redlich O.* Op. cit. S. 124). В XVI в. во Франции специальные ордонансы сделали обязательными на частноправовых документах подписи нотариуса и заинтересованных лиц (*Tessier G.* La diplomatique. P. 126).

[159] *Dölger F.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 101.

[160] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 342.

[161] Ibid.; *Tessier G.* Diplomatique royale française. P. 177 etc.; *Fiala Z.* Op. cit. S. 128.

[162] *Jireček H.* Slovanské právo. T. II. S. 226.

[163] *Ясинский А. М.* Указ. соч. С. 10.

папской канцелярии о доходах за привешивание буллы. К XIV в. относятся счета некоторых хранителей печатей епископов и церковных судов, к этому же времени и к следующему столетию — сведения о стоимости приложения печати в городах, королевских и императорских канцеляриях и пр.[164]

Итак, становление печати как правового института представляет собой длительный и сложный процесс. Выросшая из первобытного амулета, защищавшего его владельца от злых сил, из личного опознавательно-отличительного знака печать в классовом обществе приобретает свойства элемента общественно-правовой жизни в качестве знака собственности. Как одна из форм, выражавших и доказывавших права собственности, печати встречаются уже в V тысячелетии до н. э., как о юридических знаках, определяющих права собственности, говорится о них в самых ранних варварских правдах. Таким образом, рубеж превращения «метки» («предпечати») в печать — появление института частной собственности, существование которой явилось предпосылкой для развития определенной функции печати — охраны собственности. Эта основная функция печати оставалась присуща ей на всем протяжении древности, сохранившись и в последующие исторические периоды.

Исследователи не имеют бесспорных доказательств того, что в древности одновременно с развитием охранной функции печати (применительно к письменности — запечатывание писем, посланий, распоряжений и др.) развивалась и ее функция заверения (скрепление печатью документа). Различие: если запечатывание было вызвано необходимостью охранять документ от незаконного вскрытия, то заверение печатью могло служить доказательством его подлинности (вероподостойности).

Большинство исследователей считают, что на пороге средневековья печать не обладает еще теми правовыми чертами, которые становятся ей присущи в следующей за античностью исторической эпохе. Печать на ранних этапах употребления в средневековом делопроизводстве воплощала в себе овеществленную карающую силу своего владельца, и то, что король прикладывал к документу печать, означало в первую очередь не гарантию подлинности грамоты, а охрану содержащегося в ней правового действия. Это воплощалось в наглядной форме: в изображении сначала «портрета» суверена (могла быть использована для этой цели и античная гемма), затем знаков его власти, что в конце концов привело к возникновению тронной, или печати высшего достоинства. Королевский документ, по мнению ряда исследователей, послужил образцом воссоединения грамоты и печати, явился своего рода переходной вехой от печати античного мира к печати средневековья, подготовил общественное сознание к восприятию печати как действительно важнейшего, даже единственного способа заверения документа.

В дальнейшем в средние века происходит модификация правового статуса печати, превратившая последнюю в гарант подлинности. Подобное качество печать приобретает не столько в результате собственной функциональной трансформации,

[164] *Ilgen Th.* Op. cit. S. 342—343; *Ewald W.* Op. cit. S. 51.

сколько в связи с развитием средневекового письменного документа, прежде всего акта, составным элементом которого она становится, являясь формальным свидетельством правильности его изготовления. Форму же акта ученые ставят в прямую зависимость от уровня развития права, таким образом связывая появление новой функции печати с определенным этапом развития права, в частности с проблемой развития судебного доказательства. В основе лежал отказ судей от свободной оценки доказательств и переход к упрочению безусловного доказательства в виде грамот, составленных по определенной форме. Согласно сумме внешних признаков судили о подлинности грамоты, а подлинность являлась презумпцией истинности ее содержания. К числу важнейших внешних компонентов доказательности принадлежала и печать. Таким образом, печать как свидетельственное средство утвердилась в результате развития средневековых правовых норм. На выработку же последних оказали влияние папские доктрины, касающиеся делопроизводства, кардинально повлиявшие на средневековое судопроизводство Западной Европы.

Однако следует подчеркнуть, что эволюции института печати в средние века способствовали и другие факторы, еще не до конца выявленные. Так, думается, что упрочение печати суверенов, духовных и светских, по крайней мере на ранних этапах, происходило в связи с явлениями, характерными для раннегосударственных феодальных процессов, в частности связанных с оформлением государственной власти, статуса верховного правителя, формированием новых мировоззренческих представлений на соответствующих стадиях эволюции феодальных государств, развивающихся на руинах Римской империи.

Вышеизложенный материал, написанный на основе анализа суждений и научных разработок западноевропейских ученых (по мере возможности предпочтение отдается последним по времени изданиям), лишь в самых общих чертах рисует картину возникновения и эволюции института печати в древности и средневековье. Внимание акцентируется на функциональной неоднородности, на многоступенчатости правовой дифференциации, отражающейся, в частности, в идейно-художественном формировании типа печати, на осмыслении последней как одного из компонентов удостоверительного «инструментария» публичных и частных актов в контексте с регионально-хронологическими особенностями в рамках социально-экономических формаций[165].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[165] Следует признать, что до известной степени эта картина носит как бы формальный характер в том плане, что при ее воссоздании намеренно не затрагиваются глубинные процессы, отличающие, скажем, одну от другой общественно-экономические формации, характеризующиеся определенным, свойственным только каждой из них способом производства, который в конце концов и обусловливает определенные социальные и политические отношения, идеологию, формирование учреждений, правовых норм.

Например, не случайно именно в такой общественно-экономической формации, как феодальная, где основой производственных отношений является собственность на землю, даже на ранних этапах развития этого общества, в котором господствует еще обычное неписаное право, основным способом установления вещных прав на недвижимое имущество (прежде

По нашему мнению, воссоздание подобной картины позволяет, во-первых, подметить общие моменты, определенную последовательность и повторяемость стадий эволюции этого института в общественном процессе различных стран, находящихся на одной и той же ступени социального развития; во-вторых, определить внутреннюю структуру, внутренние линии развития института печати, что дает возможность выявить закономерности становления функций печатей, возникновения того или иного типа и применения соответствующей символики, модификацию юридической значимости печати на разных ступенях развитая общества, соотнесение развития печатей с канцелярией, делопроизводством и т. д. Это, в свою очередь, может помочь заполнить лакуны в существующих представлениях и знаниях о печати как компоненте общественно-правовой жизни на том или ином хронологическом этапе в той или иной стране. С другой стороны, даст возможность четче обозначить специфику и региональные отличия в развитии этого института. В целом же поможет воссоздать процесс становления, формирования и развития отдельных правовых институтов и эволюцию правосознания, что приобретает особую ценность при ограниченности законодательного материала и других письменных памятников права.

Насколько схема действенности института печати в Европе соотносится с существующими в отечественной историографии представлениями о его развитии в средневековой Руси? Естественно, речь идет об узловых моментах этой схемы: соотнесение с «предпечатью», начальные этапы становления печати как правового института — соотношение функций, значение печати в формировании утвердительного «инструментария» акта, региональная и хронологическая корреляция типов печатей, символическая сменяемость и формирование общегосударственных эмблем, сугубо источниковедческие аспекты (как дипломатического, так и сфрагистического плана).

всего на землю) были всевозможные манипуляции с дерном, с землей, от простых к довольно сложным (например, на Руси — «отвод»). Причем символические действия, связанные именно с передачей земельных участков, на самых ранних этапах развития феодального общества тщательно разрабатывались, производились как на самом участке, так и вне его, т. е. будучи отделенными от реальных действий. (См. об этом: *Калмыков П.* О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839. С. 14, 17—18, 61, 64—65; *Шпилевский С.* Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I // Учен. зап. имп. Казан. ун-та. 1862. Т. 1. С. 260; *Павлов-Сильванский Н. П.* Символизм в древнем русском праве // *Он же*. Сочинения. Т. III. СПб., 1910. С. 427—428; *Ельяшевич В. Б.* Очерк развития форм поземельного оборота на Западе. СПб., 1913. С. 12—14, 18, 231—232). Впоследствии, когда с развитием феодального общества усложнились проблемы земельной собственности, прибегают для утверждения прав к документу, обладающему особой доказательной силой, а этот документ, его правовая сила гарантируется различным способом, и один из наиболее действенных — приложение печати, причем, как показано выше, личностное содержание печати постепенно как бы заменяется официальным, что в конечном итоге не столько способствует формированию финансовой политики публичной власти, сколько выражает стремление этой власти подчинить своему контролю переход земли из рук в руки (*Ельяшевич В. Б.* Указ. соч. С. 16—17).

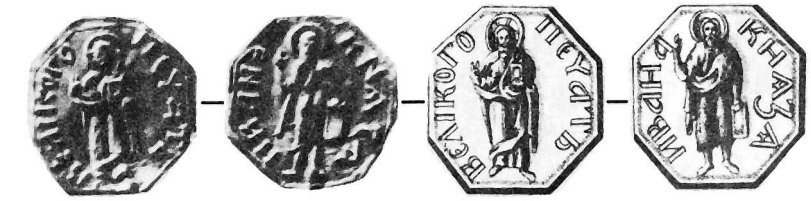
К сожалению, наша историографическая традиция такова, что упор в основном делался на специфику отечественной сфрагистики. Последнее, бесспорно, имеет место, однако превалирование указанной традиции как бы «затмевает» иные ракурсы рассмотрения этой проблемы, хотя, например, в плане типологии, символики изображений русских сфрагистических памятников А. Б. Лакиер, Б. Кёне, Н. П. Лихачев сопоставляли их с византийскими, литовскими, польскими, сербскими и другими западноевропейскими образцами. М. Н. Тихомиров, подчеркивая, что не следует игнорировать аналогии в делопроизводстве Северо-Восточной Руси и стран Балканского полуострова, обращал внимание на факт сходства золотой буллы Стефана Душана 1349 г. и аналогичной печати Симеона Гордого, привешенной к его духовной 1353 г.[166] Отмечали возможность соотношения западноевропейской и отечественной сфрагистики и другие авторы[167]. Подобный подход соответствует современной оценочной характеристике русского права в целом как права, с одной стороны имеющего национальный, самобытный характер, с другой — взаимосвязанного с правовыми нормами других стран[168].

[166] *Тихомиров М. Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 142—143.

[167] Об этом см.: *Соболева Н. А.* Символы русской государственности. С. 47—59; *Она же.* Развитие отечественной сфрагистики // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 53—54.

[168] Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 3.

Печати великих московских князей и княгинь XIV — начала XVI в.



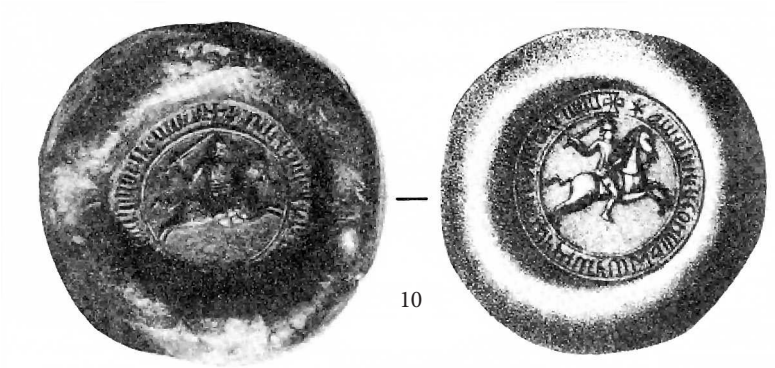
1

2

3

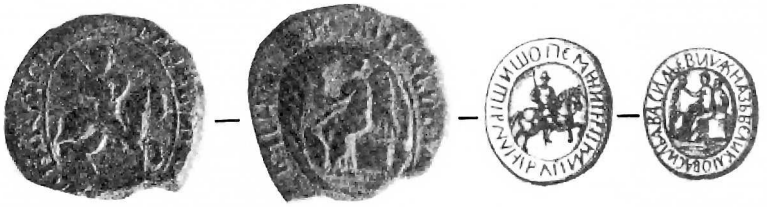
4

5
6
7
8
9

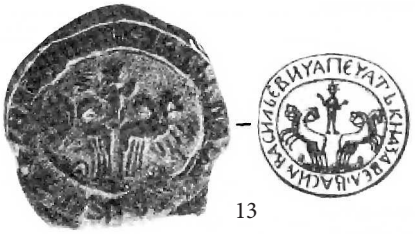


10

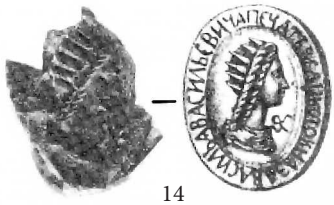
11



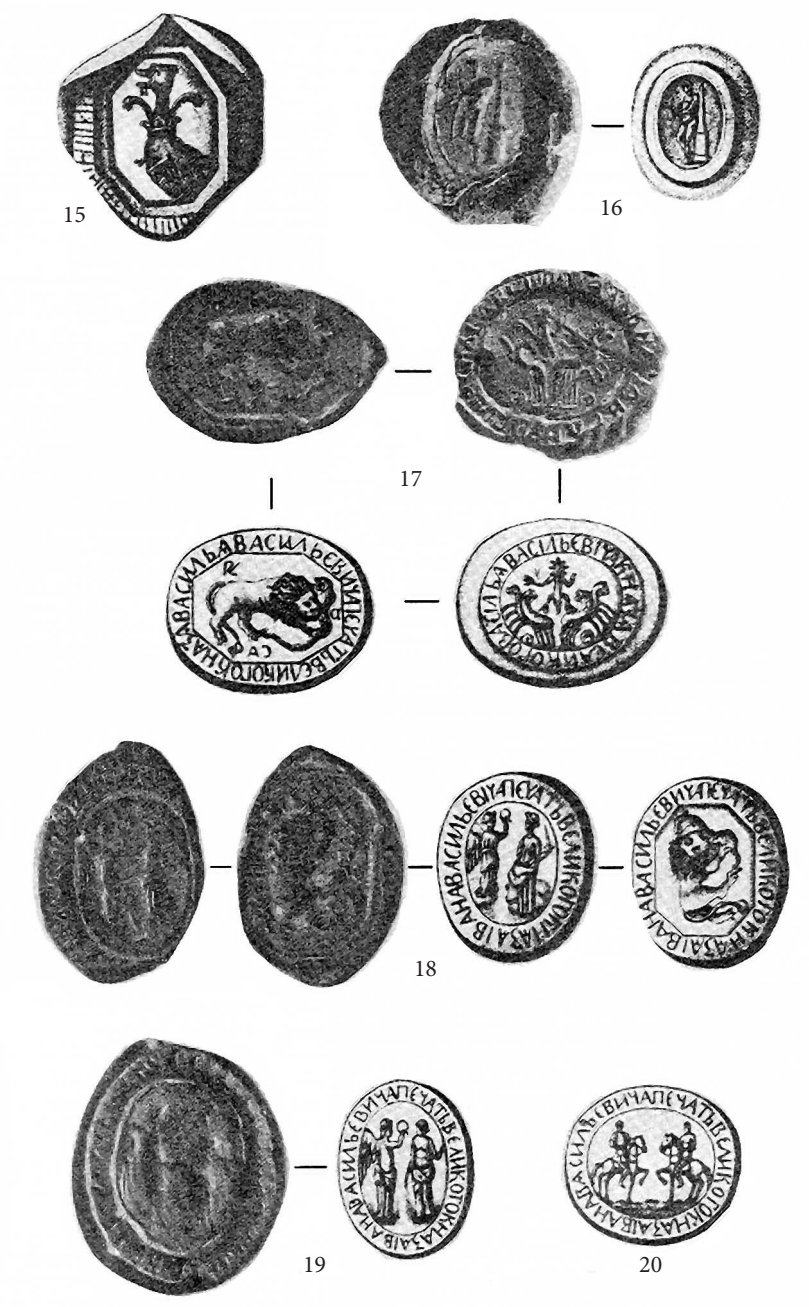
12



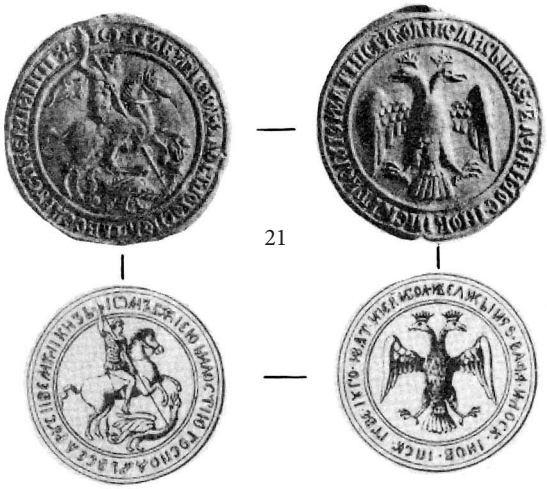
13



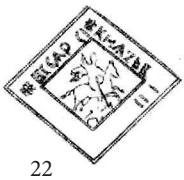
14



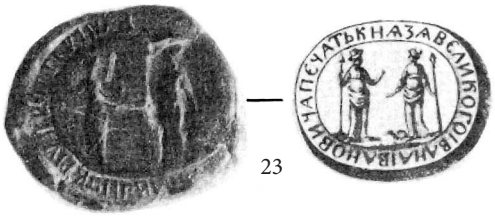
15 16 17 18 19 20



21



22



23

24

ОПИСАНИЕ ПЕЧАТЕЙ

1. Позолоченный аргировул восьмигранной формы. Лицевая сторона — стоящий Вседержитель, благословляющая правая рука, в левой — кодекс. Начало круговой надписи: «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО». Оборотная сторона — стоящий Иоанн Предтеча, благословляющая правая рука, в левой — свиток. Конец круговой надписи: «КНЯЗЯ ИВАНА».
(*Сохранилась при первой духовной грамоте Ивана Калиты. 1339 г.*)

2. Позолоченный аргировул. Лицевая сторона — стоящий Симеон Перс правой рукой держит у груди крест, левая опущена. По обеим сторонам фигуры надписи «СЕМ—ЕН», ниже «ЪС—ТЫ» («*СВЯТЫЙ*»). *Оборотная сторона — 6-строчная надпись: «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО СЕМЕНОВА ВСЕЯ РУСИ»* (*Сохранилась при духовной грамоте Симеона Ивановича. 1353 г.*)

3. Позолоченный аргировул. Лицевая сторона — стоящий Иоанн (*Иерусалимский*), *благословляющая правая рука, в левой — Евангелие. По сторонам надпись: «АГИΩСЪ—ІΩ». Оборотная сторона — 5-строчная надпись: «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ІВАНА ИВАНОВИЧА».* (*Сохранилась при первой духовной грамоте Ивана Ивановича. 1358 г.*)

4. Позолоченный аргировул. Лицевая сторона — слева видна буква «Д» (*«имя Дмитрий»*). *Оборотная сторона — 4-строчная* (*5-строчная?*) *надпись: «…Ь КНЯЗ… ЛИ…ГО…Д…ИТ… »* (*Сохранилась при первой духовной грамоте Дмитрия Донского. Ок. 1375 г.*)

5. Позолоченный аргировул. Лицевая сторона — стоящий Дмитрий Солунский, в правой руке — копье, в опущенной левой — щит овальной формы, на бедрах — меч. По сторонам: слева буквы «ОА Г ОС», соединенные в монограмму (*«ОАГИОС»*), *справа в три строки «ДМИТРИ». Оборотная сторона — 5-строчная* (*6-строчная?*) *надпись: «*(*ПЕЧАТЬ*) *КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ВСЕЯ РУСІИ».* (*Сохранилась при второй духовной грамоте Дмитрия Донского. 1389 г.*), *привешена на желтом шелковом шнурочке.*

6. Булла. Лицевая сторона — человеческая голова в фас, с бородой и длинными волосами, заплетенными в косички, выходящими из-под короны. Корона с тремя зубцами, оканчивающимися бусинами (*по Янину — голова царя Давида*). *Круговая надпись реконструируется* (*по Янину*) *как «ВСЕ СЯ МИНЕТЬ». Оборотная сторона — 5-строчная надпись: «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВ[ИЧА]».*

7. Вислая односторонняя темновосковая печать овальной формы. Всадник с копьем в правой руке, направленным вниз, под копыта коня. Круговая легенда в ободке не ясна. (*Сохранилась при договорах Василия Дмитриевича с кн. Серпуховским Владимиром Андреевичем* (*1390 г. и ок. 1401—1402 гг.*) *вместе с другими восковыми печатями, все привешены на красных шелковых шнурах.*)

8. Позолоченный аргировул. Лицевая сторона — поясное изображение Василия Кесарийского в профиль, влево, левая рука поднята, в правой — Евангелие. С левой стороны надпись в три строки «ВАСИЛ», с правой — «КСА». Оборотная сторона — 6-строчная надпись: «[ПЕЧАТЬ] КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ВАСИЛИЯ ДМИТРЕЕВ[А] ВСЕЯ РУСИ». (*Сохранилась при первой духовной грамоте Василия Дмитриевича* (*1406–1407 гг.*), *привешена на красном шелковом шнурочке.)*

9. Вислая односторонняя темновосковая печать. Всадник на скачущем коне, в отведенной правой руке меч, на голове конусовидная шапка (*шлем?*). *Круговая надпись не читается.*

(*Сохранилась при второй духовной грамоте Василия Дмитриевича* (*ок. 1417 г.*) *вместе с четырьмя вислыми восковыми печатями, все привешены на красных шелковых шнурочках.*)

10. Вислая односторонняя печать, оттиснутая в ковчежке. Подобна предыдущей по изображению и легенде. (*Сохранилась при третьей духовной грамоте Василия Дмитриевича* (*1423 г.*), *оттиснута на красном воске* (*ковчег желтовосковой*), *привешена на толстых светло-коричневых шелковых шнурках.*)

11. Вислая односторонняя светловосковая печать овальной формы. Изображена обнаженная мужская крылатая фигура, поднявшая женскую обнаженную фигуру. Остатки круговой надписи: «…АТЬ КНЯ…» (*Сохранилась при духовной грамоте Софьи Витовтовны* (*1451 г.*) *вместе с другой вислой восковой печатью, привешены на красном шелком шнурочке.*)

12. Вислая двусторонняя темновосковая печать. Лицевая сторона — всадник с саблей (*копьем?*) *на правом плече. Круговая надпись не ясна. Оборотная сторона — сидящая фигура* (*с крыльями?*), *вправо с неясными предметами в руках. Круговая надпись: «…КНЯЗЬ ВЕ..ВАС…»* (*Сохранилась при жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю* (*1428—1432 гг.*), *привешена на светлом шнурочке.*)

13. Прикладная темновосковая печать (*может быть оттиснута и на светлом воске*). *Изображение четырех лошадей, бегущих попарно в разные стороны, которыми правит человек в венце с ветвью* (*?*) *и круглым предметом* (*?*) *в руках* (*Аполлон на колеснице, по Орешникову*). *Круговая надпись: «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА».* (*Сохранилась при указной грамоте Василия II в Аргуново дворскому и всем волостным людям* (*ок. 1430—1440 гг.*); *при договорной грамоте Василия II с кн. суздальским Иваном Васильевичем Горбатым* (*1448—1449 гг.*) *вместе с другой прикладной печатью; при жалованной грамоте Василия Троице-Сергиеву монастырю* (*1448/49 г.*); *при жалованной грамоте Кириллову Белозерскому монастырю* (*1448—1462 гг.*); *при жалованной грамоте Марии Копниной* (*1449 г.*); *при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю* (*1449 г.*); *при договорной грамоте Василия II с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем* (*1450 г.*) *вместе с печатью Михаила Андреевича; при договорной грамоте Василия II с кн. серпуховским и боровским Василием Ярославичем* (*1450—1454 гг.*) *вместе с печатью Василия Ярославича; при договорной грамоте Василия II с кн. серпуховским и боровским Василием Ярославичем* (*1454—1456 гг.*); *при договорной грамоте Василия II с вел. кн. тверским Борисом Александровичем* (*ок. 1456 г.*) *вместе с печатью Бориса Александровича; при жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю* (*1455—1462 гг.*); *при грамоте с прочетом, выданной наместникам в Бежецком Верхе* (*1456—1462 гг.*); *при жалованной грамоте Василия II Кириллову Белозерскому монастырю* (*1456 г.*); *при жалованной грамоте Василия II Кириллову Белозерскому монастырю* (*ок. 1457—1462 гг.*); *при жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю* (*1457 г.*); *при жалованной грамоте Василия II Симонову монастырю* (*1460 г.*).)

14. Прикладная (*в некоторых случаях вислая*) *темновосковая односторонняя печать. Изображение головы* (*женской, юношеской?*) *в профиль, влево, в зубчатом венкообразном головном уборе. Круговая надпись «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧА».* (*Сохранилась при жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю* (*1432 или 1433 г.*); *при данной Василия II Троице-Сергиеву монастырю* (*1432—1445 гг.*); *при жалованной грамоте Василия II вотчиннику Михаилу Яковлевичу с детьми* (*1435 г.*); *при договоре Василия II с кн. галицким Дмитрием Юрьевичем Шемякой* (*1436 г.*) *вместе с вислой же печатью Дмитрия Юрьевича; при мировой докладной вел. кн. Василию II архимандрита Спасо-Евфимиева монастыря с архимандритом Владимирского*

Рождественского монастыря (ок. 1440—1444 гг.); при договоре Василия II с кн. можайским Иваном Андреевичем и кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем (1445 г.) вместе с двумя также прикладными печатями.)

15. Вислая односторонняя темновосковая печать. Изображение головы чудовища с раскрытой пастью, на шее — корона. Надпись не ясна. (Сохранилась при договоре Василия II, князей Константина Дмитриевича, Ивана Андреевича, Михаила Андреевича, Василия Ярославича с кн. Юрием Дмитриевичем и его сыном Дмитрием Красным (1433 г.) вместе с тремя другими вислыми печатями, привешены не коричневых шелковых шнурочках.)

16. Прикладная светловосковая (может быть оттиснута и на черном воске) печать. Изображение обнаженной фигуры с повязкой на голове, натягивающей лук, рядом колонна. Без надписи. (Сохранилась при договоре Василия II с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем (1447 г.) вместе с печатью Михаила Андреевича; при договоре Василия II с кн. серпуховским и боровским Василием Ярославичем (ок. 1447 г.) вместе с печатью кн. Василия Ярославича; при договоре Василия II с кн. можайским Иваном Андреевичем (1447 г.) вместе с печатью Ивана Андреевича.)

17. Вислая двусторонння черновосковая печать. Лицевая сторона — лев, пожирающий змею. Круговая надпись в ободке: «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА». Оборотная сторона — четверка лошадей, управляемая человеком с ветвью и круглым предметом (Аполлон на колеснице). Круговая надпись: «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА». (Сохранилась при духовной грамоте Василия II (1461—1462 гг.) вместе с вислой печатью митрополита Феодосия.)

18. Вислая светловосковая (может быть и черновосковая) двусторонняя печать. Лицевая сторона — стоящая человеческая фигура (с мечом?), перед которой стоит ангел с венком. Круговая надпись: «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА». Оборотная сторона — лев, пожирающий змею. Круговая надпись: «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА». (Сохранилась при договоре Ивана Васильевича с вел. кн. тверским Михаилом Борисовичем (1462—1464 гг.) вместе с печатью Михаила Борисовича; при жалованной грамоте Ивана Васильевича Симонову монастырю (1462—1463 гг.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1462—1466 гг.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1466—1467 гг.) при грамоте окружной Ивана Васильевича наместникам в Суздаль, Юрьев (1467—1474 гг.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича Марии Копниной (1472 г.); при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (1473 г.) вместе с двумя другими печатями; при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. волоцким Борисом Васильевичем (1481 г.) вместе с двумя другими печатями; при жалованной грамоте землевладельцу вологодского у. Леонтию Васильевичу Львову (1484 г.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича Кириллову Белозерскому монастырю (1488 г.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1485 г.); при договорной грамоте Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (1486 г.) вместе с еще одной печатью; при жалованной грамоте Ивана Васильевича Злобе и Федору Андреевичу Воропаевым (1486 г.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1486 г.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1488 г.).)

19. Прикладная темновосковая (может быть и вислой односторонней, также светловосковой) печать. Стоящая человеческая фигура (с мечом?), перед которой стоит ангел с венком. Круговая надпись: «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА».

(*Сохранилась при жалованной грамоте Ивана Васильевича Симонову монастырю (1462—1463 гг.); при грамоте с прочетом в Ярославль наместнику (1463—1468 гг.); при договоре Ивана Васильевича с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем (не ранее 1464 г.) вместе с печатью Михаила Андреевича; при жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю (1467—1474 гг.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича землевладельцу Никите Львовичу Заболотскому (1473—1485 гг.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича Троице-Сергиеву монастырю (1485 г.); при грамоте влогодскому посельскому (1485—1486 гг.); при указной грамоте разъездчику и судье Ивана Васильевича (1485—1488 г.); при грамоте с прочетом вологодским наместникам (1489/90 г.); при указной грамоте об отводе земель Ивану Яковлю (отводчику) (ок. 1502—1504 гг.); при разъезжей грамоте Ивана Васильевича сыну Юрию Ивановичу (1504 г.).*)

20. Прикладная черновосковая печать, может быть вислой. Изображение двух вооруженных всадников, едущих навстречу друг другу. Круговая надпись: «ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА». (Сохранилась при договоре Ивана Васильевича с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем (1462—1464 гг.) вместе с печатью Михаила Андреевича; при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. верейским и белозерским Михаилом Андреевичем и его сыном Василием Михайловичем (1482 г.) вместе с тремя восковыми прикладными печатями князей.)

21. Вислая красновосковая двусторонняя печать. Лицевая сторона — всадник, поражающий копьем дракона. Круговая надпись: «ІѠАН Б(О)ЖІЕЮ МИЛОСТИЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСІІ ВЕЛИКИИ КН[Я]ЗЬ». Оборотная сторона — двуглавый орел с распростертыми крыльями, на его головах — короны. Круговая надпись: «И ВЕЛИК КНЯЗ ВЛАД. И МОС. И НОВ. И ПСК. И ТВЕ. И УГО. И ВЯТ. И ПЕР. И БОЛ.». (Сохранилась при жалованной грамоте на кормление Ивана Васильевича Александру Васильевичу Карамышеву (ок. 1490-х гг.); при жалованной грамоте на кормление Якову Михайловичу Карамышеву (ок. 1490—1505 гг.); при жалованной грамоте Ивана Васильевича Андрею, Степану, Василию Федоровичам Пильёмовым (3 янв. 1497 г.); при жалованной меновой и отводной грамоте Ивана Васильевича его племянникам князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам (1497 г.) вместе с теремя вислыми черновосковыми печатями, печать привешена на красном шелковом шнуре; при жалованной грамоте Ивана Васильевича архимандриту Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря (1499 г.); при договоре вел. кн. Василия III Ивановича с его братом кн. Юрием Ивановичем (1504 г.) вместе с вислой красновосковой печатью Василия III и вислой черновосковой печатью Юрия Ивановича; при жалованной грамоте Ивана Васильевича князьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею Ивановичам (1504 г.).)

22. Прикладная восковая под бумажной кустодией, ромбовидной формы, печать. Изображение всадника, поражающего копьем дракона. Круговая надпись: «ВЕЛЕИКИЙ КНЯЗЬ ИОАН БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ». (Сохранилась при верительной грамоте, данной послам Дмитрию Ралеву и Митрофану Карачарову, отправленным в Италию. 1499 г.)

23. Вислая (может быть и прикладной) односторонняя черновосковая печать (может оттискиваться и на светлом воске). Изображены два человека с копьями, идущие навстречу друг другу. Круговая надпись: «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ИВАНА ИВАНОВИЧА». (Сохранилась при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. волоцким Борисом Васильевичем (1473 г.) вместе с двумя вислыми печатями; при договоре вел. кн. Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (1473 г.) вместе с двумя восковыми печатями; при договоре вел. кн. Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. углицким Андреем Васильевичем Большим (1481 г.) вместе с одной восковой

печатью, утрачена; при жалованной грамоте Ивана Ивановича Троице-Сергиеву монастырю (1485 г.); при договоре Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича с кн. волоцким Борисом Васильевичем (1486 г.) вместе с обломками одной восковой печати, один утрачен; при правой грамоте землевладельцу Семену Кузьмину (1485— 1490 гг.).)

24. Вислая двусторонняя красновосковая печать. Лицевая сторона — всадник, поражающий копьем дракона. Круговая надпись: «КНЯЗЬ ВЕЛИКІ ВАСІЛЕІ ІВАНОВИЧЬ».
(Сохранилась при договоре Василия III Ивановича с его братом кн. Юрием Ивановичем (1504 г.) вместе с вислой двусторонней красновосковой печатью Ивана Васильевича и вислой черновосковой односторонней печатью Юрия Ивановича.)

«ИТАЛЬЯНСКИЙ СЛЕД» В СТАНОВЛЕНИИ АТРИБУТОВ ВЛАСТИ МОСКОВСКОЙ РУСИ *

В последние десятилетия российские ученые освещают новые аспекты русско-итальянских контактов эпохи средневековья, привлекая малоизученные (нетрадиционные) источники и переосмысливая устоявшиеся историографические версии[1]. В результате воссоздается более полная и, что немаловажно, более достоверная картина этих связей, обусловленных общей жизнью в европейском социокультурном пространстве.

В силу своей профессиональной ориентации я использую наработки специальных исторических дисциплин: нумизматики, сфрагистики, геральдики, а также искусствоведения. Наиболее существенными представляются результаты нумизматических исследований. Нумизматами Москвы и Санкт-Петербурга (Отдел нумизматики Государственного Исторического музея, Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа) установлены факты, свидетельствующие, например, о том, что русское денежное обращение в XV в. очень тесно взаимодействовало с итальянской денежной системой благодаря контактам с генуэзскими колониями на Крымском полуострове[2]. В источниках этого времени отмечены даже крупные серебряные единицы — «фряжское серебро» (т. е. итальянское серебро). Предполагают, что это были серебряные слитки в виде продолговатых палочек, напоминающих русские слитки — рубли. Их вес — 204 грамма — также идентичен весу русского рубля.

Золотой венецианский дукат, попадавший в XV в. на русские рынки через Крым и Балтийское море, по мысли российских исследователей, явился своеобразным прототипом для монет Великого Новгорода. Новгородские серебряные монеты, чеканка которых началась в 1420 г., воспроизводят композицию, характерную для венецианских дукатов, где, как известно, изображен дож, стоящий на коленях перед

* В основу данной статьи положен доклад, подготовленный для прочтения на одном из заседаний Международного семинара «От Рима к Третьему Риму», проводившегося в течение нескольких лет в Москве (Институт Российской истории РАН) и Риме.

[1] См., например: *Скржинская Е. Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2001. С. 153—237.

[2] *Мельникова А. С.* Московия и Италия (русско-итальянские связи в эпоху средневековья по нумизматическим данным) // Деньги и кредит 1995. № 4. С. 68—72; *Потин В. М.* Итальянский след в русском денежном обращении XI—XVII вв. // Государственный Эрмитаж. Научная конференция памяти Матвея Александровича Гуковского. СПб., 1998. С. 22—23.

святым Марком. Оба держат древко знамени. На новгородских монетах — аналогичное изображение: стоящая фигура в короне (предположительно святая София, покровительница Новгорода) вручает щит (символ власти) коленопреклоненному человеку (по-видимому, носителю новгородской суверенной власти — посаднику).

Как установлено в последние годы, итальянские мастера принимали активное участие в чеканке монет в России. Многие итальянцы переместились с Крымского полуострова в Москву после захвата Кафы и других итальянских колоний турками в 1475 г. Среди них находились и монетные мастера. Кафинским денежникам нетрудно было приспособиться к московскому денежному делу, ибо техника чеканки из серебряной проволоки кафинских и московских монет была идентичной. Великий московский князь Иван III с удовольствием предоставлял откупа на чеканку монет итальянским мастерам, что являлось для него традицией. Можно считать установленным, что выпущенные им золотые монеты в подражание венгерскому дукату и английскому ноблю — «угорский золотой» и «корабельник» — чеканили в Москве итальянец Якопо, упоминаемый как монетчик в январе 1463 г., и другой мастер, также «скорее всего итальянец»[3]. Назван в русских летописях монетчиком и Джан Баттиста делла Волпе (Иван Фрязин), известный также своими дипломатическими способностями. Он участвовал в переговорах о бракосочетании великого московского князя Ивана III и Софьи Палеолог, однако в 1472 г. впал в немилость, был выслан из Москвы, а его дом разграбили.

Московские серебряные монеты последней четверти XV в. знакомят нас еще с двумя именами итальянских чеканщиков. Лицевую сторону этих монет занимает всадник с саблей, окруженный надписью: КНЯЗЬ ВЕЛИКИ ИВАН ВАСИЛИЕВИЧ, а на обороте в строку написано: в одном случае МАСТЕР АЛЕКСАНДРО (АЛЕССАНДРО), в другом — ОРНИСТОТЕЛЕС. Монеты с этим именем обычно соотносят с Ридольфо Фьораванти дельи Альберти, прозвище которого было Аристотель («И хитрости ради его, Аристотелем зваху его» — написано в русской летописи). Подобное предположение основывается на биографических данных великого зодчего, который приобрел еще в юности согласно требованиям той эпохи основательные познания в области чеканного дела и предположительно незадолго до приезда в Москву получил от венгерского короля Матиаша Корвина разрешение на выпуск золотых и серебряных монет или медали с королевским изображением[4]. Еще один итальянский строитель — Джан Антонио, прибывший в Москву в 1490 г. вместе со своим учителем «архитектоном» Пьетро Антонио Солари, предположительно выступал как чеканщик русских монет: известна монета начала XVI в. с надписью

[3] *Потин В. М.* Венгерский золотой Ивана III // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 284—286; *Спасский И. Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. VIII. Л., 1976. С. 118—120; *Он же.* Московский «корабельник» XV века // Сообщения Государственного Эрмитажа. 43. Л., 1977. С. 68.

[4] *Снегирев В. Л.* Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935. С. 29, 35; *Земцов С. М., Глазычев В. Л.* Аристотель Фьораванти. М., 1985. С. 5, 54—55.

«денга Заманина», которая приписывается итальянцу, названному в летописях «Замантонием»[5].

В обширной итальянской и русской литературе об итальянских мастерах, работавших в Москве в XV — нач. XVI в., и о значимости итальянской художественной культуры для России этого времени речь, как правило, идет о влиянии в сфере строительства и архитектуры[6]. Однако в последнее время выявляются все новые художественные памятники, к которым могли приложить руку «итальянские мастера, работавшие на Боровицком холме». В частности, исследовательница художественных украшений русских рукописей отмечает влияние итальянских орнаментальных образов на миниатюры и другие украшения отечественных письменных памятников XV — нач. XVI в. («Учительное Евангелие», «Толковое Евангелие» и др.)[7].

Как один из феноменальных фактов в данном аспекте можно рассматривать происхождение русской общегосударственной печати, которая сохранилась до наших дней при грамоте, датированной 1497 г., откуда и ее обозначение «печать 1497 г.». От всех предшествующих княжеских печатей она отличается цветом материала (оттиск печати — из красного воска), исключительно высоким качеством изготовления матрицы, которой оттиснуты ее лицевая и оборотная стороны, круговой легендой, содержащей полный титул московского великого князя. Этот титул сложился только к 1490 г.[8], так что печать не может быть датирована более ранним годом. Главное же отличие — изобразительные компоненты печати. На лицевой стороне помещен всадник в коротком военном доспехе, боевых перчатках и развевающемся плаще, поражающий копьем крылатого змея в шею. Оборотную сторону печати занимает двуглавый орел с распростертыми, опущенными вниз крыльями и коронами на головах. Впервые две столь значимые для российской символики эмблемы изображены на одной печати, которая скрепила ряд актов начиная с 90-х гг. XV в.[9] Впоследствии они будут объединены в российском государственном гербе, на протяжении пятисот лет ассоциируясь с Россией.

Со времен В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, который принял печать за точку отсчета при определении момента появления официального российского символа («Великий князь начал употреблять сей герб с 1497 г.»), по поводу нее не прекращаются дискуссии. Можно назвать целый ряд публикаций последних лет,

[5] *Чупашкина А. Н.* Денга «дозор» Ивана III // Государственный Владимиро-Суздальский историко-краеведческий и художественный музей-заповедник. Материалы исследований. Владимир, 1996. С. 49—55.

[6] *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). М., 1970. С. 39—49.

[7] *Ухова Т. Б.* О характере преломления итальянских орнаментальных образов в русской рукописной практике // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. III. М., 1980. С. 154—164.

[8] О титуле см.: *Лаушкин А. В.* К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 6. 1995. С. 35.

[9] *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 157—158.

в которых вопрос об эмблемах печати, в частности рассуждения о двуглавом орле, включается в контекст трактовки идеи «Москва — Третий Рим». Поскольку многие авторы стоят на той точке зрения, что в прокламируемых Иваном III властных концепциях «нет прямого унаследования византийской государственной традиции», они (от эмигрировавшего в Америку русского ученого Н. И. Ульянова[10] до современного немецкого историка П. Ниче)[11] не скрывают своего отрицательного отношения к якобы заимствованию из Византии российского государственного герба.

Смысловая концепция возникновения данной печати рассматривалась нами ранее, что нашло отражение в ряде статей, одна из которых опубликована в материалах VI Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму»[12]. Не останавливаясь на этом моменте подробно, отмечу лишь, что данная печать московского великого князя формой титула, изображением двуглавого орла, материалом, общей конфигурацией напоминает западноевропейские образцы. Однако основополагающим фактом все-таки является не формирование нового типа печати по внешним параметрам, а подбор эмблем. Они выбраны, конечно, не случайно, но согласуются с существовавшей и складывающейся новой концепцией власти великого московского князя Ивана III: формирующееся в конце XV в. самодержавие стремилось создать такую властную доктрину, которая бы включала в себя ряд параметров — прежде всего традиционные, но также складывающиеся правовые нормы нового государства[13].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[10] *Ульянов Н. И.* Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 159.

[11] *Ниче П.* «Москва — Третий Рим»? // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. II. 13—18 мая 1990 г. М., 1990. С. 204.

[12] *Соболева Н. А.* Символы русской государственности (к истории эмблем Российской державы) // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997. С. 314—325. См. также статьи, посвященные данной печати, опубликованные в книге: *Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 85—169.

[13] Об этом пишет выдающийся исследователь средневековой Руси профессор Ю. Г. Алексеев, оценивая наказы Ивана III, которые он давал русским послам, отправляемым им в соседние страны. [Текст — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. I. СПб, 1851. С. 12]: «Так в терминах средневекового миропонимания была впервые сформулирована доктрина полной суверенности Русского государства и исторической преемственности его традиций. Это имело и практическое, и теоретическое, принципиальное значение. Русское государство, выходя на широкую международную арену, подчеркивало свою полную независимость и равноправие с Империей». — *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 188.

Хотелось бы подчеркнуть, что типовые заявления русских послов на общеевропейском поле не были случайными. Они вкупе с действиями Ивана III (чеканкой престижных золотых монет по западноевропейскому образцу, стремлением породниться с правящими европейскими домами, претензией на новый титул, коронацией внука Дмитрия на великое княжение, при которой, возможно, сам Иван III мог считаться императором — по типу Священной Римской империи, где существовали титулы короля и императора, и т. д.) недвусмысленно свидетельствуют

Уникальный средневековый памятник — печать 1497 г. еще не раз станет объектом внимания ученых, в настоящее время, в частности, предпринято изучение ее художественных особенностей, которые поставлены в тесную связь с трактовкой символики печати.

В отечественной историографии в течение двух столетий дискутируется вопрос о всаднике на ее лицевой стороне, который с XIX в. воспринимался как прообраз герба Москвы. С XVIII в. он именовался Георгием Победоносцем. Поиски истоков московского герба приводили ученых XIX в. прямо-таки к фантастическим предположениям. К «подаркам» Софьи Палеолог, с которой заключил брак Иван III в. 1472 г., относили не только двуглавого орла, но и эмблему лицевой стороны печати, т. е. всадника, колющего дракона. Прототипом последнего долгое время считался «привезенный из Рима в Москву» каменный барельеф Успенского собора Московского Кремля. И. М. Снегирев, известный знаток древностей и эрудит, увидел во всаднике этого барельефа Константина Великого, побеждающего язычество и освобождающего Церковь или Рим. На эту мысль его натолкнуло не столько облачение воина, сколько латинская надпись над головой всадника. Содержание ее ученый соотнес с письменами Триумфальных ворот в Риме, прославляющими императора Константина. В результате он высказал предположение, что барельеф — римский, датируется IV в., а привезла его в Москву Софья Палеолог. Ученый, правда, допускал, что итальянцы, прибывшие с Софьей, могли вытесать барельеф по римскому типу и в Москве. Более того, по его мнению, автором барельефа мог быть сам Аристотель Фьораванти «или, по крайней мере, не снял ли он противень с древнего какого барельефа в своем отечестве?»[14].

Данная версия не вызвала у современников возражения, переходя из одной работы в другую до тех пор, пока в начале XX в. ее не развенчал известный искусствовед Я. И. Смирнов. Проделав огромную исследовательскую работу, он привел неоспоримые доказательства того, что барельеф изображает Георгия Победоносца в «Чуде о змии», что он был изготовлен мастерами Великого Устюга (северного русского города), где использовался в качестве иконы в XVI—XVII вв. Прототипом для него служила, как установил Смирнов, западноевропейская гравюра, попавшая на Русский Север в конце XV в.[15]

Одновременно существовала другая историографическая версия: на печати изображен князь[16]. Эта версия основывалась на сообщениях русских источников

о желании великого московского князя занять высокое императорское место в ряду европейских монархов. В контексте этих действий следует рассматривать и создание печати нового типа.

[14] *Снегирев И. М.* Объяснение латинской надписи на древнем барельефе в московском Успенском соборе // Ученые записки Императорского Московского университета. Ч. 2. 1833; *Он же.* Римский барельеф, известный под именем образа св. Георгия в московском Успенском соборе // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. II, отд. 2 и др. Одесса, 1850.

[15] *Смирнов Я. И.* Устюжское изваяние святого Георгия московского большого Успенского собора. М., 1915.

[16] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990 (репринт изд. Санкт-Петербург, 1855). С. 232.

XVI—XVII вв., где всадник на печати назывался «ездецом» — воином, «человеком на коне», «царем с копьем, убивающим змея», но не святым Георгием.

После победы на Куликовом поле в 1380 г. в Московском регионе чрезвычайно распространенным становится изобразительный сюжет — всадник колет копьем в пасть дракона. Сыновья Дмитрия Ивановича Донского, племянники, внук, правнук, князья «московской ориентации» считали его «своим», помещая на монетах, печатях, бытовых предметах. Иван III также широко использует изображение драконоборца с первых лет правления. Он появляется почти одновременно на монетах, на наградных денгах, несколько позднее — на печатях. Серебряная позолоченная булла с конным драконоборцем на одной стороне и надписью, титулующей великого князя Ивана III — на другой, скрепляла жалованную грамоту, данную «на Москве» Соловецкому монастырю в 1479 г.; грамоту крымскому царю Менгли-Гирею; матрицей подобной печати сделан оттиск на воске и приложен к «верющей» грамоте 1499 г., врученной русским послам, отправленным в Италию, и т. д. Наконец, драконоборец занимает место на печати 1497 г.

Был ли драконоборец данной печати светским воином-князем? Вряд ли можно толковать его так односторонне. Отечественные литературные памятники не знают рассказов о князьях, уничтожающих змеев-драконов[17]. Но зато любимым чтением на Руси была повесть «Чудо святого Георгия о змие» — рассказ о царевне, освобождаемой от страшного чудовища святым Георгием-воином. Иконография лицевой стороны печати 1497 г. близка иконографии этого святого воина в «простом» композиционном решении (т. е. без царевны, ее родителей и других атрибутов, которые являлись составными частями «сложной» композиции, соответствовавшей легенде «Чудо Георгия о змие»). Не случайно многие исследователи, изучавшие образ святого Георгия, отмечали, что, встречая композицию с драконом, необходимо прежде всего иметь в виду «Георгиевскую легенду»[18]. Не случайно и иностранцы, посещавшие Россию в XVI—XVII вв., воспринимали русского драконоборца как святого Георгия (Р. Барберини, Д. Принтц фон Бухау, С. Коллинз и др.).

Почитание этого святого на Руси началось рано — в XI в. Сначала он нашел приверженцев в княжеских кругах, а затем проник в народную среду, где воспринимался как покровитель земледельцев и скотоводов, защищая их от всяческого зла.

Георгий Победоносец не имел отношения к тезоименитству Ивана III (обычно на русских княжеских печатях-буллах изображался святой патрон владельца буллы), однако это не значит, что московский великий князь не выделял его особо как своего покровителя. Вступая в борьбу за объединение русских земель в еди-

[17] *Chernetsov A. V.* Types of Russian Coins of the XIV and XV Centuries: An Iconographic Study. Oxford, 1983. P. 104.

[18] *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературе. Одесса, 1909. С. 471. См. также: *Сендерович С. Я.* Георгий Победоносец в русской культуре. Страницы истории М., 2002. С. 13—102; *Соболева Н. А.* Образ св. Георгия в атрибутах Российского государства // Проблема святых и святости в истории России. Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006. С. 183—199.

Печать Великого князя Московского Ивана III Васильевича. 1497 г.
Лицевая и оборотная стороны

ное государство, а также за право называться царем, он придавал большое значение формированию своего «имиджа». При этом не последнее место отводилось исключительной роли московского великого князя как защитнику чистоты веры, противопоставлению его иноверцам и отступникам. Здесь Иван III неизменно находил поддержку Церкви, предписывавшей ему «крепко стояти за православное христьянство», «оборонити свое отечьство… от бесерменьства», подобно тому, как прадед его Дмитрий Иванович «мужьство и храбьство показал за Доном… над теми окаянными сыроядци»[19].

Образ защитника православия хорошо увязывался с обликом Георгия Змееборца. О повышенном интересе Ивана III к этому святому свидетельствует целый ряд фактов: он посылает известного архитектора и скульптора В. Д. Ермолина в Юрьев-Польской для восстановления Георгиевского собора, призывает Георгия Победоносца быть «помощником во бранех», отправляясь в поход на Новгород, заказывает ряд скульптурных деревянных фигур конного Георгия, отправляя их в различные храмы в окрестностях Москвы, помещает каменный барельеф, изображающий святого Георгия-воина, на Фроловской (Спасской) башне Московского Кремля и т. д.

Таким образом, в качестве символа и покровителя многотрудных деяний в кульминационный момент осмысления своей властной политики великий московский князь Иван III мог выбрать для новой печати изображение любимого и известного всей Руси святого воина — Георгия Змееборца.

Это факты, относящиеся к символической трактовке фигуры лицевой стороны печати 1497 г. Однако в данном случае для нас, прежде всего, важна художественная интерпретация образов печати.

Иконография Георгия Победоносца разработана досконально как в западной историографии (Й. Мысливец, О. Таубе и др.), так и в русской (В. Н. Лазарев,

[19] Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 522—537

М. В. Алпатов и др.)[20]. В русском искусстве (иконописи, скульптуре, мелкой пластике) этот конный святой всадник с обязательным нимбом имеет характерные признаки, прослеживаемые вплоть до XVI—XVII вв.: левая рука его согнута и придерживает поводья, копьем он колет дракона в пасть, на нем длинное одеяние, почти закрывающее ноги, отчего они кажутся короткими. Это был канон в изображении святого, отступление от которого для русского мастера того времени было невозможным. Канон существовал в основополагающем виде искусства — иконописи — и переносился на иные его виды.

При изготовлении матрицы от канона отступали: над головой святого отсутствует нимб, обе руки охватывают копье, которое поражает дракона не в глотку, как в русских художественных интерпретациях Чуда святого Георгия, а в шею. Всадник кажется очень длинноногим из-за короткого одеяния. По своей стилистике (мощь человека, его физическая сила, динамика, напор) святой воин также отличается от русских иконописных вариантов.

Все эти данные могут свидетельствовать, что матрицу печати, по-видимому, резал иностранец. Художественные особенности печати позволяют с большой долей вероятности определить его национальность.

Иван III к концу XV в. организовал в Москве художественные мастерские на территории Кремля[21]. В них трудились не только русские мастера, но и иностранцы, которых Иван III приглашал из разных стран Европы, нередко посылая за ними специальные посольства. Известно, что в конце 70-х гг. в Москве делал сосуды и другие изделия для великого князя мастер Трифон — ювелир из Котора, с далматинского побережья, славянин или грек. В 1490 г. (примерно в это время была вырезана исследуемая печать) в Москву выехал из Рима мастер Христофор с учеником, приехал Альберт «Немчин из Любека», Карл с учениками из Милана, грек Петр Райко из Венеции. Здесь выбраны из летописи имена мастеров, имевших отношение к серебряному делу. Вполне можно допустить, что среди этих мастеров был и гравер. Показательно, что много лет спустя именно резчики монетных штампов (матриц), граверы названы «фряжских (итальянских) дел мастерами». Как отмечалось выше, участвовать в изготовлении матрицы печати могли и специалисты — «архитектоны», если знали чеканное дело и резьбу. Например, Солари, приехавший в Москву в том же 1490 г. и вырезавший на камне памятную надпись о строительстве

Изображение святого Георгия на каменной иконке. XIV в.

[20] *Лазарев В. Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970; *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Этюды по истории русского искусства. Т. I. М., 1967.

[21] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 196—203.

Новгородская металлическая булла с изображением всадника, поражающего дракона. Иван III (1462—1478)

Прорисовка

кремлевских башен. Или же его сотоварищ Джан Антоний — «Замантоний», пробовавший себя в монетном деле.

Битва Георгия с драконом явилась сюжетом многих художественных произведений (живопись, скульптура) европейского Возрождения. Но именно в Италии, в Георгии, как писал выдающийся российский исследователь итальянского искусства В. Н. Лазарев, «наиболее полно воплотился новый гражданский идеал». В скульптуре и живописи Италии, как показано в целом ряде специальных искусствоведческих работ, именно образ Георгия Драконоборца получил разнообразное воплощение. В контексте общих принципов искусства Возрождения, где господствует не отвлеченная религиозная идея, а в художественный образ вкладывается земное содержание и религиозные сюжеты получают светское толкование, при изображении Георгия, убивающего дракона, на первый план выдвигается героическая и патриотическая характеристика святого воина, религиозное содержание отступает настолько, что герой церковной легенды трансформируется в человека, побеждающего в битве врага. Подобный образ воина-драконоборца демонстрирует печать великого московского князя.

Большое количество художественных школ и направлений, существовавших в Италии в эпоху Кватроченто, а именно к этому периоду обращено наше внимание в поисках аналогий художественному образу битвы Георгия с драконом, зафиксированному на печати Ивана III, не дают возможности указать, естественно, на конкретного мастера или школу.

Однако, как отмечают исследователи, в этот период изображения святого Георгия особенно распространены в изобразительном искусстве Северной Италии[22]. В нумизматической литературе сообщается, что Георгий Победоносец многократно использован «на монетах средневековых итальянских князей»[23].

В известнейшем нумизматическом труде *Corpus Nummorum Italicorum* названы центры, выпускавшие в интересующий нас период монеты с изображением Георгия Драконоборца: Венеция и ряд близлежащих территорий, а также Феррара, Мантуя,

[22] *Taube O. F. von*. Die Darstellung des heiligen Georg in der italienische Kunst. Halle, 1910.

[23] Wörterbuch der Münzkunde / Hrsg. von F. E. Schrötter. Berlin; Leipzig, 1930. S. 219.

Милан[24]. В последнем случае заслуживают внимания монеты, чеканенные в конце XV — начале XVI в. в области Ломбардия, на которых всадник, разящий дракона, особенно близок изображенному на печати 1497 г.

Изображение святого Георгия на чаше Юрия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского. Начало XV в.

Показательно, что они происходят из той области Италии, с которой великие московские князья установили связи с середины XV в. Именно из Северной Италии, а конкретно из Милана, приехали в Москву итальянские зодчие, проводившие строительные работы на Боровицком холме: Аристотель Фьораванти, болонец по рождению, трудился в Милане, кстати, с отцом Пьетро Антонио Солари; последний приехал в Россию со своим учеником Джаном Антонио и указал еще на одного своего земляка, строителя-миланца Алоизио. Уроженцами Северной Италии, по предположению В. Н. Лазарева, являются также строители Кремля Марко Фрязин и Антонио Фрязин[25].

Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что гравер, резавший матрицу для новой печати Ивана III, происходил, как и его коллеги-зодчие, из Северной Италии. Как его имя? Карл из Милана, Пьетро Антонио Солари или его ученик Джан Антоний, а может быть, кто-то еще, не названный в русских источниках?

Матрица печати, как и более поздние подобные экземпляры, состояла из двух половин, вращающихся на петлях, причем на одной половине имелся крючок, который закидывался на выступающий край другой половины. Естественно, вторую половину матрицы резал тот же самый мастер, о чем свидетельствует и однотипность легенды. На второй половине матрицы был вырезан двуглавый орел.

Данная эмблема удостоилась пристального внимания ученых еще в XIX в. Возникла дискуссия, в которой выделялись ряд аспектов: время появления двуглавого орла в Византии, статус его как государственного византийского знака, роль и становление двуглавого орла в качестве гербовой фигуры у славянских народов, изменение его художественной формы и т. д.[26] К сожалению, отсутствуют четкие параметры художественной интерпретации этой эмблемы.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[24] Corpus Nummorum Italicorum. Vol. IV: Lombardia, Milano. 1913. Tabl. XLIII, № 6, 8; Vol. IV: Veneto, Roma. 1922. Tabl. XXVI. S. 286, 290—291; Vol. X: Emilia, Milano. 1927. Tabl. XXX. № 11; I Gonzaga: Moneta Arte Storia. Milano, 1995. S. 211, 213, 245, 288—289.

[25] *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). М., 1970. С. 43.

[26] См. об этом: *Соболева Н. А.* Феномен двуглавого орла: реальность и семантика // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сб. статей к 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. М., 2012. С. 265—276.

Изображение святого Георгия на итальянских монетах. Конец XV в. Ломбардия

Изображение двуглавого орла на итальянской монете. Конец XV — начало XVI в. Модена

Орла, изображенного на оборотной стороне печати Ивана III, а затем украшавшего печати русских самодержцев XV—XVI вв., принято называть «палеологовским» орлом. Он имеет характерно опущенные вниз крылья. Плита с подобным орлом имеется в одном из храмов Мистры[27]. Графически рисунок орла напоминает идентичное изображение, известное по шиферной плите из Старой Загоры (Болгария), которую русский искусствовед Н. П. Кондаков датировал XI в., определив в конфигурации орла «исконное восточное происхождение»[28].

Подобный тип двуглавого орла с XII по XV в. встречается на тканях, из которых сшиты одежды церковных и светских князей Болгарии, Сербии, в рельефных украшениях храмов Балканских стран[29].

Широко известна миниатюра Евангелия Дмитрия Палеолога, представляющая собой золотого двуглавого орла с коронами на головах и медальоном с монограммой Палеологов на груди. Хотя сам кодекс создан в XII в., большинство помещенных в нем миниатюр относится к XIII—XIV вв. К числу самых поздних, ко второй половине XV в., относится и изображение двуглавого орла, причем характер этих миниатюр свидетельствует о том, что они принадлежат западноевропейскому мастеру либо греку, учившемуся на Западе; принимали участие в их создании и итальянцы[30].

Вряд ли стоит выделять какую-то сугубо византийскую форму двуглавого орла. По-видимому, форма орла с распахнутыми, опущенными вниз крыльями — интерпретация восточной формы — была характерна при изображении

[27] *Sotiriou M. G.* Mistra. Athene, 1935. P. 6—7, 8 — fig. 3.

[28] *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 115, 120, 132

[29] *Филов Б.* Старобългарското искусство. София, 1924. С. 10—11; *Дероко А.* Спомениц архитектуре IX—XVIII у Југославиие. Београд, 1964. С. 74; *Он же.* Монументална и декоративна архитектура у средньевековној Србији. Београд, 1985. С. 84, 226, 230; *Millet G.* La peinture du moyen âge en Yougoslavie. Paris, 1954. Fasc. 1. Pl. 93. № 2; Art Byzantin chez les Slaves, Balkans. Paris, 1930. P. 1. Pl. VIII.

[30] *Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры IX—XV вв. в собраниях Советского Союза. М., 1977. С. 22, 58; *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 251.

этого монстра в Европе до какого-то определенного момента. Во всяком случае, на итальянских монетах, имеющих его изображение, кстати относящихся также к Северной Италии, орел сохраняет ранее отмеченный признак: чешуйчатый верх крыльев, опущенных вниз[31]. Похожую форму орла можно видеть также на медных болгарских монетах XIII—XIV вв., в начале XVI в. такой же орел изображен в гербе Карла V. Хотя уже со времени императора Священной Римской империи Сигизмунда I (с нач. XV в.) двуглавый орел начал изменять конфигурацию: крылья приподнимаются вверх, клювы голов хищно раскрыты, над головами помещается императорская корона. Подобный тип орла изображался на печатях императоров Священной Римской империи германской нации с XVI в. уже регулярно, а в XVII в. он хорошо известен и в России.

Итак, со значительной долей уверенности можно предположить, что резчиком матрицы печати 1497 г. был гравер из Северной Италии, близко знакомый с графикой подобных эмблем в эпоху Кватроченто.

Как предполагал В. Н. Лазарев, обращение Ивана III к итальянским мастерам носило характер продуманного государственного мероприятия. Он считал, что выбор именно североитальянских мастеров также не был случайным. «Эти мастера, — писал ученый, — занесли на Русь традиции североитальянского Возрождения, которые были умело использованы в целях усиления авторитета московского великого князя, заложившего основы для русского централизованного государства[32].

[31] Corpus Nummorum Italicorum. Vol. IV. Tabl. XIV. № 10—11; Vol. IX. Tabl. X. № 18, 19.

[32] *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад. С. 3, 48—49.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ПРИСОЕДИНЕННОГО В XVI В. КАЗАНСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКИ)

Мое сообщение касается актуальной для современной отечественной историографии проблемы — восприятия россиян как единого народа, гражданской нации. Подобную мысль неоднократно высказывали в последние годы руководители государства. В частности, В. В. Путин на одной из встреч по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений заявил: «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень многое сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом»[1].

Ученые разных специальностей, прежде всего этнологи, теоретически обосновывают квалификацию современного Российского государства как национального государства, признавая, безусловно, многоэтничный состав его населения. Академик В. А. Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН, утверждая, что сегодняшняя Российская Федерация является нацией-государством со сложным составом населения, пишет: «Это утверждение основано на понимании национального государства как государства с общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны»[2].

Давая научное определение таким понятиям, как «народ», «национальность», «нация», «национальное (гражданское) государство», В. А. Тишков не отрицает, что среди интеллектуальной элиты (научной, политической) имеются иные взгляды на современное российское общество, в частности убеждение, что гражданская нация в современной России невозможна, что разговоры о гражданской нации — это пустое фразерство, что нужно, как в советское время, укреплять дружбу народов

[1] Цит. по книге: *Тишков В. А.* Российский народ. М., 2010. С. 4.

[2] Там же. С. 7.

и интернационализм. Тем более что в ныне действующей конституции записано: «Мы — многонациональный народ».

Однако в самых новейших научных трудах все заметнее озвучиваются аргументы в поддержку взглядов В. А. Тишкова по поводу современного определения Российской Федерации как национального государства. Например, известный историк и политолог Вяч. А. Никонов согласен с акад. Тишковым, что связь понятий «нация» и «государство» отражена в сложной категории «нация-государство». «Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных Наций и считающих себя государствами-нациями. При этом полиэтнический состав населения вовсе не служит непреодолимым препятствием для формирования гражданской нации и создания нации-государства»[3]. В новейшем издании, выпущенном к 70-летию академика В. А. Тишкова, аналогичные взгляды высказывают целый ряд известных историков (В. А. Михайлов, В. В. Трепавлов и др.).

В. А. Тишков считает, что затруднительно говорить о точном времени рождения национального государства из «донационального», включающего в состав империи различные народы, однако придерживается той точки зрения, что «нашу страну можно было называть национальным (или национализирующимся) государством еще при империи Романовых»[4]. Время «национализации» Российской империи относят то к концу XIX в., то к более раннему периоду, считая, что этот процесс происходил постепенно (Карамзин говорил о «россиянах» в начале XIX в.), однако реальные факты этого процесса еще не обобщены. Научные ответы на такие вопросы, как тождество империи и национального государства или империи и многонационального государства (Советский Союз — многонациональное государство), империи и гражданского государства, гражданской нации и т. п., решаются неоднозначно.

Дискуссия по поводу понятий «российская нация», «российское государство» выявила ряд аспектов, в контексте которых и происходят споры о российской государственности в целом, таких аспектов, как «российская цивилизация», «национальная идентичность» и т. д. Проблема национальной идентичности относится к числу самых обсуждаемых и активно разрабатываемых в обществе проблем. Основополагающей идеей ее является воссоздание картины исторического прошлого нации, государства. Однако многие отечественные историки, признавая историю России как историю централизованного государства с элементами федерализма и культурной автономии и с этих позиций проводя исследования национальной истории народов, населяющих Российскую Федерацию, сталкиваются с проблемами «ненаучного», скорее, политического характера. Просчеты поли-

[3] *Никонов Вяч. А.* Империя, государство и нация в России накануне Революции 1917 года (по мотивам идей В. А. Тишкова) // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. М., 2011. С. 95.

[4] *Тишков В. А.* Указ. соч. С. 7.

тиков, заявлявших в начале 90-х гг. XX в. «берите суверенитета столько, сколько хотите» (Б. Н. Ельцин), привели к тому, что, услышав призыв главы Российского государства, под давлением новых правящих элит национальные историки отвергли общую историю в общем государстве и представляют ее в культурно изолированном от России виде. Как пишет академик В. А. Тишков, «национальная история Российского государства оказалась нещадно обворованной»[5]. И прежде всего за счет педалирования этнонационалистических версий истории. Например, один из современных татарских авторов пишет: «История татар и Татарстана является относительно самостоятельной, не вмещающейся в "Историю России", поскольку существующая российская история не может ее заменить или исчерпать»[6]. Не отвергая относительную правоту автора, в то же время думаю, мало кто из отечественных и зарубежных историков согласится с таким его высказыванием: «История Золотой Орды была частью мировой истории, а поздний период истории раздробленных русских княжеств — частью татарской… Русские благодаря Золотой Орде оказались вовлеченными в мировые процессы, а впоследствии сумели создать грандиозное государство под названием Россия»[7]. «Перекосы» в воссоздании исторически точной картины взаимовлияния двух составных частей современной Российской Федерации, как говорится, налицо.

Наиболее четко эти «нестыковки» обнаруживаются при рассмотрении и оценке знаменательного исторического факта — «завоевания» (присоединения) Казанского, а затем Астраханского ханства к России в середине XVI в. В огромном количестве русской, а теперь и западноевропейской литературы, в последнее 20-летие — татарской содержатся исключительно противоречивые сведения об этом грандиозном событии. Можно выделить несколько «кустов» основополагающих проблем, по которым современная историография занимает несоединяемые позиции. К примеру, каков основной импульс, определяющий феномен государственной политики Ивана IV? Исследователи отвечают по-разному.

Американский исследователь Дж. Пеленски считает, что «национальный» аргумент является наиболее важным (и современным)[8]. Он исходит из сформировавшейся еще при Иване III, при котором осуществилась решающая фаза создания единого Русского государства, идеи, что завоевываемые земли были вотчиной исключительно великого московского князя. Притязания на «всю Русь» основывались на мифических предположениях, что вновь завоевываемые земли, в частности территория Казанского ханства, были владениями Рюриковичей «с древних времен»; территории Казанского и Астраханского царств были составными частями Киевского государства. Это историческое оправдание, по предположению

[5] *Тишков В. А.* Указ. соч. С. 52.

[6] *Хаким Рафаэль.* История татар и Татарстана. Казань, 1999. С. 23, 42.

[7] Там же. С. 18.

[8] *Pelenski J.* Russie and Kazan. Conquest and Impérial Ideology (1438—1560). Hague; Paris, 1974. P. 288—289.

Пеленского, обосновано либо митрополитом Макарием, идеологом завоеваний Ивана IV, либо кем-то из его окружения. Подобные аргументы нашли отражение в русских источниках, таких как «История о великом князе Московском» и «Казанская история»[9].

Многие авторы считают, что, начиная со времени женитьбы Ивана III на Софье Палеолог, перед русскими правителями встала проблема борьбы за византийское наследство. Однако известный санкт-петербургский историк и источниковед Ю. Г. Алексеев, посвятивший одно из своих исследований детальному анализу деяний московского великого князя, «государя всея Руси» Ивана III Васильевича, полагает, что в официальной политической доктрине — объединение Русской земли, которую он воплощал в своей деятельности, не было места «мифическим теориям» вроде зарождавшейся в это время в церковных кругах теории «Москва — Третий Рим». Как пишет Алексеев, Иван III не проявлял к ней никакого интереса, «не обращая внимания на так называемое византийское наследство»[10]. Австрийский ученый А. Каппелер вообще полагает, что ко времени венчания Ивана IV на царство (1547 г.) идея о византийском наследстве для русского царя вообще выглядит анахронизмом, т. к. он не считал себя наследником византийских императоров и не претендовал на их наследство, о чем нет упоминаний в источниках[11].

В последнее время приоритетной становится идея о борьбе Ивана IV за наследие Золотой Орды. Об этом пишут известные западноевропейские историки, в частности А. Каппелер, который писал, что для создания Российской империи в XVI в. борьба за наследие Золотой Орды явилась более важной, чем передача идей Второго Рима в «Третий Рим», историки государств, входивших когда-то в Монгольскую империю, в частности казахские (один из них, доктор исторических наук, профессор Казахского государственного национального института, подчеркивает, что «именно золотоордынская система сделалась прообразом российской имперской государственности»[12]), отечественные историки, например В. В. Трепавлов[13], а также евразийцы.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[9] *Андрей Курбский*. История о великом князе Московском. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1988. С. 228—229; Казанская история. М., 1954. С. 44. См. также: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 188—189. Она пишет: «Ревнуя подвигам старых князей, Иван IV, достигший царского венца и титула, совершит высший подвиг — окончательно возьмет то, что уже брали и не удержали князья, — Казань».

[10] *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 227.

[11] *Каппелер А*. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: наследство Руси, Византии и Орды. Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 96; *Он же.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 20.

[12] *Кадырбаев А. Ш*. Золотая Орда как предтеча Российской империи // vww.ca-c.org/datarus/kadirbaew.shtml

[13] *Трепавлов В. В*. Белый царь: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007. С. 77—78.

Каждый из исследователей приводит убедительные аргументы в пользу той или иной позиции. В результате русская государственность предстает перед нами как симбиоз трех компонентов: наследие Киевской Руси, византийская преемственность — идеологическое и культурное наследие, наследие огромной Восточной империи, конкретно выразившееся в золотоордынской преемственности.

В связи со столь большим разнообразием историографических позиций трудно выделить основной вектор государственной политики Ивана Грозного.

Не менее важным в осмыслении событий середины XVI в. является определение причин военных походов Ивана IV в Поволжье, результатом которых явилось присоединение к России ряда территорий бывшей Золотой Орды и прежде всего — Казанского и Астраханского царств. В течение двухсот лет историки (с соответствующими аргументами) выдвигали различные версии, которые в целом сводились к трем позициям:

1) месть татарам за агрессию — постоянные набеги и опустошение русских земель, которые не прекращались даже после «освобождения от татарского ига в 1480 г.»;

2) опасения объединения мусульманских регионов Поволжья и Крымского ханства против православной Руси, религиозный аспект, основанный на провиденциальной интерпретации русской истории;

3) экономические интересы прежде всего феодалов и русского купечества, рассчитывавших на новые земли и перехват торговых путей, в частности по Волге.

Эти причины завоевания татарских царств в разной интерпретации формировались на протяжении столетий, но в последнее время стали объектом комплексной детализации, которую предпринял на страницах журнала «Вопросы истории» историк А. Г. Бахтин[14]. Автор на основании вновь открытых источников, а также переосмысления ранее высказываемых утверждений приходит к выводу, что при Иване IV «угроза образования антирусского мусульманского союза была очевидной. Центральной задачей восточной политики России на протяжении всего XVI в. оставался поэтому вопрос о государственной безопасности». На первое место, таким образом, выдвигается оборонительный характер присоединения земель Поволжья. Крымский хан неоднократно заговаривал с русским царем о передаче ему Астрахани и Казани. В 1374 г. через гонца Иван IV ответил ему следующее: против России «ныне одна сабля — Крым», а если отдать завоеванные в Поволжье и Приуралье земли, «тогда другая сабля будет Казанская земля, третья сабля астороханская, четвертая нагаи, а только Литва не помиритца, ино пятая сабля будет»[15]. По мысли Бахтина, завоевывая Казань и Астрахань, русское правительство не преследовало каких-либо экономических выгод. Напротив, в условиях Ливонской войны на западе Русское государство несло убытки, осуществляя завоевание Среднего Поволжья.

[14] *Бахтин А. Г.* Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 52—72.

[15] Цит. по: *Бахтин А. Г.* Указ. соч. С. 67.

Далее Бахтин показывает, что у всех слоев населения Российского государства отсутствовал интерес к вновь завоеванным землям на Востоке: у феодалов — собственников земли, у служилых людей, у купцов. И якобы массовый поток переселенцев на завоеванные, с богатыми природными ресурсами земли — миф.

Все эти доводы вызывают отторжение у современных казанских историков. Выводы Бахтина оспаривает, в частности, известный казанский историк Искандер Лерунович Измайлов в большой статье, написанной для сборника «Татарский народ после 1552 г.: потери и приобретения» (Казань, 2003). Он называет доводы, приводимые российскими и советскими историками в пользу того или иного объяснения необходимости завоевания русскими Казани, мифами — «архетипами русского исторического сознания»[16] (кстати, некоторые аргументы, аналогичные мнению российских историков, высказывали и западные исследователи «Казанской трагедии»). «Татарский же народ… был поставлен на грань этноцида… И если он сумел сохраниться, то не благодаря российским властям, а вопреки их постоянному давлению». Такова, по мнению Измайлова, татарская концепция истории.

Однако, слава Богу, автор допускает, что исторический взгляд на казанскую историю «требует постоянной научной и источниковедческой разработки, дополнения и внесения определенных корректив»[17].

Как умный человек и проницательный историк И. Л. Измайлов не мог «не обезопасить» себя, заявив, что, несмотря на факт завоевания Иваном IV Среднего Поволжья, «для нас важен не объективистский и прогрессистский взгляд на эту проблему, а… постмодернистская точка зрения. Она отказывается видеть какую-либо единственную отправную точку для рассуждений, а настаивает на множественности, многовариантности взглядов на прошлое, в конфликте и отражении которых возникает целостный образ многомерной истории»[18].

В контексте подобных воззрений выглядит история русско-казанских отношений до 1552 г. и после завоевания Казани. В настоящее время в историографии рассматриваются действия великих московских князей в отношении Казанского царства в значительной степени по-новому. Иван III еще до стояния на Угре (1480-е гг. — освобождение от монголо-татарского ига), примерно в 1476 г., перестал платить «выход» (дань) казанским ханам, тогда же произошло и «потоптание басмы» (русский князь наступил ногой на ханскую грамоту с мифической лицевой печатью)[19]. Однако вряд ли с этого времени был установлен московский протекторат над Казанью и хан являлся вассалом московского великого князя по причине того, что последний поставил его на ханство (в 1487 г. Мухаммед-Эмина), а также

[16] *Измайлов И. Л.* Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (критический разбор новых тенденций современной российской историографии) // Татарский народ после 1552 г.: потери и приобретения. Казань, 2003. С. 64.

[17] Там же. С. 67.

[18] Там же. С. 128.

[19] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского государства. 2-я пол. XV в., М., 2001. С. 108—109.

включил в свой титул «царь болгарский»[20]. Пеленский считает, что, несмотря на существование протектората над Казанью в отдельные годы (начиная с этого времени), Казанское ханство было практически независимым государством и Казань никогда не теряла этого статуса вплоть до своего окончательного подчинения. Лучше всего об этом свидетельствует тот факт, что Казанское ханство не было включено в титул московских правителей до 1552 г. Не упоминалось оно также в качестве московского владения в завещании великих московских князей Ивана III Васильевича (1504 г.) и Василия III Ивановича (1523 г.). Лишь в завещании Ивана IV (1572 г.) отмечается, что он благословил сына Ивана не только «царством Русским», но и «всеми шапками царскими и чином царским, что аз промыслил…», а также «царством Казанским» и «царством Астраханским», которые «взял»[21]. Особо выделяется в этом завещании позиция «чин царский, что аз промыслил» (добыл).

Понятие «чин царский» — это своеобразная идея фикс, которая является существенным моментом в жизни и деятельности Ивана IV начиная с 1547 г. — времени его венчания на царство. Поскольку в глазах европейцев его венчание на царство (венчал не папа, не император Священной Римской империи) могло выглядеть как самозванчество, а в легенды о получении царского достоинства «от греческих царей» предками Ивана IV зарубежное сообщество не особенно верило[22], «приобщаться к царственной силе» русскому царю предстояло другим путем. Этот другой путь нашел отражение в ряде русских и зарубежных (переведенных на Руси) произведений. Воплощался он в «завоевании царства», которое давало завоевателю право называться «царем»[23]. В дипломатической документации Иван IV подчеркивал значение мест (Казани, Астрахани), где «изстари цари велись»[24]. А послу, отправлявшемуся в Литву и Польшу, надо было передать королю: «Царство Казанское взято и потому Иоанн сделался царем»[25]. По мнению некоторых современных историков, Казань — это был царственный град, а после ее взятия русским государем она приобретает статус «источника русского дарения»[26].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[20] *Трепавлов В. В.* Белый царь… С. 70 (со ссылкой на: *Зайцева И. В.* Между Москвой и Стамбулом. Очерки. М., 2004. С. 183).

[21] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 426—444.

[22] Например, неоднократно возражал против происхождения Ивана IV от Августа кесаря польский король Стефан Баторий, послы которого в 1577 г. не хотели называть русского государя царем, передавая грамоту от польского короля с замечаниями, что в версии о его происхождении от Августа ничего не заключалось «крунтовного и правдивого»: «Чтеши правляй, чего в речи не было николи, яко еси замыслил о Прусе, брате Августовом», то у Августа никогда не было брата Пруса, от которого якобы ведут свой род русские цари. — *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 313.

[23] *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская…» М., 2001. С. 147, 158; *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 26.

[24] *Савва В. И.* Указ. соч. С. 285, 304.

[25] *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 499.

[26] *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 188—189.

Причем в подобном качестве ее воспринимают не только в официальных (прежде всего в дипломатических) кругах, но и в народной среде, о чем свидетельствует фольклор, где поход на Казань ассоциируется с началом Московского царства. В сохранившихся русских народных преданиях царская порфира представляется вывезенной из Казани, от потомков золотоордынских Чингисидов. Якобы Иван IV снял с казанского хана Едигера «порфиру царскую», привез «бусурманскую порфиру» в «каменну Москву», совершил ее церковное освящение православным обрядом, потом освященную «порфиру на себя наложил» и только после всех этих ритуальных действий «стал Грозный царь»[27].

Итак, подчинение татарских ханств Поволжья трактовалось на Руси как «начало обретения Иваном IV царского достоинства»[28]. Об этом он и сам исключительно заботился и даже обратился к константинопольскому патриарху с просьбой утвердить его царский титул. Просьба была удовлетворена, однако патриарх, который осуществлял свою власть под владычеством османского султана, обосновал признание за Иваном IV царского титула его далеким родством с византийскими императорами[29].

Значимость для Ивана IV царского титула в период его отчаянной борьбы за прибалтийские земли, борьбы с могущественными европейскими государями за признание его равенства с ними характеризуют завоевательные походы на Казань, а затем Астрахань прежде всего как политические действия. Этот факт неоднократно подчеркивался такими исследователями, как А. Каппелер, Дж. Пеленский[30], немецкими учеными Э. Доннертом, Л. Рюлем[31].

Не исключая других аргументов победного похода на Казань в 1552 г. (национального — «собирания» русских земель, религиозного — выступление против злодеяний мусульман (татар) против русских христиан, экономических, оборонительных), подчеркивается приоритетность становления имперскости и установления равенства Российского государства с европейскими государствами. Пеленский наиболее четко высказывает эту мысль: «Присоединение двух татарских ханств и последующее принятие титулов "царь Казанский" и "царь Астраханский" рус-

[27] *Ерофеева И. В.* Русская имперская идея в истории, Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. I. М., 1993. С. 272. Ссылка: *Жданов И. М.* Русский былевой эпос (Исследования и материалы). СПб., 1895. С. 12—16.

[28] *Трепавлов В. В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 57—60.

[29] *Pelenski J.* Op. cit. P. 300.

[30] Ibid. P. 298—300. Пеленский, в частности, пишет: «Непосредственным политическим, так же как и идеологическим, следствием завоевания Казани было, конечно, принятие московским правителем титула "Казанского царя", так же, как несколько позже он принял титул "Царь Астраханский". Это решение не было простой формальностью. Добавления к титулу русского правителя отражали изменения в характере государства московитов… Русь стала рассматриваться как империя (государство государств)…»

[31] Об этом см.: *Гатин М.* Завоевание Казанского ханства в трактовках немецких историков // Татарский народ после 1552 г. С. 291—298.

ским правителем были использованы для возвышения в глазах других суверенов. Они применялись в дипломатических переговорах, имевших целью добиться признания императорского титула царя другими державами»[32]. Завоевание Казани в 1552 г. не свидетельствовало о полном исчезновении понятия «Казанское царство». Оно продолжало существовать как территориально-административная единица под юрисдикцией Приказа Казанского дворца, центрального административного департамента, еще более века и таким образом было активно вовлечено в административное и политическое устроение Русского государства. Подобной позиции придерживаются некоторые татарские историки, считая, что даже сам процесс инкорпорации Казанского ханства и других татарских государств в состав России не имеет аналогов по своим историческим последствиям. Достаточно обратить внимание на герб Российского государства, три короны которого над двуглавым орлом символизируют Казанское, Астраханское и Сибирское царства.

Значимость для развития российской государственности завоеванных татарских ханств выражается, по мнению ряда историков, и в заимствовании некоторых восточных и государственных традиций, в частности соуправления, примером чего может служить возведение бывшего касимовского хана Саин-Булата, в крещении Симеона Бекбулатовича, в 1575 г. в ранг «великого князя всея Руси», а себя Иван IV называл «князем московским» (соответственно существовало и разделение — великое княжение и государев удел). Обращает на себя внимание и мнение ряда историков, в частности Пеленского, которое имеет предположительный характер, о заимствовании некоторых российских государственных структур и форм управления у татар[33].

На этом фоне вполне реальными являются действия Ивана IV по отношению к казанской символике. На его большой государственной печати 1577 г., скреплявшей документы, отсылаемые в зарубежные страны, помещена «печать казанская» — изображение дракона в короне (царской). По-видимому, данный образ впервые появился в Казанском летописце, историко-публицистическом сочинении 1564—1565 гг. Здесь рассказывается о том, что на месте будущей Казани «преже место быти издавна гнездо змиево». «Змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки, и скоты, и звери, другою главою траву ядяше». Его истребил волхв, который обложил его жилище сеном и тростником, полил все это серой и смолой и поджег. Царь же «возгради на месте том Казань»[34].Созданный в соответствии с легендой графический образ Казани, затем превратившийся в ее герб, помещен в Титулярнике 1672 г. Именно Титулярник 1672 г. лег в основу материалов, использованных при составлении российских городских гербов в XVIII в. Показательно, что в числе десятка городов, при-

[32] *Pelenski J.* Op. cit. P. 300.

[33] *Трепавлов В. В.* Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. С. 46—51; *Pelenski J.* Op. cit. P. 55—59.

[34] Казанская история. С. 47—48.

славших по запросу Герольдмейстерской конторы сведения о гербе города, была и Казань. В донесении из Казанской губернской канцелярии от 9 января 1725 г. четко сказано: «А герб в городе имеетца т а т а р с к и х з в а н е й, на котором изображен змей, а около змея слова "печать великого государя"»[35]. (Здесь мы имеем изменение надписи в петровское время — вместо «печать царства Казанского»).

Нет ничего удивительного в том, что казанцы быстро и четко ответили на вопрос центрального учреждения о гербе города, ибо с печатями, скреплявшими документы, выходящие из канцелярии воеводского правления, они постоянно сталкивались. Как показали недавние исследования российских архивистов, казанские воеводы использовали «печать царства Казанского» с 1591 по 1707 г.[36] Она прикладывалась к подорожным, проезжим грамотам и к наказам. Только в одном фонде «Грамоты Коллегии экономии», хранящемся в Российском государственном архиве древних актов, выявлено 29 оттисков однотипной черной восковой печати с изображением коронованного дракона, что подтверждает публикация казанских печатей в Сборнике снимков, изданном в XIX в.[37] Опубликованные здесь казанские печати однотипны по композиции и деталям эмблемы, хотя заметно, что рисунки, по которым изготовлялись матрицы печати, в разное время делала не одна рука.

Стабильность эмблемы «печати царства Казанского» соответствует упорядочению правил ее использования. Ее прикладывали к соответствующим документам исключительно казанские воеводы, у которых, как и у прочих воевод, существовали личные печати, однако именно казанские воеводы использовали на службе «печать царства Казанского» с однотипным изображением. Значимость этой печати, как следует из документов, связанных с ее хранением и функционированием, несомненно выходит за рамки делопроизводственного компонента. Предписывалось хранить печать в Казанской разрядной избе (иначе — Съезжей палате) в особом ящике, запечатанном личными печатями двух воевод. Соответствующие документы должны быть оформлены от имени только первого воеводы, чьей привилегией являлось пользование печатью Казанского царства[38].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[35] Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 26.

[36] *Лукичев М. П., Станиславский А. Л.* Печать Казанского царства начала XVII в. // История и палеография. М., 1993. С. 237.

[37] Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции / Сост. П. Иванов. М., 1838. Табл. VIII. № 148; Табл. XIII. № 135; Табл. XIX. № 301.

[38] Подобные меры предосторожности и охраны казанской печати были предприняты после того, как она в период Смутного времени сыграла определенную роль в борьбе за власть различных политических группировок. В 1612 г. после смерти и бегства из Казани воевод власть в городе перешла к казанским дьякам, один из которых, Н. М. Шульгин, не без помощи такого удостоверительного средства, как печать, насаждал свою власть в Казанском крае, раздавая земли, жалованье и прочие льготы своим сторонникам. Фактически он претендовал на роль главы Казанского региона. — *Лукичев М. П., Станиславский А. Л.* Указ. соч. С. 239. Поэтому не случайно сразу же после выборов царя и немедленного ареста дьяка прежний порядок функционирования печати как символа стабильности региона был восстановлен.

Значение «печати царства Казанского» даже во второй половине XVII в. неоднократно подчеркивалось исследователями. Она, как символ местной власти, передавалась в первую очередь при смене воеводского правления одновременно с ключами от «каменного» и «деревянного города»[39]. Система пользования печатью оставалась незыблемой.

Столь бросающаяся в глаза регламентация «печати царства Казанского», особая значимость ее в делопроизводстве Казанского региона, неизменность символики вряд ли являлись случайностью. Устойчивость казанской символики в эмблематическом поле Российского государства, кажущаяся на первый взгляд малозначимой, на самом деле является дополнительным показателем особой заинтересованности и важности этого региона для феномена «источника русского царения», каким в представлениях русских являлась Казань. Подобные детали, вплетаясь в контекст взаимоотношений «центра и региона», расширяют рамки этого контекста до проблемы политики русского правительства по отношению к Казанскому краю.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что казанская эмблема — дракон в короне — с 1577 г. до сегодняшнего дня является официальным символом — гербом Казани, как ни один, кроме Москвы, русский город.

[39] *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. Казань, 1982. С. 109—110.

ВЕКСИЛЛОЛОГИЯ: ИСТОКИ ОДНОГО ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ

РУССКИЕ ЗНАМЕНА И ФЛАГ КОРАБЛЯ «ОРЕЛ»

Герб, флаг и гимн — главные символы государства, символы его суверенитета. Это триединство, без которого сейчас не может обойтись ни одно государство, сложилось довольно поздно, в XIX в.

Каждая из составных частей «триады» имеет свою собственную историю, до недавнего времени мало интересовавшую и исследователей, и общество в целом, ибо эта тема казалась малозначимой.

Однако обращение к исторической символике Российской державы и придание ей официального статуса обусловили возрастание общественного интереса к прообразу сегодняшних государственных символов, в частности к российскому флагу, его истории и эволюции. Средства массовой информации буквально обрушили на неподготовленного россиянина вал сведений о трехцветном полосном флаге (бело-сине-красном), среди которых были неточные, непроверенные и просто мифические, например об исконно русской национальной цветовой гамме данного памятника. Между тем еще в самом конце XIX и в начале XX в. последний русский император Николай II дважды собирал Особое совещание «для всестороннего и по возможности окончательного выяснения вопроса о государственных русских национальных цветах». Как отмечалось на первом заседании Особого совещания в 1896 г., его участники не только должны были обсудить вопрос о российском национальном флаге, но и окончательно определить, какой из двух флагов — бело-сине-красный или черно-желто-белый — следует на основании исторических или законодательных документов признать русским народным.

Проанализировав исторический материал, участники совещания пришли к правильному выводу относительно существования особых специфических национальных цветов как для Руси, так и для других государств: «Из всего сказанного видно, как разнообразны были цвета как кокард и гербов, так и знамени и как легко эти цвета менялись. Не было цветов, которым бы отдавалось предпочтение и которые имели бы значение государственных».

Подобный вывод не удовлетворил многих, поэтому перед эпохальным событием — 300-летием дома Романовых — сторонники монархических устоев вновь инициировали обсуждение вопроса о государственных цветах и российском государственном флаге, предлагая для него черно-желто-белые цвета. В черно-желто-белом стяге они видели защиту от надвигающихся и угрожающих их существо-

Царь Московский в большом царском наряде со скипетром и державой

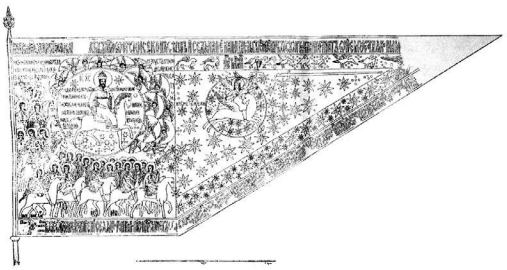
ванию перемен: «Значение этого флага у нас в России всегда было и будет "За царя и Отечество!"»

Несмотря на то что известный специалист по флагам П. И. Белавенец, участник Особого совещания, привез из Архангельска оставленный там Петром I в 1693 г. трехполосный бело-сине-красный флаг с двуглавым орлом, под которым он плавал «на струге» по Северной Двине, его значимость как государственного символа не была признана. Таким образом, ни одно из двух заключений о государственном российском флаге «не удостоилось высочайшего окончательного решения».

При объяснении государственной символики относительно мало был «задействован» в историческом контексте флаг корабля «Орел», хотя при неясности в отношении его конфигурации никто не мог оспорить того факта, что при изготовлении флага первого русского корабля, каким являлся «Орел», была использована белая, синяя и красная ткань. Об этом свидетельствуют документы, в частности запрос сведущего в морском деле и назначенного капитаном корабля «Орел» голландца Д. Бутлера, который особо выделил значение цветовой гаммы корабельного флага: «…а цветами те все киндяки, как великий государь укажет; только на кораблях бывает, которого государства карабль, того государства бывает и знамя». По-видимому, данное замечание не являлось случайным: о государственном флаге России не знал не только Бутлер, но и царь Алексей Михайлович. Иначе он предложил бы оснастить корабль «Орел» государственным символом в виде флага определенных формы и цветов.

Иначе складывалась ситуация в Европе. Еще примерно с XV в. — со времени освоения морских путей и открытия новых земель европейцами — корабли разных стран начали тщательно оснащаться флагами. На мачтах, бушпритах, кормовых флагштоках суда несли самые разнообразные флаги и вымпелы. Некоторые указывали на принадлежность корабля к той или иной стране, другие — на город-порт, к которому был приписан корабль, третьи несли символы торговой компании, герб владельца судна; реяли на флагштоках и личные штандарты адмиралов, командиров эскадр.

В начале XVI в. датский флаг «данеброг» — красное полотно (с белым крестом и тремя косицами), согласно источникам появившийся в XIII в., когда в 1219 г. датские рыцари-крестоносцы под руководством короля Вальдемара II покорили прибалтийских эстов (язычников), официально украшал корабли Дании. С конца XVI в. морские суда гёзов — нидерландских моряков, выступавших против владычества Габсбургов под руководством принца Оранского, поднимали на своих кораблях флаги, цвета которых соответствовали (по предположению) одежде Оранского. Оранжевая полоса («Оранский наверху!» — кричали гёзы) всегда была сверху, из скольких бы полос ни состоял флаг. Оранжево-бело-синий стяг стал фла-



Стяг Ивана Грозного. 1560 г.

Боевое знамя русского войска XVI в. Копия XIX в.

гом Республики Голландия. В XVII в. политическое значение Оранских упало, верх одержала антиоранжистская партия, и после того, как Испания признала свободу Голландии, оранжевую полосу заняла красная. Красно-бело-синий голландский флаг запечатлели на своих полотнах многие голландские маринисты XVII в. Таким нидерландский флаг остается до сегодняшнего дня.

Балтийское и Северное моря бороздили корабли под разноцветными крестовыми или полосными флагами северонемецких торговых городов, многих прибалтийских стран. На полосатом полотнище помещался герб города или государства, о чем повествует нам «Книга о флагах» голландца Карла Алярда, переведенная на русский язык по приказу Петра I в 1709 г.

Подобные флаги были известны корабелу Бутлеру, который применил свои знания «корабельного строения» в России. Но на какую почву упали бутлеровские рекомендации? Как их соотнести с системой «флаггенкунсте» на Руси и в России?

Старинным русским знаменам в нашей историографии посвящено мало работ. Это связано прежде всего с тем, что они сохранились в музейных собраниях в небольшом количестве, самые ранние относятся к XVI—XVII вв. Ученые по крупицам собирают сведения о знаменах, содержащиеся в летописях, в различных литературных памятниках, рассказывающих о военных походах и битвах («Мамаево побоище»), в княжеских договорных грамотах. Примерно с XIV в. изображения знамен можно увидеть на иконах в руках святых воинов, а также в русских лицевых (иллюстрированных) рукописях, красочные изображения которых дают представление о форме и цвете старинных боевых стягов. Однако от иллюстраторов рукописей, «удаленных» от описываемых событий на три-четыре столетия, вряд ли стоит ожидать точного воспроизведения многих военных атрибутов, в том числе и знамен.

Исторические источники не позволяют воспроизвести полную картину эволюции русских воинских стягов до эпохи Петра I. Эта картина носит довольно мозаичный характер, в нее фрагментарно вписывается и проблема появления морских флагов — корабля «Орел», первых кораблей, на которых плавал царь Петр I по Северной Двине, которые и составили основу сегодняшнего государственного флага.

Ранние русские знамена упоминаются уже в «Повести временных лет» — общерусском летописном своде начала XII в., включающем в себя ранние сведения

Рисунок прапора. XVII в.

о Русском государстве. Знамена здесь именуются «стягами». Считается, что стяг мог получить это наименование от «стяганья» — соединения, сбора вокруг себя воинов во время битвы или после битвы. Встречается в рукописях и слово «стяговник» — знаменосец, подобно тому как существовали, например, наименования «драконариос» в Риме, «бандофорос» — в Византии, «баннерет» — в Западной Европе.

В XII в. упоминается еще одно слово для обозначения воинского знамени — «хоругвь», являющееся общеславянским термином. Поэтично описаны стяг и хоругвь в известнейшем памятнике древнерусской литературы конца XII в. — «Слове о полку Игореве». Первая встреча с половцами Игоря Святославича, князя новгород-северского, окончилась удачно, поэтому автор, воздавая ему хвалу, использует метафору: «Чрьленъ стягъ, бела хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличу!» Именно метафора, ибо многие исследователи слово «хорюгвь» считают восточным заимствованием, о чем свидетельствует белый цвет, характерный для знамен восточных народов. Известен красный цвет знамен Святослава, изображения которых содержит летопись Константина Манассии, византийского поэта XII в.; в XIV в. она переведена на болгарский язык, а также на русский в середине XIV в. Под рисунком, где изображено русское войско, направляющееся во главе с князем к Доростолу, имеется надпись: «Рускыи плен еже на българы». По мнению публикатора летописи И. Дуйчева, «чолка стяговая» является характерным признаком русских стягов.

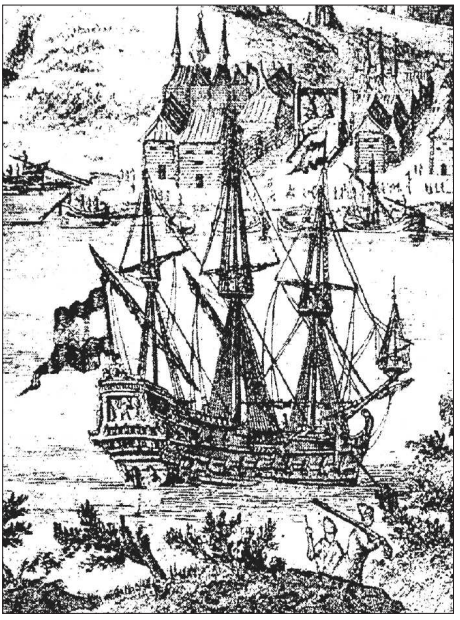
Знамя князя Пожарского. 1612 г.

В Радзивилловской летописи конца XV в., где описываются события более ранние (XII в.), подобные «чолки» имеют стяги не только русских князей, но и их противников — хазар, печенегов, половцев, волжских болгар. Отличить их войско от отрядов русских князей нетрудно, хотя знамена могут быть одинаковыми, — русские князья всегда изображаются в характерных княжеских шапках. В XII в., согласс-

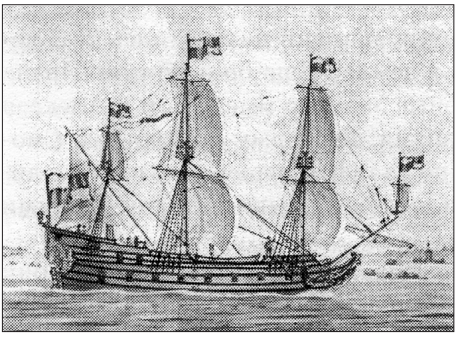
но Радзивилловской летописи, княжеские дружины все чаще выступают под стягами, чьи навершия представляют собой крест, в то же время половцы меняют «чолку», украшающую их знамена, на полумесяц.

В XIV в. стяги и хоругви получили название «знамение». В словарях древнерусского языка это слово толкуется как «изображение». Не с этого ли времени появляются на полотнищах русских знамен лики Иисуса Христа, Богородицы, святых заступников?

В «Сказании о Мамаевом побоище», памятнике XVI в., стяг, знамя — это символ, объединяющая войско реликвия. Знамя, перед которым упал на колени великий князь Дмитрий Иванович Донской, несло изображение Иисуса Христа. В «Сказании» эти стяги описываются очень образно: «…князь же великий… въехав на высокое место, увидел образа святых, шитые на христианских знаменах, будто какие светильники солнечные, светящиеся в лучах солнечных; и стяги их золоченые шумят, расстилаясь, как облаки, тихо трепеща, словно хотят промолвить; богатыри же русские стоят, и их хоругви точно живые колышутся…»

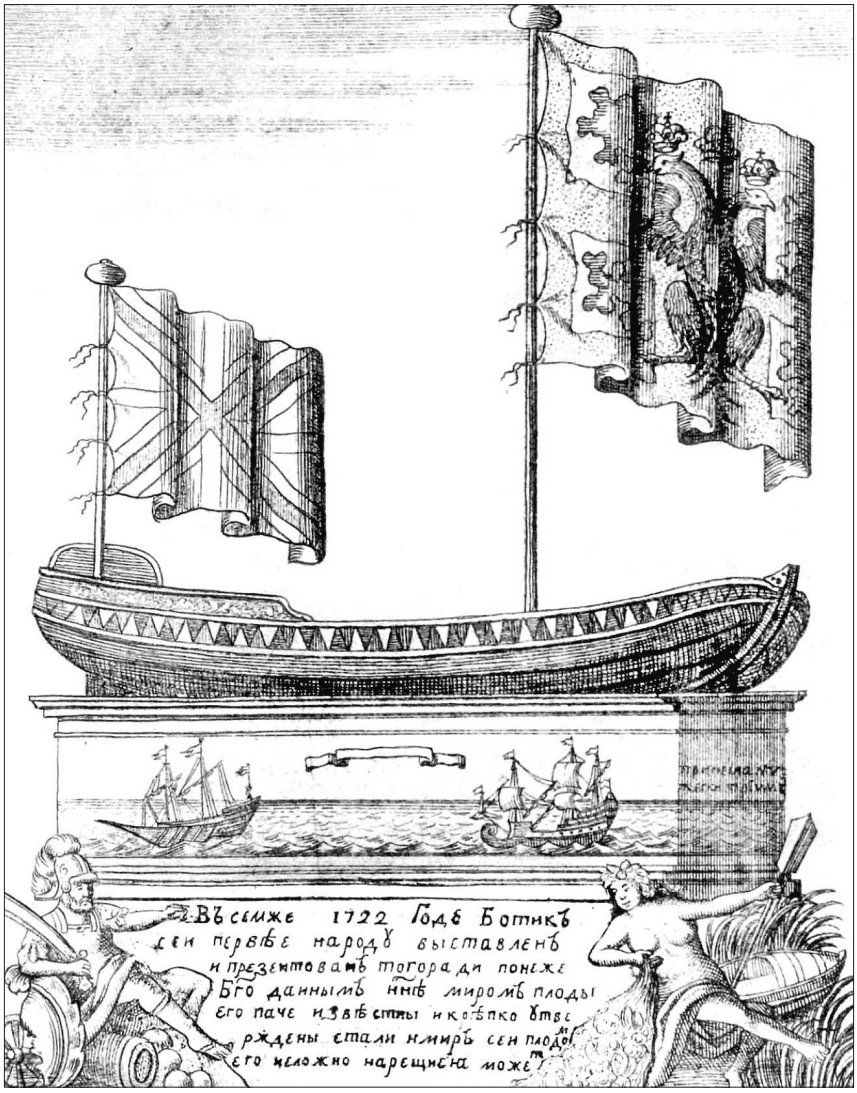


Изображение корабля «Орел» (реконструкция). XVII в.



Корабль «Орел». Художник В. И. Овчинников

Из описания следует, что русские воинские стяги времени Куликовской битвы несли изображения святых, о чем в более раннее время практически нет упоминаний. Образно описывается, как перед таким стягом упал на колени Дмитрий Донской, как перед иконой, молясь о победе в битве: «…пал на колени свои прямо перед большого полка черным знаменем». Отсюда иногда делается вывод, что знамена Дмитрия Донского были черные. Но предыдущее описание золотистых знамен русского войска опровергает это утверждение. В Лицевом своде, памятнике XVI в., знамена как русских, так и ордынцев — красные, зеленые, желтые, но нет среди них черных. Вероятно, искаженное писцом написание «чермные» (красные) без выносного «м» превратилось в «черные». На картине художника Корина между тем Дмитрий Донской стоит около огромного черного знамени.



Ботик Петра I со штандартом

Обращения к Богу, Богородице, святым заступникам, «помощникам во бранех», в условиях междоусобных войн и постоянной иноверной опасности кажутся естественными. По сообщению одного из современников, на белом знамени Василия III изображался библейский полководец Иисус Навин. Почти через сто лет он же появляется на малиновом полотнище знамени Дмитрия Пожарского. Оно прямоугольное, двустороннее; на одной стороне Вседержитель (Иисус Христос), правая рука в благословляющем жесте, левая держит Евангелие. Образ окаймлен текстами Священного Писания. На оборотной стороне библейский полководец

Иисус Навин преклонил колени перед архангелом Михаилом, архистратигом небесного воинства, а идущая по краю знамени надпись объясняет смысл библейского сюжета.

Русские знамена XVI—XVII вв. кроились косынею. Часто знамя обшивалось каймой. Размеры, как правило, были очень значительными: знамя Ивана Грозного, с которым он ходил на Казань в 1552 г., имеет длину около 3 м, высоту по древку 1,5 м. Для ношения знамени назначались 2—3 человека, древко втыкалось в землю. Еще больше стяг Ивана Грозного 1560 г. Подобные знамена имелись и у Алексея Михайловича, например знамя, с которым он ходил на Смоленск, Вильно, Ригу, сделано из тафты червчатого цвета, с ликом Иисуса Христа, образ которого, вышитый тончайшими нитями, похож на икону.

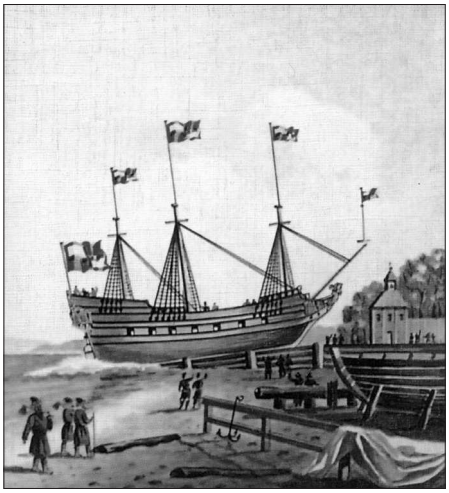
Подобным знаменам воздавались большие почести, они освящались патриархом по чину икон.

Среди подобных знамен нет такого, которое могло бы быть охарактеризовано как государственное. «Государево», или знамя Большого полка, с которым обычно и участвовал в военных действиях царь, — царский стяг. Существовало ясачное (белое) знамя с изображением двуглавого орла. Религиозные сюжеты, как правило, уступали место светским, когда речь шла о создании государственной атрибутики, используемой при сношениях с иностранными державами.

Здесь мы подходим к вопросу о флаге корабля «Орел». Обстоятельства его постройки известны: по ходатайству одной из персидских купеческих компаний, которая желала перевозить в Западную Европу товары через Россию, последняя за вознаграждение согласилась охранять товары во время пути. Для этого надо было построить суда, способные эту охрану осуществить во время плавания по Каспийскому морю и по Волге. Так были заложены корабль, впоследствии названный «Орел», яхта, бот и две шлюпки. Подробно о подготовке строительства корабля, о трудностях, постоянно возникавших с его оснащением, подбором команды и т. д., рассказывается в архивном деле «О строении в селе Дединове корабля "Орла" и других мореходных судов». Документы скрупулезно освещают действия многих людей — русских и иностранцев, привлеченных к осуществлению грандиозного проекта царя Алексея Михайловича.

В документах среди многочисленных запросов, требований и т. д., в частности, отмечалось: Сибирскому приказу «велено прислать из меновных товаров 310 аршин киндяков да 150 аршин тафть черчатых, белых, лазоревых к карабельному делу на знамена и на яловчики» (вымпелы). Кораблю по приказанию царя 24 апреля 1669 г. было «велено прозванье дать Орлом; капитану с товарыщи велено в Посольском приказе поставить на носу и на корме по орлу, и на знаменах и на еловчиках нашивать орлы же».

Многие считают, что именно с этого распоряжения царя следует вести отсчет нынешнего государственного флага. Однако достоверно неизвестно, каким был флаг и в какой степени можно говорить об этом флаге как о государственном, какого цвета орлы нашивались на полотнище и на яловчиках. Можно предположить,



Спуск на воду корабля «Орел».
Художник В. И. Овчинников

что на «Орле» был поднят флаг с двуглавым орлом, помещенным на полосное полотнище (бело-сине-красное).

Случайным ли явился выбор цветов для первого корабельного российского флага? Вероятно, Алексей Михайлович в этом вопросе прислушался к мнению специалистов-голландцев, к тому же воспользовался своеобразным «пособием» под названием «Писание о зачинании знак и знамен или прапоров». Автор этого труда дает мировую историю знамен, начиная с библейских времен, и рассказывает о знаменах евреев, греков, римлян. Заканчивается справка вполне реальными рисунками существовавших в XVII в. флагов — английского, датского, шведского, голландского — полосного красно-бело-синего.

Возможно, подобный флаг был также на «Орле», но Петр I изменил расположение полос, оставив белый, синий и красный цвета.

РОССИЙСКИЙ ТРИКОЛОР: МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Бело-сине-красный полосный стяг является знаковым символом Российской Федерации, известным всему миру. Однако его история до сих пор остается малопонятной большинству жителей самой России. Особенно много споров возникает по поводу его цветовой гаммы, трактовка которой чрезвычайно разнообразна и порой мифологична. Официального «разъяснения» цветов государственного флага — символа суверенитета РФ, утвержденного Федеральным конституционным законом, принятым Государственной думой 8 декабря 2000 г., не имеется. Отсутствует описание цветов и в Указе Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 1994 г. «О Дне Государственного флага Российской Федерации». Этот указ был издан в связи с установлением праздника в честь Государственного флага РФ, который отныне отмечается 22 августа. В преамбуле подчеркивается историческая значимость флага: «В связи с восстановлением 22 августа 1991 г. исторического российского трехцветного государственного флага, овеянного славой многих поколений россиян, и в целях воспитания у нынешнего и будущих поколений граждан России уважительного отношения к государственным символам…»[1]

Флаг, о котором идет речь в указе, бесспорно, исторический. Однако был ли он государственным, то есть официально зафиксированным в подобном статусе?

Обратимся к истории. Реформы середины XIX в., которые проводил Б. В. Кёне, управляющий Гербовым отделением только что созданного Департамента геральдии Сената, в отношении гербов Российского государства, включали в том числе и создание государственного флага. Упорядочение имперской геральдической атрибутики в значительной степени обусловливалось стремлением упрочить основы монархической власти в России. Каким бы либералом и гуманистом не представлялся Александр II, он был монархом, сыном своего отца, императора Николая I, при котором появился российский Государственный гимн «Боже, Царя храни» и который неоднократно выражал свои претензии по поводу недостаточности монархической символики, в частности в городских гербах.

Александр II утвердил Государственный флаг 11 июня 1858 года. В Полном собрании законов Российской империи он обозначен следующим образом: «Описание Высочайше утвержденного рисунка расположения гербовых цветов Империи на знаменах, флагах и других предметах, употребляемых для украшений при

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 20.08.1994 г. № 1714.

торжественных случаях. Расположение сих цветов горизонтальное, верхняя полоса черная, средняя желтая (или золотая), а нижняя белая (или серебряная). Первые полосы соответствуют черному Государственному орлу в желтом или золотом поле, и кокарда из сих двух цветов была основана Императором Павлом I, между тем как знамена и другие украшения из сих цветов употреблялись уже во времена царствования императрицы Анны Иоанновны. Нижняя полоса (белая или серебряная) соответствует кокарде Петра Великого и Императрицы Екатерины II. Император же Александр I после взятия Парижа в 1814 г. соединил правильную гербовую кокарду с древнею Петра Великого, которая соответствует белому или серебряному всаднику (Св. Георгию) в Московском гербе»[2].

Патриотическая пресса высокопарно описывала действия монарха, «создавшего» Государственный российский флаг. Один из известных апологетов-монархистов Е. Н. Воронец, например, писал позднее: «Соответственно же высокознаменательному государственному значению Российского герба, проявление его единодушно с Царем всеми гражданами государства Русского узаконил славный Царь-Освободитель Император Александр II. Именно в годы светлого возрождения России после тяжкого Севастопольского погрома, в годы высокого подъема Русского народного духа, Царь-Освободитель наш, Император Александр II для всенародного проявления Российского герба в его упрощенной символизации издал в 1858 году закон, установляющий, чтобы все "знамена, флаги и другие предметы, употребляемые для украшения при торжественных случаях, были из Гербовых цветов Империи Русской"»[3].

Черно-желто-белый флаг после царского указа называли «гербовым народным флагом» подобно тому, как гимн «Боже, Царя храни» — «народной русской песней». Ярые защитники «русского самодержавства» считали, что ни о каком флаге, кроме как узаконенного императором в качестве государственного, речь идти не может: народ и власть должны быть едины.

Тем не менее в то же самое время бело-сине-красное полотнище все чаще позиционировалось как «русский национальный флаг». Такими флагами был украшен Париж, когда его посетил российский император для заключения мира после Крымской кампании 1856 г., причем французские газеты так и именовали его — «русский национальный флаг»[4]. Бело-сине-красные стяги все чаще появлялись на улицах российских городов, по крайней мере столичных: ими был окружен памятник А. С. Пушкину к его дню рождения в 1880 г., памятник гренадерам, павшим под Плевной. В последнее десятилетие XIX в. бело-сине-красный флаг сопровождал ярмарки, другие народные праздники, вывешивался на зданиях, для чего были сде-

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIII. СПб., 1860. Отд. 3. Приложение № 33289.

[3] *Воронец Е. Н.* Четырехсотлетие Российского Государственного герба. Харьков, 1898. С. 46.

[4] *Белавенец П. И.* Изменение Российского Государственного герба в императорский период // Вестник Императорского общества ревнителей истории. Вып. II. Пг., 1915. С. 80.

ланы особые гнезда под древки. В русско-японскую войну его можно было видеть и в войсках.

Следует заметить, что примерно до 70-х гг. XIX в. одновременное существование двух флагов в стране особенно не было заметным, так как здания не принято было украшать флагами (их украшали коврами, которые вывешивались на балконах, гирляндами и прочими атрибутами). Однако в конце концов прогрессивная общественность отреагировала на подобную двойственность государственного флага. Например, почетный академик Петербургской Академии наук, автор известного «Толкового словаря живого великорусского словаря» Владимир Иванович Даль задался вопросом о цвете российского Государственного флага. Он писал: «Все народы Европы знают цвета, масти, краски свои — мы их не знаем и путаем, подымая разноцветные флаги невпопад. Народного цвета у нас нет; цвет армии — зеленый и алый; казенный цвет — военный, георгиевский: белый, жаркой, черный (серебро, золото, чернь) и этот же цвет значков (кокард); знамена наши и крепостные флаги разноцветные; морской военный флаг — белый с Андреевским крестом; торговые — белый, синий, красный, вдоль. Какие же цвета подымать и носить на себе, какими украшать здания и пр. при мирных народных торжествах?»[5]

На бело-сине-красный стяг обратил внимание император Александр III, подписавший в 1882—1883 гг. законы о Большом, Среднем и Малом гербах Российской империи. В 1883 г. речь зашла о праздновании коронации монарха, однако «явилось недоразумение» — «…какие флаги могут быть допущены для украшения столицы в дни торжеств Священного коронования…» Возникло же недоразумение потому, что в параграфе 8 «Правил, Высочайше утвержденных о порядке празднования дня Священного коронования», было лишь сказано, что жителям дозволяется украшать дома флагами, но не было определено, какими именно. Тогда министру внутренних дел графу Д. А. Толстому было объявлено о желании «в русской столице… видеть национальные флаги».

28 апреля 1883 г. появилось законодательное распоряжение Александра III следующего содержания: «Полиция наблюдает, чтобы в тех торжественных случаях, когда признается возможным дозволить украшение зданий флагами, был употребляем исключительно русский флаг, состоящий из трех полос: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цветов; употребление же иностранных флагов допускается лишь по отношению к зданиям, занимаемым посольствами и консульствами иностранных держав»[6].

Как видим, в этом царском распоряжении не говорится об узаконении бело-сине-красного стяга, который называется лишь «исключительно русским», «национальным». Однако позднее, в материалах Особого совещания по вопросу о русских национальных цветах, обнаружился документ, более или менее конкретизирующий

[5] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1991. С. 535.

[6] Цит. по: *Белавенец П. И.* Указ. соч. С. 81; *Николаев Н. Г.* Национальный флаг. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. II. СПб., 1899. С. 5.

распоряжение императора о бело-сине-красном флаге. Оказалось, что утверждение Александром II черно-желто-белого флага «состоялось по словесному докладу Министра императорского двора графа В. Адлерберга без каких-либо указаний на иные флаги». Другое дело — процедура выбора Александром III «национального флага». «Из письменного Всеподданнейшего доклада, находящегося в деле, Совещание усмотрело, что Министр Внутренних дел статс-секретарь граф Толстой представлял к Высочайшему утверждению два флага: черно-оранжево-белый и бело-сине-красный, первый — как национальный и второй — как торговый, и что Государь Император избрал из них последний флаг, называя его исключительно русским, и тем, казалось бы, окончательно разрешил вопрос о единстве нашего государственного народного флага». Граф Толстой подписал этот документ, наложив следующую резолюцию: «Государь Император повелел иметь повсеместно в империи один единообразный флаг, состоящий из цветов белого, синего и красного»[7].

В общественном сознании бело-сине-красный флаг еще ранее позиционировался как символ русский, народный. В одном журнале, например, были помещены проекты народного флага. Предлагалось изобразить его в цветах мужицкого праздничного кафтана: синее поле, пересеченное узкой красной полосой. Материалы Особого совещания свидетельствуют, что большое значение придавалось проявлениям народной жизни, а также природе России. В частности, отмечался такой факт: «Великороссийский крестьянин в поле и в праздник ходит в красной или синей рубашке, малоросс и белорус — в белой, бабы русские рядятся в сарафаны тоже красные и синие». Подчеркивалось, что о красном цвете в русском языке существует много пословиц, много определений и поговорок, однако в поговорках «видно уважение и к белому цвету». Таким образом, по мнению членов Особого совещания, подобные примеры использования народом указанных цветов являлись доказательством, что «для эмблематического выражения наружного вида России необходимо употребить цвета: белый, синий и красный»[8].

Однако приводились и более научные доводы — исторические деяния Петра Великого, в результате которых появился бело-сине-красный стяг.

Судя по имеющимся публикациям документов, особенно на этом факте настаивали участники второго Особого совещания о российском национальном флаге, хотя и первое Особое совещание 1896 г. очень остро поставило вопрос о цветах национального флага. Председательствовал на совещании генерал-адъютант К. Посьет. Участвовали в нем в основном чиновники — представители Министерства иностранных и внутренних дел, министерств морского, финансов и юстиции. Предварительно была проведена работа по изучению истории происхождения флагов вообще и русских в частности. Проанализировав исторический материал, участники совещания пришли к выводу об отсутствии каких-либо специфических

[7] Высочайше учрежденное при Министерстве юстиции Особое совещание. Материалы. Журнал № 3. С. 25.

[8] Там же. Журнал № 4. С. 32—33.

национальных цветов: «…разнообразны были цвета как кокард и гербов, так и знамени, и как легко эти цвета менялись. Не было цветов, которым бы отдавалось предпочтение и которые бы имели значение государственных. Поэтому о четырехвековом существовании каких-либо цветов в качестве российских государственных, как утверждают авторы брошюр и газетных статей, доказывающих историческое значение цветов черного, оранжевого и белого, и речи быть не может»[9].

Решительно отвергнув черно-желто-белый цвета для национального Российского флага, участники совещания высказали желание видеть в этом качестве петровский бело-сине-красный стяг. Резолюция гласила: «Совещание пришло к единогласному убеждению, что флаг бело-сине-красный имеет право называться Российским или национальным и цвета его белый, синий и красный именоваться государственными; флаг же черно-оранжево-белый не имеет к тому ни геральдических, ни исторических основ. Флаг бело-сине-красный должен быть единым для всей Империи, не исключая и Финляндию»[10].

29 апреля 1896 г. Николай II утвердил доклад великого князя генерал-адмирала Алексея Александровича, в котором содержались выводы Особого совещания о цветах используемых в России флагов, и повелел: объявить теперь же, что национальным флагом должен почитаться во всех случаях флаг бело-сине-красный, и другие флаги допускаемы быть не должны. Об этом на следующий же день Военное ведомство издало свое распоряжение с указанием «прежние флаги обратить в продажу, в пользу казны, на местах хранения»[11].

Однако общественное мнение, а именно публикации в прессе, не стало более однозначным. Защитники монархических устоев решительно выступали за черно-желто-белый российский флаг, в котором они видели защиту от надвигающихся революционных перемен, всячески его пропагандируя: «Значение этого флага у нас в России всегда было и будет: “За Царя и Отечество!” (В другом варианте: “За Веру, Царя и Отечество!”)»[12].

Отдельные сторонники бело-сине-красного стяга в начале XX в. также старались вопреки логике его возникновения в России, к которой апеллировали участники Особого совещания, объяснить символику его цветов церковными образами, моральными категориями и т. д. Например, в книге А. И. Успенского приводились сведения о том, что якобы синие и белые цвета выбрала себе Русская православная церковь, а голубой считался цветом Богородицы. Белыми же называл народ свою веру, царя и Отечество. По русским «обиходным» понятиям XVII—XVIII вв. красный («жаркой») символизировал отвагу, войну, защиту веры и бедных людей,

[9] Высочайше учрежденное при Министерстве юстиции Особое совещание. Материалы. Журнал № 1. С. 8—9.

[10] Там же. Доклад генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича. С. 34.

[11] *Николаев Н. Г.* Указ. соч. С. 3—4.

[12] *Белинский В. Е.* Реформа русского национального флага // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 286; *Он же*. Русский национальный цвет // Биржевые ведомости. 1912. № 12717.

героизм, великодушие, кровь, самопожертвование, огонь, смертный бой. Синий — небо, целомудрие, верность, духовность, веру. Белый — «нетленное совершенство», мир, чистоту, правду, благородство, совершенство, невинность[13].

В журнале «Родина» за 1990 г. помещена статья Д. Раскина «Русский флаг», к которой приложены рисунки вышеописываемых флагов с подписями: около черно-желто-белого флага написано «Государственный флаг (1858—1883)»; а около бело-сине-красного — «Государственный флаг Российской империи (1883—1917)»[14]. Таким образом, автор (или редактор) устанавливает определенную хронологическую сменяемость Государственного российского флага. Если бы это было так, то вряд ли Николай II вторично собрал бы Особое совещание с той же самой целью, что и первое: «Для всестороннего и по возможности окончательного выяснения вопроса о государственных русских национальных цветах». Оно открылось в мае 1910 г. в Министерстве юстиции под председательством заместителя министра А. Н. Веревкина. В нем приняли участие не только чиновники ведомств, как в первом случае, но и специалисты по геральдике, нумизматике, архивному делу, хранители Оружейной палаты Ю. В. Арсеньев, В. К. Трутовский, знаток русских архивов Д. Я. Самоквасов, специалист по флагам П. И. Белавенец. Предлагались разные варианты национального русского флага (например, белое полотнище с изображением черного двуглавого орла). Белавенец в доказательство верховенства бело-сине-красного флага над всеми другими привез из Архангельска настоящий петровский стяг. Он так описывает раритет: «Флаг сделан из особой флажной материи ("флагдуха"), из которой делаются все флаги и сейчас. Полотнище его, представляющее квадрат по 6 аршин в стороне, имеет три горизонтальных полосы: верхняя — белая, средняя — синяя и нижняя — красная. Полосы равной ширины. На флаге вшит из этой же материи, захватывая все три полосы, желтый орел. У него на груди масляною краской нарисован красный щит с изображением св. Георгия Победоносца. Святой Георгий — белый на белом коне, колет золотым копьем зеленого змия, поворот фигуры "церковный", то есть в правую сторону щита»[15].

Отреставрировав петровский стяг и поместив его в один из петербургских музеев, Белавенец в итоговом документе второго Особого совещания 1911 г. писал: «На корабле "Орел" военный флаг был сшит из цветов красного, белого и синего, и в них был вшит орел, вероятно, желтый. В 1693 г. употреблялся на судах военных в Белом море флаг трехполосный, бело-сине-красный и в нем вшит желтый орел. В 1695 г. при взятии Азова на кораблях были флаги, подобные третьему флагу книги Алярда ("третий флаг — квадратное полотнище с прямым синим крестом, первая и четвертая четверти — белые, вторая и третья — красные". — *Алярд К.* Книга

[13] *Успенский А. И.* Писание о зачинании знаков и знамен или прапоров. М. 1904. С. 13.

[14] *Раскин Д.* Русский флаг // Родина. 1990. № 3. С. 43.

[15] Цит. по: *Белинский В. Е.* Русский национальный флаг и его реформа // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 9. С. 143.

о флагах. СПб., 1911. С. 53—54) и тех же белого, синего и красного цветов. В 1699 г. во время Керченского похода суда имели флаги трехполосные бело-сине-красные без орла…»[16]

Белавенец имел предшественников в описании как флага корабля «Орел», так и флагов других кораблей русского флота, построенных в Голландии и России в самом конце XVII в. Так, например, в Описных книгах морских судов, опубликованных С. Елагиным в 1698—1699 гг., несколько раз упоминаются бело-сине-красные цвета судовых флагов: «знамя, которое к морскому пути надобно, бело-сине-красное»; принято на корабль «гарусу на знамена белого… лазоревого… красного»[17].

Второе Особое совещание, в отличие от первого, выбравшего бело-сине-красный флаг почти единогласно, не было единодушным в вопросе о государственном флаге. Активный участник совещания, Белавенец и 1915 г. сообщил следующее: голоса участников совещания разделились, большинство было за введение общим флагом «нового флага по гербу», но «вверх ногами, то есть получался бы флаг бело-желто-черный». Однако сам Белавенец и ряд присоединившихся к нему членов совещания категорически настаивали на бело-сине-красном стяге. Вынесенное заключение «не удостоилось высочайшего окончательного решения». Подготовка к Первой мировой войне, а затем и ее начало приостановили работу «по выбору» «государственных цветов, а также национального флага». Циркуляр Министерства внутренних дел 1914 г. предписывал во время манифестаций использовать флаг, демонстрировавший по сути дела мифическое единство русского общества и монархической власти — царя с народом. Флаг представлял собой симбиоз двух флагов: бело-сине-красное полотнище в крыже (верхнем углу у древка) несло желтый квадрат с черным двуглавым орлом.

Хотя бело-сине-красный флаг (в отличие от черно-желто-белого) официально не имел статуса Государственного российского флага, тем не менее в русском обществе к началу XX в. сложилась тенденция называть бело-сине-красный флаг национальным (русским).

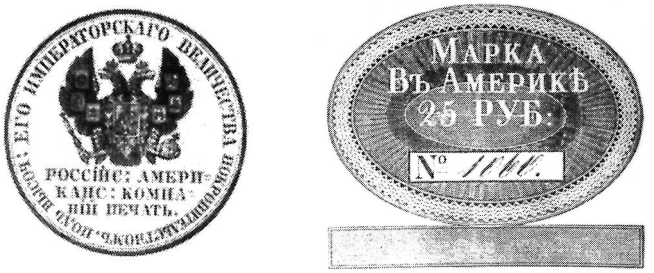
В апреле 1917 г. на заседании Юридического совещания при Временном правительстве по поводу употребления Государственного герба и национального флага присутствующие пришли к заключению, что поскольку в национальном бело-сине-красном флаге не усматривается никаких монархических эмблем, то надо его сохранить и почитать русским национальным флагом. Это заключение Юридическое совещание постановило представить «на суд Временного правительства»[18]. (Как известно, Временное правительство утвердило лишь собственную печать.)

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[16] Высочайше учрежденное при Министерстве юстиции Особое совещание для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах. Приложение к протоколу заседания Особого совещания 12 марта 1911 г. СПб., 1911. С. 7—8.

[17] *Елагин С.* История русского флота. Период Азовский. Приложение. Ч. 1. СПб., 1864. С. 127, 293 и др.

[18] *Вилинбахов Г. В.* Герб и флаг России. СПб., 2004. С. 40, 42.



Марка Российско-американской компании — 25 рублей

Большевики также озаботились проблемами национального флага России. Я. М. Свердлов на заседании ВЦИК 8 апреля 1918 г. заявил: «До сих пор национальный флаг остается трех цветов, правда, никто его не употребляет, но в настоящее время, когда приходится отправлять своих послов за границу, например, в Вену и Германию и другие (страны), над русским посольством должен развеваться национальный флаг, и без нашего решения его невозможно вывесить»[19].

В результате был принят Декрет о флаге Российской республики, в качестве которого утвердили боевой красный стяг, названный и национальным, и государственным.

Таким образом, к началу XX в. было научно установлено, что бело-сине-красный флаг возник в качестве корабельного в 70—90-е гг. XVII в. и толчком к его появлению был, скорее всего, корабль «Орел». Кроме того, существовала версия о влиянии красно-бело-синего голландского флага на петровский бело-сине-красный флаг. Об этом говорили и участники первого Особого совещания, и отдельные участники второго Особого совещания. В частности, Белавенец отметил, что «художник-голландец в силу патриотических чувств мог изобразить флаг "Орла" по типу голландского»[20].

Американский историк Роберт Масси позднее писал о реакции Петра I на присланный ему заказанный в Голландии 44-пушечный фрегат: «Кроме пушек и роскошного убранства этот фрегат доставил в Россию еще один дар Европы. Когда судно встало на якорь в Архангельске, на корме его развевался огромный красно-бело-синий флаг Голландии. Петр, восхищенный кораблем и каждой его деталью в отдельности, немедленно решил, что флаг его флота должен быть похож на этот. Поэтому он взял за образец голландский флаг — три широкие горизонтальные полосы: сверху красная, посредине белая, внизу синяя — просто поменял их местами. На русском флаге белый цвет оказался вверху, под ним синий и красный»[21].

Следует, однако, заметить, что Петр I, увлеченный морским делом, постройкой кораблей, переоснащением русской армии, впервые увидел море и иностранные

[19] *Свердлов Я. М.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1959. С. 188.

[20] *Белавенец П. И.* Материалы по истории русского флота. М.; Л. 1940. С. 46.

[21] *Масси Роберт К.* Петр Великий. Т. 1. Смоленск, 1996. С. 215.

корабли — английские, голландские, немецкие, путешествуя в 1693 г. в Архангельск. Каждый из кораблей имел флаг страны, порта приписки или торговой компании. Это были яркие разноцветные стяги с разноцветными полосами или с цветными крестами. Причем полосы располагались на полотнище флага в различном «наборе». Варианты корабельных флагов были созданы этим русским государем в соответствии с нормами своего времени. Гравюры Петровской эпохи, изображающие осаду и взятие Азова в конце XVII в., свидетельствуют, что на русских кораблях развевались «крестовые» и «полосные» стяги разных цветов, подобные тем, что украшали суда европейских морских держав[22].

Ни Белавенец, ни поддерживавшие его современники, не заблуждались относительно функциональных качеств бело-сине-красного флага, считая, что и трехполосный флаг и «стандарт во образе креста святого Андрея» «потребны для морского хода», но вовсе не претендуют на роль общегосударственного и национального символа, чего не хотел и сам Петр Великий при их составлении. Напротив, защитники черно-желто-белого стяга видели в нем древний русский символ, который по праву занял государственную нишу. Е. Н. Воронец, верноподданный харьковчанин, возлагавший большие надежды на торжество царизма и его символа в виде черно-желто-белого флага, с радостью воспринимал дискуссии второго Особого совещания, восклицая, что они (дискуссии) дают радостную надежду «на скорое восстановление в публичной практике употребления экспроприированного у русских людей ярыми космополитами древнего законного символа великой мировой самобытной Русской державы. И время теперь всем русским людям вспомнить истинное происхождение и великое значение этого нашего черно-желто-белого государственного, отличительного русского символа»[23].

В годы Великой Отечественной войны снова обратились к толкованию «национальных русских цветов», что вполне закономерно объясняется патриотическим настроем граждан. Н. Н. Семенович, автор книги «История русского военно-морского флага», выпущенной в Ленинграде в 1946 г., по сути дела отвергает «голландскую» версию, по-видимому, как «космополитскую». Анализируя цвета одного из крестовых судовых флагов Петра Великого, он высказывает следующие соображения: «синий цвет для креста — так как мантия св. Георгия Победоносца в гербе города Москвы — синяя; белый и красный поля флага (первая и третья, вторая и четвертая четверти), так как поле герба красное, а конь Св. Георгия Победоносца белый»[24].

Однако цветовая гамма московского герба, о которой пишет Семенович, не могла оказать влияние на петровский флаг. По архивным данным, титулярникам, знаменным гербовникам и т. д. прослеживается появление геральдической «рас-

[22] *Алексеева М. А.* Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 21; *Макаров В. К.* Русская светская гравюра первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 218.

[23] *Воронец Е. Н.* Как произошли и что означают черный, желтый и белый цвета русской государственной символики. Харьков, 1912. С. 4.

[24] Цит. по: *Дегтярев А. Я.* История российского флага. М., 2000. С. 57.

краски» многих городских гербов, в том числе и московского. Цвета городским гербам впервые устанавливались в Герольдмейстерской конторе, созданной Петром I в 1722 г. «Приволока» — мантия всадника московского герба первоначально была золотой, хотя конь действительно изображался серебряным (белым цветом). Лишь в конце XVIII в. «приволока» стала официально «лазуревой» (синей), так что говорить о «глубинной цветовой (бело-сине-красной. — *Н. С.*) традиции России», которую якобы использовал Петр I, просто ненаучно.

Вряд ли стоит относиться к бело-сине-красной цветовой гамме как к «российскому национальному явлению»[25], беря этот фактор за основу при объяснении цветов нашего флага. Бело-сине-красные цвета характерны, например, для флага США, многих других стран Северной, Южной и Центральной Америки, а также для государств Азии и даже Африки, не говоря уже о странах Европы, о чем наглядно свидетельствует, в частности, прекрасная карта «Гербы и флаги государств мира»[26].

Известно, что в XIX в., в эпоху формирования политической символики как особой категории символов, возникшее в Европе панславистское движение «узурпировало» бело-сине-красные цвета флагов[27]. Некоторые из стран сохраняют эти цвета своих флагов до сих пор (Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия). Правда, в новый и новейший период практически уже никто не обращается к толкованию цветов, которое так широко было распространено в средневековье. Об этом сообщается во многих современных энциклопедиях, справочниках и словарях по символике и эмблематике[28]. Подчеркивается, что в XX в. о средневековой цветовой символике стали постепенно забывать, хотя некая «цветовая кодификация» (белый, черный, красный, пурпурный, синий, желтый, зеленый цвета) «демонстрирует древнюю символическую власть» и над современным человеком[29].

Национальные флаги и эмблемы, по мнению политологов, являются самыми известными символами коллективной идентичности, «которые служат выражению патриотизма и единства граждан, олицетворяемых ими стран»[30], способствуют усилению общественного внимания как к государственной символике в целом, так и конкретно к национальным флагам. Во многих странах они являются государственной святыней.

В качестве примера можно указать на значимость в американском обществе национального флага, который в рамках понятия «политическая культура» относится к числу «невербальных идеальных символов». Трактовка цветов флага

[25] *Дегтярев А. Я.* Указ. соч. С. 56.

[26] Гербы и флаги государств мира. Иллюстрированная карта. М., 2008.

[27] *Rabbow A.* Lexikon politischer Symbole. München, 1970. S. 182—184.

[28] *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М., 1995. С. 290—291; *Тресиддер Д.* Словарь символов. М., 2001. С. 400—401.

[29] *Гибсон К.* Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре. М., 2007. С. 17.

[30] Там же. С. 49.

приписывается Джорджу Вашингтону, который заявил: «Мы взяли звезды с Небес: красный цвет означал страну, откуда мы приплыли, белые полосы на красном — это символ того, что мы отсоединились от нее, а полосы будут символизировать свободу для будущих поколений». Тогда же одним из сторонников этой идеи были написаны знаменитые слова: «Я клянусь в верности моему флагу и республике, которую он представляет, — единой нации, неотделимой от свободы и справедливости для всех»[31].

Заложенный в трактовке американского флага смысл «республиканизма» перешел и на его цвета: синий, красный и белый — три цвета воспринимались в качестве республиканских цветов, и в данной трактовке американский государственный стяг оказал, как считают исследователи, влияние на флаги различных стран мира[32].

Что касается российского флага, то, повторяя высказывания еще дореволюционных историков, к нему зачастую применяют термин «торговый», противопоставляя тем самым и морскому Андреевскому флагу, и советскому красному флагу, хотя относительно его применения в военных действиях, например в Северную войну, имеются как изобразительные, так и письменные сведения современников.

Не случайно полосный бело-сине-красный флаг с золотым двуглавым орлом посредине, площадью примерно 6 кв. м хранился в Стокгольме еще в начале XX в. среди других военных флагов, взятых шведами у русских в проигранном Петром I Нарвском сражении 1700 г. Судя по гравюрам петровского времени, военные корабли, например «Предестинация», украшались трехцветными полосными флагами[33], а вымпелы в военно-морском флоте на кораблях и галерах сохраняли бело-сине-красные цвета в течение всего XVIII в. Показательно, что в напечатанной в Киеве в 1709 г. таблице флагов («Изъявление морских флагов»)[34], отредактированной царем и снабженной его комментариями, около бело-сине-красного флага подписано: «Обычайно торговых и всяких российских судов флаг».

Действительно, в записи от 1 мая 1710 г. датский посланник Юст Юль указывал: «Все прочие обыкновенные суда: флейты, галиоты, ладьи и так называемые

[31] *Легойда В. Р.* Символы и ритуалы в политических процессах в США: традиции и современность (феномен гражданской религии): Дис. … канд. полит. наук. Рукопись. М., 2000. С. 135.

[32] Следует заметить, что трехцветные флаги — «триколоры» — существовали и ранее американского. Самым ранним считается флаг Нидерландов XVI в. с горизонтальными полосами оранжевого, белого и синего цветов. В 30-е гг. XVI столетия оранжевая полоса была заменена на красную. Самым знаменитым «триколором» является французский флаг с вертикальными полосами, появившийся в период Революции в 1789 г. Первоначально полосы располагались в порядке: белый — синий — красный, но с 1794 г. порядок расположения полос изменился: флаг стал красно-бело-синим и символизировал принципы «свободы, равенства, братства». *Smith W., Neubecker O.* Wappen und Flaggen aller Nationen. Battenberg, 1981. S. 87, 151, 253—254.

[33] *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990.

[34] Изъявление морских флагов. Киевские листы (Флаг, то есть знамя, которое ставится на корме, а гуис — на носу на бухсприте) всех государств вселенныя. Гридоровано в Киеве 1709 году. Без подписи. 1709.

карбасы, назначенные к отправлению под Выборг с провиантом, орудиями, боевыми припасами, несут трехполосные бело-сине-красные флаги и красные флюгарки»[35].

Современному читателю малоизвестны факты широкого использования в эпоху петровских преобразований и военных побед бело-сине-красного стяга, который, кстати, можно было видеть в войсках и в русско-японскую войну. Он (читатель), не анализируя специальную ограниченно доступную дореволюционную литературу по вексиллологии, скорее всего усвоил «лежащую на поверхности» версию и о изначальном торговом предназначении бело-сине-красного флага, и о его якобы заимствовании из Голландии, на чем, противопоставляя его «исконному» черно-желто-белому флагу, настаивали некоторые авторы[36]. Отзвуки подобной характеристики Государственного флага Российской Федерации слышны и в сегодняшней псевдопатриотической риторике.

Как «западное изобретение» рассматривают бело-сине-красный флаг некоторые иностранные социологи и политологи. В частности, Пол Колстё трактует трехполосный флаг Российской Федерации не как «царистский», а как «прозападный»[37].

При этом не учитывается тот факт, что с последней четверти XIX в. российские императоры, используя в различных церемониях черно-желто-белое полотнище флага, все же признавали за бело-сине-красным флагом его свойство считаться национальным и общероссийским, а в общественном сознании он позиционировался как народный символ.

Между двумя революциями (1905—1917 гг.) появилось множество флагов с новой, демократической эмблематикой[38]. Однако новые знамена не вытеснили бело-сине-красный стяг, под которым проходили патриотические манифестации и «праздники свободы»[39].

Хотя бело-сине-красный флаг (в отличие от черно-желто-белого) официально не имел статуса государственного, тем не менее в российском обществе начала XX в. уже существовала тенденция называть его если не государственным, то

[35] Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1900. С. 189.

[36] См., напр.: *Белинский В. Е.* Русский национальный флаг и его реформа. С. 151. «Следует прийти к несомненному выводу, что русский национальный цвет должен быть тождественен с цветом Государственного герба и Императорского штандарта, усвоившими черную финифть и золотой металл, и что цвета бело-сине-красные не имеют ничего или весьма мало общего с ними, как внесенные к нам с Запада, а потому, как новые, чужды старой России…» Можно привести и противоположное мнение, высказанное специалистом в области знаменоведения П. И. Белавенцем: «Бело-сине-красный флаг был общим национальным с самых первых дней Петра… бело-сине-красные цвета… более русские, чем черные и желтые, заимствованные от Ордена Немецкого…» (*Белавенец П. И.* Введение // *Алярд К.* Книга о флагах. С. XXXI—XXXII).

[37] *Kolstø P.* Nationale Symbole in neuen Staaten // Osteuropa. 53 Jg. 2003. № 7. S. 1009.

[38] *Корнаков П. К.* Опыт привлечения вексиллологического материала: Символы и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 356—365.

[39] *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. СПб., 2002. С. 95—99.

Рисунок флага Российско-американской компании

национальным. Даже большевистские руководители считали его таковым. Я. М. Свердлов, например, в 1918 г. подчеркивал, что национальный флаг России «остается трех цветов».

В этом качестве он закрепился в сознании определенной части россиян, прежде всего покидавших Россию после 1917 г. Некоторые исследователи приписывают бело-сине-красному флагу функции военного флага в Гражданскую войну.

В историографии существует мнение, что именно бело-сине-красный флаг символизировал начало Белого движения в России, поскольку 1-й Кубанский («Ледяной») поход, который возглавлял ударный корниловский полк под командованием генерала Л. Г. Корнилова (февраль 1918 г.), шел под бело-сине-красным флагом, на полотнище которого было начертано слово «Отечество». В Гражданскую войну якобы бело-сине-красный флаг как символ Белого движения противостоял красному флагу.

Значимость бело-сине-красного флага в качестве военной святыни Белого движения в исследованиях известных специалистов, изучавших стяги этого времени, подвергается сомнению. Так, известный знаток знамен и символов Февральской революции и Гражданской войны П. К. Корнаков пишет: «Характерно, что сам по себе бело-сине-красный флаг в качестве основы для боевого знамени почти не употреблялся (известно, что бело-сине-красные боевые знамена были лишь в некоторых частях Северо-Западной армии), единичные случаи его применения известны и на Юге России. В Вооруженных силах Юга России он был введен как обязательный элемент флагов для бронепоездов и был общим главным символом борьбы за Россию»[40]. Отличительным символом Добровольческой армии был трехцветный шеврон «национальных цветов — белого, синего и красного», который нашивался на левый рукав форменной одежды. Как эмблема Добрармии он изображался и на технике — бронепоездах, аэропланах и т. д.

В какой-то степени распространен аналогичный миф о бело-сине-красном триколоре и его значении в войну 1941—1945 гг. для «власовцев», рассчитанный на недостаточную историческую грамотность нашего общества. К сожалению, от подобного мифотворчества больше вреда, чем пользы, хотя надо признать, что в основе многих мифов лежат вполне конкретные факты, однако эти факты чаще всего далеки от их последующей интерпретации.

Какие бы страсти ни бушевали вокруг бело-сине-красного полотнища российского флага, нельзя забывать о том, что эти цвета связаны со становлением российского флота, признанием величия России многими странами. И «подарил» этот флаг России великий государь Петр I, деяния которого расцениваются всеми россиянами, где бы они ни находились, как подвиг.

[40] *Корнаков П. К.* Краски войны // Родина. 1990. № 10. С. 26—27.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РОССИЙСКОГО ТРИКОЛОРА: ФАКТЫ И МИФЫ

Государственный флаг России был утвержден Александром II 11 июня 1858 г. В Полном собрании законов Российской империи он обозначен следующим образом: «Описание Высочайше утвержденного рисунка расположения гербовых цветов Империи на знаменах, флагах и других предметах, употребляемых для украшений при торжественных случаях. Расположение сих цветов горизонтальное, верхняя полоса черная, средняя желтая (или золотая), а нижняя белая (или серебряная). Первые полосы соответствуют черному Государственному орлу в желтом или золотом поле, и кокарда из сих двух цветов была основана Императором Павлом I, между тем как знамена и другие украшения из сих цветов употреблялись уже во времена царствования Императрицы Анны Иоанновны. Нижняя полоса (белая или серебряная) соответствует кокарде Петра Великого и Императрицы Екатерины II. Император же Александр I после взятия Парижа в 1814 г. соединил правильную гербовую кокарду с древнею Петра Великого, которая соответствует белому или серебряному всаднику (Св. Георгию) в Московском гербе»[1]. После царского указа черно-желто-белый флаг стали называть «гербовым народным флагом». Ярые защитники «русского самодержавства» считали, что ни о каком флаге, кроме узаконенного императором в качестве государственного, речь идти не может: народ и власть должны быть едины.

В то же самое время бело-сине-красными стягами был украшен Париж во время его посещения Александром II для заключения мира после Крымской кампании 1853—1856 гг., а французские газеты писали тогда о трехполосном флаге как «русском национальном»[2]. В связи с чем следует отметить, что примерно до 70-х гг. XIX в. в Российской империи одновременно существовали два флага, хотя это и не было особенно заметным. Однако прогрессивная общественность не смогла не отреагировать на «двойственность» такого российского символа, каким является государственный флаг. Например, почетный академик Петербургской Академии наук В. И. Даль писал: «Все народы Европы знают цвета, масти, краски свои — мы

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1860. Т. XXXIII. Отд. 3. Приложение № 33289.

[2] *Белавенец П. И.* Изменение Российского Государственного герба в императорский период // Вестник Императорского общества ревнителей истории. Вып. II. Пг., 1915. С. 80.

их не знаем и путаем, подымая разноцветные флаги невпопад. Народного цвета у нас нет; цвет армии — зеленый и алый; казенный цвет — военный, георгиевский: белый, жаркой, черный (серебро, золото, чернь) и этот же цвет значков (кокард); знамена наши и крепостные флаги разноцветные; морской военный флаг — белый с Андреевским крестом; торговые — белый, синий, красный, вдоль. Какие же цвета подымать и носить на себе, какими украшать здания и пр. при мирных народных торжествах?»[3]

Тем временем бело-сине-красные стяги все чаще стали появляться на улицах российских городов, по крайней мере столичных: например, в Москве во время открытия памятника А. С. Пушкину (1880) и памятника гренадерам, павшим под Плевной (1887). Именно на этот триколор обратил особое внимание Александр III, в 1882—1883 гг. подписавший законы о Большом, Среднем и Малом гербах Российской империи. Когда в 1883 г. речь зашла о праздновании его коронации, то «явилось недоразумение» по поводу того, «какие флаги могут быть допущены для украшения столицы в дни торжеств». В параграфе 8 «Правил, Высочайше утвержденных о порядке празднования дня Священного коронования», говорилось лишь о том, что жителям дозволялось украшать дома флагами, но не определялось, какими именно. Тогда министру внутренних дел графу Д. А. Толстому было объявлено о желании «в русской столице… видеть национальные флаги». 28 апреля 1883 г. появилось законодательное распоряжение Александра III: «Полиция наблюдает, чтобы в тех торжественных случаях, когда признается возможным дозволить украшение зданий флагами, был употребляем исключительно русский флаг, состоящий из трех полос: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цветов»[4].

В этом царском распоряжении не говорится об узаконении бело-сине-красного стяга, который называется лишь «исключительно русским», «национальным». Однако позднее (в материалах второго Особого совещания по вопросу о русских национальных цветах 1910 г.) будет обнаружен документ, более или менее конкретизирующий распоряжение императора о бело-сине-красном флаге. Оказывается, утверждение Александром II черно-желто-белого флага «состоялось по словесному докладу министра императорского двора графа В. Адлерберга без каких-либо указаний на иные флаги». Другое дело — процедура выбора Александром III «национального флага»: «Из письменного Всеподданнейшего доклада, находящегося в деле, Совещание усмотрело, что Министр Внутренних дел статс-секретарь граф Толстой представлял к Высочайшему утверждению два флага: черно-оранжево-белый и бело-сине-красный, первый — как национальный и второй — как торговый, и что Государь Император избрал из них последний флаг, называя его исключительно русским, и тем, казалось бы, окончательно разрешил вопрос о единстве нашего государственного народного флага». Граф Толстой поставил на этом документе

[3] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1991. С. 535.

[4] Цит. по: *Белавенец П. И.* Указ. соч. С. 81; *Николаев Н. Г.* Национальный флаг // Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. II. СПб., 1899. С. 5.

резолюцию: «Государь Император повелел иметь повсеместно в империи один единообразный флаг, состоящий из цветов белого, синего и красного»[5].

В общественном сознании этот флаг и ранее позиционировался как символ русский, народный (при этом учитывались такие факторы, как быт народа, проявления его жизни и российская природа). Предлагалось, например, изобразить его в цветах мужицкого праздничного кафтана: синее поле, пересеченное узкой красной полосой. Частое использование указанных расцветок в повседневной жизни простых людей становилось доказательством того, что «для эмблематического выражения наружного вида России необходимо употребить цвета: белый, синий и красный»[6].

Знаковым при обсуждении рассматриваемой проблемы было Высочайше учрежденное при Министерстве юстиции Особое совещание для вопроса о русских государственных национальных цветах (март — апрель 1896 г.), на котором рассматривался вопрос о российском национальном флаге.

Проанализировав результаты предварительно проведенной работы по изучению истории происхождения флагов вообще и русских в частности, участники совещания пришли к заключению: «Разнообразны были цвета как кокард и гербов, так и знамен, и как легко эти цвета менялись. Не было цветов, которым бы отдавалось предпочтение и которые бы имели значение государственных… Поэтому о четырехвековом существовании каких-либо цветов в качестве российских государственных, как утверждают авторы брошюр и газетных статей, доказывающих историческое значение цветов черного, оранжевого и белого, и речи быть не может»[7]. В результате «совещание пришло к единогласному убеждению, что флаг бело-сине-красный имеет право называться Российским или национальным, и цвета его белый, синий и красный именоваться государственными; флаг же черно-оранжево-белый не имеет к тому ни геральдических, ни исторических основ. Флаг бело-сине-красный должен быть единым для всей Империи, не исключая и Финляндию»[8].

29 апреля 1896 г. Николай II утвердил доклад великого князя генерал-адмирала Алексея Александровича, в котором содержались выводы Особого совещания о цветах использовавшихся в России флагов и повелел объявить, что национальным флагом должен почитаться во всех случаях флаг бело-сине-красный, и другие флаги допускаемы быть не должны[9]. На следующий же день военное ведомство распорядилось «прежние флаги обратить в продажу, в пользу казны, на местах хранения»[10].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[5] Высочайше учрежденное при Министерстве юстиции Особое совещание для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах. Материалы заседаний. СПб., 1912. № 3. С. 25.

[6] Там же. Журналы заседаний. СПб., 1912. № 4. С. 32, 33.

[7] Там же. № 1. С. 8, 9.

[8] Там же. Доклад генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича. С. 34.

[9] *Николаев Н. Г.* Указ. соч. С. 3.

[10] Там же. С. 4.

В последнее десятилетие XIX столетия бело-сине-красный флаг, который стали вывешивать на зданиях, делая для этого особые гнезда под древки, сопровождал также ярмарки и многие народные праздники, а уже во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. его можно было видеть и в войсках.

В мае 1910 г. в Министерстве юстиции под председательством заместителя министра А. Н. Веревкина открылось второе Особое совещание «для всестороннего и по возможности окончательного выяснения вопроса о государственных русских национальных цветах». В нем приняли участие не только чиновники многих ведомств, но и знатоки геральдики, нумизматики, архивного дела, хранители Оружейной палаты Ю. В. Арсеньев, В. К. Трутовский, специалисты: по русским архивам — Д. Я. Самоквасов, по флагам — П. И. Белавенец. Предлагались разные варианты национального флага (например, на белом полотнище — черный двуглавый орел). Белавенец в доказательство приоритета бело-сине-красного флага над всеми другими привез из Архангельска настоящий петровский стяг, описав его так: «Флаг сделан из особой флажной материи ("флагдуха"), из которой делаются все флаги и сейчас. Полотнище его, представляющее квадрат по 6 аршин в стороне, имеет три горизонтальных полосы: верхняя — белая, средняя — синяя и нижняя — красная. Полосы равной ширины. На флаге вшит из этой же материи, захватывая все три полосы, желтый орел. У него на груди масляною краской нарисован красный щит с изображением св. Георгия Победоносца. Святой Георгий — белый на белом коне, колет золотым копьем зеленого змия, поворот фигуры "церковный", т. е. в правую сторону щита»[11].

Интересно, что до этого уже имелись описания как флага корабля «Орел», так и флагов других кораблей русского флота, построенных в Голландии и России в конце XVII в. Например, в опубликованных С. Елагиным «Описных книгах морских судов» за 1698—1699 гг. несколько раз упоминаются цвета судовых флагов: «знамя, которое к морскому пути надобно, бело-сине-красное»; принято на корабль «гарусу на знамена белого… лазоревого… красного»[12]. Применение русскими этого триколора уже во время Северной войны 1700—1721 гг. подтверждают как изобразительные, так и письменные источники. Судя по гравюрам петровского времени, военные корабли (например, «Предестинация») украшались трехцветными полосными флагами[13], а вымпелы в военно-морском флоте на кораблях и галерах сохраняли бело-сине-красные цвета в течение всего XVIII в. Показательно, что в напечатанной в Киеве в 1709 г. таблице «Изъявление морских

[11] *Белинский В. Е.* Русский национальный флаг и его реформа // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 9. С. 143.

[12] *Елагин С.* История русского флота. Период Азовский. Приложение. Ч. 1. СПб., 1864. С. 127, 293. См. также: *Соболева Н. А.* Предыстория возникновения Российского Государственного флага // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России. Материалы конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. Преображенского. М., 2010. С. 57.

[13] *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990.

флагов»[14], отредактированной царем и снабженной его комментариями, около бело-сине-красного стяга подписано: «Обычайно торговых и всяких российских судов флаг». А в «Записках» датского посланника при Петре I Ю. Юля от 1 мая 1710 г. отмечено: «Все прочие обыкновенные суда: флейты, галиоты, ладьи и так называемые карбасы, назначенные к отправлению под Выборг с провиантом, орудиями, боевыми припасами, несут трехполосные бело-сине-красные флаги и красные флюгарки»[15].

Второе Особое совещание, в отличие от первого, выбравшего бело-сине-красный флаг почти единогласно, не было единодушным по поводу Государственного флага. Белавенец вспоминал, что большинство высказалось за введение «нового флага по гербу», но «вверх ногами, т. е. получался бы флаг бело-желто-черный». Однако сам Белавенец и ряд присоединившихся к нему членов совещания категорически настаивали на бело-сине-красном стяге. К сожалению, принятое на совещании заключение «не удостоилось Высочайшего окончательного решения». Начавшаяся затем Первая мировая война (1914—1918) приостановила работу «по выбору государственных цветов, а также национального флага». Тем не менее, согласно циркуляру Министерства внутренних дел 1914 г., во время манифестаций предписывалось использовать флаг, демонстрировавший по сути мифическое единство русского общества и монархической власти — царя с народом. Это был симбиоз двух «конкурирующих» флагов: бело-сине-красное полотнище в крыже (верхнем углу у древка) несло желтый квадрат с черным двуглавым орлом. И хотя бело-сине-красный флаг (в отличие от черно-желто-белого) официально не имел статуса государственного, но в российском обществе уже тогда его называли национальным (русским).

Итак, в начале XX в. было научно установлено, что бело-сине-красный флаг возник в качестве корабельного флага в 70—90-е гг. XVII в. и толчок к его появлению дало, скорее всего, строительство корабля «Орел»[16]. Кроме того, выстраивалась версия о «влиянии» красно-бело-синего голландского флага на петровский бело-сине-красный, о чем говорили участники как первого Особого совещания, так и второго, в частности П. И. Белавенец: «Художник-голландец в силу патриотических чувств мог изобразить флаг "Орла" по типу голландского»[17].

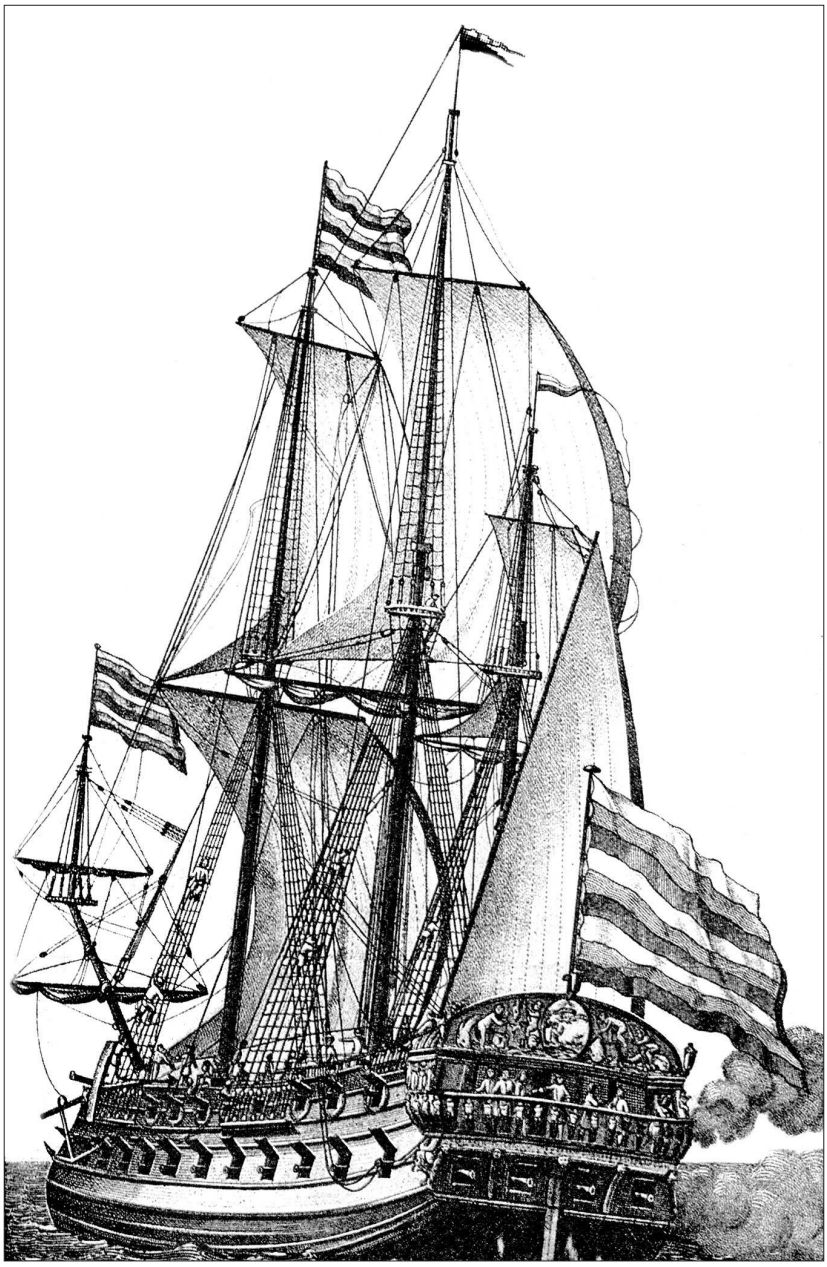
В связи с этим замечу, что Петр I, увлеченный морским делом, созданием кораблей, впервые увидел море и иностранные корабли — английские, голландские, немецкие — во время своего путешествия в Архангельск в 1693 г. Каждый из судов

[14] «Изъявление морских флагов». Киевские листы (Флаг, то есть знамя, которое ставится на корме, а гуис на носу на бухсприте) всех государств вселенныя. Гридоровано в Киеве 1709 году. Б/п. 1709. См. также: *Макаров В. К.* Русская светская гравюра первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 268; *Белавенец П. И.* Предисловие // *Алярд К.* Книга о флагах. С. VII, VIII.

[15] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1900. С. 189.

[16] Подробнее см.: *Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. Гл. III. С. 253—365.

[17] *Белавенец П. И.* Материалы по истории русского флота. М.; Л., 1940. С. 46.



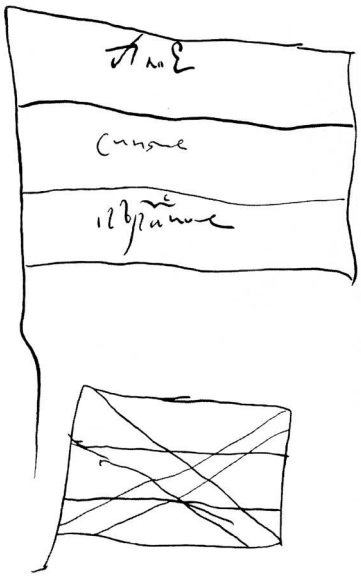
58-пушечная «Предестинация», сооруженная в 1701 г. по чертежам и под руководством Петра. Гравюра А. Шхонебека. XVIII в.

Флаг, под которым плавал на «струге» Петр I в Архангельске в 1693 г.

имел флаг или страны, или порта приписки, или торговой компании. Это были яркие многокрасочные стяги с разноцветными полосами или с цветными крестами. Причем полосы располагались на полотнищах флагов в различном «наборе». И разнообразные варианты корабельных флагов были созданы российским государем в соответствии с нормами своего времени.

Гравюры Петровской эпохи, изображающие осаду и взятие Азова в конце XVII в., свидетельствуют, что на русских кораблях развевались «крестовые» и «полосные» стяги разных цветов, подобные тем, что украшали суда европейских морских держав[18].

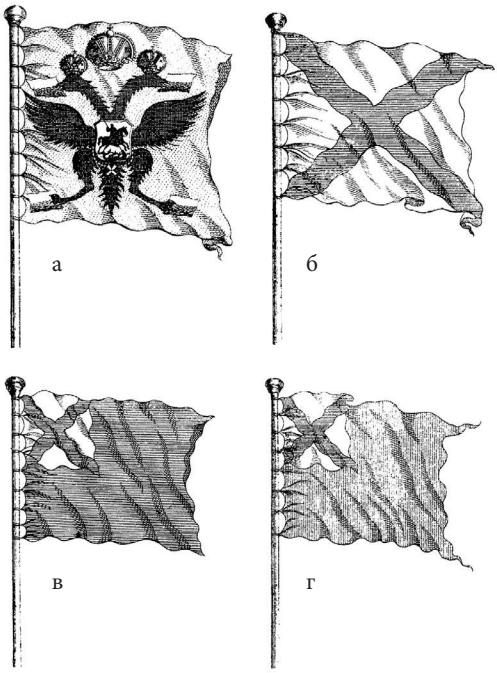
Ни Белавенец, ни поддержавшие его современники не заблуждались относительно функциональных качеств бело-сине-красно-



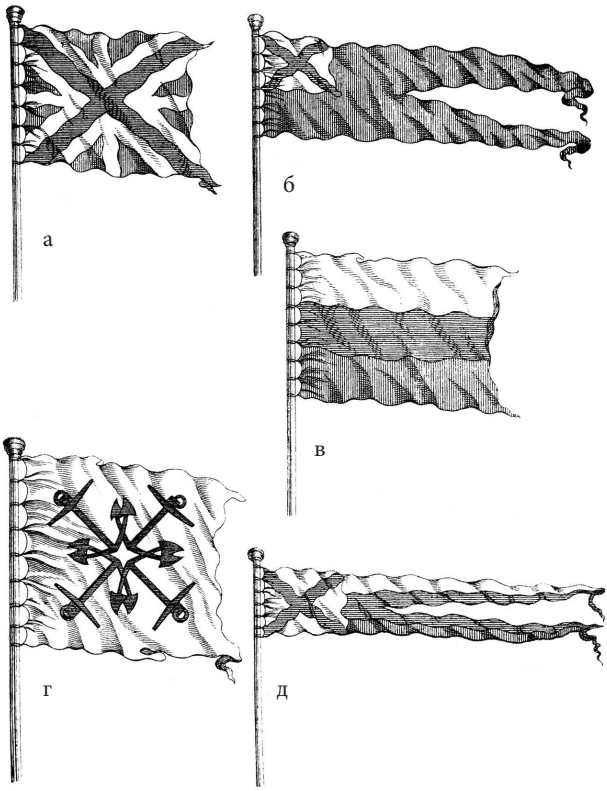
Собственноручный рисунок Петра I с указанием, какие делать флаги

Коронационное знамя 1742 г. Елизаветы Петровны

[18] *Алексеева М. А.* Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 21; *Макаров В. К.* Указ. соч. С. 218.



а. Русский или царский штандарт
б. Первый флаг русской эскадры
в. Второй флаг русской эскадры
г. Третий флаг русской эскадры



а. Гюйс
б. Русский галерный флаг
в. Русский флаг торговых судов
г. Флаг русского адмиралтейства
д. Русский вымпел

го флага, считая, что и трехполосный флаг, и «стандарт во образе креста святого Андрея» «потребны для морского хода», но не претендуют вовсе на роль общегосударственного и национального символа, чего и сам Петр Великий не имел в виду. Напротив, защитники черно-желто-белого стяга видели в нем древний русский символ, который по праву занял государственную нишу.

Примечательно, что появившееся между двумя революциями (1905—1917) множество знамен с новой демократической эмблематикой[19] не вытеснило бело-сине-красный стяг, под которым проходили патриотические манифестации, «праздники свободы»[20] и который в сознании определенной части россиян, прежде всего покинувших родину после 1917 г., остался национальным флагом.

Большевики также озаботились проблемами национального флага, но уже Советской России. Я. М. Свердлов на заседании ВЦИК 8 апреля 1918 г. заявил: «До сих пор национальный флаг остается трех цветов, правда, никто его не употребляет, но в настоящее время, когда приходится отправлять своих послов за границу, например, в Вену и Германию и другие (страны), над русским посольством должен развеваться национальный флаг, и без нашего решения его невозможно вывесить»[21]. В результате был принят Декрет о Флаге Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в качестве которого утвердили боевой красный стяг, названный и национальным, и государственным.

В историографии существует мнение, что именно бело-сине-красный стяг символизировал начало Белого движения в России: 1-й Кубанский («Ледяной») поход, который возглавил ударный полк под командованием генерала Л. Г. Корнилова (февраль 1918 г.), шел именно под таким флагом, на полотнище которого было начертано одно слово — «Отечество». В Гражданскую войну он якобы как символ Белого движения противостоял боевому флагу противников — красному[22].

Значимость трехполосного флага в качестве военной святыни Белого движения в исследованиях специалистов, изучавших стяги этого времени, подвергается сомнению. Так, известный знаток знамен и символов Февральской революции и Гражданской войны П. К. Корнаков писал: «Характерно, что сам по себе бело-сине-красный флаг в качестве основы для боевого знамени почти не употреблялся (известно, что бело-сине-красные боевые знамена были лишь в некоторых частях

[19] *Корнаков П. К.* Опыт привлечения вексиллологического материала: Символы и ритуалы революции 1917 г. //Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 356—365.

[20] *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. СПб., 2002. С. 95—99.

[21] *Свердлов Я. М.* Избранные произведения. М., 1959. Т. 2. С. 188.

[22] См., например: *Артамонов В. А.* Трижды рожденный // *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 140—143.

Северо-Западной армии, единичные случаи его применения известны и на Юге России). В Вооруженных силах Юга России он был введен как обязательный элемент флагов для бронепоездов и был общим главным символом борьбы за Россию»[23]. Знамена в Добровольческой армии и других воинских соединениях, отмечал Корнаков, имелись самые разные, прежде всего — старые военные знамена, «что как бы обязывало хранить прошлое, развивать традиции».

Отличительным символом для Добровольческой армии являлся трехцветный шеврон «национальных цветов — белого, синего и красного», который нашивался на левый рукав форменной одежды. Как эмблема этот шеврон изображался и на технике — бронепоездах, аэропланах и т. д.

Широко распространен сегодня аналогичный миф о бело-сине-красном триколоре и его военной значимости в годы Великой Отечественной войны для власовцев. Ежегодно перед Днем Победы (9 мая) и Днем защитника Отечества (23 февраля) на страницах «патриотической» печати появляются нелестные высказывания о Государственном флаге России. «Символ предательства военных лет — власовский триколор» — этот штамп без достаточных доказательств фигурировал в работах профессиональных историков и публицистов примерно до конца 80-х гг. XX в. Скорее всего, этот миф рассчитан на недостаточную историческую грамотность современного российского общества. К сожалению, от подобного мифотворчества больше вреда, чем пользы, хотя надо признать, что в основе многих мифов лежат вполне конкретные факты, правда часто далекие от их интерпретации.

Власов, как сторонник идеи создания национальной русской армии, нашел единомышленников в лице белоэмигрантов, встретивших его в Берлине. Инициатором формирования национальной русской армии как полноправной военной единицы с собственной военной формой и другой атрибутикой выступил эмигрант С. Н. Иванов, который привлек на свою сторону сына царского и колчаковского генерала К. В. Сахарова — Игоря Константиновича, и бывшего командира полка К. Г. Кромиади. К ним также присоединились В. Ресслер, графы Г. Ламсдорф и С. фон Пален. Воинское соединение было создано в марте 1942 г. и получило название «Русская национальная народная армия». Через несколько месяцев ее расформировали[24]. Г. Ламсдорф позднее вступил в воинскую часть «Дружина», ставшую первым вооруженным формированием, поддерживавшим регулярную связь с Власовым. Часть «Дружины» получила название «1-й гвардейской бригады РОА (Русской освободительной армии. — *Н. С.*)». 22 июня 1943 г. немцы устроили в Пскове военный парад, который, ко всеобщему удивлению, открывала рота этой бригады. Впереди шел капитан Г. Ламсдорф с трехцветным бело-сине-красным флагом[25].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[23] *Корнаков П. К.* Краски войны // Родина. 1990. № 10. С. 26, 27.

[24] *Штеенберг С.* Генерал Власов. М., 2005. С. 79—87.

[25] Там же. С. 150— 153; *Дробязко С. И.* Вторая мировая война, 1939—1945: Русская освободительная армия. М., 2000. С. 32, 33.

Первые знамена Красной армии. 1918 г.

О легализации триколора ранее сведений не имеется. Возможно, его появление было связано с влиянием белоэмигрантов и носило парадный эпизодический характер. Зимой 1943 г. бригада была разгромлена. Военные историки подчеркивают, что подобные соединения действовали на фронте в составе немецких боевых подразделений, однако в основном их использовали в карательных акциях, для борьбы с партизанами, для охраны различных объектов и т. п. В этих условиях, когда русские добровольческие соединения не являлись самостоятельными боевыми единицами, говорить о собственных боевых символах и атрибутах вряд ли возможно. К тому же «открытая демонстрация бело-сине-красного флага… нацистами запрещалась»[26].

Власов, добиваясь от немцев права на создание русской армии (национальной по своей природе, целям и духу), предполагал, что воинское обмундирование,

[26] *Александров К. М.* Армия генерал-лейтенанта А. А. Власова, 1944—1945. Материалы к истории Вооруженных сил КОНР. СПб., 2004. С. 58. Однако интересно, что в пропагандистских целях немцы предпринимали попытки «попользоваться» русским флагом: И. Хоффманн сообщает, что в июле 1941-го на северном участке Восточного фронта была предпринята попытка создания «зародыша русских вооруженных сил» в виде 12 батальонов, из которых постепенно образовалось соединение абвера под русским флагом. Руководил этим объединением офицер вермахта, впоследствии генерал-майор 1-й Русской национальной армии Хольмстон-Смысловский. В декабре 1943 г. это формирование было распущено (*Хоффманн И.* Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии / Пер. с нем. М., 2005. С. 112). К. Кромиади, служивший какое-то время в Русской народной национальной армии (РННА), где собралось много белоэмигрантов, сообщил в своей книге, что кокарда у них состояла из картона и материала бело-сине-красных цветов. «Флаг наш, — как пишет автор, — был бело-сине-красный. Этим флагом не по приказу, а добровольно обзавелись все наши роты и команды». Это было в 1942 г., а 29 августа того же года Кромиади покинул РННА, уехав в Берлин (*Кромиади К.* «За землю, за волю!» М., 2011. С. 75).

знаки различия, военная атрибутика этой армии будут особыми. В силу своих возможностей он старался эти идеи воплотить в жизнь. В одном из опубликованных документов «от первого лица» рассказывается о попытках Власова претворить в жизнь свои планы:

Граф Г. Ламсдорф (1-я Гвардейская бригада РОА) на параде, устроенном немцами в Пскове 22 июня 1943 г.

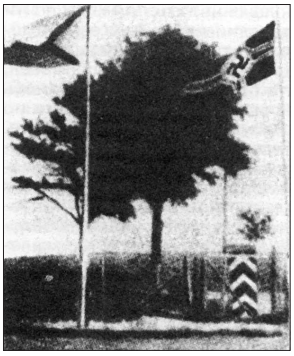
«О знаке Р.О.А. А. Н. Родзевич, капитан РОА. В начале 1943 г. (точную дату не берусь установить), в один из моих приездов из Варшавы в Берлин, меня вызвал по телефону А. С. Казанцев (зам. редактора газеты КОНРа "Воля народа"). Я явился в канцелярию на Викторияштрассе, 10, где Казанцев предложил мне нарисовать несколько проектов нарукавного знака для будущей Русской Освободительной Армии. В течение следующей же ночи я нарисовал на листе рисовальной бумаги 9 проектов знака в натуральную величину, все на базе цветов русского национального флага — белого, синего и красного. На следующее утро рисунок был передан А. С. Казанцеву. Дней через 4—5 опять я был вызван на Викторияштрассе, 10, где в канцелярии сидели Андрей Андреевич (Власов. — *Н. С.*), Казанцев и капитан Корф. На столе лежал весь исчерканный химическим синим карандашом мой рисунок. Каждый знак был перечеркнут собственноручно министром Восточных областей Розенбергом. Генерал Власов смеется: "Я бы оставил все так, как есть. Русский флаг, перечеркнутый боящимся его немцем. Чтобы нам самим яснее было". Я рассказал тогда генералу, что у меня была идея нарисовать на каком-либо проекте Андреевский флаг, но хотелось иметь русский национальный, бело-сине-красный. Решено было подать еще три проекта с Андреевским знаком, что я и нарисовал в тот же день. Новый проект был подан на рассмотрение. Не знаю, не знали немцы или забыли о том, что Андреевский флаг был фактически русским бывшим флагом, флагом русского флота, но знак с Андреевским крестом был утвержден. Капитан Штрик-Штрикфельдт рассказывал впоследствии, что немцы название "Андреевский флаг" считали происшедшим от имени Андрея Андреевича, а не от апостола Андрея Первозванного. Вскоре после этого утвержденный знак был нашит на форму РОА»[27].

1 марта 1943 г. Андреевский флаг взвился в Дабендорфе, где в 30 км от Берлина немцами были созданы «Восточный отдел пропаганды» под вывеской лагеря подготовки отборных бойцов добровольных частей и курсы пропагандистов власовского движения. Андреевский флаг как военный штандарт («голубой Андреевский

[27] *Шатов М. В.* Материалы и документы ОД НР в годы 2-й мировой войны. Нью-Йорк, 1966. С. 174.

крест противостоял красной звезде»[28]) развевался наряду с военным штандартом рейха[29]. По мнению И. Хоффманна, с этого времени термин «РОА» стал официально использоваться в качестве совокупного названия всех подразделений из солдат русской национальности, организованных в какой-либо форме на германской стороне, в отличие от национальных легионов из числа представителей национальных меньшинств[30]. В апреле 1943 г. во власовской газете «Доброволец» опубликовали образцы символики и знаков различия для личного состава РОА:

> 1. Нарукавная эмблема в виде щитка темно-зеленого цвета с синим Андреевским крестом на белом поле с красной окантовкой и желтыми буквами «РОА» в верхней части щитка; 2. Овальная сине-красная кокарда, а также особые петлицы и погоны[31]. Первыми получили новую символику офицеры штаба Власова и курсанты — пропагандисты Дабендорфа. Знак различия власовской армии в виде Андреевского креста наносился позднее также на принадлежавшую этой армии технику, в частности на самолеты. Газета ВВС Комитета освобождения народов России (КОНР) «Наши крылья» не только выходила с брендом «РОА», но и печатала статьи типа: «С Андреевским крестом» (1 апреля 1945 г.)[32].



Андреевский стяг рядом с нацистским флагом

Еще в 1942 г. впоследствии активный власовец Г. Н. Жиленков, до немецкого плена — член военного совета 32-й армии, выступал с инициативой создания политического центра борцов со сталинизмом и большевизмом[33]. После встречи Власова с Гиммлером летом 1944 г., когда фашисты любым путем пытались остановить продвижение Красной армии, последний предложил Власову создать и возглавить подобный политический орган — Комитет освобождения народов России. Этот комитет и его президиум, возглавлявшийся Власовым, стал своего рода основой выдуманной власовцами новой власти в России («правительством в изгнании»), установленной с помощью фашистской Германии. Некоторые авторы пишут о стремлении отдельных представителей партийно-государственной элиты Германии всячески поддержать КОНР, придав ему юридический статус.

[28] *Штеенберг С.* Указ. соч. С. 117; *Хоффманн И.* Указ. соч. С. 24.

[29] *Кромиади К.* Указ. соч. С. 180; *Хоффманн И.* Указ. соч. С. 30.

[30] *Хоффманн И.* Указ. соч. С. 28, 29.

[31] *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941—1945 гг. М., 2004. С. 36

[32] *Александров К. М.* Указ. соч. Фото — табл. XVII. Заметим, что ВВС РОА (КОНР) участвовали в единственном военном столкновении власовских войск с Красной армией под Эрленгофом в апреле 1945 г. («26 штурмовиков 4-й авиадивизии и самолеты ВВС РОА, узнаваемые по голубым андреевским крестам») (*Хоффманн И.* Указ. соч. С. 23).

[33] *Колесник А. И.* Генерал Власов — предатель или герой? М., 1991. С. 70.

Во всяком случае, в январе 1945 г. было подписано финансовое соглашение между германским рейхом и КОНР, по которому последнему предоставлялся беспроцентный кредит на большую сумму[34].

Программа действий КОНР носила явно политический характер, который требовал широкого распространения. Она изложена в так называемом Пражском манифесте 14 ноября 1944 г. Авторы пишут о чрезвычайной помпезности заседания в Испанском зале Пражского замка, на котором присутствовали представители президиума КОНР во главе с Власовым и высокие немецкие чины. Ст. Ауски заметил, что у него нет сведений о флагах, сопровождавших столь выдающееся событие[35]. Зато чтение манифеста в Берлине 18 января 1945 г. «для простых власовцев» и сторонников движения в лице многочисленных военнослужащих, восточных рабочих, представителей военнопленных из лагерей и т. д. было обставлено очень символично[36]. Сцена, на которой сидели члены КОНР, была украшена национальными флагами всех народов России, а по обеим сторонам — огромными полотнищами трехполосного и Андреевского флагов. После речи Власова зазвучали песни «От края до края», а также «Коль славен наш Господь в Сионе», которая была принята в качестве гимна. Как сообщает К. Кромиади, на следующий день владыко Анастасий вместе с митрополитом Серафимом в Берлинском кафедральном соборе отслужил молебен с провозглашением «Многие лета» А. А. Власову как руководителю движения сопротивления советскому режиму.

28 января 1945 г. РОА получила наименование «Вооруженные силы КОНР» (ВС КОНР), которыми командовал Власов. Как союзники Германии власовские вооруженные силы обязаны были оказывать войскам вермахта военную помощь. Они укомплектовывались в спешном порядке, причем с немецкой стороны допускались всяческие обманы. Так, вместо 10 дивизий в ВС КОНР имелись лишь две. Полностью укомплектована была только 1-я дивизия под командованием полковника С. К. Буняченко (в прошлом командира 389-й стрелковой дивизии Закавказского фронта)[37]. Можно сказать, что именно в ее честь в середине февраля 1945 г. был устроен торжественный парад в Мюнзингене, организованный генералом от кавалерии Э. А. Кестрингом и его штабом, а также представителями командования ВС КОНР во главе с Власовым. Буняченко отдал рапорт Кестрингу, тот огласил постановление о включении под командование Власова двух пехотных дивизий. Кестринг закончил свою речь восклицанием: «Ура Главнокомандующему Вооруженными силами Комитета освобождения народов России!», и в этот момент рядом

[34] *Штеенберг С.* Указ. соч. С. 90, 241; *Ауски Ст.* Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982. С. 319.

[35] *Штеенберг С.* Указ. соч. С. 218—221; *Ауски Ст.* Указ. соч. С. 19, 28, 29.

[36] *Штеенберг С.* Указ. соч. С. 223; *Кромиади К.* Указ. соч. С. 223; *Дудин Л. В.* Материалы к истории освобождения народов России (1941—1945). Вып. 2. London (Canada), 1970. С. 52, 53; *Поздняков В. В.* Андрей Андреевич Власов. Сиракузы (США), 1973. С. 135, 136.

[37] О личности этого боевого командира см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 42—44.

с флагом рейха был поднят бело-сине-красный флаг[38] — «знамя освобождения» — как назвал его Власов в ответном слове. Далее прозвучал русский гимн «Коль славен…», были вручены награды и прошел молебен.

А через полтора месяца самая боевая единица ВС КОНР — 1-я дивизия под командой Буняченко — совместно с немецкими соединениями была брошена в первый открытый бой с Красной армией на плацдарме «Эрленгоф». Не сообщается, правда, под какими знаменами проходил бой дивизии РОА с молодыми, но хорошо обученными бойцами 33-й армии, но в конце апреля 1945 г. дивизия Буняченко, уже уходя с позиций, представляла собой бесконечный людской поток, «над которым плыли и развевались на ветру трехцветные, белые с андреевским крестом и опять трехцветные стяги»[39]. Хотя, выполняя наказ Власова, бойцы 1-й дивизии «храбро сражались за Родину», Буняченко, как опытный командир, видел бессмысленность подобного сражения и увел свою дивизию вопреки требованиям немцев в Чехию. Пробыв в Праге несколько дней, дивизия Буняченко вынуждена была идти на соединение с остальными воинскими формированиями КОНР, но это оказалось непросто. Чтобы отличаться от немецких солдат и избежать бомб американцев, как пишет Ауски, они нацепляли на мундиры и каски бело-сине-красные полоски — цвета чехословацкого флага.

Конец ВС КОНР, которые распустили в последние дни войны их руководители, был плачевен, как, впрочем, и для самих руководителей, пытавшихся бело-сине-красным русским флагом прикрыть свою идейную несостоятельность.

В годы Великой Отечественной войны историки вновь обратились к толкованию «национальных русских цветов», что вполне закономерно объясняется патриотическим настроем советских граждан. Н. Н. Семенович, автор «Истории русского военно-морского флага», вышедшей в Ленинграде в 1946 г., по сути отверг «голландскую» версию, по-видимому, как «космополитскую». Анализируя цвета одного из судовых флагов Петра Великого, крестового, он высказал следующие соображения: «Синий цвет для креста — так как мантия св. Георгия Победоносца в гербе города Москвы — синяя; белый и красный поля флага (первая и третья, вторая и четвертая четверти), так как поле герба красное, а конь св. Георгия Победоносца белый»[40].

Вряд ли стоит относиться к бело-сине-красной цветовой гамме как к «российскому национальному явлению»[41], беря этот фактор за основу при объяснении цветов флага России. Три этих цвета характерны, например, для флагов США и многих других стран Северной, Южной и Центральной Америки, а также Азии и даже Африки, не говоря уже о государствах Европы[42]. Известно,что в XIX в.,

[38] *Хоффманн И.* Указ. соч. С. 91; *Александров К. М.* Указ. соч. С. 8.

[39] Там же. С. 92.

[40] *Дегтярев А. Я.* История российского флага. М., 2000. С. 57.

[41] Там же. С. 56.

[42] См.: Гербы и флаги государств мира. Иллюстрированная карта / Авт.-сост. С. П. Михайлов. М., 2008.

в эпоху формирования политической символики как особой категории символов[43], возникшее в Европе панславистское движение «узурпировало» бело-сине-красные цвета флагов[44]. Некоторые из стран сохранили их до сих пор (Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия). Правда, в новый и новейший периоды уже практически никто не обращался к толкованию цветов, широко распространенному в средневековье. Об этом сообщается во многих современных энциклопедиях, справочниках и словарях по символике и эмблематике[45]. Однако объяснение цветовой гаммы современного флага РФ зачастую близко к средневековым мифам: синий цвет трактуется как цвет Богородицы, а также как знак Неба, целомудрия, духовности; белый — как цвет мира, чистоты, благородства; красный, конечно, как цвет крови, борьбы, храбрости и т. д. Кроме того, повторяя высказывания еще дореволюционных историков, к нему применяют термин «торговый», противопоставляя его и морскому Андреевскому, и советскому красному флагам.

Современному читателю, который просто не знает дореволюционной литературы по вексиллологии, малоизвестны факты широкого использования в эпоху петровских преобразований и военных побед бело-сине-красного стяга. Поэтому он усвоил «лежащие на поверхности» версии о его изначальном торговом предназначении и возможном заимствовании из Голландии, на чем настаивали, противопоставляя этот флаг «исконному» черно-желто-белому, некоторые авторы[46].

К сожалению, и сегодня как «западное изобретение», якобы привнесенное в Россию из Голландии, рассматривают бело-сине-красный флаг многие интересующиеся вопросами политической символики в нашей стране иностранные социологи и политологи. В частности, Пол Колстё трактует трехполосный флаг, который Президент РФ В. В. Путин «возвратил» Российскому государству, не как «царистский», но как «прозападный»[47].

Однако какие бы страсти ни бушевали в XIX—XX столетиях (не утихают они и в XXI в.) вокруг бело-сине-красного полотнища флага России, вряд ли нам стоит относиться к нему негативно. Ведь эти цвета стояли у истоков славного российского флота и способствовали признанию величия Российского государства многими странами.

[43] См.: *Rabbow A.* Lexikon politischer Symbole. A—Z. München, 1970.

[44] Ibid. S. 182—184.

[45] *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов / Пер. с нем. М., 1995. С. 290, 291; *Тресиддер Д.* Словарь символов / Пер. с англ. М., 2001. С. 400, 401.

[46] См., например: *Белинский В. Е.* Указ. соч. С. 151.

[47] *Pål Kolstø.* Nationale Symbole in neuen Staaten // Osteuropa. 53 Jg., 7/2003. S. 1009.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

К ВОПРОСУ О СИМВОЛИКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

В современной России наблюдается исключительный интерес к знакам, символам, эмблемам. В центре общественного внимания находится, прежде всего, государственная символика. Герб, флаг и гимн новой России, несмотря на то что в декабре 2000 г. они утверждены законодательным путем, вызывают к себе неоднозначное отношение в нашем обществе, являясь предметом дискуссий, а иногда и более серьезных противостояний.

Однако не только государственная символика и ее трактовка будоражит умы граждан. Много споров ведется вокруг территориальных эмблем, прежде всего городских гербов, существовавших как правительственный институт в царской России, а также своеобразного нововведения — гербов и флагов субъектов Российской Федерации. Почти каждый город добивается права зафиксировать свою городскую эмблему в виде герба, флага, а порою и гимна, в особом регистре, который составляется в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации. Причем зачастую происходит прямо-таки эквилибристика в замене «старых» городских знаков на «новые» и «новых» на «старые» в зависимости от вкусов и политической ориентации мэров и губернаторов. Но это еще не все. Большое распространение получают индивидуальные отличительные знаки, эмблемы корпораций, фирм, ассоциаций и т. д. Составление родословных, поиски родовых гербов и составление личных гербовых знаков — любимое занятие не только потомков дворян, но и прочих граждан, желающих быть гербовладельцами, среди которых много так называемых новых русских, представителей общественной элиты, художественной интеллигенции. Изготовлением подобных эмблем, как правило, занимаются «самозваные геральдисты», деятельность которых, лишенная какого-либо творческого подхода и геральдической эстетики, вряд ли заслуживает научного анализа. Она интересна лишь в плане осмысления эмблематического бума, наблюдающегося в России, составной частью которого является возврат к символике царской России и на основе ее воссоздание не только герба и флага нашего государства, но и разносторонней военной атрибутики (знамен, кокард, отличительных армейских эмблем), государственных наград, должностных знаков и т. д.

Отечественная историография всегда была бедна как научными трудами, так и популярными изданиями и справочниками, посвященными военным и гражданским эмблемам. Большинство из них сейчас переиздано, но дефицит подобной литературы ощущается очень явственно, и «на потребу» общества книжный рынок предоставляет огромное количество переводных энциклопедий и словарей символов, уровень которых не всегда достаточно высок, а разнобой в толковании эмблем поражает.

Вряд ли может, однако, бесконечно потребляться без должного научного обоснования «варево» из каббалистических, масонских, псевдо «исконно русских» и прочих «символов и эмблемат». Без сомнения, отсутствие историзма в объяснении российских символов, существовавших на протяжении многих столетий, а также вводимых в настоящее время новых военных и гражданских знаков, новых наград, при всей их значимости для сегодняшней России, поддержке правительства и президента, будет способствовать неоднозначности восприятия их обществом. Напротив, научный подход при объяснении их истоков, традиционности, исторической целесообразности вкупе с изобразительно-хронологическим рядом приведет к пониманию роли знаков и символов в жизни российского общества разных эпох.

Занимаясь научной разработкой визуальной символики средневековья, автор данного сообщения обращал мало внимания на символику XX в. — «века идеологий», когда символы, начиная с XIX в., стали играть главную роль в пропагандистском распространении идеологий[1]. Приглашение участвовать в Чтениях памяти В. И. Бовыкина, который в силу глубокой эрудиции всегда интересовался моими занятиями, столь далекими от его собственной проблематики, побудило меня подготовить сообщение, хронологически близкое научным изысканиям Валерия Ивановича, обратиться к так называемой политической символике.

Она представляет собой одну из малоисследованных тем в российской истории. Политическим символам посвящены многочисленные труды начиная с середины XX в. зарубежных ученых, в основном социологов[2]. Однако существуют и исторические разработки. Анализ подобных трудов дан в прекрасной работе немецкого исследователя Г. Корффа «История символов как социальная история?»[3]. В отечественной историографии политической символике до недавнего времени уделялось лишь «касательное внимание»[4]. Исключение составляет недавно опубликованная

[1] *Корфф Г.* История символов как социальная история? Десять предварительных заметок о системах образов и символов общественных движений в Германии // Конец рабочей истории? М., 1996. С. 163.

[2] См., например: *Sfez L.* La symbolique politique. Paris, 1988.

[3] *Корфф Г.* Указ. соч. С. 163.

[4] О политической символике поднимался вопрос в книге философа и филолога-энциклопедиста А. Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство» (М., 1976). Ответы на многие вопросы о политической символике содержатся в искусствоведческих работах. См., напр.: Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. Материалы и исследования. М., 1971;

монография санкт-петербургского историка Б. И. Колоницкого «Символы власти и борьба за власть»[5]. Хотя трудно согласиться с некоторыми положениями автора, все же следует признать, что книга исключительно интересна в плане разработки проблемы политической символики России, причем не только по содержанию, но и по методике исследования

Материал, на котором основывается данное сообщение, включается в контекст научной темы «Знаки и символы Российской державы», где политическим символам будет отведено соответствующее место. Здесь о символах первой четверти XX в. повествуется в «первом приближении».

В общем «хоре» используемых сегодня эмблем «звучат» и реалии античной действительности, чаще всего широко известные: кадуцей (жезл, обвитый двумя змеями и увенчанный парой крыльев), иначе — «Меркуриев жезл»; рог изобилия (рог, наполненный плодами и цветами); крылатый конь (Пегас); изображение богини Победы (Нике) и др. Они помещаются в современных гербах и различных знаках без должного объяснения, но, как правило, в положительном смысле. В то же время имеет место и негативное восприятие таких античных символов, как фасции (секира на древке, вставленном в связку прутьев), «ликторский пучок» — эмблема кары, символ превосходства государственной власти над отдельным человеком и символ полномочий римских судей. Муссолини сделал фасции политическим символом, воплотил в нем принципы фашизма, т. е. подчинение интересов личности интересам нации, которые, по его представлениям, должна была выражать националистическая элита[6]. В подобном контексте эмблема вызвала недоумение у читателей моего очерка «Традиции не умирают» в книге «Гербы городов России», где помещен рисунок с обложки изданного в 1918 г. текста первой советской Конституции. Обложка украшена изображением перекрещенных серпа и молота, сопровождаемых надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и заключенных в лавровый венок, перевитый лентой. Вся эта композиция обрамлена своеобразным картушем, в который входит античная чаша с факелом, а также пара фасций[7].

Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983 и др. Историки посвятили свои работы, в основном, описанию гербов Советского государства (*Поцелуев В. А.* Гербы Союза ССР: из истории разработки. М., 1987; статьи А. Н. Луппола и Е. И. Каменцевой о гербе СССР и т. д.). В них мало говорится об истоках советской символики, а о лингвистической, обрядовой формах советских политических символов речь не идет вообще. Интересные сведения о символах советской политической жизни можно найти в статьях: *Похлебкин В. В.* Из истории советской эмблематики // Вопросы истории. 1978. № 3; *Корнаков П. К.* Знамена Февральской революции // Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1983. См. также: *Соболева Н. А.* Рец. на кн.: *Husar J.* Revoluine symboly. Bratislava, 1979 // Вопросы истории. 1982. № 3.

[5] *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

[6] *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М., 1996. С. 282; *Тресиддер Д.* Словарь символов. М., 2001. С. 388—389.

[7] *Соболева Н. А. и др.* Гербы городов России. М., 1998. С. 146.

Как связаны фасции и Конституция Страны Советов? Какой идейный смысл содержится в оформлении текста конституции при помощи подобной эмблемы? Случайна ли данная эмблема на обложке подобного издания? Эти вопросы были заданы мне, в частности, римским юристом профессором П. Каталано.

Без вопросов, но исключительно в оккультном смысле, трактуется ныне такой политический символ, как пятиконечная звезда. Строго говоря, этот астрологический знак известен был жителям Месопотамии еще четыре тысячи лет назад, затем он стал шумерским и египетским знаком звезд. В этрусской культуре звезда с 5 лучами (пентаграмма) известна в качестве орнаментальной фигуры (на керамике), из этой же культуры выходят и фасции. В Древней Греции, однако, пентаграмма использовалась пифагорейцами, религиозно-этическим и философским братством типа секты, в качестве символа здоровья, мистической гармонии, союза небес и земли (пять лучей представляли комбинацию чисел, олицетворяющих женское и мужское — небесное начало). С момента использования ее пифагорейцами (VI—IV вв. до н. э.) пентаграмма приобретает оккультное значение, как, впрочем, и звезды с большим количеством лучей — 6, 7, 8 и т. д., используемые в различных средневековых сообществах.

Многие знаки тайных обществ средних веков перешли к масонам, причем произошла специфическая трансформация сущности, иногда даже формы оккультных знаков. Например, в масонской семиотике звезды, в частности пятилучевая, изображаются «пламенеющими», т. е. с пучком лучей между концами звезды[8]. Автор известной «Энциклопедии символов» и исключительный знаток масонской символики, австрийский ученый Г. Бидерманн, выделяя пентаграмму из прочих знаков, пишет: «В масонском символическом мире пентаграмма играет весьма значительную роль как "пламенеющая звезда", снабженная в углах пучками лучей или языком пламени и буквой "Г" в центре»[9] (букву толкуют по-разному: гносис — учение, геометрия, готт — бог и т. д.).

Эти краткие сведения о пятиконечной звезде приводятся здесь конечно же не случайно. В последнее десятилетие увлечение проблемой масонства «высветило» и «интерпретированную в конспирологическом ключе масонскую семиотику»[10]. Последняя проецируется на советскую символику, в частности на такие эмблемы, как красная пятиконечная звезда, лучи восходящего солнца в гербе РСФСР. Один из подобных «толкователей», некто В. М. Острецов, например, заявляет следующее: «В конце концов, начинаешь более внимательно смотреть на государственную

[8] *Лотарева Д. Д.* Знаки масонских лож Российской империи. М., 1994. С. 38. В экспозиции Государственного исторического музея, где в хранилище имеется коллекция масонских знаков, выставлена среди других знаков шестилучевая «пламенеющая» звезда.

[9] *Бидерманн Г.* Указ. соч. С. 93.

[10] Обзор конспирологической литературы предпринят в работе: *Багдасарян В. Э.* «Война символов»: масонская семиотика в конспирологической интерпретации // Армагеддон. Кн. 4. М., 1999. С. 7—22.

символику "большевиков". И обнаруживаешь следующее… Пятиконечная звезда есть, как известно, звезда Соломона каббалистов. Она же и пламенеющая звезда масонских лож. Она же и звезда Люцифера, Денницы, Сатаны. Молот — знак власти Мастера и знак послушания его подчиненных. Красный цвет — зловещий цвет крови непокорных… Серп — знак кровавой жатвы, особенно рядом со срезанными колосьями хлебов»[11]. Подобным же образом Н. Боголюбов разъясняет, что молот служит символом власти над обществом, необтесанным камнем, а серп — знаковым выражением смерти, убийства, неминуемой гибели. Таким образом, механизм достижения власти через символику насилия, по предположению Боголюбова, был выражен через принятую большевиками эмблематику[12].

Кстати, и сам автор, предпринявший с известной долей скептицизма детальный разбор конспирологической литературы, подчеркивающий спекулятивный характер многих измышлений в толковании символики Нового и Новейшего времени, тем не менее утверждает: «Наличие масонской тематики в семиотике советской власти не вызывает сомнения»[13].

Подобное восприятие символики Советского государства, к сожалению, выходит за рамки «специальной» литературы по масонской семиотике, появляясь на страницах трудов весьма «респектабельных» авторов. Так, известная исследовательница творчества М. А. Булгакова, литературовед М. О. Чудакова, в статье «Антихристианская мифология советского времени»[14] рассматривает вопрос «о появлении и закреплении в государственном и общественном быту Советского государства красной пятиконечной звезды, как символа нового мира». Чудакова дает красной пятиконечной звезде «разностороннюю» оценку — от рождественской звезды, якобы взятой большевиками «с рождественских лубков и елок», до символа пифагорейцев, которых пентаграмма «объединяла в группу», являясь «средством заклинания и достижения могущества». По мнению автора, «оба эти значения следует принять во внимание при осмыслении выбора большевиков»[15], имевших, в представлении М. О. Чудаковой, разработанную философскую программу в отношении символики будущего государства уже в начале 1917 г. Воспринимая красную пятиконечную звезду в качестве оккультного знака, полагая, что именно в этом понимании ее использовали большевики, Чудакова встает на позиции интерпретаторов Октябрьской революции как масонского заговора. По-видимому, для уважаемого литературоведа «заразительным» явился пример Д. С. Мережковского, заявлявшего, что большевизм есть борьба пентаграммы

[11] Цит. по работе: *Багдасарян В. Э.* Указ. соч. С. 18.

[12] Там же

[13] Там же. С. 19.

[14] *Чудакова М. О.* Антихристианская мифология советского времени // Библия в культуре и искусстве. Материалы научной конференции «Випперовские чтения. 1995». Вып. XXVIII. М., 1996.

[15] Там же. С. 249—250.

против креста, однако «борьба символов» для Мережковского была как бы естественная: он сам являлся масоном, основателем ложи «Мережковского», созданной по инициативе Верховного совета Великого Востока народов России в годы Первой мировой войны[16].

Проблемы русского масонства, занимающие в настоящее время умы отечественных историков, решаются ими по-разному[17]. Основанный на научных изысканиях вывод о том, что «падение Временного правительства фактически привело к гибели масонства в России»[18], удовлетворяет далеко не всех. Продолжаются поиски прямого влияния «организационных форм масонских объединений на строительство, организационные и идейные принципы большевистской партии»[19].

В контексте подобных представлений рассматриваются и эмблемы, утвержденные впоследствии большевиками в качестве государственных.

Между тем игнорируется принципиальное различие в подходах к значимости символов, которые «исповедовали» масоны и большевики. Масонские ложи — это тайные сообщества. Тайной являются их знаки и обряды (последние, кстати, как отмечают многие исследователи масонства, в России не были в достаточной степени проработаны и использованы). По этому поводу, например, известный исследователь масонства О. Ф. Соловьев пишет: «Плотью и кровью масонства является всесторонне его пронизывающая символика, будь то ритуальные акты или философские постулаты. Символ есть определенный знак, выводящий на понимание предмета или явления, он известен лишь посвященным, которые вкладывают в него и собственный сокровенный смысл, отпугивающий посторонних»[20].

Большевики, наоборот, несли свои идеи в широкие народные массы, о чем могут свидетельствовать десятки тысяч листовок, распространяемых с конца XIX в. различными социал-демократическими организациями (не только большевиками) в пределах Российской империи[21].

В полной мере этот комплекс источников не исследовался, однако уже сейчас можно констатировать: иллюстрированные листовки, а также отчеты Департамента полиции об изъятых прокламациях могут свидетельствовать о символике соци-

[16] *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1144.

[17] См. об этом: *Харитонович Д. Э.* Масонство. М., 2001; *Королев А. А.* Разноликий мир русского масонства // Масоны в России. Вчера… сегодня… завтра? М., 1999. С. 8—21.

[18] *Харитонович Д. Э.* Указ. соч. С. 158.

[19] *Королев А. А.* Указ. соч. С. 8. Автор и сам старается соотнести организацию масонской ложи и первичного звена большевистской партии (не социал-демократических объединений разного толка, которые при царизме работали «в условиях жесткой конспирации», а именно ленинской партии, «партии нового типа»), выдвигая пример их «идентичности» в количественном показателе: у масонов — 7 человек, у большевиков — 3.

[20] *Соловьев О. Ф.* Символика масонских клятв // Масонство и масоны. Вып. II. М., 1988. С. 4.

[21] В настоящее время публикация листовок предпринята в ИРИ РАН. Выпуски издания: Рабочее движение в России. Хроника. Разд. III: Листовки. Вып. I—VII. М., 1992—2000.

ал-демократов, ее становлении как системы образов, эмблем, вошедших позднее в структуру знаков большевистской России.

О «тайном» знаке польских и литовских социал-демократов свидетельствует агентурная записка по Петроковской губернии (б. Российская империя). В ней говорится о знаке, на котором изображен человек, держащий в одной руке факел, а в другой — красное знамя. «Знак этот имел форму медали. Нелепец (арестованный. — *Н. С.*) говорил, что лицо, обладающее таким знаком, пользуется большим доверием в партии. Моронь Андрей (арестованный. — *Н. С.*) говорил, что также имеет подобный знак»[22].

Социал-демократический значок в виде серебряного кружка хранится вместе с листовками в одном из фондов Государственного архива Российской Федерации. На значке изображены идущие людские колонны (рабочих?) с тремя развевающимися знаменами и изображением над колоннами земного шара[23].

Красное знамя — в вербальной форме в листовках, документах Департамента полиции и в виде изображения флага на рисунках, хранящихся в названных фондах, как можно заметить, является главной «темой» пропагандистской социал-демократической символики[24]. Очень часто в рисунках оно изображается вместе с другой эмблемой — восходящего из-за горизонта солнца в виде полушара с длинными лучами. Приведу два примера. В листовках Латвийской социал-демократической партии (внизу помещена печать с надписью «Латвийская социал-демократическая партия. Рижский районный комитет») имеется чернильный рисунок: женщина в развевающихся одеждах с опущенным мечом в одной руке и развевающимся приспущенным знаменем в другой (речь идет о памяти событий 9 января. — *Н. С.*) стоит на фоне восходящего солнца[25]. Среди конфискованной социал-демократической литературы в одном из населенных пунктов Харьковской губернии была обнаружена литография: бурное море, волны. Справа — мрачные скалы, над ними чайки. Слева — встающее солнце со светлыми лучами над прекрасным городом. К нему, дружно налегая на весла, группа людей плывет на лодке, на борту которой написано «Социал-демократия». На носу стоит человек с развевающимся знаменем в руках. На знамени надпись: «Социализм! Политическая свобода!» За лодкой — тонущий баркас, в котором скучились совсем другие люди: по-видимому, министр держит флаг с двуглавым орлом, древко флага сломано; за него цепляется царь (в короне). Волны захлестывают генералов, священника (в облачении), тонущих министров (в штатских костюмах)[26].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[22] ГАРФ. Ф. 102. 00. 1898. Д. 5. Ч. 21. Лит. В.; Д. 150. Л. 161 об.

[23] Там же. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 15606.

[24] Примеры: Первое мая в царской России (1890—1916). Сборник документов. М., 1939. С. 35, 36, 42, 52. Рабочее движение в России. Хроника. Вып. I. С. 135; Вып. II. С. 183; Вып. III. С. 207, 215—216; Вып. IV. С. 222, 236; Вып. V. С. 271—272; Вып. VI. С. 258, 276—277, 334—335; Вып. VII. С. 357, 361, 287, 411.

[25] ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 18012.

[26] Там же. Ф. 124. Оп. 11. Д. 419/1902. Л. 2.

Подобные изображения приравнивались к антиправительственным прокламациям и литературе. В одном из дел Департамента полиции о «тайном обществе, имеющем целью ниспровержение правительства или перемену образа правления в государстве», так и записано: «найдено у обвиняемого значительное количество противуправительственного характера листков, брошюр и изображений»[27].

Множество изображений начала XX в. «визуально» демонстрировало гнет самодержавия в России. Привожу запротоколированное описание одной из «открыток», найденной в 1902 г. в г. Иркутске. Фотографический снимок изображает «пирамиду, состоящую из пяти площадок. Вверху, над суженным концом пирамиды, изображен парящий двуглавый орел, под которым помещено изображение Их Императорских Величеств государя императора и государыни императрицы. Над упомянутым орлом имеется надпись: "Мы царствуем над Вами". На второй, считая сверху, площадке изображены, по-видимому, обер-прокурор Святейшего Синода статс-секретарь Победоносцев и ныне покойные министры — внутренних дел — егермейстер Сипягин и народного просвещения — тайный советник Боголепов. Сбоку имеется надпись: "Мы правим вами". На третьей площадке изображены представители духовенства в облачении. Сбоку надпись: "Мы морочим вас". На следующей площадке изображены войска: казаки с плетками и шеренга пехоты, стреляющая из ружей. Сбоку надпись: "Мы стреляем в вас". На нижней площадке изображено общество кутящих дам и мужчин. Сбоку надпись: "Мы едим за вас". Описанная площадка опирается на плечи поддерживающей ее группы рабочих, среди которых на коленях стоят с воздетыми кверху руками женщины и лежат на земле дети. Против этой группы имеются надписи: с одной стороны "Мы работаем на вас" и с другой — "Мы кормим вас". У одного из рабочих, изображенного несколько в стороне, имеется в руках знамя с надписью: "Жить в свободе, умереть в борьбе"»[28].

Рабочие, интеллигенты (плывущий в лодке с надписью «Социал-демократия») со знаменами в руках — этот образ наиболее популярен в антиправительственной пропаганде социал-демократического движения, но он «сосуществовал» с такими «народными» эмблемами, как красные галстуки у мужчин и красные шарфы у женщин (в частности, во время первомайских демонстраций). «Те, кто побоятся надеть такую общеизвестную полиции эмблему, могут из бокового кармана сюртука выставить концы красного платка или куска кумача», — предписывается в одном из документов социал-демократов[29]. В данном факте нельзя не увидеть прообраз красной розетки, используемой впоследствии в любом революционном праздновании.

В пропагандистских иллюстрациях, по крайней мере с начала XX в., все чаще появляются фигуры рабочего и крестьянина, определяемые по сопровождающим их орудиям труда. Так, в одной из листовок 1903 г. имеется прекрасный рисунок, сделанный фиолетовыми чернилами. На нем изображено самодержавие в виде

[27] ГАРФ. Ф. 124. Д. 1661/1902. Л. 29.

[28] Там же. Д. 341/ 902. Л. 1—1 об.

[29] Там же. Ф. 102. ДП 00. 1898. Д. 5. Ч. 21. Лит. В. Л. 85.

колонны, прорезанной трещиной. Слева от колонны рабочий, прикованный наручниками к расшатываемой колонне (самодержавию), вынимает из земли булыжник. Рядом с ним — орудия труда: топор, кайло, лопата, тачка, пила, колесо и молоток. Справа — крестьянин, также прикованный к обрушающейся колонне. Его орудия труда — плуг, борона. Между ними — скрещенные винтовки и плетка. Подпись: «Самодержавие расшатывается»[30].

Интересен рисунок марки, выпускавшейся Центральным управлением Палестинского рабочего фонда еврейской социал-демократической рабочей партии в 1910—1911 гг. На фоне восходящего солнца — две стоящие напротив друг друга мужские фигуры. Слева — рабочий с молотком в руке, справа — крестьянин с косой, длинную ручку которой он держит подмышкой[31]. Мотивы серпа, молота, других орудий труда можно встретить при оформлении Народного дома в Санкт-Петербурге в начале XX в., к ним испытывают приверженность ряд партий, опирающихся в своей деятельности на крестьянскую массу, задолго до Октября 1917 г.

Красное знамя в качестве политического символа, восходящее солнце, молот в руках и т. д. — эти знаки, по крайней мере с середины XIX в., хорошо известны в рабочем движении ряда стран, например в Германии, Венгрии[32]. Их сравнительный анализ еще предстоит сделать.

Новый источник, введенный в научный оборот несколько лет тому назад — знамена Февральской революции[33], предоставляет бесспорные доказательства существования эмблемы «Серп и Молот» еще до октябрьских событий 1917 г. Масса знамен периода марта — октября 1917 г., несущих демократические лозунги типа «Да здравствует свобода!», «Да здравствует демократическая республика!», украшены эмблемами восходящего солнца («свет и свобода»), земного шара, перевитого лентой с пролетарским лозунгом, фигурой женщины, протягивающей руки к солнцу («свободная Россия»), фигурой рабочего, разбивающего цепи, и другими знаками, традиционными для социал-демократических листовок, брошюр и т. д. Иногда композиции на стягах носили более сложный характер: фигуры рабочего и крестьянина или солдата сходились в крепком рукопожатии, иногда «братались» все трое. Каждый из них держал орудия своего труда: молот, кирку, лопату, серп, косу, плуг, штык, винтовку.

Постепенно многофигурные композиции заменялись более простыми, легко и быстро воспроизводимыми на полотнище стяга. От фигур оставались лишь их «революционные» элементы: факел, молоток, серп, штык и проч. Иногда они использовались в комплексе, т. е. молоток объединялся с серпом, штыком или винтовкой. Применительно к геральдическому творчеству, например, подобная замена цело-

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[30] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 12. Д. 821/1903. Л. 13.

[31] Там же. Ф. 102. ДП 00. 1910. Д. 22. Л. 81.

[32] *Корфф Г.* Указ. соч. С. 163, 166, 168, и примеч., 169—176; *Sikloś Andraś*. Magyarország. 1918—1919. Események. Képek. Dokumentumok. Budapest, 1978. S. 15, 308, 324— 325, 340, 345, 356.

[33] *Корнаков П. К.* Указ. соч. С. 12—26 и таблицы.

го изображения или фигуры только характерными атрибутами выглядит вполне научно и закономерно, а главное — символично.

Исследователь знамен Февральской революции П. К. Корнаков полагает, что «первое из известных пока появлений эмблемы серпа и молота зафиксировано 18 апреля (1 мая нового стиля) 1917 г. Она была помещена на трех хоругвях, украшавших подъезд Мариинского дворца на Исаакиевской площади в Петрограде»[34]. Он называет и возможных создателей подобного знака: архитектора-художника Л. В. Руднева и выпускника Высшего художественного училища при Академии художеств П. А. Шиллинговского. Оба они оформляли Петроград к празднику 1-го Мая 1917 г., т. е. на год раньше украшения Москвы к подобному же празднованию художником Камзолкиным.

Примерно в это же время серп и молот со штыком или ружьем украшают знамена, отправлявшиеся из Петрограда на немецкий и румынский фронты воюющим русским солдатам. Корнаков подчеркивает, что знаменное творчество охватило в 1917 г. самые широкие слои населения; вместе с символами профессионального труда — шестеренкой, пшеничным снопом, якорями и т. д. — на знаменах изображались трубящие крылатые фигуры, пальмовые и лавровые ветви, летящие к солнцу птицы. Эти эмблемы «выплескивались» на улицы, становясь достоянием тысяч людей, привлекая их новизной и одновременно доступностью для понимания.

Исключительная знаковость и идейная выразительность эмблемы «Серп и Молот» привлекли к ней внимание художников социалистической ориентации при создании печати, а затем и герба Советского государства[35].

Автор (или авторы) рисунка использовали не только выразительные, но и хорошо известные в социал-демократическом и рабочем движении эмблемы (серп, молот, восходящее солнце, хлебные колосья), вряд ли заимствованные у «вольных каменщиков». Один из современников рождения отличительного знака социалистического государства, знаток геральдики К. И. Дунин-Борковский, отмечал, что «рисунок герба и военного флага РСФСР был составлен художником С. В. Чехониным и внесен затем в Конституцию Республики»[36]. С. В. Чехонин, знаменитый «мирискусник», художественный руководитель Государственного фарфорового завода и член коллегии ИЗО Наркомпроса, принимал непосредственное участие в создании социалистической символики[37]. «Серп и Молот» — одна из излюбленных его эмблем. Эту эмблему он помещает на рисунки проектов народного герба, печати Совнаркома, почтовых марок. С нею не расстается Чехонин, расписывая фарфор.

[34] *Корнаков П. К.* Указ. соч. С. 19.

[35] Создание государственных знаков РСФСР и СССР не раз становилось предметом изучения, но до сих пор нуждается в отдельном более детальном исследовании.

[36] *Дунин-Борковский К. И.* О гербе и флагах РСФСР. М., 1922. С. 15.

[37] Об этой стороне его деятельности см.: *Эфрос А.*, *Пунин Н.* С. Чехонин. М.; Пг., 1923; *Андреева Л. В.* Советский фарфор. 1920—1930-е годы. М., 1975; *Похлебкин В. В.* Указ. соч.; *Соболева Н. А. и др.* Указ. соч. С. 140—142.

На первенство в создании эмблемы «Серп и Молот» претендуют многие. Приведу только один малоизвестный факт, и то только потому, что он связан с Чехониным. Саратовский художник Н. А. Колоярский оставил воспоминания о создании эмблемы Саратовского губисполкома, где «Серп и Молот» зафиксированы уже в декабре 1917 г.[38] Один из участников создания знака послал рисунок эмблемы в Петроград своему другу А. Е. Кареву, который использовал ее при разработке фирменного знака фарфорового завода, где работал и С. В. Чехонин, ближайший друг Карева. После назначения А. Е. Карева членом Петроградской коллегии по делам искусств, а затем комиссаром Академии художеств в начале 1918 г., он передал все свои эскизы с изображением перекрещенных серпа и молота Чехонину, который и воссоздал ее для помещения на печати, принятой 10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов.

Роль С. В. Чехонина в художественном оформлении главной советской эмблемы очевидна. Особо хотелось бы подчеркнуть, что не прослеживается никакой его личной связи с масонами, в отличие от его товарищей по «Миру искусства» (А. Бенуа, М. Добужинского, И. Билибина), которые, оказавшись, как и Чехонин, в конце 20-х гг. за границей, пусть ненадолго, но числились членами масонских лож[39].

Появление красной пятиконечной звезды — одного из первых знаков Советского государства — в достаточной степени еще не исследовано. Но уже сейчас можно говорить о ней прежде всего как о военном знаке, возникшем изначально именно в этом качестве. Превращение Красной гвардии в Красную армию в конце 1917 г. потребовало изменения отличительного знака прежних вооруженных формирований, созданных большевиками в период подготовки Октябрьской революции. Знак Красной гвардии — красная лента, носившаяся слегка наискось на головных уборах (папахах, шапках), и красная нарукавная повязка с надписью «Красная Гвардия», сделанной типографским способом черной краской.

Уже в конце ноября 1917 г. начались действия большевистского руководства по формированию вооруженных сил: 23 ноября назначен нарком по военным делам, 16 декабря опубликованы декреты СНК «О выборном начале и организации власти в армии», «Об уравнении всех военных в правах» и т. д. На заседании СНК 15 января 1918 г. был доложен проект декрета о создании Красной армии, а затем декрет был подписан, в частности, Н.И. Подвойским, который вскоре был назначен председателем Всероссийской коллегии по организации и формированию РККА. Освобожденный Февральской революцией 1917 г. из тюрьмы, профессиональный большевик Подвойский в конце марта 1917 г. возглавил военную организацию при ЦК РСДРП, был инициатором создания военного «Клуба "Правды"», участвовал в формировании отрядов Красной гвардии, организации «интел-

[38] *Колоярский Г. Н.* Кто создал первую государственную эмблему «Серп и Молот» // Труды Саратовского историко-краеведческого общества. Вып. 2. Саратов, 1992. С. 41—55.

[39] *Серков А. И.* Указ. соч. С. 104, 117, 306, 1185, 1188, 1201.

лектуального» обучения солдат-агитаторов, редактировал различные солдатские газеты еще до Октября 1917 г. Затем он принимал участие во всех действиях по созданию Красной армии, теоретических и практических, будучи назначен 23 ноября 1917 г. наркомом по военным делам. Он был прекрасно образован — учился в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. Не исключено, что активная деятельность на военном поприще в момент создания Красной гвардии и Красной армии побудила Подвойского принять участие в создании отличительного знака РККА в виде пятиконечной красной звезды. В майских военных приказах 1918 г. «красноармейский значок» в виде красной пятилучевой звезды с плугом и молотом в центре именуется «марсовой звездой». Бог войны Марс должен был быть хорошо известен организаторам новой армии в силу их образованности. К ним, бесспорно, можно отнести и Н. И. Подвойского. Плуг и молот в центре «марсовой звезды» мог появиться в первые месяцы 1918 г. в соответствии с разработкой советской печати, выбора эмблем (серп и молот позднее заменили плуг и молот) для нее. Известно, что «марсова звезда» в военно-агитационной изопродукции этого времени существует и без центральных фигур.

Следует отметить, что пятиконечная звезда давно была применяема в русской армии. Так, с 1 января 1827 г. офицерам российской императорской армии было положено носить на эполетах кованные из металла, обратного прибору пятиконечные звездочки вершиной вверх. Приказом Временного правительства вносились изменения в форму военных моряков: в частности, на фуражке капитана 1-го ранга «прежнюю кокарду заменили шитой или металлической пятиконечной звездой». В приказе морского министра № 125 от 16 апреля 1917 г. предписывалось середину кокарды фуражек «впредь до установления фуражки нового образца закрасить в красный цвет», пятиконечные звезды использовать в форменной одежде (на нашивках) высших военных и гражданских чинов.

Как организатор военного дела большевиков с весны 1917 г., Подвойский, вероятно, был знаком с использованием пятиконечной звезды в военном обмундировании русской армии, поэтому выбор данной эмблемы в качестве военного знака вполне объясним. Цвет пятиконечной звезды соответствовал наименованию созданной армии. Перу Н. И. Подвойского принадлежит изданная ВЦИКом в 1918 г. брошюра «Красноармейская звезда».

Символы античного мира оказались не чуждыми большевикам. Изучение изобразительного материала первых революционных лет — плакатов, оформительского материала, книжной графики и т. д. — показывает, что античные сюжеты, фигуры и композиции использовались не только в качестве образцов классического искусства, но и как средство социального воспитания граждан нового государства. Подобный контекст использования классических образцов приветствовался революционными идеологами. Например, нарком просвещения А. В. Луначарский (как известно, в ведении Народного комиссариата просвещения находились вопросы идеологии, культуры, искусства) со ссылкой на К. Маркса писал о том, что можно считать «безнадежными идиотами людей, не понимающих значения античного

искусства для пролетариата»[40]. Луначарский, не раз посещавший Италию, увлекающийся классическим искусством, стремился «внедрять» античные ценности в жизнь новой России, утверждая, что «Рим (дает) вечные образцы целесообразности, связанной с величием»[41].

В творчестве художников многих направлений в годы, предшествовавшие Октябрю 1917 г., наблюдаются реминисценции античного стиля. Первенство принадлежит здесь представителям «Мира искусства» (направление в русской культурной и художественной жизни конца XIX — второго десятилетия XX в.). Многие «мирискусники» побывали в разное время в Италии, восторженное отношение к которой, «чувство Рима», сохранили до конца своих дней. Так, например, А. Бенуа оценивал пребывание в Риме как «сплошное и чудесное пиршество»[42].

Почти все «мирискусники» были приверженцами стиля ампир, что нашло отражение прежде всего в их графике (использование классической эмблематики в оформлении книг и журналов — обложки, заставки, концовки[43]), античные образы присутствуют на плакатах, открытках и прочей изопродукции, даже в политической литературе[44]. Вступление Италии в 1915 г. в войну на стороне Антанты вызвало новый всплеск пиетета к античному Риму и его символам. Например, обложку журнала «Лукоморье» украсила прекрасная акварель Г. Нарбута «Да здравствует Италия!» с изображением римской волчицы, Колизея, лабарумов и других атрибутов Древнего Рима[45].

Отречение от власти последнего российского самодержца Николая II в феврале 1917 г. взбудоражило Россию, повлияло на ее художественную жизнь[46]. Атмосфера грядущей, давно ожидаемой свободы отразилась в специфическом художественном видении действительности, где уместными казались символы и аллегории. Это восходящие к античности символы крылатой Свободы, Победы с лавровым венком, Справедливости с весами, Изобилия в виде рога с цветами и плодами и т. д. Заполнившие улицы Петрограда и Москвы демократические лозунги типа

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[40] *Луначарский А. В.* Популяризация классического искусства // *Луначарский А. В.* Об искусстве. Т. 2. М., 1982. С. 85.

[41] *Луначарский А. В.* Античное искусство // Наука, религия, искусство. Сб. статей. М., 1923. С. 28.

[42] *Бенуа А.* Мои воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 384—390.

[43] См. многочисленные рисунки и акварели в журналах «Лукоморье», «Аполлон» и других таких художников, как Чехонин, Нарбут, Митрохин, Лаленков, Шарлемань, Лансере.

[44] См., например: «Календарь русской революции». В создании его графических рисунков участвовали вместе с С. Чехониным И. Билибин, М. Добужинский. В рисунках последнего запечатлены венки, колонны, ступенчатые постройки. Книга вышла в издательстве «Шиповник» в 1907 г., но тираж тогда же арестовали. Издание под. ред. В. Л. Бурцева осуществлено в 1917 г. в Петрограде.

[45] Лукоморье. 1915. № 44.

[46] См.: раздел «Революция и искусство» в журнале «Аполлон». 1917. № 2—10; *Лапшин В. П.* Указ. соч. С. 68—185; *Колоницкий Б. И.* Указ. соч.

«Свобода, равенство, братство» наложили отпечаток на художественную интерпретацию «братания»: на знаменах, отправляемых в воюющие полки, изображались не измученные рабочие и солдаты в посконных шинелях, а прекрасные мужские фигуры с голым торсом, стоящие у наковальни, пожимающие руку римскому воину в шлеме и сандалиях[47].

Патриотические военные настроения отражались в символико-аллегорических изображениях трех главных воюющих держав. Например, обложка «Лукоморья» украшена акварелью «мирискусника» О. Шарлеманя, на которой изображены три прекрасные женщины: Англия с трезубцем, Россия с мечом и зданием белого храма в приподнятых руках, Франция во фригийском колпаке, в красной тунике, с пальмовой ветвью в правой руке и «строгой вязкой ликтора» (фасции. — *Н. С.*) — в левой. Окружающие женщин предметы: глобус на подставке из якорей, ржаной сноп с серпом, рог изобилия с плодами и цветами[48].

После Октябрьского переворота большевики использовали символы, действенность которых проявилась еще при Временном правительстве. Революция как бы нарядилась в одежды романтики и красоты. Богини Свободы и Победы присутствуют в уличном оформлении Петрограда, Москвы и других городов в праздничные революционные дни: 1 мая, 7 ноября 1918 г.[49] К ним добавляются триумфальные арки, двухколесные повозки (колесницы) с человеческими фигурами, держащими венки, факелы, одетые в тоги гении с чашами и рогами изобилия, трубящие Славы, колонны, ступенчатые здания (храмы), словом, многие знаки триумфа («римляне создали самую совершенную форму триумфального символизма»[50]), с помощью которых передавался пафос победы пролетарской революции. Естественно, классическая символика перемежалась с красными знаменами, эмблемой «Серп и Молот».

Последующее использование античных реалий связано с так называемым «Ленинским планом монументальной пропаганды», в составлении которого принимал самое деятельное участие А. В. Луначарский[51]. Смысл этого плана: новое пролетарское искусство — на улицы и площади. В ведомстве Луначарского составили список лиц, которым предполагалось воздвигнуть памятники. Первыми были:

[47] См. фотографию: «Братский союз рабочих и крестьян. Обмен знамен Путиловцев и Павловцев I/X — 1917 г.» в кн.: *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958.

[48] Лукоморье. 1915. № 47.

[49] Об этом в книгах: Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. Материалы и исследования. М., 1971; Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. 1917—1932. М., 1984; Страницы истории советской художественной культуры. 1917—1932. М., 1989.

[50] *Керлот Х. Э.* Словарь символов. М., 1994. С. 523.

[51] *Стригалев А.* К истории возникновения ленинского плана монументальной пропаганды (март — апрель 1918 г.) // Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. М., 1976. С. 215—237; *Мазаев А. И.* Пространственные искусства и быт (1917—1932) // Страницы истории советской художественной культуры. 1917—1932. С. 197—233.

Спартак, Тиберий Гракх, Брут[52]. Многие памятные доски и барельефы, появившиеся согласно этому плану в Москве и Петрограде, имели облик античных статуй, на одной из них было начертано изречение Овидия. Проекты новых памятников нередко напоминали фрагменты колонн или имели вид декоративных обелисков, украшенных фигурами Нике, Свободы и т. д.[53]

В первые послереволюционные годы необыкновенно широкое распространение получил плакат, среди образов которого — античные мифологические сюжеты: миф о Прометее, Атлант, поддерживающий небесный свод. Однако интерпретируются мифы «согласно моменту»: «Белогвардейский хищник терзает тело рабочего и крестьянина»; «Рабочий взвалил на свои плечи непомерный груз»[54].

В декоративно-прикладном искусстве античные сюжеты и образы нашли применение в так называемом агитационном фарфоре — «Орфей», «Рог изобилия». На фарфоровых изделиях — слова Овидия, Цицерона[55]. Наконец, в книжной графике первых послереволюционных лет классическая традиция остается в оформлении обложек, в рисунках («Рабы Рима» — контрформула «Мы не рабы»)[56]. На обложке книги «Российский Красный Крест. 1867—1917» Г. Нарбут в 1917 г. нарисовал стилизованных «билибинских» двуглавых орлов (в четырех углах), большой красный крест в центре, а по краям, справа и слева от креста, фасции[57]. Фасции как орнаментальный мотив использовали и другие «мирискусники». Можно предположить, что обложку брошюры с содержанием текста первой советской Конституции оформлял близкий к данному художественному направлению график. Вот и ответ на вопрос профессора П. Каталано.

Таким образом, античной сюжетике и символике отводилось значительное место в агитационно-массовой политике большевиков в первые послереволюционные годы; образность античных художественных форм способствовала романтизации революции и ее демократических постулатов.

Некоторые античные эмблемы претендовали на роль новых государственных символов: памятник Свободы на Советской площади в Москве 1918—1919 гг.;

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[52] Известия ВЦИК. 1918. 2 августа.

[53] Об этом: *Виноградов Н. Д.* Воспоминания о монументальной пропаганде в Москве // Искусство. 1939. № 2. 1; *Нейман М.* Из истории советского искусства // Искусство. 1955. № 9. 1—2; В. И. Ленин и изобразительное искусство. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1977. С. 68—69, 333.

[54] *Полонский В.* Русский революционный плакат. М., 1925. С. 20, 27; *Бутник-Сиверский Б. С.* Советский плакат эпохи Гражданской войны. 1918—1921. М., 1960. С. 36, 146; *Савелов М. Ф.* Советский политический плакат // Очерки по русскому и советскому искусству. Сб. статей. М., 1965. С. 26.

[55] Агитационно-массовое искусство первых лет Октябрьской революции. Каталог выставки. М., 1967. Фарфор. С. 57—58; *Андреева Л.* Указ. соч. С. 62—63, 147, 198.

[56] 1-е Мая 1920 г. М., 1920. С. 8—9.

[57] *Нарбут Г. И.* Каталог выставки произведений. Русский музей. Художественный отдел. Пг., 1922. С. 50. № 9. 89; *Белецкий П.* Георгий Иванович Нарбут. Л., 1985. С. 139.

«Меркуриев жезл» как символ промышленности в руке рабочего на рисунке «народного герба», проект которого представил в Совнарком Сергей Чехонин[58]. Тем же Чехониным созданы проекты марок и других знаков с использованием античных сюжетов[59].

Примерно со второй половины 1920-х гг. новое направление советской внешней и внутренней политики, а также новые направления в искусстве привели к постепенному снижению роли античной символики в социалистической действительности.

Нельзя не отметить, что использование античной символики в период русских революций 1917 г. имело еще один аспект — подражание Великой французской революции. Эта проблема еще только ставится[60] и далека от разрешения. Но уже сейчас можно говорить о неоднократных указаниях в прессе тех лет на образцы французской революционной живописи, на рисунки французских дензнаков, а также — о примерах художественных подражаний французскому искусству периода Великой революции[61].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что конъюнктура в объяснении символики, использованной в России в первую четверть XX в., может быть преодолена только в результате комплексного изучения различного материала — архивного, сообщений прессы тех лет, дневников и мемуаров современников событий, а также огромного изобразительного материала.

[58] Пламя. 1918. № 9. 7.

[59] *Эфрос А., Пунин Н.* Указ. соч. Таблицы рисунков.

[60] *Клеберг Л.* (Стокгольм). Язык символов революций во Франции и в России // Лотмановский сборник. Вып. II. М., 1997. С. 140—150.

[61] *Брюллова Е.* Искусство Франции во время революции // Лукоморье. 1917. № 9. 9—11; Пламя. 1918. № 9. 3. С. 16; Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. С. 110; *Андреева Л.* Указ. соч. С. 59.

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГИМНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Музыкальный символ России всегда становился «камнем преткновения». Так, он активно выбирался в 1917 г., когда Николай II отрекся от престола, что делало невозможным само исполнение прежнего гимна, начинавшегося словами «Боже, Царя храни». Среди десятков предложений различных мелодий и слов для гимна «нецарской» России выделяется своей конструктивностью небольшая статья известного поэта В. Я. Брюсова, написанная в марте 1917 г.[1] (то есть в период, когда Временное правительство решало вопрос о гербе и печати).

По его мнению, России был необходим новый национальный гимн, на создание которого следует объявить конкурс — «сознательное задание». «Национальный гимн, — писал он, — есть патриотическая песнь, выражающая дух народа, его заветные убеждения, его основные устремления… Нужна краткая песнь, которая силою звуков, магией искусства сразу объединила бы собравшихся в одном порыве, сразу настроила бы всех на один высокий лад…» Музыка гимна должна быть мощной, как любовь к Отчизне. Неразрывны с музыкой должны быть слова. Написание их для гимна Отечества — дело особой сложности. «Дух народа» легко воплотить в словах, когда речь идет о «единообразном населении». Россия же страна многонациональная, поэтому ее гимн вряд ли может быть лишь «великорусским», а напротив — объединять все ее народы. По глубокому убеждению Брюсова, гимн новой России не должен разделять население страны не только по вероисповеданию, национальности, но и по классовому признаку, его должны принимать все, кто считает Россию своей Родиной. В этом случае он будет дорог многим поколениям.

Брюсов полагал, что среди идей и образов — необозримые просторы нашего Отечества, героические подвиги предков, военная слава Российской державы, а также братство народов России, их содружество и труд на общее благо. Все идеи, мысленно возникающие при многозначном слове «Россия», если они изложены понятным каждому поэтическим языком, не покажутся пустыми словами, когда прозвучат в гимне могучей державы.

Государственный гимн — это не только особый музыкальный символ. Его слова, как правило, патриотичны, они прославляют державу, отражают мировоз-

[1] *Брюсов В. Я.* О новом русском гимне // Советская Россия. 23.03.1991.

зренческий и духовный настрой общества; музыка торжественна и вдохновенна, но вместе с тем достаточно легко воспроизводима и запоминаема. Именно в XIX в. гимн — вместе с гербом и флагом — входит в складывающееся триединство символов государственного суверенитета. Государственные символы утверждаются властью, которая, как правило, причастна к их созданию и даже инициирует их выбор (иногда учитывались исторические традиции и политические устремления, а иногда — народный колорит без всякой политики). Символы государственного суверенитета постепенно закрепляются законодательно.

Во многих странах разрабатываются и неукоснительно соблюдаются ритуалы, связанные не только с использованием герба и флага, но и с исполнением гимна (слова гимна учат в школах, приветствуется хоровое исполнение, при звуках гимна правую руку прикладывают к сердцу и пр.). Это считается нормой в гражданском обществе.

Эволюция российского герба и флага может быть и не так широко, как хотелось бы, но все-таки представлена в современной российской историографии. История гимнов менее разработана. Можно согласиться с мнением В. М. Калинкина, что музыкально-поэтический жанр, к которому принадлежит гимн, «являясь неотъемлемым атрибутом символики государства, до сих пор не имеет своего четко обозначенного, четко очерченного определения, не имеет обязательных для этого художественного жанра критериев»[2]. Представляются справедливыми замечания этого автора, что государственный гимн, как правило, соответствует комплексу критериев, которые отличают его от других музыкально-поэтических жанров, например от песни, кантаты, оратории, марша, и в значительной степени определяются специалистами по истории музыки.

Ряд авторов в работах последних лет пишут об официальных и неофициальных гимнах России, о национальном (государственном?) гимне, о гимне-марше Преображенского полка и о других маршах-гимнах, а также гимнах-молитвах[3]. Музыка этих гимнов была привлекательна для отдельных групп населения и различных сословий России, но ни один из них не нес объединяющего программного начала для народа всей страны, в чем, собственно, и состоит основной критерий государственного гимна. Идентификация марша и гимна «сдвигает» дату появления российского государственного гимна к эпохе Петра I, что методически неверно.

В ряде работ, опубликованных в последние годы, проблема появления русского национального гимна рассматривается в контексте формирования идеологии николаевской России и неразрывной нитью связывается с провозглашенной в марте 1833 г. известной доктриной министра просвещения С. С. Уварова — «правосла-

[2] *Калинкин В. М.* Да будет во благо сплочение наше! М., 2000. С. 4.

[3] *Артамонов В. А.* «То был России клич!» // *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 192—193; *Грачев В. Н.* Гимны России — зеркало ее духовного состояния. М., 2003. Последняя книга содержит в обобщенном виде довольно полный материал о российских гимнических мелодиях.

вие, самодержавие, народность». Последняя, в свою очередь, базируется на самодержавной апологетике Н. М. Карамзина, духовное воздействие которого на российское общество и на утверждение «охранительских» воззрений было огромно[4]. У Карамзина любовь к отечественной истории — это безоговорочное принятие прежних и существующих порядков: самодержавие выступает как единственный «палладиум» России.

Карамзину и его идеям внимали такие умные, тонкие, образованные люди, как С. С. Уваров, В. А. Жуковский, Д. Н. Блудов[5] . Через несколько лет один из них станет родоначальником «теории официальной народности» (Уваров), другой создаст стихи гимна, прославляющие самодержавие (Жуковский), третий будет разрабатывать «Уложение о наказаниях». Эти лица, занявшие при Николае I важные министерские посты, были близки царю по своему мировоззрению. Неудавшийся переворот 1825 г., по-видимому, заставил воцарившегося монарха позаботиться о «четкой концепции национального бытия», в создании которой ему помогали наиболее доверенные люди, воспитанные Карамзиным в духе «благоговения перед святыней власти державной», которые каждый на своем месте способствовали воссозданию идеи «особости» и «самодостаточности» великой России.

Не последнее место власть отводила соответствующей атрибутике, чему чрезвычайно большое внимание уделял Николай I. В контексте формирования идеологии николаевского царствования следует рассматривать и появление в 1833 г. «народной песни» В. А. Жуковского — А. Ф. Львова как официального Государственного гимна Российской империи.

А. Ф. Львов сыграл существенную роль в развитии русского церковного пения. Именно он, общавшийся со многими западноевропейскими музыкантами и учившийся у немецких мастеров, создал музыку гимна, затрагивающую душу русских людей не одного поколения и разных сословий. Думается, что причина — в самой тональности его «народной песни». В гимнической мелодии Львова присутствует стабильная основательность и незыблемость. Много лет спустя композитор И. О. Дунаевский назвал гимн Львова «церковно-тяжеловесным». Впрочем, если учесть факты биографии Львова, жизненные коллизии, с которыми он постоянно сталкивался и оказался в момент написания русского национального гимна, он вряд ли представил бы другую музыку — типа, например, французской «Марсельезы». Львов написал много церковных композиций, при его участии было сделано переложение полного круга церковного пения, так называемого придворного напева, его концерты «Приклони, Господи, ухо твое»,

[4] *Kisseljova L.* Заметки о российском гимне (карамзинисты — творцы официальной идеологии). — Studia Litteraria Polono // Slavica. 3. Warszawa, 1999. S. 260. См. также: Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 203—206.

[5] *Сахаров А. Н.* Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 87.

«Услыши, Господи, молитву мою» — «капитальнейшие нумера в духовно-музыкальном творчестве…»[6].

Одним из первых официальных гимнов европейских государств признается «Боже, храни короля, королеву» (Великобритания). Однако по поводу авторства английского гимна споры ведутся до сих пор, и в одном из известнейших музыкальных словарей (Гроува) говорится, что авторы слов и музыки этого гимна неизвестны. Во второй половине XVIII в. появились гимны и в других европейских странах. Например, в Австрии вариации на песню Ф. Й. Гайдна из «Императорского квартета» в честь австрийского императора — «Боже, храни Императора Франца» (слова Л. Хашки) до 1918 г. представляли собой государственный гимн этой страны. Эта же мелодия, но уже со словами Г. фон Фаллерслебена «Германия, Германия, превыше всего» превратилась в гимн германского рейха; в настоящее время — это гимн ФРГ (имеющий другие слова)[7]. Известнейшим гимном в конце XVIII в. стала французская «Марсельеза». Декретом Директории от 14 июля 1795 г. она была объявлена национальной песней, но только в 1879 г. ее утвердили как официальный гимн Французской республики.

Бельгийский гимн «Брабансон» («брабантский»), ранее — «Брюсселюаз» («брюссельский»), относится к тревожным дням борьбы Бельгии за независимость от Голландии и последовавшего затем образования в 1830 г. самостоятельного Бельгийского государства. Написан он был непрофессионалами. Первый автор текста, актер Женеваль, был убит в борьбе с голландцами, став национальным героем. Автор музыки Ф. ван Кампенгоут увлекся словами патриотических стихов Женеваля «и случайно» написал к ним мелодию, будучи самоучкой. Как память о революционных действиях бельгийцев, он пользуется популярностью до сих пор, хотя слова в связи с изменением политической ситуации написали иные, вскоре после примирения с Голландией. Можно согласиться с мнением Н. Бернштейна, который подчеркивал, что история создания некоторых гимнов обнаруживает явную связь между их происхождением и политическим настроением. «Не только бельгийский и французский гимны, но и английский… являются своего рода звуковыми термометрами, показывающими подъем общественного настроения»[8].

Действительно, именно тогда, когда Россия и Англия вместе сокрушили Наполеона, английский государственный гимн стал объектом внимания в России. В 1814 г. Жуковский сделал стихотворный перевод английского гимна. Первая публикация его в «Сыне отечества» в 1815 г. содержала 7 строк и называлась

---

[6] *Кашкин Н.* Очерк истории русской музыки. М., 1908. С. 96; *Преображенский А. В.* Культовая музыка в России. Л., 1924. С. 94. Список его духовных произведений приводит в своем труде «Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825—1917» (М., 1994. С. 44—45) современный историк музыки Е. М. Левашов.

[7] Музыкальней словарь Гроува. М., 2001. С. 252, 349.

[8] *Бернштейн Н.* История национальных гимнов. Пг., 1914. С. 25—27, 45.

«Молитва русских». Есть сведения, что в конце 1815 г. в Дерпте они исполнялись на музыку местного композитора А. Вейрауха[9].

Однако с 1816 г. стихи поются уже на музыку английского гимна «Боже, храни короля». В «Истории лейб-гвардии Финляндского полка» упоминаются письма цесаревича Константина Павловича к генерал-адъютанту Сипягину, в которых очень подробно, день за днем излагается все, что происходило в Варшаве во время пребывания там осенью 1816 г. Александра I. Во время парада, когда царь «подъехал к фронту войск, все музыканты, барабанщики и флейщики после пробития двух колен похода сыграли гимн "Боже, Царя храни!", взятый с английского национального "Боже, храни короля!" Это, как пишет Константин Павлович Сипягину, "было впервые употреблено и очень понравилось императору"[10]. С тех пор начали постоянно исполнять мелодию английского гимна «при отдании чести государю, попеременно с двумя коленами похода».

Однако несмотря на исполнение «Молитвы русских» с английской мелодией в разных ситуациях (например, лицеисты, соученики А. С. Пушкина, узнавая, что царь находится рядом, начинали петь «Боже, Царя храни» по тогдашнему тексту и тогдашней английской мелодии[11]). За государственный российский гимн он вряд ли признавался, потому что его исполнение не входило в обязательный ритуал в различных официальных церемониях. Так, в присутствии Николая I, царицы и наследника, прибывших в Варшаву в 1829 г. для коронации, при вручении скипетра и державы и возгласах «Слава императору во веки веков» под гром пушек исполнили церковный гимн «Тебе, Бога, хвалим»[12]

Полный вариант «Молитвы русского народа» (42 строки), написанный В. А. Жуковским, не ограничивается лишь прославлением монарха, но, варьируя тематически английский текст, содержит воспевание «воинов-мстителей», а также — «мирных блюстителей» (закона). Кроме того, не только правитель, но и Отечество — Русь православная — герои написанной им «Молитвы». Подобная тематическая линия явно соотносится с историческим контекстом — триумфом победы над Наполеоном[13]. Эта линия, как бы уравновешивающая «значимость» Отечества и монарха, не понравилась впоследствии Николаю I, который, по словам современников, называл текст, написанный Жуковским при Александре I, «размазнею Жуковского»[14] . Текст 1833 г. царя более устроил, так как в нем основным фигурантом выступал сам монарх, кроме того, здесь присутствовали «составляющие» официальной доктрины: православие (царь «православный»), самодержавие (царь

[9] *Рамазанова Н.* А. С. Пушкин и А. Ф. Львов // Нева. 2001, № 2. С. 216; *Серебренников Н. В.* Гимн России «Боже, Царя храни!». Тверь, 2002. С. 4.

[10] История лейб-гвардии Финляндского полка. Отдел I. СПб., 1806—1831. С. 259—260.

[11] Цит. по: *Серебренников Н. В.* Указ. соч. С. 4.

[12] Записки композитора Алексея Федоровича Львова // Русский архив. 1884. Кн. 4. С. 242.

[13] См.: *Kisseljova L.* Op. cit. S. 256—259.

[14] Гимн «Боже, Царя храни». Из рассказов А. П. Петерсона // Русский архив. 1909. № 12. С. 528.

«державный»). Что касается «народности», то о ней дает представление заголовок стихов — «Русская народная песня» (по желанию царя).

«Молитва русских» к годовщине основания Царскосельского лицея была дополнена двумя строфами, сочиненными А. С. Пушкиным. Начальные пушкинские слова гласили: «Там громкой славою / Сильной державою / Мир он покрыл». В переделанном под музыку Львова тексте Жуковского просматривается аналогия: «Боже, Царя храни! Сильный, державный». Видя в этой аналогии заимствование Жуковским пушкинской строки, Н. Рамазанова делает интересное заключение не только о своеобразном участии Пушкина в создании первого национального гимна, но и о влиянии данного факта на пожалование ему придворного чина.

Автор музыки гимна Алексей Федорович Львов был избран Николаем I как человек ему близкий, преданный лично (командовал царским конвоем, сопровождая царя во всех поездках) и в то же время музыкально одаренный, прекрасный исполнитель-скрипач, талантом которого восхищались Мендельсон, Лист, Шуман. Шуман в статье «Алексей Львов» называл его «автором знаменитого русского национального гимна и других сочинений, которые еще ждут своего опубликования». После концерта в Лейпциге, на котором он присутствовал, Шуман написал: «Г-н Львов — скрипач настолько примечательный и редкостный, что он может быть поставлен в один ряд с первыми исполнителями вообще»[15] .

А. Ф. Львов ко всему прочему являлся и прекрасным музыкальным организатором: в 1850 г. он учредил первое в России «Концертное общество», сыгравшее большую роль в пропаганде классической музыки. Члены общества, в которое входили не только музыканты, но и представители высшего общества и даже царской семьи, платили немалые взносы, которые давали возможность устраивать концерты для любителей музыки. Концерты обычно происходили в помещении Придворной капеллы, и в них часто принимал участие хор капеллы. Директором певческой капеллы являлся опять же Львов, сначала, после смерти в 1836 г. отца — Федора Петровича, бывшего директора, исполняя его обязанности, а затем, с 1849 по 1861 г. на постоянной основе. Учредив при Певческой капелле музыкальные классы, он предвосхитил официальное профессиональное образование, возникшее с открытием в 1862 г. Петербургской консерватории, с которой капелла поддерживала тесную связь, посылая туда своих воспитанников. Именно такой путь проделал в начале XX в. А. Александров, поступив в Петербургскую консерваторию из Певческой капеллы.

При всем многообразии достоинств личности Львова и его заслуг перед Отечеством, он вошел в историю прежде всего как автор первого российского Государственного (национального)[16] гимна. Все авторы, писавшие о работе Львова над гимном, опирались на его «Записки», опубликованные в 1884 г. в 4—5 книгах «Рус-

[15] Цит. по: *Крутов В. В.* «Боже, Царя храни!». История первого российского гимна. М., 1998. С. 31.

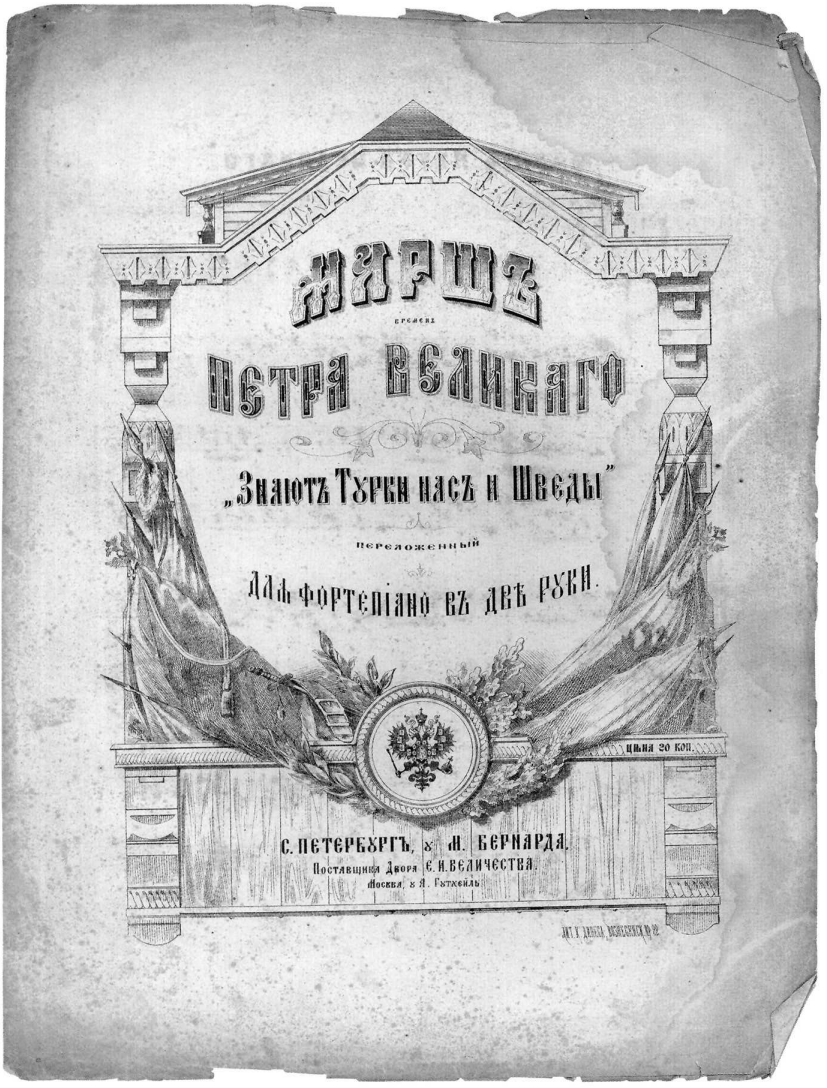
[16] Идентичность этих понятий фиксирует Музыкальный словарь Гроува. С. 252.

ского архива». Именно в них Алексей Федорович объясняет причину, по которой он взял на себя трудную миссию — написать государственный гимн. По окончании Корпуса инженеров путей сообщения в 1818 г. Львов попал на военную службу под начало А. А. Аракчеева, а затем — в Министерство внутренних дел к А. Х. Бенкендорфу. В 1826 г. его, не желавшего быть «по секретной части», назначили управляющим делами Императорской квартиры, как боевого офицера (Львов принимал участие в русско-турецкой войне), зачисляют в почетный Кавалергардский полк и назначают командиром царского конвоя. С этого времени он становится близок не только императору, но и его семье, аккомпанируя на скрипке пению княжны, участвуя в домашних концертах императорского семейства.

Событию, связанному с «царским заказом», Львов уделяет особое место в своих «Записках»: «…В 1833 году я сопутствовал Государю в Австрию и Пруссию. По возвращении в Россию граф Бенкендорф сказал мне, что Государь, сожалея, что мы не имеем своего народного гимна и скучая слышать музыку Английскую, столько лет употребляемую, поручает мне попробовать написать гимн Русский. Задача эта показалась мне трудною, когда я вспомнил о величественном гимне Английском: "God save the King", об оригинальном гимне Французском и умилительном гимне Австрийском. Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа — от ученого до невежи. Все эти условия меня пугали и я ничего написать не мог. В один вечер, возвратясь домой поздно, я сел к столу и в несколько минут гимн был написан». Далее рассказывается, как Львов пошел к Жуковскому (по-видимому, существовала предварительная договоренность), который предоставил Львову 6-строчный текст, начинающийся теми же словами «Боже, Царя храни!», что и текст 1814 г. Львов писал, что Жуковский «подогнал» под его мелодию уже имеющиеся слова. На самом деле кроме первой строчки слова были написаны новые, отчасти действительно в соответствии с музыкальным размером, предложенным Львовым, но прежде всего, как об этом говорилось выше, в соответствии с «идеологической программой». Осознавая свою роль в ее осуществлении, Львов, обращаясь к детям в своих «Записках», замечал: «Душевному артисту, как ваш отец, можно почитать счастьем удачное сочинение гимна, который если не достоинством, то по назначению своему, переживет бездну других музыкальных сочинений несравненно обширнее, которого достоинство и ценность увеличивается по мере умножения числа лет его существования, и наконец, который после десяти лет сделался народным в России и принят с особым одобрением во всей Европе»[17].

Подобную же значимость своего с Львовым творения осознавал и Жуковский. Незадолго перед смертью он писал Львову: «Наша совместная двойная работа переживет нас долго. Народная песня, раз раздавшись, получив право гражданства, останется навсегда живою, пока будет жив народ, который ее присвоил. Из всех

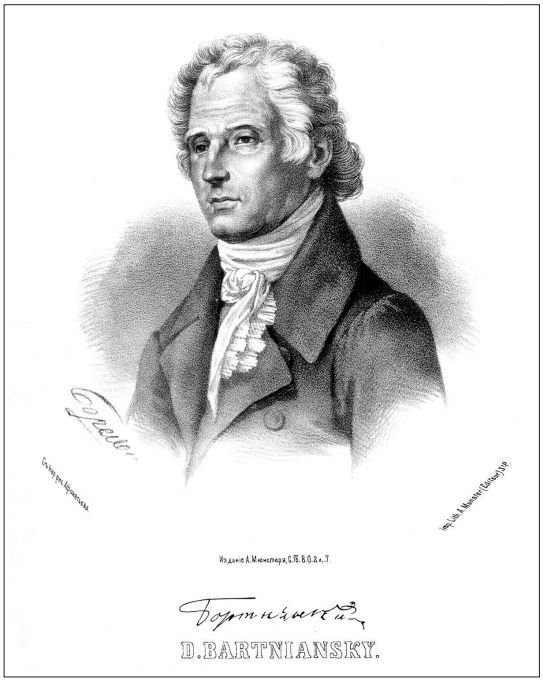
[17] Записки композитора… // Русский архив. 1884. № 4. С. 243, 247.



Марш времен Петра Великого «Знают турки нас и шведы».
Переложение для фортепиано в две руки.
СПб., б. г.

О. А. Козловский.
«Гром победы, раздавайся!»
(слова Г. Р. Державина).
Русский победный гимн
времен Екатерины Великой.
М.: П. Юргенсон, 1896 г.

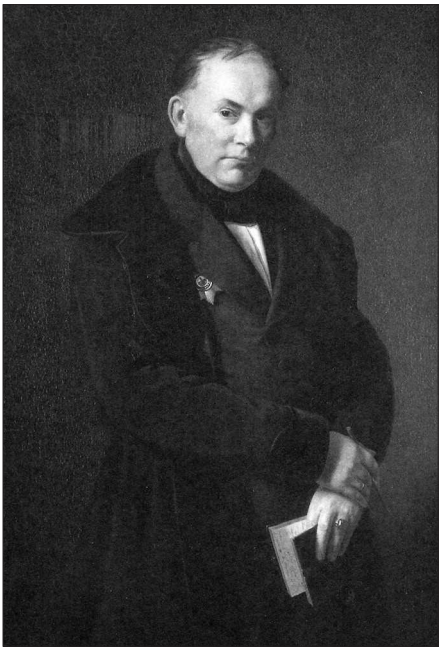
Г. Р. Державин,
автор слов первого русского
светского гимна
«Гром победы, раздавайся!»



Д. Бортнянский.
Литография А. Мюнстера.
1840-е гг.

Д. Бортнянский.
«Коль славен наш господь в Сионе»
(слова М. М. Хераскова).
Печатное издание из библиотеки
Придворной певческой капеллы

В. А. Жуковский,
автор слов гимна «Боже, Царя храни!»



А. Ф. Львов, автор музыки
гимна «Боже, Царя храни!»

моих стихов эти смиренные пять, благодаря Вашей музыке переживут всех братий своих. Где не слышал я этого пения? В Перми, в Тобольске, у подошвы Чатырдага, в Стокгольме, Лондоне и Риме!»[18]

Однако в момент появления гимна он прежде всего понравился Николаю I. Царь вместе со свитой и домочадцами прослушал гимн 23 ноября 1833 г. в Певческой капелле, где состоялось первое исполнение сочиненной Львовым и Жуковским «народной песни» (именно так нравилось царю называть гимн) с придворными певчими и двумя военными оркестрами. По желанию царя гимн исполнялся несколько раз, и было решено «показать» его широкой публике. «Показ» состоялся в Москве в Большом театре 11 декабря 1833 г. Вот как на следующий день писала об этом событии московская газета «Молва»: «Вчера 11 декабря Большой Петровский театр был свидетелем великолепного и трогательного зрелища, торжества благоговейной любви народа Русского к царю Русскому». После краткой предыстории существования в России английской мелодии с известными всем стихами Жуковского (1814 г.) в газете говорилось: «Но будем откровенны — честь великой империи требует, чтобы на пространстве ее, занимающем седьмую часть земного шара, миллионы, совокупленные единым чувством любви и преданности к единой самодержавной главе, ими управляющей, выразили сие высокое чувство своими, не заимствованными звуками, вылившимися из груди Русской, проникнутыми Русским духом»[19].

С восторгом автор статьи повествует о том, что, когда поднялся занавес, глазам зрителей предстал огромный хор в 400 человек — все актеры русской труппы, Театральной школы, все, кто мог петь, включая актера М. С. Щепкина. К оркестру театра присоединился полковой оркестр, оркестр трубачей. При первых звуках все зрители поднялись с мест. А затем, по свидетельствам очевидцев, долго не смолкали крики «ура!» и «форо!», так что песню пришлось повторить. «Гром рукоплесканий слился с громом оркестра. Казалось, одна душа трепетала в волнующейся громаде зрителей. То был клич Москвы, клич России!» В заключение автор делает вывод: «Благословенна страна, где тысячи уст так дружно отзываются на имя царское! Боже, Царя храни! Этот клик останется навсегда призывным кликом России на путь к совершенству и славе! И дотоле никакая враждебная сила не прикоснется к ней, доколе из груди верных чад ее будет вырываться в восторге истинного одушевления сия торжественная песнь!»

Полвека спустя уже другая газета, «Московские ведомости», помещая на своих страницах материалы, посвященные «50-летию русского народного гимна» и его автору Львову, писала о громадном влиянии на московскую публику этой «русской народной песни», подчеркивала, что именно в Москве состоялось первое публич-

[18] Цит. по: *Барановский А.* «Боже, Царя храни!» Дело о плагиате монархического гимна // Родина. 1996. № 12.

[19] Молва. 12.XII.1833.

ное исполнение гимна, ибо государь, желая передать гимн на «оценку и суждение» народа, выбрал для этого московскую публику[20].

В Петербурге состоялось официальное оформление национального гимна. 25 декабря 1833 г., в день годовщины изгнания войск Наполеона из России, гимн был исполнен во всех залах Зимнего дворца в присутствии самых высоких воинских чинов и при освящении знамен. «C'est superbe!» (Это великолепно!) — с такими словами, по воспоминаниям Львова, обратился к нему царь. В некоторых публикациях к этому добавляется еще: «Это то, что мне надо». Следующее общественнозначимое исполнение гимна произошло 30 августа 1834 г. на Дворцовой площади, где был открыт монумент в честь победы над Наполеоном — Александровский столп. Таким образом, «Народная песнь» ассоциировалась отныне с народным подвигом, совершенным под руководством монарха во славу Российской империи[21]. Еще в декабре предписывалось всем военным оркестрам «на парадах, смотрах, разводах и в прочих случаях» вместо английской мелодии играть музыку, созданную Львовым.

Итак, Государственный гимн Российской империи состоялся. Его пропагандировали очень широко. Уже в начале 1834 г. газета «Северная пчела» сообщала, что в продажу поступила «Песнь русских», положенная на музыку Львовым, и «музыка сей песни — в четырех разных изданиях: 1) для хора с полным оркестром; 2) для хора с фортепьяно; 3) для одного голоса с фортепьяно; 4) для фортепьяно на четыре руки»[22]. Существовали и многочисленные подарочные и юбилейные издания.

Львов неоднократно в своих «Записках» отмечает, насколько выигрывал российский гимн по сравнению, например, с прусским или австрийским, когда они исполнялись на совместных мероприятиях. Так, в сентябре 1835 г. в присутствии прусского, австрийского и русского государей, обсуждавших вопрос о памятнике в честь Кульмского сражения, выигранного союзниками в 1813 г., военные оркестры играли государственные гимны: «…кто из русских не был тронут до глубины сердца, когда раздался отечественный гимн "Боже, Царя храни!". Такой разительный отпечаток нравов Австрийцев и Русских! Сочинение мое мне никогда так хорошо не казалось, от восторга у меня лились слезы; я видел, что самые иностранцы были увлечены силою и чувством нашего гимна и сопровождали музыку пением на русском языке»[23].

Рассказывая об одном из своих концертов в Германии — в Гейдельберге, Львов вспоминает, что закончил концерт «нашим народным гимном. Все слушатели были в неизъяснимом удовольствии, а музыканты, встретив меня на другой день, ходили за мной по улицам целою толпою». В другой раз, в Дрездене, после основного концерта «был исполнен наш народный гимн, …рукоплескания, стук ногами и стульями, крики "форо" раздавались, как молния, по всей зале. Я должен

[20] Московские ведомости. 9.X.1883.

[21] *Kisseljova L.* Op. cit, s. 263 (несколько иная интерпретация).

[22] Северная пчела. 1834. № 4. С. 14.

[23] Записки композитора // Русский архив. 1884. № 4. С. 252—253.

был повторить: тот же восторг, те же крики "Vivat Nicolaus!". Меня целовали, шептали мне на ухо: "Wir sind Russen geworden" (мы стали русскими)»[24].

Очень показательно, что такое же чувство восторга вызывала музыка гимна почти через восемьдесят лет после своего создания. Офицер лейб-гвардии Кирасирского полка В. С. Трубецкой вспоминает о своих ощущениях, когда он стоял в строю на параде, который посетил Николай II: «Секунда — и старый литаврщик энергичным движением разом опустил руку, коснувшись кожи старых кирасирских литавров. …Во все усиливающемся человеческом вопле вдруг с новой силой и торжеством родились воинственные звуки наших полковых труб, запевших гимн, полный величия. К горлу подступил какой-то лишний, мешающий комок, усилилось ощущение бегающих мурашек по спине. Что вдохновило господина Львова, композитора малоизвестного и не слишком одаренного, не знаю, но в строгие и спокойные гармонии этого небольшого хорала ему удалось вложить огромную идею силы и величия»[25].

Музыкальный символ Российской империи стал мировой музыкальной классикой. Тема «Боже, Царя храни!» варьируется в нескольких произведениях немецких и австрийских композиторов. П. И. Чайковский «цитирует» его в двух произведениях — «Славянском марше» и увертюре «1812 год», написанной в 1880 г. и исполнявшейся по случаю освящения храма Христа Спасителя в Москве.

Между тем восприятие музыки гимна не было адекватным восприятию личности его автора, о котором до публикации его «Записок» в середине 1880-х гг. и воспоминаний родственников примерно этого же времени было известно мало. Ближе к концу XIX в. появляются статьи (прежде всего в «Русской музыкальной газете»), прямо или косвенно подвергающие критике шедевр Львова. В частности, издатель этой газеты Н. Финдейзен поддержал миф о конкурсе русских национальных гимнов, в котором якобы принимал участие М. И. Глинка. Между тем каждый, кто знаком с биографией великого композитора, знает, что Глинка весной 1830 г. уехал в Италию и вернулся в Россию из Берлина весной 1834 г. Далее Финдейзен опубликовал найденный в бумагах Глинки набросок мелодии под названием «Motif de chant national», которое позднее получило очень вольный перевод как «Патриотическая песнь». Современные музыковеды пришли к выводу, что этот фрагмент создан Глинкой в 1837—1838 гг., намного позднее предполагаемого 1833 г., к тому же вряд ли как набросок государственного гимна[26].

В начале XX в. та же «Русская музыкальная газета» в анонимной статье оспорила авторство Львова, который якобы использовал для гимна «Боже, Царя храни!» мелодию, уже ранее написанную как марш капельмейстером Ф. Гаазом.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[24] Записки композитора // Русский архив. 1884. № 5. С. 68, 75.

[25] *Трубецкой В. С.* Записки кирасира. М., 1991. С. 165.

[26] *Васина-Гроссман В. А.* Михаил Иванович Глинка. М., 1979. С. 33, 43; подробнее об этом см.: *Рамазанова Н.* А. С. Пушкин и А. Ф. Львов. С. 218; *Никитин К.* Патриотическая песня польских католиков как гимн демократической России? // Российская газета. 25.05.2000.

Н. Ф. Соловьев приложил много сил, чтобы опровергнуть эти измышления, для чего он вынужден был обратиться к германскому императору, приказавшему для выяснения действий фирмы Шлезингер, издавшей марш Гааза, произвести поиск в архивах. К 75-летию национального гимна, в 1908 г., Соловьеву был пожалован орден. Итог дискуссии о плагиате, казалось бы, подвела большая статья начальника придворного оркестра барона Штакельберга, опубликованная в 1910 г. в «Новом времени», которая была написана на основании подлинных документов и разбивала «все доводы против приоритета Львова»[27]. Тем не менее в 1911 г. появился еще один пасквиль по поводу русского национального гимна — якобы его мелодия была «списана со старинного голландского псалма». Потребовались новые доказательства нелепости обвинений; эти доказательства на сей раз официально были присланы из Голландии. Однако «Русская музыкальная газета» продолжала печатать «разоблачительные» материалы в отношении русского национального гимна и его автора[28] .

Все домыслы о «неподлинности» мелодии первого российского национального гимна не умалили ее величественности. Что же касается автора музыки «Боже, Царя храни!», то Львов навсегда вошел в плеяду русских композиторов, о чем свидетельствует, в частности, картина И. Е. Репина, висящая на площадке лестницы Московской консерватории. Картина называется «Славянские композиторы», и на ней, вместе с Глинкой, Шопеном, Римским-Корсаковым и другими, изображен в расшитом золотом генеральском мундире Львов[29].

Через шесть лет после публикаций о «недостаточно русском» гимне Львова все та же «Русская музыкальная газета» включилась в борьбу за новый гимн. 10 марта 1917 г. (через неделю после отречения от престола Николая II) на ее первой странице была напечатана «Анкета о новом народном гимне». По условиям «Анкеты» 1) гимн не может превышать 8 стихов; 2) по содержанию стихов он должен быть патриотичен и внепартиен; 3) текст гимна должен подходить к какой-либо популярной на Руси мелодии торжественного характера (специально подчеркивалось: выбор мелодии старого львовского гимна, по своей форме напоминающего старый немецкий хорал, исключается). Вероятно, как пример нового всероссийского гимна рядом с «Анкетой» были напечатаны стихи В. Б. Чешихина, которые надлежало петь на мелодию Бортнянского «Коль славен»[30]. Страницы газеты заполнили в дальнейшем рекомендации по использованию для нового гимна державы той или иной мелодии известных русских композиторов: Глинки, Глазунова, Римского-Корсакова; гимн берендеев из «Снегурочки» казался издателям газеты «готовым гимном».

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[27] Подробнее об этом см.: *Бернштейн Н.* Указ. соч. С. 9—10; *Барановский А.* Указ. соч. С. 97—99; *Барон Штакельберг Н.* Об авторе нашего народного гимна // Новое время. 4. VI.1910.

[28] Русская музыкальная газета. 1911. № 30—31. С. 617.

[29] *Розанов А.* «Народная молитва» или, Как создавался старый российский гимн // Российские вести. 1991. № 13.

[30] Русская музыкальная газета. 10.03.1917. № 10; № 11—12. 19—26.03.1917.

Ни одно из предложений общественности, касающееся нового гимна демократической России, Временным правительством принято не было[31].

Однако практически роль гимна в 1917 г. исполняла французская «Марсельеза». Казалось бы, к России эта французская «Боевая песня рейнской армии», сочиненная в апреле 1792 г. офицером Клодом Жозефом Руже де Лилем и ставшая в революционной Франции ее сугубо патриотическим символом, не имеет отношения. Но, во-первых, в период русских революций 1917 г. вообще имели место многочисленные подражания Великой Французской революции — будь то использование античной символики, примеры аналогичного оформления дензнаков, марок, образцом служило французское искусство эпохи революции и т. д. Во-вторых, «Марсельеза», которая пелась в начале XX в. в России, по словам и отчасти даже по музыке (из-за размера новых стихов) отличалась от французского гимна[32].

При Временном правительстве, так и не утвердившем символику новой, постсамодержавной России в ожидании Учредительного собрания, официальный гимн Франции «Марсельеза» выполнял некоторые функции государственного гимна. Ее исполняли при встрече членов Временного правительства, при приеме иностранных делегаций, перед началом спектаклей в театрах. Причем оркестры исполняли классический французский вариант «Марсельезы», а пелась русская «Рабочая Марсельеза». Многие полки отправлялись на германский фронт с красными революционными знаменами, в бой они шли под звуки «Марсельезы»[33].

Как «Марсельезе», так и «Интернационалу» в зарубежной историографии посвящено много работ, писали о них и отечественные музыковеды и историки[34]. Нередко утверждается, что «Интернационал» стал гимном Советского государства сразу же после октябрьских событий 1917 г. При этом ссылаются на книгу Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», где автор пишет об исполнении «Интернационала» в Смольном уже 25 октября 1917 г. Для других отечественных авторов точкой отсчета является приезд В. И. Ленина из эмиграции в Петроград 3 апреля 1917 г., и описывается случай, вошедший в воспоминания многих очевидцев: на перроне Финляндского вокзала единомышленники встречали Ленина пением «Марсельезы». Однако Владимир Ильич поморщился и сказал: «Давайте петь "Интернационал"»[35]. Как вспоминают очевидцы, слов последнего почти никто не знал, хотя «Интернационал» к тому времени имел уже русский текст. Ленин же, напротив, их хорошо знал, ибо еще в 1912 г. он написал статью, посвященную 25-летию со дня

[31] *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001. С. 285—287.

[32] См. об этом: Россия в XIX—XX веках. Материалы II научных чтений памяти В. И. Бовыкина. М., 2002. С. 353; *Дрейден С.* Песнь песней революции. М., 1988. С. 9.

[33] *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 287—289.

[34] См., например: *Дрейден С.* Музыка — революции. М., 1981; *Он же.* Песнь песней революции. М., 1988; *Хентова С. М.* Мелодии великого времени: «Марсельеза», «Интернационал». М., 1986; *Гиппиус Е. В., Зверев Р. Я.* К истории текста «Интернационала» и его переводов // Вопросы истории КПСС. 1968. № 3. С. 103—107 и др.

[35] *Дрейден С.* Музыка — революции. С. 130; *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 291.

смерти Эжена Потье, члена Парижской коммуны, поэта, который и создал текст «Интернационала» буквально сразу же после падения Коммуны в 1871 г., Стихи, однако, были напечатаны лишь через 16 лет, незадолго до смерти автора в 1887 г. в сборнике *Chants révolutionnaires*, который через полтора месяца проник в Россию. Как показало источниковедческое исследование, тексты 1871 и 1887 гг. существенно разнятся (из 48 строчек только 17 совпадают[36]): автор сделал изменения текста под влиянием растущего пролетарского движения, в частности выразил его кредо: «Прошлое сотрем начисто, мир должен измениться в своей основе» («Весь мир насилья мы разроем до основанья, а затем — мы наш, мы новый мир построим» — в русском переводе).

Его Императорскому Величеству
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ
МОЛИТВА РУССКАГО НАРОДА:
БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ!
СЛОВА В. ЖУКОВСКАГО
МУЗЫКА А. ЛЬВОВА.
НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Титульный лист гимна «Боже, Царя храни!». Издание выпущено по случаю 25-летия со дня первого исполнения гимна

Переводы, сделанные со стихов Э. Потье 1887 г. в различных странах, не всегда соответствуют французскому тексту, в том числе и русский текст, который написал в 1902 г. поэт А. Я. Коц. Еще в 1899 г. он, бывший горный мастер из Донбасса, присутствовал, находясь в эмиграции, на конгрессе французских социалистов. Исполнение «Интернационала» так потрясло молодого русского эмигранта, что он решил сделать его достоянием борцов с самодержавием. Коц не перевел нескольких куплетов, принадлежавших перу Потье, но в Россию проникла музыка Дежейтера, что в значительной степени способствовало принятию и усвоению слов песни.

Некоторые современные авторы, не принимая во внимание эпоху и обстоятельства написания текста «Интернационала», отмечают его агрессивный характер, считая, что «его мрачное содержание полно угроз, призывов к насилию, к захвату чужого достояния». В нем видится даже символ языческой веры («Никто не даст нам избавленья — ни Бог, ни царь и не герой»). Однако никто не мог раскритиковать музыку «пролетарского гимна», как стали вскоре называть творение П. Дежейтера.

С русским переводом «Интернационал» быстро превратился в России в средство агитации. Вопреки существующему до недавних пор в отечественной историографии мнению, что «Интернационал» использовался лишь в большевистской агитации[37], в настоящее время аргументировано доказано и другое мнение: в 1917 г. большевики не были монополистами в его «внедрении» в России. «Интернационал» публиковался в песенниках, выпускавшихся издательствами различной политической ориентации — большевиками, меньшевиками, социалистами-революю-

[36] *Гиппиус Е. В., Зверев Р. Я.* Указ. соч. С. 104

[37] *Дрейден С.* Указ. соч. С. 115—142.

«Боже, Царя храни!»
Гимны союзных держав. Б. м., 1914 г.

ционерами, печатью Советов и войсковых комитетов, а также беспартийными издательствами, преследовавшими коммерческие цели[38]. «Интернационал» все сильнее соперничал с «Марсельезой», а большевики явно отдали предпочтение ему как своему партийному гимну, о чем говорит завершение пением «Интернационала» Апрельской конференции и VI съезда большевиков, а также — съездов местных Советов (например, Иваново-Вознесенска).

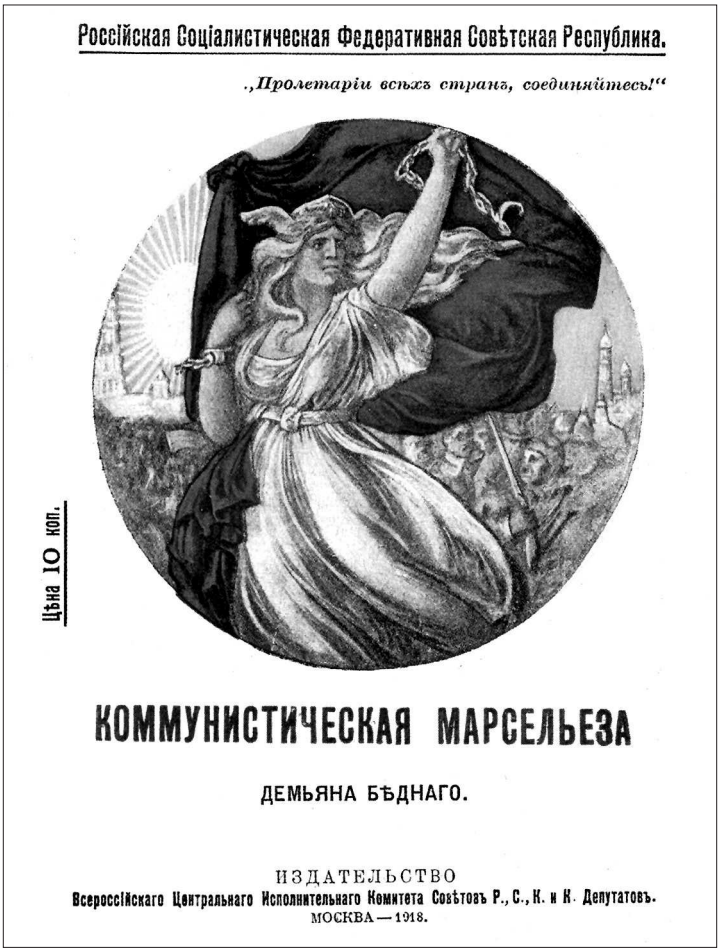
И все же даже Октябрь 1917 г. не принес окончательной победы «Интернационалу» над «Марсельезой», которая воспринималась русским обществом в качестве неотъемлемого атрибута предстоящего Учредительного собрания. Тем не менее 5 января 1918 г. при его открытии в Таврическом дворце и большевики и эсеры дружно запели именно «Интернационал». Один из присутствовавших на нем эсеров впоследствии вспоминал: «Этот гимн для многих эсеров… был такой же заветной боевой песнью, как и для большевиков. Не помня себя, я вскочил и запел с ними… Это была величественная картина, когда все Учредительное собрание в целом, без различия фракций единодушно пело боевой гимн революционных социалистов»[39]. А на III съезде Советов, состоявшемся вскоре, снова звучали и «Марсельеза» и «Интернационал». В дальнейшем «Марсельеза» постепенно уходит как символ «буржуазной» революции, а символом «пролетарской» — окончательно становится «Интернационал».

С образованием в 1922 г. Советского Союза слова «Интернационала» переводятся почти на все языки народов (даже ранее бесписьменных) Страны Советов. После переезда правительства социалистического государства в Москву «Интернационал» зазвучал в курантах на Спасской башне Кремля, сначала попеременно с революционным «Похоронным маршем», а затем был оставлен как единственная мелодия главной песни Страны Советов.

«Интернационалом» (музыкой и пением) сопровождались в 1920—1930-е гг. все государственные мероприятия, а также церемонии с присутствием государственных деятелей всевозможных рангов. Так, в 1919 г. по прибытии К. Е. Ворошилова в штаб Н. И. Махно оркестр махновцев заиграл «Интернационал».

[38] *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 294

[39] Цит. по: *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 301, 302.



«Коммунистическая марсельеза». Слова Д. Бедного. М., 1918 г.

Хотя «Интернационал» носил классовый характер, он был созвучен интернационалистским идеям. Не случайно с таким воодушевлением был воспринят приезд в СССР в 1928 г. автора музыки «Интернационала» П. Дежейтера. «Это — апофеоз моей жизни», — говорил старый французский коммунист, стоя на трибуне Мавзолея, рядом с участниками VI Конгресса Коминтерна[40]. Великая Отечественная война показала огромную значимость «Интернационала» прежде всего как гимна Отечества.

В конце 1930-х гг. в ЦИК СССР направлялись письма «с мест», в которых высказывалось пожелание «преобразовать наш дореволюционный гимн “Интер-

[40] См. об этом: *Зелов Н. С.* «Теперь моя песня в надежных руках» // Вечерняя Москва. 26.09.1964.

национал", который в связи с ростом культурной и счастливой жизни является устаревшим»[41]. «Интернационал» был заменен национальным «Гимном Советского Союза», который в 24.00 31 декабря 1943 г. прозвучал на радиостанции Коминтерна. За 17 дней до этой даты — 14 декабря 1943 г. — было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о пропаганде нового гимна. А 22 декабря в «Правде» и других газетах появилось сообщение о решении Совнаркома Союза ССР: «Ввиду того, что нынешний гимн Советского Союза "Интернационал" по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране в результате победы Советского строя, и не выражает социалистической сущности Советского государства, — Совет Народных Комиссаров Союза ССР решил заменить текст государственного гимна новым текстом, соответствующим по своему содержанию духу и сущности Советского строя… Для нового государственного гимна принята музыка композитора Александрова А. В. Ноты к музыке гимна будут опубликованы особо. Повсеместное исполнение нового государственного гимна вводится с 15 марта 1944 г.»[42].

5 января 1944 г. все центральные газеты опубликовали постановление СНК СССР «О вознаграждении поэтов и композиторов, принявших участие в работе по созданию гимна Союза Советских Социалистических Республик»[43]. Впечатляют списки награжденных. А. В. Александров — автор музыки — находится в такой «компании», как Шостакович, Хачатурян, Прокофьев, Кабалевский, Глиэр, Шапорин, Хренников, Дунаевский, Блантер, Соловьев-Седой[44].

В числе поэтов, представивших тексты гимна, было также немало известных имен: Н. Асеев, Д. Бедный, О. Берггольц, В. Гусев, М. Рыльский, В. Лебедев-Кумач, М. Светлов, К. Симонов, Н. Тихонов, С. Щипачев и другие, включая С. Михалкова и Г. Эль-Регистана[45] .

Два многостраничных дела, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, позволяют представить напряженную работу конкурсного отбора, прослушиваний, отсеиваний, возвратов к ранее одобренным вариантам, подключение на последнем этапе работы и комментарии по тексту лично Сталина и т. д. Доныне в печати воспроизводятся сведения о работе над гимном из воспоминаний прежде всего С. В. Михалкова, но в основном в виде неадекватных слухов. Говорят, что Сталину якобы надоел написанный французами «Интернационал». Поэтому в 1943 г. он приказал сочинить новый гимн на музыку «Гимна партии большевиков», написанную еще в 1939 г. А. В. Александровым, но закамуфлировал свой выбор, устроив трехступенчатый конкурс с оценками среди почти двух сотен композиторов, многочисленные прослушивания и т. д. Что же касается слов гимна,

[41] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 39. Ед. хр. 112. Л. 1.

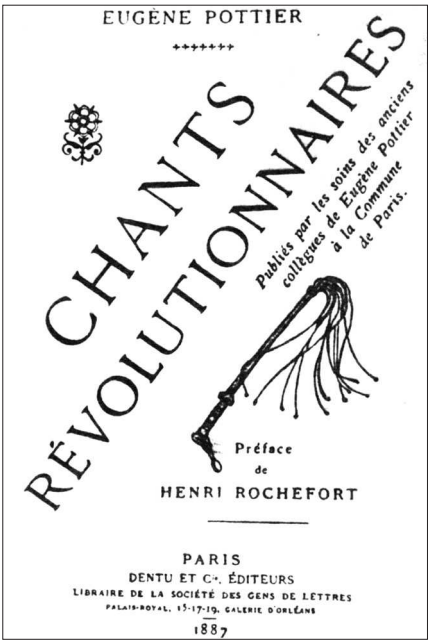
[42] Там же. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 188—191.

[43] Там же. Л. 181, 192—195.

[44] *Зелов Н. С.* Во имя победы // Советская музыка. 1965. № 5.

[45] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 16. Л. 1—111.

то (несмотря на многочисленные песни — гимны, прославления Родины и лично Сталина) ему потребовался молодой автор, русский, и он выбрал С. В. Михалкова, которого любил. Но Сталин любил также К. Симонова, который предоставил стихи для нового гимна, а Михалков оказался не один, а вместе с человеком старше его на 15 лет, к тому же не русским, а армянином Эль-Регистаном (Габриэлем Аркадьевичем Урекляном). Создание гимна СССР в самый разгар войны удивляло и современников. В воспоминаниях Михалкова говорится, что, собираясь вместе во время работы над гимном, они задавались вопросом: «Как так? На фронте разворачивались ожесточенные сражения, только пережили Сталинградскую и Курскую битвы, сражение за Днепр… Народное хозяйство страны предпринимало героические усилия, чтобы обеспечить фронт всем необходимым… И в это время правительство уделяло столько внимания созданию Гимна Советского Союза!»[46]


EUGÈNE POTTIER

CHANTS RÉVOLUTIONNAIRES

Publiés par les soins des anciens collègues de Eugène Pottier à la Commune de Paris.

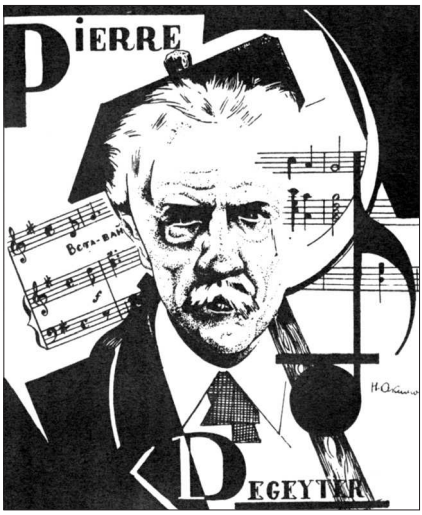
Préface de HENRI ROCHEFORT

PARIS
DENTU ET Cie, ÉDITEURS
LIBRAIRE DE LA SOCIÉTÉ DES GENS DE LETTRES
PALAIS-ROYAL, 15-17-19, GALERIE D'ORLÉANS
1887

Первая страниц сборника «Революционных песен», где были напечатаны стихи автора «Интернационала» Эжена Потье

Однако начало работы над гимном относится к 1942 г. Об этом говорил К. Е. Ворошилов на первом совещании с поэтами и композиторами, которое проводилось 18 июня 1943 г. по поводу создания нового гимна: «Работа по созданию нового гимна, как вы знаете, проводилась, но все созданные гимны по словам и по музыке очень слабы и нас не удовлетворяют. У нас есть замечательное произведение "Гимн партии большевиков", написанный Лебедевым-Кумачем и профессором Александровым. Некоторые думают, что его надо считать гимном Советского Союза. Но и это произведение… не удовлетворяет той высокой задаче, которая стоит перед гимном. Чтобы "не обижать" Лебедева-Кумача и Александрова, чтобы их "не грабить", надо создать новые слова и новую музыку советского гимна». О том, что поэты уже в 1942 г. писали тексты гимна, свидетельствует, например, письмо Ворошилову М. Рыльского, который сообщает об отправлении сокращенного варианта «прошлогоднего гимна, на который… так и не была написана музыка», перечень композиторов, написавших музыку гимна еще в 1942 г.: Александров (на тексты Колычева, Лебедева-Кумача), Соловьев-Седой (на текст Гусева), Дзержинский (на текст того же поэта), Белый (на текст Френке-

[46] *Александров В. П.* Сергей Михалков. М., 1988. С. 101—116; *Михалков С. В.* Я был советским писателем. М., 1992; *Михалков С., Дмитровский А.* Три гимна в XX веке. Калининград, 2003.



Пьер Дежейтер, автор музыки «Интернационала»

ля), Блантер (на текст Долматовского), Кручинин (на текст Голодного), Чернецкий (на текст Лебедева-Кумача), постоянные отсылки в различных документах «к прошлому», то есть к 1942 г. — переходному от первого ко второму периоду войны[47].

Зимой 1941/1942 г. немецко-фашистские войска впервые за годы Второй мировой войны потерпели крупнейшее поражение, а Красная армия стала более сильной и опытной, способной решать сложные задачи, направленные на разгром врага, символом мужества и героизма, побед русского оружия. Не случайно, что именно в 1942 г. руководство страны «обратило взоры» к русским военным традициям, атрибутике, к именам русских полководцев: был упразднен институт военных комиссаров, введены погоны со звездами вместо петлиц и ромбов, украшения на морских фуражках, формируется первая гвардейская армия и вводится нагрудный знак «Гвардия», учреждаются ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского и т. д.

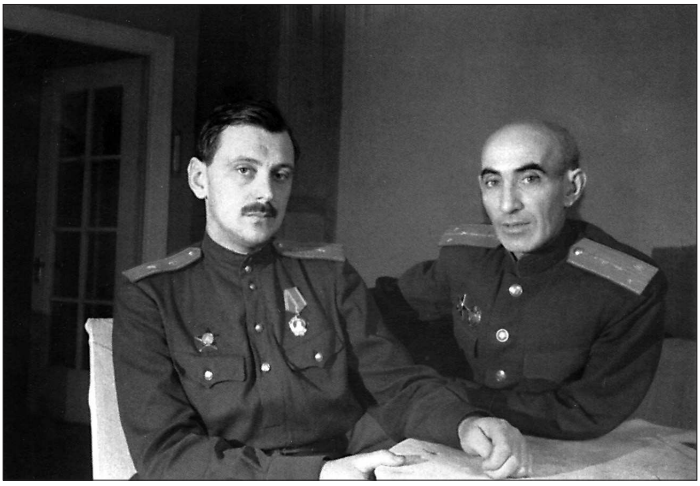
Все виды искусств, включая музыку, были задействованы в патриотической агитации и прежде всего бойцов на фронтах. Нередко они шли в атаку с известной всей стране «Песней о Родине».

Однако наибольшее влияние на духовный и патриотический настрой бойцов имела «Священная война» В. Лебедева-Кумача и А. Александрова. Стихотворение, начинавшееся словами «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», было опубликовано в газетах на третий день войны. Музыка к этим словам была написана Александровым буквально через несколько дней. «Священную войну» называли песней-гимном, а один музыковед назвал ее «музыкальной эмблемой Отечественной войны»[48].

За годы Великой Отечественной войны были написаны многие песни, которым присваивалось наименование «гимны». Пальма первенства в создании гимнических мелодий принадлежала А. В. Александрову. 1 мая 1942 г. прозвучал его торжественный гимн военных лет — «За честь и свободу» («Песня о Советском Союзе») на слова М. Голодного. В начале 1943 г. им написаны песни-гимны: «Святое ленинское знамя» (сл. О. Колычева), «Цвети, Советская страна» (сл. В. Лебеде-

[47] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54, Ед. хр. 17. Л. 123, 171 и др.

[48] *Поляновский Г.* А. В. Александров. М.; Л., 1948. С. 81—82; *Сохор А.* Из истории песен Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 18: *Рабинович А. С.* Музыкальная эмблема Отечественной войны // Советская музыка. 1946. № 7. С. 22—24.



С. Михалков и Г. А. Эль-Регистан,
авторы гимна Советского Союза. 1940-е гг.

ва-Кумача), «Славься, Советская наша страна». Эту написанную им гимническую музыку Александров представил на конкурс мелодий для гимна Советского Союза, вместе с музыкой «Гимна партии большевиков»[49]. Еще ряд композиторов создали песни-гимны со словами, прославляющими страну: В. Захаров — «Слава Советской державе», А. Новиков — «Славься, великая Родина», Т. Хренников — «Живи, наша Родина», Б. Александров — «Да здравствует наша держава».

Таким образом, выбор гимнической музыки в 1942 и первой половине 1943 г. был очень большим. Однако комиссия в составе заместителя председателя СНК СССР К. Е. Ворошилова, первого секретаря МК и МГК, начальника Главного политуправления Красной армии А. С. Щербакова, председателя Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР М. Б. Храпченко, председателя Союза советских писателей А. А. Фадеева, председателя Союза советских композиторов Р. М. Глиэра в июне 1943 г. практически начала работу по созданию гимна Советского Союза «с чистого листа».

18 июня 1943 г. Ворошилов и Щербаков в присутствии 8 поэтов и 12 композиторов несколько раз повторили: «Интернационал» устарел для нашего народа (это пройденный этап, пусть его поет тот, кто еще не разрушил старый мир). Они также высказали пожелания по содержанию гимна, в тексте которого должны быть отражены темы: победа рабочего класса в нашей стране и торжество власти трудящихся, во-первых, братство и дружба победивших в борьбе народов Советского Союза, во-вторых. Особо подчеркивалось, что «о партии упоминать не следует, так как гимн является всенародным, национально-беспартийным»[50].

[49] *Сохор А.* Русская советская песня. Л., 1959. С. 255.

[50] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 2.

Подобные руководящие указания многим поэтам показались слишком общими, поэтому последовали конкретные вопросы: «Нужно ли употреблять в гимне слова "Ленин", "Сталин"? Нужно ли отразить в гимне "настоящий момент" — войну?» Ворошилов вынужден был добавить, что слова «Ленин» и «Сталин» должны быть в тексте, но о фашистах писать не стоит. Впоследствии в тексте гимнов, написанных большинством поэтов, присутствуют и «Ленин», и «Сталин», и их «мудрое руководство». Впрочем, не все поэты обратились к этим именам. В текстах К. Симонова, О. Берггольц и некоторых других нет упоминаний о вождях Страны Советов.

С самого начала обсуждения вопроса о принципах создания гимна Советского Союза звучали слова об использовании русских мелодий при его написании. Щербаков, например, отмечал: « Русская музыкальная культура наиболее старая. И, вероятно, она наложит отпечаток на музыку гимна». С ним соглашался А. Хачатурян: «Музыка его (гимна. — *Н. С.*) в смысле колоритности должна быть русская… Практика показала, что русские песни поются везде, во всех национальных республиках… Я в своей работе буду отталкиваться от русской городской песни»[51].

Идея советского государственного гимна у многих поэтов ассоциировалась с первым российским государственным гимном, во всяком случае новый гимн неоднократно называли «народным» по аналогии с гимном XIX в. А. Жаров говорил, что «царский гимн по структуре был прост, немногословен», В. Гусев считал, что « элементы молитвенности в гимне могут быть», очень многие поэты в представленных ими текстах гимна использовали многократно повторенное «Славься! Славься! Славься!» (напоминание о глинковском хоре «Славься») и т. д.

Весьма показательны действия по сбору информации о месте и времени исполнения царского гимна. В 1949 г. Президиум Верховного Совета СССР направил запрос начальнику Главного архивного управления генерал-майору В. Д. Стырову: «по встретившейся надобности» подобрать «архивные материалы, относящиеся к церемониалу исполнения русского и иностранных государственных гимнов, а также церемониалу различных торжеств и официальных приемов, на которых исполнялся Государственный гимн». Многие архивы прислали запрашиваемые сведения, почерпнутые из различных изданий, воинских уставов, журнальных и газетных статей, ибо, как констатировалось в заключительной справке, «среди этих материалов не имеется единого документа, регламентирующего исполнение гимна»[52].

Разработчики церемониала исполнения гимна Советского Союза взяли целый ряд положений из присланных материалов, например исполнение гимна при встрече главы государства, в различных церемониях (открытии памятников), в воинских частях и в дипломатических сношениях. В результате были разработаны Правила исполнения Государственного гимна СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР в 1950 г. их утвердил. Тогда же ликвидировали разнобой в наименовании гимнов: «государственный гимн», «народный гимн», «национальный гимн», «партийный

[51] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 3.

[52] Там же. Ф. 7523. Оп. 41. Ед. хр. 142. Л. 1, 17.

гимн», «революционный гимн» и т. д. Официально устанавливались два названия: «Государственный гимн» и «Партийный гимн» (им стал с 1944 г. «Интернационал»).

Но это уже последний этап эволюции гимна Советского Союза. Первый же этап проходил в бесконечных совещаниях по отбору музыки и стихов. В некоторых современных изданиях говорится о закрытом конкурсе на лучшие стихи для гимна. Это не так. Многие поэты присылали свои стихи через Союз писателей и лично через Фадеева, а также в письмах на имя Ворошилова. В одном из таких писем поэта Н. Асеева говорится: «Идея всего текста в целом такова: в первой строфе дать характерные качества нашего государства… Во второй — непрерывность его исторического развития, связь и общность целей и воли с веками накоплявшимся народным опытом доблести и мужества. И, наконец, в третьей — воедино слить это новое и старое в устремлении к будущему. Старые знамена славы и побед окрашиваются в цвет социалистического знамени…»[53]. Несколько писем прислал М. Исаковский, в которых содержатся конструктивные идеи относительно текста гимна СССР: « Гимн должен быть кратким, крепким, пружинистым. Далее — в некоторых прежних гимнах чересчур много славословия, за которым часто теряется основной смысл… гимн должен быть написан в утвердительной, в категорической (если так можно выразиться) форме»[54]. Во многих письмах авторы объясняли свое желание участвовать в конкурсе «чувством патриотизма и любви к Родине». 65 человек представили 123 текста! Так что вряд ли можно говорить о «закрытости» конкурса.

170 композиторов предоставили двести с лишним мелодий. Музыка «Гимна партии большевиков» А. В. Александрова на первых этапах конкурса (июнь 1943 г.) была замеченной, но отнюдь не сразу одобренной. На первом совещании 17 июня А. Хачатурян, например, довольно скептически произнес: «Мне хотелось бы узнать, в чем достоинства музыки Александрова?» Его поддержал Новиков, заявив, что музыку Александрова «много слушают, но она трудна для среднего исполнения».

В процессе прослушивания, которое проходило, в основном, в Бетховенском зале Большого театра, куда приглашались не только поэты и композиторы, представители общественности, но и выдающиеся артисты и дирижеры Большого театра, отмечалось, что вариант гимна Александрова «находится на общем уровне». Большой похвалы удостаивался Т. Хренников. Ряд выступающих, среди которых был и Александров, после прослушивания гимнических мелодий 17 августа 1943 г. (2-й тур) восторгались музыкой Хренникова: «Гимн Хренникова резко отличается от остальных. Он торжественен, монументален, выразителен и хватает за душу. Все исполнявшиеся гимны внешне схватывают движения, есть хоральность, но в них чувствуется засушливость, какая-то казенность. У Хренникова же выражены личные чувства патриота»[55].

[53] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 16. Л. 19.

[54] Там же. Л. 72.

[55] Там же. Ед. хр. 17. Л. 33.

Последующие прослушивания выявили нового «лидера» среди композиторов. Им оказался Д. Д. Шостакович. И Ворошилов и Щербаков признавали, что «наиболее приближающейся к требованиям, которым должна отвечать музыка гимна, пока остается произведение Д. Шостаковича»[56], хотя «заслуживает внимания» музыка А. В. Александрова, Б. А. Александрова, Мурадели, Хачатуряна, Хренникова и др. В защиту музыки Д. Шостаковича выступили, получив какие-то надежды на принятие их текста, С. В. Михалков и Г. Эль-Регистан. В письме к Ворошилову от 28 сентября 1943 г. они писали: «Нам кажется, только два композитора нашей страны — Дм. Дм. Шостакович и С. С. Прокофьев могли написать такой ("лучше всех существовавших и существующих гимнов других народов" — слова К. Е. Ворошилова. — *Н. С.*). Сам факт авторства одного из этих двух мастеров, признанных величайшими композиторами современности, придал бы гимну нашей Родины тот характер, о котором Вы говорили»[57]. Далее в письме указывается, что Шостакович написал музыку на первый вариант гимна двух соавторов. Интересна резолюция Ворошилова, наложенная на письмо: «Шостакович и Прокофьев действительно самые признанные композиторы наших дней, однако, гимн будут писать все композиторы СССР (а может быть, и не композиторы примут участие), и кто из них даст лучшую музыку гимна, тот и будет автором этого исторического сочинения».

Действительно, музыку гимна, переделанную по нескольку раз, представили не только московские композиторы, но и музыканты из других городов СССР: из Ташкента — 16, из Алма-Аты — 14, из Тбилиси — 12, из Баку — 7 и т. д. С 24 сентября 1943 г. прослушивание проводилось с нарастающей интенсивностью: каждые 7—10 дней. Применялась шкала оценок музыки по 12-балльной системе, причем регулярно 7—8 балов получала гимническая музыка Шостаковича и Александрова, хотя на определенных этапах выделялись и другие композиторы. Так, на прослушивании в Большом театре 16 ноября, где присутствовали Сталин, Молотов, Маленков и другие руководители Советского государства и где исполнялась музыка гимна 9 композиторов, в том числе и А. В. Александрова («Гимн партии большевиков»), была «выделена для доработки музыка Хачатуряна, Шостаковича, Туския». На одном из прослушиваний (1 ноября 1943 г.) в списке композиторов (все они уже писали музыку к тексту Михалкова и Эль-Регистана) из 14 человек 3 композитора — Шостакович, Хачатурян, А. В. Александров — получили наивысшую оценку — 8 баллов. Интересны комментарии Ворошилова, помещенные около каждой фамилии: Шостакович — «как будто бы сносно», Хачатурян — «сносно», А. В. Александров — «ожидал большего».

Конкурс текста гимна также проходил в конкурентной борьбе, но, может быть, менее напряженной. Постоянно высказывались претензии руководителю писательского цеха А. Фадееву по поводу отсутствия достойных стихов. В сентябре Ворошилов, докладывая Сталину о работе над гимном Советского Союза, подчер-

[56] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 173.

[57] Там же. Л. 161.

кивал, что отсутствует «удовлетворяющий нас текст». Многие композиторы жаловались, что не могут работать над гимном, ибо музыка должна координироваться словами гимна. Тогда решили предоставить композиторам право выбора стихов тех поэтов, которые участвовали в конкурсе. Интересен их список, составленный к совещанию 24 августа 1943 г. в ведомстве Фадеева. Из 18 человек — только 5 членов партии, 11 русских, 5 евреев, 1 украинец, 1 армянин. Состав претендентов на авторство гимна исключает инсинуации по поводу их отбора по какому-то одному заданному признаку. Это касается и композиторов.

К началу сентября подвели предварительные итоги. Составили сборник и отправили Сталину[58]. В сборник вошли 96 текстов, созданных 56 поэтами. По мнению Ворошилова, Щербакова, «а также по единодушному признанию всех присутствовавших композиторов и поэтов», тех, кто прослушивал музыку гимна вместе со словами в Бетховенском зале 11 сентября, ни один из представленных вариантов не отвечал предъявляемым требованиям. Однако наилучшей среди представленных была музыка Шостаковича на слова Михалкова и Эль-Регистана. К 20 сентября руководство страны окончательно остановилось на 3-м варианте текста (который мало чем отличался от первых двух) вышеназванных авторов. Он назывался «Свободных народов союз благородный», состоял из четырех куплетов, без припева, значительно отличаясь от окончательного текста гимна. Авторам настоятельно рекомендовали «придать простоту и ясность языку текста с тем, чтобы он был доступен всем слоям населения, независимо от их общественного положения и культурного уровня»[59]. В частности, слова «Союз благородный», «в грядущее» (путь озарил) отдавали, по мнению критиков, «литературщиной» и могли быть «не поняты в деревне». «Литературщину» авторы быстро заменили более понятными для широких масс словами: «союз нерушимый» и т. д. Рекомендовано было также сделать припев. 7 вариантов припева «изготовили» два соавтора за каких-то два-три дня. Он звучал так: «Живи в веках, страна социализма, / Твоя звезда к победам нас ведет. / Живи и крепни, славная Отчизна, / Тебя хранит великий твой народ!»

25 сентября 1943 г. специальным постановлением ЦК ВКП(б) текст гимна был утвержден (2 куплета и вышеприведенный припев). Он был передан всем композиторам Советского Союза для написания музыки. Причем подчеркивалось: «для участия композиторов национальных республик, краев, областей в создании музыки Гимна этот текст передается по телеграфу в республиканские, краевые и областные центры Советского Союза. Срок представления музыки — 14 октября 1943 г.»[60]

Весь октябрь, ноябрь, часть декабря прослушивали музыку гимна в исполнении хора, оркестра, совместно хора и оркестра. 29 композиторов писали музыку на слова Михалкова и Эль-Регистана. Продолжалась и работа над текстом. В конце октября Сталин высказал авторам свои соображения: двухкуплетный текст — слиш-

[58] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 41—43.

[59] Там же. Л. 175.

[60] Там же. Л. 179.

А. И. Хачатурян и Д. Д. Шостакович.
Гимн Советского Союза (*для двухголосного мужского хора*).
На слова С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана

ком куцый, необходимо добавить третий куплет, который был бы посвящен вооруженным силам Советского Союза — Красной армии, «которая боролась, борется и будет бороться за честь, свободу и независимость нашего Отечества»[61]. Михалков и Эль-Регистан представили 7 вариантов третьего куплета. В дальнейшем вся отработка текста, как явствует из «Дневника» (справки о работе над гимном), проходила под непосредственным наблюдением Сталина и даже в его присутствии. 28 октября членам и кандидатам ЦК ВКП(б) сообщили окончательный вариант трехкуплетного

[61] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 182.

текста гимна с припевом, хотя к авторам обратились с просьбой сделать запасной вариант припева — более торжественный, каковой и был написан. Он вошел в окончательно утвержденный текст гимна. В ноябре состоялось прослушивание на сцене Большого театра в оркестровом и хоровом исполнении гимнических мелодий нескольких композиторов со словами Михалкова и Эль-Регистана, в результате были выделены три мелодии: А. В. Александрова («Гимн партии большевиков»), совместный вариант Шостаковича — Хачатуряна, а также Тускии.

Наконец, через месяц, 13 декабря 1943 г., в присутствии руководителей государства на сцене Большого театра прозвучали заново мелодии четырех композиторов. Гимн исполнялся оркестром Большого театра под управлением дирижера Мелик-Пашаева и хора Краснознаменного ансамбля, руководимого Александровым. На этом прослушивании был сделан окончательный выбор музыки гимна — им стала музыка, написанная Александровым для «Гимна партии большевиков». 14 декабря, как отмечалось выше, специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило окончательный текст и музыку гимна.

Бывший учащийся регентских классов А. В. Александров 9-летним мальчиком был привезен из рязанской деревни в Петербург и начал петь в хоре Казанского собора. В 1898 г. руководитель этого хора В. Фатеев помог талантливому юноше поступить в регентские классы петербургской Певческой капеллы, которой когда-то руководил автор первого национального гимна (А. Ф. Львов). Через два года он получил звание хорового регента. В самом начале XX в. Александров был принят в Петербургскую консерваторию, в класс проф. Н. Соловьева, позднее защитившего А. Ф. Львова от нападок. Он учился там также у Н. Римского-Корсакова, А. Глазунова, А. Лядова. В 1905 г. он выиграл конкурс и стал регентом архиерейского хора в Твери. Из Твери Александров постоянно ездил в Москву, где брал уроки в Московской консерватории, которую окончил с большой серебряной медалью по классу композиции (у С. Василенко) и пению (класс У. Мазетти)[62]. А. В. Александров был последним регентом церковного хора храма Христа Спасителя.

[62] *Шилов А. В.* Краснознаменный ансамбль Советской армии. М., 1964. С. 13—14.

В 1918 г. Александров начал преподавать в Московской консерватории, а также работал как хормейстер в столичных театрах, пока не связал свою жизнь с организованным им Ансамблем красноармейской песни (затем — Краснознаменный ансамбль Советской армии). Он писал много гимнов, прославляющих страну, песен, посвященных Советской армии.

Мало кто, кроме домашних, знал, что Александров всегда тяготел к церковной музыке, с юности зная знаменной распев. Б. А. Александров, его сын и преемник, вспоминал, что отец обладал обширными знаниями по византийской гимнографии, до тонкости знал набор православных богослужебных песнопений: стихиру, кондак, тропарь, акафист, икос, припев и славословие, величание и аллилуарий и конечно же гимн. В начале 1990-х гг. сын Александрова показал бывшим сослуживцам духовные сочинения своего отца и наиграл мелодию, в которой угадывалась «первоткань» гимна Советского Союза[63], написанную еще в конце 1920-х гг.

Новый Государственный гимн СССР прозвучал первым на «концерте гимнов» в 1943 г. Как указывается, «для сравнения» исполнены были и гимны советских композиторов, получившие самые высокие оценки при прослушивании, а также ряд гимнов других держав: Великобритании, Франции, США, Италии, Германии, Японии[64].

В 1977 г. были изменены слова гимна, автором которых назывались С. В. Михалков и Г. А. Эль-Регистан, к тому времени уже 30 лет как умерший. В тексте был убран куплет о Красной армии, имя Сталина, а также «воздавалось по заслугам» КПСС, которая «нас к торжеству коммунизма ведет». В 2000 г. Михалков (самостоятельно) написал слова Государственного гимна Российской Федерации, «приспособив» их к мелодии гимна Советского Союза. Доминантой в тексте являются: «Россия — священная держава», «Хранимая Богом родная земля» и др.

[63] *Компаниец А. Я.* Русские истоки державного гимна // Русский дом. 2001. № 12. С. 44—45; *Он же.* Из глубины былин // Родина. 2002. № 3. С. 86—87; Возвращение Александрова // Труд. 04.01.2001. См. также: *Грачев В. Н.* Указ. соч. С. 96—100.

[64] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Ед. хр. 17. Л. 122—127.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ

Политическая символика относится к малоисследованным страницам российской истории. Одной из причин этого является интегрированность данной тематики в иные области научного знания — политологию, философию, социолингвистику, психологию. Под таким углом зрения политические символы (вербальные, визуальные, обрядовые знаки, являющиеся средством коммуникации в массовом обществе) рассматриваются зарубежной историографией преимущественно начиная со второй половины XX в.[1] В последние годы исследования, касающиеся политических символов и эмблем, все чаще начали публиковаться отечественными философами, политологами, психологами[2]. Понятия «политическая символика», «политическая эмблема» раскрыты в каждой политологической энциклопедии[3]. Политическая эмблематика как предметное выражение средствами живописи, графики, дизайна, ювелирного искусства символики государственной власти, политических течений, достоинства и власти должностных лиц и т. д. включает в себя символы государственного суверенитета (герб, флаг), гербы городов, эмблемы политических партий, движений, молодежных организаций и другие подобные знаки.

Исключительно важная роль политической символики в жизни российского общества периода революции 1917 г. и первых послереволюционных лет проанализирована в ряде выступлений отечественных и зарубежных ученых, которые приняли

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[1] См., напр.: Symbol and Politics in communal Ideology. London, 1975; *Sfez L.* La symbolique politique. Paris, 1988; *Морис-Георгица Г.* Политические символы // Элементы теории политики. Ростов-на-Дону, 1991. С. 343—354. Обширная библиография и анализ трудов западноевропейских исследователей по вопросам политической символики имеется в работе: *Корфф Г.* История символов как социальная история? // Конец рабочей истории? М., 1996. С. 157—184; *Клеберг Л.* Язык символов революций во Франции и в России // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 140—150.

[2] Вопрос о роли психологического фактора в действиях вождей, революционной элиты и в поведении масс в 1917 г. поднимался в выступлениях участников международного коллоквиума, который проходил в 1993 г. в Санкт-Петербурге и материалы которого опубликованы. См.: Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 59, 356—370, 378—382, 412—413. См. также: *Кажанов О. А.* Национально-государственная символика современной России как средство политической коммуникации. Смоленск, 1995; *Степанова Л. А.* Социальная мифология и проблемы современного социального мышления. М., 1999; *Зазыкина Е. В.* Психологическая характеристика символики ведущих российских партий. М., 2002.

[3] См., напр.: Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 272—273, 289—290; Политология. Словарь. Екатеринбург, 1998. С. 80—81.

участие в международном коллоквиуме, проходившем в Санкт-Петербурге в 1993 г.[4] Здесь впервые ставился вопрос о комплексе использованных большевиками символов, рассматривалась их специфика, выявлялись аналогии, давалась оценка ритуалам и обрядам Советской России. К сожалению, не всегда высказывания, прежде всего зарубежных исследователей, основывались на широком и глубоком знании российского материала, исчерпывающем источниковедческом анализе, поэтому многие их выводы кажутся конъюнктурными, а иногда просто некорректными. Например, Ю. Шеррер по поводу заслушанных докладов заявила с сожалением, что она ничего не услышала о сравнении символов фашизма и национал-социализма с новыми символами российской революции[5]. Можно предположить, что Шеррер мало знакома с историей возникновения социалистической символики, однако на Западе опубликовано немало работ, посвященных существовавшим в Германии с конца XIX в. оккультным обществам и организациям, оказавшим влияние на подъем нацизма, который, как известно, развился из национал-реваншистского сопротивления коммунистическому интернационализму, широко распространившемуся в странах Европы в период Первой мировой войны и революции 1917 г. Так, Гитлер, Гесс, Геринг, Гиммлер посещали «Общество Туле», основанное оккультистом Гвидо фон Листом, которое насаждало идеи чистоты и превосходства арийской расы и использовало особую систему символов, закреплявших это превосходство. Впоследствии они заимствовали многие идеи общества в своей деятельности. В частности, считается, что свастика была выбрана в 1920 г. в качестве символа возрождения немецкой нации и эмблемы национал-социализма по рекомендации самого Гитлера[6].

Акцентируя внимание на данном вопросе, госпожа Шеррер не уделила должного внимания выступлению участника коллоквиума П. К. Корнакова, который обратился к проблеме появления эмблемы «серп и молот» и других революционных символов, предлагая вполне доказательную версию их возникновения. Можно привести и другие примеры необоснованных и тенденциозных заключений зарубежных специалистов по отечественной истории, в частности тезис Р. Стайтса о ментальности российских граждан, которые изничтожали не только старые символы, но и «сжигали сотни, может быть, и тысячи музеев», причем «в городах подобное разорение носило сознательно символический характер»[7]. К сожалению, этот исследователь «русского революционного хаоса» («революционной культуры») не учитывает источников, содержащих иную оценку революционных действий и исходящую от очевидцев этих действий. В 1923 г. в Берлине вышла книжка «Художник и революция» русского эмигранта — замечательного художника, члена «Мира искусства» Г. К. Лукомского — брата известного отечественного геральдиста В. К. Лукомского. Он в первые революционные годы являлся членом Всероссийской

[4] См.: Анатомия революции… С. 356—393 и др.

[5] Там же. С. 407.

[6] *Медоуз К.* Магия рун / Пер. с англ. М., 1997. С. 43.

[7] Анатомия революции… С. 373.

коллегии по делам музеев и Всеукраинского комитета по охране старины, председателем Царскосельской художественно-исторической комиссии, организатором ряда музеев на Украине. Оказавшись за рубежом, Лукомский активно сотрудничал и с «мирискусниками», покинувшими Советскую Россию, и с другими художниками, желавшими ее покинуть. Вот что он записал в самом начале 1920-х гг.: «Как-никак, а спасены все музеи, целы бывшие императорские дворцы, сохранены почти все лучшие великокняжеские дома, многие особняки, часть усадеб… Все это наводит на радостные мысли (особенно если сопоставить во сто раз более пострадавшее имущество Франции в эпоху Французской революции)». Далее Лукомский возмущается теми из художников, кто, попав за границу, уверял находящихся там коллег, что «в России убили русскую живопись так же, как весь советский режим убил (!) печать, школы, театр». Кто же дает такую информацию? По убеждению Лукомского, это те художники, которые «двуличничают, подхалимничают» и подобно прочим художникам рисуют в Москве портреты Ленина, а в Париж присылают жалобы на то, что живут «в грязи и хамстве большевистской блевотины»[8].

Печать Временного правительства. 1917 г. Рисунок И. Я. Билибина

Еще один пример. Тот же Р. Стайтс, анализирующий обряды и ритуалы в раннем советском обществе, считает их, в частности похороны, «политизированными, скучными и неэмоциональными», как будто люди на похоронах стояли по стойке «смирно» под звуки «Интернационала». Контрверсий в воспоминаниях тех лет множество. В одном из них рассказывается о посещении делегатами II конгресса Коминтерна, проходившего в Петрограде в июле 1920 г., памятника на площади Жертв революции. Когда члены манифестации, обнажив головы, возлагали к постаменту огромный венок из дубовых ветвей и роз, «величественные звуки траурного вагнеровского марша из "Гибели богов" взмыли над площадью. Думал ли гений Рихарда Вагнера, что его музыка огласит собою ширь площади Жертв революции? Думал ли он, что его музыка будет первой, которой почтят память тех, почтить которых — долг всего человечества?»[9]. Как видим, говорить о «социалистических штампах» здесь не приходится.

[8] *Лукомский Г. К.* Художник и революция. Берлин, 1923. С. 5—6, 92.

[9] *Метлицкий Б. Г.* Один день в Петрограде. М., 1967. С. 95. Р. Стайтс (См.: Анатомия революции… С. 378—379), как можно заметить по его тексту, во многом опирается на публикацию В. В. Вересаева, который считал, что обыденный обряд погребения в России — «непроходимое

Столь полярные точки зрения существуют в историографии и при оценке различных аспектов жизни Советской России, включая и политическую символику, роль которой при изучении российского общества представляется исключительно существенной. Характерно, что сегодня наблюдается большой интерес к знакам, символам, эмблемам[10]. Особое внимание уделяется государственной символике, причем до сих пор не изжито противостояние, возникшее в российском обществе в 1990-е гг. в связи с введением эмблем новой, демократической России. Явное незнание истории возникновения государственных знаков Российской империи, их роли в становлении русской государственности вызвали негативную реакцию на возвращение двуглавого орла и трехцветного флага, когда-то закрепленных в качестве российских символов великими государями нашего Отечества — Иваном III и Петром I. С другой стороны, столь же неадекватными выглядят безоговорочные охаивания советских символов и эмблем, получивших распространение во многих других государствах[11].

Советское общество имело о них лишь самое общее представление. Немногочисленные работы историков, написанные, как правило, к юбилейным датам, кратко освещали историю официальных государственных знаков, прежде всего гербов[12]. При этом история таких эмблем, как серп и молот, красная пятиконечная звезда, красный флаг и т. д., излагалась крайне формально, без достаточного источниковедческого анализа. Это явилось своеобразным «обоснованием» широко распространенной в настоящее время интерпретации советских эмблем в «конспирологическом ключе» с обнаружением в их основе масонской семиотики[13].

убожество», «серость». По мнению Вересаева, при похоронах «нужны торжественные величавые гимны», что и осуществили большевики еще в 1920 г. (См.: *Вересаев В. В.* Об обрядах старых и новых. М., 1926. С. 8—11, 12—13).

[10] *Соболева Н. А.* К вопросу о символике России в первой четверти XX столетия: новые подходы к исследованию // Россия в XIX—XX веках. Материалы II научных чтений памяти проф. В. И. Бовыкина. М., 2002. С. 337—338.

[11] *Караманчев В.* Пролетарская символика / Пер. с болг. М., 1978; *Husár J.* Revolučné symboly. Bratislava, 1979; *Корфф Г.* Указ. соч. С. 166 и далее; *Siklośa A.* Magyarország, 1918—1919. Események, képek, dokumentumok. Budapest, 1978. S. 15, 308, 324—325, 340, 345, 356

[12] См.: *Смирнов И. С.* Ленин и советская культура. М., 1960. С. 369—372; *Луппол А. Н.* Из истории советского государственного герба // Ежегодник Государственного исторического музея. М., 1960; *Каменцева Е. И., Луппол А. Н.* Как создавался советский герб // Вопросы истории. 1962. № 12; *Киселев Г. Ф., Любишева В. А.* В. И. Ленин и создание государственной печати и герба РСФСР // История СССР. 1966. № 5; В. И. Ленин и изобразительное искусство. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1977. С. 457—476; *Поцелуев В. А.* Гербы Союза ССР: из истории разработки. М., 1987; *Иванченко А. В.* Союз серпа и молота. Государственные символы РСФСР. М., 1987.

[13] Обзор конспирологической литературы по проблемам социалистической символики дается в работе: *Багдасарян В. Э.* «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX—XX вв. М., 1999. С. 408—416. Восприятие символики советского государства через идентификацию ее масонским и каббалистическим знакам, к сожалению, появляется и на страницах трудов весьма респектабельных авторов. См., напр.: *Чудакова М. О.* Антихристианская

Противники тоталитарной коммунистической власти, безоговорочно отрицая даже самые положительные ее начинания, крайне нелицеприятно отзываются и об ее эмблематике. Между тем каждая эмблема имеет свою собственную историю, независимую от контекста ее применения в ту или иную эпоху. Непонимание или отрицание этого факта крайне ограничивает эффективность пропагандистской функции вновь вводимых политических эмблем, ущемляет историческое сознание.

В настоящее время список работ, посвященных политическим символам России и СССР, пополняется новыми современными отечественными и зарубежными исследованиями[14]. Многие авторы за счет расширения традиционного круга источников, привлечения изобразительного материала, прессы, данных других наук (психологии, лингвистики, политологии) пытаются воссоздать объективную картину возникновения, развития и формирования конкретных символов, а сравнительный анализ политической символики разных стран помогает не только объяснить концептуальную трансформацию и модификацию политических эмблем, но и осознать их воздействие на общество. Журнал «Отечественная история» неоднократно проявлял интерес к подобного рода работам, предоставляя свои страницы авторам, демонстрирующим новаторство в изучении истории символики различных эпох. Свидетельством этого является и публикация настоящей статьи.

Существующая историческая традиция, полярно оценивая символику советского государства, тем не менее почти всегда исходит из общих представлений о роли большевистского руководства в инициации ее системной разработки «буквально с первых дней советской власти» в соответствии с установленными идеологическими понятиями. «Сразу же после революции 6/7 ноября советская власть приступила к ликвидации старого и строительству нового мира. И не только в области прагматики (смены общественных институтов). Ликвидировалась и вся, объявленная идеологически враждебной, семиосфера… Явление в русской истории не новое, известное хотя бы по описаниям (как радикальных, разовых акций) крещения Руси или реформ Петра I», — пишет, например, польский исследователь Е. Фарино[15], солидаризируясь со многими историками советской поры. В представлении М. О. Чудаковой большевики имели развернутую философскую программу в отношении символики будущего государства уже в начале 1917 г., в частности переосмыслили

мифология советского времени // Библия в культуре и искусстве. Материалы научной конференции «Випперовские чтения. 1995». Вып. XXVIII. М., 1996. С. 331—359.

[14] См.: *Паперный А.* Трактор в советской культуре // Studia litteraria Polono-Slavica. 3. Warszawa, 1999. S. 209—221; *Bobryk R., Faryno J.* Parowóz wzorowego maszynisty // Ibid. S. 243—246; *Faryno J.* Эмблемы СССР // Ibid. S. 267—283; *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001; *Шевченко Л. В.* История становления государственной символики и ее роль в укреплении Российского государства в 1990-е годы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2004.

[15] *Faryno J.* Op. cit. S. 267. Известно, что «разовой акцией» не ограничивалась христианизация Руси, где язычество заявляло о себе в течение многих столетий; реформы Петра I также были не столь скоропалительны, как они могут показаться неспециалисту.

Рисунок Государственного герба РСФСР, помещенный на обложке брошюры с текстом Конституции 1918 г.

социальную роль звезды, превратив ее из рождественского христианского символа в символ, подобный звезде пифагорейцев, которых пентаграмма «объединила в группу», являясь «средством заклинания и достижения могущества»[16]. Автор новаторского исследования «Символы власти и борьба за власть» Б. И. Колоницкий считает, что к моменту отречения Николая II от престола «в России сложилась развитая политическая субкультура революционного подполья»[17]. Ее важнейшими элементами, по мнению автора, являлись революционные песни, красные стяги и демонстративное нарушение общественного порядка, соотносимое с погромами (последнее утверждение выглядит довольно странным применительно к понятию *субкультура*). Ни о каких более конкретных символах, использованных впоследствии большевиками или создателями особой политической субкультуры, не сообщается.

Между тем для законспирированных сообществ, как правило, характерна специфическая символика в виде не только философских постулатов или ритуальных действий, но и объединяющих соратников символических знаков, имеющих особый сокровенный смысл, незнакомый посторонним[118]. По этой логике Ленин, прибывший в апреле 1917 г. на Финляндский вокзал Петрограда и произнесший речь с призывом к борьбе за социалистическую революцию, должен был держать в руках «серп и молот», а на кепку прикрепить красную пятиконечную звезду. Подобная атрибутика могла бы «украшать» встречающих Ленина большевиков, но, как пишут современники, даже на его предложение спеть вместо «Марсельезы» «Интернационал», будущий гимн Страны Советов, мало кто откликнулся из-за незнания слов.

«Вещевые реликвии Октября», сохранившиеся в музейных фондах — жетоны с революционными призывами, выпущенные Петроградским и Московским комитетами РСДРП и Советами других российских городов в 1917 г., печати различных организаций РСДРП, революционных комитетов, комиссий и т. д., относящиеся к 1917 и даже к 1918 г., — не несут какой-либо революционной символики, ограничиваясь надписями. Например, печать председателя Петроградского ВРК Н. И. Подвойского — это прямоугольник на металлической основе с деревянной

[16] *Чудакова М. О.* Указ. соч. С. 349—359.

[17] *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 16.

[18] См. об этом: *Соловьев О. Ф.* Символика масонских клятв // Масонство и масоны. Вып. III. М., 1988. С. 4.

Проекты герба РСФСР и печати Совнаркома, представленные в 1918 г. на конкурс С. В. Чехониным

ручкой и надписью: «Н. Подвойский». Круглая металлическая печать Комиссии по борьбе с контрреволюцией при Президиуме Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Москвы и Московской области имеет надпись по окружности: «При Президиуме С.Р.С. и К.Д. г. Москвы и Моск. обл.», а в центре: — «КП БСКР». Интересна печать штаба Красной гвардии по охране петроградского трубочного завода, в центре которой — два скрещенных пистолета[19].

Отсутствие объединяющего большевистского знака на печатях, специальных жетонах, членских билетах[20] свидетельствует о том, что большевики перед Октябрем не имели своего объединяющего знака, который впоследствии они утвердили как государственный.

Государственная символика новой советской державы складывалась не столь однозначно, как это обычно представляют. Оформлявший по поручению Московского совета Замоскворецкий район города к празднику 1-го Мая 1918 г. художник Е. И. Камзолкин в своих воспоминаниях отмечал, что никакой эмблемы революционной власти, необходимой для нанесения на праздничные транспаранты, Московский совет не знал[21]. То же подчеркнул и народный художник СССР С. В. Герасимов, работавший вместе с Камзолкиным: «Типичных для советского строя изобразительных форм тогда не было»[22]. В газетах очень подробно описывалось убранство Москвы к Первомаю 1918 г., однако заметно было отсутствие и пятиконечной звезды, и серпа с молотом. Так, Советская площадь (бывшая Скобелевская) была украшена громад-

[19] Реликвии Великого Октября. Из фондов Центрального музея революции СССР, Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции. Каталог. М., 1987. С. 44—47, 126—127.

[20] Там же. С. 47.

[21] *Сокольников М.* Автор советской эмблемы // Литературная Россия. 1965. 5 ноября. С. 20.

[22] *Герасимов С.* Первое празднество Октябрьской революции // Искусство. 1957. № 7. С. 44.

ным стягом с изображением работника с молотом в руках, разбивающего старую и строящего новую жизнь. Все здания вокруг площади задрапировывались красной материей, развевалось множество флагов, а здание Московского совета украшал грандиозный плакат с лозунгом «Да здравствует социалистическая республика!». Пролеткульт представлял автомобиль, убранный флагами и плакатами. Корреспондент писал, что художественная секция Пролеткульта издала к празднику 1-го Мая специальные открытки с изображением группы «Марсельеза», снятой с известного художественного барельефа. На стягах изображалась эмблема Пролеткульта: на огромном красном полотнище нарисован рабочий, который в мускулистых руках держит: в одной — молот, а в другой — бурно трепещущее красное знамя. Молот его опущен вниз, у ног — развернутая книга[23].

Отсутствие знаковой государственной символики в первые месяцы советской власти находит отражение в деятельности большевиков со времени прихода к власти и в течение последующего более чем полугодового периода. Автор труда «Россия в 1917 году: страна в поисках самой себя» считает, что лозунги «национализации земли», «рабочего контроля», «национальной автономии» являлись изначально только лозунгами и в конце 1917 г. будущее советской страны было неясным. Лишь Гражданская война укрепила большевистскую партию, способствуя реальному воплощению проектов государственного строительства. Таким образом, он приходит к выводу, что представление о необратимости революционных событий в России, которое утвердилось впоследствии в историографии, — не более чем миф[24].

Как уже отмечалось выше, собственного партийного или государственного знака большевики, придя к власти, не имели. Но они, подобно всему международному социал-демократическому движению, использовали в качестве революционного знака красный флаг, которому суждено было стать символом первого в мире государства рабочих и крестьян. Исторические корни красного стяга уходят в глубокую древность. В качестве сигнала, объединяющего действия войск на поле сражения, его могли использовать и римляне, и персы. Судя по иллюстрированной рукописи «Хроника Константина Манассии», написанной византийским поэтом в XII в., переведенной на болгарский язык в XIV в. и известной на Руси, князь Святослав в X в. «ходил на Доростол» со стягом красного цвета. Самым первым из знамен траурного церемониала на похоронах Петра I несли «военное знамя красное с красною же бахромою», ибо незадолго до смерти императору было поднесено почетное звание «адмирала от красного флага», которым он очень гордился. Военные красные стяги имелись и в других странах. В ином качестве красные полотнища использовались, как считают, парижанами, восставшими против королевской власти в XIV в. Именно красный и синий цвета — цвета Парижа — составили вместе с белым (королевским) цветом французскую кокарду в период Французской буржуазной революции.

[23] Известия ВЦИК. 1918. 1 мая.

[24] *Альтрихтер Х.* Россия в 1917 году: страна в поисках самой себя // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 157—160 (рец. И. В. Нарского).

Символизирующий кровь, пролитую парижанами на Марсовом поле в июле 1791 г., когда они собрались для подписи петиции об отречении короля от власти и были жестоко разогнаны правительственными войсками, красный стяг окончательно превратился в символ борьбы и крови («Он превратился с этого времени в символ революции»)[25]. Коммуна 1871 г. восстановила красный флаг как эмблему. Версальцы его топтали, сжигали, рвали. Ожесточение достигало крайностей: за ношение красного галстука, за красный пояс даже сажали в тюрьму.

Одна из первых советских эмблем — знак РККА. 1918—1922 гг.

Таким образом, в качестве символа революции выступал не только красный стяг, но и красный цвет вообще. Деятельница Парижской коммуны Луиза Мишель предложила покрывать тела погибших коммунаров красными стягами, а черные ленты и полотнища, символизировавшие смерть, составили вместе с красными стягами своеобразное сочетание, использовавшееся затем многими поколениями социал-демократов и пролетариев. При погребении самой Луизы Мишель «перемешались красные и черные флаги»[26].

Исследователи немецкого социал-демократического движения считают, что красный цвет начал появляться на политической сцене в канун и во время революций 1848 г. как знак, который позволял отличать пролетарских активистов от буржуазных и мелкобуржуазных элементов революционного лагеря. Затем оформился и сам символ — красное знамя. Во время революций 1848 г. и конституционных реформ в Германии красный флаг являлся символом «рождения в борьбе». Как политический символ он был воспринят рабочим движением вместе с праздником 1-го Мая, а затем — с эмблемой «сжатый кулак», которая существовала не только в Германии, но и во Франции, Испании, став международным социалистическим «опознавательным» знаком[27]. В СССР он также был хорошо известен, однако на первых этапах существования советского государства кулак соединялся с мощной фигурой рабочего, держащего молот или разбивающего цепи — оковы самодержавия. Эта фигура рабочего с молотом использовалась в России еще задолго до Октября 1917 г., как явствует из материалов, попавших в полицию при аресте российских социал-демократов[28].

Подобно социал-демократии других стран, и красный цвет, и красные стяги в России применялись в антицаристских выступлениях уже во второй половине XIX в. Популярными были такие «народные» знаки, как красные галстуки у мужчин

[25] *Sfez L.* Op. cit. P. 66—67.

[26] Ibid. P. 68.

[27] *Корфф Г.* Указ. соч. С. 168—169, 166.

[28] Подробнее см.: *Соболева Н. А.* Указ. соч. С. 343—345.

Государственная печать с гербом РСФСР. 1918 г.

и красные шарфы у женщин (в частности, во время первомайских демонстраций или маевок). «Те, кто побоятся надеть такую общеизвестную полиции эмблему, могут из бокового кармана сюртука выставить концы красного платка или куска кумача», — предписывалось одним из социал-демократических документов[29]. Красное знамя многократно упоминается в листовках и встречается на всевозможных антиправительственных рисунках, конфискованных полицией и хранящихся в ее документации. Оно является главной «темой» пропагандистской социал-демократической символики. Вместе с ним в рисунках присутствует и другой символ — восходящее из-за горизонта солнце в виде полушара с длинными лучами[30].

Красные флаги с социал-демократическими лозунгами типа «Да здравствует демократия!», «Да здравствует свобода!», «За политическую свободу!», «Долой самодержавное правительство!» заполняли улицы российских городов в революционные дни 1905—1907 гг. вместе с красными знаменами, несущими чисто пролетарские лозунги «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», постепенно становясь символом борющегося пролетариата. Этот смысл красного знамени доносили до трудящихся многочисленные листовки, распространявшиеся большевиками в разных городах Российской империи. Например, в деле «По поводу воззваний, разбросанных 1-го Мая на улицах города Пензы» мы читаем: «Сегодня, 1-го мая по всей России… подымется “Красное знамя” пролетариата… На улицах русских городов поднято красное знамя социализма и свободы и рабочий народ ясно показал правительству, что он не хочет больше молча терпеть и страдать»[31].

Падение самодержавия в 1917 г. вызвало новый бум в использовании красного цвета и красных знамен[32]. Примечательно, что даже генерал Корнилов собирал свое воинство под красными революционными знаменами[33]. Кажется, что российский обыватель отныне не мыслил свою жизнь без красных стягов и лозунгов, приветствующих свободу. Красные стяги, красные банты и ленты, красные гвоздики стали весной 1917 г. отличительной чертой толпы на площадях и улицах Петрограда

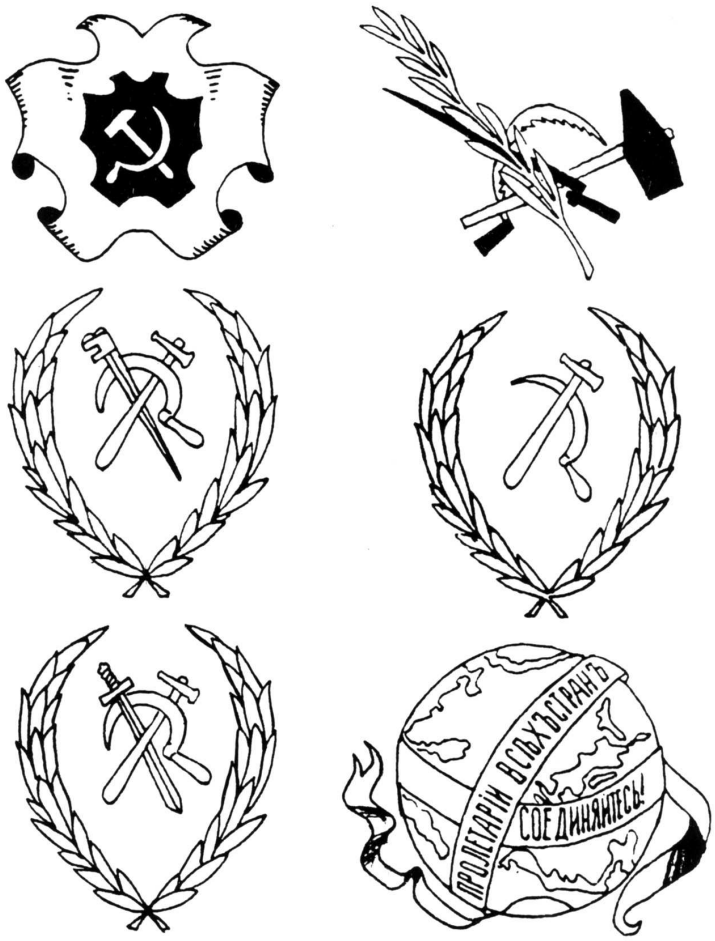
[29] ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1898. Д. 5. Ч. 21. Лит. В. Л. 85.

[30] *Соболева Н. А.* Указ. соч. С. 343—344.

[31] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 634/1902. Л. 2.

[32] *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 250—284.

[33] *Корнаков П. К.* Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции… С. 360.



Сюжеты композиций на знаменах Февральской революции 1917 г.
(*по П. К. Корнакову*)

и Москвы. Например, петроградские художники так описывали первые дни Февральской революции 1917 г.: «В течение первого дня рождения Первой российской республики улицы столицы приняли необыкновенный вид. Движение составляли пешие с красными гвоздиками на груди. Казалось, все вышли из домов на улицы смотреть, как выглядит общее дело под открытым небом Петрограда»; «все запестрело красными флагами и бантами»[34].

Очень скоро на улицах появились открытки с изображением людей с красными флагами. На красных полотнищах выделялись надписи: «Да здравствует рево-

[34] Цит. по: *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 68, 71.

люция!», «Свобода России!», «8-часовой рабочий день!», «Равноправие женщины» и т. д.[35] Известный искусствовед, москвичка И. М. Бибикова, пишет в своих мемуарах: «Воспоминание о Февральской революции связано у меня с образом ликующей толпы людей, украшенных красными розетками, лентами, несущих красные флаги. На улицах собирались толпы, и казалось, каждому нужно было сказать что-то особенно важное. Всякая возвышенность, скамейка или пьедестал памятника служили трибуной для выступлений»[36]. А Красная площадь, как далее вспоминает она, была в марте 1917 г. действительно красной от знамен. Древко красного стяга было вложено в бронзовую руку князя Пожарского, а на полотнище выделялась надпись: «Утро свободы сияет светлым днем». Красными стягами был украшен и памятник А. С. Пушкину, у подножия которого на плакате написали слова из послания Пушкина к Чаадаеву «Товарищ, верь…»[37].

Таким образом, красные флаги в первые месяцы Февральской революции служили символами освобождения от гнета царизма, символами отречения от старого мира. Поэтому большевикам при утверждении одного из основных символов государственного суверенитета не пришлось «узурпировать» красный стяг, как об этом пишут некоторые авторы, ибо это был символ их борьбы, о чем и заявил Я. М. Свердлов на заседании ВЦИК 8 апреля 1918 г., где утверждался Декрет о флаге Российской республики, назвав его национальным[38]. А менее чем через месяц советское руководство в «Первомайском обращении ВЦИК к трудовым массам всех стран, всем Советам, всем, всем и за границу» уже подчеркивало: «Мы сделали своим государственным знаменем боевое знамя рабочих всех стран — красное знамя. Под нашим знаменем соберутся пролетарии всех стран. Под наше красное знамя зовем мы всех угнетенных, под наше знамя все, кому дороги интересы рабочего класса»[39].

В результате красный цвет сам по себе становится не столько символом борьбы, сколько символом новой жизни, нового государства, нового быта.

Временное правительство, однако, не создало какой-либо системы новых знаков, которая бы заменила царскую, как это было во Франции в 1789—1794 гг. Утвердив (вследствие острой необходимости заверять финансовые документы) 21 марта 1917 г. печать с изображением двуглавого орла, лишенного властных атрибутов[40], вопрос о гербе и флаге нового государства оно оставило «в стадии решения». Как бы Юридическое совещание при Временном правительстве ни муссировало

[35] *Лапшин В. П.* Указ. соч. С. 70—71, 75, 124—125.

[36] *Бибикова И. М.* Из воспоминаний // Тыняновский сборник. 1998. Вып. 10. С. 681.

[37] *Лапшин В. П.* Указ. соч. С. 84; История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 3. М., 2000. С. 117.

[38] *Свердлов Я. М.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1959. С. 188.

[39] Цит. по: *Иванченко А. В.* Указ. соч. С. 98.

[40] *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 194—197. Очень подробно вопрос об использовании Временным правительством эмблемы двуглавого орла рассматривает Б. И. Колоницкий. См.: *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 80—102.

вопросы о гербе и флаге, сколько бы вариантов герба республики, кстати включавших очень часто «демократического» (без атрибутов царской власти) двуглавого орла, оно ни рассматривало, Временное правительство откладывало официальное введение символов государственного суверенитета до Учредительного собрания. В то же время оно считало двуглавого орла своим знаком, поместив его на ассигнациях достоинством в 250 и 1000 руб.[41] Вместе с тем бумажные денежные знаки были украшены изображением Таврического дворца, где заседала Государственная дума, и… свастики. Эта одиозная эмблема в своем изначальном (неполитическом) значении символизирует четыре стороны света, солнцеворот, движение, дающее представление о бесконечной сменяемости и повторяемости времен года. Она была известна уже около 2000 лет до н. э. в доарийской культуре Мохенджо-Даро (Индия) и в Древнем Китае. В действительности она существует во многих культурах Старого и Нового Света, символизируя самые положительные категории: здоровье, благополучие, счастье, долголетие, силу, знание, взлет, проникновение в суть вещей[42]. Что могла символизировать свастика, помещенная на российских купюрах в 1917 г., основная масса которых, кстати, была выпущена лишь в ноябре 1917 г., когда на смену Временному правительству пришла новая власть? Один из современных толкователей символики считает, что свастика в России известна с древнейших времен, существуя в виде художественного орнамента, символизируя на ассигнациях Временного правительства благосостояние и другие жизненные блага народу свободной России[43]. Высказано, однако, и другое мнение относительно появления свастики на бумажных деньгах правительства Керенского: «Революция 1917 г. была совершена несомненно масонскими ложами, бывшими тогда в России в большом количестве, и вот на 250-рублевой ассигнации того времени мы увидели комбинацию масонских знаков: на лицевой стороне помещен масонский орел на фоне масонской свастики, по сторонам его две стилизованные гексаграммы. Две свастики изображены и на обратной стороне билета»[44]. Но совершенно очевидно, что советское правительство, используя старое клише при выпуске бумажных денег в 1918 г., которые повторяли ассигнации в 250 и 1000 руб. Временного правительства, руководствовалось отнюдь не масонскими идеями, а фактом нехватки денежной массы.

Добавим, что двуглавый «демократический» орел в течение трех лет после водворения его на денежные знаки правительства Керенского размещался также на так называемых государственных кредитных билетах образца 1918 г. и на дензнаках

[41] *Мельникова А. С.* Твердые деньги. М., 1971. С. 7.

[42] *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов / Пер. с нем. М., 1996. С. 236; *Копалинский Вл.* Словарь символов / Пер. с польск. Калининград, 2002. С. 186—187.

[43] *Копалинский Вл.* Указ. соч. С. 187

[44] *Лукин Ю. Н.* В мире символов. Харбин, 1936. С. 13—14. Масонским двуглавый орел назван автором по причине существования в России масонской ложи Орла Российского, знак которой — двуглавый орел без монархических атрибутов. См.: *Лотарева Д. Д.* Знаки масонских лож Российской империи. М., 1994. С. 86—87.

местных эмиссий, например в Астрахани и Армавире. Считалось, что при отсутствии каких-либо государственных эмблем новой власти двуглавый орел Временного правительства придаст дензнакам «солидность». Использовали его, по крайней мере в течение 1918 г., и на знаменах Красной армии[45], на удостоверениях личности и членских билетах, о чем свидетельствуют многочисленные музейные экспонаты.

Применяя употребляемые ныне психологические термины, можно отметить, что послефевральская Россия заимствовала из революционной Франции конца XVIII в. не только «символы-объекты» — аллегории, девизы и т. д., «символы-звуки» — «Марсельезу», «символы-действия» — возложения венков, демонстрации, митинги, но также «символ-персону». «Благородным символом благородной Февральской революции» был назван возглавлявший с июля 1917 г. Временное правительство А. Ф. Керенский[46]. Ни один из самых известных деятелей Французской буржуазной революции — Дантон, Марат, Робеспьер, наверное, не получал столько восхвалений, сколько выпало на долю Керенского. «Солнце свободы России», «красное солнышко русского народа», «маяк, светоч, к которому тянутся руки выбившихся из сил пловцов», «любимый вождь революции» и т. д. — все эти эпитеты, сопровождаемые коленопреклонением, целованием рук, одариванием цветами и венками, относились, однако, к обожествляемому русским народом политическому деятелю очень недолго. Возможно, его ждала бы участь трех упомянутых выше французских революционеров (насильственная смерть), однако ему суждено было позорно скрыться.

Кроме многочисленных портретов Керенского, которые несли демонстранты, которыми украшали стены ресторанов и учреждений, «в народ» потоком хлынули значки с его изображением и надписью на оборотной стороне: «Славный мудрый честный и любимый вождь свободного народа». Можно согласиться с автором книги «Символы власти и борьба за власть» Б. И. Колоницким в том, что «символы, найденные Керенским, его сторонниками и почитателями, были затем использованы при создании культов большевистских вождей, имена и образы которых также становились символами их режима»[47].

Возвращаясь к оценке революционных символов периода февраля — октября 1917 г., необходимо подчеркнуть значимость античной темы при формировании многих художественных образов, которые широко использовались большевиками в первые послереволюционные годы. Эти образы не воспринимаются как трансформированные и усвоенные под влиянием Французской буржуазной революции. Дело в том, что в предшествующие революциям 1917 г. десятилетия в творчестве многих российских художников наблюдаются реминисценции античного стиля. Первенствовали здесь представители «Мира искусства». Многие из них побывали в разные годы в Италии, восторженное отношение к которой, «чувство Рима» они

[45] *Корнаков П. К.* Краски войны // Родина. 1990. № 10. С. 29, 34, 52.

[46] *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 314—318.

[47] Там же. С. 317.

Изображение эмблемы «Серп и молот» на знаменах весны — лета 1917 г.
(*по П. К. Корнакову*)

сохранили в течение всей своей жизни. Античные образы присутствуют на плакатах, открытках, прочей изопродукции и даже в политической литературе. Например, в 1917 г. в Петрограде было осуществлено издание «Календаря русской революции». В создании его рисунков участвовали Чехонин, Добужинский, Лансере и др., причем колонны, ступенчатые постройки, венки, оливковые ветви и другие античные элементы широко используются почти всеми авторами (книга выходила в издательстве «Шиповник» в 1907 г., но ее тираж тогда арестовали). Близкий по духу «мирискусникам», А. В. Луначарский в статьях и лекциях, посвященных культуре и эстетическому воспитанию пролетариата, отмечал, в частности, что античная символика могла бы выступить не только как образец классического искусства, но и как средство социального воспитания граждан нового государства. Со ссылкой на К. Маркса он писал, что можно считать «безнадежными идиотами людей, не понимающих значения античного искусства для пролетариата»[48].

После октябрьских событий классическая символика использовалась не менее интенсивно, чем в предшествующее время. Революция как бы рядилась в одежды романтики и красоты. Богини Свободы и Победы присутствуют в праздничном оформлении Петрограда, Москвы и других городов к праздникам 1 мая

[48] *Луначарский А. В.* Об искусстве. Т. 2. М., 1982. С. 85.

и 7 ноября 1918 г. Скульптор Л. Шервуд, с бригадой художников трудившийся над украшением Петрограда, использовал идею противопоставления старого и нового мира. Колесница «старого мира» представляла собой следующую композицию: дракон, двуглавый орел со сломанными крыльями, телега, нагруженная рухлядью, среди которой были корона, трон и т. д. «Новый мир» олицетворяла колесница «Свобода» с фигурой богини Свободы в белой тунике и с факелом в руках[49]. Художники «Мира искусства» использовали в праздничном оформлении античные арки и аллегорические женские фигуры, держащие венки, трубы и факелы. Триумфальная арка по проекту Г. Савицкого была возведена на Васильевском острове. Автор использовал античные аллегории, изобразив юношу в цепях с надписью «Рабство», а затем того же юношу, идущего со знаменем в одной руке и горящим факелом — в другой, с надписью «Свобода». В центре композиции трубящая Слава приветствует юношу-победителя[50]. Фигуры трубящей Славы поместил на обелиске, оформляя Марсово поле, архитектор Л. Руднев. «Община художников» украсила одно из зданий Петрограда панно с богиней Правосудия в венке, держащей весы, свиток, книгу, а рядом была изображена полуобнаженная атлетическая фигура рабочего.

Здание Петергофского совета было украшено огромным плакатом с изречением Овидия: «Наступил золотой век, люди будут жить без законов, без наказаний, совершая добровольно то, что хорошо и справедливо»[51].

Подобным же образом украшалась к 7 ноября 1918 г. Москва: «Колесница труда», «Колесница науки» соседствовали с панно на античные темы, в частности с произведением Н. Чернышева под названием «Наука и искусство приносят свои дары труду». Рядом с изображением юной девы в античной одежде, которая протягивает рабочему крылатую статую Победы, художник разместил маски Мельпомены[52]. И. М. Бибикова вспоминала, что в Москве к оформлению улиц 1 мая и особенно в день первой годовщины Октября «были привлечены по существу все жившие тогда в России живописцы и скульпторы, а город превратился в огромную всенародную выставку, оформленную уже не плакатной живописью, а огромными декоративными панно…»[53]. Далее она отметила, что ни одно панно не носило грубоагитационного характера, не призывало к жестокой борьбе, убийству, уничтожению противника. При этом никогда уже потом знаменитые художники не привлекались в таких масштабах к оформлению празднеств, как это было сделано в 1918 г.

[49] Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. Материалы и исследования. М., 1971. С. 12—13.

[50] Там же. С. 23.

[51] Там же. С. 25—29: Агитационно-массовое искусство первых лет Октябрьской революции. Каталог выставки. М., 1967. С. 19.

[52] Агитационно-массовое искусство первых лет Октября… С. 79—80, 103.

[53] *Бибикова И. М.* Указ. соч. С. 683.

Античные сюжеты применялись в оформлении книг: например, на обложке 1-го издания Конституции РСФСР 1918 г. была изображена композиция с серпом и молотом на фоне лучей восходящего солнца. Она была заключена в картуш, куда входили античная чаша с факелом, а также пара фасций (секира на древке, вставленная в связку прутьев, символизировавшая в Древнем Риме превосходство государственной власти над человеческой личностью). Античные образы использовали художники и при создании проектов новых денежных знаков. Например, С. Т. Коненков предложил рисунки с изображением вакханки, возлагавшей венок на голову Вакха. «Меркуриев жезл» как символ промышленности держал в руке рабочий на рисунке «народного герба», предложенном Совнаркому С. В. Чехониным. Он же представил проекты марок и других знаков, где использовались античные сюжеты.

Вряд ли стоит отрицать значимость влияния художественных образов Французской революции на российских художников, декораторов, оформителей улиц и площадей. Иногда при этом использовались эмблемы конца XVIII в., явно не соответствовавшие революционным реалиям России: например, на одном из панно художника С. Дудина изображалась гильотина с двуглавым орлом и в ужасе склонившая голову женщина[54]. На страницах журнала «Пламя» неоднократно отмечались достоинства оформления ассигнаций времени революционной Франции и подчеркивалась их эстетичность в отличие от российских бумажных денег революционного периода[55]. Особенно много аналогий с революционной Францией обнаруживается при проведении празднеств и массовых мероприятий в первые годы существования Советской власти. В России в 1918—1919 гг. были опубликованы специальные издания для ознакомления с организацией народных празднеств и театрализованных представлений во Франции конца XVIII в.[56] В последующие годы подобные аналогии хотя и проводились, но оценивались уже как механическое перенесение на российскую почву образов буржуазного искусства. При этом подчеркивалось, что пролетариат вынужден был «прибегнуть к готовому репертуару форм и приемов чуждого ему буржуазного искусства и в почти неизменном виде использовать их для своих целей»[57]. Триумфальная римская колесница, на которой стояла богиня Свободы, оценивалась теперь уже крайне негативно. Она и ей подобные фигуры расценивались как «пошлые» «художественные установки»[58].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[54] *Лимонов Ю. А.* Празднества Великой французской революции в 1789—1793 гг. и массовые праздники Советской России в 1917—1920 гг. // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 401.

[55] Пламя. 1918. № 3. С. 16.

[56] Об этом подробнее см.: *Лимонов Ю. А.* Указ. соч. С. 390—412.

[57] *Гущин А. С.* Изоискусство в массовых празднествах и демонстрациях. М., 1930. С. 11.

[58] *Гущин А. С.* Оформление массовых празднеств за 15 лет диктатуры пролетариата. Фотоальбом. М., 1932.

Однако подобные оценки давались много позже, а в первые послереволюционные годы античным сюжетам и символике отводилось в агитационно-массовой политике большевиков значительное место, поскольку образы античности способствовали романтизации пролетарской революции, ее демократических постулатов. В качестве примера можно указать на плакат, где образы античных мифологических героев Прометея, Атланта, поддерживающего небесный свод, юноши с факелом, мчащегося на крылатом коне, трансформировались применительно к потребностям момента и в результате появлялись композиции: «Белогвардейский хищник терзает тело рабочего и крестьянина», «Рабочий взвалил на свои плечи непомерный груз», «Гибель буржуазной Помпеи»[59]. В декоративно-прикладном искусстве античные эмблемы и герои нашли применение в росписи на фарфоровых изделиях. Орфей, рог изобилия, слова Овидия и Цицерона украшали продукцию бывшего императорского фарфорового завода, художественным руководителем которого как государственного предприятия стал замечательный график С. В. Чехонин[60]. В книжной графике также широко использовались античные мотивы. Здесь работали тот же Чехонин, Добужинский, Лансере, Митрохин, Нивинский[61].

Отдельные античные эмблемы претендовали на роль новых государственных символов. Назовем здесь памятник Свободы (монумент Советской конституции), воздвигнутый в 1918—1919 гг. по проекту архитектора Д. П. Осипова, выигравшего конкурс у четырех других претендентов, чьи проекты не отражали столь образно пафос революционных преобразований в стране. Монумент украшала женская фигура в античных одеждах с поднятой рукой — олицетворение Свободы (скульптор Н. А. Андреев).

К подобным символам может быть отнесена и пятилучевая звезда, избранная первоначально в качестве знака принадлежности к Красной армии, а затем вошедшая в атрибутику социалистического государства. В «Известиях» Народного комиссариата по военным делам за 10 мая 1918 г. было напечатано объявление о «конкурсе по установлению формы обмундирования Красной армии». В том же номере был опубликован и приказ Военного комиссариата Москвы от 8 мая 1918 г., где говорилось, что «каждый вновь поступающий в советскую армию должен снабжаться красноармейской книжкой с отображением подписи под обязательством, а также красноармейским значком "марсовой звездой" с плугом и молотом», который носится на околыше фуражки. А несколькими месяцами ранее, как пишут специалисты, «сразу после формирования первых регулярных воинских частей Красной

[59] *Полонский В.* Русский революционный плакат. М., 1925. С. 27—29; *Бутник-Сиверский Б. С.* Советский политический плакат 1917—1920 годов // Очерки по русскому и советскому искусству. Сб. статей. М., 1965. С. 26.

[60] *Андреева Л. В.* Советский фарфор. 1920—1930-е годы. М., 1975. С. 61—62, 147, 198.

[61] Мастера современной гравюры и графики. Сб. мат. М.; Л., 1928. С. 33, 54, 64, 191—194, 263—264, 270—271; *Чегодаева М. А.* Искусство, которое было. Русская книжная графика 1920-х — нач. 1930-х годов. М., 1997. С. 117—118.

армии РВС ввел особый знак, показывающий принадлежность к РККА». Это был нагрудный знак в виде венка из лавровой и дубовой веток, перевязанный внизу бантом из ленты. Поверх него помещалась большая пятиконечная звезда, покрытая красной эмалью. В центре звезды находились плуг и молот. Знак носился на гимнастерке или френче с левой стороны. Он считался революционным военным знаком[62]. В течение длительного времени создание символа Красной армии приписывалось Л. Д. Троцкому. Однако в литературе последних лет (правда, без достаточной аргументации) автором эмблемы Красной армии назывались командующий войсками Петроградского военного округа К. С. Еремеев[63], затем Н. А. Полянский — весной 1918 г. военный комиссар Московского военного округа[64]. Фигурировало и имя Н. И. Подвойского.

Звезда как астрологический знак была известна жителям Месопотамии более 4 тыс. лет тому назад, затем ее изображение стало шумерским и египетским знаком звезд. В этрусской культуре (VI—V вв. до н. э.) звезда с пятью лучами (пентаграмма) известна как орнаментальная фигура (в керамике). Исследователи символов считают, что знак звезды всегда многозначен. Это его качество обусловило использование звезды с древнейших времен как знака многих философий, обществ, религиозных объединений и т. д.[65] Среди различных толкований этого символа отмечаются и защитные свойства звезды, способствующие укреплению силы духа в противоборстве с силами тьмы. В символическом контексте красный цвет — это цвет крови и жизни, обозначающий борьбу не на жизнь, а на смерть. Он связан с богом войны Марсом, отсюда и эмблема Красной армии — «марсова звезда», т. е. красная звезда, соответствующая наименованию созданной армии.

Кажется логичным, что «учредителем» знака мог быть человек, знакомый с античной символикой и стоявший у истоков создания Красной армии. Превращение Красной гвардии в Красную армию в конце 1917 г. потребовало изменения отличительного знака прежних вооруженных формирований, созданных большевиками в период подготовки Октябрьской революции. Знаки Красной гвардии — красная лента на головных уборах (папахах, шапках) и красная нарукавная повязка с надписью «Красная гвардия», сделанная черной краской[66]. На заседании СНК 15 января 1918 г. докладывался проект декрета о создании Красной армии, а затем декрет был подписан, в том числе и Подвойским, которого вскоре назначили председателем Всероссийской коллегии по организации и формированию РККА. Освобожденный

[62] Иллюстрированное описание обмундирования и знаков различия Красной и Советской армии (1918—1945) / Сост. О. В. Харитонов. Л., 1960. С. 6.

[63] *Похлебкин В. В.* Красная пятиконечная звезда // Вопросы истории. 1967. № 11. С. 212—214; *Он же.* Красная звезда // Международная символика и эмблематика. М., 1989. С. 105—107; *Faryno J.* Op. cit. S. 274—275.

[64] *Борисовский Б. Э.* Первая советская эмблема // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 204—207.

[65] См. об этом: *Соболева Н. А.* Указ. соч. С. 340—342.

[66] Иллюстрированное описание обмундирования… С. 5.

Февральской революцией 1917 г. из тюрьмы профессиональный большевик Подвойский, в конце марта 1917 г. возглавивший военную организацию при ПК РСДРП, участвовал в формировании отрядов Красной гвардии, редактировал различные солдатские газеты, 23 ноября 1917 г. был назначен наркомом по военным делам.

Как образованный и начитанный человек[67], учившийся в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, Подвойский, вероятно, был знаком с использованием пятиконечной звезды в российском воинском обмундировании. Так, еще с 1 января 1827 г. офицерам российской императорской армии полагалось носить на эполетах металлические «пятиконечные звездочки вершиной вверх»[68]. Временное правительство внесло изменения в форму военных моряков: в частности, на фуражке капитана 1-го ранга «прежнюю кокарду заменили шитой или металлической кокардой в виде круга с якорем, окруженного листьями и увенчанного пятиконечной звездой»[69]. В приказе военного министра № 125 от 16 апреля 1917 г. подчеркивалось, что середину кокарды фуражек следует закрасить в красный цвет, и предписывалось, что пятиконечные звезды будут использованы в форменной одежде (на нашивках) высших военных и гражданских чинов[70].

Еще одним аргументом в пользу авторства Подвойского в создании знака Красной армии является написанная им брошюра «Красная звезда», изданная ВЦИК в 1918 г. Именно Подвойский явился инициатором создания индивидуальной награды особо отличившимся на фронтах Гражданской войны (до этого в Красной армии наиболее отличившиеся подразделения награждались Почетными революционными красными знаменами). 13 августа 1918 г. он послал в Реввоенсовет телеграмму: «Настоятельно высказываюсь за установление знака героя и знака героизма»[71]. 2 сентября 1918 г. ВЦИК решил ввести индивидуальное награждение особо отличившихся в боях[72]. По проекту художника В. В. Денисова гравер

[67] *Лейберов И.* Пламенный солдат революции. М., 1962. С. 6. Коллеги по партийной работе также отмечали необыкновенно широкий кругозор и начитанность Подвойского: он мог со знанием дела разговаривать о музыке, римском праве, исключительно хорошо знал церковные обряды и Священное Писание (его отец был священником, а сам он, окончив духовное училище, поступил в Черниговскую духовную семинарию). Будучи в эмиграции, Подвойский слушал лекции в Бернском университете. Его военно-пропагандистская деятельность была очень интенсивной. Он написал ряд учебных пособий, разработал программы политических занятий бойцов. См. об этом: *Степанов Н.* Николай Ильич Подвойский // Комиссары. Сб. М., 1986. С. 3—42. В газете «Известия» за 7 ноября 1922 г. в большом юбилейном материале «Красная армия. Первые организаторы и вожди» из 30 имен Подвойский занимает почетное 7-е место.

[68] *Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. 1801—1855. М., 1997. С. 59 (ил.), 166.

[69] *Доценко В. Д.* Русский морской мундир. 1696—1917. СПб., 1994. С. 241.

[70] Русская армия 1917—1920 гг. Обмундирование, знаки различия и нагрудные знаки / Сост. О. В. Харитонов, В. В. Горшков. СПб., 1991. С. 28—29.

[71] *Кузнецов А. А.* Награды. Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., 1999. С. 353.

[72] *Балязин В. Н., Дуров В. А., Казакевич А. Н.* Самые знаменитые награды России. М., 2000. С. 159—160.

Звягинцев за 2 недели сделал знак ордена Красного Знамени, и 4 октября 1918 г. он был принят ВЦИКом: на белом поле, обрамленном лавровым венком, развевалось красное знамя с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Знамя развевалось над пятиконечной красной звездой, прикрывающей плуг, молот, факел и винтовку. В середине красной звезды помещались перекрещенные серп и молот, а внизу — буквы Р.С.Ф.С.Р.[73].

Как воинский знак красная звезда не сразу сменила свою центральную эмблему — перекрещенные плуг и молот на перекрещенные серп и молот. Нагрудные воинские знаки с красной звездой несли изображение молота и плуга по крайней мере до 1923 г.[74], хотя в мае 1922 г. специальным приказом нагрудные знаки для воинского состава отменялись и красная пятиконечная звезда с серпом и молотом в центре окончательно утвердились в качестве кокарды на головных уборах военнослужащих Красной армии[75]. Использование пятилучевой красной звезды в первом советском ордене можно расценивать как обретение ею статуса государственного знака, однако ни в гербе РСФСР, ни на знамени в этом качестве она не появилась до 1923 г., когда возник герб СССР.

В набор символов, которые в обязательном порядке должны были быть использованы при создании герба СССР, первоначально красная звезда не включалась, о чем свидетельствуют, в частности, представленные на конкурс проекты гербов[76], однако когда в одном из проектов появился «вензель» — аббревиатура СССР (вверху, между колосьями), то возникла мысль заменить ее красной пятиконечной звездой (без эмблемы в центре). Сохранилась записка, в которой рукой секретаря Президиума ЦИК А. С. Енукидзе (именно Секретариату ЦИК Президиум ЦИК СССР поручил организацию Комиссии по выработке государственного флага и герба СССР[77]) дан ряд рекомендаций художникам Гознака, рисовавшим герб СССР, и среди них — упоминание о пятиконечной звезде: «Наверху будет помещена пятиконечная звезда в желтой обводке…»[78]

Следует заметить, что многочисленные жетоны, которые выпускались к памятным датам, например к первой годовщине социалистической революции, несли изображение не только рабочего, разбивающего цепи, перекрещенных знамен и снопов в окружении флагов с надписями, зачастую с ошибками воспроизводящими революционные лозунги, но и эмблему красной звезды с плугом и молотом в центре.

История эмблемы «серп и молот» также неоднозначна. В советской историографии до середины 1960-х гг. отсчет времени ее появления начинался обычно

[73] *Балязин В. Н., Дуров В. А., Казакевич А. Н.* Указ. соч. С. 161.

[74] Советские нагрудные знаки 1918—1940. Из собрания Центрального военно-морского музея и частных коллекций. СПб., 2001. С. 4—8.

[75] *Борисовский Б. Э.* Указ. соч. С. 207

[76] *Иванченко А. В.* Указ. соч. С. 70—75.

[77] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 9. Л. 5—6.

[78] Там же. Оп. 16. Д. 45. Л. 51.

с 10 июля 1918 г., когда на V Всероссийском съезде Советов была принята Конституция РСФСР, особая статья которой содержала описание герба советского государства. Его центральной фигурой были перекрещенные серп и молот, восходящие к рисунку художника Камзолкина, украшавшего Москву к 1 мая 1918 г. Лишь с 1966 г., когда в журнале «История СССР» появилась статья Г. Ф. Киселева и В. А. Любишевой «В. И. Ленин и создание государственной печати и герба РСФСР», дата возникновения эмблемы «серп и молот» сдвинулась к марту 1918 г. Авторы отмечали: «Неизвестный петроградский художник предложил этот рисунок еще в первых числах марта 1918 г., значительно раньше своего коллеги, художника Е. И. Камзолкина. Поэтому Камзолкин, украсивший такой же эмблемой Серпуховскую площадь 1 мая 1918 г., не может считаться первым создателем одного из элементов герба — серпа и молота»[79]. В статье тщательно проанализирована деятельность секретаря СНК Н. П. Горбунова по организации изготовления печати Совнаркома. Обнаруженные в партийном архиве документы позволяют буквально по дням проследить прохождение различных вариантов печати (в частности, ее рисунка с мечом), однако авторы не заметили, что речь шла о печати СНК, а не о государственной печати. Рисунок печати, на которой изображены перекрещенные серп, молот и меч, сохранился. Эмблему окружает надпись: «Рабочее и крестьянское правительство Советской Федеративной Республики», внизу на табличке обозначалась принадлежность печати: «Совет Народных Комиссаров»[80].

Печать, которую Ленин назвал «первой советской государственной печатью» и приложил ее оттиск к письму Кларе Цеткин 26 июля 1918 г., несет уже признаки государственной: круговая легенда гласит: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика», внизу на табличке надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[81]. Таким образом, на протяжении двух месяцев печать превратили из ведомственной в государственную, изменив фигуру, помещенную на щите, и надписи, свидетельствующие о ее статусной значимости в государстве — не в Российской Советской Федеративной Республике, а в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике.

Аналогичный оттиск, заверенный Л. А. Фотиевой, секретарем СНК, определяется как «Оттиск российского государственного герба»[82]. Между тем, строго говоря, данная печать не являлась гербом, ибо, во-первых, не воспроизводила его рисунок полностью. В статье 89 Конституции РСФСР говорится: «Герб Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест

[79] *Киселев Г. Ф., Любишева В. А.* Указ. соч. С. 23.

[80] В. И. Ленин и изобразительное искусство. С. 461. Киселев и Любишева не видели этого рисунка, о чем они пишут на с. 22, руководствуясь в описании печати воспоминаниями В. Д. Бонч-Бруевича.

[81] Там же. С. 460, 462.

[82] *Поцелуев В. А.* Указ. соч. С. 50.

рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев и с надписью: а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и б) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[83]. Во-вторых, круговая легенда не может, по геральдическим канонам, соотноситься с таким знаком, как герб.

Также существуют несоответствия между декретом ВЦИК «О флаге Российской республики», принятым 8 апреля 1918 г. по докладу Свердлова, и статьей 90 Конституции 1918 г. о флаге[84]. Это можно объяснить недостаточной проработкой данных статей Конституционной комиссией, что соответствует действительности, ибо в проектах Конституции не было речи об официальных символах страны — гербе, флаге, гимне, и лишь 4 июля 1918 г. в проекте, разрабатываемом Наркоматом юстиции (М. А. Рейснер, А. Г. Гойхбарг), появились статьи о гербе и флаге советского государства[85].

Проблемы с государственной символикой негативно отразились на деятельности различных советских ведомств. Как свидетельствуют письма из различных ведомств и организаций во ВЦИК, Управление делами Совнаркома с требованием четких указаний о форме и изображении печатей данного ведомства, некоторые из них в течение всего 1918 г. продолжали использовать печати с двуглавым орлом, «без всякого герба» и проч.[86] В письмах звучало непонимание распоряжений правительственных органов о различии печати и герба. Так, Наркомат иностранных дел вместе с просьбой к секретарю ВЦИК Аванесову прислать «15 оттисков нового герба (на печати) …для отсылки заграничным советским учреждениям» просил разъяснить, «является ли печать, установленная для Советской республики, также и гербом ее?»[87].

По-видимому, «эмблематические проблемы» заставили правительство активизировать деятельность в данной области, результатом чего явился конкурс на атрибуты советской власти, причем интересно, что необходимость его проведения выявилась сразу же после V Всероссийского съезда Советов, на котором в июле 1918 г. принималась Конституция РСФСР со статьями о гербе и флаге. Во всяком случае во второй половине июля этого же года к Свердлову обратились из Отдела изобразительных искусств Наркомпроса со следующим письмом: «Художественная коллегия предполагает объявить конкурс на флаг и герб советской республики, также на монеты и печати и просит не отказать в предоставлении сведений, является ли проект герба и флага принятым 5-м Всероссийским съездом советов в окончательном виде или же принята только эмблема, которую надлежит разработать художникам. Сведения необходимы ввиду того, что Петербургской и Московской коллегиями изобразительных искусств производятся работы по объявлении конкурса»[88].

[83] История Советской Конституции (в документах). 1917—1956. М., 1957. С. 157—158.

[84] Там же.

[85] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 87, 89, 90; *Киселев Г. Ф., Любишева В. А.* Указ. соч. С. 25.

[86] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 88. Л. 3—30.

[87] Там же. Л. 11.

[88] Там же. Ф. 2306. Оп. 23. Д. 6. Л. 29.

Как видно из текста письма, конкурс проводился уже после принятия Конституции. Однако он явился продолжением более раннего конкурса, о чем сообщалось в июне 1918 г. в журнале «Пламя», где был помещен ряд рисунков «народного» герба, в частности рисунки И. А. Пуни и С. В. Чехонина[89]. Из письма в СНК одного из лиц, заинтересованных в утверждении «правильного» герба, датированного 29 сентября 1918 г., где говорится, что «в отделе Изобразительных искусств Наркомпроса состоялся на днях конкурс проектов по печати и гербу ЦИК и СНК, а также по флагу и гербу Российской республики»[90], вытекает, что подобный конкурс действительно проводился в сентябре 1918 г. О нем в письме от 19 сентября 1918 г. Луначарский сообщает Ленину. Внимание акцентируется на выбранном в результате конкурса проекте герба Российской Федеративной Республики, выполненном прекрасным художником П. В. Митуричем, «каковые прилагаются в 2 вариантах». Луначарский писал далее: «Очень прошу Вас не слушать советов художественных староверов и обратить внимание на значительную простоту и несомненную силу предлагаемого проекта. Кроме того, посылаю образец печати Совнаркома работы Альтмана (Альтман Н. И. — живописец, рисовальщик, театральный декоратор, член коллегии ИЗО Наркомпроса в Петрограде. — *Н. С.*) и печать Исполкома работы Чехонина (Чехонин С. В. — график, живописец, театральный художник, знаменитый "мирискусник", член Коллегии ИЗО Наркомпроса в Петрограде. — *Н. С.*). Посылаю 2 образчика Национального флага»[91]. Крайне интересные с точки зрения символики, отличной от использованной на печати, рисунки (2 варианта) герба, выполненные Митуричем, к сожалению, не сохранились[92].

Однако в вышеназванном письме в СНК от 29 сентября имеется описание одного из рисунков Митурича: «Рисунок герба Российской республики, принятый после продолжительного рассмотрения, представляет собою фигуры рабочего с молотом в руках и крестьянина с серпом и со снопом хлеба, между этими фигурами находится наковальня. Обе фигуры помещены в незамкнутом круге из черных лучей, исходящих из темно-красного прямоугольника с надписью "Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика"». Автор предлагает и свой вариант герба: «Мне кажется, что в данном случае группировка фигур не соответствует жизненным условиям, — жнут и вяжут хлеб исключительно женщины, а косят косою мужчины — крестьяне. Следовательно, более жизненной была бы следующая группировка: в центре рисунка находится наковальня; с одной стороны наковальни стоит рабочий с молотком в правой руке, а в левой — клещи с обрабатываемым

[89] Пламя. 1918. № 7. С. 8—9. См. также текст объявления о конкурсе Петроградской коллегии по делам искусств и художественной промышленности при Отделе изобразительных искусств Наркомпроса, как полагают присланный Луначарским Ленину (В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1917. С. 84—89).

[90] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 88. Л. 21—21 об.

[91] В. И. Ленин и А. В. Луначарский. С. 84.

[92] Там же. С. 88.

куском железа на наковальне; с другой стороны наковальни стоит женщина в сарафане с серпом и молотом и со снопом хлеба. Женщина представляет собою, кстати, Россию… Именно такая группировка соответствует реальной русской жизни»[93].

Более геральдичную форму герб РСФСР получает в 1920 г.: он уже не напоминает печать с круговой легендой; в красном гербовом щите поверх золотых солнечных лучей — золотые перекрещенные серп и молот рукоятками книзу. В верхней части щита черные буквы Р.С.Ф.С.Р. Вокруг щита золотые колосья, соединенные внизу красной лентой с черной надписью (девизом) «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Цветной рисунок этого герба был послан 20 июля 1920 г. из ВЦИКа в Совнарком со словами на обороте: «ВЦИК препровождает образец правильного герба Р.С.Ф.С.Р.»[94].

Рисунок герба вызвал одобрение людей, сведущих в геральдике. Например, К. И. Дунин-Борковский, принимавший участие в выпуске первого советского «Альбома флагов и вымпелов», писал: «Обращаясь теперь к гербу, нужно сказать, что выраженная в нем эмблема вполне наглядна и образна; серп и молот — очень выразительные символы рабоче-крестьянской страны, в которой царит труд. Но с теоретической стороны этот герб разработан не совсем удачно, если принять во внимание сущность всякого герба, т. е. эмблематичность и графическую наглядность. Если герб — символ, то он, прежде всего, не нуждается ни в каких надписях и пояснениях. А между тем в гербе РСФСР помещено наименование Советской Республики, что совершено излишне и только загромождает рисунок, так как серп и молот слишком убедительно говорят о том, что они являются символами страны труда, страны рабочих и крестьян, т. е. РСФСР»[95]. Оценил Дунин-Борковский с геральдических позиций уместность и форму девиза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Однако описание герба, отразившееся на его воспроизведении, вызвав хаос и «невообразимую путаницу», возмутило почтенного специалиста: «Отсутствие точного описания герба дало в результате прямо-таки неприличную отсебятину: гербы изображаются искаженными на сером, зеленом, синем и желтом фоне щита, причем положение серпа и молота всегда горизонтально и не соответствует истинному. Для примера укажу, что изображенные на вагонах столичного московского трамвая гербы РСФСР совершенно неправильны. А это уже явление скандальное, так как обнаруживает полное незнакомство большинства граждан с самыми обыкновенными явлениями советского быта»[96]. Следует отметить правоту автора, ибо даже известные художники допускали в начале 1920-х гг. неточности в рисунке государственного герба[97].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[93] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 88. Л. 21—21 об.

[94] Там же. Л. 29.

[95] *Дунин-Борковский К. И.* О гербе и флагах РСФСР. М., 1922. С. 5—6.

[96] Там же. С. 13.

[97] Например, М. В. Добужинский при оформлении зала, где проходило открытие II конгресса Коминтерна в 1920 г., изображал перекрещенные серп и молот в абсолютно произвольной

Письма подобного содержания, особенно многочисленные в отношении флагов советского государства, если и не влияли на кардинальное изменение российской символики, то способствовали более тщательному подходу к выбору и описанию эмблем, и что главное — к более осмысленной их пропаганде. Особенно остро критиковал статьи о гербе и флаге теперь уже СССР все тот же Дунин-Борковский. В письме на имя председателя ЦИКа М. И. Калинина от 20 июля 1923 г. он, в частности, пишет: «…Наши заграничные миссии пренаивно запрашивали НКИД, правда ли, что в России существует герб, ибо никто даже из ответственных лиц не знает, какой у нас герб и какие флаги. А как их знать, если в Конституции об этом сказано так, что понимай, что хочешь. Это относится и к Конституции СССР и РСФСР, причем в последней государственный герб смешан с государственной печатью, а о государственном флаге говорится дважды…» Далее следует предложение об издании изображения и описания вводимых атрибутов власти, «а то даже такие выдающиеся специалисты в области геральдики и знаменоведения, как проф. В. К. Лукомский и П. И. Белавенец, сознаются, что в области советской геральдики и знаменоведения они не сильны, так как нет никаких точных источников»[98].

В следующем письме в Секретариат ВЦИК Дунин-Борковский повторяет свои обвинения по поводу недостаточной проработки вопроса о символике в Конституции страны: «Мне кажется, что в данном случае следует придерживаться чего-нибудь одного: если, по мнению ВЦИК, герб, флаги и печать — пустяк, то их вовсе исключить из Конституции, а если это вещи серьезные, то и относиться к ним надо серьезно и не ограничиваться совершенно безграмотными общими местами, а составлять текст Конституции так же определенно, точно и научно, как он составляется по всем другим вопросам, ибо Основной закон не должен заключать никаких неточностей, допускающих произвольные, а потому разнообразные толкования»[99].

Процесс создания герба СССР все же коренным образом отличался от действий, в результате которых возник знак «печать-герб» РСФСР. Этот процесс заслуживает специального рассмотрения, здесь же отмечу только, что, как и в случае с Камзолкиным, «обозначенным» автором эмблемы «серп и молот», художественное воссоздание герба Союза ССР приписывается художнику Гознака И. И. Дубасову. Комиссия, созданная для выработки символики СССР, действительно сотрудничала с Гознаком, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы, однако, как правильно сообщается в некоторых изданиях последних лет, первенствующая роль принадлежит не Дубасову, а В. Н. Адрианову, также сотруднику Гознака. Наиболее достоверную справку по этому вопросу дал сам Дубасов, главный художник Гознака с 1932 по 1971 г., автор всемирно известной серии из четырех траурных марок

манере. См.: Ленин в зарисовках и в воспоминаниях художников. М.; Л., 1928. Рис. М. В. Добужинского; *Метлицкий Б. Г.* Указ. соч. С. 39, 43.

[98] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 45. Л. 74, 74 об., 75.

[99] Там же. Л. 43—44.

с портретом Ленина, выпущенных в день похорон вождя, автор дизайнов дензнаков, многочисленных медалей и орденов, почтовых марок.

Рассказав о своей деятельности на Гознаке с 25-летнего возраста, Дубасов подробно изложил и моменты, связанные с работой над гербом СССР. Он пишет: «Как известно, в начале 1923 г. были проведены конкурсы на создание рисунка герба (СССР. — *Н. С.*) сначала среди художников города Москвы, а затем среди художников Гознака. Я не был участником конкурсов. После того, как все проекты были отклонены, за работу по созданию герба СССР взялся В. Н. Адрианов, занимавший тогда в Гознаке одну из руководящих должностей (В. Н. Адрианов — картограф, военный топограф и художник, участник составления первых административных карт СССР и первого Атласа СССР, преподаватель Института геодезии, аэрофотосъемки и картографии. — *Н. С.*). Для выполнения чертежных работ он пригласил фотограмметриста В. П. Корзуна. Адрианов и Корзун создали несколько эскизов, в том числе красочных, реализовав идею Адрианова поместить в центре эмблемы земной шар с наложенными на него серпом и молотом. 6 июля 1923 г. проект Адрианова был утвержден в принципе, и необходимо было лишь разместить лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" на 6 языках». По словам Дубасова, руководство Гознака вспомнило о нем, так как он работал очень быстро. Ему пришлось ознакомиться со всеми проектами участников конкурсов и увидеть все их недостатки (перегруженность деталями, расплывчатость, отсутствие знаковости). «Варианты В. Н. Адрианова отличались более строгим отбором деталей, выразительной центральной частью, что придало гербу очень важное свойство — силуэтность. Таким образом, я знал, что нужно делать, так как вопрос о всех деталях герба был уже решен», — подытожил Дубасов. О своей работе над гербом он говорит конкретно: «Я предложил разместить лозунги ("Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" — *Н. С.*) на витках ленты, обвивающей пучки колосьев, и концы ленты завести на земной шар. В этом случае можно было изменять количество витков по числу лозунгов, сохраняя рисунок герба»[100].

Если организационная сторона появления советских государственных атрибутов с трудом, но все же прослеживается, то вопросы становления символики, определения авторства художественной интерпретации эмблем могут решаться лишь «в первом приближении». Это касается не только красной звезды, но и эмблемы «серп и молот». В мировой мифологии оба эти «орудия труда», как они нам представляются, имели (каждое в отдельности) свое собственное значение, соотносясь с различными божествами. Как и все символы, они многозначны. Например, молот — созидательно-разрушительный символ мужской силы и в то же время — символ крепости и активности. В этом понимании он мог использоваться в композиции времен Французской революции, воплощающей единение участников революции (три мужские фигуры, бьющие молотом по наковальне). Как символ физической

[100] Рассказ И. И. Дубасова (записан полковником В. С. Григорьевым 16 сентября 1982 г. на квартире И. И. Дубасова). Музей Гознака. Рукопись.

энергии его, по-видимому, использовали социал-демократы разных стран, которые видели в мощной мужской фигуре с молотом символ пролетария, разбивающего оковы старого мира и кующего новый мир. Эта символика характерна для пропагандистских иллюстраций социал-демократии России, причем нередко рядом с рабочим и его орудиями труда — топором, лопатой, кайлом, молотом, пилой — изображен и крестьянин с соответствующими крестьянскому труду предметами — плугом, бороной, косой.

В России после Февральской революции использование подобных образов — фигур тружеников с орудиями труда (рабочих, крестьян, солдат) — становится нормой, особенно при оформлении знамен. Один из учащихся Академии художеств вспоминал: «К нам в Академию являлись рабочие с заводов и фабрик и приносили тексты лозунгов и красную материю. Мы писали эти лозунги, стараясь украсить их эмблемами производства: наковальнями, шестернями, молотами, серпами и так далее»[101]. Рабочие каждого предприятия старались выйти на улицы со своими стягами, на которых изображался их труд. «Здесь были знамена, отображающие цеховую принадлежность демонстрантов (повара несли знамена с изображением повара, горничной и лакея, а дворники шли с плакатом, на котором был нарисован человек с метлой)». Иногда подобная образность граничила с символикой: «Примером тому может служить знамя профессионального союза петроградских металлистов, на котором изображен был рабочий, стоящий у колеса машины. Текст гласил: "В единении — сила. Энергия — первый рычаг в промышленности"». Известно еще одно рабочее знамя, принадлежащее рабочим Путиловского завода. На рисунке, как предполагают сделанном профессионалом, изображена Свобода — женщина в белой тунике, стоящая на земном шаре с пальмовой веткой в одной руке и с зажженным факелом — в другой. Эту аллегорическую фигуру сопровождал текст: «Да здравствует Интернационал»[102].

Исследователь знамен Февральской революции П. К. Корнаков при классификации выделил те из них, на которых изображались сложные композиции: фигуры рабочего, крестьянина и солдата сходились в крепком рукопожатии, иногда это были две фигуры — рабочего и солдата, иногда — рабочего и крестьянина. Они изображались с орудиями своего труда[103]. Особенно популярными являлись дарственные знамена, которые вручались армейским полкам различными организациями и промышленными предприятиями. Одновременно со знаменами, на которых полностью разворачивалась картина «братания», появились стяги, где многофигурная композиция заменялась более простыми, легко и быстро воспроизводимыми на полотнище фигурами (возможно, это происходило из-за спешки или отсутствия материала). От детальных изображений оставались лишь «орудия

[101] Цит. по: *Лапшин В. П.* Указ. соч. С. 122.

[102] Там же. С. 120—122.

[103] *Корнаков П. К.* Знамена Февральской революции // Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1983. С. 12—26.

действия» — молоток, серп или другое орудие «простого» труда вместе со штыком или винтовкой. Как бы там ни было, в подобных эмблемах содержалась знаковость, понятная всем слоям населения.

Как установил Корнаков, первая подобная эмблема известна со времени похорон жертв Февральской революции, которые прошли в марте 1917 г. В Царском Селе на могиле павшим было установлено знамя в виде хоругви: на красном полотнище — перекрещенные серп, молот и меч, над ними под лучами солнца надпись: «Вечная память павшим борцам за свободу». Автор подобного знака не установлен. Известно, что в революционном Петрограде проводились конкурсы среди самодеятельных художников и профессионалов на оформление колонн и «малые формы» декоративного убранства. Например, газета «Правда» в апреле 1917 г. обратилась к художникам-любителям с призывом присылать в редакцию проекты значка РСДРП[104]. Предполагалось выбрать лучший проект, однако результаты конкурса опубликованы не были.

При украшении Петрограда к 1 мая 1917 г. появилась и эмблема, представляющая собой перекрещенные серп и молот. Она изображалась на хоругвях, прикрепленных к фасаду Мариинского дворца и снабженных надписью «1 Мая». Корнаков называет автора этой эмблемы — Л. В. Руднева, являвшегося архитектором Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который оформлял Марсово поле, а также заведовал в Петрограде декоративной частью украшения города к 1 мая. Ему помогал, как считает исследователь, П. А. Шиллинговский, который уже в то время был видным художником-реалистом (впоследствии народный художник СССР), превосходным мастером гравюры. Удачные эмблемы, как правило, создают графики, так что возможен приоритет Шиллинговского в создании эмблемы.

В литературе как автор эмблемы для печати СНК, а затем и государственной, также фигурирует петроградский график А. Н. Лео. В посвященных ему работах отмечается, что «он оформляет в своих работах советскую эмблематику». Он даже в этом плане сравнивается с Чехониным, который «выработал очень изящный тип серпа и молота», а Лео — напротив — грубоватый, массивный, подлинно трудовой[105].

Из всех графиков, которые могли нарисовать такую культовую эмблему, предпочтение все-таки следует отдать Чехонину, принимавшему непосредственное участие в создании социалистической символики[106]. Дунин-Борковский отмечал, что «рисунок герба и военного флага РСФСР был составлен художником Чехониным и внесен затем в Конституцию Республики»[107]. Современники называли Чехонина «художником Октябрьского переворота», а эмблема «серп и молот» является одной

[104] *Лапшин В. П.* Указ. соч. С. 135.

[105] *Лео А. Н.* ХБ. Л., 1927. С. 22.

[106] Доказательства его причастности к созданию графического варианта эмблемы «серп и молот» изложены в статье В. В. Похлебкина. См.: *Похлебкин В. В.* Из истории советской эмблематики // Вопросы истории. 1978. № 3. С. 91—95.

[107] *Дунин-Борковский К. И.* Указ. соч. С. 15

из излюбленных его эмблем. Ее он помещает на проекты народного герба, печати Совнаркома, почтовых марок, с нею Чехонин не расстается, расписывая фарфор.

Следует отметить, что на первенство в создании эмблемы «серп и молот» претендуют многие. Например, саратовский художник Н. А. Колоярский оставил воспоминания о появлении эмблемы Саратовского губисполкома, основу которой составляют перекрещенные серп и молот. Эта эмблема появилась в декабре 1917 г. Один из участников воссоздания знака послал рисунок эмблемы в Петроград своему другу А. Е. Кареву, который использовал ее при разработке фирменного знака фарфорового завода, где работал и ближайший друг Карева Чехонин. После назначения Карева членом Петроградской коллегии по делам искусств, а затем комиссаром Академии художеств в начале 1918 г. он передал все свои эскизы с изображением перекрещенных серпа и молота Чехонину[108].

Известный филолог и философ, ученый-энциклопедист А. Ф. Лосев высказался по поводу происхождения знаменитой эмблемы следующим образом: «По всему видно, что этот символ вовсе не был созданием какого-нибудь одного художника, что вообще многие художники в начале революции выдвигали этот символ, а вернее, что подлинным его автором являлась тогдашняя советская действительность в целом или, еще лучше сказать, народ в целом»[109]. В оценке символики этого знака Лосев чрезвычайно пафосен: «Это есть такой знак, который волнует умы, зовет к подвигам, двигает народными массами и вообще является не просто знаком, но конструктивно-техническим принципом для человеческих действий и волевой устремленности, для построения новой жизни и для переделывания действительности из старой в новую»[110]. Оценивая политическую символику на первых этапах существования советского государства, можно констатировать, что большевики не изобретали каких-то особых специфических эмблем, не использовали шокирующие или непонятные для масс знаки. Они, рационально подойдя к выбору знаков государственного суверенитета, не сразу установили их «правильную» и окончательную форму. Вместе с утверждением идеологических конструкций политическая символика также утверждалась в соответствующих формах, оставаясь, однако, «прозрачной», «апеллирующей к архетипам и ожиданиям масс»[111].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[108] *Колоярский Г. Н.* Кто создал первую государственную эмблему «Серп и Молот» // Труды Саратовского историко-краеведческого общества. Вып. 2. Саратов, 1992. С. 41—55.

[109] *Лосев А. Ф.* Проблемы символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 315.

[110] Там же. С. 30.

[111] *Faryno J.* Op. cit. S. 269.

Агитационный плакат, призывающий граждан России вступать в Коммунистическую партию. 1920 г. Художник неизвестен

Плакат к годовщине Октябрьской революции: единение рабочих и крестьян. Художник А. Апсит. Москва, 1918 г.

СИМВОЛИКА РОССИИ 90-Х ГГ. XX — НАЧАЛА XXI В. В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Смена политических реалий, дважды в течение XX в. потрясшая наше Отечество, выражалась и в символических «жестах»: изменялись основные государственные знаки — герб, флаг, гимн. Но если в 1917 г. после падения царизма существовал своеобразный буфер — Временное правительство, которое «растянуло» замену российской имперской символики на абсолютно новую более чем на год, что сделало смену государственных эмблем для жителей России не такой резкой, то кажущийся внезапным возврат знаков государственности царской России (герба и флага) в начале 90-х гг. XX в. в социально и идеологически однородное советское общество был, мягко говоря, «не сразу понят» этим обществом. Герб, флаг и гимн новой России несмотря на то, что в декабре 2000 г. они утверждены законодательным путем, все еще неоднозначно оцениваются в нашей стране, являясь предметом дискуссий, а иногда и более серьезных противостояний.

Одной из причин подобного неадекватного отношения к символам суверенитета сегодняшней России является недостаточное знакомство граждан с их историей. До недавнего времени в историографии существовали лишь самые общие сведения о государственной символике нашего Отечества, начиная с зарождения российской государственности. Этот феномен, может быть, объясняется прерывистым характером русской истории, не дающим возможности нарисовать реальную картину эволюции и использования носителями власти атрибутов этой власти, проанализировать их символику, определить степень традиционности, исконности, заимствований. Письменные источники отчасти по этой причине скупо освещают историю отечественной властной атрибутики. Недостаток достоверных данных, с одной стороны, обусловил отсутствие каких-либо серьезных сведений о возникновении государственных эмблем в трудах крупных российских историков (С. М. Соловьева, В. О. Ключевского), с другой — способствовал рождению различных мифов, субъективных трактовок непроверенных источниковедческих фактов. К последним относится, например, осторожное высказывание русского историка В. Н. Татищева двухсотпятидесятилетней давности о заимствовании великим князем Московским Иваном III Васильевичем государственного герба у Византии в результате его женитьбы на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XII Палеолога Драгаша в 1472 г. В XIX в. существовала также версия, что Софья Палеолог привезла в Россию и другой символ — Драконоборца.

Прошло 200—250 лет со времени появления подобных версий; исследователями последующих поколений, казалось бы, опровергнуты многие суждения, высказанные на заре становления исторической науки, причем к мнениям российских историков присоединились и зарубежные исследователи, однако «традиции» оказались хоть и неисторичными, но живучими.

Непрофессиональные суждения высказываются в литературе также о советских государственных эмблемах, насчет происхождения которых в настоящее время существует много экзотических версий. Одна из наиболее «заманчивых» — масонский след, отраженный в эмблемах герба и флага СССР. О том, что этот факт не подтверждается ни исторически, ни источниковедчески, можно прочитать в, немногочисленных правда, трудах профессиональных историков[1].

В настоящее время, а точнее — в последнее двадцатилетие, в отечественной исторической науке происходят значительные изменения как в плане новаций относительно тематики исследований, так и в плане многофакторности методов осмысления явлений и процессов, многие из которых ранее не представляли общественного и научного интереса[2]. В конкретном случае речь идет о символах власти в России на разных хронологических этапах ее истории. Как пишет современный исследователь средневековой символики М. А. Бойцов, «давно уже пора отказаться от априорной убежденности в том, что символическая сторона власти второстепенна, дополнительна, малозначима по сравнению с иными более "солидными", а потому и более заслуживающими внимания историков ее основаниями, например, институциональными». И далее: «Получая представление о символических системах, в которых власть предъявляет, а значит, и реализует себя в том или ином обществе, мы постигаем и самые существенные характеристики этой власти, и механизм ее функционирования. Процесс возникновения символических систем идентичен процессу становления власти, и, разбираясь в первом, мы лучше понимаем второе»[3].

Данный подход к изучению символики государства соотносится с «main stream» новомодного направления европейской историографии — потестарной имагологии, ориентированной на изучение образов власти, способов и форм ее репрезентации во внешнем мире. Причем если еще тридцать лет тому назад изучение знаков власти происходило в рамках вспомогательных исторических дисциплин — геральдики, сфрагистики, вексиллологии и т. д. с соответствующими истори-

[1] *Корнаков П. К.* Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001; *Похлебкин В. В.* Из истории советской эмблематики // Вопросы истории. 1978. № 3; *Соболева Н. А.* Из истории советской политической символики // Отечественная история. 2006. № 2. Данная работа переведена на английский язык и опубликована в журнале: Russian Studies in History. Fall 2008. Vol. 47. № 2.

[2] *Сахаров А. Н.* О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8.

[3] *Бойцов М. А.* В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. СПб., 2007. С. 46—47.

ческими выводами и заключениями, то в современных исследованиях наблюдается интегрированность проблем символики, прежде всего, конечно, государственной, а теперь и партийной[4], в иные области научного знания — в политологию, философию, социолингвистику, психологию.

Под новым углом зрения знаки власти (а это прежде всего визуальные знаки — гербы, флаги, знамена, ордена, печати) рассматриваются в комплексе с другими символическими знаковыми системами (вербальными, поведенческими, обрядовыми и т. д.) под «шапкой» политической символики, где существенную роль играют национально-государственные символы. Они — «составная часть процесса формирования и воспроизводства политической общности любого народа и государства. С одной стороны, национально-государственная символика определяет лицо народа, подчеркивает его самобытность, сплачивает во времена тяжких общественных потрясений, с другой, используется правящей элитой для идентификации проводимого политического курса с общими национально-государственными интересами. Это позволяет власть имущим объединить граждан вокруг своей политики, мобилизовать их внимание, стимулировать действия, необходимые для достижения поставленных целей»[5].

Некоторые западные политологи применяют по отношению к образным (визуальным) политическим символам такие дефиниции, которые определяют их исключительно как категорию власти: «Политические символы это те, которые имеют значение для функционирования власти»[6]. С последним определением можно согласиться, если учитывать адекватность восприятия, например, государственных символов властью и обществом, что обусловливается прежде всего своеобразной «прозрачностью» знаков власти.

Возведение знаков, определяющих суверенитет государства в ранг политических символов, определило их социальную значимость и предопределило применительно к ним методы изучения социума, которые в настоящее время характерны для социологической науки, но все шире применяются и в историческом исследовании. Речь идет не только об опросах респондентов, но и о следовании неким парадигмам, одной из которых является идея национальной идентичности. «Проблема реконструкции национальной идентичности становится актуальной в современном мире в силу процессов глобализации и интеграции, ведущих, с одной стороны, к размыванию идентичности и, с другой, — к стремлению восстановить ее исторические основы», — пишет адепт этой идеи А. Н. Медушевский. «Ключевой элемент национальной идентичности, — продолжает он далее, — картина исто-

[4] *Зазыкина Е. В.* Психологическая характеристика символики ведущих российских политических партий. М., 2002.

[5] *Кажанов О. А.* Национально-государственная символика современной России как средство политической коммуникации. Смоленск, 1995. С. 3.

[6] *Морис-Георгица Г.* Политические символы // Элементы теории политики. Ростов н/Д, 1991. С. 346.

рического прошлого нации, которая находится в постоянном изменении и может становиться объектом манипулирования и направленного конструирования»[7].

Многих отечественных историков данная идея привлекла возможностью изменения ценностных подходов в отношении кардинальных событий русской истории, среди них — «заполнение белых пятен», цивилизационный подход к историческому процессу, акцентация на плюралистическом осмыслении тех или иных событий, смена стереотипов общественного сознания и т. д.

Знаки власти в контексте исследования проблемы идентичности заинтересовали многих европейских ученых, поставивших перед собой задачу показать, как страны, обретшие «широкую демократию» (*Massendemokratie*) в 1989—1991 гг., могут легитимизироваться через традицию. Немецкое научное общество (*Deutsche Forschungsgemeinschaft*) в Гуманитарном центре истории и культуры в Лейпциге с 2001 г. в рамках исследовательского проекта, касающегося истории культуры Центральной и Восточной Европы, развития ее визуальных аспектов в процессе государственной и общественной модернизации с 1918 г., публикует статьи авторов из разных европейских стран по данной проблематике в ряде журналов, но в основном в журнале «Восточная Европа» (*Osteuropa*), начиная с 2002—2003 гг. Отдельный выпуск — Osteuropa. 53. Jg., 7/2003 — посвящен марбургскому историку, специалисту по Восточной Европе Гансу Лембергу в честь его 70-летия, составившему совместно с И. Эзером большой библиографический труд «Государственная идея и государственная символика в Восточной Европе в XX в.»[8].

Большинство работ авторов из разных государств посвящены символике их стран, вопросам национальной идентичности: авторы освещают широкий спектр носителей и средств визуальной репрезентации государства, подчеркивающих легитимацию государственной традиции. В статье Арнольда Бартецки «Вновь коронованный орел. Визуальное изображение Польшей самой себя» отмечается, что государственные символы и другие визуальные носители того, как государство изображает самое себя, например банкноты, монеты, почтовые марки, памятники и репрезентативные здания, являются не только зеркалом, но и фактором, воздействующим на сознание жителей государства при помощи политики. Интересно, что, например, на банкнотах вместо «выдающихся поляков» — музыкантов, писателей, актеров появляются короли, монархи (чего нет ни на одних банкнотах западноевропейских стран). Таким образом, в сознании граждан закрепляется государственная традиция прежде всего — преемственность государственности. С государственной символикой в Польше больших проблем не возникало. Бело-красное знамя существовало и при коммунистическом режиме. Гимн «Еще Польша не погибла»,

[7] *Медушевский А. Н.* Рец. на кн.: *И. де Кегель*. Реконструкция досоветской истории. Споры об идентичности в новой России. Гамбург, 2006 (*Isabelle de Keghel*. Die Rekonstruktion der vorsowietischen Geschichte. Identitätsdiskurse in neuen Russland) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 158—161.

[8] Osteuropa. 53. Jg. 7/2003. S. 909.

существовавший от 1795 г., также оставался неизменным и при ушедшем режиме. Белая орлица получила снова корону, однако без креста, хотя отсутствие последнего вызвало дебаты в Сейме: «Tylko pod krzyżem, tylko pod tym Znakiem, Polskajest Polską a Polak Polakiem». 1990 г. Польша встретила с удовлетворившими всех символами[9]. Не во всех странах, обретших в начале 1990-х гг. новую символику, принятие ее проходило без эксцессов. В теоретической статье Пола Колстё «Национальные символы в новых государствах. Знаки единства и разногласия» высказывается мнение, что в укрепившихся странах «банального национализма» (США, Великобритания, Новая Зеландия и др. — «устоявшиеся нации»), в которых имеется «доверие к своему собственному дальнейшему существованию», национальные символы выполняют функцию промоутера (в США — флаг, во Франции — гимн «Марсельеза», о чем можно судить по ответам на вопрос, «что объединяет французов?», — почти каждый отвечал «гимн» и напевал «Марсельезу»). Автор считает, что в новых, не укрепившихся государствах национальные символы зачастую не выполняют функцию промоутера. Часто они даже только выявляют сильные различия внутри общества (выделяются этнические, партийные, мировоззренческие моменты).

Далее он приводит пример Македонии как молодой нации со слабой и плохо развитой национальной идентичностью. Когда в 1991 г. государство стало независимым, то большинство говорящих на славянском языке жителей считали себя этническими македонцами. Однако Болгария настаивала на том, что славяноговорящие македонцы — болгары. При помощи герба македонцы не могли доказать собственную македонскую идентичность, ибо в XVI в. и Македония и Болгария в западноевропейских гербовниках идентифицировались при помощи льва в короне. Македонцам пришлось вернуться к социалистическому гербу 1946 г. Речь пошла о флаге, который был введен в 1992 г. При помощи современных археологических раскопок была обнаружена в Северной Греции (около Верджины) 16-лучевая звезда, по мнению археологов принадлежавшая Филиппу II Македонскому. Находка отсылала македонскую историю ко времени, когда еще не были разъединены албанцы и славяне, а знамя Македонии с этой звездой создало бы 2000-летнюю государственную традицию для современного Македонского государства; албанцы (иллирийцы) также приветствовали этот символ. Однако и Греция претендовала на античную Македонию; она наложила эмбарго на македонские товары, идущие через Салоники. В результате молодое Македонское государство должно было уступить: звезду сделали стилизованной 8-лучевой и в 1995 г. утвердили новый флаг Македонии с этим символом[10].

Очень интересные статьи содержат материалы о символах суверенитета Боснии и Герцеговины, Белоруссии (которая, как известно, на государственном уровне не «зарилась» на литовскую «погонь», оставив социалистическую символику), Украины. В отличие от Македонии, отказавшись, правда, от серпа и молота,

[9] Osteuropa. 53. Jg. 7/2003. S. 910—920.

[10] Ibid. S. 995—1014.

не решившейся на исторический подлог, Украина объявила трезубец этническим национальным украинским символом коренного народа[11].

Привлекает к себе внимание статья Ш. Трёбста «Культ государственности в псевдогосударстве», посвященная новым процессам идентификации, происходящим в провозглашенной в 1990 г. Приднестровской Молдавской Республике[12]. Автором использована обширная литература на многих языках, содержащая зачастую противоречивые взгляды на «непризнанное государство». В частности, им привлечены данные социологического опроса, проведенного молдавскими, приднестровскими, российскими и американскими учеными в 1998 г. по поручению фонда Карнеги, которые сделали заключение о «процессах формирования территориальной социокультурной идентичности Приднестровья». В том же году коллектив российско-американских географов констатировал, что в Приднестровской Молдавской Республике наблюдаются «явные признаки новой национальной конструкции», т. е. менее чем за одно столетие «обрела форму новая идентичность»[13]. Г-н Трёбст считает, что для формирования этой новой идентичности большую роль сыграли такие составляющие, как стремление к сохранению «советского наследия», выразившиеся в сохранении черт советской государственной символики (присутствие их в гербе и флаге Приднестровья), политика памяти, в которую «включался» и культ русского полководца А. В. Суворова в виде его памятников, и напоминание о «битве за Бендеры» 1992 г., оцениваемой как успешно выдержанное боевое крещение Приднестровской Молдавской Республики. К названным составляющим Штефан Трёбст относит и воссоздание культа президента ПМР Игоря Николаевича Смирнова[14]. Невольно вспоминаются размышления о символах русского писателя и журналиста, эмигранта, умершего в 1953 г. в Уругвае, Ивана Лукьяновича Солоневича. Он писал о том, что народу («подпрапорщикам запаса») нужен символ: «Что-то простое, явное, ощутимое, подменяющее реальную сложность жизни схематизированной фигурой гения, вождя, сверхчеловека. Символ нужен и слою: слой сплачивается около этого символа, как около знамени. Иногда символ нужен и нации…»[15]. Далее Солоневич говорит о Франции, для которой символом стало 14 июля — день взятия Бастилии.

В указанном издании «Восточная Европа» Российской Федерации — России часть своего большого очерка посвятил Пол Колстё (Pål Kolstø) — «Российская Федерация: постмодернистский компромисс Путина»[16]. Он утверждает, что не только в новых государствах, но и в реструктурированных может возникнуть глубокий кризис в отношении политических символов. Однако Россия может

[11] Osteuropa. 53. Jg. 7/2003. S. 984—994.

[12] Ibid. S. 962—983.

[13] Ibid. S. 981.

[14] Ibid. S. 979—980.

[15] *Солоневич И.* Наша страна. XX век. М., 2001. С. 196—197.

[16] Osteuropa. 53. Jg. 7/2003. S. 1009—1014.

служить примером выхода из тупиковой ситуации, касающейся государственной символики. Автор считает, что преодолел кризис Путин, осуществив постмодернистский компромисс, примирив политических противников. В декабре 2000 г. В. В. Путин выступил с предложением, которое объединяло инновацию и традицию. Он соединил символы, те, что предпочитали ориентированные на Запад демократы, с одной стороны, монархисты, которым покровительствовали националисты-славянофилы — с другой, с некоторыми знаками из советского времени, от которых не хотели отказаться коммунисты. В этом признается огромная заслуга В. В. Путина в плане выстраивания государственной символики, что переносится и на саму государственность.

Практически подобным же образом осмысляется «новая» — «старая» российская символика и еще одной западной исследовательницей, Изабель де Кегель, которая издала две книги на тему российской государственной символики[17] . О своей первой книге она написала следующее: «Она (книга) посвящена истории флага, герба и гимна России с средних веков до современности. Первый маленький раздел содержит обзор того, как создавалась госсимволика в средние века. Основной фокус работы лежит на реформах госсимволики в переходное время, особенно во время правления Ельцина и Путина, и на дискурсе об этих реформах. Кроме того, книга содержит раздел о том, как воспринималась и воспринимается госсимволика населением в переходное время. Он основан на опросах институтов общественного мнения (особенно ФОМ) — и на 22 квалитативных интервью, которые я взяла осенью 2004 г. в Москве. Основной тезис книги состоит в том, что для символической политики ельцинского времени характерен сильно выраженный антикоммунизм, который не мог служить идентификационной основой для широкого населения. В отличие от этого путинская символическая политика была направлена на то, чтобы создать синтез дореволюционной и российской символики, правда, не считаясь с возражениями либеральной интеллигенции. Как показывают опросы, обновленная государственная символика до сих пор полностью не была освоена населением. Но она по крайней мере получила одобрение Государственной Думы, которой без успеха добивался Ельцин» (из личной переписки).

И работа П. Колстё и книга де Кегель, хоть и различаются по качеству и объему, в целом похожи. Это бесстрастное изложение сообщений Интернета, официальных документов «организующего» характера (постановлений, подзаконных актов, опросов случайных людей, так сказать, постфактум). Здесь не использованы архивные данные, свидетельства очевидцев трагедии становления сегодняшних государственных символов, которая длилась почти 10 лет и оказала исключительно отрицательное воздействие на наше общество.

[17] *Isabelle de Keghel*. Die Staatssymbolik des neuen Russland im Wandel. Vom antisowjetischen Impetus zur russländisch — sowjetischen Mischidentität. Bremen, 2003; Die Staatssymbolik des neuen Russland. Traditionen — Integrationsstrategien — Identitätsdiskurse. Münster, 2009.

Вопрос о символах новой демократической России при всей кажущейся простоте — возвращение к старине, к традициям — остается сложным, даже можно сказать, не совсем понятным. Он «завязан» на российской событийности 90-х гг. прошлого века — «нулевых» годах века нынешнего, на личностях, возглавлявших наше государство в это время, на их «командах», последователях, преемниках и противниках.

Возникновение символики демократической России соотносят с именем первого президента России Б. Н. Ельцина. «Государственная независимость России, возникновение посткоммунистического общества, приход Б. Ельцина к власти (12 июня) — началом всех этих перемен стал 1991 год»[18]. К числу безусловных новаций Ельцина относят «ряд мер… имевших скорее символический, нежели политический характер. Были подписаны указы президента Российской Федерации "О Государственном гербе", "О Государственном гимне", "О Государственном флаге"». Подобное заявление прозвучало из уст соратника Ельцина В. Костикова[19].

Несогласием с последним выглядит определение, данное указам биографом Б. Н. Ельцина Борисом Минаевым. Он, напротив, видит в новой символике политический смысл: «Эти указы формально были первыми действиями Ельцина, обозначившими новую эпоху. В ней ему слишком многое предстояло придумать и осуществить заново. С чего начать строительство этого нового государства на карте мира? У страны, как правильно рассуждает президент, не может не быть флага, гимна и герба. С другой стороны, спрашивать у страны, у народа, какие флаг и гимн они предпочитают, — сейчас, в период тяжкой депрессии, когда еще не остыл кошмар октября, когда общество поляризовано и одни ненавидят новую власть, а другие по-прежнему полны надежд и веры, — тоже бессмысленно…»[20]. Далее биограф домысливает действия Б. Н. Ельцина в отношении символики: «Он рассуждает так: в конце концов, флаг можно заменить, слова гимну придумать другие, главное — чтобы не было удручающей пустоты». «Три главных символа нового государства.., — добавляет Минаев, — приняты в момент, когда либеральная интеллигенция, демократы первой волны задавали тон в обществе». Далее, на наш взгляд, просматривается явная нестыковка в осмыслении символики, которой дает характеристику автор: «…двуглавый орел, держащий скипетр, — символ новой страны, который отсылал нас к истории, самой древней, монархической…»[21].

[18] *Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С.* Эпоха Ельцина: мнение россиян. Социологические очерки. М., 2002. С. 13.

[19] *Костиков Вяч.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 263. Здесь же Костиков посчитал нужным добавить: «Мэр Москвы Ю. М. Лужков, пользуясь благоприятным моментом, сделал отчаянную попытку осуществить свою (и не только свою) давнюю идею вынести из кремлевского мавзолея мумию Ленина. Был даже приложен проект президентского указа». Однако Ельцин уклонился от реализации этой идеи.

[20] *Минаев Б. Д.* Ельцин. М., 2010. С. 444—445.

[21] Там же. С. 444.

Нестыковка здесь вербальная: «демократы, задающие тон в обществе»[22] и обращение «к монархической истории»[23]. Возможно, меня упрекнут в казуистике. Однако не только вербальное противоречие, но и смысловое, типа: может ли монархический двуглавый орел «олицетворять наше евроазиатское федеративное демократическое пространство?»[24] — волновало граждан.

Поскольку вопрос о двуглавом орле был исключительно неоднозначно воспринят обществом в 90-е гг. XX в., несмотря на все уверения некоторых историков, причисляющих себя к знатокам символики, что именно такой коронованный орел со скипетром, державой должен служить государственным символом демократической России, я привожу здесь материал, являющийся частью статьи, написанной мною к 10-летию президентского указа о государственном гербе для журнала «Государственная служба» (изд.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Ни десять лет тому назад, ни теперь не акцентировалось внимание граждан нашей страны на том факте, что герб в подобном варианте санкт-петербургский архитектор Е. И. Ухналев не срисовал, а нарисовал «по мотивам» Малого герба Российской империи. Вместо золотого гербового щита и черного двуглавого орла герб РФ получил иные цвета, что в геральдике означает и другой герб. С крыльев орла были убраны титульные гербы, Драконоборец повернут в правую от зрителя (традиционную для российской символики) сторону и назван «всадником в синем плаще», тогда как, между прочим, в официальном описании герба Российской империи Драконоборец назван так, как ему и положено, — святой Георгий. Отказ от исторического святого Георгия — православного святого, как потом объясняли разработчики нового герба РФ, был обусловлен многоконфессиональностью России. Но ведь Георгия Победоносца почитают и мусульмане, называя Джирджисом.

В политизированном российском обществе начала 90-х гг. всякое нововведение объяснялось прежде всего политикой. При обсуждении проекта Федерального конституционного закона о государственных символах Российской Федерации, которое проходило в Государственной думе 7 и 9 декабря 1994 г., депутат В. В. Семаго откровенно об этом заявил: «…речь идет об обыкновенной политике. Была волна антикоммунизма, нужно было заменить те символы, которые были

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[22] Демократия, как известно, это форма политической организации общества, основанная на признании народа источником власти, когда народ имеет право участвовать в решении государственных дел, обладая широким кругом прав и свобод.

[23] Монархия — такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит (частично, полностью, номинально) единоличному правителю. Так называется и государство с подобным правлением. Но, может быть, г-н Минаев имел в виду особую демократию (особых демократов), например суверенную?

[24] *Родионов Б.* Может ли быть гербом Российской Федерации двуглавый орел, хотя и «подобрее»? // Известия. 25 декабря 1991 г.

ненавистны людям, сегодня приведшим к ее нынешнему положению, и они сделали самое оптимальное из того, что могли»[25].

Что же касалось простых избирателей, новый герб на заре возрождаемой суверенной России воспринимался многими по двуглавому орлу не иначе как символ Российской империи. Люди выражали на страницах газет и журналов, в основном оппозиционных, свое негативное отношение к «царскому символу». В газете «Советская Россия» от 7 января 1992 г. было опубликовано письмо читательницы Г. Мурманской под заголовком «Двуязычный наш орел», в котором она писала: «На днях по телевизору показали, как наши новые российские власти выбирали "подходящий вариант" нашего нового герба. Решили, как это было видно из передачи, вновь вернуться к двуглавому орлу. На фоне нашей нищеты, разрухи и убожества эти "демократические потуги" выглядят очень жалко и смешно». Далее автор письма цитировала стихи о двуглавом орле:

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый.
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Стихотворение «Двуглавый орел» написал в середине XIX в. дворянин, поэт-демократ В. С. Курочкин, опубликовав его за границей. Впрочем, олицетворял он этот, ни в чем не повинный знак с ненавистным ему царизмом, а отнюдь не с Русским государством. К этим же стихам обратился и народный депутат РСФСР, ныне покойный, Ф. Д. Поленов, продекламировав их на «круглом столе» в 1991 г., причем высказал диаметрально противоположное в отличие от г. Мурманской мнение: этот символ должен быть в нашем гербе, «потому что он пережил столетия…»[26].

Действительно, при чем тут нищета? Нищие были и есть в любом государстве, государственный знак — эмблема, символ и вряд ли когда-либо соотносился с уровнем жизни населения.

Дело в другом. Непонятно было, почему странного облика птица должна заменить столь привычный и простой знак Советского государства в виде перекрещенных серпа и молота. Известный филолог и философ, ученый-энциклопедист А. Ф. Лосев дал этому знаку следующую характеристику: «Это есть такой знак, который волнует умы, зовет к подвигам, двигает народными массами и вообще является не просто знаком, но конструктивно-техническим принципом для человеческих действий и волевой устремленности, для построения новой жизни и для переделывания действительности из старой в новую»[27].

[25] Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 69. 1994. 7 декабря. С. 43.

[26] Герб и флаг России: какими им быть? Круглый стол // Народный депутат. 1991. № 5. С. 72.

[27] *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 30.

Возможно, не слишком много людей было знакомо со столь глубоким осмыслением основной фигуры герба Советского Союза. Однако, может быть, и не замечая герб каждодневно, миллионы жителей нашей страны признавали его «своим». Поэтому-то и вызывал отторжение герб «чужой», а никто по-настоящему не объяснял, что возникший вместе с реформами символ также «свой», неразрывно связанный с многовековой историей России.

Модель двуглавого орла без атрибутов монархической власти очень быстро появилась на экранах телевизоров и на страницах газет в качестве проекта отличительного знака Российской Федерации. К сожалению, до телезрителей и читателей не доводились какие-либо сведения об этой эмблеме. А ведь она была одобрена Временным правительством менее чем через месяц после отречения от власти последнего российского императора, когда остро встал вопрос о создании печати нового правительства, исходящие от которого документы требовали легитимности. За этот месяц «на ноги были поставлены» все специалисты по геральдике, художники, которые с ними сотрудничали. Один из них — Иван Яковлевич Билибин, член художественного объединения «Мир искусства», оформивший множество детских книг и сказок, прекрасный график, вместе со своим учеником Г. И. Нарбутом сотрудничавший в первых отечественных геральдических изданиях, нарисовал двуглавого орла для печати Временного правительства. Изданные недавно «Журналы заседаний Временного правительства» свидетельствуют о дискуссии по поводу нового герба России, о намерении отложить окончательное решение вопроса о гербе до созыва Учредительного собрания; сами геральдисты не были едины в выборе главной фигуры герба новой свободной России, однако настоятельная необходимость изготовления печати заставила их «пока» остановиться на двуглавом орле без каких-либо атрибутов ушедшей в небытие царской власти.

Высокохудожественно выполненный, как и все рисунки И. Билибина, в условиях нашей действительности орел приобрел гротескный характер. Как только его не называли в прессе: «цыпленок табака», «чернобыльский мутант»! Даже среди специалистов не было единства взглядов на данную эмблему. Одни видели в двуглавом орле «птичку с опущенными крыльями», тогда как другие считали ее великолепной, «свободной, гордой и мощной птицей»[28]. Идея исторической преемственности, патриотизма, восхищения деяниями предков нашла отражение в новой форме двуглавого орла, которому «вручили» скипетр и державу, головы увенчали тремя коронами, а на грудь поместили Драконоборца.

Однако эта форма герба, как, впрочем, и все другие варианты, вызывала недоуменные вопросы: «А зачем орлу три короны? Что они означают?», «Почему у орла две головы?», «Почему в республиканском гербе присутствуют символы монархической власти — скипетр и держава?» И так далее… К сожалению, ответы должностных лиц, дающих интервью, были не слишком вразумительны. Например, три короны «символизируют единство трех властей — судебной, законодательной и исполнительной».

[28] Народный депутат. 1991. № 5. С. 78.

На что следовал новый вопрос: «А какая власть выше? Короны же расположены не на одном уровне?» О двух головах орла можно было прочитать, что орел смотрит в Европу и в Азию, а скипетр и держава символизируют просто власть.

Конечно, неприятия населением нового герба, а также и флага, резких высказываний в средствах массовой информации относительно последних можно было бы избежать, если бы с самого начала грамотно велась пропаганда вводимой символики. Например, если бы с введением герба новой России в средствах массовой информации было объяснено [29], что три короны в XVII в. при царе Алексее Михайловиче трактовались как три царства — Астраханское, Сибирское, Казанское — согласно его титулу, а теперь они не означают ничего. Если бы это объяснили, то не было бы «современных» вопросов типа: «А которая власть выше, значимее?» О двуглавости орла также можно было бы сказать: это необычная эмблема — продукт фантазии и мифологии, а удвоение животного — характерная особенность древнешумерской образной художественной культуры, в которой эта фигура (вместе с двухголовым львом, орлом с львиной головой и т. д.) и появилась в III тысячелетии до н. э. Пройдя долгий путь в Европу, она стала государственной эмблемой в ряде стран Западной Европы и главное — у европейского монарха номер один, императора Священной Римской империи, где существовало разделение: печать с одноглавым орлом — королевская, с двуглавым — императорская. В этом качестве двуглавого орла поместил на своей печати и впервые применил создатель единого Русского государства великий московский князь Иван III Васильевич (1462—1505). К концу XV в. Иван III, чтобы укрепить политический престиж молодого государства и свой лично, принял ряд мер: выпустил золотую монету в подражание известнейшим в европейском денежном обращении венгерским дукатам, изменил придворный церемониал на европейский манер, провел ряд дипломатических акций, возвеличивающих его особу, венчал на великое княжение внука Дмитрия. Как символ знатного происхождения великого князя Ивана III на печати его государства утвердился двуглавый орел. Внук Ивана III Иван Васильевич Грозный выразил эту идею вербально, заявив шведскому королю Юхану III в ответ на замечания последнего относительно русских знаков власти: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся».

Словом, многих проблем с новой (исторической) символикой России можно было бы избежать, если бы, например, одновременно со стихами В. С. Курочкина «Двуглавый орел» во всех средствах массовой информации звучали бы вирши автора первой русской геральдической поэмы «Орел Российский» Симеона Полоцкого, который в XVII в. прославлял эмблему великой Российской державы такими словами:

[29] Их ответы публиковались на страницах центральных и местных газет. Чаще всего они были, мягко говоря, «неисторичны», даже фантастичны. См., например, публикацию «Тысячелетие двуглавого орла» (без подписи) // Российская газета. 03.12.1993.

Пресветлый Орле Российския страны,
Честнокаменным Венцем увенчаны,
Орле преславный, высоко парящий,
Славою орлы вся превосходящий!

Б. Н. Ельцин, размышляя о символике России, не случайно уповает на приоритет верховной власти, и прежде всего на себя лично, в организации государственных атрибутов власти, считая, что «тяжкая депрессия», овладевшая народом после октября 1993 г., не позволит ему (народу) остановить свой выбор на «предпочтительных» знаках суверенитета своей страны. Он лишь отчасти прав. Можно сказать, что известное интеллектуальное равнодушие в российском обществе в целом наступило за несколько лет до событий 1993 г. Социологи отмечают: «Уже в конце 1980-х гг. многим советским гражданам были присущи сомнения относительно нерушимости, устойчивости, жизненности их общественной системы. Это проявлялось, в частности, в том, что почти половина жителей Союза (45 %) в 1990 г. затруднялась охарактеризовать политическое устройство своего государства»[30]. Как следствие — безразличие к символам суверенитета страны большинства ее жителей. «Знамя, герб, гимн, другие символы государственности оказались в заключительных строках списка (речь идет о социологическом опросе в конце 1989 г. о значимых факторах государственности. — *Н. С.*) — важнейшими их признавали лишь 8 % респондентов»[31].

Свою интерпретацию протекающим во второй половине 80-х гг. в советском обществе процессам дает известный политолог С. Г. Кара-Мурза: «В момент смены поколений была предпринята форсированная операция. На разрушение духовного и психологического каркаса советского народа была направлена большая кампания, названная "перестройкой". Демонтаж народа проводился сознательно, целенаправленно и с применением сильных и даже преступных технологий. Предполагалось, что в ходе реформ удастся создать новый народ, с иными качествами ("новые русские", "средний класс")»[32]. Социолог А. Н. Данилов, выделяя этапы, свойственные постсоциалистической трансформации российского общества, в 90-е гг., особо подчеркивает «перемену духовно-культурных ориентиров общественного развития»[33]. Подобную точку зрения высказывает и экономист М. И. Гельвановский. Объясняя главную причину крушения советского строя, он пишет: «Анализ причин столь молниеносного обвала показывает, что главная из них — бездуховность»[34]. В этом контексте интересно мнение Г. Каспарова, мирового чемпиона по шахматам: «Люди, которые выходили на площади в начале 1990-х гг., действительно считали, что если

[30] *Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С.* Указ. соч. С. 37.

[31] Там же. С. 43.

[32] Цит. по кн.: *Кротков В. О.* От СССР к России. Авторитарная трансформация рубежа XX—XXI веков. М., 2010. С. 51.

[33] Там же. С. 68.

[34] Там же. С. 52.

уйдет эта власть (советская. — *Н. С.*), будет все нормально, потому что никаких представлений об окружающем мире у них не было»[35].

Указанные обстоятельства привели к выкорчевыванию из сознания советских людей (в подавляющем большинстве) тех качеств, на которых зиждились знаки государственности СССР (интернационализм, союз трудящихся, единство советских народов как одна семья и проч.). Не случайно М. С. Горбачев, избранный в марте 1990 г. президентом СССР, «вспомнил» вдруг о красном флаге государства, решив обязательно присутствовать на выборах Председателя Верховного Совета РСФСР. Как вспоминает один из помощников Горбачева В. И. Болдин, возникла проблема размещения президента СССР в зале: сесть в первом ряду — вроде не годится, занять место в президиуме — тоже. «Идея отвергается потому, что туда М. С. Горбачев решил идти с союзным флагом президента. …в тот день, когда решался вопрос, где размещаться Горбачеву на съезде народных депутатов РСФСР, многое определял флаг. Флаг и другая атрибутика были заведены Горбачевым впервые. То ли он сам видел, что президент США находится всегда рядом с флагом государства, то ли это подсказали его помощники, но он дал команду ставить рядом с ним флаг СССР, а на самолетах президента изобразить союзный герб. Служба безопасности все эти пожелания исполнила, и теперь в кабинете президента, в залах совещаний, в других помещениях, где он находился, в специальных подставках красовался алый флаг СССР»[36].

Далее, рассказывая о съезде депутатов РСФСР, Болдин с сарказмом замечает: «…то ли флаг был недостаточно виден, то ли президент, но поход его на съезд не принес ожидаемого результата», ибо претендент от КПСС не был избран.

Между тем в СССР происходили процессы, свидетельствующие о распаде единого государства. Еще в 1989 г. «стали звучать голоса о возможности воспользоваться статьей Конституции СССР о праве выхода из СССР». В сентябре 1989 г. Верховный Совет Азербайджанской ССР принял закон о суверенитете республики; в ноябре того же года Верховный Совет СССР принял закон об экономической самостоятельности прибалтийских республик — Литвы, Латвии и Эстонии; 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы принял постановление «О восстановлении независимости Литовского государства»; в июне 1990 г. Верховный Совет Узбекистана принял декларацию о его суверенитете, а Верховный Совет Молдавии — декларацию о суверенитете ССР Молдова и т. д.[37]

Россия не была в числе первых, кто стал «независимым» государством, но и не отставала от других бывших республик. 12 июня 1990 г. 1-й съезд народных депутатов РСФСР принял «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР» подавляющим большинством голосов. Чуть ранее, 30 мая 1990 г., Б. Н. Ельцина избрали Председателем Верховного Совета РСФСР. Эти и многие другие обстоя-

[35] *Кротков В. О.* Указ. соч. С. 59.

[36] *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. М., 1995. С. 370—371.

[37] Об этом см.: *Кротков В. О.* Указ. соч. С. 36—37.

тельства сыграли свою роль в формировании проекта «Россия», в осуществлении которого основополагающую роль, как считает его биограф, сыграл Ельцин. «Отныне слово "Россия" станет главным в его лексиконе»[38].

Однако, как справедливо замечает жизнеописатель Б. Н. Ельцина Б. Минаев, Ельцин не был первым, кто самым серьезным образом озаботился судьбой России в это время. Патриот русской деревни, известный писатель В. Распутин на съезде народных депутатов СССР заявил: «Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах… Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими… Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. Но по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие»[39].

В этом же году «Комсомольская правда» публикует статью «Как нам обустроить Россию?», где ее автор, кумир либеральной интеллигенции, Александр Исаевич Солженицын наметил прямой путь дальнейшего развития страны: «Сегодня видится так, что мирней и открытей для будущего: кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойдись… Как у нас все теперь поколёсилось — так все равно "Советский Социалистический" развалится, все равно! — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только — поворачиваться проворней…»[40]

«Российское "возрождение" стало остроактуальной идеей абсолютно для всех классов, слоев, политических движений», — справедливо замечает Б. Минаев[41]. «Ельцин, — как он пишет, — придал этой идее черты сухого прагматизма». А сам Ельцин между тем отмечает: «Я поддерживал новую и непонятную идею суверени-

[38] *Минаев Б.* Указ. соч. С. 227—232. Восторженно-наивно автор рассказывает о начальной «задумке» проекта «Россия»: «Это случилось в летние дни 1990 года в квартире Ельциных у Белорусского. Наина Иосифовна (супруга Бориса Николаевича. — *Н. С.*) вспоминает: "Однажды он вернулся домой с заседания союзного съезда, совершенно больной, измученный, и вдруг сказал мне такую фразу: Надо спасать Россию! Я, честно говоря, ничего не поняла и даже испугалась. Какая Россия? Тогда был Советский Союз, и никто в таких категориях еще не мыслил. Я так и спросила: Боря, ты о чем? Какая Россия? — Нашу Россию!"».

[39] Государственность России: идеи, люди, символы. М., 2008. С. 396; *Минаев Б.* Указ. соч. С. 233.

[40] Цит. по кн.: *Минаев Б.*: Указ. соч. С. 233—234.

[41] Там же. С. 234.

тета России»[42]. Ну, не важно. Важно, что тотальное равнодушие российского общества, о котором писали социологи (см. выше), сменилось, пусть не повсеместно и не в массовом порядке, но идеей «нашей России», причастности к России и к «русскому». В символике это нашло отражение в интенсивном распространении бело-сине-красных стягов сначала на митингах в поддержку демократии (в Ленинграде, в Москве их подняли митингующие по случаю годовщины Февральской революции), а затем, если так можно выразиться, как символ самоидентификации «русскости»: бело-сине-красные полотнища реяли, в частности, над сбитыми из досок столами, поставленными около спорткомплекса «Олимпийский», где собирали помощь бастующим шахтерам Кузбасса и Воркуты[43]. (Одиноко стоящие люди под развевающимися на ветру бело-сине-красными полотнищами производили сильное эмоциональное впечатление — к ним тоненьким ручейком стекались люди с пачками «грузинского» чая, пакетами сахарного песку, пачками сигарет… — все, что в то время получали «в заказах» простые москвичи.)

Практически сразу же в популярной прессе началась пропаганда бело-сине-красного стяга, а заодно и двуглавого орла как исторических символов Российского государства[44]. Эти статьи дилетантичны, содержат зачастую недостоверный фактический материал, и только позднее появляются книги, написанные профессиональными историками на тему российской государственной символики, ранее мало привлекавшей внимание ученых.

В вышеупомянутых статьях западноевропейских авторов, дававших оценку введенной в 90-х гг. российской символике, изначально неверно определяется каждый из символов. Так, трехполосный флаг трактуется не как «царистский», но как «прозападный»[45]. Отсылка к Петру I, который разрабатывал форму и цвета российских флагов, в данном случае несостоятельна, ибо надо знать историю этой деятельности царя[46]. В последней трети XIX в. на первый план выступает приоритетность бело-сине-красного стяга как обывательского (гражданского). В своем законодательном распоряжении от 28 апреля 1883 г. Александр III дал определение флагу, состоящему «из трех полос: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цветов», как «исключительно русскому флагу». Император Николай II 29 апреля 1896 г. повелел: «…объявить теперь же, что национальным флагом должен почитаться во всех случаях флаг бело-сине-красный, и другие флаги допускаемы быть не должны». Однако монархисты продолжали использовать и официально

[42] *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994. С. 51.

[43] *Кротков В. О.* Указ. соч. С. 35.

[44] Например: Геральдика государства Российского // Огонек. 1990. № 18; Двуглавый орел: снова в полет? // Родина. 1991. № 5; Двуглавый орел: прерванный полет // Союз. 1991. № 13 и т. д.

[45] *Пол Колстё.* Национальные символы в новых государствах (*Pål Kolstø.* Nationale Symbole in neuen Staaten) // Osteuropa. S. 1009.

[46] *Соболева Н. А.* Российские флаги в дискурсе истории. Гл. III в кн.: *Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006.

узаконенный в 1858 г. черно-желто-белый флаг. В последнее десятилетие XIX в. бело-сине-красный флаг украшал ярмарки, другие народные праздники, вывешивался на зданиях, украшал памятники — к юбилею А. С. Пушкина, памятник гренадерам, павшим под Плевной, и т. д. Словом, воспринимался как народный, демократический, в отличие от правительственного черно-желто-белого. Как национальный русский флаг (с таким подтекстом) он применялся и в период Временного правительства в 1917 г. наряду с огромным количеством других знамен с новой, демократической эмблематикой. Под ним прошли в указанный период патриотические манифестации, ряд «праздников свободы»[47].

Временное правительство не создало какой-либо системы новых знаков, которая заменила бы символику Российской империи, как это было, в частности, во Франции в 1789—1794 гг. Вследствие острой необходимости заверения финансовых документов оно утвердило 21 марта 1917 г. печать с двуглавым орлом, лишенным атрибутов, и надписью «Российское Временное Правительство» (об этом — выше). Подобный «билибинский» орел, демократический, без «царистских» признаков, по-видимому, и должен был занять место «серпа и молота» в новой, демократической России. Не случайно на Санкт-Петербургском монетном дворе отчеканились монеты с этим орлом, с предполагаемым гербом. Однако, как отмечалось выше, общественное мнение крайне негативно охарактеризовало его дизайн. Этот двуглавый орел превратился в эмблему российского банка.

Что касается бело-сине-красного флага, то в апреле 1991 г. Правительственная комиссия Совета Министров РСФСР одобрила его применение как нового официального символа Российской Федерации. В том же году 22 августа Чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР постановила: «…считать исторический флаг России — полотнище из равновеликих горизонтальных белой, лазоревой и алой полос — официальным Национальным флагом Российской Федерации». Событие столь эмоционально было воспринято депутатами, что в суете забыли придать флагу статус Государственного. Еще до Указа Президента 1993 г., где этот флаг назван Государственным, в качестве такового он проявил себя 25 декабря 1991 г. «В 19 часов 36 минут над Кремлем дрогнул и поплыл вниз, освещаемый лучами прожекторов красный Государственный флаг СССР, скрылся, и на смену ему на флагштоке стал подниматься бело-сине-красный Государственный флаг России. Советский Союз перестал существовать. Россия осталась, превратившись из союзной республики в самостоятельное государство»[48].

«Послепутчевское событие»[49] — выбор депутатами Чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР бело-сине-красного стяга — через три с лишним года

[47] *Корнаков П. К.* Знамена Февральской революции // Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1983; *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 95—99.

[48] Государственность России: идеи, люди, символы. С. 416.

[49] 19 августа 1991 г. в Москве был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), «реакция на который со стороны либеральной оппозиции привела к

превратилось в государственный праздник. Президент Б. Н. Ельцин издал Указ о Дне Государственного флага Российской Федерации: «В связи с восстановлением 22 августа 1991 г. исторического российского трехцветного государственного флага, овеянного славой многих поколений россиян, и в целях воспитания у нынешнего и будущих поколений граждан России уважительного отношения к государственным символам постановляю — Установить праздник — День Государственного флага Российской Федерации и отмечать его 22 августа».

Гимн СССР так же, как в свое время знаменитый «Боже, Царя храни…» после отречения Николая II в 1917 г., оказался не нужен российскому обществу. Поисками мелодии и слов для нового гимна в противоположность «исканиям», которые наблюдались в 1917—1918 гг. в отношении «главной песни» тогдашней «новой России»[50], власти Российской Федерации особенно не были озабочены. Считается, что Московский Союз композиторов выбрал для гимна мелодию «Патриотической песни» великого русского композитора М. И. Глинки. Эта мелодия еще в 1945—1948 гг., когда решался вопрос о гимне Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, когда проводился конкурс на музыку и слова российского гимна и прослушивались 97 вариантов музыки, предлагалась конкурсной комиссии. Однако была отклонена, ибо оказалось, что крайне сложно из-за непростого музыкального ряда написать слова на эту мелодию[51].

В литературе данная мелодия Глинки неправомерно называлась «Национальным гимном», который, как доказали современные музыковеды Санкт-Петербурга, никогда не создавался композитором (и сама мелодия могла появиться гораздо позднее созданной А. Ф. Львовым мелодии «Боже, Царя храни!»), затем ее также неправомерно переименовали в «Патриотическую песню». Как бы ни называлась эта мелодия, как бы прекрасна она ни была, в качестве ее исключительной «пригодности» как музыки для гимна сомневались известнейшие современные композиторы. Например, председатель Союза композиторов Санкт-Петербурга Андрей Петров при обсуждении музыки Глинки 8 декабря 2000 г. заявил: «Именно мне довелось десять лет назад оркестровать “Патриотическую песнь” Глинки, и все

историческим событиям, получившим название путч. 21 августа 1991 г. контроль над силовыми структурами переходит к президенту России. СССР фактически утрачивает верховную исполнительную власть. 30 вгуста 1991 г. распущена коллегия КГБ, правительство СССР отправлено в отставку». — *Кротков В. О.* Указ. соч. С. 39. Подробное описание событий, известных под названием «Августовский путч», см. в кн.: *Пихоя Р. Г., Соколов А. К.* История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991. М., 2008. С. 365—394. В книге содержится расширенное изложение событий августа 1991 г. в авторской интерпретации, близкой к официальной.

[50] Российским гимнам разных эпох посвящен ряд статей Н. А. Соболевой. Одна из них, «Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза», опубликованная в журнале «Вопросы истории» (2005. № 2), переведена на английский язык и напечатана в журнале: Russian Studies in History. Fall 2008. Vol. 47. № 2. P. 31—58.

[51] *Зинич М. С.* Музыкальный символ России // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 83—84.

мы тогда были в эйфории. Но года полтора назад я стал говорить в интервью, что мы, может быть, сделали ошибку. Потому что есть более яркие музыкальные гимны, и притом широко известные. Это "Славься!" Глинки, "Богатырские ворота" Мусоргского»[52]. Примерно в этом же ключе высказывался и председатель Союза композиторов Москвы Олег Галахов.

Игнорируя принцип сочетания в гимне мелодии и стихов, депутаты Верховного Совета РСФСР на своей сессии 23 ноября 1990 г. приняли мелодию «Патриотической песни» Глинки в исполнении военно-духового оркестра Министерства обороны СССР «на ура», а 27 ноября 1990 г. на II внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР эта мелодия Глинки единогласно утверждена в качестве государственного гимна РСФСР.

Как отмечалось выше, трехполосный флаг «зафиксировался» в 1989 г. на улицах Москвы и Санкт-Петербурга, мелодия союзного гимна практически не исполнялась. На страницах печати появились намеки на необходимый демократической России герб в виде двуглавого орла. Мнение было сформировано в результате обсуждений[53], организованных заинтересованными людьми и приглашенными научными работниками, согласными с единственной позицией: гербом государства должен быть двуглавый орел. Возражения типа того, что его вряд ли одобрят жители Кавказа (народный депутат РСФСР Р. Мухамадиев), не принимались. Депутат В. М. Тарбоков сообщил, что «пилотный» опрос жителей (в частности, крестьян из ярославских деревень) выявил резко отрицательное отношение к двуглавому орлу в качестве герба России. Критические замечания в адрес предлагаемой эмблемы («символ не должен быть смешным», «чем не устраивает уважаемое собрание ныне

[52] За Глинку! Против возврата к советскому гимну. Сборник информационных материалов. М., 2000. С. 92, 93.

[53] 19 октября 1990 г. I-й съезд народных депутатов принял постановление о подготовке и рассмотрении проекта закона РСФСР «О государственной символике», а 5 ноября того же года уже правительство постановило создать Государственный герб и Государственный флаг РСФСР. По распоряжению правительства сформировалась комиссия, по поручению которой разработку вопросов российской символики поручили Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР. Прибывший вместе с Б. Н. Ельциным из Екатеринбурга, назначенный руководить архивной службой РСФСР Р. Г. Пихоя энергично взялся за порученную работу, организовав с конца 1990 г. по нач. 1991 г. около 5 «круглых столов» (см.: *Вилинбахов Г. В.* Геральдические будни // Геральдика. Материалы конференции «10 лет восстановления геральдической службы России». СПб., 2002, С. 3—9). Анализ обсуждений, названных дискуссией, свидетельствует «об игре в одни ворота», т. е. как бы согласованных решениях руководителя «круглых столов» с инициирующими эти решения не менее энергичными научными сотрудниками, собравшими соответствующие подписи ученых с громкими именами, к геральдике, правда, не имеющими отношения. Одна из участниц совещания, доктор исторических наук зав. Отделом нумизматики Государственного Исторического музея А. С. Мельникова, напомнила Р. Г. Пихое, что при Отделении истории АН СССР существует и активно функционирует Геральдическая комиссия и неплохо бы пригласить ее членов на обсуждение проблемы о символах государства. Реакции на слова Мельниковой не последовало, так же как и на предложения о референдуме, социальном опросе населения.

существующий, по-моему, очень красивый и очень четкий герб Российской Федерации?» — доктор юридических наук Г. А. Туманов), попытки предложить иную, более приемлемую эмблему, «объединяющую все народы (РФ. — *Н. С.*) и все идеологии», наталкивались на жесткую позицию председателя; негодующие речи сторонников хищной птицы, самыми различными способами, вплоть до «старозаветных» (две головы — это Европа и Азия), доказывающих важность и необходимость использования в гербе двуглавой птицы; на доходящие до экзальтации «положительные» характеристики двуглавого орла — его раскрытых клювов и массивных лап. Причем с каждым новым заседанием сторонников двуглавого орла из среды научных работников, а также чиновников становилось все больше, несогласные не приглашались. В конце концов, один из присутствующих (художник) заметил: «Пока шло обсуждение, я понял, у меня было такое впечатление, что уже решено вами.., что должен быть орел. Дело в том, что группа (художников. — *Н. С.*) получила уже абсолютно точные рекомендации, где было сказано, что может быть только орел или Георгий Победоносец» (из личной записи).

По решению правительства вопрос о гербе, вернее, о рисунках двуглавого орла освещался в прессе. Художники предлагали различные варианты фигуры двуглавого орла, члены ельцинской команды, интеллектуальной ее части, о которой в свое время писал пресс-секретарь Костиков (он делил эту команду на людей без определенной идеологии — Л. Суханов, В. Илюшин, А. Коржаков, и людей, с приходом которых «кремлевская организация обрела второе дыхание — посыпались идеи, это были Г. Сатаров, С. Филатов, Л. Г. Пихоя (она — «настоящий крестный отец» обновленной команды президента)» и др.)[54], также принимали активное участие в выборе рисунка двуглавого орла. Причем, если Р. Г. Пихоя был уверен (с подачи санкт-петербургских защитников идеи «русского духа» в подобной интерпретации), что двуглавая птица должна быть золотой и располагаться на красном поле, то, как свидетельствуют журнальные публикации, Г. Бурбулиса больше интересовали клювы орла: он выбирал «добрую» хищную птицу. Не случайно газетные статьи запестрели заголовками — «Может ли быть гербом Российской Федерации двуглавый орел, хотя и "подоброе"?»[55], «и даже добрый орел есть символ царей и империй»[56]. Полные сарказма заметки публиковала очень популярная в те годы «Независимая газета»[57]; некоторые местные газеты. Вместо двуглавого орла в герб предлагались суздальский сокол, «мирная птица» — журавль, отнюдь не мирный — медведь, красные стены или башни Кремля и т. д. Однако «команда» Р. Г. Пихои, отбросив «все

[54] *Костиков В.* Указ. соч. С. 43, 100, 274.

[55] *Родионов Б.* // Известия. 25 декабря 1991 г.

[56] *Похлебкин В.* // Известия. 28 января 1992 г.

[57] Независимая газета. 17 января 1992 г.; 12 марта 1992 г. Последняя заметка Павла Фельгенгауэра называлась: «Новый российский герб. Наверное, орел… А может, не орел… А может быть, медведь… Но точно, что двуглавый». Заметку сопровождал рисунок поющего, широко раскрывающего клювы двуглавого орла, играющего на русской гармонике.

ненужное», в течение двух недель в ноябре 1993 г. подготовила на подпись президенту проект герба России, рисунок которого сделал санкт-перебургский художник Е. И. Ухналев[58] (сегодняшний герб), и спорная проблема на время одним росчерком президентского пера была решена.

Как пишет бывший соратник Б. Н. Ельцина М. Н. Полторанин в своей книге: «…93-й можно безо всяких натяжек считать временем заката демократии, бешеным годом». Акцентируя внимание на государственной символике, следует отметить, что своеобразное «противостояние» символики, в частности флагов (красного и трехполосного — бело-сине-красного), наблюдается в связи с конфликтными ситуациями, прежде всего 1 мая 1993 г.[59] и 3—4 октября 1993 г.[60]. Достаточно указать, что в Институте им. Склифосовского (институт скорой помощи) буквально на соседних койках лежали молодые люди, травмированные из-за того, что один держал в руках красный стяг, а другой — бело-сине-красный.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

[58] *Вилинбахов Г. В.* Указ. соч. С. 7.

[59] Это событие описывается авторами по-разному: Б. Минаев в книге «Ельцин» изображает празднование I-го мая 1993 г. как шествие боевиков «Трудовой России» и «Союза офицеров» Терехова, сопровождаемое кое-где стариками-пенсионерами с медалями, которые якобы хотели прорваться в центр, к Манежной площади. Они били и крушили все вокруг булыжниками и железными арматурами (*Минаев Б.* Указ. соч. С. 400). Очевидцы событий, а их было много, в основном в устных рассказах, показывают, что демонстрация (без боевиков), состоящая в прекрасный весенний день в основном из родителей с детьми и ветеранов, мирно шествующих по Ленинскому проспекту, была остановлена ОМОНом около теперешней площади Гагарина. Они-то, эти простые люди, и подверглись ударам палок, струям пены и открытому насилию омоновцев. Об этом написал участвующий в шествии депутат Верховного Совета РСФСР В. Исаков в книге: Госпереворот. Парламентские дневники. 1992—1993. Екатеринбург, 1997. С. 330—336. Кстати, он же и определил суть события: «кровавый Первомай был генеральной репетицией кровавого октября» (с. 336).

[60] И эти события освещаются неоднозначно. Но даже бывшие сторонники Ельцина, его биограф оценивают их как величайшую трагедию: *Полторанин М. Н.* Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2010 — «узурпаторская акция» (с. 374); *Минаев Б.* Указ. соч. — «это была страшная, тяжелая победа»; «Ельцин что-то потерял навсегда. Потерял огромное число своих сторонников, которые верили в то, что демократическая революция в России возможна без крови, без вооруженной борьбы за власть»; «общество оказалось расколото, и надолго» (с. 438—440). Очевидцы событий, многие из которых пострадали за дни «сидения» в Белом доме с 21 сентября, со времени ельцинского указа 1400 до 4 октября, опубликовали воспоминания, рисующие вопиющую картину избиения в общем-то невинных людей, которые считали своим долгом защитить закон и мирную, спокойную жизнь детей и российского общества в целом. Причем нельзя с уверенностью говорить, что у них было оружие. Откуда бы оно взялось, к примеру, у моего сокурсника, известного журналиста-международника, который по служебной обязанности находился в это время в Белом доме, а например, не в Кремле, и мог наблюдать «штурм» собственными глазами? В Доме правительства находились депутаты ВС России. Один из них, уже упоминавшийся В. Исаков, издал эти воспоминания (*Исаков В.* Указ. соч. С. 413—447). См. также: *Ковалевский С.* Хроника Октябрьского государственного переворота в России. М., 1996; *Кротков В. О.* Указ. соч. С. 112—131 и т. д.

После октябрьских событий 1993 г. президент Ельцин издал указы о гербе (от 30 ноября 1993 г.), о флаге (от 11 декабря 1993 г.), о гимне — «Патриотическая песнь» Глинки (от 11 декабря 1993 г.). Статья 70, часть 1 новой Конституции Российской Федерации гласила: «Государственный флаг, герб и гимн Российской Федерации, их описание и порядок официального использования устанавливаются федеральным законом». Федеральный закон о государственной символике, однако, не был принят законодательным органом — Государственной думой ни первого, ни второго созывов. Особенно поразили либеральное общество (настолько, что один из представителей этого общества публицист Юрий Карякин воскликнул: «Россия, ты одурела?») результаты выборов в первую Госдуму: «Демократические и центристские партии получили лишь около $^{1}/_{3}$ голосов избирателей. Коммунисты серьезно поправили свое положение за счет выборов в одномандатных округах, их представительство в новом парламенте тоже было внушительным. Словом, новый российский парламент оказался совсем не таким, каким он виделся президентской команде после 3-го октября»[61].

Дума не восприняла указы президента о символике и не проголосовала за них. В определенной степени они оказались неприемлемыми для коммунистов после побоища у Белого дома. Дума соотнесла себя с народом, большинство которого все-таки восприняло государственную символику не как средство самоидентификации, а как попытку идеологического воздействия. Наконец, часть парламентариев, негативно восприняв неконституционный президентский указ «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы», согласно которому Ельцин фактически взял на себя полномочия законодателя, все более убеждались в сосредоточении в руках президента неограниченной власти. «Иные органы государственной власти согласно Конституции имели намного меньшие властные полномочия, чем у главы государства. И парламент и правительство России были “завязаны” на президентскую политическую волю»[62].

Политологи высказывали негативные оценки по этому поводу. Так, политолог Л. Ф. Шевцова писала о новой конституционной системе: «1993 год вернул в российский политический инструментарий насилие и кровь. Одновременно это был год формирования новой конституционной системы, а именно — гиперпрезидентства, которая, кстати, стала основой будущих авторитарных тенденций». Ей вторит историк Б. Ю. Кагарлицкий: «Конституция 1993 г. закрепляла не только непомерные амбиции Ельцина, который стремился быть самодержцем и “демократическим” президентом в одном лице»[63].

Показательно, что сходная оценка действий демократического президента звучала из уст ярых либералов. Известная журналистка Е. М. Альбац, например, заявляла: «Танки, бьющие по зданию парламента, горящий Белый дом стали сим-

[61] *Минаев Б.* Указ. соч. С. 438—440.

[62] *Кротков В. О.* Указ. соч. С. 133.

[63] Л. Ф. Шевцова и Б. Ю. Кагарлицкий цит. по кн.: *Кротков В. О.* Указ. соч. С. 134.

волом и наглядным — куда уж нагляднее? — доказательством власти ни перед чем не останавливающейся и никем не ограниченной силы. Силы, стоящей над законом, Конституцией, судом и избранными народом его, народа, представителями…» Так в России оказалась похоронена сама идея парламентской демократии: разве случайно, что Ельцина именовали «Царь»[64]. «Царь», «директор Всея Руси»[65] — так все чаще называли гаранта Конституции даже близкие соратники, отмечая его «высокомерие, нетерпимость, нежелание выслушивать неприятные сведения, капризность, иногда оскорбительное поведение в отношении людей»[66]. Они же подчеркивали, что «президент образца 1991 года и президент начала 1996 года — два очень разных человека, с разным кругом общения и с разной реакцией»[67].

«Позднему» Ельцину и его правлению дал оценку политолог В. А. Никонов: «Политический стиль Ельцина был, на мой взгляд, византийским. Огромную роль играли двор, семья, олигархи, приближенные полководцы, как раз то, что характеризует византийский стиль. По многим вопросам такой внеинституциональный центр власти, как ближайшее окружение Ельцина, которое принято было называть "семьей", играл куда большую роль, чем все предусмотренные Конституцией институты, вместе взятые»[68].

Данные характеристики существовали и в период президентства Б. Н. Ельцина. Их «отзвук» сказался и на отношении к государственной символике, введенной Ельциным. Опрос, проведенный в конце 1997 г. (участвовал 2401 человек от 16 лет) с вопросом «Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о нашей стране, нашем народе?», показал, что на вопрос о флаге, гербе и гимне — государственных символах — ответил лишь 55 человек, т. е. 2,29 %. Эта низкая степень легитимности государственной символики совпадает и с низкой легитимностью самого государства как средства идентификации граждан — 18,20 %[69].

Политологи отмечают, что в «большинстве "символических" вопросов проявляется "преемничество" В. Путина от Б. Ельцина», приводя примеры преемственности власти, которая, как считают ряд исследователей, держится на символах[70]. В то же время отмечается, что Ельцин и Путин «не сошлись во мнении» по поводу восстановления музыки старого советского гимна в государственной символике в 2000 г. Как известно, президентским указом 1993 г. в качестве гимна РФ была утверждена мелодия Глинки. Слов гимна не было, но огромное количество (несколько тысяч текстов) присылались и в Министерство культуры, и в Государственную

[64] Цит. по: *Кротков В. О.* Указ. соч. С. 389.

[65] *Костиков В.* Указ. соч. С. 306.

[66] *Минаев Б.* Указ. соч. С. 486. См. также: *Коржаков А. В.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997. С. 53; *Полторанин М. Н.* Указ. соч. С. 412, 417.

[67] *Минаев Б.* Указ. соч. С. 544.

[68] Цит. по кн.: *Кротков В. О.* Указ. соч. С. 169.

[69] *Мисюров Д. А.* Политика и символы России. М., 2004. С. 29.

[70] Там же. С. 81.

думу. Ельцин был против советского гимна, за который ратовали депутаты Думы. Он говорил: «…я категорически против возвращения гимна СССР в качестве государственного… У меня со старым гимном ассоциация только одна — партийные съезды, партконференции, на которых утверждалась и укреплялась власть партийных чиновников. Что до спортсменов, на которых часто любят ссылаться, то им ведь важно, чтобы гимн не менялся, чтобы у него были слова. А старый советский гимн, уверен, нашим атлетам неинтересен, они люди молодые и смотрят в будущее, а не в прошлое. Чубайс хорошо сказал по этому поводу. Президент страны не должен слепо следовать за настроениями людей, он, напротив, обязан активно влиять на них. Словом, ситуация с гимном сложная»[71]. Можно согласиться с комментарием по поводу данного высказывания Ельцина: «В отношении к символике — весь Ельцин с его неприятием коммунистической идеологии, собственным (совпадающим с мнением А. Чубайса) пониманием роли лидера в постсоветской России, собственным видением сознания народа, сведенного к мнению спортсменов», и особой ментальностью, отличающей его от В. Путина[72].

Перед вторым президентом России В. В. Путиным, согласен он был с первым президентом по поводу государственной символики или нет, стояла действительно серьезная задача — «обозначить» суверенное государство, каким ему досталась Россия, решить массу организационных задач: что изображать на паспортах граждан, особенно отъезжающих за рубеж, что петь и какую музыку исполнять, когда награждают победителей спортивных ли, других ли соревнований, о каких официальных символах державы рассказывать детям в школе? И т. д. Он подошел к вопросу прагматично, хотя произнес исключительно эмоциональную речь 4 декабря 2000 г. перед жителями России в специальном телеобращении, внеся перед этим в Государственную думу не общий пакет о гербе, флаге и гимне, а самостоятельные проекты законов «О Государственном флаге Российской Федерации», «О Государственном гербе Российской Федерации», а также просьбу на имя председателя Госдумы утвердить в качестве гимна мелодию советского гимна А. В. Александрова.

Принятие законов о государственной символике казалось особенно важным в преддверии наступающего Нового года, однако обоснование настоятельной необходимости принятия федеральных законов по этому вопросу содержалось в вышеупомянутом выступлении Путина. Главный аргумент — это длящееся почти десять лет отсутствие единства нашего общества. Символы, а особенно выбор музыки гимна, служат катализатором раскола общества, что негативно влияет на жизнь граждан, отвлекает их от созидательных действий. «Давайте мы направим

[71] Цит. по кн.: *Мисюров Д. А.* Указ. соч. С. 544.

[72] *Мисюров Д. А.* Указ. соч. С. 82. Действительно, в 1991 г. Б. Н. Ельцин рассказывал, что он «изменил свое мировоззрение: коммунист по исторической советской традиции, по инерции, по воспитанию, но не по убеждению». — *Ельцин Б. Н.* Записки президента. С. 181. По душе ему пришелся византийский двуглавый орел, как тогда его преподносили «разработчики» герба свободной России, а вместе с тем (см. выше замечания В. Никонова) и византийские порядки.

всю нашу кипучую энергию и весь наш талант не на разрушение, а на созидание. И тогда, абсолютно уверен, — большинство наших желаний будет исполнено, а подавляющее большинство всех задач, которые мы перед собой ставим, будут выполнены. Уверен, у нас получится»[73].

Президент в своем выступлении говорил очень яркие слова о единстве нации, которые не могли не тронуть депутатов различных политических взглядов. Он продемонстрировал также идею единства власти и народа, о чем за десять лет уже как-то подзабылось. В результате 8 декабря 2000 г. Государственная дума приняла федеральные конституционные законы: «О Государственном флаге Российской Федерации» («за» — 341, «против» — 20, воздержался — 1), «О Государственном гербе Российской Федерации» («за» — 343, «против» — 19, воздержались — 3), «О Государственном гимне Российской Федерации» («за» — 380, «против» — 51, воздержались — 2). Несколько позднее, в марте 2001 г., Госдумой, Советом Федерации и президентом утверждены слова гимна, написанные (в третий раз) С. Михалковым.

Совет Федерации 20 декабря 2000 г. одобрил решения Госдумы, а 25 декабря 2000 г. их подписал президент В. В. Путин.

[73] Выступление В. В. Путина опубликовано на президентском кремлевском сайте — www.president.kremlin.ru

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдыл-Летиф, татарский царевич 325
Аванесов В. А., советский государственный деятель 595
Август, римский император 22, 23, 31, 42, 56, 61, 62, 65, 114, 125, 132, 133, 144, 149, 183—185, 188, 195, 197, 356, 480, 616
Августин, святой 116
Авенариус А. 197
Аверинцев С. С. 216, 224
Агеева О. Г. 112
Адад, языческий бог 38, 100
Адам Бременский 108
Аджи Мурад 222, 224
Адлерберг В., граф 498, 509
Адодуров В. Е. (Ададуров), герольдмейстер 321—323
Адрианов В. Н., художник Гознака 598, 599
Айбабин А. И. 94
Аксючиц В. 115
Аладжов Ж. 85
Алаев Л. Б. 105
Александр Васильевич Суздальский, великий князь 190
Александр Македонский, царь 106
Александр Невский, князь 28, 189, 333, 564
Александр I, российский император 496, 508, 547
Александр II, российский император 28, 330, 495, 496, 498, 508, 509
Александр III, папа римский 108, 373, 408
Александр III, российский император 28, 336, 497, 498, 509, 620
Александр, литовский князь 225
Александр, святой 156, 190
Александра, царица 216
Александров А. В., советский композитор 548, 562—565, 567, 568, 571, 572, 628
Александров Б. А., композитор, дирижер 565, 568, 572
Александров В. П. 563
Александров К. М. 518, 520, 521, 522
Алексеев А. И. 130, 131
Алексеев Юрий Георгиевич, известный историк, специалист по Древней и Средневековой Руси 9
Алексеева М. А. 503, 514
Алексей Александрович, великий князь 499, 510
Алексей Алексеевич, великий князь 205
Алексей Алексеевич, великий князь 205
Алексей Комнин, византийский император 31, 56, 142, 143
Алексей Михайлович, царь 44, 155, 188, 206, 230, 248, 249, 251, 257, 297, 305, 306, 308, 309, 312, 336, 341, 351, 353, 354, 391, 488, 493, 494, 616
Алексей III Ангел, византийский император 161
Алексей, митрополит Московский 400
Алеф Г. (Эйлиф) *см.* Alef G.
Алоизио, строитель 471
Алпатов М. В. 220, 334, 469
Альбац Е. М. 626
Альберт, мастер-резчик 469
Альтдорф О., живописец Гербового отделения 328

Альтман Н. И., живописец, театральный декоратор 596
Альтрихтер Х. 580
Альчиати А. 252
Алярд К. 258, 310, 350, 489, 500, 506, 512
Амброз А. К. 242
Анастасий, священник Русской православной церкви в Берлине 521
Ангелов Боню Ст. 222
Ангелов В. 213, 367
Андреев Василий, резчик монетных штампов 229
Андреев Йордан 166, 167, 169
Андреев Матвей, золотописец мастерской Посольского Приказа 307, 309
Андреев А. И. 401
Андреев В. Ф. 385, 406
Андреев Н. А., скульптор 590
Андреева Л. В. 536, 541, 542, 590
Андреева М. А. 429
Андрей (Первозванный), святой 57, 64, 140, 314, 503, 514, 519
Андрей Александрович, князь 333
Андрей Васильевич Большой, князь углицкий 459, 460
Андрей Иванович, князь 144, 188, 460
Андрей Кесарийский 116
Андроник I Комнин, византийский император 27
Андроник II Палеолог, византийский император 134
Анна Иоанновна, русская императрица 288, 313, 496, 508
Анна, дочь Василия I 181
Антоний Новгородский 145
Антонова В. И. 240, 241, 298, 349
Анучин Д. 26
Аполлон, бог греческий 458, 459
Апостолос-Каппадона Д. 195
Апраксин А. М., граф 310
Аракчеев А. А., граф, генерал 549
Ардабьев И. В., переводчик и секретарь графа Санти 262, 318
Аристотель Фьораванти 42, 463, 466, 471
Арсений, архимандрит 344
Арсеньев Ю. В., хранитель Оружейной палаты 251, 253, 284, 310, 500, 511
Артамонов В. А. 141, 206, 288, 516, 544, 584
Артамонов М. И. 68, 85, 93, 95, 97, 98, 177
Артлебен Н. А. 260
Артукиды, династия 53, 212
Арциховский А. В. 26, 70, 142, 238, 242, 245, 256, 312, 341, 342, 344
Асеев Н. Н., поэт 562, 567
Асени, династия 166, 167
Асень (Иван Асенев), болгарский царь 126, 166—168
Асталош Л. М. 377
Атанасов Г. 160, 163, 167
Атлант, древнегреческий мифологический герой, титан 541, 590
Ауски Ст. 521, 522
Ауфхаузер И. 216, 217
Афанасий Великий, святой 296
Ахура-Мазда, высшее божество в зороастрийской традиции 37, 99

Багдасарян В. Э. 530, 531, 576
Базилевич К. В. 187, 190, 210, 479
Бакалов Г. 137, 162-168
Балязин В. Н. 592, 593
Баранов Андрей, живописец 313
Барановский А. 554, 557
Барберини Р. 229, 467
Барма пскович 361
Барсов Е. В. 172
Бартенев Ю. П. 43
Бартецки А. 608
Баторий Стефан, польский король 185, 346, 480
Баттенберг Ф. 413
Батый, татарский хан 391

Бахтин А. Г. 357, 478, 479
Бедный Д. (Е. А. Придворов), писатель, поэт 561, 562
Беземан А., живописец Гербового отделения 328
Безминов И. 341
Бекенштейн И. С., геральдист 265, 320
Белавенец П. И., специалист по флагам 230, 337, 488, 496, 497, 500—503, 506, 508, 509, 511, 512, 514, 598
Белецкий П. 541
Белинский В. Е. 499, 500, 506, 511, 523
Белозерская Н. 140, 172, 249
Белый В. А., композитор 563
Беляев И. 377
Беляев О. 259
Бенешевич В. Н. 384
Бенкендорф А. Х., граф, генерал 549
Бенуа А. Н., художник 537, 539
Берггольц О. Ф., писательница, поэтесса 562, 566
Бередников Я. И. 393
Березкин Ю. Е. 38, 91
Березовецъ Д. Т. 94
Беркли Дж., фиолософ 113
Беркович М. Е. 109—112
Бернулли Д., академик 321
Бернштейн Н. Д., музыковед 546, 557
Бессонов П. 219
Бешевлиев В., болгарский ученый 87
Бибикова И. М. 584, 588
Бидерманн Г. 504, 523, 529, 530, 585
Биджиев Х. Х. 85, 86
Билибин И. Я. 203, 537, 539, 575, 615
Благушин Г. А., мастер-золотописец 252, 307, 308
Блантер М. И., композитор 562, 564
Блок М. 160, 161
Блудов Д. Н., русский государственный деятель 41, 545
Бобровницкая И. А. 140—142, 157, 194
Бовыкин В. И. 528, 558, 576
Боголепов Н. П., министр народного просвещения 534
Боголюбов Н. 531
Богоявленский Н. А. 251
Бодуэн IX, граф Фландрский 161
Бойцов М. А. 47, 58, 106-108, 110—112, 116, 148, 149, 606
Болдин В. И. 618
Болеслав Юрий II, князь Малой Руси 400
Болланд Иоанн, иезуит 214
Болсуновский К. В. 74, 75, 393
Большаков А. М. 401
Бондаренко Г., украинский историк 75, 781
Бонч-Бруевич В. Д., советский партийный и государственный деятель 594
Борис Александрович, великий князь Тверской 458
Борис Васильевич, князь волоцкий 459—461
Борис Федорович (Годунов), царь 66, 157
Борис II, болгарский царь 165
Борис, святой 190
Борис-Михаил, болгарский князь 163, 164
Борисов А. Я. 89, 90
Борисовский Б. Э. 591, 593
Боровский Я. Е. 39, 92
Бородин О. Р. 171
Бортнянский Д. С., композитор 552, 557
Брокгауз Ф. А. 112
Брут 541
Брюллова Е. 542
Брюс Я. В., граф, генерал фельдмаршал 310, 314
Брюсов В. Я., поэт 543
Буганов В. И. 471
Булатовы, дворяне 309
Булгаков М. А. 531
Буняченко С. К., командир власовской дивизии 521, 522
Бурбулис Г., сотрудник администрации президента РФ Б. Н. Ельцина 624

Бурцев В. Л. 539
Буслаев Ф. И. 243, 253, 254
Бутковский Артемий, живописный мастер 323
Бутлер Д., голландец, капитан корабля «Орел» 488, 489
Бутник-Сиверский Б. С. 541, 590
Бушаков В., украинский историк 38, 100
Бушин М. И., украинский историк 34, 80
Быковский С. Н. 401

Ваганов М., «гербовый судья» 327
Вагнер Рихард, композитор 575
Вагнер Г. К. 220, 242, 256
Вакх, греческий бог 589
Валеев Ф. Х. 366
Валеева-Сулейманова Г. Ф. 366
Валериано Д. (Пиерио) 251, 252, 306
Валк С. Н. 380, 381, 406
Вальдемар II, датский король 488
Вальтер К. 221, 222
Василевский Т., польский историк 67
Василенко С. Н., профессор Московской консерватории 571
Василий Великий, святой 296
Василий Кесарийский, святой 457
Василий Михайлович, князь кашинский 228
Василий Михайлович, князь, сын князя верейского и белозерского Михаила Андреевича 460
Василий Ярославич, князь серпуховской и боровский 458, 459
Василий I Дмитриевич, великий князь 66, 137, 144, 145, 181, 189, 190, 228, 333, 457, 458
Василий I, император 430
Василий II Васильевич Темный, великий князь 145—147, 189, 190, 333, 458, 459
Василий II, византийский император 35, 90
Василий III Иванович, «великий князь всея Руси» (с 1501 г.) 127, 131, 135, 140, 147, 182—184, 325, 335, 359, 389, 460, 461, 480
Василий, грек 361
Васильев Л. С. 369
Васина-Гроссман В. А., музыковед 556
Вассиан Рыло 229, 468
Вахидов С. Г. 363
Вацлав Святой, чешский князь 175
Вашингтон Дж. 505
Вейраух А., композитор 547
Венулей, римский юрист 381, 418
Веревкин А. Н., заместитель министра юстиции 500, 511
Вересаев В. В. 575, 576
Вернадский Г. 129
Верховец Я. Д. 216
Веселовский А. Н. 219, 223,
Видов В., французский ученый 67
Викторин из Вшегрд (Чехия), юрист *см.* Viktoriu ze Všehrd
Виктория 38
Вилинбахов Г. В. 334, 501, 623, 625
Вилинбахова Т. Б. 334
Вильгельм I завоеватель, английский король 171
Вильямс К. А. 369
Винавер М. 375, 411
Винклер П. П. фон 234, 263, 267, 268, 330
Виноградов Н. Д. 541
Висковатов А. В. 313
Владимир Андреевич, князь серпуховской 457
Владимир Мономах, князь 21, 25—27, 31, 32, 56, 65, 66, 118, 120—122, 125, 132, 140—143, 147, 150, 154, 155, 157—159, 171, 173, 183, 186, 187, 197, 358, 359
Владимир I Святославич, святой, князь 33, 35—37, 39, 40, 62, 67, 68, 74—77, 82, 83, 90—92, 97—102, 104, 121, 135,

141, 173, 174, 178, 179, 186, 207, 256, 309, 337, 359
Владислав Опольчик, князь 131
Власов А. А., генерал-лейтенант 517—522
Водов В. А. 179, 406
Волков Б., переводчик 314, 315
Волпе Джан Батиста делла (Иван Фрязин), монетный мастер 463
Волынский Артемий, государственный деятель 286
Волынский В. В., казанский воевода 354
Ворагинский Иаков 215
Воронец Е. Н. 207, 311, 496, 503
Воронин Н. Н. 235, 255
Воропаев (Ворыпаев) Злоба 459
Воропаев (Ворыпаев) Федор Андреевич, вотчинник 459
Воротынский И. М. 344
Ворошилов К. Е., советский государственный, партийный и военный деятель 560, 563, 565—569
Вратислав I, чешский король 175
Всеволод Мстиславич, князь 257, 380, 391
Всеволод Святославич, князь 29
Выголов В. П. 220
Высоцкий С. А. 101, 178

Гааз Ф., капельмейстер 556, 557
Габсбурги, династия 52, 111, 120, 155, 209, 359, 488
Гавриленко В. О. 389
Гаврилов С. 389
Гайдн Ф. Й., австрийский композитор 623
Гайдуков П. Г. 27, 78, 226, 227
Галахов О. Б., композитор 623
Гальковский Н. М. 39, 92
Гаскова Ярмила 175
Гатин М. 481
Гаттерер И. Х. 391
Гейштор А., известный польский историк-медиевист, президент Польской академии наук 37—39, 91, 98, 99, 154
Гельвановский М. И. 617
Гендлингер И., европейский гравер 288
Геннадий, новгородский архидьякон 335
Генрих VII, император Священной римской империи 109
Георги И. Г. 362
Георгиев П. 163
Георгий (Юрий) Всеволодович, великий князь 227
Георгий Победоносец (Драконоборец — святой воин) 24, 29, 30, 41—44, 51, 57, 58, 69, 192, 198, 214—217, 219—231, 255, 314, 331—340, 351, 364, 367, 368, 466—472, 496, 500, 503, 508, 511, 522, 541, 613, 624
Герасим, архимандрит 344
Герасимов С. В., художник 579
Герасимов Т. 164
Герберштейн Сигизмунд 183, 184, 335, 350, 359
Геринг Г., министр авиации фашистской Германии 574
Герни О. Р. 38, 100
Герола Дж. 52? 210
Гертруда, жена русского князя Изяслава Ярославича 130, 171
Гесс Р., один из руководителей германского национал-социализма 574
Гибсон К. 14, 24, 25, 27, 504
Гильтебрандт П. 244, 246
Гиммлер Г., министр внутренних дел фашистской Германии 520, 574
Гиппиус Е. В. 558, 559
Гитлер А., глава фашистской Германии 574
Глазунов А. К., композитор 557
Глазычев В. Л. 463
Глеб Владимирович, князь, святой 190
Глинка М. И., композитор 556
Глиэр Р. М., композитор 562, 565
Гломозда К. Ю. 78
Гогенлоэ-Вальденбург Ф. К. 395

Гогенштауфены (Штауфены), династия императоров Священной Римской империи 110, 116, 130
Годунов Б., царь 66, 157
Гойхбарг А. Г. сотрудник Наркомата юстиции 595
Голб Н. 95
Головкин, граф 310
Голодный М. С., поэт 564
Голубинский Е. Е. 223
Гольдберг А. Л. 62, 117—119, 125, 132, 134
Горбачев М. С. 618
Горбунов Н. П., советский государственный деятель 594
Горина Л. В. 166
Горсей Джером 157
Горский А. А. 67, 148, 179, 180, 194, 359, 360, 480
Горшков В. В. 592
Гошев И. 160, 167, 170
Грабар Андрэ *см.* Grabar A.
Грабарь И. Э. 362
Грачёв В. Н. 544, 572
Гречило А. 74, 75
Григорий VII, папа римский 110
Григорий IX, папа римский 151
Григорьев В. С., полковник 599
Гриммель И., живописный мастер 322
Гротефенд Х. 395
Гроув сэр Джордж, английский музыкальный писатель, издатель 546, 548
Грушевский М. 33, 74, 75
Гуковский М. А. 462
Гуревич А. Я. 149, 151, 242, 246, 247
Гусев В. М., поэт 562, 563, 566
Гусятников П. А., художник 318, 321
Гущин А. С. 589

Давлетшин Г. М. 365
Давыдов Н., мастер-оружейник 28
Дадиан, царь 216
Дажьбог(ъ) (Даждьбог), один из главных богов восточнославянской мифологии 99
Даль В. И. 497, 508, 509
Дамиан, святой 146
Дандамаев М. А. 105
Даниил Романович Галицкий, великий князь, король 173
Даниил, пророк (библ.) 62, 106, 116—118, 125
Данилов А. Н., социолог 617
Данилова И. Е. 250, 251
Дантон Ж.-Ж., деятель французской буржуазной революции 568
Даркевич В. П. 87 90, 242, 365
Дворецкий И. Х. 419
Дегтярев А. Я. 503, 504, 522
Деер Й. 171
Дежейтер Пьер, французский композитор 559, 561, 564
Демидов П. А., дворянин 319
Демидова Н. Ф. 249, 261
Демидовы, дворяне 308, 318
Демченко В. 385
Денисов В. В., художник 592
Державин Г. Р., поэт 253, 551
Дерменджиев Х. П. 366
Дероко А. 472
Джан Антоний (Замонтоний), монетчик 463, 470, 471
Дзержинский И. И., композитор 563
Димирий Ростовский, митрополит Ростовский и Ярославский 214—216
Диоклетиан, римский император 216
Дмитриев Ю. Н. 250, 251
Дмитриева Р. П. 31, 125, 132, 143
Дмитрий Иванович (Донской), великий князь 65, 66, 144, 146, 181, 189, 190, 227—229, 333, 457, 467, 468, 471, 491
Дмитрий Иванович, внук Ивана III 56, 65, 125, 131, 139, 143, 147, 175, 183, 185—189, 193, 460, 465, 616

Дмитрий Солунский, святой 168, 331, 332, 457
Дмитрий Юрьевич Красный, князь 459
Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь Галицкий 458
Дмитровский А. 563
Добродомов И. Г. 102
Добужинский М. В., художник 537, 539, 590, 597
Докторов Б. З. 612, 617
Долматовский Е. А., поэт 564
Доннерт Э. 481
Дончева-Петкова Л., болгарская исследовательница 87
Доценко В. Д. 592
Драгутин Стефан, сербский король 169, 170
Драчук В. С. 79, 80
Дрейден С. Д. 558, 559
Дробленков Н. Ф. 348
Дробязко С. И. 517, 520
Дубасов И. И., художник Гознака 598, 599
Дугин А. 114
Дудин Л. В., белоэмигрант 521
Дудин С. М., художник 589
Дуйчев И. 490
Дульский М. П. 341
Дунаевский И. О., советский композитор 545, 562
Дунин-Барковский К. И., геральдист 207, 232, 536, 597, 598, 601
Дурново Н. Н. 243
Дуров В. А. 592, 593
Душан Стефан, король 164, 169, 170, 191, 451
Дэвлет М. А. 213
Дэльгер Ф. *см.* Dölger F.
Дювернуа Н. 376
Дюканж Шюб французский лингвист 27
Дюмон Ж. 390

Евгений (Болховитинов), митрополит Киевский и Галицкий 43, 391
Евгеньева Т. В. 18
Евдокия, супруга византийского императора Романа I Лакапина 124
Екатерина I, Алексеевна, императрица 64, 118,140, 141, 311, 314
Екатерина II (Великая), русская императрица 323, 326, 327, 332, 342, 346, 362, 390, 496, 508, 551
Елагин С. 501, 511
Елена Стефановна, жена Ивана Ивановича Молодого 183
Елена, жена Стефана Душана 169
Елена, мать императора Константина Великого 62, 135, 146
Елизавета Петровна, российская императрица 64, 140, 305, 321, 514
Ельцин Б. Н., первый президент РФ 50, 203, 208, 476, 495, 611, 612, 617—620, 622, 623, 625—628
Ельцина Н. И., супруга Б. Н. Ельцина 619
Ельяшевич В. Б. 450
Енукидзе К. С., советский государственный деятель 593
Епимах, святой 145
Епифаний Премудрый 181
Еремеев К. С., советский военачальник 591
Ермолаев Д. 341
Ермолаев И. П. 356, 357, 484
Ермолин В. Д. 331, 332, 468
Ерофеева И. В. 481
Ефименко И. 414
Ефименко П. 407
Ефрон И. А. 112
Еханек П. 373, 409

Жаров А. А. 566
Жданов И. Н. 100, 178, 481
Женеваль, автор слов бельгийского гимна 546
Жиленков Г. Н., власовец 520
Жилина Н. В., археолог 25, 66, 142, 187

Жуков Г. К., маршал 24
Жуковский В. А., поэт 41, 545—549, 553, 554

Забелин И. Е. 305
Заболотский Н. Л., землевладелец 460
Загоскин Н. П. 341
Зазыкина Е. В. 573, 607
Зайцев И. В. 480
Замантоний, монетный мастер 464, 470
Заринский П. 341, 361, 365
Заруцкий Иван Мартынович, боярин, воевода 398
Захаров В. Г., композитор 565
Зверев А. Л. 200, 208
Зверев Р. Я. 558, 559
Звягинцев, гравер 593
Зевс, верховный бог-олимпиец в древнегреческой мифологии 37, 99
Зелов Н. С. 561, 562
Земцов С. М. 463
Зигель Ф. Ф. 445
Зиккель Т. 433, 437, 440
Зимин А. А. 63, 122, 292, 406, 465
Зинич М. С. 622
Золотилов Семен, русский мастер ювелирного дела 32, 198
Зосима Брадатый, митрополит Московский 123, 125, 128

Иван Александр, болгарский царь 53, 128, 168, 212
Иван Алексеевич, царь 401
Иван Андреевич, князь можайский 459
Иван Асень II, болгарский царь 126, 166—168
Иван Борисович, князь волоцкий (племянник Ивана III) 56, 186, 187, 460
Иван Васильевич Горбатый, князь суздальский 458
Иван Иванович Молодой, великий князь 144
Иван Иванович, сын Ивана IV Грозного 480
Иван Семенович, землевладелец 386
Иван Шишман, болгарский царь 168
Иван I Данилович Калита, князь московский, великий князь Владимирский 25, 26, 32, 56, 65, 66, 142—144, 147, 155, 187—190, 195, 197, 386, 391, 457
Иван II Иванович Красный, великий князь 65, 144, 181, 187—189, 457, 459—461
Иван IV Васильевич Грозный, царь 27, 31, 32, 56, 57, 64—66, 69, 70, 120, 121, 127, 133, 135, 138, 139, 143, 147, 155—159, 179, 180, 185, 192, 193—195, 198, 199, 230, 235—243, 245—249, 256, 258, 290—295, 297—299, 301, 337, 343, 345—349, 357—362, 368, 389, 476—482, 489, 493, 616
Ивана III Васильевич, великий князь Московский 41, 43, 44, 46, 50—52, 54—57, 65, 69, 120, 122—125, 131, 143, 146, 147, 155, 182, 183, 186, 192, 193, 198, 209, 210, 212, 227, 229, 235, 289, 290, 325, 332, 333, 335, 337, 358—360, 406, 459—461, 463—473, 476, 477, 479, 480, 605, 616
Иванов П. И. 238, 353, 389, 393, 483
Иванов А. Б. 41, 61, 114
Иванов Б. 40
Иванов В. В., лингвист 37, 99, 224, 369
Иванов Г., поэт 214
Иванов Д. Д. 229, 230
Иванов С. А. 105, 166
Иванов С. Н., эмигрант 517
Иванченко А. В. 576, 584, 593
Игорь Святославич, князь новгород-северский 29, 35, 77, 93, 101, 490
Игорь, князь 82
Иероним Стридонский, переводчик Библии 106, 116
Измайлов И. Л. 479

Йильге В., немецкий историк 73, 74, 79, 102
Иисус Христос 35, 39, 67, 68, 90, 91, 92, 98, 106, 107, 124, 133, 145, 146, 152, 159, 168, 171, 176, 198, 216, 224, 241, 243, 246, 296, 428, 431, 434, 492, 493, 556, 574
Иконников В. 127
Иконников И., художник 322
Иларион, митрополит Киевский 21, 22, 27, 57, 58, 62, 63, 68, 100—102, 134, 178, 197
Ильген Т. 411, 412, 418, 421, 432, 445
Ильин А. А. 82
Илюшин В., соратник Б. Н. Ельцина 624
Индикоплов Козьма, византийский автор 116, 249, 250, 296, 301
Иннокентий III, папа римский 167
Иннокентий IV, папа римский 173
Иоаким, патриарх Александрийский 245
Иоанн (Иерусалимский), святой 457
Иоанн Златоуст, святой 296
Иоанн Предтеча (Креститель), святой 146, 457
Иоанн Скилица, византийский хронист 67, 166
Иоанн Цимисхий, византийский император 165
Иоанн Экзарх 164
Иоанн VIII Палеолог, византийский император 66, 181
Иоанн, великоустюжский святой 43
Иов, патриарх 157
Иосиф, патриарх 384
Ипатий, игумен 344
Ирина, византийская императрица 107
Ирина, святая 171
Ирина, супруга князя Ярополка 171
Ирмшер Й. 430
Исаков Богдан, серебряник (иноземец) 305
Исаков Степан, секретарь Герольдмейстерской конторы 319
Исаков В., депутат ВС РСФСР 625
Исаковский М. В., поэт 567

Кабалевский Д. Б., композитор 562
Кагарлицкий Б. Ю., историк 626
Кадырбаев А. Ш. 477
Кажанов О. А. 48, 58, 573, 607
Казакевич А. Н. 296, 592, 593
Казакова Н. А. 131
Казанцев А. С., член РОА 519
Казимир III, польский король 375, 411
Кайе, иезуит 224
Калинин М. И., советский государственный и партийный деятель 598
Калинина Т. М. 93, 478
Калинкин В. М., поэт 544
Калишевич З. Е. 252, 307
Калмыков П. 450
Калоян, болгарский царь 167, 362, 366
Каменцева Е. И. 248, 394, 576
Камзолкин Е. И., художник 536, 579, 594, 598
Кампенгоут Ф. ван, автор музыки бельгийского гимна 546
Каппелер А. 63—65, 105, 138, 194, 357—360, 362, 477, 480, 481
Каравак Л., живописец 318
Карайяннопулос Й. 209
Караманчев Вал. 576
Карамзин Н. М., историк 31, 41, 65, 76, 143, 144, 183, 332, 391, 464, 475, 545
Кара-Мурза С. Г., политолог 617
Карамышев Яков Михайлович, кормленщик 460
Карамышев Александр Васильевич, дьяк 460
Карачаров Митрофан, посол 460
Каргер М. К. 95, 103
Карев А. Е., художник 537, 602
Карл I Великий, 1-й император Запада 53, 66, 107—109, 112, 152, 161, 210, 433
Карл II Лысый, 5-й император Запада 161

Карл IV, король Чехии, император Священной Римской империи 111, 175
Карл V, император Священной Римской империи 109, 135, 347, 359, 473
Карл XII, шведский король 311, 401
Карл, мастер-резчик 469, 471
Каролинги, династия 107, 108, 422—424, 433, 440
Карпов А. Ю. 215
Карпович Е. П. 140
Карякин Ю., публицист 626
Кассирер Э. 20
Каталано П. 530, 541
Кацаров Г. 212
Кашкин Н. 546
Каштанов С. М. 356, 402, 403, 405, 406, 426, 431
Кварлей Ф. 252
Квачевский Дмитрий, золотописец 307
Квашнин-Самарин П. А., герольдмейстер 319
Кегель И. де *см.* Keghel I. de
Кёне Бернгард (Борис Васильевич), глава Гербового отделения Департамента герольдики Сената 235, 270, 328—330, 339, 394, 451, 495
Керенский А. Ф., премьер-министр Временного правительства 585, 586
Керлот Х. Э. 540
Кёстринг Э. А., генерал фашистской Германии 521
Киреевский И. В. 219
Кириллов И. 127
Кирпичников А. И., историк литературы 29, 215—217, 222, 224, 225
Кирпичников А. Н. 77
Кирпичников Т. И., старший унтер-офицер Волынского полка 12
Киселев Г. Ф. 389, 576, 594, 595
Киттель Э. *см.* Kittel E.
Клеберг Л. 542, 573
Клейненберг И. Э. 237
Климент VI, папа римский 175
Клосс Б. М. 299, 350, 386
Ключевский В. О., историк 46, 144, 605
Князев А. Т. 319, 327
Кобрин В. Б. 360, 361, 406
Ковалевский С. 625
Ковач К. 377
Ковтун Л. С. 242, 244—246
Козловский О. А., композитор 551
Козодавлев О. П., обер-прокурор директор Герольдии 327
Козьма, святой 146
Колесник А. И. 520
Коллинз С. 228, 467
Колоницкий Б. И. 46, 58, 506, 516, 529, 558, 560, 577, 578, 582, 584, 586, 606, 621
Колоярский Н. А., художник 537, 602
Колстё Пол *см.* Kolstø P.
Колычев О. Я., поэт 563, 564
Колычева Е. И. 406
Кольев А. 20, 23, 30
Комнины, династия 53, 210
Компаниец А. Я. 572
Кондаков Н. П. 26, 27, 51, 54, 55, 58, 66, 82, 142, 172, 173, 175, 185, 186, 188, 189, 209, 301, 369, 370, 472
Коненков С. Т., скульптор 589
Коновалова И. Г. 67, 69, 97, 101, 177, 178
Константин Дмитриевич, князь 459
Константин Манассия, византийский хронист 490, 580
Константин Павлович, великий князь 547
Константин I Великий, римский император 42, 44, 62, 107, 121, 123, 132, 135, 146, 169, 466
Константин IX Мономах, византийский император 65, 143, 147, 358
Константин VII Багрянородный, византийский император 137, 165
Константин VIII, византийский император 35, 90, 176

Константин XI Палеолог, византийский император 46
Константин XII Палеолог Драгаш, византийский император 605
Копалинский Вл. 585
Копанев А. И. 406
Корб И. Г., австрийский дипломат 235, 254, 294, 304, 311, 312
Корвин Матиаш, венгерский король 463
Коржаков А. В., руководитель Службы безопасности президента РФ Б. Н. Ельцина 624, 627
Корзун В. П., художник 599
Корин П. Д., художник 28, 491
Корнаков П. К. 46, 58, 506, 516, 517, 529, 535, 536, 574, 582, 583, 586, 587, 600, 601, 606, 621
Корнеманн Э. (Кочнешапп Е.) 52
Корнилов Л. Г., генерал 582
Коробков Н. 401
Королев А. А. 532
Корф, капитан РОА 519
Корфф Г. 528, 535, 573, 576, 581
Косино Н. 252
Костиков В., пресс-секретарь Б. Н. Ельцина 612, 624, 627
Котошихин Г. К. 335, 353, 354, 391
Коц А. Я., поэт 559
Крамер Сэмюэл Н. 368
Краснодембская Н. Г. 213
Кретьен де Труа 112
Кромвель О. 152
Кромиади К. Г., белоэмигрант 517, 518, 520, 521
Кротков В. О. 617, 618, 620, 622, 625—627
Крумбахер К. 216
Крутов В. В. 548
Кручинин В. Я., композитор 564
Кудрявцев И. М. 252, 307
Куза А. В. 78
Кузнецов А. А., известный фалерист, доктор наук 12, 24, 592
Кузьмин Семен, землевладелец 461
Куник А. А. 226
Кунцевич Г. З. 343
Куракин Ф. И., князь 255
Курбский А. М., князь 345, 477
Курицын Ф. 128
Курочкин В. С., автор стихотворения «Двуглавый орел» 614
Кутузов М. И., полководец 564
Кучер Ю. Л. 208
Кучкин В. А. 146
Кэмпфер Ф. *см.* Kämpfer F.

Лаврентьев А. В. 194
Лазарев В. Н. 29, 220, 222, 225, 227, 235, 290, 334, 464, 468—473
Лакиер А. Б. 237, 257, 286, 287, 335, 337, 392, 393, 451, 466
Лаленков П. З., художник 539
Ламсдорф Г., граф, белоэмигрант 517, 519
Лансере Е. Е., художник 539, 587, 590
Лаппо-Данилевский А. С. 400, 406
Лапшин В. П. 529, 539, 583, 584, 600, 601
Лаушкин А. Б. 464
Ле Гофф Жак 112, 152, 153
Лебедев В. А. 208
Лебедев-Кумач В. И., поэт 562—564
Лев III, папа римский 107, 161
Лев VI, византийский император 430
Левандовский А. А., преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова 22, 23
Левашов Е. М., профессор Московской консерватории 546
Легойда В. Р., кандидат политических наук 505
Лейберов И. П. 592
Лейтман И. Г., академик 321
Лемберг Г., немецкий историк 73, 608
Ленин В. И., основатель Советского государства 389, 541, 558, 566, 575, 576, 578, 594, 596, 598, 599, 612
Лео А. Н., график 601

Леонард В. *см.* Leonhard W.
Леопольд I, австрийский император 308
Лжедмитрий I, самозванец 301
Лидов А. М. 145, 146
Лимонов Ю. А. 589
Линд Дж. 70, 193, 195, 345—347
Липшиц Е. Э. 380, 382, 418, 419
Лист Гвидо фон, оккультист 574
Лист Ф., венгерский композитор, пианист 548
Литаврин Г. Г. 39, 92, 165, 179
Лихачев Д. С. 129, 134, 191, 240—242, 244, 247, 250, 379
Лихачев Н. П., академик, крупнейший специалист в области вспомогательных исторических дисциплин 40, 43, 51, 58, 76, 81, 82, 84, 93, 104, 191, 209, 210, 237, 256, 310, 378—380, 389, 391, 395—401, 426—429, 451
Лихачев Ф. Ф., дьяк 354
Лихачева В. Д. 290, 472
Лихачева О. П. 243, 245, 250, 261
Лойола И., испанский дворянин 251
Лопарев Хр. М. 215—217
Лопов Федор, золотописец мастерской Посольского приказа, «свейский полоняник» 307—309
Лопуцкий Станислав, живописец, иноземец 305, 336, 341, 342
Лоран В. *см.* Laurent V.
Лосев А. Ф., философ, ученый-энциклопедист 233, 234, 528, 602, 614
Лотарева Д. Д. 530, 585
Лотман Ю. М. 132
Лохвицкий А. 376
Лужков Ю. М., мэр Москвы с 1992 по 2010 г. 612
Лукин Ю. Н. 585
Лукичев М. П. 307, 308, 353, 354, 356, 483
Лукомский В. К., геральдист 232—234, 252, 255, 275, 284, 288, 310, 313, 318, 327, 328, 574, 598
Лукомский Г. К., художник 574, 575
Луконин В. Г. 89, 90
Луначарский А. В. 538—540, 587, 596
Луппол А. Н. 529, 576
Лурье С. В. 63, 64, 136
Лучицкий И. В. 413, 414
Лысенко Н. Н. 208
Львов Леонтий Злоба Васильевич, землевладелец 459
Львов А. Ф., автор мелодии «Боже, Царя храни!» 545, 547—549, 553—557, 571, 622
Львов Ф. П., музыкальный дирижер 548
Любишева В. А. 389, 576, 594, 595
Людвиг IV Баварский, император Священной Римской империи 110
Людовик XVIII, король Франции 152
Людовик I Благочестивый, 2-й император Запада 96, 161
Людовик I Немецкий, король Восточно-Франкского королевства 437
Людовик IX Святой, французский король 152, 153, 190
Лядов А. К., композитор 571
Ляпунов Прокофий Петрович, думный дворянин, воевода 398

Мабильон Ж. 391
Магмет-Амин, татарский царевич 325
Мазаев А. И. 540
Мазетти У. А., профессор Московской консерватории 571
Макарий, митрополит Московский 133, 297—299, 348, 349, 362, 477
Макаров В. К. 503, 512, 514
Макарова Т. Н. 78
Максенций М. Аврелий, римский император 42
Максимилиан I, император Священной Римской империи 52, 11, 117, 131, 135, 139, 182, 184, 359, 389, 425
Максимова М. И. 402, 415, 416

Маленков Г. М., советский партийный и государственный деятель 568
Малинин В. 129
Малинова О. Ю. 17, 23
Малиновский Р. Я. 24
Мальгин Г. 277
Мануил II Палеолог, византийский император 181
Марасинова Л. М. 384
Марат Ж.-П., деятель французской буржуазной революции 586
Марджани 362
Мария Ильинична, царица 252
Мария Копнина, землевладелица 458, 459
Марк, святой 463
Марк-Вайнер Т. 222
Маркова Г. А. 230
Маркс К., основоположник научного коммунизма 415, 538, 587
Маркушевич А. И. 253
Марс, бог войны в древнеримской мифологии 538, 591
Мартынов В. В. 37, 93, 99
Мартынова М. В. 141, 188
Марчуков А. В. 74
Марьянович-Душанич С. *см.* Марјановић-Душанић С.
Масси Роберт К. 140, 502
Матвей, митрополит Казанский 354
Матвиенко В. И. 15
Махно Н. И., анархист 560
Мацевияч (Мациевич) Арсений, митрополит Ростовский и Ярославский 260
Мащенко И. Ю., украинский историк 34, 80
Медведев Сильвестр 252
Медведев И. П. 136, 137, 139
Медоуз К. 21, 574
Медушевский А. Н. 14, 17, 74, 607, 608
Мейерберг А., путешественник 228
Мейчик Д. М. 376, 393
Мелик-Пашаев А. Ш., дирижер 571
Мельникова А. С., нумизмат, докт. ист. наук 230, 299, 462, 585, 623
Мельникова Е. А., докт. ист. наук 36, 76, 77
Менандр Протектор, историк 379
Менгли-Гирей, крымский царь 325, 467
Мендельсон Ф., композитор 548
Меншиков А. Д., светлейший князь 313
Мережковский Д. С. 531, 532
Меркурий, бог торговли в древнеримской мифологии 529, 542, 589
Меровинги, династия 171, 422—424, 440
Мессерер В. 433
Метлицкий Б. Г. 575, 598
Метман И. 412
Мефодий Патарский 116
Миллер А. И. 11, 12, 23, 24
Миллер Г. Ф., историк 326
Милов Л. В. 380, 381, 383
Милюков И., ученик живописца 318
Минаев Б., биограф Б. Н. Ельцина 612, 613, 619, 625—627
Минин Кузьма, посадский 398
Миних Б. К., граф 262, 313, 317, 363
Мировский Иван, живописец 305
Мисюров Д. А., политолог 627, 628
Митра, языческий бог 37, 99
Митрохин Д. И., художник 539, 590
Митурич П. В., художник 596
Михаил Андреевич, князь верейский и белозерский 458—460
Михаил архангел, святой 168, 170, 257, 493
Михаил Борисович, великий князь Тверской 459
Михаил Малеин, святой 332
Михаил Федорович (Романов), царь 28, 66, 140, 155, 157, 235, 253, 293, 295, 301, 305, 336, 354, 356
Михаил Черниговский, великий князь, святой 185
Михаил Шишман, болгарский царь 68
Михаил Яковлевич, вотчинник 458

Михаил VIII, Палеолог, византийский император 168, 431
Михаил-воин, святой 223
Михайлов В. А. 475
Михайлов С. П. 522
Михайлова И. Б. 130
Михайлова Р. Ф. 149
Михалков С. В., поэт 562, 563, 565, 568—572, 629
Мишель Луиза, участница Парижской Коммуны 581
Миятев Кр. 53, 59, 212
Мнева Н. Е. 240, 241, 243, 250, 256, 349
Молдован А. М. 100, 178
Молотов В. М., советский политический и государственный деятель 568
Молчанов А. А. 35, 36, 78, 81
Морис-Георгица Г. 200, 573, 607
Морозов В. В. 159, 160, 349
Морозов В. П., казанский воевода 354, 356
Моронь А., социал-демократ 533
Мосальский-Рубец В. М., князь 400
Мотыль А. 60, 105, 113
Мстислав Владимирович, великий князь Киевский 257, 380, 391
Мстислав Изяславич, великий князь 173
Мурадели В. И., композитор 568
Муре Конрад фон 408
Мурманская Г, читательница «Советской России» 614
Муртузалиев С. И. 171
Мусикийский М., живописный мастер 322
Мусоргский М. П., композитор 623
Муссолини 529
Мухамадиев Р., народный депутат РСФРС 623
Мухаммед-Эмин, хан 479
Муханов П. А. 390
Мушмов Н. 164
Мыльников А. С. 61, 62, 114, 122, 132—134, 141, 184, 185, 309
Мысливец Й. 217, 468
Мэн-да бэй-лу 370

Навин Иисус, библейский полководец 492, 493
Наполеон I Бонапарт 153,546, 547, 555
Наполеон III, французский император 153
Нарбут Г. И. 203, 539, 541
Нарский И. В., историк 580
Настасе Д., румынский историк 67
Неволин К. А. 376, 393
Нейман М. 541
Некрасов А. И. 256
Нелепец, социал-демократ 533
Неманичи, сербская династия 158, 169, 170
Нептун, бог морей и потоков в древнеримской мифологии 260
Нестор, летописец 414
Нечаев Яков, живописец 322
Нивинский И. И., художник 590
Никитин К. 556
Николаев Н. Г. 497, 499, 509, 510
Николаев Р. 339
Николаева Т. В. 187, 189, 190, 227, 290, 469
Николай Мирликийский (Чудотворец), святой 227
Николай Мистик, патриарх 163
Николай I, российский император 495, 545, 547, 548, 554
Николай II, российский император 487, 499, 500, 510, 539, 543, 556, 557, 578, 620, 622
Никонов В. А. 475, 627, 628
Ниче П. *см.* Nitsche P.
Новиков А. Г., композитор 565, 567
Новиков В. С. 207, 208
Новиков Ник. 390
Новосельцев А. П., советский историк, чл.-корр. РАН 39, 67, 92—94, 97, 100, 101, 177
Норретрандерс Б. *см.* Norretranders B.

Ньюберри П. Е. 416

Овидий, поэт 541, 588, 590
Овчаров Д., болгарский ученый 87, 88
Один (Вотан, Водан), верховный бог в германо-скандинавской мифологии 38, 68, 104, 176, 367
Одоевский, князь 307
Ожегов С. 105
Окольский Ш. 252, 3087
Олеарий А. 350
Олег Святославич (Гориславич), князь черниговский 101
Олег Иванович, великий князь Рязанский 391
Олег, русский князь 39, 92, 100
Ольга (Вольга), русская княгиня 62, 81, 82, 135
Онзорге В. 429, 433, 434
Оранские, династия 489
Оранский (Вильгельм I), принц Нассау-Оранский 488
Орешников А. В., нумизмат 77, 78, 179, 206, 228, 229, 389, 400, 407, 458
Орлов А. С. 244, 402
Орлов Р. С. 39, 92, 101
Орловы-Давыдовы, князья 324
Орнистотелес (Ридольфо Фьораванти дельи Альберти Аристотель) 463
Орфей, певец 541, 590
Осипов Д. П., архитектор 590
Ослон А. А. 612, 617
Острецов В. М. 530
Острогорский Г. А., известный византинист 119, 160, 161
Оттон Фрайзингский, епископ-хронист 112, 116
Оттон I, император Священной Римской империи 66, 108, 109, 112, 115, 151, 161, 433
Оттон II, император Священной Римской империи 108, 171, 424
Оттон III, император Священной Римской империи 109, 156, 433, 434
Оттоны, династии императоров Священной Римской империи 130
Оффенштадт Н. 20

Павел I, российский император 326, 327, 496, 508
Павел, апостол 145, 264, 383
Павленко Н. И., историк 505, 511
Павлов А. 147, 380, 386
Павлов-Сильванский Н. П. 148, 450
Пален С. фон, граф, белоэмигрант 517
Палеолог Дмитрий 289, 290
Палеологи, династия 53, 170, 172, 212, 290, 431, 432, 472
Парамонова М. Ю. 149
Парамша, русский мастер ювелирного дела 32, 145—147, 189, 198
Парис М. 111
Парте Кэтлин, американский профессор филологии и истории 13
Пастернак О., украинский историк 77
Пастуро (Pastouro) М., крупнейший французский геральдист 34, 80, 209
Пашков А. М. 325
Пашуто В. Т., историк 102, 148, 375, 410
Пеленски Дж. *см.* Pelenski J.
Перун, бог-громовержец в славянской мифологии 37, 99, 104
Петерсон А. П. 547
Петерсон Ю. *см.* Petersohn J
Петр Райко (Раик), мастер серебряного дела 290, 469
Петр I Алексеевич, российский император 25, 56, 64, 132, 138—141, 155, 159, 198, 230, 231, 253, 258—260, 265, 288, 299, 309—314, 325, 337, 351, 362, 363, 385, 390, 401, 450, 488, 489, 492, 494, 496, 498, 502—508, 511—514, 516, 522, 544, 550, 576, 577, 580, 620
Петр I, болгарский царь 164, 165

Петр II Делян, болгарский царь 166
Петр, апостол 107, 145, 171, 173
Петрасанкта С. *см.* Petrasanta S.
Петрашенко В. А. 94, 95
Петренко Е. С. 612, 617
Петров А. П., композитор 622
Петрова П., болгарская исследовательница 87, 87, 98
Петрулев Я. Ю., главный живописец Геральдмейстерской конторы 322
Петрухин В. Я. 93, 101, 179
Пех З. 154, 174
Пильёмов (Сабуров) Андрей Федорович, вотчинник 460
Пильёмов (Сабуров) Василий Федорович, вотчинник 460
Пильёмов (Сабуров) Степан Федорович, вотчинник 460
Пипин Короткий, французский король 107, 161, 424
Пирлинг О. 184
Пискатор Н.-И., голландский издатель и гравёр 250, 306
Пихоя Р. Г. 622—624
Пихоя Л. Г., член кремлевской администрации Б. Н. Ельцина 624
Платонов С. Ф. 406
Плетнева С. А. 93, 94
Плюханова М. Б. 132, 190, 194, 359—361, 477, 480
По М. *см.* Рое М.
Победоносцев К. П. 534
Подвойский Н. И., председатель петроградского ВРК 537, 538, 540, 578, 579, 591, 592
Подобедова О. И. 240—242, 297, 298, 348, 349
Пожарский Дмитрий Михайлович, князь 398, 399, 490, 492, 584
Поздняков В. В., белоэмигрант 521
Покровский Н. В. 219
Поленов Ф. Д., народный депутат 614
Полонский Вяч. 541, 590
Полосин В. С. 20, 105
Полоцкий Симеон, автор поэмы «Орел Российский» 205, 252, 616
Полторанин М. Н., журналист и политический деятель, сторонник Б. Н. Ельцина 625, 627
Полубояринова М. Д. 84
Полянский Н. А., военный комиссар 591
Попов А. 53, 59, 212
Попов В. А. 148
Поппе А., польский ученый 67, 179, 180
Поппель Николай, посол 123, 198
Порфиридов Н. Г. 220, 236, 237, 243, 248
Поссевин Антоний 398
Постникова-Лосева М. М. 250, 251, 256, 363
Посьет К., адмирал 498
Потемкин Г. А., светлейший князь 327
Потин Всеволод Михайлович, выдающийся советский нумизмат, специалист по отечественной истории 9, 67, 86, 176, 462, 463
Потье Эжен, французский поэт 559, 563
Похлебкин В. В., историк 47, 58, 529, 536, 591, 601, 606, 624
Поцелуев В. А. 529, 576, 594
Преображенский А. А., историк 511
Преображенский А. В. 546
Пржемысл Отакар I, чешский король 175
Пржемысловичи, династия 174, 175
Привалова Е. Л. 216, 220, 222
Принтц фон Бухау Д. 467
Прицак О. 95
Прозоровский Д. 393
Прокопий, великоустюжский святой 43
Прокопович Ф. 141, 258, 310
Прокофьев С. С., композитор 562, 568
Прометей, один из титанов в древнегреческой мифологии 541, 590
Пропп В. Я. 216, 219, 223
Прус 31, 133, 185, 358, 480

Псевдо-Кодин, византийский писатель XV в. 170
Пуни И. А., художник 596
Пунин Н. Н. 536, 542
Путин В. В., президент РФ 15, 49, 474, 523, 610, 611, 627—629
Пушкин А. С., поэт 496, 509, 547, 548, 556, 584, 621
Пятницкий П. П. 58, 66, 157, 172

Рабинович А. С. 564
Рабинович М. Г. 187
Ралев Дмитрий, посол 460
Рамазанова Н. В. 547, 548, 556
Рапов О. М., советский историк 35, 77
Рапопорт А. 577
Раскин Д. 500
Расмуссон Нильс Людвиг 156
Распутин В., писатель 619
Рассадин С. Е. 204, 208
Рахманинов С. В., композитор 546
Редин Е. К. 250
Редлих О. 420, 440, 441, 445
Рейган Р., Президент США 60, 113
Рейснейр М. А., секретарь Наркомата юстиции 595
Репин И. Е., художник 557
Ресслер В., белоэмигрант 517
Рид Дж., писатель 558
Римский-Корсаков Н. А., композитор 557, 571
Рипа Ч. 250, 252, 306
Ричард де Бери, английский епископ 112
Рише П. 107, 108
Робер де Клари, рыцарь 145, 146, 161
Робеспьер М., деятель Французской буржуазной революции 586
Родзевич А. Н., капитан РОА 519
Родзевич Ф. И. 389
Родионов Б. 613, 624
Рожер Сицилийский, король 426
Розанов А. 557
Розенберг, министр Восточных областей в фашистской Германии 519
Роман I Лакапин, византийский император 124
Романов Б. А. 379
Романовы, царская династия 62, 66, 141, 339, 475, 487
Ростовцев М. И. 427
Руднев Л. В. 536, 588, 601
Рудольф II, император Священной Российской империи 118, 140, 155, 157
Руже де Лиль К.-Ж., французский композитор и поэт 558
Руффо Марко 332
Рыбаков Б. А., академик 29, 37, 78, 82, 95, 99, 179, 402
Рыльский М. Ф., поэт 562, 563
Рындина А. В. 220
Рыстенко А. В. 215, 217, 223, 224, 364, 467
Рычков П. И. 362
Рюль Л. 481
Рюрик, князь 31, 82, 97, 133, 184, 358
Рюриковичи, династия русских князей 34—36, 38, 55, 62, 67—69, 73, 75—78, 80, 80—82, 86, 91, 98, 100—102, 104, 133, 148, 176, 177, 179, 180, 476

Сааведра Факсардо Д. де (Дидак Саведра Факсадр) *см.* Saavedra Fajardo Diego de
Саар Г. Л. 401
Савва В. И. 180, 182, 184, 185, 194, 210, 480
Савваитов П.173, 175, 176, 188
Савелов М. Ф. 541
Савицкий Г. К., художник 588
Садиков Л. А. 399, 401
Саин Болгарский, ордынский хан 238
Салмина М. А. 181
Самойлов Н. Б., дворянин 319
Самоквасов Д. Я., архивист, археолог 500
Самушкина Е. В. 11

Санти (Салтий, Сантий) Ф., граф, товарищ (помощник) герольдмейсера 230, 262—264, 285, 306, 312—321, 325, 337, 351, 352
Сарабьянов В. Д. 77
Сатаров Г., член кремлевской администрации Б. Н. Ельцина 624
Сахаров А. Н., советский историк, член-корр. РАН 9, 17, 57, 58, 61—63, 114, 134, 135, 545, 606
Сахаров И. К., сын Сахарова К. В. 517
Сахаров И. П. 44, 219
Сахаров К. В., царский генерал 517
Свердлов М. Б. 406
Свердлов Я. М. 502, 507, 516, 584, 595
Светлов М. А., поэт 562
Свирин А. Н. 249, 301
Святополк Владимирович (Окаянный), князь киевский 75, 174
Святослав Ярославич, князь черниговский, великий князь Киевский 67, 68, 101, 104, 174, 187
Святослав I Игоревич, князь киевский 81, 95, 97, 98, 178, 397, 490, 580
Седов В. В., советский археолог, академик 94, 96, 97, 100
Семаго В. В., депутат Государственной Думы 203, 613
Семенович Н. Н. 503, 522
Семенченко Г. В. 381, 382, 385, 386, 406
Сендерович С. Я. 467
Сенявский А. С. 9, 17
Серафим, митрополит русской православной церкви в Берлине 521
Сергий (Спасский), архиепископ 214
Сергий Радонежский, святой 30, 146
Серебренников Н. В. 547
Серебрянский Н. 176
Серков А. И. 532, 537
Сигизмунд I, император Священной Римской империи 110, 111, 116, 209, 347, 473
Сигизмунд I, польский король 172
Сигизмунд III Ваза, король Речи Посполитой 255, 257
Сидихменов В. 369
Сидоренко Г. В. 220
Сидоров А. А. 242, 250—252, 306
Симеон Бекбулатович, татарский хан 361, 482
Симеон Иванович (Гордый), великий князь 181, 191, 451, 457
Симеон Перс, святой 457
Симеон, болгарский царь 126, 163—166
Симон (Чиж), митрополит Московский 123
Симонов К. М., поэт 562, 563
Синицына Н. В. 40, 41, 61—63, 114, 127, 128, 133—135
Сипягин, министр внутренних дел России 534, 547
Сичинский (Січиньский) В., украинский историк 78, 79
Скржинская Е. Ч. 462
Скрынников Р. Г. 122
Смирнов И. Н., президент Приднестровской Молдавской республики 610
Смирнов И. С. 576
Смирнов Я. И. 43, 44, 219, 365, 466
Смирнова Э. С. 220
Снегаров Ив. 163
Снегирев В. Л. 463
Снегирев И. М. 41—44, 228, 335, 466
Соболев Н. Н. 256
Соболева Н. А. 13, 24, 25, 27, 32, 33, 36, 40, 41, 50—52, 54, 58, 59, 67, 69, 70, 86, 123, 141, 170, 176, 192, 193, 195, 200, 202, 206, 210, 220, 228, 229, 235, 236, 288, 292, 295, 299, 307, 310, 317, 333, 345, 346, 348, 358, 367, 378, 379, 388, 389, 392, 432, 451, 464, 465, 467, 471, 511, 512, 516, 529, 544, 576, 581, 582, 584, 591, 606, 620, 622
Соболевский А. И. 180, 256

Соколов А. К. 622
Соколова А. М. 420
Соколова И. М. 32, 157—159
Сокольников М. 579
Солари Пьетро Антонио, резчик 332, 463, 469, 471
Солдатов А. 60, 113
Солженицын А. И., писатель 619
Соловьев А. В. 52, 53, 59, 179, 181, 210, 212, 427
Соловьев Е. Т. 407, 414
Соловьев Н. Ф., профессор музыки 556, 557, 571
Соловьев О. Ф. 213, 532, 578
Соловьев С. М., историк 46, 144, 194, 360, 480, 605
Соловьева О. Л. 149
Соловьев-Седой В. П., композитор 562, 563
Солоневич И. Л., писатель, журналист 610
Сотникова М. П. 35, 90, 91, 174, 226
София, святая 463
Софья (Зоя) Фоминична Палеолог, великая княгиня Московская 42, 43, 46, 52, 69, 122, 183, 193, 209, 210, 359, 463, 466, 477, 605
Сохор А. Н. 564, 565
Спартак 541
Спасский И. Г. 35, 90, 91, 174, 226, 231, 235, 246, 255, 368, 463
Спафарий Николай, переводчик Посольского приказа 309
Спицын А. А.186, 187, 365
Срезневский И. И. 101, 147, 174, 384, 386, 387, 393
Стависский В. И. 38, 91
Стайтс Р. 574, 575
Сталин И. В руководитель Советского государства с 1924 по 1953 гг. 518, 562, 563, 566, 568—570, 572
Станиславский А. Л. 353,354, 356, 483
Степанов Н. 592
Степанова Л. А. 573
Стерлигова И. Л. 145, 146
Стефан Баторий, польский король 185, 346, 480
Стефан Душан, сербский король 164, 169, 170, 191, 451
Стефан Первовенчанный, сербский король 169
Стефан Урош I, сербский король 169
Стефан I Неманя, сербский великий князь 162, 190
Стефан IV, папа римский 161
Стефан Драгутин, сербский король 169
Столярова Л. В. 386
Стрибог(ъ), языческий бог 99
Стригалев А. 540
Строгановы, бароны 306, 318
Стыров В. Д., генерал-майор 566
Суворов А. В., полководец 564, 610
Сумароков А. П., дворянин 319
Сургуладзе И. 220
Суслов, копиист в Герольдии 322
Суханов Л., сподвижник Б. Н. Ельцина 624

Таранис, бог 37, 99
Тарбоков В. М., депутат 623
Татищев В. Н., историк 31, 41, 46, 56, 142, 246, 261, 286, 291, 292, 308, 464, 605
Таубе М. А. 76, 77
Таубе О. 217, 468
Теодорих III, король 422
Терваран Ги де 247
Терехов, руководитель «Союза офицеров» 625
Терновая Л. О., политолог 12, 13
Тешуб, хурритский бог грозы и войны 37, 100
Тиберий, римский император 215, 541
Типольт Н. А. 234, 252, 284
Титов А. К. 389

Тихомиров И. А. 255
Тихомиров М. Н., академик 191, 406, 451
Тихонов Н. С., поэт 562
Тихонюк И. А. 123
Тишков В. А., академик, выдающийся советский этнолог 10, 48, 59, 474—476
Токарев Иван, ученик живописца в Герольдии 322, 323
Толочко П. П., украинский историк, академик 32, 95—97, 188, 197
Толстой Д. А., граф, министр внутренних дел 497, 498, 509
Толстой И. И. 55, 173, 185, 189, 226
Томас Х. 107
Топоров В. Н., лингвист 37, 99
Трёбст Ш. 610
Трепавлов В. В. 475, 477, 480—482
Тресиддер Д. 504, 523, 529
Трифон, игумен 386
Трифон, ювелир 290, 496
Тройницкий С. Н. 238, 255, 327
Тромонин К. Я. 42
Троцкий Л. Д., активный участник Октябрьской революции 591
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, воевода 398
Трубецкой В. С., офицер-кирасир 556
Трузен В. 436
Трутовский В. К., хранитель Оружейной палаты 251, 500, 511
Туманов Г. А., доктор юридических наук 624
Турилов А. А. 222
Туския И. И., композитор 568, 571
Тъпкова-Заимова В. 162, 167

Уваров С. С., министр просвещения 544, 545
Уварова П. С. 229
Узбек, татарский хан 26, 66
Узденников В. В. 206
Уиддис Эмма, преподаватель факультета славистики Кембриджского университета 13, 18
Уколова В. И. 171
Ульфельд Я. 156, 157
Ульянов И. Э. 592
Ульянов Н. И. 62, 113, 116, 117, 119, 210, 465
Ундольский В. М. 384
Уортман Ричард С. 64, 139
Ураносов А. А. 233, 353
Усачев А. С. 40
Усманов М. А. 413
Успенский А. И. 250, 499, 500
Успенский Б. А. 61, 105, 114—116, 132, 140, 141, 182, 184, 359
Успенский Г. 55, 59, 172
Устюгов Н. В. 248
Ухналев Е. И., автор рисунка современного герба России 613, 625
Ухова Т. Б. 464
Ушаков С., живописец, гравер 251
Ушатый Ю. П., казанский воевода 354

Фадеев А. А., писатель 565, 567—569
Фадеев А., живописец Герольдии 328
Фаллерслебен Г. фон, автор слов гимна Германского рейха 546
Фатеев В., руководитель хора 571
Федор Алексеевич, царь 307
Федор Борисович, князь волоцкий (племянник Ивана III) 56, 16, 460
Федор Иванович, царь 66, 157
Федор Стратилат, святой 146, 223
Федор Тирон, святой 223
Федор, боярин 175
Федоров-Давыдов Г. А. 360
Федотов Г. Г. 214
Федякин А. В. 14, 18
Фельгенгауэр П., журналист 624
Феогност, митрополит Киевский 42
Феодосий Печерский, игумен 384

Феодосий, митрополит Московский 459
Феофан Прокопович, архиепископ 141, 310
Феофил, архиепископ 381
Филарет Никитич, патриарх Московский и всея Руси 354
Филарет, архиепископ Черниговский 223
Филатов С., член кремлевской администрации Б. Н. Ельцина 624
Филипп II Македонский 19, 609
Филипп В. 119
Филипп, апостол 145
Филов Б. 213, 472
Филофей, Константинопольский патриарх 145—147
Филофей, монах 41, 61, 63, 113, 114, 116, 117, 122, 125—127, 129—135, 138, 196, 465
Финдейзен Н. Ф., музыковед, издатель 556
Фирсов Н. Н. 20
Флеров В. С. 93, 95
Флерова В. Е. 37, 68, 85, 87, 89, 98, 100, 177
Флоря Б. Н.150
Формозов А. А. 365
Фотиева Л. А., деятель российского революционного движения 594
Фотий, митрополит Киевский 66, 137, 181
Франклин Саймон, профессор славяноведения Кембриджского университета, специалист по истории и культуре Древней Руси 13, 18, 19, 22, 27, 28, 36, 57—59, 95, 96, 98, 179, 186
Френкель Я. А., композитор 563, 564
Фридебург Г. К. 66
Фридрих I Барбаросса (Штауфен) 54, 110, 212
Фридрих II Штауфен, император Священной Римской империи 151
Фридрих III, император Священной Римской империи 55, 123, 182, 198
Фрязин Антонио, строитель 471
Фрязин Марко, строитель 471
Фюрстенберг Вильгельм, магистр Ливонского Ордена 236, 292

Хаким Рафаэль 476
Халиков А. Х. 343, 362, 363
Халикова Е. А. 365
Ханзафаров Н. Г. 364
Харитонов О. В. 591, 592
Харитонович Д. Э. 532
Хаханов А. 220
Хачатурян А. И., композитор 562, 567, 568, 570, 571
Хашка Л.-Л., поэт 546
Хеллманн М. *см.* Hellmann M.
Хентова С. М., музыковед 558
Херасков М. М., писатель 552
Хёш Е. 63, 120
Хитрово Б. М., боярин 251
Хольмстон-Смысловский, офицер вермахта 518
Хомайер Г. Г. 414
Хоффманн И. 518—520, 522
Храпченко М. Б., советский государственный деятель, литературовед 565
Хренников Т., композитор 562, 565, 567
Христофор, мастер-резчик 290, 469
Худяков М. Г. 342, 362, 364
Хурелич Лаврентий (Курелич), герольдмейстер императора Леопольда 303, 308, 309

Цатурова С. К. 152
Цеткин Клара, деятель международного коммунистического движения 594
Цицерон, римский оратор, писатель 541, 590

Чаадаев П. Я. 584
Чайковский П. И., композитор 556
Чегодаева М. А. 590
Черепнин Л. В., известный российский историк, академик 125, 406

Чернавский И. В., художник 318, 319, 322
Чернецкий С. А., композитор, дирижер 564
Чернецов А. В., докт. ист. наук 159, 160, 228, 424, 467
Черниловский З. М. 414
Чернышев Н. М., художник 588
Чеснов Я. В. 366—368
Чехонин С. В. 536, 537, 539, 542, 579, 587, 590, 596, 601, 602
Чешихин В. Б., поэт 557
Чижевский Д. 251, 252
Чизмадиа А. 377
Чингисиды, потомки Чингисхана 64, 65, 358, 359, 481
Чингисхан 360, 370
Чубайс А. 628
Чубарьян А. О. 60, 196
Чубинашвили Г. Н. 220
Чудакова М. О. 531, 576, 578
Чупашкина А. Н. 464

Шамурин Ю. 260
Шандровская В. 227
Шапорин Ю. А., композитор 562
Шарлемань О., художник 28, 539, 540
Шатов М. В. 519
Шафиров Михаил139
Шахматов А. А. 393, 394
Шаховской Д. М. 119
Шая Иван, ханский свойственник 391
Шведова Н. 105
Шевцова Л. Ф., политолог 626
Шевченко Л. В. 577
Шедер Х. 129
Шепард Джонатан *см.* Shepard J.
Шеппинг Д. О. 245
Шервуд Л. В., скульптор 588
Шерешперов И., художник 322
Шестов Н. И. 21, 25, 28
Шестопал Е. Б. 23
Шиллинговский П. А. 536, 601
Шилов А. В. 571
Шифнер А. А. 414
Шишманы, болгарские цари 84
Шкорпил К. В. 85
Шлезингер, музыкальная фирма 557
Шлюмберже Г. 427
Шопен Ф., композитор, пианист 557
Шостакович Д. Д., композитор 562, 568—571
Шпенер Ф. 257, 276
Шпилевский С. 450
Шрайнер П. 162, 167—169
Шрамм П.-Э. *см.* Schramm P.-E.
Штакельберг, барон, начальник придворного оркестра 557
Шталь И. В. 375, 410
Штеенберг С. 517, 519, 521
Штёкль Г. 52, 198, 199, 210, 235, 239, 240, 345—348
Штрик-Штрикфельдт, капитан германской армии 519
Шульгин Н. М. 356, 483
Шуман Р., композитор 548
Шхонебек А. 310, 513

Щапов Я. Н. 67, 179, 180, 381, 386
Щеглова О. А. 94
Щепкин М. С., актер 554
Щербак А. М. 95
Щербаков А. С., советский государственный и партийный деятель 565, 566, 568, 569
Щербатов М. М., князь, герольдмейстер 31, 65, 142, 143, 261, 262, 265, 266, 310, 323—326
Щипачёв С. П., поэт 562

Эвальд В. 412, 417, 418, 420, 432
Эзер И. 608
Эйлер Л., академик 321
Экклесия (символ — Церковь) 129
Эль-Регистан (Уреклян Г. А.), журналист, писатель 562, 563, 565, 568—572

Энгельс Ф. 415
Эндре, венгерский король 374, 410
Эрхард Х. 394, 404
Эфрос А. М. 536, 542

Юзвенко В. Ф., украинский историк 34, 80
Юль Юст, датский посланник 505, 506, 512
Юпитер, верховный бог в древнеримской мифологии 37, 99
Юргенсон П., издатель 551
Юрий Васильевич, князь 147
Юрий Данилович, князь московский 333
Юрий Дмитриевич, князь 459, 471
Юрий Долгорукий, великий князь 120, 227, 334
Юрий Иванович, князь, сын Ивана Васильевича 460, 461
Юрукова Й. 164, 168
Юрьев А. А. 215
Юстиниан I, византийский император 147, 382, 383, 418, 419, 423, 428
Юхан III, шведский король 31, 185, 358, 616
Юшков С. В. 148

Яблонский А. М., дворянин 319
Ягеллоны, династия 153, 154, 347
Языков А. А., дворянин 319
Языков П. Г., дворянин 319
Якимович Б. 78
Якобсон В. А. 105
Яковенко П. А. 427, 431
Яковлев Иван, отводчик 460
Якопо, итальянский мастер-монетчик 463
Якушкин П. И. 219
Яневський Д. Б. (Яневский) 78
Янин В. Л., академик 27, 78, 81, 102, 179, 226, 227, 237, 257, 333, 378, 380, 388, 397, 402, 406, 427, 457
Ярополк (Петр) Изяславич, князь 171
Ярослав Владимирович Мудрый, князь ростовский, новгородский, великий князь Киевский 21, 22, 27, 29, 30, 51, 57, 58, 62, 68, 100, 101, 133—135, 174, 178, 186, 188, 197, 226, 255
Ясинский А. Н. 375, 411, 446, 447
Яхонт О. В. 220

Alef G. 51, 52, 59, 65, 131, 183, 235, 358, 359
Aufhauser J. B. 217

Bak J. M. 153
Bardach J. 445
Battenberg F. 375, 405, 413, 424, 436
Bobryk R. 577

Camerarius J. 254
Chernetsov A. V. *см.* Чернецов А. В.
Classen P. 373, 408
Čyževskyj (Tschiževskij) D. *см.* Чижевский Д.

Deér J. 171
Doblhofer E. 379
Dölger F. 52, 163, 165—167, 209, 426—434, 447
Dumont J. 390
Dworschak F. 430

Ehrhard A. 216
Engel A. 38, 104, 176
Erhard H. A. 394, 404
Ewald W. 373, 404, 408, 410, 411, 416—418, 420, 422, 423, 425, 426, 428, 437, 438, 440, 442—444, 448

Faryno J. 577, 591, 602
Fiala Z. 375, 411, 425, 444, 445, 447
Freeman R. 253

Gatterer J. Ch. 276
Gieysztor A. 154
Goez W. 106

Gonzaga I 471
Goschew I. *см.* Гошев И.
Grabar A. 57, 59, 155, 156
Grierson Ph. 427, 430, 433
Gumowski M. 254, 255, 257, 269, 375, 405, 408

Haisig M. 375, 405, 408
Helcel A. Z. 375, 411
Hellmann M. 52, 63, 119, 120, 155, 210
Henkel A. 253
Hlaváček I. 405, 412
Homeyer G. G. 414
Hösch E. 120
Husár J. 529, 576
Hye F.-H. 54, 59

Ilgen Th. 374, 394, 409, 410, 412, 420, 421, 424, 432, 439, 441—444, 446—448

Jagiellony *см.* Ягеллоны
Jilge W. 79
Jireček H. 375, 411, 420, 442, 445, 447
Johanek P. 373, 374, 408, 409, 413, 424, 445
Jrmscher J. 430

Kämmerer G. von 392
Kämpfer F. 26, 54, 55, 59, 61, 63, 114, 128—130, 133, 134, 138, 159, 168, 173, 174, 181, 185, 186, 210, 424
Karayannopulos J. 426, 429—432
Kašpar J. 405
Keghel I. de 14, 17, 49, 59, 74, 608, 611
Kisseliova L.
Kittel E. 107—109, 374, 378, 404, 407, 410, 412, 414—417, 420, 422, 424, 427, 428, 433—436, 440
Koehne B. de 235, 394
Kolstø P. 15, 49, 506, 523, 609—611, 620
Krumbacher K. 216
Kuczyński S. K. 154, 267, 330, 374, 404, 405, 409
Künstle K.246

Laurent V. 378, 427, 428
Lecoy de la Marche A. 404
Leonhard W. 287
Lesky G. 253, 254
Lojko J. 308

Mâle E. 242, 252
Марјановић-Душанић С. 169, 170, 189
Melly E. 394
Menestrier C. F. 276
Messerer W. 433
Mikucki S. 375, 405, 408
Millet G. 472
Myslivec J. 217

Neubecker O. 505
Nitsche P. 61, 63, 106, 119—122, 210, 465
Norretranders B. 129
Novák J. 255, 269
Nový R. 405, 412

Ohnsorge W. 429, 433, 434
Ostrogorsky G. A. *см.* Острогорский Г. А.

Parisse M. 111
Pastouro M. 34, 81
Pelenski J. 476, 477, 480—482
Petersohn J. 151
Piech L. 153, 154, 347
Piekosiński F. 174
Pietrasanta (Petrasancta) S. 252, 254, 258, 276, 282
Pinoteau H. 152, 153
Poe M. 61, 114
Přemysl II 375, 411

Rabbow A. 504, 523
Réau L. 224
Redlich O. 373, 408, 414, 417, 418, 420, 422, 423, 425, 437, 438, 440—444, 446, 447

Rintchen B. 84
Roman J. 404
Rousset de Missy J. 390
Ruda V. 255

Saavedra Fajardo Diego de 252—254, 258, 310
Saubert J. 251
Ščapov J. N. *см.* Щапов Я. Н.
Schieder Th. 146
Schöne A. 253
Schramm P.-E. 52, 150, 151, 153—157, 159, 171, 210, 424, 433
Schreiner P. 160, 162—169
Schrot M. 254
Schrötter F. E. 231, 470
Seibt W. 427
Serrure R. 38, 104, 176
Seyler G. A. 395, 404, 437, 440
Sfez L. 528, 573
Shepard J. 13, 22, 26—28, 36, 57—59, 96, 98, 179, 186
Sickel Th. 433, 437, 440
Sikloš Andraš 535, 576
Sinicyna N. V. *см.* Синицына Н. В.
Skybová A. 175
Smith W. 505
Sobolewa N. A. *см.* Соболева Н. А.
Solovjev A. V. *см.* Соловьев А. В.
Sotiriou M. G. 472
Spener Ph. J. 255, 257, 276
Stökl G. 70, 193, 194, 199, 235, 236, 238, 240, 345, 347, 348
Suchodolski St. 154

Taube O. F. von 217, 470
Tervarent G. de 247
Tessier G. 412, 422, 423, 433, 434, 436—447
Théocharis Maria S. 181
Thomas H. 106—108
Tornau O. 231
Trusen W. 373, 374, 408, 409, 423, 436, 441, 442, 447

Veglery A. 427, 431
Vernadsky G. *см.* Вернадский Г.
Verpeaux J. 431
Viktoriu ze Všehrd 446
Vodoff W. 180, 181
Vojtišek V. 445

Warne F. 284
Wasilewski T. 67

Zacharie C. E. 382
Zacos G. 431

Научное издание

Надежда Александровна Соболева

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
ЯЗЫКОМ ЗНАКОВ И СИМВОЛОВ
эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии

2-е издание

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор И. Полосухина
Оригинал-макет и художественное оформление
переплета подготовлены И. Богатыревой

Подписано в печать 10.10.2018. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 52. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

ООО «ИТДГК "Гнозис"»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Надежда Александровна Соболева — родилась в г. Вичуга Ивановской обл. Окончила исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по кафедре археологии, аспирантуру — по кафедре истории западных и южных славян. Работала в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея, с 1971 г. и по настоящее время — в Институте российской истории РАН. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН. Специалист в области вспомогательных исторических дисциплин: геральдика, сфрагистика, нумизматика, генеалогия, старая и новейшая символика. Ею опубликовано в нашей стране и за рубежом около четырехсот работ, в том числе несколько монографий: «Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.», «Русские печати», «Старинные гербы российских городов», «Российская государственная символика. История и современность», «Символы России» (в соавт.), «Символы и святыни Российской державы» (в соавт.), «Символы и награды СССР» (в соавт.), «Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета», «История государственной символики России» и др.
В соавторстве со специалистами по фалеристике и медалистике Н. А. Соболевой выпущено несколько методических пособий для школ. Материалы канд. дис. о средневековых чешских монетах изданы в Чехословакии (ЧР). За вклад в развитие чешской нумизматики награждена медалью Густава Скальского. Член-корр. Международной Славянской академии, почетный член отечественных и зарубежных геральдических сообществ, член Двусторонней комиссии историков России и Румынии (РАН и Академии наук Румынии), член Геральдического совета при Президенте Российской Федерации.